

В. Мокрынин

ПО СЛЕДАМ ПРОШЛОГО

Бишкек 2007

Кыргызско-Российский Славянский университет

В. Мокрынин

По следам прошлого.

ИЗБРАННОЕ

**По археологии и истории древнего
и средневекового Кыргызстана**

Бишкек "Илим" 2007

В. Мокрынин. По следам прошлого. Избранное по археологии и истории древнего и средневекового Кыргызстана. Отв. ред. акад. В. Плоских. – Бишкек, "Илим", 2007. 600 с., илл.

**Составитель
проф. В.А. Воропаева**

В избранные научные и научно-популярные работы известного ученого-историка и археолога В.П. Мокрынина вошли его монографии по археологии древних кочевников – саков, усуней, тюрков, по исследованию подводных памятников Иссык-Куля, по истории енисейских кыргызов и этногенезу кыргызского народа.

Особый блок представляют художественные произведения и научно-популярные эссе, опубликованные под всевдонимом Аман Газиев.

Книга завершается (приложением) одним из ответов о полевых исследованиях сакского могильника Джель-Арык.

Издание снабжено иллюстрациями из раскопок В. Мокрынина.

Эпиграф

**Я люблю жизнь...
Но не настолько,
Чтобы бояться смерти.**

Реконструктор древней истории Кыргызстана

Народная мудрость гласит: все люди талантливы – но по-разному и в не равной мере...

Владимир Петрович Мокрынин среди своих сверстников был самым талантливым по мере любить людей и саму жизнь. И об этой своей особенной любви он никогда и никому не говорил... Но, наверное, всегда думал, что все так же как он... Был окружен чьими-то детьми, учениками... И ничего ни от кого не ждал, хотя, кто знает, в душе ждал, что он тоже всем нужен и к нему придут его верные друзья, его коллеги, его ученики...

И все они пришли, а если не пришли, то только потому, что не знали, что вот уже год прошел с того печального дня, как Владимира Петровича нет с нами...

«Я люблю жизнь, но не настолько, чтобы бояться смерти», – говаривал иногда он.

Полвека нас объединяют юность, студенческие годы, общая любовь к Жизни, Природе, Земле и ее Истории.

С юных лет вместе с друзьями он объездил, «прокопал» весь Кыргызстан: Алай, Талас, Ош, Нарын, Чуй, Иссык-Кульскую долину... По следам П. П. Семенова-Тян-Шанского мечтал «поднять» из-под волн Иссык-Куля античные города. Надо сказать, что разгадка археологических тайн Иссык-Куля занимала в его творчестве не только особое место, но, наверное, всю жизнь.

Результаты его научных изысканий и раздумья о культурном наследии страны отражены в удивительно занимательных книгах, написанных Владимиром Петровичем вместе с друзьями по духу и с интересом читаемых любым любознательным человеком. И все они зовут в путешествие в прошлое, к раскрытию тайн древних исторических сокровищ, в города великих путешественников, на берега и под волны Иссык-Куля...

Владимир Петрович говорил: «Люди не читают «толстые и умные книги», написанные сухим научным языком. Поэтому славные события из более чем двухтысячелетней истории кыргызского народа необходимо облекать в художественную форму... Аман Газиев должен быть родиться». И он «родился»: творческий союз трех друзей-одноклассников: Юрий Бородин, Владимир Плоских, Владимир Мокрынин. «Амангазиевский» этап в жизни Владимира Петровича с друзьями дал читателю чудные новеллы: «На берегах Яксарта», «Курманджан-датха – некоронованная царица Алая», «Барс-бег – каган кыргызов», «Пулат-хан», «Таласская битва», «Серебряная камча» и ряд других. «Ни одна из них не залежалась на прилавке. Все ушли «в люди», – с восторгом говаривал Петрович. Уйти книге «в люди» – это было самое главное в характере Владимира Петровича, любящего беспредельно людей и стремящегося разделить с ними все самое интересное.

В.П. Мокрынин волею судьбы вошел в огромный отряд поколения, родившегося за пару-тройку лет до войны, их называют «шестидесятниками». Разумеется, все прошедшие, годы мы не могли, и сегодня все еще не можем жить по меркам молодого, очень делового поколения. Для нас главным всегда были доверие, искренность, добросовестность во взглядах. И непреодолимое стремление к познанию.

Возможно, мы были излишне доверчивы, слишком искренни, но верны Дружбе. При любом политическом режиме умели находить те ценности, которые не позволяли быть «совками». И просто учились, и работали, работали, занимаясь поиском Истины в

Истории. «Мы друзей за ошибки прощали, лишь измены простить не могли...», – часто пропевали мы вполголоса.

А Владимир Петрович, заметив, лукавство в делах или в версии, не переубеждая, говорил печально: «Ну что ты делаешь?!». Сам-то он относился к публикуемым трудам добросовестно, и всегда сомневаясь.

Первую свою археологическую практику Владимир Петрович вместе со своим другом Владимиром Плоских провел в долинах высокогорного Памиро-Алая под руководством замечательного археолога и человека Ю. Д. Баруздина. Изучаемые памятники располагались на такой высоте, что за эдельвейсами, воспетыми романтиками гор, не надо было подниматься на скалы. Они цвели буквально под ногами. Здесь был раскопан первый курган, в котором обнаружили удивительно хорошей сохранности железный кинжал-акинак V–IV вв. до н.э. Потом было много раскопанных памятников. Но даже блеск золота, которое изредка попадалось при раскопках, не мог затмить бурую ржавчину самого дорогого археологу первого трофея.

В. П. Мокрынин всегда считал, что археологические памятники являются надежной основой реконструкции древней и средневековой истории Кыргызстана. Потому, наверное, он с благодарностью подчеркивал не только огромный труд предшественников, но и исследовательскую роль даже случайных «собираателей» древностей, и сознательно подобрал и поместил иллюстрации их находок в своей книге «По следам прошлого», которая, наверное, была самой дорогой для него. Редактором и автором предисловия стал его друг и коллега В. М. Плоских.

Удивительно стройно создана структура книги. Отдавая дань ученым-предшественникам А. Н. Бернштаму, М. П. Грязнову, И. К. Кожомбердиеву и многим другим, Владимир Петрович начинает свое повествование с истоков кочевничества. И здесь он замечает: «...если на территории Киргизии слабо изучены погребения эпохи бронзы, то по количеству найденных кладов, причем довольно богатых, наша республика занимает первое место в среднеазиатском регионе». И далее обозначает девять крупнейших кладов находок, свидетельствующих о высокоразвитом кочевничестве на земле Кыргызстана. Владимир Петрович ведет занимательный, но научно достоверный рассказ о сакских царских курганах, памятниках эпохи «великого переселения», о тюркских следах сыновей волчицы, о каменных изваяниях и древнейшем искусстве мастеров Средней Азии.

А на обложке этой небольшой, на первый взгляд, по объему, но удивительно емкой по содержанию книги – фотография золотого джейранчика, «раскопанного» Владимиром Петровичем на южном берегу Иссык-Куля. Нынешнему, ничему не удивляющемуся поколению молодых трудно представить тот восторг, который переживали в те дни мы все – его друзья. А Петрович только произнес: «Вот это да».

В 1978 г. К. А. Акишев во введении к книге-альбому «Курган Иссык» заметил, что киргизский археолог В. П. Мокрынин обнаружил у с. Барскаун несколько десятков бронзовых бляшек с зооморфными изображениями и остатки бронзовых пластин, из которых они были изготовлены, что свидетельствует о том, «что барскаунские художественные изделия изготовлены на месте, а не привезены извне. Художественные образы, стиль и техника исполнения изделий повторяют некоторые типы иссыкских украшений. Находка из Барскауна укрепила наше мнение, что иссыкские предметы, выполненные в «зверином стиле», изготовлены местными сакскими мастерами, а не являются импортом из переднеазиатских центров».

Этот вывод имел значение научного исторического открытия, а для Владимира Петровича – подтверждение правильности избранного им научного пути.

Светлой памяти П. Н. Кожемяко был посвящен сборник «Кетмень-Тюбе. Археология. История». Среди авторов – участников многолетних работ в зоне затопления Токтогульской. ГЭС и Киргизской комплексной археологической экспедиции Института истории Академии наук видное место занимает и В. П. Мокрынин. И здесь он приглашает

в путешествие к памятникам тюркского времени и раннекочевническим курганам в урочище Теке-Таш.

Через два года, в 1979 г., Киргизское республиканское общество охраны памятников истории и культуры издает очередное исследование В. П. Мокрынина «Каменные изваяния – памятники древних тюрков». Владимир Петрович приходит к выводу о том, что «каменные изваяния древних тюрков раннего средневековья являются важным археологическим источником при изучении происхождения идеологии кыргызского народа, как составной части тюркских народов...».

Учебник «История Кыргызстана» для учеников 8–9 классов, подготовленный Владимиром Петровичем вместе с В. М. Плоских, и сегодня пользуется особой популярностью. Он был издан в 1995 г. на русском и кыргызском языках. В обращении к учащимся, подчеркивая значение исторической науки, авторы заметили, как трудно историкам восстанавливать историческое прошлое, как буквально по крохам приходится историкам собирать сведения, поскольку они рассеяны в различных источниках. И первыми из источников обозначены археологические: «Вглядитесь внимательно в окрестности своих сел и городов, и вы обязательно откроете следы деятельности людей минувших поколений», – призывают авторы учебника.

Действительно, необходимо обязательно внимательно взглядеться, и только после этого начинаются открытия.

Годом раньше, в 1994 г., студенты и преподаватели вузов получили поистине замечательный курс лекций, читаемых и изданных в КРСУ – «Введение в историю кыргызской государственности». В. П. Мокрынин – один из авторов этого курса лекций. В нем впервые довольно четко изложены по существу основные этапы истории кыргызской государственности, начиная с древнейших государств на Тянь-Шане и заканчивая становлением кыргызской суверенной государственности, в том числе и ее внешнеполитической стратегии.

В этот год В. П. Мокрынин с друзьями-коллегами Т. К. Койчуевым, В. М. Плоских, А. А. Брудным, Д. Джунушалиевым и другими был удостоен Государственной премии в области науки и техники Кыргызской Республики.

Владимир Петрович очень хорошо знал культуру кыргызского народа. И не только знал – был привержен ей и с огромным удовольствием делился знаниями об обычаях, традициях и т.д.

В Таласе Токтобек Рыскулов – ученик В.М. Плоских – пригласил нас в дом своих родителей. Разумеется, прием происходил на самом высоком уровне. На другой день мы с Владимиром Петровичем отправились на местный базар и мне захотелось купить какой-то подарок родителям Токтобека. Посоветовалась с Владимиром Петровичем. Он показал на великолепные деревянные блюда и сказал: «Купи вот это блюдо! Кыргызцы не только любят дерево, но и почитают его...».

В тот же день на обеденном столе подаренное блюдо стояло, наполненное душистыми, золотистыми лепешками. И ощутился особенно остро аромат гостеприимного дома...

Он всю жизнь с огромным интересом и юношеским задором работал с молодежью в школе и в вузе (в том числе 5 лет в КРСУ), в экспедициях на конференциях, всегда был окружен детьми и друзьями.

И всем – школьникам и студентам, любившим слушать его чудные рассказы, и коллегам, обсуждающим новые артефакты, Владимир Петрович не устал повторять: «Понимаете, занимательность, хороший литературный язык, интересные повороты сюжета обязательны, но не за счет реальных фактов...». Таким он и вошел в историю – реконструктор истории древнего Кыргызстана.

В. Воропаева

ПО СЛЕДАМ ПРОШЛОГО **(Научно-популярный очерк)**

Предлагаемую читателю книгу написал археолог, кандидат исторических наук, автор многих специальных научных работ. В популярном жанре он выступает впервые. Материалом для книги послужили собственные многолетние археологические поиски автора практически на всей территории Киргизии, а также труды киргизских археологов.

Мы вместе начинали свою археологическую практику в долинах высокогорного Памиро-Алая под руководством замечательного археолога и человека Ю. Д. Баруздина. Изучаемые нами памятники располагались на такой высоте, что за эдельвейсами, воспетыми романтиками гор, не надо было подниматься на скалы. Они цвели у нас под ногами. Здесь мы раскопали свой первый курган, в котором нашли удивительно хорошей сохранности железный кинжал-акинак (V–IV вв. до н. э.). Потом было много раскопанных памятников, но даже блеск курганного золота, которое иногда попадалось, не может затмить бурую ржавчину самого памятного археологу первого трофея.

У археологических памятников есть два неоспоримых преимущества перед любыми историческими сочинениями. Во-первых, они всегда объективны. Даже самый беспристрастный древний историк подбирал и излагал только те факты, которые, согласно своему убеждению, считал достоверными. Уже в силу этого его сочинение не было лишено элементов субъективизма. Нет нужды напоминать о субъективизме конъюнктурных сочинений профессиональных придворных историографов, которые всегда были обязаны писать официальную историю. Во-вторых, археологические памятники отличаются массовостью, чего нельзя сказать о древних исторических сочинениях. Практическая неограниченность археологических источников вселяет надежду, что со временем будет накоплен такой материал, при помощи которого можно будет успешно решить едва ли не любую спорную историческую проблему древности.

Итак, надежной основой реконструкции древней и средневековой истории Киргизии являются археологические памятники. Они воплотили в себе величие труда и таланта многих поколений простых тружеников на протяжении тысячелетий, их героическое и культурное прошлое, в них заключена частичка исторического достоинства наших предков, а следовательно, и нас самих. В сочетании с письменными источниками они позволяют исторически достоверно проследить этапы развития культуры киргизского народа. Поэтому охрана и эффективное использование памятников истории и культуры, рождающих благородные чувства гордости за родную землю, помогающих идейному, нравственному, патриотическому, интернациональному и эстетическому воспитанию масс, является конституционным долгом всех граждан нашей страны.

Изучением археологических памятников кочевников в республике начали серьезно заниматься лишь в советское время. Основу древнего кочевниковедения еще в конце 20-х и в 30-е годы нашего столетия заложили крупные ленинградские ученые А. Н. Бернштам и М. П. Грязнов. В настоящее время их дело продолжают киргизские археологи И. К. Кожомбердиев, Д. Ф. Винник, В. П. Мокрынин, А. К. Абетеков, К. Ташбаева, Б. Аманбаева, О. Береналиев и др. Результаты этих трудов, опубликованные в специальных изданиях, малодоступны массовому читателю, да и их предназначение – другое.

В этой работе предпринята попытка популярного изложения наиболее общих результатов исследования культуры кочевников Киргизии по данным археологии. Поставленные задачи определили форму и содержание книги. Речь в ней идет не столько о курганах и предметах, найденных при раскопках курганов, сколько об отдельных периодах развития кочевого общества в древности и средневековье с его спецификой и общими закономерностями. Чтобы с благодарностью подчеркнуть роль советских тружеников в деле охраны памятников, в книге сознательно подобраны, в основном, только те иллюстрации, которые отражают случайные находки, сделанные колхозниками, строителями, бульдозеристами и переданные в руки ученых.

Книга В. П. Мокрынина безусловно будет с интересом встречена самым широким кругом читателей. Она сыграет положительную роль в деле популяризации и охраны памятников археологии республики.

Член-корреспондент АН Киргизской ССР доктор исторических наук
В. ПЛОСКИХ

Глава I. У ИСТОКОВ КОЧЕВНИЧЕСТВА

«Дикий» воин и охотник довольствовался
в доме вторым местом после женщины.
«Более кроткий» пастух, кичась своим
богатством, выдвинулся на первое место,
а женщину оттеснил на второе место...
Ф. Энгельс

Во втором – начале первого тысячелетия до н. э. обширные пространства Приуралья, Сибири, Казахстана и частично Средней Азии были населены родственными племенами с яркой и самобытной культурой, получившей название «андроновской» (по месту находки первого памятника у с. Андронов близ Ачинска). В настоящее время довольно хорошо изучены процессы развития и упадка общества эпохи бронзы, его общественная организация, идеология и другие явления, связанные с поступательным движением истории. Было установлено, что эпоха бронзы являлась периодом разложения первобытнообщинного строя. Хозяйство было комплексным: земледелие, скотоводство, металлургия. Последняя отрасль получила довольно значительное развитие и превратилась в ремесло. В расовом отношении андроновцы были европеоиды. Во главе семьи стоял мужчина, однако женщина занимала также довольно высокое положение. Существовал культ огня, жители поклонялись солнцу, верили в загробную жизнь, обожествляли предков. Конец эпохи бронзы был ознаменован тем, что по всей степной полосе Евразии, включая территорию Киргизии, возникло кочевое скотоводство.

Все эти наиболее общие сведения фокусировались исследователями из различных по своему характеру и значимости археологических материалов. Ученые по крупицам собирали их на протяжении многих десятилетий. Свою лепту в этот общий труд внесли и археологи Киргизии.

Основные виды археологических памятников андроновской культурной общности на территории республики представлены погребениями, поселениями и кладами. Условно они разделены на три последовательно меняющих друг друга этапа: ранний, развитой и поздний.

Могильники эпохи бронзы изучены еще крайне недостаточно. На территории республики археологи открыли погребения только раннего и развитого этапа эпохи бронзы.

Для раннего этапа известно лишь одно погребение, открытое в окрестностях г. Фрунзе. Размеры надмогильного сооружения и формы его невыяснены. Скелет находился в скорченном положении, на левом боку, головой на запад. Погребальный инвентарь представлен сосудом, орнаментированным треугольниками и меандрами, нанесенными гребенчатым штампом, бронзовыми бусами с замкнутыми сужающимися концами и створкой раковины. Погребение датируется XVIII–XVI вв. до н. э. Оно имеет много общих черт с погребениями, открытыми в степях Центрального Казахстана и Южного Урала. В то время человек только начал осваивать металл.

Из сказанного можно сделать вывод, что территория Северной Киргизии в начале XVIII в. до н. э. была заселена слабо, население было связано с племенами, обитавшими в степях Казахстана и в Южном Приуралье. Не исключено, что территорию Средней Азии посещали представители более северных племен раннего этапа бронзы в торговых целях и в результате военных походов. Как предполагают ученые, эти северные племена доходили до Бухарского оазиса, где обнаружено второе в Средней Азии погребение раннего этапа эпохи степной бронзы.

Развитой этап эпохи бронзы датируется XV–XII вв. до н. э. Могильники этого времени изучались в Центральном Тянь-Шане, Таласской и Чуйской долинах, в Кетмень-Тюбе. Первые захоронения этого периода открыл А. Н. Бернштам в 1944–1945 гг. В

долине р. Арпа, расположенной на высоте 2800 м, он раскопал 6 погребений. По конструкции надмогильного сооружения их можно разделить на два типа: 1 – каменные оградки прямоугольной формы, слегка возвышавшиеся над поверхностью; 2 – такие же оградки и оградки из двух концентрированных прямоугольников, скрытые небольшой насыпью. Внутри оградок на дневной поверхности обнаружены зольные пятна и найдены кальцинированные кости, два типичных по форме и богатому орнаменту сосуда, несколько шаровидных, неорнаментированных сосудов, бронзовые браслеты и пронизки.

Все эти погребения содержат ряд общих признаков: они совершены в подпрямоугольных или округлых оградах, которые смыкаясь, составляют «коридоры», разделенные на отсеки. У многих оград имеются пристройки. В центре каждого отсека, или отдельной ограды – большая прямоугольная или овальная грунтовая яма. Стенки ее укреплены камнями, реже обмазаны глиной. Прослежены случаи забутовки ям щебнем. Зафиксированы обряды трупосожжения и трупоположения. Трупоположение было скорченным. В могильниках Таласа и Кетмень-Тюбе преобладало трупосожжение (до 80%), в Чуйской долине и Центральном Тянь-Шане отмечено пока только трупосожжение.

Инвентарь представлен керамикой, серебряными и бронзовыми серьгами с раструбом, массивными выпукло-вогнутыми несомкнутыми браслетами, коваными и литыми бляшками, бусами. Обнаружены обломок одно-лезвийного ножа и игла с ушком.

Сопоставляя данные по всем могильникам Семиречья (к северокиргизским примыкают еще сходные по культуре южноказахстанские погребения), исследователи пришли к выводу, что эти памятники можно объединить в семиреченский или северокиргизский локальный вариант культуры эпохи развитой бронзы. В то же время подчеркивается сходство указанных памятников с могильниками Ферганской долины.

Следы поселений эпохи бронзы открыл А. Н. Бернштам во время сооружения Большого Чуйского Канала (БЧК). Севернее Каинды в заболоченной местности на останцах археологи нашли небольшие фрагменты керамики, зернотерки и мотыги из камня, зольные пятна с угольками. Находки были малочисленны, четко выраженный культурный слой не отмечен. Все это говорит о недолговечности северокиргизских поселений эпохи бронзы. Археологи сделали важный вывод: такие поселения – стоянки могли принадлежать пастухам-скотоводам, совершавшим сезонные перекочевки.

Единственное жилище эпохи бронзы в Киргизии было случайно открыто в 1967 г. на территории нового райцентра Токтогул. Рабочий копал шурф и вдруг на глубине 1,5 м заметил следы золы, древесные угольки и обломки керамики. Руководивший земляными работами инженер В. Я. Зайцев счел своим долгом передать эти материалы археологам АН республики. На следующий год совместно с И. К. Кожомбердиевым мы разыскали шурф, осмотрели его стенки и пришли к единому мнению: это ничто иное как поселение. Здесь был заложен раскоп, который в 1969 г. продолжила Н. Г. Галочкина.

Что же представляло собой кетменьтюбинское жилище эпохи бронзы? Это была подпрямоугольная полуземлянка, врытая в грунт примерно на один метр от дневной поверхности. Площадь ее составляла 70 кв. м. Внутренние перегородки не прослеживаются. Каркасы перекрытия и верхней части стен были сделаны из тонких жердей, обгоревшие остатки которых были расчищены на полу землянки. В северо-западном ее углу находилась «кухня». Здесь были обнаружены следы очага и довольно крупные сосуды, всего около пятнадцати. Часть их по шейке и плечикам орнаментированы полулунными сдавливаниями или «елочками». Рядом с жилищем в куче камней найден обломок зернотерки. Судя по толщине культурного слоя (30–40 см), полуземлянка долго служила людям.

Если на территории Киргизии слабо изучены погребения и поселения эпохи бронзы, то по количеству найденных кладов, причем довольно богатых, наша республика занимает первое место в среднеазиатском регионе. Только на сравнительно небольшом пространстве (от с. Садовое на западе до г. Пржевальска на востоке) найдено их девять.

Первые три были обнаружены еще в конце прошлого века на Иссык-Куле. Они хранятся в Государственном историческом музее антропологии МГУ в Москве.

1. Тюпский клад из четырех предметов. Найден в 1884 г. на берегу Тюпского залива. Он был передан Н. Н. Пантусовым в Археологическую комиссию. Хранится в Государственном историческом музее.

2. Каракольский-I клад. Найден в том же году около Пржевальска. В кладе было четыре предмета.

3. Преображенский клад из семи предметов. Найден в конце XIX в. у с. Преображенское (ныне с. Тюп).

Два последних клада собрал профессор Н. В. Сорокин и передал в Музей антропологии при МГУ.

4. Первый крупный клад найден в 1938 г. на правом берегу р. Сокулук у одноименного села при строительстве моста. Клад содержал семнадцать предметов. В науку вошел как Сокулукский-I клад.

5. Сокулукский-II клад найден в 1958 г. при зачистке откосов распределителя оросительной системы на землях колхоза «Дружба». Насчитывал пятнадцать совершенно одинаковых серпов.

6. В 1953 г. был найден клад из шестнадцати предметов близ с. Садовое.

7. Изумительной сохранности и красоты пять кинжалов с наконечниками в виде фигурок животных составили Каракольский-II клад. Найден в 1966 г. в Пржевальске.

Эти ценнейшие клады, кроме первых трех, хранятся в Республиканском историческом музее в г. Фрунзе.

В последние годы найдено еще два клада эпохи бронзы. Оба хранятся в фондах Института истории АН Киргизской ССР.

8. Шамшинский клад. О нем подробно будет рассказано ниже.

9. Туюкский клад из десяти предметов. Найден в с. Туюк Иссык-Атинского района в 1977 г.

Большинство кладов включали самые различные предметы, в основном, орудия труда. Они могли принадлежать большой семье. Выделяются Сокулукский-II и Каракольский-II клады, содержащие только одинаковые предметы. Такие клады в науке принято называть торговыми или ремесленными. Большое число орудий одного функционального назначения свидетельствует о их производстве для обмена.

История шамшинского клада. Что было известно ученым о металлургии эпохи степной бронзы в Киргизии? Не так уж много. Химические анализы показали, что рудокопы добывали сырье на различных месторождениях. Одно из них находилось на р. Узун-Ахмат (Кетмень-Тюбе). Уже в то время добывали и плавил медь, олово, мышьяк, свинец, сурьму, золото, серебро. Для добычи руды использовали каменные и бронзовые орудия. Некоторые орудия, судя по находке литейной формы, могли отливаться на месте.

Настоящей энциклопедией по истории древней металлургии Киргизстана стал уникальный шамшинский клад, историческое значение которого выходит далеко за пределы нашей республики.

Все началось с того, что колхозник Тынайбек Джапаров, житель с. Шамши Кочкорского района Нарынс-кой области, копал арык на приусадебном участке. На глубине 30–40 см лопата выбросила на поверхность предмет, покрытый ядовито-зеленым цветом окиси меди.

Тынайбек расширил яму и... сделал открытие самого богатого клада эпохи степной бронзы на территории СССР. Здесь компактной группой в прекрасной сохранности лежало 27 предметов из бронзы: два топора, молоток, два долота, два теса, три серпакосаря, копье, бритва, нож, четыре зеркала, четыре бляхи, два кольца, шило, рыболовный крючок, булава с ажурным наконечником, слиток металла. Тынайбек показал находку преподавателю истории Гульсун Бердалиевой, которая сообщила о ней в Институт

истории АН Киргизской ССР. Археолог И. Кожомбердиев выехал на место находки и установил, что там не было других следов деятельности человека. Значит клад.

За него принялись всерьез. Комплексно. С применением новейших археологических, химических и технологических методов исследования. Клад «допрашивали» ученые АН СССР, АН Киргизской ССР и МГУ им. М. В. Ломоносова. И клад заговорил.

Он был отлит в XII–IX (VIII) вв. до н. э. на месте, так как в его составе есть бракованное долото (бракованные вещи не могут быть объектом торговли). Набор предметов в кладе по своей форме специфичен для Киргизии, Семиречья, Восточного, Северного и Центрального Казахстана, Алтая. Эти территории, по мнению археологов, входили в единую металлургическую провинцию. Несколько иную картину дают результаты технологического исследования. По своему химическому составу металл изделий шамшинского клада резко отличен от металла Восточного и Северного Казахстана, но зато очень близок к составу металла Урала, части Поволжья и Подонья, а также Семиречья. Состав их настолько близок, что позволил высказать предположение об использовании руды геохимически родственных месторождений. Однако этот неожиданный для историков вывод требует тщательной проверки.

Древние металлурги Кочкорки использовали для литья оловянистую бронзу. Очень редко в дело шла бронза с примесью мышьяка и свинца. Количество олова в сплаве достигало 8%, что очень близко к идеальному (10%) соотношению меди и олова. Медную и оловянную основу бронзы плавил отдельно, а позднее, уже при отливке конкретного предмета, добавляли в медь то или иное количество олова. Мастера заметили, что повышенное содержание олова в сплаве делает металл твердым, но хрупким, уменьшенное – пластичным, но мягким. Тогда мудрые мастера для изготовления орудий ударного действия, нуждающихся в твердости (топор, молоток и т. д.), добавляли олова от 6,5 до 7,5%. В металл для серпов-косарей, постоянно нуждающихся в заточке, а следовательно, и в пластичности, олова добавляли всего от 1,7 до 5%. Для отливки орудий, имевших большую длину и тонкое сечение (копье) нужны были жидкотекучие сплавы, способные заполнить самые удаленные и тонкие части формы. И здесь мастера нашли выход: в оловянистую бронзу они добавили 1,7% свинца, что делало сплав текучим.

Предметы отливали как в формах длительного пользования, например, каменных, так и в разовой формовке – в специальном грунте по восковой модели. Этим способом была отлита булавка с ажурным навершием. Формы были открытые, двухсоставные и, реже, трехсоставные. В трехсоставной была изготовлена бляшка со шпеньком. Формы, судя по остаткам литников, располагались как в горизонтальном положении, так и в вертикальном. При изготовлении предметов с проушинами или полыми втулками (топоры, кельты) применялись литейные штыри из огнеупорных составов.

Литье превалировало над ковкой. Из 27 предметов шамшинского клада только три выполнены кузнечным способом. Однако поковка входила в технологию литых изделий.

Кузнечной доработке предшествовал отжиг отливок при температуре 700–800°. Он был необходим для придания металлу пластичности, если в его состав входило свыше 6% олова. Кузнечная доработка изделий велась не только с целью устранения дефектов литья, но и для придания предмету формы. Кузнечная обработка в основном велась по горячему металлу. Иногда горячая ковка сильно снижала качество изделий. В сплавах, отличавшихся повышенным содержанием свинца и висмута, при горячей ковке появлялись трещины красноломкости, что значительно снижало механические свойства металла. Этот порок отмечен на семи шамшинских находках. И если трещины красноломкости были не страшны при изготовлении зеркал, или бляшек, то на топоре, серпе, бритве и тесле они были явно нежелательны, так как при активном использовании те могли сломаться. Таким образом, навыки кочкорских мастеров отличались

диспропорцией между высокой культурой отливки и удручающей беспомощностью при доведении полуфабриката до качественной кондиции. Как же это могло произойти?

Ученые не раз наблюдали подобный технологический нонсенс в других регионах Европы и Азии. Они пришли к выводу, что подобная диспропорция объясняется прочно сложившимися устойчивыми технологическими традициями в обработке сплавов металла привычного состава в пределах одного производственного очага (района). Кочкорские мастера XII–IX вв. до н. э. имели дело с оловянистыми бронзами, которым горячая поковка шла только на пользу. Когда же они перешли к обработке нового по химическому составу металла, в частности, с повышенным содержанием висмута (до 0,15%), то по традиционным канонам упрямо продолжали применять старую проверенную на опыте поколений технологию. Консерватизм бил браком по потребителю, и мастера вынуждены были искать новый набор производственных операций, пока долгим и трудным путем эксперимента не находили оптимальное решение применительно к новому составу металла.

Однако то, что было плохо для мастеров эпохи бронзы, оказалось весьма ценной находкой для историков древнего Киргизстана: ученые-археологи давно выдвинули предположение о существовании обособленного северокиргизского производственного металлургического очага в эпоху бронзы. Технологические исследования клада из Шамши убедительно подтвердили эту гипотезу.

Клад из Шамши поведал еще один исторический факт о жизни своих современников. Дело в том, что подавляющее число предметов клада обычны для территории Киргизии, Казахстана и Алтая. Специалистов заинтересовали два необычных предмета: бритва и булавка с ажурным навершием. Бритва такого типа была широко распространена в Причерноморье и крайне редко встречается в азиатской части степей. Ажурные булавки, как правило, находят в местах обитания земледельцев южных районов Средней Азии. Принципиальная важность этих пока единичных находок состоит в том, что они документируют активные связи населения Северной Киргизии в эпоху бронзы с Причерноморьем и югом Средней Азии.

В целом шамшинский клад, объединяющий изделия 20 типов, по своей ценности является эталоном при исследовании всех остальных кладов финального этапа андроновской культурной общности в СССР.

В заключение следует отметить, что памятники эпохи бронзы в Киргизии изучены пока недостаточно. В их поисках ученым могут оказать неоценимую услугу краеведы, школьные историко-археологические кружки, туристские клубы, колхозники, строители. Изучение этих памятников поможет в исследовании истоков кочевничества, так как, по мнению специалистов, кочевники – саки являлись потомками скотоводов эпохи бронзы.

Глава II. САКСКИЕ ЦЕПОЧКИ КУРГАНОВ

От жизни той, что протекала здесь,
От крови той, что здесь рекой лилась,
Что уцелело, что дошло до нас?
Два-три кургана, видимых поднесь.
Ф. Тютчев

Усуни или саки?

Проезжая по северу Киргизии, невольно обращаешь внимание на величественные курганы. Могучей шеренгой с примерно равными интервалами протянулись они с юга на север. Среди них есть подлинны великаны диаметром более ста метров и высотой с четырех-пяти-этажный дом.

Изучение их началось в конце 20-х годов нашего столетия. Недалеко от башни Бурана, близ Токмака, тогда еще молодые ленинградские археологи М. П. Грязнов и М. Е.

Воеводский раскопали несколько курганов. Это были первые научные раскопки памятников кочевников в Средней Азии вообще. Несмотря на то, что все погребения были ограблены, ученые извлекли из них много керамики и различных поделок из металла, попадались даже изделия из золота, однако среди предметов не оказалось ни одного хорошо датированного. Ученые отнесли буранинские курганы к III в. до н. э. – I в. н. э. По сведениям письменных источников было известно, что в это время здесь кочевало племя по имени усунь, поэтому отмеченные выше цепочки курганов называли усуньскими. Так их и величали до недавнего времени в самых серьезных научных трудах. К новой интерпретации находок из курганов у Бураны выдающийся советский ученый М. П. Грязнов не возвращался.

В 1968 г. киргизский археолог И. К. Кожомбердиев на западной окраине нового райцентра Токтогул приступил к раскопкам цепочки курганов могильника Джал-Арык II. И сразу удача: первый же раскопанный курган содержал комплекс находок, который хорошо датировал его. На дне глубокой прямоугольной ямы, перекрытой арчевыми бревнами, лежал скелет громадного, почти двухметрового, старика. Правая рука его покоилась на рукояти боевого чекана, у левого бедра железный кинжал – акинак. На груди была зачищена великолепная серебряная пряжка, украшенная высокохудожественными изображениями коней-грифонов. В ногах погребенного находились различные керамические сосуды, а в изголовье – набор предметов из бронзы. Чекан, акинак и серебряная пряжка убедительно датировали погребение IV–III вв. до н. э., т. е. временем кочевников саков, которые жили здесь раньше усуней. Курганы оказались тем звеном, ухватившись за которое можно было вытянуть и поставить на исторически правильное место всю цепочку курганов. И это было сделано. Позже И. К. Кожомбердиев в Кетмень-Тюбе, а В. П. Мокрынин в Иссык-Кульской и Чуйской долинах изучали немало таких цепочек. И все они дали материалы, относящиеся ко времени саков.

Вне поля зрения древних историков

Что мы знаем о саках по трудам их современников – античных историков, географов, путешественников, наконец, поэтов? О них писали Аристей, Хэрлл, Дионессий Перизетт, Ктесий Книдский, Эфор, Птолемей и многие другие. Писал и «отец истории» Геродот. Однако уже в древности сакский вопрос был настолько запутан, что Плиний Старший с горечью отмечал: «Ни в одном другом вопросе не расходятся так писатели...»

Если отвлечься от легенд и суммировать сведения древних авторов о саках, то можно констатировать, что они делились на три больших союза племен, занимались кочевым скотоводством, поклонялись солнцу, были прекрасными воинами, женщины занимали довольно высокое положение. Саки принимали активное участие в греко-персидских войнах, отличились в Марафонском сражении (490 г. до н. э.), геройски дрались при Платеях (479 г. до н. э.), поддерживали восстания среднеазиатских народов против персов, остановили непобедимые фаланги Александра Македонского у Сыр-Дарьи, участвовали в разгроме греко-бактрийского царства.

Однако где жили эти саки? Близ Каспия, или в Хорезме, в горах Тянь-Шаня, или на берегах Аму-Дарьи? Как решить проблему локализации сакских племен? Через 2. тыс. лет после Плиния Старшего видный советский археолог Б. А. Литвинский, касаясь вопроса расселения саков, писал: «...к сколь противоречивым выводам приходят разные исследователи этой проблемы. Едва ли можно сейчас рассчитывать на окончательное решение этой сложной проблемы».

И немудрено. В руках современного историка нет и никогда не будет добротного, надежного письменного источника по истории саков по той простой причине, что он так и не был создан в древности. Саки были настолько удалены от пишущих народов, что Геродот вынужден был признать: «Я не мог найти никого, кто бы сказал, что знает те местности (где обитали саки – В. М.) как очевидец». Естественно, в таких условиях качество материала, собранного историками, в древности, не могло быть объективным. Поэтому едва ли был прав Страбон, обвиняя своих предшественников: «Ничего

положительно не добыто исследователями об этих народах (саках. – В. М.) вследствие легкомыслия историков и их страсти к сказкам».

Если так обстоит положение вещей относительно саков, обитавших близ границ ахеменидского Ирана, то оно становится невыносимым, когда речь идет о саках, обитавших на территории Киргизии, которая никогда не входила в сферу политики Ахеменидов. Исследователи выдвигают хитроумнейшие предположения, «расселяя» те или иные племена на карте современной Киргизии. На некоторое время эти гипотезы становятся аксиомами, однако, лишь до тех пор, пока новый исследователь, оперируя все теми же всем известными данными, так же хитроумно не опровергает их. Классический замкнутый круг. Достоверная этническая карта Средней Азии и Казахстана 2-й половины – 1-го тыс. до н. э. так и не создана. В настоящее время мы не знаем ни одного дробного этнонима или топонима в трудах античных писателей, который можно было бы безоговорочно локализовать на карте республики. На ней (и то не без дискуссий) допустимо обозначить названия лишь двух крупных союзов племен саков:

1. Тиграауда (они же массагеты) – обитали-де от Аральского моря до долины р. Или, включая весь север Киргизии.

2. Хаомаварга – занимали часть Северной Индии, Афганистана, а также юго-восточную часть Средней Азии, включая территорию Алая и Ферганы.

Из древних письменных источников касательно истории саков Киргизстана едва ли удастся получить более существенные сведения. Тянь-Шань был вне поля зрения античных историков. Положительных результатов в реконструкции истории саков можно добиться лишь целенаправленными и фундаментальными раскопками их памятников. Слово остается за курганами.

Археологические памятники саков

В настоящее время к памятникам саков Тянь-Шаня можно отнести: 1 – курганные погребения; 2 – клады; 3 – древние каменные изваяния, родственные южносибирским «олненным» камням.

Курганы саков известны практически на всей территории республики. В топографическом отношении они расположены либо в цепочку, вытянутую в меридиональном направлении, либо бессистемно. В цепочку вытянуты, как правило, крупные курганы (с насыпью диаметром 20–120 м, высотой до 15 м), однако есть цепочки, состоящие из гораздо меньших насыпей. Бессистемно расположены исключительно курганы с небольшими насыпями. Обычно цепочки и беспорядочно разбросанные курганы за малым исключением располагаются раздельно.

Крупные курганы изучались только в Кетмень-Тюбе, Чуйской долине и на Иссык-Куле. Структура их насыпей и погребальные сооружения различны.

Кетмень-Тюбе. Здесь производились раскопки 10 могильников, состоящих из крупных курганов, вытянутых в цепочку в меридиональном направлении. Вокруг многих из крупных курганов сооружена округлая или подчетырехугольная выкладка-ограда из валунов. В одном случае пара курганов была окружена восьмеркообразной выкладкой.

Все курганы были насыпаны из земли, а затем тщательно выложены по поверхности сплошной (панцирной) кладкой из валунов. Наиболее крупные курганы имеют еще одну такую кладку, которая прослеживается в разрезе насыпи в виде дуги непосредственно над могильной ямой. Под насыпью – погребения в грунтовых ямах, вытянутых по линии запад – восток. Ямы перекрыты поперек бревенчатым накатом, иногда толщиной в три ряда. Поверх бревен укладывали слой камня. Погребенные лежали в яме головой на запад в вытянутом положении на спине. Подавляющее большинство курганов ограблено в древности. Несмотря на это, в могильниках Кетмень-Тюбе добыт очень ценный материал.

Курган и находки времени саков.

1 – погребения в Кетмень-Тюбе;

2 – погребения в Прииссыккулье;

- 3 – изваяние;
- 4 – керамические сосуды;
- 5 – изделия из бронзы.

Чуйская долина. Раскопки цепочек крупных курганов производились в двух пунктах: близ башни Бурана и в местности Кара-Булун у с. Калиновка. По конструкции насыпей и погребальному обряду чуйские курганы близки кетменьтюбинским. Отличия зафиксированы в каменных конструкциях. Во всех раскопанных курганах могильника Кара-Булун отмечена невысокая каменная стена, которая и определяла первоначальный диаметр кургана. Небольшая насыпь над могильной ямой перекрывалась куполообразным сооружением из камней со стенками толщиной до 2-х м, поверх которой насыпан еще слой земли. Внешняя панцирная кладка, в отличие от Кетмень-Тюбе, не прослеживается. Погребальные обряды в Кетмень-Тюбе и Чуйской долине идентичны.

Иссык-Кульская котловина. Крупные курганы вскрывались в могильниках Туура-Суу и Ачик-Таш в бассейне р. Тон. Структура насыпи и конструкция погребальных сооружений резко отличаются от кетмень-тюбинских и чуйских курганов. Насыпь состояла из каменной наброски, под ней в овальных ямах из больших каменных плит сооружали ящик, вытянутый по линии запад – восток. В северной стене оставлялся проход в подквадратную, меньшую по размерам, каменную пристройку, которая вплотную примыкала к стенке ящика. Все сооружение перекрывали плоскими каменными плитами. Погребенные лежали на спине в вытянутом положении головой на запад.

Клады. Особую группу памятников составляют клады. В Киргизстане обнаружены клады всех исторических эпох, поэтому здесь уместно остановиться на исключительно важном их научном значении. Всякая находка клада сопряжена с полным набором счастливых случайностей: что клад в древности был зарыт именно в этом, а не в другом месте; что владелец не смог его изъять; и то, что лопата, нож бульдозера или ковш экскаватора подняли именно тот пласт земли, который скрывал сокровища предков. Клады предельно редко находят археологи. Обычно к ним первой прикасается рука землекопа, пахаря, бульдозериста. Этим счастливым хочется напомнить: каждый клад, согласно советскому законодательству, является достоянием всего народа, поэтому его нельзя присваивать. Гражданский долг нашедшего клад или узнавшего о его открытии – собрать его полностью и передать специалистам в ближайший музей, в районные отделения общества охраны памятников истории и культуры, либо в АН Киргизской ССР. Ни в коем случае нельзя оставлять себе ни одной монетки, ни единой вещицы из состава клада. Нельзя нарушать комплекс вещей. Каждый клад – это своеобразная и хорошо написанная предками книга по истории Киргизии, «изданная» в единственном экземпляре. Поэтому даже самые незначительные изъятия из клада можно приравнять к вырванным страницам из этой уникальной книги.

На территории нашей республики найдено три крупных клада V–III вв. до н. э.

1. Кырчинский клад. Два жертвенных столика, скульптурное изображение крупного рогатого «зебувидного» животного, два светильника, украшенных скульптурами диких зверей, и сферический котел. Все вещи из бронзы. Найден в 1937 г. на глубине 1,5–2 м при строительных работах в месте впадения р. Кок-Добе в р. Малая Ак-Суу (местность Кырчин на северном берегу Иссык-Куля). В науку вошел под названием «иссыккульские жертвенники». Хранится в Эрмитаже.

2. Барскоунский клад. Найден в 1968 г. школьниками в насыпи кургана восточнее с. Барскоун на южном побережье оз. Иссык-Куль. В него входили многочисленные штампованные бляшки высокохудожественной работы с изображениями тигра, волка, дикого кабана, фигурные бляшки различных форм с орнаментами, обрезки и обломки металла. Хранится в фондах Института истории АН Киргизской ССР.

3. Чельпекский клад. Состоял из массивного стола, ножками которого служили женские скульптуры с поднятыми вверх руками (в позе кариатид) и трех обломков котла. На одном из обломков сохранились две фигурки лежащих «зебувидных» животных. Все

предметы из бронзы. Найден школьниками в овраге близ с. Чельпек на восточном побережье оз. Иссык-Куль. Хранится в Республиканском историческом музее.

Ккладам можно отнести единичные находки громадных бронзовых котлов, предметов вооружения и конской сбруи сакского времени. Школьники близ города Нарына нашли прекрасный бронзовый жертвенник с фигурками пантер, шествующих по бортику. Все эти случайные находки бесценны для науки.

«Оленные» камни. Этот вид памятников сакского времени очень своеобразен. Обычно их находят в Южной Сибири, в Монголии, реже – на Алтае. В последние годы несколько «оленных» камней найдено в Чуйской долине и на побережье оз. Иссык-Куль. Находки на территории Киргизии можно разделить на два типа:

1 – каменные стелы, в верхней части которых с противоположных сторон на одном уровне выбито по замкнутому кругу;

2 – каменные стелы, на плоскостях которых, кроме вышеупомянутых кругов, выбиты изображения оленей (отсюда название памятников), кабанов и других животных. Нередко здесь же выбиты контуры кинжалов и луков.

Установлено, что «оленные» камни схематически изображали людей. Причем замкнутый круг в верхней части стелы изображал не глаз, как это сразу приходит на ум, а серьгу.

Находки в курганах

Саки верили в загробный мир и поэтому заботились о том, чтобы их умершие собратья не знали нужды ни в чем. Вместе с покойным в могилу укладывали его доспехи, вооружение, посуду и другие личные вещи (на языке археологов – инвентарь).

Несмотря на ограбление, инвентарь в крупных курганах, составлявших меридиональные цепочки, довольно разнообразен и дает представление о материальной и духовной культуре населения того времени.

Керамика лепная и гончарная – представлена кувшинами, чашами, мисками, сосудами с носиком и др. Большинство сосудов местного производства, однако имеется расписная и окрашенная красной краской, скорее всего ферганского производства. Лепная керамика круглодонная, гончарная – плоскодонная.

Предметы вооружения сравнительно малочисленны. Они представлены обломками железного меча, целыми экземплярами и фрагментами железных и бронзовых кинжалов разных типов, бронзовыми и железными трехперыми или ромбовидными в сечении черешковыми стрелами. Интересна миниатюрная бронзовая имитация лука «скифского типа» в чехле, а также имитация лука и щита из золотой фольги. Известны колчанные крючки. Найден железный клевец (боевой топорик – чекан).

Конская упряжь встречается довольно редко. Она представлена бронзовыми удилами, псалиями и другими частями узды из кости или бронзы.

Части одежды найдены в виде пояса, поясных пряжек и различного типа золотых бляшек, которые густо нашивали на платье, делая его блестящим и нарядным. Головные уборы венчали золотые фигурки петуха и джейрана. В конструкцию сложных остроконечных головных уборов из кожи и войлока входили изображения листьев растений из золотой фольги.

Украшения представлены серьгами, браслетами, бусами, пряжками, перстнями со вставками из самоцветов или различными изображениями на щитках. Особо отметим золотую серьгу в виде геральдически противостоящей пары соколов на бубенце. Бубенец покрыт ортами.

Зеркала бронзовые с боковой ручкой находят довольно редко. В одном случае ручка украшена изображением грифона.

Могильники с бессистемным расположением курганов изучались по всей территории республики. Курганные насыпи из камня и земли имели диаметр 5–10 м, высота не превышала 0,5–0,7 м. Ямы узкие, ориентированы в подавляющем большинстве по линии запад-восток, реже – север-юг. Отмечены перекрытия ям каменными плитами,

либо жердями. Положение погребенных аналогично положению их в ямах больших курганов. Под малыми насыпями встречаются погребения на дневной поверхности и в каменных ящиках. Инвентарь исключительно беден и зачастую ограничивается одним – двумя сосудами. Иногда сосуды располагались в специально устроенных в северной стене нишах. Изредка в погребениях под малыми насыпями встречаются изделия из металла (кинжал – акинак, нож, зеркало и др.).

В настоящее время все погребения в грунтовых ямах с западной ориентировкой в Семиречье и на Тянь-Шане исследователи относят к кругу памятников саков. Они датируются VI–III вв. до н. э., возможно и несколько более поздним временем.

К реконструкции хозяйства саков

Задачей исторической реконструкции хозяйственного уклада саков, населявших территорию Киргизстана, является определение конкретного хозяйственно-культурного типа их скотоводства. Надежным историко-этнографическим индикатором кочевого образа жизни является присутствие в погребениях предметов конской сбруи, сопроводительные погребения коней, наличие в погребениях частей бараньих туш.

В погребениях, большей частью ограбленных, изредка встречаются части конской узды. В непограбленных грабителями малых курганах части бараньих туш в качестве ритуальной пищи клали обязательно. В больших курганах встречены и части лошадиных туш. Таким образом, Киргизия в древности входила в зону кочевого скотоводства. Конкретные породы скота саков Тянь-Шаня не изучались. Судя по бронзовым скульптурам на иссыккульских жертвенниках, кроме лошадей и баранов разводили крупный рогатый зебувидный скот. Средневековое племя тюрков – огузы, считавшие Иссык-Куль своей родиной, разводили зебувидный скот даже тысячелетие спустя.

Конечные пункты сезонных перекочевок находились друг от друга на сравнительно небольших расстояниях. Передвижение со скотом, как и повсюду в горных странах, могло быть только вертикальным, то есть из долин к горным пастбищам и обратно. Такой вид кочевания предполагает традиционные маршруты перекочевок с наличием постоянных зимних жилищ. Археология не располагает данными о типах переносных жилищ в то время, однако, имеются некоторые данные для суждения об отдельных конструкциях жилищ на зимовках. Нам точно не известно из чего сооружались стены. Это могли быть срубы, которые зафиксированы в курганах близ Соколовки и Бураны, стены могли быть сделаны и из глины, как на более позднем усуньском поселении севернее Кара-Балты. Если учесть, что конструкция могилы является отражением наземных жилищ, мы можем констатировать, что жилища на зимовках саков были прямоугольными или квадратными в плане. Крышу делали из бревенчатого наката, поверх которого настился слой камыша. Все перекрытие заливалось жидкой глиной. Водонепроницаемость и теплоту при своевременном ремонте такие крыши гарантировали.

О перекочевках на сравнительно небольшие расстояния свидетельствует и обилие керамической посуды. Кочевники предпочитают обычно посуду из кожи и дерева. В сакских курганах находят от одного до десятка глиняных сосудов и больше. Посуда оригинальна, что наводит на мысль о развитии собственного гончарного производства.

Местное бронзолитейное производство документирует находка в Чуйской долине отлитых и еще неразобренных стрел, составляющих единый массив. Со дна озера Иссык-Куль близ с. Долинки аквалангисты достали бронзовый котелок, наполненный металлическими отходами литейного производства. Косвенным подтверждением местного литья являются многочисленные находки крупных вещей из бронзы сакского времени. Некоторые из них (котлы на ножках, жертвенники) оригинальны, часть из них отлита с браком. Такие изделия не могут быть импортом.

Находка в Барскоунском кладе большого количества разнотипных бляшек – нашивок совместно с обломками и обрезками такого же металла – говорит о местном; ремесленном производстве этого вида украшений одежды. Анализ находок позволяет утверждать, что иссык-кульский сак-ремесленник располагал набором, состоящим из не

менее двенадцати различных штампов. Большинство бляшек были сдвоенны, т. е. одновременно изготовлялось два экземпляра из сложенного пополам тонкого листа металла. Такая технология не влияла на качество изображения, что дает возможность предполагать наличие высокорельефных штампов из тугоковкового металла или сплава. Вырубка отштампованного изделия из металлической ленты производилась небольшим и очень острым зубильцем. В набор инструментов ремесленника, производящего украшения подобного рода, кроме штампов и зубильца, должны были входить молоток, наковальня и мягкая прокладка.

Косвенные данные – изделия из рогов оленей, клыки кабанов и другие кости диких животных с отверстиями, употреблявшиеся как амулеты, свидетельствуют о какой-то роли охоты. Находку стрел с тупыми наконечниками в колчане с боевыми стрелами можно считать прямым указанием на добычу пушны. Тупые наконечники не портили шкур пушных зверюшек. Из крупных животных объектами охоты были, по всей вероятности, те, которые были изображены на предметах из погребений саков. Среди них тигр, волк, кабан, горный козел, сайгак, джейран и др. Употребление в пищу хлеба подтверждается наличием каменных зернотерок, которые чаще всего находят в насыпях курганов. Вопрос о том, где саки брали зерно, т. е. имели у зимовок небольшие поля, получали его из земледельческих оазисов или он попадал к ним тем и другим способом одновременно, остается открытым.

Таким образом, саки, населявшие территорию Киргизии, вели кочевое скотоводство и занимались охотой. Довольно развитым было металлургическое производство. Добывали и обрабатывали медь, железо, золото, серебро, олово. Развивалось гончарное ремесло. Не исключено, что рядом с зимовками возделывались и засеивались поля. Саки, конечно же, пряли и ткали шерсть, обрабатывали кожи, валяли войлок, однако неумолимое время уничтожило их следы и среди археологических находок они практически отсутствуют.

Богатые и бедные

При социальной градации погребальных комплексов, т. е. при разделении их на богатых и бедных, учитывается размер наземной и подземной части, наличие в погребениях изделий из драгоценных металлов и минералов, а также высокохудожественных поделок из любых материалов. По этому принципу в азиатской полосе степей как «царские» определены большие курганы Горного Алтая, курган Аржан в Туве, крупнейшие Бешатырские усыпальницы, 5-й Чиликтинский курган, курган Иссык в Казахстане. На территории Киргизии столь крупные усыпальницы еще не изучались. Предварительно, с учетом только размеров, к курганам такого типа можно отнести две насыпи у с. Александровка в Чуйской долине, диаметр которых достигает 120 м, высота 15 м.

Как погребения родовой аристократии можно квалифицировать все крупные курганы, раскопанные в Кетмень-Тюбе, Чуйской долине и на Иссык-Куле. Они значительно уступают по масштабам «царским» гигантам. Судя по размерам курганов, диаметр которых варьирует от 20 до 60 м, а высота – от 1,5 до 6–7 м, родовая аристократия, как представляется, подразделялась на какие-то социальные группы. Критериев для выделения этих групп в настоящее время не имеется.

Можно допустить, что могильники, состоящие из небольших курганов, расположенных бессистемно, или меридиональные цепочки из таких же курганов принадлежали людям низших социальных групп. Такие могильники оставляли небольшие общины, включавшие несколько семей без признаков социальной дифференциации. Социально-демографическая реконструкция могильника Джаныш-Булак, выполненная А. К. Абетековым и Я. А. Шером, привела к интересным результатам. Могильник состоял из 33 курганов. Средний возраст погребенных колебался между 30 и 35 годами. Детей хоронили отдельно от взрослых по особому обряду. Могильник функционировал не более

полустолетия. При указанной продолжительности жизни одновременно могли проживать представители не более двух поколений.

Брачный возраст едва ли был выше 15–16 лет. Исследователи не раз высказывали предположение, что топография сакских могильников, представляющая собой меридиональные цепочки, не случайна. С. М. Абрамзон рассматривает каждую такую цепочку как захоронения членов одной семьи. Данная гипотеза должна быть проверена специальными антропологическими исследованиями.

Таким образом, археологические источники свидетельствуют, что общество саков достигло высокой степени дифференциации, когда можно выделить как минимум три социальных группы.

Искусство саков

В искусстве каждого народа есть свое очарование. Вспомним выставку «Сокровища гробницы Тутанхамона», недавно организованную в Москве. В египетском искусстве господствовала величавая немая статика, колдовская застылость. Это было царство замедленных ритмов с его полупоклонами, полуулыбками, чуть заметными знаками рук. Оно – как море с остановившимися волнами.

В каждом из творений искусств сако-скифского мира нас покоряет движение, динамика. Как бег иноходца, как неукротимый степной ветер. Это искусство полнее чем любое сочинение древних авторов раскрывает сущность первых кочевников – сынов непрерывного движения по первозданной дикой красоте ковыльных степей и снежных гор. Это было искусство вольного всадника с горячей кровью.

Трудами нескольких поколений археологов в Киргизии собрана небольшая, но достаточно выразительная коллекция искусства саков. Обычно ее суммарно относят к кругу произведений искусства скифо-сибирского звериного стиля. При ближайшем рассмотрении оно оказывается не таким однообразным.

В настоящее время в искусстве саков Киргизии можно усмотреть четыре различных группы: 1 – произведения скифо-сибирского звериного стиля, 2 – изделия с натуралистической трактовкой образов, 3 – предметы инкрустационного стиля, 4 – орнамента.

К первой группе относятся сюжеты борьбы зверей, известные по находкам в Кырчине и в Туура-Суу на Иссык-Куле, изображение зверей, мышцы которых подчеркнуты запятыми, спиралями, как это видно на фигурках быка-зебу из Кырчина и тигра из могильника Акчий-Карасу. Сюда же можно отнести изображение лишь отдельных частей зверя, например, голову тигра с клыкастой пастью (Кетмень-Тюбе), оскаленной пантеры с головами сайгаков (Иссык-Куль) и другие. Эти произведения искусства очень близки замечательным изделиям, обнаруженным советскими археологами в Горном Алтае, Туве и других районах Южной Сибири.

Во вторую группу можно включить изделия, выполненные в сугубо реалистической манере. Такими являются золотой джейран и петушок, шествие кошачьих хищников по борту жертвенника, скульптуры женщин в позе кариатиды, бляшка с изображением женщины в позе донатора и другие. В этих произведениях искусства ощущается школа античного реализма Бактрии и ахеменидского Ирана.

Инкрустационный стиль характеризуется вставками из самоцветов, пасты и применением зерни. Они найдены пока только в Кетмень-Тюбе. Это серьга с двумя соколами и круглая бляха с пятью гнездами для вставок. Сюда же относятся серьги с цветными бусами и пирамидкой зерни на конце. Этому стилю, который только зарождался, уготовлена была долгая жизнь в искусстве полихромного стиля кочевников I–VII вв. н. э.

В искусстве саков широко представлены орнаментальные мотивы: заштрихованные и заполненные точками ряды треугольников, розетки, пальметы, полукружности, спирали и прочее. На одной серии бляшек из Барс-коуна был оттиснут сложный вариант

«дерева жизни». Орнамент покрывал стенки сосудов, плоскости костяных и золотых пластинок.

В древнем самобытном искусстве саков отразилось их мировоззрение, восприятие мира, идеология.

Религиозные воззрения

Находка жертвенных комплексов саков на Иссык-Куле (Кырчин) привела к постановке Б. М. Зимой и А. Н. Бернштамом вопроса об исповедовании этими кочевниками зороастризма – сложной системы религиозных воззрений о борьбе двух начал – добра и зла. Концепция Б. М. Зимы – К. Н. Бернштама была подвергнута критике. Н. Ф. Смирнов полагал, что в мировоззрении саков содержатся лишь элементы зороастризма. В этой связи шаг вперед был сделан Б. А. Литвинским. Анализируя религию массагетов в конфедерации тиграхауда, он подчеркнул, что саки проживали на обширных территориях, образовав несколько довольно крупных группировок племен. Едва ли у них могла быть какая-то единая «сакская» религия. Ясно одно, что у саков были развиты культы огня и коня, тесно связанные с верховным божеством – солнцем. Однако называлось ли это верховное божество Ахура-Маздой или Ахура-Митрой в настоящее время определить трудно. Можно утверждать лишь то, что в мировоззрении саков культ солнца, огня и коня тесно переплетались между собой. Вполне естественно, что мировоззрение древних кочевников в той или иной степени находило свое отражение в оставленных ими памятниках материальной культуры.

Еще А. Н. Бернштам, используя араванские наскальные изображения, где доминировали фигурки тонконогих с лебедиными шеями лошадей и горных козлов, высказал предположение, что сцена связана с солнечной символикой. В настоящее время его гипотеза находит новые подтверждения. Подобные изображения в том же сочетании зафиксировал А. Д. Грач при исследовании «храма солнца» в Туве. По его мнению, этот факт является материальным подтверждением сведений письменных источников от Авесты и Ригведы до Геродота о взаимосвязи культа солнца и культа коня. На наш взгляд, эта же идея нашла материальное воплощение и в находках из могильника Джал-Арык. Здесь найдена бронзовая отливка, имитирующая колесо с вихревидно расположенными спицами. Подобные колеса у многих народов считались символами солнца в его постоянном движении. Выразительно, даже иллюстративно, связь культа солнца и культа коня была воплощена в изображении на серебряной пряжке из кургана 2 могильника Джал-Арык. Бляха полусферическая. По кругу, как бы вдогонку друг за другом, мчатся два мифических крылатых коня с развевающимися гривами и хвостами. Если учесть, что пряжка отлита из серебра, что глаза и маховые крылья коней надчеканены золотом, то эти изображения живо напоминают сюжет из Ригведы, где фигурируют именно белые небесные кони в связи с солнечным божеством.

Не исключено, что в досакских верованиях и в идеологических представлениях самих саков Киргизии солнце представлялось либо антропоморфным божеством, либо лишь как голова какого-то более высшего антропоморфного божества, изображения которого в разных ипостасях мы видим на скалах Саймалы-Таша. Известно, что в Ригведе солнце представлялось лишь как глаз бога Варуна. До недавнего времени ишкашимцы и ваханцы считали самую сильную клятву «головой солнца», что, по мнению М. С. Андреева, содержит намек на антропоморфное представление о светиле. А. Д. Грач предполагает, что некоторые типы «оленных» камней могли передавать антропоморфную сущность солнца в мировоззрениях саков Тувы.

В художественных предметах материальной культуры саков Тянь-Шаня прослеживается и культ плодородия. Исследуя изображения колесниц в Саймалы-Таше, Я. А. Шер первый заметил, что в одной упряжке изображены разные животные, которые в реальной ситуации работать вместе не могут. Одним из животных в упряжке непременно был бык, вторым – козел, лошадь, верблюд или осел. Я. А. Шер, исследовав мифологические сюжеты, где фигурируют подобные упряжки, усматривает в таких

изображениях сакральный сюжет с положительной корреляцией между придворным (свадебным или иным) ритуалом, божествами, связанными с идеей плодородия, и чудесными упряжками из непарных животных.

С культами огня и плодородия, как нам представляется, связаны изображения на жертвеннике из Чельпека. Четыре бронзовые литые скульптуры женщин служили ножками «стола». Фигуры идентичны, выполнены реалистически. Женщина стоит с поднятыми, слегка согнутыми в локтях руками, как бы поддерживая массивную бронзовую столешницу (поза кариатиды). Во всей полосе степей, особенно в Причерноморье, женский образ имел широкое распространение в разных модификациях. Это богиня Дева, она же «змееногая» богиня скифов или Табити-Гестия. С женским божеством на серебряном блюде из Чертомлыка чельпекские фигурки роднит поза с поднятыми вверх руками. В обоих случаях на запястьях изображены браслеты. Иконографические параллели чельпекским матронам можно усмотреть и в известных «курильницах», связанных с идеей Великой богини-матери всего сущего, и в женских амулетах из Тувы. Великая богиня в представлениях ранних кочевников являлась богиней плодородия. Следует отметить, что Табити-Гестия, по понятиям скифов, была еще и божеством очага, в особенности царского очага. Если учесть, что никаких атрибутов магии плодородия чельпекские скульптуры не имеют и что сами они служили ножками жертвенника, связанного с культом огня, то при толковании идеологической нагрузки этих изображений вторая функция богини в данном случае предпочтительнее.

Известный смысл был вложен и в имитации луков-амулетов, найденных в курганах Кетмень-Тюбе и Иссык-Куля. Специальный анализ амулетов свидетельствует, что они были связаны с культом женского духа – покровителя детей.

В искусстве саков Киргизии встречаются сцены терзания хищниками травоядных. К ним принадлежат скульптурное изображение «борьбы» горного козла со львом (тигром?) на жертвеннике из Кырчина и неполностью дошедшая до нас сцена терзания какого-то копытного волком, выгравированная на костяной пластинке из Туура-Суу. Сюда же, видимо, можно отнести изображение оскаленной пантеры, подмявшей под себя голову сайги с рожками.

Современные исследователи при трактовке сцен терзания по-прежнему придерживаются двух, давно выдвинутых, концепций: магической и мифологической.

По мнению сторонников магической концепции, сцены терзания несут в себе полезную для людей функцию, своего рода оберегов, помощников человека, объединяя сильные стороны разных животных в одно сверхмощное синкретическое существо.

Более аргументированной представляется вторая концепция. Мотив борьбы зверей развивается в южных районах Средней Азии с глубокой древности. Сюжет борьбы льва, грифона с быком, оленем, козлом имел там астрономический подтекст, отражая смену созвездий Быка (Плеяд) и Оленя (Кассиопеи) созвездием Льва. Такая смена происходила в самом начале весенних полевых работ и совпадала с Ноурузом – Новым годом солнечного календаря. Празднование Ноуруза было связано также с культом царя. Можно предполагать, что в подобных идеологических аспектах сцены терзания воспринимались и саками Тянь-Шаня, однако факт частой замены основных персонажей, т. е. льва – волком или тигром, быка и оленя – козлом – наводит на мысль, что в сакской среде переднеазиатская мифология не всегда трактовалась буквально.

Таким образом, у древних кочевников, населявших территорию Киргизии в VII–III вв. до н. э. сложный мир иррациональных представлений переплетался с элементами зороастризма. В их пантеоне числились антропоморфное солярное божество, связанное с культом огня и коня, и возможно, антропоморфное женское божество с функциями войны, плодородия, хранительницы очага, покровительницы детей. Одним из символов богини был амулет в виде лука. Из южной части Средней Азии саки Тянь-Шаня заимствовали сложный астрономический культ Ноуруза и соответствующую ему символику, возможно, приспособив его к местным, более древним, культам.

Культурные и экономические связи саков Киргизии

В настоящее время для памятников кочевников Киргизстана V–III вв. до н. э. можно выделить две этнокультурные зоны.

Первая включает Иссык-Куль, Чуйскую и Таласскую долины, Центральный Тянь-Шань и Кетмень-Тюбе. Здесь отмечены погребения кочевников под курганами разных размеров в грунтовых ямах, в вытянутом положении на спине с явно преобладающей западной ориентировкой. Погребения в каменных ящиках и скорченные труположения редки. Оригинальными памятниками материальной культуры этой группы можно считать бронзовые котлы на трех ножках, иногда зооморфных, и бронзовые жертвенные комплексы, встреченные исключительно в Семиречье. Наиболее полно для Киргизии эта группа памятников изучена в Кетмень-Тюбе. Эталоном для всего региона является курган Иссык.

Ко второй зоне следует отнести памятники Ферганы и Алая. Здесь не известны большие курганы. Погребения совершались на дневной поверхности, в неглубоких ямках, в каменных ящиках. Труположения были вытянутые на спине или скорченные. Имеются синхронные погребениям поселения. Характерной особенностью погребений Ферганы являются насыпи в виде длинной узкой полосы в сочетании с малыми курганами обычного типа и наличие среди инвентаря расписной керамики. Обе этно-культурные зоны находились в контактах между собой. Н. Г. Горбунова, исследовавшая ферганские могильники, отмечает близость их культуры, особенно керамики, к культуре семиреченских погребений. Ключевыми памятниками являются городище Эйлатан и могильник Актам. Ферганское население эйлатано-актамского времени производило характерную керамику с окрашенной нижней и расписанной той же красной краской верхней частью. Такая керамика известна в погребениях Алая, Кетмень-Тюбе, Чуйской долины. В Фергане, на Алае и в Чуйской долине встречены бронзовые втульчатые наконечники стрел с «лапками», которые нечасто находят в других регионах.

Большую роль в культурных и экономических связях саков Тянь-Шаня должен был сыграть Бактрийско-Алтайский торговый путь, трасса которого не могла миновать территорию современной Киргизии. Известная нам номенклатура товаров, провозившихся по этому пути, пока невелика. Это предметы роскоши, включавшие стриженные ковры, гобеленовые ткани из Передней Азии, сохранившиеся в курганах Горного Алтая, и, по мнению некоторых исследователей, высокохудожественные изделия из золота греко-бактрийского производства, к которым относится якобы и великолепная коллекция Петра I. Из Индии через Бактрию вывозили каменные, особенно сердоликовые с узорами, бусы. Из Сибири поступало золото, возможно, в обмен на изделия из него. В конце II в. до н. э. греко-бактрийский царь Евтидем предпринял поход в Сибирь, чтобы обеспечить приток золота в свою страну.

Импортными из находок в сакских курганах Киргизстана в настоящее время безоговорочно можно признать лишь бусы и раковины каури. Бусы были сделаны из самоцветов: сердолика, лазурита и коралла.

В Средней Азии месторождений сердолика не было. Его привозили из Аравии, Ирана, Индии. Сердолик бус из раскопок А. Н. Бернштама лучший специалист в этой области профессор Г. Г. Леммлейн считал индийского происхождения. Безусловно, индийского происхождения сердоликовые бусы с гравированным орнаментом. Детальное исследование орнаментальных мотивов, выполненное Б. А. Литвинским, ставит вопрос более конкретно. Боченковидная буса с зигзагообразным орнаментом из кургана 7 могильника Акбеит, по его определению, была изготовлена в мастерских Южной Индии. Бусы из лазурита были бадахшанского происхождения. Стеатитовые бусы, по мнению А. Н. Бернштама, выполнены из минерала, добываемого в районе Алтая и Саян, коралловые бусы – из средиземноморского материала. Вопрос о месте производства стеклянных бус остается открытым. Не исключено, что они, особенно глазчатые, были из Месопотамии.

В курганах близ башни Бурана (Чуйская долина) были найдены остатки какого-то лакового изделия китайской работы. Видимо, связи саков Киргизии с Китаем были эпизодическими и случайными. Поэтому никакого влияния китайского искусства на искусство тяньшанских саков не прослеживается.

На территории Киргизстана пока не встречены изделия сакского времени бесспорно переднеазиатских или бактрийских мастеров. Следовательно, до специальных исследований, изучая искусство саков Тянь-Шаня, мы можем говорить лишь о влиянии сибирского, переднеазиатского и греко-бактрийского искусства, так как по торговым путям распространялись не только товары, но и идеи.

В восточной части оз. Иссык-Куль в районе Сухого хребта краеведами СШ № 31 г. Фрунзе (руководитель М. К. Синусов) было найдено навершие бронзовой булавы в виде полого массивного полушария. Все пространство боковой поверхности ее занято изображением пантеры с оскаленной пастью и вписанными в свободное пространство нескольких голов сайгаков. Композиции, выполненные в манере (по терминологии А. Д. Грача) «загадочной картинке», известны по находкам в Туве и Центральном Казахстане. Они датируются VII–VI вв. до н. э. Считается, что подобный композиционный прием был выработан центральноазиатскими мастерами. В настоящее время трудно сказать, в каком из названных регионов была выработана эта оригинальная композиция. Ясно одно, что население Киргизстана уже в раннесакское время имело культурные связи с населением Тувы и Центрального Казахстана.

О юго-западных связях искусств саков Киргизстана свидетельствуют и некоторые мотивы Барскоунского клада. На одной из групп бляшек оттиснуто известное почти во всем скифо-сакском мире заимствованное из Передней Азии «древо жизни». Другая группа бляшек имеет форму ступенчатой пирамиды, возникшей в переднеазиатском мире еще в глубокой древности. В среду саков подобный тип орнаментации попадал чаще всего с импортом. Ступенчатые фигуры украшают кисти седел лошадей и куртки всадников на ковре иранского производства из Горного Алтая. Такие же фигуры обрамляют шествие львов и фату женщин на переднеазиатских тканях из Пазырыка. Они же заметны и в оригинальных произведениях горноалтайских мастеров. Ступенчатые фигуры украшают щит из кургана I Туэкта, они же служат навершием мужского головного убора из 3-го пазырыцкого кургана. Позже эти фигуры украшали короны иранских царей и служили архитектурными деталями на крепостных стенах. Высказано мнение, что ступенчатые фигуры были символом Ахура Мазды – верховного божества зороастрийцев.

Из Передней Азии могла быть заимствована композиция спокойного шествия зверей друг за другом по бортикам иссыккульских жертвенников и сюжет с изображением львов, которые не водились в Средней Азии. К этой же категории вещей следует отнести фигурки фантастических зверей с крылом-завитком на плечах.

С произведениями южных областей Средней Азии искусство саков Тянь-Шаня роднят золотые фигурки-навершия головных уборов, имеющих конструктивное и стилистическое тождество с изделиями знаменитого Амударьинского клада. Такие навершия в виде петушка и джейрана найдены в Кетмень-Тюбе и на Иссык-Куле. В кургане Иссык такое навершие представлено архаром.

Предполагают, что золотая бляшка с изображением Селена, найденная на кургане близ Бурана, изготовлена ювелирами Греко-Бактрийского царства. По-видимому, к предметам с влиянием работы греко-бактрийских мастеров можно отнести серебряную пряжку с изображением крылатых коней. На эту мысль наводит манера изображения крыла, резко отличная от переднеазиатской, где маховые перья загнуты вперед. Серебряные фалары греко-бактрийской работы известны по находкам в волго-донских степях. Однако и в составе амударьинского клада были выдающиеся художественные изделия из серебра с позолотой иранской работы. Из южных районов Средней Азии или из Передней Азии была заимствована техника инкрустации самоцветами золотых изделий в напаянных гнездах.

В предметах материальной культуры саков Чуйской долины прослеживаются элементы, присущие савроматам, населявшим степи Южного Урала и Поволжья. К таковым прежде всего следует отнести каменный столик-жертвенник, найденный близ Сокулука. Наиболее близкие аналогии ему известны по находкам в погребениях Западного Казахстана и Южного Урала. Причем К. Ф. Смирнов допускает возможность заимствования этих столиков савроматами у саков Семиречья. К заимствованиям у семиреченских саков относят также керамические сосуды с носиком-сливом и бронзовые котлы. В одном из курганов Чуйской долины найдена серебряная поделка с изображением головы клыкастого вепря. Аналогии ей можно найти в культуре савроматов, где подобные изделия служили амулетами – подвесками к оружию и уздечке.

Таким образом, находки в курганах бесспорно документируют экономические и культурные связи саков Киргизстана с населением обширной территории от Месопотамии до Тувы и от Индии до Южного Приуралья. В культуре саков Тянь-Шаня прослеживаются сильные влияния населения южных районов Средней Азии и Переднеазиатского региона. В свою очередь культура семиреченских кочевников оказывала влияние на культуру племен, заселявших более северные области.

Портреты саков

В раскопанных курганах археологов интересуют не только предметы материальной культуры. Если посмотреть, с какой осторожностью специалисты расчищают скелеты, тщательно пропитывают их специальными закрепляющими составами, как бережно извлекают и упаковывают каждую косточку, то неискушенному наблюдателю может показаться, что археологи занимаются никому не нужным делом либо ими движет простое любопытство. Но не простое любопытство вынуждает ученых со всей серьезностью относиться к останкам наших предков. Эти кости могут многое рассказать тем, кто умеет их «читать». Для специалиста-антрополога не составляет труда различить мужские и женские скелеты, определить возраст погребенного, его расовую принадлежность. Антропологи уже при полевом осмотре скелета судят о комплекции человека, его физической силе, а при лабораторных исследованиях – о перенесенных болезнях, травмах и даже о родственных отношениях между погребенными в одном могильнике. По костям научились определять группу крови.

Такие исследования начали проводить и в Киргизии. Например, при исследовании костного материала из могильников ранних кочевников Кетмень-Тюбе было отмечено 15 случаев патологических изменений, обнаруженных на костях. Среди них бытовые травмы, изменения в челюстно-лицевой области в результате болезней зубов, переломы костей при несчастных случаях, раны при ударе кинжалом, венерические заболевания, бруцеллез. Некоторые наблюдения позволяют сделать вывод, что древние кочевые хирурги умели отлично лечить повреждения костей и суставов.

А могут ли антропологи определить, как выглядели саки Тянь-Шаня, каков их внешний облик?

Еще в 50-х годах в республике проводились масштабные антропологические исследования под руководством крупнейшего ученого в этой области Г. Ф. Дебеца. Несмотря на то, что в его распоряжении была очень небольшая серия черепов саков Тянь-Шаня (притом плохой сохранности), ученый сделал вполне определенные выводы: «Древнейший из известных нам антропологических типов Киргизии – тип населения сакского времени – характеризуется преобладанием признаков европеоидной расы... Монголоидная примесь у населения сакского времени в Киргизии была совершенно незначительной». В свете новых работ эти выводы получили подтверждение.

При раскопках сакских могильников Джал-Арык и Кара-Каш в долине Кетмень-Тюбе было обнаружено два черепа весьма хорошей сохранности. Их расчистили, закрепили и упаковали с особой тщательностью – черепам предстоял долгий путь в Москву.

В Москве есть удивительное научное учреждение – Лаборатория пластической реконструкции. В ней работают люди редчайшей профессии – по черепу человека они воссоздают его точный портрет. Метод пластической реконструкции был разработан в результате двадцатипятилетних исследований М. М. Герасимовым. Благодаря его исследованиям мы узнали как выглядел первобытный мальчик, кости которого были найдены в пещере Тешик-Таш; перед нашим взором предстали благородное лицо киевского князя Ярослава Мудрого, рубленые черты эмира Тимура, интеллектуальный облик его внука – великого ученого Улугбека и многих других. Это подлинно научные портреты, созданные по научной методике, признанной учеными всего мира. Над черепами саков из Кетмень-Тюбе трудилась талантливая ученица М. М. Герасимова Г. А. Лебединская. Результаты ее таланта и труда – портреты саков – экспонируются сейчас в республиканском историческом музее. К сожалению, древние художественные изображения саков Тянь-Шаня нам не известны. Историки до сих пор не знают, какую прическу предпочитали саки Киргизии, носили ли они бороду и усы, а если да, то какой формы.

В результате интересующие нас портреты саков предстали перед посетителями музея бритыми и лысыми. Может быть, поэтому их трудно представить на диком степном коне, в доспехах, с тугим луком в руках.

Воин, похороненный в могильнике Кара-Каш, был молод. Высокий прямой лоб, красивой формы нос с едва заметной горбинкой, большие глаза, тонко очерченные губы, чуть впалые щеки, тяжеловатый для столь привлекательного лица подбородок, гордая посадка головы. Облик с такими чертами напоминает скорее изнеженного римского аристократа, чем лихого степняка-кочевника.

Но портрет-документ неопровержим. Так выглядели саки, обитавшие в одной из самых изолированных в прошлом долин наших гор.

Воин, погребенный в могильнике Джал-Арык II, выглядел несколько иначе. Во всем его облике чувствуется недюжинная физическая сила, голова большая, круглая, нос приплюснут, скулы слегка выдаются, глаза с едва уловимой раскосиной. Специалисты пришли к выводу, что это метисированный тип лица. В европеоидном облике его лишь слегка заметны мазки монголоидности.

Сейчас невозможно ответить на вопрос, в каком процентном соотношении находились европеоидные и метисированные обитатели Киргизстана в сакское время. Это дело будущих специальных исследований. Но уже сейчас можно предполагать их абсолютно равное правовое и социальное положение в обществе. В память обоим воинам были вырыты глубокие усыпальницы, насыпаны большие курганы, обоим был положен богатый сопровождающий инвентарь. То есть, в наличии все признаки, характеризующие погребения знати саков.

Какой бы степени знатности или расы не были саки-воины, они вызывали глубокое уважение современников за присущую им справедливость, храбрость, патриотизм. Античный автор Полиен рассказал об одном из эпизодов мужественной борьбы саков за свободу. Во главе огромного войска персидский царь царей Дарий I выступил против саков. Однажды в лагерь к царю привели окровавленного и изуродованного человека. На его теле было множество ран, уши и нос отрезаны. На допросе пленный заявил, что он сак, конюх по имени Ширак, раны якобы нанесли ему его же соплеменники, которым он хочет отомстить. Ширак вызвался провести войско персов тайными тропами в тыл войску саков. Персы с радостью согласились. Семь дней водил Ширак завоевателей по безводным и жгучим барханам, пока они догадались об обмане и схватили проводника. Перед смертью сакский конюх гордо заявил: «Я выиграл победу, ибо для отвращения бедствия от саков, моих земляков, переморил персов жаждой и голодом».

Любой народ может гордиться таким сыном, как Ширак.

А как же выглядели женщины саков? Если верить античным авторам, их отличала красота, развитое чувство патриотизма и долга, сильные и глубокие страсти. В смелости и отваге они не уступали мужчинам.

Грек Ктесий Книдский записал легенду о сакской царице Зарине. Она строила города, подчиняла соседние племена, заботилась о хозяйстве страны. Зарина вступила в брак с парфянским правителем, в брак по расчету. Парфия, которая прежде подчинялась царю Мидии, в результате этого династического брака оказалась под властью саков. Мидия, как и следовало ожидать, начала военные действия. В решающем бою Зарина была ранена. В погоню за ней устремился знатный мидийский юноша Стриангей и сбросил царицу с коня. Копье победителя было готово пронзить амазонку, но пораженный неземной красотой, мидиец не смог убить молодую женщину. Несколько позже в беду попадает Стриангей – он оказался в плену у саков. Муж Зарины приговорил его к казни. Благородная царица не могла платить злом за добро. Она вступилась за юношу. И когда муж не обратил внимания на ее просьбы, царица в гневе приказала казнить его самого. Сакам никогда не приходилось приказывать дважды, и муж-парфянин был убит. Мидия и саки заключили мир. Молодая вдова с почетом приняла Стриангея, но когда тот стал домогаться ее любви, царица кротко, но твердо отказала, посоветовав влюбленному быть крепким духом не только против врага, но и против собственных вожделений. Опыренный страстью, Стриангей бросился в свой шатер и набросал письмо Зарине, где упрекал ее в чрезмерном морализме и жестокости, потом взял меч и...

Никому не известно, что было дальше. На этом месте рукопись оборвалась. А жаль. Красивая легенда! Е. Е. Кузьмина, анализирувшая ее, полагает, что в ней есть зерна исторической истины.

Шутки с сакскими женщинами были плохи не только на любовном поприще, но и на поле боя. Геродот повествует, что к царице массагетов (саков тиграхауда) Томирис посватался Кир – могущественный царь персов. Царица поняла, что не она нужна ему, а богатые сакские земли, и отказала. Повод для войны был более чем достаточным. Кир перешел пограничную реку и вторгся в пределы кочевников. Царь решил устроить сакам западню. Она была простой, но рассчитанная на столь понятные человеческие слабости, подействовала безотказно. В своем лагере Кир приказал поставить столы, уставить их роскошными яствами и винами. Караульную службу в лагере остались нести слабые и малочисленные воины, а с основными силами Кир удалился. Отряд саков во главе с сыном Томирис Спаргаписом напал на лагерь персов, легко опрокинул слабые заслоны и, обрадованный приятным сюрпризом, принялся пировать. Дорого обошлось сакам это застолье. Войска Кира вернулись и взяли «бражников» в плен. Протрезвившись, Спаргапис не вынес позора и покончил с собой. Царица послала к Киру вестника с советом покинуть страну и вернуть ей останки сына. Послание заканчивалось угрозой: «Если же не сделаешь этого, клянусь солнцем, владыкою массагетов, я утолю твою жажду крови, хоть ты ненасытен». Кир пренебрег этим советом. И напрасно: в жестоком сражении саки победили. Пало почти все войско персов. Пал и сам царь. Томирис погрузила его голову в мех с человеческой кровью и сказала: «Я насыщу тебя кровью, как угрожала». Эти события произошли в конце лета 530 г. до н. э. Дата довольно знаменательна. Она не только дата победы саков, но и наиболее ранняя и точно установленная дата в истории народов Средней Азии.

Два ярких портрета недюжинных женщин: женщины-матери и женщины-возлюбленной. Поэтому-то и любопытно было бы посмотреть на их портреты. А в искусстве саков, как назло, редки изображения людей, а изображения женщин просто уникальны. Сейчас на территории Киргизии найдено два изображения женщин времени саков.

В 1973 г. в Кетмень-Тюбе в могильнике Джалпак-Таш было найдено первое женское изображение сакского времени. Это была микросенсация. На тонкой золотой пластинке хорошим штампом были отгиснуты профильные черты женщины в позе

донатора. Она стоит на правом колене, ступня левой ноги выдвинута вперед, в полусогнутых руках женщины кубок – ритон, нижняя часть которого оформлена в виде козла. На фигурке головной убор с полуовальными наушниками и шишечкой наверху, из-под него по плечам рассыпаны пряди волос, платье с длинным рукавом ниспадает свободными складками. Лицо пожилой женщины обращено влево. Нос большой, выступающие скулы, губы сомкнуты, впалые щеки, глаза выразительные, подчеркнуты широкими загнутыми вниз бровями. Во всем облике что-то просительное, на лице полуулыбка.

Судя по головному убору, женщина могла принадлежать к кругу кочевых племен, но полной уверенности в этом нет. Изображение оттиснуто на золоте, которое, как известно, являлось предметом широкого обмена. Золотые поделки могли поступать к сакам из самых отдаленных областей.

В 1976 г. в окрестностях с. Чельпек Джеты-Огузского района Иссык-Кульской области найдены две одинаковые бронзовые фигурки женщин, служившие ножками громадного жертвенного стола. В этом случае археологи почти уверены, что прототипом этих скульптур могла быть местная сакская женщина. Об этом как будто свидетельствуют и некоторые неустраненные дефекты отливки, неуместные при импорте. Кроме того, совершенно неизвестно, откуда мог быть подобный импорт, так как жертвенники этого типа известны пока только по находкам в Семиречье. Лицо женщины напоминает застывшую маску, широко поставленные с монгольским разрезом незрячие глаза, большой нос приплюснут, маленький рот передан узкой чертой. Лоб фигурки стянут обручем (диадемой), у запястий обнаженных поднятых рук – браслеты разной ширины. Короткая безрукавка с мысиком внизу украшена по разрезу нашивной полосой с рисунком в елочку углом вверх. Юбка с обозначенными складками, перевитыми вправо, расширяется книзу и полностью закрывает ступни ног. Скульптор явно нарушил пропорции: нижняя часть тела слишком коротка, голова чрезмерно велика. Судить по этим изображениям о расовой принадлежности прототипов рискованно, однако можно предполагать, что во втором случае художник пытался передать монголоидные черты лица. Даже обладая развитым воображением, очень трудно представить в облике вышеописанных женщин Томирис или Зарину. Утешимся тем, что, как давно установили ученые, сакские художники прекрасно изображали животных и из ряда вон плохо – людей. На это пока и спишем несоответствие легендарного и художественного образов сакских матрон.

Была ли у саков письменность?

До недавнего времени, а точнее до 1970 г., такой вопрос сочли бы абсурдом. Само собой разумеется, что кочевники-саки не могли иметь письменности, не могли читать и писать, потому, что это им было просто незачем. По традиционно установившимся понятиям, письменность появляется лишь тогда, когда возникает государственность. Именно в это время письмо служит для регулирования взаимоотношений между государствами, государством и подчиненными, для учета государственных доходов и прочее. Саки же, как известно, не сумели создать свое государство. Правда, в повести о Зарине есть намек на то, что саки были знакомы с каким-то письмом: страстный мидиец писал же любовное письмо царице. Однако каким алфавитом, на каком языке, читала ли его сама Зарина? Да и было ли письмо как таковое, или это вымысел Ктесия? Короче, Все исследователи были уверены, что саки не имели письменности. Это стало аксиомой. Аксиомой считалось и мнение, что саки говорили на восточно-иранском языке. Но археология не терпит аксиом.

В 1970 г. известный советский археолог К. А. Акишев завершил раскопки кургана Иссык, что в 50 км к востоку от Алма-Аты. Кроме многочисленных сокровищ, в составе инвентаря была неброская на первый взгляд серебряная чаша. Она то и поразила выдавших виды ученых гораздо сильнее, чем груда золота в кургане. На ней была процарапана двустрочная надпись, состоявшая из 25 или 28 знаков, из них не более 16.

Сомнений быть не могло: перед специалистами предстали письмена из сакского кургана. Сенсация! Надпись сразу же привлекла внимание специалистов тем, что по меньшей мере три ее знака были сходны с руническим письмом древних тюрков. А ведь между иссыкскими письменами и древнетюркскими рунами был разрыв более чем тысячелетие! Мнения ученых разделились.

Казахские тюркологи высказали точку зрения, согласно которой иссыкская надпись выполнена вариантом рунического письма на древнетюркском языке. В настоящее время имеются три разные варианта перевода текста. Одни ученые утверждают, что он носит характер эпитафии, другие предполагают его религиозно-магическое содержание. Во всяком случае, во всех вариантах прочтения текста на основе тюркского языка смысловое его содержание разное. Следует признать, что тюркоязычность иссыкской надписи не доказана, однако и сбрасывать со счетов эту гипотезу рано.

К. А. Акишев опубликовал еще две надписи, найденные на территории Семиречья и выполненные графемами, которые сходны с отдельными иссыкскими знаками. Одна из них датируется IV–III вв. до н. э., а другая – IV–VI вв. н. э. Ученый сделал вывод, что у саков и усуней более тысячелетия существовала письменность которая была распространена как среди значит так и в среде простолюдинов. Другую точку зрения высказали французские ученые. В самых верхних слоях городища Айханум в Афганистане сотрудниками профессора Бернарда была найдена серебряная пластинка с письменами, напоминающими многие иссыкские графемы. Так как следов культуры кочевников на Айхануме найти не удалось, то и надпись по мнению французских специалистов не могла относиться к их культуре. Скорее всего она, как полагают, является древнебактрийским письмом.

Ленинградский востоковед В. А. Лившиц, изучив иссыкскую надпись, отказался от категорических заключений и высказался весьма осторожно:

1. На основании сходства (возможно случайного) отдельных знаков нельзя говорить о языковой принадлежности всей надписи.

2. В настоящее время известно несколько надписей, письмо которых близкородственно иссыкскому, либо является его продолжением. Эти надписи обнаружены на территории от Тянь-Шаня до Центрального Афганистана и охватывают более чем тысячелетний период.

3. Пока иссыкская надпись не расшифрована, любое заключение о ее языке будет гипотетическим. Ряд признаков тем не менее позволяет связать эту неизвестную письменность с сакской средой.

Ученые продолжают работу. Не исключено, что появятся новые находки и неизвестная письменность будет дешифрована. Тогда тяньшанские саки сами расскажут нам о своей истории.

На этом уместно закончить наш краткий экскурс в глубины тайн сакских цепочек курганов. На рубеже III–II вв. до н. э. саки Тянь-Шаня ослабели и были частично вытеснены кочевниками-юэчжами, частично подчинились усуням, пришедшим вслед за юэчжами с востока. Память о саках и их своеобразной культуре хранят цепочки курганов, вытянувшиеся в стройные колонны с севера на юг. Наш гражданский долг – сохранить эти памятники для потомков.

Глава III. ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ "ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ"

«Никто из них не может ответить на вопрос,
где его родина: он зачат в одном месте,
рожден далеко оттуда, вскормлен еще дальше»
Аммиан Марцеллин

Кочевники идут на Запад

На рубеже старой и новой эры степь пришла в движение. Из глубины Азии стремительно двинулись гунны, безжалостно уничтожая все сущее на пути. Они приводили в смятение не только земледельческие народы и государства, но и кочевников. Кстати, скотоводы первыми приняли на себя всю мощь и ярость их натисков. Навсегда исчезли могучие сармато-аланский и готский союзы племен, прекратила существование Черняховская культура, пали многие греческие города Причерноморья, с трудом защищала свои границы Римская империя. Представляли они серьезную опасность и для кочевников Казахстана и Киргизии.

В истории гуннская эпоха образно названа эпохой «великого переселения». В это время коренным образом меняется этническая карта кочевого мира. Гунны, как полагают, были тюркоязычными племенами. Они положили конец тысячелетнему господству ираноязычных саков и сарматов. С владычеством гуннов, наряду с тюркоязычностью, связан и процесс наиболее интенсивного проникновения монголоидных элементов в среду европеоидного автохтонного населения.

Наибольшего могущества на Западе гунны достигают в середине V в. во время правления Атиллы. Он перенес свою ставку из Причерноморья в Паннонию (Венгрия). В результате удачных войн с Римом, Атилла вынудил гордую империю платить громадную дань золотом. Гунны купались в шелках и драгоценностях, однако их предводитель носил простую одежду, снаряжение его коня и доспехи не украшали драгоценности. Могущество державы Атиллы основывалось только на авторитете вождя и силе меча. Естественно, первое крупное поражение должно было подорвать могущество гуннов. Так и случилось. В 451 г. в битве на Каталунских полях (Шампань, Франция) римляне и их союзники в ожесточенном бою нанесли им сокрушающий удар. По свидетельству готского историка Иордана, с обеих сторон пало 165 тысяч человек, не считая 15 тысяч гепидов и франков, перерезавших друг друга еще до начала битвы. Вскоре Атилла умер. Это был конец и его державы.

Однако племена в Средней Азии, которых современники связывали с гуннами, продолжали господствовать. В письменных источниках все чаще упоминаются кидариты, хиониты, эфталиты, белые гунны, красные гунны. Встречаются и другие энтонимы. Трудно сказать что-либо о происхождении этих племен и их языковой принадлежности. Одни ученые считают их тюркскими, другие – восточноиранскими. На территории Киргизии утвердились усунь и их потомки. К ним примкнули остатки саков и некоторые другие племена кочевников.

Усунь

Осенью 1968 г. в столице Советского Таджикистана – городе Душанбе состоялся международный форум по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. Форум проходил под эгидой ЮНЕСКО. В академических конференц-залах Душанбе звучала тогда не только привычная таджикско-русская речь. Выступали индусы, французы, турки, англичане, иранцы, немцы, афганцы, японцы... Короче, чуть перефразируя поэта, «все флаги в гости были к нам». Это был большой праздник археологии.

В работе конференции приняла участие представительная делегация историков и археологов Киргизии. Одним из основных был доклад И. Кожомбердиева «Культура кочевников Тяньшань-Алая первой половины I тысячелетия н. э. (по материалам катакомбных курганов)». Киргизский археолог тогда впервые высказал мысль, что курганы с погребениями в катакомбах некогда принадлежали усуням.

Кто такие усунь? Наилучшее изложение начальной истории этого народа было предложено членом-корреспондентом АН Туркменской ССР В. М. Массоном.

Усунь кочевали к юго-востоку от Тянь-Шаня и были подвластны гуннам. Во II в. до н. э. они отделились от них и двинулись на запад. Здесь, подчинив себе сакские племена, они образовали независимое политическое объединение. Усуньский владетель (гуньмо) располагал хорошо вооруженной конницей: около 200000 человек. Ставка его

была на берегу оз. Иссык-Куль. Основным богатством усуней был скот. Богатые имели табуны, насчитывающие от 4 до 5 тысяч лошадей. Естественно, зная не удержалась от захвата лучших пастбищ. Возросшую мощь усуней тотчас заметили гунны и Китай. В своей извечной борьбе каждый из них хотел заполучить сильного союзника. С этой целью китайский двор за престарелого усуньского владыку выдал юную принцессу, да еще и с богатым приданым. Однако гунны разгадали дипломатический демарш своих недругов и нейтрализовали его тем же способом. Усуньский владетель тотчас получил в жены еще и гуннскую принцессу. Этим самым гунны поставили престарелого молодожена перед весьма щекотливой дипломатической дилеммой – кто из принцесс станет байбиче (старшей женой)? Китайский двор был далеко, а гуннская конница рядом. Это обстоятельство в конце концов предопределило дальнейшие события: старшей стала гуннская принцесса.

Юная китаянка обиделась и, слагая грустные песни, вела замкнутый образ жизни. Позже гуньмо, следуя обычаям кочевников, отдал ее замуж за собственного внука. Превратившись из «бабушки» в любимую жену, принцесса успокоилась.

Такие политические браки не были редкостью, но не всегда достигали цели. Усуни хорошо понимали роль китаянок в своих ставках и вели самостоятельную политику. Китайские исторические хроники с разочарованием отмечали: «Усуньцы держатся двух сторон, и трудно вступить в договор с ними. Прежние царевны находились в Усуни более сорока лет; но не видно было искренней супружеской любви...». Таким образом, роль политических «ночных кукушек» китаянкам не удалась. Поэтому принцессы, понуждаемые извне, от тактики обольщения женскими чарами перешли к тактике интриг. Одна из них сумела даже организовать заговор против своего мужа. Во время пира его ударили мечом, но лишь слегка ранили. Китайский двор весьма сожалел о неудаче. Сохраняя хорошую мину, император послал к усуням чиновника для выяснения дела. Тот слишком рьяно принялся за следствие и даже допросил принцессу с пристрастием («бил ее по голове и ругал»). Посланец, на свою беду, был наивным и публично обвинил китаянку в организации покушения. Усердие его было «вознаграждено»: по возвращении на родину его приговорили к смертной казни, а к усуням был назначен другой чиновник в сопровождении лекаря. Последний, видимо, хорошо знал свое дело и усуньский владетель быстро выздоровел. Посланцы опять не угодили императору. Судьба чиновника была печальна. Его обвинили в том, что он не сумел воспользоваться удобным случаем, зная, что глава усуней заслуживает смерти. За полное отсутствие сообразительности посла лишили всех чинов и «заточили в шелководельню».

Несмотря на коварство китайской дипломатии и силу гуннской конницы, усуньцы сумели сохранить свою политическую независимость, своеобразную культуру, быт. Позже под ударами внешних и внутренних центробежных сил усуньское объединение племен стало дробиться. В первой половине первого тысячелетия в письменных источниках оно почти не упоминается. В середине VI в. усуньцы вошли в состав Тюркского каганата.

В предыдущей главе мы узнали, какие археологические памятники нельзя считать усуньскими. А какие можно? Это именно тот случай, когда поставить вопрос неизмеримо легче, чем ответить на него.

Вернемся к археологии.

Погребения в катакомбах и подбоях

В самом конце прошлого века (1898–1899 гг.) на территории Киргизстана работала первая и пока последняя иностранная археологическая экспедиция. Возглавлял ее видный член финно-угорского ученого общества, магистр философии Г. Гейкель. В составе экспедиции работали профессор О. Доннер и барон К. Мунк. Финские ученые в то время усиленно разрабатывали проблему происхождения своего народа. По одной из гипотез, предки финнов в глубокой древности обитали то ли в Приуралье, то ли в Западной Сибири, а может быть и на Тянь-Шане, где были найдены древнетюркские письмена,

внешне немного сходные со скандинавскими рунами. Поэтому Г. Гейкель и решил обследовать памятники в Таласской долине. Финским ученым, конечно, не удалось отыскать свою прародину. Много позже они опубликовали результаты своих изысканий, правда, без анализа и датировок. Однако к востоку от Таласа в четырех могильниках финны раскопали 10 курганов с новым типом погребальных сооружений – катакомбами. Этим они внесли свой вклад в киргизскую археологию.

Что представляют собой эти археологические памятники? Внешне их можно отличить от любых других. Обычно курганы с катакомбами располагаются на плоских адырах у входа в ущелье. Насыпи земляные, высшая точка кургана смещена от центра, поэтому кажется, что один склон крутой, а другой – вытянуто-пологий. Под насыпью находилось сложное подземное сооружение, состоящее из двух основных частей – дромоса и катакомбы. Дромос представляет собой длинный коридор, полого или ступенчато опускающийся к катакомбе. В плане он напоминает трапецию. В стенке у широкого основания этой трапеции выдалбливался небольшой круглый лаз. Он, как, правило, плотно закладывался камнями или сырцовыми кирпичами. Примерно через 0,5 м лаз резко расширялся в стороны и вверх. Получалась овальная в плане и с купольным потолком камера – катакомба. Она – очень напоминает кочевническую юрту. Здесь помещали тело покойного. Бывают катакомбные конструкции и других типов, но вышеописанная является наиболее типичной. Подбойные погребения совсем иной, отличной от катакомб, конструкции. Они так же состоят из двух частей – ямы и подбоя. Яма в плане под прямоугольная или с округленными углами. По всей нижней части одной из длинных стенок ее выдалбливалась ниша – подбой, в котором и производилось захоронение. В хронологическом отношении катакомбные и подбойные погребения сосуществовали.

Здесь уместно упомянуть наиболее известный в мировой археологии могильник с подбойными погребальными сооружениями Кара-Булак. Он расположен у одноименного села в Баткенском районе Ошской области. Открыл его в 1954 г. безвременно ушедший киргизский ученый Ю. Д. Баруздин. Чем ное знаменит могильник Кара-Булак? Двумя обстоятельствами, причем очень важными для науки: во-первых, его не коснулась рука грабителя; во-вторых, в погребениях сохранились органические материалы, такие, как дерево, ткани, даже плоды. Кроме того, в могильнике найдены мумии. Нужно полагать, что это была естественная мумификация, так как все без исключения мумии были найдены в арчевых гробах. А в древесине арчи, как известно, содержится высокая концентрация смолистых веществ. Вероятно, сыграли свою роль и какие-то особо благоприятные мумификации почвенные и микроклиматические особенности окрестностей с. Кара-Булак.

Учитывая доминирующую конструкцию погребальных сооружений и, в особенности, материальной культуры, катакомбные и подбойные погребения разделяются на три группы.

1. Кенкольская культура. Территориально охватывает долины Таласа, Чаткала и Кетмень-Тюбе. Характеризуется курганами с земляной насыпью, длинным трапециевидным в плане дромосом и катакомбой, расположенной перпендикулярно длинной оси дромоса. На указанных территориях в 26 могильниках раскопано 592 кургана.

2. Карабулакско-ворухская культура. Изучена в Баткенском и Ляйлякском районах Ошской области. Здесь существуют погребения в катакомбах кенкольского типа, грунтовых ямах и подбоях с меридиональной ориентировкой. Преобладают последние. На территории Киргизии в могильниках раскопано около 150 подбойных, катакомбных и ямных погребений этой культуры.

3. Айгырджальская группа. Конструкция подбоев идентична погребениям этого типа в других районах Средней Азии и Казахстана. Конструкция катакомб оригинальна. Дромос их, как и в подбойном погребении, представляет собой обычную узкую грунтовую

яму. По месту расположения катакомбы относительно дромоса эти погребения делятся на два типа:

1. Бурмачапский. Вход в катакомбу пробит в торцевой стенке дромоса, катакомба расположена перпендикулярно длинной оси дромоса.

2. Кызартский. Вход в катакомбу пробит в длинной стенке дромоса. Катакомба и дромос параллельны.

Погребения Айгырджальской группы изучены в Центральном Тянь-Шане. Всего в 11 могильниках раскопано 26 подбойных и 18 катакомбных погребений. Погребения этого типа встречены лишь единично в Исык-Кульской и Алайской долинах.

В подбоях и катакомбах погребали, как правило, одного человека, но встречаются захоронения двух, трех, четырех человек. Детей хоронили вместе со взрослыми, очень редко фиксируются обособленные детские погребения. Покойный лежал на спине в вытянутом положении, руки – вдоль туловища либо скрещены в области тазовых костей. В ориентировке погребенных общая закономерность не прослеживается. Отмечены погребения в дощатых гробах, в долбленных колодах с крышками, на носилках, напоминающих лестницу, на дощатом ложе, подстилке из кошмы и камыша. Инвентарь и ритуальная пища могли располагаться в любой части могильного сооружения. Чаще всего они находились в изголовье погребенного. Инвентарь в мужских и женских погребениях различен. Захоронение мужчин сопровождалось предметами вооружения, женщин – предметами туалета и украшениями. Независимо от пола, в погребениях помещали керамические и деревянные сосуды, реже – металлические котлы и чаши.

Керамика по способу изготовления делится на лепную и гончарную. Грубая асимметричная лепная посуда слабого обжига домашнего производства характерна только для айгырджальской группы и редко встречается в памятниках кенкольской и карабулакско-ворухской культуры.

В курганах карабулакско-ворухской культуры преобладают сосуды, изготовленные на гончарном круге быстрого вращения. Среди них кувшины, горшки, чаши, кружки, кубки, миниатюрные сосуды, флаги.

Каждая группа керамики имела многочисленные варианты форм. По классификации Б. А. Литвинского их было не менее 57.

Высококачественная лепная керамика хорошего обжига представлена в катакомбах кенкольской культуры. Сосуды отличаются широким плоским дном, преобладает белый ангоб.

Орнаментация сосудов примитивна. В большинстве случаев это волнистые линии, нанесенные на стенки сосудов до ангобирования, или пунсонные оттиски – кружочки. В курганах Ферганы и очень редко в Кетмень-Тюбе встречаются сосуды, на которых орнамент процарапан после ангобирования по хорошо просушенному черепку. Эта техника орнаментирования названа «даваньской». Сосуды выглядели очень нарядными.

Изредка ручки сосудов оформлялись в виде головок козлов или баранов. Горлышко-водолей из могильника Торкен в Кетмень-Тюбе было выполнено в виде головы барана.

Керамика из курганов карабулакско-ворухской культуры тесно связана с синхронными им поселениями Ферганы. В керамике кенкольской культуры и айгырджальской группы такая связь не наблюдается.

Вооружение. Наиболее распространенным вооружением этого времени среди населения Киргизии были лук и стрелы. Остатки их находят как в небольших рядовых курганах, так и в курганах знати. Луки так называемого «гуннского» типа имели деревянную основу, склеенную из нескольких кусков дерева. К ней крепились костяные накладки, чтобы сделать часть основы негнушейся. Тогда лук становился очень тугим и дальнобойным. Обычно накладок было семь: по две парные с вырезом для тетивы – на каждом из концов лука и три – в середине. Размеры концевых накладок разные – одна

пара обычно короче другой. Длина такого лука достигала 120–160 см. Оружие этого типа было широко распространено во всей полосе степей от Кореи до Западной Европы.

Сложному составному луку «гуннского» типа соответствовали трехлопастные черешковые железные наконечники стрел. В первые века н. э. употреблялись мелкие наконечники с треугольной головкой. В III–IV вв. распространяются крупные наконечники длиной до 10–11 см. Последние доживают вплоть до раннего средневековья. В V–VI вв. появляются наконечники с ромбическими лопастями. В кенкольском могильнике встречены костяные наконечники стрел.

Древки стрел делали из дерева, камыша и комбинированные – из камыша и дерева. Длина их, судя по находкам в могильнике Кара-Булак, достигала 80 см, диаметр 7–8 мм. Здесь найдены все 3 вида древков. У комбинированных передняя часть с наконечником была деревянной, задняя – камышовой. Древки орнаментированы полосками красной и черной краской. Стрелы из Кенкола по размерам близки к карабулакским. Длина их 81 см, диаметр – до 5 мм. Наиболее крупные древки стрел достигали в длину 92 см. Они найдены в могильнике Калмак-Тюбе близ Ат-Баши. Тыльная часть деревянных стрел имела грушевидное утолщение с вырезом для тетивы. Судя по находкам А. К. Абетекова, тыльный конец стрелы иногда оковывался тонкой серебряной пластинкой с рифленой поверхностью.

В курганах кенкольской и карабулакско-ворухской культур найдены железные мечи, реже палаши, с черешковой рукоятью без металлического перекрестия и навершия. Длина мечей колеблется от 80 до 130 см.

Судя по следам дерева на лезвии и черешке, ножны и рукояти мечей были деревянные. Ножны иногда окрашивались в красный цвет. Мечам этого типа соответствовали и кинжалы без металлического навершия с деревянными и костяными рукоятками.

При изучении курганов знати кенкольской культуры в могильнике Акчий-Карасу в долине Кетмень-Тюбе (И. К. Кожомбердиев) были найдены большие фрагменты чешуйчатых доспехов из прямоугольных железных пластин. Здесь же обнаружены части кольчуги. В рядовых курганах защитные доспехи практически отсутствуют. Шлемы и щиты этого времени до нас не дошли.

Таким образом, в III–V вв. н. э. легко вооруженные воины вступали в бой с луком и стрелами, в ближнем бою они пользовались кинжалами и мечами. Тяжело вооруженные воины были защищены чешуйчатыми панцирями и кольчугами с тем же набором оружия дальнего боя. Копья, по-видимому, употреблялись очень редко, или они не входили в необходимый набор погребального инвентаря. Из всех раскопанных курганов кенкольской культуры лишь в одном был обнаружен железный наконечник копья (И. К. Кожомбердиев).

Одежду шили из шерстяных, шелковых и грубых тканей растительного происхождения. Отдельные находки в Кенкольском и Карабулакском могильниках дают представление о покрое платья. К предметам одежды относятся кожаные ремни с прямоугольными и овальными пряжками, снабженными подвижным язычком. Пряжки ковали из железа и бронзы. Женские головные уборы из могильника Кара-Булак были украшены полусферическими бронзовыми бляхами. Сапоги были с высокими голенищами и мягкой подошвой.

О местном прядении нитей для изготовления тканей свидетельствуют находки веретен с пряслом самых различных форм и размеров.

Украшения. К ним относятся браслеты, кольца и перстни, серьги, разнообразные наборы бус. Украшения в основном найдены в женских погребениях. По ним хорошо прослеживается степень имущественной дифференциации общества. Если в рядовых могилах встречаются скромные бронзовые, железные или стеклянные браслеты, бронзовые, железные кольца и перстни, пастовые и стеклянные бусы, то в могилах знати

находят массивные золотые изделия, аляповато инкрустированные камнями или стеклом и украшенные зернью.

Изделия из дерева довольно частые находки. Это уже упоминавшиеся древки стрел, веретена, чашки, кружки, блюда, корытца, столики, плетеные корзинки, дощатые гробы и колоды. Из дерева, обтянутого кожей, делали ножны мечей, кинжалов, ножей. Из дерева были изготовлены рукояти, предметов вооружения, также кибиты луков. Часто встречаемые предметы столовой утвари из дерева свидетельствуют о кочевом образе ведения хозяйства.

Хронология

Вопросы датировки катакомбных и подбойных погребений на территории Киргизии разработаны в наиболее общих чертах, охватывая лишь начальный и конечный периоды хронологического диапазона их функционирования. А. Н. Бернштам датировал Кенкольский могильник I в. до н. э. – II в. н. э. С. С. Сорокин пришел к выводу, что этот могильник относится примерно к II–IV вв. н. э. И. К. Кожомбердиев и Л. М. Левина относят катакомбы Таласа и Кетмень-Тюбе к I–V вв. н. э. В этих же пределах, но не позднее IV в., датировались погребения Айгырджальской группы. Могильник Кара-Булак, как полагал Ю. Д. Баруздин, мог существовать, главным образом, в пределах II–IV вв., но некоторые погребения относятся даже к II–I вв. до н. э.

К I–II – IV–V вв. относил погребения в могильниках Кара-Булак и Туура-Таш Б. А. Литвинский.

Таким образом, со времени датировки, предложенной А. Н. Бернштамом, хронология катакомбных и подбойных погребений развивалась только в сторону их «омоложения». В литературе выделяется ряд погребений этого типа, которые могут быть отнесены к VII и даже VIII в.

Археологический детектив (курган Шамши)

Это было в начале августа 1958 г. На ничем не примечательном поле на правом берегу р. Шамши в Чуйской долине колхозники убирали урожай. Вдруг левое заднее колесо комбайнового агрегата провалилось. Машина резко накренилась, едва не опрокинулась, но устояла. Когда с помощью другого трактора ее вытащили, то увидели подземную камеру, потолок которой не выдержал многотонной тяжести. Камера была полусасыпана обвалом и под тонким слоем земли блеснуло золото... Много золота!

От вполне понятного шока первым, как это положено, оправился бригадир. Проявив максимум оперативности, он с двумя колхозниками остался у провала, а одного на попутной машине отправил в сельсовет. Бригадир строго наказал подчиненным не спускаться в провал, не трогать ни единой вещички. В сельсовете, узнав о случившемся, немедленно позвонили в районную милицию и в Институт истории АН Киргизской ССР. Сотрудники милиции и археологи не заставили себя долго ждать. Первые сменили колхозную охрану, установили оцепление и не допускали любопытных мешать работе ученых. А археологи, едва сдерживая волнение, скальпелем и тонкой кисточкой расчищали сокровища, пролежавшие в земле около 1500 лет. Еще бы не волноваться! Найдено единственное в СССР неграбленное, очень богатое, погребение эпохи «великого переселения». К самому концу работы археологов подоспела авторитетная оценочная комиссия. По нашему советскому закону все клады являются собственностью государства. Но, следуя букве закона, нашедшему клад и сдавшему его государству, выплачивается вознаграждение, равное 25% общей стоимости клада. Счастливчики получили свое вознаграждение. Одни купили легковые автомашины, другие – отстроили добротные дома, а наука обогатилась еще больше – ведь погребение было непотревожено, все вещи лежали на своих местах. Какой материал для анализа!

Так должно было быть. Но так не было. А было вот как. ...Люди прыгнули в провал, разгребали руками землю, хватали драгоценности, срывали с костей диадемы, браслеты, перстни. Потом, как «честные» люди и «добрые» односельчане, сложили

бесценные сокровища в кучу и честно разделили на четыре части (по числу участников ограбления). Воистину «люди гибнут за металл...»

Так бы и пропало сокровище, законное достояние республики, превратившись в безвкусные побрякушки или зубные протезы. Но шила в мешке не утаишь. Нашелся-таки гражданин, который сообщил о находке. Оперативная, тонкая психологическая работа сотрудников МВД и ученых из АН республики спасли шамшинские находки. Вскоре после умной индивидуальной беседы с каждым «счастливчики» добровольно и полностью сдали награбленное.

Много лет спустя автору пришлось вести раскопки поблизости от знаменитого шамшинского кургана. Судьба неожиданно свела археолога и невольного грабителя кургана. Он сам рассказал о случившемся. По его словам, если бы он знал законодательство, то немедленно сдал бы сокровища государству. Кроме того, он полагал, что открыл не древние произведения искусства уникальной научной ценности, а погребение бая времен коллективизации.

Отсюда вывод: настоятельно необходимо усилить популярное разъяснение как советского законодательства относительно памятников истории и культуры, так и пропаганду самих памятников.

Что лее удалось выяснить ученым, которые, конечно, не по своей вине, прибыли очень поздно? В дообследовании кургана Шамши принимали участие П. Н. Кожемяко и Д. Ф. Винник. Ученые провели опрос участников находки и раскопали остатки погребения. Выяснилось, что на этом поле была большая группа курганов, которые в 1956 г. были снесены для расширения пахоты (грубое нарушение советского законодательства. Необходимо было предварительно создать условия для изучения курганов археологами). Курган Шамши был примерно 20 м диаметром и 2 м высотой. Погребальное сооружение состояло из ямоподобного дромоса. Вход в катакомбу находился в длинной стенке ямы и был заложен тремя крупными валунами. Катакомба располагалась параллельно дромосу. Согласно нашей классификации, по конструкции погребального сооружения курган принадлежал к Кызартскому типу Айгырджальской группы. Погребение было совершено в деревянном гробу из тонких досок, которые скреплялись бронзовыми скобами. Скелет женщины лежал на спине в вытянутом положении. Череп был подвергнут прижизненной искусственной деформации. Почти все золотые изделия находились в области черепа и грудной клетки. В ногах вне гроба стоял бронзовый казан с закопченной поверхностью. Вне гроба располагались: конская сбруя, кости барана, глиняный кувшин и другие вещи.

Все находки были тщательно описаны П. Н. Кожемяко и И. К. Кожомбердиевым. Здесь сознательно до минимума сокращено описание лишь небольшого числа шамшинской коллекции, чтобы не превратить его в унылый перечень, который с интересом прочтут только специалисты.

Изделия из золота. Лицевая маска из цельного листа золота. Глазные яблоки обозначены крупными светло-желтыми сердоликами. Острый прямой нос приклепан, рот обозначен вдавленным желобком. На лице проколами (имитация татуировки?) обозначен орнамент в виде трех стилизованных елочек.

Круглодонная чашечка с петлеобразной вертикальной ручкой. Имеет следы грубого ремонта.

Диадема (головной убор) очень сложной конструкции из множества составных частей. В основе ее круглый серебряный обруч, украшенный янтарями. Вверх от обруча, образуя полусферу и смыкаясь сверху, шли полоски из золота. Вниз от обруча свисало свыше 60-ти цилиндрических подвесок.

Медальон с цепочками сложной работы, в центре которого погрудное изображение женщины, вырезанное из красного граната.

Ожерелье, в котором чередуются золотые подвески в виде древесного листа и вставленные в оправу темно-красные гранаты.

Три типа парных составных подвесок с перегородчатыми оправами и зернью (6 штук).

Два совершенно одинаковых перстня. По внешнему ободку кольца напаяны по краям сплетенные из двух проволочек жгутики. Щиток перстней с тремя вставками из гранатов, окруженных зернью.

Четыре пустотелых шарика, поверхность которых покрыта круглыми ячейками из напаянных золотых полосок. Шарiki имеют сквозные отверстия для подвешивания. Два таких же шарика, но ячейки выполнены в виде восьмигранников.

Изделия из серебра. Кожаный пояс с двумя пряжками. Все полотно пояса украшено рядами пластин и гвоздиков с полусферическими шляпками, которые образуют сложный орнамент.

Две цилиндрические коробочки с крышками.

Круглая бляшка с поясками зерни и янтарных вставок.

Свыше 30-ти круглых бляшек с вставками из красного стекла.

Туалетная ложечка с круглым в плане резервуаром и длинной ручкой.

Музыкальный инструмент (?) с грифом, обложен листовым серебром с гравировкой.

На запястьях женщины было одето 8 браслетов, сделанных из цельных кусков дымчатого, матового и различных тонов коричневатого нефрита.

На этом уместно закончить перечень личных украшений и предметов быта знатной кочевой дамы V в. из Шамши, который даже в очень сокращенном варианте напоминает инвентаризационную опись сокровищ пещеры Али Бабы. А ведь в кургане была найдена еще и роскошная конская упряжь, орнаментированная множеством украшений художественной работы из бронзы, серебра, серебра с позолотой и самоцветов, части шелковых одеяний, предметы неизвестного назначения.

Шамшинская находка – не единственная в Киргизии. Подобные изделия найдены И. К. Кожомбердиевым в долине Кетмень-Тюбе, в Таласе, Ю. Д. Баруздиным и А. К. Абетековым – на Алае, К. И. Ташбаевой – на Центральном Тянь-Шане. Сейчас благодаря трудам киргизских археологов в Историческом музее г. Фрунзе собрана одна из богатейших коллекций украшений кочевников этого времени. Она лишь немногим уступает знаменитому собранию в Эрмитаже.

П. Н. Кожемяко и Д. Ф. Винник сдали находки в Исторический музей г. Фрунзе, где они и хранятся «за семью печатями». Но на стендах музея их не увидишь. Полная публикация этих сокровищ пока не состоялась. О них знает только узкий круг специалистов. Извлеченные из земли редчайшие ценности оказались погребенными в тяжелых сейфах музея. Настала пора выставить киргизское археологическое художественное золото, разумеется, с полной гарантией сохранности, для широкого обозрения. Это достояние республики должно на деле стать духовным достоянием наших современников.

Полихромный стиль и его истоки

Украшения, выполненные в полихромном стиле, являются прекрасным индикатором кочевников эпохи «великого переселения народов» (IV–V вв.) Они были распространены в Киргизии, Казахстане, Поволжье, Причерноморье, Подунавье. Отличительной чертой полихромии является многоцветность, массивность, геометричность форм, достигаемые особыми техническими приемами. Если в основе технологии искусства «звериного стиля» лежали художественное литье и штамповка, то мастера полихромного стиля, применяя их, предпочитали ковку и напайку.

Выделяется три группы изделий полихромии: 1 – сочетание золотого фона с инкрустацией яркими самоцветами или цветным стеклом; 2 – золотой фон отсутствует, изделие сплошь покрыто цветными вставками в напаянных перегородках; 3 – отсутствует инкрустация, изделие украшено напаянными псевдоперегородками на золотой фон или

рифлением и зернью. Среди материалов Киргизии преобладают изделия первой группы, но встречаются второй и третьей.

О происхождении искусства полихромного стиля I–V вв. были высказаны различные гипотезы. Их рассматривали как произведения готского, греко-сарматского, сармато-аланского, гуннского искусства. Истоки его усматривались в художественных изделиях более ранних эпох. В настоящее время, благодаря изысканиям киргизских археологов, появились новые материалы, подтверждающие связь полихромного искусства саков и более позднего периода, причем в сакском искусстве намечается та же классификация, которая была принята для искусства эпохи «великого переселения народов».

1. Золотая бляха круглой формы со слегка загнутым вверх бортиком. На нее напаяны пять гнезд. В центре – высокое цилиндрическое и крестообразно от него – четыре меньшие по высоте и подпрямоугольных в плане. По верхнему бортику все гнезда украшены зернью. В трех подпрямоугольных сохранились вставки светлого тона. Найдена в могильнике Акчий-Карасу, VI–IV вв. до н. э.

По сути дела, полихромными являются и золотые серьги со стерженьком, который венчается пирамидкой из зерни и на который нанизаны две-три цветные бусинки. Такие серьги найдены И. К. Кожомбердиевым в сакских могильниках Кетмень-Тюбе и К. А. Акишевым в Казахстане. Перечисленные изделия вполне вписываются в первую группу изделий полихромного стиля (золотой фон, инкрустация, зернь).

2. Вторая группа (отсутствие золотого фона из-за сплошной инкрустации, перегородок) представлена уже упоминавшейся серьгой в виде двух геральдических соколов с бубенчиком из сакского могильника Сары-Джон в Кетмень-Тюбе. Очень выразительные находки, относящиеся к этой группе, найдены в Тулхарском могильнике (Южный Таджикистан).

3. К третьей группе (золотой фон без инкрустации, псевдоперегородки, зернь) можно отнести поделку из золота, найденную в сакском могильнике Кечу (Кетмень-Тюбе). В основе ее лежит полый шар, изображающий личину с рожками и петлевидными ушами, в которые продеты стерженьки с петлями на концах. От личины вверх отходят три ветви, увенчанные полыми шариками. На вершине каждого из них пирамида из зерни (три шарика в основании, один вверху).

Сюда же следует отнести и жезловидный предмет, найденный в кургане «Тенлик» (Казахстан,) датируемый III–II вв. до н. э. Навершие его представляет полый шар, полюса которого являются центром расходящихся лепестков розетки, выполненных тиснением.

Полихромный стиль сакского времени отличается от полихромного стиля эпохи «великого переселения» народов. Проиллюстрируем это на примере второй группы. Перегородки, разделяющие корпус соколов на серье из Сары-Джона, напаяны не произвольно. Они в реалистической манере оконтуривают как очертания самой птицы, так и отдельные части ее: глаз, клюв, грудь, крыло, ноги. Инкрустированы обе стороны изделия. Вставки выдержаны в неброских светло-голубых и белых тонах. Эти особенности распространяются и на серьги в виде птиц из Тулхарского могильника, где перегородки передают контуры оперения. Наблюдается сочетание плоских (перья) и выпуклых вставок (корпус птицы). Поздние изделия полихромного стиля сплошь покрыты геометрическими перегородками, а инкрустированы вставками преимущественно в красных тонах. Инкрустация, как правило, односторонняя.

Вследствие малочисленности материалов, имеющих в нашем распоряжении, в настоящее время трудно провести хронологическую границу между ранними и поздними изделиями полихромного стиля. Возможно, она лежит в пределах около рубежа нашей эры. К этому выводу приводят материалы Тулхарского могильника, где встречаются вещи, выполненные как в ранней, так и в поздней манере.

Финальное искусство саков уже не довольствуется старыми канонами. Кроме золотого блеска, кочевников стала интересовать и цветовая гамма. Так, уже золотые

пластины геометрических форм головного убора из кургана Иссык расписаны красной краской квадратами с кружком в центре (имитация перегородок и вставок?). Фрагмент золотого листа, расписанный красной и зеленой краской (лунницы и кружки), найден автором в могильнике Кара-Булун (Чуйская долина).

Таким образом, не касаясь вопросов о месте и времени зарождения полихромного стиля вообще, можно отметить, что в Киргизии полихромный стиль появился в позднеасаковское время и мог быть истоком своеобразного искусства кургана – Шамши и других регионов республики. Этот вывод не окончательный вследствие имеющихся контрдоводов.

Против местного происхождения изделий полихромного стиля свидетельствуют следы грубого ремонта некоторых из них. Так, в могильнике Туяк (раскопки Ю. Д. Баруздина на Алае) была найдена полулунная золотая серьга с инкрустацией и зернью. Дужкой ей служила грубая бронзовая проволока с небрежно загнутыми петельками. Такие следы ремонта фиксировались И. К. Кожомбердиевым в Кетмень-Тюбе. Грубым был ремонт и золотой чашечки из Шамши. Поставленные вопросы еще ждут своего исследователя.

Экономические связи

Судя по находкам в катакомбных и подбойных погребениях, география культурных и экономических связей кочевников I–V вв. значительно расширилась. Особенностью их погребального инвентаря, по сравнению с предшествующей эпохой, можно считать большое число вещей иноземного происхождения. Они попадают к кочевникам Киргизии разными путями. Это были дипломатические дары и подношения или плата караванов за право прохождения по территории, занятой кочевниками. Известно, что кочевые воины были не робкого десятка. Они могли и ограбить торговый караван, могли и совершить молниеносный набег на земледельческие города и поселения. Тогда вещи, чуждые их культуре и найденные в курганах, можно считать военными трофеями. Но если отбросить романтические детективно-приключенческие сюжеты, которые имели место лишь эпизодически, то станет ясно, что главным источником поступления иноземных экзотических диковин была торговля.

Именно начиная с этого времени по территории Киргизии проходил Шелковый путь, связавший цивилизации Запада и Востока. В результате активной двусторонней деятельности Шелкового пути обогащались культуры многих народов. Именно в это время происходит мирное «буддийское завоевание» Китая из Индии и Тохаристана, а на Западе развивается новая отрасль ремесла – шелководство, заимствованное на Востоке.

Как беспристрастно свидетельствуют археологические материалы, в процесс международного обмена включились и кочевники Киргизии.

Товары из Рима и Восточной Европы. К ним прежде всего следует отнести изделия из стекла. В большом количестве фрагменты стеклянных бокалов найдены в долине Кетмень-Тюбе. Наиболее выразительной является находка стеклянного бокала в катакомбе могильника Джал-Арык. Он был вдребезги разбит грабителями, но полностью восстановлен руками реставратора из Эрмитажа М. Н. Лебель. Казалось бы, из небытия перед нашим взором предстал прекрасный конической формы сужающийся к поддону сосуд. Стенки его украшены двумя поясами рельефного орнамента. Бокал, по заключению специалистов, явно римской работы.

В 1968 г. на уже упоминавшейся конференции ЮНЕСКО в Душанбе всеобщее внимание привлекла удивительной красоты полусферическая с глубоким резным орнаментом арочного типа чаша, найденная А. К. Абе-тековым в подбойном погребении на Алае. Ручками ее служат высокохудожественного исполнения головы львов. Крупные авторитеты признали это произведение искусства византийской, возможно сирийской, школы.

На побережье озера Иссык-Куль найдены серебряные римские денарии чекана императора Веспасиана (69–79 гг. Адриана (118–138 гг.) и медная монета Диоклетиана (284–305 гг.), выпущенная в египетской Александрии.

Мы уже упоминали о произведениях искусства полихромного стиля. Установлено, что часть их является производством мастеров из Причерноморья, в частности Боспора. Сейчас трудно сказать определенно, но какая-то часть украшений полихромного стиля, найденных в катакомбах и подбоях Киргизии, может считаться произведениями боспорских ювелиров.

Несомненно, из Восточной Европы в Киргизию попадал и янтарь. Он чаще всего встречается в виде бус (Кара-Булак, катакомбы Кетмень-Тюбе). Очень много крупных и мелких кусков темно-красного и светлых тонов янтаря пошло на отделку шамшинских сокровищ.

Из сарматского Северного Кавказа и Нижнего Поволжья кочевники Тянь-Шаня получали некоторые типы бронзовых зеркал.

Средиземноморского происхождения были различные подвески, сделанные из кораллов.

В курганах кочевников Киргизии этого времени встречаются изделия, характерные для мастерских Египта периода римского господства. К ним относятся поделки из так называемой «египетской пасты» (точнее фаянса). Бусы из египетской пасты, обычно многодольчатые и покрытые голубой глазурью, найдены в погребениях Чаткала и Кетмень-Тюбе. Из могильника Кара-Булак происходит своеобразная подвеска, изображающая руку. Она тоже изготовлена из египетского фаянса. Товары из Индии. Народы Индии с древних времен специализировались на производстве каменных бус, особенно из высококачественных сердоликов. Не исключено, что если не сами бусы, то материал для них ввозился из Индии. Сердоликовые бусы и вставки не редки среди находок в подбойных и катакомбных погребениях Киргизии. Из Индии поступали бусы с двумя перехватами.

В Карабулакском могильнике найдено бронзовое зеркало, ручкой которого служила статуэтка женщины. Она изображена одетой в легкую, плотно облегающую ткань, голова кокетливо склонена к левому плечу, правая рука опущена, левая опирается на бедро. У женщины сложная и красивая прическа с пучком волос вверху и ниспадающими на плечи локонами. На голове диадема, на шее цепь или ожерелье, опускающееся между грудей до пояса. Руки и ноги украшены браслетами. Статуэтка была отлита в Индии (Гандхара?) или в Бактрии.

Безусловно, из Индии различными путями попадали раковины каури, входившие в состав ожерелий. Из слоновой кости сделаны две подвески, найденные И. К. Кожомбердиевым в катакомбе могильника Акчий-Карасу (Кетмень-Тюбе).

Товары из Китая. Предприимчивые согдийские купцы, обосновавшиеся в Дуньхуане, везли в Среднюю Азию шелковые ткани, зеркала, бронзовые монеты.

Шелковые ткани найдены в могильниках Кенкол, Акчий-Карасу, Кара-Булак. В последнем наряду с большим количеством гладких тканей были обнаружены узорные шелка и вышивка по ним, камчатые с шахматным узором и газовые ткани. Находки в Кара-Булаке имеют значение для мировой истории культуры, так как китайские ткани производства III–VII вв. не сохранились даже в самом Китае.

Зеркала китайского производства найдены в ферганских, таласских, кетменьтюбинских погребениях. Известны два типа этих зеркал: так называемые «цинбай» и зеркала, украшенные спиралями. Зеркал поступало, по-видимому, очень мало, даже обломки их бережно хранились. По мнению Б. А. Литвинского, специально исследовавшего этот вопрос, «среди огромного количества зеркал, имевшихся в Средней Азии, привозные китайские составляли одну из самых малочисленных групп».

Китайские бронзовые монеты с квадратным отверстием иногда находят в могильниках Алая и Ферганы. Эти монеты могли попасть в руки кочевников в результате

грабежа и контрабандной торговли, так как императорский двор не раз издавал строгие указы, запрещающие вывоз монет.

Товары из Согда, Ферганы и Восточного Туркестана. Если из самых отдаленных стран к кочевникам поступали драгоценные и полудрагоценные камни, украшения, дорогие ткани и прочие предметы роскоши, которые археологами редко фиксируются, то с территории ближайших регионов поступали украшения, керамические сосуды, простые косметические приборы, состоящие из каменной палочки и кусочка графита. В обмен земледельцы оазисов, видимо, получали скот и продукты скотоводства.

Как выглядели кенкольцы?

Обратимся к данным антропологии. Видные советские ученые, исследовав серию черепов Кенкольского могильника (Талас), пришли к заключению, что у захороненных в этом могильнике появляются монголоидные черты, но не в преобладающей степени. Основным антропологическим типом был европеоидный. Этот вывод, в общем, подтвержден реконструкцией лица кенкольца, выполненной М. М. Герасимовым по черепу из катакомбы могильника Кенкол. Однако в этом портрете, который можно считать документом, монголоидные черты выражены довольно отчетливо.

Примечательной особенностью внешнего облика населения кенкольской культуры была искусственная деформация черепа. Она была двух видов: кольцевая и лобно-затылочная. Еще в детстве человеку туго перебинтовывали голову и череп неестественно вытягивался вверх. Ученые до сих пор не могут найти приемлемого объяснения этому странному обычаю. Предположения вроде таких, что на деформированной голове прочнее сидел шлем, или что люди специально деформировали черепа для отличия от других племен, не выдерживают критики.

Тем не менее, такой обычай был распространен на довольно широкой территории от Таласа до Восточной Европы и от Центрального Казахстана до Севера Индии. Антропологи находят следы деформации черепа как у женщин, так и у мужчин. Судя по инвентарю погребений, деформированные черепа были как у бедных, так и у богатых. Венгерский ученый Ш. Уйфальви, например, еще в конце прошлого века убедительно доказал на материале портретных монет, что черепа у царей эфталитов Явувлаха, Торамана, Яяту, Михиракулы и других были заметно деформированы. С точки зрения этого ученого, эфталитские цари с деформированным черепом выглядели примерно следующим образом: «Вид их свирепый и дикий... Огромные уши у Шахи-Явульва и Михиракула напоминают легендарные уши Атти-лы. Голова образует конус. У Тораманы затылок почти полностью срезан. Эта форма черепа не является нормальной и напоминает форму черепа киргизов (конца XIX в. – В. М.), происходящую из-за особенностей колыбели, но возможно также является следствием преднамеренной деформации».

Уравнение со всеми неизвестными

Кому же принадлежали погребения в катакомбах и подбоях? Какой народ оставил эти погребальные сооружения, столь напоминающие традиционную форму погребального сооружения современных киргизов?

В научной литературе по этому вопросу существует несколько рабочих гипотез. В общих чертах они сводятся к двум взаимоисключающим друг друга точкам зрения: миграционной и автохтонной. Сторонники первой точки зрения основное внимание уделяют форме погребального сооружения. Коль, по их мнению, катакомб и подбоев не было в предшествующую эпоху и не известны переходные формы от грунтовых ям к подбоям и катакомбам, то значит они привнесены на территорию Киргизстана извне. Кто же эти пришельцы? Миграционная гипотеза насчитывает несколько этнических вариантов. Предполагается, что в катакомбах и подбоях хоронили умерших гунны, сарматы, кангюйцы, юэчжи или усуни. В последнее время с наиболее обоснованными доказательствами по этой проблеме выступил Ю. А. Заднепровский. Проанализировав раскопанные погребения в Средней Азии и Южном Казахстане методом исключения, он делает вывод, что в катакомбах погребали усуней, а в подбоях – юэчжей.

Сторонники автохтонности этих памятников основное внимание обращали на инвентарь, особенно на керамику. Они заметили, что керамика погребений в катакомбах и подбоях, например, в Фергане и на Сыр-Дарье, имеет много общих черт с керамикой на поселениях того же времени. А так как на поселениях не прослеживаются катастрофы и резкие смены культур, то ни о каких пришельцах извне не может быть и речи. Смену одной формы погребения другой автохтономисты или не объясняют, или предполагают влияние каких-то новых религиозных представлений.

Была высказана и промежуточная точка зрения. Ю. Д. Баруздин считал, что катакомбные и подбойные погребения оставлены автохтонным населением, однако допускал передвижение в Среднюю Азию какой-то группы племен с ярко выраженными чертами сарматской культуры.

Вполне обоснованная датировка кенкольской культуры V–VII вв., предложенная А. К. Амброзом, позволяет выдвинуть еще одну гипотезу. Погребения в катакомбах могли принадлежать племенам, переселившимся в Среднюю Азию с Северного Кавказа после распада державы Аттилы. Позже они вошли в состав союза народа десяти стрел (он ок бодун). Такое предположение снимает многие спорные вопросы, поставленные исследователями кенкольской культуры.

Окончательно не решен вопрос и о хозяйственном укладе населения. Одни исследователи считают их кочевниками, другие оседлыми.

Таким образом, на современном уровне развития науки мы не можем безоговорочно и научно обоснованно ответить на вопрос: кому же принадлежали погребения в катакомбах и подбоях? С наибольшей долей вероятности можно принять мнение тех ученых, которые связывают эти памятники с усунями и юэчжами. Но нельзя отказываться и от того, что они могли быть оставлены эфталитами или хионитами.

Вот в какой клубок гипотез сплелись загадки ката-комбных и подбойных захоронений. И развязать этот гордиев узел (рубить никак нельзя!) этнических, хронологических и палеоэкономических проблем можно лишь в результате монографического исследования как уже раскопанных, но пока не опубликованных материалов, так и поисков новых, еще неизвестных данных. Что же касается интересов исторической истины, то лучшим ее критерием остается археологическая практика.

Глава IV. ПИРАТЫ ДРЕВНИХ ПОГРЕБЕНИЙ

«В стране тюрок имеются люди,
известные под названием
«разрыватели могил»
Аль-Бируни

«Пустыней пробираясь через силу,
Мы раскопали древнюю могилу,
Увы! Напрасно рыщут наши взоры, –
Здесь в древности орудовали воры,
Но сохраняя к поиску привычку,
Я бронзовую отыскал отмычку,
И это древнее орудие хищенья
Нас, археологов, приводит в восхищенье»
В. А. Лифшиц

Исследователя курганов кочевников обычно ждет разочарование. Многотрудные старания коллектива экспедиционного отряда в подавляющем большинстве дают минимальный результат. Вот обычная картина, которую фиксирует археолог при завершении работ в погребальной камере: части скелета разбросаны, керамические

сосуды разбиты, ценный инвентарь разграблен, малоценный разломан. Виною тому хищническая деятельность грабителей.

При максимуме усердия хорошие антрополог и реставратор восстановят разрушенное. А как быть с растащенным? Грабители безвозвратно нарушили самое главное для археолога: комплекс вещей и их взаимное расположение относительно погребенного.

Был ли смысл грабить курганы? Судите сами.

В 1970 г. видный советский археолог К. А. Акишев раскопал курган Иссык с нетронутым грабителями погребением юноши (IV–III в. до н. э.). Древнего юношу метко называли «золотым человеком». Костюм, головной убор и оружие его были буквально как чешуей устланы высокохудожественными изделиями из золота. Их насчитали свыше четырех тысяч. О богатом погребении в ущелье Шамши мы уже знаем.

На вопрос о времени ограбления курганов ответить сложнее. Случается, что в погребальной камере археологи находят отброшенный в угол скелет в неестественном положении, однако анатомический порядок костей его не был нарушен. Это является признаком того, что ограбление произошло до разложения связок, то есть вскоре после похорон. Следует оговориться, что современники разрушали погребения не только с целью наживы. Иногда осквернение могилы имело, так сказать, политический подтекст. Хорошей иллюстрацией этого положения является рассказ Геродота о войне персидского царя Дария и скифов (514 г. до н. э.). Согласно Геродоту, скифы избрали тактику заманивания полчищ персов вглубь своих степей и лихих кавалерийских набегов, остерегаясь решительного сражения. Такой прием ведения войны был губительным для персов. Дарий быстро понял это и решил задеть ратное самолюбие царя скифов Иданфирса, обвинив его в трусости. Ответ царя кочевников был следующий: «Почему я не тороплюсь сразиться с тобой, объясняю тебе это. У нас нет городов, нет засаженных деревьями полей, нам нечего опасаться, что они будут покорены или опустошены, нечего, поэтому и торопиться вступать с вами в бой. Если бы вам крайне необходимо было ускорить сражение, то вот: есть у нас гробницы предков, разыщите их и попробуйте разрушить, тогда узнаете, станем мы с вами сражаться или нет». По тексту Геродота, царь Дарий не сделал этого, но из слов Идан-фирса можно заключить, что прецедент был возможен.

Источники донесли до нас подобный случай, происшедший в монгольских степях в конце I в. до н. э.

Царь гуннов Моде в свое время нанес поражение народу ухуаней. Лишь по истечении столетия ухуани оправились от разгрома и решили отомстить гуннам: они раскопали могилу царя победителей. Злопамятность ухуаней была наказана. Двадцатитысячный корпус конницы кочевников вторгся в пределы земель осквернителей. Месть гуннов была жестокой.

Этот предосудительный обычай бытовал в среде кочевников поразительно долго. Ч. Валиханов, описывая нападение казахского султана Барака (1770 г.) на киргизов отметил: «...он (Барак – В. М.) сделался слишком беспечным и, гордясь силою, осквернил святыню киргиз – могилу Кошкар-Ата». Киргизы, прежде отступавшие, напали на лагерь осквернителя, разбили его войска и гнали их до самой р. Или.

Наблюдения археологов при раскопках подтверждают сведения письменных источников. А. Д. Грач, описывая картину, открывшуюся при изучении некоторых погребений знати скифского времени в Туве, отмечал, что они были нарушены явно не с целью примитивного грабежа. Так, скелеты погребенных были изрублены и затем вновь завалены камнями, исчезли боевые кинжалы и многие другие предметы вооружения, в то время как ценные бронзовые и золотые изделия остались нетронутыми. Налицо явная попытка «обезвредить и обезоружить» даже мертвых врагов.

Видимо, нельзя слепо переносить сведения о массовых ограблениях богатых гробниц соплеменниками, которые совершались, например, в Египте, где широко были

развиты товарные отношения, на степи кочевников, где эти отношения только зарождались. Колоссальные богатства скифских и сакских царей, на наш взгляд, имели для современников относительную ценность, так как им невозможно было пользоваться открыто, а обменять трудно. Из всего сказанного следует, что современники сакских вождей почитали своих предков и охраняли их усыпальницы. Они, видимо, не так уж часто соблазнялись на погребенные сокровища мертвых, ибо выгода была проблематичной, а месть соплеменников реальной. Как представляется, покой древних гробниц чаще нарушали чужеземцы (право же, археологам от этого не легче) после завоевания новых земель с целью унижения и «обезвреживания» побежденных. Не чужд им был при этом и меркантилизм.

Археологи давно заметили, что богатство древних погребений обратно пропорционально степени развития общества, то есть, чем примитивнее общество, тем богаче погребения знати и наоборот. Экономически и политически это объяснимо. Степная аристократия утверждала и пропагандировала свое недавно возникшее могущество через погребальные обряды с безоглядной расточительностью. Однако, рано или поздно возрастающая пышность погребений знати должна была вступить в противоречие с более реальными потребностями развивающихся обществ. Великолепие погребений стало кульминационным во времена саков. Оно уже гораздо меньше бросается в глаза в катакомбных и подбойных погребениях, сходит на нет в ранне-средневековых тюркских и полностью исчезает в средневековых захоронениях. «Кончается неразумное детство раннеклассовых образований, наступает расчетливая зрелость», – заключает профессор В. М. Массон.

Видимо, зрелый расчет развитых обществ привел не только к сведению на нет пышности погребальных обрядов. Наблюдается обратное явление. Ранее погребенные сокровища извлекаются из небытия и вновь пускаются в оборот. Для территории Киргизии этот период наступает, видимо, в эпоху становления и развития феодализма. О грабеже курганов на земле тюрков, под которой в раннем средневековье подразумевались Тянь-Шань и прилегающие степи Казахстана, в XI в. пишет выдающийся ученый аль-Бируни: «...в стране тюрков имеются люди, известные под именем «разрыватели могил» (набаш), которые разыскивают в земле тюрков древние могилы и раскапывают их, но не находят в них ничего, кроме того, что остается непорченным землей, – золота, серебра и других металлов».

Показательно, что грабеж древних курганов во времена Бируни был поставлен на артельную основу и велся, как видно, в открытую. По крайней мере, великий хорезмиец говорит о грабеже как об обычном явлении, не одобряя и не порицая осквернения могил, что, согласно догмам ислама, является одним из самых страшных преступлений. Правда, Бируни никогда не был мусульманским фанатиком. Однако тот факт, что грабеж древних курганов не осуждался и профессиональными знатоками фикха (мусульманского права), каковым был, например, аль-Гарнаты (XII в.), свидетельствует о том, что в эпоху феодализма раскопки старых могил стали едва ли не легитимными. Описывая Венгрию, ученый-законовед и путешественник отмечает: «И видел я в этой стране множество могил племени Ад. Мне вынули оттуда половину корня переднего зуба одного из них...». Какое уж здесь порицание, если даже законовед берет в дар древние останки!

Здесь уместно, однако, для некоторого оправдания столь предосудительного поведения одних из лучших представителей средневековья, напомнить, что с древнейших времен, в том числе и в средние века, ценились не только предметы из золота и серебра, не только драгоценные камни, добытые в разграбленных гробницах. Ценность имели и находки из обыкновенной бронзы, особенно предметы вооружения.

В средние века было широко развито поверье, что археологические находки, особенно топоры, копья и стрелы, были небесного происхождения. Полагали, что бог грома и молнии поражал ими во время грозы людей и скот, превращал в щепы могучие дубы и в развалины строения. Обладание такими «громовыми» топорами или стрелами

считалось великим благом, ибо они якобы могли излечивать практически все болезни да еще и противодействовать волшебству. Римский полководец, а затем император Гальба, увидев, что молния ударила в озеро, приказал буквально прочесать его сетями. Улов превысил все ожидания: поймали 12 топоров. Византийский император Алексей Комнин, как особую драгоценность подарил «небесный топор» германскому императору Генриху IV.

Аналогичные поверья относительно археологических находок были распространены и в Средней Азии.

При археологических работах и разведках на средневековых городищах Чуйской долины были обнаружены различные предметы, характерные для культуры кочевников и датирующиеся гораздо более ранним временем, чем время основания поселения. Они представлены изделиями из бронзы и прежде всего стрелами. Факт необычайный. На специалистов он производит приблизительно такое впечатление, как, например, бронтозавр в зоопарке.

Факты находок в средневековых слоях городищ предметов материальной культуры эпох, предшествовавших средневековью, не могли пройти мимо внимания исследователей. Объяснение этому явлению дал профессор А. Н. Бернштам. Он полагал, что средневековые поселения могли быть возведены на территории прежде уже занятой могильниками. Строители поселения, разрушая древние могилы в процессе производственной деятельности, перемешали остатки древней культуры с более поздней.

Наряду с мнением А. Н. Бернштама, несколько не отвергая его вероятности, можно предположить еще одну возможность отложения предметов материальной культуры ранних кочевников в культурных слоях средневековых городищ.

В своем геолого-минералогическом трактате великий ученый Ибн-Сина писал: «В стране тюрок во время гроз с молнией падают медные тела в виде наконечников стрел с выступом, загнутым вверх. Подобные им падают и в странах Гиляна и Дейлема. И когда они падают, то они зарываются в земле. Субстанция их является медной и сухой».

Если обратиться к деталям, то можно полагать, что Ибн-Сина подразумевал характерный для раннесакского времени бронзовые наконечники стрел с шипом. Как видно, ученый не сомневался в небесном происхождении «медных» стрел, тем не менее в Хорезме он считал возможным проводить с ними опыты.

Таким образом, бронзовые стрелы, находимые в земле гузов и тюрок, использовались в качестве амулетов-оберегов. Отсюда правомерен вывод, что среди отмеченных выше находок бронзовых стрел времени ранних кочевников в средневековых слоях городищ Чуйской долины есть не переотложенные, как полагал А. Н. Бернштам, а вторично использованные в качестве амулетов.

Где же предусмотрительные владельцы оберегов брали бронзовые стрелы? Вполне допустимы их случайные находки при земляных работах. Однако был и другой путь. При раскопках сакского могильника Кара-Булун (Чуйская долина) в полностью ограбленном кургане были найдены деревянные древки стрел со следами окиси бронзы от наконечников. Самых наконечников не было. Естественно предположение, что и на них позарились грабители, так как спрос определял предложение. Не исключено, что бесстыдные могильные воры становились вполне благочестивыми торговцами священными амулетами.

В 1891 г. начальник Токмакского уезда в письме известному ученому-краеведу Н. Н. Пантусову сообщал: «До сведения моего дошло, что киргизы вверенного мне уезда волостей Темирбулатовской и Бурукчинской, кочующие по Кочкорской долине, раскапывают там старые могилы, в которых находят разные вещи. Вследствие этого я, командуя своего помощника на кочкорский чрезвычайный съезд, поручил ему проверить, насколько справедливо это сведение, и если таковое подтвердится, то немедленно принять меры к прекращению дальнейших раскопок и взять от киргиз найденные в могилах предметы». Дальше из содержания письма выяснилось, что

грабительские раскопы велись масштабно. Ими занялись «поголовно мужчины, женщины и даже дети». Добытые редчайшие вещи скупали приезжие купцы. Энергичные действия помощника начальника уезда привели к прекращению раскопок и даже к сбору небольшой коллекции древностей, за которые он обещал платить киргизам «вдвое больше, чем дадут сарты и татары». Обещание, по-видимому, возымело действие, так как к письму была приложена опись, в которой значатся золотые серьги, серебряные ажурные поясные бляхи, серебряная чаша и кувшин, крупные жемчужины и др. В описи проставлены и имена киргизов, занимавшихся «бугрованием». И таких случаев было гораздо больше, чем хотелось бы ученым. В результате многовековых преступных хищений древностей археологи пока не раскопали ни одного неграбленного большого кургана в Киргизии. Это является серьезным препятствием при реконструкции древней и средневековой культуры кочевников Тянь-Шаня.

При методически правильных раскопках курганов всегда представляется возможным определить каким путем грабители проникали в погребальную камеру. Археологам республики известны два способа грабежа. Наиболее распространенным был и наиболее простой, когда грабители узким раскопом («дудкой») пробивали насыпь кургана от вершины и до могильной ямы. Дудка могла быть вертикальной или слегка наклонной. Следов крепления не обнаружено, что свидетельствует о значительной доле риска. В настоящее время следы грабительских раскопок хорошо заметны на вершинах курганов. Это обычно небольшие воронкообразные углубления.

Менее распространенным был второй способ ограбления курганов – подкоп. У основания кургана выкапывали яму и из нее пробивали в грунте под насыпью штольную, ведущую с поразительной точностью в могильную камеру. При этом в одних случаях штольная вела к более широкой стороне прямоугольной могильной ямы, а в других – к узкой торцовой. Такой способ грабежа известен пока для могильников Кара-Каш (Кетмень-Тюбе) и Кара-Булун (Чуйская долина). Техника прокладки штолен (иногда длиной до 20 м) требовала уже маркшейдерских познаний, а точность – отличной осведомленности о различных погребальных обрядах в зависимости от топографии могильника и структуры его насыпи. В совокупности эти факты свидетельствуют о высоком профессиональном мастерстве грабителей. Не исключено, что здесь трудились артели «набашей», о которых писал аль-Бируни.

Мы рассказали о грабителях древних курганов, сухопутных пиратах, о могильных гиенах, набашах, бугровщиках не для расширения кругозора читателя в области археологической криминалистики, а для привлечения его внимания к сегодняшним насущным задачам охраны памятников истории и культуры. Дело в том, что после грабителей оставались многие предметы древней культуры, которые казались им малоценными, но оказались бесценными в наше время. По этим крупинкам и пишется история кочевников, история их культуры. Сейчас строительные организации, совхозы и колхозы вооружены настолько мощной техникой, что перед ней не сможет устоять ни один даже самый крупный курган. Многие уже не устояли. Они распаханы и засеяны. Тайна их не разгадана, еще одна страница древней истории Киргизстана не будет прочитана. А может быть это был тот, которого не коснулась хищная рука набаша?

Глава V. СЛЕДЫ СЫНОВЕЙ ВОЛЧИЦЫ

Курган насыпали и на кургане
установили одинокий камень:
лицо и торс сошлись двумя кругами,
рука с крестом меча, другая с чашей.
О. Сулейменов

В VI в. на историческую арену выходят новые кочевые племена – древние тюрки, первые из кочевников создавшие государственность.

История каждого народа уходит в глубокую древность. Если историки всех времен старались определить дату возникновения народа, то сам народ всегда старался создать легенду своего изначального происхождения. Так, согласно народным преданиям, римляне произошли якобы от двух братьев, вскормленных волчицей, уйгуры являлись потомками юной принцессы и волка, киргизы считали своей праmaterью олениху. Подобные генеалогические предания обязательны в фольклорном цикле любого народа.

Древние тюрки наивно верили в свое сверхъестественное происхождение. По одной из легенд, предки тюрков, обитавшие в Восточном Притяньшанье, были поголовно уничтожены воинами соседнего племени. В живых остался только один десятилетний мальчик, которого «гуманные» победители «пожалели» и, отрубив только руки и ноги, бросили в болото. От смерти мальчик был спасен волчицей, которая трогательно заботилась о нем. Впоследствии враги все равно убили юношу, но волчице удалось бежать в горы Тянь-Шаня. Там в уединенной пещере она родила десятерых сыновей, отцом которых был погибший. Дети волчицы выросли, женились на женщинах из долины и основали свои роды. Один из них по имени Ашина, как наиболее предприимчивый и способный, возглавил сыновей волчицы. Его потомки переселились на Алтай, где занимались горнорудным промыслом и выплавкой железа. Племя именовалось тюрк и подчинялось сильному кочевому государству аваров (жуань-жуаней). В память о своем происхождении тюрки ходили в бой под знаменем с волчьей головой.

Окрепнув, потомки волчицы в 551 г. напали на аваров, разбили их и стали господствовать в степи. Вскоре знамена с волчьей головой развевались под стенами китайских городов, на берегах Аму-Дарьи и на Черном море. Китай фактически стал вассалом кочевников и ежегодно откупался выплатой колоссальной контрибуции. Перед «сверхдержавой» тюрков заискивали два крупнейших государства того времени – Иран и Византия. Греческий историк Менаандр повествует о том, что в ставке кагана тюрков Дизавула на берегу реки Талас византийский и персидский послы лезли из кожи вон, чтобы убедить главу кочевников заключить союз именно с той державой, которую они представляли. Каган тогда отдал предпочтение союзу с греками (568 г.).

Государство тюрков переживало взлеты и падения. Колесо фортуны не раз возносило его на самую вершину могущества и славы, вслед за которыми следовали упадки. К середине VIII в. потомки волчицы уступили первенство в степи другим тюркским племенам, создававшим новые сильные державы. Административно-политические центры этих государств находились в Чуйской долине.

Тюркские государства VI–XII вв. оставили заметный след в истории Киргизии. В это время развиваются экономика, торговля, письменность, наука и литература, растут города и поселения. Вершиной культурного расцвета тюркских народов в раннем средневековье явились замечательные книги, написанные тюркскими авторами. Так, выходец из области Барсхан (южный берег Иссык-Куля) Махмуд аль-Кашгари написал «Диван лугат ат-тюрк» (Словарь тюркских наречий), который явился первой энциклопедией о жизни, экономике, истории, этнографии, поэзии и быте тюркских племен. Уроженец города Баласагун (близ Токмака) Юсуф Хас-Хаджиб в 1069 г. написал дидактическую поэму «Кутадгу билик» (Благодатное знание), которая и сейчас восхищает нас своим совершенством.

Памятники древнетюркского времени

К основным памятникам кочевников VI–XII вв. относятся могильники, ритуальные оградки и каменные изваяния, а также руническая эпиграфика.

По обрядам захоронения и особенностям конструкции погребальных сооружений первый вид памятников можно разделить на два типа: 1 – погребения с традиционными чертами; 2 – погребения в грунтовой яме с конем.

Погребения с традиционными чертами и. Конструкции могильных сооружений и традиции погребальных обрядов, бытовавшие еще в эпоху бронзы и утвердившиеся во времена ранних кочевников, продолжали развиваться в средние века. Они позволяют разделить известные средневековые погребения на три типа: терскольский, учатский и чакмаксуйский.

Терскольский тип погребений характеризуется захоронениями в грунтовых ямах с чрезвычайно бедным инвентарем или без него. Преобладает ориентировка погребенных головой на север. Погребения этого типа открыл в 1936 г. А. Н. Бернштам в местностях Терск и Бурдо Таласской долины.

Внешние курганы терскольского типа представляют собой полусферические уплощенные насыпи из земли и камня. Они располагались бессистемно, либо тяготели к меридиональным цепочкам.

По внешнему виду их трудно отличить от рядовых могильников сакского времени. На территории республики вскрыто свыше шестидесяти погребений терскольского типа. Сопроводительный инвентарь найден лишь в 23 из них. Керамические сосуды грубой ручной лепки из теста с примесями дресвы, без орнамента. Они представлены котлообразными сосудами, кувшинами, кружками с вертикальными ручками. В отдельных погребениях были найдены деревянные сосуды. Ножи железные, черешковые с длинными лезвиями найдены в четырех погребениях. Прясла керамические, плоские. Два из них сделаны из обломков сосудов. Предметы вооружения представлены единичными находками костяных накладок на лук, кинжалом, панцирными пластиками, наконечником стрелы. К остаткам одежды и украшений относятся фрагменты красной ткани, железные овальные пряжки с язычком, бронзовые бляхи наборных поясов, стеклянные, пастовые бусы, нефритовая подвеска к серьге. К предметам туалета принадлежат кетменные палочки и бронзовое зеркало с ручкой. Известные в настоящее время погребения терскольского типа датируются VIII–XIII вв. Они восходят к древним типам захоронений сакского времени. Об этом свидетельствует их расположение близ сакских цепочек, кромлехи вокруг курганов, грунтовые ямы и каменные ящики. Вместе с тем имеются и различия, проявившиеся в планировке могильников, в преобладающей северной ориентировке погребенных, и, главным образом, в характере инвентаря.

Учатский тип погребений открыл Ю. А. Заднепровский в единственном пока могильнике Уч-Ат. Он расположен на адыре, к югу от села Иски-Наука Ошской области. Захоронения производились в овальных катакомбах, к которым вел короткий дромос. Вход в камеру закрывался валунами или сырцовым кирпичем. По конструкции погребальные сооружения делятся на две группы: 1 – дромос направлен перпендикулярно к длинной оси катакомбы; 2 – катакомба является подземным продолжением дромоса.

Среди инвентаря много лепной керамики (кувшины, кружки, горшки, миниатюрные сосуды), железные серповидные ножи, иглы, кресало для добычи огня, диско-видные бронзовые зеркала, серебряные серьги, кольца, перстни, большое количество бус из самоцветов и стекла.

Могильник Уч-Ат надежно датируется абасидской драхмой с надписью «ал-Махди». Он относится ко второй половине VIII в.

Тип погребальных сооружений могильника восходит к рубежу нашей эры и продолжает традиции кенкольской культуры.

Чакмаксуйский тип погребений характеризуется захоронениями на дневной поверхности в круглых, овальных и подпрямоугольных камерах, сложенных из камней и засыпанных землей. Эти сооружения группируются в крупные могильники, встречаются и одиночные курганы. Данный тип погребений был открыт А. К. Кибировым в долине р. Чаткал. Датируется VI–X вв.

Данный тип захоронений по конструкции погребальных сооружений и труположению на дневной поверхности сходен с погребениями более раннего времени в курумах Северной Ферганы.

Погребения всех трех типов генетически связаны с погребальными памятниками предшествующих эпох ранних кочевников. Поэтому можно полагать, что эти средневековые памятники были оставлены коренным населением. А. Н. Бернштам пытался связать отдельные памятники терскольского типа с теми или иными тюркскими племенами, которые по сведениям письменных источников обитали на территории раннесредневекового Киргизстана. По его мнению, могильники Кок-Булак, Кок-Мойнок и кочкорские курганы, изученные М. П. Фетисовым, были оставлены чигилями (джикилями), могильник Алтын-Арык – карлуками, а Карой – тюргешами. Очевидно, для столь категорических этнических определений в настоящее время еще нет достаточных оснований.

Погребения с конем. Этот тип средневековых погребений характеризуется совместным погребением человека и коня в грунтовых ямах. Такие погребения встречаются редко. Они не составляют отдельных могильников и, как правило, примыкают к более ранним или располагаются несколько обособленно. По конструкции насыпи их трудно выделить из погребений иных типов. Погребения с конем характерны для северных районов республики и крайне редко встречаются в Ошской области.

Погребения с конем по ориентировке можно разделить на две группы: 1 – с широтной ориентировкой; 2 – с меридиональной ориентировкой. В обеих группах имеются разновидности: 1 – конь и человек ориентированы в противоположные стороны; 2 – конь и человек ориентированы в одну сторону. Инвентарь погребений включает керамику, бытовые предметы, конскую сбрую, вооружение, украшения.

Керамические сосуды редко находят в погребениях с конем. Несколько кубкообразных сосудов и котлов с прямыми стенками отмечены лишь в Чуйской долине. На Иссык-Куле у скелета коня найдена деревянная кружка с ручкой треугольной в сечении.

Конская сбруя представлена основой седла, стремянами, остатками узды с удилами и псалиями, пряжками от подпруг, застежками от пут.

Остатки деревянной основы седла встречались часто, однако, очень плохой сохранности. Прекрасной сохранности основа седла найдена лишь в могильнике Кара-Булун в Центральном Тянь-Шане. Передняя лука седла арочная, крылья с отверстиями для крепления стремян. Стремяна восьмеркообразные или с пластинчатым навершием и прямоугольной прорезью на нем. Подножие всегда упрощено. К подпружным относятся костяные пряжки с фигурными вырезами, подпрямоугольные и овальные из железа или бронзы больших размеров. Узда изготовлялась из двойных узких полосок кожи. Иногда украшалась бронзовыми бляхами. При узде имелись удила двух типов: с эсвидными псалиями; с дополнительными кольцами без псалиев.

Остатки одежды и обуви находят только в виде фрагментов тканей и кож. К ним же следует отнести наборные пояса с бронзовыми бляхами и лировидными подвесками, пряжки поясные, остатки головного убора.

Оружие имеется не во всех погребениях с конем. Однако встречаются костяные накладки на лук, наконечники стрел, фрагменты кинжалов и сабель. Погребения с конем датируются VI–X вв.

Погребения с конем не характерны для кочевников Средней Азии. Они имеют глубокие традиционные корни в культуре кочевников саяно-алтайского региона. В Туве такие погребения известны с VIII в. до н. э. (Аржан), на Алтае (Пазырык) – с V–IV вв. до н. э. Появление погребений с конем в Средней Азии документирует миграцию сюда алтайского тюркоязычного населения.

Таким образом, культура кочевников Западнотюркского каганата, государств тюргешей, карлуков караханидов может быть исследована лишь в результате целенаправленного изучения курганных могильников коренного населения (терскольский, учатский, чакмаксуйский тип погребений) и погребений с конем пришлых алтайских тюркоязычных племен.

Письмо в Археологическую комиссию

Осенью 1899 г. пишпекский врач и видный краевед Ф. В. Поярков направил в Императорскую Археологическую комиссию отчет о двухмесячной поездке по Киргизии с целью выявления и изучения археологических памятников. Маршрут поездки: Пишпек, Токмак, ущелье Боом, Кочкорская долина, Джумгал, оз. Сон-Куль и через Чон-Кемин – в Пишпек. Судя по отчету, поездка из-за погодных условий была не совсем удачной, тем не менее сведения, приведенные в нем, относящиеся к каменным изваяниям, вызывают живейший интерес.

«25 июля утром прибыл я с рабочими на интересовавшую меня местность. По осмотре ее здесь действительно оказалось каменных баб много, всего я насчитал сорок восемь баб, они идут на протяжении не менее полутора верст, и, судя по явственно сохранившимся впадинам или углублениям, некоторые бабы увезены, что подтвердили мне кочующие здесь киргизы, так что первоначально баб здесь находилось гораздо больше. Местность эта у киргизов называется Карой... Местность Карой лежит против Джель-Арыкского ущелья при въезде в Боомское ущелье.

Отсюда вдоль местности Карой отправился по направлению к Кастеку левым берегом р. Чу и, проехав до того места версты 2–2, 5 (а может быть и несколько более), я встретил целый город из каменных баб и один каменный столб. Всех каменных баб я насчитал по правую сторону дороги семьдесят три и по левую сторону дороги двадцать три».

Современный археолог может только мечтать о подобном зрелище. Каменные изваяния средневековых кочевников, которые сравнительно недавно были одним из неперенных элементов археологического ландшафта Киргизии, почти полностью исчезают с мест их первоначальной установки. Самые тщательные поиски на местности, указанной в письме Ф. В. Пояркова, произведенные в 1974 г. привели к фиксации только двух весьма невыразительных каменных изваяний. Если на рубеже XX в. только на сравнительно незначительной площади близ Боомского ущелья возвышались (без учета многих увезенных еще в то время) 144 скульптуры, то в начале 60-х годов на обширной территории Киргизии и Южного Казахстана в результате полевых, архивных, музейных и литературных изысканий для специального монографического исследования удалось собрать всего лишь 145 изваяний. Факты красноречивы. Из них следует, что в настоящее время общественность республики должна уделить исключительное внимание сбору и изучению памятников этого рода. Даже единичные находки каменных изваяний должны становиться серьезным событием.

Степные скульптуры

Каменные изваяния распространены главным образом на Иссык-Куле, в Центральном Тянь-Шане, в Чуйской и Таласской долинах. В настоящее время известно только семь изваяний в Южной Киргизии. Все они изготовлены из специально подобранных удлиненных камней, которым после несложной обработки придавались формы человеческой фигуры. В подавляющем большинстве изображались мужчины монголоидного облика, с усами и бородой, иногда воспроизводится прическа в виде кос. В правой руке часто изображался кубок, левая рука лежала на рукояти меча или кинжала, которые выбивались подвешенными у пояса. Наиболее тщательно сделанные изваяния дают полное представление о покрое одежды, головных уборах, серьгах, браслетах, ожерельях и других украшениях того времени. Имеются, правда, в сравнительно небольшом числе, и явно женские фигуры в платье особого фасона или обнаженные. Общая датировка изваяний установлена историческими методами. Признано, что в Киргизии они появились не ранее VI в., т. е. в период возникновения Тюркского каганата. Верхняя дата предположительно определяется временем проникновения ислама на Тянь-Шань, т. е. X–XI вв. Уже в это время изваяния используются для сооружения мусульманских культовых построек. Одно из них было найдено около минарета Бурана, другое служило порогом одной из караханидских усыпальниц Узгена.

Археологический метод датировки, заключающийся в сопоставлении предметов, изображенных на изваяниях (мечи, сабли, кинжалы, кубки, серьги, наборные пояса) с реальными хорошо датированными вещами, найденными во время раскопок, позволяют оперировать более дробной хронологией. В настоящее время выделены скульптуры VI – не позже VII вв., VII–VIII вв., VIII–IX вв.

Каменные изваяния тесным образом связаны с погребальным обрядом кочевников. Историкам давно был известен текст одной из восточных хроник, в которой описывался погребальный обряд знати древних тюрков. Специфичным в нем было то, что время смерти и время похорон не совпадали. В первые дни после смерти труп оплакивали ближайшие родственники, кремировали его и собирали пепел. Погребение праха откладывалось до съезда родни из отдаленных кочевий, знати соседних племен, а если покойный принадлежал к каганскому роду – то и представителей сопредельных государств. Получалось, что умершего весной хоронили осенью и наоборот, т. е. между днями смерти и похорон проходило около полугода. В день похорон после обычных церемоний закапывали в землю пепел, а на могиле воздвигали «храм», на стенах которого изображались покойный и сцены из его ратной жизни. «Если умерший убил человека, кладется один камень. При этом случается, что устанавливаются сотни, даже тысячи камней». Сведения хроник подтвердились археологическими изысканиями. В Монголии был полностью раскопан мемориальный комплекс, сооруженный некогда в честь принца Кюль-тегина. Сырцовые стены квадратного храма снаружи были оштукатурены и покрыты красной краской. На внутренних плоскостях стен сохранились невыразительные остатки многоцветной росписи. Крыша помещения была черепичной, вход – с восточной стороны. К нему примыкал прямоугольный двор с воротами в восточной стене. Ворота «охраняли» противостоящие друг другу каменные фигуры баранов. Неподалеку от входа лежала мраморная черепаха с пазом на спине, куда был вставлен шип стелы с всемирно известной надписью, где перечислены ратные подвиги Кюль-тегина. От храма к воротам в две шеренги были установлены скульптуры сановников и придворных. Внутри помещения находился алтарь и были воздвигнуты статуи самого Кюль-тегина и его супруги. От внешней ограды на восток тянется ряд каменных столбиков. В этом ряду отмечено два грубых антропоморфных камня.

Перед нами редко фиксируемое совпадение данных письменных источников и археологии. Суммируя те и другие, можно констатировать, что основными конструктивными элементами мемориальных комплексов древних тюрков являлись: 1 – храм с алтарем; 2 – статуя человека, в память которого сооружен памятник; 3 – вереница камней, которая тянется на восток от храма.

На территории Киргизии нам не известны столь пышные сооружения. Но не исключено, что они воздвигались и здесь. По крайней мере, крупные каменные скульптуры высокохудожественной работы и фигура черепахи с пазом для стелы на территории республики археологам известны. Несравненно чаще встречаются упрощенные и уменьшенные подобию описанных храмов. Имеются ввиду каменные оградки и установленные рядом с ними изваяния. Каменные скульптуры древних тюрков вкапывали у восточной стенки прямоугольной каменной оградки («храм»). В центре оградки отмечались ямки или каменные ящички с золой, пережженными костями, обломками керамики и др. («алтарь»). От изваяния на восток отмечалась та же вереница каменных столбиков. Исходя из единства конструктивных составных частей как пышных храмов, так и скромных оградок, ученые пришли к выводу о функциональном единстве тех и других. Оградки с изваяниями можно считать мемориально-поминальными сооружениями в честь тюркских воинов.

Балбалы и теория "врагов"

Какой же смысл вкладывали тюрки в столь сложный обряд захоронения? В погребальном комплексе в честь Бильге-кагана среди каменных столбиков обнаружена грубая антропоморфная стела с рунической надписью «каменный балбал шада тѣлисов».

На другом столбике значилось: «балбал Сабра таркана». Чтение и перевод этих надписей дали возможность установить, что каменные столбики или антропоморфные стелы, составляющие уже упоминавшиеся ряды камней, вытянутые на восток от «храма», древние тюрки именовали «балбалами». Поскольку балбалы, судя по тексту упомянутой хроники, были символами врагов, побежденных в свое время покойным, а ряду балбалов часто предшествовало каменное изваяние, то и о последних стали говорить как о балбалах, т. е. памятниках врагам. То обстоятельство, что изваяние у оградки в подавляющем большинстве находилось в единственном числе и резко отличалось от других балбалов, представляющих собой обыкновенные камни, видимо, смущало сторонников этой гипотезы. Выход, однако, был найден: изваяние стали трактовать как олицетворение «главного врага», а каменные столбики – как символы остальных поверженных. Смысл этого обычая усматривался в обеспечении покойного рабами в потустороннем мире.

Ряд ученых скептически относился к «теории врагов». Дело в том, что в той же хронике упоминается о сооружении при могиле внутри здания «нарисованного облика» покойного. Есть и достоверные сведения письменных источников о том, что специальные мастера изваяли скульптуру Кюль-тегина. Голова этой статуи была найдена при раскопках. По заключению специалистов, каменные изваяния изображали самих древних тюрков, а не их врагов. В настоящее время эта точка зрения является наиболее приемлемой.

Типология

Действительность едва ли была столь категоричной. Археологическая типология, проведенная по иконографическим признакам, в настоящее время насчитывает несколько групп каменных изваяний.

1. Мужские изваяния с оружием и сосудом в правой (редко в левой) руке.
2. Мужские и женские изваяния с сосудом в правой руке и без оружия.
3. Изваяния с изображением только головы или лица человека.
4. Мужские и женские изваяния с сосудом в обеих руках.
5. Редкие изваяния (с птицей, зеркалом, музыкальным инструментом и др.).

Такое многообразие типов едва ли может соответствовать целиком одному и тому же культу. Разнообразие в иконографии изваяний не уместится в тесных рамках ни «теории врагов», ни теории «знатных тюрков». Археологи зафиксировали скульптурные изображения не только самого умершего Кюль-тегина, но и живых: его супруги, придворных и участников похорон, живых знатных тюрков и не тюрков.

В настоящее время убедительно связать все те или иные типы изваяний с определенными культовыми представлениями кочевников не представляется возможным

Каменные изваяния и искусство народов Средней Азии

Древнетюркские камнерезных дел мастера создавали как собственный стиль в скульптуре, так и заимствовали отдельные стилистические и иконографические детали у мастеров Средней Азии и Восточного Туркестана.

Сугубо тюркской в настоящее время считают лишь одну стилистическую деталь – изображение сросшихся у переносицы волнообразных бровей, манерно загнутых к вискам.

Анализ типов каменных изваяний позволяет констатировать их иконографическую близость с произведениями искусства оазисов Средней Азии и прежде всего Согда. Приведем беглый обзор некоторых.

Женские каменные изваяния, изображенные в мантии-накидке, находят ближайшие аналогии в терракотовых фигурках Согда. Их объединяет не только сходство в одежде, но и в позе и даже атрибутах. Так, иконография изваяния в мантии и с трилистником в левой руке (Иссык-Куль) восходит к группе согдийских терракот с трилистником. В Согде – это образ богини, который был очень устойчив. Он возник где-то на рубеже старой и новой эры и дожил до эпохи раннего средневековья. В свою очередь, согдийские богини с

трилистником кушанского времени связаны с более древними прототипами ахеменидской эпохи (Амударьинский клад.)

Таким образом, иссыккульское изваяние в мантии и с трилистником вводит нас в мир идей, господствовавших в земледельческих районах Средней и Передней Азии задолго до образования Тюркского каганата. В Центральной Азии подобные иконографические типы неизвестны. Группа каменных изваяний Киргизии в мантиях отличается от иконографически близких им согдийских терракот трехрогим головным убором. В научной литературе уже было высказано мнение, что трехрогие женские изваяния могли быть связаны с культовым искусством Согда и изображать древнетюркскую богиню плодородия Умай. Не исключено, что иконографический образ ее был заимствован из Согда. Однако эти изваяния могли изображать и реальную знатную покойницу в образе богини Умай. Сравнения добродетели реальной женщины с мифической Умай в древнетюркской среде известны. Так, в тексте стелы в честь Бильга-кагана есть строки: «В десять лет на счастье моей матери-катун, подобной Умай, мой младший брат получил мужское (взрослое) имя Кюль-тегин».

Распространение культа Умай у киргизов до революции свидетельствует о родстве киргизских и древнетюркских идеологических представлений.

Недавно в с. Сокулук было обнаружено изваяние неопределенного пола (женское?) с сосудом в правой и с круглым предметом в левой руке. Поиски аналогий последнему атрибуту опять уводят нас в мир художественных образов, созданных народами Средней Азии еще в глубокой древности.

Такой же атрибут мы видим в руках «мервской богини» (I–VI вв.), у персонажей на монументальных росписях Балалык-Тепе (VI в.), в сцене пиршества на мервском сосуда-костехранилище (V–VI вв.).

В научной литературе этот предмет чаще всего трактуют как зеркало, но иногда его именуют цветком (лотоса?) и даже сладостью на палочке. На наш взгляд, учитывая значительную роль зеркала в религиозных представлениях многих народов, первая трактовка, пока не найдена более убедительная, предпочтительнее.

В изобразительном искусстве оазисов Средней Азии имеются аналогии к редкому образу мужчины с птицей в руке, и очень распространенному в степях образу пирующего мужчины с чашей и оружием, и обнаженной женской скульптуре древнетюркского времени.

Искусство древних тюрков с искусством Согда роднит и большое количество мелких стилистических деталей. Исследователи уже отмечали, что манерное изображение рук и особенно положение пальцев на некоторых изваяниях свидетельствуют о влиянии как согдийской, так и восточнотуркестанской художественной школ. Новые материалы позволяют сделать дополнительные наблюдения. Одно из каменных изваяний Киргизии выполнено с широко раскрытым ртом, по-видимому, в крике. Здесь явная попытка передать эмоциональное состояние образа – сильное горе. Этот же прием был использован для передачи горя и «плакальщиков», изображенных в согдийской терракоте VI–VIII вв. Новые материалы, сближающие монументальное искусство Согда и тюркскую скульптуру, представлены в живописи Афрасиаба. На одной из сцен изображены тюрки. Определяющим признаком для исследователя послужила своеобразная прическа этих персонажей: волосы на голове гладко зачесаны и заплетены в 3–4–5 кос. Косатые древнетюркские скульптуры известны в Южной Сибири, Монголии и Семиречье. На изваяниях Южной Сибири и Монголии – обычно две косы. Такие прически известны и в Семиречье. Однако только в Семиречье найдены фигуры с 5–7 косами. Афрасиабские и семиреченские прически роднит еще одна характерная деталь: у конца косы туго перевиты, а сами кончики их ниспадают распущенными завитками. Кроме этой, очень выразительной, детали можно отметить наборные пояса, привески к ним, оружие и другие детали, роднящие тюркские изваяния и персонажей настенной живописи Афрасиаба. Остановлюсь лишь на одной из них.

В 1971 г. мною было найдено два изваяния, за поясом которых на спине изображены две палочки крест – накрест. Еще раньше было известно изваяние с одной палочкой за поясом. Назначение этих палочек было неясным, пока подобные предметы не были убедительно интерпретированы Л. И. Альбаумом по материалам живописи Афрасиаба. Они служили опорами для локтей при «азиатском» способе сидения.

Вышесказанное позволяет не только подтвердить вывод Л. И. Альбаума, что в окружении самаркандского царя действительно были тюрки, но и уточнить его. Это были семиреченские тюрки, выходцы из коренных земель Западнотюркского каганата. Судя по сюжету сцены, они занимали при дворе царя Вахрумана монопольное положение.

Иконографические истоки различных типов каменных изваяний пока безуспешно искали в древнем искусстве Южной Сибири и Монголии.

Представляется вероятным, что их можно найти в искусстве народов Средней Азии и других территорий, в верованиях которых в доисламское время были развиты различные культы и особенно родственный древнетюркскому культ предков. Для этих поисков имеются все основания.

Не исключено, что прототипами древнетюркских каменных изваяний послужили среднеазиатские «идолы», которые усердно уничтожались арабами. Есть мнение, что терракотовые фигурки были копиями больших скульптур этих идолов. Все данные свидетельствуют в пользу того, что в VI–VIII вв. интенсивно протекал синтез обычаев, верований, обрядов и культур тюрков и согдийцев.

Отголоски культа предков в киргизских верованиях прошлого

Иногда в кишлаках и на джайлоо с пренебрежением относятся к древним изваяниям. С полей и пашен их убирают и бросают в глубокие арыки; бывают случаи использования изваяния для сооружения фундаментов, мостиков, крепления ворот. В лучшем случае, скульптуры древних тюрков убирают с мест их первоначальной установки и вкапывают у фасадов учреждений или жилых домов, где изображения средневековых воинов служат в качестве коновязи. Такое неуважительное отношение к памятникам этого рода связано с укоренившимся ошибочным бытовым представлением, что якобы каменные изваяния являются изображением калмаков. Они так и именуются «калмак таш».

Тем не менее, культ предков, и связанный с ним обычай изображать мертвых еще в дореволюционное время, в противовес исламским догмам, был хорошо известен у многих народов тюркского корня, к которым принадлежат и киргизы. Согласно древним народным представлениям, душа умершего мужчины в течение года пребывала в его изображении, которое именовали «тул». Изображение покойного в разных местах Киргизии не было одинаковым. На юге республики подобие умершего представляло собой вертикально поставленную подушку, которую облачали в одежды покойного. Тул, воздвигнутый в честь известного манапа Шабдана Джантаева, состоял из вертикального шеста, водруженного на мужской половине юрты. Конец шеста выходил наружу, где к нему привязывали траурные флаги. Внутри юрты на шест крепились поперечные планки, на которые надевали наряды Шабдана, увешанные орденами, медалями и другими знаками отличия этого феодала. Выше был помещен его портрет. Так выглядели тулы в начале XX в.

Более древние изображения имели значительно большее сходство с человеком. В XIX в. чаткальские киргизы вырезали тул из дерева. Причем изображались руки, ноги, голова. При перекочевках вдова покойного сажала тул на лошадь и вела ее в поводу за собой.

Чаткальские тулы, видимо, очень напоминали те изображения покойных, которые были отмечены в древнейшей, явно домусульманской, части эпоса «Манас».

В конце первой части эпической трилогии конкретизируется сам характер изображения покойного. На похоронах Манаса мудрый Бакай

«...срубил тополевыи ствол,

Приложил старания он,
Высек изваяние он:
Под его руками возник
Деревянный Манаса двойник!
Как у Манаса, руки его,
Как у Манаса, ноги его,
Даже глаза похожи его!»

Таким образом, древние поверья киргизского народа, связанные с культом предков, очень сходны с такими же поверьями древних тюрков. Первые явно восходят ко вторым. Отсюда следует, что каменные изваяния древних тюрков раннего средневековья являются важным археологическим источником при изучении происхождения и идеологии киргизского народа, как составной части тюркских народов нашей страны. Приведенные факты свидетельствуют об этногенетическом родстве древнетюркских и киргизских идеологических представлений, что в свою очередь свидетельствует об участии древних тюрков в этногенезе современных киргизов Тянь-Шаня.

Тюркские рыцари

Итак, каменные изваяния с кубком в правой и саблей в левой руке –олицетворение мощи Тюркского каганата, изображение его рыцарей, знатных воинов. Это их копьями тюркские каганы раздвинули границу своей державы от Кореи до Черного моря.

Каков этот рыцарь в бою? Среднеазиатская молва приписывала Александру Македонскому весьма высокую оценку боевых качеств тюрков: «Оставь тюрка в покое, пока он оставляет тебя, ибо добыча от него мала, а ярость его неизмерима». Молва молвой, в доля правды в ней была немалая.

Вот что говорили о своей доблести сами тюрки:

Когда ему было двадцать один год мы сразились против Чача-сенгуна.

В самом начале (в первый раз) на (принадлежавшего) Тадыкын-чуру серого коня сев верхом, он напал (на врага)

Тот конь там пал.

Во второй раз на (принадлежавшего) Ышбара Ямтару серого коня сев верхом, он напал (на врага).

Тот конь там пал.

В третий раз на (принадлежавшего) Йегин-Селиг-беку снаряженного гнедого коня сев верхом, он напал (на врага)

Тот конь там пал.

В его панцирь (и) его плащ более ста стрел попало, (но) его головы в медном (шлеме) ни одной (стрелой) не достигли.

Как он нападает, все вы, тюркские беки, знаете!

То войско мы там уничтожили.

Это не эпическое сказание о подвигах мифического героя, это описание реальной атаки реального тюркского принца Кюль-тегина в его же эпитафии. А она пользуется у специалистов репутацией серьезного исторического источника. Напряженность ситуации, драматизм и ярость боя подчеркнута троекратным «Тот конь там пал». Автор эпитафии не счел нужным даже упомянуть количество врагов, повергнутых принцем: для тех, кто участвовал в такой сече, и так все ясно.

Ратное мастерство этого рыцаря подчеркнуто в другом эпизоде:

Огузские враги напали на ставку. Кюль-тегин, сев верхом на белого (коня) Огсиза, девять мужей (воинов) заколол (копьем), ставку не отдал.

Чехословацко-монгольская археологическая экспедиция под руководством Йисла раскопала храмовый комплекс в честь Кюль-тегина. Экспедиции удалось найти разбитые части двух каменных фигур – портретные изображения Кюль-тегина и его супруги. На принце высокий головной убор с барельефом птицы, безусое овальное лицо, скулы и разрез глаз типично монгольские, рот маленький, нос приплюснут, подбородок тяжелый.

Ничего особенного в лице одного из лучших воинов каганата, если не знать, что от его руки погибло, судя по балбалам у храма, 169 врагов!

Арабы высоко ценили профессионализм тюркских всадников в единоборстве. Аль-Джахиз описал следующий эпизод: однажды отряд арабских конников окликнул одинокий тюрк (по мнению аль-Джахиза, самый гнусный из тюрков) и предложил любому из них сразиться. Прекрасный и смелый юноша-араб принял вызов и, опустив копье, погнал коня к нему. Тот бросился бежать. Когда оба всадника удалились от отряда, тюрк развернул коня и шутя сразил юношу. Пока, пораженные видимым, арабы поняли происшедшее, тюрк ограбил павшего и быстро скрылся.

В научной литературе высказано мнение, что кочевые всадники не умели брать города и крепости. При этом почему-то не учитываются вполне достоверные сообщения о том, что тюрки не раз воевали по ту сторону китайской стены и брали города. Едва ли могут вызывать сомнения сведения средневековых кавказских авторов об успешном штурме тюрками стен Дербента, Тбилиси, Партава. Аль-Джахиз особо подчеркивает знание и применение тюрками различных хитростей при осаде и занятии крепостей. В действительности этих хитростей были настолько убеждены жители укрепленных поселений и городов, что доходило до курьезов. Приведу один из них, который очень напоминает выходку Алдара Косе.

Завидя вдали группу тюркских всадников, обитатели кешков (замков) в селении закрылись на все запоры и настороженно следили за ними из-за зубцов стен. Вдруг от тюрков отделился один джигит, подскакал к замку и приказал хозяину немедленно спуститься и открыть дверь, иначе он хитростью возьмет замок и тогда упряму несдобровать. Хозяин к ужасу соседей, кстати, пассивно наблюдавших за действиями тюрка, в точности выполнил приказание. Тюрк связал его, подогнал к замку ближайшего соседа и предложил тому купить пленника за дирхем. Сосед принял это за шутку, так как нормальная цена на раба была минимум в двести раз больше, но все же бросил со стены монету. Джигит поймал ее и ускакал. Но это было лишь началом тюркского юмора. Не успели соседи достойно оценить его, как на горизонте за клубилась пыль и тюрк вернулся. Он деловито раскусил дирхем и, бросив половину покупателю, сказал, что взял слишком много за такого простака.

Вглядываясь в строгие каменные лики безмолвных героев с чашей в одной и с мечом в другой руке и стараешься угадать, кем был он при жизни. Яростным Кюльтегином? Шутником с дирхемом? А может быть, тем и другим?

Тюркские дамы

Мы до обидного мало знаем о них. Эпитафий, как знатным воинам, на их могилах не писали, хроники о них почти не упоминали. Во всем усматривается подчиненное положение женщины. Право выбора жены принадлежало мужчине. «Если мужчине нравится девушка, то... он посылает сватать ее, и родители редко отказывают». За жену платили калым. После смерти мужа женщина обязана выйти замуж за его брата или сына. Мужчина имел несколько жен. Тюрчанки любили играть в волан. Ибн Фадлан отмечал, правда, со слов тюрка, высокие моральные устои тюркских женщин. И немудрено. По тюркскому обычному праву прелюбодеяние наказывалось смертью. В надгробных эпитафиях тюркские женщины упоминаются вскользь наряду со скотом и прочими удовольствиями, которыми не наслаждался покойный при жизни.

На арабском Востоке тюрчанки получили широкую известность как рабыни-наложницы. Известный врач Ибн Бутлан (IX в.) в своем наставлении о покупке хорошего раба дает высокую оценку тюрчанкам: «Тюрчанки сочетают в себе красоту, мягкость и белую кожу, глаза у них маленькие, но приятные, рост небольшой, вплоть до низкого, высоких среди них мало. Они – неиссякаемый источник в смысле деторождения, дети от них редко бывают уродливыми и, как правило, не бывают плохими наездниками. Они опрятны, хорошо готовят, но расточительны и ненадежны». Выдающейся красоты и

гордого нрава были тюрчанки из Таласа. Поэт аль-Бейхаки (XI в.) посвятил этим красавицам стихи:

Газель отняла кровь мою и лишила сна мои глаза,
Из рода тюрок, из газелей Тараза.
Красота легла на ее щеках расписным узором,
И мускусный пушок на ее лице подобен вышивке.
С ожерельем горлицы, пением соловья,
Красотой павлина и душой сокола.

Остается добавить, что матерями многих багдадских халифов и русских князей были тюрчанки. Мать шаха Ирана Хормизда IV была тюрчанкой по имени Каэн.

Древнетюркское руническое письмо

Рунами именуют старинные карельские, эстонские и финские эпические песни, составившие эпос «Калевала». Рунами называли и письма, которыми раннесредневековые скандинавы наносили свои памятные и религиозные тексты. Почему же письменность древних тюрок Енисея, Монголии и Киргизии, отстоящих за тысячи километров от Скандинавии, именуют рунической? Есть ли здесь какая-либо связь? Есть, но случайная.

Памятники древнетюркского письма были открыты в 1721–1722 гг. известным исследователем Д. Г. Мессершмидтом, который по заданию Петра I собирал сведения о природе, истории, экономике и этнографии Сибири. Его сопровождал пленный шведский офицер Ф. И. Табберт (Страленберг). Оба прекрасно знали древние балтийские графемы и были поражены близостью начертания енисейских писем со скандинавскими рунами. Отсюда и название вновь открытого письма. Однако генетической связи между двумя алфавитами, как это было впоследствии доказано, не было и не могло быть.

В настоящее время в Средней Азии, главным образом в ее восточной части, известно свыше 40 древнетюркских надписей на керамике, мелких изделиях, на скалах, однако и по сей день наиболее крупным и значительным местом сосредоточения среднеазиатских рунических памятников является Таласская долина.

Весной 1896 г. аулиеатинский уездный начальник В. А. Каллаур в 8 км к востоку от с. Дмитриевское (г. Талас) нашел большой валун с четырехстрочной рунической надписью. Это была сенсация! «Насколько заинтересовались петербургские научные круги этой находкой, – писал проф. М. Е. Массон, – явствует уже из того, что по получении в начале 1897 г. сообщения и копии надписи, проф. бар. В. В. Розен снесся по этому поводу телеграммой с генерал-губернатором бар. А. Б. Вревским, а затем прислал специальное письмо с просьбой оказать содействие «приведению в известность и охранению от гибели подобных драгоценных остатков Туркестанской старины».

В 1898 г. в местности Айртам-Ой В. А. Каллаур нашел еще два валуна с древнетюркскими письмами. В том же году к ним прибавилось два валуна, найденных финской экспедицией Г. Гейкеля.

В Таласе была сделана еще одна уникальная находка – еловая палочка, с четырех сторон покрытая рунами. Она находилась в шурфе древних горных выработок на глубине 5 м от поверхности. Палочку нашел геолог И. Ф. Меренянин в конце 1932 г. и передал профессору М. Е. Массону. Сейчас она хранится в Эрмитаже.

В 1961 г. П. Н. Кожемяко и Д. Ф. Винник обнаружили четыре новых надписи на валунах, в 1977 г. Ч. Джумагулов – одну, а весной 1982 г. В. Плоских – еще одну. Таким образом, в Таласской долине найдено одиннадцать валунов и одна палочка с многострочными текстами. Тут же известны мелкие надписи на камнях. По одной рунической надписи найдено на Иссык-Куле, на Алае и в Баткенском районе Ошской области.

В датировке этих памятников нет единства. Их относят к периоду от V в. до «не ранее IX в.». С. Г. Кляшторный таласские эпитафии относит к памятникам, оставленным в 40–60 гг. VIII в. Его датировка в настоящее время наиболее обоснована. В смысле

этнической классификации все таласские руны принадлежат к группе памятников Западнотюркского каганата (тюркеша). Деревянная палочка по особенностям начертания большинства знаков является исключением. Такими знаками писали в Восточной Европе и на Северном Кавказе (печенеги?).

По своему жанру рунические памятники неоднородны. Все таласские валуны и, возможно, стела из Алая содержат надгробные надписи (эпитафии). Они выполнены по трафарету и содержат упоминание имени, титула, возраста, ближайших родственников и приближенных погребенного. Реже упоминаются важные события в жизни героя и дата смерти. Видный тюрколог профессор С. Е. Малов назвал намогильные надписи из Таласа «кладбищенской поэзией» древнетюркского времени. Отдельные небольшие надписи на камнях и скалах можно трактовать как памятные и посетительские. Знаки на венчике хума из Кара-Булака обозначали функциональное назначение сосуда или имя владельца (мастера). Деревянная палочка могла быть записью маршрута, дорожником.

Переводами таласских текстов занимались русские, венгерские, турецкие и советские ученые. Немало труда отдали их изучению С. Е. Малов, И. А. Батманов, Ч. Дж. Джумагулов. Переводы в значительной мере отличаются друг от друга, что затрудняет использование их в качестве исторического источника.

По мнению профессора В. А. Лившица, представляется вероятным, что руническое письмо тюрков возникло в результате обработки согдийского алфавита. Наиболее вероятная дата появления его – вторая половина VII – начало VIII вв.

Таласские руны свидетельствуют о наличии собственной системы письменности в Западнотюркском государстве, о довольно развитой грамотности населения, способного читать и писать на своем языке как эпитафии на могилах крупных феодалов, так и надписи на бытовых предметах. Однако руника Западнотюркского государства не могла полностью вытеснить согдийскую систему письма. Последняя применялась как на тюркешских монетах (VIII в.), так и в огромных посетительских надписях XI в. (ущелье Терек-Сай и Кулан-Сай в Таласе). Как тюркское, так и согдийское письмо на территории Киргизии были вытеснены арабской графикой в результате исламизации края при Караханидах.

* * *

Тюрки не всегда были кочевниками. Часть их, начиная с VI в. жила в городах и селениях, занималась хлебопашеством, садоводством, ремеслами и торговлей. Они быстро впитали культурные достижения среднеазиатской земледельческой цивилизации и нашли в ней свое место, привнеся в средневековые города Киргизии лучшие достижения кочевой культуры. В VI–XII вв. шел процесс сближения различных тюркских племен, их консолидации, процесс становления общей культуры, языка, литературы, искусства. Ему не суждено было завершиться. В городах Чуйской долины и Ферганы, в кочевьях Прииссыккуля и Алая, на горнорудных промыслах Таласа и Чаткала в начале рокового XIII в. уже глухо слышался грозный топот конных орд Чингиз-хана, губительное нашествие которых надолго задержало культурное развитие Киргизии.

ИССЫК-КУЛЬ: ЗАТОНУВШИЕ ГОРОДА

Заря будущего мирно пасется
с теньями прошлого...
Велимир Хлебников

ПРЕДИСЛОВИЕ

На дне Тюпского залива Иссык-Куля в полевой сезон 1985 г. мы обнаружили крупное городище античного времени. Находки свидетельствовали, что оно существовало где-то в первом тысячелетии до нашей эры. Но все это нужно было еще доказать новыми изысканиями, научными исследованиями.

При подготовке книги мы взяли за основу одну привлекательную гипотезу: обнаружена Чигу – столица кочевников II в. до новой и рубежа новой эры. Это следовало полевыми (а точнее – подводными) археологическими исследованиями либо подтвердить, либо опровергнуть. Как нам кажется, построение гипотезы, а затем тщательная проверка ее – несомненно, путь поисков истины лучший, чем простое первоначальное накопление фактов, когда исследователь не опирается на стержневую гипотезу, а затем на выводы, гипотезы или теории, вытекающие из суммированных итогов. Не отрицая возможности идти вторым путем, мы предпочли первый, как более интересный. Даже если факты опровергнут гипотезу, это тоже будет определенным решением проблемы. Ибо отрицательный результат – тоже результат. Итак, мы предположили, что нашли развалины знаменитого города Чигу – ставки могущественного правителя древнеусуньского племенного союза на Иссык-Куле (позже она, как полагают ученые, именовалась Кункат и Багкат). Исходя из этого, мы на наши первые прибрежные и подводные трофеи стали смотреть как на предметы материальной культуры столичной ставки древних кочевых владык.

Последующие находки – одна древнее другой – все более уводили нас от рубежа новой эры к началу первого тысячелетия до новой эры – ко времени финальной бронзы и становления сакского кочевого союза племен. Это позже ему на смену пришел усуньский племенной союз со столицей Чигу, впитавший в себя все элементы предшествующей культуры.

Так может быть, мы обнаружили неизвестное сакское городище на берегу Иссык-Куля, которое позже выросло в столицу усуней? Вопрос следовал за вопросом, загадка за загадкой. Пошли они и позже, когда мы коснулись средневековых подводных поселений.

Предыстория поиска, сам процесс поиска, анализ добытых материалов, факты, легенды, гипотезы и составляют сюжеты предлагаемой книги.

1. ЧИГУ

Вопрос о местонахождении Багката (Чигу) –
один из трудных ребусов исторической
географии Киргизии.
С. Умурзаков

ИСТОКИ

Семенов-Тянь-Шанский ищет Чигу

Научные поиски реального или мифического Чигу имеют четко обозначенную начальную дату. В теплый вечер 14 июня 1857 г. молодой русский ученый-путешественник, прибывший из далекого Санкт-Петербурга на Иссык-Куль в поисках разгадки происхождения Тянь-Шанских гор, стоял на мысе Кара-Булун, у водораздела рек Тюп и Джергалан, и вглядывался в покрытое рябью зеркало залива, тщетно пытаясь в лучах заходящего солнца увидеть причудливые развалины подводного дворца. Окружавшие его местные киргизы через переводчика рассказывали ему, что именно здесь они доставали кирпич со дна озера для своих мавзолеев – гумбезов, что именно тут на мысе разбушевавшиеся волны время от времени выбрасывают на берег старинные предметы – «дары озера». Незадолго до этого, например, здесь были найдены «очень древний по форме и украшениям больших размеров медный котел и несколько медных орудий», которые ученый ориентировочно датировал эпохой бронзы¹.

Ученый не только занимался сбором строго научных фактов. Он внимательно слушал киргизские легенды о том, как образовалось озеро, почему оно теплое и соленое, сказания о крылатых конях – тулпарах, о храбре джигите и красавице-пери, о жестоком хане с ослиными ушами и «двурогом Искандере» – так на Востоке называли Александра Македонского.

Суть легенд сводилась к тому, что прежде на месте озера была обширная равнина с многолюдными и богатыми городами. На главной площади одного из городов находился колодец, который закрывали на ночь золотой крышкой. Однажды влюбленная девушка (по другому варианту, три странника) забыла это сделать.

Поднявшаяся в колодце вода хлынула на спящий город. В одну ночь на его месте образовалось озеро Иссык-Куль¹.

Более всего впечатлял слушателя романтический вариант легенды, записанный позже и опубликованный сыном старожила г. Пржевальска – известного краеведа Я. И. Королькова Борисом.

В давние времена существовал город, над которым на вершине крутой горы возвышался замок. Принадлежал он старому хану, который отличался жестокостью. Несмотря на старость, хан был сластолюбив. Однажды до него дошел слух, что в одной бедной семье кочевника есть девушка сказочной красоты. Не один славный джигит на поединке сложил голову за красавицу, но на предложения руки и сердца она всем отвечала, что любит другого. А она и сама не знала своего возлюбленного. Как-то наяву или во сне явился перед нею на белом коне красавец-джигит, снял с руки кольцо и, надев его ей на палец, сказал: «Я скоро вернусь. Кольцо никогда не снимай и пока оно у тебя, никакое несчастье тебя не коснется».

Когда посланники хана явились к ней с богатыми дарами и предложили выйти за него замуж, девушка тайком ушла в горы в надежде снова встретить дивного всадника. И только тут девушка заметила, что перстень исчез с ее руки. Она решила возвратиться за ним. Не успела беглянка дойти до дому, как ее схватили вооруженные всадники.

¹ Семенов-Тянь-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 годах. – М., 1946. – С. 180.

² См.: Археологические памятники Прииссыккуля. – Фрунзе, 1975. – С. 10; а также «Приложение» к данной книге «Киргизские предания об озере Иссык-Куль».

Хан окружил ее неслыханной роскошью, но никакие подарки не могли склонить девушку на его предложение. Наконец хан решил не церемониться и силой взять то, чего бесплодно добивался подарками. Он снова пришел к ней, обещая за любовь все, даже свободу. Красавица осталась непреклонной. Хан бросился к девушке, но она быстро оказалась у раскрытого окна и бросилась в бездну ущелья, над которым стоял дворец. В тот же миг дрогнули стены, рухнули своды, провалился мрачный замок старого хана и из всех ущелий хлынула вода. Она все прибывала и прибывала до тех пор, пока не затопила большую долину¹.

П. П. Семенов решил проверить рассказы иссык-кульских киргизов об исчезнувших под водой строениях. Место, где развалины бывали видны, по его мнению, являлось подводным продолжением мыса Кара-Булун, во всяком случае – в восточной мелководной части озера. Осмотренные им археологические находки, вынесенные волнами в этом месте, Семенов относил не к усуньскому периоду, а к более позднему – монгольскому, к XIV и XV вв. И он был прав. В его руках действительно оказались находки, относящиеся к монголо-тимуридским временам. Но здесь же были обнаружены и предметы более раннего – сако-усуньского периода, как определял сам ученый.

Отметив все это, Семенов задается вопросом: где же все-таки могла располагаться ставка усуней, которую китайские летописцы называли Чигучен, т. е. «Город красной долины»? Усуни, по его мнению, «оставались бесспорными владельцами бассейна Иссык-Куля», по крайней мере, в течение пяти веков и оставили «самые древние предметы из выбрасываемых волнами Иссык-Куля»ⁱⁱ.

Как представлялись усунь в свете научных знаний Семенову? Все познания ученых того времени об усунях базировались лишь на сведениях китайских летописей. Археологические раскопки усуньских памятников тогда еще не производились и свидетельств материальной культуры практически не было, за исключением разрозненных случайных находок.

Итак, пишет П. П. Семенов, страна усуней, по мнению китайцев, была холодна и обильна дождями, с превосходными пастбищами, горы поросли еловыми и лиственными лесами. У усуней были многочисленные стада, охотнее всего они занимались коневодством. Китайские императоры искали союза с усуньскими правителями, видя в них потенциальных союзников против гуннов. Для этого использовались, как один из методов, династические браки. В 107 г. до н. э. китайский двор отдал свою принцессу в жены усуньскому правителю. Для нее в ставке правителя был выстроен дворец. Эту-то резиденцию китайцы и называли «Городом красной долины». Семенов считал, что «красной долиной» могла быть только долина р. Джергалан. Он полагал, что рядом со ставкой кочевого владыки необходимы были, скорее, богатые пастбища, а не обилие воды, а потому ставка Чигу не была на берегу Иссык-Куля. Довод этот может быть принят во внимание, но до конца не убеждает. Ведь вполне могло быть и так: ставка располагалась непосредственно на берегу озера, а стада выпасались на богатых предгорных лугах той же Джергаланской долины.

Как бы там ни было, П. П. Семенов, убежденный в том, что Чигу расположен в Восточном Прииссыккулье, даже не предполагал обнаружить его непосредственно на берегу. Как объективный, беспристрастный ученый, он все же отметил случаи находок на берегу и под водой предметов, которые относил к кругу усуньских.

Господство усуней прекратилось на Тянь-Шане где-то к VI в. н. э. Они смешались с пришедшими сюда тюркскими племенами. Но, как справедливо считал П. П. Семенов, усунь не исчезли с лица земли. Их остатки следует искать среди казахов и киргизов, в родоплеменных подразделениях которых уцелело название «усунь», в частности, так именовали один из родов большого киргизского племени сарыбагыш. Среди сарыбагышей

¹ *Корольков Б.Я.* Предания иссык-кульских киргиз о разлившемся озере // Восточное обозрение. – 1890, № 6. – С. 11.

² *Семенов-Тянь-Шанский П.П.* Путешествие в Тянь-Шань... – С. 184.

ученый изредка встречал голубоглазых и русских, выделявшихся на общем фоне монголоидного черноволосого и черноглазого населения. Надо сказать, что и тут Семенов оказался прав. Современной наукой убедительно доказано, что в этногенезе как казахского, так и киргизского народов самое непосредственное участие принимали древние усуньские племена и их ассимилированные компоненты¹.

Непосредственно усуньских памятников П. П. Семенов-Тянь-Шанский не обнаружил. «Но зато, – писал он, – природа Заилийского края и Тянь-Шанских предгорий местами сохранила свои характерные черты, так хорошо подмеченные две тысячи лет тому назад китайцами»².

Что ж, обнаружение и изучение усуньских памятников выпало на долю следующего поколения ученых. Эстафету приняли младшие современники Семенова.

Несбыточные мечты губернатора

Туркестанский генерал-губернатор Кауфман не забыл письменного уговора, с которым обратился к нему спустя несколько лет после путешествия на Иссык-Куль Петр Петрович Семенов, ставший уже признанным ученым, фактически главой Русского географического общества. П. П. Семенов, указав на подводные находки киргизов с Иссык-Куля, отмечал их несомненную научную ценность и призывал разыскивать предметы старины, сосредоточив их в музее, который обязательно должен быть открыт в Ташкенте. Генерал-губернатор хотел прослыть человеком просвещенным и в недавно присоединенном к России крае мечтал навести административный порядок, преобразовать экстенсивное хозяйство, возродить культуру. В канцелярии туркестанского генерал-губернатора хранилась составленная еще в 1856 г. по просьбе Чокана Валиханова записка купца Исаева, не раз ходившего с караванами через Иссык-Куль в Восточный Туркестан в 1820-х годах. Купец упоминал о неких подводных развалинах в Тюпском заливе, справа от впадения реки в озеро. «Видимые в воде здания складены из камня, – читаем в записке, – только надобно заехать на лошади сажен до двухсот. Сказывают эти жители о сих зданиях, что будто бы город тут величайший, и сделалось наводнение, и будто бы не было до этого тут озера»³. И, конечно, приводились киргизские легенды об образовании озера. Кауфман мало придавал им значения. Другое дело – письмо просвещенного сановника П. П. Семенова! Да к тому же, и военный губернатор Семиреченской области Г. А. Колпаковский упорно настаивает на том же, и древние вещи присылает в подтверждение, да большинство из-под воды!

Объезжая по делам службы свои владения, Г. А. Колпаковский в 1869 г. посетил Иссык-Куль. Рассказывали, что он заставлял первых русских поселенцев и казаков высаживать вдоль дороги деревья, а кто ослушничал – тут же наказывал плетью. Мужики терпели, ворчали, но... аккуратно высаживали положенное количество саженцев, которые через несколько лет превратили трассу по северному берегу Иссык-Куля в сплошной зеленый туннель.

Вернувшись из поездки в областной центр – г. Верный, Колпаковский направил в Ташкент записку, которая в ноябре 1869 г. была зачитана на собрании членов-учредителей Среднеазиатского ученого общества (еще до его официального открытия). В записке говорилось о древних «предметах, найденных в юго-восточной части Иссык-Куля, доказывающих существование в прежние времена на этом месте города». Тогда же Колпаковский направил и краткую информацию в «Известия Русского географического общества» с описанием виденной им под водой обширной площадки, которая, как писал он, будто специально устлана кирпичами, обломками посуды и костями. Там же видел он под водой и каменное изваяние.

¹ История Киргизской ССР. В 5 т. – Т. 1. – Фрунзе, 1984. – С. 441; История Казахской ССР. В 5 т. – Т. 2. – Алма-Ата, 1979. – С. 241.

² Семенов-Тянь-Шанский П.П. Путешествие в Тянь-Шань... – С. 186.

³ Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. В 5 т. – Т. 3. – Алма-Ата, 1964. – С. 317.

Колпаковский был инициативным чиновником и не ограничивался только служебным рвением. Круг его интересов распространялся и на научное освоение края. Он ежегодно посещал Иссык-Куль, постоянно интересовался древностями его, собирал случайно найденные предметы старины. 3 ноября 1871 г. военный губернатор направляет К. П. Кауфману очередной рапорт следующего содержания: «В последнюю поездку в южную часть Семиреченской области приобретены мною две археологические вещи и две серебряные монеты, найденные на берегу Иссык-Куля». Это были: большая медная чаша, обнаруженная киргизами в устье р. Сары-Булак, при впадении ее в озеро (на северном берегу), и медная чаша с арабской вязью, найденная в устье р. Койсу на южном берегу и подаренная генералу сарыбагышским манапом Уметалы. Переводчик при туркестанском генерал-губернаторе, знаток местных обычаев и наречий Ш. М. Ибрагимов сделал перевод арабской надписи на чаше: «Весенние дни доставляют нам счастье. О, водонос! Дай мне оживляющей влаги... Похожий на розу напиток сосуду красу придает, подобно тому, как роса оживляет тюльпан. Жизнью считай то время, которое смертным дает наслаждение». Еретическое восхваление земного наслаждения вместо послушания и ханжеского стремления к вечному блаженству в раю в век ортодоксального ислама было дерзким. Оно слишком явно перекликалось с рубай Омара Хайяма, чтобы не вызвать чувства, что и эти строки принадлежат какому-то поэту из его окружения.

Чаши, несомненно, относились к давно ушедшему средневековью и были, по всей вероятности, изготовлены в период Караханидов, правивших на территории Киргизстана в X–XII вв. из столицы Баласагун, развалины которого раскапывают сейчас наши археологи близ города Токмака, что в 60 км восточнее Фрунзе.

Г. А. Колпаковский предлагал К. П. Кауфману организовать научные изыскания на Иссык-Куле, возложив их на молодого ученого-натуралиста А. П. Федченко. «Вообще загадочность Иссык-Куля с каждым годом увеличивается и побуждает меня, – писал он, – вновь заявить мысль о необходимости исследований. Затруднения относительно устройства судна по возможности устранимы. Ожидая на Иссык-Куле г. Федченко, я распорядился об устройстве небольшого парусного судна, которое уже приведено к концу; кроме того, для этой же цели одним частным лицом устроен восьмивесельный катер. Затем, для полноты предприятия недостает водолазного аппарата, приобретение которого посредством частных средств более чем сомнительно». К. П. Кауфману в целом предложение Г. А. Колпаковского понравилось, и 10 ноября он накладывает на его письмо резолюцию следующего содержания: «Вещи: котел или большую чашу и малую чашу хранить здесь для будущего музея... Что касается до водолазного аппарата (скафандра), то выписать можно не иначе, как с мастером, а потому просить свиты его величества генерал-майора Зверева, строителя Кронштадта, не может ли он поручить кому-либо собрать сведения, что будет стоить прибор наиболее прочный и на каких условиях можно найти охотника пожаловать сюда и заняться исследованиями».

Заинтересовавшись в определенной мере находками и сознавая возможность прослыть покровителем наук в крае, К. П. Кауфман рьяно взялся за приобретение подводного аппарата и поиски водолаза.

В свое время, просматривая документы архива канцелярии туркестанского генерал-губернатора, мы обнаружили дело «Об археологических находках на озере Иссык-Куль, приобретении водолазного аппарата и найме водолазов для подводных исследований в Иссык-Куле. Описание скафандра», датированное 15 ноября 1871 г. – 20 октября 1873 г.¹ Оказалось, что более ста лет тому назад была предпринята попытка первых подводных археологических исследований древних памятников на дне Иссык-Куля – поселения и городищ. Насколько это удалось, увидим ниже.

После настойчивых предложений Г. А. Колпаковского и предварительного официального уведомления К. П. Кауфман пишет строителю Кронштадтской крепости

¹ ЦГА Уз. ССР, ф. и-1, оп. 15, д. 102 (Приводимые цитаты взяты из этого дела).

Константину Яковлевичу Звереву письмо с просьбой помочь в организации исследования подводных тайн Иссык-Куля. «Озеро Иссык-Куль, – писал он, – находящееся в пределах Семиреченской области, представляет собою весьма богатый материал для археологических исследований. Найденные на дне сего озера и рек, в оное впадающих, в разное время древние вещи свидетельствуют, что местность, где находится озеро Иссык-Куль, была совсем в иных условиях, чем в настоящее время... К сожалению, археологические находки так еще бедны, ибо добываются случайно, не интересующимся кочевым населением, и при том так разнообразны, что не представляют еще данных к какому-либо выводу...» И туркестанский генерал-губернатор просит кронштадтских специалистов содействовать в приобретении необходимого водолазного скафандра и привлечении специалистов-водолазов. «При этом, – писал Кауфман, – главным образом нужно принять во внимание, что так как цель приглашения такого мастера составляют по преимуществу археологические изыскания, то в данном случае необходим человек развитый, способный, сильный и непьющий». Последнее замечание было отнюдь не случайным. Ибо даже высокопоставленные чиновники Сибири и Туркестана погрязли в пьянстве и коррупции, о чем в свое время так ярко повествовали Федор Михайлович Достоевский и Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский – непосредственные свидетели быта колониальных чиновников окраин.

Поскольку отечественных водолазных приборов и костюмов, соответствующих особым условиям и археологическим задачам, не было, Зверев, получив предварительно описание нескольких рекламных образцов с Парижской выставки, спрашивал, а не закупить ли их за границей, где «в устройстве скафандров произведены значительные улучшения», но все они стоили немалых денег. Так, один из предложенных усовершенствованных французских водолазных приборов с регулирующимся воздушным резервуаром, называемым «искусственными легкими», отмеченный Золотой медалью на Всемирной Парижской выставке 1867 г., стоил 1625 рублей – сумма по тем временам преогромная!

В Ташкент направляется подробное описание скафандра с рисунками. Но..., как нередко бывало в истории, в конечном итоге денег именно на приобретение аппарата и приглашение водолаза не оказалось. Парусник неожиданно затонул, А. П. Федченко в свое время не приехал. И благие намерения так и остались неосуществленными. Лишь архивное дело свидетельствует о несбывшихся мечтах губернатора.

Внимание не ослабевает

Но интерес к подводным тайнам Иссык-Куля не исчез. В 1886 г. геолог И. В. Мушкетов представляет в физико-географическое отделение Русского географического общества доклад «Мотивы и задачи исследования на Хан-Тенгри» – об организации специальной экспедиции в горную систему Хан-Тенгри на Тянь-Шане. И хотя сам ученый скептически относился к наличию подводных крепостей и селений на дне озера, считая следы развалин продуктом особых геологических отложений, тем не менее полагал необходимым их обследовать. «Так как экспедиция предполагает окончательно снарядиться в Караколе (ныне г. Пржевальск. – *Авт.*), т. е. в долине Иссык-Куля, – докладывал И.В. Мушкетов членам общества – организаторам экспедиции, – и на обратном пути тоже будет в долине Иссык-Куля, то было бы весьма желательно, чтобы она занялась, насколько возможно, *исследованием остатков древних поселений на Иссык-Куле* (выделено нами. – *Авт.*), которые давно уже известны и в последнее время получают все больший интерес, особенно вследствие открытия сирийских памятников в Токмакском уезде, т. е. местности, соседней с Иссык-Кулем. Особенно интересно проверить данные о нахождении развалин древних поселений, находящихся на северном берегу озера у р. Ак-Су под уровнем воды. При этом желательно проследить распространение и характер

новых туфов, которые, обладая правильной трещиноватостью, иногда принимаются за остатки искусственных стен, например, в юго-восточном углу озера вблизи берегов»¹.

Экспедицию поручили возглавить горному инженеру И. В. Игнатьеву. При возвращении с Хан-Тенгри в сентябре 1886 г. он провел с лодки специальный осмотр дна озера в районе Кой-Сары. Здесь под водой были найдены каменные жернова, гранитный шар неизвестного назначения, керамическая посуда, обнаружено скопление обожженных кирпичей, которые, по заключению ученого, могли представлять собой только развалины стен. Судя по перечню предметов, это были остатки разновременных памятников, оказавшихся под водой Иссык-Куля. Сам И. В. Игнатьев все их отнес к древнеусуньским.

В 1888 г., после кончины великого путешественника Н. М. Пржевальского, экспедицию в Центральную Азию возглавил М. В. Певцов. Он также заинтересовался подводными развалинами на Иссык-Куле и лично осмотрел их. «К западу от Пржевальска, в местности Кой-Сары, на дне Иссык-Куля, – записал ученый, – находятся развалины небольшого древнего города, лежащие близ южного берега озера на глубине около пяти футов». Обожженный кирпич, который находили здесь, был небольшого формата и украшен отчасти изразцами. Как рассказывали ученому местные киргизы, нередко они находили в развалинах и обломки глиняной посуды, медные котлы и монеты, а также человеческие черепа и кости. От одного из киргизов – Джеламана, «весьма любознательного и правдивого», Певцов получил в подарок «две медные, очень древние монеты, найденные в развалинах»².

Судя по описанию, здесь наряду с явно средневековыми остатками материальной культуры, свидетельством чему являлись кирпичи, встречались и более древние, сако-усуньские предметы. Наиболее характерным из них являлся «медный котел».

Казалось бы, вопрос решен, ясность внесена: на Иссык-Куле имеются подводные памятники, причем добываемые со дна предметы хронологически весьма отдалены один от другого: от первого тысячелетия до н. э. до середины второго тысячелетия н. э.

Собранные краеведом Ф. В. Поярковым и переданные в свое время в Ташкентский музей трофеи со дна Иссык-Куля – сабля, наконечник пики, бронзовый топор и другие самые разновременные предметы, казалось бы, должны были убедить в реальном существовании археологических памятников на дне озера и в необходимости дальнейших серьезных научных изысканий. Но высказывались сомнения: а не плод ли это воображения, когда естественные туфы ученые, не будучи ни археологами, ни историками, выдавали за легендарные подводные крепости? Достаточно сказать, что два квалифицированных участника одной и той же экспедиции – художник С. М. Дудин и востоковед В. В. Бартольд в 1804 г. высказали по этому поводу прямо противоположные мнения. Так, С. М. Дудин после осмотра с лодки акватории озера в местности Кой-Сары заявил, что «подводные стены» – не что иное, как толщи сланцевой глины, размытой водой, т. е. представляют собой «типичное осадочное образование, чего, понятно, в глинобитных стенах ни в коем случае допустить нельзя»³. Бартольд же не разделял точки зрения своего художника и был уверен, что озеро действительно хранит следы древней жизни. По размерам и форме найденных на дне озера кирпичей, фрагментам керамики он относил подводные развалины к послемонгольскому времени. Убежденный в том, что подводные иссык-кульские развалины – остатки средневековых поселений, Бартольд не дал, однако, никакого объяснения находимым местными жителями в подводных развалинах около устья Тюпа более древним орудиям из меди (ножи, пики, стрелы, топоры, серпы), никак не вязавшимся хронологически со средневековьем. В с. Преображенском (современное с. Тюп) ученому показали большой медный котел на трех припаянных ножках, обнаруженный в пяти верстах от устья р. Тюп. Бартольд хотел

¹ Архив ГО СССР, ф. 7, оп. 1, д. 6, л. 11-12; Археологические памятники Прииссыккуля. – С. 31-32.

² Певцов М.В. Путешествие в Кашгарию и Кунь-Лунь. – М., 1949. – С. 42.

³ Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893–1894 гг. // Соч. Т. 4. – М., 1966. – С. 65.

купить котел, но за него запросили так дорого (30 рублей), что это оказалось не по средствам. Зато он тут же приобрел медный нож, «похожий на древнесибирские медные орудия»¹. Здесь ученый отдает должное их древности.

Конкретные исторические факты, археологические находки невозможно было игнорировать. Их надо было объяснять. Далекие предки киргизского народа, создатели и жители ныне подводных поселений, не оставили письменных свидетельств. Поэтому с течением времени былое в памяти народа стиралось, трансформировалось в исторические предания, в мифы и сказки. «Киргизы, – писал В. В. Бартольд, – твердо убеждены, что озера прежде не было, а на месте его был обширный город»².

Новейшие исследования

В советское время большие исследовательские работы на Иссык-Куле в 20-х годах провел уроженец Киргизии, известный впоследствии ученый-востоковед П. П. Иванов. Он был первым, кто со знанием дела, профессионально подошел к изучению подводных тайн Иссык-Куля. Обследовав на лодке прибрежную акваторию озера, П. П. Иванов зарегистрировал подводные развалины поселений в районе Чон-Койсу, Тюпского залива и Кой-Сары. Ученый отнес их к единому времени, полагая, что это остатки средневековых памятников. Иванов снял на план широкую отмель в урочище Чон-Койсу, нанес расположенные на ней подводные развалины: выложенные из кирпича и камня стены, деревянные настилы, отождествленные им с перекрытиями подземных сооружений, каменные вымостки, напоминающие улицы либо полы зданий, жернова, фрагменты керамической посуды, кости и т. д.³

Надо сказать, что никто из исследователей, в том числе и П. П. Иванов, даже не ставил вопроса о наличии подводных остатков античных поселений – первого тысячелетия до новой эры или новой эры. Не ставили, хотя поднимаемые со дна озера предметы, особенно бронзовые изделия, были явно более раннего, не средневекового времени. Все были как бы загипнотизированы средневековьем (для чего, кстати, были все основания) и не пытались дифференцированно подойти к анализу находок из Иссык-Куля.

Специальную задачу исследования подводных памятников Иссык-Куля с применением аквалангистской техники середины XX в. поставил перед собой археолог Д. Ф. Винник. Пройдя специальную стажировку у одного из основателей и энтузиастов подводных археологических раскопок профессора В. Д. Блаватского, Д. Ф. Винник в 1959 г. приступил к планомерному археологическому обследованию подводных памятников Иссык-Куля. За два года небольшим отрядом Д. Ф. Винника, состоявшим в основном из энтузиастов-студентов Киргосуниверситета и Фрунзенского политехнического института, была обследована местами северная и восточная прибрежная акватория Иссык-Куля. На вооружении отряда имелись подводные аппараты двух конструкций: кислородный акваланг «ИДА-М-48» и более усовершенствованный «Подводник-1». В них под водой можно было находиться до 45 минут.

Результаты работ оказались обнадеживающими. Они подытожены в двух специальных статьях Д. Ф. Винника⁴. Убедительно было доказано, что под водой имеются поселения не только XII–XV вв., но и несколько более ранних периодов, начиная с VIII в. н. э. В то же время подводное обследование в урочище Кой-Сары показало, что в результате обмеления озера ранее находившиеся под водой развалины оказались на

¹ Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893–1894 гг. – С. 65–66.

² Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893–1894 гг. – С. 63.

³ Иванов П.П. Материалы по археологии котловины Иссык-Куля // Тр. Института истории АН Кирг ССР. – Вып. 3. – Фрунзе, 1956.

⁴ Винник Д.Ф. Работы Иссык-Кульского археологического отряда в 1959 г. // Изв. АН Кирг. ССР. Сер. обществ. наук. – Т. 3, вып. 3. – Фрунзе, 1961; Он же. К историко-топографическому изучению урочища Кой-Сары // Изв. АН КиргССР. Сер. Обществ. наук. – Т. 5, вып. 1 (История). – Фрунзе, 1963.

берегу. Это позволяло переключиться в этом районе на традиционные раскопки наземных памятников¹.

С этого времени Д. Ф. Винник подводные археологические работы прекратил. И в дальнейшем – в 60–80-е годы – занимался изучением памятников древних кочевников и средневековых поселений только на берегу, преимущественно в предгорной зоне Иссык-Куля.

Но подводные памятники продолжали тревожить воображение и манили к новым исследованиям. Недаром один из авторов настоящей книги, В. М. Плоских, подводя итог предшествующим подводным исследованиям на Иссык-Куле, писал в 1981 г.: «Впереди новые работы. Подводный мир Иссык-Куля требует их продолжения. Дно озера как песчаная пустыня. Где сегодня ничего не видно – завтра может быть вымыт и выброшен на берег уникальный сосуд или бронзовый котел, украшенный фигурками животных. Иссык-Куль по-прежнему полон тайн»².

И новый этап подводных исследований начался летом 1985 г. работами Иссык-Кульского историко-археологического отряда³. Толчком к нему послужила новая встреча с древностями на берегу озера за три года до этого – в 1982 г.

Трофеи из Иссык-Куля

Солнце уже склонялось к закату, когда мы – историко-археологический отряд Института истории Академии наук Киргизской ССР по обследованию памятников XVIII–XIX вв. – решили сделать остановку на южном побережье Иссык-Куля, у с. Дархан. Как в самом Дархане, так и в соседнем с. Сару нас интересовали мавзолеи – гумбезы XVIII–XIX вв. и особенно гумбез Балчака в среднем течении р. Джуука, которая у Дархана впадает в озеро.

Остановка на Иссык-Куле, даже на пару дней, в самый разгар лета – была приятной наградой за недели пути по трудным горным трассам, за пыльные километры безасфальтных дорог, за переходы по горным кручам и обрывистым склонам вдоль стремительных рек.

Не успели мы разбить лагерь, как к палаткам на телеге подъехал пожилой человек. Теперь он уже пенсионер, а еще год назад гонял отары в верховья р. Джуука. До Великой Отечественной войны был пограничником, а в годы войны – летал на советских и американских истребителях, сражаясь с немецкими захватчиками. Ветеран войны Тойтобай Маалиев приехал с женой. «Она – мать-героиня, – сказал аксакал. – У нас семь сыновей и семь дочерей. Я теперь на пенсии, но зимой опять пойду на Джууку. Не могу без отар, скучаю без настоящего дела». Помолчал, по-хозяйски осмотрел лагерь. «Археологическая экспедиция», – прочитал он на машине. И тут же спросил: «Подводные находки вас интересуют? Могу показать».

Все это было как-то неожиданно. Слишком уж быстро. Да и Иссык-Куль, мы знали это по собственному многолетнему опыту, не так-то легко расставался со своими сокровищами, особенно подводными. И Тойтобай рассказал, как он рыбачил несколько лет назад здесь с лодки, метрах в 20–25 от берега – он показал на середину затона. «Вдруг смотрю, в воде какие-то предметы необычной формы. Спрыгнул. Было неглубоко – метра полтора. Достая – металлические предметы. Сначала думал – золото. Но потом, уже дома понял – бронза. Да что там – едем ко мне, покажу». Мы все еще не очень верили в удачу. Но поехали к нему домой, в с. Дархан. И уже через 15 минут держали в руках фрагменты двух бронзовых кинжалов и бронзовый котелок с маленьким носиком. А когда хозяин передал нам и сплюсненный фрагмент большого бронзового котла, все сомнения отпали – находки очень древнего происхождения. Начали вспоминать аналоги по литературе и

¹ Винник Д.Ф. К историко-археологическому изучению урочища Кой-Сары. – С. 42. (О подводных работах Д.Ф. Винника подробнее см.: Зюков Б. Под волнами Иссык-Куля. – М., 1962).

² Плоских В.М. Иссык-Куль: путешествие в историю. – Фрунзе, 1981. – С. 57.

³ Начальник Киргизской историко-археологической экспедиции В. Плоских, руководитель археологических работ В. Мокрынин.

экспонаты, выставленные в Пржевальском музее, Республиканском историческом музее и археологическом музее Института истории Академии наук республики. Перед нами лежали изделия, которые были отлиты, по крайней мере, две с половиной тысячи лет тому назад.

Первый кинжал с отломанным концом, но сохранились самые важные и самые ценные его части: фигурное навершие, бабочковидное перекрестие, двулезвийный реберный клинок. На ручке с обеих сторон по три вертикальных гофра. Длина сохранившейся части кинжала 161 мм, причем 124 мм приходится на рукоятку, ширина рукоятки 18 мм, клинка у основания – 25, фигурного навершия – 44 мм. Самым примечательным, делающим кинжал индивидуальным, было именно художественное навершие, выполненное в виде двух головок горных козлов в зеркальном изображении – как бы соприкасавшихся затылками с закрученными рогами. Из огромного числа наверший мечей. Из кинжалов скифо-сакского мира нашему кинжалу найдена пока единственная аналогия – кинжал с подобным (но не тождественным) навершием, найденный также случайно несколько лет назад археологом И.К. Кожомбердиевым в долине Кетмень-Тюбе (Токтогульский район Ошской области). Последний ученые датировали VI–V вв. до н. э.

Второй кинжал был в общем похож на первый. С брусковидным навершием, бабочковидным перекрестием к двулезвийным реберным клинком, правда, отломанным у самого основания. На ручке с обеих сторон три вертикальных гофра. Рукоятка значительно меньше, чем у первого кинжала, – всего 110 мм при ширине 18 мм, ширина навершия 48, перекрестия – 58, лезвия – 20 мм.

Мы скрупулезно, тщательно записывали все размеры находок, художники делали зарисовки, а фотографы – фотоснимки. Мельчайшие подробности могли пригодиться при выявлении аналогий и определения хронологии. Уже во Фрунзе, просматривая публикации и многочисленные археологические таблицы, мы нашли ближайшие подобия кинжалу, приближающиеся к тождеству, – это случайная находка в Чуйской долине А. К. Кибирова и кинжал, входящий в состав Иссыкского клада, найденного К. А. Акишевым близ Алма-Аты. Последний датировался VI–IV вв. до н. э.

Не остался без внимания и бронзовый ритуальный котелок со сферическим корпусом и массивными стенками. Венчик у котелка слегка выступал, под ним был сохранившийся в целости носик-слив. Ручки у котелка не было. На ее месте под углом 90° от носика на тулове котелка зияло отверстие. Ручка, очевидно, была отломлена еще в те далекие времена, когда сосуд использовался по своему прямому назначению. Подобные изделия находили не раз в зоне бывшего расселения саков и савроматов.

Фрагмент же большого жертвенного котла был невыразителен, без орнамента и украшений, которыми иногда отличались жертвенные котлы сакского времени. Так, в 1976 г. в с. Чельпек были найдены обломки аналогичного бронзового котла и две фигурки лежащих быков-зебу, некогда венчавших края котла. Изделия из бронзы высокохудожественной работы находили и раньше. Сейчас они экспонируются не только в музеях республики, но и в знаменитом Эрмитаже в Ленинграде.

Дарханские находки 1982 г. дополнили сакскую коллекцию экспозиции музея Института истории республиканской Академии наук. Но значение их не только в этом. Они еще раз доказали, что озеро Иссык-Куль хранит много неразгаданных тайн. Необходим был подводный археологический поиск. К тому же, главная задача нашего отряда – сбор материалов для очередного тома «Свода памятников истории и культуры Киргизской ССР. Иссык-Кульская область». А это, естественно, означало необходимость учета также и затонувших памятников.

Мировая практика

Исследование подводных городищ – дело чрезвычайно трудоемкое, нередко опасное и дорогостоящее, да к тому же, и полученный научный результат здесь несравненно ниже, чем при раскопках городищ на суше. Поэтому археологи крайне редко

приступают к подводным работам. В мировой практике подводных археологических изысканий вполне справедливо отдается предпочтение изучению затонувших кораблей. Например, с древних затонувших кораблей в Черном и Средиземном морях было поднято множество ценных предметов, среди них выделяются шедевры античных скульптур. Многие древние триеры, ладьи, галеры, челны запорожцев и даже очень крупные корабли были подняты из пучины и сейчас украшают музеи. После многолетней работы 4 апреля 1961 г. был поднят, например, флагман шведского королевского флота фрегат «Ваза», затонувший 10 августа 1682 г. на рейде Стокгольма. Сейчас музей, где экспонируется фрегат, привлекает свыше 400000 посетителей ежегодно¹. Подъем затонувших кораблей производится и в наши дни. Осенью 1986 г. хорошо оснащенная египетско-французская экспедиция в заливе Абу-Кир, близ Александрии, вела поиски остатков эскадры Наполеона Бонапарта, потопленной адмиралом Нельсоном в августе 1798 г. Водолазы нашли и обследовали флагман эскадры «Орьян» и научно-транспортное судно «Патриот», которые будут подняты со дна и помещены в музей в г. Александрии. Одна из пушек, весом в 2 т, поднятая с «Патриота», была преподнесена президентом Египта в дар президенту Франции и будет выставлена в Парижской политехнической школе².

Крупные археологические изыскания на подводных городищах можно перечислить по пальцам. Так, наиболее успешными исследованиями можно считать изучение «пиратского Вавилона» – Порт-Ройала на Ямайке, который в последней трети XVII в. превратился в родной дом для работорговцев, воров, искателей счастья – «джентльменов удачи» всех мастей, в том числе для таких суперпиратов, как Кидд, Морган, Мэнс-филд и др. Гибель города была внезапной и страшной: 7 июня 1692 г. около полудня раздалась три сильных подземных толчка, после чего на берег накатил мощная океанская волна. Всего за несколько минут девять десятых города, имевшего около 2000 зданий, оказалось под водой. Современники сочли это возмездием свыше³. В 1966–1967 гг. под руководством опытного морского археолога Роберта Ф. Маркса на глубине 5 м на территории бывшего города велась систематическая расчистка на участке площадью 133х50 м, то есть менее 5% затонувшей части Порт-Ройала. Здесь обнаружено три сохранившихся дома и остатки двух кораблей, заброшенных в момент катастрофы гигантской волной в черту города. Кроме того, археологами добыто около 20000 железных предметов, 6500 курительных трубок, 2000 стеклянных бутылок, 500 серебряных и цинковых сосудов, два больших клада серебряных монет⁴. Однако нельзя забывать, что исследование Порт-Ройала – не столько научное, сколько коммерческое, самоокупающееся предприятие. Ведь никакие траты не остановят богатых коллекционеров, стремящихся заполучить подводные сокровища! И еще одно коммерческое предприятие будет осуществлено здесь. Правительство Ямайки утвердило проект возрождения Порт-Ройала, рассчитанный на 20 лет. Очищенные от ила и песка подводные руины города будут обозреваться со специальных судов с прозрачным полом⁵.

В Средиземном море успешно изучались затонувшие древние порты Тир (современный Сур), Сидон (Сайда), Массилия (Марсель) и ряд других. В Швейцарии, Италии, Германии исследовались доисторические поселения, оказавшиеся, как и истык-кульские, на дне внутренних водоемов.

У нас в стране подводные раскопки были проведены на затонувшей части древнегреческой Фанагории и в некоторых других местах побережья Черного моря⁶.

¹ Ланитцки Г. Амфоры, затонувшие корабли, затопленные города. – М., 1982. – С. 76-93.

² Известия. 1986. 24 октября; 30 ноября; 13 декабря.

³ Варшавский А. Следы на дне. – М., 1975. – С. 88-109; Влон Ж. Флибустьерское море. – М., 1985. – С. 202.

⁴ Ланитцки Г. Амфоры, затонувшие корабли, затопленные города. – С. 115-116.

⁵ Варшавский А. Следы на дне. – С. 109.

⁶ Блаватский В.Д., Кошеленко Г. А. Открытие затонувшего мира. – М., 1963. – С. 76-85; Жарнак П. Потънали в морето селища и кораби. – София, 1983. – С. 128-129.

В 1968 г. по инициативе «Литературной газеты» предпринимались попытки отыскать даже легендарное озеро Светлояр и град Китеж Великий на его дне.

Во всех случаях исследования подводных городов археологи пытались использовать методы, оправдавшие себя при работах на суше, т. е. перенести их в иную среду. Вот тут-то они и сталкивались с трудностями разного порядка. Ведь здесь нужны не просто рабочие, а хорошо подготовленные аквалангисты. Время работы их на глубине ограничено. Кроме того, работа может быть приостановлена в любое время из-за штормовой погоды и плохой видимости. Для организации работ нужны, как минимум, специально оборудованное судно, «место наземных лопат – эжектор или землесосный снаряд, телесистема с буксируемой под водой загерметизированной камерой, вертолет для обзора дна на небольших глубинах. Конечно, в будущем появятся более широкие технические возможности для подводных исследований. Газета «Советская Киргизия» 8 февраля 1987 г. известила своих читателей, что финские корабельщики строят подводную лодку, в которой пассажиры будут размещены вдоль бортов у больших иллюминаторов. Мощные прожекторы позволят им любоваться подводным ландшафтом озера Симоньярви на глубине до 100 м.

Мы верим, что в будущем и мы сможем использовать самые современные специальные суда и снаряжение. Но это в будущем. А сегодня из всего необходимого ассортимента технических средств в нашем распоряжении были только аквалангисты, но зато какие!

Аквалангисты в экспедиции

Осенью 1812 г. армия Наполеона, отступая из Москвы, захватила с собой огромное количество ценностей: золото, серебро, самоцветы, церковную утварь, оружие, меха и т. п. Наиболее ценные вещи составили так называемую «московскую добычу» самого императора. Если верить мемуарам француза Марингоне, она была погружена на двадцать пять повозок. Под натиском преследовавших русских войск французы вынуждены были бросить все свои трофеи, в том числе и «московскую добычу», где-то в районе села Семлево, что в 29 км от Вязьмы.

Три независимых друг от друга свидетеля утверждают это. Известный русский историк М. Д. Михайловский-Данилевский, например, писал: «Близ Семлева французы бросили в озеро большую часть старинных воинских доспехов из Московского арсенала». Наполеону уже было не до «трофеев». В мемуарах графа Сегюра читаем: «...нам пришлось бросить в Семлевском озере вывезенную из Москвы добычу: пушки, старинное оружие, украшения Кремля и крест с Ивана Великого». Знаменитый шотландский романист Вальтер Скотт в книге «Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов, отмечал, что 1 ноября Наполеон «повелел, чтобы «московская добыча», древние доспехи, пушки и большой крест с Ивана Великого были брошены в Семлевское озеро, как трофеи, которые ему не хотелось отдать обратно и которых он не имел возможность везти с собой».

На Семлевском озере в 1960–1961 гг. по инициативе газеты «Комсомольская правда» на общественных началах было проведено 4 экспедиции. Специальными анализами была выявлена аномальная зона, в воде которой оказалось повышенное содержание драгоценного металла. Зона имела глубину около 15–20 м, из которых 10–13 м приходилось на донный ил, сверху довольно жидкий, у дна очень плотный. Все это чрезвычайно осложняло работы. Только привлечение современной техники при энтузиазме историков, инженеров, подводников позволило напасть на след драгоценных (из золота и серебра) окладов старинных икон, на отдельные предметы оружия. Все говорило за то, что именно здесь покоится «московская добыча» Наполеона. Но сверхтрудные, дорогостоящие работы так и не позволили достать брошенные Наполеоном награбленные богатства.

В этих работах по поиску и извлечению «московской добычи» принимали участие аквалангисты Московского института стали и сплавов. Мы обратились к ним за помощью, и они стали постоянными участниками наших поисков на Иссык-Куле.

Руководителем группы аквалангистов был мастер спорта международного класса Станислав Станиславович Прапор. С 1957 г. он ежегодно участвует в подводных экспедициях Академии наук СССР, Института археологии, Института водных проблем, Всесоюзного научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанологии, Камчатского отделения научно-исследовательского института рыбного хозяйства, МГУ, Министерства цветной металлургии и др. Погружался во многих морях земного шара – Адриатическом, Средиземном и Карибском, в Мексиканском заливе, в Тихом океане, у Курильских островов, у побережья Перу. Провел под водой более пяти тысяч часов.

Под стать ему мастер спорта СССР Алексей Демьянович Курманенко. Вместе с С. С. Прапором он участвовал в большинстве подводных экспедиций, в том числе и в поисках «клада» Наполеона, и в работах за рубежом.

Третий участник нашей экспедиции – опытный подводный археолог Анатолий Владимирович Блаватский. Подводным делом начал заниматься с 1950 г. во время службы в Военно-Морском Флоте СССР. В 1956 г. принял участие в археологической экспедиции Института археологии АН СССР в районе г. Керчи, где проводилась подводная разведка ряда античных поселений. Ежегодно участвовал в различных подводных экспедициях, погружался практически во всех морях, окружающих нашу страну, на многих озерах, участвовал в подводных работах по обследованию трубогазопроводов через реки, крупных портов и ГЭС.

К ним присоединились более молодые аквалангисты – мастера спорта СССР Раиса Митрофановна Носова и Виктор Васильевич Волчанский, которые в свое время участвовали в сложных подводных работах на Волге, Лене, на Дальнем Востоке.

Что же могли увидеть аквалангисты под волнами Иссык-Куля, где располагались затонувшие города?

Пустынное, ровное, зачастую илистое дно. Изредка выступают похожие на туф известковые образования, достигающие иногда метровой высоты и занимающие площадь до 10–15 кв. м. Островки чахлах водорослей. Поражает почти полное отсутствие ихтиофауны.

Как только встречается керамика, аквалангист – весь внимание. К находке подплывает против течения, внимательно осматривает место в радиусе 0,5–1 м и только после этого решает, что брать. Если обнаружено несколько предметов, то наиболее ценный берется первым, а затем все происходит на ощупь. Потому что даже при легком прикосновении к грунту поднимается столб черного ила. Сняв все на поверхности, аквалангист начинает копать руками, стараясь выбрать возможные находки под илом. Есть нож, но он не «чувствует» предмета, поэтому применяется в редких случаях. На месте находки выбрасывается буй, по которому она и наносится на план. Так метр за метром аквалангист практически прощупывает площадь.

В экспедиции была использована и новинка, едва ли не впервые примененная в нашей практике археологических работ, – прибор дистанционного зондирования, который позволяет находить под землей (и под водой) на глубине до полутора метров не только железные, но и бронзовые предметы¹. Но этим наша техника в основном и ограничивалась.

В составе отряда были археологи Института истории АН Киргизской ССР и энтузиасты-любители. Например, палеолитчик М. Б. Юнусалиев вел, и небезуспешно, поиск следов первобытного человека на Иссык-Куле. Л. Е. Семениченко и Б. Аманбаева обрабатывали керамику, освобождая ее от озерных отложений и восстанавливая по фрагментам керамики формы сосудов. Б. Дуйшеев изучал памятники зодчества киргизов прошлого – гумбезы; особый интерес исследователя вызывали те из них, что были построены в XVIII–XIX вв., из кирпичей, поднятых в свое время со дна Иссык-Куля. Неутомимый сподвижник в наших исследованиях по дореволюционной истории Киргизии

¹ Хрусталева В. Иссык-Куль открывает тайну // Социалистическая индустрия. – 1987, 31 января.

В. Я. Галицкий и научный сотрудник А. Кошелев в рамках «Свода памятников» описывали сохранившиеся памятники истории и культуры конца XIX – начала XX вв. Нашим постоянным лаборантом и самодеятельным художником экспедиции являлся М. Эктов, неизменным участником всех работ была студентка исторического факультета С. Володина. Много лет во время своих отпусков работает с археологами краевед В. Г. Ратман, доцент политехнического Института А. А. Запольский, инженер С. К. Желоховцев. Разведку средневековых подводных развалин в районе села Тору-Айгыр провел фрунзенский аквалангист В. М. Бликов. В сезон 1986 г. нам удалось привлечь к работе юных водолазов Пржевальской детской морской школы, которыми руководил В. П. Савинов. «Летописцем» наших изысканий стал живо интересующийся историей Прииссыккуля собкор газеты «Советская Киргизия» Э. Л. Паин (Лазарев).

Благодаря такому составу отряда тяжелая повседневная работа приобрела форму увлекательного поиска, смелых гипотез.

Учитывая наше техническое оснащение, на первом этапе работ мы могли поставить перед собой только следующие научные задачи:

1. Выявление в акватории озера мест, где располагались древние поселения, и определение их примерных площадей.

2. Обозначение мест наиболее важных находок при помощи системы буев. Нанесение их на план.

3. Сбор коллекции предметов материальной культуры. Определение хронологии поселений по хорошо датированным находкам.

Наиболее серьезным успехом наших работ является открытие городища Сарыбулун, которое функционировало в I тысячелетии до н. э. (древнее Чигу).

Недаром высятся грозные стены вокруг
новых укрепленных городов: в их рвах
зияет могила родового строя, а их башни
достигают уже цивилизации.

Ф. Энгельс

ГОРОДИЩЕ САРЫБУЛУН

Открытие

Известный краевед преподаватель средней школы № 31 г. Фрунзе М. К. Синусов неоднократно рассказывал киргизским археологам, в том числе и нам, что в районе Сухого Хребта в Тюпском заливе озера Иссык-Куль на отмелях находят много осколков глиняных сосудов и зернотерок. По его предположению, в этом месте наступающие волны озера когда-то разрушили крупный могильник, вымыли керамические сосуды, которые клали; вместе с погребенными, перебили их, а фрагменты рассеяли по громадной площади дна залива и кромке побережья. Он призывал археологов неотлагательно организовать экспедицию в район Сухого Хребта. К сожалению, тогда не придали серьезного значения словам краеведа. Да и не волен археолог по своему желанию заниматься уточнением и проверкой открытий энтузиастов-любителей (нередко мнимых). Организация же экспедиционных работ – дело далеко не простое, требующее, к тому же, немалых средств.

Осенью 1982 г. М. К. Синусов показывал нам свои находки. В груде невыразительных битых черепков ручной лепки, нескольких кусков каменных зернотерок и двух-трех осколков глаз археолога сразу выделил бронзовый кинжал и навершие булавы художественной работы. Сомнений не было – эти вещи сделаны в глубокой древности и не позже VI в. до н. э. Воистину, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Сомнения исчезли. Наметились вполне реальные аргументы в пользу того, что объект,

открытый М. К. Синусовым и его помощниками – юными краеведами из школы № 31 г. Фрунзе, требует серьезного внимания ученых.

В сезон 1985 г. одной из задач Иссык-Кульского археологического отряда стал осмотр акватории Тюпского залива.

В настоящее время вся прибрежная зона озера является заповедной и охраняется государством. Однако южное побережье залива требует особо тщательной охраны. Нигде на побережье нам не приходилось видеть в такой первозданной красоте естественного иссык-кульского ландшафта. С обрыва у с. Песчаное открылся вид на бирюзово-синюю гладь, которая удивительно сочетается с мягкими пастельными тонами ровной, как стол, долины, покрытой невысокой щёткой красноватой и светло-зеленой травы. Пустынный берег и отмель, которые совсем недавно были дном озера, привлекают сюда большое количество пернатых. По последним данным, на Иссык-Куле зарегистрировано 98 видов водоплавающих и околоводных птиц¹. Мы любовались здесь крупными стаями лебедей, гоголей, крохалей, черных казарок. Нырки подпускали человека почти на расстояние вытянутой руки. На мелководье скапливалось множество птиц из семейства куликов, а на побережье стаи серых журавлей. Местный охотовед Г. И. Журавлев видел здесь даже очень редких южных гостей – пеликана и фламинго. Все это заставляет думать о более серьезном отношении к охране неповторимой природы восточной части Прииссыккуля. А пока здесь дымят трубы Курментинского цементного завода, и густой шлейф дыма загрязняет воздушный бассейн над многими селами и Тюпским заливом. Нет покоя и пернатым. Напуганные взрывами в горах, где добывают известняк для завода, с криком поднимаются тысячи птиц и долго не могут уgomониться. Согласно букве заповедного режима на территории, ставшей сушей после отступления озера, нельзя выпасать скот, и уж тем более складировать, да еще под открытым небом, химические удобрения. Только до сих пор на берегу и скот пасут, и сваливают горы удобрений. Овцы вытаптывают весь травостой, затаптывают птичьи кладки яиц, а химические удобрения в сезон дождей и таяния снегов загрязняют воды уникальнейшего озера.

Однако вернемся к нашим работам в 1985 г.

В 2,5–3 км севернее с. Песчаное на широкой полосе побережья и примыкающей к нему илистой отмели (примерно 1500X500 м) было найдено множество фрагментов керамики, зернотерок, обнаружены скопления и отдельно лежащие речные окатанные валуны разных размеров. Уже беглый осмотр местности говорил о том, что это не следы древнего могильника. Целый ряд признаков указывал на то, что здесь было крупное поселение сако-усуньского времени – I тысячелетия до н. э. А это значит, что обнаружено поселение на территории Прииссыккуля с культурой, не известной археологам.

Подводные сокровища

На городище Сарыбулун за три полевых сезона удалось собрать довольно солидную коллекцию предметов материальной культуры, которые в какой-то степени дают представление о жизни его обитателей, их занятиях и быте. Все предметы долгое время находились в воде и покрыты известковыми наростами. Иногда эти наросты образуют толстые слои, скрывающие саму форму предмета. Они настолько крепко «сцементированы» с древними изделиями, что механическая очистка, особенно хрупкой керамики, практически невозможна. Изделия из керамики и камня можно освободить от известковых наростов, только используя 50%-ный раствор соляной кислоты.

Все находки в местности Сарыбулун можно подразделить на четыре группы: керамика, изделия из камня, металлические изделия, поделки из рога.

Керамика. Как и на подавляющем числе археологических памятников, керамика Сарыбулуна – наиболее массовый материал. Обломки ее разных размеров и цвета рассеяны на большой площади дна залива и на побережье, которое до недавнего времени

¹ Криницкая Р.Р. Вопросы охраны природы // Озеро Иссык-Куль: Очерк по физической географии. – Фрунзе, 1978. – С. 189-195.

тоже было дном озера. Здесь за очень небольшой промежуток времени можно составить внушительную коллекцию древней керамики¹.

Обилие материала позволяет быть более разборчивым. Мы осматриваем все, но берем и храним только те осколки древних сосудов, которые могут дать максимальную информацию. Наибольший интерес вызывают фрагменты керамики с частью венчика или донца. По ним специалисты определяют форму верхней и нижней части сосудов. Большой удачей считается находка черепка, который сохранил хоть маленькую толику донца и венчика. Такой сосуд считается «археологически целым», так как без особого труда можно восстановить его размеры и форму. Не оставляются без внимания все осколки, на которых видны следы орнамента или характерных сеточек (отпечатков древних тканей), расположенных обычно на внутренней стороне посуды. Они тоже несут информацию об эстетических вкусах и ремесленной технологии древних скотоводов. И уж совсем большой праздник для археолога – находка целых сосудов. На Сарыбулуне их найдено около десятка.

Поражает разнообразие форм и размеров посуды древних скотоводов Прииссыккуля. Насколько ассортимент ее на городище богаче, чем в курганах! Если в подкурганных погребениях I тыс до н. э., раскопанных археологами, в подавляющем большинстве найдены лишь сосуды индивидуального пользования, т. е. столовая посуда, из которой человек ел и пил, то на поселении кроме нее находится и кухонная (для приготовления пищи) посуда, и тарная (для хранения продуктов). На городище Сарыбулун найден также расписной сосуд (правда, пока один), который можно отнести к парадной посуде. Кухонная посуда – это котлы. Кроме многочисленных фрагментов счастливый случай помог найти великолепный целый экземпляр глиняного котла шаровидной формы с четырьмя горизонтально расположенными петлеобразными ручками. На дне котла видны отпечатки ткани. Стенки толстые, вылеплены из огнеупорной глины. Емкость котла около 7 литров, что может обеспечить разовой пищей семью из 7–10 человек.

Этот котел не смогли бы найти даже наши опытные аквалангисты, хорошо знающие особенности микрорельефа и специфику структуры придонных отложений на площади городища Сарыбулун. Он был почти полностью заглублен в песок. Над дном в воде были видны только одна из ручек и часть венчика, которые, как и окружающее их пространство, были скрыты известковыми наростами. А найден он был, как ни странно, при помощи специального прибора, который реагирует только на металлические изделия. И вдруг прибор стал подавать сигналы над ручкой котла. Велико же было удивление и радость подводных археологов, когда вместо металлического (они давно известны науке) был найден первый целый керамический котел древних, скотоводов Прииссыккуля. Почему же ошибся умный прибор, который должен реагировать только на изменения магнитного поля? Известно, что даже среди металлов изменение магнитного поля может вызвать только железо или сталь, а тут – совсем уж нейтральная керамика. Консультация с физиками все разъяснила. Прибор не ошибся. Дело в том, что глина, из которой был изготовлен котел, содержала значительную часть окиси железа. При обжиге сосуда частицы окиси железа ориентируются по направлению магнитного поля земли и остаются в таком положении. А это значит, что котел имеет свое собственное магнитное поле, на что и среагировал прибор. Этот эффект давно известен охотникам за затонувшими амфорами в Средиземном и Черном морях, При помощи прибора на расстоянии нескольких метров они могут обнаружить группы амфор в придонных отложениях².

¹ Мокрынин В.П., Плоских В.М. Итоги и перспективы изучения археологических памятников древних кочевников Прииссыккуля // Изв. АН КиргССР. – 1986. – № 3. – С. 63-64.

² Ланитцки Г. Амфоры, затонувшие корабли, затопленные города. – С. 24-25.

² Образцы посуды из погребений древних скотоводов Прииссыккуля см.: Воеводский М.В., Грязнов М.П. У-суньские могильники на территории Киргизской ССР: К истории у-суней // ВДИ. – 1938. – № 3; Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. – М.;Л., 1952 //

Столовая посуда представлена гораздо богаче, чем кухонная. Здесь найдены кувшины с широким горлышком, кружки с петлеобразными вертикально расположенными ручками, чаши разных размеров, широкие открытые миски, сосуды баночной формы с вертикальными стенками, кубки. Такие сосуды давно известны археологам, так как именно они наиболее часто встречаются в погребениях сако-усуньского времениⁱⁱⁱ.

Особого внимания заслуживает небольшой кувшинчик, расписанный стойкой красной краской. Весь сосуд был покрыт плотным известковым налетом и лишь с одной стороны едва просматривались следы красной краски. Мы долго колебались, прежде чем обработать сосуд соляной кислотой. А вдруг вместе с придонными отложениями исчезнет и роспись? Она не исчезла, а засияла красными запятыми и точками на светло-желтом покрытии кувшина.

Форма сосуда – шар с широким горлышком-раструбом – хорошо известна археологам и датируется очень широко в пределах второй половины I тыс. до н. э. Более узкую хронологию, на наш взгляд, может дать мотив росписи – беспорядочно расположенные запятые, точки, отрезки прямых линий. При известной доле фантазии здесь можно увидеть изображения птиц, рогов архара и даже схематическое изображение лица человека. Но лучше не фантазировать. Так воображение одного из известных корреспондентов республики завело столь далеко, что он увидел в сарыбулунских росписях текст, написанный какими-то древними графемами, вроде санскрита, округлых рунических знаков или даже так называемым «червячковым письмом», предшествовавшим китайским иероглифам. Устные консультации с виднейшими специалистами в этой области позволяют говорить о том, что нужно сдержаннее подходить к этой сверхсмелой гипотезе. Сосуд, тем не менее, является уникальным предметом, который может быть соотнесен с первобытным искусством (декоративно-прикладным).

Если столовая посуда древних скотоводов была хорошо известна по находкам в погребениях, а кухонная – по металлическим образцам из случайных находок, то тарная керамика, предназначенная для хранения продуктов (зерна, муки, вина, масла и др.), совершенно не была известна науке ни из Прииссыккуля, ни из других северных районов нашей республики. Обнаруженные нами тарные сосуды представляют собой толстостенные (до 2 см) бочонковидные корчаги со слегка расширенным или цилиндрическим туловом. Все они широкогорлые (от 25 до 61 см). Многие корчаги в верхней части тулова имеют петлевидные ручки, у других ручки оформлены в виде массивных выступов круглого или овального сечения. По всей видимости, тарные сосуды имели округлое днище, так как в наших сборах имеется большое количество сферических толстостенных днищ, по составу теста с большим количеством крупнозернистого песка идентичных фрагментам верхней части корчаг. По своей форме сарыбулунские тарные сосуды отдаленно напоминают корчаги, найденные в Фергане при раскопках поселений шурабашатской культуры¹.

В целом для керамики городища Сарыбулун характерны самые разнообразные ручки. Основные их разновидности следующие:

- 1) петлеобразные, расположенные как вертикально, так и горизонтально;
- 2) одковообразные, плотно прилегающие к тулову сосуда;
- 3) в виде массивного уплощенного выступа;
- 4) в виде шишковидных выступов овального или круглого сечения;
- 5) в виде полуовальных напелов с узким сквозным отверстием.

МИА. – № 26. – С. 53-61; Мокрынин В.П., Гаврюшенко П.П. Курганы сакского времени долины р. Тон // Археологические памятники Прииссыккуля. – Фрунзе, 1975. – С. 81; Плоских В.М. Иссык-Куль: путешествие в историю. – С. 69.

¹ Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы. – М.; Л., 1962. – С. 113, табл. 51, 11–15. (МИА, № 118).

Поражает очень большое число фрагментов сосудов с носиком-сливом самой различной формы и длины. Носики чаще всего в виде цилиндров или усеченных конусов. Во втором случае они крепились к тулову сосуда как большим, так и малым основанием. Показательно, что сосуды с носиком-сливом известны и в варианте из бронзы. Такие сосуды были найдены, как уже отмечалось, на дне озера близ с. Дархан и на полях колхоза «Дружба» Джеты-Огузского района¹.

На городище Сарыбулун известны и редкие формы керамики: крышка для сосуда, представляющая собой толстый круглый диск с петлевидной ручкой, фрагмент неглубокого сосуда подквадратной формы, цилиндрическая цельная подставка от сосуда типа вазы или кубка, два фрагмента жаровни, вылепленной из рыхлой глиняной массы.

На многих фрагментах и на целых экземплярах (котел, расписной кувшин) у донца, на нижней части стенок видны следы рельефной густой сеточки – отпечатки тканей, при помощи которых формировали сферическую нижнюю часть сосудов.

Вся керамическая посуда сарыбулунских мастеров, за исключением очень небольшого числа, была вылеплена вручную, без применения гончарного круга. Можно было ожидать, что древние скотоводы, умеющие создавать художественные шедевры из куда менее податливых материалов, чем глина (из металла, дерева, кости), так разрисуют свои сосуды, что любой из них, подобно греческим расписным, займет свое почетное место в истории древнего искусства, поведав потомкам о самых неожиданных сторонах жизни, быта, идеологии своих создателей. К сожалению, этого не случилось. Те же сарыбулунцы, которые мастерски использовали сферическую поверхность для изображения свернувшегося свирепого хищника с оскаленной пастью и сумели воспроизвести изображение в бронзе, были беспомощны, когда дело касалось украшения самой массовой продукции их ремесла – керамики.

Нам известны два технических приема орнаментации керамики на городище Сарыбулун: роспись (о ней сказано выше) и процарапывание украшений по сырой глине до обжига. Мотивы орнамента так же примитивны, как и их исполнение. Обычно это волнистая или зигзагообразная горизонтальные линии, нанесенные на плечики сосуда. В одном случае строенные волнистые линии были процарапаны вертикально – от венчика к Донцу.

С какой любовью украшались очень сложными и технически совершенными узорами сосуды эпохи бронзы! Как нарядно выглядела раннесредневековая керамика, особенно вышедшая из мастерских согдийцев-переселенцев! Возможно, что во времена древних скотоводов (между эпохой бронзы и средневековьем) керамика по непонятным причинам не считалась достойным объектом для выражения потенциально высоких эстетических возможностей ее создателей.

В наши дни наука открывает поистине фантастические информативные возможности керамических сосудов. Профессор патологии и археолог из канадского города Торонто Питер Левин рассматривает посуду древних как граммофонную пластинку, на которой записаны обрывки разговоров мастеров-керамистов. При вращении горшка на гончарном круге звуковые колебания от человеческой речи или музыки вызывали едва уловимые вибрации горшка. Это оставляло соответствующий отпечаток – естественную звуковую запись. Ее можно воспроизвести, используя новую оптическую технику, подобную той, что применяется в компакт-дисках. Сейчас Питер Левин разрабатывает «проигрывающее устройство» для воспроизведения древних записей. Информацию, запечатленную на посуде, будет считывать луч лазера. Появление всяких нерегулярностей в луче, отраженном на фотодетектор, будут затем с помощью компьютера, отсеивающего посторонние шумы, вновь переводиться в звуки². Возможно ли это? Будущее покажет.

¹ Мокрынин В.П., Плоских В.М. Итоги и перспективы изучения археологических памятников... – С. 68, 69, рис. 3.

² Известия. – 1986, 8 декабря.

Каменные орудия труда

Даже в самых лучших книгах о культуре древних скотоводов, где представлены редчайшие изделия из золота и самоцветов, прекрасные образцы художественных поделок из дерева, кожи и войлока, чудом сохранившиеся в подкурганной мерзлоте, есть общие для всех слабые разделы. В этих монографиях явно недостаточно освещены или совсем не освещены орудия труда древних скотоводов¹. И это происходит не потому, что авторы не в совершенстве владели методикой исследования, и не потому, что их работы не отмечались глубиной анализа. Нет, слабость таких разделов была обусловлена самим объектом изучения – курганами, которые, как правило, не дают достаточной информации именно об этой важнейшей стороне истории человечества. Картина резко меняется при исследовании поселений, на которых чрезвычайно редки находки драгоценностей, что целиком компенсируется довольно частыми находками орудий труда.

На поселении Сарыбулун были найдены следующие орудия труда, сделанные из камня: зернотерки, песты, молоты, наковальни, точила, разнообразной формы грузила, пряслица, терки, серповидные ножи, мотыги².

Все зернотерки продолговато-овальной формы, чаще всего встречаются экземпляры значительных размеров (30–40х12–15 см), рабочая площадь их сильно сработана и концы зернотерок оказались приподнятыми так, что в профиль они напоминают силуэт ладьи с высокими носом и кормой. Зерна растирались при помощи терочного камня, которым служила обычно удлинённой формы природная галька. В процессе работы средняя часть терочника стиралась и края его опускались по сторонам зернотерки. В отдельных местах на небольшой площади находилось до десятка целых и разбитых зернотерок, что свидетельствует о том, что здесь когда-то было помещение хозяйственного назначения.

Среди зернотерок есть экземпляры, на которых перемалывали отнюдь не зерно. Специалисты полагают, что они использовались для дробления металлоносных руд.

Специальные эксперименты, проведенные Г. Ф. Коробковой, показали, что труд по превращению зерна в муку при помощи подобных зернотерок был чрезвычайно тяжелым, производительность очень низкая: не более 2 кг зерна за 4 часа чистого рабочего времени. Интересно и то обстоятельство, что, как показал эксперимент, современные женщины при работе с зернотеркой дают вдвое более высокие показатели, чем мужчины³. Воистину, хлеб для земледельцев того времени, особенно для женщин, был трудным.

Каменные зернотерки появляются на широкой территории еще в эпоху бронзы и окончательно вытесняются круглыми жерновами только в средневековье.

Особого внимания заслуживает находка каменных серповидных ножей, изящной, можно сказать ювелирной, выделки. Такие ножи типичны для Ферганы, Южного Узбекистана и Синьцзяна, где они известны по массовым находкам на поселениях финальной бронзы и начала железного века⁴. Но на Иссык-Куле каменные серповидные ножи – большая редкость. Так, если на поселении Боз-Тепе в Узгенском районе Ошской области было обнаружено 20 серповидных ножей и 21 заготовка для их изготовления, то в Прииссыккулье – пока только восемь и одна заготовка. Обломок каменного серповидного ножа нашел Д.Ф. Винник. Он лежал на глубине до 1 м на дне озера где-то между селами Ананьево и Каменка (современное Джаркинбаево)⁵. Три целых экземпляра прекрасной

¹ См.: например: Руденко С.И. Культура населения горного Алтая в скифское время. – М.;Л., 1953; Он же. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.,Л., 1960; Вишневская О.А. Культура сакских племен низовий Сырдарьи в VII–III вв. до н. э.: По материалам Уйгарака. – М., 1973; Акишев К.А. Курган Иссык. – М., 1978.

² Авторы благодарны д. и. н. Г.Ф. Коробковой за определение функционального назначения каменных орудий труда.

³ Коробкова Г.Ф. Трудный хлеб первых горожан / Памятники Туркменистана. – № 2. – Ашхабад, 1974.

⁴ Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы. – С. 33, 36, рис. 12; с. 37, рис. 13, табл. XV, XVI; Аскарлов А.А., Альбаум Л.Н. Поселение Кучуктепа. – Ташкент, 1979. – С. 2.

⁵ Винник Д.Ф. Работы Иссык-Кульского археологического отряда в 1959 г. – С. 89, 91, рис. 3.

сохранности нашли краеведы средней школы с. Тору-Айгыр в предгорьях Кунгей Ала-Тоо, севернее этого села. Сейчас эти каменные серповидные кожи экспонируются в краеведческом музее г. Чолпон-Ата. Городище Сарыбулун (найденно три серповидных ножа и одна заготовка) фиксирует третью точку распространения каменных серповидных ножей в Прииссыккулье, которое сейчас можно считать самым северным регионом распространения этих орудий труда.

Каково функциональное назначение этих хрупких на вид предметов, изготовление которых требовало немалого мастерства, терпения и времени? Что можно было делать с их помощью? Обилие находок каменных серповидных ножей на поселениях позднебронзового времени в Фергане позволили археологу Е. В. Дружининой провести эксперимент с одним из них. По ее словам, нож легко срезал пучки (из 15 стеблей) пшеницы и ячменя, резал полый камыш и даже тонкие ветви кустарников. Эксперимент был полностью подтвержден трассологическими анализами. Исследование микроследов на ферганских каменных ножах убедительно доказало, что они в основном использовались в качестве серпов. Не исключено, что в дополнение к основному функциональному назначению каменные серповидные ножи, подобно киргизским серпам – орокам, использовались для обработки шкур животных (снятия мездры) и, как предполагают, в качестве трепала при обработке растительных волокон для ткачества¹.

На городище Сарыбулун удалось собрать коллекцию более чем из двадцати различных по форме и размеру каменных молотов и молотков, напоминающих песты: цилиндрические, усеченноконические, с выделенным овальным навершием. Все они в сечении круглые или овальные. Некоторые экземпляры имели в длину до 20 см и в ширину – до 7. Однако есть и миниатюрные. Так, близ острова на глубине 1,7 м был найден маленький (5х2 см) каменный молот-цилиндр, тщательно сделанный из камня черного цвета. Где есть молоты, должны быть и наковальни. Две из них найдены на берегу у кромки залива на расстоянии 12 м друг от друга; они представляют собой уплощенные шарообразные речные валуны с широким круглым углублением в верхней части. Камни весом более 50 кг, что значительно затрудняло их перемещение. По всей видимости, эти наковальни были стационарными. Тут же были подняты небольшая (21х6 см) круглая наковальня и фрагмент овальной².

На дне озера А. В. Блаватский обнаружил изящную миниатюрную ступку, мастерски выполненную из плотного мраморовидного минерала с хорошо отшлифованным рабочим углублением и выделенной подставкой (6х3 см). Миниатюрные изделия такого рода могли применяться для приготовления косметических или лекарственных снадобий.

Мастера того времени освоили сверление камня. На городище найдены просверленные круглые и овальные гальки, так называемые грузила, пряслица, пуговицы и точильные бруски. Особого внимания заслуживает находка маховика для сверла.

Загадочные шары

Видный исследователь Средней Азии геолог А. В. Мушкетов был одним из тех, кто весьма скептически относился к наличию подводных развалин городов на Иссык-Куле. В 1886 г. он представил доклад в Русское географическое общество об организации геологической экспедиции в район Хан-Тенгри. Попутно, по замыслу ученого, экспедиция должна была решить вопрос об «иссык-кульской Атлантиде»: да или нет? «Да», – ответил горный инженер И. В. Игнатьев, который возглавил намеченную А. В. Мушкетовым экспедицию. Он осмотрел акваторию залива озера в районе Кой-Сары, где нашел жернов, глиняную домашнюю утварь, скопление обожженных кирпичей. Последние могли быть только остатками размытых волнами стен, а не природными геологическими отложениями, как предполагал А. В. Мушкетов. Среди находок И. В. Игнатьева на Кой-

¹ Семенов С.А., Ширинов Т. Каменные серпы чустской культуры // ОНУз. 1976. №10; История Киргизской ССР. Т. 1. – С. 125-126.

² Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы. – С.76, примеч. 33.

Саре был каменный шар «неизвестного назначения»¹. О подобных шарах писали и другие исследователи подводных развалин. Столетие спустя после работ И. В. Игнатьева, на поселении Сарыбулун было найдено свыше тридцати каменных шаров. И все они, как и прежде, к сожалению, «неизвестного назначения». Подводные археологи, выкладывая из сеток очередной улов, так и говорили: «А вот и загадочный шар».

На первый взгляд, все шары как шары, диаметром 6–8 см, есть и побольше, есть и поменьше, сделаны из камня, которого полно в любом горном ручье. В ход шли и крупнозернистые и мелкозернистые граниты. При ближайшем рассмотрении большой коллекции шары оказались не такими уж и однотипными. Подавляющее большинство из них не являются идеальными. На некоторых из них выбита короткая, но сравнительно глубокая борозда, на других видны следы плоских стертостей – с одной или двух диаметрально противоположных сторон. Такой шар не покатится по плоскости. Однако встречаются и идеальные шары. Рассматривая один из них, участник экспедиции физик из новосибирского Академгородка Д. Есаев заключил, что примитивной техникой и без специальных приборов вручную сделать такой шар в наше время невозможно. Что же, это делает честь древним исык-кульским мастерам каменных дел. Совершенно очевидно, что труд столь квалифицированных мастеров не был бесцельным. Их изделия были нужны людям. Но для чего?

Отсутствие приемлемого объяснения функционального назначения археологических находок всегда порождает массу предположений у всех участников поисков – от школьников до опытных археологов. Однако, если отбросить самые фантастические из них, вроде того, что у древнего населения Прииссыккуля были на вооружении пневматические пушки, стрелявшие каменными ядрами, то останутся вполне приемлемые варианты с «милитаристским» и «спортивным» уклонами. Высказываются мнения, что древние обитатели Сарыбулуна при военных действиях могли использовать метательные машины типа катапульты или, на худой конец, примитивную пращу. В ответ приводится довод, что для этого достаточно простого булыжника и совсем не нужны идеальные шары, которые есть ни что иное, как спортивный инвентарь для какой-то игры.

Так ли это?

«Конечно, нет», – ответила Г. Ф. Коробкова. В исык-кульских шарах не оказалось ничего загадочного для нашего крупнейшего специалиста-трассолога. По едва заметным следам (трассам) на камне она определила, что все шары, даже идеальные, являются орудиями труда. При помощи одних делали каменные орудия труда (зернотерки, молоты, мотыги), другие использовались для обогащения руды, третьими что-то растирали, например, краску. Один из шаров с правильной плоской круглой стертостью служил матрицей для изготовления плоских металлических изделий типа зеркал.

Таким образом, исык-кульские каменные шары утратили столь привлекательную загадочность, но зато пополнили коллекцию орудий труда древних скотоводов, о которых ранее было известно чрезвычайно мало.

Маленькая гостья из сказочной страны

Такие находки не прогнозируются. Они всегда неожиданны, а в условиях подводных работ при илистом дне – почти невероятны. Речь пойдет о прекрасной крупной черного халцедона бусине, которую, конечно же, нашла единственная в сезоне 1986 г. женщина-аквалангист Раиса Носова. Бусина была так хорошо отполирована, что на ней не смогли наслоиться придонные отложения. Она была целой и блестящей. Казалось, что ее совсем недавно уронили в озеро. На самом деле возраст ее исчисляется тысячелетиями. Бусина представляет собой длинный цилиндр с небольшим утолщением к середине. Особенностью ее был орнамент – по черному полю белые волнистый зигзаг и цепочка кругов.

¹ Небольшая, тщательно сделанная, овальная наковальня могла служить алтариком или жертвенником. (См.: Вишневская О.А. Культура сакских племен низовий Сырдарьи в VII–V вв. до н. э.: По материалам Уйгарака. – С. 86-87).

В древности такие бусы с орнаментом в большом количестве производились в Индии. Оттуда они распространялись во все концы ойкумены. В Средней Азии их находят не так уж и редко¹. Однако на Иссык-Куле наша бусина – первая находка. Она указывает на экономические связи древних скотоводов с далекой Индией.

Секрет нанесения орнамента на камень, да так, что он кажется вполне естественным, природным рисунком, раскрыл нам великий мыслитель средневековья ал-Бируни. В одном из своих трудов он отметил: «На камнях для перстней, [выточенных] из сердолика, пишут, что пожелают, посредством раствора поташа и нашатыря; затем камень приближают к огню, и написанное становится белым»².

Великий хорезмиец записал забавную историю о применении технологии нанесения надписей на камень мусульманскими проповедниками с целью не столько укрепления веры, сколько наживы. Один из шиитских шейхов долго приставал к ал-Бируни и наконец выпытал секрет письма на самоцветах. «И вот он надписывал на них (камнях. – *Авт.*) слова: Мухаммад, Али и тому подобные, не заботясь о тщательности и красоте письма. И выдавал он их за природные, [говоря], что они добыты в таком-то месте. И таким образом он получил за них у шиитов [много] денег»³.

В наши дни этот древний рецепт упрощен. Для подобных упражнений пользуются простым раствором пищевой соды.

Сарыбулунская бусина является первым свидетельством экономических связей Прииссыккулья с далекой Индией. Едва ли они были регулярными в I тысячелетии до н. э., но уже были.

Современная техника и подводные поиски изделий из металла

Ночное небо над безветренным Иссык-Кулем кажется декорацией. Знакомые созвездия, яркие и блестящие, неправдоподобно близкие, отражаясь в тихой глади, создают впечатление, что небо везде, а ты – в космосе. Жаль только, что вполне земные комары быстро возвращают восторженного созерцателя из благодушной космической эйфории в реальный археологический лагерь, обитатели которого, как и положено, сидят у голубого экрана. Только наш телевизор включен не в розетку (электролиний здесь *нет*), не присоединен к системе батареек – он работает на солнечных батареях. Небольшая площадь ее за один солнечный день аккумулирует столько энергии, сколько нужно для работы не только телевизора, но и электробритвы, и даже электрочайника.

Большая удача для каждого коллектива, временно оторгнутого от городских удобств, иметь такого сотрудника, как Виктор Волчанский. Чего только нет в его необъятном рюкзаке. Оказался там и дистанционный зонд – прибор, который помог подводным археологам за один лишь месяц работ найти более десятка металлических изделий. Такого еще не бывало. Внешне прибор очень прост: небольшой металлический круг на длинной ручке. Но какая в нем сложная начинка, если он подобно миноискателю мгновенно подает звуковой сигнал за метр-полтора до всякого предмета из любого металла – будь то на земле, под землей или под водой. С его помощью в сезон 1986 г было найдено большинство древних изделий из бронзы. Прибор, к которому до начала работ относились скептически, сразу был признан археологами «чудом современной техники на службе гуманитарных наук». Таковым бы он и остался, если бы не Болот Дуйшеев. Порывшись в своих толстых папках, он достал вырезку из газеты и при свете костра громко прочел: «Группа египетских специалистов в сотрудничестве со своими коллегами из США впервые в археологических работах применила современное электронное оборудование, в том числе компьютеры. Не прибегая к ручным работам, эта группа, проводя поиски в районе южнее храма Карнак, обнаружила под землей остатки двух

¹ Литвинский В. А. Древние кочевники «Крыши мира». – М., 1972. – С. 78-82.

² Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей. (Минералогия) / Пер А.М. Беленицкого. – М., 1963. – С. 160.

³ Там же. – С. 457.

гигантских статуй Аменхотепа III»¹. Это сообщение несколько поубавило восторги по поводу нашего «чуда». Однако оптимисты остались в уверенности, что Волчанский, если достанет схему, вполне осилит изготовление прибора не хуже американо-египетского.

Первые изделия из металла на городище Сарыбулун были найдены не с помощью нашего «чудо-прибора» и не археологами. Прекрасной сохранности бронзовые кинжал-акинак и полусферическое навершие булавы высокохудожественного литья случайно нашли юные краеведы средней школы № 31 г. Фрунзе, руководимые преподавателем истории М. К. Синусовым. Эти находки стали знаменитыми еще за два года до открытия самого подводного городища Сарыбулун: в июне 1983 г. и акинак, и навершие булавы экспонировались на выставке «Памятники культуры и искусства Киргизии» в одном из величайших музеев мира – в Государственном Эрмитаже.

Кинжал (длина 26,5 см) отлит из бронзы. Клинок прямой с продольным ребром, в сечении ромбовидный. Рукоять с брусковидным навершием и с тремя продольными ребрами несколько расширяется к клинку. Гарда бабочковидная, шириной 7,5 см². Бронзовые кинжалы идентичной формы были широко распространены у кочевников-саков в VI–III вв. до н. э. от Семиречья до Тувы, а на Иссык-Куле это уже третья находка. Показательно, что все три кинжала были подняты со дна озера³.

Навершие булавы – уникальное произведение скифо-сибирского звериного стиля, тоже было найдено на городище Сарыбулун. Оно полушаровидной формы с отверстием в верхней части. На внешней стороне рельефная фигура свернувшегося в кольцо хищника кошачьей породы (тигр?). Голова крупная, пасть оскаленная, широкое ухо, глаз круглый с выпуклым зрачком. Мощные когтистые лапы. Хвост тонкий и длинный, на конце свернут в кольцо. Свиристый хищник подмял под себя сразу двух сайгаков, горбоносые головы которых видны под головой и грудью животного⁴.

Мотив животного, свернувшегося в кольцо, широко распространен в искусстве обитателей гор и степей Евразии. Известен он и в Прииссыккулье⁵. Но сарыбулунский хищник – явление уникальное. Точных аналогий ему нет. По ряду деталей (когтистые лапы, круглый глаз, загнутый в кольцо кончик хвоста, оконтуренная валиком оскаленная пасть) он очень напоминает древнейшие изображения свернувшихся кошачьих хищников, в частности, знаменитого тигра из кургана Аржан в Туве. М.П. Грязнов датировал его VIII–VII вв. до н. э.⁶ Однако имеющиеся различия и особенно композиция из трех животных – хищника и его жертв, ранее не встречавшаяся при изображениях свернувшихся зверей, хотя и не исключают сарыбулунскую булаву из круга памятников искусства аржано-черногоровского типа, но не позволяют считать ее синхронной аржанской бляхе. Скорее всего, она несколько моложе и отлита в VII–VI вв. до н. э. На наш взгляд, на сарыбулунской булаве изображена одна из древнейших в скифо-сакском мире сцен терзания хищником травоядных животных. Сцена еще далека от классических образцов, представленных скифо-сибирским искусством в V–III вв. до н. э. Тем не менее, смысл ее тот же: по мнению Е. Е. Кузьминой, это графическое отражение астрального явления смены на небосклоне созвездий Плеяд (Быка) и Кассиопеи (Оленя) созвездием Льва. Именно в это время – время весеннего равноденствия – в Месопотамии начинались посевные работы. Здесь возник миф, по которому лев, как и положено, побеждал оленя и быка, что несло всеобщее благо. Этот астрально-космогонический миф был воспринят

¹ Известия. – 1986, 9 января.

² Памятники культуры и искусства Киргизии. Древность и средневековье. Каталог выставки. – Л., 1983. – С. 30. – № 42.

³ Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. – Алма-Ата, 1963. – С. 110, рис. 85; Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. – 1980. – С. 250, рис. 5; Мокрынин В.П., Плоских В.М. Итоги и перспективы изучения археологических памятников... – С. 61, рис. 1; С. 67, рис. 2, 5.

⁴ Памятники культуры и искусства Киргизии. – С. 31. – № 44.

⁵ История Киргизской ССР. – Т. 1. – С. 166.

⁶ Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. – Л., 1980. – С. 28, рис. 15.

многими народами, в том числе и саками¹. Последние заменили незнакомого им льва вполне знакомым тигром, а быка и оленя – двумя сайгаками. Таким образом, сцена, изображенная на сарыбулунской булаве, скорее всего, передавала языком символов победу солнца над тьмой в начале весны, что означало наступление Нового года – Ноуруза.

Вот о чем рассказала находка юных археологов, поднятая со дна Тюпского залива. Находка кинжала и булавы – ценный вклад в археологию Киргизии ныне покойного краеведа Михаила Константиновича Синусова.

По роду своей деятельности местный охотовед Г. И. Журавлев не один десяток раз бороздил на лодке отмель, где расположено городище. Ему, человеку любознательному и с разносторонними интересами, удалось собрать здесь солидную коллекцию изделий из бронзы. По его словам, она включала: кинжал, целый наконечник и втулку от наконечника копья, несколько наконечников стрел, серповидный предмет и котел. К сожалению, постоянно меняющиеся сотрудники Пржевальского краеведческого музея не пожелали приехать в с. Маяк и принять коллекцию, в результате она утрачена. Большинство бесценных для науки бронзовых изделий древних мастеров затерялось при переезде Г. И. Журавлева из одного села в другое. При встрече он передал нам только котел и втулку от наконечника копья, которые мы доставили в институтский музей, где они экспонируются среди других изделий сакского времени.

Котел бронзовый, полусферический, с отогнутой закраиной, на коническом поддоне. К тулову котла прикреплены две горизонтальные петлевидные ручки, между ними – рельефная тамга (знак мастера?) в виде двух сомкнутых концентрических полуovalов, напоминающих изображение месяца рожками вниз. Высота котла 56,8 см, ширина устья 56 см².

Подобные котлы были широко распространены в Семиречье и за его пределами во второй половине I тыс. до н. э. В Прииссыккулье на суше и на дне озера их найдено более десятка³. Конечно же, в таких котлах едва ли готовили пищу на одну семью. Эти громадные емкости – немые свидетели былых грандиозных шумных пиров родовых коллективов древних скотоводов на праздниках в честь своих божеств. Одним из самых популярных празднеств, как полагает Е. Е. Кузьмина, был Ноуруз – день весеннего равноденствия, когда приносилась жертва солнцу. В таких котлах варили мясо жертвенного коня и, собравшись вместе, съедали его. Этот акт должен был гарантировать всеобщее благополучие. По-видимому, не только ритуальная пища, но и сам котел наделялся магическими свойствами⁴.

Более скромно выглядит вторая переданная нам находка Г. И. Журавлева: втулка наконечника копья, бронзовая, литая, усеченноконической формы, со следами двух отверстий для крепления к древку. Высота сохранившейся части 4,5 см, диаметр втулки 3,5 см. Бронзовые втульчатые наконечники копий хорошо известны археологам по находкам в Семиречье, в том числе и в Прииссыккулье, где они датируются V–III вв. до н. э.⁵

¹ Кузьмина Е.Е. В стране Кавата и Афрасиаба. – М., 1977. – С. 108-109, 40-41.

Г.А. Федоров-Давыдов обосновывает иную точку зрения на семантику мотива терзания травоядных хищниками (см.: Федоров-Давыдов Г.А. О сценах терзаний и борьбы зверей в памятниках скифо-сибирского искусства // УСА. Вып. 3. – С. 23-29).

² Мокрынин В.П., Плоских В.М. Итоги и перспективы изучения археологических памятников... – С. 64-65.

³ Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. – С. 43-47, рис. 21; Винник Д.Ф. Работы Иссык-Кульского археологического отряда в 1959 г. – С. 92, рис. 4; Кызласов Л.Р. Сакская коллекция с Иссык-Куля // Новое в археологии. – М., 1972. – С. 102-105; Мокрынин В.П., Плоских В.М. Итоги и перспективы изучения археологических памятников... – С. 70-71, рис. 4.

⁴ Кузьмина Е. Е. В стране Кавата и Афрасиаба. – С. 109-110.

⁵ Акишев А.К., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или... – С. 110, рис. 85; Мокрынин В.П., Плоских В.М. Итоги и перспективы изучения археологических памятников... – С. 68, рис. 2, 3.

Таким образом, краеведами обнаружены на дне Тюпского залива и сохранены для науки редкие, а иногда и уникальные изделия древних сарыбулунцев, которые при более тщательном изучении, особенно специалистами-металлографами, еще много поведают о древней истории Киргизии.

В сезон 1985 г. на городище Сарыбулун подводным археологам не удалось найти ни одного изделия из металла. Зато сезон 1986 г. (благодаря прибору Волчанского) условно можно назвать «бронзовым сезоном». И все-таки самая первая находка из металла была поднята со дна озера близ острова руководителем группы аквалангистов С. С. Прапором. Это был целый серповидный нож отличной сохранности, покрытый, правда, тонким слоем известкового налета. У тупого конца – отверстие для крепления к рукоятке, которая, скорее всего, была деревянной. Позже, уже с помощью прибора, были обнаружены еще три таких же серповидных ножа (один целый и два обломка), но куда им было до самого долгожданного – первого!

Однолезвийные серповидные ножи имеют три варианта: с подкошенной рукоятью, со сплошной рукоятью и с прямой спинкой. Они хорошо известны в Фергане, в Хорезме (литейная форма из Якке-Парсан), в Ташкентском оазисе, где они датируются XI–IX вв. до н. э. Однако устоявшиеся формы серповидных ножей жили едва ли не больше тысячелетия. Они известны и для раннесакского времени. Обломок такого серповидного ножа найден даже на усуньском поселении Актас-2 в Казахстане (рубеж н. э.)¹. Таким образом, первые бронзовые однолезвийные серповидные ножи, найденные в Прииссыккулье, невозможно датировать в пределах одного-двух столетий.

Слабым утешением является то обстоятельство, что все серповидные ножи были найдены поблизости от неказистого, на первый взгляд, бронзового кружочка, который, как оказалось, относится к строго определенной эпохе. До сих пор непонятно, как в придонном иле можно найти такую миниатюрную вещь, притом не блестящую, как после очистки, а покрытую плотным слоем серого известкового налета. Бронзовый кружок оказался ажурным. В него был вписан ромб со слегка прогибающимися внутрь сторонами и с отверстием в Центре. Этот знак – символ солнца – был хорошо известен в евразийских степях в VIII–VII вв. до н. э. и изображался на изделиях начального этапа сакской культуры в Туве, Казахстане и на Памире. Очень часто ромб с точкой в центре наносили на детали конской сбруи. В могильнике Уйрагак (низовья Сырдарьи), например, найдено сразу пять бронзовых изделий с подобным знаком и все они украшают металлические детали конской узды². На наш взгляд, это обстоятельство еще раз подтверждает ассоциативную связь в религиозных воззрениях саков (массагетов) солнца и коня. Солнце почиталось как быстроконное божество. Возможно, что и сарыбулунский солярный амулет был деталью конского снаряжения. Наиболее близкие по форме аналогии сарыбулунскому амулету находят даже не в низовьях Сырдарьи, а далеко от Иссык-Куля – в степях Северного Кавказа и Причерноморья³. Не исключено, что бронзовые серповидные ножи, найденные поблизости от солярного амулета, тоже принадлежали к раннескифской (VIII–VII вв. до н. э.) эпохе. Однако с полной уверенностью принять эту датировку не представляется возможным, так как волны Иссык-Куля за те почти 3 тысячи лет, когда серпами уже не жали, а амулет не носили, могли «подстроить» любое мнимое совместное залегание любых хронологически несовместимых вещей.

¹ Кузьмина ЕЕ. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ. Вып. 4–9, табл. IX, X, XI; Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы. Табл. XI, 7; Аскарлов А.А., Альбаум Л.И. Поселение Кучуктепа. Табл. XXIII; Дукее Х. Туябугузские поселения бургулюкской культуры. – Ташкент, 1982. – С. 61–62, рис. 14; Акишев К.А. О возникновении оседлости и земледелия у древних усуней Семиречья // По следам древних культур Казахстана. – Алма-Ата, 1970. – С. 71.

² Вишневская О. А. Культура сакских племен... – Табл. I, 3; XI, 4; XVII, 2; XVIII, 33.

Курганы № 29, 38, 60 и 70, где были найдены изображения солярных знаков, датированы VI в. до н. э. В свете новых работ их вполне можно отнести к VIII – VII вв. до н. э. (см.; Грязное М. П. Аржан... – С. 61.).

³ Тереножкин А.И. Киммерийцы. – Киев, 1976. – Рис. 92.

Так случилось с первой и пока единственной находкой на территории Киргизии боевого кистеня (гиря на ремне). Он представляет собой цельнолитой бронзовый шар диаметром 6 см с трапециевидным ушком и найден был тоже у острова, неподалеку от серповидных ножей и амулета. Сохранность изумительная. Молодые археологи тотчас же объявили этот кистень самым древним в мире, а Прииссыккулье – родиной этого вида оружия ближнего боя. Если бы амулет с солярным знаком и бронзовый кистень были найдены в одном погребении, либо в одном и том же культурном слое при раскопках городища, заключение это имело бы резон. Однако опытный археолог и здесь вел бы себя осмотрительно: нет ли подвоха? Дело в том, что во всей полосе гор и степей Евразии, где раскопаны тысячи курганов древних скотоводов, кистень ни разу не был найден. Не были кистени и на вооружении у южных соседей скифо-сакского мира – бактрийцев, персов, греков, фракийцев. Зато в той же полосе степей в средние века было найдено немало подобных боевых гирь как из бронзы, так и из железа. Следовательно, несмотря на то, что на дне Тюпского залива солярный амулет VIII в. до н. э. и бронзовые серповидные ножи располагались рядом с кистенем, их весьма рискованно считать синхронными. Скорее всего, последний принадлежал к совершенно другой, гораздо более поздней, хронологической эпохе.

Заслуживает внимания и находка на городище Сарыбулун обломка бронзового кельта – тесла. Сохранились только его нижняя рабочая часть и очень незначительная часть втулки. Ширина рубящей рабочей части кельта 3 см, одна из сторон сработана заметно больше другой. Это уже вторая находка кельта времени древних скотоводов на территории Прииссыккулья. Первый совершенно целый экземпляр входил в составклада, поднятого со дна озера у с. Каменка (ныне с. Джаркинбаево)¹ в 1954 г. Подобные орудия труда были распространены в Средней Азии и Казахстане в VII–V вв. до н. э.² Назначение их было достаточно разнообразным. Они служили для обработки дерева, использовались при земляных работах, а возможно, и в качестве оружия. В одном из курганов могильника Уйгарак найден кельт-тесло с остатками деревянной рукоятки, она представляла собой палку с коротко обрезанным сучком. Втулка кельта-тесла надевалась на остаток сучка так, чтобы он оказался под острым углом к рукояти³. Полностью снаряженный кельт-тесло очень напоминает современную среднеазиатскую тешу, которая и по сей день употребляется в домашнем хозяйстве киргизов.

Если бы не поисковый прибор, аквалангистам ни за что не удалось бы найти небольшие бронзовые шилья-проколки. Даже увидев их, не сразу понимаешь, что это орудия труда, к которым человек приложил руку. Внешне это обыкновенные мелкие речные камешки-окатыши.

Но прибор не ошибается (если не считать случая с керамическим котлом, когда он «правильно ошибся»), и окатыши были извлечены со дна озера. Когда осторожно разбили толстую скорлупу «окатыша», внутри увидели подвижный острый бронзовый стержень. Этого не ожидал никто. Разгадка «подвижности», «свободы» шильев возможна, если предположить (и это наиболее вероятно), что мелкие, легко теряющиеся и опасные острые проколки хозяева помещали в чехлы из кожи или дерева. Оказавшись в озерной воде, чехлы разбухли, потеряли первоначальную форму, а бронза начала окисляться. Со временем окислы пропитали материал чехлов, придав им субстанцию металла. Донные известковые отложения завершили метаморфозу, закамуфлировав деформированные чехлы под серые речные камни.

¹ Кызласов Л.Р. Сакская коллекция с Иссык-Куля. – С. 103, рис. 2, 4.

² Ставиский Б.Я. Древнейшие бронзовые изделия Чача в Государственном Эрмитаже // КСИИМК. – 1955. Вып. 60. – С. 126, рис. 54, 2; с. 127; Грязное М.П. Древняя бронза Минусинских степей // Тр. Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. – Т. 1. – Л., 1941. – С. 264-265, табл. VIII, 8, 9.

³ Вишневская О.А. Культура сакских племен... – С. 72-73.

Есть основания для предположения, что сарыбулунцы сами плавил металл. На эту мысль наводит находка близ острова скопления обломков различных крупных бронзовых сосудов, которые ни на что не годились кроме переплавки. Здесь же найден небольшой слиток металла и, что является главным доводом в пользу металлопроизводства на городище, литник (заполнение подводящего отверстия литейной формы), представляющий собой небольшой бронзовый конус. Не исключено, таким образом, что какая-то часть металлических изделий, найденных на городище, даже уникальное навершие булавы с изображением разъяренного тигра, могла быть отлита на месте.

Изделия из рога

Найден рог джейрана, насквозь просверленный у основания. Выше – глубокий продольный срез. Функциональное назначение изделий подобного рода не известно. Одни исследователи называют их шилом-проколкой, хотя трудно представить, что можно проткнуть таким шилом, да кроме того, неясно, зачем столь обширное отверстие? Другие полагают, что таким рогом развязывались туго затянутые узлы на выюках, юртах, конских сбруе и путах. Это, на наш взгляд, ближе к истине, так как скотоводы-кочевники постоянно имели дело с веревками и ремнями.

Приглашение к поиску

На городище Сарыбулун, таким образом, выявлен комплекс предметов материальной культуры, который определяет характерные черты поселения, его лицо, или, как говорят археологи, – его культуру. Наиболее распространенными из них, как мы уже знаем, были изделия из камня (зернотерки, молоты, песты и ступы, грузила, шары), керамики (круглодонные лепные сосуды) и металла (кинжал, котел, серповидные ножи). Значение открытия городища Сарыбулун заключается не только в том, что впервые в Северной Киргизии найдено городище, начавшее функционировать в VIII–VII вв. до н. э. Выявленный здесь комплекс предметов создает прецедент для поиска одновременных поселений в других местах Прииссыккуля. Иными словами, если на побережье или на дне озера обнаружатся множество битых черепков грубой лепной посуды с округлыми днищами без орнамента, каменные зернотерки, грузила, шары, песты, а где-то рядом (чего только не бывает!) ядовито-зеленое специфическое изделие из бронзы, наверняка вы открыли бывшее поселение древних скотоводов, основанное более 2000 лет тому назад.

Что нам известно о поселениях древних скотоводов в Семиречье? Очень мало, хотя скудные сведения о них в литературе появились еще в конце 20-х годов. Тогда молодой еще археолог, а впоследствии один из виднейших советских скифологов А.И. Тереножкин обследовал памятники Чуйской долины. У села Аламедин ему удалось открыть остатки древнего поселения и собрать на нем фрагменты керамики, которые датировались временем древних кочевников-усуней¹.

Более определенные данные получены на другом поселении Чуйской долины – Карабалтинском, расположенном в пределах длинных стен крупного средневекового поселения Шиш-Тюбе, у современного города Кара-Балта. Открыто оно было в конце 50-х годов студентом исторического факультета КГУ М. Н. Оморовым (ныне доцент того же факультета), а изучено в 60-х годах археологом А. К. Абетековым. Поселение было сильно разрушено в результате хозяйственных работ, тем не менее здесь удалось раскопать овальное в плане глинобитное помещение, где были найдены очаг, многочисленные фрагменты керамики, зернотерка, грузило, пряслице от веретена, поделки из кости. Исследователь полагает, что Карабалтинское поселение было основано усунями и функционировало в I–III вв. н. э.²

Третье поселение в Чуйской долине было обнаружено археологом И.К. Кожомбердиевым, который в 1975 г. раскопал катакомбный могильник у села Кум-Арык, что в 20 км к юго-западу от г. Кара-Балта. Здесь же на большой площади пашни были

¹ Тереножкин А.И. Археологические разведки на реке Чу в 1929 г. // Проблемы истории докапиталистических обществ, 1935. – № 5-6.

² См.: Абетеков А.К. Новые археологические данные о хозяйстве древних усуней // КСИА. – 1970. – № 122.

собраны многочисленные фрагменты керамики древних кочевников. Ю. А. Заднепровский, интерпретировавший находки, отнес это поселение к усуньскому времени¹.

Наиболее результативные раскопки поселения древних скотоводов были предприняты в какой-то сотне километров к северу от городища Сарыбулун в долине реки Кегень (Восточное Семиречье). Здесь казахский ученый К. А. Акишев изучал поселение-зимовку усуней Актас–2. Кроме орудий обработки земли (каменные мотыги) и уборки урожая (бронзовый серп), ученому удалось обнаружить остатки арыков и определить участки полей, орошаемых ими. Подобных поселений-зимовок было немало. В одном ущелье Курайлы их было шесть². Факт весьма показателен. Он позволяет надеяться, что тщательная и целенаправленная разведка ущелий Кунгей и Терской Ала-Тоо выявит такие поселения-зимовки и в Прииссыккулье.

Анализируя итоги полевых работ Иссык-Кульского историко-археологического отряда в сезоны 1985–1987 годов, с учетом предыдущих поисков уже сейчас с достаточной определенностью можно указать на перспективные места для фиксации и исследования мест поселений древних скотоводов.

Д а р х а н. Близ с. Дархан на дне озера случайно были обнаружены два бронзовых кинжала, котелок с носиком-сливом и фрагмент большого жертвенного котла. Все находки датированы VI–V вв. до н. э. В 1984 г. аквалангисты обследовали этот район и помимо большого числа средневековой керамики X–XII вв. нашли два фрагмента и одну целую зернотерку более древних времен. Они могут быть синхронными бронзовым изделиям, найденным здесь же.

К о й с а р а. Здесь кроме уже упомянутого каменного шара найдены фрагменты зернотерок.

Курменты. В сезон 1986 г. капитан судна «Юнга» Н. С. Медведев на северном берегу Тюпского залива указал место, где, по его словам, находили много различных человекоподобных фигурок из камня. Местонахождение было обследовано лаборантом отряда М. В. Эктовым. На пашне с россыпью керамики сако-усуньского времени были найдены два песта, каменный шар, фрагмент зернотерки. Фигурки отыскать не удалось.

Колхоз Фрунзе. Южнее центральной усадьбы колхоза в 1985 г. на северном берегу Тюпского залива среди россыпи мелких фрагментов лепной керамики найдено шесть зернотерок, пест, а в 30 м от берега на глубине около 2 м – замечательной сохранности бронзовые удила со стремявидными концами. Удила относятся к раннесакскому времени – VIII–VII вв. до н. э.

Ананьево– Каменка. На дне озера детворе между селами Ананьево и Каменка Д. Ф. Винник в 1959 г. обнаружил зернотерку, бронзовый котел и обломок каменного серповидного ножа. Еще раньше здесь же рыбаки с. Каменка нашли клад бронзовых изделий V–III вв. до н. э., включавший кинжал, наконечник копья, кельт, зеркало и четыре экземпляра удила с кольцевидными концами. Севернее с. Каменка учитель истории средней школы с. Ананьево Н. Ф. Мирошниченко нашел и передал нам хорошей сохранности бронзовый кинжал с антенновидным навершием.

Долинка. Житель г. Чолпон-Ата Ю. И. Чалов, увлекавшийся подводным спортом, на дне озера южнее восточной окраины с. Долинка нашел целый лепной круглодонный сосуд, украшенный неглубокими пальцевыми вмятинами по тулову. Инструктор-подводник Пржевальской юношеской морской школы В. П. Савинов здесь же поднял целый бронзовый котелок, наполненный отходами бронзолитейного производства – отбитыми от отливки литниками и слитками металла. Ценная находка передана в Пржевальский краеведческий музей.

¹ История Киргизской ССР. – Т. 1. – С. 147.

² Акишев К.А. О возникновении оседлости и земледелия у древних усуней Семиречья. – С. 72.

Обследование этого местонахождения нашим отрядом в 1986 г. дополнило отмеченные выше находки двумя фрагментами зернотерок, грузилами и пестом.

Т о р у - А й г ы р. Еще в 1975 г. авторы этих строк при осмотре археологической коллекции средней школы с. Тору-Айгыр обнаружили три серповидных ножа, целый лепной круглодонный сосуд и несколько фрагментов сосудов сако-усуньского времени. Все они, по словам краеведов, были найдены на небольшом холме в предгорьях хребта Кунгей Ала-Тоо севернее села.

Этот перечень приведен нами с единственной целью: читатель должен знать, что городище Сарыбулун не было каким-то феноменом, рядом с ним существовала сеть (пусть не такая уж густая) других поселений древних скотоводов. Надо помнить, однако, что часть этих древних поселений (Дархан, Койсара, Ананьево, Долинка) были перекрыты средневековыми культурными слоями и мало перспективны для дальнейшего изучения, так как волны озера сильно перемешали древние и средневековые материалы. В несколько лучшем положении находятся поселения Курменты и Фрунзе. На них, как представляется, не были основаны более поздние средневековые поселения. Однако оба поселения сравнительно недавно освободились из плена озера. Есть все основания подозревать, что архитектуре поселений не поздоровилось в этом плену. Наиболее перспективным для изучения является холмик, расположенный севернее села Тору-Айгыр, где местные краеведы нашли каменные серповидные ножи. Здесь и следует организовать масштабные раскопки.

Все перечисленные пункты, где обнаружены следы поселений древних скотоводов, ни по количеству остатков материальной культуры, ни по площади их рассеивания ни в какое сравнение не могут идти с городищем Сарыбулун, которое выделяется среди них, как сверкающая снегами вершина Тянь-Шаня среди покатых пригорков Сухого Хребта.

Теперь мы знаем точную датировку эпохи затопления древних поселений на побережье озера Иссык-Куль, что имеет большое теоретическое значение.

А.В. Шнитников

ХРОНОЛОГИЯ

Далее беглый обзор материальной культуры с кратким экскурсом в ее хронологию свидетельствует о долгой жизни подводного городища Сарыбулун. Определение времени его зарождения, расцвета и гибели связано с большими трудностями, которых не знает традиционная археология. Да и само изучение подводных памятников неизмеримо сложнее, так как нет возможности проследить взаиморасположение культурных наслоений и датирующих предметов материальной культуры в них. Известный английский археолог Леонард Вулли, лишь до определенной степени испытывавший положение подводного исследователя при изучении нижних слоев древнего города Алалаха в Сирии, что было вызвано быстрым подъемом грунтовых вод, пишет, что сначала он просто растерялся и прекратил работы. Позже Л. Вулли применил кессон для предохранения стен раскопа от обвалов и продолжил раскопки в воде. Вот как он об этом рассказывает: «С точки зрения археологии положение было отнюдь не удовлетворительным. Обычные правила научного ведения археологических раскопок неприменимы, когда приходится в ведрах поднимать почти жидкую грязь. Невозможно было изучить что-либо *in situ* из-за подступающей снизу воды, люди в лучшем случае оказывались по щиколотку, а иногда по пояс в некоем гороховом супе, в котором ничего нельзя было разглядеть»¹. А каково аквалангисту, когда он не по щиколотку и даже не по

¹ Вулли Л. Забытое царство. – М., 1986. – С. 33.

пояс, а весь в воде, когда неосторожное прикосновение к донному илу не то что лопатой, а кончиком ласты, поднимает такую «тучу» ила, что в этом месте надолго устанавливается нулевая видимость?

Но если способ ведения раскопок лопатой, обычный в традиционной археологии, неприменим под водой, то метод относительной хронологии, суть которого в послойном изучении памятников от верхних (наиболее молодых) к подстилающим (самым древним) слоям, остаётся неизменным. Выявление этих слоев при подводных изысканиях – дело невероятно трудное, требующее немалой технической вооруженности (как минимум, специальный корабль, эжектор или землесосную установку) и больших средств¹. Подводные раскопки с целью определения толщины культурного слоя для выявления стратиграфии пока малоэффективны и потому, что еще нет возможности вскрывать большие площади². Так, стратегический раскоп, заложенный Е. Д. Блаватским в затопленной морем части Фанагории площадью около 17 га, был всего в 16 кв. м и глубиной от уровня дна чуть больше метра.

У нас же не было и этой техники. На городище Сарыбулун подводные археологи работали только в самом верхнем слое, который в течение многих сотен лет не раз «перемывало» озеро, и в результате непрерывной работы волн в верхнем культурном слое городища оказались находки из нижних наслоений. Исследователю при этом остается единственный метод определения времени жизни городища – сравнение сарыбулунских находок с хорошо датированными вещами, добытыми при раскопках иных археологических памятников на суше (метод аналогии).

В настоящее время по ряду ярких и характерных только для одного хронологически четко очерченного периода материалов можно выделить следующие периоды обживания городища Сарыбулун: раннесакский (VIII–VI вв. до н. э.); сако-усунский (V в. до н. э. – рубеж н. э.); позднесредневековый (XIV–XV вв.).

Самые древние находки на городище – каменные серповидные ножи, которые представляют собой надежный индикатор древнеземледельческих культур эпохи поздней бронзы (XII–VII вв. до н. э.). Такие ножи хорошо известны по раскопкам на поселениях Восточного Туркестана, Ферганы и юга Средней Азии. Ближайшими к исык-кульским являются поселения чустской культуры в Фергане, хорошо изученные ленинградским археологом Ю. А. Заднепровским. При сравнении материалов Сарыбулуна и Ферганы выясняется, что наряду с каменными серповидными ножами население исык-кульских и ферганских поселений пользовалось и другими однотипными орудиями труда: зернотерками, молотами, пестами, бронзовыми серповидными ножами, а также частично схожей керамикой, особенно сосудами с носиком-раструбом³. Перечисленные предметы материальной культуры нейтральны в отношении определения хронологии, то есть они могли быть как одновременными с каменными серповидными ножами, так могли принадлежать и к более позднему времени.

Находки каменных серповидных ножей на северном побережье озера в районе Ананьево – Каменки и Тору-Айгыра свидетельствуют в пользу того, что поселения эпохи поздней бронзы могли быть и на северном берегу Исык-Куля. Заманчиво было бы сделать предположение, что в Северной Киргизии, в благодатном Прииссыккулье, в эпоху поздней бронзы существовала высокоразвитая древнеземледельческая цивилизация, которая подобно ферганской или бактрийской имела свой «столичный» центр с мощными крепостными стенами, цитаделью правителя, храмами и домами горожан. Вокруг «столицы» по рекам и речушкам, впадающим в озеро расположились более мелкие поселения с возделанными полями, садами, виноградниками, огородами... Предположение заманчивое, но на современном уровне археологической изученности Прииссыккуля преждевременное. Нам пока не известны находки второго (после каменного серповидного

¹ Ланитцки Г. Амфоры, затонувшие корабли, затопленные города. – С. 15-25.

² Блаватский В.Д., Кошелев Г.А. Открытие затонувшего мира. – С. 81-83.

³ Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы. – Табл. XVII–XXVIII.

ножа) индикатора древнеземледельческой культуры Ферганы – парадной керамики, расписанной черной краской по красному фону. Да и шансы найти такую керамику минимальны, так как даже в Фергане ее не так уж много. Даже в «столичном» центре Ферганы – на городище Дальверзин из почти 70 тысяч фрагментов сосудов было только чуть больше 800 (или всего 1,2 процента) расписанных¹.

Следует учесть и тот факт, что в Прииссыккулье одновременно с древнеземледельческой чувстской культурой в Фергане существовала иная культура поздней бронзы, связанная с пастушескими племенами Казахстана и Южной Сибири, которые, что не исключено, уже к IX в. начали вести скотоводческое хозяйство, освоили местные меднорудные богатства, создали особый производственный центр в рамках семиреченского очага металлообработки².

Вероятнее всего, что каменные серповидные ножи чувского типа в прииссыккульские поселения проникли в самый последний период существования чувской культуры – в VIII–VII вв. до н. э. А это время в периодизации истории степей называется раннесакским.

Раннесакский период (VIII–VI вв. до н. э.). Он представлен изделиями из металла: амулетом с солярным знаком, навершием булавы, а также, скорее всего, обломком кельта-тесла и кинжалом. Столь ранний этап истории древних кочевников еще не выделен в археологии Киргизии, так как до сих пор не были найдены и раскопаны курганные погребения того времени, не говоря уже о поселениях. Начальный этап сложения культуры древних скотоводов Киргизии пока представлен только случайными находками.

Показательно, что некоторые из них, причем самые выразительные, найдены в ближайших окрестностях городища Сарыбулун. Так, в районе Тюпского залива в начале 80-х годов XIX в. был найден клад, состоящий из 20 предметов набора бронзовых деталей узды. Он включал удила, псалии, ворворки, пряжку, тройники, круглые бляхи. Некоторые из них украшены изображениями животных, выполненных в скифо-сибирском зверином стиле. Весь комплекс относится к VII–VI вв. до н. э. Клад был исследован и опубликован выдающимся советским археологом А.Н. Бернштамом, который первым выделил культуру саков на Тянь-Шане³. Почти через сто лет в районе Пржевальска случайно найдены и переданы Д.Ф. Виннику две массивные бронзовые бляхи, изображающие свернувшегося в кольцо хищного зверя⁴. Бляхи своеобразны, точно таких нет во всем скифо-сакском мире. Поза зверя в деталях отлична от самых древних образцов, известных по находкам в Зивие (Иран) и Аржане (Тува), в частности, сомкнутыми передними и задними лапами и резко выступающим ухом. Иссык-кульские бляхи в этом отношении наиболее близки к подпружной пряжке в виде свернувшегося хищника из могильника Уйгарак⁵. По-видимому, иссык-кульские бляхи, как и уйгаракская, относятся к VII–VI вв. до н. э. Близ северного берега Тюпского залива на дне озера в сезон 1985 г. найдены бронзовые удила со етрехдячковым концом, имеющим дополнительное отверстие⁶. Как курьез отметим, что большой мастер подводных работ А. Д. Курманенко, нашедший удила столь хорошей сохранности, и помыслить не мог, что он держит в руках вещь, сделанную примерно 2600–2700 лет тому назад. Он использовал их первоначально как рычаг для добычи фрагментов керамики, заглубленных в донный песок.

¹ Там же. – С. 27, табл. III.

² Кузьмина Е.Е. Клад эпохи бронзы из Каракола // КСИА. – 1968. – № 114; Она же. Семиреченский вариант культуры эпохи поздней бронзы // КСИА. – 1970. – № 122; Винник Д.Ф., Кузьмина Е.Е. Второй Каракольский клад Киргизии // КСИА. – 1981, № 167; Дегтярева А.Д. Металлообработка в эпоху поздней бронзы на территории Семиречья // Вест. МГУ. Сер. 8: История. – 1985. – № 3.

³ Бернштам А.Н. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня // СА. – 1949. – XI. – С. 5, рис. 44; Мокрынин В.П., Плоских В.М. Итоги и перспективы изучения археологических памятников... – С. 65.

⁴ История Киргизской ССР. – Т. 1. – С. 166.

⁵ Вишневская О. А. Культура сакских племен... – Табл. XXVIII, 7.

⁶ Мокрынин В.П., Плоских В.М. Итоги и перспективы изучения археологических памятников... – С. 68, рис. 2, 7.

Раннесакские бронзовые наконечники стрел ромбической формы с втулкой были найдены на трассе Большого Чуйского канала. Некоторые из них идентичны аржанским, то есть самым древним наконечникам стрел саков. Они были отлиты в VIII–VII вв. до н. э.¹

Сако-усуньский период (V в. до н. э. – рубеж н. э.). Этот период представлен основной массой керамики и прежде всего сосудами с ручками в виде выступающих уплощенных или конических налепов. Подобные ручки характерны для восточно-ферганских поселений шурабашатской культуры². Нередко их находят в курганах сакского времени и в Семиречье, в том числе в Прииссыккулье. Заметны связи сарыбулунской керамики и керамики из Восточного Казахстана. Росписной узор на чаше из Сарыбулуна идентичен мотивам росписи сосудов из могильников так называемого кулажургинского этапа (III–I вв. до н. э.) культуры древних скотоводов³. По всей видимости, это было время расцвета городища Сарыбулун. Из металлических изделий к этому периоду относятся бронзовые котлы на коническом поддоне, втулка наконечника копья, золотая полусферическая нашивка на одежду.

Позднесредневековый период (XIV–XV вв.). Особенностью обживания городища является большой хронологический разрыв (около 1500 лет) между последним и вторым хронологическим периодом. Материальная культура последнего периода представлена весьма скромно: несколько донец хумов и венчиков котлов фрагмента керамики с голубой глазурью и бронзовый кистень. Сюда же, по всей вероятности, следует отнести и три каменных цилиндрических молотильных катка (молоташи).

Таким образом, городище Сарыбулун, возникнув в VIII–VII вв. до н. э., просуществовало вплоть до рубежа нашей эры. Тогда площадь зеркала озера Иссык-Куль была намного меньше современной. После длительного перерыва, вызванного, скорее всего, колебаниями уровня озера, то есть его наступлением на сушу (трансгрессией) и отступлением (регрессией), на месте городища возникло небольшое позднесредневековое поселение.

Что же известно историкам о народах, населявших Прииссыккулье в I тыс. до н. э.? Какое место они занимали в истории Средней Азии? На эти и другие вопросы можно получить ответ в древних сочинениях.

По ту сторону Яксарта живут скифские племена.
Персы вообще называют их саками.

Плиний Старший

ИСТОРИЯ С ГЕОГРАФИЕЙ

Древние скотоводы, населявшие Среднюю Азию, не оставили своих исторических сочинений. Сведения о них можно отыскать в трудах античных авторов. Больше других о среднеазиатских скотоводах писали древние греки. Однако из древнегреческих авторов мало кто сам побывал в столь отдаленных областях, поэтому сведения их, представляющие громадный научный интерес, не просто скупы и разрозненны, но противоречивы и туманны. Не одно поколение ученых анализировало эти сведения, однако по многим вопросам истории древних скотоводов степей Евразии так и не сложилось общего мнения.

Саки. Не вызывает сомнения факт, что Среднюю Азию с VIII в. до н. э. населял многочисленный народ, именовавшийся скифами или, что одно и то же, саками. Он делился на ряд племен (или, точнее, союзов племен). Наиболее известными из них были

¹ Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина // М.; Л., 1950. табл. XVI (МИА, 14); Грязнов М.П. Аржан... – С. 22, рис. 11, 12, 13.

² Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы. – Табл. LXIII.

³ История Казахской ССР. – В 5 т. – Т. 1. – Алма-Ата, 1977. – С. 256, вкл. между с. 288–289.

массагеты, даи, исседоны, аримаспы. В VIII в. до н. э. степь «пришла в движение». Аримаспы потеснили исседонов, те – массагетов, массагеты в свою очередь – скифов, а скифы – родственников им киммерийцев. Последние, спасаясь, сметая все на своем пути, в 20-х годах VIII в. до н. э. вторглись в государства Ближнего Востока и Малой Азии. Здесь с кочевыми завоевателями впервые познакомились древние греки. Великий Гомер не раз упоминал их в своей «Илиаде» под именем «доителей кобылиц». Примерно через 50 лет вслед за киммерийцами туда же устремились скифы. Они разгромили потомков беглецов, установив почти на 100 лет скифскую гегемонию в Передней и Малой Азии. Впоследствии скифы были разбиты, но не вернулись в Среднюю Азию. Проследовав через Кавказские горы, сначала заняли междуречье Кубани и Дона, а затем покорили все Северное Причерноморье¹. Именно эти скифы в VI в. до н. э. принесли в южнорусские степи свою неповторимую культуру, сложившуюся еще в Средней Азии, но уже с заметным переднеазиатским налетом.

А что же оставшиеся в Средней Азии скифские племена, которых в отличие от причерноморских собратьев именовали саками? Вспомним «отца» истории Геродота: «Саки... они же скифы ...персы всех скифов зовут саками». Точно трудно установить, какую именно территорию подразумевали античные авторы под «страной саков». Но, по всей вероятности, по их представлениям, она охватывала горные массивы Памиро-Алая, Тянь-Шаня, Фергану и Ташкентский оазис.

Так вот, какая-то часть саков, заняв после миграции горы и оазисы Средней Азии, стала вести оседлый образ жизни, другая же продолжала кочевать. Саки долгое время упорно и успешно сопротивлялись натиску персидских царей из рода Ахеменидов, экспансия которых распространилась вплоть до Сырдарьи. Дальше персов не пустили. За Сырдарьей, в предгорьях и горных долинах Тянь-Шаня, в том числе и на территории современной Киргизии, жили саки, которых в V–IV вв. до н. э. называли «заречными» или «саками, которые за Согдом». Река надолго стала непреодолимым рубежом для завоевателей, даже слывших непобедимыми, каким был, например, Александр Македонский.

В глазах ученого мира Древней Греции река была и географическим рубежом. В античной литературе существовала устойчивая ошибочная традиция, по которой р. Сырдарья отождествлялась с р. Танаис (Доном). По географическим представлениям того времени р. Дон (а следовательно, и р. Сырдарья) рассматривалась как рубеж, разделявший два материка – Европу и Азию. Таким образом, саки, населявшие правобережье Сырдарьи и фактически обитавшие и на территории современной Киргизии, считались «европейскими». Этот географический парадокс надо иметь в виду при чтении трудов античных авторов. Сами саки называли реку Сырдарью Силис, а горы Тянь-Шаня, откуда она берет начало, Кроукасис, то есть «белые от снега». Греки именовали Сырдарью Яксарт или Танаис, а горы, ее породившие, Парнас².

Какие же конкретные племена сакской этнической общности скрыты под обобщающим названием «саки, которые за Согдом» или «заречные саки»? Кто же занимал степи и горы севернее порубежного Силиса – Яксарта? Археологические исследования в долинах рек Или, Талас, Чу, на Иссык-Куле, в Центральном Тянь-Шане, в Кетмень-Тюбе и Фергане выявили самобытную, ярко выраженную сакскую культуру³. Случайные

¹ Куклина И.В. Этногеография Скифии по античным источникам. – Л., 1985. – С. 127-137.

Иную реконструкцию ранней истории скифов см.: Тереножкин А.И. Киммерийцы. – Киев, 1976; Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы. – Л., 1974; Ельницкий Л.А. Скифия евразийских степей. – Новосибирск, 1977.

² Куклина И.В. Этногеография Скифии по античным источникам. С. 104-105, 123, 178-179, 184-185.

Попытка доказать тождество Рипейских гор с Уралом см.: Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. – М., 1974. – С. 27-29.

³ Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. – С. 27-35; Зима Б. М. Избранные научные труды по истории Компартии Киргизии и истории Киргизской ССР. – Фрунзе, 1982. – С. 146-153; Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней...; Акишев К.А. Курган Иссык. – М., 1978; Абетеков А.К., Баруздин Ю. Д. Сако-усуньские памятники Таласской долины //

находки и раскопки курганов в Восточном Туркестане позволили Б. А. Литвинскому сделать вывод, что на западе, севере, в центральной части этого региона, то есть в районах, примыкавших к Тянь-Шаню и Памиро-Алаю, начиная с VIII–VII вв. до н. э. и почти до рубежа н. э., обитали ираноязычные кочевники-саки, являвшиеся органической составной частью обширной среднеазиатской группировки сакских племен¹.

Здесь за Сырдарьей вызрели те грозные силы скотоводов, которые во II в. до н. э. опрокинули прежде мощную Греко-Бактрию – самый восточный осколок мировой державы Александра Македонского. Древнегреческий историк и географ Страбон писал: «Из этих кочевников в особенности получили известность те, которые отняли у греков Бактриану, именно ассии, пасианы, тохары и сакаравлы, которые переселились из области на другом берегу Яксарта рядом с областью саков и согдианов, занятой саками»².

Значительно подробнее о некоторых племенах кочевников, в частности, об ассиях и тохарах, сообщают древнекитайские исторические хроники, где они названы усунями и юэчжами³. Сокровища ценнейших и разнообразных сведений о древних народах Средней Азии, содержащихся в древнекитайских исторических сочинениях, открыл миру русский ученый Никита Яковлевич Бичурин.

Опальный монах с крамольными четками

В начале мая 1853 г. в холодной келье петербургской Александро-Невской лавры одинокий и всеми забытый умирал первый крупный русский синолог, ученый с мировым именем – монах Иакинф. Он давно перестал принимать пищу и отвечать на вопросы послушника, добровольно за ним присматривающего. Накануне смерти больного посетил один из сослуживцев по Азиатскому департаменту. Выцветшие карие глаза старца были неподвижны. Казалось, он не видел и не слышал посетителя. Наконец тот задал вопрос по-китайски. Умиравший мгновенно преобразился, глаза заблестели, на резко выступающих скулах появился румянец. Он улыбнулся и заговорил. Говорил долго и непрерывно, как бы наслаждаясь языком, постижению тончайших нюансов которого отдал все свои силы. К утру его не стало. На скромном обелиске над могилой монаха, похороненного в ограде лавры, и сегодня можно прочесть иероглифы, гласящие: «Постоянно прилежно трудился над увековечившими его славу историческими трудами».

Обратимся хотя бы вкратце к вехам его незаурядной жизни и подлинно научного подвига.

Выдающийся русский ориенталист Никита Яковлевич Бичурин, известный миру под монашеским именем Иакинф, родился 29 августа 1777 г. в глухом чувашском селе в семье дьячка местной церкви. Блестяще закончив Казанскую семинарию, он в 1802 г. принял монашество и стал архимандритом иркутского Вознесенского монастыря. Однако за нарушение устава молодого архимандрита лишают должности и ссылают в Тобольский монастырь. Святейший синод остро нуждался в талантливых деятелях церкви. Поэтому в 1807 г. отца Иакинфа назначили начальником русской духовной миссии в Китае и архимандритом Сретенского монастыря в Пекине.

Это назначение стало важным этапом жизни Н. Я. Бичурина. Именно здесь раскрылись его способности историка и лингвиста. Все 14 лет пребывания в Китае с необычайной энергией и упорством он изучал китайский разговорный и письменный язык, исследовал и переводил на русский китайские исторические хроники, писал исторические труды. Архимандрита тяготили дела духовной миссии и монастырское

Археологические памятники Таласской долины. – Фрунзе, 1963; *Кожомбердиев И.* Основные этапы истории культуры Кетмень-Тюбе // Кетмень-Тюбе. – Фрунзе, 1977. – С. 12-15; *Мокрынин В.П., Гаврюшенко П.П.* Курганы сакского времени в долине реки Тон; *Мокрынин В.П., Плоских В.М.* Итоги и перспективы изучения археологических памятников...

¹ *Литвинский Б.А.* Исторические судьбы Восточного Туркестана и Средней Азии // Восточный Туркестан и Средняя Азия. – М., 1984. – С. 13.

² История Узбекистана в источниках / Сост. Б.В. Лукин. – Ташкент, 1984. – С. 173-174.

³ *Рерих Ю.Н.* Тохарская проблема // Народы Азии и Африки. – 1963. – № 6. – С. 120.

хозяйство. Практически он не занимался ими, предоставив полную свободу действий своим помощникам. Как и следовало ожидать, хозяйство миссии пришло в такой упадок и запустение, что по возвращении в Россию в 1821 г. Иакинф был лишен сана и сослан в Валаамский монастырь.

Этот факт не обескуражил ссыльного. Казалось, что он сам стремится к отрешению от всех обременительных обязанностей, связанных с высокими церковными должностями. В уединенной келье монастыря он продолжал непрерывные бдения над вывезенными из Пекина китайскими книгами, число которых было столь велико, что в Россию их доставил караван из 15 сильных верблюдов.

Через четыре года из валаамской кельи его освободили по ходатайству крупного деятеля в Министерстве иностранных дел П. Л. Шиллинга фон Кронштадта и путешественника Е. Ф. Тимковского, которые высоко ценили уникальные синологические познания Иакинфа и надеялись найти им практическое применение. Царь Николай I указал причислить Н. Я. Бичурина к Азиатскому департаменту. Однако на службе нового чиновника почти не видели: он замкнулся в келье Александро-Невской лавры и продолжал свой подвижнический труд. За три года (1828–1830 гг.) Н. Я. Бичурин опубликовал шесть книг и множество различных статей в известных журналах. Пораженный мир жадно знакомился со страной, открытой опальным монахом как бы изнутри. Впервые в европейской литературе о Китае писали не как об отсталой экзотической стране с нищим и обездоленным народом. Иакинф сумел взглянуть на Китай не презрительным взглядом европейца, а глазами китайца, правдиво и уважительно отразить увиденное в своих трудах. В 1848 г. ученый резко выступил против грабежа Китая европейскими державами в результате «опиумной войны», за что был подвергнут критике реакционерами всех мастей и наций, расценивших акт защиты Китая как «наступление на европейскую культуру». Однако и оппоненты Н. Я. Бичурина не могли не отметить его уникальную работоспособность и энциклопедические познания в области синологии. Известный немецкий ученый Ю. Клапрот, постоянно полемизировавший с Н. Я. Бичуриным, писал: «Отец Иакинф один сделал столько, сколько может сделать только целое ученое общество».

Н. Я. Бичурин никогда всерьез не относился к своему монашескому званию и был, как отмечали современники, атеистом. Он тесно связал свою судьбу с передовой русской общественностью и прогрессивной общественной мыслью. Известна его дружба с А. С. Пушкиным. В библиотеке поэта сохранились книги Н. Я. Бичурина с авторскими надписями. А. С. Пушкин использовал их в своих исторических трудах, особенно в «Истории Пугачева».

В 1830 г. Н. Я. Бичурин совершает поступок, беспрецедентный для николаевской России. Через пять лет после восстания декабристов на Сенатской площади, когда еще даже имена ссыльных было опасно произносить, встречается в Забайкалье с одним из вождей декабристов Н. А. Бестужевым. О чем говорили ученый и революционер, осталось неизвестным. Однако о взаимном дружеском расположении их красноречиво говорят немые свидетели этой встречи. В Кяхтинском музее экспонируется портрет Н. Я. Бичурина, написанный Н. А. Бестужевым. Он же подарил монаху четки, сделанные из собственных кандалов. С этими крамольными четками опальный монах появляется в салонах и гостиных Санкт-Петербурга. Столь открытая демонстрация не осталась незамеченной. Монах становился опасным. И когда в 1831 г. Н. Я. Бичурин подал прошение о снятии с себя духовного сана, Синод, желая избавиться от беспокойного монаха, дал согласие. Тем не менее Николай I наложил на прошение резолюцию: «В 20 день сего мая (1832 г. – *Авт.*) высочайше повелеть соизволил: оставить на жительство по прежнему в Александро-Невской лавре, не позволяя оставлять монашество».

Подвижничеством и научными знаниями Н. Я. Бичурин снискал глубокое уважение европейских и русских ученых. В 1828 г. он был избран членом-корреспондентом Петербургской Академии наук, а в 1831 г. – членом «Азиатского общества» в Париже. Его

книги были переведены на европейские языки. За свои труды Н. Я. Бичурин четырежды (в 1834, 1838, 1842 и 1851 годах) был удостоен полной Демидовской премии. Он был постоянным сотрудником почти двадцати периодических изданий. К концу жизни, почувствовав упадок сил, Н. Я. Бичурин отошел от всех общественных и текущих литературных дел, замкнулся в келье Лавры и принялся за написание главного труда своей жизни – трехтомного «Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» (1846–1848 гг.).

В гуманитарной науке встречаются труды, сохраняющие свою актуальность 10–20 лет, редкими можно считать сочинения, не утратившие своего научного значения через 50 лет, и уж совсем уникально – пережившие столетие. К последним с полным основанием можно отнести монументальный трехтомный труд Н. Я. Бичурина «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», к которому постоянно обращаются русские и советские ученые на протяжении вот уже почти 150 лет. «Собрание сведений» содержит огромный материал по истории народов Южной Сибири, Дальнего Востока, Средней и Центральной Азии со II в. до н. э. и до середины IX в., со знанием дела подобранный и переведенный из древних китайских хроник, недоступных не только рядовому читателю, но и ученым не синологам. Переводы сопровождаются тщательно выполненными комментариями и древними китайскими картами.

Значение этого труда Н. Я. Бичурина (Иакинфа) для истории Средней Азии, в том числе Киргизии, переоценить невозможно. Благодаря ему стали известны имена племен, населявших Киргизию в древности и средневековье, основные моменты их политической истории, сведения о династических, этнических и торговых связях. Источники, впервые введенные в научный оборот Н. Я. Бичуриным, сделали возможными ныне существующую периодизацию истории древней и средневековой Киргизии и привязку к ней основного археологического материала. В соответствующих разделах всех четырех изданий «Истории Киргизской ССР» широко и критически использованы материалы, приведенные в «Собрании сведений»¹.

Этническая атрибуция археологических материалов, добытых под волнами Иссык-Куля на поселении Сарыбулун, вынудила нас по примеру многих исследователей также обратиться к бесценным сведениям, оставленным для потомков в трудах нашего прославленного синоведа.

Усуни

Речь пойдет о народе усуней. Немногие среднеазиатско-казахстанские этнонимы имеют столь длительную историю. Появившись на исторической арене во II в. до н. э., усунь сохранили свое самоназвание и в VI в. н. э. Упоминания о владениях усуней имеются в источниках X–XII вв. И, наконец, под родоплеменным названием «Уйсун, уйшун» потомки их в XV–XVI вв. вошли в состав киргизской и казахской народностей².

Согласно китайским летописям, раньше усунь обитали где-то на Востоке, а во II в. до н. э. подчинили саков и заняли Семиречье, Джунгарию и Центральный Тянь-Шань. Здесь они создали одно из древнейших государств на территории современной Киргизии, именовавшееся в источниках терминами «Усунь-го» («усуньское государство»), «Син-го» («кочевое государство») и редко – «Бу-цзу» («племя, племенной союз»). Во главе государства усуней был правитель с титулом кунбаг (гуньмо, гуньэр) с правом наследственной власти. Столица-ставка кунбага, располагавшаяся в Прииссыккулье, именовалась Чигучен (Город Красной долины). Правителя окружала знать – родственники, высшие чиновники, родовая аристократия вассальные. Согласно истории

¹ Прекрасный биографический очерк о Н. Я. Бичурине и характеристику его трудов дал А. Н. Бернштам в предисловии к его трехтомному труду. (См.: *Бернштам А. Н.* Н. Я. Бичурин (Иакинф) и его труд «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» // *Бичурин Н. Я.* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В 3 т. – Т. 1. – М.: Л., 1950. – С. V–LV). Жизни и деятельности Н. Я. Бичурина посвящен роман В. Кривцова «Отец Иакинф» (Л., 1984).

² История Казахской ССР. – Т. 1. – С. 291; История Киргизской ССР. – Т. 1. – С. 411–412.

«Ханыну», всего усуней насчитывалось свыше 630 тысяч. Для отражения врага они якобы могли выставить армию численностью в 188800 воинов. Это означает, что практически каждый третий житель страны был мужчина в возрасте от 15–16 до 40–50 лет. Понятно, что число воинов явно завышено. Не исключено, что в состав всех вооруженных сил государства усуней включались и воинские контингенты зависимых от усуней народов, а именно: части племен саков и тохаров, а также хюсюнь, гуаньду, уш и др.

Внутриполитическая история усуней – это история постоянных усобиц и борьбы за верховную власть между высшей аристократией, в которую вмешивались ханьские императоры и гуннские правители (шаньюи). Только во время правления кунбага Цылими (45–14 гг. до н. э.) в землях усуней «настала... глубокая тишина и мир», так как он «поступал с твердостью»¹. В конце концов и Цылими пал жертвой заговора – он; был зарезан одним из притворно подчинившихся ему удельных князей.

Между бедными и богатыми усунями уже была пропасть имущественного неравенства. Основным критерием богатства было наличие лошадей, которые, как следует из ханьской династийной истории, находились уже в частной собственности отдельных людей. «В Усуне много лошадей. Их самые богатые люди имеют четыре – пять тысяч голов лошадей»². Из этого сообщения следует, что имущественная дифференциация усуней достигла развитых форм. Оказывается, среди них имелись «самые богатые», что предполагает наличие и «просто богатых». Огромными богатствами располагал сам гуньмо, который в качестве калыма за одну из своих жен мог отдать тысячу голов лошадей³. На другом полюсе имущественного неравенства находилась усуньская беднота. Этнографы подсчитали, что для ведения скотоводческого хозяйства, которое могло бы обеспечить лишь пропитание для одной семьи, необходимо было стадо скота в 25 условных лошадей (1 лошадь = шести овцам)⁴. Отсюда ясно, что «самые богатые» семьи усуней имели скота минимум в 160, а то и в 200 раз больше, чем семья рядового скотовода.

По обычному праву, существовавшему у всех скотоводческих обществ, хозяин скота был фактическим хозяином и пастбищ. Владение пастбищами закреплялось сооружением зимовки и захоронениями предков, над которыми насыпались хорошо заметные курганы. Площади зимних пастбищ соответствовали количеству скота. Практика определила, что для зимовки одного коня необходимо 8–10 га естественных пастбищ среднего качества⁵. Таким образом, полярные размеры пастбищ во владении разных по достатку семей были от 200–250 га до 32–50 тыс. га.

В I в. до н. э. у усуней, видимо, появляются земли, которые находились только в распоряжении верховного правителя. Так, кунбагу Цылими «обнародовал, чтобы никто не смел пасти скот на его пастбищах»⁶. Обычно этот важный акт трактуется как свидетельство начала формирования частного землевладения. Однако не исключено и другое объяснение. На пастбищах, принадлежавших кунбагу, и до обнародования указа едва ли безнаказанно мог выпасаться чужой скот. Скорее всего, в этом акте можно видеть попытку формирования государственных коруков – запретных, заповедных пастбищ. Такие коруки распространены в поземельной практике западнотюркских каганов. Один из них был в местности Минбулак (Таласская долина), где в естественных заповедных условиях обитали стада маралов. Второй – в восточной части Чуйской долины – описан средневековым арабским историком Табари: «У хакана были заповедные луг и гора, к

¹ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений... – Т. 2. – С. 197.

² Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М., 1961 – С. 120.

³ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений... – Т. 2. – С. 192.

⁴ Марков Г. Е. Кочевники Азии. – М., 1976. – С. 21.

⁵ Потапов Л. П. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана // Материалы науч. сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. – Т. 1. – Ташкент, 1955. – С. 21.

⁶ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений... – Т. 2. – С. 197.

которым никто не приближался и не охотился там, они оставались для войны. Продолжение луга – 3 дня и горы – 3 дня (пути)¹. Такие заповедные земли всегда оставались не потравленными скотом и использовались для откорма боевых коней и нагула отар на случай военных действий.

Сведения письменных источников о резкой имущественной дифференциации общества усуней вполне подтверждаются археологическими материалами. Богатых и знатных хоронили с большой пышностью: в широкие и глубокие ямы, перекрытые бревнами, вместе с покойным клали большое количество принадлежавших ему вещей, среди которых были золотые и привозные из далеких стран. Над ямой насыпали величественные курганы – высотой более 10 м. Рядом с этими степными пирамидами только опытный глаз археолога различает едва заметный холмик, под которым покоился прах рядового общинника. Как бы не горевали родственники покойного бедняка, но в «дальнюю дорогу на вечные небесные пастбища» могли выделить ему только один, от силы, два сосуда с молоком или мясным отваром с просом. Эти погребения были настолько убоги, что первые исследователи таких курганов близ с. Чельпек (в Прииссыккулье) М. В. Воеводский и М. П. Грязнов принимали их не за могилы рядовых скотоводов, а за жалкие погребения их рабов². Формирование классового общества сопровождалось народными волнениями, бунтами, откочевками, заговорами, которые приводили даже к убийствам кунбагов³.

Соседние владельцы считались с государством усуней. Иногда послов усуней принимали с большим почетом, чем китайских; кунбаги женились на гуннских и китайских принцессах. Ханьский Китай стремился установить дружественные отношения с государством усуней, чтобы использовать их силы в борьбе с гуннами.

Этническая принадлежность усуней до сих пор не ясна. Одни исследователи полагают, что усунь – одно из скифских племен и говорили они на восточноиранском языке. Другие утверждают, что усунь входили в круг гуннских племен и говорили по-тюркски. Крупный русский дореволюционный востоковед Н. А. Аристов писал (правда, излишне категорично), что усунь – прямые предки современных киргизов, и что народное самоназвание усуней всегда было «кыргыз»⁴. Но то, что как саки, так и усунь вошли компонентами в конгломерат древнетюркских племен, из которых формировалась киргизская народность, учеными принимается безоговорочно⁵.

Черепки из погребений усуней, раскопанных в Киргизии, в основном европеоидные и похожи на черепки саков, но с большим процентом монголоидной примеси⁶.

В конце первой половины I тыс. н. э. усунь теряют свое бывшее могущество. Их поглотили западнотюркские племена. Но это новая, местами также еще загадочная страница истории Киргизстана. От этих времен сохранились каменные скульптуры древних тюрков – местного этнического пласта, на базе которого позже, в XV–XVI вв., сформировалась киргизская народность. Каменные истуканы не спешат открывать тайны своего происхождения даже специалистам.

Они суровы и жестоки,
Их бусы – грубая резьба.

¹ Волин С. Сведения арабских источников IX–XVI веков о долине реки Талас и смежных районах // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. – Алма-Ата, 1960. – С. 76.

² Воеводский М.В., Грязнов М.П. У-суньские могильники...

³ История Казахской ССР. – Т. 1. – С. 303–304.

⁴ Аристов Н. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казахов Большой орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных о начинающихся антропологических исследованиях // Живая старина. – 1984. – Вып. 3–4. – С. 396.

⁵ История Киргизской ССР. – Т. 1, гл. VIJL.

⁶ Дебец Г.Ф. Проблема происхождения киргизского народа в свете антропологических данных // Тр. Киргизской археолого-этнографической экспедиции. – Т. 1. – М., 1956. – С. 10.

И сказок камня о Востоке
Не понимают ястреба.
Стоит с улыбкою неподвижной
Забывая неведомым отцом,
И на груди ее булыжной
Блестит роса серебряным сосцом¹.
(В. Хлебников)

Саки, пастухи овечьи, скифского рода,
Живущие в Азии, пшеницей обильной.
Херил Самосский

КОЧЕВНИКИ И ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ

Строки, вынесенные в эпиграф, принадлежат автору поэмы «Персика» – древнегреческому поэту с острова Самос. Несмотря на то, что поэма, написанная в V в. до н. э., дошла до нас в фрагментах, немного найдется стихотворных строф, которые бы столь лаконично и ёмко поставили два основных спорных вопроса реальной истории саков, которые так долго были предметом дискуссий современных историков. Первый постулат Херила – «саки... скифского рода» – убедительно доказал еще в XIX в. видный русский ориенталист В. В. Григорьев в труде, который был озаглавлен слегка перефразированной строкой из Херила². Научный мир сразу принял тождество «саки = скифы», хотя и находились упрямцы, по-прежнему отвергавшие его. Сложнее обстоит дело со вторым постулатом – «пастухи овечьи... в Азии, пшеницей обильной». Как толковать Херила? Имел ли он в виду, что саки пасли овец в Азии, где другие народы возделывали обильные хлеба, или сами саки-пастухи выращивали ещё и пшеницу? Вопрос очень важный для историка, так как речь идет о типе хозяйства саков: чистые скотоводы или скотоводы и земледельцы? Этот же вопрос актуален и в отношении хозяйства усуней.

Древнегреческие авторы очень ярко рисовали непривычный для них кочевой быт саков (скифов). Здесь и тяжелые крытые повозки, которые являются передвижными домами, и громадные отары овец, табуны коней, стада быков, и хозяева этого скота – вооружённые тугими луками лихие всадники, настолько «сросшиеся» с конем, что и ходить-то почти разучились на своих кривых ногах, и специфический напиток кочевников – кумыс, и ещё множество других экзотических подробностей, которые будоражили воображение оседлых жителей греческих полисов – земледельцев и мастеровых.

То же самое, независимо от греков, писали древнекитайские хронисты об усунях и гуннах для рисоводов и шелководов долины реки Хуанхэ, запуганных частыми набегами кочевников.

В земледельческих цивилизациях складывался стереотип кочевника-номада – вечного пастуха бродяг, странствовавшего на необозримых просторах степей и гор и не знавшего своей родины. Он был зачат в одном месте, рождён в другом, а вскормлен далеко и от первого, и от второго. Ошеломляющий выход кочевников на историческую арену, в частности, вторжение киммерийцев и среднеазиатских скифов в Переднюю и Малую Азию, обусловил рождение легендарного образа кентавра – коня с торсом человека, который как олицетворение кочевника-скотовода вошел в мифологию многих народов.

Моральный облик кочевников, если судить по античным сочинениям, конечно же, оставлял желать лучшего. Степнякам ничего не стоило организовать конные разбойничьи

¹ Хлебников Велимир. Ладомир: Поэмы, стихотворения. – Элиста, 1984. – С. 51.

² Григорьев В.В. О скифском народе саках. – СПб., 1871.

отряды для набегов на земледельческие оазисы, сжечь поселения, перебить мужчин, а женщин угнать в плен. Из черепов убитых врагов они делали чаши, из которых пили на пирах, вытирая при этом бороды скальпами, снятыми с этих же голов. Кочевники пили вино, не разбавляя его водой, и напивались допьяна. А если и разбавляли, то только собственной кровью при заключении важных дружественных союзов. Преклонных старцев кочевники убивали, а потом лакомились их мясом. Подобными былями и небылицами пестрят произведения древних авторов как с побережья Средиземного моря, так и с берегов Хуанхэ. Есть, однако, между ними и разница.

Древнегреческие авторы, описывая саков и скифов, изображают странных, непонятных, суровых, но справедливых, умных и деятельных людей. На страницах их произведений нашлось место для повествования о мудрости скифа Анахарсиса, которого объявили одним из семи мудрецов мира, изобретателем трута, якоря, гончарного круга, и для описания неотразимого обаяния царицы саков Зарины, и для рассказа о патриотизме простого пастуха Ширака, отдавшего жизнь за свободу родной земли¹.

Ничего подобного мы не встретим в трудах древнекитайских авторов, где кочевники представлены как хищники, не признающие человеческих законов, не имеющие стыда и совести, помыслы которых направлены только на убийства ради грабежа. «Как дикие звери и птицы», – характеризуются кочевники в летописи «Ханьшу»².

Итак, довольно суровый, но привлекательный образ кочевника, созданный на страницах произведений греческих авторов, становится отталкивающим, звероподобным, если опираться только на китайские – древние хроники. Зато лишь один из примеров тенденциозности древних сочинений, правда, проявившейся наиболее рельефно и сразу бросающейся в глаза. Не можем же мы и впрямь предположить, что кочевники были одними по отношению к грекам и совершенно другими в контактах с китайцами. Ларчик открывается просто. Греки и их колонии в Причерноморье находились в постоянных преимущественно дружественных торговых и культурных связях с соседями-скифами. Большую симпатию у греческих авторов вызывала успешная борьба скифов и саков с извечным врагом Древней Греции – Ираном. Идиллий в отношениях греков и скифов не было, тем не менее они редко перерастали в открытую вражду. В Центральной Азии все было наоборот. Древний Китай и кочевники вели между собой длительную, с переменным успехом, борьбу – борьбу за выживание, в которой не считались зазорными обман, коварство, удары из-за угла и в спину, ложные клятвы и заверения. Древнекитайские империи, проводя традиционную великодержавную политику по отношению к «варварам», воспитывали ненависть и пренебрежение к ним, подчеркивая изначальную дикость и извечную отсталость степняков, лишая их общечеловеческих качеств. Без такой официальной пропаганды едва ли стали бы возможными мобилизации громадных людских ресурсов на походы в глубь степей и, особенно, не строительство Великой Китайской стены, а также стратегических военных дорог к ней.

В древнегреческой литературе наблюдается явная идеализация кочевников. Цель: оздоровление греческого общества. Метод оздоровления: возвращение к образу жизни героических предков. Для наглядности нравы воспитанных в суровых и вольных естественных условиях «варварской» жизни степняков противопоставляли утонченным и испорченным нравам в греческих полисах. Эта идеализация достигла апогея в жизнеописании скифского царевича Анахарсиса, сына царя Гнура и дяди царя Иданфирса, разгромившего полчища персидского царя Дария (514 г. до н. э.)³. Характерно, что в XVIII в. образ того же Анахарсиса использовали Руссо и писатели его круга для общественного порицания безоглядной роскоши и мотовства французского двора и подражавшей ему аристократии.

¹ Кузьмина Е.Е. В стране Кавата и Афрасиаба ... – С. 79-81.

² Бичурин. Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений... – Т. 1. – С. 53.

³ Доватур А.И. Повествовательный и научный стиль Геродота. – Л., 1957. – С. 80.

В Центральной Азии идеализация не была в чести. Здесь жили «реалисты». И если ханьцы официально проповедовали номадофобию, то северные «варвары» своей знатью воспитывались в том же духе по отношению к ханьцам. Показательно, например, что аварская (жуань-жуаньская) принцесса, вышедшая замуж за китайского императора, окружила себя большой группой соплеменников, которые вели себя при дворе дерзко и вызывающе. Сама «степная амазонка», став императрицей, прославилась только тем, что «ни разу в жизни не сказала ни одного слова по-китайски»¹.

Однако и «идеалисты», и «реалисты» единодушно» хотя и по разным причинам, в своих сочинениях выпячивали только одну сторону сложного хозяйства соседей – кочевое скотоводство. Сведения о других отраслях трудовой деятельности редки и неконкретны. Так, в китайских династийных хрониках формула «бродят в поисках травы и воды» стала трафаретной для характеристики хозяйственной деятельности всех степных народов с древнейших времён до XIX в. включительно. О других занятиях, по мнению хронистов, и говорить не стоило.

Даже серьёзные историки XIX–XX вв. не всегда критически воспринимали многократные и недвусмысленные сведения античных авторов о кочевом скотоводстве как единственном типе хозяйства степняков в древности. Отсюда и хозяйственно-демографические расчёты, которые диктовали неверные политические выводы. Действительно, писали эти историки, для выпаса скота, сколько бы его не было, нет нужды в большом количестве пастухов. Значит, в аилах сосредоточивалось большое количество свободного от активной трудовой деятельности населения, которое легко было сколотить в конные отряды для набегов на соседей. Объектом для нападения кочевников были не столько степняки, у которых кроме скота и взять-то нечего и которые, как правило, могли достойно постоять за себя, а города в поселения земледельцев. Здесь за глиняными стенами (не такая уж и непреодолимая преграда!) находились столь желанные для скотоводов зерно, ткани, высококачественные изделия из металлов, драгоценные украшения и, наконец, люди, которые не обладали ратным искусством степняка. Этих людей можно было пленить, а затем продать в рабство.

Итак, волки – степняки и овцы – земледельцы. Отсюда недалеко и до вредной и неверной теории об извечной, непримиримой вражде степи и оазисов, скотоводов и земледельцев, до деления на цивилизованные и дикие, на исторические и неисторические народы.

На самом деле все не так просто и однозначно. Благодаря трудам советских археологов в Причерноморье, Казахстане и в Средней Азии были открыты как крупные, так и небольшие поселения древних скотоводов, свидетельствующие о развитии в их среде земледелия и ремёсел².

Поселения усуньского времени найдены и в пределах Семиречья, включая северные районы Киргизии. Однако еще до открытия этих поселений некоторые учёные, исходя из материалов раскопок усуньских курганов, выразили обоснованное сомнение в том, что усунь занимались исключительно кочевым скотоводством. М. В. Воеводский и М. П. Грязнов в 1928–1929 гг. в окрестностях городов Токмак и Пржевальск раскопали ряд курганов усуньского времени. В погребениях были найдены зернотёрки, обугленные зёрна пшеницы, шелуха проса и большое количество хрупкой и тяжелой керамической посуды, не пригодной для частой транспортировки. Отсюда вывод: хозяйство усуней было скотоводческо-земледельческим при ведущей роли скотоводства³.

С этим выводом со временем согласились практически все археологи, но отметили, что он не вытекает из материалов раскопок, а явился только правильным теоретическим

¹ Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский эпос в средние века (VII–XIII). – М., 1984. – С. 67.

² См. карты: Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. – М., 1979. – С. 107, 111; Левина Л. М. Поселения VII–V вв. до н. э. и «шлаковые» курганы южных районов Сырдарьинской дельты // Кочевники на границах Хорезма. – М., 1979. – С. 178–190.

³ Воеводский М.В., Грязнов М.П. Усуньские могильники... – С. 178.

предположением. Действительно, о чём говорят находки остатков зерна? Только о том, что оно употреблялось в пищу, и ни слова о том, каким путем получено. Зерно усуней могли выращивать сами, но могли и обменивать его на скот или продукты скотоводства в земледельческих областях Ферганы или, например, Восточного Туркестана, с которыми имели тесные политические связи. О чём говорит находка зернотёрки? Исключительно о том, что полученное неизвестно как зерно превращали в муку и крупу¹. Третий довод – многочисленная керамика в погребениях – заслуживает более детального анализа.

Мало что дали в строго научном доказательстве развития земледелия в усуньском обществе раскопки поселений первых веков нашей эры Луговое (А. Н. Бернштам) и Карабалтинское (А. К. Абетеков)². Находки зернотёрок даже в комплексе с остатками глинобитных жилищ ещё не являются неоспоримыми фактами, свидетельствующими о занятиях населения, их оставившего, земледелием.

Нужны были находки орудий труда, которыми обрабатывают землю, – мотыг, и орудий, которыми убирают урожай, – серпов. Неплохо бы найти и остатки соломы злаковых (но это уже почти из области фантастики). Случайные находки серпов и мотыг, относящихся, как позже выяснилось, к сако-усуньскому времени, были сделаны в Чуйской долине, но они мало что проясняли, так как не имели ни точной хронологии, ни привязки к тому или иному типу памятников³. Впервые в Семиречье усуньские каменные мотыги и обломок бронзового серпа в комплексе с зернотёрками и характерной круглодонной керамикой были найдены К. А. Акишевым в 1962–1963 гг. на берегу р. Кегень при раскопках поселения Актас-2. Здесь же были выявлены дополнительные данные (правда, не во всем достаточно убедительные), свидетельствующие, что земледелие было как богарным, так и поливным, практиковались также огородничество и садоводство. Тут сомневаться уже не приходилось. Гипотетические выводы М. В. Воеводского и М. П. Грязнова о комплексном скотоводческо-земледельческом хозяйстве усуней получили убедительную фактологическую базу⁴.

Наши работы на подводных городищах не только расширили эту фактологическую базу территориально, но позволили сделать ряд дополнительных наблюдений относительно Прииссыккуля:

1. Время возникновения занятий земледелием на берегах оз. Иссык-Куль остается ещё не выясненным, тем не менее уже сейчас есть все основания утверждать, что земледелие не возникло в усуньское время. Здесь обрабатывали землю и сеяли злаковые культуры гораздо раньше. Если поселение Актас-2 и Карабалтинское поселение датируются их первооткрывателями I–III вв. н. э., то серповидные каменные ножи чувского типа, свидетельствующие об уже развитии земледелия, найденные на иссык-кульских поселениях, относятся ко времени не позже VIII–VII вв. до н. э., то есть ко времени начального этапа формирования культуры саков.

2. Весь облик материальной культуры городища Сарыбулун (особенно керамика, орудия труда из камня, бронзовые серповидные ножи) очень близок к облику материалов древнеземледельческих поселений I тыс. до н. э. Ферганы, Ташкентского оазиса и Восточного Туркестана. Представляется, что развитие культуры земледелия Прииссыккуля находилось в постоянных связях с древнеземледельческими культурами перечисленных выше регионов, особенно Ферганы.

3. Поселения Прииссыккуля в I тыс. до н. э. были очагами не только земледелия, но и ремесленных занятий. Часть каменных орудий (а именно: одна из зернотёрок и

¹ Бернштам А.Н. Археологический очерк Северной Киргизии. – Фрунзе, 1941. – С. 37-38; Акишев К.А. О возникновении оседлости и земледелия у древних усуней Семиречья. – С. 69-70.

² Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина. – С. 71; Абетеков А.К. Новые археологические данные о хозяйстве усуней // КСИА. – 1970. – № 122.

³ Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина. – Табл. XXXV.

⁴ Акишев К.А. Зимовки-поселения и жилища древних усуней // Изв. АН Каз. ССР. – Сер. обществ. наук, 1969. – № 1; Он же. О возникновении оседлости и земледелия у древних усуней Семиречья – С. 71-75.

десяток полтора шаров) использовались для обработки и обогащения медной руды в пределах городища Сарыбулун. Плавка обогащенной руды и металлического лома осуществлялась, по всей видимости, здесь же. На городище Сарыбулун, например, найден небольшой слиток бронзы (меди) и несколько фрагментов крупных сосудов из металла, годных лишь к переплавке. Здесь же найден и прямой свидетель местной плавки – литник, который относится к отходам бронзолитейного производства. Подобная находка была сделана и южнее с. Долинка. В водах озера найден медный котелок, наполненный отходами литья. Среди них выделяются странной грибовидной формы (с конической головкой и тонкой ножкой) остатки литейного производства. Эти медные «грибы» когда-то заполняли отверстия в литейной форме – так называемые литники. Отверстия эти напоминали воронки: широкий раструб и узкий круглый в сечении канал, по которому расплавленный металл заливали в форму. Когда жидкий металл застывал и отливка могла сохранять свою форму, на ней оставались минимум два грибовидных нароста, повторяющих форму литников. Их обрубали у самого основания и опять пускали в переплавку. Эти находки, сделанные юными водолазами Пржевальской морской школы, – неоспоримые доказательства местного производства каких-то крупных, судя по размерам литников, изделий из бронзы¹.

Специальное изучение образцов металлических изделий сакского времени Прииссыккулья в научных лабораториях Москвы раскрыло некоторые производственные секреты и технологические приёмы древних металлургов. Аналитическое изучение сакского металла, найденного на территории Иссык-Кульской котловины, позволило прийти к некоторым интересным выводам относительно технологических особенностей изготовления древних изделий. Эти выводы носят сейчас в известной мере условный и предварительный характер в связи с малочисленностью исследованных образцов. Спектроаналитическому исследованию подвергнуто 20 предметов, структурному – 14.

Для отливки инвентаря использовались главным образом металлургически «чистая» медь и оловянная бронза. Из меди изготавливали котлы, котелки, а из оловянной бронзы – преимущественно оружие, орудия труда, а также предметы конской упряжи (кинжалы, наконечники копий, удила, долота). Концентрация олова в составе этих предметов была сравнительно невысокой – от 1,8 до 9%. В единичных (двух) случаях для отливки кинжалов использовалась оловянно-мышьяковая бронза (с содержанием олова 4,5–8%, мышьяка – 3,5–5,0%). Два изделия (наконечник копья и котел) отлиты из мышьяковой бронзы (содержание мышьяка 5,0–5,5%).

Довольно единообразными были и технологические схемы изготовления металлических предметов. Котелки, исследованные методом структурного анализа, отлиты в глиняных или шамотных литейных формах, без последующего деформирующего воздействия на металл. Оружие (кинжалы, наконечники копий) также отливалось в двусторонних литейных формах, после чего лезвийная часть подвергалась незначительной доработке ковкой по холодному металлу. Доработочные операции при этом были направлены преимущественно на заострение лезвийной кромки. Таким образом, технологическая схема изготовления оружия может быть сведена к следующему: литьё и слабая доработка лезвия ковкой (степень деформации 20–40%). Удила изготовлены по схеме: отливка одного звена в двусторонней литейной форме, слабая доработка холодной ковкой с устранением пороков литья, формовка кольцевого окончания этого звена в глину и двустороннюю литейную форму, доливка второго звена.

Вот, пожалуй, и все «секреты» древних металлургов, которые удалось разгадать ученым. Их мало. Однако изучению сакской металлургии Прииссыккулья уже положено начало. Нет сомнения, что дальнейшие металлографические и спектроаналитические

¹ Мокрынин В.П., Плоских В.М. Итоги и перспективы изучения археологических памятников... – С. 70.

² Спектральный анализ проведен в лаборатории естественно-научных методов ИА АН СССР, металлографический – в лаборатории структурного анализа кафедры археологии МГУ. Авторы благодарят кандидатов исторических наук Т.Б. Барцеву и А.Д. Дегтяреву за предоставление результатов анализов.

студии приведут нас к обстоятельным знаниям технологии древних литейщиков и кузнецов, населявших территорию Киргизии в I тыс. до н. э.

Есть основания предполагать, что оседлые поселения Прииссыккуля в те далёкие времена были очагами не только металлургического, но и гончарного производства. Нам еще не удалось найти бесспорных свидетельств (каковыми, например, являются бракованные сосуды, керамические шлаки или остатки обжигательной печи), что на открытых нами поселениях трудились древние гончары, но об этом говорят косвенные данные. Важнейшими из них являются технологическое единство производства и стандартизация форм керамики, найденной в кочевнических курганах и на оседлых поселениях. Они настолько схожи, что практически невозможно различить целые экземпляры сосудов, найденных на городище Сарыбулун и, например, в расположенных от него в 30 км могильниках Каракол и Чельпек.

Как уже отмечалось, еще М. В. Воеводский к М. П. Грязнов обратили внимание на большое количество керамических сосудов в усуньских курганах Прииссыккуля. Тяжёлые и хрупкие, они мало подходили к подвижному быту кочевников-скотоводов, которые предпочитали посуду из кожи и дерева. Керамическая посуда гораздо больше соответствует оседлому образу жизни. Следовательно, заключили ученые, усунь должны были вести не только кочевое, но и земледельческое хозяйство. Доводы М. В. Воеводского и М. П. Грязнова оспаривал А. Н. Бернштам, утверждавший, что сферическая форма керамики усуней не говорит о занятиях земледелием. Она прекрасно приспособлена к кочевому образу жизни, так как шарообразная форма лучше всякой другой сопротивляется на сжатие¹. Более внимательно к наличию большого числа керамических сосудов отнеслись казахстанские археологи. Так, Г. А. Кушаев полагает, что большое количество керамики в курганах Семиречья объясняется двумя причинами: 1) влиянием культуры древнеземледельческого населения Средней Азии и 2) оседанием части усуней и переходом их к занятиям земледелием, начиная с I в. н. э. и позже^{iv}.

К. А. Акишев отметил, что большое количество керамических сосудов в погребениях Семиречья в усуньское время является бесспорным свидетельством оседлого образа жизни. Он видит в этом также показатель высокого социального ранга погребённых, так как, по его наблюдениям, большое количество керамики (до 17 сосудов в одном погребении) появляется сначала в курганах знати и лишь на завершающем этапе развития общества усуней (в III–V вв.) и в курганах рядового населения. Отсюда вывод: на раннем этапе развития усуней (в II в. до н. э. – III в. н. э.) «оседлость была в большей степени присуща родовой и племенной знати и крупным владельцам стад». Более широкие слои населения переходили к оседлости и земледелию позже знати. Иными словами, оседлый бай был древнее оседлого бедняка².

На территории Прииссыккуля тоже раскопаны курганы с большим набором различных керамических сосудов. В могильнике Каракол их было найдено 17, в могильнике Джергес – 5, а в могильнике Соколовка – 15 сосудов в одной могильной яме³.

На наш взгляд, наличие большого количества сосудов в курганных погребениях говорит не столько об оседлости и занятиях земледелием, сколько о тесных экономических связях скотоводов с близко расположенными поселениями, где было развито гончарное ремесло. Эта керамика не случайно имела сферическую форму с округлым дном. Такие сосуды явно были рассчитаны на подвижный, кочевой образ жизни их владельцев. Шарообразная форма сосудов, как заметил А. Н. Бернштам, является самой прочной на сжатие, а значит – наиболее пригодной для транспортировки. К тому же, как мы знаем, кочевники-киргизы успешно перевозили на большие расстояния даже очень

¹ Бернштам А.Н. Археологический очерк Северной Киргизии... – С. 37.

² Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или... – С. 260-264.

³ Акишев К.А. О возникновении оседлости и земледелия у древних усуней Семиречья. – С. 76–78.

^{iv} Воеводский М.В., Грязнов М.П. Усуньские могильники... – С. 174; Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. – С. 50, 58.

хрупкие тонкостенные сосуды из фарфора и фаянса, упаковывая их в специальные футляры (чыныкап). Нам не известны подобные приспособления в культуре древних кочевников, но зато известны факты, когда целые экземпляры круглодонной керамики сакского времени находили за многие сотни километров от места её производства. Так, расписанные красной краской сосуды ферганского производства были найдены в курганах в высокогорных долинах Памиро-Алая, Кетмень-Тюбе и даже близ города Фрунзе.

И ещё одна деталь. Все авторы отмечали рост числа сосудов в погребениях только для позднеусуньского времени, то есть начиная с III в. н. э.¹ Однако в настоящее время известны факты, указывающие на то, что этот процесс начался ещё в сакское время, предшествовавшее усуньскому. Достаточно сказать, что в знаменитом кургане Иссык IV–III вв. до н. э., раскопанном близ Алма-Аты, оказалось свыше 30 сосудов². Это однозначно свидетельствует, что оседлость (а следовательно, земледелие и гончарное ремесло) начала развиваться в Семиречье задолго до позднеусуньского времени.

В свете археологических данных, полученных при исследовании городища Сарыбулун, можно по-новому осветить вопросы, касающиеся экономики саков и усуней Прииссыккуля.

Письменные источники позволяют предположить, что климат Семиречья в I тыс. до н. э. мало чем отличался от современного. «Земли ровные и травянистые; страна слишком дождливая и холодная (с точки зрения уроженца Китая. – *Авт.*). На горах много хвойного леса»³. Климат и географическая среда Прииссыккуля и в наши дни больше благоприятствуют скотоводству. Лишь в восточной части есть хорошие условия для занятия земледелием.

Скотоводство в условиях близости высокогорных пастбищ (джайлоо) от речных долин (кыштоо) с VIII–VII вв. до н. э. могло развиваться только как полукочевое со стационарным жильём на зимовках. Близ зимовок древние скотоводы засевали поля и огороды, разводили сады. Кроме зимовок, появляются крупные поселения с металлургическим, гончарным и другими ремёслами. Некоторые из них, например, Чигу, обносятся крепостными стенами и становятся административно-политическими центрами. Такое хозяйство можно назвать комплексным скотоводческо-земледельческим при ведущей роли скотоводства. В усуньское время, как полагают ученые, земледелие достигает таких успехов, что «каждая усуньская семья была обеспечена продуктами земледелия, главным образом мукой, зерном, а растительная пища всегда входила в рацион питания»⁴.

Действительность, документированная археологическими материалами, в значительной мере корректирует сведения письменных источников о хозяйстве древних скотоводов – оно было комплексным.

Ключом ко всякой науке является
вопросительный знак.
О. Бальзак

САРЫБУЛУН – ЧИГУ?

¹ Если строго придерживаться «фактов, то в III в. до н. э. усуней на территории Семиречья еще не было. Они переселились сюда лишь в самом начале II в. до н. э.

² *Акишев К.А.* Курган Иссык (предварительные итоги раскопок) // В глубь веков. – Алма-Ата, 1974. – С. 62. Автор указывает, что в кургане был найден 31 керамический, деревянный и металлический сосуд, но не отмечает точное число тех или иных. На фотографии, опубликованной здесь же, насчитывается 16 керамических сосудов.

³ *Бичурин Н.Я. (Иакинф).* Собрание сведений... – Т. 2. – С. 190.

⁴ *Акишев К.А.* О возникновении оседлости и земледелия у древних усуней Семиречья... – С. 74.

Сарыбулун – единственное известное археологам крупное поселение I тыс. до н. э. на территории Иссык-Кульской котловины. Письменные источники упоминают название только одного населённого пункта на этой же территории – ставку усуньского правителя Чигу. Возникает вопрос: а не является ли городище Сарыбулун развалинами исторического Чигу? Обратимся к древним хроникам.

Наиболее ранние сведения о Чигу вошли в «Ши-цзи» («Исторические записки») со слов китайского путешественника поневоле Чжан Цяня. Сведения его бесценны. Он единственный из информаторов, кто лично посетил усуньского владыку в его ставке – городе Чигу.

История жизни Чжан Цяня напоминает приключенческий роман. Честолюбивого, умного и энергичного молодого человека, обладавшего, к тому же, склонностью к авантюрам и недюжинной физической силой, давно тяготило положение мелкого чиновника без протекции, а следовательно, и без видимых перспектив продвижения по службе. Для карьеры нужен был случай, и он представился.

Династия Хань решила нанести удар по усилившимся на севере кочевникам-гуннам. Но для этого нужен мощный союзник. Таким союзником в тот момент могли быть только сильные племена юечжей, претерпевшие от гуннов много кровных обид. Император Ву-ди поручил подобрать достойную кандидатуру на почётную роль посла, который сумел бы склонить юечжей на довольно-таки рискованный политический акт. Видные ханьские чиновники не спешили занять эту престижную должность, так как при удаче они мало что приобретали, а при неудаче теряли всё, ибо путь к юечжам лежал через владения враждебных Китаю гуннов. Чжан Цяню нечего было терять. Он добровольно вызвался возглавить опасную миссию и, за отсутствием конкуренции, двор удовлетворил его просьбу.

В 138 г. до н. э. посольство Чжан Цяня пересекло северную границу Китая и тотчас было задержано разъездами гуннов. Шаньюй (хан) кочевников смекнул, что послы Китая к юечжам несут «не мир, а меч». Он задержал послов в орде, вполне резонно заявив: «Юечжи от нас на севере; по какому же праву Дом Хань отправляет туда посланника? Если бы я захотел отправить посланника в Юе (владение в Южном Китае. – *Авт.*), то Дом Хань согласился бы на моё желание?»¹. Слова и дела шаньюя свидетельствуют о его дипломатической дальновидности, основанной на отличном знании политических методов династии Хань. Но шаньюй не знал Чжан Цяня и поэтому допустил грубый промах, предоставив ему полную свободу, разумеется, в пределах своей орды. Шли годы. Неудачливый посол стал как бы меньше ростом. Серым, незаметным. Изучил речь степняков, их обычаи, нравы. Стал лихим наездником. Стрелял без промаха из лука. Он даже женился на кочевой красавице, которая родила ему сына. Казалось, китайский дипломат совсем смирился с жизнью в орде. Однако это только казалось. Чжан Цянь надёжно припрятал знаки достоинства посла и держал поблизости от себя всех членов своей миссии. Он ждал случая. Случай представился через десять лет, и китайцы бежали в Фергану.

В то время земли Средней Азии совершенно не были известны в Китае. Чжан Цянь и члены его посольства с удивлением смотрели на многоводные каналы, прекрасно возделанные сады и поля, большие и богатые города с высокой и своеобразной культурой, с собственной системой письма и разнообразными ремёслами. Здесь жили люди, совсем не похожие на китайцев: У них были широко раскрытые глаза и длинные густые бороды. Больше всего чужеземцев поразили здешние красавцы-аргамаки с лебедиными шеями и тонкими длинными ногами с маленькими копытцами. Ферганцы говорили, что эти кони небесного происхождения, потеют «кровавым потом», им нет равных в резвости и выносливости. Но ещё больше пришельцев поразила виноградная лоза и приятный сок винограда, после употребления которого легко кружилась голова, появлялась приятная

¹ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений... – Т. 2. – С. 148.

истома и даже чужие бородатые ферганцы, наполнявшие белые глиняные чаши, расписанные красными узорами, казались милыми и близкими людьми. Гостеприимные ферганцы и не подозревали, что рассказы этого бродяги о чудесах Средней Азии настолько возбудят алчность китайского императора, что через несколько лет за прекрасными аргамаками и виноградной лозой будут посланы сотни тысяч китайских солдат. Они дойдут до Ферганы. Возьмут десяток – другой лошадей, несколько сотен виноградных побегов. Только в Китай вернутся немногие из них: пятеро из каждых шести погибнут в борьбе с населением «Западного края», добывая скромные трофеи.

Больше года странствовал Чжан Цянь по среднеазиатским владениям. Политическая ситуация в Центральной Азии за долгие годы его плена в корне изменилась. Юечжи, завоевав богатую Бактрию, и слушать не хотели о войне с гуннами. Владетели среднеазиатских государств с интересом воспринимали рассказы о богатствах Китая, но не желали воевать за чуждые им интересы. Чжан Цянь решил вернуться в Китай через земли тибетцев и снова был схвачен гуннами. Через год (126 г. до н. э.), воспользовавшись очередной междоусобицей, резней и смутой в орде, Чжан Цянь опять бежал.

Печальным было его возвращение на родину. Поручение императора не было выполнено, а из сотни с лишним человек, составлявших посольство, через тринадцать лет возвратилось лишь двое. Однако географический кругозор китайцев неизмеримо расширился. Чжан Цянь поведал, а чиновники записали диковинные сведения о новых экзотических странах Запада: Фергане, Кангюе (Средняя Сырдарья), Согде, Бактрии, Хорезме, Усуни и других среднеазиатских владениях. Многие современные исследователи считают, что путешествие Чжан Цяня положило начало широкой межконтинентальной торговле по Великому шелковому пути.

Для историков Киргизии важны первые сведения об усунях и их ставке Чигу, полученные Чжан Цянем, скорее всего, в Фергане: «Усунь лежит почти в 2000 ли от Давани (Ферганы. – *Авт.*), на северо-восток»¹. В своем комментарии к этому тексту Н. Я. Бичурин вполне справедливо отметил, что здесь под термином «усунь» разумеется ставка владетеля – «городок Чигу»². По его мнению, этот «городок» располагался где-то на территории между северо-восточной оконечностью озера Иссык-Куль и южным берегом р. Или³. Но на своей исторической карте, составленной в 1851 г., учёный располагает Чигу на южном берегу Иссык-Куля несколько западнее р. Тосор⁴.

Нужно отметить, что Н.Я. Бичурин некритически относился к расстояниям, указанным в китайских источниках, и принимал их на веру при идентификации тех или иных топонимов. Настораживает факт, что те же 2000 ли фигурируют при определении расстояния не только между Ферганой и Чигу, но и между Ферганой и Кангюем, Канпоем и Янцаем, Ферганой и Бактрией и т. д., то есть имеются все основания полагать, что эта цифра была трафаретной для даваньских информаторов и лишь весьма примерно отражала действительные расстояния между Ферганой и ставками сопредельных государств.

Более конкретные материалы для локализации Чигу приведены в «Цзяньханыпу» («История старшей династии Хань»). Здесь отмечено расстояние до ставки усуней от точно фиксированного пункта – Чанъани – старой столицы застенного Китая: «Правление усуньского большого гуньми (верховного вождя. – *Авт.*) в городе Чигу, от Чанъань в 8900 ли»⁵. Относительная точность указанной цифры проверяется другими данными, содержащимися в той же хронике: «Правление аксуского владетеля в городе Выньсу (современный Ак-су. – *Авт.*) от Чанъань в 8350 ли. на север до усуньского Чигу 610 ли»⁶.

¹ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений... – Т. 2. – С. 150. (Ли = примерно 0,5 км).

² Там же. – Примеч. 4.

³ Там же. – С. 190.

⁴ Умурзаков С. С четырех сторон горизонта. – Фрунзе, 1983. – С. 31.

⁵ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений... – Т. 2. – С. 190.

⁶ Там же. – С. 199.

Как видим, расхождение между цифрами составляет лишь 60 ли, то есть всего 30 км. Самой важной для локализации Чигу является цифра, фиксирующая его удаленность от Аксу. Указанное расстояние (610 ли, т. е. 305 км) выводит исследователя, если учесть, что караванные пути шли через перевал Бедель, прямо к юго-восточному побережью озера Иссык-Куль. Однако доверие к знаниям китайскими историками действительных расстояний между отдельными географическими пунктами серьезно подрывает более поздняя хроника «Бейши» («История северных династий»). Расстояние от тогдашней столицы Китая до Чигу оказалось, если верить «Бейши», не на 610 ли больше, чем до Аксу, а на 410 ли меньше¹.

В «Цзяньхяньшу» имеются существенные детали, позволяющие создать представление (правда, весьма туманное) о внешнем и внутреннем облике усуньской ставки в I в. до н. э. Сам владетель предпочитал жить «в круглой хижине, обтянутой войлоками»². Значит ли это, что владыка усуней жил в разборной юрте?³ По-видимому, нет, так как юрта в полном смысле этого слова, т. е. жилище кочевников с разборным решетчатым остовом, появилась гораздо позже. Исследователи архаичных жилищ кочевников установили, что «изобретение юрты и ее распространение относится к середине I тысячелетия н. э. и связано с древнетюркской средой»⁴. Скорее всего, усуньский владетель обитал в крытом войлоком круглом неразборном жилище гуннского типа. Остается неясным, было ли такое жилище сезонным или в нем жили круглый год.

Наличие войлочных неразборных жилищ ставки усуней не исключало сооружение построек из глины или камня. Такие постройки раскопаны археологами на поселениях усуней близ города Кара-Балта (Киргизия) и в долине реки Кегень (Казахстан). Нельзя исключить и срубные деревянные постройки, известные пока только по облицовкам могильных ям⁵. В Чигу были и капитальные вместительные сооружения. Известно, что для китайской принцессы, выданной замуж за усуньского владыку, и ее придворного штата в Чигу был выстроен дворец⁶. Дворец принцессы, скорее всего, был не дворец в полном смысле слова, а богатая усадьба, построенная по образцу ханьских жилищ состоятельных людей. Терракотовые модели таких усадеб известны по археологическим находкам в Китае. Они представляли собой несложные каркасные бесфундаментные сооружения, включавшие жилой дом, помещение у ворот, амбар, кухню, башню и другие хозяйственные постройки, образующие замкнутый четырехугольник, иногда разделенный внутренней стеной. Двускатная черепичная крыша опиралась на две внутренние деревянные колонны⁷. До наших дней от такого дворца могут дойти лишь остатки плоской и полуцилиндрической черепицы, а также каменные базы для двух несущих колонн. О сооружении дворцового типа на иссык-кульском поселении Сарыбулун свидетельствует находка в воде на глубине 1,5 м монолитной каменной базы для колонны. База представляет собой невысокий цилиндр, расположенный на неправильной формы пятиугольном плоском основании. По своей форме сарыбулунская база отдаленно

¹ Там же. – С. 258.

² Там же. – С. 192.

³ См.: *Заднепровский Ю.А., Кожомбердиев И.К.* Кочевники в VI в. до н. э. – середине VI в. н. э. // *История Киргизской ССР.* – Т. 1. – С. 148. Авторы утверждают: «Жилищем усуням служила войлочная юрта, хорошо приспособленная к условиям полукочевой жизни и быта».

⁴ *Вайнштейн С.И.* Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии // *СА.* – 1976. 6 4. – С. 46;

Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос в средние века. – С. 141-143.

⁵ *Абетеков А.К.* Новые археологические данные о хозяйстве древних усуней / *Первобытная археология Сибири.* – Л., 1975. – С. 137-138; *Акишев К.А.* Зимовки-поселения и жилища древних усуней // *Изв. АН Каз. ССР. – Сер. обществ. наук.* – 1959. – № 1. – С. 29-47; *Он же.* О возникновении оседлости и земледелия у древних усуней Семиречья // *По следам древних культур Казахстана.* – Алма-Ата, 1970. – С. 69-78.

⁶ *Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Собрание сведений... – Т. 2. – С. 192.

⁷ *Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров П.Н.* Древние китайцы в эпоху централизованных империй. – М., 1983. – С. 212-219.

напоминает современные железные наковальни, однако едва ли была таковой, так как легко могла расколоться при ударе молотом.

В китайских источниках название усуньской ставки буквально передано как «Чигучэн», где термин «чэн» означает укрепленное стенами поселение. В «Цзяньханшу» при описании смуты во владениях усуней упомянуто, что гарнизон Чигу выдержал многомесячную осаду превосходящих сил противника¹. Последнее обстоятельство позволяет предполагать наличие если и не неприступных, то вполне солидных фортификационных укреплений вокруг города.

Никаких других сведений о Чигу в письменных источниках нет. Все ранее предполагаемые локализации Чигу страдали одним существенным недостатком – они были связаны с конкретным археологически памятником, относящимся к античному времени. Письменные источники достаточно определенно указывали на район Юго-Восточного Прииссыккуля – от р. Тосор до р. Тон. Точную локализацию затрудняла путаница в древних картах, на которых Чигу были отмечены кроме Иссык-Куля и в Кочкорской и даже в Чуйской долине. С. Умурзаков, специально исследовавший этот вопрос, полагает, что на древних картах, видимо, нет путаницы. Разнобой был вызван тем, что на картах обозначался не сам «Город Красной долины», а различные ставки усуньских кунбагов, местопребывание которых в разное историческое время менялось, но название ставки по традиции оставалось прежним. Заслуживает пристального внимания попытка С. Умурзакова связать Чигу с известными по источникам городами Кункат и Багкат². Это отождествление, как представляется, требует более убедительной системы доказательств.

В связи с открытием крупного поселения I тыс. до н. э., лишь частично освобожденного из подводного плена озера Иссык-Куль, мы вправе поставить вполне резонный вопрос: а не является ли городище Сарыбулун развалинами так долго и безуспешно разыскиваемого города Чигу?

В пользу правомерности предлагаемой нами идентификации можно выдвинуть следующие аргументы:

1. Городище Сарыбулун расположено на юго-восточном побережье оз. Иссык-Куль, где, согласно письменным источникам, и должен был находиться исторический Чигу. Прежние поиски учеными развалин этого города не выходили за границы треугольника Тюп – Пржевальск – Тосор.

2. Большая площадь распространения и плотная насыщенность ее остатками материальной культуры свидетельствуют в пользу того, что здесь была расположена не заурядная зимовка, а крупный по тем временам населенный пункт, среди построек которого были капитальные сооружения. Письменные источники, как было сказано выше, упоминают только один относительно крупный населенный пункт в стране усуней – Чигу.

3. Косвенным подтверждением гипотезы Сарыбулун = Чигу может служить этимология термина Чигу – «Красная долина». А.Н. Бернштам в свое время придавал решающее значение этой этимологии. Он предложил искать Чигу в районах выхода горных пород красного цвета – от Джеты-Огуза до ущелья Джууки³. Ровная долина, на которой расположено ранее затопленное поселение Сарыбулун, тоже красная. Красный цвет ей придает обильно растущая здесь невысокая разновидность полыни (верблюжья пустынка) не зеленого или седого, а действительно красного цвета. О причинах необычайной метаморфозы с цветом растений на бывшем дне озера еще скажут специалисты. Для нас важно то, что долину, как в наши дни, так и в древности, вполне можно назвать красной. Следовательно, можно предположить, что и поселение, расположенное на ней, могло именоваться «Город Красной долины». По сути дела, современный киргизский топоним Сарыбулун (желтый угол) тоже относится к разряду цветовой топонимики, по законам которой цвет «сары» (желтый) находится в одном ряду

¹ Умурзаков С. С четырех сторон горизонта... – С. 31.

² Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрания сведений... – Т. 2. – С. 195.

³ Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. – С. 97.

с «Кызыл» (красный). Оба термина равнозначны, известны варианты топонимов с их взаимозаменой.

Привязка исторического Чигу к определенному городищу имеет важное научное значение. Если дальнейшие изыскания подтвердят наше предположение, то скудная письменная история города-ставки усуньских кунбагов получит не только точную локализацию на местности, но прочную фактологическую базу, покоящуюся на беспристрастных и многочисленных археологических материалах. Отождествление городища Сарыбулун с Чигу уже сейчас, на предварительной стадии обобщения археологических материалов, позволяет установить многие ранее неизвестные факты, имеющие не только историко-познавательное, но и политическое значение. Важнейшие из них:

1. Чигу не был основан какими-либо иноземцами во II в. до н. э., как это представлено в некоторых современных трудах зарубежных ученых. Он уже существовал и только впервые упомянут в китайских летописях в связи с событиями этого времени. Жизнь на городище документируется археологическими находками, по меньшей мере, на 500 лет раньше этого первого упоминания, что позволяет предполагать местоположение здесь ставки еще раннесакских вождей.

2. Чигу был не только городом-ставкой кочевого владыки, но и городом ремесленников и земледельцев.

3. Культура оседлого населения Прииссыккулья в I тыс. до н. э. была тесно связана с культурой среднеазиатских поселений и прежде всего Ферганы.

2 ВЕРХНИЙ БАРСХАН

Когда б из Хытая не быть караванам,
Привез ли бы кто-нибудь ткани шелка нам?
И если б торговцам в походах не быть,
Кто смог бы увидеть жемчужную нить!
Юсуф Баласагунский

НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ

Иссык-Куль – жемчужина Тянь-Шаня

Купцы и путешественники вот уже свыше двух тысячелетий не только проходили по его берегам в поисках барышей и знаний, но, что очень важно, оставили восторженные и деловые записи о своих маршрутах.

Одним из самых любопытных и интригующих в исторической литературе является сюжет о романтике странствий – Великом шелковом пути, одной из своих ветвей пролежавшем по Иссык-Кулю. Караваны, флегматичные верблюды с выюками шёлка на спинах, с колокольчиками на шеях, пески, пустыни, оазисы с холодной родниковой водой, высокогорные перевалы, разбойники за каждым поворотом...

Здесь разворачивались трагедии и фарсы, а иногда и настоящие детективные сюжеты, когда смельчаки дерзко обходили закон, каравший смертью всех, кто попытается вывезти коконы шелкопряда за пределы Китая. Помните хитрого монаха, который, презрев жестокие законы, под страхом смерти похитил коконы шелкопряда, спрятал их в выдолбленный посох и, обманув бдительную стражу, доставил главный ремесленный секрет Китая в Византию?

Известен и иной вариант, согласно которому иноземный принц, сыграв на легкомыслии своей юной невесты – дочери китайского императора – лишил Китай монополии на шелк. Прием, который применил жених, был банальный, но неотразимый и в наши дни. Между будущими мужем и женой якобы состоялся диалог примерно следующего содержания:

– Как вы прекрасны в этом шелковом наряде!

– Ах!... (На нежном личике счастливая улыбка). – Какая досада, что в моей стране нет шелковичных червей и вам придется довольствоваться платьем из грубых тканей.

– Ох!...(На нежном личике искреннее огорчение). – А не спрятать ли вам всего несколько коконов в вашу чудную прическу, тогда только для вас мы будем шить платья из шелка. Все дамы при моем дворе просто умрут от зависти.

– Ух!... – сказала дочь императора с мужской решимостью на нежном личике, спрятала коконы шелкопряда в свою пышную прическу и укатила в другую страну.

Эту легенду (или быль?) французский экономист, специалист по научной разведке Жан Бержье считает классическим примером промышленного шпионажа в глубокой древности, но, увы, далеко не первым (Первым, вероятно, был шпионаж с целью раскрытия секрета добывания огня)¹.

Позже на трассах Шелкового пути охотились за секретами «греческого огня» – этакое напалма средневековья, за тайнами пороха, фарфора... На неискушенный взгляд, древняя торговая трасса представляла собой сплошную романтику купеческих походов с детективным уклоном. На самом деле повседневная реальность на Великом шелковом пути была не романтической и не детективной. Была гигантская торговая артерия, функционировавшая полтора тысячелетия, которая тесно связывала исторические судьбы многих стран и народов, был бесперебойно действовавший ретранслятор не только товаров и технологий, но и идей» религиозных и философских систем. Главной фигурой на Шелковом пути был не обаятельный принц или простушка-принцесса, а купец, воин и монах, за которыми стоял труд многих и многих поколений простых людей.

Возникновение Великого шелкового пути во II в. до н. э. связывают с путешествием Чжан Цяня, о котором мы уже знаем. Но это не совсем верно. В Китае, Средней Азии и на Переднем Востоке с древнейших времен складывались локальные системы торговых путей, например, «базальтовый путь» в Передней Азии. В неолитическое время системы торговых путей Передней и Средней Азии связал мостик так называемого «лазуритового пути», по которому знаменитый бадахшанский самоцвет попадал в Египет, Шумер, Аккад и другие месопотамские государства. На Китайской равнине в Центральной Азии и Южной Сибири тысячелетиями формировались свои традиционные пути. Великий шелковый путь стал самим собой лишь тогда, когда между двумя уже сложившимися системами торговых взаимосвязей, территориально разделенных горами Памира и Тянь-Шаня, был перекинут соединительный мост. Это знаменательное событие в истории культуры человечества произошло во II в. до н. э.

Шелковый путь, названный по основному товару транспортировки и торговли, начинался в центральных районах Китая и вел на запад к Дуньхуану. Здесь он раздваивался на северный и южный. Северная ветвь пролегла через Турфан, Кашгар, Фергану, Самарканд, Мерв, южная – через Хотан, Яркенд, Балх, Мерв. В Мерве обе ветви Шелкового пути соединялись и далее на запад караваны шли через Нису, Исфаган, Багдад и далее к портам Средиземного моря. Протяженность этой первой мировой трансконтинентальной торговой трассы превышала 7000 км. Основное направление Шелкового пути не менялось никогда, но локальные изменения на равнинах происходили довольно часто. Практически неизменными были горные дороги, пролежавшие по ущельям, перевалам и высокогорным сыртам. Как известно, горы далеко не везде проходимы, что лишало караванщиков возможности выбирать дорогу по своему усмотрению.

Значение Шелкового пути стало катастрофически падать в связи с началом великих географических открытий и прокладки мировых морских трасс в XIV в., да так

¹ Бержье Ж. Промышленный шпионаж. – М., 1971. – С. 32-33.

стремительно, что к XVI в. он уже практически утратил свое прошлое экономическое и культурное значение.

Города на трассе бывшего процветания, в том числе и в окрестностях Иссык-Куля, пришли в упадок, многие из них были покинуты жителями и стали обиталищем сов и лихих людей. Другие значительно сократили свою площадь и численность населения. Застой в экономике неизбежно повлек за собой консервацию общественных отношений и культурной жизни. Восток стал отставать от быстро развивающегося Запада. То, чего не могли сделать многочисленные войны за преобладание на Шелковом пути, то, что не могли уничтожить даже кровожадные орды Чингисхана, шутя совершил нарождающийся европейский капитализм. Стремительно развивающееся морское судоходство сделало караванную торговлю по суше экономически невыгодной. Парусные многомачтовые суда даже против ветра шли быстрее верблюдов.

Где же конкретно трасса Шелкового пути пересекала территорию Киргизии? Да и как можно определить направление Шелкового пути? Не мостили же камнем древние дороги для караванов, состоящих из верблюдов и мулов? На этот вопрос ответили еще ученые XIX в., изучавшие средневековые сочинения, и археологи XX в., исследовавшие древние города и погребения.

Мощных дорог в древности действительно не было, поэтому ученые не могут указать совершенно точно и безапелляционно: «Вот на это место ступила нога верблюда средневекового торгового каравана». Да такая точность и не нужна. Общее направление торговых трасс определяют несколькими методами в зависимости от географического положения исследуемого региона. Легче всего в густо населенных местах, которые были только в зонах земледелия. Сохранились средневековые сочинения, так называемые «дорожники», которые поочередно называли цепочку городов на Шелковом пути и даже расстояние между ними. Остается взять эти сочинения, изучить китайский, арабский, персидский языки, отождествить упоминаемые в дорожниках пункты с современными, соединить их на карте одной линией, и трасса того или иного участка мировой торговой трассы восстановлена.

А как быть, если вы, изучив все древние письма и языки, в одном из сочинений весьма почтенного возраста читаете: «От Тараза до Кавакета 7 фарсахов. Оттуда до местопребывания царя кимаков 80 дней пути, на который берут (с собой) провизию»¹. По письменным источникам мы знаем, что Тараз – современный город Джамбул, Навакет – развалины к северо-востоку от него, царь кимаков в IX в. (время написания источника) жил на берегах среднего течения р. Иртыш. Можно ли в таком случае соединять на карте город Джамбул и Павлодарское Прииртышье прямой линией для представления о торговой трассе? Увы, нельзя. Так мы можем вынудить торговый караван пересечь озеро Балхаш «аки по суху».

В таких случаях на помощь приходит археология. В источнике ясно сказано, что к кимакскому царю путь ведет по местам малонаселенным, где нет земледельческих городков, так как караванщикам рекомендуется запастись провизией. Там можно встретить только кочевников, которые сами охотно купят у караванщиков муку, крупу, сладости, фрукты и овощи. В обмен кочевники из съестного могут предложить только скот и продукты скотоводства. Среднеазиатские купцы везли к кимакам ценные ткани, сосуды из серебра и бронзы, зеркала, женские украшения и особенно много бус из сердолика, горного хрусталя, агата и стекла. Многие из этих товаров оседали по пути к кимакам в кочевьях скотоводов. Их покупали, получали в подарок, взимали как плату за то, что пропускали караваны по своим землям. А при случае кочевники и грабили малочисленные караваны. Владельцы привозных вещей ценили свои сокровища не только при жизни. После смерти бусы, зеркала, сосуды и другие ценные вещи клали вместе с

¹ Волин С. Сведения арабских источников IX–XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. – Алма-Ата, 1960. – С. 74.

покойными в могилу. В наши дни их находят археологи. Если нанести на карту археологические находки привозных вещей, то окажется, что наибольшей густота их встречаемости будет как раз вдоль трассы торгового пути.

А как же в пустыне, где даже древних курганов либо нет, либо очень мало? В пустыне, как и в горах, торговый путь менялся очень редко – он должен был вести только от колодца к колодцу. Вторым индикатором торгового пути в пустыне являются кости павших животных, а нередко и людей. Они скапливались за многие сотни лет, и теперь места их нахождения, как пунктиром, обозначают былой трудный путь торговых людей в далекие страны.

Поразительные возможности для установления истинных торговых путей с точностью до сантиметра позволяет современная техника, о чем свидетельствует опыт американских ученых, о котором рассказывала, например, канадская газета «Глоб энд мейл». С помощью телеметрического оборудования, установленного на спутнике «Лэндстат IV» и самолетах, летающих на больших высотах, удалось обнаружить тропинки у доисторических индейских поселений на северо-западе Коста-Рики. Эти тропинки были скрыты не только джунглями, но и мощным слоем вулканического пепла толщиной в несколько метров. Тропинки соединяли отдельные селения древних индейцев и густой сетью покрывали пространство вокруг каждого из них. Оказывается, что отдельные дорожки были протоптаны к родникам, каменоломням, кладбищам, ритуальным местам¹.

Выявление трассы Шелкового пути в средневековом Киргизстане определялось первым из указанных нами методов. И она вырисовывается довольно отчетливо. Установлено, что северная дорога на территории Киргизии делилась на две ветви: Фергано-Алайскую и Чуйско-Иссыккульскую. Перед караванщиками, вышедшими из Самарканда, возникала дилемма: каким же путем следовать дальше? Механизм выбора не совсем ясен для нас: известно, что караваны следовали по обеим ветвям. В Ферганской долине путь вел по предгорьям, где было много цветущих селений, пока путники не прибывали в город Ош. Из Оша недалеко было до городка Медва (современное с. Мады), а оттуда караванам предстоял нелегкий путь через перевал Талдык, Алайскую долину, Иркештам в Восточный Туркестан.

Другая ветвь пересекала Ташкентский оазис и вдоль северных отрогов Киргизского хребта вела в Чуйскую долину в богатые города Невакет (близ современного с. Красная Речка) и Суяб (развалины у современного г. Токмак). Отсюда было уже рукой подать до озера Иссык-Куль, где располагались тоже значительные торговые центры на Великом шелковом пути².

Однако на Иссык-Куле исследователей ждет неприятный сюрприз: средневековые города и поселения, через которые проходила торговая трасса, со временем по ряду причин оказались на дне озера. Это обстоятельство делает непригодными названные выше методы определения направления торговых путей (кроме, вероятно, космического, но который еще не применялся в нашей стране). Нужен был подводный поиск, и он был начат. Киргизские археологи, взяв на вооружение современные акваланги и в помощники московских энтузиастов подводного плавания, пришли на Иссык-Куль. Прежде чем приступить к подводным работам, нужно было хотя бы примерно знать, где же их начинать? Неоценимую помощь при ответе на этот вопрос оказали свидетельства средневековых письменных источников.

¹ Известия. – 1987, 27 мая.

² Более подробно о средневековых торговых путях Киргизии см.: *Бартольд В.В.* О христианстве в Туркестане в домонгольский период (По поводу семиреченских надписей) // Соч., т. 2, ч. 2. – М., 1964; *Бернштам А.Н.* Археологический очерк Северной Киргизии. – Фрунзе, 1941; *Караев О.К.* Арабские и персидские источники IX–XII вв. о киргизах и Киргизии. – Фрунзе, 1968; *Мокрынин В.П.* Торговые связи Киргизстана (VI–X вв.) // Арабо-персидские источники о тюркских народах. – Фрунзе, 1973.

Ещё род людей есть, кто знанием богат, –
Их знания звездой путеводной горят.
Любезен, учтив, будь с такими людьми,
Хоть малое знание от них перейми.
Юсуф Баласагунский.

ГОРОДА ПРИИССЫККУЛЬЯ ГЛАЗАМИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ АВТОРОВ

Сюань Цзян на Иссык-Куле

Восьмого месяца 629 г., смешавшись с толпой слуг, сопровождавшей большой торговый караван, из западных ворот древней столицы Китая Чанъань вышел молодой человек в скромном платье буддийского монаха. С ним было два верных друга – крепкий бамбуковый посох, помогавший не отставать от ходко шагающих верблюдов, и медная чаша для сбора подаяний – единственная его кормилица. Бросая в чашу горсточку проса или кусок лепёшки, караванщики и не подозревали, что их нищенствующий спутник является одним из самых светлых умов танского Китая. Весть о нем будет лететь быстрее самых быстрых дромадеров. Монаха с почетом будут принимать владетельные князья и правители городов. Даже гордый и всемогущий каган тюрков с уважением выслушает горячие проповеди монаха и с почтением проводит из своей роскошной столицы Суяб на р. Чу. Через пустыни и оазисы, через горы и реки путник преодолеет многие тысячи километров, дойдет до Индии, впитает всю буддийскую премудрость и через семнадцать лет вернется на родину в зените славы и всенародного обожания. После его смерти даже надменный «сын неба» император Гао Цзун (правил в 650–683 гг.) выделит на его похороны государственные средства и скажет: «Наша страна лишилась сокровища»¹. Но это будет потом...

Один из величайших землепроходцев Сюань Цзан, имя которого современные ученые ставят в один ряд со знаменитыми Марко Поло, Гильомом Рубруком и Плано Карпини, родился в 602 г. близ Лояна (ныне провинция Хэнань). Любопытный, не по годам серьезный и замкнутый мальчик рано пристрастило к наукам, особенно к буддийской философии. В тринадцатилетнем возрасте он уходит в монастырь, где своей ученостью вскоре превзошел всех местных мудрецов. Обладая феноменальной памятью, юноша без труда выучил наизусть и без запинки пересказывал все важнейшие буддийские сутры, чем поразил и изумил не только монастырских братьев, но и всю округу. Шутя, завоеванная популярность претила Сюань Цзану. Он ее просто не замечал. Искренне верующего монаха почти физически мучили многие противоречия и спорные вопросы буддизма, которые быстро заметил его острый ум, но разрешить которые еще не позволяли знания. Сюань Цзан решил продолжить образование на родине буддизма – в Индии и обратился за разрешением на выезд к императору. Тот не разрешил. Тогда монах положился на судьбу и отправился без разрешения. Путь его в желанную Индию лежал через пустыню Такла Макан, через высочайшие перевалы Тянь-Шаня, южный берег Иссык-Куля, Чуйскую и Таласскую долины, через Ташкент, Самарканд, Кабул.

Как показали исследования, Сюань Цзан большую часть своего пребывания в Индии провел в монастыре Ниланда (княжество Магадха), где шлифовал свое образование под руководством девяностолетнего главы мира буддийской учености Шилабхадры². После пяти лет обучения с громадным количеством книг и кумиров, которые с трудом поднял сильный слон, Сюань Цзан отправился в обратный путь. Его возвращение было триумфальным. Учитывая это, император Тан Цзан (правил в 627–649 гг.) не только

¹ Шихуа о том, как трипитака великой Тан добыл священные книги. (До Тан Сянь-Цзан цюй цзии ихуа) / Пер. с кит., вступ. ст. и прим. Л. К. Павловской. – М., 1987. – С. 30.

² Там же. – С. 37.

обласкал ослушника, но даже задним числом выдал разрешение на путешествие, из которого он уже вернулся. До конца своих дней (умер в 664 г.) Сюань Цзан проделал титаническую работу: он перевел на китайский язык семьдесят четыре буддийских сочинения, восстановил на санскрите по старым китайским переводам в то время уже утерянную в Индии одну из основополагающих сутр, перевел на санскрит главное сочинение даосов т. д. Но главным его трудом стали не многочисленные религиозные книги, а единственное светское сочинение продиктованное одному из собратьев по вере, в котором он поведал о западных странах. Его путешествие произвело столь сильное впечатление на современников и потомков, что яркую личность религиозного деятеля Сюань Цзана затмил образ героя-землепроходца Сюань Цзана¹.

Следует особо отметить, что путешествия Сюань Цзана и его последователей значительно обогатили культуру средневекового Китая. До сих пор китайские археологи не устают удивлять научный мир сенсационными открытиями вещественных свидетельств таких путешествий. Недавно при расчистке фундамента рухнувшей древней пагоды в подземном склепе было обнаружено богатейшее собрание уникальных художественных ценностей. Среди находок выделяются позолоченный сосуд в виде спящей черепахи, лакированная посуда, шелковые одеяния с богатым орнаментом. Как утверждают эксперты, среди сокровищ были обнаружены кости пальцев, будто бы принадлежавших основателю буддизма принцу Шакьямуки. Каждая косточка хранилась в футляре, отделанном золотом, серебром, нефритом, хрусталем и благовонным сандаловым деревом. Они были привезены из Индии и переданы храму в танскую эпоху, то есть в ту же эпоху, когда жил Сюань Цзан².

Путешественник Сюань Цзан оставил свой след и в истории Киргизии. Ему принадлежит заслуга первого описания северной ветви Великого шелкового пути, городов, обычаев, населения, нравов при дворе западнотюркского кагана Тон-джабгу (правил в 618–630 гг.), оленьего заповедника Мин-Булак в Таласской Долине и многого другого. Сюань Цзану принадлежит и приоритет описания озера Иссык-Куль.

Пройдя через города Восточного Туркестана, которые путешественник подробно описал, он через перевал Бедель достиг высокогорных долин Центрального Тянь-Шаня, где, казалось, не ступала нога человека. Суровый край. Здесь зимой и летом сохраняются первозданной чистоты льды и снега. Тропы труднопроходимы. Свирепый ветер бросал в лицо путникам хлопья снега вперемешку с песком и камнями. На глазах паломника несколько верблюдов вместе с поклажей сорвались в пропасть. Гибли и путники. «Трудно сохранить жизнь», – констатирует Сюань Цзан³. Наконец, пройдя 400 ли (около 200 км), путник вышел к южному берегу озера Иссык-Куль.

Сюань Цзан приводит сразу три названия озера и все три точно, как удачные эпитеты, характеризуют его сущность: Прозрачное море, Горячее море, Соленое море. Далее следует довольно верное описание его размеров и очертаний: «В окружности его (Иссык-Куль. – *Авт.*) 1000 с небольшим ли (около 500 км. – *Авт.*), с запада на восток длинно, с севера на юг узко. Со всех сторон окружено горами, множество потоков [стекает в него]. Цвет воды зеленый, а вкус горько-соленый; воды его бушуют и вздымаются в виде огромных валов. Драконы и рыбы живут в нем, и время от времени всплывают необыкновенные чудовища. Поэтому путешественники, проезжающие здесь, молятся о благополучном окончании путешествия. Хотя водная фауна богата, рыболовством никто не занимается»⁴.

Описание озера Сюань Цзаном, точное и конкретное в своей основе, несколько смущает современного читателя упоминанием о драконах и других чудовищах, якобы

¹ Там же. – С. 31.

² Известия. 1987. 5 июня.

³ Сюань Цзан. Да тан сиюйцзи // Вэньсюс каньсин ше. 1955, 1, 8а. (на китайском яз.). Авторы благодарят кандидата исторических наук Г.П. Супруненко за любезно предоставленный перевод текста.

⁴ Там же.

обитавших в пучине озера. Скорее всего, и сравнительно точные размеры озера, и правильные его очертания сообщили путешественнику местные жители, обильно разбавив свои рассказы легендами. Стоит ли удивляться склонному к чудесам и экзальтации буддийскому монаху VII в., поверившему в иссык-кульских чудовищ, если в наши дни серьезные ученые устанавливают новейшую электронную аппаратуру на дне озера Лох-Несс в Шотландии, чтобы сфотографировать динозавра Несси, якобы дожившего до эры компьютеров?

Покинув берега Иссык-Куля, Сюань Цзан пришел в Чуйскую долину, описание которой он начал с повествования о городе «генерала» Пэйло, подробного рассказа о Суябе (городище Ак-Бешим близ Токмака) и десятке других городов.

А что же города Прииссыккуля? Почему великий землепроходец, описав города Восточного Туркестана и Чуйской долины, ни разу не обмолвился о лежащих между ними иссык-кульских городах и поселениях? Можно ли допустить, что Сюань Цзан, помнивший слово в слово большинство длинейших сутр, забыл о них? Маловероятно. Может быть он, зорко подметив, что даже цвет воды озера и качество тканей, из которых были сшиты одеяния кагана Тон-джабгу, просто не заметил городов Прииссыккуля? Абсолютно исключено. Отсюда вывод: в первой трети VII в. на северной трассе Великого шелкового пути между Восточным Туркестаном и Чуйской долиной на территории Тянь-Шаня и Прииссыккуля никаких городов не было. Одни исчезли раньше, другие появились позже. А когда же? На этот вопрос мы можем ответить довольно точно – вскоре после того, как здесь побывал Сюань Цзан. Уже в описании дорог VII в. упоминаются город Дуньдо, где-то в Центральном Тянь-Шане, и города Дун, Хэле, и Ечжи, которые располагались вдоль южного побережья Иссык-Куля¹.

Очевидно, китайский дорожник составлялся по данным второй половины VII в. Именно это время можно считать началом средневековой урбанизации (развитие городской культуры) Прииссыккуля. У читателя может возникнуть вполне закономерные сомнения: в первой трети VII в. городов не было, а через каких-то 20–30 лет их стало четыре? Города и поселения в древности и средневековье строились поразительно быстро. Историки походов Александра Македонского упоминают строительство бесчисленных городов, названных Александриями в честь завоевателя, которые росли, как грибы. Вот что писал Квинт Курций Руф о постройке Александрии-Эсхаты (Дальней) на р. Сырдарье: «Постройка города была выполнена с такой быстротой, что на семнадцатый день после возведения укреплений были отстроены городские дома. Воины упорно соревновались друг с другом, кто первый окончит работу»². А площадь города по тем временам была довольно большой. Тот же Квинт Курций отметил, что стены города имели длину в 60 стадиев, т. е. 10–11 км. В раннем средневековье строители были не менее расторопны, чем в древности. В начале VIII в. арабы захватили славный и богатый город Бухару и, как повествовал историк Мухаммед Наршахи, стали заставлять Жителей города принять мусульманскую веру. Те не захотели. Тогда завоеватели приказали всем, кто не желал сменить веру отцов на ислам, покинуть город. Богатые дихканы (в VII – VIII вв. так именовали не крестьян, как позже, а согдийскую родовитую знать) и купцы тотчас же выехали за пределы стен Бухары и неподалеку от нее стали строить замки для своих семей. К удивлению арабов, постройки росли прямо на глазах и вскоре здесь вырос новый хорошо укрепленный город, каждый дом которого был небольшой крепостью.

Едва ли иссык-кульские строители городов были менее квалифицированы. Нужно помнить и то, что часть из них были переселенцами из Согда, и даже, не исключено, из самой Бухары. В китайских письменных источниках, кроме названий, об иссык-кульских городах больше нет сведений. Да и не могло быть. В 751 г. на реке Талас китайские войска были разбиты объединенными силами арабов и тюрок-карлуков. Вскоре после

¹ Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. – С. 501; Зуев Ю. А. Китайские известия о Суябе // Изв. АН КазССР. Сер. археол. и этногр. Вып. 3 (14). 1960. – С. 93-94.

² История Узбекистана в источниках. – С. 126.

этого в Китае началась кровопролитная затяжная гражданская война. Китайцам стало не до Средней Азии, в том числе и не до городов Прииссыккуля.

Среди арабских путешественников первым упомянул города Прииссыккуля Темим ибн Бахр, который лично посетил их во второй половине VIII в. Он отметил, что здесь было четыре больших и четыре малых города. В одном из них было до 20 тысяч воинов¹. Это первое, на наш взгляд, упоминание области Верхний Барсхан как вполне сложившейся территориальной единицы. Что представляла собой эта средневековая область?

Верхний Барсхан

Все проезжающие по автодорожке по южному побережью озера Иссык-Куль восточнее курорта «Тамга» могут прочесть дорожный указатель «река Барскоун». К югу от автодорожки поближе к горам вольготно раскинулось большое село Барскоун. Мало кто знает, что эти названия являются одними из самых древних на территории Киргизии. Для сравнения можно отметить, что топоним «Барсхан» был зафиксирован в письменных источниках несколько раньше, чем топоним «Киев». Впервые его упомянул в своем труде арабский аристократ персидского происхождения начальник почты багдадских халифов ал-Мутаида и ал-Мутаида Абу-л-Ка-сим Убайдаллах ибн Абдаллах ибн Хордадбех (годы жизни примерно 820–890 гг.). Его книга «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» («Книга путей и стран») в свое время стала этапной. Она открыла блестящую серию средневековых арабских географических сочинений². В труде Хордадбеха предельно сухо и официально описаны все известные в мире того времени торговые пути, города и селения, лежащие на густой сети этих путей, с указанием расстояний между ними. Вот как, например, описана ветвь Великого шелкового пути, пересекавшая с запада на восток Северную Киргизию: «До Асбары 4 фарсаха, до большого села Нуката 8 ф., до большого села Харанджавана 4 ф., до Джула 4 ф., до большого села Сарига 7 ф., далее до столицы (города) хакана тюркшей (ат-туркаши) 4 ф., до Навакета 4 ф., до Кубала 3 ф., затем до Верхнего Барсхана, где проходит граница ас-Сина, 15 дней караванного пути по пастбищам, а почта тюрок (ат-турк) преодолевает это расстояние за три дня»³.

Ученые давно и неоднократно пытались отождествить данные Хордадбеха с известными развалинами средневековых городов. В большинстве своем они спорны. В настоящее время можно согласиться только с четырьмя идентификациями: Асбара – городище на левом берегу р. Аспары близ с. Каинда; Навакет – комплекс развалин на восточной окраине с. Красная Речка, Кубал (он же средневековый Суяб) – развалины Ак-Бешим близ г. Токмак, Верхний Барсхан – юго-восточное побережье озера Иссык-Куль.

Согласно Хордадбеку, в Верхний Барсхан вела еще одна дорога. Она начиналась в Узгене, пересекала Центральный Тянь-Шань и выводила к Верхнему Барсхану. Позже эти же сведения с небольшими вариациями повторяли многие средневековые географы.

Текст Хордадбеха не позволял с достаточной определенностью представить, что скрывалось под топонимом Верхний Барсхан – город или целая область с многими городами и селениями? Судя по тому, что в округе средневекового Тараза (современный город Джамбул) багдадский начальник почты называет городок Нижний Барсхан, можно полагать, что и Верхний Барсхан – тоже какой-то конкретный населенный пункт. Арабский географ X в. Кудама ибн Джафар, повторив сведения Хордадбеха о пути в Верхний Барсхан, отметил, что он состоял из целой группы поселений – четырех больших и пяти маленьких⁴. Это сообщение, Перекликаясь с данными Темима ибн Бахра, позволяет полагать, что здесь речь идет не столько о городе, сколько об области с девятью

¹ Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. Гл. IV. – М., Л., 1957. – С. 137; Винник Д. Ф. Древние города и поселения на Иссык-Куле. – С. 35.

² Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература // Избр. соч. Т. IV. – С. 147-150.

³ Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Пер. с араб., комментарии, исследования, указатели и карты Наили Валихановой. – Баку, 1986. – С. 65 (Фарсах = 6 км).

⁴ Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья // Соч. Т. 2, ч. 1. – М., 1963. – С. 38.

населенными пунктами. В 982–983 гг. неизвестным автором было написано замечательное географическое сочинение «Китаб Худуд ал-Алам мин ал-Машрик ила-Магриб» («Книга о пределах мира от востока к западу»). В нем упомянуты и города южного побережья озера Иссык-Куль. «Тонг и Талхиза – два селения, расположенные между горами, на самой границе между чигиями и халлухами (карлуками. – *Авт.*), поблизости от озера Иссык-Куль. Жители воинственные, смелые и доблестные.

Барсхан – город на берегу озера, благоустроенный, богатый. Правитель его из халлухов, однако, население держит сторону тогуз-гузов». Тот же неизвестный автор впервые упоминает город на северном побережье озера: «Город назывался Сикуль» (Иссык-Куль). Это был «большой город», «населенный» и «богатый торговый пункт»¹.

Наиболее полные сведения относительно городов Прииссыккуля сообщил персидский историк XI в. Абу Сайд ал-Хай ибн аз-Заххак ибн Махмуд Гардизи. В своем сочинении «Зайн ал-ахбар» («Краса повествований») он не только перечисляет, но и приводит краткое описание городов южного побережья озера. Сразу после выхода из Боомского ущелья в котловину озера находилось селение Яр. Оно могло выставить воинский контингент в 3000 человек. В окрестностях Яра (или даже в нем самом?) располагались шатры предводителя тюрков-джикилей. Предводитель этот имел титул «тексин». Далее Гардизи описывает само озеро Иссык-Куль, правда, не столь эмоционально, как Сюань Цзан, но довольно точно: «По левую сторону от дороги находится озеро, которое называется Иссык-Куль; оно простирается на 7 дней пути; в это озеро Иссык-Куль впадает до 70 речек; вода в нем соленая». От Яра до селения Тон было расстояние 5 фарсахов (30 км), а между Тоном и Барсханом – 3 дня пути. Между этими городами, видимо, больше не было населенных пунктов. «По дороге встречаются только шатры джикилей,» – констатирует Гардизи. Дальше историк приводит очень краткие, но столь же важные сведения: «Барсханский дикхан носит титул манака. Барсхан выставляет 6000 вооруженных. Все окрестности Иссык - Куля заняты джикилями. По правую сторону от Барсхана находятся два горных перевала; название одного – Пейгу, название другого – Озар. [Там же] есть река, которую называют Тефсхан; она течет по направлению к востоку, в китайские пределы. Перевал очень высок, так что птицы, прилетающие со стороны Китая, не могут перелететь через него»².

Уникальные сведения Гардизи позволяют выйти на новый уровень научных представлений об иссык-кульских городах. Прежде всего, мы можем определить сравнительно точное количество населения в таких городах, как Яр и Барсхан. Историки давно установили строгую количественно-пропорциональную зависимость между общим числом народонаселения и числом боеспособных мужчин. Оно равняется 5:1, то есть каждые пять человек жителей города или аила (с учетом женщин, стариков, малолетних и калек) могут выставить лишь одного воина. Отсюда следует, что в самом западном селении Прииссыккуля – Яре – насчитывалось до 15 тысяч жителей, а в Барсхане – вдвое больше.

Много это или мало? Иными словами, какое место занимали города Прииссыккуля в системе средневековых городов Средней Азии, расположенных на Великом Шелковом пути? Если отбросить такие города-монстры, как Самарканд или Мерв, которые в X–XII вв. насчитывали от 100 тысяч до 150 тысяч человек населения и занимали площадь до 150 га, то придется признать, что Яр, а тем более Барсхан были очень крупными поселениями для своего времени³. Яр по численности своего населения

¹ Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию... – С. 75; Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. – М., 1973. – С. 43.

² Бартольд В. В. Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар»//Соч. Т. 8. – М., 1973. – С. 51.

³ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. – Л., 1973. – С. 265-266.

Методика подсчета населения города по количеству выставляемых воинов несовершенна, так как остается много неясных вопросов, но если ошибка достигнет даже 50%, то и в этом случае мы получаем вполне

приближался к таким известным торгово-ремесленным городам, как Отрар, население которого, по подсчетам казахских археологов, колебалось между 15 тысячами и 17 тысячами человек, они занимали площадь в несколько десятков гектаров¹.

Главный город Прииссыккуля Барсхан по численности населения не уступал некоторым столицам периферийных областей. Уже насколько известным был богатый центр Ташкентского оазиса славный город Бинкент, а в нем проживало, по подсчетам одного из самых scrupulous исследователей О. Г. Большакова, около 23–25 тысяч человек, то есть столько же, сколько и в Барсхане. Бинкент вместе с садами и виноградниками занимал площадь в 1350 гектаров. Очевидно, и площадь города Барсхана была в пределах этой величины.

Если для сравнения взять ближайшие к Иссык-Кулю крупные города Чуйской долины, то Яр по количеству жителей был близок к древним поселениям, известным ныне под названиями Шиш-Тюбе, Степниское, Ак-Бешим, Сокулукское, а Барсхан – к средневековому Невакету (Краснореченское городище)².

Большой интерес вызывает титулатура правителей иссык-кульских селений. Если в селении Яр находились шатры *тексина* (скорее всего, *тегина*, т. е. царского сына, принца) скотоводов-джикилей, то наверняка и все селение находилось в его власти. Тегинь были правителями и в других городах Семиречья. Так в городе Беклилиг, который находился к северу от перевала Ксатек, правил некий Йинал-тегин. Гораздо сложнее обстоит дело с загадочным титулом правителя Барсхана – *манах* (или *манаф* – согласно чтению одного из крупнейших русских востоковедов В. Ф. Минорского).

Здесь есть над чем подумать. Дело в том, что титул *манах* (*манаф*) очень напоминает киргизский феодальный титул *манан*, который распространился у киргизов в конце XVIII – начале XIX в. и который не был известен у других тюркских народов. Информацию к размышлению могут дать и следующие факты. Еще в середине VI в., в период становления Тюркского каганата, видную роль в проведении его внешней политики играл согдиец Маниах. Имеются обоснованные суждения, что он же был правителем согдийской колонии в Семиречье, а Маниах – не имя, а титул этого правителя³. Таким образом, в VI, XI и XVIII–XIX вв. греческие, персидские и, наконец, русские письменные источники фиксируют титул, не известный у других тюркских народов: *маниах* – *манаф* – *манан*. Как объяснить столь загадочное явление? Глубокая преемственность? Исторический курьез? Случайность? Дальнейшие научные изыскания (главным образом тюркологов-лингвистов) должны пролить свет на происхождение загадочного титула.

Текст Гардизи позволяет поставить вопрос не только о количественном, но и о национальном составе населения иссык-кульских селений. В Яре, как уже упоминалось, стояли шатры тегина джикилей. Вместе с ним, надо полагать, жили и его домочадцы, слуги, друз, чиновники со своими семьями, т. е. можно говорить о том, что в селении Яр была какая-то прослойка тюркского населения. Видимо, такая прослойка была и в других иссык-кульских селениях, о чем убедительно свидетельствует древнетюркская руническая надпись, найденная на городище Койсары.

определенные демографические данные. Более совершенные методы, основанные на расчетах, связанных с площадью домостроений и общей площадью городов, разработанные О.Г. Большаковым, К.И. Петровым, К. М. Байпаковым для большинства иссык-кульских городов неприменимы, так как развалины их были уничтожены в результате трансгрессии озера.

¹ Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. – Алма-Ата, 1986. – С. 159.

² Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. – С. 267; Петров К. И. Очерки социально-экономической истории Киргизии VI – начала XIII в. – Фрунзе, 1981. – С. 162, табл. 1. – Фрунзе, 1981. – С. 162, табл. 1.

³ Мокрынин В.П. Византийский историк о согдийцах в Семиречье // Из истории дореволюционного Киргизстана. – Фрунзе, 1985. – С. 176–177.

Анализ легенды, приведенной Гардизи для объяснения этимологии топонима «Барсхан», позволяет предполагать там ираноязычное, возможно, согдоязычное население. Иранский историк прямо указывает: «Жители Барсхана происходят от персов, именно жителей Фарса». Далее повествуется пространное предание о том, как Александр Македонский, покорив Иран, взял в знатных персидских семьях заложников, дабы предотвратить вполне возможные мятежи. Отправляясь в поход на Китай, Александр увел и заложников, однако, оказавшись в стесненных обстоятельствах, вынужден был бросить ставших обузой знатных персов на берегах Иссык-Куля. Сыновья персидских вельмож, потеряв надежду вернуться домой, отстроили здесь города на манер городов Фарса, а «местности дали название Барсхан, т. е. повелитель Фарса»¹.

Едва ли историческая действительность была столь древней и романтической. Тем не менее, следует заметить, что легенда базируется на вполне реальной исторической основе. Приток иранского и согдийского населения во второй половине VII–VIII вв. в Туркестан – факт известный. Эмиграция части населения, в основном знати, из Ирана и Согды была вызвана арабскими завоеваниями. Весьма показательно, что иссык-кульские города возникли, как отмечено выше, никак не раньше второй половины VII–VIII вв. Именно на VII–VIII вв. как время возникновения города Барсхан указывает еще одна красноречивая деталь легенды, приведенной Гардизи: для постройки города кроме мастеров по изготовлению кирпича и плотников вельможные заложники наняли и живописцев, которые должны были украсить их жилища. Археологические работы в Согде, Уструшане и Тохаристане показали, что в доарабской Средней Азии не только интерьеры храмов и дворцов, но и стены домов горожан были сплошь расписаны полихромными многоярусными панно².

Легенда об основании Барсхана, как представляется, возникла на Иссык-Куле в среде ираноязычных поселенцев, которые ко времени Гардизи, по истечении более чем 300 лет, еще помнили свои этнические корни, но напрочь утратили память о реальных исторических событиях, вызвавших переселение.

Сведения о Барсхане дошли и до выдающегося среднеазиатского мыслителя Абу-р-Райхана Мухаммеда ибн-Ахмеда ал-Бируни. В своем «Минералогическом трактате», анализируя таинственный сплав «харсини», секрет которого тщательно хранили китайские мастера, ал-Бируни писал: «...харсини – это тот металл, из которого отливаются колокола в Кашгаре и котлы в Барсхане, расположенном на берегу Иссык-Куля, то есть горячего озера, а также и другие сосуды, очень грубые, но это зависит от мастеров и их искусства, так как то, что из него вырабатывается в Китае, крайне изящно и тонко»³.

Эпизод, приведенный великим хорезмийцем, несколько приоткрывает завесу времени над жизнью барсханских ремесленников-металлургов. Они вместе с кашгарцами раскрыли тайну сплава, начали выпускать продукцию, которая стала известной на мировом рынке. Беда только, что она не могла конкурировать с изделиями китайских мастеровых. Качество барсханских изделий явно оставляло желать лучшего из-за низкой квалификации ремесленников.

Письменные источники донесли до наших дней сведения только о двух выдающихся выходцах из Барсхана. Люди они разноплановые, но как один, так и другой, были известны не только в мусульманском мире, но и далеко за его пределами. Один из них – Себук-тегин Насир ад-дин ва-д-дауля. Это был обыкновенный юноша из тюркского племени барсхан, которое кочевало в Прииссыккулье. Он был взят в плен и продан на невольничьем рынке в Хорасане. Купил его видный полководец (спехисалар) Али-тегин, который тоже был тюркского корня. Молодой барсханец стал гулямом (рабом-воином). На этом поприще он проявил выдающиеся способности и вскоре обошел по службе

¹ Бартольд В.В. Извлечения из сочинения Гардизи... – С. 50-51.

² Беленицкий А.М. Монументальное искусство Пенджикента. Живопись. Скульптура. – М., 1973. – С. 14-33.

³ Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия) / Пер. А. М. Беленицкого. – М., 1963. – С. 244.

многих своих сотоварищей. После смерти Али-тегина коварный и дальновидный барсханец всеми правдами и неправдами устранил конкурентов и 20 апреля 977 г. был провозглашен эмиром Газны. Он только номинально подчинялся правителю Бухары. Однако этому солдату было мало маршальского жезла в ранце. Оказалось, что в нем нашлось место и для короны. После того, как Себук-тегин одержал ряд блестящих побед в Афганистане и Индии, он совсем перестал считаться со своим ослабевшим сюзереном – эмиром из династии Саманидов. Вскоре караханидские ханы нанесли ряд тяжелых ударов по державе Саманидов и взяли их столицу Бухару. Себук-тегин воспользовался этим и объявил Хорасан, Афганистан и часть Индии отдельным государством. Простой неверный тюрк, пленный, гулям стал царем. Столицей его была прекрасная Газна. Отсюда и династия, основанная Себук-тегином, стала называться Газневидской. Воцарившийся барсханец никогда не скрывал своего происхождения и даже гордился им. Он часто рассказывал приближенным о своем пленении, о частых и нещадных порках, которым подвергал его работороговец, о тяжком пути на невольничий рынок в город Нишапур. Тем не менее, и тогда нашлись историки, которые доказывали, что генеалогия этого сына иссык-кульского пастуха безупречна. Он был объявлен благородным потомком и законным наследником древнеперсидских царей. Как знать? Может быть, немалую роль в системе этих лжедоказательств сыграла иссык-кульская легенда о знатном происхождении барсханцев, которую рассказал Гардизи? Умер Себук-тегин в 997 г. Похоронен в Газне¹.

Другим знаменитым барсханцем был один из величайших ученых средневековья – Махмуд Кашгарский. Правда, он не совсем барсханец. В Барсхане родился его отец. Но Махмуд настолько привержен был «земле предков», что на своей известной круглой карте мира озеро Иссык-Куль и прилегающие к нему регионы обозначил как центр обитаемой земли. К сожалению, мы почти ничего не знаем о жизни ученого. Главный труд всей жизни Махмуда – энциклопедический «Диван лугат ат-тюрк» («Словарь тюркских наречий»), написанный в Багдаде в 1072–1074 гг. Он явился плодом его долгих путешествий по всем землям тюркских народов. Книга Махмуда и сейчас является первоклассным источником для изучения филологии, географии истории, этнографии средневековых тюрков².

Барсханцы были неробкого десятка и могли постоять за свою независимость. Державу караханидских ханов раздирали постоянные распри. Дело дошло до того, что в борьбу за ханскую корону вмешались женщины. Одна из них, жена Бограхана, недовольная тем, что наследником престола был объявлен не ее любимый сын, отравила самого Богра-хана и его ближайших родственников. По ее приказу брат Богра-хана, Арслан, был задушен, а главнейшие приближенные и военачальники зарезаны. После этого, как рассказал историк Ибн-ал-Асир, она возвела на престол своего малолетнего сына Ибрахима. Эти события произошли в 1047/48 году. Однако «тянь-шаньской леди Макбет» было мало крови. В конце концов, ханша уничтожила и своего любимца: она отправила сына «с войском к городу, называемому Барсхан, владельцем которого был Йинал-тегин. Йинал-тегин победил и убил его, а войско Ибрахима бежало к его матери»³.

Сказанным выше почти полностью исчерпываются известия письменных источников о раннесредневековых городах Прииссыккуля. Их нет сейчас, но они были. В них жили тюрки и иранцы, которые совместными усилиями разгадывали секреты

¹ Сведения о Себук-тегине см.: Абу-л-Фазл Бейхаки. История Масуда (1030–1041) / Пер. с перс., введение, комментарии и приложения А.К. Арендса. Изд. 2-е, доп. – М., 1969; *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч.Т. 1. – М., 1963. – С. 322–326.

² *Кононов А.Н.* Махмуд Кашгарский и его «Дивану лугатат-турк.» // СТ. 1972. № 1; *Кляшторный С.Г.* Эпоха Махмуда Кашгарского // СТ. 1973. № 1. Научно-популярное повествование о Махмуде Кашгарском см.: *Газиев А.* Во времена Караханидов // Литературный Киргизстан. 1986. № 6. С. 84 – 98.

³ Материалы по истории киргизов и Киргизии. – С. 59; *Караев О. К.* История Караханидского каганата (X – начало XIII в.). – Фрунзе, 1983. – С. 162.

иноземных мастеров, растили хлеба и сады, торговали, писали книги, защищали свой край. Даже те крохи сведений о Барс-хане и барсханцах, которые история донесла до сегодняшнего дня, вызывают у нас вполне законное чувство гордости и уважения к их деяниям, закладывавшим основы современной цивилизации в центре Небесных гор.

К концу XVI в. оседлоземледельческая культура в Прииссыккулье, а следовательно, города и селения, приходят в упадок и исчезают. По крайней мере, историки походов Железного хромца – Тимура, скрупулезно перечисляя даже сколько-либо известные урочища или речушки, где проходили войска этого «гения коварства и жестокости», ни разу не упомянули даже небольшое селение. Исключение составляют г. Иссык-Куль и дворец тюрка на острове. Оригинальным источником является так называемая Каталонская карта, составленная в 1375 г. На ней на северном побережье озеро обозначен Иссык-Куль с припиской, что там расположен монастырь «армянских братьев» – монахов.

Больше о городах Прииссыккулья средневековые авторы не писали.

Рожденному – смертный приходит черед;
Поднятое ввысь непременно падет!
Где взлет – там паденье, где высь – там закат,
Где радость – там горе, где сладость – там яд.
Юсуф Баласагунский

ЗАТОНУВШИЕ ГОРОДА

Лихолетье лихолетью рознь. В начале XIII в. цветущие города и селения Прииссыккулья пришли в упадок. Владелец кочевников-найманов Кучлук, не выдержав борьбы с Чингисханом в монгольских степях, бежал на запад. В Семиречье беглец явился как бедный проситель убежища для себя и своего народа. Он получил его. Отдыхавшись и осмотревшись, коварный Кучлук воспользовался слабостью местного правителя и захватил верховную власть. Положение узурпатора было незавидным. Страшный Чингисхан лишь на время оставил его в покое, так как был занят завоеванием Китая. С запада найманам угрожала мощная держава Хорезмшахов. Кучлук понимал, что в таких тисках он – «калиф на час», и вел себя соответственно своему положению. Произвол и грабежи не прекращались, резня и насилия тоже. Но и этого было мало. Кучлук, желая опустошить не только мошну, но и душу горожан, запретил мусульманское богослужение. Стон и плач стояли над Семиречьем и Кашгаром.

Монгольский отряд под командованием отважного Чжебе, как всегда, нагрянул неожиданно-негаданно. Кучлук бежал, но был настигнут в Сарыколе и обезглавлен. Голова найманского владыки стала ключом к воротам любого ранее подвластного ему города. Стоило монголам лишь показать защитникам голову узурпатора, как ворота твердыни распахивались перед ними. К тому же, Чжебе оказался умным политиком и восстановил мусульманское богослужение. О грабежах и бесчинствах победителей не было и речи, так как армия монголов в то время отличалась строжайшей дисциплиной. Вполне естественно, что семиреченские и кашгарские горожане считали антинайманскую акцию Чингисхана «милостью божией»¹.

Но радоваться было рано. Монгольские нойоны, как и большинство кочевых феодалов, считали земледелие блажью, а ремесло и торговлю – занятием недостойным. Желая расширить свои земельные угодья, особенно в таких благодатных для животноводства местах, как Семиречье, кочевники часто превращали пашни, сады и виноградники в пастбища для овец. Только весной 1269 г. на всемонгольском курултае в Таласе трезвый и расчетливый политик Хайду навязал потомкам Чингисхана решение

¹ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. – С. 470.

«жить в горах и степях, не брать с жителей ничего, кроме законных податей»¹. Однако было уже поздно. Процесс деградации городов Семиречья, в том числе и Прииссыккуля, зашел настолько далеко, что стал необратимым. Многие из них были покинуты жителями, в других жизнь едва теплилась. Перефразируя известную английскую пословицу, можно сказать, что «овцы съели семиреченские города».

Если в Таласской и Чуйской долине до наших дней сохранились величественные средневековые развалины, свидетельствующие о былой мощи и высокой городской культуре, то от большинства крупных исык-кульских городов не осталось и этого. Лихолетье, вызванное стихией, по своим последствиям оказалось еще более страшным, чем лихолетье нашествий. Очередная трансгрессия озера поглотила многие руины и населенные пункты, расположенные на берегах озера Иссык-Куль. В настоящее время от них остались лишь едва заметные следы.

Койсары

Русские крестьяне старых переселенческих сел Липенка и Богатыровка были довольны обжитыми местами в урочище Койсары, расположенном на восточном побережье озера. Тут тебе и обильные пашни, и богатая рыбалка. А фазаны, как куры, только ночуют не на насесте, а в зарослях джерганака (облепихи). Была у них и своя Диковинка – «кирпичный завод», который не требовал ни разработки глиняных карьеров, ни сооружения печей, ни заботы о топливе. Нужно было только взять лодку, отплыть от берега с полверсты и нагрузить ее Кирпичом прямо со дна залива. И всего трудов! Обширнее русские печи с лежанками и полатями в Богатыровке и Липенке были сложены из этого кирпича. Качество его было отменным, намного лучше, чем выпускал маломощный кирпичный заводик в городе Каракол. Поэтому даже каракольские мещане иногда покупали у богатыревцев и липенцев воз – другой «морского кирпича». От русских крестьян не отставали и местные киргизы-скотоводы, которые добывали кирпич для постройки намогильных склепов (гумбезов) знатных и богатых сородичей. Один из таких гумбезов осмотрел В. В. Бартольд по дороге из Пржевальска в деревню Сливкино (ныне районный центр с. Покровка)². Вот так стихия и человек объединили свои усилия и разрушили славный средневековый город, важный перевалочный и ремесленный центр на северной ветви Шелкового пути.

Развалины на дне озера близ Койсары стали известны не только в научных кругах, но и широкой общественности России и всего мира. Сведения о них были включены в такие авторитетные издания, как энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, а также в словарь Гранат³. А колониальная администрация области и уезда пальцем не пошевелила для предотвращения варварского разрушения ценнейшего памятника.

В настоящее время озеро полностью освободило город из плена. Там, где были улицы, кварталы и архитектурные ансамбли, – ныне песчаная равнина, местами, густо поросшая джергакаком, местами заболоченная, кое-где в камышовой оправе блестят зеркала крохотных озер, возвышенные места покрыты щетками чия. Не так уж часто, но можно различить бугорки и валы, бывшие крупные строения и оборонительные стены. Значительная площадь восточней части городища распахана. На полях, особенно после полива или дождя, можно собрать солидную коллекцию керамики. Попадают в основном фрагменты толстостенных сосудов (хумы, котлы). Изредка на пашне блеснет мелкий фрагмент парадной глазурованной посуды белого, зеленого или коричневого цветов, характерных для семиреченских городов X–XII вв. Фрагментов керамики голубого цвета, посуды так называемого монголо-тимуридского времени (XIV–XV вв.), которые отмечены нашими предшественниками, в сезоны 1986–1987 гг. нам не посчастливилось найти.

¹ Там же. – С. 583.

² Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию... – С. 67.

³ Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. XIII. – СПб., 1894. – С. 462; Энциклопедический словарь Гранат. Изд. VII. Т. 22. – СПб., 1914. – С. 275.

Представление о былых размерах и топографии средневекового города, расположенного в урочище Койсары, в настоящее время могут дать только публикации П. П. Иванова и Д. Ф. Винника. Оба исследователя отмечают, что город по своему типу принадлежал к тем средневековым городам, площадь которых была окружена «длинными стенами». Остатки этих стен и сейчас видны, но только в тех местах, куда не смогла дойти всеокрушающая сила воли озера. Одна из них протяженностью в 6 км ограждает территорию от озера Кара-Куль до юго-западного угла урочища. Сохранившаяся высота ее от 1 до 2,5 м, ширина основания – 15–18 м. Другая стена, ломаной линией пересекая первую в районе с. Богатыровке, тянулась от края террасы до поймы реки Джеты-Огуз. Такого вида длинные стены известны вокруг крупных городов Таласской и Чуйской долин¹. Они ограждали сады, огороды, пастбища для скота горожан. В пределах территории, защищенной длинными стенами, строили усадьбы, храмы, отводили площадь под городские кладбища. Одно из них находилось в северной части урочища и, судя по находкам двух каменных изваяний, принадлежало древним тюркам.

Особенностью развалин близ Койсары является включение в систему «длинных стен» отдельных довольно крупных поселений. В северной части городища П. П. Иванов описал вполне автономное поселение с цитаделью высотой до 9 м и окружностью до 150 м. У цитадели тогда были видны следы развалин различных построек. В настоящее время цитадель частично разрушена выборкой грунта для хозяйственных нужд. Это поселение с цитаделью по своей топографии напоминает согдийские поселения Чуйской долины. Не из таких ли отдельных поселений формировался Верхний Барсхан, о чем еще в X в. писал Кудама ибн Джафар?

Центральные развалины, т. е. собственно город, судя по остаткам густой застройки, располагался юго-западнее устья Черной Речки, соединявшей озеро Кара-Куль с Иссык-Кулем. Они занимали значительную территорию площадью примерно в 3х2 км. Здесь же располагался и ремесленный центр города, где трудились камнетесы и металлурги. На территории бывших ремесленных кварталов (как мы их условно назвали) найдено «большое количество каменных зернотерок молотильных камней, больших слитков кричного железа, металлической и глиняной посуды и других материалов»². Не исключено, что именно здесь, в северной части городища, трудились мастера, разгадавшие секрет сплава харсини, о чем было известно еще ал-Бируни.

О высокой санитарной культуре жителей города свидетельствуют частые находки кобуров – керамических труб, из которых составляли подземные трассы водопровода и канализации. В черте густой застройки П. П. Иванов отметил ниточку водопровода, состоявшую примерно из пятидесяти кобуров. Несколько целых экземпляров водопроводных труб опубликовал Д. Ф. Винник. Ему же удалось раскопать нитку водопровода, состоящую из тридцати составных частей. Глубина ее залегания достигала 1,5 м, исследованная длина – 10 м³.

Развалины у Койсары – единственное из городищ, освобожденных озером, на котором были проведены научные археологические раскопки. Здесь в 1960 г. Д. Ф. Винник исследовал монументальное архитектурное сооружение из обожженного кирпича. Здание было квадратным в плане (14,2х14,2 м), по углам его украшали трехчетвертные колонны, в восточной стене был вход, толщина стен составляла 2,4 м. Функциональное назначение сооружения не вызывало сомнения – это была погребальная родовая усыпальница, гумбез. Внутри его было раскопано тридцать скелетов. Усыпальница была построена в XIV в.

Дархан

¹ Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. – Фрунзе, 1959. – С. 65-130; *Он же*. Раннесредневековые города и поселения Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. – Фрунзе, 1963. – С. 145-177.

² Винник Д. Ф. К исторической топографии... – С. 29-30.

³ Там же. – С. 33.

В настоящее время местность севернее современного села Дархан, где располагалось средневековое поселение, очень напоминает окрестности Койсары. Толстый слой песка, поросшего непроходимой стеной джерганака и барбариса. Кое-где бьют родники, места ниже них заболочены. Только на приозерной террасе, как и у Койсары сохранились остатки пригородных сооружений – торкули. В 60-х годах их было восемь¹. Сейчас сохранился только один. Группа торкулей, расположенная на левой надпойменной террасе р. Джуука, севернее с. Дархан, в 1983 г. была скрыта бульдозером. На их месте раскинулись поля пшеницы, среди которой можно найти большое количество фрагментов средневековой керамики и обожженных кирпичей.

Изделия из металла представлены только двумя экземплярами. Один из жителей Дархана нашел здесь целое бронзовое зеркало. К сожалению, он разломал его на части, так как полагал, что находка отлита из чистого золота. Убедившись, что это далеко не так, он отдал обломки археологам. Зеркало восьмилопастное с круглой шишечкой-петлей в центре. Орнаментальное поле занято двумя парами противостоящих птиц (фазаны?). Птицы разделены цветочными побегами. Во внешнем поле, отделенном бортиком, в каждой из лопастей помещены стилизованные цветы (пальметы?). Внешний бортик ровный, высокий, узкий. Диаметр зеркала 12,5 см. Отливка некачественная. Орнамент расплывчатый, детали плохо различимы. Не исключено, что зеркало было отлито по китайскому оригиналу местными мастерами. Такие зеркала бытовали в VIII–IX вв.²

Другая находка из металла была заготовка для медно-свинцового дирхема караханидского времени. По данным нумизмата М. Н. Федорова, такие заготовки в XII – начале XIII в. имели обращение по принудительному курсу наряду с чеканной монетой. Обнаружена она была на дне озера в 30–35 м от современной береговой полосы совсем молодым и малоопытным аквалангистом чуть ли не при первом погружении. Опытные его коллеги считают, что это почти сказочное везение. При постоянно меняющейся ситуации на дне озера, когда волны непрерывно перемещают песок, временно обнажая одни участки дна и затягивая другие» даже учитывая феноменальную прозрачность иссык-кульской воды, такую крошечную пластинку металла заметить невероятно трудно.

За примером далеко ходить не надо. В 1984 г. опытный подводник А. Д. Курманенко здесь же на дне озера (глубина около 3–4 м) обнаружил до десятка человеческих скелетов. Они лежали на спине в вытянутом положении, головой на север. Аквалангист понимал всю важность находки: открыто одно из размытых кладбищ городища Дархан. Оно дает возможность определить не только погребальный обряд, но и сделать существенные демографические заключения: серия из десяти черепов позволит определить расовый тип горожан, среднюю продолжительность их жизни и, возможно, причины смерти. А. Д. Курманенко хорошо запомнил место и наметил на берегу створы. Через некоторое время аквалангисты и археологи, которые намеревались сфотографировать скелеты и изъять кости для исследования, нашли на этом месте лишь ровное песчаное дно без малейших признаков кладбища. Озеро умеет хранить свои тайны.

В прибрежной зоне и на дне озера найдены три каменных диска от ручных мельниц и фрагмент жернова, диаметр которого достигал 1,5 м. В 150 м от современной кромки озера в зарослях джерганака лежит цилиндрический молотильный камень. Наиболее частые находки на территории бывшего города – изделия средневековых гончаров.

Керамика собрана на поселении, расположенном к северу от с. Дархан, представлена подъемными сборами со дна озера Иссык-Куль и прибрежной зоны. Она очень фрагментарна, включает обломки лепных и станковых сосудов³.

Судя по форме венчика и верхней части тулова, основная их часть принадлежала широкогорлым котлам (диаметр венчика 20–35,5 см) с округлым и горизонтально

¹ Там же. – С. 111.

² Лубо-Лесниченко Е. И. Привозные зеркала Минусинской котловины. – М., 1975. – С. 55, рис. 28.

³ Описание керамики, собранной на подводных развалинах, выполнено канд. ист. наук Л. Е. Семениченко, за что авторы выражают ей свою признательность.

срезанным венчиком, который незначительно отогнут наружу или вытянут вверх, и шаровидным или сферическим туловом. Ввиду фрагментарности изделий, не представляется возможным установить, были они плоскодонными или круглодонными. Можно лишь отметить, что из 10 обнаруженных на памятнике плоских дниц от сосудов неизвестной формы лишь одно принадлежало большому толстостенному котлу с уплощенным дном. Встречены котлы, изготовленные как ручной лепкой, так и с доработкой на гончарном круге. Они сформованы из керамической массы с большим включением отощителя (непросеянный песок). Обжиг сосудов производился в окислительной среде, некоторые котлы прокалены не на всю толщину черепка (он в изломе трехслойный).

Фрагменты горшков немногочисленны. У них округлые, плавно отогнутые венчики, переходящие в невысокую шейку, и широкие плечики. На двух сосудах по плечикам проходил горизонтально-линейный орнамент. У одного горшка плечики были украшены орнаментальным пояском из разомкнутых элементов зигзага (в виде прописной буквы Г). По всему кольцу венчика с внутренней стороны проходит неглубокий желобок, видимо, сосуд был с крышкой. Он украшен рядом вдавленных кружочков, нанесенных пунсоном. Горшки изготовлены из такой же керамической массы, что и котлы.

Хумы и хумчи предназначались для хранения продуктов. Они представлены единичными экземплярами. Хум слабо профилирован, с выпуклым туловом и массивным треугольным в сечении венчиком, наружный край которого незначительно приподнят (диаметр венчика 39 см). По внешней стороне он украшен прямоугольными вдавлениями, в изломе – темно-оранжевый, прокален не на всю толщину. Хумча имеет округлый венчик (диаметр его 13,5 см), невысокую горловину, плавно переходящую в расширенные плечики.

Помимо этого найден фрагмент стенки сосуда с остатками носика. Сосуд был орнаментирован поясками из горизонтально прочерченных линий, между которыми проходили волнистые линии. Орнамент выполнен четырехзубым инструментом. Интересно отметить, что носик был прикреплен к сосуду после нанесения орнаментации.

Обнаружен фрагмент стенки, видимо, от кувшина с остатками вертикальной, полуовальной в сечении ручки. Сосуд по тулову, ниже основания ручки, орнаментирован семилепестковыми розетками.

На поселении найдено большое количество фрагментов стенок от орнаментированных сосудов. Как правило, орнамент наносился на подсушенные изделия и лишь в единичных случаях он был процарапан по обожженному черепку. Основные орнаментальные зоны – плечики и верхняя часть тулова, довольно редко он выполнялся на венчике и нижней части тулова. Наиболее распространенные приемы орнаментации – прочерченный и врезной. Они наносились одноострийным или многоострийным инструментом (3–9 зубцов). Чаще всего встречался горизонтально-линейный, волнистый, фестончатый, арочный орнамент, зигзаг. Эти виды орнамента наносились на сосуд, как самостоятельный узор, так и в сочетании друг с другом, образуя различные композиции: горизонтально-линейный с волнистым, горизонтально-линейный с фестончатым и т. п. Помимо того, стенка одного из сосудов была украшена пересекающимися горизонтальными и вертикальными прочерченными линиями, нанесенными многоострийным инструментом (6 зубцов).

Штампованный орнамент выполнен штампами-печатами, прямоугольными лопаточками различных размеров, гребенчатым штампом. Наиболее распространенные виды орнамента – розетка, ямочные и ромбические вдавления. Большой интерес представляет фрагмент стенки сосуда, на котором сохранилась часть орнамента в виде четырехлепестковой розетки, в каждом лепестке которой был изображен лежащий козел.

Судя по соотношению лепной и станковой керамики, использованию гончарного круга медленного вращения, некоторым видам орнамента (концентрические круги и др.), данный керамический комплекс можно предварительно датировать VIII–X вв.

Городище Дархан занимало исключительно важное географическое положение – оно контролировало Джуукинский (Заукинский) перевал – наиболее удобный проход через хребет Терской Ала-Тоо в Центральный Тянь-Шань и дальше оттуда – в Фергану и Восточный Туркестан.

Тюп

Еще П. П. Семенов-Тянь-Шанский, опираясь на сведения, полученные от местного киргизского населения, отметил подводные развалины на дне залива в устье реки Тюп. Проверить эти сведения не удалось, так как путешественник не смог лично осмотреть место расположения развалин. Тем не менее, П. П. Семенов счел возможным включить эти сомнительные данные (правда, с оговорками) в свой «Географическо-статистический словарь».

Примерно через сорок лет после П. П. Семенова следы поселения здесь пытался осмотреть В. В. Бартольд. Опять неудача, так как «о подводных развалинах около устья Тюпа крестьяне села Преображенского (ныне с. Тюп. – *Авт.*) ничего не знали»¹. Ученого в очередной раз «угостили» полудостоверными рассказами о находках на озере множества кирпичей и изделий из меди: ножей, пик, стрел, топоров, серпов. В доказательство абсолютной истинности этих рассказов жители с. Преображенского показали В. В. Бартольду большой медный котел, вырытый верстах в пяти вверх по течению от устья Тюпа. Владелец котла запросил за него 30 руб. Ограниченный в средствах ученый не смог уплатить столь крупную сумму. По сходной цене он приобрел лишь медный нож, найденный там же.

Подводные развалины близ Тюпа пытался разыскать и П. П. Иванов. Опять неудача: «Расспросы среди крестьян и рыбаков с. Тюп показали, что значительных развалин здесь в окрестностях нет так же, как и на дне залива»². Ученому рассказали о каких-то «дорогах», которые проложены по дну озера, а местами выходят на сушу. Однако показали зато вполне реальные «морские горшки» (очевидно, хумы), которые очень ценились местными крестьянками за прочность и непроницаемость для жидкостей.

В 1986 г. мы обследовали территорию от с. Тюп до берега залива, подплывали на корабле «Юнга» к устью реки со стороны озера. Следов крупного поселения нам обнаружить здесь не удалось. Остается предположить, что поселение на дне залива близ устья р. Тюп либо плод мистификации, либо оно полностью заилено речными наносами.

Долинка

Случай свел нас с интересным человеком – Ю. Чаловым, рабочим-строителем из города Чолпон-Ата. Он и его маленькая дружная семья влюблены в озеро Иссык-Куль. Сам Юрий увлекается подводным плаванием, охотой и фотографированием. Обзавелся аквалангом, специальным гидрокостюмом, ружьями для подводной охоты. Сам смастерил водонепроницаемый бокс для фотоаппарата. Дно озера в окрестностях города и далеко за его пределами он знает не хуже, чем свою строительную площадку. В домашней коллекции Чаловых хранятся два древних керамических сосуда, добытых на дне озера.

Естественно, что наш первый вопрос был: «Откуда сосуды?» На следующий день Ю. Чалов показал место «добычи». Оно располагалось примерно в 2,5 км к югу от восточной окраины с. Долинка. Керамику можно было собирать прямо на превосходном песчаном пляже и у кромки воды. В прибрежной акватории в течение трех дней вели разведочные погружения аквалангисты С. С. Прапора. Трофеями их были зернотерки, половина жернова от ручной мельницы и, конечно, фрагменты керамики.

По технике изготовления керамика представлена фрагментами станковой и лепной посуды. Станковая преобладает. По форме и функциональному назначению делится на несколько типов: котлы, горшки, хумы.

¹ Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию... – С. 65.

² Иванов П.П. Материалы по археологии... – С. 84.

Котлы, судя по сборам на поселении, являются одним из самых распространенных типов посуды. У них прямой или округлый венчик и сферическое тулово. Нижняя часть изделий не сохранилась. Все сосуды широкогорлые (диаметр венчика 19–35,5 см). На некоторых в верхней части тулова прочерчен горизонтально-линейный орнамент (в 1–3 линии). Встречены обломки котлов с горизонтальными ручками округлого и овального сечения. Некоторые у основания орнаментированы глубокими округлыми вдавлениями. Для прочности крепления концы ручки вставлялись в специально проделанные отверстия и примазывались изнутри. Есть и изделия, покрытые толстым слоем сажи. По всей видимости, котлы использовались в качестве кухонной и тарной посуды.

Горшок слабо профилирован, с прямым, выступающим наружу венчиком и расширенным туловом. Сосуд светло-желтого цвета.

Хумы представлены фрагментами двух сосудов. Изделия широкогорлые (диаметр венчика 28–34 см). У одного массивный прямой венчик, расширяющийся на обе стороны, наружный край его утончен и несколько приподнят вверх, образуя широкий желобок. Внешняя сторона венчика украшена тонкими ногтевыми вдавлениями. На плечиках сосуда расположен пояс из вдавленных кружков (Диаметр $\frac{2}{3}$ см), рассеченных рельефным крестом. Он выполнен штампом-печатью. Ниже проходил врезной арочный орнамент, под которым почти у основания соединения арок находились три маленьких вдавленных кружочка, расположенных треугольником. Внешняя поверхность сосуда белого цвета.

Встречены стенки станковых сосудов, орнаментированных волнистым, фестончатым орнаментом, пояском из разомкнутых элементов зигзага. Один из сосудов был орнаментирован пояском из наклонных точечных вдавлений гребенчатого штампа, ниже шел арочный орнамент, под которым располагались горизонтальные линии. Вся орнаментальная композиция выполнена четырехзубым инструментом.

Лепные изделия немногочисленны и представлены единичными экземплярами.

Чаши (2 экз.) округлой формы (найжены только верхние части) со скошенным наружу краем.

Обломок кувшина с утонченным прямым венчиком, скошенным внутрь. Сосуд широкогорлый, с расширенным туловом. К плечикам и верхней части тулова прикреплен вертикальная ручка с заостренным верхним концом.

Сосуд баночной формы с округлым краем и прямыми, плавно расширяющимися к дну стенками. В верхней части тулова сохранились остатки вертикальной ручки. Был ли сосуд с одной или двумя ручками, определить невозможно вследствие фрагментарности изделия. Как и кувшин, этот сосуд тонкостенный. По венчику с внутренней стороны проходит полоса красной краски.

В целом обнаруженный керамический комплекс по ряду признаков (преобладание станковой посуды, качество изделий, их форма и др.) можно предварительно датировать X–XII вв.

На подводных развалинах южнее с. Долинка мы в первый раз (но не в последний) столкнулись с варварским отношением к древностям, на которые ранее было как бы наложено негласное табу. Здесь оскверняли останки людей, умерших и похороненных около тысячи лет тому назад. Отдыхающие из ближайших пансионатов ныряли и поднимали на поверхность черепа покойных. Из них изготавливали исуык-кульские «сувениры» - пепельницы, светильники и даже, уподобляясь гуннским и печенежским князьям, чаши, оправленные металлом. Преступному аморальному промыслу должен быть положен конец.

Койсуу

Если в научном мире наиболее известными стали подводные развалины средневекового города в урочище Койсары, то в Море туристов – развалины к югу от с. Курское. Популярность их объясняется просто: в свое время В. В. Бартольд связал остатки поселения у с. Курское с мрачной славой хромого «потрясателя вселенной» – эмира

Тимура. Средневековый историк Ибн Арабшах писал, что на острове озера Иссык-Куль Тимур построил «небольшое жилище», где содержались пленники, захваченные им во время походов. Позже моголистанский историк и полководец Мухаммед Мирза Хайдар отметил, что эмир Хакк-Берды Бекичек построил тянь-шаньский вариант замка Ифф (Монте-Кристо) – неприступную крепость на иссык-кульском острове в местности Койсуу, где и поселил свою семью. Зачем же понадобилась степному феодалу водная твердыня? Дело в том, что сам эмир совершал постоянные набеги на среднеазиатские города Сайрам и Туркестан. Набеги отвлекали большие воинские силы. Поэтому эмир опасался удара в слабо защищенную «спину» со стороны калмыков. Крепость среди озера должна была обезопасить близких эмира и избавить их от судьбы, подобной той, которую сам Хакк-Берды уготовил жителям Сайрама и Туркестана¹.

К сообщению Ибн Арабшаха, которое не подтверждается другими авторами, нужно относиться если не скептически, то весьма и весьма критически. Действительно, эмир Тимур, начиная с 1371 г., много раз ходил походами на Тянь-Шань. Не один раз после жестоких победных сеч с кочевыми аборигенами он смывал кровь с рук своих в святых водах озера Иссык-Куль. Однако реальной власти над могульскими племенами Тянь-Шаня Тимур не имел никогда. Как только полководец поворачивал свои войска на запад, север или юг, могулы опять занимали свои тянь-шаньские пастбища и готовили коней для похода к сердцу владений обидчика – прекрасному и богатому Самарканду². Такая политическая ситуация едва ли способствовала строительству. К тому же, пленников Тимур, как правило, не содержал близ кочевий их соплеменников, которые внезапным ударом могли их освободить, а гнал в свою столицу. Вот характерная реляция после очередного разгрома тянь-шаньских могулов, написанная биографом эмира Шараф ад-дином Али Йезди: «...избиением и грабежом стирали их (могулов. – *Авт.*) с лица земли, захватив многочисленный полон и несчетную добычу ...погнав ту толпу, привели в Самарканд, вместе с имуществом и добычей»³.

Однако в словах Ибн Арабшаха есть и правдоподобная нота: напрасно пишут, что Тимур-де, как смерч, лес только разрушения в чужие земли. На развалинах городов он охотно строил... Но строил-то исключительно крепости и тюрьмы! Поэтому сообщение средневекового историка о строительстве «жилища» для содержания пленных на каком-то иссык-кульском острове не выглядит совсем уж невероятным. Только был ли остров?

Более определенными кажутся сведения Мухаммеда Мирзы Хайдара, который указывает местность, где находился остров. К тому же, могульские эмиры не раз строили и перестраивали тянь-шаньские крепости, примером чего могут служить известные Кошой-коргон и Ширдадбек, развалины которых опозитизированы киргизскими сказаниями.

Первым на подводные развалины у устья реки Чон-Койсуу обратил внимание Г. А. Колпаковский. Всего в одной сажени от берега (уровень озера 1869 г.) и на глубине около аршина ему показали следы построек, назначение которых, по словам исследователя, «было трудно понять». И немудрено. Семиреченский губернатор увидел три параллельные стены на расстоянии всего в аршин друг от друга! Стены не замыкали какого-либо пространства, а, располагаясь перпендикулярно к берегу, уходили далеко в глубину озера. По мнению Г. А. Колпаковского, стены были сложены из обожженного кирпича. Большое количество кирпича было разбросано и у основания стен⁴. Действительно, и нам, как и первооткрывателю, «трудно понять» функциональное назначение и целесообразность подобной постройки.

¹ Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию... – С. 66.

² История Киргизской ССР. Т. 1. – С. 397-403.

³ Шараф ад-дин Али Йезди. Зафар наме / Пер. с перс. О. Ф. Акимушкина // МИКК, вып. 1. – С. 138-139.

⁴ Колпаковский Г. А. О древних постройках, найденных в озере Иосык-Куль // ИРГО. Т. 6, 1870. Отд. II. – С. 102.

18 августа 1927 г. часа в 4 пополудни от берега у с. Курское отплыла большая лодка и взяла курс на восток. Вода «без морщинки», солнце яркое, видимость отменная! На веслах сидели сельские рыбаки – большие знатоки секретов озера, которыми они охотно делились с общительным и простым в обращении человеком – приезжим ученым П. П. Ивановым. А секреты? Вот они – в каких-то трехстах метрах от берега и на глубине всего в 4–6 м. Рыбаки показали ученому на дне озера зыбкие очертания груды кирпичей, деревянного «моста», площади, выложенной квадратными кирпичами, осколков сосудов. Кто помоложе, по просьбе Павла Петровича ныряли на дно озера за кирпичами, измеряли длину и толщину бревен «моста», поднимали фрагменты керамики. В одном месте удалось заметить совершенно целый конической формы кувшин. «Мой «водолаз» пытался его достать, – писал П. П. Иванов, – но оказалось, что сосуд своим нижним краем «врос» в дно и оторвать его можно только с риском расколоть самый кувшин»¹. «Ловцы древностей» вернулись домой только после захода солнца.

П. П. Иванов обратил особое внимание на вымостки из бревен, которые располагались не на одной прямой и под углом друг к другу. Однако его объяснение функционального назначения бревенчатого настила (крыши подземных сооружений) едва ли выдерживает критику. Какие могут быть подземные сооружения на острове, если траншея глубиной всего в 0,5 м, вырытая неподалеку от настила в 1986 г., в 3–4 часа заполнилась грунтовыми водами? Примерно такие же результаты были получены и иными исследователями, пытавшимися вести раскопки близ берега озера².

В целом ученый с помощью рыбаков хорошо разобрался в ситуации: «Неподалеку от берега (метрах в 200) под водой почти перпендикулярно береговой линии тянется возвышенность, на которой и расположена главная масса кирпича... По обеим сторонам засыпанного кирпичами пространства видны обрывы... Вполне возможно, что исчезнувший остров «в местности Кой-Су» был именно здесь... Значительная площадь, густо засыпанная кирпичом и отчасти грудями камней и плит в районе осмотренных деревянных «мостов», как нельзя более указывает на существование здесь в былое время сооружения, каковым могла быть, например, построенная в XV в. на острове эмиром Хакк-Берды Бекичеком крепость»³.

Загадочных стен, изумивших Г. А. Колпаковского своим нелепым взаиморасположением, П. П. Иванов не видел.

Более чем через тридцать лет выводы П. П. Иванова подтвердил Д. Ф. Винник, который сосредоточил работы сезона 1939 г. в основном на подводных развалинах близ с. Курское. Положение за это время значительно изменилось: озеро еще более отступило от прежней береговой линии. Если в 1927 г. кирпичи лежали на глубине 4–6 м, то в 1959 г. – на метр ближе к поверхности, самая высокая часть отмели в 1953–1954 гг. полностью освободилась от воды и стала островом. Пионеры близлежащего лагеря «Чайка» назвали его в честь пионера-героя «Островом Вали Котика». Они сами соорудили здесь незатейливый обелиск, на котором увековечили имя своего сверстника-героя⁴.

Аквалангистам в тот сезон удалось сделать и ряд существенных дополнений к описанию подводных развалин, сделанных П. П. Ивановым. Если последний сделал лишь визуальные наброски плана взаиморасположения «моста» и «кирпичных полов», то в 1959 г. был сделан подробный план подводных развалин, где были учтены не только бревенчатые настилы, но и вновь открытые постройки из кирпича, колья деревянной изгороди, фундаменты и остатки стен, каменные вымостки. Кроме того, аквалангисты сумели собрать приметную коллекцию материальной культуры, включающую строительные материалы, водопроводные трубы и немного осколков керамической посуды. Исследуя бревенчатый настил, аквалангисты открыли стену» сложенную из

¹ Иванов П.П. Материалы по археологии... – С. 92.

² Винник Д.Ф. Работы Иссык-Кульского археологического отряда в 1959 г. – С. 101.

³ Иванов П.П. Материалы по археологии... – С. 93-94.

⁴ Зюков Б. Под волнами Иссык-Куля. – С. 59.

крупных камней. Стена была расположена как раз на краю крутого откоса отмели, за которым глубина сразу достигает 30 м. На верхние камни стены были уложены торцы бревен настила, основная часть которого лежала на песке отмели. На такие же каменные опоры у края обрыва был уложен и второй бревенчатый настил. Вновь открытые факты, по мнению Д. Ф. Винника, подтверждают мысль П. П. Иванова о подземных сооружениях на острове¹.

Еще через четверть века развалины у с. Курское были обследованы авторами этих строк. Уровень зеркала озера за это время понизился настолько, что к обелиску, сооруженному в честь Вали Котика, мы добирались не на лодке, а свободно подъехали на экспедиционном графике. Отмель почти полностью обнажилась. Водой покрыта только ее западная часть, но и здесь глубина такая, что свободно расхаживают кулики, Остров стал полуостровом. На бревенчатом настиле можно было сидеть, свесив ноги, и не замочить их озерной водой. Трудно себе представить, что, даже подпрыгнув, мы далеко не сумели бы дотянуться до киля лодки, в которой, казалось бы, так недавно, проплывали над отмелью аквалангисты Д. Ф. Винника (а наши однокашники по историческому факультету КГУ) В. Буканев и Б. Кочнев. А в лодку П. П. Иванова с современной поверхности едва-едва запрыгнул бы со своим шестом знаменитый Сергей Бубка.

На полуострове у нас окончательно оформилась давно зревшая, казалось бы, парадоксальная, мысль: разведку подводных городов гораздо эффективнее производить именно тогда, когда они находятся под водой. Сейчас полуостров занесен толстым слоем песка, который скрыл бывшие остатки строений. Его уже не смывают крутые волны. Большая часть территории заросла буйным джержаном. Где площади, вымощенные кирпичом и булыжником? Где колья ограды и стены строений? О наличии их сейчас никто бы не догадался. Теперь эта местность ничем не отличается от других привычных исык-кульских пляжей. Только по планам подводных развалин, составленным некогда П. П. Ивановым, а потом Д. Ф. Винником, будущий исследователь, заложив обширный раскоп и затратив массу труда, сумеет найти те объекты, которые его предшественники визуально фиксировали сидя в лодке. А может быть и не сумеет. Дело в том, что и в наши дни для местных жителей высококачественный средневековый суперкирпич продолжает оставаться желанным и даровым строительным материалом. Еще Г. А. Колпаковский писал, что из кирпича, поднятого со дна озера близ Чон-Койсуу, был построен гумбез над могилой какого-то Бамбая². Несколько десятков лет местные жители, как и в урочище Койсары, растаскивали бесценные для науки архитектурные памятники времени становления киргизской народности для постройки печей. Д. Ф. Винник отметил несколько гумбезов на кладбищах близ сел Чон-Сары-Ой и Курское, построенных из средневекового кирпича, который доставали, разрушая подводные архитектурные сооружения.

В сезон 1986 г. мы заложили траншею на том месте, где на плане Д. Ф. Винника значится постройка из обожженного кирпича. Постройка была довольно внушительной: одна стена, как ее видели аквалангисты, сохранилась на 7,5 м в длину, другая – на 3,3 м. Ширина и высота стен была около полуметра. Траншея шириной в 2 м и длиной 12 м была заложена в 70 м (согласно плану) к югу от второго бревенчатого настила. Трасса траншеи была проложена с северо-востока на юго-запад, т. е., согласно расчетам, она должна была пересечь обе стены под углом. В траншее были обнаружены куски кирпича и фрагменты керамики, найдена гигантская керамическая плита (51х51х6,5 см) и обломки от подобной ей, отыскивали даже маленькую пятнадцатикопеечную монету выпуска 1939 г., но громадных стен не обнаружили. Слабым утешением была находка в траншее кусочка изразца, покрытого с одной стороны голубой глазурью. О подобных изразцах со слов рыбаков упоминал П. П. Иванов. Плитки с голубой глазурью находил и Д. Ф. Винник.

¹ Винник Д. Ф. Работы Исык-Кульского археологического отряда в 1959 г. – С. 90-94.

² Колпаковский Г. А. О древних постройках... – С. 104.

Находки таких плиток важны тем, что вполне определенно датируют постройки XIV–XV вв. Неудачи раскопок можно объяснить многими обстоятельствами. Наиболее вероятное из них: в промежутке между 1959 и 1986 гг. опять кому-то понадобилось строить либо печь, либо гумбез.

Наша траншея довольно быстро заполнилась водой. Нам, увы, осталось только рекультивировать нарушенный раскопками чудесный исык-кульский пляж.

Здесь же на полуострове мы столкнулись с геологическим новообразованием конгломератного типа. Оно тянется вдоль западного мелководного нынешнего берега залива и вполне напоминает разрушенную стену, плотно сцементированную из песка и озерной гальки. Достоверность имитации постройки усиливается тем, что кое-где в конгломерат включены плотно сидящие в нем средневековые кирпичи. В одном месте новообразования всего на расстоянии 0,5–0,7 м тянутся параллельно друг другу. Не исключено, что подобный природный феномен в свое время ввел в заблуждение Г. А. Колпаковского, который, как уже упоминалось, видел три ряда стен близ Койсуу.

Серьезные опасения в наши дни вызывает судьба бревенчатого настила. Его разрушают отдыхающие. Бревна, срубленные на северных склонах Кунгей Ала-Тоо свыше полутысячи лет тому назад и с большим трудом доставленные к берегу, сейчас бездумно и бесцельно, прилагая при этом значительные усилия, вырывают из настила и за ненужностью бросают в воду. Они тонут, наши аквалангисты на глубине около 10 м обнаружили четыре затонувших бревна.

Обследование каменной стены, наверх которой опирается торцовая часть бревенчатого настила, убедило нас в том, что эта стена была сложена не для постройки какого-то подземного сооружения, как предполагали наши предшественники, а для укрепления берега острова с целью предотвращения его от размыва волнами озера.

В настоящее время факт постройки дворцового типа на острове (или полуострове) близ с. Курское не вызывает сомнения. Постройка была парадной, о чем убедительно свидетельствуют изразцы с голубой глазурью и фигурные плитки с рельефным узором. Стены построек были разрушены очередной трансгрессией озера хищнической деятельностью местных жителей.

Зафиксированные учеными сохранившиеся до наших дней следы строительных работ относятся, на наш взгляд, не столько к истории архитектуры, сколько к истории инженерной мысли средневекового Киргизстана. Неведомому зодчему, получившему задание от какого-то феодала, будь-то Тимур, Хакк-Берды Бекичек или кто иной, до начала возведения стен нужно было решить нелегкую задачу: а на что же будет опираться его творение? Он хорошо знал древнюю истину: дворец можно строить только после стабилизации зыбкой почвы, нельзя, да и невозможно, строить на песке. Технические приемы стабилизации почвы острова подсказывала сама природа. Восточный берег, круто уходящий в воду на глубину до 30 м, откуда можно было ожидать наиболее сильных ударов волн, укрепили каменной стенкой и бревенчатым настилом. Пески центральной части острова закрепляли вымосткой из специально изготовленных более чем полуметровых керамических плит. Плиты были, конечно, дорогим материалом, поэтому для закрепления песка использовались и вымостки булыжником. Кое-где стабильность почвы достигалась забивкой свай. Так, Д. Ф. Винник только на небольшом участке насчитал 58 таких свай, которые отделялись друг от друга расстоянием от 0,5 до 0,8 м¹. Трактовать сваи как остатки изгороди едва ли возможно, так как среднеазиатская средневековая архитектура всегда применяла изгородь только типа дувала. Система инженерных мер по укреплению почвы острова, как видим, была довольно эффективной и сохранилась до наших дней.

Закончить тему о развалинах Койсуу мы сочли нужным отнюдь не археологическим сюжетом. Более чем скромный самостоятельный обелиск, который

¹ Винник Д. Ф. Работы Исык-Кульского археологического отряда в 1959 г. – С. 97.

возвели здесь пионеры в середине 50-х годов в честь Героя Советского Союза пионера Вали Котика, оказался забытым. За ним уже не ухаживают пионеры конца 80-х годов, не звучит здесь горн, не гремит барабан, не звенят пионерские песни, не звучат торжественные клятвы верности Родине и делу Ленина. Сейчас территорию близ обелиска прочно закрепили за собой взрослые дяди и тети, которые зачастую поют совсем не пионерские песни. Не пора ли соответствующим организациям Иссык-Кульского района и, прежде всего райкому комсомола и райвоенкомату, возродить былую пионерскую традицию и воздвигнуть здесь памятник, достойный подвига юного героя? Патриотическое и интернациональное воспитание от этого только выиграет.

Тору-Айгыр

Подводные развалины юго-западнее с. Тору-Айгыр были открыты случайно. Летом 1985 г. по северному берегу Иссык-Куля распространился слух о «находке века» на дне озера близ туристической базы «Улан». Сообщалось как вполне достоверный факт, что повар турбазы, увлекающийся подводным плаванием, нашел глубоко под водой кирпичный дом с деревянной дверью. Когда повар потянул за ручку на себя, то дверь распахнулась и он свободно вплыл в комнату. Здесь подводного пловца ожидало неслыханное везение: посередине комнаты (по другому варианту – в углу) лежала груда золотой и серебряной посуды. Три ночи повар доставал сокровища и прятал в укромном месте, а затем внезапно уехал домой в Ташкент, прихватив с собой всю посуду и дверную ручку в придачу. При ближайшем рассмотрении она оказалась из чистого золота. Сказка? Конечно, но и в ней, несмотря на весь наш скепсис, как и во всякой сказке, оказалась доля истины.

В августе того же года мы завернули в «Улан». Старший инструктор Э. Кауль подтвердил только часть слухов, притом ту, которая меньше всего интересовала археологов: повар-ташкентец был, он увлекался под, водным плаванием, уволился по семейным обстоятельствам, но уехал, как приехал, со сменными рубашками и бритвенным прибором в портфеле. «А не интересуется ли вас глиняная посуда?» – спросил старший инструктор, когда тема, казалось, была уже исчерпана. И он показал нам солидную коллекцию средневековой керамики, которая хранилась в одной из кладовых. Оказалось, что вся она была собрана на дне озера близ «Улана» и предназначалась для будущего музея турбазы. Что ж, нет худа без добра. Открыто новое, самое западное местонахождение подводных развалин на северном берегу озера Иссык-Куль¹.

Сведения Э. Кауля были полностью подтверждены в сезон 1986 г. сотрудником нашего отряда В. М. Блиновым, получившим специальность легкого водолаза во время прохождения срочной службы на Дальнем Востоке. Он обследовал обширную акваторию (800х400 м) озера к югу от восточной части территории турбазы «Улан».

Здесь рельеф дна неровный, есть возвышенности и глубокие впадины, грунт – глина, покрытая илом и песком. Растительность полностью отсутствует. Видимость зависит от погоды и часто не превышает 0,4–0,5 м, что значительно затрудняет подводный поиск. В районе поиска проходит сильное придонное течение, направленное с востока на запад. Оно перемещает песок и ил, обнажая одни и погребая другие участки дна. Течение часто меняет придонную ситуацию так, что обследованный сегодня объект можно не найти завтра. Учитывая эти обстоятельства, В. М. Блинов использовал систему легких буйков, которые значительно облегчали ориентирование.

На расстоянии 250 м от береговой линии на глубине 3,5 м аквалангист обнаружил вымостку из обожженного кирпича (28х14х5,5 см). Это был участок неправильной формы, площадью 17,5 кв. м. Кирпич был уложен в «елочку» и скреплен очень плотным раствором, не поддающимся даже воздействию металла. Толщина промазки между кирпичами 0,5 см. На значительном расстоянии вокруг выкладки валяются куски и целые экземпляры кирпича. По всей вероятности, здесь было помещение, пол которого и

¹ Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию... – С. 67.

составляла фигурная кирпичная кладка. Даже оснований стен этого помещения, несмотря на все усилия, В. М. Блинову обнаружить не удалось. Если стены были сложены из сырцового кирпича, то их, конечно, размывли воды озера, а если из обожженного, – они вполне могли пойти на вымостку пола, как отметил еще В. В. Бартольд, «на старой Тору-айгырской станции»¹.

В 300 м от берега на глубине до 3,5 м прямо на илистом грунте был обнаружен «ящик», сложенный из обожженного почти квадратного кирпича (13х12х5 см). Боковые стенки и дно – в один кирпич. Размеры «ящика» 40х20х12 см. Рядом с этим сооружением неизвестного назначения было большое скопление керамики. Несколько мористее на глубине 4 м сохранились остатки стен помещения (2х2 м), стороны которого ориентированы по странам света. Стены в высоту сохранились всего на четыре кирпича. Пол покрыт очень прочным цементирующим раствором.

Остатки монументального строительства из обожженного кирпича на дне озера близ с. Тору-Айгыр в наши дни, как и следовало ожидать, сохранились не лучше, чем в урочище Койсары и на «острове Тимура». Тем самым слухи о «сокровищнице с деревянной дверью и золотой ручкой» получили документальное опровержение.

Изделия из камня на городище Тору-Айгыр представлены четырьмя жерновами метрового диаметра и толщиной от 8 до 12,5 см. Привести в движение такую махину могла только сила животных или, скорее всего, сила падающей воды.

По территории подводного городища без какой-либо системы были разбросаны скелеты людей, древних его насельников. Положение скелетов разное: вытянут на спине головой на север, запад или юг; на боку. Иногда попадался череп без скелета, в другой раз – наоборот. Сейчас трудно объяснить это обстоятельство. То ли здесь жили люди с самыми различными религиозными воззрениями, а, следовательно, и с различным погребальным обрядом, то ли произошла неведомая нам катастрофа, при которой погибшие остались непогребенными. Дальнейшие археологические и антропологические работы прольют свет и на этот вопрос.

Улахол

В сезон 1986 г. мы обратились за гидрографической консультацией к известному исследователю ихтиофауны Иссык-Куля А. Конурбаеву, который в то время возглавлял Биологическую станцию АН Киргизской ССР в г. Чоллон-Ате. В заключение беседы, узнав о наших интересах, ученый показал нам великолепной сохранности керамический круглодонный котел с двумя горизонтальными ручками подтреугольной формы. По его словам, котел подарили ему рыбаки, которые извлекли находку ее дна озера близ с. Улахол. На дне котла, доверху забитом илом и песком, сохранились даже кости барана. Кости были направлены в одну из лабораторий Московского университета, где они были датированы XIV в. На вопрос, были ли близ места находки котла еще какие-либо фрагменты керамики, кирпичей и других индикаторов подводных поселений, ученый ответить не мог, так как получил котел через третьи руки. Фамилии и адреса рыбаков, обнаруживших котел, тоже остались неизвестными. Котел А. Конурбаев оставил в своей домашней коллекции как будущий экспонат музея Иссык-Куля, проект которого давно вынашивает этот истинный знаток и патриот нашего озера. Мы произвели замеры, зарисовку и фотофиксацию интересной находки, решив при случае обследовать дно озера близ с. Улахол с помощью аквалангистов.

В конце сезона 1987 г. сотрудница нашего отряда – молодой кемеровский археолог Е. А. Миклашевич встретила жиителя г. Рыбачье С. П. Багрина, который поведал ей историю о котле, найденном на дне озера близ с. Улахол. Он подтвердил, что котел был передан на Биологическую станцию. Концы сошлись. С. П. Багрин рассказал, что большая

¹ Бартольд В.В. указал на бесплодие территории около станции Тору-Айгыр, но заметил, что выше станции имеется «кирпичный завод», а в самой станции пол был выложен средневековым кирпичом. (Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию... – С. 67); Иванов П.П. Материалы по археологии... – С. 95; Винник Д.Ф. Работы Иссык-Кульского археологического отряда в 1959 г. – С. 87.

площадь на озера в районе находки буквально усеяна фрагментами керамики. Здесь же с лодки он видел каменный жернов. Перечисленные признаки достаточны для вывода: на дне озера близ с. Улахол находятся развалины средневековой поселения, которое просуществовало минимум до XIV в. Однако и на сей раз проверить и документировать полученные сведения не удалось. Аквалангисты уже отбыли в Москву. Точное выяснение местонахождения этого поселения и его исследование отложим до будущих времен.

Я к знаниям стремился с желаньем упорным,
Низал слово к слову я слогом узорным.
Паслось слово тюрок оленем нагорным,
А я приручил его, сделал покорным.
Юсуф Баласагунский

КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ

Процесс средневековой урбанизации (от латинского *urbanus* – городской), начавшийся в Средней Азии в VI в., уже в VII–VIII вв. затронул Прииссыккулье. Сущность этого явления раскрыл К. Маркс: «Урбанизация – это целостный процесс, содержанием которого являются изменения культурного значения и социальных функций, городской концентрации населения, орудий производства, капитала, наслаждений, потребностей»¹. Ученые пока не располагают необходимыми источниками, которые позволили бы с достаточной полнотой осветить жизнь городов Прииссыккулья в VIII–XIV вв. Поэтому наше повествование, как и наши источники, будет отрывочным, разрозненным и далеко не полным.

Письменные источники упоминают названия только пяти иссык-кульских городов. Кроме них археологи открыли около сотни мелких поселений. Этот факт свидетельствует в пользу того, что плотность населения иссык-кульской котловины к XI–XII вв. едва ли была намного меньше, чем в наши дни. У читателя может возникнуть вполне закономерный вопрос: «А где же эти города? Где Барсхан, который был якобы не меньше столицы Ташкентского оазиса? Где Яр, равный Отрару? А где таинственный город Иссык-Куль и монастырь «армянских братьев»? Ответы ученых на эти вопросы неоднозначны.

Видный советский археолог А. Н. Бернштам, например, не сомневался, что развалины близ Койсары и есть исторический город Верхний Барсхан – центр одноименной области. В то время эта идентификация не вызывала сомнений, так как другие развалины крупных средневековых поселений в Восточном Прииссыккулье ученому не были известны. Д. Ф. Виннику близ устья р. Барскаун, недалеко от кромки озера удалось обнаружить впечатляющие средневековые развалины площадью 4x4 км. Это обстоятельство позволило ему отождествить город Верхний Барсхан с открытым городищем, с тем большим основанием, что рядом протекала одноименная река².

Однако не все так просто. Историческая топография городища Барскаун – четырехугольник стен – (торткуль) – не соответствует топографии согдийских городов, где неперенными элементами являются наличие высокого холма (цитадели) и примыкающего к нему города (шахристана). Четырехугольная планировка была характерна, начиная с X в., для поселений тюрок. Мы же помним, что, согласно Гардизи, город Верхний Барсхан был основан не тюрками, а выходцами из Ирана или Средней Азии. Вопрос об идентификации знаменитого города остается открытым.

На современном уровне наших знаний мы не можем с достаточной определенностью сказать, где находились города южного побережья озера Хол (современный Улахол?) и Яр (близ Рыбачьего?). Идентификация их – дело будущего. Но

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. – С. 50.

² Винник Д. Ф. Древние города и поселения Прииссыккулья // ПК. № 1. – Фрунзе, 1970. – С. 35.

зато с достаточной определенностью можно сказать, где был город Тон. Еще В. В. Бартольд, посетив развалины Хан-Дюбе, которые располагались на левом берегу р. Тон, высказал предположение, что здесь и располагался исторический город Тон ¹. В настоящее время нет оснований, оспаривать это отождествление.

Еще меньше данных для определения местонахождения единственного города северного побережья озера, упомянутого в письменных источниках под названием Иссык-Куль. На северном побережье известны только два пункта, где отмечены крупные средневековые развалины: Каменское городище, которое расположено севернее восточной окраины с. Джаркинбаево, и подводные развалины близ с. Тору-Айгыр. С городом Иссык-Куль, по-видимому, был связан христианский монастырь «армянских братьев». На северном берегу озера христианские надгробные надписи найдены только близ с. Тору-Айгыр. Но они выполнены не армянскими графемами, а сирийскими. Поиск города должен быть продолжен.

Как выглядели иссык-кульские горожане?

Портреты средневекового населения городов Прииссыккуля до нас не дошли. Тем не менее, антропологи хорошо представляют себе внешний облик горожан того времени. Они определяют его по черепам, которые добывают археологи при раскопках средневековых городских кладбищ. На Иссык-Куле в 1971 г. частично раскопан только один некрополь» располагавшийся к северу от городища Хан-Дюбе. Здесь получено 59 черепов из погребений жителей X–XII вв. исторического города Тон. Эту довольно представительную серию черепов тщательно изучил тогда еще молодой специалист, а ныне ведущий ученый-антрополог Средней Азии Т. К. Ходжайов.

В целом горожане по своему расовому типу были европеоидами с примесью монголоидности. Они были очень похожи на жителей Невакета (городище у с. Красная Речка) и тех христиан, которые были похоронены на кладбище XIII–XIV вв. близ г. Фрунзе. Иссыккульцы были близкородственны и жителям городища X–XII вв. Бейшеке (Таласская долина), хотя и отличались от них несколько ярче выраженной монголоидностью. По мнению Т. К. Ходжайова, европеоидный тип горожан Киргизии того времени восходит своими корнями к древним сакским и усуньским племенам.

Средняя продолжительность жизни горожан Тона исчисляется 26,7 годами. Она была несколько выше, чем в целом на территории нашей страны в средневековье, где средняя продолжительность жизни, по определению В. П. Алексеева, едва превышала 20 лет. Иссык-кульские мужчины тогда были «долговечнее» женщин: они жили в среднем 34,9 года, а женщины – только 31,5 года. На кладбище средневекового г. Тон не было похоронено ни одного человека старше 55 лет. Довольно высокой была детская смертность ².

Иными антропологическими фактами, позволяющими пролить свет на демографические процессы в средневековых городах Прииссыккуля, наука не располагает.

Религия

Письменные источники с равной степенью достоверности сообщают, что население средневековой Киргизии исповедовало несколько различных религиозных систем: христианство несторианского толка, буддизм, маздеизм, манихейство, ислам. Ныне известные эпиграфические памятники и, в меньшей степени, археологические материалы Прииссыккуля подтверждают функционирование здесь только христианства, буддизма и ислама.

Христианство. В середине 80-х годов XIX в. научный мир С.-Петербурга, Москвы и других европейских столиц был взбудоражен далеко не ординарным событием: в Пишпекском уезде Семиреченской области землемер Т. Андреев, отводивший земельные

¹ Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию... – С. 73-75.

² Ходжайов Т. К. Некрополи средневекового Тона и Бейшеке // Археологические памятники Прииссыккуля. – Фрунзе, 1975. – С. 120-134.

угодья для крестьян с. Лебединовки, обнаружил на камнях (кайраках) изображения странных крестов, окруженных непонятными письменами. Вскоре такие же памятники на городище Бурана (близ Токмака) обнаружил врач Ф. В. Поярков. Крупнейшие специалисты (некоторые из них с мировой известностью) буквально набросились на первые фотографии и эстампажи, поступавшие из Пишпека и Токмака. Материалы поражали своим обилием. Только близ Пишпека чиновник для особых поручений при семиреченском губернаторе Н. Н. Пантусов насчитал 611 камней с надписями. Ученые вскоре выяснили, что на семиреченских камнях были выбиты эпитафии (надгробные надписи) христиан несторианского толка. Позже такие же эпитафии были найдены в Ташкенте, Илийской долине и близ Кульджи¹.

Следов пребывания христиан в Прииссыккулье сравнительно немного. Еще в 1907 г. у р. Жууку (Зауке) было найдено два кайрака с несторианскими письменами². В 1963 г. житель Джеты-Огузского района Бапаев у с. Саруу нашел еще одну эпитафию³. На стеле высокогорной пещеры Ак-Чункур (бассейн р. Сары-Джаз) военный топограф и альпинист В. И. Рацек обнаружил и скопировал изображение несторианского креста. Он был нарисован черной краской, рядом – непонятные письмена⁴.

Некоторые археологические свидетельства о христианстве на Иссык-Куле требуют дополнительного изучения и тщательной проверки полевыми исследованиями. Еще в прошлом веке в Ташкентском историческом музее В. В. Бартольд видел покрытую синей глазурью керамическую вазу, которую доставили туда с Иссык-Куля. На ней были изображены двенадцать человеческих фигур нетюркского облика. Количество фигур необычного для Семиречья облика вызвало предположение, что на вазе были изображены 12 апостолов – сподвижников Иисуса Христа. В. В. Бартольд усомнился в такой трактовке, так как заметил среди изображений женскую фигурку с ребенком⁵. Иссык-кульская ваза, на наш взгляд, требует дополнительного изучения в связи с тем, что христианская символика несториан Семиречья (кроме характерных крестов и сцены жертвоприношения огню с двумя человеческими фигурами) практически неизвестна.

Среди материалов краеведа Н. Д. Черкасова хранилась фотография валуна с изображением типичного несторианского креста. По словам Н. Д. Черкасова, снимок был сделан на Иссык-Куле в окрестностях с. Тору-Айгыр. Наши попытки найти этот валун пока не увенчались успехом.

Кто такие христиане-несториане и как они попали на Иссык-Куль? Несторианство как религиозное течение возникло в Византии в первой половине V в. Основателем его был константинопольский патриарх Несторий (умер около 451 г.). В противовес мистицизму ортодоксальной церкви, утверждавшей, что Иисус есть сын божий и богочеловек, несториане проповедовали, что Иисус – человек и сын человеческий, который по наитию святого духа стал мессией (Христом). Были и другие разногласия, которые не выходили за рамки схоластических споров, пока не обозначились социальные корни и политическая направленность несторианства. Патриарха Нестория решительно поддерживали горожане, особенно ремесленники и купцы, среди которых еще держались традиции античного рационализма. Особо сильны были несториане в византийской провинции Сирии. Горожане-несториане выступали за сильную власть императора, которая способствовала развитию ремесла и торговых связей, а следовательно, и процветанию городов. Ортодоксальная церковь, наоборот, делала все возможное для ограничения власти императора и даже пыталась сконцентрировать светскую и духовную

¹ Историю и подробную библиографию изучения эпиграфических памятников семиреченских несториан см.: Джумагулов Ч. Язык сиро-тюркских (несторианских) памятников Киргизии. – Фрунзе, 1971. – С. 3-22.

² Пантусов Н. Н. Христианское кладбище у ущелья Зауке // ПЗСТКЛА. 1908. – С. 14-15.

³ Чтение и перевод эпитафии см.: Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. Вып. 2. – Фрунзе, 1982. – С. 40-43.

⁴ Окладников А.П., Рацек В.И. Следы древней культуры в пещерах Тянь-Шаня // ИВРО. Т.6. Вып.5. – М., 1954. – С. 167.

⁵ Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию... – С. 75-76.

власть в руках папы римского. Противоречие стало непримиримым. На Эфесском церковном соборе в 431 г. победили сторонники папы во главе с фанатичным епископом Кириллом Александрийским, опиравшимся на земледельцев глубинных районов Египта, Палестины и Малой Азии. Учение Нестория было объявлено ересью, сам патриарх отправлен в ссылку, а его сторонники подверглись гонениям. Сначала они бежали в Иран и Среднюю Азию. К VIII в., как свидетельствуют археологические данные, они добрались до Таласской и Чуйской долин. На городище Ак-Бешим (средневековый город Суяб) были раскопаны христианская церковь и кладбище христиан вокруг нее. В г. Невакете (Краснореченское городище) тоже проживала христианская община, о чем свидетельствуют находки надгробных кайраков с эпитафиями и погребений, где на скелетах лежали бронзовые и нефритовые типично несторианские кресты¹. Есть сведения, что тюркское племя, называвшееся джикиль (или часть его), которое, как нам известно, проживало в окрестностях озера Иссык-Куль, в частности, близ города Яра, уже в VIII в. приняло христианство².

В конце XII в. Кашгар и Семиречье, а значит и территория Прииссыккуля, входили в одну несторианскую митрополию. Наибольшего влияния на территории Киргизии христианство достигло во времена правления первых ханов-чингизидов. Ханы Гуюк, Менгу и Хулагу покровительствовали несторианам. Если верить землепроходцу Марко Поло, то хан Джагатай сам принял христианство. Правда, как определил В. В. Бартольд, подобные сообщения мало чего стоят, так как европейские миссионеры, стремясь выдать желаемое за действительное, «часто называли христианами тех ханов, которые только покровительствовали христианам»³.

На Иссык-Куле, согласно Каталонской карте 1375 г., проживали христиане не только несторианского толка, но и последователи одной из ересей, распространенных среди армян (павликаны, тондракийцы?). На этой карте, на северном берегу озера было изображено здание, увенчанное крестом, с пояснительной надписью. «Место, называемое Иссык-Куль. В этом месте – монастырь братьев армянских, в котором, говорят, пребывает тело Св. Матфея, Апостола и Евангелиста»⁴. Сведения Каталонской карты косвенно подтверждаются текстом одной из эпитафий, найденной близ Пишпека Н. Н. Пантусовым при раскопках христианского кладбища. Надпись оказалась сиро-армянской. Она гласила, что здесь в 1323 г. был похоронен армянский епископ Иоан. Специальную статью этой надписи посвятил академик Н. Я. Марр. Он сделал вывод, что этот памятник указывает «на более или менее значительную колонию армянскую, а не на единичную личность, заброшенную судьбой в такую даль от Родины»⁵.

Немногочисленные иссык-кульские памятники христиан относятся ко времени монгольского господства, то есть к XIII–XIV вв.

Буддизм. В 1956 г. мировая общественность отметила 2500-летие со дня смерти (погребения в нирвану) Будды Гаутамы, или принца Шакьямуни, – основателя одной из трех самых распространенных в наши дни религий – буддизма. На рубеже нашей эры буддизм проникает в южные районы Средней Азии и в Китай. В VIII в. в городах Чуйской долины жили многочисленные общины буддистов, о чем свидетельствуют раскопки храмов, монастырей, находки бронзовых позолоченных изображений божеств буддийского пантеона, барельефы с буддийскими сценами на камне, буддийская символика в орнаментации керамики. Эти материалы свидетельствуют, что буддизм

¹ Кызласов Л. Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг. // ТКАЭЭ. – М. 1956. – С. 231; История Киргизской ССР. Т. 1. – С. 373.

² Григорьев В. В. Об арабском путешественнике X века Абу-Долефе // ЖМНП, ч. CLXIII. 1872. № 9. Отд. II. – С. 27–28.

³ Бартольд В. В. Мусульманские известия о чингизидах-христианах // Соч. Т. 2. Ч. 2. – С. 263.

⁴ Слущкий С. С. К семиреченским несторианским надписям // Древности восточные. Т. 1. Вып. 2. – М. 1891. – С. 179.

⁵ Марр Н. Надгробный камень из Семиречья с армянской надписью 1323 г. // ЗВОРАО. Т. VIII. – СПб., 1893–1894. – С. 347.

проник в чуйские города из Средней Азии, скорее всего, из Тохаристана¹. Носителями этой религии были переселенцы, не желавшие поправить веру отцов и в угоду завоевателям-арабам обратиться в правоверных мусульман.

Ничего подобного в местах затонувших городов на Иссык-Куле пока не найдено. Буддийские памятники в окрестностях озера представлены пока только тибетскими текстами, содержащими известную религиозную формулу: «Ом мани падме хум» («Ом! Драгоценность на лотосе. Хум!»). Наиболее известными являются четыре выразительных текста в ущелье Тамга, высеченные в строгом монументальном стиле, когда вокруг букв вырублена поверхность камня, что делает их рельефно-объемными.

Местное население сложило легенду о ближайшем к озеру камне, именуемом Тамга-Таш («Камень с клеймом»), который как определили исследователи, раскололся на две части еще до нанесения надписи. Согласно легенде, текст надписи на нем содержит реестр богатых трофеев, добытых любимым героем киргизских эпических сказаний Манасом в одном из удачных походов. К тому же, камень является зримым свидетельством богатырской силы героя, который ударом сабли якобы развалил монолит надвое. Тамга-Таш был настолько популярным, что его имя закрепилось за рекой, на берегу которой он лежит, ущельем, по которому бежит река, и за всей местностью, прилегающей к ним. Имя «Тамга» носит известный киргизский курорт.

Тамгинские надписи, как полагают ученые, были нанесены самими тибетцами во время их господства в Восточном Туркестане, то есть в промежутке между серединой VII – серединой IX в.²

Надписи молитвенной формулы «Ом мани падме хум» найдены в ущелье р. Жууку, в урочище Ак-Терек (близ местечка Думана), у с. Ой-Тал Тюпского района, в урочище Ак-Улен, где еще в 1937 г. Б. М. Зима собрал 17 камней с тибетскими письменами, близ с. Чон-Сары-Ой³. Эти надписи гораздо меньших размеров, выполнены небрежно, неумелой рукой и датируются XVII– первой половиной XVIII в. Они не имеют отношения к средневековым городам Иссык-Куля, которые к этому времени давно поглотили волны озера.

Ислам. Надежным индикатором ислама в свете археологических данных являются культовые сооружения, погребения и надгробные эпитафии. При раскопках койсаринских развалин был обнаружен фундамент мавзолея (гумбеца) с погребениями без инвентаря. Подобные мавзолеи были широко распространены в мусульманском мире. Обычно они воздвигались на могилах знати, купечества или видных религиозных деятелей. Мавзолеи представляют собой монументальные архитектурные сооружения, которые вписывались в городские ансамбли, определяя лицо средневекового мусульманского города. Четыре таких мавзолея открыты на городище Бурана. Три мавзолея в г. Узгене вместе с минаретом (XII в.) и сейчас, особенно после реставрации, радуют своим совершенством и красотой⁴. Только изредка мавзолеи строили вне городских стен. Таковым, например, является памятник XIV в. известный как «гумбез Манаса»⁵.

Под водой в месте расположения средневековых поселений у сел Дархан, Долинка, Тору-Айгыр были найдены скелеты людей, лежащие ровными рядами на расстоянии 1,5–3 м друг от друга. Скелеты в основном покоились на спине в вытянутом положении, головой на север. Руки вытянуты вдоль туловища или согнуты в локтях, а кисти сложены на груди. Есть все основания полагать, что эти скелеты указывают на места, где были

¹ История Киргизской ССР. Т. 1. – С. 350-352, 372.

² Зелинский, А. Н., Кузнецов Б. И. Тибетские надписи Иссык-Куля // СНВ. Вып. 8. – М., 1969. – С. 185.

³ Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. Вып. 2. – С. 47-57.

⁴ Горячева В. Д. Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии. – Фрунзе, 1983. – С. 35-47; Иманкулов Дж. О реставрации древних средневековых сооружений // ПК. № 7. – Фрунзе, 1983. – С. 27-30.

⁵ Помаскин Б.В. Гумбез Манаса. – Фрунзе, 1972.

расположены средневековые некрополи (кладбища) затонувших городов. Такие некрополи не раз встречались при раскопках городищ в Киргизии, в том числе и на Иссык-Куле¹. Здесь при раскопках городища Хан-Дюбе (исторический город Тон) к северу от второго кольца мощных крепостных стен был обнаружен обширный городской некрополь, где было вскрыто два типа погребальных сооружений: 1 – наземные склепы из сырцового кирпича (кладка без раствора), которые имели плоское или двускатное перекрытие; 2 – могильные ямы со стенками, обмазанными глиной, с деревянным перекрытием. Захоронения были расположены рядами, скелеты лежали в вытянутом положении, на спине, головой на север². Связь между некрополями, находящимися под водой, и некрополем городища Хан-Дюбе очевидна. Естественно, что под водой мы никогда не найдем склепов из сырцового кирпича, да еще и сложенных без скрепляющего раствора. Их давно размыли волны озера.

Погребения такого типа датируются X–XII вв. и вполне обоснованно считаются мусульманскими.

Самым убедительным доказательством исповедания ислама населением средневекового Прииссыккуля являются многочисленные надгробные эпитафии. Вот содержание одной из них: «Я прибегаю к богу от сатаны. Во имя бога, всемилостивого, всемилосердного. Засвидетельствовал бог, что нет бога, кроме него; и ангелы и люди знающие, соблюдая справедливость [исповедуют]: нет бога, кроме него, всемогущего, мудрого; поистине [настоящая] вера перед богом – ислам. Да благословит бог Мухаммеда, пророка...» Снимок с этой надписи, найденной на Иссык-Куле, в 1913 г. прислал священник Д. П. Рождественский. Прочитал и перевел ее В. В. Бартольд. Он же определил, что содержание надписи передает один из стихов Корана³.

Исламизация населения Прииссыккуля, как и всей Северной Киргизии, была осуществлена во время господства Караханидов, т. е. в X–XII вв. Однако наряду с исламом часть горожан продолжала исповедовать христианство. Позиции ислама как государственной религии при господстве кара-китаев и первых ханов-чингизидов были даже потеснены христианством и буддизмом. Такое положение продолжалось до конца XIV в., когда монгольские ханы приняли ислам и с фанатизмом неопитов стали силой насаждать учение Мухаммеда среди последователей Шакьямуни и Иисуса Христа. Вопрос о времени появления собственной письменности на территории Киргизии остается открытым. Самые древние письмена в Семиречье найдены на чаше в кургане Иссык (IV – начало III в. до н. э.). Надпись из Иссыка дала основание для двух гипотез: 1) еще у саков и усуней существовала собственная письменность; 2) иссыкское письмо является еще неизвестным и недешифрованным древнебактрийским. Как бы там ни было, до полной расшифровки всякое заключение о языке иссыкской надписи и ее национальной принадлежности будет преждевременным⁴. Сейчас с полной уверенностью можно утверждать, что коренное население Киргизии овладело письменностью только в раннем средневековье.

Алфавит и караваны. На территории Киргизии найдено большое количество средневековых памятников эпиграфики и нумизматики, по которым можно изучать еще не написанную историю письменности Киргизии. Здесь найдены тексты, нанесенные латинью, китайскими иероглифами, согдийскими письменами, санскритскими и тибетскими знаками, древнетюркскими (руническими) и уйгурскими графемами, сирийским и арабским алфавитами. Значит ли это, что средневековое население Киргизии изучило все девять зафиксированных археологами систем письма и пользовалось ими в

¹ Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина. – С. 34-35; *Кожемяко П.Н.* Раскопки жилищ горожан X–XII вв. на Краснореченском городище // Древняя и средневековая культура Киргизстана. – Фрунзе, 1967. – С. 82.

² *Ходжайов Т.К.* Некрополи средневекового Тона и городища Бейшеке. – С. 120-121.

³ *Бартольд В.В.* Надпись с кладбища у озера Иссык-Куль // Соч. Т. IV. – М. 1966. – С. 339-340.

⁴ *Мокрынин В.П.* По следам прошлого. – Фрунзе, 1986. – С. 54-56.

повседневной жизни? Конечно, нет! В большинстве случаев это многообразие алфавитов и языков связано с торговыми караванами на Шелковом пути. Они Хорошо документируют национальность купцов, проходивших по трассе со своими караванами, но лишь немногие системы письма оставили глубокий след в жизни местного населения. Значение различных алфавитов для развития культуры средневековой Киргизии не было однозначным. Некоторые системы письма, например, латынь и китайские иероглифы, были известны средневековому населению Киргизии исключительно по легендам на монетах или по надписям на привозных вещах. Они совсем не оказали влияния на культурную жизнь региона.

Другие системы письменности – тибетская, санскрит – были связаны только с религией. Сведений об использовании этих алфавитов в мирской жизни нет.

Заметную роль сыграл сирийский (несторианский) алфавит, который, несмотря на ряд трудностей, пытались употребить для передачи тюркской звуковой речи. Изучению сложных процессов сиро-тюркских языковых связей посвятил ряд своих исследований видный киргизский ориенталист Четин Джумагулов.

Важную роль в культурной жизни средневекового Киргизстана сыграли согдийский и арабский алфавиты. Мало того, что согдийский алфавит в чистом виде использовался древнетюркскими каганами для точной фиксации важнейших государственных актов, модифицированное согдийское письмо стало основой для возникновения двух самостоятельных древнетюркских алфавитов – рунического и уйгурского. Об исключительном культурном значении арабского алфавита свидетельствует тот факт, что начиная с X в. он стал не только алфавитом исламского культа, но и алфавитом литературы, искусства, науки.

На территории Прииссыкуля известны средневековые памятники эпиграфики, нанесенные древнетюркскими, сирийскими, тибетскими и арабскими алфавитами.

Древнетюркское руническое письмо. Древние тюрки, образовав в середине VI в. обширное государство, остро нуждались в собственной системе письма. На первых порах для регулирования внешних и внутренних государственных функций использовалась согдийская: письменность. Согдийское курсивное письмо мало подходило для передачи тюркской речи, поэтому на его основа была создана древнетюркская (руническая) письменность. Это произошло не раньше VII в., так как самый старый, хорошо датированный текст, выполненный руническими графемами, относится только ко второй половине VII в.

На территории Киргизии найдено немало, древнетюркских текстов, главным образом в Таласской долине. На Иссык-Куле найдена лишь одна такая надпись и та стала недоступной для изучения, так как вскоре после открытия пропала. При обследовании городища Койсары П. П. Иванову посчастливилось найти билингву – надпись на камне, выполненную древнетюркскими руническими и арабскими буквами. Она привлекла внимание В. В. Бэртольда, С. Е. Малова, М. Е. Массона, А. Н. Бернштама, т. е. всех крупнейших специалистов по эпиграфике того времени. Они хотели обратиться к оригиналу, но, к сожалению, надпись исчезла. В 60-х годах следы ее пытался отыскать Д. Ф. Винник. Ему удалось встретить местного жителя А. Е. Балыбина, который в свое время помогал П. П. Иванову исследовать урочище. Тот рассказал, что еще в 1929 г. на курорте Койсары появились двое неизвестных, которые представились научными сотрудниками из Ташкента, наняли подводу и увезли камень с письменами. А куда? Этого выяснить не удалось. Едва ли камень вывезли за пределы Иссык-Кульской котловины, так как в музеи Средней Азии он не поступал. Возможно, билингва лежит где-нибудь во дворе, скорее всего, в Пржевальске. Она не может привлечь внимание хозяина двора: обыкновенный камень, да еще и расколот на две части. Письмена едва просматриваются из-за известкового слоя, который нанесла на камень вода озера. Авторы просят пржевальцев, живущих в старом городе, внимательно осмотреть свои приусадебные участки. Возможно, им удастся вернуть науке утраченную ценность. А научное значение койсаринского камня

очень велико. К сожалению, по несовершенной копии, сделанной П. П. Ивановым, текст прочитать невозможно, другой же надписи, выполненной руническими письменами, в Прииссыккулье пока отыскать не удалось.

Проблема происхождения древнетюркской письменности еще не выяснена. Из нескольких гипотез наиболее привлекательной является та, которая предполагает, что прототипом для большинства рунических знаков послужило согдийское курсивное письмо и только меньшая их часть, была изобретена¹.

Древнетюркский рунический алфавит состоял из 37 (или 38) знаков. Они имели геометризированные очертания, что было удобным при начертании текста на дереве, камне, металле. Главным достоинством рунических букв была точная передача фонетических особенностей тюркской звуковой речи.

Сирийское письмо. После раскола христианской церкви сирийский язык и письмо разделились на две ветви: серию (западную) и несторианскую (восточную). Все христианские эпитафии, найденные в Киргизии, были сделаны несторианским письмом. Алфавит письма имел всего 22 буквы и поэтому был неудобен для передачи тюркской речи, где звуков было в полтора раза больше. Чтобы передать в сирийском письме тот или иной характерный только для тюрков звук, приходилось применять невообразимые буквосочетания, что в конечном итоге выразилось в большом разрыве между Графическим обозначением звуков и действительным их произношением. Слова писались справа налево или сверху вниз. Гласные в середине слов, как правило, распались, пунктуация применялась крайне редко.

Сирийский алфавит стал применяться в Семиречье после проникновения сюда христианства, т. е. примерно в VI–VIII вв. Хотя самый ранний с твердо фиксированной датой памятник несторианского письма в Киргизии относится к концу VIII в. Он был найден на Краснореченском городище (Чуйская долина) К. М. Байпаковым. На небольшом черного цвета кайраке едва разборчиво сообщалось, как прочитали В. Н. Настич и А. В. Пайкова, что в 1100 г. эры «хана Александра» почилла некая девица Йаланч. Указанный год в Переводе на наше летосчисление – это 789 г.² Памятники сирийского письма, найденные на берегах озера Иссык-Куль, относятся к XIV в.³

Почему же тюркское население Киргизии, имея свой (рунический) алфавит, идеально приспособленный для передачи особенностей тюркской речи, вдруг стало применять чужой, да еще и крайне неудобный сирийский алфавит? На этот вопрос ответила Н. В. Пигулевская – крупнейший знаток древней сирийской культуры: «Это обращение к чужой форме могло быть следствием обращения к несторианству какого-нибудь социального слоя или целого племени, как это было, например, с кераитами»⁴. Иными словами, для тюрков, принявших христианство, сирийский алфавит служил только церковным письмом и сугубо для религиозных целей. В повседневной бытовой или литературной жизни он едва ли применялся. Так в наши дни, например, применяется давно ушедший из жизни церковно-славянский алфавит.

Арабское письмо. Памятники эпиграфики Прииссыккулья, выполненные арабскими графемами, в количественном отношении существенно превышают число памятников с текстами любой другой системы письменности. Только на кладбище у р. Чон-Аксу Н. Н. Пантусов насчитал 83 кайрака с арабскими текстами, близ Тона их было 19, немало их лежало севернее Чолпон-Аты, между Сазановкой и Корумду, близ р. Жууку и в других местах⁵. Арабскими письменами были выбиты легенды на караханидских дирхемах

¹ Ливищ В.А. О происхождении древнетюркской рунической письменности // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. – Алма-Ата, 1980. – С. 3-13.

² История Киргизской ССР. Т. 1. – С. 369.

³ Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. Вып. 2. – Фрунзе, 1982. – С. 38-45.

⁴ Пигулевская Н.В. Сирийские и сиро-тюркские фрагменты из Хара-Хото и Турфана // СВ. Т. 1. – М., Л., 1940. – С. 233.

⁵ Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. Вып. 2. – С. 59-71.

Барсханского монетного двора. Ими же выполнена «еретическая» надпись, восхваляющая земную жизнь, на бронзовом сосуде. Арабские тексты богаты не только числом, но и жанром. Они представлены не только эпитафиями или религиозными заклинаниями. Среди них часты наиболее популярные тексты из Корана, встречаются стихи мирских поэтов. Количество и относительное разнообразие памятников арабского письма позволяют высказать некоторые суждения о грамотности исыккульцев XII–XIV вв. Надписи выполнены разнообразными почерками: насх, сульс, цветущий куфи. Большинство из них выбито небрежно и неумело. Наряду с ними встречаются надписи, мастерски вырезанные талантливой рукой опытного каллиграфа.

Многолетние исследования средневековых надмогильных эпитафий, выполненных арабскими письменами, позволили одному из самых опытных современных эпиграфистов В. Н. Настичу сделать следующие выводы относительно общего уровня развития языка и письменности среди населения Киргизии. Только очень небольшое число текстов, составленных на арабском языке, можно назвать безупречными в отношении языковой грамотности. В подавляющем большинстве эпитафий наблюдаются несогласованность в роде и падеже, неправильное употребление артикля, орфографические ошибки, отступления от арабской стилистики и фразеологии. Часть погрешностей и ошибок ученый объясняет общей невысокой грамотностью авторов текстов и сильным влиянием местных языковых норм, в частности, персидской, таджикской, а также тюркской. А если добавить, что лексика и фразеология арабских текстов сильно формализована и насыщена застывшими оборотами, далекими от живых разговорных и письменных норм, то становится понятным, что арабский язык никогда не был в живом употреблении среди населения средневековой Киргизии. Он оставался языком мусульманской религиозной обрядности (в данном случае погребальной), проводником идеологии ислама. Реальную языковую ситуацию в средневековой Киргизии, если судить по арабским текстам, отражали вставленные в них отдельные слова, фразы и даже целые надписи на кайраках, выполненные по-персидски или под заметным влиянием этого языка. Присутствуют здесь и тюркизмы. Так, В. Р. Розен, изучавший арабские тексты с южного берега Исык-Куля, отметил в них наличие слов тюркского корня¹. Эти факты свидетельствуют в пользу того, что горожане Киргизии XII–XIV вв., как и: прежде, говорили на тюркском и согдийском языках.

Если арабский язык и не был принят средневековым населением Киргизии как язык живого общения в повседневной жизни, то судьба арабской письменности была совсем иной. Уже во времена караханидских ханов арабская графика была применена для передачи тюркской речи. Арабскими графемами, например, писал свою тюркскую поэму знаменитый Юсуф Бала-сагунский. В течение XII–XIV вв. арабское письмо выдерживает конкуренцию с уйгурским, древнетюркским руническим, согдийским и несторианским алфавитами, которые, оставив заметный след в культурной жизни Киргизии, уступили ему свое место. Арабскими письменами писали дипломатические послания, деловые документы и даже стихи некоторые киргизские поэты XIX – начала XX в.; они же использовались для эпитафий на могилах знатных и богатых киргизов². Первая газета на киргизском языке «Эркин Тоо» тоже была набрана арабским шрифтом.

Тибетская письменность. Она возникла в VII в. и связана с проникновением в Тибет буддизма. Основой для нее послужил санскритский алфавит. Тибетскими письменами едва ли пользовалось население средневековых городов Прииссыккуля.

¹ Настич В.Н. Арабские и персидские надписи на кайраках с городища Бурана // Киргизия при Караханидах. – Фрунзе, 1983. – С. 234; Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. Вып. 2. – С. 60.

² Юнусалиев В.М. Отражение диалектных особенностей в санатах Молдо Нияза // Тюркологические исследования. – Фрунзе, 1970; Плоских В.М. Первые киргизско-русские посольские"связи. – Фрунзе, 1970; Плоских В.М., Кудайбергенов С. Ранние киргизские письменные документы / Изв. АН КиргССР. 1968. № 4; Плоских В.М., Назаралиев Т. Оригинальные источники по истории Киргизстана / Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. – Фрунзе, 1975.

Большинство памятников тибетской эпиграфики было оставлено скотоводами-калмаками в XVII–XVIII вв., когда средневековые города уже лежали в развалинах или были затоплены водами Иссык-Куля.

Календарь

Находка и прочтение средневековых эпитафий в Прииссыккулье позволяют определить календарные системы, которыми пользовалось население того времени. Наиболее древней из них является селевкидская эра, которая зела отсчет от 1 октября 312 г. до н. э. Этот календарь был учрежден полководцем Александра Македонского Селевком I Никатором, но семиреченскими христианами он упорно назывался летосчислением «хана Александра». Имя Селевка не упомянуто ни на одном памятнике. Для примера приведем, начало несторианской эпитафии, найденной у с. Сару Джеты-Огузского района: «По счету лет от хана Александра в году 1674, 14 декабря...»¹. Эта дата соответствует 1336 г. ныне принятого календаря.

Характерно, что в тексте этой же эпитафии иные события датируются еще и «годом мыши» и «годом свиньи». Это свидетельствует в пользу того, что тюркское население Прииссыккулья, исповедуя христианство и восприняв селевкидский календарь, не отказалось от своего старого календаря, основанного на двенадцатилетнем животном цикле, когда годы вместо порядковых цифр именовались годом того или иного животного. Таких животных было двенадцать, располагались они в строго определенном порядке.

Наконец, в X в. с утверждением ислама был введен и мусульманский календарь, годами которого были датированы эпитафии, выполненные арабским письмом, найденные близ современного с. Темировка, близ городища Хан-Дюбе (к югу от современного с. Торт-куль) и в других местах. Отсчет лет по мусульманскому календарю начинается со времени переселения (хиджры) пророка Мухаммеда и его последователей из Мекки в Медину, которое произошло в 622 г. Исходной датой хиджры считается пятница 1-го мухаррама (16 июля) 622 г. В основе мусульманского календаря лежал лунный месяц. Лунный год на 10 % суток меньше, чем солнечный, что приводило к постоянному смещению начала года. Оно приходилось то на лето, то на зиму. Это создавало неудобства в ведении сезонных сельскохозяйственных работ. Поэтому параллельно с хиджрой тюрки Семиречья продолжали использовать Двенадцатилетний животный цикл или даже заменяли лунную «эру пророка» солнечным календарем, ведя отчет от 622 г. Такое летосчисление официально называли «эрой Джалали», а в народе – «календарем Омара Хайяма»².

Благоустройство

Крепостные стены любой протяженности и высоты все равно ограждают ограниченную городскую площадь. Рано или поздно она становится дефицитом. Поэтому главным бичом средневекового города была теснота. Отсюда скученная застройка, часто в два этажа, узкие улочки переулки, проблемы санитарного состояния. Среднеазиатские города отличались высоким уровнем благоустройства для своего времени. Оно гарантировалось общим экономическим состоянием, культурным уровнем и, что немаловажно, сухим климатом. В нашем распоряжении имеются лишь очень ограниченные археологические материалы, позволяющие судить о благоустройстве иссык-кульских средневековых городов.

Исследователи подводных развалин «дворца Тимура» близ с. Курское отметили здесь мостовую, выложенную из речной окатанной гальки. Здесь же значительные площади были вымощены крупными керамическими плитами. Этот факт свидетельствует о том, что средневековые поселения Прииссыккулья не отставали в своем культурном развитии от крупных городских центров Средней Азии. Ученые установили, что

¹ Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. Вып. 2. – С. 42.

² Настич В. П. К истории календаря в средневековом Семиречье // МАЦКЦА. Информационный бюллетень. Спец. вып. – М., 1987. – С. 116-117.

мостовые, например, были в Самарканде, Термезе, Бухаре, Хульбуке¹. При раскопках усадьбы XI в. на городище Бурана (Чуйская долина) были обнаружены каменные вымостки пешеходных дорожек шириной от 1 до 2 м. Бордюры буранинских тротуаров были четко обозначены крупными камнями. На вымостку площади пешеходных дорожек шла плоская галька². Мостовые и тротуары являлись крупным культурным достижением средневековых городов.

Все познается в сравнении. Достойная оценка значимости среднеазиатских мостовых X–XIV вв. может быть более зримой в сопоставлении, например, с состоянием городских улиц крупнейших городов Западной Европы. Осенью, зимой и весной, то есть в период наибольшей интенсивности осадков, узенькие улицы большинства западноевропейских городов превращались в грязевое месиво, в котором горожане часто теряли деревянные башмаки. Многие бюргеры освоили передвижение на ходулях. Богачи и знать ездили верхом. Но и это не всегда спасало. Император Фридрих III (XV в.), например, чуть не утонул вместе с конем в грязи на одной из улиц города Рейтлингена и принял «грязевые ванны», когда его конь по брюхо провалился в яму с зловонной жижей на центральной улице Тутлинга. Мостовые в Европе появились позже, чем в Средней Азии: в Праге – в 1331 г., в Нюрнберге – в 1368, во Франкфурте-на-Майне – в 1399 г. Горожане Киева, Чернигова, Новгорода и других русских городов, где всегда не хватало камня, делали тротуары и мостовые из дерева. В Новгороде существовал даже специальный Устав (свод правил), регламентирующий вымостку улиц³.

Средневековые иссыккульцы заботились о санитарном состоянии своих городов, что выражается в дорогостоящей прокладке трасс водопроводов и канализационных систем. Почти все исследователи, которые писали о подводных развалинах на озере, отмечали находки водопроводных труб. Они очень похожи на глиняные цилиндры длиной до 50 см. Но это не совсем цилиндры, так как диаметры торцов таких труб разные: один из них шире другого. При прокладке водопроводной трассы более узкая часть одной трубы вставлялась в более широкую другой. Зазора обычно не было, но во избежание возможной утечки воды стыки замазывались глиной.

Если находки отдельных труб и их фрагментов на иссык-кульских средневековых поселениях далеко не редкость, то водопроводная система, составленная из керамических труб, найдена лишь одна. При раскопках городища в урочище Койсары Д. Ф. Винник на глубине 1,5 м расчистил часть водопровода, идущего по линии восток – запад. Протяженность вскрытого участка 10 м. Трубы не были стандартны: длина их варьировала от 35 до 40 см, но диаметр торцов всех труб был одинаков: верхней части 14 см, нижней – 10,5 см. Исследователь расчистил всего 30 звеньев» Быстро прибывающие грунтовые воды вынудили прекратить работы⁴.

Такие водопроводные системы не требовали строительства напорных башен. Средневековые инженеры хорошо использовали рельеф Киргизии с его значительным генеральным понижением. Голову системы, как правило, строили выше города и холодная, чистая горная вода самотеком направлялась в общественные водоемы (хаузы). Индивидуальные водопроводы в Средней Азии того времени не известны⁵.

Не менее важным культурным достижением средневековых городов Семиречья следует считать сооружение канализационных систем. Они были двух типов. Простейшая из них была в каждом дворе и представляла собой глубокий поглощающий колодец, в устье которого вставлялся крупный керамический сосуд без дна. Отверстие обычно было прикрыто каменной плиткой или крупным черепком. Такая канализация надежно

¹ Беленицкий А. М., Бентович И. В., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. – С. 306.

² Горячева В. Д. Средневековые городские центры... – С. 50.

³ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. – М., 1982. – С. 532; Книга для чтения по истории средних веков. Ч. 1. – М., 1969. – С. 190.

⁴ Винник Д. Ф. К историко-топографическому изучению урочища Кой-Сары. – С. 33.

⁵ Беленицкий А. М., Бентович И. В., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. – С. 307.

поглощала грязную воду после умывания или мытья посуды. Однако в некоторых случаях эта система была малоэффективна или вообще ненадежна. Тогда сточные воды отводились трубопроводами из керамических труб¹. На наш взгляд, канализационной системой, отводящей грязную воду от бани, является гидросооружение из сочленения керамических труб, раскопанное на городище Бурана. Оно датируется XI в. Отличительной особенностью системы, делающей ее уникальной, является трехъярусность, когда плети труб в траншее располагались друг над другом в три ряда².

Обратимся опять к средневековым городам Европы. Ни о канализации, ни о водопроводе (кроме одного–двух монументальных акведуков, «сработанных еще рабами Рима») здесь не могло быть и речи. Все содержимое помойных лоханок, корыт и ведер выплескивалось прямо на улицу. Поток, скапливаясь в ямах и колдобинах, образовывал застоявшиеся смрадные лужи. Единственными санитарями городов были многочисленные собаки и свиньи, которые свободно разгуливали по улицам и пожирали отбросы. Однако те же свиньи не столько очищали, сколько загрязняли город. Раскормленные и отяжелевшие, строптивые, они весь день барахтались в грязи и разрыхляли почву, приводя улицу в невообразимое состояние даже в сухую погоду³.

Горожане Средней Азии придавали большое значение личной гигиене, что выразилось в строительстве общественных бань. Первые из них появились не ранее VIII в. Много бань первой половины IX в, раскопано на городище Афрасиаб (древний и средневековый Самарканд), известны они по раскопкам в городах Таразе (Джамбул), Ахсикенте (Ферганская долина), Отраре (Южный Казахстан) и в других местах⁴.

На территории Киргизии известны три средневековые бани: одна из них в г. Оше, другая – на городище Бурана, третья – близ с. Тору-Айгыр, что на северном берегу Иссык-Куля. Эта последняя оказалась наилучшей сохранности. Торуайгырская баня является грандиозным архитектурным сооружением XIV в. – площадь ее до 648 кв. м. В плане она крестообразная, что является продолжением традиции строительства бань более раннего времени. Крестообразные бани начали строить еще в XI–XII вв.⁵ Все сооружение было построено из обожженного кирпича и делилось на несколько частей, каждая из которых имела свое назначение. Главная из них – топка с двумя печами, где в кирпичных резервуарах, покрытых изнутри толстой обмазкой алебаstra, грели воду. Долгое время археологам было не совсем понятно, как можно было разогреть воду в толстостенном кирпичном резервуаре и сколько же топлива и времени на это понадобится? Ситуацию прояснили раскопки бани в Отраре. Оказывается, в дно таких резервуаров вмазывался громадный железный котел, устье которого было на уровне дна кирпичного резервуара, а дно и стенки были опущены в топку⁶. По сути дела, огонь раскалял железный котел, что обеспечивало быстрое повышение температуры воды.

Помещение для топки сообщалось дверными проемами с помещением для мытья и с дугообразным хранилищем для топлива. Помещение для мытья площадью в 100 кв. м имело кирпичный пол, под которым от топок ровными рядами шли жаропроводящие каналы, выложенные из кирпича. По этим каналам проходил горячий воздух и обогревал всю моечную. У северной стены моечной имелись два небольших резервуара, стенки и

¹ Там же.

² Ведутова Л. М. Буранинский водопровод // Изв. АН Кирг.ССР. Обществ. науки. 1987. № 1. – С. 69. Отвод сточных вод из бани, раскопанной на городище Отрар, тоже производился при помощи керамического трубопровода. (Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI–начало XIII в.). – Алма-Ата, 1986. – С. 141).

³ Подробнее о санитарном состоянии средневековых городов Европы см.: Эпштейн А.Д. Средневековый город / Книга для чтения по истории средних веков. Ч. 1. – М., 1969. – С. 189-197.

⁴ Беленицкий А.М. Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. – С. 307-309; Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. – С. 141-143.

⁵ Маньковская Л.Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX–начало XX в.). – Ташкент, 1980. – С. 72-73.

⁶ Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. – С. 142.

пол которых были выложены голубыми изразцовыми плитками. По-видимому, сюда наливали холодную воду, где могли освежаться купальщики.

К помещению для мытья примыкали, как мы полагаем, прачечная и комната для отдыха. Прачечная была восьмиугольной в плане. Пол ее был выложен жженым кирпичом, поверх которого на алебастровом растворе были уложены глазурованные плиты. В центре прачечной было отверстие для стока грязной воды, которая отводилась при помощи системы керамических труб и желоба. Комната для отдыха (раздевалка?) площадью в 100 кв. м была очень нарядной. Стены и потолок ее были сплошь расписаны красной, черной и желтой красками. Пол выложен голубыми глазурованными плитами¹.

Характер перекрытия удалось установить только для дугообразного помещения, где хранились запасы топлива. Оно было купольным. Скорее всего, и остальные помещения были перекрыты куполами, опорами для которых служили капитальные внешние и внутренние стены. В целом торуайгырская баня представляла собой не только необходимое для города коммунальное предприятие, но и парадное архитектурное сооружение, украшавшее город.

В средневековых городах Средней Азии бани стали очень популярны. Они были самыми посещаемыми после мечетей общественными местами. Порядок и чистота в банях строго контролировались городскими чиновниками – мухтасибами. Они следили за регулярной очисткой пола и частой сменой воды в бассейнах. Средневековые горожане считали неприличным мыться без специальных набедренных повязок, поэтому мухтасибы строго требовали, чтобы у банщиков всегда было достаточное количество чистых платков (отсюда и прачечное помещение в торуайгырской бане). Особое внимание обращали мухтасибы на характер росписей бань. Неприличные для того времени изображения в столь уважаемом общественном месте категорически запрещались (поэтому торуайгырская баня расписана орнаментальными мотивами).

В городах Средней Азии бань было очень много. В Самарканде и Мерве, например, в IX–XII вв. их насчитывалось до сотни, а в сирийском Алеппо в середине XIII в. было 138 общественных бань. Если учесть, что население Мерва и Самарканда едва ли превышало 100 тысяч человек, то на одну баню приходилось примерно немногим больше 1000 горожан обоих полов и всех возрастов. Бани благодаря массовой посещаемости давали приличный доход. Поэтому среди владельцев этих заведений источники называют даже ханов².

Наши сведения о благоустройстве средневековых городов Прииссыккуля пока очень ограничены. Новые данные поступят с новыми масштабными археологическими изысканиями. Однако уже сейчас, как мы убедились, можно сказать, что уровень благоустройства их был не ниже, чем в прославленных городах Средней Азии и гораздо выше, чем в западноевропейских городах того времени. Сравнительно высокий уровень санитарного состояния городов обеспечивал не только опрятность их внешнего облика, но и снижение числа болезней и эпидемий среди горожан. Правда, санитарное состояние не было панацеей от всех эпидемий. Как свидетельствуют надписи на христианских надгробиях, страшная эпидемия чумы буквально косила семиреченских горожан в XIV в.

¹ Это замечательное архитектурное сооружение ранее было интерпретировано как «ремесленный центр по производству жженого кирпича и глазурованных облицовочных плит» или попросту «кирпичный завод». Такое определение функционального назначения памятника основано не на анализе материалов раскопок, а на курьезе. Дело в том, что русские переселенцы и киргизы, разбирая кирпич средневековой постройки для своих нужд, с юмором вандалов называли памятник «кирпичным заводок». – В.В. Бартольд, посетивший Тору-Айгыр в конце XIX в., отметил, что пол на почтовой станции здесь был выложен средневековым кирпичом. Ему стало известно и о «кирпичном заводе»: «Около станции Турайгыр (первой после Кутемалды) приблизительно в версте выше ее, находится так называемый «кирпичный завод»... Почти все кирпичи свезены отсюда на постройки. «Завод» находился около высохшего русла какого-то ручья или арыка». (*Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию.* – С. 67). В. В. Бартольд, если учесть красноречивые кавычки, не считал памятник заводом.

² *Беленицкий А.М., Бентович И.В., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии...* – С. 309.

Эта эпидемия, наряду с другими причинами, сыграла свою роль в запустении, упадке, а затем и гибели семиреченских городов. Но гораздо опаснее любой эпидемии была очередная трансгрессия озера, которая уничтожила средневековые города Прииссыккуля.

Месяца месяцами сменялись до нас,
Мудрецы мудрецами сменялись до нас.
Эти мертвые камни у нас под ногами
Прежде были зрачками пленительных глаз.
Омар Хайям

РЕКВИЕМ БЫЛОЙ КУЛЬТУРЕ (Вместо заключения)

Мы сознательно включили в свое повествование о подводных развалинах на озере Иссык-Куль киргизские легенды. Они различны по сюжету, но единодушны в одном: под водами озера скрыт город или, по меньшей мере, дворец хана. А ведь сравнительно недавно мало кто верил в реальность подводных развалин на дне Иссык-Куля. Киргизские же легенды почему-то не внушали доверия. Все помнят знаменитый литерный поезд, который мчал Остапа Бендера на стройку Турксиба. Правда, не все обратили внимание на то, что бесшабашная интернациональная семья журналистов единодушно поклялась «не писать об Узун-Кулаке, что значит Длинное Ухо... Не писать очерков под названием «Легенда озера Иссык-Куль». Довольно пошлостей в восточном вкусе!». Но легенды существуют, и в них есть зерно истины. В них опоэтизированная память киргизского народа донесла до наших дней отзвук тех далеких времен, когда на побережье озера действительно стояли города и поселения¹. Сейчас ученым известно свыше десятка подводных развалин, изучение которых имеет громадное научное и народнохозяйственное значение, так как позволит прогнозировать пределы колебания уровня озера.

А как же они оказались на дне озера? Что случилось на берегах древнего Иссык-Куля? И когда случилось? На эти вопросы легенды не могут дать ответа. Едва ли кто в наши дни поверит, что катастрофа наступила из-за преступной халатности рассеянной женщины, забывшей закрыть крышку колодца, хлынувшие воды которого затопили город и образовали водоем площадью свыше 6000 квадратных километров глубиной до 668 м, с общим объемом воды около 1700 кубических километров, средняя глубина которого в три раза превышает среднюю глубину Балтийского моря².

Древние прибрежные города и порты со временем оказываются на дне морей и озер не только на Иссык-Куле. Много их, как уже упоминалось, в прибрежной полосе Черного и Средиземного морей. Ученые, загипнотизированные потрясающим по своей правдоподобности трагическим рассказом древнегреческого философа Платона о гибели

¹ Первые легенды об Иссык-Куле были опубликованы в дореволюционной литературе (См: *Сорокин Н.В.* В горах и долинах русского Тянь-Шаня // Исторический вестник. Т. XXIV, 1986. – С. 382-386; *Ивановский А.* Черепа из озера Иссык-Куля // Тр. Антропол. отд. Т. XII. – М., 1890. – С. 173-182; Сказание об Иссык-Куле // Окраина. 1890. № 177; *Потанин Г.Н.* Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Путешествие 1884–1886. Т. 2. – СПб., 1893. – С. 211, 217, 383; *Булгаковский Л.* Иссык-кульский православный миссионерский монастырь в Средней Азии. – СПб., 1896. – С. 13-17; *Кирснер А.Л.* Семиреченская область // Тейер И. Туркестан. 2-е изд. – Ташкент, 1903. – С. 24-29; *Кастанье И.А.* Древности Киргизской степи и Оренбургского края. – Оренбург, 1910. – С. 293-300; *Терн В.* Поездка в долину оз. Иссык-Куль // Семипалатинские областные ведомости. 1890. № 31, 33; *Голубев А.Ф.* Краткий отчет о результатах Иссык-Кульской экспедиции // Вестник Русск. геогр. о-ва. 1860. Ч. 28. № 4; *Костенко Л.Ф.* Очерки Семиреченского края // Военный сборник. 1872. № 12 и др. (см.: Приложение).

² Новые цифровые параметры озера несколько отличаются от данных академика Л. С. Берга (См.: *Забиров Р.Д., Коротаев В.Я.* Положение морфометрии озера // Озеро Иссык-Куль. Очерки по физической географии. – Фрунзе, 1978. – С. 12-17.

мифической Атлантиды, до сих пор разыскивают следы древнейшей цивилизации на дне Атлантического океана¹. Вполне реальные следы исторического Порт-Ройяла найдены на дне Карибского моря. Древнейшие поселения известны по находкам в Цюрихском озере (Швейцария), озерах Больсена (Италия), Вербелинзее и Камберзее (ГДР). Многие из них оказались на дне водоемов в результате крупных геологических катастроф, значительно меняющих очертания побережий.

Могла ли такая катастрофа произойти на Иссык-Куле? Конечно могла, так как озеро расположено в высокосейсмической зоне молодых гор. Так, вслед за верненским землетрясением 8 июня 1887 г. на северном берегу озера в районе Чолпон-Аты «близстоящий берег Иссык-Куля на протяжении сотен сажен опустился ниже своего прежнего уровня и погрузился под воду»². При землетрясении 29 июня 1889 г., в некоторых местах «берег понизился и уменьшился, а уровень воды повысился»³. В результате землетрясения 1910 г. топография местности между селами Ой-тал и Ананьево совершенно изменилась за счет вновь образовавшихся провалов, обрывов и складок, а в районе с. Григорьевка даже раскололись и обрушились громадные скалы⁴. Естественно, что ученые не могли не учитывать подобные обстоятельства при изучении вопроса о происхождении затонувших городов. Академик Л. С. Берг писал, что «подводные развалины на Иссык-Куле обязаны своим происхождением опусканию части берега вследствие землетрясений», а не единовременному «грандиозному» провалу, как полагали некоторые авторы⁵.

Однако эта точка зрения тоже оказалась недостаточно обоснованной. Дело в том, что тектонические изменения в результате землетрясений происходят на сравнительно небольших участках берега, тогда как древние затопленные города расположены на всем побережье вокруг озера. Это свидетельствует в пользу того, что подъем воды в озере, равно как и опускание берега, был не местным, а тотальным актом.

А. В. Шнитникову, одному из видных физико-географов страны, удалось доказать, что уровень озера подвержен крупным длительным колебаниям, которые непосредственно связаны с общими многовековыми климатическими изменениями в северном полушарии. Ученый установил несколько фаз максимального подъема (трансгрессии) и максимального падения (регрессии) уровня воды. Период между двумя самыми мощными трансгрессиями, по Шнитникову, равен примерно 1850 лет. Одна из них была где-то на рубеже новой эры, другая – на рубеже XVIII–XIX вв. В последний период уровень воды в Иссык-Куле был на 12–13,5 м выше современного, и часть своих вод через проток Кутемалды (близ г. Рыбачье) озеро сбрасывало в реку Чу⁶.

На основании многочисленных письменных источников, картографических и археологических материалов киргизские ученые С. У. Умурзаков и Д. Ф. Винник

¹ Литература об Атлантиде насчитывает сейчас свыше 5 тысяч названий. Варианты ее вероятного местонахождения включают обширную территорию – от гор Атласа до острова Гельголанд. (См.: *Жиров Н.Ф.* Атлантида. – М., 1964).

² Туркестанские ведомости. 1887. № 31.

³ *Зеланд Н.* С берегов Иссык-Куля // Туркестанские ведомости. 1891. № 35-36.

⁴ *Иванов П.П.* Материалы по археологии котловины Иссык-Куля. – С. 98.

⁵ *Берг Л.С.* Озеро Иссык-Куль // Землеведение. XI. 1904. – С. 48-52. Подробную точку зрения разделяют некоторые современные исследователи (См.: *Попов В.В., Резанов И.А.* О неотектонике Тянь-Шаня в связи с его сейсмичностью // Вопросы геологии Азии. Т. 2. – М., 1955; *Горчев А.В.* Мезозойско-кайнозойская структура, история тектонического развития и сейсмичность озера Иссык-Куль. – М., 1959).

⁶ *Шнитников А.В.* Иссык-Куль: Природа, охрана и перспективы использования озера. – Фрунзе, 1979. – С. 9-14. Есть основания полагать, что в период трансгрессии р. Чу впадала в озеро. Последнее обстоятельство подтверждается историческими фактами. (См.: *Умурзаков С.У.* Очерки по истории географических открытий и исследований Киргизии. – Фрунзе, 1959).

определяют четыре фазы высокого и четыре фазы низкого стояния уровня вод озера Иссык-Куль¹.

Высокий уровень (трансгрессия)

1. Рубеж II в. до н. э. – I в. н. э.
2. Около IV–VI вв. н. э.
3. VII–VIII вв. н. э.
4. Вторая половина XVIII–первая половина XIX в.

Низкий уровень (регрессия)

1. II–III вв. н. э.
2. Первая половина VII в.
3. XI–XVI вв.
4. XVII–первая половина XVIII в.

В другом своем труде С. У. Умурзаков отметил четыре трансгрессивные и только три регрессивные фазы уроненного режима озера за последние 2000 лет².

Практическое значение наших работ на подводных городищах Иссык-Куля заключается в том, что они позволяют на широком археологическом материале установить длительную «античную» фазу регрессии уровня озера, максимум которой приходится примерно на VIII–I вв. до н. э. Материалы городища Сарыбулун полностью согласуются с выводами В. М. Букина, основанными на геоморфологических данных. По его мнению, «уровень озера в период VII–I вв. до н.э. находился ниже современного на 6–8 м (возможно, на 12–13 м)»³.

Далеко не все ясно с временем наступления средневековой трансгрессии. На городище Сарыбулун аналогичное низкое стояние уровня озера определяется для XIII–XV вв., о чем свидетельствуют найденные здесь немногочисленные, но выразительные материалы монголо-тимуридского времени (керамика с голубой глазурью, бронзовый кистень). На затонувшем городище Дархан собраны тоже незначительные материалы VIII в. Наиболее многочисленной на затонувших поселениях является керамика, датированная X–XII вв.

Таким образом, озеро Иссык-Куль несколько раз переживало максимум стояния уровня своих вод, за которым наступал спад (по мнению А. В. Шнитникова, трансгрессивных фаз было восемь, начиная с максимума последнего оледенения). Оно как бы дышит. И период между двумя полными богатырскими вдохами озера определяется приблизительно в 1850 лет! Нам еще неизвестны территориальные пределы максимального уровня выдоха Тянь-шаньского чудо-великана. Определить его помогут дальнейшие подводные археологические изыскания, которые должны проводиться в тесном содружестве с естественными науками.

Какова же судьба города Чигу в свете изложенных выше фактов? Если бы мы могли войти в машину времени и унести к берегам Иссык-Куля на 2800 лет назад, то увидели бы примерно такую картину.

В VIII в. до н. э. ландшафт современного Тюпского залива был совсем иным. Залива не было. Здесь раскинулась широкая долина, по которой плавно несла воды река, которая впадала в озеро несколько западнее городища Сарыбулун. Возможно, что здесь было даже несколько протоков реки, образующих дельту. Дельта была богата рыбой (еще в середине XIX в. казаки, сопровождавшие Чокана Валиханова, в реке Тюп рубили пашками громадных сазанов на уху) и заросла высоким камышом. В увлажненной дельте земледельцы всегда получали хорошие урожаи. Такие благодатные места во все времена привлекали и скотоводов, так как были наиболее удобными для зимовки скота и жизни людей. Здесь на возвышенном месте {теперь отмель залива} на левом берегу реки

¹ Умурзаков С.У., Винник Д.Ф. Исторические и археологические свидетельства колебания уровня озера Иссык-Куль // Проблемы географии Киргизии: Материалы к II съезду Киргизского географического общества. – Фрунзе, 1975. – С. 209.

² Умурзаков С. С четырех сторон горизонта. – С. 45.

³ Букин В.М. Морфология и рельеф дна озера Иссык-Куль: Автореф. дис. канд. геогр. наук. – Фрунзе, 1975. – С. 22.

возникло поселение саков. Возможно, уже тогда оно стало постоянным местом зимовки или ставкой какого-то, сакского князя. Здесь же лепили примитивные печи гончары и плавильщики меди, изготавливавшие свою продукцию в соответствии с вкусами и привычками скотоводов. Саки Прииссыккуля, видимо, не раз бывали в поселениях Ферганы и Восточного Туркестана и научились многим полезным вещам у их оседлых обитателей.

Когда во II в. до н. э. усуни, потеснив саков, захватили долины Тянь-Шаня, их верховный правитель по праву победителя занял ставку бывшего хозяина этих земель. Именно сюда, как представляется, прибывали китайские послы, именно здесь горько рыдала юная китайская принцесса, молодость которой была принесена в жертву престарелому владыке усуней в обмен на его мощную конницу.

Где-то на рубеже новой эры (или несколько раньше) началась очередная трансгрессия озера. Воды его поднялись по реке, затопили дельту, а потом и всю долину до высоты нынешнего порога стока – 1620 м. Со временем под водой оказался и город Чигу, что еще раз подтвердило философскую истину: «Имеющее начало имеет и конец». Усуни вынуждены были перенести свою ставку в другое место. По традиции ставка продолжала именоваться Чигу, а на исторических картах обозначалась то в Чуйской долине, то в Кочкорской котловине, то в горах Центрального Тянь-Шаня¹. Вероятно, в начале новой эры правители усуней уже не имели постоянного места пребывания.

Все сказанное выше позволяет уже сегодня с немалой долей обоснованности высказаться в пользу гипотезы: затонувшее городище Сарыбулун является историческим Чигу.

К VIII в. н. э. воды Иссык-Куля начали отступать. Постепенно вокруг озера возникают богатые средневековые города, торговое значение которых было известно даже в Багдаде – центре арабского халифата. Сведения же о городе Иссык-Куль дошли до Испании, что нашло отражение на Каталонской карте. К концу XIV в. по ряду причин средневековые города пришли в запустение. Очередная трансгрессия поглотила развалины ранее цветущих поселений и безвозвратно уничтожила остатки глинобитных дворцов и хижин» храмов и мастерских, мавзолеев и торговых лавок» Только жалкие остатки строений из обожженного кирпича свидетельствуют о суетном величии былых архитектурных ансамблей. От высокоразвитой средневековой оседло-земледельческой культуры до наших дней дошло немного. Да и это немного, уподобясь скупому рыцарю, ревниво хранят воды озера...

Закончить наш рассказ хочется стихами выдающегося средневекового поэта и мыслителя Мирзо Абдулкадыра Бедия:

Виденьем страшным удручен,
руины я узрел колонн,
Дворец гордыней вознесен,
но он порос быльем...²

Однако археологические работы только начаты. Впереди – новые поиски, новые обоснования, новые находки и ...новые гипотезы.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КИРГИЗСКИЕ ПРЕДАНИЯ ОБ ОЗЕРЕ ИССЫК-КУЛЬ

* * *

Высоко-высоко в замкнутой цепи гор лежала цветущая долина. Правил ею могущественный царь, деспотичный и жестокий. Под его гнетом стонал народ. Год от

¹ Умурзаков С. С четырех сторон горизонта... – С. 31.

² Бедиль. Избранное. – Душанбе, 1984. – С. 18.

года свирепел царь, уничтожая юношей, которых становилось все меньше и меньше. Станный был обычай у царя: он выбирал себе брадобрея только на один раз, после чего его немедленно казнили.

В этом городе жила бедная вдова с юным сыном. Но вот пришла и в ее дом беда: явились царские слуги и потребовали, чтобы юноша поутру явился побрить царя. Сбежались соседи, ужас объял души всех – такой хороший юноша, любимец народа и должен погибнуть во цвете лет. Но ничего не поделаешь, не пойдешь против царского указа, не нарушишь.

Долго думали мать и сын, как помочь беде, но пришло время, ложиться спать. Мать уложила сына, пообещав ему что-нибудь придумать к утру. Проснулся сын, умылся и стал собираться в дорогу. Вышла мать проводить его и говорит:

– Вот тебе, сын мой, платок, в нем две лепешки. Когда ты придешь к царю, скажи ему: Государь мой, я знаю, что ты предашь меня казни, как только я тебя побрею, исполни же мою предсмертную просьбу – съешь одну лепешку, испеченную моей матерью, а другую съем я.

Так и сделал юноша, когда пришел во дворец. Царь не смог отказать в просьбе молодому человеку и съел лепешку. Затем юноша приступил к бритью головы царя. И, о ужас! У царя были ... ослиные уши. Справившись со страхом, исполнил сын вдовы свой долг – побрил царя, а затем сказал ему, как научила мать:

Царь, ты не можешь теперь казнить меня, так как мать моя лепешки замесила на своем молоке и мы с тобой теперь молочные братья.

Рассердился царь, но делать нечего – не может он казнить своего молочного брата. Отпустил юношу, взяв с него клятву, что тот никому не расскажет о его тайне.

Пришел юноша домой, мать и соседи радостно встретили его и давай расспрашивать, почему же царь казнит своих брадобреев? Молчит юноша, не может выдать тайну царя, так и разошлись все, не выпытав тайны. Но мать упросила сына сказать, в чем же дело? Не смог он ей отказать – ведь это она спасла ему жизнь, и сказал, что у царя ослиные уши, заставив мать поклясться, что она никогда не выдаст его тайны, иначе им обоим грозит немедленная смерть.

Долго мать таила в себе это сообщение. Но женщина есть женщина: тайна казалась ей еще более тяжким бременем оттого, что не могла она ни с кем ею поделиться. И вот однажды утром пошла она за водой к колодцу, наполненному такой прозрачной водой, что отражалось в ней синее небо. И тут ей пришла мысль поделиться с водой своей тайной. Оглянувшись кругом, никого близко не было, она наклонилась к воде и шепнула: «У нашего царя ослиные уши». Загудел колодец, заклокотала в нем вода после такого клятвопреступления. Поднялась из колодца вода, и стремительный поток понесся за женщиной, сметая все вокруг. Утонула, захлебнулась несчастная мать, а вода уже превратилась в реку и устремила на город, затопила его, смыла дворец. Уже погиб весь народ, а вода все прибывала. Уже вся долина ушла под воду, а вода все прибывала. Вот с тех пор и плещет голубыми волками Иссык-Куль.

* * *

В давние-предавние времена существовал древний город. Над городом на вершине крутой горы стоял замок. Принадлежал он старому и могущественному хану, который славился не только своим богатством, но еще больше своей жестокостью. Не проходило дня, чтобы кто-нибудь не сделался жертвой его каприза. Несмотря на старость, хан был сластолюбив, но не знал он ни любви, ни привязанности. Однажды до него дошел слух, что в одной бедной семье кочевников есть девушка сказочной красоты, и он решил овладеть ею. Девушка эта жила в маленьком аиле, приютившемся у подножья гор, на берегу ручья. Не один славный джигит на поединке сложил свою голову за красавицу, но на предложения о женитьбе она всем отвечала, что любит другого.

Кого любила девушка, никто не мог знать. Да и сама она не знала. Помнила только, что в одно раннее утро, когда солнце озарило вершины гор, явился перед нею на белом

коне красавец-джигит, схватил ее и она вместе с ним взвилась высоко-высоко. Помнила она, как с быстротою вихря неслись они вдвоем в недостижимой вышине, как он обнимал ее, целовал, а, расставаясь, снял с руки кольцо и, надев ей на палец, сказал: «Я скоро вернусь. Кольцо никогда не снимай, и пока оно у тебя, никакое несчастье тебя не коснется».

И теперь, когда посланники хана явились к ней с богатыми дарами и предложением выйти за него замуж, она с негодованием оттолкнула подарки и воскликнула :

– Я люблю другого и ничьей женой кроме своего возлюбленного не буду!

Сказав это, девушка тайком ушла в горы в надежде снова встретить дивного всадника, искать у него защиты.

И тут только девушка заметила, что перстень исчез с ее руки, она заплакала и решила возвратиться домой. Не успела она дойти до дому, как ее окружили вооруженные всадники, схватили и быстро скрылись в мрачном ущелье. Когда ее освободили и сняли с глаз повязку, она увидела себя среди сказочного великолепия. Тогда она поняла, что находится в плену у хана, и решила: лучше умереть, чем стать его женой.

Хан окружил ее неслыханной роскошью, но никакие подарки не могли поколебать девушку.

Наконец хан решил силой взять то, чего так бесплодно добивался подарками. Он снова пришел к ней, обещая за любовь все, даже свободу.

Я люблю другого, – был прежний ответ.

Хан бросился на девушку, но она быстро оказалась у раскрытого окна, над зияющей бездной.

– Нет, хан, я не буду твоей, – и с громким криком девушка бросилась вниз. В тот же миг дрогнули неприступные стены, рухнули гранитные своды, провалился мрачный замок старого хана и из всех ущелий, хлынула вода. Уже скрылись под водой остатки ханского дворца, а вода все прибывала и прибывала до тех пор, пока не затопила большую долину.

* * *

Давно, так давно, что никто из людей не может сосчитать эти ушедшие в вечность годы, там, где шумит теперь Иссык-Куль, было богатое ханство. В плодородных долинах паслись бесчисленные отары овец, табуны быстрых коней...

В то время этой долиной правил хан, прославивший страшным деспотом. Чуть не каждый месяц менял он своих мулл. Только привыкнет мулла к делу, как уже слух в народе идет, что исчез он, и хан повелевает искать нового.

В том городе жил скромный юноша. Однажды хан увидел юношу, тот понравился хану и он предложил ему занять место муллы. Испугался молодой человек такого предложения, да вспомнил, что у него есть старуха-мать, и согласился.

Тогда хан предупредил его:

– Что бы ты, юноша, не увидел у меня, ты никому не должен говорить. В тот час, когда расскажешь о виденном, умрешь.

Вскоре юноша пошел во дворец к хану. Вошел и обмер: у хана были ослиные уши. Понял он теперь, почему хан носит такую высокую пышную чалму. Но вспомнил и ханские слова и сделал вид, что ничего необычного не заметил.

Вышел однажды мулла из дворца навестить мать. День был теплый, ясный, степь кругом зеленела, деревья шептались, даже горы подняли свои белые шапки – видно и им жарко стало. И люди встречались все веселые. Только молодой мулла был задумчив и грустен. Замучило его желание поделиться тем, что знал он о хане – хане с ослиными ушами.

Зашел мулла к матери, посидел у нее, поговорил о хозяйстве и вышел, чтобы возвратиться во дворец. Только страшно ему было снова идти через город, где встречаются знакомые, – так и хочется поведать кому-нибудь о тайне хана. Вот и задумал он идти через степь. День был солнечный, жаркий. Захотелось пить. Прошел он немного и

видит в стороне стоит колодец. Подошел мулла к колодцу, опустил кожаный мешок на длинной веревке, зачерпнул воды и стал тащить. Наклонился он над колодцем и увидел в воде свое отражение. Вспомнил в этот момент юноша тайну хана и захотелось ему шепнуть ее хоть своей тени. Оглянулся – видит степь без конца и края, даже криков пастухов не слышно, а над ним чистое, безоблачное небо. Снова глянул он на свое отражение в воде и шепнул:

– А я знаю, что у хана ослиные уши.

Услышала вода шепот муллы, заволновалась и, глухо, сердито шумя, стала прибывать в колодце. Видит мулла, набралось ее уже до краев, но ничего не смог он сделать, чтобы остановить воду. Вот вода потекла уже по степи, залила самого муллу, его мать, дворец хана, у которого были ослиные уши, но все прибывает, все шумит. И покрыла вода всю долину так, что образовалось целое море. Шумит она и до сих пор, скрывая под собой город и ханство хана с ослиными ушами.

* * *

На том месте, где теперь находится озеро Иссык-Куль, стояли некогда богатые города, окруженные со всех сторон горами. Жители этих городов брали воду из подземных водоемов, ключ от которых хранился у одного отшельника. Когда нужна была вода, у него брали ключ, открывали водоем, набирали воду и снова запирали его, а ключ возвращали отшельнику. Так велось много лет.

Но вот однажды ключ взяла девушка, назначившая своему возлюбленному свидание у водоема. Нечаянно она уронила ключ в воду, испугалась и убежала неизвестно куда. Между тем вода все текла и. текла, пока не залила все города.

* * *

У неверного народа был бездетный хан. Он долго молился о даровании ему детей, и молитва была услышана. Ханша во время прогулки встретила осла, который обнаружил к ней расположение; она родила сына Джанибек-хана с ослиными ушами. Джанибек скрывал свои уши и казнил всех цирюльников. Один юноша, бривший хана по жребию, понравился ему и он оставил его при себе постоянным цирюльником, сделал его визирем, но наказал никому никогда не говорить об ушах. Но однажды на охоте визирь не вытерпел. Когда его сокол опередил ханского, визирь закричал от восторга:

– Мой сокол лучше сокола Джанибек-хана – ослиной головы!

Опомнясь, он бежал в горы. Долго-долго визирь скитался в горах и только по ночам входил в ханский город, где у колодца, негодуя на возобновление казней, молил бога о ниспослании всех бед хану и его развратному народу. Молитвы дошли до неба: из колодца хлынула вода, и в таком изобилии, что залила город и образовалось озеро Иссык-Куль.

* * *

Давно, очень давно, на месте озера расстилалась огромная равнина, на которой кочевали народы со своими многочисленными стадами. В одном месте долины находился колодец: вода вытекала из него с такой силой, что каждый, приходивший за водой, тотчас же спешил завалить отверстие бассейна тяжелым камнем, как только сосуды были наполнены.

В это доброе время жили одна девушка-красавица и молодой джигит, страстно в нее влюбленный. Пора, кажется, было подумать и о свадьбе, но родители почему-то об этом и слышать не хотели. Мало того, они запретили молодым людям даже видеться. Но влюбленные не могли расстаться. Однажды девушка назначила возлюбленному свидание у колодца. Юноша, конечно, явился. Камень был отвален, ведра поставлены под струю воды, а молодые люди в это время были заняты разговором. Много ли, мало прошло времени, они наслаждались, но вдруг послышался шум потока, и из отверстия колодца хлынуло столько воды, что погубила она влюбленную пару, разлилась по равнине и потопила все, что встречалось ей на пути.

Очень давно на месте нынешнего озера Иссык-Куль жили люди и среди них был, один святой, у которого хранился ключ от колодца, находившегося на равнине. Колодец этот обладал чудесной силой — если оставить его открытым на время, большее, чем требуется, чтобы набрать воды в ведро, то из него начинало литься столько воды, что она могла затопить всю равнину. Однажды к святому пришла девушка и стала просить ключ от колодца. Святой дал ей ключ, но сказал :

– Не забудь, когда наберешь воду в ведро, запереть колодец, а ключ отдать мне.

Девушка отвечала, что не забудет, и ушла. Когда она набирала воду, к ней подошел ее жених и вступил с нею в разговор. Она до того увлеклась разговором, что не заметила, как в колодце поднялась вода и стала затоплять окрестности. Молодые люди испугались и побежали прочь от колодца, но спастись не смогли. Вода залила всю равнину и образовала озеро. Все люди, жившие на равнине, погибли.

* * *

Очень давно там, где сейчас озеро Иссык-Куль, было богатое и обширное ханство. Во время, о котором повествует предание, правил там хан с ослиными ушами (по другим вариантам – с рогами). Через известные промежутки времени по жребию назначались молодые люди, которые должны были брить хана. Но никто из них не возвращался домой. Молодых людей убивали, потому что хан не хотел, чтобы кто-либо из подданных знал о том, что у него ослиные уши.

Однажды жребий пал на единственного сына бедной вдовы. Молодой человек, узнав об участии всех, бривших хана, сильно опечалился, но мать успокоила его, сказав, что он вернется живым и здоровым. В тот день, когда сыну надо было идти к хану, она замесила тесто на своем молоке и испекла две лепешки (по другому варианту – она добавила своего молока в кумыс). Отдала она лепешки сыну и сказала:

– После того, как обреешь хана, дай одну лепешку съесть ему, другую съешь сам. Тогда ты узнаешь, что будет.

Сын так и сделал. Выбрав хана, он уже должен был идти на казнь, как вдруг, вспомнив о лепешках, обратился к хану и попросил его ненадолго отсрочить казнь, говоря, что хочет (должен) что-то сказать важное. Хан очень удивился, но просьбу эту все-таки исполнил. Тогда юноша подал хану одну лепешку и попросил съесть ее. Хан согласился съесть, но только в том случае, если тот первый съест свою, и спросил:

– Что же из этого выйдет? Юноша отвечал:

– Когда съешь, тогда узнаешь!

Они оба съели лепешки, и хан снова спросил юношу:

– Что же вышло? И получил такой ответ:

– Из того, что мы съели эти лепешки, вышло то, что мы теперь молочные братья, потому что в лепешках было молоко моей матери. Поэтому, если ты теперь убьешь меня, аллах тебя накажет.

Хан сначала очень рассердился, но потом, одарив его золотом и другими драгоценностями, отпустил домой, причем взял с него клятву молчать о всем виденном. Юноша поклялся и ушел домой. Когда он пришел, все, начиная с матери, стали расспрашивать о виденном у хана. Юноша долго крепился, хранил тайну, но в конце концов не выдержал, побежал к колодцу, наклонился над ним и крикнул:

– У нашего хана ослиные уши!

Только он крикнул это, как вода в колодце начала подниматься и затопила все ханство.

НА БЕРЕГАХ ИССЫК-КУЛЯ

Предисловие

Знаменитый афоризм «Платон мне друг, но истина дороже» Аристотель изрек, ознакомившись с диалогами Платона «Тимей» и «Критий», в которых как о вполне достоверном факте повествуется об одной из величайших катастроф в истории человечества – гибели Атлантиды в океанской пучине. Аристотель не поверил, что может произойти такое.

Споры о том, была или не была Атлантида – культурнейшее и цветущее островное государство древности – ведутся по сей день. Сторонники ее реальности ищут Доказательства, противники – скептически их опровергают. Литература об Атлантиде насчитывает свыше 25000 томов. Это не только научные, но и художественные, и научно-фантастические, и поэтические произведения. Известно, что сторонниками Платона были А. Конан-Дойль, В. Я. Брюсов, А. К. Бальмонт, А. Н. Толстой, А. В. Беляев, П. Бенуа, Х. Вердагер и другие известные писатели и поэты. Многие ученые-геологи тоже поддерживают гипотезу о реальности Атлантиды. Среди отечественных ученых такое мнение разделяет академик В. А. Обручев. Они уверены, что в одну бедственную ночь разразилась ужасная катастрофа. Атлантида, атланты и созданная ими величайшая цивилизация погибли от землетрясения, наводнения или упавшего небесного тела. Это, согласно Платону, произошло примерно 13 тысяч лет тому назад.

К сожалению, человечество в своей истории пережило и переживает огромное количество катастроф. И всемирный потоп, драматически описанный в Библии, реальность которого блестяще доказана английским ученым Л. Вулли, и гибель Помпеи, и недавний чернобыльский взрыв – явления одного порядка. Это катастрофы, т. е. внезапные бедствия, влекущие за собой тяжкие экологические и демографические последствия. Одни из них вызваны силами стихий (природные), другие носят техногенный характер, являясь: делом рук человека, бездумно и беспечно «покоряющего» природу.

В наши дни происходит резкое сокращение зеркала озера Иссык-Куль. Озеро уходит от своих берегов. Уходит, уходит... Это тоже катастрофа, влияющая на экологическую ситуацию региона и вызывающая обоснованное беспокойство. Мы еще не знаем истинных причин регрессии «жемчужины Ала-Тоо». Одни утверждают, что беда озера в том, что человек разобрал почти все реки, питающие его, на орошение садов и пашен. Они хотят помочь Иссык-Кулю перебросив в него воды рек Сары-Джаз и Кегень, то есть заняться все тем же «преобразованием природы», которое уже сгубило Аральское море. Есть ученые, которые утверждают, что уровень озера связан с тектоническими процессами и зависит не от «зловредности» человека, а от частых землетрясений в регионе. Другие уверены, что вообще ничего страшного не происходит: регрессия озера носит временный характер и подвержена строгой природной цикличности, в действие которой человек не вправе вмешиваться, чтобы не натворить непоправимого. За регрессией сама собою наступит трансгрессия и озеро не только восстановит свои прежние размеры, но еще и лишку прихватит, затопив ряд селений.

Час от часу не легче. Опять катастрофа!

А где же истина? На наш взгляд, приблизиться к ней помогут археологические исследования дна озера Иссык-Куль, под волнами которого скрыты поселения, города, курганные погребения, клады... Это означает, что в глубокой древности там была суша, жили люди, строили дома Еозделывали поля, трудились в мастерских, торговали, любили и ненавидели, рожали детей и умирали. Люди фантастического склада ума верят байкам, что Иссык-Куль подземными каналами связан с Балхашом, Сон-Кулем и Аральским морем по принципу сообщающихся сосудов... Однако, когда и как далеко уходило озеро от современных берегов в древности? На этот вопрос частично ответят остатки поселений на дне озера, которые следует нанести на карту и постараться, как можно точнее

датировать по остаткам материальной культуры. Для этого необходимо самое тщательное изучение более чем четырехсоткилометровой прибрежной зоны озера, используя, по возможности, новейшую методику и технику.

В этой книге мы расскажем читателю о поисках и открытии столицы усуньских ханов, древнейшем торговом центре на Великом шелковом пути – Чигучэне (Городе Красной долины), который на рубеже старой и новой эры постигла судьба, очень схожая с участью Атлантиды Платона. Катастрофическая трансгрессия озера уничтожила древний город, разрушила его стены, дворцы, дома, изгнала людей, разрушила их труды. В настоящее время, только поднявшись на вертолете, можно разглядеть в водах Тюпского залива четырехугольник грозных в прошлом стен былого города.

Открытие Великого Шелкового пути

«Тесен мир» – звучит сегодня как прописная истина. Но три тысячи лет тому назад слова эти показались бы кошунственными.

Греки, египтяне, финикийцы, мидийцы, согдийцы с древних времен были связаны между собой культурными и экономическими интересами. Они торговали. Да еще как торговали! Возникли крупные торговые центры, торговые пути, торговые флоты и караваны, развивалось ремесло, появились деньги, а с ними банки, ростовщики, менялы...

А далеко на Востоке, в долинах рек Хуанхе и Янцзы, развивали ремесло и торговлю китайцы. Их купцы проникали в Южную Сибирь, Японию, Индонезию, Вьетнам. Изделия китайского производства находили в курганах V в. до н. э. на Алтае.

Обе торговые системы долгое время развивались изолированно, ничего не зная, друг о друге. Их разделяли высочайшие хребты Тянь-Шаня и Памира, пустыни Центральной Азии. Но это не могло длиться вечно. Во II в. до н. э. китайский странник поневоле Чжан Цянь преодолел эту преграду, что способствовало знакомству, а затем и сближению двух миров. По пути Чжан Цяня пошли караваны, Начал функционировать Великий шелковый путь – торговая артерия, прочно связавшая Восток и Запад.

Как же свершилось столь заметное событие в исторической судьбе многих народов Азии, Европы и Северной Африки?

Гипотеза – 1985

На дне Тюпского залива Иссык-Куля в полевой сезон 1985 г. мы обнаружили крупное городище. Находки свидетельствовали, что оно существовало где-то в первом тысячелетии до нашей эры. Но все это нужно было еще доказать новыми изысканиями, научными исследованиями. Мы взяли за основу одну привлекательную гипотезу: обнаружен город Чигу – столица кочевников II в. до новой эры. Это надо было полевыми (а точнее – подводными) археологическими исследованиями либо подтвердить, либо опровергнуть. Как нам представляется, построение гипотезы, а затем тщательная проверка ее – несомненно, путь поиска истины лучший, чем простое первоначальное накопление фактов, когда исследователь не опирается на стержневую гипотезу, а затем на выводы, гипотезы или теории, вытекающие из суммированных итогов. Не отрицая возможности идти вторым путем, мы предпочли первый, как более интересный. Даже если факты опровергнут гипотезу, это будет определенным решением проблемы. Ибо отрицательный результат – тоже результат.

Итак, мы предположили, что нашли развалины знаменитого города Чигу – ставки могущественного правителя древнеусуньского племенного союза на Иссык-Куле, важного промежуточного торгового пункта на зарождавшемся Великом шелковом пути. Исходя из этого, мы на наши первые прибрежные и подводные трофеи стали смотреть как на предметы материальной культуры столичной ставки древних кочевых владык.

Последующие находки – одна древнее другой – все более уводили нас от рубежа новой эры к началу первого тысячелетия до новой эры – ко времени финальной бронзы (завершающего этапа эпохи бронзы) и становления сакского кочевого союза племен. Это позже ему на смену пришел усуньский племенной союз со столицей Чигу, впитавший в себя все элементы предшествующей культуры.

Так может быть, мы обнаружили неизвестное сакское городище на берегу Иссык-Куля, которое позже выросло в столицу усуней? Вопрос следовал за вопросом, загадка за загадкой, Пошли они и позже, когда мы коснулись средневековых подводных поселений.

Предыстория поиска, сам процесс поиска, анализ добытых материалов, факты, легенды, гипотезы и составляют сюжеты предлагаемой книги.

ЧЖАН ЦЯНЬ В ЧИГУ

Кочевники отступают

Заканчивался третий год изгнания. Чжан Цянь стал получать письма, начертанные неумелой рукой подростка. Сын писал, что старательно изучает грамоту и уже хорошо умеет держать кисточку и деревянный стиль – перо... В глухую провинцию к нему доходили слухи о новых и новых победах китайского оружия. В 121 г. до н. э. гуннов разбил Хо Цюйбин. В 119 г. до н. э. сокрушительное поражение нанес им Ли Гуанли. Пленных оказалось многие десятки тысяч. Для их перевозки потребовалось столько лошадей, что крестьяне северных провинций, у которых чиновники производили их реквизицию, начали прятать свою тягловую скотину. Дело дошло до бунтов...

После разгрома гуннов в императорском совете все чаще и чаще обращались к тому, ради чего все это было затеяно: к «плану 10000 ли». Но автор этого плана прозябал где-то в провинции, а без его знаний неизвестно было даже, с какого конца начинать.

Конец опале

Дождливой осенней ночью Чжан Цянь сидел в своей хижине и при тусклом свете светильника перечитывал сказание о путешествии древнего императора Му Вана в страну царицы Запада Сиваиму. Будто бы этот престарелый (ему было 65 лет) путешественник добрался за 325 дней до озера Отрада, земли Пышного сада и Нефритовых гор. И, лишь обозрев все это, отправился восвояси.

Сквозь шум дождя он услышал конский топот, громкие голоса. Чжан Цянь отложил книгу, прислушался. Кто бы это мог быть? В глухой деревне, в такое позднее время и в такую погоду? Уж не разбойники ли?

Ожесточенный лай собак скоро смолк. Потом он услышал голос своего соседа:

– Господин здесь! Еще не спит. Видите – огонек теплится?

В бамбуковую дверь вежливо постучали.

– Господин Чжан! Господин Чжан!...

Сердце Чжан Цяня остановилось. Неужели?...

Он открыл хлипкую дверь. Вместе с шумом дождя в хижину ворвался порыв ветра и чуть не задул светильник. Вошли двое: староста селения Люй Шу, который человеческим участием, а иногда и чашкой риса с рыбой или овощами старался скрасить пасмурные дни опального Бованхоу, и еще кто-то, высокий, в плаще, по которому стекала вода. Когда он откинул плащ, Чжан Цянь узнал Гу Иня, одного из телохранителей императора. Во дворе слышались еще голоса.

Гость то ли не узнал хозяина, то ли сделал вид:

– Здесь ли обитель Бованхоу Чжан Цяня, премудрого, многознающего?

Хозяин ответил:

– Ты ошибся. Здесь ютится ничтожный простолюдник Чжан Цянь.

Гу Инь отвесил низкий поклон. Еще поклон. Еще. И еще. Потом вынул из-под плаща шелковый сверток!

– Приказано передать лично в Ваши драгоценные нефритовые руки.

Чжан Цянь развернул сухой шелк. В нем коробочка из яшмы. В коробочке – бамбуковая табличка, издающая небесные ароматы.

Он поднес табличку к тусклому свету: на глянцевої поверхности прекрасными иероглифами было начертано (самим императором!): «Ждем Вас. Небесный конь – у Вашей калитки».

* * *

Чжан Цяню вернули имущество и титулы. Повелением У-ди проведенное расследование показало: в опоздании к месту битвы князь не виноват. Как раз в эти дни Веточке Радости, названной дочери Чжан Цяня, исполнилось 9 лет. Требовалось по обычаю, дать ей второе, взрослое, имя – теперь уже на всю жизнь. И опять император милостиво обратился к своему Бованхоу. Чжан Цянь дал ей имя Цветок Лотоса. Как увидим впоследствии, эта юная принцесса сыграла немаловажную, хоть и пассивную роль в китайской дипломатии на Западе...

«План 10000 ли» спешно обсуждался в императорском совете – уже в присутствии «специалиста». «Специалист говорил своему повелителю:

– Если в настоящее время богатыми подарками склонить Гуньмо переселиться на восток (т.е. между озером Лобнор и Великой стеной) и вступить в брачное родство с Домом Хань, то можно надеяться на успех в этом... Тем самым отсечем правую руку у хуннов. Когда же присоединим к себе Усунь, то в состоянии будем склонить в наше подданство Дася и другие владения на западе...

Император задумчиво покачал головой, и нельзя было понять, соглашается он или нет.

– К тому же, – напирал Чжан Цянь, – уговорить переселиться кочевников будет легко. Ведь ушли они на запад под напором хуннов совсем недавно – 45–47 лет назад.

...Бархатная ночь обнимала императорский сад. Великий и добрый бог Шанди смотрел с невообразимой выси миллионами сверкающих глаз-звезд на грешную землю. Она чтит не его, а других: бога войны Гуанди и Дай Шэна – бога богатства... Именно о войне и торговле продолжали долгий разговор в беседке Высокого Уединения император и его подданный...

Второе посольство Чжан Цяня

Вопрос о втором посольстве на Запад – теперь уже к усуням – был решен. Во главе его – Чжан Цянь. Сыма Цянь пишет: «Сын Неба дал ему должность хуннского пристава, 300 ратников с двумя лошадьми при каждом и до 10000 голов быков и баранов... и подчинил ему множество помощников с бунчуками – для отправления их посланниками в разные владения, лежащие по сторонам проезжаемой дороги». В экспедиции участвовал и Люй Шу – Чжан Цянь загодя вызвал его в столицу. Физиономия бывшего старосты ныне выражала живейшую радость. Он не расстается с личным бунчуком своего друга и господина, покрикивает на слуг, добиваясь порядка. Императорская казна выдала ему жалованье. А впереди – путешествие в сказочные страны... Главный придворный астролог Сыма Цянь после долгих наблюдений за звездами сказал: поход будет необыкновенно удачным, Чжан Цянь во всех начинаниях добьется полного успеха. Это еще больше воодушевило отправляющихся. Сыма Цянь был всеми уважаемым человеком, с энциклопедическими познаниями. Кажется, не было такой области науки, литературы или человеческих отношений, где он не был бы крупнейшим авторитетом. Кроме своего основного занятия – астрологии – Сыма Цянь писал исторические сочинения. Благодаря его грандиозному труду «Историческим сочинениям» – мы и знаем многое из того, что без этого кануло бы в Лету. Именно он, великий историк Сыма Цянь, основоположник китайской историографии, первым рассказал о подвиге Чжан Цяня. Посольство двинулось тем же путем, каким шел Чжан Цянь много лет назад. Но теперь гуннов можно было не бояться – они ушли далеко на север. От Великой стены и до самого Лобнора вдоль трассы располагались военные посты-станции. При каждой такой станции – склады с продовольствием и фуражом для скота.

Более трудным, естественно, оказался путь от Лобнора до Тянь-Шаня. Но и здесь все кончилось благополучно. В бассейне Тарима существовало много городов, поскольку Большое посольство шло не с мечом, а с миром, жители оазисов охотно продавали съестное. Отряд же в 300 ратников отбивал охоту к нападению у шаек грабителей. Так, без происшествий, добрались до Небесных гор, а затем – к берегам Теплого озера.

Чжан Цянь думал иногда: не это ли озеро Отрада из легенд о путешествии Му Вана?...

Верховный правитель усуней – кунбаг по имени Лецзяоми радушно принял китайское посольство. Он хорошо помнил Чжан Цяня еще по первой встрече тринадцать лет назад. Память у кунбага была цепкая. Тогда Чжан Цянь предстал перед ним с небольшой свитой измученных людей, без всяких даров, при нем был один лишь бунчук – знак посольского достоинства. А уж как они ели тогда! Лецзяоми, сам отменный едок, только диву давался.

Теперь же посланника сопровождало триста бойцов с самострелами, множество помощников и слуг, за ними пылило десятитысячное стадо быков и баранов. А сколько подарков! Правитель за всю жизнь не видел таких прекрасных вещей. Что и говорить – очень солидный гость.

По приказу кунбага для посланника воздвигли большой шатер на пустыре за чертой городских стен усуньской столицы Чигу. На долгий срок этот шатер стал штаб-квартирой Чжан Цяня.

Отсюда он направил посланников с бунчуками в окрестные и дальние земли: в Юйтянь (Хотан), Давань, Канцзюй, к Большим юэчжам, в Дася (Бактрию), Аньси (Парфию) и даже в неведомую Шэнди (Индию).

Чжан Цянь скоро завоевал уважение кочевников. Он восхищал их лихой джигитовкой (освоил за 10 лет гуннского плена), пил кумыс и ел за троих жирную баранину. Показывая приемы китайской борьбы, валил с ног отборных силачей. А его приветливость, гостеприимство, умение вникнуть в чужие нужды и, конечно же, щедрые подарки – все это раскрывало перед ним сердца и души кочевников.

И все же кое-кто из самых осторожных племенных вождей — старейшин говорил своему верховному владыке:

– Человек Хань рассылает своих посланников по сопредельным странам. Те собирают всевозможные сведения. Не лазутчики ли это? Не придет ли вслед за ними войско ханьского правителя?

Кунбаг, облаченный в подаренный шелковый халат с вытканными фазанами, отвечал благодушно:

– Зачем войску приходить? А лазутчики выспрашивают торговые пути да кто что продает и что покупает... Это купцы, а не воины.

– Не забывай повелитель, у ханьцев сильное войско! Они загнали могущественных хуннов словно крыс, в дальние северные норы, отобрали обширные земли...

– И правильно сделали! От хуннов никому покоя не было, теперь они присмирели. А нам с ханьцами делить нечего. Наоборот: мы им нужны как союзники. И нам от них добрая польза будет, когда заведут свою торговлю... Караваны через наши земли пойдут. Смекаете?

На торжественных пирах Чжан Цянь всегда занимал почетное место неподалеку от владыки. И между ними частенько завязывался оживленный разговор. Китайский посол не уставал твердить о больших выгодах для усуней, если дружба между ними упрочится. Он даже намекнул как-то: в случае успешного завершения дела есть для кунбага надежда породниться с самим Ханьским домом, с великим Сыном Неба! А это все равно, что породниться с живым богом. А уж принцессы из Чаньани – истинно небесные девы... Он со знанием дела, так красочно описывал женские прелести, любвеобильность и красоту китайянок, что усуньские военачальники только облизывались...

В голове же кунбага эта идея или шутка китайского посла, засела прочно...

Лишь в одном потерпел неудачу красноречивый Чжан Цянь: сам кунбаг, оба его владетельных сына и шестнадцать старейших – вождей, составляющих совет, – все как один высказались против переселения на восток. Новая земля устраивает их полностью. Здесь много ручьев и рек с чистой холодной водой. На горных хребтах достаточно

деревьев для хозяйственных нужд. И к тому же отличная охота... Да и хунны далеко, а остальных кочевников они давно прижали к ногтю.

Нет! Хребты Тянь-Шаня, долины вокруг Теплого озера стали их новой родиной, прикипели к их сердцам навсегда!

Чжан Цянь выяснил: усуньский племенной союз оказался не совсем однородным. Кроме самих усуней, в него входили остатки прежнего населения – саков, юэчжей. Земледелием занимались в основном посаженные на землю рабы – эти и совсем происходили кто откуда...

Понятно, что свернуть все это отлаженное хозяйство и двинуться в засушливые места прежнего обитания, по-соседству с чересчур могущественной империей – никому не хотелось...

Рассылая во все стороны посланцев, Чжан Цянь стремился составить полную картину западных стран – их границы, дороги, реки и переправы, язык народов, его обычаи и занятия, государственный строй, количество, вооружение и боеспособность армии, связи (мирные и не мирные) с другими государствами.

И он эту задачу выполнил. Когда посольство возвратилось в Чанъань, сообщение Чжан Цяня произвело на современников неизгладимое впечатление. Если результатом первого путешествия было только открытие стран Запада, то теперь он привез достоверные и доскональные знания. У него были даже сведения о самых дальних землях – о Месопотамии, Сирии и о Западном море.

Теперь можно было начинать торговать...

Азиатский Колумб

Имя Чжан Цяня неизвестно широкой публике. О нем мало пишут. А между тем он достоин занять место рядом с величайшими первооткрывателями, такими, как Колумб, Магеллан, Васко да Гама. Он был первым, кто соединил систему торговых артерий Китая с торговыми артериями Запада. В результате возникла новая, межконтинентальная трасса – Великий шелковый путь. И путь этот, действовавший полторы тысячи лет, сыграл огромную роль в сближении двух континентов, во взаимном культурном обогащении многих европейских и азиатский народов. Чжан Цянь первым завез на свою родину виноград и люцерну, а спустя два – три десятилетия они распространились по всему Китаю.

Великий китайский историк Сыма Цянь писал: «Таким образом, Китай открыл сношения с государствами, лежащими от него на северо-западе. Этот путь в Западный край первым открыл Чжан Цянь. Все последующие посольства, бывшие на западе, говорили, что князь Чжан Цянь своею прямою сумел приобрести расположение иностранных дворов и иностранцы доверяли ему...» Историк Бань Гу (I в. н. э.), брат великого китайского полководца Бань Час пишет: «Чжан Цянь побывал лично в Давани, у Больших юэчжей, в Дася, у Канцзюй, и, кроме того, из рассказов узнал, что около них имеется еще пять или шесть государств».

И тот же Сыма Цянь с грустью говорит, что последующие ханьские дипломаты не сумели сберечь добрые традиции, заложенные Чжан Цянем, и вскоре мнение иноземцев о Поднебесной изменилось к худшему.

Характеристику Чжан Цяню древние историки дают такую: «Чжан Цянь был человеком непреклонным, великодушным, обладал телесною силою, был щедр» (Бань Гу, Сыма Цянь).

Поражает, восхищает и чисто человеческий подвиг великого путешественника. Мало кому выпало столько невзгод, трудностей, тяжелых физических и моральных испытаний, какие выпали на его долю во время тринадцатилетних скитаний и гуннского плена. Но несмотря ни на что, он выполнил возложенное на него поручение – достиг Больших юэчжей и вернулся назад. Так доблестный воин, что бы не случилось, сохраняет свое оружие, свое знамя.

Умер Чжан Цянь около 111 г. до н. э.¹ Его похоронили со всевозможными почестями, соорудили гробницу...

Какой-то прохожий посадил у могилы виноградную лозу. Через несколько лет над гробницей разрослась густая тенистая беседка.

А в далекой стране Усунь, в городе Чигу на берегу Теплого озера могучий правитель Лецзяоми, узнав о смерти своего гостя и друга, «много плакал и велел справить тризну по степному обычаю»...

Чигу – "Мекка" исследователей Прииссыккуля Семенов-Тянь-Шанский ищет Чигу

Как Мекка вечно манит мусульман, так и Чигу притягивал к себе почти всех исследователей Прииссыккуля.

Научные поиски реального или мифического Чигу имеют четко обозначенную начальную дату. В теплый вечер 14 июня 1857 г. молодой русский ученый-путешественник, прибывший из далекого Санкт-Петербурга на Иссык-Куль в поисках разгадки происхождения Тянь-Шанских гор, стоял на мысе Кара-Булун, у водораздела рек Тюп и Джергалан, и вглядывался в покрытое рябью зеркало залива, тщетно пытаясь в лучах заходящего солнца увидеть причудливые развалины подводного дворца. Окружавшие его местные кыргызы рассказывали ему, что именно здесь они доставали кирпич со дна озера для своих мавзолеев – гумбезов, что именно тут, на мысе, разбушевавшиеся волны Бремя от времени выбрасывают на берег старинные предметы – «дары озера». Незадолго до этого, например, здесь были найдены «очень древний по форме и украшениям больших размеров медный котел и несколько медных орудий», которые ученый ориентировочно (и неверно) датировал эпохой бронзы.

Ученый не только занимался сбором строго научных фактов. Он внимательно слушал кыргызские легенды о том, как образовалось озеро. Суть легенды сводилась к тому, что прежде на месте озера была обширная равнина с многолюдными и богатыми городами. На главной площади одного из городов находился колодец, который закрывали на ночь золотой крышкой. Однажды влюбленная девушка (по другому варианту, три странника) забыла это сделать. Поднявшаяся в колодце вода хлынула на спящий город. В одну ночь на его месте образовалось озеро Иссык-Куль.

Более всего впечатлял слушателей романтический вариант легенды, записанный позже и опубликованный сыном сторожила г. Каракол известного краеведа Я. И. Королькова Борисом.

В давние времена существовал город, над которым на вершине крутой горы возвышался замок. Принадлежал он старому хану, который отличался жестокостью. Несмотря на старость, хан был сластолюбив. Однажды до него дошел слух, что в одной бедной семье кочевника есть девушка сказочной красоты. Не один славный джигит на поединке сложил голову за красавицу, но на предложения руки и сердца она всем отвечала, что любит другого. А она и сама не знала своего возлюбленного. Как-то наяву или во сне явился перед нею на белом коне красавец-джигит, снял с руки кольцо и, надев его ей на палец, сказал: «Я скоро вернусь. Кольцо никогда не снимай, и пока оно у тебя, никакое несчастье тебя не коснется».

Когда посланники хана явились к ней с богатыми дарами и предложили выйти за него замуж, девушка тайком ушла в горы в надежде снова встретить дивного всадника. И только тут девушка заметила, что перстень исчез с ее руки. Она решила возвратиться за ним. Не успела беглянка дойти до дому, как ее схватили вооруженные всадники.

Хан окружил ее неслыханной роскошью, но никакие подарки не могли склонить девушку на его предложение. Наконец хан решил не церемониться и силой взять то, чего бесплодно добивался подарками. Он снова пришел к ней, обещая за любовь все, даже свободу. Красавица осталась непреклонной. Хан бросился к девушке, но она быстро

¹ Даты смерти называются самые различные – от 114 до 104 г. до н. э.

оказалась у раскрытого окна и бросилась в бездну ущелья, над которым стоял дворец. В тот же миг дрогнули стены, рухнули своды, провалился мрачный замок старого хана и из всех ущелий хлынула вода. Она все прибывала и прибывала до тех пор, пока не затопила большую долину.

П. П. Семенов решил проверить рассказы иссык-кульских кыргызов об исчезнувших под водой строениях. Место, где развалины бывали видны, по его мнению, являлось подводным продолжением мыса Кара-Булун, во всяком случае, – в восточной мелководной части озера. Осмотренные им археологические находки, вынесенные волнами в этом месте, Семенов относил не к усуньскому периоду, а к более позднему – монгольскому, к XIV–XV вв. И он был прав. В его руках действительно оказались находки, относящиеся к монголо-тимуридским временам. Но здесь же были обнаружены и предметы более раннего – сако-усуньского периода, как определял сам ученый.

Отметив все это, Семенов задается вопросом: где же все-таки могла располагаться ставка усуней, которую китайские летописцы называли Чигучэн, т. е. «Город Красной долины»? Усуни, по его мнению, «оставались бесспорными владельцами бассейна Иссык-Куля» (по крайней мере, в течение пяти веков) и оставили «самые древние предметы из выбрасываемых волнами Иссык-Куля».

Итак, пишет П. П. Семенов, страна усуней, по мнению китайцев, была холодна и обильна дождями, с превосходными пастбищами, горы поросли еловыми и лиственными лесами. У усуней были многочисленные стада, охотнее всего они занимались коневодством. Китайские императоры искали союза с усуньскими правителями, видя в них потенциальных союзников против гуннов. Для этого использовались, как один из методов, династические браки. В 107 г. до н. э. китайский двор отдал свою принцессу в жены усуньскому правителю. Для нее в ставке правителя был построен дворец. Эту-то резиденцию китайцы и называли «Городом Красной долины». Семенов считал, что «Красной долиной» могла быть только долина реки Джергалан. Он полагал, что рядом со ставкой кочевого владыки необходимы были, скорее, богатые пастбища, а не обилие воды, а потому ставка Чигу не была на берегу Иссык-Куля. Довод этот может быть принят во внимание, но до конца не убеждает. Ведь вполне могло быть и так: ставка располагалась непосредственно на берегу озера, а стада выпасались на богатых предгорных лугах той же Джергаланской долины.

Как бы там ни было, П. П. Семенов, убежденный в том, что Чигу расположен в Восточном Прииссыккулье, даже не предполагал обнаружить его непосредственно на берегу. Как объективный, беспристрастный ученый, он все же отметил случаи находок на берегу и под водой предметов, которые относил к кругу усуньских.

Господство усуней прекратилось на Тянь-Шане где-то к VI в. н. э. Они смешались с пришедшими сюда тюркскими племенами. Но, как справедливо считал П. П. Семенов, усуни не исчезли с лица земли. Их остатки следует искать среди казахов и кыргызов, в родоплеменных подразделениях которых уцелело название «усунь», в частности, так именовали один из родов большого кыргызского племени сарыбагыш. Среди сарыбагышей ученый изредка встречал голубоглазых и русских, выделявшихся на общем фоне монголоидного черноволосого и черноглазого населения. Надо сказать, что и тут Семенов оказался прав. Современной наукой убедительно доказано, что в этногенезе как казахского, так и кыргызского народов самое непосредственное участие принимали древние усуньские племена.

Несбыточные мечты губернатора

Туркестанский генерал-губернатор К. П. фон Кауфман не забыл письма, с которым обратился к нему спустя несколько лет после путешествия на Иссык-Куль Петр Петрович Семенов, ставший уже признанным ученым, фактически главой Русского географического общества. П. П. Семенов, указав на подводные находки кыргызов с Иссык-Куля, отмечал их несомненную научную ценность и призывал разыскивать предметы старины, сосредоточив их в музее, который обязательно должен быть открыт в Ташкенте.

В канцелярии туркестанского генерал-губернатора хранились составленная еще в 1856 г. по просьбе Чокана Валиханова записка купца Исаева, не раз ходившего с караванами через Иссык-Куль в Восточный Туркестан в 1820-х годах. Купец упоминал о неких подводных развалинах в Тюпском заливе, справа от впадения реки в озеро. «Видимые в воде здания складены из камня, – читаем в записке, – только надобно заехать на лошади сажень до двухсот. Сказывают эти жители о сих зданиях, что будто бы город тут величайший, и сделалось наводнение и будто бы не было до этого тут озера». И, конечно, приводились кыргызские легенды об образовании озера. Кауфман мало придавал им значения. Другое дело письмо просвещенного сановника П. П. Семенова! Да к тому же, и военный губернатор Семиреченской области Г. А. Колпаковский упорно настаивает на том же и древние вещи присылает в подтверждение, да большинство из-под воды!

Объезжая по делам службы свои владения, Г. А. Колпаковский в 1869 г. посетил Иссык-Куль. Рассказывали, что он заставлял первых русских поселенцев и казаков высаживать вдоль дороги деревья, а кто ослушничал – тут же наказывал плетью. Мужики терпели, ворчали, но... аккуратно высаживали положенное количество саженцев, которые через несколько лет превратили трассу по северному берегу Иссык-Куля в сплошной зеленый туннель.

Вернувшись из поездки в областной центр – г. Верный, Колпаковский направил в Ташкент записку, которая в ноябре 1869 г. была зачитана на собрании членов-учредителей Среднеазиатского ученого общества (еще до его официального открытия). В записке говорилось о древних «предметах, найденных в юго-восточной части Иссык-Куля, доказывающих существование в прежние времена на этом месте города». Тогда же Колпаковский направил и краткую информацию в «Известия Русского географического общества» с описанием виденной им под водой обширной площадки, которая, как писал он, будто специально устлана кирпичами, обломками посуды и костями. Там же видел он под водой и каменное изваяние.

Колпаковский был инициативным чиновником и не ограничивался только служебным рвением. Круг его интересов распространялся и на научное освоение края. Он ежегодно посещал Иссык-Куль, постоянно интересовался древностями его, собирал случайно найденные предметы старины. 3 ноября 1871 г. военный губернатор направляет К. П. Кауфману очередной рапорт следующего содержания: «В последнюю поездку в южную часть Семиреченской области приобретены мною две археологические вещи и две серебряные монеты, найденные на берегу Иссык-Куля». Это были: Большая медная чаша, обнаруженная кыргызами в устье р. Сары-Булак, при впадении ее в озеро (на северном берегу)» и медная чаша с арабской вязью, найденная в устье р. Койсу на южном берегу и подаренная генералу сарыбагышским манапом Уметалы. Переводчик при туркестанском генерал-губернаторе, знаток местных обычаев и наречий Ш. М. Ибрагимов сделал перевод арабской надписи на чаше: «Весенние дни доставляют нам счастье. О водонос! Дай мне оживляющей влаги... Похожий на розу напиток сосуду красу придает, подобно тому, как роса оживляет тюльпан. Жизнью считай то время, которое смертным дает наслажденье».

Чаши, несомненно, относились к давно ушедшему средневековью и были, по всей вероятности, изготовлены в период Караханидов, правивших на территории Кыргызстана в X–XII вв. из столицы Баласагун, развалины которого раскапывают сейчас наши археологи близ города Токмака, что в 60 км восточнее Бишкека.

Г. А. Колпаковский предлагал К. П. Кауфману организовать научные изыскания на Иссык-Куле, возложив их на молодого ученого-натуралиста А. П. Федченко. «Вообще загадочность Иссык-Куля с каждым днем увеличивается и побуждает меня, – писал он, – вновь заявить мысль о необходимости исследований. Затруднения относительно устройства судна по возможности устранимы. Ожидая на Иссык-Куле г. Федченко, я распорядился об устройстве небольшого парусного судна, которое уже приведено к концу. Кроме того, для этой же цели одним частным лицом устроен восьмивесельный

катер. Затем, для полноты предприятия недостает водолазного аппарата, приобретение которого посредством частных средств более чем сомнительно».

К. П. Кауфману в целом предложение Г. А. Колпаковского понравилось, и 10 ноября он накладывает на его письмо резолюцию следующего содержания: «Вещи: котел или большую чашу и малую чашу хранить здесь для будущего музея... Что касается до водолазного аппарата (скафандра), то выписать можно не иначе, как с мастером, а потому просить свиты его величества генерал-майора Зверева, строителя Кронштадта, не может ли он поручить кому-либо собрать сведения, кто будет строить прибор наиболее прочный и на каких условиях можно найти охотника пожаловать сюда и заняться исследованиями».

Заинтересовавшись в определенной мере находками и сознавая возможность прослыть покровителем наук в крае, К. П. Кауфман рьяно взялся за приобретение подводного аппарата и поиски водолаза.

В свое время, просматривая документы архива канцелярии туркестанского генерал-губернатора, мы обнаружили дело «Об археологических находках на озере Иссык-Куль, приобретении водолазного аппарата и найме водолазов для подводных исследований в Иссык-Куле. Описание скафандра», датированное 15 ноября 1871 г. – 20 октября 1873 г. Оказалось, что более ста лет тому назад была предпринята попытка первых подводных археологических исследований древних памятников на дне Иссык-Куля – поселения и городищ. Насколько это удалось, увидим ниже.

После настойчивых предложений Г. А. Колпаковского и предварительного официального уведомления К. П. Кауфман пишет строителю Кронштадтской крепости Константину Яковлевичу Звереву письмо с просьбой помочь в организации исследования подводных тайн Иссык-Куля. «Озеро Иссык-Куль, – писал он, – находящееся в пределах Семиреченской области, представляет собою весьма богатый материал для археологических исследований. Найденные на дне сего озера и рек, в оное впадающих, в разное время древние вещи свидетельствуют, что местность, где находится озеро Иссык-Куль, была совсем в иных условиях, чем в настоящее время... К сожалению, археологические находки так еще бедны, ибо добываются случайно, не интересующимся кочевым населением, и при том так разнообразны» что не представляют еще данных к какому-либо выводу...» И туркестанский генерал-губернатор просит кронштадтских специалистов содействовать в приобретении необходимого водолазного скафандра и привлечении специалистов-водолазов. «При этом, – пишет Кауфман, – главным образом нужно принять во внимание, что так как цель приглашения такого мастера составляют по преимуществу археологические изыскания, то в данном случае необходим человек развитый, способный, сильный и непьющий».

Поскольку отечественных водолазных приборов и костюмов, соответствующих особым условиям и археологическим задачам, не было, Зверев, получив предварительно описание нескольких рекламных образцов Парижской выставки, «прашивал, а не закупить ли их за границей, где «в устройстве скафандров произведены значительные улучшения», но все они стоили немалых денег. Так, один из предложенных усовершенствованных французских водолазных приборов с регулирующимся воздушным резервуаром, называемым «искусственными легкими», отмеченный Золотой медалью на Всемирной Парижской выставке 1867 г., стоил 1625 рублей – сумма по тем временам преогромная!

В Ташкент направляется подробное описание скафандра с рисунками. Но..., как нередко бывало в истории, в конечном итоге денег именно на приобретение аппарата и приглашение водолаза не оказалось. Парусник неожиданно затонул, А. П. Федченко в намеченное время не приехал. И благие намерения так и остались неосуществленными. Лишь архивное дело свидетельствует о несбывшихся мечтах губернатора.

Внимание не ослабевает

Но интерес к подводным тайнам Иссык-Куля не исчез. В 1886 г. геолог И. В. Мушкетов представляет в физико-географическое отделение Русского географического общества доклад «Мотивы и задачи исследования на Хан-Тенгри» – об организации

специальной экспедиции в горную систему Хан-Тенгри на Тянь-Шане. И хотя сам ученый скептически, относился к наличию подводных крепостей и селений на дне озера, считая следы развалин продуктом особых геологических отложений, тем не менее, полагал необходимым их обследовать. «Так как экспедиция предполагает окончательно снарядиться в Караколе, т.е. в долине Иссык-Куля, – докладывал И. В. Мушкетов членам общества – организаторам экспедиции, – и на обратном пути то же будет в долине Иссык-Куля, то было бы весьма желательно, чтобы она занялась, насколько возможно, исследованием остатков древних поселений на Иссык-Куле (выделено нами. – Авт.), которые давно уже известны и в последнее время получают все больший интерес, особенно вследствие открытия сирийских памятников в Токмакском уезде, т.е. местности, соседней с Иссык-Кулем. Особенно интересно проверить данные о нахождении развалин древних поселений, находящихся на северном берегу озера у р. Ак-Су под уровнем воды. При этом желательно проследить распространение и характер новейших туфов, которые, обладая правильною трещиноватостью, иногда принимаются за остатки искусственных стен, например, в юго-восточном углу озера вблизи берегов».

Экспедицию поручили возглавить горному инженеру И. В. Игнатьеву. При возвращении с Хан-Тенгри в сентябре 1886 г. он провел с лодки специальный осмотр дна озера в районе Кой-Сары. Здесь под водой были найдены каменные жернова, гранитный шар неизвестного назначения, керамическая посуда, обнаружено скопление обожженных кирпичей, которые, по заключению ученого, могли представлять собой только развалины стен. Судя по перечню предметов, это были остатки разновременных памятников, оказавшихся под водой Иссык-Куля. Сам И. В. Игнатьев все их отнес к древнеусуньским.

В 1888 г., после кончины великого путешественника Н. М. Пржевальского, экспедицию в Центральную Азию возглавил М. В. Певцов. Он также заинтересовался подводными развалинами на Иссык-Куле и лично осмотрел их. «К западу от Пржевальска, в местности Кой-Сары, на дне Иссык-Куля, – записал ученый, – находятся развалины небольшого древнего города, лежащие близ южного берега озера на глубине около пяти футов». Обожженный кирпич, который находили здесь, был небольшого формата и украшен отчасти изразцами. Как рассказывали ученому местные кыргызы, нередко они находили в развалинах и обломки глиняной посуды, медные котлы и монеты, а также человеческие черепа и кости. От одного из кыргызов – Джеламана, «весьма любознательного и правдивого», Певцов получил в подарок «две медные, очень древние монеты, найденные в развалинах».

Судя по описанию, здесь наряду с явно средневековыми остатками материальной культуры, свидетельством чему являлись кирпичи, встречались и более древние, сако-усуньские предметы. Наиболее характерным из них являлся «медный котел».

Казалось бы, вопрос решен, ясность внесена: на Иссык-Куле имеются подводные памятники, причем добываемые со дна предметы хронологически весьма отдалены один от другого: от первого тысячелетия до н. э. до середины второго тысячелетия н. э.

Собранные краеведом Ф. В. Поярковым и переданные в свое время в Ташкентский музей трофеи со дна Иссык-Куля – сабля, наконечник пики, бронзовый топор и другие самые разновременные предметы, казалось бы, должны были убедить в реальном существовании археологических памятников на дне озера и в необходимости дальнейших серьезных научных изысканий. Но высказывались сомнения: а не плод ли это воображения, когда естественные туфы ученые, не будучи ни археологами, ни историками, выдавали за легендарные подводные крепости? Достаточно сказать, что два квалифицированных участника одной и той же экспедиции – художник С. М. Дудин и востоковед В. В. Бартольд в 1894 г. высказали по этому поводу прямо противоположные мнения. Так, С. М. Дудин после осмотра с лодки акватории озера в местности Кой-Сары заявил, что «подводные стены» – не что иное, как толщи сланцевой глины, размытой водой, т. е. представляют собой «типичное осадочное образование, чего, понятно, в глинобитных стенах ни в коем случае допустить нельзя». Бартольд же не разделял точки

зрения своего художника и был уверен, что озеро действительно хранит следы древней жизни. По размерам и форме найденных на дне озера кирпичей, фрагментам керамики он относил подводные развалины к послемонгольскому времени. Убежденный в том, что подводные Исык-кульские развалины – остатки средневековых поселений. Бартольд не дал, однако, никакого объяснения находимым местными жителями в подводных развалинах около устья Тюпа более древним орудиям из меди (ножи, пики, топоры, серпы), никак не вязавшимся хронологически со средневековьем. В с. Преображенском (современное с. Тюп) ученому показали большой медный котел на трех припаянных ножках, обнаруженный в пяти верстах от устья р. Тюп. Бартольд хотел купить котел, но за него запросили так дорого (30 рублей), что это оказалось не по средствам. Зато он тут же приобрел медный нож, «похожий на древнесибирские медные орудия». Здесь ученый отдает должное их древности.

Конкретные исторические факты, археологические находки невозможно было игнорировать. Их надо было объяснять. Далекие предки кыргызского народа, создатели и жители ныне подводных поселений, не оставили письменных свидетельств. Поэтому с течением времени былое в памяти народа стиралось, трансформировалось в исторические предания, в мифы и сказки. «Киргизы, – писал В. В. Бартольд, – твердо убеждены, что озера прежде не было, а на месте его был обширный город».

Новейшие исследования

Большие исследовательские работы на Исык-Куле в 20-х годах нашего столетия провел уроженец Кыргызстана, известный впоследствии ученый-востоковед П. П. Иванов. Он был первым, кто со знанием дела, профессионально подошел к изучению подводных тайн Исык-Куля. Обследовав на лодке прибрежную акваторию озера, П. П. Иванов зарегистрировал подводные развалины поселений в районе Чон-Койсу, Тюпского залива и Кой-Сары. Ученый отнес их к единому времени, полагая, что это остатки средневековых памятников. Иванов снял на план широкую отмель в урочище Чон-Койсу, нанес расположенные на ней подводные развалины: выложенные из кирпича и камня стены, деревянные настилы, отождествленные им с перекрытиями подземных сооружений, каменные вымостки, напоминающие улицы либо полы зданий, жернова, фрагменты керамической посуды, кости и т.д.

Специальную задачу исследования подводных памятников Исык-Куля с применением аквалангистской техники середины XX в. поставил перед собой археолог Д. Ф. Винник. Пройдя специальную стажировку у одного из основателей и энтузиастов подводных археологических раскопок профессора В. Д. Блаватского, Д. Ф. Винник в 1959 г. приступил к планомерному археологическому обследованию подводных памятников Исык-Куля. За два года небольшим отрядом Д. Ф. Винника была обследована местами северная и восточная прибрежная акватория Исык-Куля.

Убедительно было доказано, что под водой имеются поселения не только XII–XV вв., и несколько более ранних периодов, начиная с VIII в. н.э. В то же время подводное обследование в урочище Кой-Сары показало, что в результате обмеления озера ранее находившиеся под водой развалины оказались на берегу. Это позволяло переключиться в этом районе на традиционные раскопки наземных памятников.

С этого времени Д. Ф. Винник подводные археологические работы прекратил. И в дальнейшем – в 60–80-е годы – занимался изучением памятников древних кочевников и средневековых поселений только на берегу, преимущественно в предгорной зоне Исык-Куля.

Но подводные памятники продолжали тревожить воображение и манили к новым исследованиям. И новый этап подводных исследований начался летом 1985 г. работами Исык-Кульского историко-археологического отряда. Толчком к нему послужила новая встреча с древностями на берегу озера за три года до этого – в 1982 г.

Трофеи Исык-Куля

Солнце уже склонялось к закату, когда мы – историко-археологический отряд Института истории Академии наук Кыргызстана – решили сделать остановку на южном побережье Иссык-Куля, у с. Дархан. Не успели мы разбить лагерь, как к палаткам на телеге подъехал пожилой человек. Ветеран войны Тойто-бай Маалиев приехал с женой. «Археологическая экспедиция», – прочитал он на машине. И тут же спросил: «Подводные находки вас интересуют? Могу показать».

И Тойтобай рассказал, как он рыбачил несколько лет назад здесь с лодки, метрах в 20–25 от берега, – он показал на середину затона. «Вдруг смотрю, в воде какие-то предметы необычной формы. Спрыгнул. Было неглубоко – метра полтора. Достая – металлические предметы. Сначала думал – золото. Но потом, уже дома, понял – бронза. Да что там – едем ко мне, покажу». Мы все еще не очень верили в удачу. Но поехали к нему домой, в с. Дархан. И уже через пятнадцать минут держали в руках фрагменты двух бронзовых кинжалов и бронзовый котелок с маленьким носиком. А когда хозяин передал нам и сплюснутый фрагмент большого котла, все сомнения отпали – находка очень древнего происхождения. Перед нами лежали изделия, которые были отлиты, по крайней мере, две с половиной тысячи лет тому назад.

Первый кинжал – с отломанным концом, но сохранились самые важные и самые ценные его части: фигурное навершие, бабочковидное перекрестие, двухлезвийный реберный клинок. На ручке с обеих сторон по три вертикальных гофра. Самым примечательным, делающим кинжал индивидуальным, было именно художественное навершие, выполненное в виде двух головок горных козлов в зеркальном изображении – как бы соприкасавшихся затылками с закрученными рогами.

Второй кинжал был в общем похож на первый. С брусковидным навершием, бабочковидным перекрестием и двухлезвийным реберным клинком, правда, отломанным у самого основания. На ручке с обеих сторон три вертикальных гофра.

Мы скрупулезно, тщательно записывали все размеры находок, художники делали зарисовки, а фотографы – фотоснимки. Мельчайшие подробности могли пригодиться при выявлении аналогий и определении хронологии. Уже во Фрунзе, просматривая публикации и многочисленные археологические таблицы, мы нашли ближайшие подобия кинжалу, приближающиеся к тождеству, – это случайная находка в Чуйской долине А. К. Кибирова и кинжал, входящий в состав Иссыкского клада, найденного К. А. Акишевым близ Алма-Аты (последний датировался VI–IV вв. до н. э.).

Не остался без внимания и бронзовый ритуальный котелок со сферическим корпусом и массивными стенками. Венчик у котелка слегка выступал, под ним был сохранившийся в целости носик-слив. Ручки у котелка не было на ее месте под углом 90° от носика на тулове котелка зияло отверстие. Ручка, очевидно, была отломлена еще в те далекие времена, когда сосуд использовался по прямому назначению. Подобные изделия находили не раз в зоне бывшего расселения саков и савроматов.

Фрагмент же большого жертвенного котла был невыразителен, без орнаментов и украшений, которыми иногда отличались жертвенные котлы сакского времени.

Дарханские находки 1982 г. дополнили сакскую коллекцию экспозиции музея Института истории Академии наук Кыргызстана. Но значение их не только в этом. Они еще раз доказали, что озеро Иссык-Куль хранит много неразгаданных тайн. Необходим был подводный археологический поиск. К тому же, главной задачей нашего отряда был сбор материалов для очередного тома «Свода памятников истории и культуры Киргизской ССР. Иссык-Кульская область. А это, естественно, означало необходимость учета также и затонувших памятников.

Мировая практика

Исследование подводных городищ – дело чрезвычайно трудное, нередко опасное и дорогостоящее, да к тому же, и полученный научный результат здесь несравненно ниже, чем при раскопках городищ на суше. Поэтому археологи крайне редко приступают к подводным работам. В мировой практике подводных археологических изысканий вполне

справедливо отдается предпочтение изучению затонувших кораблей. Например, с древних затонувших кораблей в Черном и Средиземном морях было поднято множество ценных предметов, среди них выделяются шедевры античных скульптур. Многие древние триеры, ладьи, галеры, челны запорожцев и даже очень крупные корабли были подняты из пучины и сейчас украшают музеи. После многолетней работы 4 апреля 1961 г. был поднят, например, флагман шведского королевского флота фрегат «Ваза», затонувший 10 августа 1682 г. на рейде Стокгольма. Сейчас музей, где экспонируется фрегат, привлекает свыше 400.000 посетителей ежегодно. Подъем затонувших кораблей производится и в наши дни. Осенью 1986 г. хорошо оснащенная египетско-французская экспедиция в заливе Абу-Кир, близ Александрии, вела поиски остатков эскадры Наполеона Бонапарта, потопленной адмиралом Нельсоном в августе 1798 г. Водолазы нашли и обследовали флагман эскадры «Орьян» и научно-транспортное судно «Патриот», которые будут подняты со дна и помещены в музей в г. Александрии. Одна из пушек, весом в две тонны, поднятая с «Патриота», была преподнесена президентом Египта в дар президенту Франции и будет выставлена в Парижской политехнической школе.

Крупные археологические изыскания на подводных городищах можно перечислить по пальцам. Так, наиболее успешными исследованиями можно считать изучение «пиратского Вавилона» – Порт-Ройала на Ямайке, который в последней трети VII в. превратился в родной дом для работорговцев, воров, искателей счастья – «джентльменов удачи» всех мастей, в том числе для таких суперпиратов, как Кидд, Морган, Мэнсфильд и др. Гибель города была внезапной и страшной: 7 июня 1692 г. около полудня произошло три сильных подземных толчка, после чего на берег накатил мощная океанская волна. Всего за несколько минут девять десятых города, имевшего около 2000 зданий, оказалось под водой. Современники сочли это возмездием свыше. В 1966–1967 гг. под руководством опытного морского археолога Роберта Ф. Маркса на глубине 5 метров на территории бывшего города велась систематическая расчистка на участке площадью 133X50 метров, то есть менее 5 процентов затонувшей части Порт-Ройала. Здесь обнаружены три сохранившихся дома и остатки двух кораблей, заброшенных в момент катастрофы гигантской волной в черту города. Кроме того, археологами добыто около 20 000 железных предметов, 6 500 курительных трубок, 2 000 стеклянных бутылок, 500 серебряных и цинковых сосудов, два больших клада серебряных монет. Однако нельзя забывать, что исследование Порт-Ройала – не столько научное, сколько коммерческое, самоокупающееся предприятие. Ведь никакие траты не остановят богатых коллекционеров, стремящихся заполучить подводные сокровища! И еще одно коммерческое предприятие будет осуществлено здесь. Правительство Ямайки утвердило проект возрождения Порт-Ройала, рассчитанный на 20 лет. Очищенные от ила и песка руины города будут обозреваться со специальных судов с прозрачным полом.

В Средиземном море успешно изучались затонувшие древние порты Тигр (современный Сур), Си дон (Сайда), Массилия (Марсель) и ряд других. В Швейцарии, Италии, Германии исследовались доисторические поселения, оказавшиеся, как и исык-кульские, на дне внутренних водоемов. На территории бывшего СССР подводные раскопки были проведены на затонувшей части древнегреческой Фанагорий и в некоторых других местах побережья Черного моря.

В 1968 г. по инициативе «Литературной газеты» предпринимались попытки отыскать даже легендарное озеро Светлояр и град Китеж Великий на его дне.

Во всех случаях исследования подводных городов археологи пытались использовать методы, оправдавшие себя при работах на суше, т.е. перенести их в иную среду. Вот тут они и сталкивались с трудностями разного порядка. Ведь здесь нужны не простые рабочие, а хорошо подготовленные аквалангисты. Время работы их на глубине ограничено. Кроме того, работа может быть приостановлена в любое время из-за штормовой погоды и плохой видимости. Для организации работ нужны, как минимум, специально оборудованное судно, вместо наземных лопат – эжектор или землесосный

снаряд, телесистема с буксируемой под водой загерметизированной камерой, вертолет для обзора дна на небольших глубинах. Конечно, в будущем появятся более широкие технические возможности для подводных исследований. Например газета «Советская Киргизия» 8 февраля 1987 г. известила своих читателей, что финские корабли строят подводную лодку, в которой пассажиры будут размещены вдоль бортов у больших иллюминаторов. Мощные прожекторы позволят им любоваться подводным ландшафтом озера Симонярви на глубине до 100 м.

Мы верим, что в будущем и мы сможем использовать самые современные специальные суда и снаряжение. Но это в будущем. А сегодня в нашем распоряжении были только аквалангисты.

Учитывая наше техническое оснащение, на первом этапе работ мы могли поставить перед собой только следующие научные задачи:

1. Выявление в акватории озера мест, где располагались древние поселения, и определение их примерных площадей.
2. Обозначение мест наиболее важных находок при помощи системы буев. Нанесение их на план.
3. Сбор коллекции предметов материальной культуры. Определение хронологии поселений по хорошо датирующим находкам.

Наиболее серьезным успехом наших работ является открытие городища Сарыбулун, которое функционировало в тысячелетии до н.э. (древний Чигу).

ГОРОДИЩЕ НА ДНЕ ЗАЛИВА

Открытие. Известный краевед преподаватель средней школы № 31 г. Бишкек М. К. Синусов неоднократно рассказывал кыргызским археологам, в том числе и нам, что в районе Сухого Хребта в Тюпском заливе озера Иссык-Куль на отмелях находят много осколков глиняных сосудов и зернотерок. По его предположению, в этом месте наступающие волны озера когда-то разрушили крупный могильник, вымыли керамические сосуды, которые клали вместе с погребенными, перебили их, а фрагменты рассеяли по громадной площади дна залива и кромке побережья. Он призывал археологов неотлагательно организовать экспедицию в район Сухого Хребта.

Осенью 1982 г. М. К. Синусов показывал нам свои находки. В груде невыразительных битых черепков ручной лепки, нескольких кусков каменных зернотерок и двух-трех осколков глаз археолога сразу выделил бронзовый кинжал и навершие булавы художественной работы. Сомнений не было – эти вещи сделаны в глубокой древности и не позже VI в. до н. э. Воистину, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Сомнения исчезли. Наметились вполне реальные аргументы в пользу того, что объект, открытый М. К. Синусовым и его помощниками – юными краоведами из школы № 31 требуют серьезного внимания ученых.

В сезон 1985 г. одной из задач Иссык-Кульского археологического отряда стал осмотр акватории Тюпского залива.

В настоящее время вся прибрежная зона озера является заповедной и охраняется государством. Однако южное побережье залива требует особо тщательной охраны. Нигде на побережье нам не приходилось видеть в такой первозданной красоте естественного иссык-кульского ландшафта. С обрыва у с. Песчаное открылся вид на бирюзово-синюю гладь, которая удивительно сочетается с мягкими пастельными тонами ровной, как стол, долины, покрытой невысокой щеткой красноватой и светло-зеленой травы. Пустынный берег и отмель, которые совсем недавно были дном озера, привлекают сюда большое количество пернатых. По последним данным, на Иссык-Куле зарегистрировано 98 видов водоплавающих и околоводных птиц. Мы любовались здесь крупными стаями лебедей, гоголей, крохалей, черных казарок. Нырки подпускали человека почти на расстояние вытянутой руки. На мелководье скапливалось множество птиц из семейства куликов, а на побережье – стаи серых журавлей. Г. И. Журавлев видел здесь даже очень редких южных гостей – пеликана и фламинго. Все это заставляет думать о более серьезном отношении к

охране неповторимой природы восточной части Прииссыккуля. А пока дымят трубы Курментинского цементного завода, и густой шлейф дыма загрязняет воздушный бассейн над многими селами и Түпским заливом. Нет покоя и пернатым. Напуганные взрывами в горах, где добывают известняк для завода, с криком поднимаются тысячи птиц и долго не могут утомиться. Согласно букве заповедного режима на территории, ставшей сушей после отступления озера, нельзя выпасать скот и уж тем более складировать, да еще под открытым небом, химические удобрения. Только до сих пор на берегу и скот пасут, и сваливают горы удобрений. Овцы вытаптывают весь травостой, затаптывают птичьи кладки яиц, а химические удобрения в сезон дождей и таяния снегов загрязняют воды уникальнейшего озера.

Однако вернемся к нашим работам в 1985 г.

В 2,5–3 км севернее с. Песчаное на широкой полосе побережья и примыкающей к нему илистой отмели (примерно 1500x500 м) было найдено множество фрагментов керамики, зернотерок, обнаружены скопления и отдельно лежащие речные окатанные валуны разных размеров. Уже беглый осмотр местности говорил о том, что это не следы Древнего могильника. Целый ряд признаков указывал на то, что здесь было крупное поселение сако-усуньского времени – I тысячелетия до н. э. А это значит, что обнаружено селение на территории Прииссыккуля с культурой, не известной археологам.

Подводные сокровища

На городище Сарыбулун за три полевых сезона удалось собрать довольно солидную коллекцию предметов материальной культуры, которые в какой-то степени дают представление о жизни его обитателей, их занятиях и быте. Все предметы долгое время находились под водой и покрыты известковыми наростами. Иногда эти наросты образуют толстые слои, скрывающие саму форму предмета. Они настолько крепко «сцементированы» с древними изделиями, что механическая очистка, особенно крупной керамики, практически невозможна. Изделия из керамики и камня можно освободить от известковых наростов, только используя 50%-ный раствор соляной кислоты.

Все находки в местности Сарыбулун можно подразделить на четыре группы: керамика, изделия из камня, металлические изделия, поделки из рога.

Керамика. Как и на подавляющем числе археологических памятников, керамика Сарыбулуна – наиболее массовый материал. Обломки ее разных размеров и цвета рассеяны на большой площади дна залива и на побережье, которое до недавнего времени тоже было дном озера. Здесь за очень небольшой промежуток времени можно составить внушительную коллекцию древней керамики.

Обилие материала позволяет быть более разборчивым. Мы осматриваем все, но берем и храним только те осколки древних сосудов, которые могут дать максимальную информацию. Наибольший интерес вызывают фрагменты керамики с частью венчика или донца. По ним специалисты определяют форму верхней и нижней части сосудов. Большой удачей считается находка черепка, который сохранил хоть маленькую толику донца и венчика. Такой сосуд считается «археологически целым», так как без особого труда можно восстановить его размеры и форму. Не оставляются без внимания все осколки, на которых видны следы орнамента или характерных сеточек (отпечатки древних тканей), расположенных обычно на внутренней стороне посуды. Они тоже несут информацию об эстетических вкусах и ремесленной технологии древних скотоводов. И уж совсем большой праздник для археолога – находка целых сосудов. На Сарыбулуна их найдено около десятка.

Поражает разнообразие форм и размеров посуды древних скотоводов Прииссыккуля. Насколько ассортимент ее на городище богаче, чем в курганах! Если в подкурганых погребениях I тыс. до н.э., раскопанных археологами, в подавляющем большинстве найдены лишь сосуды индивидуального пользования, т.е. столовая посуда, из которой человек ел и пил, то на поселении кроме нее находится и кухонная (для приготовления пищи) посуда, и тарная (для хранения продуктов). На городище

Сарыбулун найден также расписной сосуд (правда, пока один), который можно отнести к парадной посуде. Кухонная посуда – это котлы. Кроме многочисленных фрагментов счастливый случай помог найти великолепный целый экземпляр глиняного котла шаровидной формы с четырьмя горизонтально расположенными петлеобразными ручками. На дне котла отпечатки ткани. Стенки толстые, вылеплены из огнеупорной глины. Емкость котла около 7 литров, что может обеспечить разовой пищей семью из 7–10 человек.

Столовая посуда представлена гораздо богаче, чем кухонная. Здесь найдены кувшины с широким горлышком, кружки с петлеобразными вертикально расположенными ручками, чаши разных размеров, широкие открытые миски, сосуды баночной формы с вертикальными стенками, кубки. Такие сосуды давно известны археологам, так как именно они наиболее часто встречаются в погребениях сако-усуньского времени.

Особого внимания заслуживает небольшой кувшинчик, расписанный стойкой красной краской. Весь сосуд был покрыт плотным известковым налетом и лишь с одной стороны едва просматривались следы красной краски. Мы долго колебались, прежде чем обработать сосуд соляной кислотой. А вдруг вместе с придонными отложениями исчезнет и роспись? Она не исчезла, а засияла красными запятыми и точкам на светло-желтом покрытии кувшина.

Если столовая посуда древних скотоводов была хорошо известна по находкам в погребениях, а кухонная – по металлическим образцам из случайных находок, то тарная керамика (предназначенная для хранения продуктов – зерна, муки, вина, масла и др.), совершенно не была известна науке ни из Прииссыкулья, ни из других северных районов Кыргызстана. Обнаруженные нами тарные сосуды представляют собой толстостенные (до 2 см) бочонковидные корчаги со слегка расширенным или цилиндрическим туловом. Все они широкогорлые (от 25 до 61 см). Многие корчаги в верхней части тулова имеют петлевидные ручки, у других ручки оформлены в виде массивных выступов круглого или овального сечения. По всей видимости, тарные сосуды имели округлое днище, так как в наших сборах имеется большое количество сферических толстостенных днищ, по составу теста с большим количеством крупнозернистого песка, идентичных фрагментам верхней части корчаг.

На городище Сарыбулун известны и редкие формы керамики: крышка для сосуда, представляющая собой толстый круглый диск с петлевидной ручкой, фрагмент неглубокого сосуда подквадратной формы, цилиндрическая цельная подставка от сосуда типа вазы или кубка, два фрагмента жаровни, вылепленной из рыхлой глиняной массы.

На многих фрагментах и на целых экземплярах (котел расписной кувшин) у донца, на нижней части стенок видны следы рельефной густой сеточки – отпечатки тканей, при помощи которых формовали сферическую нижнюю часть сосудов.

Вся керамическая посуда сарыбулунских мастеров (за исключением очень небольшого числа) была вылеплена вручную, без применения гончарного круга. Можно было ожидать, что древние скотоводы, умеющие создавать художественные шедевры из куда менее податливых материалов, чем глина (из металла, дерева, кости), так разрисуют свои сосуды, что любой из них подобно греческим расписным займет свое почетное место в истории древнего искусства, поведав потомкам о самых неожиданных сторонах жизни, быта, идеологии своих создателей. К сожалению этого не случилось. Те же сарыбулунцы, которые мастера использовали сферическую поверхность для изображения свернувшегося свирепого хищника с оскаленной пастью и сумели воспроизвести изображение в бронзе, были беспомощны, когда дело касалось украшения самой массовой продукции их ремесла – керамики.

Нам известны два технических приема орнаментации на городище Сарыбулун: роспись (о ней сказано выше) процарапывание украшений по сырой глине до обжига. Мотивы орнамента так же примитивны, как и их исполнение. Обычно это волнистая или

зигзагообразная горизонтальные линии, нанесенные на плечики сосуда. В одном случае строенные волнистые линии были процарапаны вертикально – от венчика к донцу.

В наши дни наука открывает поистине фантастические информативные возможности керамических сосудов. Профессор палеонтолог и археолог из канадского города Торонто Питер Левин рассматривает посуду древних как граммофонную пластинку, на которой записаны обрывки разговоров мастеров-керамистов. При вращении горшка на гончарном круге звуковые колебания от человеческой речи или музыки вызывали едва уловимые вибрации горшка. Это оставляло соответствующий отпечаток – естественную запись. Ее можно воспроизвести, используя новую современную технику, подобную той, что применяется в компакт-дисках. Сейчас Питер Левин разрабатывает «проигрывающее устройство» для воспроизведения древних записей.

Информацию, запечатленную на посуде, будет считывать луч лазера. Появление всяких нерегулярностей в луче, отраженном на фотодетектор, будет затем с помощью компьютера, отсеивающего посторонние шумы, вновь переводиться в звуки. Возможно ли это? Будущее покажет.

Каменные орудия

Даже в самых лучших книгах о культуре древних скотоводов, где представлены редчайшие изделия из золота и самоцветов, прекрасные образцы художественных поделок из дерева, кожи и войлока, чудом сохранившиеся в подкурганной мерзлоте, есть общие для всех слабые разделы. В этих монографиях явно недостаточно освещены или совсем не освещены орудия труда древних скотоводов. И это происходит не потому, что авторы не в совершенстве владели методикой исследования, и не потому, что их работы не отличались глубиной анализа. Нет, слабость таких разделов была обусловлена самим объектом изучения – курганами, которые, как правило, не дают достаточной информации именно об этой важнейшей стороне истории человечества. Картина резко меняется при исследовании поселений, на которых чрезвычайно редки находки драгоценностей, что целиком компенсируется довольно частыми находками орудий труда.

На поселении Сарыбулун были найдены следующие орудия труда, сделанные из камня: зернотерки, песты, молоты, наковальни, точила, разнообразной формы грузила, пряслица, терки, серповидные ножи, мотыги.

Все зернотерки продолговато-овальной формы, чаще всего встречаются экземпляры значительных размеров, рабочая площадь их сильно сработана, и концы зернотерок оказались приподнятыми так, что в профиль они напоминают силуэт ладьи с высоким носом и кормой. Зерна растирались при помощи терочного камня, которым служила обычно удлиненной формы природная галька. В отдельных местах на небольшой площади находилось до десятка целых и разбитых зернотерок, что свидетельствует о том, что здесь когда-то было помещение хозяйственного назначения.

Специальные исследования, проведенные Г. Ф. Коробковой, показали, что труд по превращению зерна в муку при помощи подобных зернотерок был чрезвычайно тяжелым, производительность очень низкая: не более 2 кг зерна за 4 часа чистого рабочего времени. (Интересно то обстоятельство, что, как показал эксперимент, современные женщины при работе с зернотеркой дают вдвое более высокие показатели, чем мужчины). Воистину, хлеб для земледельцев того времени, особенно для женщин, был трудным.

Особого внимания заслуживает находка каменных серповидных ножей, изящной, можно сказать, ювелирной выделки. Такие ножи типичны для Ферганы, Южного Узбекистана и Синьцзяна, где они известны по массовым находкам на поселениях финальной бронзы и начала железного века. Но на Иссык-Куле каменные серповидные ножи – большая редкость.

Каково функциональное назначение этих хрупких на вид предметов, изготовление которых требовало немалого мастерства, терпения и времени? Что можно было делать с их помощью? Обилие находок каменных серповидных ножей на поселениях позднебронзового времени в Фергане позволило археологу Е. В. Дружининой провести

эксперимент с одним из них. По ее словам, нож легко срезал пучки (из 15 стеблей) пшеницы и ячменя, резал полый камыш, даже тонкие ветки кустарников. Эксперимент был полностью подтвержден трассологическими анализами. Исследование микроследов на ферганских каменных ножах убедительно доказало, что они в основном использовались в качестве серпов.

На городище Сарыбулун удалось собрать коллекцию более чем из двадцати различных по форме и размерам каменных молотов и молотков, напоминающих песты: цилиндрические, усеченноконические, с выделенным овальным навершием.

Где есть молоты, должны быть и наковальни. Две из них найдены на берегу у кромки залива на расстоянии 12 друг от друга; они представляют собой уплощенные шарообразные речные валуны с широким круглым углублением в верхней части. Камни весом более 50 кг, что значительно затрудняло их перемещение. По всей видимости, эти наковальни были стационарными. Тут же были подняты небольшая (12х6 см) круглая наковальня и фрагмент овальной.

Мастера того времени освоили сверление камня. На городище найдены просверленные круглые и овальные гальки – так называемые грузила, пряслица, пуговицы и точильные бруски. Особого внимания заслуживает находка маховика для сверл.

Маленькая гостья из сказочной страны

Такие находки не прогнозируются. Они всегда неожиданны, а в условиях подводных работ при илистом дне – почти невероятны. Речь пойдет о прекрасной крупной черного халцедона бусине. Бусина была так хорошо отполирована, что на ней не смогли наслоиться придонные отложения. Казалось, что ее совсем недавно уронили в озеро. На самом деле возраст ее исчисляется тысячелетиями.

Бусина представляет собой длинный цилиндр с небольшим утолщением к середине. Особенностью ее был орнамент – по черному полю белые волнистый зигзаг и цепочка кругов.

В древности такие бусы с орнаментом в большом количестве производились в Индии. Оттуда они распространялись во все концы ойкумены. В Средней Азии их находят не так уж и редко. Однако на Иссык-Куле наша бусина – первая находка. Она указывает на экономические связи древних скотоводов с далекой Индией.

Секрет нанесения орнамента на камень (да так, что он кажется вполне естественным, природным рисунком) раскрыл нам великий мыслитель средневековья ал-Бируни. В одном из своих трудов он отметил: «На камнях для перстней, [выточенных] из сердолика, пишут, что пожелают, посредством раствора поташа и нашатыря; затем камень приближают к огню, и написанное становится белым».

Великий хорезмиец записал забавную историю о применении технологии нанесения надписей на камень мусульманскими проповедниками с целью не столько укрепления веры, сколько наживы. Один из шиитских шейхов долго приставал к ал-Бируни и, наконец, выпытал секрет письма на самоцветах. «И вот он надписывал на них (камнях. – Авт.) слова: Мухаммад, Али и тому подобные, не заботясь о тщательности и красоте письма. И выдавал он их за природные, [говоря], что они добыты в таком-то месте. И таким образом он получил за них у шиитов [много] денег».

В наши дни этот древний рецепт упрощен. Для подобных упражнений пользуются простым раствором пищевой соды.

Сарыбулунская бусина является первым свидетельством экономических связей Прииссыккулья с далекой Индией. Едва ли они были регулярными в I тысячелетии до н. э., но уже были.

НЕВЕСТА КУНБАГА

Чью грудь украшала столь дорогая и экзотическая бусина? Не прекрасную ли гостью из другой, далекой страны, которая стала хозяйкой Чигу?

Усуньские владыки вознеслись так высоко, что породнились даже с китайским императором. Ханьские принцессы не раз становились женами кунбагов и жили в Чигучэне на берегу озера Иссык-Куль. Расскажем о судьбе одной из них.

В 105 г. в Хань прибыло очередное посольство от усуней. Удивило хозяев не само это событие. Удивило другое – слишком богатые дары, в том числе 1000 замечательных коней. Но когда узнали, что послы-то в сущности являются сватами, удивляться перестали: сговорные подарки за принцессу из дома Хань и должны быть такими!

Известно, что императоры всех эпох с величайшей неохотой соглашались на брачные союзы своих принцесс с варварами. Не одному иноземному принцу было отказано, а дары возвращались назад.

Однако в данном случае приходилось крепко подумать. Разве есть иной выход? Теперь не времена легендарного Шуня или Чэн Тана, кочевники напедают, Хунны ушли на север – надолго ли?

А усунь – сильнейший союз племен. Они никого не боятся. Войско, которое они могут выставить, – 188 000 человек. Сила! И самое главное: через земли усуней как раз проходит торговый путь на Запад. Откажи – и то, на что была потрачена вся жизнь, ради чего положено столько трудов и средств, – все может пойти прахом.

Император просто и не знал, на что решиться. И тут хитрый советник Челин подсказал: почему бы не отдать этому варвару в жены не любимую дочь или милую внучку, а восьмьюродную племянницу? Или сорок четвертую правнучку, родившуюся от семнадцатого внука? Они хоть и «небесной» крови, однако мало радости приносят Великому Сердцу. Да и побочных принцесс (как и принцев) так много, что потерю одной из них просто трудно заметить. Кроме того, разве Великий Государь не жертвует ежедневно, ежечасно, ежеминутно и ежесекундно своей драгоценной жизнью и здоровьем ради процветания страны?... Пора и другим...

Выбор остановили на Цветке Лотоса – не без участия все того же Челина.

Вот уже два года, как она заневестилась и закалывает прическу. Однако ни один жених не посватался до сих пор – и это несмотря на «небесную» кровь и то, что Цветок Лотоса очень хороша собой. Слишком своенравна! И к тому же сочиняет стихи, в которых едко высмеивает поклонников. А однажды позволила себе сочинить песенку, в которой содержался намек... Конечно, можно истолковать так и этак. И все-таки: страшно даже предположить... Вот и пусть отправляется к варвару! Это, пожалуй, единственно полезное для Дома и Государства, что она может сделать!

...Принцесса плакала навзрыд. Придворные дамы впервые видели ее в таком состоянии, злорадствовали и завистливо вздыхали одновременно. Красиво плачет! Ведь она – в пику всем – никогда не употребляла косметику. Попробуй заплакать любая из них: тотчас по щекам поползут мутные слезы, оставляя безобразные дорожки среди румян и белил. А у этой – словно хрустальные капельки росы на лепестках... Недаром ее имя – Цветок Лотоса... В конце концов она была вынуждена согласиться. Лишь одно условие поставила, прежде чем уехать: она желала совершить обряд «Обметания могил» на гробнице Чжан Цяня, давшего ей имя.

Просьба была уважена.

Принцесса все сделала, как требовал обычай предков, а на прощанье сказала:

– О, мой названный отец! Зачем ездил ты на запад! Зачем поведал нам о диких усунях?...

И вот счастливые усуньские послы тронулись в обратный путь. С ними ехала и невеста: с приданым, с кучей прислужниц, с казначеем Люй Шу – старым соратником незабвенного Чжан Цяня, опытным путешественником, знатоком тех мест.

Поезд невесты кочевники встретили за двадцать ли от ставки – признак величайшего уважения.

Надвигался сизый, прекрасный, но все равно какой-то нелепый «инородческий» вечер. Рыжебородые сановники, увешанные золотыми бляхами, сошли с чудных коней-

лебедей и преклонили колени. Вслед за ними несметное (как показалось принцессе) войско мгновенно спешилось и последовало примеру своих вождей. Принцесса в откинутом паланкине встала во весь свой маленький рост. Грудь ее бурно вздымалась, взгляд возбужденно пробежал по бесчисленным склоненным головам, по неисчислимому морю фыркающих коней-лебедей... Неужели она – повелительница этой окраинной империи? Пусть бы сейчас увидел эту картину весь императорский двор, все эти завистливые придворные дамы...

Самый дородный и почтенный из сановников поднялся на кривых ногах и произнес густым басом:

– О, Небесная верблюдица! Повелитель ждет тебя у своего костра. Но если ты устала, то для ночлега раскинут шатер.

Преданный Люй Шу перевел:

– О, небожительница! Дай отдых утомленному телу под сенью шатра, который уже готов для тебя!

– Да! – сказала Цветок Лотоса. Люй Шу перевел ответ принцессы:

– Я жажду увидеть повелителя. Но скромность девы не позволяет торопиться.

Усуни были в восторге: она знает степные обычаи! Правда, подивились краткому ответу и длинному переводу.

В паланкине ее поднесли к высокому холму. Но это был не холм – гигантский шатер, как бы «облицованный» снаружи мехами пятнистых зверей – снежных барсов... Парадный вход прикрыли три шкуры туранских тигров с оскаленными усатыми мордами. По бокам входа, замерев, как изваяния, уже стояли два богатыря из ее личной охраны...

Чуть свет служанки разбудили ее. Они ведь не знали, что принцесса всю ночь не сомкнула глаз и забылась лишь под утро. Утро в горах всегда свежее, даже летом. Принцесса, зябко кутаясь, ступила на зеленый войлок травы и сразу же замочила ножки: как холодна роса! Но ее уже подхватили в паланкин.

Путь продолжался совсем недолго. Яркое солнце не успело еще припечь по-настоящему, как Люй Шу подъехал к паланкину:

– Нежный Цветок Лотоса! Сейчас будет столица...

Они как раз поднялись на холм и взору принцессы открылось...

... В глубокой ровной, как стол, котловине на левом берегу реки, впадавшей в Теплое озеро, раскинулась главная ставка усуньского владетеля – город Чигу (Чигучзн).

С северной стороны за рекой вздымались могучие горы, с юга котловину ограждали увалы. Город был защищен высокой глинобитной стеной. Вторая стена – внутренняя – охватывала саму ставку. На западе блестела под утренним солнцем спокойная гладь озера и терялась где-то вдаль.

За стеной было разбросано множество серых кубиков, отдаленно напоминающих крестьянские хижины – такие принцесса видела, когда двор совершал переезды из Чанъани в Лоян. Но больше всего темнело круглых шатров, между ними сустились крошечные людские фигурки, проносились игрушечные всадники. Отовсюду поднимались дымки, там варили, жарили – готовились к празднеству.

Обширная полоса между стенами, а также вся восточная часть города были незастроены и походили на огромный загон для скота. Все это просматривалось довольно ясно.

У городских ворот кортеж невесты опять встретили старейшины. С ними на этот раз было десятка два женщин – видно придворных дам. С точки зрения принцессы одежда их была по-варварски вульгарной, крикливо-роскошной. Они тотчас взяли высокую гостью и ее служанок под свою опеку.

Вблизи Чигу еще меньше напоминал город, смешно даже сравнивать его с Чанъанью. Вместо улиц проторенные среди густой невысокой травы дорожки: тысячи конских копыт и подошв пешеходов потрудились для этого. Видны были также глубокие колеи от повозок: в некоторых стояли желтые лужи.

Ближе к берегу располагалось нечто вроде городского квартала. Сотни две глиняных мазанок с тростниковыми крышами в окружении маленьких огородиков и еще более крошечных садов – с точки зрения принцессы, выросшей среди огромных императорских парков Чанъани. Было еще десятка два – три деревянных срубов. И все. Остальную площадь занимали войлочные круглые хижины, в которых большими семьями обитали хозяева этих мест. Между ними с гиканьем носились босоногие чумазы и белобрысы мальчишки.

Верховный усуньский правитель назывался именем, которое для китайского уха звучало как Лецзяоми. Носил титул кунбаг. Это был рослый могучий старик с рыже-пегой от седины окладистой бородой и голубыми глазами. Весь вид его источал добродушие. Но принцесса понимала: это обман. Ужасные кочевники не могут быть добрыми. Ее неудержимо влекло снова и снова поглядеть на степного вождя. И она это делала украдкой.

В день бракосочетания город был переполнен народом. А когда пришла ночь, в честь высоких брачующихся тысячи огненных птиц взвились в небо. Знаменитые усуньские воители, обмотав наконечники стрел горячей паклей, пускали их в звездную темень одну, за другой. Великолепное зрелище! Такого принцесса не видела даже в Чанъани. Казалось, звездный дождь вдруг изменил вселенским законам и вместо того, чтобы падать, сначала вознесся вверх сверкающим рассыпающимся каскадом – от грешной земли к чертогам небожителей, дабы возвестить им о великом празднике соединения Запада с Востоком!

Хорошо, что стрелы летели наискось и падали на пустырь за городскую стену. Иначе в эту ночь Чингучэн с его камышовыми крышами и войлочными хижинами сгорел бы дотла.

Не будем описывать торжественность свадебного обряда. Скажем только: сам кунбаг надел на шею невесты, по ханьскому обычаю одетой в красные одежды – цвет радости, нитку чудесных бус.

Но в глазах ее таилась печаль.

Жестокое разочарование постигло принцессу. Честолюбивым надеждам ее не суждено было сбыться. Она представляла будущего мужа старым вдовцом, невымытым, неухоженным, как все кочевники. И уже заранее готовилась принести себя в жертву, чтобы согреть его неуютную старость. А заодно и править страной, как императрица Гаоху, вдова Гао-цзу, основателя ханьской династии. Ибо разве допустима сама мысль, чтобы дряхлый муж не выполнял прихотей юной красавицы-жены?

Действительность оказалась совершенно иной.

Во-первых, гуньмо (так китайка произносила титул кунбага) хоть и был стар, но вовсе не дряхл. Правда, беспощадный пахарь – Время – прошелся плугом по его лицу, оставив глубокие борозды. Но его странно голубые глаза под кустистыми бровями смотрели пронзительно-ясно и были без всяких признаков мутной старческой влаги. А когда во время пира он сбросил меховую куртку и рубаху, оставшись в одной безрукавке, принцесса невольно подивилась виду его мышц: мощные, крепкие, словно налитые руки, казалось, принадлежали совсем другому человеку. Такие руки она видела у борцов, выступавших в старом дворце Афан, построенном еще императором Цинь Ши Хуанди.

Удивительный человек: старость и молодость уживались здесь в одном сосуде.

Но с такими разочарованиями женщины легко справляются. Беда в другом. У гуньмо уже была жена – грузная, дородная бабища (хоть и молодая), дочь могущественного повелителя гуннов. И эта жена считалась старшей. Значит, Цветку Лотоса уготована роль второй жены, ничего не значащей сладкой игрушки.

У владыки за его долгую жизнь, оказывается, перебыло много жен. От них он имел целый выводок сыновей и внуков. Два старших сына считались младшими кунбагами: каждый управлял третью народа. В таких условиях о власти, о влиянии на Орду и говорить не приходилось.

Несколько месяцев принцесса была сама не своя. Все, что она видела, слышала, осязала, вызывало в ней раздражение. Грубый говор и пронзительные крики пастухов, вечное блеяние овец, такое бессмысленное. Эти конские табуны в тысячи голов: когда они мчались с развевающимися гривами по долине, содрогалась земля. Вместо тенистых парков Чанъани – голая степь, окруженная стеной гор, закрывающих горизонт. Вместо дворцов – глинобитные домишки бедных земледельцев и убогие садики, где росли урюк, алыча, орехи и еще какие-то фруктовые деревья, неведомые ей. И войлочные, войлочные, войлочные хижины...

Выросшая в императорских покоях, среди изящных безделушек, в прекрасно убранных комнатах, наполненных ароматом драгоценных курений, – она жила теперь в огромном шатре, поставленном специально для нее. Спала за пологом, на гряде верблюжьих одеял. Любимые служанки, взятые из Чанъани, как могли украсили ложе, задрапировали грубые войлочные едко пахнущие овчиной стены шелковыми материями с вытканными драконами, окурили ароматическим дымом...

А что приходилось переваривать ее нежному желудку? Изысканные дворцовые блюда заменило вареное или жареное на костре мясо и кобылье молоко. Этими жалкими яствами, пригодными лишь для мужланов, настойчиво угощал добродушный (как она убедилась) и недалекий (как она думала) старик-муж!

Правда, он был по-своему любезен и даже подарил ей целый короб драгоценного мускуса. Напрасно! Принцесса впала в жесточайшую депрессию. Все здесь было не по ней. Это – другой образ жизни. Ей казалось, что она попала во владения князя ада Яньло.

И единственной отдушиной – чтобы не задохнуться – стали поэтические упражнения. Бамбуковым дощечкам изливала она боль души. И тщательно прятала их в драгоценную нефритовую шкатулку, хотя ни один кочевник, в том числе и гуньмо, иероглифы читать не умел...

Стихи ее дошли до нас...

ПОИСКИ НА ДНЕ ЗАЛИВА ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Дистанционный зонд – прибор, который помог подводным археологам за один лишь месяц работ найти более десятка металлических изделий. Такого еще не бывало. Внешне прибор очень прост: небольшой металлический круг на длинной ручке. Но какая в нем сложная начинка, если он подобно миноискателю мгновенно подает звуковой сигнал за метр – полтора до всякого предмета из любого металла – будь то на земле, под землей или под водой! С его помощью в сезон 1986 г. было найдено большинство древних изделий из бронзы. Прибор, к которому до начала работ относились скептически, сразу был признан археологами «чудом современной техники на службе гуманитарных наук».

Первые изделия из металла на городище Сарыбулун были найдены не с помощью нашего «чудо-прибора» и не археологами. Прекрасной сохранности бронзовые кинжал – акинак и полусферическое навершие булавы высокохудожественного литья случайно нашли юные краеведы из средней школы № 31 г. Бишкека, которыми руководил преподаватель истории М. К. Синусов.

По роду своей деятельности местный охотовед Г. И. Журавлев не один десяток раз бороздил на лодке отмель, где расположено городище. Ему, человеку любознательному, с разносторонними интересами, удалось собрать здесь солидную коллекцию изделий из бронзы. По его словам, она включала: кинжал, целый наконечник и втулку от наконечника копья, несколько наконечников стрел, серповидный предмет и котел. К сожалению, постоянно меняющиеся сотрудники Каракольского краеведческого музея, не пожелали приехать в с. Маяк и принять коллекцию, в результате она утрачена. Большинство бесценных для науки бронзовых изделий древних мастеров затерялось при переезде Г. И. Журавлева из одного села в другое. При встрече он передал нам только котел и втулку от наконечника копья, которые мы доставили в институтский музей, где они экспонируются среди других изделий сакского времени.

Котел бронзовый, полусферический, с отогнутой закраиной, на коническом поддоне. К тулову котла прикреплены две горизонтальные петлевидные ручки, между ними – рельефная тамга (знак мастера?) в виде двух сомкнутых концентрических полуovalов, напоминающих изображение месяца рожками вниз.

Подобные котлы были широко распространены в Семиречье и за его пределами во второй половине I тыс. до н.э. В Прииссыккулье, на суше и на дне озера, их найдено более десятка. Конечно же, в таких котлах едва ли готовили пищу на одну семью. Эти громадные емкости – немые свидетели былых грандиозных шумных пиров родовых коллективов древних скотоводов на праздниках в честь своих божеств. Одним из самых популярных празднеств был Нооруз – день весеннего равноденствия, когда приносилась жертва солнцу. В таких котлах варили мясо жертвенного коня и, собравшись вместе, съедали его.

Более скромно выглядит вторая переданная нам находка Г. И. Журавлева: втулка наконечника копья – бронзовая, литая, усеченноконической формы, со следами двух отверстий для крепления к древку. Бронзовые втульчатые наконечники копий хорошо известны археологам по находкам в Семиречье, в том числе и в Прииссыккулье, где они датируются V–III вв. до н.э.

Таким образом, краеведами обнаружены на дне Тюпского залива и сохранены для науки редкие, а иногда и уникальные изделия древних сарыбулунцев.

В сезон 1985 г. на городище Сарыбулун подводным археологам не удалось найти ни одного изделия из металла. Зато сезон 1986 г. (благодаря прибору) условно можно назвать «бронзовым сезоном». И все-таки самая первая находка из металла была поднята со дна озера близ острова. Это был целый серповидный нож отличной сохранности, покрытый, правда, тонким слоем известкового налета. У тупого конца – отверстия для крепления к рукоятке, которая, скорее всего, была деревянной. Позже, уже с помощью прибора, были обнаружены еще три таких же серповидных ножа (один целый и два обломка), но куда им было до самого долгожданного – первого!

Однолезвийные серповидные ножи хорошо известны в Фергане, в Хорезме, в Ташкентском оазисе, где они датируются XI–IX вв. до н.э. Однако устоявшиеся формы серповидных ножей жили едва ли не больше тысячелетия. Они известны и для раннесакского времени. Обломок такого серповидного ножа найден даже на усуньском поселении Ак-тас-2 в Казахстане (рубеж н.э.). Таким образом, первые бронзовые однолезвийные серповидные ножи, найденные в Прииссыккулье, невозможно датировать в пределах одного-двух столетий.

Слабым утешением является то обстоятельство, что все серповидные ножи были найдены поблизости от неказистого, на первый взгляд, бронзового кружочка, который, как оказалось, относится к строго определенной эпохе. Бронзовый кружочек оказался ажурным. В него был вписан ромб со слегка прогибающимися внутрь сторонами и с отверстием в центре. Этот знак – символ солнца – был хорошо известен в евразийских степях в VIII–VII вв. до н.э. и изображался на изделиях начального этапа сакской культуры в Туве, Казахстане и на Памире. Очень часто ромб с точкой в центре наносили на детали конской сбруи. Не исключено, что бронзовые серповидные ножи, найденные поблизости от солярного амулета, тоже принадлежали к раннескифской (VIII–VII вв. до н.э.) эпохе. Однако с полной уверенностью принять эту датировку не представляется возможным, так как волны Иссык-Куля за те почти три тысячи лет, когда серпами уже не жали, а амулет не носили, могли «подстроить» любое мнимое совместное залегание любых хронологически несовместимых вещей.

Так случилось с первой и пока единственной находкой на территории Кыргызстана боевого кистеня (гиря на ремне). Он представляет собой цельнолитой бронзовый шар диаметром 6 см с трапециевидным ушком и найден был тоже у острова, неподалеку от серповидных ножей и амулета. Сохранность изумительная. Молодые археологи тотчас же объявили этот кистень самым древним в мире, а Прииссыкулье –

родиной этого вида оружия ближнего боя. Если бы амулет с солярным знаком и бронзовый кистень были найдены в одном погребении либо в одном и том же культурном слое при раскопках городища, заключение это имело бы резон. Однако опытный археолог и здесь вел бы себя более осмотрительно: нет ли подвоха? Дело в том, что во всей полосе гор и степей Евразии, где раскопаны тысячи курганов древних скотоводов, кистень ни разу не был найден. Не были кистени и на вооружении у южных соседей скифо-сакского мира – бактрийцев, персов, греков, фракийцев. Зато в той же полосе степей в средние века было найдено немало подобных боевых гирь как из бронзы, так и из железа. Следовательно, несмотря на то, что на дне Тюпского залива солярный амулет VII в. до н.э. и бронзовые серповидные ножи располагались рядом с кистенем, их весьма рискованно считать синхронными. Скорее всего, последний принадлежал к совершенно другой, гораздо более поздней, хронологической эпохе.

Заслуживает внимания и находка на городище Сарыбулун обломка бронзового кельта-тесла. Сохранились только его нижняя рабочая часть и очень незначительная часть втулки. Полностью снаряженный кельт – тесло очень напоминает современную среднеазиатскую тешу, которая и по сей день употребляется в домашнем хозяйстве кыргызов.

Если бы не поисковый прибор, аквалангистам ни за что не удалось бы найти небольшие бронзовые шилья – проколки. Даже увидев их, не сразу понимаешь, что это орудия труда, к которым человек приложил руку. Внешне это обыкновенные мелкие речные камешки – окатыши.

Когда осторожно разбили толстую скорлупу «окатыша», внутри увидели подвижный острый стерженек. Этого не ожидал никто. Разгадка «подвижности», «свободы» шильев возможна, если предположить (и это наиболее вероятно), что мелкие, легкотеряющиеся и опасные острые проколки хозяева помещали в чехлы из кожи или дерева. Оказавшись в озерной воде чехлы разбухли, потеряли первоначальную форму, а бронза начала окисляться. Со временем окислы пропитали материал чехлов, придав им субстанцию металла. Донные известковые отложения завершили метаморфозу, закомуфлировав деформированные чехлы под серые речные камни.

Есть основание для предположения, что сарыбулунцы сами плавил металл. На эту мысль наводит находка близ острова скопления обломков различных крупных бронзовых сосудов, которые ни на что не годились кроме переплавки. Здесь же найден небольшой слиток металла и, что является главным доводом в пользу металлопроизводства на городище, литник, представляющий собой небольшой бронзовый конус. Не исключено, таким образом, что какая-то часть металлических изделий, найденных на городище, даже уникальное навершие булавы с изображением разъяренного тигра, могла быть отлита на месте.

Изделия из рога

Найден рог джейрана, насквозь просверленный у основания. Выше глубокий продольный срез. Функциональное назначение изделий подобного рода не известно. Одни исследователи называют их шилом-проколкой, хотя трудно представить, что можно проткнуть таким шилом, да, кроме того, неясно, зачем столь обширное отверстие? Другие полагают, что таким рогом развязывались туго затянутые узлы на выюках, юртах, конских сбруе и путах. Это, на наш взгляд, ближе к истине, так как скотоводы-кочевники постоянно имели дело с веревками и ремнями.

Все перечисленные пункты, где обнаружены следы поселений древних скотоводов, ни по количеству остатков материальной культуры, ни по площади их рассеивания ни в какое сравнение не могут идти с городищем Сарыбулун, которое выделяется среди них, как сверкающая снегами вершина Тянь-Шаня среди покатых пригорков Сухого Хребта.

КОГДА ЖИЗНЬ БИЛА КЛЮЧОМ ?

Даже беглый обзор материальной культуры с кратким экскурсом в ее хронологию свидетельствует о долгой жизни подводного городища Сарыбулун. Определение времени

его зарождения, расцвета и гибели связано с большими трудностями, которых не знает традиционная археология. Да и само изучение подводных памятников неизмеримо сложнее, так как нельзя проследить взаиморасположение культурных наслоений и датирующих предметов материальной культуры в них. Исследователю остается единственный метод определения времени жизни городища – сравнение находок с хорошо датированными вещами, добытыми при раскопках иных археологических памятников на суше (метод аналогии).

В настоящее время по ряду ярких и характерных только для одного хронологически четко очерченного периода материалов можно выделить следующие периоды обживания городища Сарыбулуй: раннесакский (VIII–VI вв. до н.э.); сако-усуньский (V в. до н.э. – рубеж н.э.); позднесредневековый (XIV–XV вв.).

Самые древние находки на городище – каменные серповидные ножи, которые представляют собой надежный индикатор древнеземледельческих культур эпохи поздней бронзы (XII–VII вв. до н.э.). Такие ножи хорошо известны по раскопкам на поселениях Восточного Туркестана, Ферганы и юга Средней Азии. Ближайшими к иссык-кульским являются поселения чустской культуры в Фергане. При сравнении материалов Сарыбулуна и Ферганы выясняется, что наряду с каменными серповидными ножами население иссык-кульских и ферганских поселений пользовалось и другими однотипными орудиями труда: зернотерками, молотами, пестами, бронзовыми серповидными ножами, а также частично схожей керамикой, особенно сосудами с носиком-раструбом. Перечисленные предметы материальной культуры нейтральны в отношении определения хронологии, то есть они могли относиться к тому же времени, что и каменные серповидные ножи, а могли принадлежать к более позднему периоду.

Находки каменных серповидных ножей на северном побережье озера в районе Ананьево – Каменки – и Тору-Айгыра свидетельствуют в пользу того, что поселения эпохи поздней бронзы могли быть и на северном берегу Иссык-Куля. Заманчиво было бы предположить, что в Северном Кыргызстане, в благодатном Прииссыккулье, в эпоху поздней бронзы существовала высокоразвитая древнеземледельческая цивилизация, которая подобно ферганской или бактрийской имела свой «столичный» центр с мощными крепостными стенами, цитаделью правителя, храмами и домами горожан. Вокруг «столицы» по рекам и речушкам, впадающим в озеро, располагались более мелкие поселения с возделанными полями, садами, виноградниками, огородами... Предположение заманчивое, но на современном уровне археологической изученности Прииссыккуля преждевременное. Нам пока не известны находки второго (после каменного серповидного ножа) индикатора древнеземледельческой культуры Ферганы – парадной керамики, расписанной черной краской по красному фону. Да и шансы найти такую керамику минимальны, так как и в Фергане ее не так уж много. Даже в «столичном» центре Ферганы – на городище Дальверзин – из почти 70 тысяч фрагментов сосудов было только чуть больше 800 (или всего 1,2 процента) расписанных.

Следует учесть и тот факт, что в Прииссыккулье одновременно с древнеземледельческой чустской культурой в Фергане существовала иная культура поздней бронзы, связанная с пастушескими племенами Казахстана и Южной Сибири, которые, что не исключено, уже к IX в. начали вести кочевое скотоводческое хозяйство, освоили местные меднорудные богатства, создали особый производственный центр в рамках семиреченского очага металлообработки.

Вероятнее всего, что каменные серповидные ножи чустского типа в прииссыкульские поселения проникли в самый последний период существования чустской культуры – в VIII–VII вв. до н.э. А это время в периодизации истории степей называется раннесакским.

Раннесакский период (VIII–VI вв. до н.э.). Он представлен изделиями из металла: амулетом с солярным знаком, навершием булавы, а также, скорее всего, обломком кельта-тесла и кинжалом. Столь ранний этап истории древних кочевников еще не выделен в

археологии Кыргызстана, так как до сих пор не были найдены и раскопаны курганные погребения того времени, не говоря уже о поселениях.

Начальный этап сложения культуры древних скотоводов Кыргызстана пока представлен только случайными находками. Показательно, что некоторые из них, причем самые выразительные, найдены в ближайших окрестностях городища Сарыбулун. Так, в районе Тюпского залива в начале 80-х годов XIX в. был найден клад, состоящий из 20 предметов набора бронзовых деталей узды. Он включал удила, псалии, ворворки, пряжку, тройники, круглые бляхи. Некоторые из них украшены изображениями животных, выполненными в скифо-сибирском зверином стиле. Весь комплекс относится к VII–VI вв. до н.э. Почти через сто лет в районе с. Барскоун случайно найдены две массивные бронзовые бляхи, изображающие свернувшегося в кольцо хищного зверя. Бляхи своеобразны, точно таких нет во всем скифо-сакском мире. Поза зверя в деталях отлична от самых древних образцов, известных по находкам в Зивие (Иран) и Аржане (Тува) – в частности, сомкнутыми передними и задними лапами и резко выступающим ухом. Иссык-кульские бляхи в этом отношении наиболее близки к подпружной пряжке (в виде свернувшегося хищника) из могильника Уйгарак. По-видимому, иссык-кульские бляхи, как и уйгаракская, относятся к VII–VI вв. до н. э.

Близ северного берега Тюпского залива на дне озера в сезон 1985 г. найдены бронзовые удила со стремячовидным концом, имеющим дополнительное отверстие.

Раннесакские бронзовые наконечники стрел ромбической формы с втулкой были найдены на трассе Большого Чуйского канала. Некоторые из них идентичны

Сако-усуньский период (V в. до н. э.). Этот период представлен основной аржанским, то есть самым древним наконечникам стрел саков. Они были отлиты в VIII–VII вв. до н.э. массой керамики и прежде всего сосудами с ручками в виде выступающих уплощенных или конических налепов. Подобные ручки характерны для восточно-ферганских поселений шурабашатской культуры. Нередко их находят в курганах сакского времени в Семиречье, в том числе в Прииссыккулье. Заметны связи сарыбулунской керамики и керамики из Восточного Казахстана. Расписной узор на чаше из Сарыбулуна идентичен мотивам росписи сосудов из могильников так называемого кулажургинского этапа (III–II вв. до н.э.) культуры древних скотоводов. По всей видимости, это было время расцвета городища Сарыбулун. Из металлических изделий к этому периоду относятся бронзовые котлы на коническом поддоне, втулка наконечника копья, золотая полусферическая нашивка на одежду.

Позднесредневековый период (XIV–XV вв.). Особенностью обживания городища является большой разрыв (около 1500 лет) между последним и вторым хронологическим периодом. Материальная культура последнего периода представлена весьма скромно: несколько донец хумов и венчиков котлов, два фрагмента керамики с голубой глазурью и бронзовый кистень. Сюда же, по всей вероятности, следует отнести и три каменных цилиндрических молотильных катка (молоташи).

Таким образом, городище Сарыбулун, возникнув в VIII–VII вв. до н.э., просуществовало вплоть до рубежа нашей эры. Тогда площадь зеркала озера Иссык-Куль была намного меньше современной. После длительного перерыва, вызванного, скорее всего, колебаниями уровня озера, то есть его наступлением на сушу (трансгрессией) и отступлением (регрессией), на месте городища возникло небольшое позднесредневековое поселение.

Что же известно историкам о народах, населявших Прииссыккулье в I тыс. до н.э.? Какое место они занимали в истории Средней Азии? На эти и другие вопросы можно получить ответ в древних сочинениях.

ИСТОРИЯ С ГЕОГРАФИЕЙ

Древние скотоводы, населявшие Среднюю Азию, не оставили своих исторических сочинений. Больше других о среднеазиатских скотоводах писали древние греки. Однако из древнегреческих авторов мало кто сам побывал в столь отдаленных областях, поэтому

сведения их не просто скупы и разрозненны, но противоречивы и туманны. Не одно поколение ученых анализировало эти сведения, однако по многим вопросам истории древних скотоводов степей Евразии так и не сложилось общего мнения.

Саки. Не вызывает сомнения факт, что Среднюю Азию с VIII в. до н.э. населял многочисленный народ, именовавшийся скифами, или, что одно и то же, саками. Он делился на ряд племен (или, точнее, союзов племен). Наиболее известными из них были массагеты, дай, исседоны, аримас-лы. В VIII в. до н.э. степь «пришла в движение». Аримасы потеснили исседонов, те – массагетов, массагеты в свою очередь – скифов, а скифы – киммерийцев. Последние, спасаясь, сметая все на своем пути, в 20-х годах VIII в. до н.э. вторглись в государства Ближнего Востока и Малой Азии. Здесь с кочевыми завоевателями впервые познакомились древние греки. Великий Гомер не раз упоминал их в своей «Илиаде» под именем «доителей кобылиц». Примерно через 50 лет вслед за киммерийцами туда же устремились скифы. Они разгромили потомков беглецов, установив почти на 100 лет скифскую гегемонию в Передней и Малой Азии. Впоследствии скифы были разбиты, но не вернулись в Среднюю Азию. Проследовав через Кавказские горы, сначала заняли междуречье Кубани и Дона, а затем покорили все Северное Причерноморье. Именно эти скифы в VI в. до н.э. принесли в южнорусские степи свою неповторимую культуру, сложившуюся еще в Средней Азии, но уже с заметным переднеазиатским налетом.

А что же оставшиеся в Средней Азии скифские племена, которых в отличие от причерноморских собратьев именовали саками? Вспомним «отца истории» Геродота: «Саки... они же скифы... персы всех скифов зовут саками». Точно трудно установить, какую именно территорию подразумевали античные авторы под «страной саков». Но, по всей вероятности, по их представлениям, она охватывала горные массивы Памиро-Алая, Тянь-Шаня, Фергану и Ташкентский оазис.

Так вот, какая-то часть саков, заняв после миграции горы и оазисы Средней Азии, стала вести оседлый образ жизни, другая же продолжала кочевать. Саки долгое время упорно и успешно сопротивлялись натиску персидских царей из рода Ахеменидов, экспансия которых распространилась вплоть до Сырдарьи. Дальше персов не пустили. За Сырдарьей, в предгорьях и горных долинах Тянь-Шаня, в том числе и на территории современного Кыргызстана, жили саки, которых в V–IV вв. до н.э. называли «заречными», или «саками, которые за Согдом». Река надолго стала непреодолимым рубежом для завоевателей, даже слывших непобедимыми, каким был, например, Александр Македонский.

В глазах ученого мира Древней Греции река была и географическим рубежом. В античной литературе существовала устойчивая ошибочная традиция, по которой р. Сырдарья отождествлялась с р. Танаис (Доном). По географическим представлениям того времени р. Дон (а следовательно, и р. Сырдарья) рассматривалась как рубеж, разделявший два материка – Европу и Азию. Таким образом, саки, населявшие территорию к северу от Сырдарьи и фактически обитавшие и на территории современного Кыргызстана, считались «европейскими». Этот географический парадокс надо иметь в виду при чтении трудов античных авторов. Сами саки называли Сырдарью Силис, а горы Тянь-Шаня, откуда она берет начало, – Кроукасис, то есть «белые от снега». Греки именовали Сырдарью Яксарт или Танаис, а горы, ее породившие, – Парнас.

Какие же конкретные племена сакской этнической общности скрыты под обобщающим названием «саки, которые за Согдом» или «заречные саки»? Кто же занимал степи и горы севернее порубежного Силиса – Яксарта? Археологические исследования в долинах рек Или, Талас, Чу, на Иссык-Куле, в Центральном Тянь-Шане, в Кетмень-Тюбе и Фергане выявили самобытную, ярко выраженную сакскую культуру. Случайные находки и раскопки курганов в Восточном Туркестане позволили сделать вывод, что на западе, севере, в центральной части этого региона, то есть в районах, примыкавших к Тянь-Шаню и Памиро-Алаю, начиная с VIII–VII вв. до н.э. и почти до рубежа новой эры

обитали ираноязычные кочевники – саки, являвшиеся органической составной частью обширной среднеазиатской группировки сакских племен.

Здесь за Сырдарьей вызрели те грозные силы скотоводов, которые во II в. до н.э. опрокинули прежде мощную Греко-Бактрию – самый восточный осколок мировой державы Александра Македонского. Древнегреческий историк и географ Страбон писал: «Из этих кочевников в особенности получили известность те, которые отняли у греков Бактриану, именно ассии, пасианы, тохары и сакаравлы. которые переселились из области на другом берегу Яксарта рядом с областью саков и согдианов, занятой саками».

Значительно подробнее о некоторых племенах кочевников, в частности, об ассиях и тохарах, сообщают древнекитайские исторические хроники, где они названы усунями и юзчжами. Сокровища ценнейших и разнообразных сведений о древних народах Средней Азии, содержащиеся в древнекитайских исторических сочинениях, открыл миру русский ученый Никита Яковлевич Бичурин.

Опальный монах с крамольными четками

В начале мая 1853 г. в холодной келье петербургской Александро-Невской лавры одинокий и всеми забытый умирал крупный русский синолог, ученый с мировым именем – монах Иакинф. Он давно перестал принимать пищу и отвечать на вопросы послушника, добровольно за ним присматривающего. Накануне смерти больного посетил один из сослуживцев по Азиатскому департаменту. Выцветшие карие глаза старца были неподвижны. Казалось, он не видел и не слышал посетителя. Наконец тот задал вопрос по-китайски. Умиравший мгновенно преобразился, глаза заблестели, на резко выступающих скулах появился румянец. Он улыбнулся и заговорил. Говорил долго и непрерывно, как бы наслаждаясь языком, постижению тончайших нюансов которого отдал все свои силы. К утру его не стало. На скромном обелиске над могилой монаха, похороненного в ограде лавры, и сегодня можно прочесть иероглифы, гласящие: «Постоянно прилежно трудился над увековечившими его славу историческими трудами».

Обратимся хотя бы вкратце к вехам его незаурядной жизни и подлинно научного подвига.

Выдающийся русский ориенталист Никита Яковлевич Бичурин, известный миру под монашеским именем Иакинф, родился 29 августа 1777 г. в глухом чувашском селе в семье дьячка местной церкви. Блестяще закончив Казанскую семинарию, он в 1802 г. принял монашество и стал архимандритом иркутского Вознесенского монастыря. Однако за нарушение устава молодого архимандрита лишают должности и ссылают в Тобольский монастырь. Святейший Синод остро нуждался в талантливых деятелях церкви. Поэтому в 1807 г. отца Иакинфа назначили начальником русской духовной миссии в Китае и архимандритом Сретенского монастыря в Пекине.

Это назначение стало важным этапом в жизни Н. Я. Бичурина. Именно здесь раскрылись его способности историка и лингвиста. Все 14 лет пребывания в Китае с необычайной энергией и упорством он изучал китайский разговорный и письменный язык, исследовал и переводил на русский китайские исторические хроники, писал исторические труды. Архимандрита тяготили дела духовной миссии и монастырское хозяйство. Практически он не занимался ими, предоставив полную свободу действий своим помощникам. Как и следовало ожидать, хозяйство миссии пришло в такой упадок и запустение, что по возвращении в Россию в 1821 г. Иакинф был лишен сана и сослан в Валаамский монастырь.

Этот факт не обескуражил ссыльного. Казалось, что он сам стремится к отрешению от всех обременительных обязанностей, связанных с высокими церковными должностями. В уединенной келье монастыря он продолжал непрерывные бдения над вывезенными из Пекина китайскими книгами, число которых было столь велико, что в Россию их доставил караван из 15 сильных верблюдов.

Через четыре года из валаамской кельи его освободили по ходатайству крупного деятеля в Министерстве иностранных дел П. Л. Шиллинга и путешественника Е. Ф.

Тимковского, которые высоко ценили уникальные синологические познания Иакинфа и надеялись найти им практическое применение. Царь указал причислить Н. Я. Бичурина к Азиатскому департаменту. Однако на службе нового чиновника не видели: он замкнулся в келье Александро-Невской лавры и продолжал свой подвижнический труд. За три года (1828–1830 гг.) Н. Я. Бичурин опубликовал шесть книг и множество статей в известных журналах. Пораженный мир жадно знакомился со страной, открытой опальным монахом как бы изнутри. Впервые в европейской литературе о Китае писали не как об отсталой экзотической стране с нищим и обездоленным народом. Иакинф сумел взглянуть на Китай не презрительным взглядом европейца, а глазами китайца, правдиво и уважительно отразить увиденное в своих трудах. В 1848 г. ученый резко выступил против грабежа Китая европейскими державами в результате «опиумной войны», за что был подвергнут критике реакционерами всех мастей и наций, расценившими акт защиты Китая как «наступление на европейскую культуру». Однако и оппоненты Н. Я. Бичурина не могли не отметить его уникальную работоспособность и энциклопедические познания в области синологии. Известный немецкий ученый Ю. Клапрот, постоянно полемизировавший с Н. Я. Бичуриным, писал: «Отец Иакинф один сделал столько, сколько может сделать только целое ученое общество».

Н. Я. Бичурин никогда всерьез не относился к своему монашескому званию. Он тесно связал свою судьбу с передовой русской общественной мыслью. Известна его дружба с А. С. Пушкиным. В библиотеке поэта сохранились книги Н. Я. Бичурина с авторскими надписями. А. С. Пушкин использовал их в своих исторических трудах, особенно в «Истории Пугачева».

В 1830 г. Н. Я. Бичурин совершает поступок, беспрецедентный для николаевской России. Через пять лет после восстания декабристов на Сенатской площади, когда еще даже имена ссыльных было опасно произносить, встречается в Забайкалье с одним из вождей декабристов Н. А. Бестужевым. О чем говорили ученый и революционер, осталось неизвестным. Однако о взаимном дружеском расположении их красноречиво говорят немые свидетели этой встречи. В Кяхтинском музее экспонируется портрет Н. Я. Бичурина, написанный Н. А. Бестужевым. Он же подарил монаху четки, сделанные из собственных кандалов. С этими крамольными четками опальный монах появляется в салонах и гостиных Санкт-Петербурга. Столь открытая демонстрация не осталась незамеченной. Монах становится опасным. И когда в 1831 г. Н. Я. Бичурин подал прошение о снятии с себя духовного сана, Синод, желая избавиться от беспокойного монаха, дал согласие. Тем не менее, Николай I наложил на прошение резолюцию: «В 20 день сего мая (1832 г. – Авт.) высочайше повелеть соизволил: оставить на жительство по-прежнему в Александро-Невской лавре не дозволяя оставлять монашество».

Подвижничеством и научными знаниями Н. Я. Бичурин снискал глубокое уважение европейских и русских ученых. В 1828 г. он был избран членом-корреспондентом Петербургской Академии наук, а в 1831 г. – членом «Азиатского общества» в Париже. Его книги были переведены на европейские языки. За свои труды Н. Я. Бичурин четырежды (в 1834, 1838, 1842 и 1851 годах) был удостоен полной Демидовской премии. Он был постоянным сотрудником почти двадцати периодических изданий. К концу жизни, почувствовав упадок сил, Н. Я. Бичурин отошел от всех общественных и текущих литературных дел, замкнулся в келье Лавры и принялся за написание главного труда своей жизни – трехтомного «Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» (1846–1848 гг.).

В гуманитарной науке встречаются труды, сохраняющие свою актуальность 10–20 лет, редкими можно считать сочинения, не утратившие своего научного значения через 50 лет, и уж совсем уникальными – пережившие столетия. К последним с полным основанием можно отнести монументальный трехтомный труд Н. Я. Бичурина «Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», к которому постоянно обращаются ученые на протяжении вот уже почти 150 лет. «Собрание

сведений» содержит огромный материал по истории народов Южной Сибири, Дальнего Востока, Средней и Центральной Азии со II в. до н. э. и до середины IX в., со знанием дела подобранный и переведенный из древних китайских хроник, недоступных не только рядовому читателю, но и ученым не синологам. Переводы сопровождаются тщательно выполненными комментариями и древними китайскими картами.

Значение этого труда Н. Я. Бичурина (Иакинфа) для истории Средней Азии переоценить невозможно. Благодаря ему стали известны имена племен, населявших в древности и средневековые Кыргызстан, основные моменты их политической истории, сведения о династических, этнических и торговых связях. Источники, впервые введенные в научный оборот Н. Я. Бичуриным, сделали возможными ныне существующую периодизацию истории древнего и средневекового Кыргызстана и привязку к ней основного археологического материала.

Этническая атрибуция археологических материалов, добытых под волнами Иссык-Куля на поселении Сарыбулун, вынудила нас по примеру многих исследователей также обратиться к бесценным сведениям, оставленным для потомков в трудах нашего прославленного сиолога.

Усуни

Речь пойдет о народе усуней. Немногие среднеазиатско-казахстанские этнонимы имеют столь длительную историю. Появившись на исторической арене во II в. до н.э., усуни сохранили свое самоназвание и в источниках X–XII вв. И, наконец, под родоплеменным названием «уйсун», «уйшун» потомки их в XV–XVI вв. вошли в состав кыргызской и казахской народностей.

Согласно китайским летописям, раньше усуни обитали где-то на Востоке, а во II в. до н. э. подчинили саков и заняли Семиречье, Джунгарию и Центральный Тянь-Шань. Здесь они создали одно из древнейших государств на территории современного Кыргызстана, именовавшееся в источниках «Усунь-го» («усуньское государство»), «Син-го» («кочевое государство») и редко «Бу-цзу» («племя, племенной союз»). Во главе государства усуней был правитель с титулом кунбаг (гуньмо, гуньэр) с правом наследственной власти. Столица – ставка кунбага, располагавшаяся в Прииссыккулье, именовалась Чигучэн (Город Красной долины). Правителя окружала знать – родственники, высшие чиновники, родовая аристократия и вассальные князья. Согласно истории «Ханьпу», всего усуней насчитывалось свыше 630 тысяч. Для отражения врага они якобы могли выставить армию численностью в 188800 воинов. Это означает, что практически каждый третий житель страны был мужчина в возрасте от 15–16 до 40–45 лет. Понятно, что число воинов явно завышено. Не исключено, что в состав всех вооруженных сил государства усуней включались и воинские контингенты зависимых от усуней народов, а именно: части племен саков и тохаров, а также хюсань, гуаньду, уш и др.

Принцесса Внутриполитическая история усуней – это история постоянных усобиц и борьбы за верховную власть между высшей аристократией, в которую вмешивались ханьские императоры и гуннские правители. Только во время правления кунбага Цылими (45–14 гг. до н. э.) в землях усуней «настала... глубокая тишина и мир», так как он «поступал с твердостью». В конце концов и Цылими пал жертвой заговора – он был зарезан одним из притворно подчинившихся ему удельных князей. Между бедными и богатыми усунями уже была пропасть имущественного неравенства. Основным критерием богатства было наличие лошадей, которые, как следует из ханьской династийной истории, находились уже в частной собственности отдельных людей. «В Усунь много лошадей. Их самые богатые люди имеют четыре–пять тысяч голов лошадей». Из этого сообщения следует, что имущественная дифференциация у усуней достигла развитых форм. Оказывается, среди них имелись «самые богатые», что предполагает наличие и «просто богатых». Огромными богатствами располагал сам кунбаг, который в качестве калыма за одну из своих жен мог отдать тысячу голов лошадей. На другом полюсе имущественного

неравенства находилась усуньская беднота. Этнографы подсчитали, что для ведения скотоводческого хозяйства, которое могло бы обеспечить лишь пропитание для одной семьи, необходимо было стадо скота в 25 условных лошадей (1 лошадь = 6 овцам). Отсюда ясно, что «самые богатые» семьи усуней имели скота минимум в 160, а то и в 200 раз больше, чем семья рядового скотовода.

По обычному праву, существовавшему у всех скотоводческих обществ, хозяин скота был фактическим хозяином и пастбищ. Владение пастбищами закреплялось сооружением зимовки и захоронениями предков, над которыми насыпались хорошо заметные курганы. Площади зимних пастбищ соответствовали количеству скота. Практика определила, что для зимовки одного коня необходимо 8–10 га естественных пастбищ среднего качества. Таким образом, полярные размеры пастбищ во владении разных по достатку семей были от 200–250 га до 32–50 тыс. га.

В I в. до н. э. у усуней, видимо, появляются земли, которые находились только в распоряжении верховного правителя. Так, кунбаг Цылими приказал, чтобы «никто не смел пасти скот на его пастбищах». Обычно этот важный акт трактуется как свидетельство начала формирования частного землевладения. Однако не исключено и другое объяснение. На пастбищах, принадлежавших кунбагу, и до его приказа едва ли безнаказанно мог выпасаться чужой скот. Скорее всего, в этом акте можно видеть попытку формирования государственных коруков – запретных, заповедных пастбищ. Такие коруки распространены в поземельной практике западнотюркских каганов. Один из них был в местности Минбулак (Таласская долина), где в естественных заповедных условиях обитали стада маралов. Второй – в восточной части Чуйской долины – описан средневековым арабским историком Табари: «У хакана были заповедные луг и гора, к которым никто не приближался и не охотился там, они оставались для войны. Продолжение луга – 3 дня и горы – 3 дня [пути]». Такие заповедные земли всегда оставались непотравленными скотом и использовались для откорма боевых коней и нагула отар на случай военных действий.

Сведения письменных источников о резкой имущественной дифференциации общества усуней вполне подтверждаются археологическими материалами. Богатых и знатных хоронили с большой пышностью: в широкую и глубокую яму, перекрытую бревнами, вместе с покойным клали большое количество принадлежавших ему вещей, среди которых были золотые и привозные из далеких стран. Над ямой насыпали величественный курган – высотой более 10 м. Рядом с такими степными пирамидами только опытный глаз археолога различает едва заметный холмик, под которым покоился прах рядового общинника. Как бы не горевали родственники покойного бедняка, но в «дальнюю дорогу на вечные небесные пастбища» могли выделить ему только один, от силы два сосуда с молоком или мясным отваром с просом. Эти погребения были настолько убоги, что первые исследователи таких курганов близ с. Чельпек (в Прииссыккулье) М. В. Воеводский и М. П. Грязнов принимали их не за могилы рядовых скотоводов, а за жалкие погребения их рабов.

Формирование классового общества сопровождалось народными волнениями, бунтами, откочевками, заговорами, которые приводили даже к убийствам кунбагов.

Этническая принадлежность усуней до сих пор не ясна. Одни исследователи полагают, что усунь – одно из скифских племен и говорили они на восточноиранском языке. Другие утверждают, что усунь входили в круг гуннских племен и говорили по-тюркски. Крупный русский востоковед Н. А. Аристов писал (правда, излишне категорично), что усунь – прямые предки современных кыргызов, и что народное самоназвание усуней всегда было кыргыз. Но то, что как саки, так и усунь вошли компонентами в конгломерат древнетюркских племен, из которых формировалась кыргызская народность, учеными принимается безоговорочно.

Черепки из погребений, раскопанных в Кыргызстане, в основном европеоидные и похожи на черепки саков, но с большим процентом монголоидной примеси.

В конце первой половины I тыс. н. э. усунь теряют свое былое могущество. Их поглотили западнотюркские племена.

Волки и овцы? Отнюдь...

Автор поэмы «Персика» древнегреческий поэт с острова Самос Херил писал:

Саки, пастухи овечьи, скифского рода,
Живущие в Азии, пшеницей обильной.

Несмотря на то, что поэма, написанная в V в. до н. э., дошла до нас в фрагментах, немного найдется стихотворных строф, которые бы столь лаконично и емко поставили два основных спорных вопроса реальной истории саков, которые так долго были предметом дискуссий современных историков. Первый постулат Херила — «саки... скифского рода» — убедительно доказал еще в XIX в. видный русский ориенталист В. В. Григорьев в труде, который был озаглавлен слегка перефразированной строкой из Херила. Научный мир принял тождество «саки = скифы», хотя и находились упрямцы, по-прежнему отвергавшие его. Сложнее обстоит дело со вторым постулатом — «пастухи овечьи... в Азии, пшеницей обильной». Как толковать Херила? Имел ли он в виду, что саки пасли овец в Азии, где другие народы возделывали обильные хлеба, или сами саки-пастухи выращивали еще и пшеницу? Вопрос очень важный для историка, так как речь идет о типе хозяйства саков: чистые скотоводы или скотоводы и земледельцы? Этот же вопрос актуален и в отношении хозяйства у су ней.

Древнегреческие авторы ярко рисовали непривычный для них кочевой быт саков (скифов). Здесь и тяжелые крытые повозки, которые являются передвижными домами, и громадные отары овец, табуны коней, стада быков, и хозяева этого скота — вооруженные тугими луками лихие всадники, настолько «сросшиеся» с конем, что и ходить-то почти разучились на своих кривых ногах, и специфический запах кочевников, и кумыс, и еще множество других экзотических подробностей, которые будоражили воображение оседлых жителей греческих полисов — земледельцев и мастеровых.

То же самое, независимо от греков, писали древнекитайские хронисты об усунях и гуннах для рисоводов и шелководов долины реки Хуанхэ, запуганных частыми набегами кочевников.

В земледельческих цивилизациях складывался стереотип кочевника-номада — вечного пастуха-бродяги, странствовавшего на необозримых просторах степей и гор и не знавшего своей родины. Он был зачат в одном месте, рожден в другом, а вскормлен далеко и от первого, и от второго. Ошеломляющий выход кочевников-киммерийцев и среднеазиатских I скифов в Переднюю и Малую Азию обусловил рождение легендарного образа кентавра — коня с торсом человека, который как олицетворение кочевника-скотовода вошел в мифологию многих народов.

Моральный облик кочевников, если судить по античным сочинениям, конечно же, оставлял желать лучшего. Степнякам ничего не стоило организовать конные разбойничьи отряды для набегов на земледельческие оазисы, сжечь поселения, перебить мужчин, а женщин угнать в плен. Из черепов убитых врагов они делали чаши, из которых пили на пирах, вытирая при этом бороды скальпами, снятыми с этих же голов. Кочевники пили вино, не разбавляя его водой, напивались допьяна. А если и разбавляли, то только собственной кровью при заключении важных дружественных союзов. Преклонных старцев кочевники убивали, а потом лакомились их мясом. Подобными «былиями» пестрят произведения древних авторов, как с побережья Средиземного моря, так и с берегов Хуанхэ. Есть, однако, между ними и разница.

Древнегреческие авторы, описывая саков и скифов, изображают странных, непонятных, суровых, но справедливых, умных и деятельных людей. На страницах их произведений нашлось место для повествования о мудрости скифа Анахарсиса, которого объявили одним из семи мудрецов мира, изобретателем трута, якоря, гончарного круга, и для описания неотразимого обаяния царицы саков Зарины, и для рассказа о патриотизме пастуха Ширика, отдавшего жизнь за свободу родной земли.

Ничего подобного мы не встретим в трудах древнекитайских авторов, где кочевники представлены как хищники, не признающие человеческих законов, не имеющие стыда и совести, помыслы которых направлены только на убийства ради грабежа. «Как дикие звери и птицы» характеризуются кочевники в летописи «Ханыпу».

Итак, довольно суровый, но привлекательный образ кочевника, созданный на страницах произведений греческих авторов, становится отталкивающим, звероподобным, если опираться только на китайские древние хроники. Это лишь один из примеров тенденциозности древних сочинений, правда, проявившейся наиболее рельефно и сразу бросающейся в глаза. Не можем же мы и впрямь предположить, что кочевники были одними по отношению к грекам и совершенно другими в контактах с китайцами. Ларчик открывается просто: греки и их колонии в Причерноморье находились в постоянных и преимущественно дружественных торговых и культурных связях с соседями-скифами. Большую симпатию у греческих авторов вызывала успешная борьба скифов и саков с извечным врагом Древней Греции – Ираном. Идиллий в отношениях греков и скифов не было, тем не менее, они редко перерастали в открытую вражду. В Центральной Азии все было наоборот. Древний Китай и кочевники вели между собой длительную, с переменным успехом, борьбу – борьбу за выживание, в которой не считались зазорными обман, коварство, удары из-за угла и в спину, ложные клятвы и заверения. Древнекитайские империи, проводя традиционную великодержавную политику по отношению к «варварам», воспитывали ненависть и пренебрежение к ним, подчеркивая изначальную дикость и извечную отсталость степняков. Без такой официальной пропаганды едва ли стали бы возможными мобилизации громадных людских ресурсов на походы в глубь степей и, особенно, на строительство Великой Китайской стены, а также стратегических военных дорог к ней.

В древнегреческой литературе наблюдается явная идеализация кочевников. Цель: оздоровление греческого общества. Метод оздоровления: возвращение к образу жизни героических предков. Для наглядности нравы воспитанных в суровых и вольных естественных условиях «варварской» жизни степняков противопоставляли утонченным и испорченным нравам в греческих полисах. Эта идеализация достигла апогея в жизнеописании скифского царевича Анахарсиса, сына царя Гнура и дяди царя Иданфирса, разгромившего полчища персидского царя Дария (514 г. до н. э.). Характерно, что в XVIII в. образ того же Анахарсиса использовали Руссо и писатели его круга для общественного порицания безоглядной роскоши и мотовства французского двора и подражавшей ему аристократии.

В Центральной Азии идеализация не была в чести. Здесь жили «реалисты». И если ханыцы официально проповедовали номадофобию, то северные «варвары» своей знатью воспитывались в том же духе по отношению к ханьцам. Показательно, например, что аварская (жуань-жуаньская) принцесса, вышедшая замуж за китайского императора, окружила себя большой группой соплеменников, которые вели себя при дворе дерзко и вызывающе. Сама «степная амазонка», став императрицей, прославилась только тем, что ни разу в жизни не сказала ни одного слова по-китайски.

Однако и «идеалисты» и «реалисты» единодушно, хотя и по разным причинам, в своих сочинениях выпячивали только одну сторону сложного хозяйства соседей – кочевое скотоводство. Сведения о других отраслях трудовой деятельности редки и неконкретны. Так, в китайских династийных хрониках формула «бродят в поисках травы и воды» стала трафаретной для характеристики хозяйственной деятельности всех степных народов с древнейших времен до XIX в. включительно. О других занятиях, по мнению хронистов, и говорить не стоило.

Даже серьезные историки XIX–XX вв. не всегда критически воспринимали многократные и недвусмысленные сведения античных авторов о кочевом скотоводстве как единственном типе хозяйства степняков в древности. Отсюда и хозяйственно-демографические расчеты, которые диктовали неверные политические выводы.

Действительно, писали эти историки, для выпаса скота, сколько бы его не было, нет нужды в большом количестве пастухов. Значит в аилах сосредотачивалось большое количество свободного от активной трудовой деятельности населения, которое легко было сколотить в конные отряды для набегов на соседей. Объектом для нападения кочевников были не столько степняки, у которых кроме скота и взять-то нечего и которые, как правило, могли достойно постоять за себя, а города и поселения земледельцев. Здесь за глиняными стенами (не такая уж и непреодолимая преграда) находились столь желанные для скотоводов зерно, ткани, высококачественные изделия из металлов, драгоценные украшения и, наконец, люди, которые не обладали ратным искусством степняка. Этих людей молено было пленить, а затем продать в рабство.

Итак, волки – степняки и овцы – земледельцы. Отсюда недалеко и до вредной и неверной теории об извечной, непримиримой вражде степи и оазисов, скотоводов и земледельцев, до деления на цивилизованные и дикие, на исторические и неисторические народы.

На самом деле все не так просто и однозначно. Благодаря трудам археологов в Причерноморье, Казахстане и в Средней Азии были открыты как крупные, так и небольшие поселения древних скотоводов, свидетельствующие о развитии в их среде земледелия и ремесел.

Поселения усуньского времени найдены и в пределах Семиречья, включая северные районы Кыргызстана. Однако еще до открытия этих поселений некоторые ученые, исходя из материалов раскопок усуньских курганов, выразили обоснованное сомнение в том, что усуньцы занимались исключительно кочевым скотоводством. М. В. Воеводский и М. П. Грязнов в 1928–1929 гг. в окрестностях городов Токмак и Пржевальск (Каракол) раскопали ряд курганов усуньского времени. В погребениях были найдены зернотерки, обугленные зерна пшеницы, шелуха проса и большое количество хрупкой и тяжелой керамической посуды, не пригодной для частой транспортировки. Отсюда вывод: хозяйство усуней было скотоводческо-земледельческим при ведущей роли скотоводства.

С этим выводом со временем согласились практически все археологи, но отметили, что он не вытекает из материалов раскопок, а явился только правильным теоретическим предположением. Действительно, о чем говорят находки остатков зерна? Только о том, что оно употреблялось в пищу, и ни слова о том, каким путем получено. Зерно усуньцы могли выращивать сами, но могли и обменивать его на скот или продукты скотоводства в земледельческих областях Ферганы или, например, Восточного Туркестана, с которыми имели тесные политические связи. О чем говорит находка зернотерки? Исключительно о том, что полученное неизвестно как зерно превращали в муку и крупу.

Мало что дали в строго научном доказательстве развития земледелия в усуньском обществе раскопки поселений первых веков нашей эры Луговое (А. Н. Бернштам) и Карабалтинское (А. К. Абетеков). Находки зернотерок даже в комплексе с остатками глинобитных жилищ еще не являются неоспоримыми фактами, свидетельствующими о занятиях населения, их оставившего, земледелием.

Нужны были находки орудий труда, которыми обрабатывают землю, – мотыг, и орудий, которыми убирают урожай, – серпов. Неплохо бы найти и остатки соломы злаковых (но это уже почти из области фантастики). Случайные находки серпов и мотыг, относящихся, как позже выяснилось, к сако-усуньскому времени, были сделаны в Чуйской долине, но они мало что проясняли, так как не имели ни точной хронологии, ни привязки к тому или иному типу памятников. Впервые в Семиречье усуньские каменные мотыги и обломок бронзового серпа в комплексе с зернотерками и характерной круглодонной керамикой были найдены К. А. Акишевым в 1962–1963 гг. на берегу р. Кегень при раскопках поселения Актас-2. Здесь же были выявлены дополнительные данные (правда, не во всем достаточно убедительные), свидетельствующие, что земледелие было как богарным, так и поливным, практиковалось также огородничество и садоводство. Тут сомневаться не приходилось. Гипотетические выводы М. В. Воеводского и М. П. Грязнова

о комплексном скотоводческо-земледельческом хозяйстве усуней получили убедительную фактологическую базу.

Наши работы на подводных городищах не только расширили эту фактологическую базу территориально, но позволили сделать ряд дополнительных наблюдений относительно Прииссыккуля.

1. Время возникновения занятий земледелием на берегах оз. Иссык-Куль остается еще не выясненным, тем не менее, уже сейчас есть все основания утверждать, что земледелие не возникло в усуньское время. Здесь обрабатывали «землю и сеяли злаковые культуры гораздо раньше. Если поселение Актас-2 и Карабалтинское поселение датируются их первооткрывателями I–III вв. н. э., то серповидные каменные ножи чувского типа, свидетельствующие об уже развитии земледелия, найденные на иссык-кульских поселениях, относятся ко времени не позже VIII–VII вв. до н. э., то есть ко времени начального этапа формирования культуры саков.

2. Весь облик материальной культуры городища Сарыбулун (особенно керамика, орудия труда из камня, бронзовые серповидные ножи) очень близок к облику материалов древнеземледельческих поселений I тыс. до н. э. Ферганы, Ташкентского оазиса и Восточного Туркестана. Представляется, что развитие культуры земледелия Прииссыккуля находилось в постоянных связях с древнеземледельческими культурами перечисленных выше регионов, особенно Ферганы.

3. Поселения Прииссыккуля в I тыс. до н. э. были очагами не только земледелия, но и ремесленных занятий. Часть каменных орудий (а именно: одна из зернотерок и десятка полтора шаров) использовались для обработки и обогащения медной руды в пределах городища Сарыбулун. Плавка обогащенной руды и металлического лома осуществлялась, во всей видимости, здесь же. На городище Сарыбулун, например, найдены небольшой слиток бронзы (меди) и несколько фрагментов крупных сосудов из металла, годных лишь к переплавке. Здесь же найден и прямой свидетель местной плавки – литник, который относится к отходам бронзолитейного производства. Подобная находка была сделана и южнее с. Долинка. В водах озера найден медный котелок, наполненный отходами литья. Среди них выделяются странной грибовидной формы (с конической головкой и тонкой ножкой) остатки литейного производства. Эти медные «грибы» когда-то заполняли отверстия в литейной форме – литники. Отверстия эти напоминали воронки: широкий раструб и узкий круглый в сечении канал, по которому расплавленный металл заливали в форму. Когда жидкий металл застывал и отливка могла сохранять свою форму, на ней оставалось минимум два грибовидных нароста, повторяющих форму литников. Их обрубали у самого основания и опять пускали в переплавку. Эти находки – неоспоримые доказательства местного производства каких-то крупных изделий из бронзы.

Есть основания предполагать, что оседлые поселения Прииссыккуля в те далекие времена были очагами не только металлургического, но и гончарного производства. Нам еще не удалось найти бесспорных свидетельств (каковыми, например, являются бракованные сосуды, керамические шлаки или остатки обжигательной печи), что на открытых нами поселениях трудились древние гончары, но об этом говорят технологическое единство производства и стандартизация форм керамики, найденной в кочевнических курганах и на оседлых поселениях. Они настолько схожи, что практически невозможно различить целые экземпляры сосудов, найденных на городище Сарыбулун и, например, в расположенных от него в 30 км могильниках Каракол и Чельпек.

На наш взгляд, наличие большого количества сосудов в курганных погребениях говорит не столько об оседлости и занятиях земледелием, сколько о тесных экономических связях скотоводов с близко расположенными поселениями, где было развито гончарное ремесло. Эта керамика не случайно имела сферическую форму с округлым дном. Такие сосуды явно были рассчитаны на подвижный, кочевой образ жизни их владельцев. Шарообразная форма сосудов, как заметил А. Н. Бернштам, является самой прочной на сжатие, а значит – наиболее пригодной для транспортировки. К тому же, как

мы знаем, кочевники-кыргызы успешно перевозили на большие расстояния даже очень хрупкие тонкостенные сосуды из фарфора и фаяса, упаковывая их в специальные футляры (чыныкап). Нам не известны подобные приспособления в культуре древних кочевников, но зато известны факты, когда целые экземпляры круглодонной керамики сакского времени находили за многие сотни километров от места ее производства. Так, расписанные красной краской сосуды обнаружены в высокогорных долинах Памиро-Алая, Кетмень-Тюбе и даже близ Бишкека.

В свете археологических данных, полученных при исследовании городища Сарыбулун, можно по-новому осветить вопросы, касающиеся экономики саков и усуней Прииссык-куля.

Письменные источники позволяют предположить, что климат Семиречья в I тыс. до н. э. мало чем отличался от современного. «Земли ровные и травянистые; страна слишком дождливая и холодная (с точки зрения уроженца Китая. – Авт.). На горах много хвойного леса». Климат и географическая среда Прииссыккуля и в наши дни больше благоприятствуют скотоводству. Лишь в восточной части есть хорошие условия для занятия земледелием.

Скотоводство в условиях близости высокогорных пастбищ (джайлоо) от речных долин (кыштоо) с VIII–VII вв. до н.э. могло развиваться только как полукочевое со стационарным жильем на зимовках. Близ зимовок древние скотоводы засеивали поля и огороды, разводили сады. Кроме зимовок появляются крупные поселения с металлургическим, гончарным и другими ремеслами. Некоторые из них, например Чигу, обносятся крепостными стенами и становятся административно-политическими центрами. Такое хозяйство можно назвать комплексным скотоводческо-земледельческим при ведущей роли скотоводства. В усуньское время, по мнению казахского ученого К. А. Акишева, земледелие достигает таких успехов, что «каждая усуньская семья была обеспечена продуктами земледелия, главным образом мукой, зерном, а растительная пища всегда входила в рацион питания».

Действительность, документированная археологическими материалами, в значительной мере корректирует сведения письменных источников о хозяйстве древних скотоводов – оно было комплексным.

САРЫБУЛУН – ЧИГУ

Сарыбулун – единственное известное археологам крупное поселение I тыс. до н.э. на территории Иссык-Кульской котловины. Письменные источники упоминают название только одного населенного пункта на этой же территории – ставку усуньского правителя Чигу. Возникает вопрос: а не является ли Сарыбулун развалинами Чигу? Обратимся к древним хроникам.

Наиболее ранние сведения о Чигу вошли в «Шицзи» («Исторические записки») со слов китайского путешественника поневоле Чжан Цяня. Сведения его бесценны. Он единственный из информаторов, кто лично посетил Чигу.

Для историков Кыргызстана важны первые сведения об усунях и их ставке Чигу, полученные Чжан Цянем, скорее всего, в Фергане: «Усунь лежит почти в 2000 ли от Давани (Ферганы. – Авт.), на северо-восток». В своем комментарии к этому тексту Н. Я. Бичурин вполне справедливо отметил, что здесь под термином «усунь» разумеется ставка владельца – «городок Чигу». По его мнению, этот «городок» располагался где-то на территории между северо-восточной оконечностью озера Иссык-Куль и южным берегом р. Или. Но на своей исторической карте, составленной в 1851 г., ученый располагает Чигу на южном берегу Иссык-Куля несколько западнее р. Тосор.

Нужно отметить, что Н. Я. Бичурин некритически относился к расстояниям, указанным в китайских источниках, и принимал их на веру при идентификации тех или иных топонимов. Настораживает тот факт, что те же 2000 ли фигурируют при определении расстояния не только между Ферганой и Чигу, но и между Ферганой и Кангюем (Канцзюем), Кангюем и Янцаем, Ферганой и Бактрией и т.д., то есть имеются

все основания полагать, что эта цифра была трафаретной для даваньских информаторов и лишь весьма примерно отражала действительные расстояния между Ферганой и ставками сопредельных государств.

Более конкретные материалы для локализации Чигу приведены в «Цзяньханду» («История старшей династии Хань»). Здесь отмечены расстояние до ставки усуней от точно фиксированного пункта – Чанъани – старой столицы застенного Китая: «Правление усуньского большого гуньми (верховного вождя. – Авт.) в городе Чигу, от Чанъань в 8900 ли». Относительная точность указанной цифры проверяется другими данными, содержащимися в той же хронике: «Правление аксуского владетеля в городе Выгьсу (современный Аксу. – Авт.) от Чанъань в 8350 ли... на север до усуньского Чигу 610 ли». Как видим, расхождения между цифрами составляет лишь 60 ли, то есть всего 30 км. Самой важной для локализации Чигу является цифра, фиксирующая его удаленность от Аксу. Указанное расстояние (610 ли, т.е. 305 км) выводит исследователя (если учесть, что караванные пути шли через перевал Бедель) прямо к юго-восточному побережью озера Иссык-Куль. Однако доверие к знаниям китайскими историками действительных расстояний между отдельными географическими пунктами серьезно подрывает более поздняя хроника «Бейши» («История северных династий»). Расстояние от тогдашней столицы Китая до Чигу оказалось, если верить «Бейши», не на 610 ли больше, чем до Аксу, а на 410 ли меньше.

В «Цзяньханду» имеются существенные детали, позволяющие создать представление (правда, весьма туманное) о внешнем и внутреннем облике усуньской ставки в I в. до н.э. Сам владетель предпочитал жить в «круглой хижине, обтянутой войлоками». Значит ли это, что владыка усуней жил в разборной юрте? По-видимому, нет, так как юрта в полном смысле этого слова, т.е. жилище кочевников с разборным решетчатым остовом, появилась гораздо позже. Исследователи архаичных жилищ кочевников установили, что «изобретение юрты и ее распространение относится к середине I тысячелетия н. э. и связано с древнетюркской средой». Скорее всего, усуньский владетель обитал в крытом войлоком круглом неразборном жилище гуннского типа. Остается неясным, было ли такое жилище сезонным или в нем жили круглый год.

Наличие войлочных неразборных жилищ в ставке усуней не исключало сооружения построек из глины или камня. Такие постройки раскопаны археологами на поселениях усуней близ города Кара-Балта (Кыргызстан) и в долине реки Кегень (Казахстан). Нельзя исключить и срубные деревянные постройки, известные пока только по облицовкам могильных ям. В Чигу были и капитальные вместительные сооружения. Известно, что для китайской принцессы, выданной замуж за усуньского владыку, и ее придворного штата в Чигу был выстроен дворец. Дворец принцессы, скорее всего, был не дворец в полном смысле слова, а богатая усадьба, построенная по образцу ханьских жилищ состоятельных людей. Терракотовые модели таких усадеб известны по археологическим находкам в Китае. Они представляли собой несложные каркасные бесфундаментные сооружения, включавшие жилой дом, помещение у ворот, амбар, кухню, башню и другие хозяйственные постройки, образующие замкнутый четырехугольник, иногда разделенный внутренней стеной. Двускатная черепичная крыша опиралась на две внутренние деревянные колонны. До наших дней от такого дворца могли дойти лишь остатки плоской и полу-циндрической черепицы, а также каменные базы для двух несущих колонн.

О сооружении дворцового типа на иссык-кульском поселении Сарыбулун свидетельствует находка в воде на глубине 1,5 м монолитной каменной базы для колонны. База представляет собой невысокий цилиндр, расположенный на неправильной формы пятиугольном плоском основании. По своей форме сарыбулунская база отдаленно напоминает современные железные наковальни, однако едва ли была таковой, так как легко могла расколоться при ударе молотом.

В китайских источниках название усуньской ставки буквально передано как «Чигучэн», где термин «чэн» означает укрепленное стенами поселение. В «Цзяньханыпу» при описании смуты во владениях усуней упомянуто, что гарнизон Чигу выдержал многомесячную осаду превосходящих сил противника. Последнее обстоятельство позволяет предполагать наличие если и не неприступных, то вполне солидных фортификационных укреплений вокруг города.

Никаких других сведений о Чигу в письменных источниках нет. Все ранее предполагаемые локализации Чигу страдали одним существенным недостатком – они были связаны с конкретным археологическим памятником, относящимся к античному времени. Письменные источники достаточно определенно указывали на район юго-восточного Прииссыккуля – от р. Тосор до р. Тон. Точную локализацию затрудняла путаница в древних картах, на которых Чигу были отмечены не только на Иссык-Куле, но и в Кочкорской и даже в Чуйской долине. Ученые, специально исследовавшие этот вопрос, полагают, что на древних картах, видимо, нет путаницы. Разнобой был вызван тем, что на картах обозначался не сам «Город Красной долины», а различные ставки усуньских кунбагов, местопребывание которых в разное историческое время менялось, но название ставки по традиции оставалось прежним.

В связи с открытием крупного поселения I тыс. до н.э., лишь частично освобожденного из подводного плена озера Иссык-Куль, мы вправе поставить вполне резонный вопрос: а не является ли городище Сарыбулун развалинами так долго и безуспешно разыскиваемого города Чигу?

В пользу правомерности предлагаемой нами идентификации можно выдвинуть следующие аргументы:

1. Городище Сарыбулун расположено на юго-восточном побережье оз. Иссык-Куль, где согласно письменным источникам и должен был находиться исторический Чигу. Прежние поиски учеными развалин этого города не выходили за границы треугольника Тюп – Каракол – Тосор.

2. Большая площадь распространения и плотная насыщенность ее остатками материальной культуры свидетельствуют в пользу того, что здесь была расположена не заурядная зимовка, а крупный по тем временам населенный пункт, среди построек которого были капитальные сооружения. Письменные источники, как было сказано выше, упоминают только один относительно крупный населенный пункт в стране усуней – Чигу.

3. Косвенным подтверждением гипотезы Сарыбулун=Чигу может служить этимология термина Чигу – «Красная долина». А. Н. Бернштам в свое время придавал решающее значение этой этимологии. Он предложил искать Чигу в районах выхода горных пород красного цвета – от Джеты-Огуза до ущелья Джууки. Ровная долина, на которой расположено ранее затопленное поселение Сарыбулун, тоже красная. Красный цвет ей придает обильно растущая здесь невысокая разновидность полыни (верблюжья пустынка) не зеленого или седого, а действительно красного цвета. О причинах необычайной метаморфозы с цветом растений на бывшем дне озера еще скажут специалисты. Для нас важно то, что долину, как в наши дни, так и в древности, вполне – можно назвать красной. Следовательно, можно предположить, что и поселение, расположенное на ней, могло именоваться «Город Красной долины». По сути дела, современный кыргызский топоним Сарыбулун (желтый угол) тоже относится к разряду цветовой топонимики, по законам которой цвет «сары» (желтый) находится в одном ряду с «кызыл» (красный). Оба термина равнозначны, известны варианты топонимов с их взаимозаменой.

Привязка исторического Чигу к определенному городищу имеет важное научное значение. Если дальнейшие изыскания подтвердят наше предположение, то скудная письменная история города – ставки усуньских кунбагов получит не только точную локализацию на местности, но прочную фактологическую базу, покоящуюся на беспристрастных и многочисленных археологических материалах. Отождествление

городища Сарыбулун с Чигу уже сейчас, на предварительной стадии обобщения археологических материалов, позволяет установить многие ранее неизвестные факты, имеющие не только историко-познавательное, но и политическое значение. Важнейшие из них:

1. Чигу не был основан какими-либо иноземцами во II в. до н.э., как это представлено в некоторых современных трудах зарубежных ученых. Он уже существовал, и только впервые упомянут в китайских летописях в связи с событиями этого времени. Жизнь на городище документируется археологическими находками, по меньшей мере, на 500 лет раньше этого первого упоминания, что позволяет предполагать местоположение здесь ставки еще раннесакских вождей.

2. Чигу был не только городом-ставкой кочевого владыки, но и городом ремесленников и земледельцев.

3. Культура оседлого населения Прииссыккулья в I тыс. до н.э. была тесно связана с культурой среднеазиатских поселений и прежде всего Ферганы.

ТОРГОВАЯ ВОЙНА

Несговорчивые ферганцы

В 105 г. до н.э. через усуньскую столицу последовало ханьское посольство во главе с сановником Челином. Тем самым, который присоветовал императору выдать замуж Цветок Лотоса. Гневная принцесса даже не вышла к своим землякам.

Челин направлялся в Давань для покупки «небесных» коней.

С этого все и началось.

Даваньский правитель Мугуа сначала благосклонно отнесся к просьбе посла. Но тут встали на дыбы его советники – богатейшие и знатнейшие люди государства.

– Не продадим! – решили они. – Коням нашим цены нет, а посол хочет расплатиться только шелками.

– Хань – могущественная держава, – заметил Мугуа.

– Ханьцы далеко, – возражали советники. – Что они нам сделают?

Мугуа тоже ничего не мог с ними сделать – ведь конские табуны принадлежали им.

И послу отказали.

Челин не обладал дипломатическим тактом Чжан Цяня. В раздражении он наговорил грубостей и даже, уходя, толкнул в знак презрения статую Золотого Коня – религиозную святыню даваньцев, стоявшую в тронном зале.

Это было уже прямое оскорбление.

По законам гостеприимства посла отпустили целым и невредимым до самой границы. И только там убили, забрав его имущество для возмещения морального ущерба.

Первый поход

Узнав об этом, император Уди направил в Давань шеститысячный отряд во главе со знаменитым полководцем Ли Гуанли.

Войско шло тем же путем, который проложил Чжан Цянь. Но теперь жители городов Восточного Туркестана встретили захватчиков во всеоружии. Чтобы добыть провиант, приходилось брать эти города штурмом. Потери были значительными. И когда остатки ханьских войск добрались до границ Давани, опытный Ли Гуанли понял – надо поворачивать назад. Это был конфуз великой империи. Крах... Кто будет бояться Хань, если Давань не боится?

Могущественный Сын Неба не мог стерпеть поражения. Он мобилизовал все силы империи. На этот раз Ли Гуанли получил 60 000 солдат. Огромный обоз из 100 000 быков, 30 000 лошадей и 100 000 ослов, лошаков и верблюдов сопровождал доблестную армию. Для безопасности прохождения к даваньским границам выделили еще 18 000 человек. В самом войске были даже специальные мастера для отвода воды от вражеской столицы Эрши (город Эрши – Урешта – находился близ современного г. Ош на юге Кыргызстана).

Второй поход

Несметная сила шла на древнюю Фергану. Мало того! Китайский полководец потребовал от усуней, согласно договора, выставить союзную армию. Ведь ему было известно, что кунбаг в состоянии посадить в седло 188 000 воинов.

Кунбаг согласился. И послал 2 000 человек.

...Горными тропами, окольными путями в Чигу пробрался небольшой караван – два десятка всадников и десяток верблюдов с тюками. Оказалось – послы даваньского царя Мугуа с богатыми дарами. Они сказали:

– О великий Кунбаг! Много лет мы живем в дружбе. Мы покупали у тебя баранов, ты покупал у нас пшеницу, ячмень и всякие плоды земные. Всем было хорошо. Зачем идешь на нас? Чем обидели?

Кунбаг Лецзяоми ответил:

– Дружба наша нарушена. Я зять императора. Я пославшего две тысячи. А мог послать в шесть десятков раз больше. Но и этим приказано не вступать с вами в бой.

– Но все-таки послал!

– Для вида. Ханьский главный начальник потребовал. В силу договора. Договор я нарушить не могу. Но говорю вам: ни одна стрела не полетит в вашу сторону, ни один меч не прольет вашу кровь. А при случае, ведь на войне все бывает, эти 2 000 могут стать вашей последней опорой...

Давань в огне

Послы уехали удовлетворенные. Между тем Ли Гуанли вступил в Давань. Запылали городки и усадьбы. По каналам поплыли трупы.

В ответ поднялась вся страна. Многие бежали в Эрши – столицу. И когда ханьская армия подошла к ней, там уже были готовы к встрече. Кроме того, Мугуа послал за помощью к своему союзнику, правителю государства Кангтой (Древний Хорезм). Помощи ждали со дня на день.

Ли Гуанли начал правильную осаду. Специалисты отвели воду от Эрши. Затем в течение сорокадневных боев была разрушена внешняя оборонительная стена.

Мужественный Мугуа приказал отступить во внутренний город: он решил вести борьбу до конца. И простой народ его поддержал.

«Лучшие» люди Давани, т. е. крупные землевладельцы, купцы-богачи, сначала были исполнены воинственного патриотизма. Но когда войско Ли Гуанли вытоптало их поля, разграбило их глиняные замки, настроение «первых» людей резко изменилось. Они уже больше не восхищались мужеством царя и героизмом народа.

– Что терять беднякам? Ведь у них никакого имущества, кроме жизней. Вот они и сражаются, глупцы. Мудрость же говорит: с сильным не борись, с богатым не судись...

– И царь наш с ними заодно.

– Из-за его упрямства и по злонавию безродных оборванцев мы теряем все: и сады, и виноградники, и пашни, и все нажитое отцами...

– Пусть царь заплатит головой за наши убытки! Вокруг благородного Мугуа плелась паутина черной измены.

Как явствует из китайской хроники «Хоуханьшу», все старейшины каким-то образом вдруг в полном составе попали в плен. А, может быть, просто перебежали к врагу, чтобы договориться о мире?

И договорились: царя Мугуа подло зарезали, голову отправили китайскому полководцу.

Мир был заключен. Ли Гуанли получил несколько десятков «небесных» коней (тянь-ма) и 3 000 жеребцов и кобыл более низкого качества. Забрав эти, с таким трудом добытые трофеи, третья часть ханьской армии (все, что от нее оставалось) тронулась в обратный путь.

Усуни тоже вернулись домой – в полном составе, так и не обнажив оружия.

Таковы оказались итоги войны. Разумеется, не знаменитые кони были ее истинной причиной. Ханьское правительство добивалось полного контроля над Шелковым путем. И этой цели оно достигло.

КАК СТРОИЛИ ДВОРЕЦ В ЧИГУ

Ко всему привыкает человек! Свыклась со своим положением и принцесса.

В Чигу был знаменитый рынок (примитивный с точки зрения жителя Чанъани). Здесь местные ремесленники продавали кочевникам зернотерки, грубо сделанную глиняную посуду, песты, молоты, наковальни, точила, серповидные ножи и даже мотыги – кое-кто из скотоводов пробовал обрабатывать землю. Торговля в основном была меновой. На рынок съезжались со всей округи.

Естественно, караваны, идущие из Китая на Запад и обратно, тоже делали привал в Чигу. За летний сезон проходило множество караванов. Караваны были столь многочисленны, что, как писал историк Сыма Цянь, «один не выпускал из виду другого». Ханьские купцы повсю наладили торговлю с Западным краем – «Си юй». Местные скотоводы покупали шелк, готовые платья, изящные безделушки и украшения для своих женщин, а также ремесленные изделия (ножи, чаши, шкатулки и т. п.) – они были гораздо выше качеством, чем грубые изделия местных мастеров.

В обмен китайские купцы увозили шерсть, пушнину, шкуры, кожи, мускус – словом, продукты скотоводства и охоты, угоняли табуны лошадей.

До сих пор находят археологи на берегах Иссык-Куля, в Чуйской долине и на юге Кыргызстана китайские предметы тех времен. И в Китае также обнаружено множество вещей из Западного края.

Усуньские правители и родовые старейшины имели от торговли немалую выгоду. Караваны платили пошлину и оставляли дары. Поэтому дороги ревностно охранялись и попытки грабежей решительно пресекались.

Когда караваны останавливались в Чигу, принцесса имела возможность частенько видеть любезных сердцу земляков. Это было тем более приятно, что купцы всегда привозили ей подарки из Чанъани – императорский двор не забывал ни самого правителя, ни его младшую жену.

Прошел год. Другой. Третий. Четвертый. Пятый. За это время в Чигучэне побывало ханьское посольство. Гордая жена кунбага никогда не жаловалась землякам, но, несмотря на ее надменный вид, опытный взгляд дипломатов определял: несчастна.

Так было вначале. Впрочем, душевное состояние принцессы мало значило в большой политической игре.

Третье же посольство приятно удивилось: Цветок Лотоса вновь расцвела. Худые щечки ее округлились, глаза уже не походили на глаза раненой оленихи. Лицо ее загорело, ибо она частенько проводила время верхом, скакала не хуже прирожденной наездницы, и теперь мало напоминала знатную изнеженную даму из Чанъани.

Старый муж дал ей новое имя – Капризный Верблюжонок и, по-видимому, имя это ее уже ничуть не корбило.

Жила она теперь совсем не в шатре...

Но позвольте по-порядку.

Как-то ночью муж сказал:

– Хочешь, я построю для тебя дворец, как у дазаньских владык?

– А ты можешь?

– Только скажи! – гуньмо сделал вид, что обиделся.

Принцесса от радости захлопала в ладоши. Муж предложил ей «прогуляться» вокруг Теплого озера в течение луны – пока не будет готов дворец.

В радостном предвкушении та отправилась в летнее путешествие. Воображение уже рисовало ей – по воспоминаниям – один из дворцов Чанъани, на худой конец – Лояни. Жизнь показалась ей прекрасной.

Вообще с некоторых пор принцессу покинула хандра. Она полюбила Теплое море. Какие на нем закаты! Морской залив тянулся к городу Чигу между горным хребтом с одной стороны и невысокими увалами – с другой. Солнце, прежде чем утонуть в волнах где-то на западе, окрашивало воды великолепным багрянцем. Тысячи уток, лебедей и других неведомых ей птиц то и дело садились и взлетали с водного зеркала, чуть подернутого поэтической рябью. Горы, облитые розовым, казалось, приобретали невесомость в закатной дымке...

А летним днем неправдоподобно-нежной голубизной светится чудо-озеро!словно драгоценный лазурит в венце малахитовых гор. И, вообще, принцесса постепенно прогрела. Ее восхищали высокогорные долины с изумрудной травой, сумрачные таинственные ущелья, куда с горбатых откосов сбегает стройные высокие ели, шумящие горные реки с хрустальной ледяной водой... В этих речках водилось много вкусной рыбы. Скотоводы не употребляли в пищу скользких гадюк с холодной кровью, зато принцесса разнообразила свой стол с большим удовольствием. В самом озере, в камышовых затонах по вечерам слышно было чавканье, хлюпанье... Сквозь прозрачную воду хорошо просматривались толстые тела длиной в три чи (чи = 32 см), лениво шевелящиеся хвосты и плавники.

И такое богатство почти никто не использовал. Величественные просторы Теплого моря весьма редко бороздили лодки. Рыболовством занимались только подневольные люди – самые, что ни на есть, бедняки.

В течение целого лунного месяца Капризный Верблюжонок в сопровождении свиты наслаждалась поездкой и в то же время с нетерпением ждала возвращения.

Тем временем в столице шла лихорадочная работа. Сам Люй Шу, начальник охраны принцессы, взялся выполнять роль зодчего. Рабам-строителям кунбаг сказал:

– Если угодите моей младшей жене, я устрою вам пир, где вы будете наслаждаться мясом и кумысом уже вольными людьми.

Пока принцесса купалась в священных водах Теплого моря, дворец рос не по дням, а по часам. Рабы-муравьи суежились, Люй Шу грозно покрикивал то на усуньском, то на непонятном для них языке, и дело двигалось.

В конце летнего купального сезона дворец был готов.

Пригласили принцессу.

Приехала. Поглядела. Гомерически захохотала. Потом истерически заплакала. Люй Шу спрятался на всякий случай. Рабы-строители толпой стояли в стороне.

Прибыл сам кунбаг. И восхитился.

– Ай, ай! – крутил он головой. – Пожалуй, не хуже, чем в Давани, а? Чего же ты плачешь?

Дворец представлял собой обширную китайскую сельскую усадьбу, окруженную высоким дувалом. Таких много в Хэнани. А что еще мог построить такой архитектор, как Люй Шу? Такая усадьба была пределом его мечтаний: у шикарных деревянных ворот башнеобразная будка для привратника. Дальше – вместительный, четырехугольный замкнутый двор с утрамбованным глиняным покрытием. По сторонам – хозяйственные постройки: амбар, кухня высокая башня (видимо, на случай осады), туалетные комнаты. В конце двора большой жилой дом – «чудо искусства». Его двухскатная черепичная (а не какая-то камышовая!) крыша пускала под августовским солнцем такие же рыжие зайчики, как и борода самого гуньмо.

Когда же повелитель спешился и вошел внутрь, то и вовсе разинул рот.

Центральная комната – зал – могла вместить добрую сотню пирующих. Две могучие деревянные колонны из тянь шаньской ели подпирали высокие своды. Покоились они на каменных пятиугольных базах неправильной формы. Пол, обмазанный глиной с навозом, глянцево блестел. В зал выходили дверные проемы десятка комнат. В комнате, предназначенной служить спальней принцессы, на столике лежали даже таблички с

древними песнями «Ши-цзин», стопка шелка для письма волосяной кистью, сама кисть и яшмовый сосудик с тушью из сосновой сажи. Хочешь – пиши стихи...

– Пожалуй, я тоже переселюсь сюда, – сказал кунбаг, поглаживая бороду. – Выдели и мне уголок, а?

Кунбаг выполнил обещание: ликующие рабы, дружно потрясая инструментом, уселись прямо во дворе, где им был задан сытный обед – пир. А впереди – свобода. Люй Шу наградили особо – «небесным конем» – аргамаком, которому нет цены. Принцесса, увидев спальню, умилилась. И одарила зодчего подарком – белозубой улыбкой. Для старого Люй Шу улыбка владетельной красавицы, конечно, не аргамак, но тоже кое-что...

...Усадьба располагалась на самом берегу озера. С тех пор местом для уединения принцесса избрала свою башню. Отсюда просматривались весь залив и полоса берега, где женщины стирали белье... С некоторых пор принцесса стала ревновать повелителя к его старшей жене.

– Почему ты не прогонишь ее? – кричала принцесса. – Пусть убирается в свои хуннские степи.

– А она требует, чтобы ты убралась в Чанъань.

– Выбирай: я или она.

– Зачем выбирать? – Кунба отрезал кусок конины, стал жевать крепкими белыми зубами. – Она сама по себе, ты – сама... У каждой из вас – свои жилища. И уж тебе не пристало возмущаться: дни я провожу около тебя, ночи – тоже здесь... Чего только не пожелаешь все для тебя делают... А ведь она – старшая жена...

Принцесса немедленно применила самое древнее женское оружие – слезы.

– Зачем плакать? Кунбаг вытер жирные пальцы полой халата и лишь потом стал гладить жену по голове. – Ты – умная девочка, должна понять: вы не просто жены, вы – залог мира между нашими народами. Пока вы обе здесь, мечи отдыхают в ножнах и люди могут спокойно пасти свой скот...

ДИКИЙ ОБЫЧАЙ

Кунбаг захворал. Младшая жена со слезами на глазах суежилась около него. Но ее скоро оттеснила толстая, могучая дочь степей. Старика перенесли в Большой шатер.

– Эх-хэ... – кряхтел гуньмо. Над старым волком и собака смеется... Что делать? Смерть – незванный гость каждого...

Больной велел хуннуске уйти. По его приказу вновь позвали китайку.

– Скоро умру, – сказал ей гуньмо.

– Я тоже. Не говорил ли ты: хвост повсюду идет за конем.

– Не годится молодости уходить вместе со старостью. Старикам – поминки, молодым – свадьбы...

– Какие свадьбы? – насторожилась принцесса.

– Я совсем одряхлел, – сказал гуньмо. – И чресла мои больше не нуждаются ни в молодых, ни в старых женах.

Усмешка мелькнула в глазах принцессы: разве это новость для нее?

– Мне скоро помирать, – продолжал гуньмо, почесываясь. – Великое Небо заберет меня к себе. Он покряхтел немного, устраиваясь поудобнее.

– Все эти годы я оказывал тебе великое уважение, достойное твоей знатной крови. Мы ценим дружбу Фугфура (императора). Поэтому приняли решение...

Старик начал опять почесываться и кряхтеть. Видно, даже повелителю не всегда удобно произносить некоторые слова.

– Ты уже знаешь наши обычаи: если умирает отец, сын женится на мачехе...

Принцесса наконец-то догадалась.

– Нет! Нет! – закричала она.

– Успокойся. У моих сыновей чересчур много жен. А я люблю тебя и желаю добра. У меня есть холостой внук – Наследник...

Принцесса сразу вспомнила этого Наследника. Они редко виделись, но каждый раз Цветок Лотоса ловила на себе его сумрачный, напряженный взгляд. Он ее пугал...

Внук был действительно холост, но это не значит, что у него не было для утехи рабынь. Однажды она стала свидетельницей, как этот степной богатырь, сидя на коне, со всего размаха ударил плетью рабыню, та свалилась замертво.

Воспитанная в неге, в изысканных манерах, принцесса никогда не видела, как бьют людей плетью. А если бы ее вот так?... Она содрогнулась тогда. Помесью волка и лисицы – вот кем был этот самый Наследник!

– Нет! Нет! – вновь закричала она. – Ведь ты жив? Я не хочу!

– Думай, как будто меня нет. И не забудь: мой внук молод, твой ровесник. Он будет Верховным правителем. Я сказал – ты слышала. А теперь иди: я устал и хочу вздремнуть.

Старый тигр ошибся. «Я сказал – ты слышала» – эта категорическая формула для принцессы «небесной крови» оказалась недостаточной. Она в такой же категорической форме отказалась выйти за молодого Гюнцойми, хотя он и носил титул Сэньцзу – Наследника.

Кунбаг недоумевал:

– Ты маялась со мной, старым. А теперь не хочешь молодого.

– Разве я маялась? Кто тебе сказал?

– Зачем говорить? Если конь питается степной травой, а рядом даваньская люцерна, даже барану ясно, что лучше для коня. Твое упрямство пройдет, как весенний дождик над озером. Потом сама рада будешь.

Принцесса убежала в свою башню и там предалась горестным слезам. Перебирала в памяти все эти годы. Сначала боялась его. Потом стала привыкать. Потом привязалась. Когда усуньская речь стала ей хорошо понятна, принцесса любила слушать добродушные байки повелителя, полные соленого, но меткого юмора – а юмор она ценить умела.

Муж ее не был так уж нежен и ласков, как представлялось ей в тайных девичьих грезах. И все же она вполне довольна: другого ей не надо! Ах, Лецзяоми, Лецзяоми, бесчувственный степной баран! Глупый, недалекий...

Нет, если муж умрет, она уедет назад, в Чанъань. Вытерев слезы, она взяла лютню – цин и стала наигрывать знаменитую мелодию «Думы о возвращении». По легенде, эту пьесу исполняла возлюбленная вэйского князя Чжоу. После его смерти она не пожелала остаться у нового господина и покончила с собой.

А не сделать ли и ей так же?... Принцесса плакала, вздыхала и маялась до зари, пока на чуть светлеющем небе не загорелась Тайбо – Утренняя звезда, которую усунь ласково называли Чолпон...

...Принцесса ошибалась, считая, мужа только добродушным и недалеким. У кунбага были железная хватка и точный расчет. В этом не раз убеждались его враги. Ведь именно Лецзяоми покончил с вековой зависимостью от гуннов и нанес им поражение еще до китайских побед. И теперь кунбаг не мог допустить, чтобы после его смерти китаянка отъехала на родину и тем самым подвергла испытанию установившиеся добрые отношения с империей.

Кунбаг обратился за помощью к очередному китайскому посольству, как раз находившемуся в столице. При посольстве – к счастью! – оказалось несколько мудрецов, знавших наизусть все конфуцианские книги: «Пятикнижие» – «У-цзин» и «Четверокнижие» – «Сы-шу».

Сцепив пальцы с полуторавершковыми ногтями, мудрецы доказывали неразумной девчонке, что, уступив требованиям мужа теперешнего, она не нарушит принципов добродетели и целомудрия, как трактует их Кун Цзы. Послушание – главная добродетель, тем более во имя мужа будущего. Кроме того, нельзя ставить под удар союз с таким могущественным народом – и это очень важно!

Но принцесса отказывалась понимать высокую политику. Напрасно и молодой Гюнцойми скакал на аргамаке перед дворцом. Принцесса видеть его не хотела. И у

Наследника накапливалась обида. Отказать ему, когда даже дед согласился? Ну, погоди, станешь женой – посмотрим.

Кунбаг Люнцзяоми умер. Его похоронили в нескольких ли от Чигу. Похоронили как великого вождя, как героя. Чуть не весь усуньский народ следовал за похоронными носилками. Взрослые мужчины, бывалые воины громко плакали, царапали себе лица до крови. Что же говорить о женщинах? Пронзительные горестные вопли их распугали все живое на много ли вокруг!

Принцесса тоже рыдала. Кончилось ее призрачное с привкусом горечи счастье. Что ожидает впереди?

Кунбага, одетого в роскошные одежды, со множеством золотых украшений опустили в глубокую могилу. Рядом положили оружие, кувшины с напитками и миски с едой. В ногах – любимого коня, чтобы мог он ездить и в потустороннем мире, как подобает мужчине. И еще – раба с рабыней, убитых по такому случаю.

Цветок Лотоса попросила положить рядом с мужем свою драгоценную нефритовую шкатулку: пусть не забывает о ней в загробном мире.

Над могилой соорудили громадный курган. Для этого несколько десятков тысяч воинов трудились много дней, таскали землю в кожаных ведрах и даже в шапках, привозили множество речных камней с далеких рек и бревна горных елей.

(Этот курган можно видеть и теперь, в Тонской долине вместе с курганами других усуньских владык...)

По обычаю Наследник Гюнцюйми взял за себя обеих дедовых жен – хуннуску и китаянку. Хуннуска, естественно, осталась старшей женой, а через год родила сына – наследника Ними.

Цветок Лотоса быстро завяла и через полгода умерла.

Но чего только не сделаешь ради выгодной торговли?

Цветок Лотоса умерла, но союз с Китаем продолжался. Ради укрепления этого союза дом Хань прислал другую принцессу.

Пришло время – умер и Гюнцюйми. Престол до совершеннолетия маленького Ними занял двоюродный брат Гюнцюйми по имени Унгюйми. Этот владетель тоже был связан брачными узами с династией Хань. Империя берегла союзников, охранявших Шелковый путь.

В 71 г. до н. э. Унгюйми предпринял поход (по соглашению с китайцами) на гуннов и увел большую добычу: 40 000 пленных и 70 000 голов скота.

Политика дома Хань давала плоды... Шелковый путь исправно функционировал...

Шестнадцать веков

(Гимн Великому шелковому пути)

Уже в ближайшие десятилетия после смерти Чжан Цяня его план «10 000 ли» начал приносить результаты. Давань и Усунь вошли в сферу китайского влияния. Торговые коммуникации, раньше разрозненные и оторванные друг от друга, теперь слились. Торговые караваны из Китая начинали свой путь от Чанъани и шли к Дуньхуа – городу на границе, у Великой стены. Отсюда расходились уже два пути: северный и южный. Южная ветвь шла через Хотан, Яркенд, Балх, Мерв. Северная – через Турфан, Кашгар, проходила по территории Кыргызстана, т. е. страны Усунь. Здесь она опять-таки разделялась еще на две ветви – вдоль северного и южного берегов Иссык-Куля.

Далее – Фергана (Давань), Самарканд... В Мерве (Туркменистан) обе ветви соединялись. А за Мервским оазисом тянулись дороги в Парфию и Месопотамию. К берегам Средиземного моря или в Индию.

На этом громадном пространстве народы и племена сменяли друг друга: юэцжи, усунь, тюрки, карлуки, тюргеши, арабы, монголы. Создавались и рассыпались могущественные державы: Кушанское царство, государство эфталитов, Тюркский каганат, Саманиды, Караханиды, империи потомков Чингисхана и Тимур-ленга...

А Великий шелковый путь продолжал действовать. От юрода к городу, от оазиса к оазису, от колодца к колодцу шли и шли караваны, пробирались паломники с посохами, торопились авантюристы всех мастей...

Великий шелковый путь! За всю историю человечества не было равного ему по значению. Тысячу шестьсот лет он действовал с небольшими перерывами. Это – не просто торговый путь. Он – дружеский мост между Востоком и Западом, мирная рука, протянутая двумя половинами человечества друг другу.

Обмен товарами. Обмен культурами. Расширение зримых горизонтов. Познание прародины. И, как следствие – переделка удельно-ограниченного мировоззрения на вселенский лад.

Взаимное обогащение – нет, не просто меркантильными товарами. Знаниями! Прогрессом!

Уже в древности Китай получил такие важные сельскохозяйственные культуры, как виноград, люцерну, фасоль, гранатовое дерево, грецкий орех, шафран. Везли в Срединное государство, также стекло, драгоценные камни, ковры, лекарства, косметику и «небесных коней».

Китайская бумага, компас, чай, шелк пришли в Европу с Востока. Не будем перечислять все осязаемые блага, которые принес Путь множеству народов.

По этому Пути прошли Гильом Рубрук, Плано Карпини, Марко Поло и множество безымянных...

Этот Путь вносил Порядок, Содружество и Мир во всеобщий хаос средневековья – по крайней мере в тех местах, где он проходил. Азиатские владыки, степные вожди поняли в конце концов, что грабеж караванов – менее прибыльное дело, чем защита этих же караванов от разбойников. От кочевья к кочевью шли «корабли пустыни» – верблюды, покачивая тюками, и степные богатыри охраняли их от себе подобных.

Сколько историй разыгралось на Великом Пути за 1600 лет! Если бы можно было заглянуть в прошлое!...

Открытие морского пути в Индию Васко де Гамой положило конец этой странице в истории человечества. Но значение этой страницы мы ощущаем и по сей день: ведь сегодняшний мир есть продукт, следствие всех предыдущих эпох...

Заключение

Мы рассказали о трагической судьбе лишь одного затонувшего в водах озера города. Исследователи знают свыше десятка таких городов под волнами Иссык-Куля, которые погибли в результате катастрофы. Какой характер носили эти катастрофы? Академик Л. С. Берг не сомневался: «Подводные развалины на Иссык-Куле, – писал он, – обязаны своим происхождением опусканию части берега вследствие землетрясений».

Катастрофы тектонического порядка на Иссык-Куле, расположенном в высокосейсмичной зоне молодых гор, не редкость.

Опускания суши в отдельных местах были зафиксированы во время сильных землетрясений 1887 г., 1899 г., 1910 г. Это были сильные разрушительные катастрофы, но опускание суши было локальным, на сравнительно небольших отрезках береговой линии, тогда как древние подводные города расположены под волнами всей прибрежной акватории озера, что указывает на единовременную грандиозную катастрофу.

Видный физико-географ А. В. Шнитников, который многие годы изучал озеро Иссык-Куль, пришел к выводу, что уровень озера связан с общими многовековыми климатическими изменениями в северном полушарии планеты. Ученый установил несколько фаз максимального подъема (трансгрессии) и максимального падения (регрессии) уровня воды озера. Период между самыми мощными трансгрессиями, по Шнитникову, равен примерно 1850 лет. Одна из катастрофических трансгрессий была на рубеже старой и новой эры. Она и поглотила славный город Чигу. Другая – на рубеже XVIII–XIX вв. Тогда уровень озера был на 13,5 м выше современного, и часть своих вод через протоку Кутемалды озеро сбрасывало в р. Чу.

На основе изучения многочисленных источников, картографического и археологического материалов кыргызские ученые С. Умурзаков и Д. Винник, лишь частично приняв мнение А. В. Шнитникова, определили четыре фазы высокого и четыре фазы низкого стояния уровня вод озера Иссык-Куль. Наше открытие Чигу позволяет добавить пятую, пока самую древнюю (до следующих открытий) фазу низкого уровня.

Сводку наблюдений ученых можно представить в виде таблицы:

Трансгрессия

1. Рубеж II в. до н. э. – I в. н. э.
2. Около IV–VI вв. н. э.
3. VII–VIII вв. н. э.
4. Вторая половина XVIII – первая половина XIX в.

Регрессия

1. VIII–VII–II вв. до н. э.
2. II–III вв. н. э.
3. Первая половина VII в.
4. XI–XVI вв.
5. XVII – первая половина XVIII в.

С середины XIX в. и до наших дней протекает шестая регрессивная фаза падения уровня озера Иссык-Куль. Выяснить, сколь долго она будет продолжаться и до каких пределов сократится озеро Иссык-Куль, – задача будущих исследований.

Катастрофические трансгрессии озера уже дважды за последние три тысячи лет уничтожали земледелие и памятники земледельческой культуры в Прииссыккулье. Когда начнется третья катастрофическая трансгрессия и какая судьба уготована современной культуре?

КЛАДЫ КЫРГЫЗСТАНА: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

ЛЮДИ И КЛАДЫ (вместо введения)

Едва ли найдется человек, который не хотел бы найти клад. В нашем обыденном представлении это понятие ассоциируется с понятием «сокровище», то есть с несметным богатством. Тема клада стала «бродячей» в фольклорном творчестве многих народов мира. Древние сокровища окутывались таинственностью и мистикой, связанными с потусторонней, «нечистой» силой. Обращались к ней и писатели и поэты. Все помнят «быль», рассказанную Н. В. Гоголем, как «бесовский человек» Басаврюк, бедный парубок Петро и ведьма объединились для отыскания клада («Вечер накануне Ивана Купала»). В трагедии Гете «Фауст» Мефистофель соблазняет призраком клада даже самого императора. Появлялись серии «руководств» по отысканию и изъятию «заговоренных» кладов. Но клады не шли в руки. Отчаявшиеся кладоискатели часто предпринимали предельно рискованный (в условиях средневековья) шаг и ради сокрытых богатств «продавали» свою душу дьяволу. В архивах «Святейшей инквизиции» хранится полный текст договора некоего итальянского аристократа с князем тьмы, составленный в 1676 г. и состоящий из 28 обстоятельных параграфов. Единственной обязанностью дьявола по отношению к вельможе была доставка кладов по первому требованию последнего. Самым удивительным в этом договоре было то, что «правомерность» и «законность» его была заверена подписью нотариуса¹.

Ну это в средние века. А в наши дни? Далеко ли мы, люди, конца XX в., ушли от наших невежественных предков? Оказывается, не очень. Одержимость людей, захваченных идеей кладоискательства, периодически «подогревается» прессой, когда непроверенные, а зачастую просто вымышленные сведения о кладах «доводятся до сведения» миллионов. В США, к примеру, неоднократно издавались книги с интригующими названиями вроде «Подлинная карта пиратских сокровищ, потерянных или спрятанных на земле и в водах Флориды», «Атлас сокровищ» и ряд им подобных. Они содержат сведения о «точных» местонахождениях многочисленных (и многомиллионных!) пиратских кладов, а также координаты около 5 тысяч затонувших кораблей с золотым и серебряным грузом. Ну как не купить такую книгу? Ведь достаточно, проштудировав ее, приобрести лопату или акваланг, и роскошная жизнь обеспечена! Отметим, однако, что ни один из тысяч кладоискателей, руководствующийся этими «подлинными» путеводителями по кладам, до сих пор так ничего и не нашел, зато каждый из авторов их значительно увеличил свой банковский счет. Тем не менее поиски кладов продолжаются. Коснемся только самых недавних событий.

В марте 1988 г. филиппинские газеты сообщили сенсационно-детективную новость о тайных поисках клада, санкционированных главой государства. Речь шла о самом крупном кладе (если это не миф) в истории человечества.

...Американские войска под командованием генерала Макартура 16 февраля 1945 г. начали решающее наступление на остров Луссон и столицу Филиппин Манилу. Трехсоттысячная японская армия сдерживала натиск янки. Однако два грозных форта, расположенных на островах близ столицы, на удивление легко были уничтожены всего одним американским десантным судном. Оказалось, что в казематы фортов удалось закачать и поджечь смесь бензина и дизельного топлива – форты сгорели и рухнули. А 23 февраля пала Манила². Американский генерал Макартур считал эту операцию большой удачей. Японский генерал Ямасита, из всей армии которого в живых осталось только 7 тысяч солдат, как ни странно, полностью разделял его мнение. Дело в том, что, как стало известно в наши дни, накануне американского штурма по приказу генерала Ямаситы в

¹ Рябцевич В.Н. О чем рассказывают монеты. – Изд. 2-е. – Минск, 1977. – С. 32.

² Мировая война. 1939–1945 годы: Сб. статей / Пер. с нем. А.А. Дьякона. – М., 1957. – С. 389.

подземных казематах и галлереях этих фортов были спрятаны золото и ценности, награбленные японцами в странах Юго-Восточной Азии, на общую сумму около 200 миллиардов долларов. Поэтому превращение ключевых фортов в оплавленные огнем руины было на руку Ямасите: добраться до его тайников стало неизмеримо труднее.

Однако все тайное становится явным. И тут, как всегда, помог случай. 1 марта 1988 г. под бастионом Сан-Лоренцо и пороховым погребом под обвалом туннеля погибли двое филиппинских рабочих. Журналистов к месту их гибели не допустили. В связи с этим возник ряд вопросов: кто копает туннель в старом форте? зачем копает? что предполагает найти? почему раскопки держатся в секрете? От властей вразумительных ответов журналисты не получили. А уж коль «запахло» тайной, вездесущие газетчики быстро раскрутили ее. Как сообщила газета «Дейли Иомури», речь шла о «кладе генерала Ямаситы». Охоту за ним вел бывший офицер американских «зеленых беретов», а ныне директор американского Института благородных металлов Чарльз Магдугалд. Он заявил, что располагает картой с примерными местами захоронения сокровищ в тайниках под фортом Сантьяго. Именно здесь Ямасита, как уверял американец, приказал зарыть часть находившегося у него золота на сумму 7 миллиардов долларов (по нынешнему курсу). Но принимавшие участие в захоронении сокровищ пленные и местные рабочие были расстреляны, как же попала карта к предприимчивому янки? Оказывается, ее где-то раздобыл и хранил бывший филиппинский диктатор Фердинанд Маркос. В свою очередь у экс-диктатора ее похитил один из подручных бывшего «зеленого берета».

Несмотря на то, что ведающие делами культуры конгрессмены Филиппин потребовали прекращения тайных поисков японских кладов, которые авантюристы ведут не только в Маниле, но и в других районах страны, правительство, испытывающее серьезные финансовые трудности, продлило разрешение раскопок, данное Чарльзу Магдугалду¹. Дальнейшая судьба поисков «клада века» пока неизвестна.

Кладоискательская тема стала занимать все больше места и в советской периодике. Примеров много. Вспомним серию обширных сенсационных публикаций о кладе Наполеона, сокрытом при отступлении из Москвы по Старой смоленской дороге в одном из озер (Симлевском?). Поиски его долго и упорно вели крупные специалисты подводного плавания, оснащенные новейшими приборами. Однако клад «как в воду канул». Не успели поутихнуть «наполеоновские» страсти, как на смену им пришли «казанские». На сей раз речь идет о несметных сокровищах, утопленных в озере Кабан.

Видный татарский писатель Р. Мустафин на страницах «Комсомольской правды» поведал давнюю интригующую «быль».

Еще в середине шестидесятых годов он познакомился с одним престарелым членом древнего рода, ведущего свое начало со времен Казанского ханства. Он показал писателю почти истлевшие, ветхие документы, выполненные каллиграфическим арабским письмом. Старик уверял, что в них, указано точное место сокрытия – на дне северной части озера Кабан, и содержится опись всей казны казанских ханов. Казна якобы была затоплена в августе 1552 г., когда войска Ивана Грозного осадили город. По словам обладателя документов, казна состояла из трех частей: золотых и серебряных слитков; разнообразных монет из драгоценных металлов с преобладанием русского и арабского чекана; собственно сокровищницы, состоящей из шедевров местных и зарубежных мастеров, преимущественно оружейников и ювелиров. Старик, ссылаясь на древние записи, с трепетом рассказывал об изумрудах величиной с грецкий орех, о редчайших восточных бриллиантах, о диадемах изумительной красоты ...

... Слухи о сокровищах хана постоянно будоражили воображение горожан. Так, одна из местных газет еще до революции опубликовала предложение зарубежной фирмы, сделанное Казанской думе: фирма бралась бесплатно очистить озеро Кабан от многовекового ила, за что все найденное на дне переходило в ее собственность. Казанцы

¹ Известия. 1988. 4 и 10 марта.

хорошо помнили и забавную историю, случившуюся еще в 20-е годы, когда какой-то проходимец основал подпольное акционерное общество по добыче сокровищ со дна озера. Ему удалось порядочно облегчить мошну многих казанских нэпманов и ... вовремя скрыться.

Вполне понятно, что писатель сдержанно (если не скептически) отнесся и к документам, и к их обладателю. Старик ушел, унес с собой документы и вскоре скончался. Р. Мустафин едва ли вспомнил бы эту встречу, если бы не случай. А случилось вот что. В том районе озера, где непонятый потомок казанских феодалов предполагал место захоронения казны, утонул человек. Поиски вели с нескольких лодок железными «кошками». Вдруг одна из лодок зацепила что-то и стала. Подплыли другие участники поиска и сообща стали тянуть за веревку. Несколько дюжих мужчин еле-еле сдвинули груз с места. Но тяжесть была такой, что веревка аж звенела от натуги. Наконец из воды показался небольшой сундук. Все понимающе переглянулись: столь большая тяжесть в таких малых габаритах. Наверняка драгметалл! Когда попытались поднять находку над водой, крюк под тяжестью сундука разогнулся, и он пошел на дно.

Его несколько дней безуспешно искали, используя самые разные подручные средства. Потом пригласили водолазов. Тоже безуспешно. Глубина озера в том месте была всего 5–6 м, но и. слой ила на дне примерно такой же толщины. Судя по всему, сундук под собственной тяжестью глубоко погрузился в ил.

Вот так-то. Хотите – верьте, хотите – нет. Очень многие поверили, и в летний сезон 1988 г. на озере Кабан наблюдалось большое скопление аквалангистов из многих городов нашей страны. Кроме «диких» искателей ханской казны были и организованные в специальную экспедицию, оснащенные новейшим прибором для поиска драгметаллов – биолокационной планкой ... Предложений, как достать сокровища, много: одни уповают на техническую новинку, другие предлагают убрать со дна озера Кабан всю многометровую толщу ила и т. д. и т. п. Поиски продолжаются¹. Только результатов пока нет.

Мог ли последний казанский хан малолетний Утямыш (правил в 1549–1552 гг.), оказавшись в безвыходном положении, утопить свою казну в озере? Мог. Тем более, что мировое кладоведение уже знает подобные легенды. В том же XVI в. далеко от озера Кабан – в Америке – произошел подобный случай.

Кровавый испанский конкистадор Писсаро 17 сентября 1532 г. заманил в засаду и взял в плен последнего правителя государства инков Атауальпу. За колоссальный выкуп ему была обещана свобода. Все инки в течение года носили золото, завоевателям. Наконец испанцы насытились, инсценировали суд и 29 августа 1533 г. убили Атауальпу. Это исторический факт. А дальше начинается легенда ... Вероломные испанцы не знали, что к их столице Хаухе подходил караван из 11 тысяч лам, нагруженных драгоценностями для выкупа. Караванщики, узнав о гибели вождя, тут же утопили все сокровища в глубоких водах озера Пака ... Добавим, что почти пятисотлетние поиски громадного количества золота в сравнительно небольшом водоеме пока не имели успеха.

Из газетных публикаций мы узнали, что наши соотечественники-кладоискатели «вышли на международную арену» и оставили далеко позади своих западных собратьев.

... 17 июля 1730 г. при огромном стечении народа на острове Реюньон (западнее острова Мадагаскар) был повешен один из знаменитых пиратов Оливье Вассера по кличке «Ля Бюз» (Обжора). Юмор не изменил французу даже в преддверии ада. За секунду до того, как палач выбил у него скамейку из-под ног, Обжора бросил в толпу лист бумаги с непонятными значками, которыми якобы было зашифровано название места, где были спрятаны им сокровища. «Найдите клад, кто может!» Это были его последние слова ...

В настоящее время место сокрытия клада – остров Оук, расположенный близ полуострова Новая Шотландия (Канада), похож на поле боя после ожесточенного

¹ Комсомольская правда. 1988. 24 янв.; 1989. 29 янв.

артобстрела или массивированной бомбежки. Он весь изрыт шурфами, траншеями – это следы «несбывшихся надежд», оставлены они многочисленным племенем кладоискателей на протяжении уже более четверти тысячелетия. Ищут одиночки, ищут и целые синдикаты. Результата пока нет, так как шифровку Вассеры прочитать не удалось, и поиски велись вслепую. То было раньше. Сейчас другое дело. В декабре 1988 г. многие газеты страны поместили сообщения, что тайна Обжоры – уже не тайна. Записка его дешифрована рабочим из Ростова-на-Дону Дмитрием Романовым. Он известный в своем городе нумизмат, коллекция которого насчитывает тысячи монет разных времен, народов и стран. Десять лет своей жизни Д. Романов отдал расшифровке записки корсара. Вовсе не специалист, не полиглот, а просто увлеченный человек, Д. Романов изучал древнюю клинопись, арабский, тибетский, японский алфавиты, руны, санскрит ... Наконец, его озарило, и теперь он свободно читает «по-пиратски»: «В море, в норе окна 12 родов ...» Дальше пока опять тайна, так как дешифровщик по вполне понятным причинам не спешит обнародовать полный текст записки Вассеры. «Сейчас я могу точно сказать, где находятся сокровища флибустьера, – скромно заявляет ростовчанин. – По нынешний день его ищут не там: нужно искать не под землей, а под водой». Ростовский нумизмат надеется снарядить международную экспедицию (дело только за спонсором) и твердо уверен, что несколько монет из сокровищ пирата пополнят его коллекцию.

Известны ли подобные прецеденты в богатой практике международного клана кладоискателей? Очень много. Перуанская газета «Кемерско», например, в 1984 г. поместила статью о дерзком морском разбойнике Ричарде Хаукинсе, который якобы зарыл два клада: один близ портового городка Писко, второй – в гроте около пляжа Санта Роса, всего в 50 км от г. Лимы. Статья завершалась весьма необычно: заинтересованным лицам предлагалось звонить по телефону 46-74-92 некоему Уго Роману, который в обмен всего на пять процентов добычи брался сообщить самые точные сведения о кладах Хаукинса¹.

Что же, «есть еще порох в пороховнице» кладоискателей. Нет только найденных кладов. Известно, что ни одна организация, ни один человек с самыми, казалось бы, достоверными картами, документами и планами (за исключением героев романа Р. Л. Стивенсона «Остров сокровищ») еще не отыскивали ни одного клада. Да и мудро отыскать, так как всякая находка клада сопряжена с полным набором пересечения ряда случайностей: случайно, что клад был зарыт именно в этом, а не в другом месте; случайно, что владелец почему-то не смог его изъять; случайно, что наши предки, работавшие в тех же местах, не копали землю на сантиметр глубже; случайно и то, что лопата, нож бульдозера, ковш экскаватора подняли именно тот пласт земли, который скрывал клад; случайно, что ... Много еще случайностей. Этим мы хотим сказать, что нельзя планировать или прогнозировать находки кладов. Нельзя создавать организации по отысканию кладов – они никогда не окупятся. И если кто-то, возбужденный золотыми грезами, попытается создать какой-либо коллектив, кооператив или организацию для поисков «золотого праха», тот напрасно, как свидетельствует практика, растратит время и средства, достойные лучшего применения. С грустью и сожалением смотрим мы, археологи, на многочисленные «дудки», которые роют на территории древних городов Кыргызстана искатели «золотого тельца». Напрасный труд, испорчен памятник истории и культуры ...

Судьба профессионального кладоискателя, как правило, трагична. Поведаем лишь об одной. Легковерные современники прочно связали имя знаменитого английского писателя Стивенсона с полумифическими кладами пиратов. В конце своей жизни писатель купил участок земли на острове Уполу (архипелаг Самоа) и построил там виллу. Баснословная (с точки зрения туземцев) сумма, уплаченная за участок, и прочная репутация писателя как знатока кладов породили легенду, что под домом писателя или

¹ Известия. 1988. 2 дек.; Сов. Киргизия 1988. 6 дек.; Комсомольская правда. 1987. 25 окт.

вблизи него зарыты несметные сокровища. Слухи были настолько убедительны, что богатый владивостокский купец Аким Седых купил усадьбу Стивенсона и дотла разорился в тщетных десятилетних поисках клада. Аким стал бродягой и умер в нищете.

Клад – дитя счастливого случая, но не фантазии и энергии. Его очень редко находят даже профессионалы-археологи. Обычно к сокрытому первой прикасается рука землекопа, пахаря, бульдозериста, строителя. Часто клады находят вездесущие мальчишки. Тема «Дети и клад» не случайно заслужила внимание такого мастера, как Марк Твен («Приключения Тома Сойера»).

Таким образом, главным правилом всякого клада является его нетипичность и случайность находки. Бывают ли исключения? Как и в каждом правиле. Так, несколько лет тому назад один из одержимых – американец Мел Фишер с группой сподвижников после 17 лет теоретических и практических исследовательских работ сумел обнаружить затонувший в 1622 г. близ мыса Ки-Уэст (Карибское море) галеон «Нуэстра Сеньора де Аточа». Из трюмов корабля удалось поднять ценностей на сумму свыше 700 миллионов долларов¹.

Что же такое клад! Энциклопедия дает двоякое определение: «1 – спрятанные, чаще всего зарытые в землю вещи, не взятые владельцем и позднее случайно обнаруженные ... 2 – зарытые или скрытые иным способом деньги или ценные предметы, собственник которых не может быть установлен или в силу закона утратил на них право»².

Для нашей темы больше подходит первое определение.

Иное определение кладов принято в юриспруденции. Оно наводит на мысль о «преступных кладах», то есть о национальных богатствах, похищенных у ранее зависимых народов в период колониального господства капиталистическими хищниками.

Достаточно вспомнить о египетской аванюре Наполеона Бонапарта в 1798 г., в которой кроме прославленных генералов приняли участие и знаменитые ученые Монж, Бертолле, Сент-Иллер, Конте, Доломье, Ларрей, Дженет, Арно, Грамезон и многие другие³. Одна из задач, поставленных перед учеными, заключалась в отборе и транспортировке во Францию бесценных древностей Египта. И если генералы потерпели поражение, то ученые выполнили свою задачу. По возвращении на родину они организовали Институт Египта, который располагал самой богатой коллекцией сокровищ, похищенных на берегах Нила.

Не менее известна авантюра английского дипломата лорда Эльджина, разграбившего афинский Парфенон. Античный храм Победы был украшен бессмертными произведениями древних мастеров Эллады, в том числе и работами, принадлежавшими резцу гениального Фидия (V в. до н. э.)⁴.

Парфенон украшал афинский акрополь около 2000 лет, пока турки, захватившие Грецию, не устроили в нем пороховой склад. В 1687 г. в результате прямого попадания ядра венецианских артиллеристов крыша храма взлетела на воздух. Дальнейшее разрушение храма было делом рук уже не военных.

Английский посол в Турции Томас Брюс граф Эльджин в 1802 г. распорядился снять оставшиеся фризы с Парфенона, упаковать их в 16 больших ящиков и под присмотром секретаря посольства Гамильтона на бриге «Ментор» отправить в Англию. Однако бриг попал в шторм и затонул у острова Кифера. Бесценные творения древнегреческих мастеров оказались на шестнадцатиметровой глубине. Моряки русской эскадры предложили лорду свои услуги, но лорд хорошо знал тягу русских к подлинному антику для украшения и без того прекрасного Санкт-Петербурга и не хотел об этом и слышать. На следующую весну Эльджин нанял ныряльщиков, через два года был поднят

¹ Комсомольская правда. 1987. 25 окт.

² Советский энциклопедический словарь. – М., 1980. – С. 591.

³ Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. Изд. 4-е. – М., 1986. – С. 188.

⁴ Соколов Г.И. Акрополь в Афинах. – М., 1968.

весь груз. Эта операция, включая стоимость «Ментора», обошлась дипломату в 5 тысяч фунтов. Правда, лорд не остался внакладе, так как оптом продал всю коллекцию Британскому музею за 35 тысяч фунтов¹. Знаменитые фризы находятся там и по сей день.

Злодеяния английского дипломата, довершившего разрушение шедевра зодчества общечеловеческого значения, не забыты народом Греции. Имя его стало именем нарицательным. Сейчас «элджинами» зовут всех, кто пытается похитить и тайно вывезти за рубеж древнегреческие археологические сокровища.

Ну да это все произошло почти два столетия тому назад, когда в мировой политике господствовал «закон джунглей». А как обстоит дело с «преступными кладами» в наши дни? Негативных примеров, к сожалению, множество. Остановимся лишь на последнем особо шумевшем случае.

...4 ноября 1922 г. Величайшая в истории археологии находка – археолог Говард Картер открыл в Египте, в Долине царей неразграбленную гробницу фараона Тутанхамона (правил в XIV в. до н. э.). Четыре погребальные камеры были заполнены сказочными сокровищами. Находка взбудоражила общественное мнение всего просвещенного мира и вызвала такой интерес, какой выпадал до тех пор на долю лишь одного археологического открытия – открытия Шлиманом Трои. Несколько лет большой коллектив ученых извлекал и скрупулезно описывал сокровища, составляя полный реестр всех находок. Репутация руководителя работ археолога Картера была если не выше, то и не ниже, чем у жены Цезаря². И тем не менее ...

В марте 1988 г. газеты многих стран, особенно Англии и Египта, стали писать о тайне замка «Хайклиэр». Его новый хозяин – седьмой по счету лорд Карнарвон, вступая в наследное владение родовым имением после смерти своего отца, сделал неожиданное открытие. В одной из комнат огромного дворца он обнаружил неизвестное крупное собрание произведений древнеегипетского искусства. Среди трехсот (!) предметов-сокровищ выделяется маска фараона Аменофиса III – деда фараона Тутанхамона. В коллекции бесценные статуэтки, ювелирные изделия ... Как же попали сокровища древних царей солнечного Египта на землю туманного Альбиона? Ларчик был открыт просто.

Газета «Таймс» сообщала, что право на раскопки в Долине царей, где хоронили фараонов, принадлежало не известному археологу Говарду Картеру, а деду нынешнего владельца замка «Хайклиэр». Карнарвон пятый получил это право еще в 1914 г. и финансировал работы археолога. Полагают, что именно Картер и предоставил своему «спонсору» древнеегипетские произведения искусства, тайно вывезенные из Египта.

Та же «Таймс» пыталась выяснить и причину того, что сокровища не стали известны ученому миру. Выдвинуто две версии: романтическая и, увы, весьма прозаическая.

Открытие гробницы Тутанхамона в 1922 г., согласно первой версии, обернулось трагедией для Карнарвона-деда – он скоропостижно скончался от укуса безобидного москита. В последующие месяцы и годы люди, связанные с раскопками гробницы, тоже умерли при весьма странных обстоятельствах. Возникло суеверие о «проклятии Тутанхамона», опасаясь которого лорд Карнарвон шестой и упрятал подальше египетскую коллекцию своего погибшего отца.

По другой версии, наследник древностей и слышать не желал о Египте не потому, что там умер его отец, а потому, что золотые времена Киплинга миновали. Карнарвону шестому пришлось вернуть египетскому народу значительную часть сокровищ из гробницы Тутанхамона, а другую часть срочно продать нью-йоркскому музею «Метрополитен». Естественно, что в изменившихся политических условиях хозяева

¹ Ланитцки Г. Амфоры, затонувшие корабли, затопленные города / Пер. с нем. В.А. Сеферьянца. – М., 1982. – С. 143-144.

² Керрам К. Боги, гробницы, ученые: Роман археологии / Пер. с нем. А.С. Варшавского. – М., 1963. – С. 172-194.

«Хайклиэра» предпочли «забыть» об оставшихся трехстах произведениях древнеегипетского искусства. О них ничего не знал даже законный наследник.

Официальный Каир решительно потребовал возвращения части коллекции из гробницы Тутанхамона законному владельцу – народу Египта. Однако в настоящее время трудно сказать, будет ли выполнено это вполне обоснованное требование¹.

* * *

Клады и собственность появились, вероятно, одновременно, то есть около пяти тысяч лет тому назад. Древнейшие из них относятся к энеолиту и даже к концу неолита².

Клады делятся на три основные разновидности:

- имеющие только научную ценность;
- имеющие только материальную ценность;
- имеющие и научную, и материальную ценность³.

Деление это весьма и весьма условно. Оно распространяется только на территорию нашей страны, так как любые древности, которые, казалось бы, имеют только научную ценность (изделия из бронзы или, например, керамика), высоко ценятся на антикварных рынках за рубежом.

На территории Средней Азии найдены клады всех трех упомянутых разновидностей и почти всех хронологических эпох.

1. СОКРОВИЩА МИНУВШИХ ПОКОЛЕНИЙ ЗНАМЕНИТЫЕ КЛАДЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Культура – это то, что остается, а все остальное уйдет,
как и положено в этом приходящем и уходящем мире.

Чингиз Айтматов

Богатые клады бывают и в бедных странах, а вот клады, которые становятся культурным достоянием человечества, находят только на территориях, которые стали очагами мировой цивилизации. Одним из таких очагов была Средняя Азия. В древности часть ее входила в зону политического и культурного влияния державы Ахеменидов (VII–IV вв. до н. э.), которую сокрушил Александр Македонский. На развалинах его империи вскоре возникли эллинистические государства Селевкидов и (несколько позже) Греко-Бактрия. Мощное культурное влияние высочайшей греческой цивилизации на Среднюю Азию намного пережило время существования самих эллинистических держав. Однако нельзя считать, что иранские или греческие «добрые дядюшки» несли ростки своей богатой культуры и бережно высаживали ее на почву Средней Азии. Если бы она была «каменистой и сухой», здесь не прижился бы даже самый неприхотливый чужеземный культурный росток. Но почва была благодатной. Здесь была чудная страна. В оазисах Ферганы, Согда, Хорезма, Бактрии, Маргианы, Парфиены было обилие городов и поселений с дворцами и храмами своеобразной архитектуры, хорошо возделанные поля, сады, виноградники, развитая ирригационная сеть. В этих оазисах жили труженики, воины и мудрецы, которым дивились иноземцы. Здесь истоки одной из древнейших мировых философско-религиозных систем – учения Зороастра. Здесь не только воспринимали, но и сами влияли.

Горы и степи Средней Азии всегда служили приютом для скотоводов, которые создали свою яркую самобытную культуру. Прекрасные образцы ее украшают музеи Кыргызстана и Казахстана. Они свидетельствуют, что тут не было лишь механического восприятия чужеземного культурного влияния. Только лучшие и «практичные»

¹ Известия. 1988. 13 марта.

² Советская историческая энциклопедия. – Т.7. – М., 1965. – С. 394-395.

³ Газиев А. Люди и клады // Литературный Киргизстан, 1988. – №6. – С. 123.

достижения иранцев и греков становились достоянием степной культуры. В свою очередь чужеземная культура немало восприняла от кочевников, особенно в скотоводстве и военном деле. Таким образом, шел постоянный культурный взаимообмен между различными и разноязыкими народами, из сплава которых рождались новые народы с новой культурой.

Оседлое население оазисов всегда находилось под угрозой опустошительных набегов всадников с севера Средней Азии. Горожане долго отсиживались за толстыми стенами, но и они были не столь уже неодолимым препятствием. Первым дрогнуло, а затем пало государство Селевкидов. Один из вождей сакского племени парнов (дахов) Аршак около 238 г. до н. э. завоевал селевкидскую область, Парфию, которая располагалась к северу и югу от хребта Копет-Даг. Аршакиды (потомки Аршака) постепенно отняли большинство земель у Селевкидов. С запада их теснили римляне. Последним марионеточным царем из династии Селевкидов был Антиох XIII, которого в 69 г. до н. э. утвердил на троне римский полководец Лукулл. Через некоторое время его прогнал Помпей Великий. Антиох XIII бежал в пустыню, где его зарезал какой-то арабский шейх. По соглашению 92 г. до н. э. между Римом и Парфией границей, разделившей империи, стала река Ефрат. Войны между Парфией и Римом шли с переменным успехом. В 266 г. Парфия развалилась под ударами новой иранской династии Сасанидов.

Ободренные успехами парнов в борьбе с ранее несокрушимыми Селевкидами, родственные им кочевые племена саков и тохаров между 140 и 130 г. до н. э. разгромили другое эллинистическое государство – Греко-Бактрию. В начале новой эры из пяти крупных вождей кочевников выделился Куджула Кадфиз – основатель династии Кушан. В состав Кушанской империи в разное время входили значительная часть Средней Азии, Афганистана, Западного Пакистана и Северной Индии. В IV в. Кушанское царство ослабело и под натиском Сасанидов и возвысившихся индийских Гуптов распалось на ряд мелких княжеств¹.

Таков политический фон развития культуры Средней Азии. В начале нашей эры Парфия и Кушанское царство наряду с Римом и империей Хань составили четверку самых могущественных держав мира. Они воевали, но и торговали. Проложен Великий шелковый путь. По нему продвигались не только товары, но и идеи. В культуре Парфии и Кушан отражались их этническая пестрота и сильная струя иноземных влияний.

Традиции и инновации в культуре народов Средней Азии времени Ахеменидов, Аршакидов и Кушан ярко отразились в знаменитых кладях, найденных на территории Современных республик Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан и Кыргызстан. Сейчас составы этих кладов широко известны. Им посвящены объемные тома специальных исследований на многих языках. Они принадлежат истории мировой цивилизации.

Клад Окса

Обратимся к одному из самых известных кладов Северной Бактрии, который был обнаружен в Средней Азии, разграблен в Афганистане, перекуплен в Индии, доставлен в Англию и составил жемчужину знаменитого Британского музея в Лондоне. Это так называемые «сокровища Окса», или Амударьинский клад.

История его обнаружения и даже введения в научный оборот раскручивается, как настоящий детектив.

Весной 1880 г. бухарские купцы Вази ад-Дин, Гулям Мухаммед и Шуркер Али шли с караваном из Самарканда в Индию. И опять на сцену выступает его величество случай. Случайно купцы узнают, что жители Кобадына в 1877 г. нашли бесценные сокровища у размытых берегов Амударьи, рядом с древней крепостью Тахти-Кувад. Купцы знали, что английский наместник Индии лорд Литтон – археолог-любитель и собиратель древностей,

¹ Кошеленко Г.А. Культура Парфии. – М., 1966. – С. 12-48; Фрай Р. Наследие Ирана. – М., 1972. – С. 244-254, 275-278.

он даст хорошую цену за шедевры из золота, поэтому их надо скупить у простаков-дехкан. Сделка была заключена, и купцы, упаковав драгоценности, продолжили путь. Караван был уже на пути из Кабула в Пешевар, когда разбойники из соседнего кочевого племени напали на него и разграбили. Это произошло в один из майских вечеров 1880 г. Одному из слуг удалось бежать, и в 9 часов вечера он явился на пограничную заставу в долине Тезин к английскому капитану Ф. Бартону.

Позже Бартон в стиле Конан Дойла описал картину своего нападения на грабителей. Вот он с двумя ординарцами внезапно появляется среди ночи в пещере. Здесь грабители яростно делят так внезапно свалившиеся на них сокровища. Уже валяются раненные. Остальные так заняты дракой, что не заметили появления капитана. Храбрый воин обращает грабителей в бегство, но, не желая рисковать, сам приводит остаток ночи в пещере.

На другой день разбойники, боясь, как бы Бартон не двинул войска против их кочевий, добровольно явились в пограничный лагерь и возвратили большую часть добычи. Благодарные купцы уговорили храброго капитана принять от них золотой браслет прекрасной работы, который являлся украшением сокровищницы. Для истории следовало все записать. И по инициативе Бартона один из купцов, а именно Вази ад-Дин, показал, что золотые и серебряные украшения, сосуды из золота, серебряные и золотые идола, а также знаменитый браслет были ими куплены у жителей побережья Окса. Жители утверждали, что они найдены в одном месте и относятся ко времени Александра Македонского, а также, что часть сокровищ уже была ранее отправлена вице-королю Индии лорду Литтону.

В Равалпинди клад был продан перекупщикам, постепенно скуплен генералом А. Каннингхемом, затем он попадает к коллекционеру У. Франку и лишь от него переходит в Британский музей. При поступлении в Британский музей, в 1897 г., эта коллекция была зарегистрирована лаконичной записью как «большое количество утвари и художественных изделий преимущественно из золота, присланных в Англию некоторое время тому назад с северо-западной границы Индии».

Сокровища Окса насчитывают без малого 200, главным образом золотых, предметов и почти полторы тысячи монет. Столетие спустя после находки они впервые демонстрировались в Государственном Эрмитаже, в стране, на территории которой некогда были обнаружены. В ответ в Британский музей была отправлена на экспозицию эрмитажная коллекция «Сибирское золото». Этот обмен выставочных коллекций был не случаен, так как стиль предметов и художественные особенности коллекции «Сибирское золото» и Амударьинского клада во многом перекликались и дополняли друг друга. Немало изделий было выполнено в так называемом скифском или сакском «зверином» стиле, для которого характерно переплетение множества фигур в одном сюжете. Этот стиль был типичен для курганных памятников от Монголии и Горного Алтая, Тянь-Шаня и Памиро-Алая до Причерноморья.

Что же это за предметы?

Вот перед нами культовые статуэтки из золота и серебра, миниатюрная изящная модель полного комплекта колесницы, изображения жрецов на золотых пластинах, пара массивных браслетов со змеиными головками «звериного» стиля и тесно связанные с ними фигурки животных IV–III вв. до н. э. по происхождению явно из кочевого мира. Аналогичные предметы были обнаружены в курганных могильниках (так называемых «царских» погребениях саков) в Центральном Тянь-Шане И. Кожомбердиевым, в Турасуйском могильнике на Иссык-Куле – В. Мокрыниным, на Памире – Б. А. Литвинским и его таджикскими коллегами, в Семиречье – К. А. Акишевым. Особенно близки между собою по стилю, форме изображения литой бегущий олень из Амударьинского клада и такой же джейран из Турасуйского кургана. Ноги обеих золотых фигурок укреплены на прямоугольных пластинках. Причем джейран имеет характерную особенность: одна из его ножек была повреждена и в свое время «отреставрирована»,

правда, довольно неумелым ремесленником. Изображение архара из неграбленного кургана Иссык (близ Алма-Аты) позволило определить предназначение подобных украшений. Они служили навершиями остроконечного колпака сакских вождей. Это чисто сакские предметы ювелирного искусства, выполненные в реалистической манере.

Амударьинский клад содержит разнородные предметы, которые не позволяют точно его датировать. Предметы различны по художественному стилю, а монеты – различного времени. Это склоняет ученых к мысли, что сокровища Окса не были отдельным, единовременным кладом, а составлялись длительное время. Большинство их можно отнести к IV–II вв. до н. э.

Клад ставит перед исследователями много вопросов. И один из первых: чем был клад для его последнего владельца? Скорее всего, это – родовое сокровище, собиравшееся несколько столетий, сокрытое, но не взятое обратно владельцами. Неоспоримым фактом является длительность собирания богатств. Ученые в кладах четко просматривают три компонента, три художественные школы или даже, можно сказать, три мира: эллинистический; местный бактрийский; горно-степной, кочевой¹.

В последний, т. е. в горно-степной, кочевой, мир мы на основании перечисленных выше фактов вправе включить и высокогорные территории Памира и Тянь-Шаня. Вовсе не исключено, что среди сокрушителей эллинистической Греко-Бактрии и созидателей Кубанского царства были сакские племена, обитавшие на Памире. Однако окончательная разгадка тайны Амударьинского клада еще впереди. Каждая новая находка, каждый новый раскрытый курган или тайник античного поселения приближают нас к разгадке этой тайны. Но теперь уже несомненно, что традиции художественного искусства, заложенные местными народами Средней Азии, не исчезали, а были осмыслены, восприняты и развиты последующими поколениями.

Сокровищница парфянских царей (*Подвиг археологов*)

Ни один клад в мире не давался людям с таким трудом. Извлекали его из земли не час, не день, не месяц, а три долгих и тревожных года. Земля, казалось, не хотела расставаться с сокровищем. Она возмутилась, но люди оказались сильнее. И какие люди! В открытии и изъятии клада непосредственно участвовали уже известные науке М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова, а также тогда совсем юные С. Г. Агаджанов, Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский, В.М. Массон ... Что ни исследователь – то имя! Ныне все они – видные ученые, члены-корреспонденты и академики различных академий.

Ну да обо всем по порядку. Начальник Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ) профессор М. Е. Массон в сезон 1946 г. приступил к изучению развалин Старой Нисы. Они располагались всего в 18 км от Ашхабада. В древности здесь был крупный парфянский город Митридаткерт. В нем погребали первых царей из династии Аршакидов, поэтому город считался их родовой святыней². В начале сентября 1948 г. отряд, руководимый Е. А. Давидович, начал раскопки так называемого «квадратного дома», а 25 сентября коллектор Т. Якушова в помещении XI этого дома обнаружила фрагменты изделий из слоновой кости с прекрасными рельефными изображениями лиц, торсов, рук ... Такого еще не было. Открытие!

Однако восторги археологов быстро сменились унынием. Кость слоилась и рассыпалась в пыль от легчайшего прикосновения мягких кисточек. Позже под воздействием солнца и воздуха веками лежавшие в земле творения древнего художника стали коробиться, трескаться и разрушаться сами по себе. На глазах ошеломленных археологов творилось непоправимое: исчезали чудные лики, трепетные руки, добрые взгляды неведомых предков. И вот – нет чудесной красоты. Остался лишь тонкий слой легкой трухи ... Правда, к этому времени молодым ученым удалось выяснить, что они

¹ Зеймаль Е.В. Амударьинский клад: Каталог выставки. – Л., 1979.

² Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Парфянские ритоны Нисы // Труды ЮТАКЭ. Т. VI. – Ашхабад, 1959. – С. 233 (Монография является основой изложения этого раздела).

наткнулись на целое скопление каких-то крупных изделий. Что делать? Как спасти открытие?

В этих условиях начальник отряда принимает единственно правильное решение: работы приостановить, монолит, содержащий сокровища, затенить от солнца, едва расчищенные уже предметы опять присыпать землей, нести ночную охрану объекта. В Ташкент, куда, как на грех, уехал профессор М. Е. Массон, полетела телеграмма ...

Катастрофа всегда приходит неожиданно-негаданно. В ночь с 5 на 6 октября в 1 час 15 минут земля застонала, вздыбилась. Трещины, провалы, грохот падающих средневековых стен, густой удушливый туман белой пыли. ... В последнее время стихийные трагедии зачастили. Ташкент, Армения, Таджикистан, Казахстан, Кыргызстан, Грузия. То была первая на памяти нынешнего поколения – ашхабадское землетрясение 1948 г. Погибла часть экспедиционных землекопов в кишлаке Багир. Остались под руинами шофер и хозяйственная работница. Некоторые члены ЮТАКЭ получили травмы, другие были в шоке. Но все это было ни в коей мере несравнимо с тем, что постигло Ашхабад.

Мог ли любой другой начальник экспедиции, кроме М. Е. Массона, в таких условиях даже подумать о продолжении археологических работ? Едва ли. А М. Е. Массон, преодолевая трудности (отсутствие рабочих, средств, продуктов питания), непонимание (кому тогда нужны были какие-то превращавшиеся в прах изделия из слоновой кости?), административные барьеры (въезд в зону катастрофы был закрыт), погодные условия (необычно раннее наступление холодов), сделал все для того, чтобы спасти открытие.

Основатель ташкентской школы археологов Средней Азии Михаил Евгеньевич Массон (1897–1986) происходил из обрусевшей французской семьи, его предки прибыли в Россию в начале XIX в. С 1912 г. он участвует в раскопках городища Афрасиаб. Позже прапорщик-артиллерист М. Е. Массон был призван в действующую армию на германский фронт. В 1918 г. возвращается в Туркестан, где участвует во всех мероприятиях, связанных с изучением, охраной и реставрацией памятников старины, работает директором Самаркандского областного краеведческого музея, возглавляет ряд археологических экспедиций, в том числе и на территории Кыргызстана. Перу М. Е. Массона принадлежит свыше 350 опубликованных научных работ. Он доктор археологии (1936), доктор исторических наук (1949), заслуженный деятель науки Узбекской ССР (1944) и Туркменской ССР (1949), действительный член АН Туркменской ССР (1951). Профессор М. Е. Массон был крупнейшим авторитетом для всех археологов Средней Азии. Ныне его ученики – основная сила среднеазиатской археологии. Они работают в научных учреждениях Москвы, Ленинграда и всех республик Средней Азии. В Кыргызстан из «птенцов гнезда Массонова» прибыли археологи П. Н. Кожемяко, И. Г. Галочкина, В. Д. Горячева, М. Н. Федоров.

Уже 25 числа того трагического октября М. Е. Массон был в Старой Нисе. Вместе с ним к работам приступили А. Ф. Ганилян, Б. А. Литвинский, М. С. Мершиев. В начале ноября к ним присоединились реставраторы высочайшей квалификации А. В. Кирьянов (Москва) и В. Н. Кононов (Ленинград). Прежде всего, соорудили землянку с очагом. Строительным материалом служили обломки досок, извлеченные из развалин. Радовались каждой целой банке, каждому гвоздю. На следующий день приступили к расчистке объекта. Он производил гнетущее впечатление. Археологи работали весь световой день. Орудия труда – только иглы дикобраза и тончайшие колонковые кисточки. После обнажения двух-трех квадратных сантиметров поверхности слоновой кости ее закрепляли раствором целлулоида в ацетоне. Потом та же процедура повторялась со следующим участком. И так изо дня в день, с утра до вечера. Дни стояли необычно холодные, заморозки, иней, руки мерзнут. Но простудиться – не смей! М. Е. Массон отправлял таких в землянку, резонно опасаясь, что невольный кашель, а еще хуже чихание, разрушит и так «дышащую на ладан» слоновую кость. А тут еще ежедневные разной силы подземные толчки долго затухавшего ашхабадского землетрясения!

Работы осложнялись тем, что археологи плохо представляли себе методическую сторону дела. Реставраторы заявили, что мировая практика еще не знала ничего подобного, поэтому технические приемы извлечения из земли предметов резной слоновой кости рождались прямо здесь, на Старой Нисе, в нелегкие ноябрьские дни 1948 г. Наконец найден оптимальный режим очистки, подобран нужный раствор клея БФ для закрепления и пропитки, выработана методика изготовления разъемных гипсовых блоков, которые, как в саркофаг, заключались хрупкие древности. Участники экспедиции научились возрождать шедевры, как правило, распавшиеся на 120–360 мелких фрагментов, придумали наиболее надежные подставки для них, продумали безопасный способ транспортировки.

Что же все-таки нашли археологи? Для ясности сразу расскажем о конечном результате. «Квадратный дом», с раскопок которого все началось, оказался сокровищницей парфянских царей, построенной в конце III – начале II в. до н.э. Вдоль стен квадрата (59,7 x 59,7 м) было по три продолговатые комнаты, соединенные между собой проходами. Выход во внутренний дворик был только из средних помещений. В каждой из комнат было по четыре колонны. Окон не было¹. По мере заполнения комнаты сокровищами двери ее замуровывали толстой кирпичной кладкой и опечатывали. Видимо, со временем все двенадцать помещений были заполнены богатствами парфянских царей, так как все выходы во внутренний дворик ко времени разрушения здания были замурованы. Конечно, ни толстые стены, ни специальные печати не уберегли сокровища от разграбления. Но воры почему-то пренебрегли высокохудожественными ритонами из слоновой кости, которая сама по себе ценилась не ниже золота. Видимо, в момент разграбления сокровищницы ценная кость уже утратила товарный вид. Только поэтому, на наш взгляд, археологам досталось девяносто (!) ритонов. Находка любого из них даже в единственном экземпляре была бы крупным научным событием.

Что такое ритон? Это рогообразный сосуд для питья. Он восходит к естественному полому рогу парнокопытного животного (бык, баран, козел). Первым в качестве сосуда использовал рог для питья, вероятно, еще первобытный охотник или древний скотовод. Естественный рог до сих пор украшает знаменитое кавказское застолье. (Девиз такого сосуда: «Пей до дна», ибо, если он наполнен, его никак не поставишь на стол!) Уже в глубокой древности ритоны стали делать из глины, металла, возможно, из дерева. В античное время такие сосуды были распространены в Средиземноморье, Месопотамии, Причерноморье, Иране. В Средней Азии ритоны найдены в Тохаристане, Согде, Хорезме². Ритонами пользовались и скотоводы Кыргызстана. В 1973 г. в Кетмень-Тюбе найдена золотая пластина, на которой изображена коленопреклоненная женщина с ритоном в руке (V–III вв. до н.э.). При большом увеличении видно, что сосуд завершался изображением головки козла³.

Что представляли собой нисейские ритоны? Это изогнутые ро-гообразные сосуды с высоким стволом. Размеры их различны. Есть ритоны высотой до 60 см и емкостью около полутора литров. Есть и совсем «маленькие» – вмещающие только поллитра жидкости. В большинстве из них можно налить от трех четвертей литра до одного литра. (Как видим, в любом случае принцип «пей до дна» практически осуществить было не так-то просто).

Ритоны были выточены из слоновых бивней на каком-то станке. Все они искусно составлены из нескольких частей. Нижний конец каждого сосуда украшен скульптурной фигуркой, в которой устроено отверстие для слива напитка. У раструба – фриз с многофигурной рельефной композицией. Отдельные детали ритонов сделаны из драгоценных металлов с вставками из самоцветов и стекла. Весь комплекс изделий датируется II в. до н. э.

¹ Кошеленко Г.А. Культура Парфии. – М., 1966. – С. 12-48.

² Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Парфянские ритоны Нисы // Труды ЮТАКЭ. – Т. VI. – Ашхабад, 1959. – С. 233.

³ Мокрынин В.П. По следам прошлого. – Фрунзе, 1986. – С. 52.

В изображениях на ритонах чувствуется рука не одного мастера. Есть экземпляры, которые сделаны резчиками очень высокого художественного дарования. У других исполнителей таланта поменьше, ремесленных, чисто профессиональных навыков побольше. А в целом творчество этих мастеров принадлежало если не к одной мастерской, то к одной восточнопарфянской школе высококвалифицированных резчиков по кости.

Создается впечатление (если смотреть только па ритоны), что раннепарфянские художники, а следовательно, и их заказчики, были очарованы греческим искусством и мифологией. В глазах недавних степняков престижным становится все греческое: скульптура, театр, одежда, архитектура. На фризах ритонов изображены двенадцать богов греческого Пантеона со строгим соблюдением олимпийской иерархии. За редким исключением, они размещены в следующем порядке: Зевс, Гера, Гефест, Афина, Арес, Афродита, Аполлон, Артемида, Деметра, Гермес, Гестия, Посейдон. Есть сцены мистерий, жертвоприношений, божественной свадьбы, отражены вакхические обряды, охота девы Артемиды (или Гестии), изображены Аполлон и музы, Гефест и музы, иллюстрации к драме Еврипида «Вакханки» и др. Естественно предположить, что парфянской знати был вполне понятен смысл этих изображений. Раннепарфянская верхушка быстро эллинизировалась. Этот процесс отмечен и письменными источниками. Так, царю Ороду II (правил в 57–37 гг. до н. э.), как сообщает Плутарх, «были не чужды греческий язык и литература». В момент, когда перед царем бросили голову разбитого парфянами у города Карры (53 г. до н. э.) римского полководца Марка Красса, Ород наслаждался декламацией стихов Еврипида из «Вакханок».

Однако парфянские резчики не слепо копировали греческие образцы. Лица богов и людей далеко не греческие. Облик их восточный. За образец взят тип населения Восточной Парфии, одежда «варваризирована», лики в основном фронтальны, что чуждо греческому искусству и характерно для раннепарфянского. В целом греческие образы и сюжеты на ритонах сильно преломлены через парфянскую призму¹.

Это характерно и для скульптурных фигурок, украшающих концы ритонов. Они изображают различных львоподобных крылатых и рогатых грифонов, крылатых кентавров и кентаврид, священного человекобыка Гопатшаха и даже... крылатого слона. Некоторые из них (рогатые львы, Гопатшах) – образы восточной мифологии, другие (кентавры) – существенно отличаются от традиционного греко-римского образа, прежде всего крыльями.

Таким образом, археологи ЮТАКЭ совершили подвиг, извлекая из небытия ценнейший клад, свидетельствующий о «филэллинском» этапе в развитии раннепарфянского искусства. Однако позже, «переболев» Элладой, парфянское искусство вернулось к древнеиранским традициям и сюжетам².

...Летом 1951 г. после тщательной и успешной реставрации в Ташкенте, Москве и Ленинграде нисейские сокровища вернулись на родину. Сейчас они украшают экспозицию Музея истории в Ашхабаде. Специальным решением Президиума Академии наук Туркменской ССР несколько экземпляров парфянских шедевров были выделены для Музея восточных культур и Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в Москве. Нам удалось ознакомиться с ритонами Старой Нисы в Ашхабаде. В залах необычная для города прохлада и ... ритоны, ритоны, ритоны... Какая-то умиротворяющая красота минувших тысячелетий. Подлинная красота дела рук человеческих, которая была и будет ценима во все времена.

Дальверзинский клад

В 1967 г. видный советский искусствовед и археолог, ныне академик АН Узбекистана почетный доктор Страсбургского университета, профессор Г. А. Пугаченкова начала стационарные раскопки городища Дальверзинтепе. Мертвый город

¹ Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Очерки искусства Средней Азии. – М., 1982. – С. 270-271.

² Фрай Р. Наследие Ирана. – М., 1972. – С. 271.

расположен в Южном Узбекистане на берегу Сурхандарьи. Возник он как небольшое греко-бактрийское поселение еще в III – II вв. до н. э. Со временем разросся, был обведен мощными стенами. В стенах были устроены галереи, казематы, а на их гребнях – площадки для стрелков, пращников и камнеметной артиллерии. Над городом возвышалась цитадель, рядом с которой были единственные ворота. Глубокий и широкий ров окружал все фортификационные сооружения. Такое внимание к обороне свидетельствует о том, что жителям города и гарнизону было что защищать. Еще бы! По предположению Г. А. Пугаченковой, именно здесь первоначально был столичный город бывших кочевых юечжей (тохаров), из среды которых вышла могущественная династия Кушан.

Раскопки показали, что город действительно был богат. Неожиданная удача ждала археологов при исследовании одного из жилых домов. Все свидетельствовало о том, что там обитал очень состоятельный человек. В доме было 22 помещения, среди которых вестибюль, зал для приемов, домашний храм, обширная столовая, жилые комнаты, кладовые и даже баня с каменкой. Стены комнат были покрыты многоцветной росписью. Она почти не сохранилась. Реставраторы сумели зафиксировать только небольшой фрагмент, по-видимому, батальной сцены: изображение морды коричневого коня и бородатого мужчины в шлеме с мечом в руках. О богатстве хозяина дома свидетельствовали и находки пока самых древних в стране двух шахматных фигурок в виде быка-зебу и слона. Обе были мастерски вырезаны из слоновой кости. И дом, и роспись, и фигурки, конечно, убедительные, но косвенные и далеко не конкретные сведения об истинном богатстве горожанина.

Сюрприз ожидал археологов осенью 1972 г. в самой неказистой комнате в доме. Она примыкала к столовой, была темная, узкая и длинная, у одной из стен – лежанка-суфа. Да и номер комнаты (археологи нумеруют помещения в порядке их открытия) был тринадцатый (!), что, как всем известно, удачи не сулит. И вдруг именно в тринадцатой комнате начальник раскопа археолог массоновской (ташкентской) школы Т. В. Беляева обнаружила между глинобитными полами целый яйцевидный кувшин с плоским дном. Он был тяжелый. Очень тяжелый...

Для полноты картины обратимся к отчету Т. В. Беляевой, который мы немного сократим, упуская лишь размеры и аналогии. В кувшине находилось 115 предметов, отлитых из чистого золота.

1. Прямоугольные бруски двух размеров и весов: 16 экз. весом 765 – 877 г. и пять весом 358 – 438 г. На некоторых из них имеются надписи, выполненные письмом кхарошти.

2. Тридцать девять дисковидных слитков металла, целых или обрубленных, весом 188 – 538 г.

3. Браслет плоский, весом 872 г.

4. Три браслета с утолщенными концами, вес 375,5 – 455,5 г.

5. Проволочные браслеты (3 целых и 2 обрубка), концы которых оттянуты и спиралевидно обвиты с противоположной стороны, вес 148 – 438 г.

6. Шейное украшение в виде гривны с утолщенными конусовидными концами, подобные браслетам с утолщенными палцами; возможно, надевались в комплекте с ними.

7. Шейное украшение, состоящее из пяти шнуров. Каждый шнур сплетен «косичкой» из восьми проволочек. Шнуры прикреплены к цилиндрическим трубочкам, украшенным напаянными гнездами, в которые вставлены драгоценные камни – чередующиеся малиново-лиловые альмандины и зеленоватая бирюза; форма камней в основном округлая. Вес украшения 282 г.

8. Шейное украшение – пектораль из трех концентрических полукружий, соединенных с одной стороны замком, с другой – фигурно обработанным квадратом, куда вставлена гемма – инталия, на которой изображена голова Геракла и клевец (тип боевого топорика). Вес украшения 212,1 г.

9. Крупная бляха с припаянным ушком. Вес 75,4 г. Бляха передает в очень высоком

скульптурном рельефе изображение извивающегося ушастого зверя, свернувшегося кольцом.

10. Три серьги от разных пар. Две серьги выполнены той же техникой, что и браслеты – путем обмотки стержня тонкой проволокой. Третья представляет собой небольшой полый цилиндр, поверхность которого украшена ромбовидной сеткой, где в каждом отделении техникой зерни напаян шестилепестковый цветок, а сверху припаяно небольшое ушко.

11. Разнообразные заготовки в виде ниток, проволоки, пластинок, трубочек¹.

Вот так клад! В грубом глиняном кувшине было свыше тридцати килограммов золота на сумму (по ныне существующим, явно заниженным ценам) миллионы рублей. Находка Т. В. Беляевой окупилась все расходы Узбекстанской искусствоведческой экспедиции как в прошлом, так и на многие десятилетия вперед. Это подлинное самофинансирование в археологической науке, осуществляемое за счет богатого горожанина, жившего около двух тысяч лет тому назад.

Материальная ценность клада очевидна. А научная? Обратимся к авторитетному мнению первых исследователей сокровищ: «Значение Дальверзинского клада огромно. Не будет преувеличением считать, что в научном аспекте значимость его для истории бактрийской культуры кушанской эпохи такова же, как для ахемединской Бактрии роль знаменитого Амударьинского клада Британского музея»². Клад уже стал эталоном для хронологического и территориального определения вещей I века, найденных случайно, либо хранящихся в музейных коллекциях, дает наглядное представление об ювелирном деле времени «великих Кушан», по надписям на золотых брусках позволяет изучить метрологию того времени.

Состав клада разнороден. Он позволяет судить о процессе накопления фамильных драгоценностей кушанскими вельможами. Археологи установили, что под пол тринадцатой комнаты клад был зарыт во второй половине I века. В его составе есть гораздо более древние вещи, например, массивная пряжка, в кольцо которой вписан «ушастый зверь». Ни по форме, ни по стилю изображения изделие не характерно для Бактрии. Оно уводит нас в мир кочевой культуры гор и степей Евразии. Подобные бронзовые пряжки не раз находили и в курганах кочевников Кыргызстана VII—VI вв. до н. э. С этой пряжкой на ремне, как представляется, предок хозяина клада вторгся в составе юэчжийских орд в Греко-Бактрию откуда-то из-за Сырдарьи. Не исключено, что это была единственная родовая реликвия в семье, напоминающая горожанину-кушану о его кочевом прошлом.

Второй пласт клада состоит из украшений, изготовленных местными ювелирами в соответствии с бактрийскими формами, традициями и вкусами. Это пектораль с геммой, на которой изображен Геракл, цилиндрическая серьга, украшенная сеткой ромбических розеток, браслеты и серьги с «раструбами» на концах и другие. Они составляют меньшую, но все же значительную часть сокровищ, свидетельствующих о росте богатств знати из кочевников уже на земле Бактрии.

Большую часть клада составляют золотые слитки. Надписи на некоторых из них обозначают вес и формулу «Дано богом Митрой»³. Они выполнены письмом кхарошти (разновидность индийского алфавита с армейской письменной основой), распространенным в кушанское время преимущественно в Северной Индии, особенно в области Гандхара. К гандхарским по происхождению составным частям клада относятся сложное ожерелье из пяти шнуров, браслеты и серьги с «закруткой», возможно,

¹ Беляева Т. В. Жилой дом богатого горожанина // Дальверзинтепе. Кушанский горд на юге Узбекистана. – Ташкент, 1978. – С. 41-42.

² Пугаченкова Г.А., Тургунов Б.А. Исследование Дальверзинтепе в 1972 г Древняя Бактрия. – Л., 1974. – С. 66.

³ Воробьева-Десятовская М.И. Надписи письмом кхарошти на золотых предметах из Дальверзинтепе // ВДИ. – 1976. – № 1. – С. 72.

дисковидные слитки, а также заготовки форм будущих изделий (полуфабрикаты), происходящие явно из ювелирной мастерской. Предметы индийской работы в составе клада позволили Г. А. Пугаченковой высказать предположение, что владелец клада принадлежал к кушанской служилой знати. Он мог быть участником походов на Индию при царе Куджула Кадфизе или Вима Кадфизе. Награбленные там богатства были гораздо больше родовых и накопленных в Бактрии.

Как бы там ни было, но пришло время, когда знатный кушан вынужден был прятать свои сокровища. Делал он это в спешке: мелкие ссыпал в узкогорлый кувшин, крупные, которые были шире горловины сосуда, сминал... Ему, остерегавшемуся сиюминутной опасности, и в голову не могла прийти мысль, что только через тысячу девятьсот лет к его сокровищам прикоснется рука человека.

ДРЕВНЕЙШИЕ КЛАДЫ КЫРГЫЗСТАНА

После того была найдена медь и порода железа,
Все-таки в употребление вошла медь,
прежде, чем железо.
Так как была она мягче, притом изобильней гораздо.

Тит Лукреций Кар

Древнейшие клады Кыргызстана были зарыты в землю примерно три тысячи лет тому назад. В то далекое время обширные пространства Приуралья, Сибири, Казахстана и частично Средней Азии были населены родственными племенами с яркой и самобытной культурой бронзы, получившей название *андроновской* (по месту находки первого памятника у с. Андроново близ Ачинска).

В настоящее время довольно хорошо изучены процессы развития и упадка общества эпохи бронзы, его общественная организация, религия и другие явления, связанные с поступательным движением истории. Было установлено, что эпоха бронзы являлась периодом разложения первобытнообщинного строя. Хозяйство было комплексным: земледелие, скотоводство, металлургия. Последняя отрасль получила довольно значительное развитие и выделилась в профессиональное ремесло. Сами андроновцы, как показало изучение черепов, найденных в древних могилах, были европеоидами. Во главе семьи стоял мужчина, однако женщина занимала также довольно высокое положение. Существовал культ огня, жители поклонялись солнцу, верили в загробную жизнь, обожествляли предков. Конец эпохи бронзы (X–IX вв. до н. э.) был ознаменован тем, что по всей степной полосе Евразии, включая территорию Кыргызстана, возникло кочевое скотоводство.

Все эти наиболее общие сведения фокусировались исследователями на различных по своему характеру и значимости археологических материалах. Ученые по крупицам собирали их на протяжении многих десятилетий. Свою лепту в этот общий труд внесли и археологи Кыргызстана¹.

Основными видами памятников эпохи бронзы на территории республики являются поселения, погребения, наскальные изображения и клады. Если погребений и поселений эпохи бронзы открыто еще мало, то по количеству найденных кладов, причем довольно богатых, Кыргызстан занимает первое место в среднеазиатском регионе. Только на

¹ *Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая // МИА. 26. – М. – Л., 1952. – С. 19-20; *Кожемяко П.Н.* Погребения эпохи бронзы в Киргизии // Изв. АН КиргССР. – Фрунзе, 1960. – Т. II. – Вып. 3. – С. 81-192; *Грязнов М. П.* Бронзовый век // История Киргизской ССР. – Т. I. – Фрунзе, 1968. – С. 56; *Абетеков А.К.* Погребения эпохи бронзы могильника Тегермен-Сай // КСИА. – Вып. 93; *Галочкина Н.Г.* Новые данные об исследовании памятников эпохи бронзы // Кетмень-Тюбе: археология, история. – Фрунзе, 1977.

сравнительно небольшом пространстве (от с. Садовое на западе до Пржевальска на востоке) найдено девять кладов.

Первые три клада были обнаружены еще в конце прошлого века на Иссык-Куле. Они хранятся в Государственном историческом музее и в Музее антропологии МГУ в Москве.

1. Тюпский клад. Из четырех предметов. Найден в 1884 г. на берегу Тюпского залива. Был передан Н. Н. Пантусовым в Археологическую комиссию. Хранится в Государственном историческом музее.

2. Каракольский I. Найден в том же году около Пржевальска (Каракола). В кладе было четыре предмета.

3. Преображенский. Из семи предметов. Найден в конце XIX в. у с. Преображенское (ныне с. Тюп). Два последних (названный выше и этот) клада собрал профессор Сорокин и передал в Музей антропологии при МГУ.

4. Сокулукский I. Первый крупный клад, был найден в 1938 г. на правом берегу р. Сокулук у одноименного села при строительстве моста. Клад содержал семнадцать предметов.

5. Сокулукский II. Найден в 1958 г. при зачистке откосов распределителя оросительной системы на землях колхоза «Дружба». Насчитывал 15–17 совершенно одинаковых серпов.

6. В 1953 г. был найден клад из 16 предметов близ с. Садовое.

7. Изумительной сохранности и красоты пять кинжалов с наварскими в виде архара и лошади составили Каракольский II клад. Найден в 1966 г. в Пржевальске.

Эти ценнейшие клады, кроме первых трех, хранятся в республиканском Историческом музее в г. Бишкеке.

В последние годы найдено еще два клада эпохи бронзы (оба хранятся в Музее Института истории АН Республики Кыргызстан).

8. Шамшинский. О нем подробно будет рассказано ниже.

10. Туюкский. Из десяти предметов. Найден в с. Туюк Иссык-Атинского района в 1977 г.

Все эти девять кладов датируются финалом эпохи бронзы, т. е. XII–IX вв. до н. э.¹

Большинство кладов включали самые различные предметы, в основном оружие и орудия труда. Среди них вислобушные топоры, наконечники копий, долота, лопатки-кельты, серпы, тесла, кинжалы, ножи, рыболовные крючки. В землю скрывали и предметы туалета, например, бронзовые зеркала, заколки для волос и бритвы. Здесь же прятали различного типа бляшки с петлями и без них, кольца, шилья, слиточки металла и другие предметы. Набор вещей в кладах выглядит довольно однообразно. Такие клады могли принадлежать большой семье. Выделяются Сокулукский II и Каракольский II клады, содержащие только одинаковые предметы. Такие клады принято называть торговыми или ремесленными. Большое число орудий одного функционального назначения свидетельствует об их производстве для обмена. Какой была древняя торговля на самом деле, мы не знаем. Гомер повествовал, что медные доспехи героя Диомеда оценивались в девять быков, а золотые украшения богини Афины стоили стада в сто быков. Некоторое представление о торговле металлом в первобытном обществе дают этнографические материалы мореплавателей и миссионеров XVII–XIX вв. Так, Джеймс Кук писал, что на одном из островов Океании он за шестидюймовый гвоздь выменял свинью. Еще дороже ценились медь и бронза в Африке. Хороший крепкий раб стоил около 8 кг меди, за одно медное кольцо – «митаку» – отдавали красивую девушку. В 1719 г. некий Роберт Дрюк на побережье Западной Африки на медные кольца и ожерелья выменял 74 черных юношей и девушек, которых переправил в Америку и выгодно продал.

¹ Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ. – Вып. 84. – М., 1966.

Мы вполне отдаем себе отчет, что приведенные выше сведения не вполне корректны. Они дают лишь самое общее представление о меновой стоимости кладов эпохи бронзы. Ясно только то, что для семьи, обитавшей в Чуйской долине или на Иссык-Куле примерно три тысячи лет тому назад, каждый из девяти известных нам кладов представлял весьма значительную ценность.

История Шамшинского клада

Что известно ученым о металлургии эпохи степной бронзы в Кыргызстане? Не так уж много. Химические анализы показали, что рудокопы добывали сырье на различных месторождениях. Одно из них находилось на р. Узун-Ахмат (Кетмень-Тюбе), другое – в Чуйской долине. Уже в то время добывали и плавил медь, олово, мышьяк, свинец, сурьму, золото, серебро. Для добычи руды использовали каменные и бронзовые орудия. Некоторые орудия, судя по находке литейной формы, могли отливаться на месте. Пожалуй, и все.

Настоящей энциклопедией по истории древней металлургии Кыргызстана стал уникальный Шамшинский клад, историческое значение которого выходит далеко за пределы нашей республики.

Все началось с того, что колхозник Тынайбек Джапаров, житель с. Шамши Кочкорского района Нарынской области, копал арык на приусадебном участке. На глубине 30–40 см он наткнулся на предмет, покрытый ядовито-зеленым цветом окиси меди. Тынайбек-аке расширил яму и... сделал открытие самого богатого клада эпохи степной бронзы на территории СССР. Здесь компактной группой в прекрасной сохранности лежало 27 предметов из бронзы: два топора, молоток, два долота, два тесла, три серпа-косаря, копье, бритва, нож, четыре зеркала, четыре бляхи, два кольца, шило, рыболовный крючок, булавка с ажурным навершием, слиток металла. Тынайбек-аке показал находку местной учительнице истории Гульсун Бердалиевой. Кладу повезло, так как Гульсун в студенческие годы увлекалась археологией и знала, что к чему. Учительница сразу же сообщила о нем в Институт истории республиканской Академии. Археолог И. Кожомбердиев выехал на место находки и установил, что там не было ни поселения, ни погребения, ни других следов деятельности человека. Значит – клад!

За него принялись всерьез – комплексно, с применением новейших археологических, химических и технологических методов исследования. Клад «допрашивали» ученые АН СССР, АН Кыргызстана и МГУ им. М. В. Ломоносова. Среди них были археологи, металлографы, химики-аналитики, трассологи. И клад заговорил.

Он был отлит в XII–IX (VIII) вв. до н. э. на месте, так как в его составе есть бракованное долото (бракованные вещи не бывают предметами торговли). Набор вещей в кладе по своей форме специфичен для Кыргызстана, Семиречья, Восточного, Северного и Центрального Казахстана, Алтая. Эти территории, по мнению археологов, входили в единую металлургическую провинцию. Несколько иную картину дают результаты технологического исследования. По своему химическому составу металл изделий Шамшинского клада резко отличен от металла Восточного и Северного Казахстана, но зато очень близок к металлу Урала, части Поволжья и Подонья, а также Семиречья. Состав их настолько близок, что это позволило высказать предположение об использовании руды геохимически родственных месторождений. Однако этот неожиданный для историков вывод требует самой тщательной проверки.

Древние металлурги Кочкорки использовали для литья оловянистую бронзу. Очень редко в дело шла бронза с примесью мышьяка и свинца. Количество олова в сплаве достигало 8%, что очень близко к идеальному (10%) соотношению меди и олова. Медную и оловянную основу бронзы плавил отдельно, а позднее, уже при отливке конкретного предмета, добавляли в медь то или иное количество олова. Мастера заметили, что повышенное содержание олова в сплаве делает металл твердым, но хрупким, уменьшенное – пластичным, но мягким. Тогда мастера при изготовлении орудий ударного действия, нуждающихся в твердости (топор, молоток и т. д.), добавляли от 6,5 до 7,5%

олова. В металл для серпов-косарей, постоянно нуждающихся в заточке, т. е. необходима была повышенная пластичность металла, олова добавляли всего 1,7–5%. Для отливки орудий, имевших большую длину и тонкое сечение (копья, серпы, бритвы), нужны были жидкотекучие сплавы, способные заполнить самые тонкие части формы. И здесь мастера нашли выход: в оловянную бронзу они добавили 1,7% свинца, что сделало сплав текучим.

Предметы отливали как в формах длительного пользования, например, каменных, так и в разовой формовке – в специальном грунте по восковой модели. Этим способом была отлита булавка с ажурным навершием. Формы были открытые, двухсоставные, реже – трехсоставные. В трехсоставной форме была изготовлена бляшка со шпеньком. Формы, судя по остаткам литников, располагались как в горизонтальном положении, так и в вертикальном. При изготовлении предметов с проушинами или полыми втулками (топоры, кельты) применялись литейные штыри из огнеупорных составов.

Литье превалировало над ковкой. Из 27 предметов Шамшинского клада только три выполнены кузнечным способом. Однако поковка входила в технологию изготовления литых изделий.

Кузнечной доработке предшествовал отжиг отливок при температуре 700 – 800°. Он был необходим для придания металлу пластичности, если в его состав входило свыше 6% олова. Кузнечная доработка изделий велась не только с целью устранения дефектов литья, но и для придания предмету формы. Ковали в основном горячий металл. Иногда чрезмерная горячая ковка была во вред и сильно снижала качество изделий, так как появлялись трещины краснотекучести, что значительно снижало механические свойства металла. Этот порок отмечен на семи шамшинских находках. И если трещины краснотекучести были не страшны при изготовлении зеркал или бляшек, то наличие их на топоре, серпе, бритве или тесле было явно нежелательно, так как при активном использовании орудия легко ломались.

Как видим, для кочкорских мастеров характерны высокая культура отливки и наряду с этим удручающая беспомощность при доведении полуфабриката до качественной кондиции. Чем это можно объяснить?

Ученые не раз наблюдали подобный технологический нонсенс в других регионах Европы и Азии. Они пришли к выводу, что подобная диспропорция в навыках и мастерстве объясняется устойчивыми технологическими традициями в обработке сплавов металла привычного состава в пределах одного производственного очага (района). Кочкорские мастера XII–IX вв. до н. э. имели дело с оловянистыми бронзами, которым горячая поковка шла только на пользу. Когда же они перешли к обработке нового по химическому составу металла, в частности, с повышенным содержанием висмута (до 0,15%), то упрямо продолжали применять старую, проверенную на опыте поколений технологию. Этот консерватизм оборачивался браком, и мастера вынуждены были искать новый набор производственных операций, пока долгим и трудным путем эксперимента не находили оптимального решения применительно к новому металлу.

Однако то, что было плохо для мастеров эпохи бронзы, оказалось весьма ценной находкой для историков древнего Кыргызстана: ученые-археологи давно выдвинули предположение о существовании обособленного северокрыгызстанского производственного металлургического очага эпохи бронзы. Технологические исследования клада из Шамши убедительно подтвердили эту гипотезу.

Шамшинские кузнецы искали новые пути работы без брака. Кузнечной ковкой без предварительного литья были сделаны только нож, шило и рыболовный крючок. Рыболовный крючок ковался в холодную. В металле последнего отмечено повышенное содержание свинца, но полностью в результатековки холодного металла отсутствует порок краснотекучести. Возможно, в ходе практических поисков мастера начали «нащупывать» новую технологию обработки новых сплавов.

Трассология помогла установить функциональное назначение некоторых орудий труда. Исследование рабочей части топора с гребнем показало, что его использовали при

дроблении горных пород. Изделие, считавшееся археологами долотом, на самом деле, скорее всего, выполняло функции зубила¹.

Клад из Шамши поведал еще один исторический факт о жизни людей того времени. Дело в том, что подавляющее большинство предметовклада обычно для территории Кыргызстана, Семиречья, Казахстана и Алтая. Специалистов заинтересовали два необычных предмета: бритва и булавка с ажурным навершием. Бритва такого типа широко распространена в Причерноморье и крайне редко встречается в азиатской части страны. Ажурные булавки, как правило, находят в местах обитания земледельцев южных районов Средней Азии и Ирана. Принципиальная важность этих пока единичных находок состоит в том, что они документируют активные связи населения Северного Кыргызстана в эпоху бронзы с Причерноморьем и югом Средней Азии, возможно, даже с Ираном.

В целом Шамшинский клад, объединяющий изделия 20 типов по своей ценности является эталоном, при исследовании всех остальных кладов финального этапа андроновской культурной общности в СССР.

Все девять кладов эпохи бронзы в Кыргызстане свидетельствуют о том, что человек, сменивший каменные орудия труда на бронзовые, вступил на путь довольно быстрого прогресса. Дело в том, что орудия из меди были гораздо более производительными и долговечными, чем орудия из кремня. Лезвие кремневого ножа по остроте своей не уступало лезвию бритвы, но через пару-другую секунд интенсивной работы оно выщербится и покроется заломами. Его можно выбросить. Преимущество лезвия ножа из меди – способность его не ломаться от той же работы, а только заминаться, «заваливаться». Его можно поточить и продолжать работу.

Ленинградский ученый С. А. Семенов с группой молодых археологов провел интересные эксперименты. Метод опытов – выполнение одной и той же работы сначала каменными, а затем медными орудиями. Цель – определить сравнительный коэффициент полезного действия тех и других. Результаты были весьма показательны. Рубка дерева толщиной 25 см каменным топором завершилась через 75 минут, а медным – через 25. Эффективность металлического топора по сравнению с каменным очевидна. При остругивании палки медный нож оказался в 6–7 раз производительнее каменного. Преимущества меди по сравнению с камнем наиболее ярко проявились при сверлении. Металл оказался эффективнее камня в 22 раза, а при использовании лучкового приспособления – даже в 46 раз!

Итак, высокий коэффициент полезного действия – основная причина победы металла.

Изучение памятников эпохи бронзы в Средней Азии, в том числе и кладов Кыргызстана, опровергло очень лестную для патриотических чувств кыргызстанцев, но неверную гипотезу Р. Форбеса. В своей книге, изданной в Лейдене в 1950 г., он предложил схему зарождения и распространения бронзовой металлургии в Европе и Азии. По его мнению, первичным центром, где человек освоил медь и ее сплавы, были территории Средней Азии, Памира, Тянь-Шаня и, возможно, Алтая. Отсюда навыки обработки меди распространились во все стороны света. К сожалению, историческая действительность была иной. Если в Малой Азии изделия из меди были известны уже в VII–VI тыс. до н. э., то на Тянь-Шане, Памире, Алтае они появились не раньше III тыс. до н. э. Это позже, чем в Иране, Месопотамии, Египте, Греции, но раньше, чем в Северной Европе, Англии, Индии, Китае².

В заключение следует отметить, что памятники эпохи бронзы в Кыргызстане изучены пока недостаточно. В их поисках ученым могут оказать неоценимую услугу краеведы, школьные историко-археологические кружки, туристские клубы, население.

¹ Кожомбердиев И., Кузьмина Е.Е. Шамшинский клад эпохи поздней бронзы в Киргизии // СА, 1980. – № 4; Рындина Н.В., Дегтярева А.Д., Рузанова В.Д. Результаты химико-технологического исследования находок из шамшинского клад // СА, 1980. – № 4.

² Черных Е.Н. Металл – человек – время. – М., 1972. – С. 31-32, 110-111.

Изучение этих памятников поможет в исследовании истоков кочевничества, так как, по мнению специалистов, кочевники-саки являлись потомками скотоводов эпохи бронзы.

ТОЛЬКО В СЕМИРЕЧЬЕ

Слышу, слышу ровный стук
Неподкованных копыт
Анна Ахматова

В VII–III вв. до н. э. на громадных степных просторах Евразии от Дуная до Енисея и Восточного Туркестана – кочевали со своими стадами родственные народы, которые стали основоположниками степной цивилизации, оригинальной культуры, отличной от культуры земледельческих народов. Греки называли их скифами, а персы – саками. Саки были древними обитателями гор и долин Тянь-Шаня. Об этом свидетельствуют не только наскальные рисунки и отдельные случайные находки, но и клады.

Всего на территории Республики Кыргызстан известно девять кладов, схороненных саками. Характерно, что пять из них найдены на побережье Иссык-Куля, а три – под его волнами. И лишь один клад саков обнаружен пока в Чуйской долине.

Сбруя сакского коня. Что может быть для кочевника дороже коня? Разве что престарелые родители да дети. Конь платил всаднику полной взаимностью и не раз выручал его из самых тяжелых передрыг при жизни, а иногда даже и мстил врагам после смерти хозяина. Так, еще Плиний Младший писал со слов очевидца: «Скифская конница славится своими конями; рассказывают, что когда один царек, сражавшийся по вызову с врагом, был убит и победитель приблизился снять с него доспехи, то был убит конем побежденного, посредством ударов копыт и кусанья»¹.

Как же не любить столь преданного друга? Полное единство коня и всадника заметили еще древние. В мифах многих земледельческих народов есть странные персонажи с торсом человека и крупом коня. Греки называли их кентаврами. Они олицетворяли кочевников. Если конь был сгустком крепких «мышц», то всадник – направляющим его «мозгом». Своеобразным «нервом», передающим команды «мозга» «мышцам», была узда.

В Республике Кыргызстан найдено три клада, содержащих предметы, относящиеся к сбруе коня древнего кочевника. Все они были отлиты из бронзы.

Тюпский. Найден в окрестностях с. Преображенское (ныне с. Тюп) еще в конце XIX в. Состоял из стремявидных удиц, пары псалиев, круглой налобной бляхи, ворворок и накладных блях, украшающих ремни. Клад, таким образом, являлся полным набором металлических частей уздечки VII – VI вв. до н. э. По этим частям можно восстановить всю конструкцию уздечки. Кроме того, клад представляет искусствоведческую ценность. Многие бляхи украшены изображениями зверей в раннескифском стиле². Клад хранится в Государственном историческом музее (г. Москва).

Барскоонский I. Состоит из двух массивных круглых блях. Они были отлиты в одной форме. Бляхи служили для перекрестного крепления ремней сбруи коня.

Клад является бесценным для истории искусства Кыргызстана: каждая бляха представляет собой высокохудожественное изображение пантеры, свернувшейся в кольцо. Это самый древний сюжет (VIII – VII вв. до н. э.) в искусстве древних кочевников, известный по находкам на громадной территории от Тувы до Причерноморья.

Клад найден в окрестностях с. Барскоон на южном побережье озера Иссык-Куль и передан археологу Д. Ф. Виннику. Хранится в республиканском Историческом музее.

¹ Ковалевская В. Б. Конь и всадник. – М., 1977. – С. 111.

² Бернштам А.Н. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня // СА, 1949.

Ново-Павловский. Состоит из стремявидных удилов и псалий, отлитых вместе, а также двух подпружных пряжек. Все три предмета являются произведениями искусства: концы псалий украшены головками лошадей с козлиными рогами, на подпружных бляхах изображены лежащие львы.

Клад является прекрасным документом о ранних связях Кыргызстана с древними Ираном и Передней Азией. Именно там в VII–VI вв. до н. э. была широко распространена узда с цельнолитыми удилами и псалиями. Они очень редко встречаются именно в азиатских степях. На территории Казахстана два экземпляра таких удилов были найдены в могильниках Уйарак и Тагискен, третий – в Чуйской долине.

Клад был найден в с. Ново-Павловка, которое находится в пригороде Бишкека. Хранится в республиканском Историческом музее.

В самом ужасном для нашего народа 1937 г. в периодике Кыргызстана попеременно с сообщениями об успехах колхозов и с призывами «размозжить собачьи головы», можно было прочесть заметки, которые работали на будущее, в том числе на развитие нашей исторической науки. Вот одна из них, опубликованная в газете «Советская Киргизия».

«Археологическая находка»

Сазановка (от нашего спец. корр.). На днях рабочие фермы конесовхоза в Семеновском ущелье, где они копали глину дувала, наткнулись в земле на несколько тяжелых металлических предметов.

Раскопав землю, они нашли 2 стола, 2 больших котла, два предмета, похожих на жертвенники, с литыми фигурами по краям, светильник, скульптуру быка и пр. Все эти предметы отлиты из красной меди и весят не меньше центнера.

Рабочие сперва подумали, что их находки из золота, и разломали котел и другие предметы. Благодаря вмешательству работников НКВД все же удалось спасти историческую находку от дальнейшего разрушения. К какому веку предметы относятся, какому народу принадлежат, здесь определить не могут. Во всяком случае, предметы отлиты несколько столетий тому назад. Историко-археологическая комиссия должна заинтересоваться находкой и организовать дальнейшие поиски-раскопки в Семеновском ущелье. Возможно, что тут было какое-нибудь древнее поселение¹.

Так был открыт самый именитый клад сакского времени в Кыргызстане. «Именитым» мы его называем по трем причинам: клад содержал уникальный комплект древностей; он сразу же попал в руки выдающихся специалистов; в настоящее время клад экспонируется в Государственном Эрмитаже (г. Ленинград) и с произведениями древних исык-кульских мастеров имеют возможность познакомиться представители почти всех народов мира.

Находки были изданы Б. М. Зимой, а затем А. Н. Бернштамом и вошли в науку под названием «иссык-кульские жертвенники»². Ученые уточнили место, где был зарыт клад, – 4 км к северу от с. Семеновка у слияния рек Кок-Добе и Малая Ак-Суу. В 1949 г. возле места находки были заложены шурфы, которые вскрыли толстый слой пепла. Рядом находились курганы сакского времени. По мнению А. Н. Бернштама, на площадке у обломков скал, где был найден пепел, находилось жертвенное место, связанное с погребальным обрядом, аксессуарами жертвоприношений были бронзовые предметы, найденные рабочими конезавода.

Б. М. Зима после тщательного опроса рабочих сумел полностью восстановить место каждого предмета в кладе. Сначала на глубине 1,5 м лежали два казана. Один из них был опрокинут вверх дном и накрывал два светильника. (К сожалению, рабочие разрубили один казан на две части). Под казанами крышкой на крышке лежали два стола с приподнятыми бортами (в виде подноса). Каждый из них опирался на четыре ножки. Замечательной работы художественного литья были оба светильника. Бортики одного из

¹ Советская Киргизия. 1937. 21 августа.

² Зима Б. Исык-кульские жертвенники. – Фрунзе, 1941; Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая // МИА. – № 28. – М.– Л., 1952. – С. 40-50.

них украшены фигурками тринадцати барсов (или львиц?) в торжественном шествии по кругу. На бортике второго светильника сохранились две одинаковые группы: горный козел вступил в ожесточенную борьбу с тигром.

Какую же историческую информацию содержат найденные вещи? Б. М. Зима и А. Н. Бернштам единодушно решили, что жертвенники использовались зороастрийцами, многие обряды которых были связаны с поклонением огню. (А. Н. Бернштам употреблял термин «шаманистско-зороастрийский культ»)¹. В настоящее время возможно сделать некоторые конкретизации. Следует обратить внимание на композицию, изображающую борьбу горного козла с тигром. Подобные сцены нередки в сакском искусстве, где хищник (лев, тигр, волк, пантера) терзает травоядное животное (коня, оленя, лань, верблюда). Казалось странным, что саки, чьим тотемом (зверем-прародителем) был олень, любовались кровавым пиршеством, в котором жертвой часто был же олень. Разгадка сцен терзания нашла неожиданную и вполне правдоподобную аргументацию. Дело в том, как установила Е. Е. Кузьмина, что в Иране подобные изображения имели астрономический подтекст. Ежегодно созвездия Быка (Плеяды) и Оленя (Кассиопея) на небосводе сменяются созвездием Льва. Такая смена происходит в самом начале весенних полевых работ и совпадает с Ноорузом – Новым Годом солнечного календаря. То есть, как представляли древние, весна вступает в свои права только тогда, когда Лев победит Быка и Оленя. Следовательно, изображение их борьбы воспринималось всего лишь как новогодняя символика, вроде современного Деда Мороза и Снегурочки. Видимо, саки Тянь-Шаня не всегда буквально трактовали переднеазиатскую мифологию: льва они заменили более знакомым тигром, а быка или оленя – горным козлом (теке).

Таким образом, можно предполагать, что иссык-кульские жертвенники были как-то связаны не только с культом огня, но и культом Нооруза. Если это верно, то Нооруз сейчас является самым древним из ныне почитаемых праздников на Тянь-Шане: ему уже (а иссык-кульские жертвенники датируются V–III вв. до н. э.) не менее 2300 лет.

Замечательный жертвенный комплекс недолго находился в Кыргызстане. Вскоре он оказался в Эрмитаже. Как это произошло, рассказал нам еще в студенческие времена Б. М. Зима. Находки из Кырчына сразу же поступили в Кыргызский педагогический институт в г. Фрунзе. Их увидел ленинградский ученый А. Н. Бернштам и хотел взять с собой для изучения и публикации. Этому Б. М. Зима, конечно, воспротивился, так как уже самостоятельно подготовил брошюру с описанием и интерпретацией всего комплекса жертвенников. Однако подобное препятствие не было непреодолимым для Александра Натановича. Он отправился к высокому начальству и предложил обменять жертвенники на солидную библиотеку по истории, подобранную из дубликатов богатейшего эрмитажного собрания книг. Начальство с радостью согласилось, так как преподаватели и студенты Кыргызского пединститута буквально страдали из-за отсутствия специальной литературы. А. Н. Бернштам, как всегда, выполнил свое обещание, и жертвенники уехали в Ленинград. Во Фрунзе остался лишь бронзовый котел, разбитый на две части (который со временем бесследно исчез).

Вот и не знаешь, радоваться или огорчаться, когда редчайшая иссык-кульская находка украшает экспозицию не нашего республиканского музея, а Эрмитажа. Хотелось бы, конечно, видеть весь комплекс в Кыргызстане, но, с другой стороны, беспокоит вопрос, а не постигла бы клад, останься он в пединституте, судьба разломанного котла?

Недавно в архиве АН Республики Кыргызстан мы отыскивали любопытный документ, связанный с находкой Иссык-кульских жертвенников: он исходит от одного из непосредственных участников событий, называет точную дату находки клада и ряд фамилий².

¹ Зороастризм – религия, основанная пророком Зороастром в VI в. до н. э., который проповедовал в Восточном Иране и, возможно, в Хорезме и среди кочевников-саков. Согласно зороастризму, в мире борются два начала – добро и зло. Добро олицетворял бог Ахурамазда, а зло – Анхра-Майнью.

² Отдел рукописей и публикаций АН Республики Кыргызстан. Ф. 4. Оп.1. Д. 75. Л. 5-6.

«Город Фрунзе, Археологическая партия.
Копия прокурору республики КирССР.
От гражданина Васильева Василия Петровича,
проживающего в селении Семеновка –
того же с/с, Иссык-Кульский район.

Заявление

Прошу Вас разобрать мое дело по вопросу вознаграждения меня за мою находку медных вещей. При этом сообщаем вам некоторые сведения о данной находке:

В 1937 г. 21 июня нами, т. е. 3 братьями Васильевыми, производились земляные работы в местности «Кирчи» в Семеновской щели, примерное расстояние от села Семеновки 8 километров.

При производстве работ нами были обнаружены медные вещи, а именно: 2 медных котла, 2 медных стола, 2 медных подсвечника, 1 статуэтка – модель коровы. Вышеперечисленные предметы были сданы того же числа ответственному дежурному РОМ НКВД тов. Щелокову Иссык-Кульского района. О чем имеется расписка о сдаче указанных предметов (копия расписки при сем прилагается).

Я, гражданин Васильев, обратился 11. II. 1938 г. по данному вопросу [в] Иссык-Кульский район НКВД [к] начальнику тов. Малиеву, но последний мне заявил, «что вещи направлены в город Фрунзе, и у меня средств на вознаграждение за вашу находку не имеется». После чего я вынужден был обратиться к прокурору Иссык-Кульского района с жалобой по данному вопросу. Последний мне ответил 9. III с. г., что таковые вещи отправлены в город Фрунзе в Археологическую партию, о чем имеется отношение прокурора от 9. III с. г. за № 419 (данное отношение к сему прилагается). Первое отношение от 19. II с. г. за № 471 к сему прилагается.

... прошу Вас немедленно ускорить ответ по данному вопросу по адресу вышеуказанному.

К сему проситель (подпись) *Васильев*.

18. III. 1938 г.»

Нам неизвестно, получили ли братья Васильевы причитающееся им вознаграждение за находку уникального клада. Если честно, то они его не заслужили. Братья думали, что нашли золото и начали сами урывать «свое». Они отломали и припрятали следующие предметы: десять композиций, изображающих борьбу горного козла с тигром, три фигурки зебувидного быка, четыре фигурки неизвестных (!) нам изображений, украшавших второй стол, от одного из столов отломали три ножки и две ручки, а один из котлов, как уже упоминалось, разрубили на части. Тут впору ожидать не вознаграждения, а встречного иска за варварство и утаивание составных частей клада. Но суть не в делах «давно минувших дней».

Возможно, сейчас остался в живых кто-то из трех братьев Васильевых, либо работники правоохранительных органов Малиев и Щелоков. Возможно, остались их родственники, у которых бесполезно валяются где-либо бесценные для науки части самого именитого сакского клада из Кырчына. У кыргызских ученых к ним большая просьба: вернуть ненужные в быту и так необходимые науке замечательные изделия древних мастеров Кыргызстана.

Присыккулье богато сюрпризами. Кто бы мог подумать, что там же будет найден еще один жертвенный комплекс древних кочевников? Однако факты – вещь упрямая.

В августе 1976 г. молодые люди из с. Чельпек, расположенного в 8 км южнее Пржевальска, в обрыве оврага у села случайно обнаружили комплекс бронзовых предметов. Обстоятельства находки и порядок взаиморасположения предметов клада выяснил археолог Д. Ф. Винник. «На глубине 1,5 м находился стол, на нем лежали фигурки женщин, боковины котлов и мелкие обломки железного (чугунного) котла. Все

эти вещи были перекрыты культурным слоем, состоящим из глины с примесью золы. Рядом со столом обнаружены следы костра, фрагменты лепной керамики, железного котла и кости барана»¹.

Клад этот куда менее именит, чем Кырчынский, поэтому требует более подробного описания. Массивный бронзовый стол, вес около 50 кг. Четырехугольный, асимметричный. Размеры его по внешнему краю 82x81x78x75 см. Борта столешницы приподняты на 6 см и отогнуты наружу, образуют широкий (4,5 см) бордюр. К бортам с двух противоположных сторон прикреплены ручки. Стол имел четыре ножки в виде фигурок женщин. Сохранились только две из них, отлитые по одной модели. Женщина стоит с поднятыми вверх руками (поза кариатиды). Лицо напоминает застывшую маску, широко расставленные незрячие глаза, разрез их монгольский. Большой нос приплюснут, маленький рот передан узкой чертой. Лоб женщины стянут обручем (диадемой), у запястий обнаженных рук – по браслету разной ширины. Короткая безрукавка с мысиками-разрезами по бокам украшена нашивной полосой, идущей от шеи к поясу. Полоса украшена рисунком в елочку углом вверх. Юбка со складками, перевитыми вправо, слегка расширяется книзу и полностью закрывает ступни ног. Скульптор грубо нарушил пропорции: нижняя часть тела слишком коротка, голова чрезмерно массивна. Высота фигурки 22 см.

На одном из трех фрагментов котлов сохранились две фигурки зебувидных быков отличной художественной работы. Животные, подогнув ноги, лежат друг за другом. Головы с куцыми рогами повернуты анфас. Длина фигурок 7 см, высота 4 см.

Бронзовая литая коленчатая ножка от котла, украшенная рельефными концентрическими полукругами. Окончание её оформлено в виде ступни животного. Высота ножки 32 см.

Весь комплекс находок датирован III – I вв. до н. э.

Любопытно, что Чельпекский клад, как и Кырчынский, не удержался на своем первоначальном музейном месте. Чельпекские юноши, как рассказала нам директор Пржевальского краеведческого музея, привезли находки к ней и тоже хотели получить какое-то вознаграждение. Милые и интеллигентные музейные дамы, сославшись на бедность Министерства культуры, легко уговорили их передать клад безвозмездно. Однако недолго длилась радость по поводу обретения новых ценных экспонатов. Едва сотрудники закончили опись и регистрацию Чельпекского клада, как в тихие залы музея ворвалась толпа разгневанных мужчин, схватили находки, погрузили их в машину, а затем с гиком и лихим посвистом укатили... Нет, погони не было, так как скромные музейные дамы не обратились в милицию. Они хорошо знали, с кем имели дело. Это были сотрудники археологического отряда АН Кыргызстана. Сотрудники, конечно, не присвоили находки. Они сдали все до единой вещички в Исторический музей г. Фрунзе, но всё же... Разительное отличие от методов А. И. Бернштама по изъятию кладов!

Сотрудницы Пржевальского музея, правда, получили маленькое удовлетворение: бронзовая коленчатая ножка от котла не была схвачена разгневанными мужчинами, так как лежала отдельно от основной группы вещей.

Таким образом, и Кырчынский, и Чельпекский клад оказались разрозненными. При передислокации с одного места на другое по одной вещичке из них осталось на месте их первоначального местонахождения. Сходство между этими кладами, конечно, не в случайных перипетиях. Оно гораздо глубже: и тот, и другой найдены рядом с древнекочевническими курганами, в составе того и другого – столы, котлы и даже фигурки зебувидных быков. Все это позволяет заключить, что предметы из Кырчынского и Чельпекского кладов являются реликвиями одного и того же культа.

¹ Винник Д. Ф. Клад из Чельпека: По следам памятников истории и культуры Кыргызстана. – Фрунзе, 1982. – С. 27.

Если по кырчынской композиции борьбы горного козла и тигра можно говорить о том, что иссык-кульские жертвенники могут быть как-то связаны с празднованием Нооруза, то чельпекские кариатиды дают возможность сделать еще одно предположение, позволяющее высказать некоторые соображения относительно функций женского божества саков Тянь-Шаня.

Во всей полосе степей в скифо-сакское время женский образ модифицировался как богиня Дева, она же «змееногая» богиня скифов или Табити-Гестия. Довольно близка поза чельпекских фигурок с изображением женского божества из Чертомлыка. В обоих случаях руки подняты, на запястьях – браслеты. Женский образ в скифо-сакском изобразительном искусстве связывают с идеей Великой богини – матери всего сущего. Она в представлении древних кочевников являлась покровительницей плодородия. В свою очередь Табити-Гестия, по понятиям скифов, была еще и божеством очага, особенно царского, а в более расширительном плане – богиней жертвенного огня и богиней огня вообще¹. Нам неизвестно, как саки Прииссыккуля называли богиню огня. Важно то, что, как показали чельпекские фигурки, служившие опорой жертвеннику, они, подобно своим собратьям в Причерноморье, связывали с жертвенным огнем тоже женское божество.

И последнее. Отдельные части сакских жертвенных комплексов кроме Прииссыккуля находили еще только близ Алма-Аты и у Нарына. В других местах громадного мира саков подобные находки неизвестны. Это позволяет сделать вывод, что комплекс из жертвенного стола, светильника и котла характерен только для культа саков Семиречья и Тянь-Шаня.

Клады на дне озера Иссык-Куль. Во времена древних кочевников (1 тыс. до н. э.) зеркало озера было намного меньше, чем в наши дни. Там, где сейчас плещутся волны, люди сажали деревья, строили селения, насыпали высокие курганы, пролагали дороги. Позже озеро стало наполняться, выходить из берегов и затопило следы деятельности человека. Теперь после шторма на побережье Иссык-Куля находят выброшенные волнами древние изделия, а рыбаки и археологи не раз натыкались на них и под водой².

В начале 50-х годов жители с. Каменка (ныне с. Джаркимбаево) ловили сетями знаменитого иссык-кульского чебачка. Сети ставили всего в 30 – 40 м от берега, где глубина едва достигала трех метров. Вдруг сеть за что-то зацепилась. Один из рыбаков нырнул и обнаружил на дне глубоко погруженный в ил предмет, похожий на круглый «металлический щит» (скорее всего, это был венчик большого котла). Извлечь котел из плотных донных отложений не удалось, зато внутри из заполняющего его ила были извлечены восемь предметов: четыре комплекта кольчатых удила, наконечник копья со втулкой, долотовидный инструмент с ушком и втулкой дисковидное зеркало и кинжал с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием. Лезвие кинжала было обломано еще в древности и утеряно.

Все предметы были отлиты из бронзы и не представляли ценности для рыбаков. Тем не менее клад был бережно собран и хранился в семье одного из рыбаков Павла Арефьева. В 1954 г. через с. Каменка проезжал ныне известный археолог, а тогда еще молодой научный сотрудник Кыргызской археолого-этнографической экспедиции Л. Р. Кызласов. П. Арефьев передал ему все найденные бронзовые предметы Каменского клада и рассказал об условиях его находки.

Л. Р. Кызласов опубликовал клад и датировал его V в. до н. э.³ Возможно, он является более древним и относится к VI – V вв. до н. э. В настоящее время все восемь предметов Каменского клада хранятся в Музее кафедры археологии Московского государственного университета.

¹ Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. – М., 1977. – С. 87-109.

² О причинах колебания уровня озера см. : Мокрынин В.П., Плоских В.М. Иссык-Куль: затонувшие города. – Фрунзе, 1988. – С. 159-164.

³ Кызласов Л.Р. Сакская коллекция с Иссык-Куля // Новое в археологии: Сборник статей, посвященных 70-летию Артемия Владимировича Арциховского. – Изд-во МГУ, 1972. – С. 102-107.

В 1982 г. нам в руки попал еще один «подводный» клад. Нашел его колхозник из с. Дархан Джеты-Огузского района ветеран войны Тойтобай Маалиев. Он ловил рыбу с лодки в затоне у родного села метрах в 20 – 25 от берега. Прозрачна вода Иссык-Куля. Видны мелкие камешки даже на большой глубине. А тут всего метра полтора. Поэтому Тойтобай-ака легко заметил на дне полуприкрытые песком компактно лежащие странные предметы. Спрыгнул в воду и достал два кинжала, котелок, крупный обломок боковины большого котла. Все вещи были бронзовыми. Удачливого рыбака охватила «золотая лихорадка». Только дома, подпилив кое-где напильником и постучав слегка зубилом, Т. Маалиев убедился, что найденные предметы не золотые. Спасибо аксакалу, что не выбросил бронзовый лом, а сберег и передал в распоряжение ученых¹.

Обратимся к составу Дарханского клада. Сразу бросается в глаза, что все вещи без исключения повреждены еще в древности. У одного кинжала была отломана часть лезвия, зато полностью сохранились фигурное навершие, бабочковидное перекрестие, рукоять с тремя продольными гофрами с обеих сторон. Этот кинжал отличается своим художественным навершием в виде двух голов горного козла с крутыми рогами. Длина сохранившейся части кинжала 161 мм, причем только 37 мм приходится на ромбическое в сечении обоюдоострое лезвие. Ширина рукояти 18 мм, клинка у основания – 25 мм, навершия – 44 мм.

Второй кинжал похож на первый, только навершие его – простой поперечный брусок. Длина рукояти 110 мм при ширине 18 мм, ширина навершия – 48, перекрестия – 58, лезвия – 20 мм.

Котелок со сферическим корпусом и массивными стенками. Под венчиком котелка сохранился носик-слив, как у современного чайника. Ручка не сохранилась. На ее месте под углом 90° от носика в стенке котелка зияло рваное отверстие.

Клад можно отнести к VI – V вв. до н. э. Он пополнил сразу на две единицы небольшую коллекцию оружия саков, собранную в Кыргызстане, кроме того, подарил историкам древнего искусства оригинальный образец скифо-сибирского «звериного» стиля в тянь-шаньском варианте.

Однако история Дарханского клада еще не закончена. Она получила неожиданное продолжение летом 1990 г. Преподаватель-историк из г. Фрунзе В. М. Блинов, заядлый аквалангист, вместе со школьниками исследовал дно озера Иссык-Куль севернее с. Дархан. Ребята нашли фрагменты средневековой керамики, которая украсила школьный музей. Но самым главным результатом их разведки можно считать приобретение у колхозника с. Дархан громадного бронзового котла на коническом поддоне и с двумя ручками под венчиком. Самое интересное, что он был найден под волнами того же затона и примерно в том же месте, где так удачно «рыбачил» Т. Маалиев. У нас нет полной уверенности, что этот котел входил в состав Дарханского клада, но и категорически отрицать это нет достаточных оснований. Дно Иссык-Куля очень изменчиво. Вчера ты видел только чистый песок, сегодня приоткрылась какая-либо находка, а завтра на том же месте – опять чистый песок. Нужно продолжить поиск.

В 1987 г. инструктор водолазов Пржевальской детской морской школы В. П. Савинов на дне озера близ с. Долинка нашел еще один кладик. Он состоял из тонкостенного небольшого котла со сферическим дном, заполненного слитками бронзы, и грибовидных заполнений отверстий литников, отбитых от массивных уже вынутых из формы предметов. Долинский клад неказист, здесь нет радующих глаз предметов художественного литья, но он бесценен для науки. Слитки бронзы и заполнения отверстий литников, через которые в формы заливают жидкий металл, являются ни чем иным, как отходами бронзолитейного производства. А это значит, что иссык-кульские

¹ Мокрынин В.П., Плоских В.М. Иссык-Куль: затонувшие города.. – С. 20-22.

кочевники сами отливали какую-то часть найденных здесь прекрасных изделий из бронзы, в том числе такие массивные, как жертвенники и котлы¹.

В. П. Савинов передал Долинский клад в фонды Пржевальского краеведческого музея.

На наш взгляд, клад со дна озера Иссык-Куль близ Долинки помогает ответить еще на один вопрос: зачем нужно было зарывать клад бронзовых вещей? Ведь некоторые из них были изломаны и не могли иметь практического применения, другие были сильно изношены и стерты. Скорее всего, литейщики Прииссыккуля собирали старые и сломанные вещи из всегда ценной бронзы для переплавки и отливки новых предметов.

Клад мастера. Он был найден школьниками большого и старого кыргызского села Барскоон, что на южном побережье оз. Иссык-Куль. Название Барскоон (Барсхан) известно еще по арабским рукописям IX в. Где-то неподалеку родился известный тюркский ученый Махмуд Кашгари (XI в.). Скорее всего, отсюда вышел основатель династии Газневидов в Хорасане тюрк из племени барсхан, коварный и смелый Себуктечин (X в.). Место знаменитое.

В 1967 г. в урочище Кок-Ой, расположенном юго-восточнее села, сносили древние курганы, чтобы посеять мешок-другой пшеницы. Привычно манипулируя рычагами мощной машины, бульдозерист без особого труда уничтожал то, что невозможно восстановить никогда. Эти погибшие археологические памятники, как теперь можно заключить, были возведены далекими предками бульдозериста, по крайней мере, не позже V в. до н. э. Курганы были современниками отца истории Геродота, им шла уже вторая сотня лет, когда начал свои походы Александр Македонский, с высоты своих 1800 лет взирали они на пришедшие в движение орды «потрясателя вселенной» Чингисхана. Погибали государства, исчезали целые народы, а курганы стояли и ждали своего часа, когда с помощью специалистов-археологов им удастся поведать миру историю племен, их соорудивших.

К сожалению, рассказать ее не удалось. Но все же, умирая, один из курганов приоткрыл тайну, доверенную ему 2500 лет тому назад. Не все равнодушно взирали на гибель древнего памятника. Учащиеся барскоонской средней школы во главе с учителями М. Узакбаевым и К. Ибраимовым попытались спасти возможное. Школьники начали раскопки одного из курганов. Довести работы до конца ребята, конечно, не сумели (это могут только археологи), тем не менее на их долю выпала редкая удача – открытие клада ремесленника сакского времени с набором как готовых изделий, так и отходов производства.

У очевидцев находки создалось впечатление, что все предметы лежали в насыпи кургана компактно, как бы завернутые в узелок из ткани, отпечатки которой прослеживались на некоторых изделиях, на глубине 50–70 см. Костей человека и животных замечено не было. Сейчас трудно установить действительное количество изделий и отходов производства, погребенных в кургане, так как часть из них разошлась по рукам; а частью и, пожалуй, наиболее важной – обрезками и обломками металла, – юные исследователи пренебрегли. Археологам школьники передали 112 хорошо сохранившихся фигурных бляшек и 16 единиц отходов производства.

Фигурные бляшки по форме и характеру изображения можно подразделить на три типа: зооморфные, геометрические и растительные.

Первые представлены тремя видами. Прежде всего это личина «улыбающегося» тигроподобного хищника между двумя вертикальными гофрированными рамками (25 штук целых и один фрагмент). Контуры губ, носа, глаз, ушей и косых треугольников на щеках даны выпуклой линией, высоко поднятые изогнутые брови контррельефны. На каждой рамке по шесть гофр, крайние из них имеют отверстия для крепления.

¹ Мокрынин С.В. Обработка металла в Прииссыккуле в I тыс. до н. э.: Проблемы археологии степной Евразии. – Кемерово, 1987. – С. 84-85.

Второй вид – личина «угрюмого» волкоподобного существа между двумя вертикальными рамками с шестью гофрами на каждой (19 штук). Линия рта отсутствует, нижний обрез проходит под крыльями широко раздвинутых ноздрей. Способ изображения черт личины и крепления идентичен описанному выше.

И, наконец, третий – личина кабана между двумя вертикальными рамками с восемью гофрами на каждой (2 штуки). По сторонам пятачка две пары клыков. Все черты личины рельефны. Крепилась бляшка при помощи сквозных отверстий на крайних гофрах. На одной из бляшек в правом верхнем углу пробито два отверстия рядом.

Геометрические бляшки по форме и орнаментике более разнообразны. Здесь имеются прямоугольные со сложным рельефным орнаментом из вытянутых вертикальных волн и завитков, обрамленных по краям гофрами (6 штук). Не исключено, что перед нами вариант изображения широко известного мотива «дерева жизни».

Интересны зиккуратообразные бляшки с тремя ступеньками (16 штук), имеющие у основания шесть гофр.

Девятью экземплярами представлены бляшки с тремя острыми зубцами и девятью гофрами по основанию.

Более редки бляшки с тремя овальными вершинами и девятью гофрами по основанию (7 штук) и пикообразные с опущенными жалъцами и овальным черешком (8 штук). Ребра покрыты гофрами, между которыми рельефом оттиснут ромб с расходящимися волнами.

По форме аналогична последним бляшка меньших размеров, орнамент которой представляет собой рельефный контурный треугольник, боковые стороны которого переходят в завитки, опирающиеся на овал.

Найдено также гофрированное кольцо с двумя отверстиями для крепления.

Десять четырехугольных бляшек, обрамленных гофрами, отличаются по орнаментации. Так, имеются экземпляры (5 штук) с рельефной точкой в центре, с четырьмя расходящимися лучами (1 штука), раздваивающаяся рельефная прямая, идущая параллельно длинной стороне бляшки с точкой в центре (2 штуки). Две бляшки вообще лишены орнамента.

К группе с растительным сюжетом можно отнести два вида бляшек. Это прежде всего трилистник с вертикальными центральными и расходящимися в стороны боковыми лепестками (16 штук). Цветкообразная розетка с двенадцатью рельефными лепестками, расходящимися от круглой чашечки (1 штука).

Вместе с бляшками, как уже упоминалось, найдены обломки (5 ед.) и обрезки (11 ед.) металла. Не исключено, что среди них – только фрагменты бытовых предметов, но и части вышедших из строя орудий труда. Особый интерес представляют обрезки металла. Толщина их соответствует толщине художественных бляшек. Есть среди обрезков и заготовка для четырехугольной бляшки, которая, видимо, уже подвергалась штамповке, но потом опять была прокована. Имеется фрагмент пластины, из которой вырезана бляшка с тремя острыми зубцами, и часть пластины, послужившей для изготовления трилистника. Примечательно, что шесть из одиннадцати полученных нами обрезков сложены вдвое.

По условиям и составу находки можно заключить, что школьники обнаружили клад. Он был зарыт в насыпи кургана по всей вероятности в IV в. до н. э. Критерием для датировки явилось близкое сходство, доходящее до тождества, барскоонских бляшек с бляшками, «усыпавшими» одежды «золотого человека», найденного казахстанскими археологами в кургане «Иссык». По аналогии с «золотым человеком» можно определить, какие части одежды украшали те или иные формы бляшек. Пикообразные нашивались на кафтан и голенища сапог, прямоугольные служили своеобразными лампасами на штанах, ими же оконтуривались голенища сапог; бляшки с изображением животных обрамляли полы кафтана. Такие одежды не мог носить ни рядовой пеший общинник, ни даже более богатый конный воин. Владелец таких украшений принадлежал к высшим слоям

кочевого общества. Есть предположение, что погребенный в кургане «Иссык» принадлежал царскому роду и одновременно был носителем жреческих функций. Сам факт наличия богатых одеяний в совокупности с громадными курганами, которые сородичи насыпали только некоторым из умерших, свидетельствует о далеко зашедшем социальном расслоении саков Тянь-Шаня. Анализ характера изображений на бляшках уводит нас в мир Авесты и зороастризма, с которыми, как представляется, были знакомы и саки Прииссыккулья. Подробный анализ Барскоонскогоклада – дело будущего. Главная его особенность – не высокохудожественные бляшки и не их богатый ассортимент, хотя сами по себе они представляют интересный материал для суждений об идеологии и культурных связях саков. Ценность клада в обломках и обрезках металла, которые являются неоспоримым доказательством местного производства высокохудожественных изделий, поражающих своим совершенством и вошедших в науку под названием «скифо-сибирский звериный стиль».

Барскоонские находки конкретизируют круг вещей, которые можно считать не импортированными, а произведенными в степи. Таковы высокохудожественные бляшки, украшавшие одежды сакских владык. Анализ находок позволяет «приоткрыть дверь» в мастерскую кочевого ремесленника, где обязательно были наковальня и молоток, чтобы проковать куски меди или бронзы до толщины бумажного листа. Барсханский ремесленник располагал набором прочных штампов. Их было не менее двенадцати. Большинство бляшек были сдвоенны, а это значит, что одновременно изготовлялось два экземпляра украшений. Для этого на штамп накладывалось сразу два листа металла, либо один лист сгибался пополам. Такая технология не влияла на качество изображения, следовательно, штампы имели высокий рельеф и были изготовлены из тугоковкого металла. Вырубка отштампованного изделия из медной ленты производилась небольшим и очень острым зубильцем. Среди инструментов такого ремесленника должен быть набор молоточков и мягкие (войлочные) прокладки.

Каждый из девяти известных нам кладов времени кочевников-саков, найденных на территории Кыргызстана, содержит колоссальную информацию о самых различных сторонах культурной и производственной жизни населения Кыргызстана в VI – III вв. до н. э. Полное исследование еще предстоит.

ЗОЛОТО НА ГОРОДСКОЙ СВАЛКЕ

В жизни каждого настоящего мальчишки
наступает время, когда его обуревают
неистовое желание найти зарытый клад.
Марк Твен

Обычно такое или подобное заглавие украшает газетные репортажи народных контролеров, возмущенных бесхозяйственным отношением к вторсырью, а иногда и просто к ценному сырью, которое выбрасывают на свалки нерадивые хозяйственники. Нисколько не сомневаясь в актуальности этой темы, мы расскажем о достоверном факте, когда на городской свалке г. Бишкека был найден внушительный клад древних изделий из золота самой высокой пробы. И сделали все это, как часто бывает, мальчишки.

На северо-восточной окраине столицы республики за обводной шоссейной трассой расположена городская свалка. Раньше здесь были глиняные карьеры кирпичного завода. Городские власти решили их рекультивировать: засыпать уродливые каверны отходами производства и бытовым мусором, а затем перекрыть все почвенным слоем. До полного завершения работ еще далеко, поэтому некоторые участки карьера, заполненные талыми и подпочвенными водами, стали местом летнего «отдыха» для мальчишек из поселка «Красный строитель». Выгода двойная. И по свалке, где всегда полно нужных железок, побродишь и в холодной воде освежишься. Мешают только низко стелющийся едкий дым

(на свалке постоянно что-то жгут) да густая пыль из-под колес постоянно подвозящих мусор машин.

В жаркий июльский день 1985 года в таком искусственном озерце с удовольствием бултыхались ребята, съезжая по глинистому крутому скату прямо в воду. Один из мальчишек вдруг вывернул из земли какую-то кость, рядом – железный наконечник стрелы. Позвал остальных. До самого вечера любопытные ребята ковырялись в земле, откладывали одни предметы, бросали в воду другие. Наконец, это занятие им надоело, да и темнеть стало. Мальчишки собрали находки и отнесли их домой, но особого значения им не придали и положили их у ворот в чистом дворе своего дома. Хорошо, что рядом оказался знающий человек – дядя Олега и Виталика Дорофеевых, которые вместе с Андрюшей Малковым нашли и забавлялись диковинными штучками. С. Казанцев – старший инженер Института высоких температур АН СССР – интересовался историей и сразу понял научную ценность древних предметов. Собрав находки, он вместе с ребятами отвез их в республиканский Исторический музей.

На место находки тотчас выехали археологи Б. В. Помаскин, Л. Г. Ставская, Л. М. Ведутова¹. Всем было ясно, что ребята случайно наткнулись на богатое и неразграбленное древнее погребение. В сентябре того же года мы с Л. Г. Ставской и братьями Дорофеевыми еще раз осмотрели это место на городской свалке. Что же дал осмотр?

Захоронение было осуществлено в естественном глиняном холме, который внешне напоминает насыпь гигантского кургана. Южная часть холма выбрана экскаваторами, здесь-то и образовалось озерцо. Внешних признаков захоронения (насыпи, каменной выкладки) не было. Следов перекопа, то есть следов могильной ямы, в срезе холма не наблюдалось. У самой поверхности воды на глубине около 3 м от восточной стороны поверхности холма располагался небольшой останец – дно могильной ямы. Здесь ребята нашли скелет, лежащий на спине, головой на север, и погребальный инвентарь. Но раз есть дно могильной ямы, то должны же быть и её следы в срезе холма. Их полное отсутствие позволяет предполагать, что могильное сооружение здесь, скорее всего, было типа катакомбы или, что вероятнее, подбоя. В этом случае можно допустить, что впускная яма в подбой (или катакомбу) была уничтожена карьерными работами.

Подведем итоги. Захоронение, открытое мальчишками на северо-восточной окраине г. Бишкека, было не совсем обычным для этого региона. Странными были три обстоятельства: полное отсутствие надмогильной насыпи или других внешних признаков погребения; довольно значительная его глубина; совсем необычный инвентарь.

В Исторический музей поступил комплекс из сорока трех предметов из железа, кости, бронзы, серебра и золота.

Железными были наконечники стрел, фрагменты кинжала с кольцевидным навершием, ножи, фибула (застежка), скобы. Наконечники стрел – трехлопастные, лопасти под тупым углом срезаны к черешку. Подобные наконечники стрел появляются еще до II в. до н. э. Воевали ими долго. Такие же наконечники попадают в колчанах средневековых кочевников². Мало что дают для точной датировки и кинжалы с кольцевыми навершиями. Они были особо популярны у сарматов в первых веках нашей эры. Однако кольцевые навершия мечей и кинжалов изображены и на каменных изваяниях Кыргызстана VII – VIII вв. Интерес вызывают железные скобы. Обычно такими скобами соединяли различные деревянные части гробов. Братья Дорофеевы подтвердили нашу догадку. Действительно, кости и вещи лежали в слое древесной трухи. Попадались и отдельные куски дерева. Среди железных изделий есть еще маленькие ножи и пластина от панциря.

¹ Вечерний Фрунзе. 1985. 6 июня.

² Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1986. – С. 215.

Привлекает внимание небольшой бронзовый сосуд: тулово яйцевидное, низкая горловина и широкий раструб венчика, отогнутого наружу. На боковине сосуда видны следы ремонта.

Особое внимание привлекает комплекс украшений из золота. Их восемь.

1. Пектораль (нагрудное украшение) в форме полумесяца с небольшим трапециевидным выступом. Сделана из цельного листа тонко прокованного золота. Вся площадь украшения покрыта едва заметными ромбовидными насечками. На концах полумесяца по отверстию для нашивки, три таких же отверстия расположены у основания трапеции.

2. Пара одинаковых браслетов с разомкнутыми прямыми концами. Сделаны из тонкой золотой пластины. Внешняя сторона браслетов украшена тремя параллельными продольными бороздками.

3. Три четырехугольные нашивные бляшки с едва вогнутыми сторонами. По краям бляшек – рельефный ободок, повторяющий форму изделия. В центре каждой бляшки отверстие. По паре таких же отверстий у края каждой из сторон четырехугольника.

4. Шаровидный бубенчик, сделанный из двух половинок; линия соединения их рельефная. К бубенчику прикреплена петелька для подвешивания.

5. Навершие головного убора в виде стилизованного «древа жизни». Ствол «древа» представляет собой несомкнутую трубочку. Верх трубки разрезан на семь пластин, которые, изгибаясь, имитируют семь «ветвей» пышной «кроны». Так же просто сделана «корневая система»: низ трубки разрезан на четыре полосы, которые отогнуты под прямым углом к стволу. У края каждой из отогнутых полосок пробито по отверстию для крепления.

Вес всех золотых украшений, найденных мальчишками на городской свалке, составил 78,98 грамма, проба 900, стоимость (по государственной оценке) 6318 рублей 40 копеек¹.

Наибольшее художественное значение из всего комплекса имеет четырехугольная серебряная ажурная пластинка. Каждая из ее сторон, как и у золотых бляшек, немного вогнута внутрь. (Пластинка была разломана при извлечении на две части). Небольшой фрагмент левого нижнего угла утрачен. Вся плоскость пластины заполнена профильными изображениями двух оленей, как бы противостоящих друг другу. Они соприкасаются мордами, грудью и коленями передних ног. Головки откинута, шея и грудь гордо выгнуты. Зеркальность изображения полная. Реализм в целом сочетается с условной трактовкой отдельных деталей. На бедре и лопатке каждого животного – шестилепестковые цветочные розетки, на шее и ребрах – растительные побеги. Шерсть передана косыми короткими штрихами. Но самое удивительное – ветвистые олени рога. Они разрастаются, достигают краев пластины вверху, по сторонам и даже внизу, незаметно становятся ветвями «древа жизни», как бы растущего между оленями. Ветви-рога придают изображению и украшению легкость, ажурность. Все изображение заключено в широкую рамку, в целом украшенную треугольниками с косой насечкой².

Необходимо отметить, что 43 предмета – это далеко не полный комплекс вещей, который находился в погребении. Часть находок упала в воду, другую – мальчишки сами выбросили. Неизвестно еще, какой ущерб нанес «дядька», который, по словам братьев Дорофеевых, «копался с лопатой» на месте погребения после ухода ребят. Но и та часть вещей, которая попала в музей, является новым словом в археологии Северного Кыргызстана.

По письменным источникам известно, что скотоводов-саков на территории нашей республики во II в. до н. э. сменили скотоводы-усуни, прибывшие из Центральной Азии. Следовало ожидать, что и культура Кыргызстана с этого времени заметно изменится.

¹ Газиев А. Люди и клады // Литературный Киргизстан, 1988. – С. 126.

² При описании коллекции мы пользовались рукописью буклета, подготовленного к печати Л. Г. Ставской. Авторы выражают ей благодарность за предоставление еще не опубликованных материалов.

Однако археологи до сих пор не умеют различать погребения саков и усуней. Мы хорошо знаем сакские погребения и только гадаем: а каковы же были усуньские? Те погребения, которые мы приписывали усуням, по сути дела ничем не отличались от более древних сакских захоронений. В науку вошел даже не совсем научный термин «сако-усуньская культура». Но разные народы должны иметь и разную культуру. Нам представляется, что на северо-восточной окраине города Бишкека летом 1985 г. было открыто первое погребение усуньского времени в Северном Кыргызстане. Для датировки его нужно рассмотреть комплексы и целые серии вещей из Афганистана и Центральной Азии.

Осенью 1978 г. весь мир облетела весть об «открытии века» в Северном Афганистане – сокровищах Тилля-тепе. Сотни рабочих-землекопов трудились над расчисткой храма конца II тыс. до н. э. Неожиданно лопата вывернула золотые украшения, относящиеся явно к более позднему времени – к кушанской эпохе. Впускные погребения нарушали античные слои, но совершенно не имели внешних признаков. Это спасло их от разграбления. На развалинах древнего храма был найден царский могильник с фантастически богатым погребальным инвентарем. Руководитель экспедиции с советской стороны доктор исторических наук В. И. Сарианиди высказал предположение, что это были захоронения местных правителей, происходивших из кочевников-юэчжей (тохаров), которые, предвидя последующее ограбление и осквернение могил предков, тайно хоронили своих соплеменников на заброшенном к этому времени городище. В глубоких ямах помещали деревянные гробы, в которых лежали умершие, буквально усыпанные золотыми украшениями¹.

Затаив дыхание, слушали мы рассказ В. И. Сарианиди о раскопках Тилля-тепе на Всесоюзной конференции в Эрмитаже, посвященной памятникам древнего и средневекового искусства Кыргызстана, в июне 1983 г. За сезон было раскопано 6 могил царского некрополя, в которых обнаружено свыше 20 тыс. золотых изделий, в том числе крупные предметы художественного искусства такие, как короны, подвески, ожерелья, пекторали, браслеты, перстни, ножи, кинжалы и прочее. На многих ювелирных изделиях ярко прослеживается греческое влияние, на других – кочевые традиции Центральной Азии, которые уходили своими корнями в мир засырдарьинских скотоводов на Тянь-Шань и далее на восток. Но монеты, найденные в могилах, как золотые, так и серебряные, были чеканены в Риме, Парфии, Индии, что и позволило довольно точно датировать захоронение рубежом нашей эры, т. е. эпохой Великих кушан – царской династии из кочевников, которые разгромили ранее могучее Греко-Бактрийское государство и на его развалинах создали державу. Не исключено, что именно в районе современного г. Шибарган в Афганистане находилась резиденция одного из правителей кушан ранней эпохи, пришедшего сюда из среднеазиатских пределов.

Поселившись за высокими стенами античного города Емшитепе, представители бывших кочевников, ставшие правителями государства, здесь же хоронили своих умерших предков с ослепительным, поистине варварским великолепием. Наряду с привозными изделиями в погребениях множество золотых фигурных бляшек явно местного происхождения. Особенностью последних является синкретический (смешанный) стиль, соединяющий эллинистическое влияние греко-римского мира с искусством горных и степных кочевников, так называемым «звериным стилем» саков. Здесь же встречаются зооморфные изображения, фантастические драконы, целые художественные композиции. Вот золотые нагрудные застежки. На одной из них древний воин в полном боевом облачении, у ног его драконы, у головы – птицы с развевающимися лентами. На второй застежке – крылатые амурсы. А вот золотая бляшка с изображением человека с дельфином. Рядом золотая подвеска, в центре её фигура кушанского правителя, борющегося с двумя драконами, ниже на цепях свисают круглые бляшки. Вероятно, в качестве печати использовалась литая золотая бляшка с изображением богини Афины.

¹ Сарианиди В.И. Афганистан: сокровища безымянных царей. – М., 1983.

Золотая гривна и застёжка, отлитые в виде двух половинок с одинаковым скульптурным изображением воина, напоминают греческого бога войны Ареса. Примечательна золотая пластина с барельефным изображением поверженной лошади, на которую напали два разъяренных крылатых дракона.

Все сокровища были тщательно расчищены, пронумерованы и надёжно упакованы для транспортировки. Находки сразу же заняли достойное место на стендах Кабульского национального музея. Это был самый замечательный в стране и уникальный по своей коллекции музей, которому вполне могли позавидовать крупнейшие музеи мира. В больших залах двухэтажного особняка располагалась экспозиция памятников культуры доисторических времен Бактрии и эллинизма, кушан и буддизма, ислама. Летом 1978 г. было заключено соглашение между Кабульским музеем и Государственным музеем народов Востока СССР, предусматривающее дальнейшее сотрудничество по исследованию античных ценностей. Это было торжество культуры Тилля-тепе и сотрудничества археологов обеих стран. Однако вскоре наступили иные времена.

Раскопки, поведавшие миру о богатейших погребениях первых кушанских правителей, неожиданно и ярко приоткрывшие одну из ранних страниц истории государства кушан, так многообещающе обнадежившие ученых всего мира, после прихода к власти Амина были приостановлены. Более того, с тилля-тепинскими находками поступили с истинным вандализмом. По приказу из резиденции Амина – дворца «Гольханэ» помещение музея передавалось генеральному штабу армии. Срочно, в течение суток следовало «очистить» музей. Лихорадочно упаковывались в подручные средства бесценные античные скульптуры, старинное оружие, уникальные археологические находки, в том числе и сокровища Тилля-тепе. Отныне им отводился так называемый «дом Наима» – тесное здание в бывшем королевском дворце. Ящики в беспорядке свалили у здания и ... «забыли» о них. Но не все. Грабители и нечистые на руку дельцы были тут как тут. Часть экспонатов перекочевала во дворец Амина и позже оказалась за границей.

Вернемся, однако, к погребению у города Бишкек. Что общего имеет наш памятник с погребениями безымянных царей в Афганистане? Таких моментов несколько: отсутствие внешних признаков (насыпь, каменная выкладка) захоронения; значительная глубина могильной ямы; погребение в деревянных гробах, составные части которых скреплены железными скобами; ориентирование погребенных головой на север. Таким образом, погребальный обряд и погребальные сооружения в обоих памятниках близки.

А что можно сказать о сопровождающем инвентаре? В Тилля-тепе есть железные ножи с кольцевым навершием, миниатюрные ножики, какие-то украшения из золотых трубочек, но в целом комплекс вещей из погребения у города Бишкек относится к другой культуре. Истоки её в Центральной Азии и Южной Сибири. Наиболее ярким показателем этого является серебряная ажурная пластинка с изображениями оленей. Точных аналогий пластинке нет. Она относится к кругу широко известных гуннских поясных ажурных пластин. В основном они были распространены на территориях, находившихся в политической зависимости от гуннских владык (Монголия, Ордос, Южная Сибирь, Забайкалье). Датируются они в пределах II – I вв. до н. э. Только единичные экземпляры встречаются в I в. н. э.¹

В Средней Азии находки таких пластин крайне редки. Две из них обнаружены в Южном Таджикистане и одна – в Казахстане. Наша – четвертая, причем наиболее выразительная.

Далеко на восток от Кыргызстана уводят и поиски аналогий золотой пекторали. По устному сообщению монгольского археолога Д. Цевендоржа, с которым авторы

¹ Дэвлет М.А. Сибирские поясные ажурные пластины. II в. до н. э. – I в. н. э. – М., 1980. – С. 16. (САИ. Д. 4-7).

осматривали (1988 г.) комплекс вещей, найденных в погребении у города Бишкека, подобная пектораль была случайно найдена в Монголии близ Улан-Батора.

Чуйская долина никогда не входила в состав державы гуннов. Во II в. до н. э. и позже здесь было образовано государство усуней, которое успешно противостояло гуннам. Но до переселения на Тянь-Шань усуни жили рядом с гуннами и в III в. до н. э. даже подчинились им. Тогда усуни могли позаимствовать некоторые специфические гуннские вещи, видоизменить их и принести с собой при переселении на Тянь-Шань. Усуньская принадлежность погребения у г. Бишкека, конечно, только гипотеза, которую нужно тщательно проверить. Нет сомнения только в одном: мальчишки из «Красного строителя» обнаружили ценный комплекс вещей, которые относятся к рубежу н. э., то есть к усуньскому времени.

СОКРОВИЩА «ЧУЙСКОЙ ЦАРИЦЫ» (Археологический детектив)

И все, что было под землею,
сделалось видимо, как на ладони.

Червонцы, дорогие камни
в сундуках, в котлах ...

Н.В. Гоголь

В сейфах республиканского Исторического музея в городе Бишкеке хранятся прекрасные ювелирные изделия из золота, серебра, позолоченной бронзы. Они украшены яркими самоцветами. Преобладают красные оттенки гранатов и янтарей. Работа ювелиров выше всяких похвал: тонкая, изящная, со вкусом. Сделаны эти украшения были еще в V – VII вв., но даже в наши дни любая женщина, даже с самыми большими претензиями сочла бы за честь хоть разок покрасоваться в таком гарнитуре.

Найдены были эти украшения в катакомбных и подбойных погребениях Центрального Тянь-Шаня, Алая, Кетмень-Тюбе, в долине реки Талас. Постепенно в Историческом музее была собрана внушительная коллекция, которая уступает, пожалуй, только всемирно известному эрмитажному собранию¹. Основу этой коллекции составляют сокровища, случайно найденные в Чуйской долине.

В начале августа 1958 г. на узком поле у входа в ущелье Шамши, что расположено к югу от города Токмака, колхозники убирали урожай. Вдруг колесо комбайнового агрегата провалилось, машина резко накренилась, но устояла. Когда ее вытащили, то увидели подземную камеру, потолок которой не выдержал многотонной тяжести и провалился. Несмотря на то, что камера была полусасыпана землей, люди увидели золото ... Много золота! Как же они поступили с находкой? Может быть, сообщили властям, милиции или ученым из Академии наук республики? Ничуть не бывало. Люди спрыгнули в провал, разгребали землю руками, срывали с костей усопшей драгоценности. Потом разделили добычу на части и припрятали в домашних тайниках.

Что же укрыли в своих сундуках современные грабители? Они упрятали ни много, ни мало – около 80 прекрасных изделий раннесредневековых ювелиров. Среди них и золото, и серебро, и самоцветы. Приведем здесь лишь краткое описание шамшинского комплекса².

Изделия из золота. Маска на лицо из тонкого листа. Черты лица намечены схематично. Широкий рот с тонкими губами. Миндалевидные глаза из сердолика закреплены тонкой ленточкой золота, припаянной ребром к основе. Острый прямой нос сделан из отдельного листа и тоже припаян. На носу и щеках проколами изображены три

¹ Засецкая И. П. Золотые украшения гуннской эпохи. – Л., 1978.

² Полное описание см.: Памятники культуры и искусства Киргизии: Древность и средневековье: Каталог выставки. – Л., 1983. – С. 16-50.

елочковидные «древа жизни» (имитация татуировки?). По краям маски имеются отверстия для крепления. Вес 61,49 г.

Круглодонная тонкостенная кружка с отогнутым венчиком. Ручка прикреплена к стенкам при помощи круглых заклепок. Дно припаяно. Вес 60,31 г.

Два совершенно одинаковых перстня. Кольцо – тонкая золотая лента, на которую с внешней стороны напаяны рельефом «веревочки» из двух перевитых проволочек, между которыми размещена «спираль» из скрученной ленточки. Щиток перстня состоит из трех частей: центральный овальный, крупный, с двух сторон к нему примыкают маленькие круглые. Вставки из гранатов, закрепленных в гнездах из вертикально напаянных ленточек. Вокруг гнезд ободки из зерни. Вес 18,5 г.

Медальон, основанием которого служит овальная пластинка. В нем погрудное изображение женщины монголоидного облика. Волосы расчесаны на прямой пробор. Одежда с широкими отворотами и глубоким декольте. Барельеф выполнен из двух хорошо пригнанных кусков граната и окружен широким ободком, разделенным на отдельные гнезда с вставками из граната. В шести местах к медальону крепилось ожерелье, составленное из отдельных звеньев. Каждое звено представляет собой стилизованный лист дерева, сделанный из яркого граната и оправленный золотом. Вес 65,52 г.

Пара сережек, составленных из трех разных последовательно соединенных между собой колечками звеньев. Звенья разделены между собой перегородками для вставок из самоцветов. Вставки не сохранились. К серьгам с боковых сторон прикреплены подвижные «шумящие» подвески – такие серьги приятно звенели даже при легком повороте головы. Вес 28,28 г.

Пара наконечников подвесок, каждая состоит из трех частей: двух полых шариков и полушария с пирамидальными подвесками. Поверхность шариков покрыта округлыми и восьмеркообразными напаянными узорами из проволоки. Вес 29,3 г.

Из золота, серебра и янтаря сконструировано сложное украшение женского головного убора. Основу его составляет серебряный обруч, который украшен золотыми вертикальными рядами лжезерни и яркими янтарями. От обода вверх, изгибаясь наподобие остова юрты, шли золотые пластинки, образующие полусферу. Внизу обруча закреплено свыше шестидесяти цилиндрических «шумящих» подвесок.

Чистое серебро пошло на изготовление двух цилиндрических коробочек с крышками, свыше тридцати круглых бляшек с вставками из красного стекла, ложечки для косметики. Этим же металлом были украшены широкий кожаный пояс, деревянная основа грифа музыкального инструмента (?) и еще ряд изделий.

Читатель, видимо, устал от перечня сокровищ из золота, серебра и драгоценных камней, напоминающего инвентаризационную опись сокровищ пещеры Али-Бабы. А ведь в погребении кроме золота и серебра была найдена еще и роскошная конская сбруя художественной работы, выполненная из серебра и позолоченной бронзы с украшениями из самоцветов и стекла. Немалую ценность имели и восемь браслетов, выточенных из цельных кусков дымчатого нефрита с легким коричневатым оттенком.

В общем, современным грабителям крупно повезло. Дармовое богатство как с неба свалилось. Наверное, у читающего эти строки давно напрашивается вопрос: «А откуда авторам, собственно говоря, известны такие подробности о древних сокровищах, припрятанных в чужих сундуках?» Дело в том, что в сундуках они пролежали недолго. Наивно было полагать, что в таком селе, как Шамши, где «все про всех всё знают», можно было сохранить тайну. Шила в мешке не утаишь. Нашелся-таки гражданин, который сообщил о кладе властям. И что же власти? К их чести, они провели оперативную тонкую психологическую работу и изъяли весь клад до вещицы. В наше время, время гласности, впервые представилась возможность рассказать об этой операции со слов ее участников.

По получении информации в село сразу же выехала группа в составе одного из руководителей КГБ республики в полковничьей форме и при всех регалиях, директора Института истории АН Кыргызстана, двух подтянутых молодых людей в строгой

цивильной одежде и с нужным для поисков драгметаллов прибором. В списке предполагаемых похитителей сокровищ значилось одно женское имя. С этой женщины и решили начать. Подошли к дому, вежливо поздоровались. Хозяйка удивлена неожиданным гостям, но держится невозмутимо. Пригласила войти.

– Гражданка, люди говорят, что вы нашли золото, – обратился к хозяйке офицер. – Если Вы его сдадите добровольно, то не понесете наказания за нарушение закона.

(Длительное и искреннее возмущение, из которого можно было понять, что врагов у всех много, и что золото она за всю жизнь и в глаза не видела).

– Ну раз золота нет, то и разговора нет, – говорит офицер. Подпишите бумагу, что у Вас действительно нет золота, и покончим с этим.

(Хозяйка решительно берется за протянутую бумагу и ручку, садится к столу, но боковым зрением замечает, что молодые люди достают и налаживают какой-то прибор. Она поднимается, идет в соседнюю комнату и выносит узелок. Развернули: часть позолоченных украшений конской сбруи и горсть серебряных бляшек).

– Больше нет? Подпишите бумагу ... – Офицер кивнул в сторону молодых людей: – Ищите!

(На глазах женщины выступили слезы ... На свет появляется золотая маска. Янтарные глаза, казалось, благодарно лучатся. А хозяйка с видимым облегчением подписывает бумагу). Пока молодые люди под диктовку директора Института истории составляли предварительную опись сокровищ, хозяйка отвела офицера в самый дальний угол и долго что-то говорила. Расстались по-доброму.

– Что она тебе шептала? – спросил директор на улице.

– Обыкновенная человеческая слабость, – улыбнулся офицер. – Подробно и толково рассказала, кто участвовал в дележе, где живет и кому что досталось.

С другими было легче. «Счастливики» добровольно и полностью сдали награбленное. Так сотрудники республиканского КГБ не дали пропасть сокровищу, законному достоянию республики. Клад оказался там, где и должен был находиться, – в Историческом музее.

А что же с людьми, нашедшими и утаившими клад? К ответственности их не привлекали, так как была оформлена добровольная сдача находки, но и положенного по закону вознаграждения они не получили – «добровольность»-то была вынужденной.

Много лет спустя одному из авторов этих строк – В. П. Мокрынину – пришлось поблизости от места находки знаменитого Шамшинского клада вести раскопки в селе Калиновка, что на левом берегу реки Шамши. Здесь судьба неожиданно свела археолога и «грабителя». Он сам подошел и рассказал о случившемся. По его словам, если бы они в то время знали законы, то, конечно, сдали бы сокровища государству и довольствовались бы положенным вознаграждением. Кроме того, они полагали, что нашли не древние произведения искусства уникальной научной ценности, а погребение жены бая или манапа времен коллективизации. Отсюда вывод: необходимо вести серьезную работу по историческому образованию населения республики, разъяснению советского законодательства относительно памятников истории, широко популяризировать и пропагандировать сами памятники археологии.

Что же удалось выяснить ученым, которые провели опрос участников находки и обследовали само погребальное сооружение в ущелье Шамши? Археологи П. Н. Кожемяко и Д. Ф. Винник прежде всего тщательно осмотрели местность. Когда-то здесь был курганный могильник, но в результате многолетней распашки он превратился в почти ровное поле. Это было грубым нарушением законодательства о памятниках истории. Нужно было получить разрешение Совета Министров республики на снос курганов, но предварительно дать возможность археологам изучить их. Кое-где еще были видны остатки курганных насыпей. Если бы не случай, об этом могильнике никто бы не вспомнил. Археологи расширили провал, перебрали всю землю в погребальной яме-камере, а затем просеяли ее через сито. Новых находок практически не было, но выяснили

ученые не так уж и мало. Курган Шамши был примерно 20 м в диаметре. Обычно насыпь таких курганов не превышает 2 м. Погребальное сооружение представляло собой комбинацию из прямоугольного дромоса – ямы и катакомбы (небольшой пещерки, выдолбленной в стенке ямы). Вход в катакомбу был закрыт тремя крупными камнями. Погребение совершалось в катакомбе. Умершую поместили в гроб, сделанный из тонких досок, скрепленных медными скобами. Гроб поставили на слой древесного угля. Скелет в гробу был хорошей сохранности. Череп погребенной оказался искусственно деформированным. (При жизни эта женщина, на наш взгляд, выглядела странно: голова, как самаркандская дыня, неестественно вытянута вверх. Но для своих современников она была писаной красавицей. Череп в то время, как показали раскопки, искусственно деформировали многие. Еще в раннем возрасте голову бинтовали, сжимали и вытягивали. Для чего? Ученые еще не нашли удовлетворительного ответа. Почти все золотые украшения располагались в области черепа и грудной клетки. Вне гроба, в ногах, найден бронзовый казан с четырьмя ручками, здесь же были конская сбруя, глиняный кувшин, кости барана¹.

Обладательница шамшинских сокровищ была очень богатой женщиной. Только ее личные украшения, как золотой лом, по нашим государственным закупочным расценкам оценивались суммой свыше 30 тысяч рублей. А серебро, нефрит, гранаты, роскошная сбруя? Да еще оплата работы мастеров? Названную при определении стоимости личного имущества этой женщины сумму без боязни грубой ошибки можно удвоить. Мы условно назвали погребенную в Шамши «чуйской царицей». Социальный статус ее был очень высок. Возможно, она принадлежала к родовитой знати кочевников, но не исключено, что и к ханскому роду.

Археологи в Кыргызстане раскопали очень много погребений в катакомбах, особенно в Таласской и Кетмень-Тюбинской долинах, но вот неграбленное богатое погребение удалось открыть только одно. Это произошло в 1968 г. на высокогорном плато Алая. Археолог А. К. Абетеков приступил к изучению могильника Джалпак-Дюбе. Это свыше тысячи едва различимых могильных насыпей. И практически все они носят следы ограбления в древности. Чего можно ожидать на таком объекте? Пару-другую глиняных горшков. Однако археолог никогда не знает, где найдет, а где потеряет. Нежданно-негаданно один из самых невзрачных курганчиков, который и заметить-то может лишь опытный глаз археолога, преподнес сюрприз. Он оказался неграбленным, но со странностями. В погребальной камере-подбое лежал не скелет умершего, как обычно, а деревянная чурка. Но чтобы никто не сомневался, что она заменяет реального умершего человека, на одном конце ее лежала маленькая маска из золотой фольги. Глаза и рот грубо прорезаны, вместо носа – две дырки. Правда, могила без скелета для археологов не такая уж странность. Это условное захоронение (кенотаф), которое совершалось родственниками, когда человек умер, а тела его нет (погиб в дальнем походе, утонул и быстрая горная река унесла труп, растерзали хищные звери и т. п.). В кенотафах, как правило, находят очень мало вещей. В лучшем случае в пустую могилу клали горшок и кусочек баранины. Кенотаф же могильника Джалпак-Дюбе оказался богатым. В нем найдено 30 золотых предметов: медальон и серьга с гранатовыми вставками, круглые и квадратные нашивные бляшки. Дивной работы перстень, круглый щиток которого оконтурен зернью. В круг вписана шестилепестковая розетка из вертикально напаянных золотых пластин. Лепестки розетки инкрустированы ярко-красными самоцветами, а промежутки между ними – голубой пастой. Получился аленький цветочек на лазоревом фоне. Здесь же были золотые цепочки, две застежки, украшенные гранатами, и другие драгоценности.

Как положено, «дух» воина снабдили одеждой из шелка с вышивкой золотом, мечом, луком со стрелами, ножом с рукоятью из слоновой кости и двумя чашами. Одна из

¹ Плоских В.М. Иссык-Куль: путешествие в историю. – Фрунзе, 1981. – С. 32-34.

них – плоскодонная металлическая, другая – стеклянная, изумительной красоты. Она сделана из матового стекла, стенки округлые, слегка загнутые во внутрь, имеет две ручки в виде головок львов. Стенки чаши и дно украшены резным орнаментом. Основа его – мотив вьющейся виноградной лозы. Точных аналогий чаше нет, но подобные ей производились в сирийских провинциях Римской империи¹.

В целом кенотаф могильника Джалпак-Дюбе является замечательным памятником, принадлежащим к той же культуре и к тому же времени, что и сокровища «чуйской царицы». Единичные изделия того же облика найдены в Кетмень-Тюбинской и Таласской долинах и в Центральном Тянь-Шане.

Украшения, найденные в Кыргызстане, далеко не уникальны. Они известны в Казахстане, Причерноморье, Молдавии, Венгрии, Румынии. Их практически нет в Южной Сибири и Монголии, если не учитывать единственный предмет, найденный монгольским археологом Д. Цевендоржем. Следовательно, в настоящее время наша республика является самым восточным крупным очагом распространения изделий подобного рода. Ювелирные украшения из золота с самоцветами в науке условно называли изделиями полихромного (многоцветного) стиля. Отличительной чертой их являются массивность, многодетность, геометричность форм, что достигалось такими техническими приемами, как литье, ковка, штамповка и напайка. О происхождении искусства полихромного стиля высказывались различные гипотезы. Их рассматривали как произведения готов, греко-сарматов, сармато-алан, гуннов. До сих пор в науке этот вопрос однозначно не решен. На наш взгляд, носителями искусства полихромного стиля в Кыргызстане могли стать племена, тесно связанные с гуннским государством Атилы в Восточной Европе. В середине V в., после смерти великого вождя, держава распалась. Часть тюркоязычных племен откочевала в Среднюю Азию. Характерными этнографическими признаками их были погребения в катакомбах и подбоях, однолезвийные палаши и кинжалы, изделия полихромного стиля, стеклянные сосуды римской работы. По этим признакам они близки протоболгарским тюркоязычным племенам оногурам и другим. Иранские письменные источники называли их кермихионитами (красными гуннами), а древнетюркские – он ок бодун (народ десяти стрел)². К середине VI в., когда древнетюркский каган Истеми завоевал Семиречье и Тянь-Шань, они были уже аборигенами этих мест и составили этническое ядро Западнотюркского каганата. Конечно, это всего лишь гипотеза, которая требует серьезного обоснования.

РЕЛИКВИИ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ

И в земле не хороните (богатства),
то нам есть грех великий.

Владимир Мономах

Всех, кто знаком с традиционным искусством кыргызских ювелиров, поражало обилие и разнообразие изделий из серебра. В не столь уж далеком прошлом в гарнитур украшений состоятельной кыргызки входили кольца (*шакек*), браслеты (*билерик*), серьги (*сойко*), подвески к косам (*чач учтук*), пуговицы (*топчу*) и другие предметы. Серебром оковывали седла, украшали сбрую коня, камчу, кожаные и деревянные сосуды. А почему не золотом? Ведь мог же всемогущий манап Шабдан оковать луку своего седла золотом, а Курманджан-датха при желании сменить серебряные украшения на изделия из золота? Но не оковывали и не меняли. И дело здесь, на наш взгляд, не столько в разнице стоимости основных драгоценных металлов, сколько в древней традиции.

¹ Абетеков А.К. Культура кочевников древней Киргизии // Сквозь века. – Вып. II. – М., 1986. – С. 36-38.

² Мокрынин В.П. По следам прошлого. – Фрунзе, 1986. – С. 86. (Значение протоболгарского этнонима *оногур* – десять племен; этноним *он ок бодун* имеет то же значение).

На Востоке Кыргызстан издавна был известен как крупный поставщик серебра. Самые крупные залежи его были в Таласской долине. Они разрабатывались еще в начале нашей эры. Наиболее интенсивные разработки таласских месторождений серебра велись в средневековые (IX–XII вв.). В арабо-персидских источниках верховья реки Талас назывались областью Шельджи. Временами там кроме местных рудокопов трудилось до 10 тысяч горняков из области Исфаган (Иран). Археологи насчитали в горах, окружающих долину, свыше 70 горных выработок¹.

Серебряных дел мастера средневекового Тянь-Шаня добились высочайшего мастерства. Изделия их школы наряду с иранскими и согдийскими высоко котировались на мировом рынке. Наиболее известные из них аниковское и григоровское блюда, украшенные изящными иллюстрациями к религиозным преданиям, были найдены в далеком от семиреченских городов Приуралье.

Однако кладов изделий из серебра на территории Кыргызстана на удивление мало, а в Таласской долине и вовсе не обнаружено. Видимо, и здесь не обошлось без серебряного кризиса XI – XII вв., когда столовое серебро и украшения переканчивались в звонкую монету.

В Кыргызстане найдено три клада серебра.

Подделка средневекового мастера

Январским днем 1923 г. малолетние Мария и Владимир Банченко копали глину для ремонта сарая. Дети жили в селе Покровка, которое располагалось на почтовом тракте восточнее уездного города Пишпек². Глину дети брали из большого холма, который возвышался на площади села и считался общественным достоянием; его разбирали на хозяйственные нужды все, кому не лень, даже не подозревая о том, что разрушают средневековое поселение. Вдруг лопата Марии ударилась обо что-то твердое. Девочка разгребла землю и увидела красивый кувшин, стоящий на блюде. Рядом была изящная кружка. Так был найден пока единственный в Кыргызстане клад согдийского серебра.

Кувшин был грушевидной формы с плоским дном. На шейке носик-слив, ручка петлеобразная, приклепанная к тулову одним и к шейке сосуда другим концом. Высота кувшина 28 см, вес 1559 г., емкость 4,9 л. На дне кувшина отчеканены крестообразные знаки – клеймо мастера.

Блюдо круглое, плоское с едва возвышающимися краями. К нему прикреплено кольцо для удобства удержания блюда. Диаметр блюда 26,6 см, вес 703 г.

Кружка массивная с округлым дном. К нему припаяна ножка в виде раструба. Стенки кружки немного вогнуты. Ручка фигура с круглым медальоном. В нем профильное изображение головы человека античного облика. Высота сосуда 8,5 см, наибольшая ширина 9,5 см, вес 460 г.³

Ученых заинтересовал Покровский клад, так как он приоткрывал очень интересную ситуацию, связанную с ремеслом и торговлей на Великом шелковом пути. Дело в том, что на дне кувшина были воспроизведены клейма, которыми маркировали свои изделия византийские мастера серебряных дел из далекого Константинополя. Что же тут такого? Если учесть, что профильное изображение головы мужчины на медальоне ручки имело греческий облик, можно с уверенностью говорить о византийском импорте в средневековые города Кыргызстана. Но специалистов предостерегала от столь ответственного вывода форма сосудов: типичная среднеазиатская. Такие сосуды были распространены во второй половине VII–середина VIII вв. Все они были местного производства. Пришлось более тщательно сопоставить покровские и

¹ Бубнова М.А. Добыча серебро-свинцовых руд в Шельджи // Археологические памятники Таласской долины. – Фрунзе, 1963. – С. 225-262; Мокрынин В.П. Торговые связи Киргизстана (VI–X вв.) // Арабо-персидские источники о тюркских народах. – Фрунзе, 1973. – С. 104-105.

² Ныне село Ново-Покровка Аламединского района.

³ Городецкий В. Серебряные сосуды из курганов села Покровского Пишпекского уезда // Изв. Средазкомстарис. – Вып. 1. – Ташкент, 1926. – С. 77-81.

константинопольские клейма. И тогда все стало ясно: покровские оказались... подделкой. Только через 1200 лет была раскрыта хитрость средневекового согдийского заргара (серебряных дел мастера), пытавшегося выдать свои изделия за экзотичный византийский товар.¹

Где творили эти заргары? Скрупулезное изучение их изделий ленинградским ученым Б. И. Маршаком позволило лишь очертить зону возможного производства таких сосудов – северо-восточные области Средней Азии. Их могли делать в городах Семиречья и Восточного Туркестана. Не исключено, что «хитрый» мастер жил в Чуйской долине и здесь подделывал свои изделия под византийские образцы. Несомненно лишь одно – он очень хорошо был знаком с константинопольскими подлинниками.

Отметим еще одну немаловажную для нашей темы деталь. Клад из села Покровка едва не разошелся по рукам. Мать нашедших серебряные сосуды Володи и Марии Банченко подарила кружку пишпекскому учителю Д. Масленникову, а тот – своему сыну. Кувшин и блюдо пытались продать за 400 рублей. Только энергичные действия археолога В. Д. Городецкого через Джеты-суйский облисполком спасли клад для науки.

Клад заргара из Баласагуна

Второй клад серебра был найден в совсем необычном месте – русле реки Буранинки, которая пересекает древний город Баласагун с юга на север. Он был зарыт примерно в 300 м к югу от целостных стен центральных развалин Буранинского городища. Часть его была вымыта внешними водами и снесена вниз по течению реки. Хорошо, что на это серебро случайно наткнулся житель с. Дон-Арык Чуйского района, человек серьезный и думающий. Дело, как рассказал счастливцев, было так. Работник райотдела МВД республики Алым Кылычев в марте 1987 г. совершал очередной служебный обход. Среди камней-окатышей, покрывающих дно речушки, он увидел один необычный. Поднял – тяжелый. Решил, что свинец пригодится ребятам альчики заливать. Дома разглядел внимательнее: пожалуй, не свинец. Вспомнил старинные украшения чон апы, которые бережно хранились в семье. А что если серебро? Вполне может быть. Находка попала на территории древнего и, как пишут историки, богатого торгового города. Здесь где-то были дворцы Караханов, повелевавших всей Средней Азией; здесь жил великий тюркский поэт Юсуф Хас-Хаджиб Баласагуни. Вспомнил Алым, что где-то в русле той же Буранинки ребята из Чуйского интерната, что рядом с его селом, нашли кувшин с золотыми монетами...

С тех пор в свободное время зачастил сержант милиции к месту находки. Поднял обломок монеты, в другой раз – несколько кусков проволоки; потом – еще кольцо и обломок того же металла. Со временем Алым понял, что река размывала клад и частично рассеяла его. Где-то рядом должна быть основа сокровища, его ядро, и располагаться оно должно где-то выше уже сделанных находок, снесенных водой. Он думал и искал. И нашел-таки! Уже в апреле заметил Алым в обрыве берега реки едва заметный кончик тусклого металла, стал расчищать – слиток, второй, третий, и пошло...

Когда мы впервые увидели кучу серебра, составлявшего Буранинский клад, невольно вспомнилась надпись на карте Билли Бонса, найденной юным Джимом Хокинсом. На оборотной ее стороне мелким, четким почерком Флинта было выведено: «Слитки серебра в северной яме. Отыщешь ее на склоне восточной горы, в десяти саженях к югу от черной скалы». Если верить Р. Л. Стивенсону, искатели сокровищ пиратов пренебрегли этими слитками, довольствовавшись золотом. Алым Кылычев не стал пренебрегать. Он сдал в Исторический музей республики 23 целых и 270 фрагментов слитков, более 50 обломков монет, небольшое количество незаконченных изделий и лома общим весом 9390, 3 г серебра.²

¹ Маршак Б.И. Согдийское серебро. – М., 1971. – С. 83.

² Клад подготовили к изданию зам. директора Исторического музея археолог Н. Г. Галочкина и доцент исторического факультета КГУ М.Н. Федоров. Пользуясь случаем, выражаем им благодарность за предоставление еще не опубликованных материалов.

Итак, основу Бурагинского клада составили однообразные слитки серебра. Однако это на первый взгляд. Все слитки отличаются друг от друга размерами, весом и пробой. Нет и двух, совпадающих по этим показателям. Однообразными их делает форма: одна сторона слитков плоская, а другая – сферическая. Они напоминают плосковыпуклую линзу. Делались слитки серебра по самой примитивной технологии: в земляном полу мастерской поворотом ножа делали овальную лунку диаметром примерно 3х4, 5х6, 6х7 или 8х9 см и заливали ее расплавленным серебром. Слитки получались неприглядными – с ноздреватой поверхностью, края неровные, с зазубринами. Вес их колеблется от 45,4 до 600 г. В пробе слитков тоже полный разбой – от 730,3 до 975,6. Создается впечатление, что хозяин клада, набрав даже малую толику серебра, спешил изготовить слиток и спрятать его.

Для чего нужны были такие слитки? Известно, что в Средней Азии они заменяли деньги. Кыргызы, например, и сейчас называют рубль *сом*. Этот термин восходит еще к средневековью. Так, флорентийский купец XIV в. Пегалотти советовал везти из Европы в хорезмский Ургенч полотняные ткани, а там запастись *сомами* (слитками серебра), ходившими в татарских странах как деньги¹. Слитки серебра у кыргызов в XIX в. под названием *джамбы* или *тайтуяк* («копыто жеребенка») обращались в качестве примитивной формы денег. Но *сомы*, *джамбы* и *тайтуяки* имели строго фиксированный вес и пробу. Ни то, ни другое не характерно для бурагинских слитков, что полностью исключает их применение в качестве денег. Скорее всего, основу Бурагинского клада составили «рабочие слитки» баласагунского ювелира.

Можно ли извлечь из такого клада научные исторические сведения? Можно, но весьма ограниченные. Прежде всего, датировка клада. Она представляла бы большие трудности, не будь в нем обломков монет. На некоторых из них сохранились надписи имен халифов, караханидских правителей, фрагменты их титулатуры, наименования монетных дворов. По определению известного нумизмата М. Н. Федорова, дирхемы клада были отчеканены между 1015 и 1039 годами монетными дворами Узгенда, Баласагуна (Куз-Орду), Яркенда (или Тункета?). Предполагается что отдельные монеты выпущены в Бухаре, Шаше, Ходженте. Это значит, что данный клад был зарыт, судя по самой «молодой» монете, после 1039 г. Не противоречат этой датировке и другие вещи из клада. В нем среди серебряного лома находился крупный фрагмент браслета, свитого из трех жгутов. Конец его оформлен в виде головки какого-то животного. Поверхность браслета сильно потерта – от длительного употребления. Подобные изделия ювелиров уже находили в составе Чимкентского клада, в Чиназе (Ташкентский оазис) и на городище Шиш-Тюбе (г. Кара-Балта в Кыргызстане). Они датированы X – XI вв. Однако бытовали такие украшения довольно долго. Три витых браслета с концами, оформленными в виде головок животных, найдены в Отрарском кладе, который был схоронен во второй половине 60-х годов XIII в.²

Многочисленные слитки серебра из Бурагинского клада мало что дают для изучения метрологии средневекового Кыргызстана вследствие полного несоблюдения весовых стандартов при их изготовлении. Кроме того, на некоторых слитках видны следы изъятия части их массы для мелких поделок. Тем не менее М. Н. Федорову удалось вычислить, что при изготовлении слитков использовались плавильные тигли, рассчитанные на 3000, 2500, 2000, 400 и 200 киратов серебра (*кират* – весовая единица, равная 0,2 г). Таким образом, в мастерской баласагунского серебряных дел мастера имелось не менее пяти плавильных тиглей, которые использовались в зависимости от веса поделки.

¹ Бартольд В.В. Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XVII в. // Соч. – Т. 3. – М., 1965. – С. 59.

² Байпаков К.М., Насич В.И. Клад серебряных вещей и монет XII в. из Отрара: Казахстан в эпоху феодализма. – Алма-Ата, 1981. – С. 22-24, 57. – Рис. 1, 4.

Мы уже привыкли «считать деньги в карманах наших предков», поэтому на материалах Буранинского клада попытаемся определить финансовые возможности крупного ремесленника-ювелира середины XI в. в Чуйской долине. Общий вес серебра, спрятанного им, составляет 9390,3 г. Из этого металла можно выбить 3150 высокопробных караханидских дирхемов (канонический вес дирхема составлял 2,9645 г). Эквивалентом этой суммы в золоте являются 210 динаров. На эти деньги хозяин мог купить у кочевников на ярмарке 7375 кг мяса (без костей) или 630 каракулевых шкурочек самого лучшего качества и модного тогда коричневого цвета¹. А ведь он, как минимум, владел еще домом, мастерской, лавкой, утварью, инструментами...

За какое же время простой труженик честным трудом мог накопить такое богатство? По подсчетам М. Н. Федорова, заработок простого ремесленника в то время составлял примерно 32, а подмастерья – 15 дирхемов в месяц. Следовательно, чтобы собрать сумму, равную лишь части состояния крупного ювелира, простой ремесленник должен был работать в течение около восьми с половиной лет, при этом не есть и не пить, а подмастерье вынужден был бы положить на это семнадцать с половиной лет! Если учесть, что прожиточный минимум семьи в IX–XI вв. составлял 25 дирхемов в месяц, то сумма, превышающая 3 тысячи дирхемов, для трудового люда становилась практически не достигаемой².

Буранинский клад серебра, таким образом, дал ценные и конкретные сведения о значительном имущественном неравенстве среди ремесленников в городах Кыргызстана XI в.

И последнее. Почему же клад серебра, найденный Алымом Кылычевым, был спрятан в русле реки? Не опрометчиво ли поступил его хозяин? Нет, не опрометчиво. Клад не был зарыт на дне реки. По наблюдениям археолога Л. М. Ведутовой, на дне реки, пересекающей городище, видны остатки стен помещений и другие признаки бывших строений. А это значит, что в период процветания славного Баласагуна река протекала в другом месте и лишь потом, изменив свое русло, разрушила на своем пути часть городской архитектуры и обнажила клад.

Пропавший клад

В Чуйской долине в 50-х годах был найден еще один клад серебряных изделий – он обнаружен при разборке для строительных нужд развалин одного из строений средневекового городища Шиш-Тюбе (севернее г. Кара-Балта). Клад моментально разошелся по рукам. Ученым достались лишь четыре массивных браслета. Все они выполнены в одной технике: три гладкие толстые проволоки свиты жгутом, в углублениях между свитыми проволоками проходят тонкие жгутики, скрученные из двух тонких проволочек. Концы браслетов, оформленные в виде головок стилизованных животных, разомкнуты³. Точно такие браслеты входили и в Отрарский и Буранинскийклады серебра. Расхищение Кара-Балтинского клада нанесло серьезный ущерб исторической науке Кыргызстана.

ДИРХЕМЫ, ДИРХЕМЫ, ДИРХЕМЫ...

Отыскать... сокровища не составит
никакого труда и денежки наши:
хоть пируй, хоть купайся в них,
хоть бросай их на ветер.

¹ Мокрынин В.П. Торговые связи Киргизстана (VI – X вв.): Арабо-персидские источники о тюркских народах. – С. 115-117.

² Мокрынин В.П., Федоров М.Н. Из истории торговых отношений Киргизстана и сопредельных регионов в VII – XII вв.: К вопросу о ценах // Археологические памятники Прииссыккуля. – Фрунзе, 1975. – С. 142-143.

³ Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. – Фрунзе, 1959. – С. 64.

Денежные клады не столь уж большая редкость. Наши предки всегда почитали землю не только как мать-кормилицу, но и как самый надежный сейф. Пряча свои сбережения, владелец их, разумеется, и мысли не допускал, что расстается с ними всегда, и что они много сотен, а то и тысяч лет спустя попадут в руки его отдаленных потомков. За каждым кладом – трагедия. Что помешало хозяину «востребовать» свои деньги? Внезапная смерть? Плен? Потеря ориентиров тайника? В каждом конкретном случае на этот вопрос ответить невозможно¹.

Деньги зарывали всегда, с самого начала их появления. В русском языке бытует выражение «зарыть свой талант». Его употребляют, говоря о человеке, который подавал большие надежды, но не умел (или не смог) реализовать свои потенциальные способности. Наверное, не все знают, что это выражение не имеет отношения к людским талантам, а восходит к библейской легенде о денежных кладах. По древнему преданию, некий господин, отправляясь в длительное путешествие, оставил доверенным рабам свои сбережения – 8 талантов серебра (талант – денежная единица Восточного Средиземноморья, весом около 26 кг). Два раба, получив 7 талантов, пустили их в торговый оборот и значительно преумножили и без того громадную сумму. Третий, получив всего один талант и не желая рисковать, зарыл его в землю. Прибыли, конечно, он не получил, за что подвергся порицанию возвратившегося господина. Эта притча является одним из первых письменных свидетельств, где упоминается о сокрытии денег в земле, с моралистическими рассуждениями о неразумности подобных деяний.

На территории Кыргызстана столь древние клады не могли быть ни спрятаны, ни найдены, так как собственная денежная эмиссия здесь появилась только в VIII в. Первые медные монеты в городах Чуйской и Таласской долин стали выпускать господствующие здесь тюргешские каганы и их вассалы. До сих пор в руки ученых не попало ни одного клада тюргешских монет. Но они были. Так, в 1962 г. учащиеся бишкекской средней школы № 10 Слава Тымчик и Гера Вакулин во время похода кружковцев на городище Шиш-Тюбе (севернее города Кара-Балта) нашли четыре слипшиеся тюргешские монеты. Они, судя по их состоянию, входили в более крупный массив монет, то есть в клад. Поиски его не имели успеха, так как ученики не могли указать точного места находки. В конце 70-х годов клад медных тюргешских монет был найден в окрестностях городища Ак-Бешим (близ города Токмака). Клад находился в глиняном горшке и, по словам очевидцев, содержал несколько сотен монет, которые тут же разошлись по рукам местных жителей. К археологу А.Д. Дегтяревой из состава этого клада попало всего два кружочка, до и то плохой сохранности. Расхитители Акбешимского клада медных тюргешских монет, нисколько не обогатившись лично, нанесли огромный вред исследованию раннесредневековой истории Кыргызстана и истории своего села. Здесь в VI в. была столица Западнотюркского каганата – город Суяб. Ученые предполагают, что в этом городе мог быть монетный двор тюргешских каганов и их вассалов². Изучение клада наверняка предоставило бы в распоряжение специалистов новые дополнительные материалы по этому вопросу.

Если клады тюргешских монет еще предстоит найти и изучить, то кладов караханидских монет в земле нашей республики найдено много. Кто такие Караханиды? В середине X в. в Семиречье, Центральном Тянь-Шане и Восточном Туркестане тюркские племена, объединившись, создали мощное государство, которое к началу XI в. подчинило себе почти всю Среднюю Азию. Правители этих тюрков именовали себя караханами. От этого термина произошло и название всей династии сначала в русской, а затем и в зарубежной исторической науке. При Караханидах расцвели наука, культура, ремесла.

¹ Рябцевич В.Н. О чем рассказывают монеты. – С. 46-47.

² Смирнова О.И. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. – М., 1981. – С. 60-61.

Достигли высшего своего уровня градостроительство, торговля и связанное с ней монетное дело¹. Достаточно отметить, что на территории Кыргызстана в XI–XII вв. чеканили деньги на монетных дворах городов Узгенда, Оша, Барсхана (на Иссык-Куле), Баласагуна (близ Токмака), Шельджи (с. Кировка в Таласской долине). Монетные дворы средневекового Кыргызстана выпускали медные фельсы, серебряные дирхемы и, правда, очень редко, – золотые динары. На этих трех китах и зиждилась финансовая система государства Караханидов, которая нашла свое отражение вкладах.

В X – начале XI в. тюркские владыки выпускали дирхемы из серебра высокой пробы. Такие монеты были найдены в кладе на городище Шиш-Тюбе. В 1960 г. студент истфака КГУ М. Оморев, серьезно увлекавшийся археологией, в который уж раз обследовал развалины средневекового городища. Оно располагалось близ дома студента в городе Кара-Балта, потому такие обследования были довольно частыми. Были они результативными. В свое время М. Оморев, лучше всех знавший топографию развалин, нашел в пределах стен средневекового городища более древнее поселение, собрал интересную коллекцию материальной культуры, которую передал в музей средней школы № 10 столицы республики. Среди его находок особенно интересны терракотовая личина согдийца с лихо закрученными усами и крылатый горный козел на донце поливного блюда. Обе находки войдут в историю изобразительного искусства средневекового Кыргызстана. И вот теперь – клад².

На старых городищах лучшее место для сбора подъемного материала то, где работает сельхозтехника. Пласты земли переворачиваются, то, что было скрыто, – обнажается. Как правило, наиболее частыми находками на городищах бывает керамика. Поэтому студент несколько не удивился, когда на полоске взрыхленной бульдозером земли увидел слегка поврежденный ножом машины верх сосуда. После расчистки стало ясно, что сосуд был необычной формы: бочонок, в верхней крышке которого узкая щель. Кубышка! Что же в ней? А в ней оказалось тридцать высокопробных серебряных монет, обломки серебряных украшений и проволоки, около 1000 целых монетных кружков и несколько сотен обломков.

Кубышку-копилку М. Оморев передал в музей школы № 10, а монеты изучил и, будучи уже доцентом исторического факультета КГУ, издал (в соавторстве с нумизматом М. Н. Федоровым)³.

Клад оказался очень редким, если не уникальным. Как было установлено, он состоит из двух кладов, и создавался, по меньшей мере, на протяжении двух поколений.

Сначала в копилку поместили тридцать серебряных монет. Они были выпущены между 1016 и 1027 годами на монетных дворах Восточного Туркестана и Средней Азии. Особо порадовали специалистов два дирхема, выпущенные монетным двором Куз-Орду, который функционировал всего в 120 км к востоку от Шиш-Тюбе в городе Баласагуне (близ Токмака). Они помогли уточнить важную для истории средневекового Кыргызстана дату. Видный историк XI в. Абу-л-Фазл Байхаки писал о вмешательстве могущественного султана Махмуда Газневи в борьбу между караханидскими ханами Кадыром и Туганом за город Баласагун. Махмуд помог Кадыру, и тот захватил Баласагун в 1030 г. Уж не знаем, какой причине, но здесь историк допустил хронологическую неточность. Дело в том, что в кубышке, найденной студентом, было 2 серебряных дирхема, выпущенных в Баласагуне: один от имени Туган-хана в 1025–26 г., другой от имени Кадырхана в 1026–27 г. Кому в подобных случаях верят ученые, авторитетному историку или монете? Конечно, монете, ибо она является наиболее объективным и беспристрастным носителем хронологии. Отсюда следует, что Кадыр-хан занял Баласагун отнюдь не в 1030 г., а в 1026–27 г.

¹ *Кареев О.* История Караханидского каганата (X – начало XIII в.) – Фрунзе, 1983.

² По результатам собственных разведок М.Н. Оморев написал дипломную работу «Городище Шиш-Тепе» (1962).

³ *Оморев М.Н., Федоров М.Н.* По поводу клада караханидских монет с городища Шиш-Тепе // Труды КГУ. Серия историч. наук. Вып. XIII. – Фрунзе, 1975. – С.63-70.

Вторая часть клада, состоявшая из медно-свинцовых дирхемов, стала откладываться только через 30 лет после выпуска самого «молодого» серебряного дирхема (1027 г.).

Недолго Караханиды чеканили дирхемы из высокопробного серебра. В XI–XIII вв. весь мусульманский Восток был охвачен серебряным кризисом. Он начинался и завершался в разных регионах не в одно и то же время, развивался разными темпами и приобретал различные формы. Особо остро нехватка серебра для денег ощущалась в Восточном Караханидском каганате, в состав которого входила тогда территория современного Кыргызстана. Монетные дворы Семиречья и Ферганы в начале второй половины XI в. стали чеканить монету из сплава меди со свинцом. Внешне они были непривлекательны: разные размеры, толщина и вес, неправильная форма, «рванные» края. Несмотря на то, что в составе этих монет совсем не было серебра, в надписях они назывались дирхемами, т. е. предназначались для сферы серебряного обращения. Медно-свинцовые дирхемы по сути дела были государственными фальсификатами с принудительным курсом обращения. Население прекрасно знало их истинную цену, но принимало, так как нуждалось в средствах обращения.

Крупные клады медно-свинцовых дирхемов известны исключительно в Северном Кыргызстане. Только на городище Беловодская крепость (севернее села Беловодское Московского района) найдено два крупных клада. К сожалению, в руки ученых оба попали не в полном составе. Первый клад был найден еще в 1941 г. у реки Ак-Суу на острове. Монеты лежали в глиняном сосуде. Часть их тут же разобрали местные жители и только 3045 экземпляров попали в Исторический музей.

Точно такая же история приключилась и со вторым кладом. Его нашли весной 1970 г. в селе Беловодском при рытье котлована под новый дом во дворе Салпагаровых. В котловане был обнаружен большой глиняный хум с позеленевшими от времени монетами. Весть о находке клада взбудоражила соседей. Каждый, кто приходил во двор Салпагаровых, дивился находке и, уходя, уносил горсть, а то и две ценных только для науки монет. Огромный клад таял с катастрофической быстротой. Хорошо, что о находке узнал местный краевед И. Трофимов. Он прекратил бессмысленное разграбление клада, собрал оставшиеся монеты и сдал их в Исторический музей. О трагической судьбе второго Беловодского клада сотрудник музея – археолог и нумизмат Б. Д. Кочнев опубликовал в 1970 г. статью, в которой рассказал о значении монет как источника по средневековой истории Кыргызстана и обратился к читателям газеты с просьбой вернуть монеты. Часть читателей вняли просьбе ученого и в музей поступило еще несколько сотен монет. Всего из состава второго Беловодского клада в Исторический музей попало 2245 экземпляров медно-свинцовых дирхемов¹.

К сожалению, подобное повторилось весной 1976 г. В двух километрах к северо-западу от центральных развалин городища Шиш-Тюбе велась планировка развалин древних строений под запашку. Археологов для предварительного изучения уничтожаемых памятников истории, как повелось, не пригласили. Бульдозер врезался в один из холмов, который был когда-то домом горожанина. Вдруг из-под ножа его посыпались монеты. Механизаторы собрали их, расчистили место находки. Оказалось, что монеты лежали в двух хумах на глубине около полутора метров. Один из бульдозеристов собрал 3572 медно-свинцовых дирхема и сдал их в республиканский Исторический музей. Однако значительная часть монет опять была растащена «любителями древностей». Для археологического надзора за планировкой местности был направлен археолог Д. Ф. Винник. Ему удалось собрать здесь еще 1287 монет. По сути дела, при планировке средневековой постройки городище Шиш-Тюбе было найдено два клада, очень близких по составу. Конечно, каждый из них должен был обладать некоторой

¹ Кочнев Б.Д., Федоров М.Н. Два клада караханидских дирхемов середины XI в. из Киргизии // Нумизматика и эпиграфика. – Т. XI. – М., 1974.

спецификой. Увы! Монеты перемешались. Их невозможно изучать как разные клады, поэтому предполагаемая специфика уже никогда не будет установлена¹.

Земля Кыргызстана скрывала в себе и не столь крупные собрания монет. Клад медно-свинцовых дирхемов середины XI в. был найден в 1974 г. при ремонте арычной системы в столице республики на пересечении улиц Алма-Атинской и Салиевой. Рабочие доставили 512 монет в Институт истории АН Кыргызстана и передали их археологу А. К. Абетекову. Еще раньше около тысячи дирхемов было обнаружено в селе Петровка Московского района, правда, в Исторический музей из них попало всего около сотни монет².

При раскопках городища Ак-Бешим в 1953 г. был найден клад из 75 монет, закопанный в развалинах буддийского храма. Чекан середины XI в.³

В 1958 г. в Оше во дворе средней школы им. Калинина под корнями старой чинары был найден глиняный горшок на глубине 1,5 м с 399 медными посеребренными дирхемами. Здесь же лежало три витых серебряных браслета. Клад хранится в Ошском краеведческом музее.

Во время строительства электролампового завода в г. Майли-Сай (в Ошской области) в 1968 г. рабочие обнаружили глиняный сосуд с медными посеребренными дирхемами XII в. Монетных кружков в кладе было больше сотни. Только 17 из них попали в фонды Исторического музея. Три монеты оказались в Ферганском областном краеведческом музее. Остальные монеты стали сувенирами свидетелей находки клада.

Примеры можно умножить. Однако сказанного вполне достаточно, чтобы читатель понял: недра Кыргызстана сохранили для нас самое богатое собрание медно-свинцовых дирхемов, которые являются самым важным источником по истории республики во времена Караханидов.

Но чтобы эти монеты стали историческим источником, их надо изучить: А это, ох, как трудно! Во-первых, монеты, пролежав в земле более 900 лет, попадают в руки ученых окисленными. Для того, чтобы прочитать текст на них, монеты нужно сперва очистить. И спешить здесь нельзя, так как легко можно повредить легенду (текст). Во-вторых, тщательно очищенная монета зачастую оказывается сильно потертой из-за длительного обращения. Читабельны, и то не всегда, только обрывки легенды. В-третьих, даже если монета очищена и текст оказался хорошей сохранности, и тогда правильно прочитать его не так-то просто. На караханидских дирхемах надписи выполнены арабской графикой, но без диакритических знаков. А это допускает разночтения, что ведет к ошибочным историческим выводам. Хлеб ученого-нумизмата горек. Не одну тысячу монет придется рассмотреть и изучить, пока они признают тебя своим и «заговорят», дадут верные сведения.

Кладам свинцово-медных дирхемов Кыргызстана повезло. Их изучали очень опытные ученые. Это академик АН Узбекистана М. Е. Массон (г. Ташкент), профессор Е. А. Давидович (г. Москва), кандидаты исторических наук Б. Д. Кочнев (г. Самарканд) и наш земляк М. Н. Федоров. Изученные ими дирхемы позволили с достаточной определенностью судить о политической карте Кыргызстана в середине XI в., о количестве феодальных уделов, их размерах, переменах границ, сменах правителей, времени их правления, о феодальной иерархии и титулатуре, о ленных пожалованиях и многом другом, чего нет в скудных письменных источниках. Монеты являются ценнейшим источником по истории торговли, торговых связей и экономике Кыргызстана того времени.

В XII–XIII вв. в денежном хозяйстве Средней Азии возросла роль золота. Золотые динары выпускали Караханидские правители Мавераннахра, хорезм-шахи, правители

¹ Винник Д.Ф., Федоров М.Н. Два клада караханидских дирхемов с городища Шиш-Тюбе // Киргизия при Караханидах. – Фрунзе, 1983.

² Советская Киргизия. – 1975, 28 марта.

³ Давидович Е.А. Ак-Бешимский клад караханидских монет XI в. // Тр.КАЭЭ. – Т. II. – М., 1959. – С. 242.

Хорасана. Этот очень серьезный экономический акт нашел свое отражение и в кладах Кыргызстана.

На территории республики найдено всего два клада золотых монет и оба – на городище Бурана. Первый найден в 1965 г., в Исторический музей Кыргызстана из него поступило 13 целых золотых динаров и множество обломков. Б. Д. Кочневу удалось определить 8 целых монет и 15 обломков. Среди них были монеты выпуска Сельджукидов, Гуридов, хорезм-шахов и Караханидов¹.

Ранней весной 1966 г. учащиеся Чуйской школы-интерната № 2 Коля Коломицкий и Алеша Аккулаков «исследовали» древние развалины недалеко от интерната. В стенке обрыва мальчики увидели глиняный кувшинчик. Откопали, вымыли – пригодится для школьного музея. Кувшинчик был забит землей. Но ребята не стали ее извлекать, так как опасались, что хрупкий сосуд, да еще с трещинами, развалится. Землю вынули только в интернате и под ней на дне кувшинчика обнаружили четыре целых золотых динара и несколько рубленых кусочков от монет. Вес всего золота составил 85 г. По настоянию директора интерната Ф.В. Тимофеева клад был отдан в Республиканский музей. Н. Коломицкий и А. Аккулаков получили соответствующее вознаграждение.

Начало XIII в. было катастрофичным для городов Кыргызстана. Их разрушали пришельцы – неверные кара-китай, войска правоверного мусульманина хорезм-шаха Мухаммеда, притеснял степной узурпатор Кучлук. Всех их в 1219 г. разогнала конница Чингисхана. Городской культуре и экономике Северного Кыргызстана был нанесен удар, от которого она так и не оправилась вплоть до второй половины XIX в. Естественно, что в таких условиях навсегда прекратили свою деятельность все монетные дворы Кыргызстана. Только в XIV в., да и то нерегулярно, функционировал монетный двор в городе Ош. Постепенно монгольские правители Средней Азии Джагатаиды (потомки сына Чингисхана Джагатая) упорядочили денежное обращение. Хан Кепек в 1321 г. провел денежную реформу. Отныне в государстве имели хождение серебряные дирхемы весом 1,4 г и серебряные динары, равные I весу шести дирхемам, т. е. 8,4 г. Число монетных дворов сократилось, все монеты чеканились по единому образцу с обязательным указанием имени правящего хана². Имя хана-реформатора Кепека, хотя он и правил недолго (1318–1326 гг.), появилось в русском языке при посредстве золотоордынцев еще в XV в. для наименования мелкой серебряной монеты «копейка» и сохранилось с тех пор.

В Кыргызстане известно два крупных пореформенных клада джагатаидских монет. Первый из них был найден в 1928 г. жителями села Орловка (Таласская долина) во время полевых работ в 5 километрах восточнее села, в урочище Куян-Тугай. Монеты находились в керамическом грубой работы кувшине с узким горлом. Ручка сосуда была отломана. Всего в кувшине было около 600 серебряных монет. Клад был доставлен во Фрунзе и передан в Научно-исследовательский институт республики. Лицу, нашедшему и доставившему клад, было выдано соответствующее вознаграждение. В то время в Кыргызстане не было ученого-нумизмата, который мог бы определить монеты и дать им научную оценку. Поэтому исполняющий тогда обязанности директора института С. М. Абрамзон обратился за помощью в Ташкент к известному специалисту М. Е. Массону. Последний смог вырваться во Фрунзе с оказией лишь летом 1930 г. и то лишь на четыре дня. За столь короткое время М.Е. Массон сумел определить большинство из 563 монет. Однако индивидуальные метрологические измерения каждой монеты (вес, размер, степень сохранности, особенности) он смог сделать лишь спустя 13 лет, когда был приглашен во Фрунзе на открытие Кыргызского филиала АН СССР в 1943 г. С огорчением отметил нумизмат, что Таласский клад стал «таять». Всего в кувшине было найдено без малого 600 монет, Институт по акту принял 568, в 1930 г. М. Е. Массон видел уже 563 монетных кружка, в 1943 же году оказалась утраченной еще часть монет,

¹ Кочнев Б.Д. Новые нумизматические данные по истории Караханидов второй половины XII – начала XIII в. // Киргизия при Караханидах. – Фрунзе, 1983. – С. 81

² Федоров М.Н. Нумизматика Средней Азии. – Фрунзе, 1977. – С. 129-130.

несмотря на то, что клад хранился уже в музее. Эффект «шагреновой кожи», как видим, характерен для большинства монетных кладов Кыргызстана.

Что же рассказал Таласский клад о денежном обращении Кыргызстана в XIV в.? В кладе было 66 динаров и 497 дирхемов. Большинство из них (438) были выбиты на монетных дворах Бухары, Отрара и Самарканда. На монетах упомянуто еще семь монетных дворов, но продукция их исчислялась единицами. Деньги, вошедшие в состав клада, принадлежали трем государствам: Золотой Орде (6 монет), независимым шахам Бадахшана (2 монеты) и державе среднеазиатских Джагатаидов (555 монет). Большинство монет (55,6%) было выпущено при хане Тармаширине (1326–1334 гг.). На монетах упомянуты имена еще одиннадцати джагатаидских ханов, двух шейхов Бадахшана и трех золотоордынских (джучидских) правителей. Все это свидетельствует о том, что имелась теснейшая экономическая и торговая связь Таласской долины с Мавераннахром (междуречьем Амударьи и Сырдарьи). Самая «старая» из джучидских монет клада была выпущена при хане Кепеке в 1321 г., а самая «молодая» отчеканена от имени хана Шах Тимура в 1358 г. Кувшин с монетами был зарыт вскоре после 1358 г. и пролежал в земле почти 600 лет¹.

К какому слою населения принадлежал таласский житель XIV в., спрятавший кувшин с деньгами в землю близ современного села Орловки? Для этого нужно выяснить «покупательную способность» его сбережений. Если перевести дирхемы клада в динары (1:6) и добавить имевшиеся в составе 66 динаров, то получится сумма примерно 149 динаров. Как раз в период, охваченный хронологией клада, по Золотой Орде и государству Джагатаидов путешествовал молодой, но уже известный богослов и землепроходец Ибн Баттута. Он занимался бытовыми торговыми операциями и поэтому в его повествовании о Средней Азии есть упоминания о ценах того времени. Например, замученных длительным переходом упряжных лошадей караванщики продали по 4 динара за голову, хороший скакун в Хорезме стоил 35 динаров, комплект одежды – 10 динаров, соболья шуба, которую хан Тармаширин подарил Ибн Баттуте, оценивалась в 100 динаров².

Владелец Таласского клада, исходя из данных путешественника, на свои 149 динаров мог купить табун в 37 голов плохих лошадей или 4 отличных скакуна, мог приобрести 16 комплектов обычной одежды или полторы собольих шубы.

При определении социального статуса владельца клада сразу исключим две противоположности – высшую знать и бедноту. Удельный князь Хорезма, например, подарил Ибн Баттуте 1000 дирхемов, а его супруга – соболью шубу и хорошего коня, хан Тармаширин, не моргнув глазом, преподнес 700 динаров и соболью шубу. Ну, а беднота исключается потому, что во все времена у всех народов едва-едва сводила концы с концами.

Не принадлежал владелец клада ни к высшему духовенству (жена кади Хорезма свободно распоряжается суммой в 100 дирхемов), ни к среднему купечеству. Ибн Баттута приводит эпизод с купчиком, который оперировал суммой в 600 дирхемов. Скорее всего, Таласский клад принадлежал человеку среднего достатка. Он мог быть хорошим ремесленником, городским торговцем, настоятелем мечети в небогатой общине мусульман, десятником в войске феодала и т. п.

Второй крупный клад пореформенного джагатаидского серебра был найден в окрестностях города Бишкека. Он не может быть описан, так как был целиком похищен и вывезен за пределы республики³.

Самыми «молодыми» средневековыми денежнымикладами в Кыргызстане являются сокрытые на Сулейман-горе в городе Ош медные фельсы (фулусы),

¹ Массон М.Е. Исторический этюд по нумизматике Джагатаидов (По поводу Таласского клада монет XIV в.) // Тр. САГУ им. В. И. Ленина. Археология Средней Азии. – Вып. IV. – Ташкент, 1957. – С. 41-100.

² Ибраимов Н. Ибн Баттута и его путешествие по Средней Азии. – М., 1988. – С. 72, 77, 78, 87.

³ Об этом подробнее см. раздел «Законы и клад».

выпущенные в оборот потомками Тимура. Здесь найдено три клада фельсов. В декабре 1924 г. на мусульманском кладбище, расположенном на южном склоне горы, копали могилу и нашли ведро с медными монетами. Часть их, как и всегда, разошлась по рукам, другая – оставалась в могиле, так как находившиеся здесь представители местного духовенства запретили изымать из нее монеты. При этом присутствовал любознательный школьник Г. Д. Аджигирей, который собрал у людей и зарисовал свыше полутора ста монетных кружков. Эти зарисовки изучил М. Е. Массон и определил, что монеты клада относятся к XV в.

Второй клад монет был найден на той же горе в 1925 г. Он был зарыт в глиняном сосуде. Только 36 экземпляров из этого клада попало к профессору Н. Л. Корженевскому, который 6 мая 1926 г. передал их в Главный среднеазиатский музей (г. Ташкент). Все они оказались медными фельсами Тимуридов XV в. Подавляющее большинство их (25 штук) было выбито в Бухаре, десять – в Кашгаре. Один кружок не поддавался определению из-за плохого состояния.

Больше повезло третьему кладу с Сулейман-горы. Он был найден летом 1954 г. жителем г. Ош под камнем у самого подножья горы. В составе клада 300 монет и все они (или почти все) поступили в республиканский Исторический музей. В феврале 1954 г. археолог П. Н. Кожемяко доставил для определения М. Е. Массону в Ташкент 30 монет из этого клада. Они заинтересовали ученого и тогда из Фрунзе ему была направлена для изучения 251 монета. Самая ранняя монета клада была выбита в Ширазе (селение под Самаркандом. Не путать с иранским городом Шираз!) в 1420 г., наиболее поздняя выпущена в Герате в 1458–1459 гг. Клад, таким образом, как установил М. Е. Массон, был схоронен примерно в середине третьей четверти XV в., но, видимо, до того, как в Фергане стал править Омар-Шейх, отец поэта и завоевателя Бабура. Некоторые монеты клада выполнены очень небрежно, варьируют в размере и весе, рисунок матриц зачастую больше площади монеты, сами матрицы вырезались мастерами (*мухракамами*) низкой квалификации, чеканщики монет (*зарабоны*) зачастую были мало искусны. Однако нельзя спешить с напрашивающимися историческими выводами. Все эти признаки в совокупности свидетельствуют не об упадке, а, напротив, об интенсификации экономической жизни в стране и, как следствие этого, – возросшей потребности внутреннего рынка в медной монете.

В составе клада было 125 монет, выбитых в Бухаре, 46 – в Кашгаре, 42 – дуглатского чекана Восточного Туркестана. На единичных экземплярах значились монетные дворы Орду, Ширази, Герата, Хутталана, Самарканда. На некоторых были надчеканы Андижана, Карши, Термеза, Шахрухии¹. Как видим, клад с Сулейман-горы рассказали нам много больше о торговых связях средневекового Оша, чем все письменные источники, вместе взятые.

Столь широкие связи от Герата до Кашгара, зафиксированные не в золотой и серебряной монете, которая является ценностью сама по себе, а в расхожей медной, и предположить было трудно.

Не случайно, на наш взгляд, в составе кладов преобладают монеты чекана Бухары и Кашгара. Ош XV в. имел с этими городами какие-то еще не выясненные особые торговые взаимоотношения. Достоинно внимания и то, что в кладах на Сулейман-горе не было ни единой монетки, выбитой в Оше. Это свидетельствует об исчезновении в XV в. последнего (ошского) монетного двора на территории современного Кыргызстана, который функционировал еще в XIV в.

* * *

До чего же часто деньги оказывались зарытыми в землю! Периодические издания в информационных рубриках типа «Калейдоскоп» не упускают случая, чтобы не сообщить о вновь открытых кладах. В Польше найден горшок с серебряными испанскими талерами,

¹ Массон М.Е. Клад медных монет XV века из Оша // ЭВ. – Вып. XIII, 1960. – С. 110-124.

в Сирии – кожаный мех с римскими динариями, в Египте деньги прятали, казалось бы, штатные бессребреники – монахи Коптского монастыря Дейр аль-Абьяд. В ходе реставрации под полом одной из келий нашли кувшин с 400 византийскими золотыми монетами VI–VII вв. Спустя несколько дней в другой келье также нашли кувшин с 420 золотыми монетами¹. В день завершения авторами этого раздела появилось сообщение: в окрестностях французского города Абвиля (департамент Сомма) в ходе строительства нового предприятия был найден ценнейший клад, в состав которого входило 7 тысяч серебряных монет, выпущенных в Риме в III в.²

Статистика показывает, что деньги зарывали не только очень богатые или просто состоятельные люди. Находили кувшины, в которых было до десятка медных монет, какие-то «железки», грошовые украшения. Видимо, были случаи, когда деньги хоронили все, кто их имел хоть малую толику. Почему же люди прятали деньги в землю? Причин могло быть много. Относительно каждого конкретного клада с достоверностью установить их никогда удастся. Но есть два глобальных побудительных мотива, когда человек брал лопату или кетмень, искал укромное место, дожидался темной ночи и зарывал свои деньги. Это – война и инфляция.

«Горе побежденным» – пожалуй, единственный принцип, который всегда осуществлялся во время военных действий. Если первая заповедь Марса – убийство, то вторая – грабеж. Люди знали это и старались застраховать себя. Так образовались многие невостробованные клады. Победители хорошо знали, что деньги где-то припрятаны и искали их. Ибн Баттута, например, рассказал о поисках клада по приказу самого Чингисхана в одном из разрушенных тохаристанских городов. Поводом к этому необдуманному приказу послужила старая притча, согласно которой некая женщина пристыдила одного из Аббасидских халифов тем, что отдала свое платье в уплату немисливо крупного побора с города. Платье было шито драгоценными камнями, стоимость которых даже превышала неслыханную сумму, затребованную халифом. Владыка правоверных оказался великодушным и вернул платье. Но если женщина решила досадить кому-то, а это не удалось, разве ее остановишь? Она не пожелала даже прикоснуться к одежде, которую видел мужчина не из ее рода, и продала драгоценность. Но это не все. Она даже не сочла возможным воспользоваться деньгами, вырученными за платье, которое видел халиф. Вся сумма пошла на постройку целого архитектурного ансамбля в родном городе, состоящего из мечети, караван-сарая и странноприимного дома. Постройки были шикарными, но и на них ушло только трети стоимости платья. Тогда женщина приказала зарыть оставшиеся деньги под одной из колонн мечети.

«Чингиса осведомили об этой истории, – писал Ибн Баттута, – и он приказал разрушить колонны мечети. Около трети их было сломано, но ничего не нашли. Остальные оставили»³.

В рыночной практике сплошь и рядом наступали времена, когда деньги вынуждены были менять свою активную жизнь на затворничество в тайниках. Это случалось тогда, когда денег было много, а товаров мало. Тогда деньги падали в цене и росла дороговизна. Умные люди старались попридержать «денежку» до лучших времен. Деньги превращались в мертвое сокровище, которое оживало лишь тогда, когда рынок ощущал денежный голод, а товары падали в цене. Это вторая глобальная причина появления кладов. В этом случае они обретали функцию регуляторов нормальной работы рыночных механизмов⁴.

Клады будут находить еще и еще. Возможно, их отыщет наш читатель, его сосед, знакомый. Важно, чтобы клад без единого изъята, целиком и полностью попал в руки специалистов. Тогда он будет полноправным и максимально компетентным свидетелем

¹ Известия. 1988, 6 января.

² Советская Киргизия. 1989, 25 марта.

³ Ибраимов Н. Ибн Баттута. – С. 95–96.

⁴ Рябцевич В.Н. О чем рассказывают монеты. – С. 46–47.

своего времени. От этого выиграют историческая наука, интеллектуальный потенциал республики, а это значит, что и мы с вами.

ЗАГАДКА УСТО АХМАДА (Клад гидростроителей Токтогульской ГЭС)

Благословение, и благо, и здравие, и счастье,
и радость, и владельцу сего в помощь.

*Арабская надпись
на бронзовом сосуде XII в.*

Снос или перемещение памятников истории и культуры, в том числе и археологических, по нашему законодательству запрещен. Однако законом предусмотрены исключения, когда это связано с острой хозяйственной необходимостью. В этом случае заинтересованная организация должна получить разрешение правительства республики на снос или перемещение памятника, но с условием, что обреченная древность будет изучена специалистами. Все расходы на изучение, согласно закону, осуществляются за счет организации, получившей такое разрешение¹.

В конце 50-х годов такое разрешение получила Дирекция Токтогульской ГЭС, а в 60-х годах в зоне строительства её развернулись крупные археологические работы. Руководил ими кандидат исторических наук Исман Кожомбердиев. В долине Кетмень-Тюбе, которая подлежала частичному затоплению, было немало древних могильников и средневековых городищ. В многолетнем их изучении приняли участие многие специалисты, в том числе и авторы этих строк.

Заранее скажем, что археологи перевернули тысячи кубометров земли, сделали крупные научные открытия, но ни одного клада не нашли. Как и должно быть, он был найден теми, кто его не искал.

Запомнился августовский день 1965 г., когда мы приехали в поселок гидростроителей Кара-Куль. Жара в каньоне Нарына была выше 40°. Ни ветерка, ни дуновения. А потому мы испытывали ни с чем не сравнимое удовольствие, попав в тенистый дворик дома директора строящейся Токтогульской ГЭС В.К. Байбуза. Прохлада, зеленый чай, дружеская беседа. И сам директор, и начальник стройки З. С. Серый, и непосредственный строитель нового поселка Токтогул Ш. Э. Эльчибаев, отвечавшие за финансирование наших раскопок, давно стали друзьями археологов, постоянно интересовались результатами исследований, приезжали на объекты, помогали техникой.

В. К. Байбуз подписал нашу финансовую документацию, и мы стали откланиваться.

– Исман, – сказал Виктор Константинович на прощанье, – а ты знаешь, что мои хлопцы нашли клад?

Так мы впервые узнали про клад, найденный гидростроителями в узком ущелье, где теснились домики поселка Кара-Куль. Оказалось, что бульдозеристы копали водоем («Комсомольское озеро») и наткнулись на бронзовый кувшинчик. Тогда они аккуратно, лопатой и ножом, расчистили место находки и обнаружили все остальное. Сотрудник техотдела А. И. Дайненко собрал древние вещи и отнес в помещение дирекции, где они и хранились, пока не попали к нам.

Клад состоял из пяти предметов из бронзы. Металл сохранился хорошо.

1. Чаша полусферическая, венчик немного отогнут, высота 10,8 см, диаметр 21,6 см. Заметна большая трещина на крае. Вся внешняя поверхность чаши заполнена богатым восточным орнаментом, размещенным в десяти горизонтальных полосах и четырех

¹ Об охране и использовании памятников истории и культуры: Закон Киргизской ССР. – Фрунзе, 1978. – С. 47.

медальонах. Четвертая сверху полоса – красивая вязь арабской надписи, которая гласит: «И счастье, благополучие, и счастье, и счастье». Боковые медальоны заполнены пальметами и надписью: «И счастье, и счастье, и счастье». Даже дно сосуда украшено красивыми медальонами с обеих сторон. С внешней стороны изображен идущий вправо павлин. Голова его повернута назад к высоко поднятому распущенному хвосту. На медальоне с внутренней стороны – растительный узор.

Чаша выглядит очень нарядной, мастерство чеканщика – совершенно,

2. Чаша той же формы, но меньше в диаметре. Большая часть дна выломана. Стенки, в отличие от первой чаши, украшены очень бедно. Мотив орнамента примитивный: ряд кружков с точкой, помещенных между двумя параллельными выгравированными линиями.

3. Подставка-кольцо на трех ножках. Высота ее 8 см, диаметр 13,7 см. Литье. Верх широкого кольца имеет шесть фигурных выступов в виде трилистника. На них выгравирован растительный орнамент. Ножки отлиты в виде звериных лап, которые венчает головка круторогого барана.

4. Фрагмент кольца от такой же подставки с одним выступом-трилистником, заполненным растительным орнаментом.

5. Кувшин, тулово грушевидное на конической подставке. Шейка высокая, восьмигранная, заканчивается шаровидным расширением с приподнятым длинным носиком-сливом. На тулове куфическим шрифтом вырезана подпись мастера: «Сделал Ахмад». Высота кувшина 25 см, ручка и крышка выломаны, дно отпаялось, на стенках сосуда вмятины и трещины.

Отдельные находки подобных изделий из бронзы известны на территории Средней Азии и Ирана. Немало их в Кыргызстане. В экспозиции и в фондах республиканского Исторического музея имеются несколько богато орнаментированных чаш, ступки, части бронзовых светильников. Еще более богатая коллекция средневековой бронзы хранится в Ошском краеведческом музее. На городище Бурана найден полный комплект массивного бронзового светильника. Учащиеся школы № 10 г. Бишкека отыскивали на городище «Кузнечная крепость» светильник на трех ножках. В районе села Чон-Арык (южнее г. Бишкека) найден комплект из двух чаш, очень напоминающих каракульские. Одна из них богато украшена гравированным орнаментом, другая – только рядом кружков с точкой (хранятся в Чуйской школе-интернате). Частые находки средневековых изделий из бронзы и их большой ассортимент позволяют заключить, что они были рядовой продукцией многих мастерских.

Что же нового при таком обилии подобных изделий может дать исторической науке клад гидростроителей из города Кара-Куль? На этот вопрос ответил крупнейший специалист по средневековой бронзе Средней Азии сотрудник Эрмитажа А. А. Иванов, которому И. Кожомбердиев передал клад для изучения¹.

Прежде всего, все вещи клада относятся к XI–XII вв., хотя время сокрытия их точно установить трудно. Состав его неоднороден. Здесь собрана продукция разных мастерских, а скорее даже разных ремесленных центров Мавераннахра, Хорасана и еще не определенных (кольцевая подставка на трех ножках). Каракульская находка является комплектом бытовых предметов одного хозяйства и свидетельствует о торговых связях населения горного Кыргызстана с крупными ремесленными центрами средневекового Востока.

Наибольший интерес в составе клада из Кара-Куля вызывает изящный кувшинчик с указанием имени мастера: «Сделал Ахмад». А. А. Иванову было известно десять находок кувшинов такой формы, иногда почти полностью совпадающих по размерам и пропорциям. Все они были найдены в северо-восточных областях Средней Азии. К ним

¹ Иванов А.А., Кожомбердиев И. К. Клад бронзовых вещей из Кетмень-Тюбе // Киргизия при Караханидах. – Фрунзе, 1983. – С. 193-202.

можно добавить одиннадцатый, входящий в так называемое узунское собрание бронзы (или Лягманский клад) в Южном Таджикистане, который по месту находки выпадает из ранее очерченного ареала распространения таких кувшинов¹. Но самым интригующим было то обстоятельство, что на шести из одиннадцати кувшинов-близнецов была выбита арабская (почерк куфи) надпись: «Сделал Ахмад».

Сосуды с автографом этого мастера были найдены также в селении Кара-Кишлак (Фергана) и близ Ходжента. Два кувшина с надписью «Сделал Ахмад» хранятся в Ошском краеведческом музее. Они найдены на территории города Оша. Шестой кувшин с указанием имени мастера Ахмада хранится в Эрмитаже. Он был куплен в 1936 г. у жителя Средней Азии Д. М. Юсупова, который и сам не знал точного места его находки.

Что же, случай довольно редкий, позволяющий определить не только серию предметов, сделанных в одной мастерской, но и широту территориальной торговой зоны такой мастерской, то есть рынок сбыта её продукции. Но прежде всего нужно уточнить, где же находилась мастерская усто Ахмада? Одни ученые, отвечая на этот вопрос, были слишком категоричны, утверждая, что усто Ахмад делал свои кувшины в окрестностях Ходжента, другие, более осторожные, полагали, что усто творил где-то на северо-востоке Средней Азии². Два кувшина с надписью «Сделал Ахмад», недавно найденные в городе Оше, позволяют предположить, что мастерская знаменитого усто могла располагаться если и не в самом средневековом Оше, то где-то поблизости от него – в восточной части Ферганской долины.

Когда же создавал Ахмад свои маленькие бронзовые шедевры? На этот вопрос пока нет однозначного ответа. А. А. Иванов полагает, что мастер творил во второй половине XI – начале XII вв.³. Другой крупный специалист по средневековой торевтике Б. И. Маршак считает, что серия кувшинов с именем Ахмада изготовлялась из поколения в поколение подражателями на протяжении длительного времени. А так как мастер Ахмад прославился, то подражатели ставили на части своих изделий его имя, которое стало чем-то вроде «знака качества»⁴.

Как бы там ни было, изделия ферганского ремесла находили спрос и среди избалованных товарами высокого качества самаркандцев и среди менее требовательных скотоводов Тянь-Шаня. В наше время, став экспонатами, изделия усто Ахмада хранятся в музеях Оша, Ходжента, Ленинграда, Стокгольма. Каракульский экземпляр пополнил фонды Института истории АН Республики Кыргызстан.

Тщательного изучения заслуживают два загадочных предмета из состава Каракульского клада – подставка-кольцо на трех ножках и фрагмент такой же подставки. Находки таких вещей крайне редки. Еще два подобных предмета найдены в Ферганской долине, а один – в составе уже упомянутого узунского собрания средневековой бронзы. Малочисленность находок не дает возможности разработать их типологию, надежно датировать и даже точно определить их функциональное назначение в хозяйстве. Специалисты относят эти вещи к XI–XIII вв. Возможно, каракульская находка когда-то служила подставкой для круглодонного котла или другого полусферического сосуда. Район изготовления таких подставок остается совсем не определенным⁵.

Нам удалось осмотреть две подставки из Ферганы, некоторые хранятся в Государственном Эрмитаже (куплены Н. И. Веселовским в Аште) и в Музее искусств

¹ Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Средневековая культура Тохаристана (в свете раскопок в Вахшской долине). – М., 1985. – С. 183-184.

² Негматов Н.Н., Хмельницкий С.Г. Средневековый Шахристан (Материальная культура Уструшаны). – Вып. 1. – Душанбе, 1966. – С. 179-181; Иванов А.А., Кожомбердиев И.К. Клад бронзовых вещей из Кетмень-Тюбе. – С. 199.

³ Иванов А. А. О производстве бронзовых изделий в Мавераннахре в домонгольское время // КСИА. – Вып. 122. – 1970. – С. 104-105.

⁴ Маршак Б.И. Бронзовый кувшин из Самарканда // Средняя Азия и Иран: Сб. статей. – Л., 1972. – С. 86.

⁵ Иванов А.А., Кожомбердиев И.К. Клад бронзовых вещей из Кетмень-Тюбе. – С. 200; Воронина В.Л. Бронзы Ахискета из собрания А.И. Смирнова // Средняя Азия в древности и средневековье. – М., 1977. – С. 136.

народов Востока (найдена близ Ахсикета). Их сближает с каракульской характерная деталь: на изгибах ножек изображены стилизованные головки рогатых коз или баранов. На круто загнутых рогах их видны едва заметные бугорки, передающие годовые кольца¹. Полусферический сосуд на такой подставке выглядел как бы держащимся на рогах трех козлов.

Полусферический сосуд, покоящийся на рогах трех козлов (баранов), – древняя и удивительно стойкая традиция Семиречья. Так, на озере Иссык-Куль был найден бронзовый котел, ножками которого служили три погрудных изображения рогатых архаров. Котел был отлит в V–III вв. до н. э. В средневековых городах Северного Кыргызстана подобная модель воплощена в терракоте. Нам известна серия светильников-аташданов, у которых резервуар поддерживается рогами трех козлов (городища Ключевское, «Кузнечная крепость»)². Такие светильники были «в моде» в VI–IX вв.

Мы далеки от мысли утверждать, исходя лишь из глубокой традиционности, что подставки-кольца, подобные каракульской, изготавливались в средневековых городах Семиречья, хотя известно, что барсханские мастера на Иссык-Куле в X–XI в. производили металлическую утварь³. Тем не менее, при определении специалистами возможного района производства вещей подобного рода нужно учитывать и Семиречье.

Узгенский клад. Найден при хозяйственных работах в одном из личных подворий в г. Узгене года три-четыре тому назад. Вещей было очень много: чаши, кувшины, светильники, подносы, треноги, тазы и многое другое. Из Узгена клад был передан средней школе села Куршаб. В 1989 г. директор Ошского исторического музея А. Аданов и его сотрудники убедили коллектив школы в том, что место столь ценной находки – в областном музее. Правда, небольшая часть вещей лучшей сохранности осталась в школе. Клад, таким образом, оказался разрозненным, что весьма нежелательно. С этой замечательной находкой мы ознакомились лишь в марте 1991 г. С первого взгляда стало ясно, что перед нами замечательная коллекция бронзовых изделий мастеров IX–XII вв. Клад нуждается в срочной реставрации и консервации, так как часть вещей из его состава очень плохой сохранности. Более подробно об Узгенском кладе мы расскажем читателям после его детального изучения.

КЛАД ЖАЛАУЛЫ И ГРАБИТЕЛИ «МОГИЛЬНОГО ЗОЛОТА»

Пустыней пробираясь через силу,
Мы раскопали древнюю могилу.
Увы! Напрасно рыщут наши взоры. –
Здесь в древности орудовали вору.
В.А. Лившиц

Этот клад пока не знаменит. Ему не посвящены тяжелые тома специальных штудий. За ним будущее. Он будет знаменит. Ведь он еще так молод, несмотря на то, что некоторые его составные имеют почтенный возраст в 2700 лет.

Весной 1988 г. в Казахстане был найден совсем необычный клад – клад грабителя древних курганов. Произошло это в небольшом аиле Жалаулы Кегенского района Алма-Атинский области.

¹ В.Л. Воронина не обратила внимания на эту деталь. А.А. Иванов, на ваш взгляд, неточно назвал изображения козлов головками птиц. На узунском экземпляре головки животных отсутствуют вообще.

² *Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. – М.:Л., 1952. – С. 44-45; *Мокрынин В.П.* Реплики скифского «звериного» стиля в искусстве средневекового Тянь-Шаня // Тез. докл. III Всесоюз. конф. по вопросам скифо-сарматской археологии. – Б., 1972. – С. 62-63.

³ *Мокрынин В.П.* Сведения о тюркских народах в минералогическом трактате ал-Бируни // Киргизия при Караханидах. – Фрунзе, 1983. – С. 215.

...Приход весны в горах Ала-Тоо всегда прекрасен. Тают снега, пробивается зеленая трава, быстрые ручьи устремляются вниз. Вешние воды размывают склоны гор. Оживающие ущелья притягивают к себе людей, особенно детей. Так было и 12 мая 1988 г. – шестиклассники Канат Ажигулов, Айкын Шыныбаев, Тынышбек Мукажанов и Ермек Мухаметжанов отправились на прогулку. Они, конечно, и не мечтали о том, что через несколько минут сделают открытие. И вдруг... Кто-то прямо в ручье заметил маленькую желтую фигурку архара. Рядом – олень. Еще один... Еще... И пошло... Несколько выше по ручью нашли грязный войлочный мешочек, из которого вода вымывала сокровища. Всего в тот день дети собрали 634 шедевра древних ювелиров. Почти все – из высокопробного золота.

Хорошо, что клад в абсолютно полном составе сразу попал в руки одного из самых авторитетных археологов Казахстана Бекена Нурмуханбетова. «Не один год работал я в этом районе, – рассказывает ученый, – и всегда при раскопках ждал особых сюрпризов. По обилию так называемых «царских курганов» окрестности райцентра Кеген являются уникальными для Казахстана. Места эти до сих пор изучены слабо, а самостоятельным кладоискателям сюда ход давно закрыт...»¹.

Как видим, «закон (или «правило») клада» подтвердился и в Жалаулы: археолог много лет, целенаправленно, но без успеха вел поиск, а сокровище без всякого труда, случайно нашли дети. Однако исследователь увидел то, чего не могли увидеть школьники. Он сразу понял, что находка уникальна потому, что таких кладов в Средней Азии еще не было. Составляющие его предметы относятся к самым различным хронологическим эпохам – от VII в. до н. э. до V в. н. э. Отсюда вполне обоснованный вывод: клад зарыт неизвестным (и преступным перед историей) грабителем древних захоронений.

Перед нами акт приемки сокровищ Жалаулы Центральным государственным музеем Казахской ССР, подписанный представителями администрации и известными учеными К. А. Акишевым и Б. Н. Нурмуханбетовым (Заметим, что такой акт с величайшим удовольствием подписали бы представители Эрмитажа, Британского музея, Ватиканского музея, Лувра и других крупнейших хранилищ древних сокровищ мира). Обратимся к тексту описи находок, сделанной по горячим следам 15 апреля 1988 г. в поселке Жалаулы².

1. Пектораль (1шт.). Золото. Имеет форму сплошной полулунницы. На внешней стороне напаяны фигурки архаров. Пектораль (крупное нагрудное украшение) разломана на две части.

2–9. Бляхи наборного пояса (8 шт.). Золото. Имеют форму запятых. С внешней стороны украшены напаянными фигурками архаров и зернью.

10–11. Большая и малая скульптуры лежащих оленей (2 шт.). Золото.

12–13. Большая и малая скульптурные композиции, представляющие собой геральдических оленей в зеркальном отражении. В центре композиции летящая птица (2 шт.). Золото.

14–15. Наконечник пояса (2 половины). Представляет собой полуовальную пластину, украшенную с внешней стороны фигурками архаров. Золото.

16–25. Детали наконечника пояса: четыре обломка с напаянными фигурками архаров; три фрагмента пластин, украшенных зернью, три мелких обломочка. Золото.

26–32. Штампованные пластины с изображением пантеры и головы козла (7 шт.). Золото.

33–35. Обломки золотых пластин с изображением пантеры (3 шт.). Золото.

¹ Сообщения о кладе Жалаулы см.: Труд, 1988, 17 мая; Казахстанская правда. 1988, 6 мая; Огни Алатау. 1988, 12 мая; Горизонт. 1988, 11 июня.

² С описью и фотографиями клада Жалаулы нас ознакомил канд. ист. наук Б.Н. Нурмуханбетов, которому авторы выражают искреннюю признательность, Документ публикуется с минимальной стилистической правкой.

36. Обломки треугольной золотой пластины (1 шт.). С внешней стороны напаяны конические втулки. Золото.

37. Поясная бляха (1 шт.). С внешней стороны украшена растительным орнаментом, с оборотной – напаян стерженок для крепления. Серебро.

38. Звено удила (1 шт.). Бронза.

39–96. Подвески в виде спаянных пучков из трех трубочек каждый. Пучки увенчаны колечками (58 шт.). Золото.

97–134. Подвески в виде одной трубочки с колечком (38 шт.). Золото.

135–158. Звенья наборного пояса в виде обойм (24 шт.). С внешней стороны орнаментированы «елочкой». Золото.

159–180. Обломки звеньев такого же пояса (22 шт.). Золото.

181–205. Обрывки фольги (25 шт.). Золото.

206–624. Бисер (418 шт.). Золото.

Не будем рассуждать о материальной ценностиклада, общий вес которого составил 1 кг 350 г чистого золота¹. Клад бесценен для науки. Особый интерес, на наш взгляд, вызывают пектораль, массивные бляхи, «запятые» и наконечники пояса. Скорее всего, они представляют гарнитур украшений I–III вв., то есть малоизученного усуньского времени Семиречья. Это прекрасное дополнение к ранее найденной казахскими археологами знаменитой каргалинской диадеме². Ну да научная оценка клада еще впереди, он находится в руках крупнейшего специалиста³. Однако клад Жалаулы разбередил «незаживающие раны» всех, кто занимается курганной археологией. Грабители «могильного золота» и для них – почти личные враги.

Исследователя курганов кочевников обычно ждет разочарование. Многотрудные старания коллектива экспедиционного отряда чаще всего дают минимальный результат. Вот обычная картина, которую фиксирует археолог при завершении работ в погребальной камере: части скелета разбросаны, керамические сосуды разбиты, ценный инвентарь разграблен, малоценный разломан. И виною тому хищническая деятельность грабителей.

При максимуме усердия хороший антрополог и реставратор восстановят разрушенное. А как быть с растащенным? Грабители нарушили самое главное для археолога – комплекс вещей и их взаимное расположение относительно погребенного. И восстановить это уже никто не в состоянии.

Был ли смысл грабить курганы? Судите сами.

В 1970 г. видный советский археолог К. А. Акишев раскопал курган Иссык с единственным пока нетронутым грабителями погребением юноши IV–III вв. до н. э. «Древнего юношу» метко назвали «золотым человеком». Костюм, головной убор и оружие его были буквально, как чешуей, покрыты высокохудожественными изделиями из золота. Их насчитали свыше четырех тысяч⁴. О богатом погребении в ущелье Шамши в Кыргызстане мы уже знаем.

Когда же был составлен клад Жалаулы? Обратимся к истории.

Появился обычай захоронения заупокойных сокровищ, появились одновременно и грабители этих сокровищ. Ни громадные пирамиды или курганы, которые видели все, ни тайно вырубленные в скалах гробницы, вход в которые маскировался под естественный ландшафт, ни труднодоступность и отдаленность местности, ни смертельные ловушки, устроенные людьми, ни гнев богов не могли охранить богатства умерших от разграбления.

Знали ли о грабежах современники? Конечно. Вслушайтесь в слова одного из древнеегипетских текстов: «Те, кто строил из гранита, кто замуровывал камеру в

¹ Горизонт. 1988. – № 67–69, 11 июня.

² Акишев К. Казахстанының көне алтын. – Алматы, 1983. – Б. 158–169.

³ Полную научную публикацию клада Жалаулы готовит д-р ист. наук К.А. Акишев

⁴ Акишев К.А. Курган Иссык. – М., 1978.

пирамиду, создавая прекрасные творения, их жертвенные камни так же пусты, как и тех уставших, которые покоятся на берегу, не оставив после себя наследников»¹

Разграбление погребений с древности стало доходной, часто наследственной профессией. В Египте только в конце XIX в. была «разоблачена» деревушка Курна, жители которой, начиная с XIII в. до н.э. (то есть почти 3200 лет!), занимались ограблением гробниц. Ремесло это, как и всякое иное, с незапамятных времен передавалось от отца к сыну. Подобной династии воров мир еще не видывал².

Имеются сведения об осквернениях и грабежах древних погребений и на территории нашей страны.

Причерноморье. 514 г. до н. э. Полчища персидского царя Дария I Гистаспа напали на скифов. Согласно Геродоту, скифы избрали тактику заманивания персов в глубь своих степей и лихих кавалерийских набегов, избегая решительного сражения. Это было губительно для персов. Дарий быстро понял это и, стремясь принудить скифов к решающей схватке, обвинил царя скифов Иданфирса в трусости, пытаясь таким образом задеть его ратное самолюбие. Ответ царя кочевников был спокойным по тону, но в нем слышались раскаты грозы: «Почему я не тороплюсь сразиться с тобой, объясню тебе это. У нас нет городов, нет засаженных деревьями полей, нам нечего опасаться, что они будут покорены или опустошены, нечего поэтому торопиться с вами в бой. Если бы вам крайне необходимо было ускорить сражение, то вот: есть у нас гробницы предков, разыщите их, попробуйте разрушить, тогда узнаете, станем мы с вами сражаться или нет»³. По тексту Геродота, царь Дарий не разорял могилы скифских царей, но из слов Иданфирса можно заключить, что подобный прецедент был возможен.

Центральная Азия. Конец I в. до н. э. Царь гуннов Мао-дунь (Модэ) в свое время нанес поражение народу ухуаней. Лишь по истечении столетия ухуани оправились от разгрома и решили отомстить гуннам: они раскопали могилу царя победителей. «Злопамятность» ухуаней была наказана. Двадцатитысячный корпус конницы кочевников вторгся в пределы земель осквернителей. Месть гуннов была жестокой.

Предсудительный обычай осквернения могил бытовал в среде кочевников поразительно долго. Ч. Валиханов, описывая нападение казахского султана Барака (1770 г.) на кыргызов, отметил: «... он (Барак. – *Авт.*) сделался слишком обеспеченным и, гордясь силою, осквернил святыню киргиз – могилу Кошкар-ата»⁴. Кыргызы, прежде отступавшие, напали на лагерь осквернителя, разбили его войска и гнали их до самой р. Или.

Наблюдения археологов при раскопках подтверждают сведения письменных источников. А. Д. Грач, описывая картину, открывшуюся при изучении некоторых погребений знати скифского времени в Туве, отмечал, что они были нарушены явно не с целью примитивного грабежа: скелеты погребенных были изрублены и затем вновь завалены камнями, исчезли боевые кинжалы и многие предметы вооружения, в то время как ценные бронзовые и золотые изделия остались нетронутыми⁵. Налицо попытка «обезвредить и обезоружить» даже мертвых врагов.

Видимо, нельзя слепо переносить сведения о массовых ограблениях богатых гробниц соплеменниками, которые совершались, например, в Египте, где широко были развиты товарные отношения, на кочевников, у которых эти отношения только зарождались. Колоссальные заупокойные сокровища скифских царей, на наш взгляд, имели для современников относительную ценность, так как ими невозможно было пользоваться открыто, а обменять было трудно.

¹ Керам К. Боги, гробницы, ученые: Роман археологии. / Пер. с нем. А.С. Варшавского. – М., 1963. – С. 167.

² Керам К. Боги, гробницы, ученые: Роман археологии. – С. 165.

³ Геродот. – Т. IV. – С. 127.

⁴ Таскин В.С. Материалы по истории ухуаней и саньби // Дальний Восток и соседние территории в средние века. – Новосибирск, 1980. – С. 70, 74, 78; Валиханов Ч.Ч. – Собр. соч. – Т. 1. – С. 375.

⁵ Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. – М., 1980. – С. 60-61.

Из всего сказанного следует, что современники сакских вождей почитали своих предков и охраняли их усыпальницы. Они, видимо, не так уж часто соблазнялись на погребенные сокровища мертвых, ибо выгода была проблематичной, а месть соплеменников – реальной. Как представляется, покой древних гробниц чаще нарушали чужеземцы (право же, археологам от этого не легче) после завоевания новых земель с целью унижения и «обезвреживания» побежденных. Не чужд им был при этом и меркантилизм.

Археологи давно заметили, что богатство древних погребений обратно пропорционально степени развития общества, то есть чем примитивнее общество, тем богаче погребения знати, и наоборот. Экономически и политически это объяснимо. Степная аристократия утверждала и пропагандировала свое недавно возникшее могущество через погребальные обряды с безоглядной расточительностью. Однако рано или поздно возрастающая пышность погребений знати должна была вступить в противоречие с более реальными потребностями развивающихся обществ. Великолепие и роскошь погребений стали кульминационными во времена саков. Они уже гораздо менее бросаются в глаза в катакомбных и подбойных погребениях, сходят на нет в раннесредневековых тюркских и полностью исчезают в средневековых захоронениях. «Кончается неразумное детство раннеклассовых образований, наступает расчетливая зрелость», – пишет профессор В. М. Массон¹.

Видимо, зрелый расчет развитых обществ привел не только к сведению на нет пышности погребальных обрядов. Наблюдается обратное явление. Ранее погребенные сокровища извлекаются из небытия и вновь пускаются в оборот. Для территории Кыргызстана этот период наступает, очевидно, в эпоху становления и развития феодализма.

Тянь-Шань и Южный Казахстан. XI в. Об ограблении курганов в земле тюрков писал выдающийся ученый ал-Бируни: «... в стране тюрков имеются люди, известные под именем «разрыватели могил» (набаш), которые разыскивают в земле тюрков древние могилы и раскапывают их, но не находят в них ничего, кроме того, что остается неиспорченным землей, – золота, серебра и других металлов»².

Показательно, что грабеж древних курганов во времена Бируни был поставлен на артельную основу и велся, как видно, в открытую. По крайней мере, великий хорезмиец говорит о разграблении погребений как об обычном явлении, не одобряя и не порицая осквернения могил, что по догмам ислама является одним из самых страшных преступлений. Правда, Бируни никогда не был мусульманским фанатиком. Однако тот факт, что грабеж древних курганов не осуждался и профессиональными знатоками фикха (мусульманского права), каковым был, например, ал-Бируни (XII в.), свидетельствует о том, что в эпоху феодализма раскопки старых могил стали едва ли не легитимными. Описывая Венгрию, ученый-законовед и путешественник отмечает: «И видел я в этой стране множество могил племени Ад. Мне вынули оттуда половину корня переднего зуба одного из них...»³. Какое уж здесь порицание, если даже законовед берет в дар древние человеческие останки!

Здесь уместно, однако, для некоторого оправдания столь предосудительного поведения одних из лучших представителей средневековья напомнить, что с древнейших времен, в том числе и в средние века, ценились не только предметы из золота и серебра, не только драгоценные камни, добытые в разграбленных гробницах, ценность имели и находки из обыкновенной бронзы, особенно предметы вооружения.

¹ Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. – Л., 1976. – С. 176.

² Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей / Пер. А.М. Беленицкого. – М., 1964. – С. 213.

³ Путешествие Абу Халида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / Публикация О.Г. Большакова, А.Л. Монгайта. – М., 1971. – С. 42.

В средние века было широко развито поверье, что археологические находки, особенно топоры, копья и стрелы, были небесного происхождения. Полагали, что бог грома и молнии поражал ими во время грозы людей и скот, превращал в щепы могучие дубы и в развалины строения. Обладание такими «громовыми» топорами или стрелами считалось великим благом, ибо они якобы могли излечить практически все болезни, да еще и противодействовать волшебству. Римский полководец, а затем император Гальба, увидев, что молния ударила в озеро, приказал буквально «прочесать» его сетями. Улов превысил все ожидания: поймали 12 топоров. Византийский император Алексей Комнин как особую драгоценность подарил «небесный топор» германскому императору Генриху IV¹.

Аналогичные поверья относительно археологических находок были распространены и в Средней Азии.

При археологических работах и разведках на среднеазиатских городищах Чуйской долины были обнаружены различные предметы, характерные для культуры кочевников и датирующиеся гораздо более ранним временем, чем время основания поселений. Они представлены изделиями из бронзы и прежде всего стрелами. Факт необычный. На специалистов производит приблизительно такое же впечатление, как, например, бронтозавр в зоопарке.

Факты находок в средневековых слоях городищ предметов материальной культуры эпох, предшествовавших средневековью, не могли пройти мимо внимания исследователей. Объяснение этому явлению дал профессор А.Н. Бернштам. Он полагал, что средние поселения могли быть возведены на территории, прежде уже занятой могильниками. Строители поселений, разрушая древние могилы в процессе производственной деятельности, перемешали остатки древней культуры с более поздней².

Наряду с возможностью, названной А. Н. Бернштамом, можно предположить и еще одну вероятность отложения предметов материальной культуры ранних кочевников в культурных слоях средневековых городищ.

В своем геолого-минералогическом трактате великий ученый Ибн-Сина писал: «В стране тюрок во время гроз с молнией падают медные тела в виде наконечников стрел с выступом, загнутым вверх. Подобные им падают и в странах Гиляна и Дейлема. И когда они падают, то они зарываются в землю. Субстанция их является медной и сухой»³. Если обратиться к деталям, то можно полагать, что Ибн-Сина подразумевал характерные для раннесакского времени бронзовые наконечники стрел с шипом. Как видно, ученый не сомневался в небесном происхождении медных стрел, тем не менее в Хорезме он счел возможным проводить с ними опыты.

Более критически настроенным оказался ал-Бируни. В его «Минералогии» отмечено: «В прошлом в некоторых местах железо отсутствовало или встречалось редко, и там медь заменяла его. Об этом свидетельствуют те медные наконечники стрел, которые находятся в земле гузов и которые в виде амулетов вешают детям на шею, а также медные дротики и пики, что находят под землею в Табаристане. Маги верят, что они приносят счастье, и считают оба эти вида наконечников ниспосланными с неба посредством молний»⁴.

Таким образом, бронзовые стрелы, находимые в земле гузов и тюрок, использовались в качестве амулетов-оберегов. Отсюда правомерен вывод, что среди отмеченных выше находок бронзовых стрел времени ранних кочевников в средневековых слоях городищ Чуйской долины есть не переотложенные, как полагал А.Н. Бернштам, а вторично использованные в качестве амулетов.

¹ Амальрик А.С., Монгайт А.Л. Что такое археология? – М., 1959. – С. 5-6.

² Тр. САЭ. Чуйская долина / МИА, 14. – М.; Л., 1950. – С. 97-104.

³ Беленицкий А.М. Геолого-минералогический трактат Ибн-Сины // Изв. ООИ АН Тадж. ССР. – Вып. 4. – Сталинабад, 1953. – С. 48.

⁴ Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни. Собрание сведений... – С. 129.

Где же предусмотрительные владельцы оберегов брали бронзовые стрелы? Вполне допустимы их случайные находки при земляных работах. Однако был и другой путь. При раскопках сакского могильника Кара-Булун (Чуйская долина) в полностью ограбленном кургане были найдены деревянные древки стрел со следами окиси бронзы от наконечников. Самих же наконечников не было. Естественно предположение, что и на них позарились грабители, так как спрос определял предложение. Не исключено, что могильные воры становились вполне «благочестивыми» торговцами священными амулетами.

Южная Сибирь. XVII–XVIII вв. Русские поселенцы Сибири настолько основательно ограбили курганы, что к 1764 г., когда был официально запрещен преступный промысел, практически было уже невозможно встретить нетронутое богатое погребение. Лишь малая толика ценнейших высокохудожественных произведений кочевых ювелиров (250 штук весом в 74 фунта) благодаря стараниям Петра I попала в Петербург. Сейчас она и составляет богатейшую всемирно известную «Петровскую коллекцию» Эрмитажа. Англичанин Джон Белл, который в 1699 г. побывал в Томске, писал, что грабители курганов при дележе добычи разбивали и разламывали «изящные и редкие древности с тем, чтобы каждый мог получить свою долю по весу»¹. Трудно даже представить себе, сколько драгоценных изделий было уничтожено ими. Это были настоящие «курганные пираты», нанешие истории культуры кочевников невосполнимый ущерб.

Южные Таджикистан. 1889 г. Русский офицер П. И. Покотилло писал о городище Тахти-Кувад: «Несмотря на пустынность места, там постоянно копаются несколько десятков человек, отыскивая клады». Оказалось, как сообщил английский генерал А. Канингем, кобadianский бек, во владениях которого находилось городище, сначала запретил всякие самовольные раскопки, намереваясь отыскать клад лично. Но как человек умный вскоре понял бесплодность этой затеи и продал право на поиски местным «счастливчикам». А раскопками здесь, по информации газеты «Туркестанские ведомости» за 1880 г., занимались преимущественно туркмены, жившие по Вахшу².

Кыргызстан. 1891 г. Начальник Токмакского уезда в письме известному ученому-краеведу Н. Н. Пантусову сообщает: «До сведения моего дошло, что киргизы вверенного мне уезда волостей Темирбулатовской и Бурукчинской, кочующие по Кочкорской долине, раскапывают там старые могилы, в которых находят разные вещи. Вследствие этого я, командуя своего помощника на Кочкорский чрезвычайный съезд, поручил ему проверить, насколько справедливо это сведение, и если таковое подтвердится, то немедленно принять меры к прекращению дальнейших раскопок и взять от киргиз найденные в могилах предметы». Дальше из содержания письма выясняется, что грабительские раскопки велись масштабно. Ими занялись «поголовно мужчины, женщины и даже дети». Добытые редчайшие вещи скупали приезжие купцы. Энергичные действия помощника начальника уезда привели к прекращению раскопок и даже сбору небольшой коллекции древностей, за которые он обещал платить кыргызам «вдвое больше, чем дадут сарты и татары». Обещание, по-видимому, возымело действие – к письму была приложена опись, в которой значатся золотые серьги, серебряные ажурные поясные бляхи, серебряные чаша и кувшин, крупные жемчужины и др. В описи проставлены и имена кыргызов, занимавшихся грабежом древних погребений³.

Таких случаев было гораздо больше, чем хотелось бы. Из-за многовековых преступных хищений древностей археологам пока не удалось раскопать ни одного неграбленного большого кургана в Кыргызстане. Это является серьезным препятствием при реконструкции древней и средневековой культуры кочевников Тянь-Шаня.

¹ Артамонов М.И. Сокровища саков. – М., 1973. – С. 125.

² Зеймаль Е. В. Амударьинский клад: Каталог выставки. –Л., 1979. – С. 14.

³ Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алая. – М.; Л., 1952. – С. 91-92.

При методически правильных раскопках курганов всегда представляется возможным определить, каким путем грабители проникали в погребальную камеру. Археологам Кыргызстана известны два способа грабежа.

Самым распространенным был наиболее простой, когда грабители узким раскопом («дудкой») пробивали насыпь кургана от вершины до могильной ямы. «Дудка» могла быть вертикальной или слегка наклонной. Следов крепления не обнаружено, что свидетельствует о значительной доле риска. В настоящее время следы грабительских раскопок хорошо заметны на вершинах почти всех курганов – обычно это небольшие воронкообразные углубления.

Менее распространенным был второй способ ограбления курганов – подкоп. У основания кургана выкапывали яму и из нее пробивали в грунте под насыпью штольню, ведущую с поразительной точностью в могильную камеру. В одних случаях штольня вела к более широкой стороне прямоугольной могильной ямы, а в других – к узкой, торцовой. Такой способ грабежа известен пока для могильников Кара-Каш (Кетмень-Тюбе), Петровка, Кара-Булун (Чуйская долина), Шалба (Иссык-Куль). Техника прокладки штолен (иногда длиной до 40 м) требовала уже маркшейдерских познаний, а точность ее объяснялась отличной осведомленностью о различных погребальных обрядах, знанием топографии могильника и структуры его насыпи. В совокупности все это свидетельствует о высоком «профессиональном мастерстве» грабителей. Не исключено, что здесь трудились артели «набавшей», о которых писал ал-Бируни.

Итак, наши сведения о грабителях древних курганов позволяют заключить, что любители «могильного золота» были всегда, везде, во все времена. Известный клад Жалаулы, вполне возможно, мог быть составлен и зарыт неизвестным грабителем в период между V и XIX – началом XX в. Правда, здесь надо отметить, что Б. Н. Нурмуханбетов в личной беседе высказал такое интересное предположение: мешок (или сумка), в которой был упакован клад, был сделан из грубой шерсти овцы казахской (едильбаевской) породы, следовательно, клад был составлен в первой четверти XX в. Однако датировка эта нуждается в проверке специалистами.

Наше повествование о грабителях древних курганов написано не для расширения кругозора читателей в области археологической криминалистики, а для привлечения их внимания к сегодняшним насущным задачам охраны памятников истории и культуры. Дело в том, что после грабителей в могильниках оставались многие предметы древней культуры, которые тогда казались им малоценными, зато оказались бесценными в наше время. По этим крупницам пишется история кочевников, история их культуры. Сейчас строительные и мелиоративные отряды, совхозы и колхозы, арендаторы и фермеры вооружены настолько мощной техникой, что перед ней не может устоять ни один даже самый крупный курган. Многие уже спланированы, распаханы и засеяны. Тайна их не разгадана, а это значит, что еще одни страницы древней истории Кыргызстана никогда не будут прочитаны. А может быть, это был тот единственный, неповторимый, тот, которого не коснулась хищная рука набаша? Пусть даже коснулась, по не все же утащила! Курганы – важнейший источник для познания древней истории нашего Кыргызстана. Они нуждаются в нашей охране.

II. КЛАДЫ КЫРГЫЗОВ СОКРОВИЩЕ ЕНИСЕЯ

Акыны болбой жер болбойт
Асылы болбой жер болбойт
(Нет народа без акына,
Нет земли без клада)

Кыргызская народная пословица

Кыргызы на Енисее в средние века были торговым народом. Они вели коммерцию с Китаем, Средней Азией, Ираном, Тибетом, Восточным Туркестаном. Кыргызы продавали прекрасное оружие, ценные меха, хуту (ископаемые бивни мамонта), хаданг и халандж (каповые наросты на березах), качественные сорта мускуса, скот и продукты скотоводства. Славилась боевые кони кыргызов. Китайская летопись особо отмечает: «Лошади плотны и рослы. Лучшими считаются, которые сильно дерутся»¹. Товары растекались по всему свету, а у кыргызов оставались иноземные эквиваленты, главным образом ткани и золото. Торговые люди – богатые люди.

О значительных кыргызских состояниях в средневековье свидетельствуют клады. Наиболее ценный из них был найден московскими учеными-археологами Л. А. Евтюховой и С. В. Киселевым. Это были неутомимые и плодотворные исследователи древностей Южной Сибири. С особым вниманием и любовью они относились к культуре енисейских кыргызов. По сути дела, культура эта и стала известной всему миру благодаря фундаментальным трудам этих замечательных ученых. За монографию «Древняя история Южной Сибири» С. В. Киселев стал лауреатом Сталинской премии. Такая оценка книг археологов случалась весьма и весьма редко.

Вернемся к находке самого богатого клада енисейских кыргызов. В 1939 г. Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев начали раскопки крупного кыргызского могильника у с. Малые Копены. Дата была юбилейной: ровно двести лет тому назад, в 1739 г., два русских путешественника – историки Миллер и Гмелин застали на этом же могильнике кладоискателя – старика-бродягу по прозвищу Селенга, который вот уже 30 лет грабил древние могилы. Такой факт не сулил ничего хорошего нашим археологам. Они сразу определили, что старый Селенга в свое время «потрудился на славу»: практически все курганы были ограблены. Поэтому исследование могильных ям дали мизерные результаты. Ученые смогли установить, что кыргызы сжигали трупы умерших сородичей, а пепел ссыпали в ямы, над которыми сооружали насыпь. По отдельным вещам, которыми пренебрегли или потеряли грабители, было ясно, что здесь хоронили в VII – VIII вв. На этом бы все и закончилось, если бы москвичи не применили обязательную для научных археологических раскопок методику: полное снятие курганной насыпи и тщательное исследование почвы под ней.

И вдруг (клад всегда вдруг!) один из рабочих раскопа кургана 2 в стороне от могилы приподнял небольшую каменную плитку и под ней сверкнуло горлышко золотого сосуда. Это было незабываемое зрелище. Редко кто из археологов видел что-либо подобное. Когда Л. А. Евтюхова расчистила находку, оказалось, что в небольшой ямке (30х30 и глубиной 25 см) на серебряном подносе стояло четыре прекрасных увесистых золотых сосуда!

Однако чудеса только начинались. Рядом с первым кладом в другой ямке лежало тяжелое, сильно помятое и согнутое пополам золотое блюдо, а под ним – золотые накладки на ременные пояса. Старый Селенга, наверное, перевернулся в гробу с досады – его грабительский ход в могилу был пробит всего в 20 см правее блюда. Возьми он чуть левее и прощай замечательное изделие кыргызского мастера.

Но это еще не все. Узнав, что кыргызы делали в погребениях тайники, да еще столь редко столь богатые, ученые и рабочие удесятирили внимание и усердие. Никто не хотел идти на обед, работали до полной темноты. Такая работа всегда вознаграждается. В другом, ранее раскопанном и уже оставленном, кургане 6 отыскивали еще два тайника. Они тоже располагались в стороне от могильных ям. Правда, здесь не было много золота, но вещи были очень ценными. В одной ямке лежал войлочный узелок с бронзовыми бляшками художественной работы – украшениями конской сбруи, золотые серьги и

¹ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. – М. – Л., 1950. – С. 351.

браслет, а также две пары стремян и пуговицы-бубенчики. В другой – бронзовые украшения луки седла. (На них мы еще остановимся подробнее).

Впоследствии археологи не раз находили тайники с кладами при раскопках кыргызских курганов не только на Енисее, но и в других местах их расселения¹. Однако ценнее и значимее первого клада до сих пор так и не отыскали.

Читателю, видимо, интересно узнать, как выглядел и из чего состоял столовый сервиз богатого кыргыза, который украшал его достархан, конечно же, не в будни, а по праздничным и торжественным случаям. Он состоял из четырех сосудов и двух блюд. Один из сосудов имел форму пузатой бутылки с узким горлышком. На венчике остались петли для крепления крышки. Сама крышка была утеряна до того, как сосуд попал в состав клада. На дне его нацарапана руническая надпись: «Бегское серебро мы дали». Вес 593 грамма.

Три других сосуда были почти одинаковой формы, но отличались размерами, весом и украшением. Это были кубки в виде широкогорлых кувшинов на кольцевом поддоне и с фигурной боковой ручкой.

На одном из них, с совершенно гладкими, без орнамента стенками, было процарапано кыргызскими рунами: «Золото ... дар Ача». Вес 447 граммов.

Третий золотой сосуд покрыт изящным накладным орнаментом в виде вертикальных полос от венчика до поддона включительно. В каждом гладком секторе – по два сложных медальона. На ручке – гнездо для драгоценного камня. Вес 780 граммов.

Наиболее богато выглядел четвертый кувшин. От горлышка до поддона он весь покрыт причудливыми переплетениями стилизованных растений. Они образуют фигурные медальоны, в которых изображены фантастические птицы – фениксы с рыбой в клюве. На ручке – такие же птицы и гнездо для вставки самоцвета. Вес 533,5 грамма.

Под стать последнему кувшину было орнаментировано золотое блюдо из второго тайника. Сплошная плетенка образует центральный круглый медальон и шесть периферийных, сердцевидных. В круглом медальоне – сложный орнамент, напоминающий современный кыргызский (типа «рога»); в сердцевидных – противостоящая друг другу пара фениксов. Вес 455,8 грамма.

Серебряное блюдо было позолоченным. Оно было очень нарядным, края его оформлены подобием остроконечных лепестков-фестонов. Раньше оно было на трех ножках, которые были утрачены до погребения. Вес 2070,5 грамма².

Вот так клад! Несколько килограммов высокопробного золота и серебра с позолотой! Капитал на наши рубли по ценам конца 1990 г. – не менее полумиллиона! А ведь центральное погребение, где обычно клали основные богатства умершего, было ограблено. А если учесть пашни, зимовки, отары и табуны, которые не унесешь с собой в могилу? Однако только одного клада – тайника в кургане 2 Копенского могильника достаточно для утверждения, что среди енисейских кыргызов были очень состоятельные люди.

По письменным источникам историки знали, что каганы и знать тюркских кочевников были сказочно богаты. И богатство их реализовалось именно в драгоценных сосудах, оружии, роскошной сбруе для любимого коня и других предметах внешнего престижа. Так, греческий историк Феофилакт Симокатта (конец VI – начало VII в.) писал: «... гунны (среднеазиатские тюрки. – *Авт.*) заставили мидян заплатить им под предлогом сохранения спокойствия сорок тысяч золотых. Когда таким образом правительство тюрок обогатилось золотом персов, все это племя предалось великой роскоши: они выковывали и чеканили себе золоченные ложа, столы, кубки, кресла и подставки, делали из золота

¹ Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. – М., 1969. – С. 97-101.

² Евтюхова Л. А. Южная Сибирь в древности: По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. – М., 1954. – С. 214-217.

конские украшения и полное вооружение себе и все то, что приходит на ум в опьянении богатством»¹.

Своеобразную казну на колесах, принадлежавшую тюркскому кагану Истеми, видел на Тянь-Шане в 568 г. посол византийского императора Земарх Киликийец: «В следующий день они (послы. – *Авт.*) пришли в другую комнату (юрту. – *Авт.*), где были столбы деревянные, покрытые золотом, также и ложе вызолоченное, поддерживаемое четырьмя золотыми павлинами. Перед комнатою на большом пространстве в длину были расставлены телеги, на которых было множество серебра, блюда и корзины, и много изображений четвероногих, сделанные из серебра, ничем не уступающие тем, которые делают у нас (то есть в Византии. – *Авт.*). В этом состоит роскошь тюркского князя»².

Можно привести еще ряд свидетельств о сокровищах, сосредоточенных в руках знати средневековых тюркских кочевников, но как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. А увидеть в наши дни можно не так уж и много. С кыргызским кладом из кургана 2 могильника у с. Малые Копены по количеству золота сопоставим лишь Перещепинский клад, найденный пастушонком в овраге на Харьковщине еще в начале XX в. Оба клада являются серьезными вещественными доказательствами достоверности свидетельства письменных источников относительно богатств кочевой знати.

Таким образом, мы убедились, что енисейский кыргыз – хозяин вещей, составивших Копенский клад, был очень богатым человеком, и это, как свидетельствуют его современники, не было чем-то невероятным. Важно выяснить социальное положение этого богача в средневековом обществе. Ведь он мог быть и выходцем из среды аристократии, и быть ловким простолудином, каким-то лишь ему ведомым образом разбогатевшим. Таких людей кыргызы по сей день называют «сасыкбай» (нувориш; буквально «вонючий богач»).

Некоторые вещи в кладе, а именно золотые накладки для кожаного пояса, как представляется, могут дать ответ на этот вопрос. Пояса в древнетюркской среде Центральной Азии и Южной Сибири имели двоякую функцию. Во-первых, на них крепились вооружение воина (меч, кинжал, чехол с луком, колчан со стрелами) и предметы, необходимые в походе (огниво, кремни, оселок, иглы, нитки и прочее). Во-вторых, количество, форма и качество металла наборных блях на поясе указывали на положение воина в армии, то есть были знаком отличия, чем-то вроде современных офицерских погон. Этот тюркский обычай был заимствован Китаем, согдийскими государствами, Ираном³. Был распространен он и среди енисейских кыргызов, на что кроме находок самих поясных блях прямо указывают и рунические тексты.

Одна из эпитафий, например, повествует: «Так как у вас было счастье («вам везло»), памятник вам водрузили. На пояс линовидную пряжку мы устроили. Так как у него была доблесть, то у своего хана мой бег, Аза тутук, достиг пряжки (чиновного пояса. – *Авт.*)». В другой надписи умерший скорбит о сорока двух чиновных пряжках-украшениях. У некоторых кыргызов было пряжек и побольше: «Пояс с пятьюдесятью золотыми пряжками я повязал на своей пояснице»⁴. Среди людей, имевших право носить пояса с золотыми пряжками, упомянуты беги, тутуки (наместники кагана), йиналы (владыки отдельных народов, зависимых от кагана), то есть высшая аристократия степных народов, к которым, судя по золотым накладкам на пояс, мы с полным основанием можем отнести кыргыза, похороненного в кургане 2 Копенского могильника.

Какие напитки наливали слуги в сверкающие золотые кубки, когда пиновала кыргызская знать? Прежде всего приходит на ум кумыс. Но в китайских летописях нет

¹ Симокатта Теофилакт. История. – М., 1957. – С. 78.

² Менандр. Продолжение истории Агафиевой // Византийские историки. – СПб., 1891. – С. 379.

³ Распопова В. И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. – Л., 1980. – С. 107.

⁴ Батманов И. А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. – Фрунзе. 1959. – С. 140, 151, 171.

сведений о производстве кумыса у енисейских кыргызов. Поэтому мы не можем безоговорочно утверждать о его изготовлении и употреблении, хотя содержание богатыми громадного количества лошадей (до 6000 голов) наводит на эту мысль. Зато есть прямые сведения, что кыргызы «вино квасят из каши»¹. В другом источнике этот факт подтверждается и конкретизируется: «...собирают урожай, варят кашу, чтобы делать напиток, также чтобы перебродить на водку»². Отсюда можно сделать вывод, что енисейские кыргызы из зерна делали два напитка: легкоопьяняющий типа современного бозо (брага) и довольно крепкую водку. Из Китая и Средней Азии купцы привозили виноградное вино. Археолог Л. Р. Кызласов нашел в верховьях Енисея специальный среднеазиатский кувшин для вина, ближайшую аналогию которому он видит в посуде из Чуйской долины³.

Какова была степень воздержания кыргызской знати по отношению к спиртному, мы не знаем. Источники донесли до нас лишь один случай сильного опьянения некоего кыргызского вельможи. Произошло это в 648 г. за столом китайского императора Тхай-цзуна в славном городе Китая Чаньань. Эльтебер Шибокюй Ач-жань пришел в Китай в качестве посла кыргызов и был удостоен чести отобедать с императором. За трапезой он настолько опьянел, что «изъявил желание держать Ху-бань» (то есть, стать вассалом Китая). Император сердито заметил: «В прошлое время на мосту Вей-цяо отрубили головы трем тюркам, хвалившимся множеством заслуг. Ныне эльтебер за столом, кажется, вышел из себя». Правда, император снисходительно отнесся к проступку посла и пожаловал ему высокий военный чин⁴.

Этим, пожалуй, и ограничим круг исторических сведений, связанных с замечательным золотым кладом кыргызов у с. Малые Копены.

За грудями золота в кладах нельзя забывать и о более скромных находках из позолоченной бронзы в кургане 6 Копенского могильника. Как уже отмечалось, в тайнике этого кургана были открыты штампованные украшения для луки седла. Здесь изображен горный лесной пейзаж, где охотятся два всадника. От них и охотничьих псов убегают снежные барсы, кабаны, горные козлы, лани. Художник запечатлел момент, когда охотники сами стали объектами охоты: на них сзади напали свирепые тигры. Тогда кыргызы пустили коней вскачь, развернулись в сторону хищников, натянули луки и ... Тигры застыли в прыжке, тетива лука еще не спущена. Что будет дальше, знает лишь ныне забытое кыргызское, эпическое сказание, иллюстрацию к которому сохранил нам клад. Героическая охота – необходимый сюжет в тюркском эпосе. Но он отражал реальность. Для тюркской знати охота была лучшим развлечением. Так, в эпитафии знаменитого кыргызского кагана Барс-бега отмечено: «Когда псы преследовали дичь, Вы (Барс-бег. – *Авт.*) пронеслись мимо кочевий»⁵. Очень похоже на описанный сюжет.

Фигуры всадников и животных отличаются большим реализмом, выполнены необычайно живо, динамично. Специалисты уверены, что эти изделия вышли из рук местного художника – тонкого наблюдателя и талантливого исполнителя⁶. Если золотые кубки и блюда являются шедеврами орнаментального искусства кыргызских мастеров, то бронзовые украшения луки седла – изобразительного.

Принципиальное значение имеет датировка кладов у с. Малые Копены. Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев отнесли весь могильник, а вместе с ним и клады, к VII – VIII вв. Это было время непрерывной борьбы кыргызов за независимость с тюрками и уйгурами.

¹ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений ... – С. 351.

² Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М., 1961. – С. 58, 282.

³ Кызласов Л. Р. История Тувы. – С. 35.

⁴ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений... – С. 354, 355.

⁵ Кляшторный С. Г. Стелы Золотого озера // *Türkologica*. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова. – Л., 1976. – С. 261.

⁶ Евтюхова Л. А. Южная Сибирь в древности. – С. 217-218.

На земли кыргызов неоднократно накатывали волны нашествий, которые всегда сопровождались геноцидом и грабежами. Политическая обстановка явно не способствовала сколачиванию крупных состояний. Поэтому золотой Копенский клад выглядел как нонсенс.

Все стало на свои места, когда ленинградский ученый Б. И. Маршак, изучая орнамент золотых сосудов из кургана 2, пришел к выводу, что они были сделаны в IX в. и не раньше¹. А в это время политическая ситуация в корне изменилась. Разгромив в 840 г. уйгуров, кыргызы из угнетенных сами стали угнетателями. Вполне естественно, что ценности, которые ранее изымались, возвращались сторицей, что способствовало обогащению кыргызской аристократии.

* * *

Кыргызы трогательно чтут своих предков. Даже в наши дни любой мальчик из аила, ни разу не сбившись, назовет семерых своих отцов-предков. Русский мальчик в лучшем случае назовет только отца, деда и прадеда (если знает отчество деда). Но к могилам кыргызы до недавнего времени относились с предубеждением. Похоронив предка и даже воздвигнув дорогой гумбез (мавзолей), потомки не заботились больше о сохранности сооружения. Его редко посещали, редко ремонтировали. Со временем гумбез разрушался. Такова вековая традиция. Поэтому гумбезы, как места уединенные, считались идеальными объектами для сокрытия кладов.

История донесла до нас один из таких случаев. В 60-х годах XVII в. во время правления Йулбарс-хана в Кашгаре группа видных кыргызских беков вступила в заговор против хана. Судьба заговорщиков всегда полна неожиданностей. Один из них – Турумтай-бек был мужем богатым и состоятельным. Он возвел склеп и спрятал внутри двух могил ценное имущество, дорогие ткани и драгоценности². Позже кыргызы не раз прятали свое добро в гумбезах, особенно Кораны и другие книги, написанные арабской графикой. Об этих «кладах мудрости» следующий наш рассказ.

СОКРОВИЩЕ МУДРОСТИ

Если бы собрались люди и джины,
чтобы сделать подобное этому Корану,
они бы не создали подобного, хотя бы одни
из них были другим помощниками.

Коран, 17

Средняя Азия издавна славилась не только завоевателями вроде кровавого Тимура, но и мудрецами. Причем вторых было много больше, чем первых. Здесь родились, жили и творили Али Ибн-Сина (Авиценна), ал-Бируни, Рудаки, Юсуф Баласагуни, Махмуд Кашгари, Захриддин Бабур и многие другие чтимые всем просвещенным миром мудрецы. Они оставили в наследство потомкам своим научные труды, комментарии к другим манускриптам, диваны стихов, мемуары, библиотеки. Многие из этого наследия стало частью современной цивилизации, хорошо изучено, переведено на русский и европейские языки. Однако от многих трудов остались только заглавия, известные по описям, сделанным самими великими творцами или их учениками. Поиски их – дело почти безнадежное. Это тоже своеобразные клады – клады (вернее, кладези) мудрости. На них тоже распространяется «закон клада» – случайное и счастливое переплетение многих обстоятельств. Расскажем читателю об одной из самых знаменитых книг мусульман всего мира, обнаруженной в Средней Азии.

¹ Маршак Б. И. Согдийское серебро. – М., 1971. – С. 56-57.

² Шах-Махмуд ибн Мирза Фазил Чурас. Хроника / Критический текст, перевод, комментарии, исследование и указатели О. Ф. Акимовской. – М., 1976. – С. 234.

Коран Османа. Среди археографических находок чаще всего встречался Коран. Это и естественно: каноническая книга ислама многие века являлась основным наставником в жизни и вере миллионов мусульман, их священной реликвией. Виденные нами кораны – все литографического или наборного издания с географией от Стамбула и Лакнау до Ташкента и Казани. Все они однотекстны, так как никаких отклонений от канонического текста не допускалось, поэтому-то и не представляют научной археографической ценности. Редкие же старинные рукописные экземпляры нами в Кыргызстане не встречались (по крайней мере, до этого не были встречены). Но легенды о них мы слышали.

С особым благочестием повествуют о Коране Османа – среднеазиатской реликвии. Здесь легенда тесно переплелась с былью. Реальная история знаменитого Корана началась в кульминационный момент истории Средней Азии, когда в 1868 г. русские войска заняли Самарканд. В числе военной добычи оказался единственный в мире полный куфический список Корана начала II века хиджры (первая четверть VIII в.), который хранился в мечети Ходжа Ахрара. Согласно древнему преданию, этот манускрипт принадлежал самому халифу Осману.

А теперь немного истории¹. Что же представляет собой Коран Османа? Это громадный манускрипт, написанный на 353 листах толстого пергамента. С одной стороны лист глянцевого, с другой – в мелких морщинах. Общий размер листов 68х53 см, текст занимает площадь 50х44 см, причем на каждом листе написано только двенадцать строк. Время пощадило древнюю книгу, она до сих пор хорошо сохранилась, хотя за 1200 лет пропало 69 листов. Их еще в глубокой старине заменили на бумажные, которые были подделаны под пергамент, таким образом полностью был восстановлен текст.

Нужно отдать должное тем, кто трудился над Кораном Османа. Всего в книге 114 сур (глав), различных по длине стихов. Каждый аят (стих) его отделен друг от друга четырьмя или семью небольшими штрихами. Аяты разбиты на группы, отмеченные сложным знаком: цветной квадрат со звездочкой, в центре которой кружок, в кружке – красная куфическая буква, цифровое значение которой обозначает число аятов от начала суры. Каждая сура отделена от другой цветной полосой, составленной из квадратов или прямоугольников. Названия суры не имеют. Все они, за исключением девятой, начинаются с традиционной молитвенной формулы «бисмиллах» («во имя Аллаха, милостивого, милосердного»). Написан манускрипт изумительно четким каллиграфическим почерком на арабском языке.

У Корана Османа есть еще одна особенность: на многих листах его видны следы крови. Предание гласит, что халиф сидел в зале дворца и читал именно эту книгу, когда ворвались сторонники его соперника Али. Один из них ударил халифа мечом и кровь его обагрила книгу. Вполне понятно, что такая реликвия (Осман был одним из четырех праведных халифов) очень дорога мусульманам.

Но, как установили ученые по почерку, книга была написана в начале VIII в. А это значит, что халиф Осман не мог держать в руках Коран, названный его именем, так как был убит в 656 году, то есть на пятьдесят лет раньше, чем создали этот экземпляр книги.

Однако заслуги Османа в идеологии ислама не зависят от того, держал он в руках эту книгу или нет, и действительно ли на ней следы его крови. Халиф Осман создал единый канонический текст Корана. Все остальные экземпляры были переписаны с него и по сей день практически не подвергались изменению. Осман создал единую идеологическую основу для всего громадного и все расширяющегося государства арабов.

Дело в том, что пророк Мухаммед произносил свои проповеди в течение 22 лет. Как известно, в Мекке и Медине Мухаммед выступал сначала как проповедник, а затем как властелин. Мухаммед умер. Его наследник халиф Абу Бекр (633 г.) поручил

¹ См.: Крачковский И.Ю. Над арабскими рукописями. – 2-е, доп. изд. – М. – Л., 1946. С. 129-130; Климович Л.И. Книга о Коране. – М., 1986. – С. 69-71.

секретарю пророка Зайду ибн Сабиту собрать имевшиеся записанные тексты сур и вновь записать их со слов хафизов, то есть людей, знающих суры наизусть. Много сур знал и сам Зайд. Так составился сборник под названием Сухуф (листы). Он не был канонизирован и до нас не дошел. Но об этом сборнике в источниках имеются сведения. Вскоре стали появляться другие сборники, имеющие расхождения с Сухуфом. На их основе появились неидентичные толкования слов пророка и даже политические разногласия. Возникла настоятельная необходимость составления единого списка (получившего название Мусхаф). Осман, заняв трон халифа в 644 г., первый понял, к чему могут привести разногласия вокруг разночтений текстов основы основ идеологии ислама. Он пригласил того же Зайда ибн Сабита и поручил ему составить единый текст. Тот конфисковал все известные до этого записи, сличил их и оставил ту редакцию, которую одобрил Осман. Все остальные сборники (и Сухуф в том числе) были уничтожены. Так была завершена канонизация текста Корана.

В Коране нет хронологии дат, имен исторических деятелей и сведений о реальных событиях, что затрудняет пользование им как историческим документом. Тем не менее это – ценный научный источник: в нем имеются доисламские материалы (в ранних мекканских сурах), в него были внесены изменения и после Мухаммеда и образования халифата. В Коране получили отражение основы религиозного учения ислама.

Первый европейский научный перевод Корана (на латинский язык) сделан Маурачи и издан в Падуе в 1698 г. В России перевод с арабского на русский сделал Г. С. Саблуков (Казань, 1878 г.). Сейчас лучшим считается перевод академика И. Ю. Крачковского (посмертное издание – Москва, 1963).

Коран Османа, написанный в начале VIII в. в Иране, попал в Среднюю Азию и несколько веков хранился в самаркандской мечети Ходжа Ахрара. Сначала, после занятия русскими Самарканда, мусульманское духовенство прятало рукопись от новых властей, но через определенное время уникальный Коран продали за 500 коканов (100 рублей по курсу того времени) туркестанскому генерал-губернатору К. П. Кауфману, который подарил Коран Османа Императорской публичной библиотеке в Петербурге. За это он был избран почетным членом библиотеки.

После Октябрьской революции мусульмане России от имени Краевого мусульманского съезда Петроградского национального округа обращаются в Наркомат по делам национальностей с просьбой вернуть святыню. В. И. Ленин 9 декабря 1917 г. написал наркому Л. В. Луначарскому: «Совет Народных Комиссаров постановил немедленно выдать Краевому Мусульманскому съезду «священный Коран Османа», находящийся в Государственной публичной библиотеке, ввиду чего просит Вас сделать надлежащее распоряжение»¹. На основании этого письма манускрипт тогда же был передан представителям мусульман. Правда, в Среднюю Азию он тогда не попал. Его доставили в Уфу. Только в 1941 г. Коран Османа был передан в Ташкент и бережно хранился в Музее народов Узбекистана. Здесь для уникальной рукописи были созданы специальные условия хранения, обеспечен особый температурный режим и уход. Коран бережно хранили как уникальный памятник письменности и культуры. И только весной 1989 г. он был передан мусульманам Средней Азии и Казахстана. Для верующих манускрипт – не столько памятник старины, сколько священная реликвия, связанная с именем одного из четырех праведных халифов. Реликвия вернулась к тем, кому принадлежала.

В наши дни Коран, как и Библия, стали самыми читаемыми книгами. Республиканское издательство «Кыргызстан» наметило в своих планах издать 50-тысячным тиражом Коран на русском языке для широкого круга читателей. Тираж, конечно, мизерный.

¹ Ленинский сборник. XXXV. – М., 1945. – С. 10.

И последнее. 27 октября 1990 г. на альтернативной основе был избран первый Президент Республики Кыргызстан – академик А. А. Акаев. Его кандидатуру от демократической межпарламентской группы предложил глава мусульман Кыргызстана народный депутат Садыкжан-ходжа Камалов. Когда Президент приносил присягу, ходжа положил на стол рядом с Конституцией Республики Коран. На фотографии, опубликованной всеми газетами Кыргызстана, где запечатлен момент принесения Президентом присяги, хорошо видны фолиант Конституции и Коран.

Рукописи древних книг, как люди. Они могут быть великими, но скромно держаться в тени, то есть оставаясь неизвестными, сокрытыми в сундуке. Могли быть такие рукописи и в сундуках кыргызских семей. Дело в том, что целенаправленные поиски старых книг на территории Кыргызстана никогда не проводились. Поэтому в 1976 г. Институт истории республиканской Академии решил организовать археографическую экспедицию, в задачу которой входили поиски старых книг, документов, рукописей, карт и т. п.

Ат-Башинский клад. Летом 1976 г. нам стало известно, что в одной из пещер возле с. Ат-Баши спрятан сундук со старинными книгами. Институт истории только-только организовал полевую археографическую экспедицию в «поле» (т. е. по селам Кыргызстана) для поисков книг и рукописей, еще и не выехали. На грандиозные успехи мы не рассчитывали, поэтому решили, что весть ни что иное, как очередной розыгрыш. Тем более, что известия исходили от юного сотрудника института, недавно женившегося на атбашинской красавице, и тесть настойчиво приглашал молодого ученого с друзьями в гости.

Поскольку Центральный Тянь-Шань все равно входил в сферу наших поисков, мы запланировали маршрут на Ат-Баши и прибыли туда в начале августа. В составе первой кыргызской археографической экспедиции был востоковед А. Б. Халидов, старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (ныне доктор исторических наук, заведующий сектором). Высокопрофессиональный арабист, он хорошо знал еще фарси (персидский язык) и тюрки («чагатайский» язык). Были в экспедиции и ленинградский фотограф Ю. Н. Михайлов, постоянный участник ряда наших археологических, а отныне и археографических экспедиций, а также научные сотрудники нашего института А. Ормушев, Д. Нурмаматов и другие. Возглавлял экспедицию В. М. Плоских.

... Вот мы и в Ат-Баши. Директор школы-интерната Кермалы Сатыкбеков со своими питомцами – К. Буртуковым, О. Эльчибековым и другими – наши проводники в пещеру. Сначала на машине, потом несколько километров вверх по полувысохшему руслу реки в предгорья. Вот и ущелье Орто Кайынды. Пройдено уже километров двадцать. По правому берегу начали встречаться скальные обрывы и, наконец, долгожданное темное пятно – вход в пещеру, расположенный в отвесной скале на высоте нескольких десятков метров... Ни снизу, ни сверху доступа нет. Благо, мы запаслись веревками. Однако никто из «тяжеловесных» взрослых не спешил лезть на «головокружительную высоту». А вездесущие мальчишки – истинные дети гор – уже забрались в пещеру. Они бывали в ней неоднократно и до этого, видели здесь большой деревянный сундук, окованный железом, а в нем – старинные книги. Именно Кермалы Буртуков со своим другом – «интернатцем» Джолдошем Бекеновым в прошлом году принесли из пещеры своему преподавателю К. С. Сатыбекову пачку разрозненных листков из сундука – как оказалось, фрагменты из разных экземпляров Корана и таджикско-персидского сочинения в стихах «Чаркитаб». И вдруг... полное разочарование: пещера пуста! Лишь свежие следы на пыльном полу свидетельствовали, что здесь недавно кто-то побывал. «Клад мудрости» исчез.

Хоть мы были заранее настроены скептически, тем не менее не на шутку огорчились. На всякий случай прошли в местную мечеть в с. Ача-Кайынды, поскольку имам мог иметь личную библиотеку. А вдруг в ней есть что-то ценное? Каково же было наше удивление, когда приветливый имам (а точнее, его заместитель, так как сам имам

оказался в отпуске) восьмидесятидвухлетний Бообек Алымбаев провел нас во двор мечети, где в беспорядке были свалены растрепанные старинные книги, отдельные листы, фрагменты документов. «Это, – сказал он, – на днях принесли. Говорят, нашли в пещере». Дело оказалось прозаичным. Не успели мы доехать до Ат-Баши, как стремительный «узун кулак» (слух) об экспедиции достиг села и верующие решили «спасти» священные книги от рук неверных, снеся их под надежную защиту мечети. Однако мудрый имам лучше своих прихожан понимал, что спасти сокровища предков сейчас могут только ученые. Он передал весь клад в наше распоряжение и от себя добавил несколько старинных книг и рукописей – в качестве презента.

Здесь же, в полевых условиях А. Б. Халидов подготовил опись полученного богатства. А всю коллекцию мы доставили в институт, где она хранится и сейчас среди других книжных находок экспедиции.

Что же собой представляет этот клад из атбашинской пещеры? Разрозненные листы и обрывки старопечатных изданий литографированных и наборных на арабском, персидско-таджикском и тюркском языках, а также множество фрагментов из разных рукописей или отдельные записи от руки. Сохранность, конечно, оставляла желать лучшего. Но для нас, еще не избалованных ценными находками, коллекция книг – первая в буквальном смысле коллекция – казалась невероятной. И вот почему.

Здесь сделаем отступление и совершим небольшой экскурс в историю начала полевых археографических работ в Кыргызстане. Дело в том, что поскольку кыргызский народ до революции считался бесписьменным (а такая формула в те годы приобрела характер аксиомы, подкрепленной целым рядом партийных решений и официальных юбилейных изданий), то и поиски и сбор книг среди местного населения считали не только безнадежным, но даже вредным делом. Что могло быть у неграмотных жителей? Разве только Коран, и то у муллы, «одурманивающего народ». Да и опасно было в пору воинствующего атеизма 20 – 30-х годов держать в доме религиозную литературу (а к таковой относили все написанное арабской графикой). В то время владельцы старинных книг и рукописей пытались как можно скорее от них отделаться: их рвали, жгли, выбрасывали в реки, зарывали в землю. Доходило до того, что книги хоронили (не в переносном, а в буквальном смысле) вместе с умершими аксакалами. Позже мы находили такие «захоронения» книг в кыргызских гумбежах (но об этом ниже). Так «кладези мудрости» становились просто кладами.

Коллекции книг в пещерах встречали и раньше, но они не привлекали должного внимания и для науки бесследно исчезли. Еще в 1949 г. во время работы Тянь-Шаньской экспедиции под руководством А. Н. Бернштама археологом Д. Ф. Винником в долине Алабука на кладбище Узгуруш в гумбезе был обнаружен архив книг и рукописей. Беглый осмотр показал: все они старые, написанные или напечатанные еще арабской графикой. Среди них оказались сочинения известного средневекового поэта Востока Физули. К сожалению, экспедиция оставила архив на месте, впоследствии он исчез.

В 60-х годах археолог Е. З. Заурова открыла подобный книжный архив в одной из лыйлякских пещер. Как нам рассказала Е. З. Заурова, книги были привезены в республиканскую Академию, но научная (!) библиотека отказалась их принять, так как, мол, все они на «арабском языке», «религиозные» и научной ценности «не представляют». Книги в ящике долго пролежали в подвале Академии возле ее архива, пока не затерялись (а точнее – были выброшены) при переезде в новое административное здание. Тогда же, в конце 60-х годов, гляциологом Р. Д. Забировым несколько книг было вывезено из тайника, неожиданно открывшегося в обвалившемся после селя обрывистом берегу на Иссык-Куле. Р. Д. Забиров рассказал нам, что книги сдал в библиотеку и проинформировал об этом вице-президента Академии А. А. Алтмышбаева. Позже этих книг в библиотеке мы уже не видели, хорошо, что их названия и краткое описание привел в своей книге «В. И. Ленин и распространение марксизма в Киргизии» академик А. А. Алтмышбаев.

И вот теперь специальный, целенаправленный поиск привел нас в пещеру-«хранильницу» книг и перед нами сами книги и рукописи. А. Б. Халидов сразу же принялся за разбор коллекции, ее первичную обработку и описание. Здесь материалы на арабском, персидско-таджикском, тюркском языках, в том числе и фрагменты, написанные на кыргызском языке. По времени происхождения все материалы XIX – начала XX в. Разные приписки черными и синими чернилами могли появиться лишь в 20-х годах нашего столетия. Следовательно, материалы попали в пещеру не ранее 20-х годов, но не позже конца 30-х.

При разборе нами были выделены разрозненные листы из печатных книг, порванные, скомканные, мятые, ветхие, пострадавшие от сырости и вредителей бумаги. Все это отнесено в разряд макулатуры.

Другую группу составили целые печатные книги и более или менее значительные части книги. Назовем лишь некоторые из них:

1. Литографическое среднеазиатское издание начала XX в. тюркского стихотворного сочинения, без первой и последних страниц (всего сохранилось 117 страниц). В нем излагаются основы исламского учения о Боге, ангелах, пророке, судном дне, о праведном и высоконравственном образе жизни, о дервишестве и т.д. Приводятся назидательные притчи, рассказы, легенды, газели с восхвалением суфийских ишанов. Текст написан почерком насталик. Переплет картонный с кожаным корешком.

2. Стамбульское наборное издание XIX в. «Шарх Талим алмуталим» («Комментарий обучения учащегося»). Автор этого арабского философского сочинения о существе знания и путях его достижения – аз-Зурнуджи, жил при турецком султани Мураде ибн Салиме. На полях другой комментарий, принадлежащий, Осман-Назару. Экземпляр дефектный – сохранилось 142 страницы, конец утерян.

3. Стихотворное переложение по-тюрки известное арабское руководства по фикху (мусульманскому праву) «Мухтасар ал-анкайа» в литографическом издании 1896 г. в Ташкенте (406 страниц, но окончание утеряно). Автор переложения – Казы Рахим Ходжа.

4. Персидско-таджикское литографическое «Четверокнижие» («Чаркитаб») – очень популярная в Средней Азии книга для читателей всех возрастов.

Среди книг учебник арабского языка для новометодных школ, «рисоля» (молитвы-поучения) для ремесленников, а также дефектные экземпляры изданий Корана.

Значительную группу составили рукописные материалы – целые рукописные книги, фрагменты книг и разрозненные листы, деловые бумаги и ученические записи. В большинстве своем они были в плохом состоянии: грязные, ветхие, рваные, попорченные из-за сырости и т. п. (Позже они были приведены в порядок, очищены, разглажены, подклеены, продезинфицированы и инвентаризированы). Но уже сходу были отмечены:

1. Объемистая рукопись (521 страница) на тюрки сочинения Суфи Аллаяра «Маслак ал-муттаким» («Путь праведных»). В книге содержатся разъяснения по широкому кругу вопросов практической этики и ритуала, изложенные в духе учений суфийских (дервишских) орденов. Текст написан довольно крупным почерком уверенной профессиональной рукой. Бумага среднеазиатская, рукопись датировали приблизительно XIX в.

2. Дефектный персидско-таджикский комментарий к суфийскому сочинению (свыше 450 страниц).

3. «Фикх Кайдани» и «Фарад ал-айн» – два руководства по ритуалу, первое в тюркском переводе, второе – по-таджикски.

В собрании несколько рукописей – записей простым непритязательным почерком кыргызских молдо конца XIX – начала XX в. – о чудесах, творимых пророками, молитвы, ритуалы, проповеди по разным поводам, благочестивые размышления и т. п. Как правило, имена, даты, названия сочинений, топонимика в этих рукописях чрезвычайно редки. Тем

на менее встречается имя молдо Исмаил, сын Байболсуна, сына Ишкара, сына Ибрахимкула, сына... (и т. д.).

На отдельных листах – отрывок из астрологического сочинения «Кавалд-и киран» («Правила сочетания (светил)» на тюркском языке; свиток эсхатологического сочинения с описанием «конца мира» – на тюркском языке; персидско-таджикский диплом на занятие поста наставника по тарикату (ишана) и многие другие.

Приведем для примера перевод из ученических записей о вере по-таджикски: «Вера выражается по-разному, говорят, двенадцатью способами. Первое – в общении с учеными, второе – в избегании лицемеров, третье – в отвержении дуализма, четвертое – в страхе божием, пятое – быть милостивым к главе (кадхудаю) дервишей, шестое – учиться исламу (покорности), седьмое – приучать свою семью к молитве, восьмое – быть предупредительным и обходительным с гостями, девятое – почитать умерших, десятое – быть послушным пиру (руководителю дервишского ордена), одиннадцатое – похоронить отца и мать и посещать их могилу, двенадцатое – строить молитвенный дом (для дервишей?)». (Перевод сделан на месте, в Ат-Баши, А. Б. Халидовым).

О чем же поведал Атбашинский клад? Скорее всего, он принадлежал кыргызской образованной и религиозной семье небольшого имущественного достатка (нет изданий с дорогими переплетами). Библиотека была составлена на протяжении жизни не менее двух поколений во второй половине XIX – начале XX в. В семью входили образованные представители культа (диплом яшана). Детей обучали грамоте, скорее всего, старшие родственники. Духовное богатство этой явно интеллигентной семьи было спрятано в пещере в надежде на лучшие времена, очевидно, под натиском не в меру воинственной «культурной революции», которая не терпела плюрализма.

Таких семей в кыргызских аилах было не так уж мало. Обратимся только к фактам.

Книжныекладыгумбезов. Во время экспедиционных поездок по Кыргызстану с археографической целью нам неоднократно приходилось слышать о коллекциях книг, «захороненных» в гумбезах, ставших их последним пристанищем. Книги приносились в гумбез и на полочках или в мешках – хурджунах оставлялись внутри гумбеza, чтобы захороненный здесь человек (как правило, имам или молдо) мог и в потустороннем мире пользоваться своей библиотекой. Именно такую коллекцию встретили на Тянь-Шане в 1948 г. участники археологической экспедиции А. Н. Бернштама. Такую коллекцию из нескольких книг встретили и мы, работая в составе отряда Б. Дуйшеева в Джумгалском районе Нарынской области в 1983 г. На восточной окраине села Чон-Добе до сих пор стоит гумбез Курманбая. Это мавзолей с колоннами, высоким порталом и полуразрушенным сферическим куполом. Гумбез сложен из сырцового кирпича, имеет внутри оконцеобразные ниши, на которых и лежали три книги, выполненные арабской графикой. Предварительный осмотр показал, что они религиозного содержания (дефектный экземпляр Корана, набор молитв), особой научной ценности не представляют, да и жители не позволили взять книги (даже для научной библиотеки Академии). Поэтому мы только зафиксировали факт «захоронения» книг в этом гумбезе. Зато в аналогичном соседнем гумбезе некоего Бекмурата в центре того же села Чон-Добе нам позволили взять для Академии целую коллекцию старинных рукописей и книг.

Следующий полевой сезон также был вознагражден в археографическом плане. «Клад мудрости» из гумбеza Ишан-Ата пополнил собрание старинных рукописей нашего института.

...Чон-Алайская высокогорная долина летом – прекрасное пастбище, используемое не только местными кыргызами, но и скотоводами соседних Узбекистана и Таджикистана. К юго-востоку от села (а в XIX в. – кокандской крепости) Дараут-Курган, на левобережье р. Кызыл-Суу стоит издревле почитаемый гумбез-мазар Ишан-Ата. Он стоит на холме, у подножия которого бьет ледяной прозрачный родник. По легенде в гумбезе похоронен знаменитый некогда (лет 200 назад) лекарь, который «мог исцелить любой недуг». Гумбез, с течением времени пришедший в ветхое состояние, был разрушен

землетрясением начала 70-х годов нашего столетия. Впоследствии верующие, использовав сохранившиеся детали, возвели его заново уже из современного кирпича. Святыня имела традиционные формы: невысокий портал, купол, сферическая древняя ниша. Внутри гумбоз ничем не примечателен: не сохранилось даже могильной насыпи. Зато в углу мы обнаружили... целый мешок со старинными книгами и рукописями (довольно плохой сохранности), разрозненные исписанные «по-арабски» листки и пр. Мы отобрали фрагменты наиболее сохранившихся книг, наиболее интересные листы и передали для анализа и составления описи востоковедам. Алма-атинский (а ныне московский) востоковед В. Н. Настич разобрал обе коллекции – из тянь-шаньского и алайского гумбозов, и теперь мы можем судить о том, что хранили «духи захороненных» в гумбозах и что дошло до нас таким необычным способом. Тянь-шаньский клад (назовем его условно так) дал нам книгу под названием «Китаб-и мустатаб-и раунак ал-ислам» («Улучшенная книга о великолепии ислама»), отпечатанную в типографии Казанского университета в 1883 г. Сочинение чисто схоластического содержания, повествует о «признаках, характерных для посланника Аллаха», «достоинствах улемов», о «восьми качествах Аллаха Всевышнего», о вере, религиозной покорности, «самоулучшении» мусульманина и т. п. Чисто религиозная книжица, представляющая интерес для историков ислама и свидетельствующая о форме религиозной пропаганды в Кыргызстане во второй половине XIX в.

Интересен и находившийся здесь трактат по богословию средне-Векового теолога и правоведа Мутфаилаха ал-Кайдани (умер 750 / 1359 – 60 г.) под названием «Фикх Кайдани». Эта книга была Издана в Казани типографией торгового дома братьев Каримовых 1901г. В целом трактат относится к разряду этико-дидактических произведений богословско-правоведческого направления, которое создавалось в качестве теоретических (вернее, даже идеологических) обоснований и дополнений к шариатским трудам, использовавшимся в судебной-правовой практике мусульманскими законодателями.

Ташкентская литография, отпечатанная в 1905 г. на 120 страницах, содержит поэму суфи Аллаяра – известного среднеазиатского мистика конца XVII начала XVIII в. Поэма в стихах на тюркском языке «Мурат ал-арифин» («Предмет вожделения познающих») принесла суфи Аллаяру славу выдающегося суфийского лидера и страстного проповедника мистического направления в позднесредневековом исламе. Сочинение было широко распространено среди мусульман повсеместно в Средней Азии и за ее пределами. Его изучение входило в курс преподавания многих медресе и суфийских ханака.

В поэме воспеваются достоинства бесконечно любимого и вожделенного божества, к слиянию с которым должна постоянно стремиться несовершенная душа суфия, и приводятся наставления «практического» характера для достижения такого слияния. Аллаяр призывает верующих к чистоте помыслов и непорочности бытия, отрицанию мирских соблазнов и неприятию материального благополучия. Насквозь реакционная и антигуманная «поэзия» этого глашатая феодальной идеологии и духовного порабощения внеси лепту в дело отвлечения трудящихся от борьбы за лучшую жизнь на земле, способствуя тем самым их дальнейшему закабалению и с жестокой эксплуатации властимушцами.

Довольно распространенные в среде кочевников «рисоля» скотовода – книжечки-молитвы (написанные от руки, изданные литографическим или типографическим способом) показывают, что кыргызы обращались к чтению молитв и просили бога о благополучии своего скота и т. д. Рукопись такого «рисоля» скотовода на узбекском языке была также обнаружена в гумбозе.

Примечательно нахождение здесь же тюркской прозаической версии знаменитой «Шах-наме» Фирдоуси. Повествование ведется в традиционной историко-мифологической манере, часто упоминаются имена Кейанидов, Джамшида, Афрасиаба, Сиявуша, Рустама и др. Текст изобилует персидскими словами, которые абсолютно преобладают в

лексиконе этого произведения. Достойно сожаления, что литография почти в 700 страниц, несомненно представляющая значительный интерес для востоковедов – как тюркологов, так и иранистов, дошла до нас в разрозненном, плачевном состоянии.

К слову сказать, обнаруженная нами (правда, в другом месте) рукопись «Шах-наме» на тюркском языке (объемом уже свыше 1000 страниц) вызвала живой интерес у турецких коллег, которой даже через посредство своего посольства в Москве попытались получить копию. Но поскольку рукопись все еще в археографической обработке – придется повременить. В гумбезе, что считаем вполне естественным, обнаружили несколько фрагментов различных изданий Корана (Казань, Оренбург, Ташкент, Стамбул и др.), из-за своей ветхости не представляющих даже археографического интереса.

Но что примечательно (и на этом мы закончим обзор Тянь-Шаньского клада) – нахождение в нем рукописи небольшого формата на восточной бумаге хорошей выделки. Текст выписан красивым почерком позднего насталика блестящими черными чернилами и содержал распределение какого-то дохода по различным статьям расхода.

Приведем его:

«Статей расхода (из суммы) заката – тоже семь: первая – нищим, вторая – беднякам, третья – чиновникам, четвертая – школам, пятая – должникам, шестая – оставшимся от газиев (т. е. сиротам погибших за веру. – *Авт.*), седьмая – странникам». Далее перечисляются обязанности и ограничения мусульманина во время поста, при приеме пищи и др. Специалисты сделали вывод, что документ составлен малограмотным автором. Но наряду с отменным внешним видом и оформлением рукописи это создает впечатление, что работа была сделана не на заказ, а сугубо из благочестивых побуждений.

Таковым оказался клад тянь-шаньского гумбе́за: типичные для среднеазиатско-казахстанского региона образцы религиозной литературы, пособия по правоведению, классической восточной филологии, а также некоторое количество произведений развлекательно-беллетристического жанра и поэтического творчества на местных (тюркском и персидско-таджикском) языках.

Аналогичный, но более бедный набор книг, рукописей, отдельных документальных листов представляет собой обнаруженный в гумбезе-мазаре Ишан-Ата Алайский книжный клад. Здесь также обрывки рукописного Корана (из двух разных списков, датируемых приблизительно XVIII – XIX вв.). Разрозненные листы нескольких трактатов религиозного содержания и дидактических сочинений. Несколько рукописных свитков с текстом молитв на арабском, персидском и тюркском языках. Мусульманские по оформлению и удивительно светские (мирские) по содержанию, они по существу являются «начинкой» местных оберегов-тумаров. Написаны они на бумаге среднеазиатского производства некаллиграфическими почерками. Язык молитв – таджикский и тюрки, с заметным влиянием живых разговорных элементов.

На одном из свитков после обычного зачина молитвы по-арабски следует притча на тюрки о том, как «во времена сына Израила» некий падишах повелел казнить своего нечистого на руку казначея, но ни меч, ни стрела с копьем, ни виселица, на которой он висел три дня, его не умертвили. Тогда его оставили в пустыне без воды и пищи. Потом бросали на съедение льву и волкам. Топили в воде, жгли в огне и прочее, и прочее, и прочее – отовсюду он выходил живым и невредимым. Далее следует длинное изложение беседы падишаха с этим казначеем, из коего следует, что на казначея была спрятана написанная на бумаге молитва, которая и охранила его от насильственной смерти.

Другой свиток содержал молитву на тюркском языке следующего содержания: «От болезней, кто при себе с чистыми помыслами имеет, то все равно, что он совершил бы тысячу хаджей, или прочел тысячу раз Коран, или освободил тысячу рабов, или насытил тысячу голодных и т. п. Хазрат Осман говорил, что Бог сотворил для человека три тысячи болезней. Кто эту «великую» молитву с искренним чувством при себе держит, того она от трех тысяч болезней, посылаемых Аллахом, предохранит, и шайтан к этому человеку дорогу не найдет».

Найденные в гумбазе знаменитого лекаря Ишан-Аты свитки симптоматично указывают на функциональное предназначение как самого «святого» места, так и молитв. Помимо того, что эти и подобные им молитвы-обереги, строго говоря, являются таким же продуктом народного творчества, как и образцы любого жанра литературного произведения, и уже по одному этому заслуживают внимания специалистов-литературоведов и фольклористов, языковедов и диалектологов. Раньше полагали, что подобные творения представляют собой яркий образец религиозного фанатизма, одурманивания простых людей, которым в случае серьезной болезни или другого несчастья вместо лечения или активного вмешательства вход событий в «красочной» и соблазнительной форме предлагается (причем без альтернативы) «с чистыми помыслами и искренним чувством» надеяться только на Аллаха, который поможет мусульманину, имеющему этот клочок бумаги (между прочим стоивший ему хоть и не слишком большой, но трудом заработанной суммы). Однако консультации с медиками-психиатрами, особенно после эффектов Джуну, Чумака, Кашпировского и др. позволяют думать, что подобные молитвы могли иметь влияние на психику человека, влиять на его внутренние иммунные ресурсы, мобилизация которых в отдельных случаях могла оказать благоприятное влияние на течение болезни.

В заключение хочется подчеркнуть важное значение обретенных книжных кладов, несмотря на их кажущуюся примитивность. Даже описанный выше свиток с полуграмотными молитвами на тюркском языке, на первый взгляд, лишенный какого-либо познавательного значения, важен для изучения социальной и индивидуальной исторической психологии кыргызского населения досоветского периода, корнями своими уходящей далеко в глубь столетий и в таком качестве отражающей и весьма древние представления и верования. Рукописные и печатные книги по богословию и правоведению, не будучи прямым первоисточником исторического круга, тоже зачастую содержат скрытый фактографический материал о «делах давно минувших дней». При правильном подходе они могли бы служить немаловажным подспорьем для востоковеда-историка. Для философов и историков, право, эти сочинения будут просто незаменимы.

Кроме того, клады книг и документов самого различного характера в регионах, где всегда обитали только кыргызы, позволяют усомниться в официальной точке зрения на историю культуры кыргызского народа. Считалось, что кыргызы до революции были бесписьменным и неграмотным народом. Так ли это?

К л а д ы с п е ц х р а н о в (кыргызские книги). Разрозненные страницы, вырванные из книг, авторами которых, судя по их содержанию и языку, могли быть кыргызы, привели нас к целенаправленному поиску именно кыргызских книг. А поскольку они были печатными, мы обратились к литературе и библиотекам. Из литературы выяснилось, что до революции было издано только четыре книги кыргызских авторов: «Зилзала» («Землетрясение») Молдо Кылыча, «Муктасар тарых-и Кыргызия» («Краткая история киргизов») и «Тарых-и кыргыз шадмания» («История кыргызского раздолья») Осмоналы Сыдыкова, букварь Аралбаева. В библиотеке, конечно же, ни одной из упомянутых книг не оказалось – все они были заключены в спецфонды, не доступные простым смертным. Тогда мы стали расспрашивать о книгах кыргызское население в глубинке – на Тянь-Шане, Алае, Сары-Джазе. Но, к сожалению, приходится признать, что и это оказалось тщетным. Дело в том, что в свое время авторы названных книг были объявлены «буржуазными националистами», «проповедниками пантюркизма и панисламизма», «идеализаторами прошлого». Поэтому не только читать, но и хранить такие книги было сверхопасно. Особенно в свете известных репрессий 30-х годов, когда малейший повод мог повлечь за собой трагический конец. Книги на «арабском» языке, да тем более «националистов», вполне могли стать таким поводом.

Однако дефектные фрагменты книг нам все же удалось приобрести. А обращение в библиотеки после того, как с книг был снят гриф строжайшей секретности (1988 г.), позволяет сказать здесь несколько слов об этих кыргызских авторах и их книгах. Тем

более, что они подтверждают только обозначенный пещерной и гумбезной коллекциями вывод: кыргызы и до революции имели свою письменность, свою художественную и историческую литературу.

Итак, произведения акына-писменника Молдо Кылыча Шамырканова (1866–1917 гг.). Сейчас он признан (после постановления ЦК Компартии Кыргызстана в январе 1989 г.)¹ одним из основоположников кыргызской письменной литературы, чьи произведения претерпели сложную, даже трагическую судьбу, они расходились в рукописях и передавались из уст в уста, публиковались и запрещались, автора то превозносили до небес как «отца кыргызской письменной литературы», то обвиняли в национализме и затапывали в грязь.

Литературное наследие Молдо Кылыча составляет в общей сложности около 10 тысяч стихотворных строк, но до нашего времени дошло лишь 36 произведений акына, среди которых наиболее крупные «Зар Заман» («Печальная эпоха», 1908 г.), «Зилзала» («Землетрясение», 1911 г.).

Произведения Молдо Кылыча были изданы также в 1946 г., отрывки из них вошли в антологию кыргызской поэзии. Его противоречивое творчество неоднократно было предметом всевозможных обсуждений и политических решений. Несомненно, его идеология несет отпечаток своего времени, своей эпохи: религиозность, идеализация патриархальщины, родовых отношений. При всем при этом традиции «замана» (конца света) с их пессимистичностью и религиозностью переплетаются в его творчестве с социальной критикой несправедливости, обличением властимущих и состраданием к обездоленным. Его творчеству присущи натурфилософия, ощущение единства человека с природой. В 40-х годах произведения Молдо Кылыча исследовались Т. Саманчиным, М. Богдановой, Дж. Шукуровым. Но тогда же их взвешенные и аргументированные оценки были отвергнуты и забыты. В результате в 60-70-х годах Молдо Кылыч преподносился чуть ли не как лидер национализма и русофобии прошлого века. Отсюда и негативная оценка его личности и творчества (см: «История Киргизской ССР». – Т. II, 1986; «История кыргызской советской литературы». – Т. I, 1987).

Лишь указанным выше постановлением ЦК Компартии республики отменены были предшествующие партийные решения, неправильно оценивавшие произведения Молдо Кылыча; в нем прозвучал призыв к ученым о восстановлении правды о литературном наследии одного из видных кыргызских мыслителей конца XIX — начала XX в., к всестороннему исследованию творчества акына-писменника, к изданию его избранных произведений на кыргызском и русском языках.

В 1991 г. книга его стихов, наконец-то, издана в Бишкеке – пока только на кыргызском языке.

Да, автор – дитя своего времени, времени, когда ислам был единственной идеологией и господствующей религией. Вполне естественно поэтому, что Молдо (мулла) не мог (да и не хотел) проповедовать ничего иного, кроме догм ислама. В «Зар Замане» можно прочесть:

Пишу, поскольку я мулла,
Беря стальное перо в руки...

Да, у него есть строки против русских. Но ведь он жил в эпоху царизма, в конце XIX – начале XX в., когда Россия была, по определению В. И. Ленина, «тюрьмой народов». Он сам четко разделяет русских деспотов, слуг царизма, и русский простой народ, у него есть такие строки:

От русских нет зла...

¹ Советская Киргизия. 1989. 4 января.

Молдо Кылыч неоднозначно относился к последствиям присоединения Кыргызстана к России. Он опасался необратимых перемен в традиционном укладе быта кыргызов и вместе с тем положительно отзывался о русских переселенцах, признавая преимущества оседлого образа жизни перед кочевым. В своих произведениях он не избежал идеализации патриархально-феодалных отношений, религиозности, в то же время изобразил бедственное положение народа под гнетом царизма и местных феодалов. Несмотря на противоречивость, двойственность мировоззрения, социально-политических взглядов, многие произведения Молдо Кылыча имеют большую познавательную и художественную ценность.

В предисловии к книге Молдо Кылыча «Зилзала», опубликованной в Казани в 1911 году, повествующей о землетрясении, происшедшем накануне на родине акына в Чон-Кемине, об авторе сказано: «Из рода сарыбагыш, [пишущий] на чистом [кыргызском] языке, выходец из Кара-Кочкорки, знаменитый поэт Молдо Кылыч в течение 20 лет как поэт написал много стихов». И далее: «Молдо Кылыч писал для того, чтобы событие, виденное глазами, осталось в истории».

Только теперь мы с полной убежденностью можем сказать: произведения Молдо Кылыча вошли в историю, в золотой фонд сокровищницы духовной культуры кыргызского народа.

Обе книги Осмоналы Сыдыкова (1890–1949) были изданы до революции в Уфе: одна – в 1913, другая – в 1914 году. Это – единственные опубликованные до революции исторические сочинения кыргызского автора, написанные на кыргызском языке о событиях, свидетелем которых был сам автор.

Осмоналы Сыдыков – воспитанник новометодной школы и в основу своих книг положил устные родословные предания кыргызов (санжыра) и жизнеописания крупных манапов. Через генеалогию кыргызских феодалов Ормон-хана, Джантая и Шабдана, сыновей Тыная и других автор пытается по мере сил показать историю кыргызов, следуя традиционной исламской литературе, начиная от Хазрата (Адама) и Хавы (Евы).

На риторические вопросы «зачем нам знать историю?» и «какая польза от истории?» О. Сыдыков бесхитростно отвечает: знающие историю уподобляются тем, кто собственными глазами видел быт прежних людей, ибо историк знает столько, сколько знает человек, проживший несколько тысяч лет. Познание истории он призывает начать с изучения своего рода, своего народа и только после этого переходить к изучению других народов. И в какой-то мере этот принцип сам автор выдерживает в обеих своих книгах.

Являясь выходцем из племени сарыбагыш, О. Сыдыков поет панегирик верховному манапу сарыбагышей Шабдану Джантаеву, идеализируя заодно и других кыргызских родоправителей. При этом он, однако, бичует угнетательскую политику кокандских ханов и в присоединении Кыргызстана к России видит благо, которое не только ликвидировало ханский гнет, но и прекратило родоплеменные междоусобицы, способствовало приобщению кыргызских кочевников к земледелию, к образованию.

«Мухтасар тарых-и Кыргызия» построена по принципу устных генеалогических преданий: сыновья Ормон-хана, сыновья Рыскул-бека, сыновья Тыная, сыновья Манапа, сыновья Бугу, Саяк, Черик и т. д.

«Тарых-и кыргыз шадмания» – труд несколько иного склада, хотя и здесь автор отталкивается от генеалогии. В целом же сочинение посвящено апологетическому воспеванию деяний кеминского манапа Шабдана Джантаева. Но имеются и общеисторические экскурсы, в том числе о роли кыргызов в Кокандском ханстве, о гнете кокандцев и о восстаниях кыргызов, о роли ислама в кыргызской среде, об отношении к России, русским трудящимся – переселенцам и колониально-чиновничьей бюрократии. При всем этом автор исходит из принципа родоплеменного деления кыргызов, утверждения бесклассовости общества в прошлом, идеализации «тюркоязычного родства».

Интересно упоминание О. Сыдыкова о попытке одного из мударисов (учителей) медресе Алымбека-датхи в Оше, некоего Ходжи Ахмаднура-датхи заняться сбором материалов и изучением истории кыргызского народа («чтобы прославить кыргызский род»), но из этого у него ничего не вышло, и он бросил эту затею. Надо думать, книга так и не была написана. В то же время, констатирует О. Сыдыков, в России опубликовали историю жизни жены Алымбека Курманджан-датхи: «оказывается, история нужная и полезная вещь..., теперь о нас знает всезнающий культурный русский народ».

Истоки истории кыргызского народа автор выводит из глубины веков, с гордостью (хотя и без исторического основания) говорит, что основатель народа «кыргыз появился на свет на 3400 лет раньше, чем сам Мухаммед-пророк», что кыргызам приходилось всю жизнь проводить в войне, «воюя, отстояли землю родную от калмаков», но попали под гнет «жестокости и злости правителей сартов» (т.е. Коканда), и в результате Худояр-хан «многих кыргызов разогнал, уничтожил». Автор повествует об избрании ханом кыргызов крупнейшего сарыбагышского манапа Ормона, который якобы и стал управлять территориями Иссык-Куля, Ат-Баши, Нарына, Джумгала, Чу, Сусамыра, Кетмень-Тюбе, Алма-Аты, «используя всевозможные хитрые методы», «управлял только силой, грозя, что накажет или отберет скот». Ормону наследовал его сын Уметалы-султан, который «стал убивать людей без всяких причин». Но вскоре его заменил Шабдан – «очень почитаемый человек» и среди кыргызов, и в России, ибо обладал умом и знаниями. Так автор рисует родоправителей своего племени: не жалуя предшественников, но идеализируя Шабдана, которому приписывал и справедливость, и честность, и бескорыстие, и заботу о благе народа.

Надо сказать, что О. Сыдыков довольно «благодарно» относится к России и будущее своего народа видит в перенимании опыта русских, овладении знаниями и всеми достижениями Российского государства.

Таково историческое кредо автора. Остается только удивляться, что эти единственные опубликованные до революции сочинения по истории кыргызов, написанные представителем кыргызов, на кыргызском языке (арабской графикой), как это не прискорбно, столь долгое время предавались анафеме, лежали в спецфондах библиотек и практически были недоступны не только широкому кругу интересующихся историей, не только кыргызскому читателю, но и профессиональному ученому. «Кладезь мудрости» был «за семью печатями» по воле административно-командной системы.

Внимательный читатель давно уже понял, к чему клонят авторы, повествуя окладах книг в пещерах и гумбезах. Книги-страдалицы ярко и убедительно свидетельствуют, что даже в далекой тянь-шаньской или алайской глубинке до революции жили грамотные кыргызские семьи. Не всегда главы этих семей были представителями культа или феодальной верхушки. В юрте такой семьи кроме домашней утвари, постели, кошм, оружия и конской сбруи бережно хранились Коран, сочинения Джамии, Фирдоуси, книги по мусульманскому праву и другие. В такой юрте не только сбивали кумыс, но и читали вслух наиболее известные суры, прекрасные бейты или популярные касыды. Хозяин такой юрты, возвратившись с базара, привозил сыновьям в качестве «базарлыка» не только кулечек липких конфет, но и тетрадь, калам, чернила. Таких семей, конечно, было не так уж много, но они были.

Если учесть все книги кыргызских дореволюционных авторов и книги, выявленные археографической экспедицией, то можно прийти к важным культурологическим выводам.

Во-первых, все книги и рукописи прошлого, являясь памятниками духовной культуры, представляют собой бесценное наследие, завещанное предками. Они уже сами по себе – памятники культуры.

Во-вторых, они дают понятие о круге интересов кыргызских читателей в прошлые века.

В-третьих, география и хронология написания и издания книг свидетельствуют о широких торгово-экономических и культурных связях кыргызов и их предков в многовековом диапазоне.

Наконец, в-четвертых, научное значение «кладов мудрости», их лингвистическая, литературоведческая и источниковедческая ценность. Это богатейший материал по истории, философии, этике, языкознанию, литературе кыргызов и их соседей. В совокупности с другими материалами, в частности, с книгами Молдо Кылыча и Осмоналы Сыдыкова (к ним можно добавить сонаты Молдо Нияза, записи кыргызских родословий – санжыра и пр.) они свидетельствуют, что кыргызы и до революции имели письменность, свои художественные и исторические сочинения. И представлять их как бесписьменный в прошлом народ нет никаких оснований.

Обнаруженные книжные клады представляют собой обычные для среднеазиатско-казахстанского региона (Кыргызстан из него ранее исключали) образцы не только религиозной литературы, но и правоведения, классической восточной филологии, а также произведений развлекательно-беллетристического жанра и поэзии на персидско-таджикском и тюркском (в том числе кыргызском) языках. Каталог книг показывает, чем занимались и что читали грамотные люди из местного населения, какой тематический спектр письменной информации доходил до широких слоев народа, и в каком идеологическом ключе эта информация подавалась.

По ним становится возможным выяснить и тот факт, с какими культурными центрами Средней Азии, Казахстана, Поволжья и зарубежных стран устанавливали свои контакты кыргызские муллы и молдо. Ведь ни одна конкретная культура, как материальная, так и духовная, коль скоро она развивается не в изоляции от соседних этнокультурных общностей, не может впитывать в себя новые элементы и явления, так сказать, из воздуха. К тому же известно, что за каждым, даже самым незначительным, на первый взгляд, фактом культурной истории, так или иначе стоят экономические интересы определенных классов общества, духовно-идеологические взаимосвязи. Даже отдельно взятые эти факты сами по себе важны для истории, в совокупности же с другими данными они позволяют вписать еще несколько новых страниц в летопись народов.

ПОСЛЕДНИЙ ДАР ДЖАМИ

Для распознавания тайного клада

Всем наушения нет.

Хафиз

Редчайшая удача ждала археографов в сезон 1976 г. Нам тогда удалось отыскать уникальную рукопись, которая сейчас украшает собрание Института истории АН Республики Кыргызстан. Она ввела нас в мир заката государства Тимура, и вместе с ним и высочайшей среднеазиатской культуры. Уже был убит по наушению собственного сына величайший ученый Улугбек, обсерватория его разрушалась, ученики разбрелись по свету. В науке, богословии и поэзии господствовали мистические суфийские идеи темного «деревенского имама» Ходжи Ахрара. Но еще творил Джами, в расцвете сил и таланта был Навои, а в Оше и Андижане десятилетний Бабур обучался законам стихосложения по их трудам. Позже в прекрасной книге «Бабур-наме» он не раз помянет добрым словом своих великих учителей...

Так вот об удаче. В тот сезон мы собрали несколько десятков книг на восточных языках. Некоторое время после возвращения, как обычно, занимает организационная суэта: отчеты, разбор накопившихся за лето дел. Но вот наконец можно заняться и новыми находками. Очень кстати из Алма-Аты приехал известный востоковед В. Н. Настич.

Внимательно рассматриваем «Книгу о торговле» – рукописный трактат о правилах торговых операций, сочиненный арабским автором без малого тысячу лет назад, толковый словарь персидского языка «Гийас ал-лугат» индийского автора XIX в., в котором содержатся ценные оригинальные сведения по средневековой истории, географии и этнографии Средней Азии, Ирана и других стран, изящно оформленные диваны – сборники стихов Омара Хайяма, Навои, Бедия...

Но что это? На столе рукопись в красивом тисненном переплете. Первая страница украшена великолепным унваном – многоцветной заставкой с тонким орнаментом. Четкие строки черной арабской вязи оживляются многочисленными кинокартинными вставками. Прекрасный, явно старый, почерк и лощеная добротной ручной выделки бумага говорят о почтенном возрасте манускрипта. Этого достаточно, чтобы на время отложить в сторону все остальные находки.

Снова раскрываем рукопись: на первой странице прямо в тексте по старой восточной традиции должно упоминаться название сочинения. (Кстати, начало арабской книги находится там, где мы привыкли видеть конец). Прочитываем и последние строки сочинения, в которых обычно сообщаются дата его окончания, имя автора, а также сведения о переписчике. Но что это? Читаем: «Фава, ид вафийа би-халли мушкилат ал-Кафийа («Полезные сведения, достаточные для разрешения трудностей ал-Кафии»). Да это же последнее сочинение Абдурахмана Джами!

Кто же он, Абдурахман Джами, и почему мы дорожим его наследием?

...Вся первая половина 1492 г. для Джами прошла в напряженном труде. Знаменитый поэт и ученый, прогоняя болезни, заканчивал многотрудное сочинение – трактат по грамматике арабского языка. Работа была в основе завершена ранее, но ее предстояло переписать начисто. Каллиграф из него неважный, но черновик был так испещрен многочисленными поправками и пометками, что кроме автора едва ли кто смог бы в них разобраться. Поэтому понятен вздох облегчения, когда автор дописывал последнее предложение: «Избавился от мук подготовки к переписке этого толковника с черновика на чистовик сей ничтожный раб Абдурахман ал-Джами... утром в субботу одиннадцатого рамазана... года восемьсот девяносто седьмого» (в переводе на европейское летосчисление – 7 июля 1492 г.). Автору оставалось жить всего четыре месяца.

Осенью 1492 г. семидесятивосьмилетний Джами простудился и слег в постель. Весь Герат с тревогой следил за болезнью престарелого кумира. Ежедневно его навещал блистательный ученик, друг и покровитель Алишер. Навои, на руках которого Джами и умер 18 мухаррама 897 года хиджры – 9 ноября 1492 г.

Поэт умер. Произведениям его суждено было пережить века. Уже современники почитали его как величайшего мыслителя и преемника классиков средневековой персидско-таджикской литературы. Имя Джами стоит в одном ряду с именами таких прославленных поэтов Востока, как Рудаки, Фирдоуси, Ибн-Сина, Хайям, Саади, Хафиз. Являясь последним представителем блистательной плеяды звезд средневековой восточной поэзии, Джами как бы соединил прошлое и будущее, оказав огромное влияние на развитие всей последующей литературы мусульманского мира.

Абдурахман Нураддин ибн Ахмад Джами – великий средневековый поэт и ученый, крупный деятель суфизма, знаток мусульманского права – родился 7 ноября 1414г. в местечке Джам в Хорасане. Получив блестящее образование в Герате и Самарканде, где он слушал лекции ближайшего ученика Улугбека – Кази-заде-йи Руми, Джами отказался от придворной карьеры, хотя перед ним открывалась такая возможность неоднократно. Он примкнул к суфийскому ордену «накшбандийе», который привлек его призывом к деятельному добру.

Начав рано писать, Джами рано получил и широкую известность. Его сочинения имели огромный успех как при дворах правителей, так и среди простого люда. Объясняется это тем, что Джами был личностью разносторонней: поэт и философ, он мог

писать о высоких материях, посвящать свои произведения носителям власти, наставлять и учить их. В то же время он ощущал свою неразрывную связь с народом и неоднократно повторял: «Мы по самой природе своей люди степные, деревенские»¹. Джами – деятельный гуманист. Благоклонность гератского двора и многолетняя дружба с визирем Алишером Навои не сделали его зависимым.

Достоинством произведений Джами являются ясность и простота в сравнении с напыщенным и вычурным слогом литературы XV в. Вершина его идейного творчества «Книга мудрости Искандера» – социальная утопия, легенда о счастливом царстве на земле. Понятны его призывы в век жесточайшего восточно-деспотического правления:

Не верой, не обрядами страна
Законом справедливости сильна.

За сорок лет активной творческой жизни Джами оставил огромное литературное наследство. Рукописей его произведений сохранилось довольно много, гораздо больше, чем творений его предшественников. Они более точно датируются и принадлежность большинства из них Джами не вызывает сомнений (чего нельзя сказать о многих сочинениях других поэтов средневекового Востока). Немало списков рукописей восходит к XV в., еще более к началу – XVI в. Списки его произведений распространялись и позже, а в конце XIX – начале XX в. появляются литографии и печатные издания. Сохранились и автографы поэта. Есть они и в рукописном собрании Института востоковедения АН Узбекской ССР². Как отмечает Е. Э. Бертельс, автографы Джами отличить нетрудно. Поэт обладал характерным почерком. Он с точки зрения каллиграфического искусства не может быть назван красивым, о чем упоминает и сам Джами, но узнать его можно сейчас же.

Название сочинения не выделено в заглавие, как это делается в современных книгах, а упомянуто в самом тексте на первой странице (лист 2 б): «Фава, ид вафийа бы-халл мушкилат ал-Кафийа» – «Полезные замечания, достаточные для разрешения трудностей ал-Кафи». Написанное в качестве толкования к известному грамматическому компендиуму «ал-Кафийа фи-н-нахв» ибн ал-Хаджиба (1175-1249) сочинение Джами в сущности представляет собой самостоятельный трактат, в котором разъясняются основные положения и трудности арабской грамматики. Автор посвятил свое произведение сыну, Зияуддину Юсуфи, поэтому дал книге второе название – «ал-Фава, ид аз-зийа ийа», которое тоже упомянуто во вступлении к трактату. Судя по всему, первоначальное назначение трактата – пособие для успешного овладения всеми сложностями основного языка науки и поэзии мусульманского мира средневекового периода. Но имел он и самостоятельное научное значение. Так трактат воспринимался уже современниками, так его понимали и потомки.

На последней странице трактата (лист 150 б), оформленной как колофон, приведена дата окончания авторской работы над сочинением: суббота 11 рамазана 897 г. хиджры, т. е. 7 июля 1492 г.

Исторические источники говорят о том, что этот труд Джами довольно быстро завоевал признание и популярность среди тех, кто брался за изучение арабского языка. Например, Зайнадин Васифи в своих мемуарах «Бадаи ал-вакаи» («Удивительные события») упоминает о том, что уже в 1511 г. «ал-раза, ид» входил в курс обязательной подготовки для учащихся медресе³.

¹ Бертельс Е. Э. Избранные труды. Навои и Джами. – М., 1965. – С. 222.

² Опубликован аннотированный каталог рукописей Джами, хранящихся в ИВ АН УзССР «Рукописи произведений Абдуррахмана Джами в собрании Института востоковедения АН Узбекской ССР». – Ташкент, 1965.

³ Болдырев А. Н. Зайнадин Васифи. – Сталинабад, 1957. – С. 88-89, 324, прим. 141.

Это сочинение было упомянуто и описано в антологии (тазкира) «Тухфа-и Сами», составленной в 1550 г. сыном сефевидского шаха Исмаила Сам-мирзой. Причем его название, приведенное в антологии, отличается от того, которое дано в нашей рукописи: «ал-фава, ид аз-Зийа, ийа фи шарх ал-Кафийа» («Полезные замечания, [посвященные] Зия, о толковании ал-Кафии»). Позднее это трактат был известен в Средней Азии под еще более краткими названиями – «Шарх хазрат мулла Абд ар-Рахман ал-Джами» (поздняя приписка в нашей рукописи на листе 2 а), «Шарх-и мулла Джами» или даже просто «Шарх-и мулла».

Такое разнообразие названий, приписываемых одному сочинению, должно указывать на достаточно большое число и разновременность списков трактата, существовавших в различных странах Востока. Каждым из переписанных заново экземпляров наверняка пользовался не один десяток учащихся. Достаточно обратить внимание на широкие поля нашей рукописи, испещренные многочисленными пометками и дополнениями ее читателей (причем некоторые из пометок сделаны весьма поздними «среднеазиатскими» почерками, типичными для конца XIX – начала XX в). Все это убедительно свидетельствует о широкой популярности грамматики Джами среди населения Средней Азии, Ирана и сопредельных областей мусульманского мира, где изучался арабский язык.

Рукопись дошла до нас в полном списке и хорошей сохранности. Она написана отличным, четким почерком насх и имеет прекрасное художественное оформление. Титульный лист рукописи (л. 2б) украшен унваном – фигурной многоцветной заставкой, в которой преобладают золотая и темно-голубая краски. Текст на каждой странице заключен в изящную черную рамку. Черные строки арабской вязи оживляются «рубриками» – названиями грамматических разделов, отдельными словами и фразами, выписанными красной киноварью великолепным почерком сульс. Книги, изготовленные с таким мастерством, ценились очень высоко, их могли приобретать только состоятельные люди. Довольно часто такие рукописи делались по заказу правителей и меценатов.

Но главное достоинство обнаруженного списка заключается в том, что он является одной из ранних копий трактата. В колофоне указаны место и дата переписки – «в преславном городе Балхе» в 944 г. хиджры (1585–86 гг.).

Колофон сохранил нам и имя переписчика – Давлат Мухам-мад ибн Тенгри-берди Кушчи. Тюрк по происхождению, о чем свидетельствует тюркское языческое имя его отца, он, вероятно, относился к хорошо образованной художественно-ремесленной интеллигенции. Переписчик принадлежал к племени кушчи. Этот факт не может не вызвать интереса у кыргызского читателя. Дело в том, что племя кушчи (кушчу, кутчу) является одним из самых крупных составных частей средневековой кыргызской народности. Оно наряду с племенами саруу, мундуз, кытай, жетиген, басыз, тебей входило в левое крыло (сол каанат) кыргызов. Основная масса кушчи проживала в Таласской долине. Небольшие подразделения этого племени оказались в составе кыргызских племен бугу, монголдор и др. Тамга (знак, печать) кушчу представляла собой круг. Боевой клич (ураан) – «Каратал». Кушчи и являются одним из древнетюркских племен и издавна обитали на Тянь-Шане и в Казахстане. По мере формирования с XVI в. самостоятельных народностей – узбекской, казахской, кыргызской – отдельные роды кушчи, сохранив свое самоназвание, вошли этническими компонентами в состав этих трех народностей¹.

Давлат Мухаммад Кушчи, судя по рассматриваемой рукописи, был прекрасным каллиграфом и знатоком арабского языка – иначе он просто не смог бы точно и без ошибок переписать столь сложный и большой по объему арабский текст. Он знал и персидский язык, даже пытался писать на нем стихи. Образец его самостоятельного творчества сохранился в персидском двустишии – приписке под колофоном рукописи.

¹Абрамзон С. М. Киргизы и их этнические и историко-культурные связи. – Л., 1971. – С. 26, 30-34, 42; Пищулина К- А. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV– начале XVI веков. – Алма-Ата, 1977. – С. 192.

Двустилие написано той же рукой, что и остальной текст, но почерком насталик, более свойственным персидскому языку:

Хатт дар варак дахр бемонад,

Бичораи нависанда ки дар хок равад. (Написанное на листе останется вечно, А бедный писец обратится в прах).

Не исключено, что подобного рода приписки делали многие мастера, из рук которых выходили удивительные плоды долгих месяцев кропотливой, филигранной работы. А ведь сколько таких уникальных творений не дошло до нас, затерявшись где-то в лабиринтах веков! Переписчик творения Джами был далеко не единственным и далеко не самым известным образованным выходцем из племени кушчи. Так, одним из учеников, помощников и друзей Улугбека был Ала ад-дин Али ибн Мухаммед Кишчи, которого за ученость прозвали «Птолемеем своей эпохи». (Кстати, Джами в Самарканде слушал лекции этого «Птолемея» из племени кушчи)¹.

Нашей рукописи действительно повезло: почти пять столетий переходила она из рук в руки, пока не попала на стол исследователя. Аккуратно подклеивались поврежденные страницы, вписывались испорченные временем и многократным использованием места в тексте. На последней странице внизу колофона сохранилась интересная запись по-персидски: «Дата покупки этой книги – 1134» (т. е. 1722 – 23 г.). Под этой пометкой видны следы стертой надписи – вероятно, это была аналогичная приписка прежнего владельца книги. Следовательно, сам факт покупки такого манускрипта стоил того, чтобы специально отметить это на его страницах.

Переплет рукописи сделан уже в XIX в. и, бесспорно, далеко не первый за ее долгую жизнь. Он настолько изящен и аккуратен, что мастеру не стыдно было увековечить свое имя: в одной из фигурных орнаментальных виньеток на переплете мы читаем: «Работа муллы Надир-Мухаммада саххафа (переплетчика. – *Авт.*)». И дата – 1257/1841– 42 г., т. е. середина XIX в. Переплет изготовлен в Средней Азии: техника работы и особенности его оформления вполне типичны для кокандских мастеров, чьи произведения украшают еще несколько рукописных и печатных книг, собранных экспедицией.

Вот так и доходят до наших дней сокровища древней среднеазиатской мысли: таджик по происхождению Абдуррахман Джами (1414 – 1492) сочинил; тюрк Давлат Мухаммад ибн Тенгри-берди Кушчи (XVI в.) тщательно и грамотно переписал, узбек Надир-Мухаммад (XIX в.) изящно переплел... Что может быть дороже такого сотворчества?

О популярности сочинений Джами среди населения южных районов Кыргызстана, близких к Таджикистану и Узбекистану, говорит и факт приобретения нами здесь других его книг. Мало этого. В том же районе Кыргызстана мы встретили «Комментарий к грамматическому трактату ал-Джами». Комментарий к тому самому грамматическому трактату, рукопись которого была нами найдена ранее! Комментарий, свидетельствующий о том, что сочинение Джами имело значение не только вспомогательного учебного пособия, но и самостоятельного научного труда. В колофоне приведена дата окончания комментария – 1237/1821– 22 г. Составлен он был неким Хаджи Абдаллахом ибн Салих ибн Исмаилом (Махрам-афанди) в начале XIX в., а издан в Константинополе на 512 страницах в 1890-1891 гг. и этот труд пополнил коллекцию Института истории АН Республики Кыргызстан.

Нам посчастливилось также приобрести редкое литографическое издание двух других произведений Джами – «Нафакат ал-уж» («Вяние дружбы») и «Силсилат аз-захаб» («Золотая цепь») объемом в 467 страниц. Они опубликованы на персидском языке

¹ В.В. Бартольд полагает, что в имени ученого Ала ад-дина Али ибн Мухаммеда Кушчи последнее слово обозначает не племенную принадлежность, а прозвище «сокольников» (см.: *Бартольд В. В. Соч. Т. III, ч. 2. – С. 136*). Здесь он не учел, что выходцы из степных кочевых племен всегда в качестве нисбы обозначали племенную принадлежность – например, Шах Мухаммед Чурас.

в Канпуре (Индия) в 1893 г. Первое сочинение – биографии в прозе знаменитых суфиев. Второе – эпическая поэма, посвященная Султан Хусейну (Байкара), – одна из семи, входящих в «Семирицу» Джами («Хафт ауранг»). Султан Хусейн Байкара – правитель Герата, визирем и другом которого был ученик и покровитель Джами Алишер Навои.

Краткий разбор поэмы «Золотая цепь» приводит в своем произведении о Джами Е. Э. Бертельс, который считает ее первой среди всех поэм «Семирицы» Джами по времени. Но поэт возвращался к ней еще трижды: адресуя последнюю тетрадь осмонскому султану Байзиду II (1481–1512 гг.), Джами целиком посвятил поэму своему представлению о справедливом управлении страной и дал характеристику образцового, по его мнению, правителя. Кто же хранил бесценную рукопись последнего сочинения персидско-таджикского поэта классического периода? Сочинение Джами экспедиция обнаружила в Ошской области в кыргызской семье, предки членов которой происходили из группы ичкиликов и спустились в долину с гор всего поколение тому назад. Книга была семейной реликвией. Видимо, из поколения в поколение здесь передавалась любовь к сочинениям Джами. В этой семье хранились еще два издания стихов поэта и комментариев к его сочинению по арабской грамматике.

Интересно отметить, что во времена Джами в тех же приферганских горах издавна жило племя скотоводов, которых можно отнести к кыргызам. Младший современник Джами – владетель Оша и Андижана Бабур писал: «Среди кочевых племен Андижанской области есть племя Чограк; это большое племя в пять-шесть тысяч семейств. Они живут в горах между Ферганой и Кашгаром (Центральный Тянь-Шань или Алай. – *Авт.*), у них много коней и множество овец. В этих горах вместо быков разводят кутасов (яков. – *Авт.*). Кутасов у них тоже много»¹.

На это важное сообщение Бабура обратил внимание С. М. Абрамзон. Дело в том, что яководство в Средней Азии является определяющим этнографическим признаком кыргызов. Ни одна народность, кроме кыргызов, не занималась здесь разведением яков (кутасов). Название этого племени у Бабура можно прочесть по-разному: чакрак, чограк, чагрек, чегерак. С. М. Абрамзону удалось установить, что среди южных кыргызов, относящих себя по происхождению к племенам тейит, нойгут и бостон, до сих пор сохранились небольшие родовые группы с самоназванием чогорок.

Это дает основание полагать, что описанное Бабуром племя вошло в состав кыргызов-ичкиликов².

Этот экскурс в этническую историю кыргызов, как и упоминание о кыргызах-кушчи (кушчу, кутчу), мы сделали не для того, чтобы как-то приобщить коренное население нашей республики к великим именам создававших общечеловеческую культуру. Бабур, например, хоть и владел Узгеном и Ошом, не был кыргызом (как не был и узбеком). К этому времени основные тюркские народности Средней Азии – кыргызы, казахи, узбеки, туркмены, каракалпаки – еще не сформировались окончательно. Поэтому «растаскивание» имен великих творцов по современным национальным «квартирам» ненаучно и даже вредно. Ал-Фараби, Махмуд Кашгари, Юсуф Баласагуни, Низами, Бабур и другие принадлежат не узбекам, не казахам, не кыргызам, а всему громадному мусульманскому миру тюрок от Босфора и Баку до Иссык-Куля и Турфана. Мы хотели лишь отметить, что культурное развитие некоторых племен, вошедших в состав кыргызского народа, происходило не где-то в стороне, а в том же среднеазиатском регионе, который дал человечеству не одного славного творца.

Возвращаясь к рукописи Джами, отметим, что всестороннее научное исследование ее только начинается. Но уже сейчас можно сказать, что коллекция Института истории республиканской Академии пополнилась редким и чрезвычайно ценным экспонатом,

¹ Бабур. Бабур-наме / Пер. М. Салье. – Ташкент, 1982. – С. 36.

² Абрамзон С. М. Киргизы... – С. 36.

который уже сам по себе оправдывает все расходы и трудности археографической экспедиции. Впереди – новые поиски и надежды на новые ценные находки.

КЛАДЫ АЛФАВИТОВ И ПИСЬМЕН

Из тьмы веков на мировом погосте
Звучат лишь письма.

А. Блок

С определенной долей условности средневековые кайраки (валуны) с надписями и кыргызские эпитафии (намогильные надписи) на каменных плитах и стелах тоже можно классифицировать как клад. Клады интеллектуальной жизни, клад духовной памяти героев, письма, возвратившие потомкам вести о деяниях их предков и сведения о самих предках. Кроме того, это парад древних алфавитов, выстроившийся в хронологическом порядке. Одним из первых на поиски таких кладов отправился еще в X в. великий лингвист, будущий автор словаря древнетюркских народов «Диван лугат ат-тюрк» Махмуд Кашгари. Он первый сообщил о памятниках древних писем в Кыргызстане.

Если немного пофантазировать, эту картину можно представить так. В один из летних дней Махмуд Кашгари, обремененный думами о судьбах тюркского языка, отправился по Тянь-Шаню собирать материалы. Предстояли долгий путь в страны к народам с неведомыми еще именами, записи и классификация их слов и наречий. Не зря Махмуд в ряде медресе Востока штудировал рукописи, беседовал с купцами, паломниками и дервишами. Он уже исходил многие земли, исписал не один свиток, а круг новых тюркских народов и новых тюркских языков все расширялся. И, кажется, не будет им конца.

...Путники заночевали в Барсхане – на берегу Иссык-Куля. Махмуд Кашгари оглядел горизонт и удовлетворенно вздохнул: вот та лазурная жемчужина, которую он поместит в самом сердце своей географической карты, а вокруг – различные тюркские народы, наречия которых он опишет. И да свершится его замысел, и да сохранятся для этого силы, и да пошлет Аллах годы жизни, необходимые на богоугодное дело!

... Рядом купец наблюдал, как расседлывают лошадей и развьючивают верблюдов, переносят в караван-сарай тюки с редкими товарами. Караван-баши переругивался с помощниками. Стоял разноязыкий гвалт, как на кашгарском базаре.

И вдруг чуткое ухо Махмуда уловило звучный стих, да еще на тюркском языке!

Побольше послушай, поменьше скажи.

Мне мудрые так говорили мужи.

Негоднее всех из людей болтуны,

А лучшие – щедростью сердца сильны.

Махмуд слушал как зачарованный. Очнувшись, он обратился к степенному купцу:

– Вы меня приятно удивляете, почтенный! Откуда вы знаете стихи, да еще на тюрки? Я не слышал ничего подобного, хотя вот уже много лет нанизываю на ожерелье словаря – дивана тюркские слова, пословицы и поговорки.

– Я слышал их в славном Баласагуне, куда мы держим путь. Их сочинил какой-то Джусуп. И за это великий правитель Табгач Бограхан назначил его своим придворным – хаджибом.

– Удивительно, – тихо молвил Махмуд. – Таких звучных и живых месневи, так правильно вышитых по канве благородного аруза, признаться, я никогда не встречал. Моя память и мои записи хранят множество тюркских стихов. Некоторые из них я полюбил за силу слова, за живые и трогательные подробности, далекие от выпренной и манерной аллегории арабов. На досуге я прочту вам, почтенный обладатель заморских товаров, стихи о битве наших предков с уйгурами, или, например, о смерти прародителя тюрков Алп-Эр Тонга, которого в Иране именуют Афрасиабом. При желании вы найдете в них

погрешности, но они, равно как и достоинства, своими корнями уходят в глубь веков тюркской поэзии.

– Неужели, о мудрейший Махмуд-бек, вы хотите сказать, что поэзия тюрков имеет корни в седой древности?! Я думал, наш Джусуп Баласагуни – первый и единственный.

– Именно это. Как-то я посетил земли кыргызов на великой реке Кем. В степи близ Алтын-Куля мне показали каменную плиту, с трех сторон испещренную непонятными мне письменами. Среди кыргызов еще есть старики, которые их читают. Там были стихи. И какие стихи! В них оплакивали кыргызского кагана Барс-Бега, павшего в бою с врагами.

– Когда это было?

– Кыргызы говорят, что более 350 лет назад.

– О, Аллах, помоги мне и наставь меня! Так это не миновало еще и ста лет священной хиджры?

– Вы правы, почтенный. Такие же письмена на валунах, слышал я, есть у города Тараза, на берегах благословенного Таласа. Говорят, есть где-то камень с таким же текстом, а рядом – по-арабски и в окрестностях Иссык-Куля. Не знаете ли? Вы много путешествуете, со своими караванами объездили земли многих народов.

– Нет, не слышал и не видел. А кто их пишет на камнях и скалах?

– Не знаю. Последним знатоком тех древних букв был отшельник Кулбак. Он постоянно скитался в горах Таласа и писал на камнях: «Раб божий Кулбак». Я видел эти надписи, но самого отшельника встретить не успел. Азраил оказался проворнее меня.

– Упаси нас Всевышний от скорой встречи с ним. – Купец сложил ладони лодочкой и провел ими по бороде.

Путники умолкли. Каждый думал о своем. А перед мысленным взором многомудрого Махмуда вставали тюркские, согдийские, тибетские, арабские письмена на скалах и отдельных камнях, на бронзовых и керамических сосудах, наконец, на пергаменте и бумаге.

Охотящийся за словами для дивана тюркских наречий, Махмуд из Кашгара, потомок царствующего дома Караханидов, был для современников непонятным чудачком. Для потомков он великий ученый – знаток древних письмен и наук.

Но что же сами потомки? Почти тысячу лет после описанных событий они теряли свои познания о прошлом, растеряли почти все виды письменности. И еще совсем недавно ученые утверждали, что кыргызы до Октябрьской революции не имели своей письменности, что кочевники-кыргызы вступили в XX век бесписьменным народом. И это при том, что до наших дней дошла масса бесценных, памятников средневековой эпиграфики!

Еще в XIX в. их бережно собирали русские ученые В. А. Каллаур, Н. Н. Пантусов, Д. А. Хвольсон, В. В. Бартольд и другие. Переводили, издавали, интерпретировали. В советское время очень многое в изучении памятников средневекового письма сделали М. Е. Массон, А. Н. Бернштам, И. А. Батманов, В. А. Лифшиц. Настоящий подвиг совершил кыргызский эпиграфист Четин Джумагулов. Он собрал, прочел и перевел на русский язык громадное количество памятников письма, которых хватило уже на три внушительных монографии. А материал еще далеко не исчерпан. Научная ценность этих памятников возрастает в связи с тем, что оставлены они были не пришельцами, а теми, кто когда-то родился здесь, трудился, научился писать...

Сегодня можно с полным основанием заявить, что в развитии письменности в Кыргызстане практически не было разрыва. Как кыргызы, так и их предшественники и предки, начиная с VII в. и вплоть до начала XX в. неизменно пользовались письмом. Правда, алфавиты и уровень грамотности менялись. В республике найдены тексты, выполненные латынью, китайскими иероглифами, согдийскими письменами, санскритскими и тибетскими знаками, древнетюркскими (руническими) и уйгурскими графемами, сирийским и арабским алфавитами.

Значит ли это, что средневековое население Кыргызстана изучило все девять зафиксированных учеными систем письма и пользовалось ими в повседневной жизни? Конечно, нет! В большинстве случаев это многообразие алфавитов и языков связано с торговыми караванами на Великом шелковом пути. Они хорошо документируют национальность купцов, проходивших по трассе со своими караванами, но лишь немногие системы письма оставили глубокий след в жизни местного населения. Значение различных алфавитов в развитии культуры средневекового Кыргызстана не было однозначным. Некоторые системы письма, например, латынь и китайские иероглифы, были известны местному средневековому населению Кыргызстана исключительно по легендам на монетах или по надписям на привозных вещах. Они совсем не оказали влияния на культурную жизнь региона. Другие системы письменности – тибетская, санскрит – были связаны только с религией. Заметную роль сыграл сирийский (христианско-несторианский) алфавит, который, несмотря на ряд трудностей, применяли для передачи тюркской звуковой речи. Важную роль в культурной жизни средневекового Кыргызстана сыграли согдийский и арабский алфавиты. Согдийский алфавит в чистом виде использовался древнетюркскими каганами для точной фиксации важнейших государственных актов. Модифицированное согдийское письмо стало основой для возникновения двух самостоятельных древнетюркских алфавитов – рунического и уйгурского. Об исключительном значении арабского алфавита свидетельствует тот факт, что начиная с X в. (то есть тысячу лет тому назад!) он стал не только алфавитом исламского культа, но алфавитом литературы, искусства каллиграфии, науки.

Кыргызской историко-археологической экспедицией в 1973 г. были обследованы не только самые поздние согдийские надписи на скалах, но памятники на согдийском языке вообще. Надписям около тысячи лет. Обнаружены они в ущелье Таласа. Текст всего на 43 года моложе знаменитой поэмы «Кутадгу-билиг» («Благодатное знание»), созданной нашим земляком Юсуфом Баласагуни, некогда жившим в столице Караханидского каганата, которая находилась в Чуйской долине близ современного города Токмак.

...Три наскальные надписи в ущельях Кулан-Сай и Терек-Сай датированы 907, 944 и 1026 годами. На скалах высечены мужские и женские имена знатных тюрков. Самая последняя из трех надписей – кулансайская – датируется временем между 9 августа и 9 сентября 1026 года («эра Хосрова, год 394-й; год мыши, шестой месяц»). Заканчивается она словами: «И да будет благословенно это солнечное место, где они сидели. И написал Кул-Так писец». Дешифровкой текстов занимался известный ленинградский востоковед, профессор В. А. Лившиц. В знаменитом «Словаре тюркских наречий» («Диван лугат ат-тюрк») Махмуда Кашгари В. А. Лившиц нашел и упоминание о писце – в книге он назван Кулбак (имя Кулбак с успехом может быть прочтено и как «Кул-Так», ибо арабское начертание этих слов очень сходно: разница лишь в расположении точек над буквами). У Махмуда Кашгари читаем: «Кулбак – имя тюркского отшельника, который постоянно живет в горах Баласагуна. Рассказывают, что он писал своей рукой на твердой черной скале и надпись оказывалась белой. И писал он таким же образом на белой скале и оказывалась черная надпись. Следы его остались до сих пор»¹.

Махмуд Кашгари, живший поколением позже, чем Кул-Так, по всей вероятности, знал о надписи к Кулан-Сая, а также текстах, выбитых на скалах Терек-Сая. Ибо горы Баласагун – это горы Киргизского хребта, в котором и находятся упомянутые ущелья.

Формулы датировки, применявшиеся в согдийских надписях Терек-Сая и Кулан-Сая, содержат так называемую «эру Иездигерда» (начавшуюся 10 июня 632 г. – дата воцарения последнего сасанидского царя Ирана). До сих пор она была известна по тексту из Ладака (в Тибете), а также по согдийским текстам, написанным христианами и манихейцами. Для письменных памятников Средней Азии это уникальный случай.

¹ Волин С. Сведения арабских источников IX–XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах // Тр. ИИАЭ АН Каз. ССР. – Алма-Ата, 1960. Т. 8. – С. 854.

Употребление такой датировки показывает, что памятники эти немусульманского происхождения. О том же говорят и имена, встречающиеся в надписях Терек-Сая и Кулан-Сая: все они являются именами древних тюрков, не принявших ислама. Вероятнее всего, согдийские наскальные надписи были начертаны тюрками, исповедовавшими манихейство. Семиречье, таким образом, явилось одним из последних оплотов этой исчезнувшей религии, некогда распространенной от Китая до Испании.

* * *

На территории Кыргызстана найдено немало кайраков с древнетюркскими текстами, главным образом в Таласской долине¹. На Иссык-Куле известна лишь одна такая надпись, но и та оказалась недоступной для изучения, так как вскоре после открытия кайрак пропал. При обследовании городища Кой-Сары П. П. Иванову посчастливилось найти билингву – надпись на камне, выполненную древнетюркскими руническими и арабскими буквами. Она привлекла внимание крупнейших специалистов по эпиграфике того времени. Однако обратиться непосредственно к оригиналу не удалось, так как, к сожалению, он исчез. В 60-х годах следы его пытался отыскать Д. Ф. Винник. Ему удалось разыскать местного жителя А. Е. Балыбина, в свое время помогавшего П. П. Иванову исследовать урочище. Тот рассказал, что ещё в 1929 г. на курорте Кой-Сары появились двое неизвестных, которые представились научными сотрудниками из Ташкента, наняли подводу и увезли камень с письменами. Куда? Этого выяснить не удалось. Едва ли камень вывезли за пределы Иссык-Кульской котловины, так как в музеи Средней Азии он не поступал. Возможно, билингва лежит где-нибудь во дворе, скорее всего, в Пржевальске. Она может и не привлечь внимание хозяина двора: обыкновенный камень, да еще и расколот на две части. Мы просим пржевальцев, живущих в старом городе, внимательно осмотреть свои приусадебные участки. Возможно, им удастся вернуть науке утраченную ценность. А научное значение койсаринского камня, как и вообще древнетюркских надписей, огромно. В настоящее время специалисты считают, что в них есть сведения и о таком сложном вопросе, как происхождение кыргызского народа. По несовершенной же копии, сделанной П. П. Ивановым, текст прочитать невозможно.

Интересна находка одного из камней с рунической надписью. Во время археологической экспедиции нам удалось обследовать валун, только-только поднятый ковшом экскаватора из котлована на окраине Таласа. Не было предела нашей радости, когда на валуне, очищенном от грязи, четко проступили рунические знаки. Мы было решили, что открыли новый, еще не известный науке рунический памятник. Каково же было наше разочарование, когда тюрколог Четин Джумагулов, увидев текст, заключил: это не новый одиннадцатый, а старый четвертый, уже известный науке памятник, который вскоре после открытия был утерян. Но, как оказалось, не безвозвратно. Звучит эпитафия так: «Имя его – Чора. Тридцать огланов (сыновья? или племя отуз оглан?) защитники остались (букв.: расстались). Ваш... храбрый сын Чор наследуя остался... остался»². Такова лирическая эпитафия древних тюрков. Обращает на себя внимание словосочетание «тридцать огланов» («отуз оглан») – сыновей, юношей. Это очень важно при рассмотрении вопроса формирования кыргызского народа, так как и сейчас в Таласе сосредоточена весьма значительная часть кыргызов, ведущих свое происхождение от левого крыла группы – отуз уул (отуз оглан). Еще видный кыргызовед С. М. Абрамзон предположил, что в древнетюркских текстах, найденных в Таласской долине, упомянуто название кыргызского племени «отуз уул» в форме «отуз оглан». Памятники датированы первой половиной VIII в.

* * *

Найдены в Кыргызстане христианские (несторианские) эпитафии сирийского письма. Алфавит его имел всего 22 буквы и поэтому был неудобен для передачи тюркской

¹ Батманов И. А. Таласские памятники древнетюркской письменности. – Фрунзе, 1971.

² Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. Вып. 3. – Фрунзе, 1987. – С. 24,

речи, где звуков было в полтора раза больше. Он стал применяться в Семиречье с проникновением сюда христианства, то есть примерно в VII–VIII вв. Хотя самый ранний с твердо фиксированной датой памятник несторианского письма в Кыргызстане относится к концу VIII в. Он был найден на Краснореченском городище (Чуйская долина). На небольшом черного цвета кайраке сообщалось, что в 1100 г. эры «хана Александра» почила некая девица Иал-анч¹. Указанный год в переводе на наше летосчисление соответствует 789 г. Большинство надписей из Чуйской долины и с берегов озера Иссык-Куль относятся к XII–XIV вв. Некоторые из сирийских текстов могут иметь отношение и к религиозной истории кыргызов. Например, в 1976 г. Ч. Джумагулов нашел и перевел надпись на камне: «В году тысяча шестьсот пятидесятом (1339 г. н. э.), это – год зайца, по-тюркски табышкан. Это могила Кир(а)киз, верующей»². Если отбросить вставку гласной, которой в тексте нет, то памятник мог быть выполнен в честь какой-то верующей кыргызки – христианки несторианского толка.

Почему же тюркское население Кыргызстана, имея свой (рунический) алфавит, идеально приспособленный для передачи особенностей тюркской речи, вдруг стало применять чужой, да еще и крайне неудобный сирийский? На этот вопрос ответила Н. В. Пигулевская – крупнейший знаток древней сирийской культуры: «Это обращение к чужой форме могло быть следствием обращения к несторианству какого-нибудь социального слоя или целого племени, как это было, например, с кераитами»³. Иными словами, для тюрков, принявших христианство, сирийский алфавит служил только церковным письмом. В повседневной переписке или в литературе он едва ли применялся, здесь, начиная с X в., ведущие позиции занимал арабский алфавит.

* * *

Памятники эпиграфики, выполненные арабскими графенами, в количественном отношении заметно превышают число памятников с текстами любой другой системы письменности. Только в Прииссыккулье на кладбище в урочище Большая Аксу Н. Н. Пантусов еще до революции насчитал 83 кайрака с арабскими текстами, близ Тона их было 19, немало их обнаружено севернее Чолпон-Аты, между с. Ананьево и Корумду, близ реки Жуука. Много Кайраков найдено в Оше, Узгене, Наукате, Сафид-Булане, на городище Бурана и в других местах. Арабскими письменами были выбиты легенды на караханидских дирхемах Барсханского, Узгенского и других монетных дворов. Ими же выполнена «еретическая» надпись, восхваляющая земную жизнь, на бронзовом сосуде. На чаше, поднятой в прошлом столетии со дна Иссык-Куля куфической вязью было выведено: «Весенние дни доставляют нам счастье! О, водонос! Дай мне оживляющей влага... Похожий на розу напиток сосуду красу придает, подобно тому, как роса оживляет тюльпан, жизнью считай лишь то время, которое смертным дает наслажденье». Арабскими письменами украшены порталы узгенских усыпальниц и гумбез Манаса.

Арабские тексты богаты не только числом, но и жанром. Они представлены не только эпитафиями или религиозными заклинаниями. Среди них часты наиболее популярные тексты из Корана, встречаются стихи мирских поэтов. Надписи выполнены разнообразными почерками: насх, сульс, цветущий куфи. Однако большинство из них выбито небрежно и неумело, но встречаются и надписи, мастерски вырезанные талантливой рукой опытного каллиграфа.

Многолетние исследования средневековых надгробных эпитафий, выполненных арабскими письменами, позволили одному из самых опытных современных эпиграфистов В. Н. Настичу сделать выводы, что только очень небольшое число текстов, составленных на арабском языке, можно назвать безупречными в отношении языковой грамотности. В подавляющем большинстве эпитафий наблюдаются несогласованность в роде и падеже,

¹ Горячева В. Д. Город Золотого верблюда. – Фрунзе, 1989.

² Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. Вып. 2. – Фрунзе, 1982. – С. 43.

³ Пигулевская Н. В. Сирийские и сиро-тюркские фрагменты из Хара-Хото и Турфана // СВ. Т. 1. – М.- Л., 1940. – С. 223.

неправильное употребление артикля, орфографические ошибки, отступления от арабской стилистики и фразеологии. Часть погрешностей и ошибок ученых объясняет общей невысокой грамотностью текстов и сильным влиянием местных языковых норм, в частности персидско-таджикской и тюркской. А если добавить, что лексика и фразеология арабских текстов сильно формализована и насыщена застывшими оборотами, далекими от живых разговорных и письменных норм, то становится понятным, что арабский язык никогда не был в живом употреблении среди населения средневекового Кыргызстана. Он оставался языком мечетей, мусульманской религиозной обрядности (в данном случае погребальной), проводником идеологии ислама. Реальную языковую ситуацию в средневековом Кыргызстане, если судить по арабским текстам, отражали вставленные в них Отдельные слова, фразы и даже целые надписи на кайраках, выполненные по-персидски или под влиянием этого языка. Заметны здесь и тюркизмы. Эти факты свидетельствуют в пользу того, что горожане Кыргызстана XI–XIV вв., как и прежде, говорили на тюркском и согдийском языках.

На наш взгляд, текст некоторых надписей свидетельствует, о глубокой, если не фанатичной, религиозности средневековых кыргызстанцев. Судите сами: «Я прибегаю к Богу от сатаны. Во имя Бога, всемилостливого, всемилосердного. Засвидетельствовал Бог, что нет Бога, кроме него; и ангел, и люди знающие, соблюдая справедливость, (исповедают) нет Бога, кроме него, всемогущего, мудрого, поистине (настоящая) вера перед Богом – ислам. Да благословит Бог Мухаммеда, пророка...» Эту надпись нашел близ с. Григорьевка священник Д. П. Рождественский, а перевел академик В. В. Бартольд еще в начале века¹. Недавно доцент И. А. Шерстюк нашел также еще одну надпись, которую перевел Ч. Джумагулов. Текст почти слово в слово повторяет приведенный выше. А это свидетельствует уже, скорее, не о суперрелигиозности, а об определенной текстовой композиции или даже штампе из стихов Корана, который просто копировали резчики надгробных надписей.

Эта средневековая традиция в целом сохранилась до XIX в. и была перенесена на кыргызские эпитафии, выполненные на каменных стелах. На территории Кыргызстана их немало. Особенно часто они встречаются в Чуйской долине. Несколько таких камней, найденных археологами, свезено к Бурачинскому археолого-архитектурному музею под открытым небом, некоторые еще стоят на прежних местах. Как показывает предварительное исследование, кроме основных вех жизни покойного, его титулов, дат рождения и смерти, тексты эпитафий содержат стихи из Корана, четверостишия на фарси в стиле рубай, «крылатые слова» и выдержки из книг или устного народного творчества.

Эпитафии, выполненные арабской графикой, с достаточной полнотой отражают общий уровень развития языка и грамотности в Кыргызстане дооктябрьского времени. Лишь немногие из них можно назвать безупречными в отношении грамматики. Все это, как уже отмечалось, свидетельствует о том, что арабский язык не пользовался популярностью в народе, а оставался языком религии и книжных писаний.

В период экспедиционных работ нами фиксировались надгробные эпитафии XIX – начала XX в., которые были обнаружены в бассейне р. Чу и ее притоков, в Джанги-Джоле и Чаткале. Часть эпитафий опубликована кыргызским тюркологом Ч. Джумагуловым².

Одна из эпитафий была выполнена в 1906 – начале 1907 г. Любопытно, что автор надписи – мулла Балдакбай, имя которого встречается довольно часто. Все надписи он заканчивал словами «таммам» («конец» или «окончание»). Так заканчивали свои произведения переписчики средневековых рукописей, но эта формула больше, кажется, нигде не встречается в памятниках эпиграфики XIX – начала XX в.

В Чуйской долине выявлено семь надгробных надписей, изготовление которых укладывается в 30-летний период – от 1891 до 1921 г. О некоторых пока трудно сказать

¹ Бартольд В.В. Надпись с кладбища у озера Ысык-Куль // Собр. соч. Т. IV. – М., 1966. – С. 339-340.

² Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. Вып. 2. – С. 160-164.

что-либо определенное, но уже сейчас ясно, что один из памятников резко отличается от всех остальных. Он, скорее, напоминает эпиграфические памятники Самарканда и Бухары XV–XVII вв. Все прочие из рассмотренных надгробных эпитафий такой преемственности в формах, стиле и языке не имеют. Синхронные им памятники из других областей Средней Азии и Южного Казахстана, известные в натуре или по фиксациям, также имеют иные формы, особенности оформления. Это позволяет сделать вывод (хотя бы в качестве предварительной гипотезы), что такой тип мусульманских надгробий сложился и развивался в основном в зоне обитания оседлого и полукочевого кыргызского населения. С другой стороны, содержащиеся в надписях факты со всей очевидностью свидетельствуют о проживании здесь и выходцев из других областей, иной национальности: это казахский мулла Балдак (или Балдакбай) и татарка из-под Казани Биби Фахриниса, дочь Халлилуллаха. В обоих случаях, очевидно, мы имеем дело с появлением здесь мусульманских миссионеров из тюркоязычных областей России, «укреплявших истинную веру» и призванных распространять грамотность среди местного населения. Впрочем, в последнем мы вправе усомниться: почтенный мулла Балдак на протяжении тринадцати лет был почти единственным исполнителем эпитафий, естественно, получая за это постоянную плату. Едва ли в его интересах было делиться своими профессиональными знаниями, а следовательно, и доходами с местными кыргызами.

Заслуживает внимания эпитафия из гумбеца в Большом Арале – уникального мавзолея Сокулукского района Чуйской долины. И гумбес, и эпитафия 1912 г. посвящены кыргызскому феодалу Джаркинбаю Сагынбекову – сподвижнику Шабдана Джантаева. Выбитая на камне эпитафия гласила (расшифровка и перевод востоковеда В. Н. Настича): «Нет Бога кроме Аллаха... В начале (?) 19330 г. в месяц рамадан 13 числа (27 августа 1912 г.) в понедельник утром во время восхода солнца Тадж ал-Кармен (венец обоих запретных городов) Джаркинбай сын Сагынбека в возрасте 63 лет ушел в мир вечности, прощенный к бедности (далее – арабские восславил). По милости аллаха аминь!» Сбоку камня также была выбита надпись: «Сын Сагынбека».

Эта приписка в данном случае означает авторство надписи. Ее, видимо, сочинил один из братьев умершего, который, как видно из текста, был довольно искушен в грамоте. Историкам небесполезно разобраться в хронологической «чересполосице», характерной для поздней эпиграфики, где мусульманский отсчет времени причудливо сочетается с европейским летосчислением.

Обе эпитафии на надгробных памятниках из Чон-Кемин – на могилах сыновей Джантая – Шабдана (1912 г.) и его брата Мамыта (1910 г.) – находятся в бассейне р. Кемин. Наиболее ценной информацией этих эпитафий представляются родословная манапов до пятого колена, а также указание на их родоплеменную принадлежность. Памятники эти свидетельствуют о времени жизни, возрасте, социальном положении, политических настроениях этих представителей феодальной верхушки кыргызского общества, верно служивших царской России. Любопытно, что термин «войсковой старшина» передан в русской фонетике, но арабскими буквами; факт этот, несомненно, интересен для историков языка и лексикологов.

Памятники Шабдану и, очевидно, Мамыту (об этом свидетельствуют все внешние признаки) изготовлены названным уже муллой Балдаком. Судя по надписи, Балдак проявил себя не только как профессиональный резчик и писец-изготовитель надгробных памятников, но и как весьма образованный для своего времени человек. «Стихоподобное» дополнение к надписи, авторство которого бесспорно устанавливается самим текстом (мулла включил в него свое имя), говорят о том, что он владел несколькими языками: родным – казахским, местным – кыргызским, литературным – тюрки, а также традиционным – арабским, обязательным для образованного духовного лица.

* * *

А теперь вернемся назад, когда «кладезь средневековой мудрости» надписями на керамических и металлических сосудах из чуйского Баласагуна расходилась даже по отдельным уголкам Ферганы, Тянь-Шаня и Восточного Туркестана.

Представьте себе баласагунский базар XI в. Чего только здесь не было! В гончарных рядах громоздятся керамические чаши, миски, котлы для варки нищи, огромные кувшины-хумы для хранения продуктов. Многие из изделий мастера клеймят своим знаком – тамгой, наиболее иакусные – выписывают наставления и пожелания будущему хозяину изделия.

Вот какой-то кочевник остановился около гончаров и стал нерешительно рассматривать посуду. Хозяева тотчас наперебой принялись расхваливать свой товар, хватая покупателя то за рукав, то за полу длинного овчинного тулупа.

– Слушай, почтенный, какой чистый звук у моей кесе! – кричал один и щелкал по глазурованному боку сосуда. – А какая надпись на ней: «Пусть будет всегда наполненной, аминь, аминь!». С таким пожеланием кесе станет для тебя вечным источником добра и дела твои упрочатся!

– Не слушай его, о бек-джигит! – кричал сосед. – Мой горшок ничуть не хуже, зато надпись вчетверо длиннее за ту же цену! И какая надпись! Не его жалкое изречение, а стихи мудрейшего хассхаджиба Юсуфа! Вот послушай:

Будь добрым и печься о суетном брось.

Кто добр, для того и богатство нашлось.

Во гневе разумным и сдержанным будь –

Терпение – к завтрашней радости путь.

– У меня еще лучше стихи мавляны Юсуфы! – кричал третий гончар. – Они, как светильник, озарят для тебя прах заблуждения:

С поспешностью дел не свершай никогда:

За каждую спешкой приходит беда.

Терпя да запасшись усердием впредь,

Сумеет и раб пояс бека надеть.

Бедный кочевник, сраженный изречениями, только успевал поворачивать голову.

Бродя меж базарных рядов, наш старый знакомый Махмуд из Кашгара убедился: у всех на устах были строки из поэмы знаменитого земляка. Не только гончары снабжали свои изделия спасительными изречениями из «Кутадгу билиг». Оружейнику выковывая саблю, делали на лезвии или рукояти надпись:

Мне зла пожелавший – погибнет от зла,

Хотящий попрасть меня – поправан до тла.

Чеканщик на блюде выбивал:

Пораньше вставай и пораньше ложись,

Встающему рано – все блага дались!

Даже ювелиры ухитрялись своими тончайшими инструментами выводить на перстнях:

Входя погляди, где обратная дверь, –

Где выхода нету, там много потерь.

Или

Речь людям дарует и власть и почет,

А лишнее слово и шею сорвет!

И мало беды, что невежественные кочевники с гор не разумели грамоты; все равно товар с надписями шел нарасхват – кочевники принимали афоризмы из поэмы за могущественные заклинания: ведь хорошее, умело составленное заклинание всегда пригодится. Такие сосуды берегли, сохраняли. Бывало, в них засыпали не только зерно, но и монеты для хранения. Все это становилось денежным кладом, как было, например, на средневековом городище Шим-Тюбе (возле современного Кара-Балты) с кладом караханидских монет.

Столетия клады ждали своих первооткрывателей. И вот теперь они открывают любознательным искателям-потомкам не только денежные старины, но и кладезь древней мудрости.

Сейчас культурному наследию прошлого придается большое значение. И все же...

...Звонок телефона. Настойчивый, тревожный... Голос из трубки подстать звонку.

– Что же это творится?! До каких же пор будут погибать наши древности?

Выясняем: звонит некий В. И. Кривошей. Задаем вопросы, уточняем, переспрашиваем, записываем... Что ж, картина знакомая. Оказывается, воды Аксуйского водохранилища подмыли берег и обнажили группу крупных средневековых сосудов. Мальчишки и взрослые перебили сосуды в напрасной надежде найти там древние клады. Сокровищ, которые искали, конечно же, не было. Зато уничтожены гораздо более ценные сокровища: венчики и даже боковины сосудов были покрыты древними письменами. Погибло слово... Слово, сказанное неблагодарным потомкам из глубины веков. Слово, которому не дали прозвучать...

ОДИССЕЯ КУРМЕНТИНСКОГО КЛАДА

Клад недалек, но, чтобы докопаться,
Искусство нужно и уменье взяться.

И. Гете

1919 год. Завершается гражданская война, хотя басмаческое движение еще не спадает. После объявленной амнистии в Россию начали возвращаться беженцы, не запятнавшие себя кровью братоубийственной войны. Одним из таких эмигрантов был некто Успенский, бежавший в Китай после Октябрьской революции. В Китае он близко сошелся с горько тосковавшим по Родине священником. Умирая, православный священник передал Успенскому план, где было обозначено место клада – несметных сокровищ. Он был якобы зарыт его предками еще в период нашествия Чингисхана на Семиречье, т. е. истоки его уходили в глубь веков – в начало XIII столетия. На плане было отмечено, что клад спрятан недалеко от Тюпа, около реки Котурга на северо-восточном побережье озера Иссык-Куль. В этом месте должен был быть большой камень, близ которого в прошлом христиане молились Богу. План был снабжен довольно детальными подробностями, где объяснялись состав и стратиграфия клада. Он состоял якобы из двух частей – золотой и серебряной, и был будто бы столь велик, что для перевозки сокровищ потребовалось бы 160–200 верблюдов. Ценности были помещены на дно ямы в специальной упаковке, перекрыты каменными плитами с надписями, плиты засыпаны землей слоем примерно в два метра, и потом место схорона было затоплено. Там образовалось небольшое озерцо. (Дальше фигурировали мистические подробности с тушей черного быка и рогами оленей, которые мы опустим).

Легенда требует комментария. Во-первых, были ли христиане на Иссык-Куле во времена Чингисхана? Письменные источники утверждают, что были, притом двух христианских течений. Одно из них – несторианство – документировано сирийскими и сиро-тюркскими эпитафиями, выбитыми на камнях¹. Второе течение представлено армянской церковью. На каталонской карте мира, составленной в г. Пальма (остров Майорка в Средиземном море) в 70-х годах XIV века испанцем Авраамом Крескесом, на берегу оз. Иссык-Куль обозначено увенчанное крестами здание. Рядом надпись, гласящая, что это монастырь армянских братьев. С этой стороны, таким образом, легенда священника вроде бы заслуживает доверия. Однако столь отдаленное по времени родство православного священника с предками-христианами то ли несторианского, то ли

¹ Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. Вып. 2. – Фрунзе, 1982. – С. 38-45.

армянского толка вызывает законное сомнение (если не имелось в виду религиозное родство).

Поражает воображение и гигантское количество золота и серебра в кладе. Если учесть, что тяжесть вьюка верблюда в горной местности обычно около 300 килограммов, то в Курментах было спрятано от 48 до 60 тысяч килограммов драгметаллов! По нынешним закупочным ценам это многие миллиарды рублей. А это значит, что если сообщение и план священника хоть в какой-то степени соответствуют действительности, то на Иссык-Куле были схоронены не семейные сбережения, а церковная казна. Известно, что несторианская церковь занимала доминирующее положение при первых монгольских ханах и могла накопить большие богатства.

В целом легенда почившего в бозе священника едва ли выдерживает строгую критику. Едва ли полностью верил в нее и сам Успенский. Главное – заветный план с бесценным крестиком. Вернувшись из Китая в Кыргызстан, Успенский стал изыскивать возможности для извлечения клада. Он назвался Иваном Андреевичем Усенко и поселился близ места, указанного на плане, потом коротко сошелся со старожилами И. И. Кочергиным и С. М. Галкиным, которые хорошо знали окрестности, и открыл им тайну священника. Те не удивились, так как на Иссык-Куле знали буквально все, что где-то в горах зарыт огромный клад, только не времен Чингисхана, а времен господства Калмыков (XVII–XVIII вв.), его привезли не на 160–200, а всего (!) на 60 верблюдах, притом это было не христианское богатство, а казна города Сары-Фюбе, развалины которого до сих пор видны на Сухом Хребте неподалеку от с. Михайловское. И. А. Усенко не стал оспаривать новую версию легенды о кладе, а показал план, чем немедленно обратил в свою веру вновь обретенных приятелей. Знатоки окрестностей быстро нашли в горах то место, которое было помечено на плане.

На этом заканчивается первый этап поисков Курментинского клада. И если вся предшествующая информация о сокровищах овеяна легендами, то на втором, практическом, этапе в действие вступают и имеют место вполне реальные лица и события, что было закреплено документально и подтверждено свидетельскими показаниями, да и некоторые участники поисков клада до сих пор живы.

1926 г., набрав группу в четырнадцать человек, с разрешения местных властей компаньоны начинают раскопки не на реке Котурга, а в верховьях реки Курменты, по ее левому берегу в урочище, называемом кыргызским населением Беткарагай. По словам И. И. Кочергина и И. А. Усенко, они спустили озерцо и стали пробивать шурф под скалу известняка. На некоторой глубине среди наносных пород они обнаружили находившегося в стоячем положении бычка с перерезанным горлом. Он стоял в воде, которая после отвода части русла р. Курменты просочилась вниз. Копавшие вытащили бычка на поверхность. Как позже (в 1952 г.) вспоминали Кочергин и Усенко, «мясо бычка было мягким и свободно растиралось пальцами». По их предположению, бычок был зарезан калмаками как жертвоприношение богам, чтобы они хранили клад. Примечательно, что уже на первой стадии работ И. И. Кочергиным было найдено «два старинных молотка» – типа употреблявшейся кыргызами кирки: один был медный, другой – золотой. Кладоискателями на глубине примерно шести метров была также найдена известняковая плита с неизвестными письменами, под которой они надеялись обнаружить сокровища. Нужно было пробурить или взорвать плиту. Но внезапно мощный горный обвал прервал работы. Жертв по чистой случайности не было, но для расчистки обвала требовались большие силы и средства. К тому же местные власти, поняв, что клад – вполне реальное дело, нового разрешения на раскопки не дали.

Подведем итоги. Второй, практический, этап поисков клада то ли калмаков, то ли Чингисхана завершился безрезультатно. Участники описали жертвенного бычка, каменную плиту с неизвестными письменами и какие-то «молотки». Но и это не документ. Единственный факт, который заслуживает внимания: в 1930 г. Кочергин сдал в

контору «Золотоснаб» г. Пржевальска золотой молоток, что зарегистрировано документально.

Прошло четверть века. Миновали страшные 30-е годы репрессий, отгремела война, началось восстановление народного хозяйства. Но дух кладоискательства у энтузиастов не исчез. Поскольку раскопки 20-х годов проводились с разрешения местных властей, но по сути дела тайно, никакие сведения о зарытых ценностях в печать, естественно, не попали. И вот, в 1952 г. те же компаньоны – С. М. Галкин, И. И. Кочергин, И. А. Усенко – обращаются официально к властям во Фрунзе с просьбой финансировать новые раскопки. Заявителей энергично поддержали бывший заместитель начальника МГБ и начальник управления милиции Иссык-Кульской области Э. А. Алиев – он очень хотел помочь стране, задыхающейся без валюты. Как человек дела Алиев сразу же пригласил на место предполагаемого клада инициаторов поисков – Кочергина (проживавшего тогда в с. Нарынкол Казахской ССР) и Усенко (проживавшего в Пржевальске). В окрестностях с. Курменты 22–23 сентября 1952 г. Э. А. Алиевым были опрошены местные старожилы-калмаки Мамбет Ибраимович Иваков, 65 лет, и братья Оскамбай, 84 лет, и Огимбай, 80 лет, Шайбировы. Аксакалы подтвердили, что от своих предков они слышали легенду о калмакском кладе, зарытом якобы в урочище Беткарагай. А. И. Иваков показал также, что в 1926 г. он на месте раскопок, проводившихся русскими и кыргызами, сам видел бычка.

Обо всем этом Алиев доложил по инстанции начальнику УКХБ Иссык-Кульской области Алексееву и начальнику УМВД республики Чернову. Правда, начальство не придало значения его докладу. Ответа по существу не последовало. Тогда неутомимый Алиев, искренне заинтересованный и уже захваченный идеей клада, письменно сообщил обо всем министру госбезопасности республики Володину и секретарю обкома партии Айтбаеву. Айтбаев ознакомился с делом и предложил Алиеву вызвать Кочергина и Галкина к нему на беседу. В конце 1952 г. они были приглашены к секретарю обкома и в присутствии Алиева, председателя облисполкома Джумагулова, второго и третьего секретарей обкома подтвердили сведения, изложенные Алиевым.

Айтбаева убедили и он доложил обстоятельства дела в ЦК и Совет Министров республики. Тогда-то и было поручено начальнику Геологоразведки Кыргызстана В. Н. Голубину и министру Госбезопасности республики Володину проверить факты о кладе на Иссык-Куле. Володин поручил своему заместителю Д. М. Малабаеву и Э. А. Алиеву вместе с В. И. Голубиным выехать на место и уже там, сообразуясь с обстановкой, принять решение. После беседы с коренными жителями, которые подтвердили факт раскопок в 1926 г., решили: попробовать стоит. Но скептически настроенный Володин, явно не желая попасть впросак, распорядился доставить к нему Кочергина и Галкина во Фрунзе для личной беседы. В течение двух дней работники МГБ опрашивали Галкина и Кочергина. Те, сообразив, что им не верят, попросили разрешения самим за свой счет производить раскопки с условием, что 50 процентов ценностей в случае обнаружения клада будет их долей. Вознаграждение специалисту-геологу и стоимость леса для «крепления штольни они предложили оплатить за свой счет. ЦК КП и Совет Министров республики, разумеется, не разрешили такие раскопки. По этому вопросу было принято постановление: поиски производить за счет государства. При обнаружении ценностей 15 процентов стоимости их предполагалось выдать в качестве вознаграждения Галкину, Усенко и Кочергину. Руководство поисками было возложено на министра госбезопасности Володина.

В раскопках приняли официальное и непосредственное участие заместитель начальника Управления КГБ республики Д. М. Малабаев, начальник управления милиции Иссык-Кульской области Э. А. Алиев, от Кыргызского геологического управления В. Н. Голубин, прораб геологических партий Геологуправления республики П. Аханов, а также И. И. Кочергин, С. М. Галкин, И. А. Усенко и др. К сожалению, среди них не было ни одного археолога. Так начался третий и пока последний этап в поисках Курментинского клада.

22 октября 1962 г. при осмотре предполагаемого места схорона клада было установлено, что в горном массиве имеются пустоты. В одной из таких пустот согласно заявлению и должны были находиться золотой и серебряный клад. Тогда же Д. М. Малабаев и В. Н. Голубин вынесли заключение о необходимости производства работ по поискам клада и дали участникам раскопок как бы предварительное технико-экономическое обоснование. Прочитируем документ: «Раскоп следует производить наклонным шурфом 65–70° сечением 2X1,6 м с обязательным сплошным венцовым креплением стенок шурфа. При проходе этого шурфа по речным наносам (мелкий галечник и песок) проходку можно осуществлять взрывными работами на выброс.

Предварительно перед проходкой шурфа следует произвести расчистку русла реки Курменты на протяжении 20–25 метров от крупных обломков гранита с тем, чтобы предотвратить течение воды около скал... на левом берегу реки, где будет шурф. После расчистки русла вдоль левого берега реки выше места заложения шурфа необходимо выложить дамбу высотой около метра, протяженностью около 10 метров.

Производство раскопок путем проходки наклонного шурфа целесообразно поручить Кыргызскому геологическому управлению, выделив для этой цели специальные ассигнования. Размер потребных ассигнований может быть определен при составлении смет на производство видов и объемов работ, упомянутых выше, и приблизительно определяется суммой 10 тысяч рублей»¹.

Инициативной группе были приданы заключенные со взводом солдат охраны, место огородили колючей проволокой, построили смотровые вышки. Лагерь как лагерь и эки-работники. Интерес оказался настолько живым, да и задействованные органы не привыкли откладывать дела в долгий ящик, что раскопочные работы начали сразу же, несмотря на зимнее время. И результаты не заставили себя ждать. Раскопки показали, что на глубине 20–25 м в скале известняка имеется пещерообразное углубление шириной 2–2,5 м и высотой 1,5 м, которое полого спускается вниз. Оно оказалось забито мелкими обломками известняка, перемешанного с лёссовидным суглинком. Ясно, что эти породы не коренные, а специально были занесены в лаз.

Спустя много лет, уже в 1989 г., В. Н. Голубин вспоминал: в результате работ была обнаружена камера в известняковых слоях, образовавшаяся в результате растворения последних подземными водами. Камера была пуста, в ней четко прослеживается грабительский лаз. Попытки обнаружить еще одну камеру, которая могла бы служить местом нахождения сокровищ, не увенчались успехом.

Были опрошены местные жители, в частности некий 105-летний житель с. Талды-Суу. Получить достаточно связных и достоверных сведений от него не удалось, но, с его слов, клад был давно найден и похищен полковником Шабданом (Шабдан – верховный манап сарыбагышей. Его ставка была в долине реки Кемин на севере от Иссык-Куля за хребтом Кунгей Ала-Тоо. С ним связано немало легенд из кыргызской истории).

Раскопки 1952 г. также не были закончены: оказалось недостаточно времени. Наступила весна 1953 г. Умер Сталин. И органам безопасности, возглавлявшим работы, было уже не до кладов. Раскопки законсервировали, лаз закрыли бетонной плитой и... на многие годы обо всем забыли.

Забыли, но не все. Слухи вокруг таинственного клада и засекреченных раскопок ширились, обрастая мифическими подробностями. Недавно мы получили письмо из села Кутурга от пенсионера И. Иванова, в котором еще одна версия этого клада. И. Иванов сообщил нам следующее: «Весной 1955 года² приходит на работу уборщица Ксения Михайловна Усенко и сообщает: «Вчера подъехала легковая машина «Зим», черная, правительственная. Военные спросили документы, сверили фотографии и забрали моего мужа...». Старушка перепугалась, собрала пару чистого белья, полотенце, кусочек мыла,

¹ Умурзаков С. С четырех сторон горизонта. – Фрунзе, 1983. – С. 35.

² Так в письме. Вероятнее всего, осенью 1952 – весной 1953 года (Стиль и орфография письма И. Иванова сохранены без изменений).

краюшку хлеба, перекрестила старика со слезами на глазах и уже не чаяла больше свидеться... Военные говорили о брате, белом офицере в Китае, о каких-то его делах, а старушка: «Пропал старик не за понюх табаку, пошлют в расход как врага народа...». Одного не могла понять, почему его повезли во Фрунзе и не в «черном вороне», как всех забирали прежде, а в черном правительственном «Зиме»?

Недели две старуха плакала и горевала: ни слуху, ни духу, да и писать – неизвестно куда. На ее слезы и вопрос: «Куда же вы его старенького, больного?» – военные отвечали: «Потом узнаешь, бабка».

Брат забранного Василий Владимирович Усенко работал в нашей восьмилетней школе «Светлый мыс» завхозом, я был тогда директором и, конечно в маленьком коллективе все всё знали, волновались и переживали. У всех был один вопрос: «За что забрали старика?» – нигде не воевал, никаких должностей не занимал, не воровал, не спекулировал, да и жил на отшибе вдалеке от людей, чем и где провинился?»

На третью неделю прибегает Ксения Михайловна на работу и радостно сообщает: «Привезли горбатенького с почетом да еще назначили старшим, положили жалованье 700 рублей...».

Потом выяснилось следующее: брат этого курментинского Усенко был действительно белым офицером и после гражданской войны бежал в Китай. Там проживал около Харбина. План клада (или копия) находился у него. Он долгое время не мог найти подходящего, верного человека, которому можно было передать план с пользой для дела.

Перед приходом Советской Армии в 1945 г. этот белогвардеец умер. План оставил своей дочери и наказал, чтобы она передала его самому большому советскому офицеру. Что та и выполнила... Эта старенькая, выцветшая и ветхая бумажка была передана в органы нашей республики... И вот только в 1955–1956 гг. приехала экспедиция какой-то военный отряд. Работали, вели поиски под строжайшей охраной. Местные жители, даже руководители не допускались. Мы, учителя, через завхоза Усенко и его жену-уборщицу школы, по секрету узнавали лишь отдельные обрывки фраз: «Нашли вход в пещеру. Раскопали шире, опустились, там вода, целая подземная река. Пришлось опускаться туда лодки. Видимо, когда-то была шахта, добывали серебро... Потом пригнали машин бортовых штук тридцать... Всю ночь грузили какой-то скарб, тюки, ящики, мешки... Потом отверстие (дыру) заделали и зацементировали, огородили колючей проволокой. На доске якобы была надпись: «Вход в запретную зону строго запрещен».

Прошло довольно много времени. Ребята не забыли и стали хныкать: «Вы нам обещали сходить к Усенко, который возглавлял поиски и разбирался в плане, и узнать, что же нашли выше Курментов: клад, серебро, золото или еще что-нибудь похлеще?».

Однажды в субботу после уроков все желающие пионеры и школьники отправились в Курменты пешком в домик тов. Усенко. Он нас хорошо принял. Мы сели в кружок, и он нам поведал почти то же, что мы уже знали от его родственников – от Ксении Михайловны и Василия Владимировича. Он рассказал нам, конечно, более подробно о поисках, о переживании, когда его забрали, но содержали хорошо, кормили, устроили на ночлег и берегли. Взяли с него подписку, что никому ничего не расскажет сверх того, что уже знает население. Так что мы не добились от него таких данных: как, кто вел раскопки, что нашли, сколько машин увезли, сколько еще осталось и куда все это найденное направили?».

Как видим, пройдя сквозь годы, слухи, как и положено «испорченному телефону», многое изменили, а главное, превратили желаемое в уже свершенное. Клад, который только искали, жаждали найти, превратился уже в реальность и «был вывезен» якобы на десятках грузовых машин.

А был ли клад? Не мистификация ли это, задуманная Успенским-Усенко? Те, кто непосредственно имел отношение к поискам и знал о их безрезультатности, но не безнадежности, думали о продолжении раскопок. Помнил и ждал удобного случая и Э. А.

Алиев. В 1968 г., уже будучи генерал-майором милиции, он обратился к председателю Совета Министров республики Суюнбаеву: «Меня и сослуживца, бывшего начальника ОБХСС Иосык-Кульокой области т. Фомичева до сих пор волнует судьба клада и почему прекращены его раскопки. Прошу Вас рассмотреть Данный вопрос, так как клад представляет большую ценность для государства».

Речь шла уже не только об Иссык-Кульском, но и Таласском кладе.

Весной 1975 г. Э. А. Алиев повторил запрос уже в три адреса: Совет Министров, Комитет госбезопасности и Президиум Академии наук республики.

Летом 1975 г. Президиум Академии наук направил в Совет Министров республики письмо следующего содержания: «Сообщаем, что районы Иссык-Кульской котловины и Таласской долины имеют много археологических памятников, с которыми народная молва нередко связывает всевозможные легенды. При проверке большинство подобных приводимым в письме известий оказываются мифическими. В настоящее время научные исследования, запланированные в Академии наук, связаны с актуальными народнохозяйственными проблемами и не предусматривают проведения археологических и геолого-шурфовочных работ по р. Курменты и Ак-Тюбе. Поэтому в ближайшее пятилетие проверить сведения и начать работы по разысканию упомянутого «клада (вероятнее всего, легендарного), требующие больших ассигнований, не представляется возможным».

Одному из авторов данной книги пришлось подготовить именно такой ответ, который за официальной подписью президента Академии ушел в вышестоящие инстанции, хотя здравый смысл требовал: давайте же еще раз проверим это сообщение, а заодно и все мало-мальски достоверные легенды о кладах, проверим в рамках утвержденных смет, внеся эти работы в планы исследований кыргызских археологов и геологов. Но убедить в этом начальство тогда не удалось...

Молва о мифических кладах вечно будоражит воображение романтиков. Но в данном случае отправной точкой была не пустая молва, а хорошо документированные сведения, исходящие от людей, в компетентности и правдивости которых сомневаться было бы грешно. Во всяком случае, тогда подполковник, а ныне доктор исторических наук Д. М. Малабаев и персональный пенсионер В. Н. Голубин и сейчас убеждены, что клад существует, нужно им только серьезно заняться.

Ведь многое из легенды умершего в Китае священника подтверждено практическими работами: были пустоты под скалой, был ход-перекоп к ним, были каменные плиты с неизвестными письменами, был золотой «молоток», сданный государству одним из раскопщиков (о чем имеется документальная запись), был даже жертвенный бык.

Курментинский клад еще ждет своего часа, своих энтузиастов. Дело это важное и работы должны проводиться на государственной основе, для чего в первую очередь необходимо поднять все еще секретные папки с материалами предыдущих обследований и работ, привлечь ученых, применить специальные приборы и, конечно, выделить средства. А может, включиться частной инициативе? Ведь идут же поиски кладов под эгидой газеты «Комсомольская правда»! А может, кооператив? Или еще кто-то?..

КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ – ПАМЯТНИКИ ДРЕВНИХ ТЮРКОВ

Письмо в Археологическую комиссию

Осенью 1899 г. пишпекский врач и видный краевед, чье имя было связано с открытием средневековых сиро-тюркских надгробных надписей в Чуйской долине, Ф. В. Поярков направил в Императорскую Археологическую комиссию отчет о двухмесячной рекогносцировочной поездке по Киргизии с целью выявления и изучения археологических памятников. Маршрут поездки: Пишпек, Токмак, ущелье Боом, Чон-Кемин, Кочкорская долина, Днумгал, озеро Сон-Куль, вокруг озера Иссык-Куль и через Чон-Кемин – в Пишпек. Судя по краткому отчету, поездка из-за погодных условий была не совсем удачной, тем не менее некоторые сведения, приведенные в нем, особенно относящиеся к каменным изваяниям, вызывают живейший интерес.

«25 июля утром прибыл я с рабочими на интересовавшую меня местность. По осмотре ее здесь действительно оказалось каменных баб много, всего я насчитал сорок восемь баб, они идут на протяжении не менее полутора верст, и, судя по явственно сохранившимся впадинам или углублениям, некоторые бабы увезены, что подтвердили мне и кочующие здесь киргизы, так что первоначально баб здесь находилось гораздо больше. Местность эта у киргизов называется Карой... Местность Карой лежит против Джаль-Арыкского ущелья при въезде в Боомское ущелье...

Отсюда вдоль местности Карой отправился по направлению к Кастеку левым берегом реки, Чу и, проехав от того места версты 2–2,5 (а может, быть и несколько более), я встретил целый город из каменных баб и один каменный столб. Всех каменных баб я насчитал по правую сторону дороги семьдесят три и по левую сторону дороги – двадцать три.

К сожалению, современный археолог может только мечтать о подобном зрелище. Каменные изваяния средневековых кочевников, которые сравнительно недавно были одним из неперенных алиментов археологического ландшафта Киргизстана, почти полностью исчезают с мест их первоначальной установки. При этом они далеко не всегда пополняют экспозиции и фонды музеев. Самые тщательные поиски на местности, указанной в письме Ф. В. Пояркова, произведенные в 1974 году, привели к Фиксации только двух весьма невыразительных каменных изваяний. Если на рубеже XX века только на сравнительно незначительной площади близ Боомского ущелья возвышались без учета многих увезенных еще в то время 144 скульптуры, то в начале 60-х годов на обширной территории Киргизии и Южного Казахстана в результате полевых, архивных, музейных и литературных изысканий для специального монографического исследования удалось собрать всего лишь 145 изваяний.

Факты красноречивы. Из них следует: Что в настоящее время общественность республики должна уделить исключительное внимание сбору и изучению памятников этого рода. Даже единичные находки каменных изваяний должны становиться серьезным событием.

Каменные изваяния

Эти своеобразные памятники распространены главным образом на Иссык-Куле, в Центральном Тянь-Шане, в Чуйской и Таласской долинах. В настоящее время известно только семь изваяний в Южной Киргизии. Все они изготовлены из специально подобранных удлиненных камней, чаще всего окатанных валунов, которым после несложной обработки придавались формы человеческой фигуры. В подавляющем большинстве изображались мужчины монголоидного облика, с усами и бородкой, иногда воспроизводится прическа в виде Кос. В левой руке часто изображался кубок, правая лежала на рукояти меча или кинжала, которые выбивались Подвешенными у пояса. Встречаются пояса со скрупулезно выполненными фигурными наборными бляшками и с различными подвесками. Наиболее тщательно сделанные изваяния дают полное

представление о покрое одежды, головных уборах, серьгах браслетах, ожерельях и других украшениях того времени. Имеются, правда, в сравнительно небольшом числе, и явно женские фигуры в платье особого фасона или обнаженные.

Датировка изваяний установлена историческими методами. Доказано, что в Киргизии они появились не ранее XI в. т.е. в период возникновения Тюркского каганата. Верхняя дата предположительно определяется временем проникновения ислама на Тянь-Шань, т.е. X–XI вв. Уже в это время каменные изваяния используются для сооружения мусульманских культовых построек. Одно из них было найдено около минарета Бурана, другое служило порогом одной из кара-ханидских усыпальниц Узгена. Многие из статуй носят следы насильственного разрушения лицевой части, сделанные в древности, о чем свидетельствует патинизация сколов. В этой связи уместно напомнить, что у многих персонажей монументальной живописи Средней Азии были умышленно повреждены лица. Предполагается, что это сделали Завоеватели арабы или же местные приверженцы новой религии.

Археологический метод датировки, заключающийся в сопоставлении предметов, изображенных на изваяниях (мечи, сабли, кинжалы, кубки, серьги, наборные пояса) с реальными хорошо датированными вещами, найденными во время раскопок, позволяет оперировать более подробной хронологией. В настоящее время выделены скульптуры VI в. – не позже VII в., VII–VIII вв., VIII–IX вв.

Погребальный обряд и поминальные сооружения тюрков

Историкам давно был известен текст одной из восточных хроник, в которой описывался погребальный обряд знати древних тюрков. Специфичным в нем было то, что время смерти и время похорон не совпадали. В первые дни после смерти труп оплакивали ближайшие родственники, кремировали его и собирали пепел. Погребение праха откладывалось до съезда родни из отдаленных кочевий, знати соседних племен и, если покойный принадлежал к каганскому роду, то и представителей сопредельных государств. Получалось, что умершего весной хоронили, осенью и наоборот, т.е. между днями смерти и похорон проходило около полугода. В день похорон после обычных церемоний закапывали в землю пепел, а на могиле воздвигали храм, на стенах которого изображались покойный и сцены из его ратной жизни. "Если умерший убил человека кладется один камень. При этом случается, что устанавливаются сотни, даже тысячи камней". Сведения хроник подтвердились археологическими изысканиями. В Монголии был полностью раскопан мемориальный комплекс в честь принца Кюль-тегина. Сырцовые стены квадратного храма были снаружи отштукатурены в плане и покрыта красной краской. На внутренних плоскостях стен сохранились невыразительные остатки многоцветной росписей. Крыша помещения была черепичной, вход – с восточной стороны. К нему примыкал прямоугольный двор с воротами в восточной стене. Ворота "охраняли" противостоящие друг другу каменные фигуры баранов. Неподалеку от входа лежала мраморная черепаха с пазом на спине, куда вставлялся шип отелы с всемирно известной надписью, где перечислены подвиги воинской доблести Кюль-тегина. От храма к воротам в две шеренги были установлены скульптуры сановников и придворных. Внутри помещения находился алтарь, и были воздвигнуты статуи самого Кюль-тегина и его супруги. От внешней ограды на восток тянется ряд каменных столбиков. Количество их доходило до тысячи. В этом ряду отмечено два грубых антропоморфных камня. Перед нами редко фиксируемое полное совпадение данных письменных-источников и археологии. Суммируя те и другие можно констатировать, что основными конструктивными элементами мемориальных комплексов древних тюрков являлись:

1. Храм с алтарем;
2. Статуя человека, в память о котором сооружен памятник;
3. Вереница камней, которая тянется на восток от храма.

На территории Киргизии нам не известны столь пышные сооружения, подобные храму в честь Кюль-тегина. Но не исключено, что они воздвигались и здесь. По крайней

мере, крупные каменные скульптуры высокохудожественной работы и фигура черепахи с пазом для стелы на территории республики археологам известны. Несравненно чаще встречаются предельно упрощенные и уменьшенные подобию описанных храмов. Имеются ввиду каменные оградки и установленные рядом с ними изваяния. Каменные скульптуры, древних тюрков вкапывали у восточной стенки прямоугольной каменной оградки ("храм"). В центре оградок отмечались ямки или каменные ящички с золой, пережженными костями, обломками керамики и др. (алтарь). От изваяния на восток отмечалась та же вереница каменных столбиков. Исходя из единства конструктивных составных частей, как пышных храмов, так и скромных оградок, ученые пришли к выводу о национальном единстве тех и других. Оградки с изваяниями можно считать мемориально-поминальными сооружениями в честь тюркских воинов.

Балбалы и теория "врагов"

В погребальном комплексе в честь Бильге-кагана среди вереницы каменных столбиков была обнаружена грубая антропоморфная стела с рунической надписью "каменный балбал шада телисов". На другом столбике значилось: "балбал Сабра таркана". Чтение и перевод этих пояснительных надписей дали возможность установить, что каменные столбики или Антропоморфные стелы, составляющие уже упоминавшиеся ряды камней, вытянутые на восток от храма или его имитации – оградки, древние тюрки именовали "балбалами". Поскольку балбалы, судя по тексту упомянутой хроники, были символами врагов, побежденных в свое время покойным, а ряду балбалов часто предшествовало каменное изваяние, то и о последних стали говорить как о балбалах, т.е. памятниках врагам. То обстоятельство, что изваяние у оградки в подавляющем большинстве находилось в единственном числе и резко отличалось от других балбалов, представляющих собой обыкновенные камни, видимо, смущало сторонников этой гипотезы. Выход, однако, был найден – изваяние стали трактовать как олицетворение "главного врага", а каменные столбики – как символы остальных поверженных. Смысл этого обычая усматривался в обеспечении покойного служителями в потустороннем мире. По мнению других исследователей, изваяния могил могли носить еще и некоторую дополнительную смысловую нагрузку политического характера. Установленные вблизи оживленных караванных путей в чужеземные страны, изваяния должны были напоминать потенциальным противникам тюрков о печальной участи их прежних врагов.

Ряд ученых, скептически относится к "теории врагов". Дело в том, что в той же хронике упоминается о сооружении при могиле внутри здания «нарисованного облика» покойного. Есть и прямое упоминание о том, что специальные мастера изваяли скульптуру Кюльте-гина. Голова этой статуи была найдена при раскопках. Таким образом, заключили специалисты, каменные изваяния изображали самих древних тюрков, а не их врагов. В настоящее время эта точка зрения является наиболее распространенной.

Типы каменных изваяний

Действительность едва ли была столь категоричной. Археологическая типология, проведенная по иконографическим признакам в настоящее время насчитывает несколько групп каменных изваяний.

1. Мужские изваяния с оружием и сосудом в правой (редко левой) руке.
2. Мужские и женские изваяния с сосудом в правой руке и без оружия.
3. Изваяния с изображением только головы или лица человека.
4. Мужские изваяния с сосудом в обеих руках.
5. Женские изваяния с сосудом в обеих руках.
6. Мужские изваяния с зеркалом в правой руке.

Такое многообразие типов едва ли может соответствовать, целиком одному и тому же культу, то есть разнообразие в иконографии изваяний не уместится в тесных рамках ни "теории врагов", ни теории "знатных тюрков". Археологи зафиксировали скульптурные изображения не только самого Кюльте-гина (умерший знатный тюрк), но и его супруги, придворных и участников похорон живых знатных тюрков и не тюрков. В настоящее

время убедительно связать те или иные типы изваяний с определенными культовыми представлениями кочевников не представляется возможным, однако некоторые предположения относительно отдельных типов можно сделать и сейчас.

Дева-прародительница

В настоящее время на территории Киргизии найдено свыше пятнадцати скульптур обнаженных женщин. Я. А. Шер обратил внимание, на то, что манера изображения груди на этих скульптурах резко отличается от ее изображений на изваяниях в Южнорусских степях, олицетворяющих женщину-мать. На женских скульптурах Тянь-Шаня явно делалась попытка передать форму девичьей груди. Исследователь, высказал гипотезу, что подобные изображения можно увязать с широко распространенным в прошлом среди кочевников культом девы-прародительницы рода или племени. Еще в средневековых хрониках была записана легенда о происхождении народа уйгуров. Она гласит, что у царя гуннов родились две дочери неземной красоты. Царь решил, что на земле едва ли найдется супруг, достойный его дочерей и посвятил девочек божеству неба. В глухом необитаемом месте был выстроен высокий терем, где и поселили сестер. По истечении некоторого времени к терему явился волк, устроил под ним логово и стал охранять сестер. Меньшая сестра, решив, что это и есть посланец неба, родила от волка сына. Потомство мальчика размножилось и составило целое государство.

Подобные сказания отмечены в народной генеалогии многих скотоводческих племен, в том числе и у древних тюрков. Таким образом, если связь каменных изваяний-дев с вышеприведенной легендой и не выглядит полностью убедительной, все же следует отметить, что очень Древняя легенда дает основание говорить о почитании кочевниками не только конкретного Предка (отца, деда и т.д.), но и общего предка всего народа или племени. В данном случае таким предком, могла быть и дева-прародительница. О всеобщем почитании женских каменных изваяний в Южнорусских степях писал Низами (XII в.): "Все племена кыпчаков, когда попадают туда (т.е. к месту установки изваяния) сгибаются вдвое перед единственной в овеим роде статуей. Пешком ли зайдут они туда с пути или верхом, поклоняются ей, как творцу. Всадник, который подгонит к ней коня, кладет стрелу, из колчана в честь ее".

Древнетюркская Умай ?

В Северной Киргизии, на территории восточной части Чуйской долины, Малого Кемина, района озера Сон-Куль и главным образом Иссык-Кульской котловине, были обнаружены каменные изваяния которые, несмотря на различную степень сохранности и детализации, можно выделить в особую, вторую группу женских изваяний. Для них характерно изображение верхнего одеяния в виде мантии-накидки без рукавов. Группа насчитывает шесть изваяний. Из них голову двух венчает "трехрогий" убор. У остальных голова, отбита или повреждена. Возможно, что к выделяемой группе следует отнести еще пять фигур о "трехрогими" головными уборами, но без изображения деталей одежды.

Аналогии верхним одеяниям в виде мантии-накидки находим прежде всего в произведениях искусства. Тогда и Тохаристана. Терракотовые женские статуэтки кушанского времени из Афрасиаба изображены в мантиях, накинутых на плечи. Таких фигурок подавляющее большинство. Следует отметить, что в одеяниях женщин Тогда того времени нет однообразия, так как встречаются костюмы и иного покроя, однако мантия отсутствует на всех статуэтках, изображающих мужчин того же времени.

В мантии одеты все женские персонажи росписей замка Балалык-тепе в Тохаристане. Сходство деталей их костюма и одеяниями изваяние выделяемой нами группы иногда превращается в тождество: полы накидок венских персонажей Балалык-тепе украшены свободно ниспадающими лентами подобными выбитым на скульптуре, найденной в Терской Ала-Тоо. Заметим, что мужские Персонажи росписей, в отличие от женских одеты в кафтаны с рукавами это различие нас только устойчиво, что становилось решающим при определении пола фигур, если были повреждены или уничтожены другие признаки. Живопись Балалык-тепе датируется V – началом VI вв. Следует отметить, что

накидки женских персонажей, написанных на стенах этого замка, отличаются от таковых на каменных изваяниях наличием широкого треугольного отворота с правой стороны.

Резкое отличие женского платья-накидки от мужского с рукавами можно проследить и на серебряном блюде со "свадебной сценой". Мантия-накидка женщины также имеет правосторонний лацкан.

В VII – начале VIII вв. богатые мантии накидки с двусторонними отворотами надевали женщины Пянджикента. Они четко видны в сцене помещения № 6. Женщины Пянджикента наряжались в платья разного покроя, но не было случая, чтобы в плаще-накидке был изображен мужчина..

Единственную аналогию интересующему нас покрою верхнего платья на каменных изваяниях территории восточнее Тянь-Шаня находим на известном кудыргинском валуне из Алтая со сценой коленопреклонения. Центральные фигуры сцены – женщина и ребенок – одеты в мантии-накидки. Голову женщины, как и на некоторых киргизских изваяниях, венчает "трехрोगая тиара". Этот памятник датируется первой четвертью VII в.

Итак, на территории Согда и Тохаристана во II в. до н.э. – VIII в. н. э. бытовала специфическая женская верхняя одежда в виде мантии-накидки. Этим она резко отличалась от мужского одеяния с рукавами. В Киргизии и на Алтае изображение накидки появляется на памятниках, начиная с VI в. Здесь оно сочетается с "трехрогим" головным убором; Уместно вспомнить, что в тюменском музее хранится миниатюрный удлиненный камень, на котором, судя по очертаниям, изображена женщина в «трехрोगой короне». Такой же убор стал решающим при трактовке поклоняющейся фигуры, как женской, на кудыргинском валуне.

Таким образом, учитывая вышеизложенное, мы имеем некоторые основания считать каменные изваяния Северной Киргизии, на которых нет изображений признаков женского пола и оружия, но одетых в мантию-накидку без рукавов и увенчанных "трехрогим" головным убором, женскими скульптурами.

Касаясь семантики этого типа изваяний, мы сталкиваемся с необходимостью поставить сразу две проблемы: этническую принадлежность и культовое назначение этих скульптур.

Едва ли есть возможность с убедительностью определить этническую принадлежность женских изваяний в мантиях-накидках. Но остановка этого вопроса представляется уже правомерной.

Большинство исследователей, изучавших каменные скульптуры древнетюркского времени. (Семиречья, Южной Сибири и Монголии), справедливо считает их основную массу изображениями алтайско-орхонских тюрок. Однако в исторической науке принимались более или менее успешные и с разными целями попытки выделить из множества памятников этого рода изображения представителей других племен и народов. В специальной литературе применительно к каменным изваяниям, фигурируют многие этнонимы, в частности тюргеши, уйгуры, кыргыз-хягасы, люди "входившие в эфталитское политическое объединение" и другие.

Известно, что фасон и покрой одежды является важным этническим признаком. Было бы заманчиво на основании сравнения с фресками Балалык-тепе сделать вывод, что выделенные женские изваяния изображают представительниц, если не эфталитов, то племен, входивших в их державу. Для этого имеется, казалось бы много данных. Источники отмечают некоторые детали костюма эфталитских женщин. В разделе об эфталитах хроника повествует: "Братья имеют одну жену. Жена мужа, не имеющего братьев, т.е. одномужняя, носит шляпу с одним углом; многомужняя же – умножает, число углов по числу братьев, на одеяния нашивают такое же число кистей".

Путешественник VII в. побывавший в областях, занятых эфталитами, отмечал, что эфталитские женщины носят головные уборы, увенчанные деревянными рогами. Последние будто бы символизируют их свекра и свекровь.

Таким образом, не касаясь вопроса семейно-брачных отношений в эфталитской орде, укажем лишь на наличие женских "рогатых" головных уборов и кистей на одеяниях. Возможно, что кисти, нашитые на женские платья, о которых упоминают источники, были близки к лентам или кистям женских персонажей Балалык-тепе и Тянь-Шаня. На фресках Баладык-тепе головные уборы отсутствуют вообще. Едва ли отмеченные в источниках эфталитские женские шапки походили на "трехрогие" уборы, выбитые на каменных изваяниях Тянь-Шаня, ибо первые могли иметь самое различное число "рогов".

Эти и упомянутые различия в покроях мантий-накидок из Балалык-тепе и Киргизии вынуждают отказаться от заключений, что интересующая нас группа изваяний изображает эфталитских женщин. Не следует забывать и то, что прямые аналогии тяньшанским мантиям мы находим в Кушанской терракоте. Кушанские женские фигурки в мантиях и с трилистником в левой руке настолько схожи с каменными изваяниями из с. Талды-Су на Иссык-Куле, что, несмотря на разрыв по утвердившимся ныне датировкам в полтысячи лет, напрашивается мысль о прямой сематической связи между ними. Этот вопрос требует специального исследования. Тем не менее, уместно предположить, что группа каменных изваяний в мантиях может изображать представительниц племен, входящих в эфталитское политическое объединение». В нем было много различных этнических групп. Кроме эфталитов источники называют хионитов, кидаритов, "белых гуннов" и др. Как установил Харматта, одна из групп хионитов – керми хиониты – входили в западно-тюркское объединение нушиби и обитали на территории Чуйской долины. В это же время в Иссык-Кульской котловине и Чуйской долине кочевали огузы. Допустимо предположить, что они вместе с кермихионитами входили в эфталитское политическое, объединение в конце V – начале VI вв. Источники умалчивают о покрое одежд огузских женщин в это время. Но позже, по данным Агаджанова, в IX–XI вв., когда огузы были вытеснены в казахские степи, их женщины одевали накидку.

В этом плане весьма интересную деталь привел Константин Багрянородный, который отмечал длительную и упорную борьбу между огузами и печенегами. В итоге ее победили первые. Большая часть печенегов откочевала в Причерноморье, другая – осталась жить среди огузов. Оставшиеся были подвергнуты унижительной процедуре: "... Их одежда укорочена по колено, и рукава отрезаны до плеч". Этим актом огузы, видимо, желали нанести оскорбление повергнутым печенежским алпам, ибо теперь их кафтаны стали походить на верхнюю одежду огузских матрон. Заслуживает внимания факт, что кроме Семиречья, для которого женские каменные изваяния характерны, одна женская скульптура древнетюркского времени была найдена в Западном Казахстане, т.е. в месте нового расселения огузов.

В порядке первого приближения к определению этнической принадлежности некоторых древнетюркских каменных изваяний можно высказать предположение, что женские изваяния, на которых выбиты одежды без рукавов в виде мантии-накидки, могли изображать представительниц племен, обитавших на территории Тянь-Шаня еще до образования каганата алтайско-орхонских тюрок и впоследствии вошедших в упомянутый каганат. Не исключено, что прототипами этих изваяний были женщины огузских племен.

Если доводы в пользу этнической Принадлежности женских изваяний и не являются исчерпывающе убедительными, то фактов о их культовой принадлежности несколько больше.

В древнетюркском пантеоне известны три божества: Тенгри, Умай, Йер-суу. В древнетюркских девических текстах есть упоминание о божестве Умай но без конкретизации его функций. Трудami этнографов удалось, установить, что верованиями многих тюркских, народов, в том числе и киргизов, Умай рассматривается как женское божество, хранительница потомства. У южносибирских народов до недавнего времени женское божество именовалось Уч Мусту Умай-апа (трехрогая мать Умай). Эта деталь живо напоминает нам обрезы женских изображений в трехрогом головном уборе. О связи каменных изваяний с женским божеством плодородия Средней Азии и Ирана говорят

сходства в изображении их украшений и особенно ожерелья с медальоном (апезак). На основании этих данных мы предполагаем, что Женские изваяния Киргизии в трехрогих головных уборах могут изображать богиню Умай, либо покойную в образе покровительницы Умай.

Факт очень важен. Дело в том, что наличие в культе киргизов в XVIII–XII вв. таких божеств как Тенгри, Жер-Суу, Умай свидетельствует о генетическом родстве их представлений с религиозными воззрениями древних тюрков VI–X вв. Еще большую связь идеология киргизов прошлого с древнетюркской идеологией можно усмотреть в культе предков, связанных с каменными изваяниями.

Отголоски культа предков в киргизских верованиях прошлого

Иногда население республики, проживающее в районах, где обнаружены каменные изваяния древних тюрков, с пренебрежением относится к этим ведающимся памятникам древности, с полей и пашен их убирают и бросают в ямы или глубокие арыки; если они обнаружены близ поселений, то бывают случаи использования изваяний для сооружения фундаментов, мостиков через арыки, крепления ворот. В лучшем случае, скульптуры древних тюрков убирают с мест их первоначальной установки и вкапывают у Фасадов учреждений или домов, где изображения средневековых воинов служат в качестве коновязи. Такое неуважительное отношение к памятникам этого рода связано с укоренившимся ошибочным бытовым представлением, что якобы каменные изваяния являются изображениями калмаков. Они так и именуются "калмак таш".

Тем не менее, культ предков, и связанный с ним обычай изображать мертвых, еще в дореволюционное время в противовес исламским догмам был широко известен у многих народов тюркского корня, к которым принадлежат и киргизы. Согласно древним народным представлениям душа умершего мужчине в течение года пребывала в его изображении, которое именовали «тул». Изображения покойного в разных местах Киргизии не было одинаковым. На юге республики подобие умершего представляло собой вертикально поставленную подушку, которую облачали в одежды покойного. Тул, воздвигнут в честь известного манапа шабдана Джантаева состоял из вертикального шеста, водруженного на мужской половине юрты (ар жак). Конец шеста выходил наружу, где к нему привязывали траурные флаги. Внутри юрты на шест крепились поперечные планки, на которые одели наряды Шабдана, увешенные орденами, медалями и другими знаками отличия этого феодала. Выше был вывешен его портрет. Так выглядели тулы в начале XX века.

Более древние изображения имели значительно, больше сходств с человеком. В XIX в. чаткальские киргизы вырезали тул из дерева. Причем изображались руки, ноги голова. При перекочевках вдова покойного сажала тул на лошадь и вела ее за повод за собой.

Чаткальские Тулы., видимо, очень напоминали — те изображения покойных, которые были отмечены в древнейшей явно до мусульманской части эпоса "Манас". Когда умирал старый Кокетей, он завещал:

"... Останется моя вдова,
Моя любимая Кюлаим.
Перед изображением моим
День и ночь пусть не сидит,
Глаза слезами не слепит..."

В конце первой части эпической трилогии конкретизируется сам характер изображения покойного. На похоронах Манаса мудрый Бакай

"...срубил тополевыи ствол.
Приложил старания он,
Высек изваяния он:
Под его руками возник
Деревянный Манаса двойник!

Как у Манаса, руки его,
Как у Манаса, ноги его,
Даже глаза похожи его!"

Таким образом, древние поверия киргизского народа, связанные с культом предков, очень сходны с такими же поверьями древних тюрков. Первые явно восходят ко вторым. Отсюда следует, что каменные изваяния древних тюрков раннего средневековья являются важным археологическим источником при изучении происхождения идеологии Киргизского народа, как составной части тюркских народов нашей страны.

Приведенные факты свидетельствуют об этногенетическом родстве древнетюркских и киргизских идеологических представлений, что в свою очередь свидетельствует об участии древних тюрков в этногенезе современных киргизов Тянь-Шаня.

Коммунистическая партия и Советское правительство постоянно проявляют неустанную заботу не только о материальном, но и о духовном росте тружеников нашей страны. Это нашло свое выражение в новой Конституции СССР, Конституции Киргизской ССР, Законе СССР "Об охране и использовании памятников истории и культуры" и соответствующем законе нашей республики. В настоящее время по решению Совета Министров Киргизской ССР начато сооружение музея под открытым небом на базе Буранинского городища. Здесь, помимо других мероприятий, предполагается собрать все ныне известные каменные наводняя Чуйской долины. Такое же собрание каменных изваяний намечено осуществить в местности Сан-Таш и Чоляон-Ата на Иссык-Куле. Видимо, настало время углубленного изучения каменных скульптур древних тюрков Нейтрального Тянь-Шаня и Таласской долины. В этом деле ученые республики возлагают большие надежды на помощь членов Общества охраны памятников истории и культуры, которые могут сообщить в Институт истории АН Киргизской ССР о каждом конкретном случае обнаружения каменных изваяний в любом уголке нашей прекрасной республики.

Литература

Винник Д.Ф. Памятники древних кочевников Иссыккульской котловины / Памятники Киргизстана, вып.1. – Фрунзе, 1970.

Мокрынин В.П. Женские каменные изваяния Тянь-Шаня и их этническая принадлежность / Археологические памятники Прииссыккуля, 1975.

Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. – М.-Л., 1964.

Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. – М., 1961.

КУРГАНЫ САКСКОГО ВРЕМЕНИ ДОЛИНЫ РЕКИ ТОН

Археологическое изучение погребений ранних кочевников в Прииссыккулье было начато в 1928–1929 гг. М. В. Воеводским и М. П. Грязновым, раскопавшими два могильника в юго-восточной части котловины, которые наряду с Буранинскими определены ими как усуньские и датированы III в. до н. э. – I в. н. э.¹ В 1937 г. в местности Кырчин на северном берегу озера были найдены уникальные «иссык-кульские жертвенники», относящиеся к сакскому времени².

После археологических изысканий в этом районе многими исследователями высказан ряд новых положений по вопросам датировки, историко-культурной принадлежности и этнической привязки курганов. Однако здесь отсутствует единство мнений³.

Большая заслуга в изучении раннекочевнических памятников принадлежит А. Н. Бернштаму, выделившему впервые на конкретном материале сакский период в истории Киргизии⁴. Им раскопаны курганы сакского времени в различных районах республики, привлечены письменные и другие источники для комплексной характеристики всего этого этапа.

В течение последних десятилетий сотрудниками Института истории АН Киргизской ССР А. К. Абетековым, Ю. Д. Баруздиным, Д. Ф. Винником, И. Кожомбердиевым обследованы многие комплексы ранних кочевников в Кетмень-Тюбе, Чуйской и Таласской долинах, на Алае, в Фергане и на Иссык-Куле⁵.

Анализируя мнения ученых относительно курганов ранних кочевников, можно констатировать, что за сорок с лишним лет изучения их в археологической науке не сложилось единства взглядов на датировку и этническую принадлежность данных памятников. Тем больший интерес представляет введение в научный оборот новых фактических материалов по этой проблеме.

Могильник Туура-Суу расположен на плато водораздела рек Тон и Туура-Суу в 5 км к югу от с. Торт-Куль (южное побережье оз. Иссык-Куль) и состоит из 12 курганов разной величины. Восемь из них (1, 2, 4, 8, 9, 10, 11, 12), в том числе пять крупных (D до 30 м, h – до 2 м), вытянуты в цепочку по линии С–Ю. Остальные небольших размеров (D до 10 м, h – до 0,7 м) группируются около 4-го кургана таким образом, что три из них (5, 6, 7) образуют новую цепочку, параллельную первой, а курган 3 находится между ними (рис. 10). Насыпи полусферические, в плане близки к кругу и состоят из земли и камня с явным преобладанием последнего. Были вскрыты все погребения.

¹ Воеводский М.В., Грязнов М.П. У-суньские могильники на территории Киргизской ССР (К истории у-суней). – ВДИ, 3 (4), 1938.

² Зима Б.М. Иссык-кульские жертвенники. – Фрунзе, 1941; Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. – МИА, 26. – М.; Л., 1952. – С. 40-50.

³ Тереножкин А.И. Рецензия на «у-суньские памятники...» – Изв. Узб. ФАН СССР, 1941, № 2; Заднепровский Ю.А. Об этнической принадлежности памятников кочевников усуньского периода II в. до н. э. – V в. н. э., СНВ, вып. X, 1971. – С. 27-36.

⁴ Бернштам А.Н. Археологический очерк Северной Киргизии. – Фрунзе, 1941. – С. 24-34; *Его же*. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня. СА, 1949, т. XI; *Его же*. Чуйская долина. – МИА, 14. – М.; Л., 1950. – С. 58-71; *Его же*. Историко-археологические очерки... – С. 22-60, 125-132, 186-190, 208-217 и др.

⁵ Абетеков А.К., Баруздин Ю.Д. Сако-усуньские памятники Таласской долины. // Сб. «Археологические памятники Таласской долины». – Фрунзе, 1963. – С. 17-31; Абетеков А.К. Археологические памятники кочевых племен в западной части Чуйской долины. // Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. – Фрунзе, 1967; Винник Д.Ф. Работы в Узгенском оазисе. – АО 1969. – М., 1970. – С. 433; Кожомбердиев И., Галочкина Н. Работы в долине Кетмень-Тюбе. – АО 1968. – М., 1969. – С. 449-450.

Курган 1 (рис. 11, 12). Насыпь неправильно овальной формы, диаметром 19–22 м и высотой 1,7 м. Восточная и северо-западная подошвы распаханы. Под насыпью в центре на уровне 1,9 м каменная наброска, скрывающая перекрытие погребальной камеры, от которого сохранилось пять каменных плит (середина открыта). Характерно, что каменная наброска здесь выражена слабее, чем в других курганах.

Каменный ящик длиной 2,6 и шириной 0,76 м, вытянут по линии 3-В. В кладке прослеживается три ряда. Основание выложено мощными плитами, поставленными на ребро. Вверху плоские речные валуны и мелкий скальник. Проход в пристройку (ее размер 0,78х0,85 м) отмечен в северной стене.

Ящик заполнен 30-сантиметровым слоем натеков. Ниже идет мягкая засыпь. На различных уровнях обнаружены отдельные кости скелета человека. Найдены также бронзовые бусы, сделанные из гнутой прямоугольной пластины. Края пластин соединены таким образом, что они или находят друг на друга, или между ними имеются зазоры. Изделие грубой работы. Здесь же обнаружены золотые сферические нашивные бляшки с двумя отверстиями по диаметру. Найден обрывок золотой фольги. У входа в пристройку лежали фрагменты сильно окислившегося железа. На одном из них отпечатки ткани. Кстати, бронзовые бусы также сохранили тлен узких полосок кожи внутри каждой бусины.

Курган 4 (рис. 13, 14) находится в центральной части могильника и является одним из самых крупных в нем, достигая в поперечнике 24–27 м при высоте 2,5 м. Насыпь каменно-земляная. Камни, в основном валуны, хорошо задернованы. Южная и северная полы кургана прорезаны траншеями при каких-то хозяйственных работах (глубина их до 0,8 м). От вершины кургана на глубину до 2 м идет сплошная наброска валунов с очень небольшим количеством земли. В отдельных местах между камнями наблюдаются значительные пустоты. У дневной поверхности зафиксирован полуметровый слой лессовой насыпи, понижающийся к подошвам.

В восточной половине необычно длинной ямы (около 6 м, шириной 3,5 м) расчищена каменная наброска. В ней собраны мелкие кости человека (обломок ребра и шейный позвонок). После разборки наброски обозначились контуры ящика и его перекрытия, плиты которого уложены вплотную друг к другу. Швы в кладке заложены кусками скальной породы и валунами. Перекрыт только восточный участок ящика на протяжении 3 м пятью плитами.

Отличительной особенностью погребальной камеры является чрезмерная длина ее. Кроме того, она значительно смещена от центра насыпи к востоку. В западной стене ее уложен крупный монолит. Северная стена состоит из двух рядов кладки камней. Здесь же зачищен проход шириной 0,85 м в пристройку. Средний участок восточной стены выложен тремя рядами плит. При укладке плит и валунов соблюдался принцип рациональной подборки граней и перевязки швов. Пристройка сделана небрежно. Размеры ее 1,4х0,8 м, ящика – 4,5–0,7 м.

В ящике обнаружены разрозненные кости скелета, однако ноги погребенного находились в анатомическом порядке. Их положение говорит о западной ориентации покойника. Находки представлены двумя костяными изделиями, подобранными у восточной стены склепа. Это кольцо из рога, диаметром 1,3 см, и цилиндрическая поделка со сквозными продольными и поперечными отверстиями (дл. 1,7 см, толщина – 0,3 см).

Курган 5 (рис. 15). Насыпь круглая, диаметром 10 м и высотой до 0,5 м, с воронкой в центре. Под насыпью овальная яма (2,65х0,65 м) глубиной 0,5 м, вытянутая по ВВЮ-33С. По всей площади последней на разных уровнях засыпи встречены человеческие кости. Захоронение ограблено. У южной стенки ямы найдена глазчатая круглая бусина и обломок железного кольца.

Курган 6 (см. рис. 15) в плане овальный, с каменной насыпью, диаметром по СЮ – 8,1 м, по ЗВ – 8,4 м, высота до 0,7 м. По всей площади ее видны следы выборки камней. В центре – впадина. В середине под насыпью кургана овальная яма (1,9х0,65 м, глубиной

0,4 м), длинной осью своей расположенная по линии ВВЮ–ЗЗС. В ней покоился скелет мужчины (анатомический порядок не нарушен) на спине, в вытянутом положении, головой на ЗЗС. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Курган 7 (см. рис. 15) расположен к северу от вышеописанного. Полы их частично сливаются. Насыпь каменно-земляная, овальная (D – 7,3–8,8 м, h до 0,5 м). Под нею примерно в середине расчищена овальная узкая могильная яма длиной 1,9 м, шириной – 0,5 м и глубиной – 0,37 м. Она ориентирована в направлении ВВЮ–ЗЗС. Погребенный мужчина (скелет в полном анатомическом порядке) лежал на спине в вытянутом положении. Его голова обращена в сторону ЗЗС, левая рука слегка согнута в локте, а кисть покоится на лобке. Правая рука – под тазовыми костями. Погребальный инвентарь не обнаружен, как будто отсутствуют и признаки ограбления.

Курган 8 (рис. 16, 17). Насыпь каменно-земляная с воронкой в северо-западной части. Диаметр кургана 20 м, высота – 2 м. В южной части под его полый открыт отрезок кромлеха, имевшего округлую форму и опоясывавшего, видимо, курган полностью. Он сооружен из трех рядов валунов (разм. около 0,75X0,42X0,30 м), которые в кладке вытянуты в длину. В центре под насыпью прослеживается наброска из валунов и крупных плит – следы перекрытия каменного ящика, находящегося на глубине 0,52 м. Последний сложен из крупных плит скальной породы и валунов, вытянут по З–В. Длина его 1,82 м, ширина в западной части – 0,67 м, в восточной – 0,55 м. В северной стене имеется узкий проход (около 25 см) в так называемую пристройку, выполненную аналогичным способом. Длина ее 1,21 м, ширина – 0,79 м.

В ящике, на глубине 0,76 м обнаружены остатки погребенного (анатомический порядок скелета нарушен грабителями), лежавшего в слое натека на левом боку, головой к востоку и лицом на юг. Левая рука согнута в локте, кисть под челюстью. Левая нога согнута в колене. Тазовая кость, кости правой руки и ноги лежали в восточной части камеры. На дне ее, выстланном мягкой галькой, вдавленной в сырую глину (на уровне 0,98 м), найдены отдельные кости погребенного из разграбленного основного захоронения. Здесь же обнаружен фрагмент костяной пластинки, орнаментированной резьбой.

В пристройке у северной стены покоился прах ребенка 3–4 лет. Он лежал на правом боку, головой на восток, лицом к северу. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте (кисть под головой). Ноги согнуты в коленях.

Курган 9 (рис. 18) имел овальную в плане D по СЮ–13 по ЗВ–12 м) каменную наброску из валунов. Высота ее 0,6 м, в центре прослеживается значительное углубление. Могильная яма длиной 2,35 и шириной 0,73 м вытянута в направлении З–В. В засыпи ямы встречены мелкие обгорелые кости животных (барана –?) и трубчатая кость птицы.

На глубине 0,97 м на спине лежал скелет погребенного в вытянутой позе, головой на запад. Анатомический порядок его не нарушен, кисть левой руки покоилась на лобке, правой – под тазом. На лобных костях (*in situ*) лежали в вертикальном положении на расстоянии 3 см друг от друга три сигмообразные золотые поделки. В разных местах (12 вокруг черепа и под ним, 1 – на реберных костях и 1 – под правой лопаткой) собрано еще 14 таких предметов. Все они сделаны из золотой фольги на бронзовой основе. На тазовых костях лежала квадратная бляха с маленькими отверстиями по углам, также выполненная из листового золота на бронзовой основе. Поле бляхи разбито на 16 квадратов, каждый из которых заполнен в шахматном порядке вертикальными или горизонтальными строеными гофрами.

Курган 10 (рис. 19, 20) имеет овальную в плане форму, так как восточная его пола отчасти разобрана. Размеры 13x16 м при высоте 1,75 м. Насыпь каменно-земляная. В западном секторе читаются следы грабительской воронки диаметром около 4 м. Каменную наброску на глубине 1,3–1,5 м сменила небольшая (до 0,5 м) земляная насыпь, ниже которой была еще одна каменная наброска, под ней четко прослеживалось плитчатое перекрытие каменного ящика, сохранившегося в восточной стороне. Он сложен

из плит скальной породы и валунов. Северная стена его состоит из двух рядов плит, западная и южная – трех, восточная – одного. Так же, как и во всех других курганах, в северной стене имеется проход в пристройку, выложенную тремя кусками скальной породы в виде неправильного четырехугольника. Размер погребальной камеры 2,60х0,53х0,73 м, направление оси по 3–В.

В склепе собраны разнообразные кости скелета человека, в пристройке – три позвонка и крестец барана.

Курган 11 (рис. 21, 22). Восточная сторона насыпи разобрана. Высота насыпи 1,2 м, длина 13 м. В северо-западном секторе видны следы грабительской воронки (D–2,5 м, глубина – 0,45 м). Под насыпью (в центре) расчищен каменный ящик из больших скальных плит и валунов, ориентированный в направлении 3–В. Его размеры: длина 2,35 м, ширина у западного торца – 0,92 м, у восточного – 0,73 м, высота соответственно 0,81 и 0,59 м. К северной стене примыкает пристройка из того же материала. Она сообщается с ящиком с помощью отверстия – лаза. Все погребальное сооружение было перекрыто большими плоскими плитами. Камера заполнена натеками плотно сцементированной глины и песчаной засыпью.

Отдельные кости погребенного и животных вперемешку обнаружены на различных уровнях. На дне ящика к востоку от входа в пристройку найдена золотая фигурка бегущего джейрана, ноги которого прикреплены к двум горизонтальным пластинкам. Фигурка выполнена с большим мастерством и знанием натуры, сохранность ее хорошая, хотя, возможно, она и подвергалась переделке: передние конечности спаяны, а к правой задней ноге припаяна пластинка.

Вне ящика у западной стенки был подобран обломок костяной пластинки с круглым отверстием с одного края. На нем выгравировано изображение волка. Передняя часть туловища животного не сохранилась. В левом нижнем углу видны его задние конечности. По-видимому, это часть сцены нападения хищника на травоядное животное. На дне ящика, в середине найден золотой перстень с ромбическим щитком, рисунок на котором не прослеживается. У северной стенки пристройки на крестце барана лежал длинный железный однолезвийный нож.

Курган 12 (см. рис 18) находится в основной цепочке. Насыпь каменная, не задернована, в плане овальной формы. Размеры кургана с севера на юг 8,4 м, с запада на восток – 8,1 м. Высота – 0,7 м. Под насыпью, в центре, открыта овальная могильная яма 2,05х0,6 м, глубиной 0,4 м, длинной осью ориентированная по 3–В. В ней обнаружен скелет женщины на спине в вытянутой позе, головой на запад. Между черепом и торцевой стенкой ямы лежали три шейных позвонка барана. Рядом обнаружена поделка из золотой фольги. Она разорвана, но поддается реконструкции. Фольгой был обернут какой-то предмет бочонкообразной формы, возможно, деревянный, с двумя рельефными параллельными валиками у торцов.

Могильник Ачик-Таш расположен в 2,2 км к западу от Турасуйского, двумя километрами западнее строящейся плотины Торт-Кульского водоема в местности Кон-Дой. Могильник имеет два больших кургана, составляющих цепочку, направленную по С–Ю. Оба кургана носят следы явного ограбления. Вокруг на расстоянии до 25 м выявляются бессистемная каменная наброска и ящики из вертикально поставленных плит, грани которых выступают над поверхностью земли до 0,3 м.

Курган 1 (рис. 23, 24) круглый в плане, диаметром 23 м, высотой 1,6 м. В центре очень большая грабительская воронка (D–9 м). Насыпь каменная, с небольшим количеством земли. Между камнями прослеживаются пустоты. Под насыпью на глубине 1,7–1,8 м – беспорядочная каменная наброска. Ниже вскрыт каменный ящик. В верхней части его, в засыпи, лежала необработанная жердь длиной 0,7 м и толщиной 7 см. Другие следы дерева и здесь и в других захоронениях отсутствовали. Это позволяет предположить, что дерево не играло существенной роли в погребальном обряде, а найденная жердь занесена, быть может, грабителями. Перекрытия ящика не сохранилось.

Погребальная камера выложена крупными плитами, поставленными на ребро. Длина ее 2,1 м, ширина 0,70 м. Ориентирована по ВВС–ЗЗЮ. В северной стене зачищен проход в пристройку, ограниченную с западной и восточной сторон. Северная стена отсутствует. В засыпи склепа обнаружены разрозненные части скелета человека, а у восточной стены – цилиндрический обломок железа.

Курган 2 (рис. 25, 26). Насыпь земляная – чистый лёсс желтого цвета. Ее покрывает панцирная кладка в три-четыре ряда камней, в основном куски скальной породы. Вершина всего сооружения уплощена, что придает кургану облик усеченного конуса. Видимо, это следы грабительской воронки. Насыпь круглая в плане, диаметром 19 м и высотой 2,08 м. Под нею (в середине) открыта наброска камней, в плане овальной формы. Под нею лежало пять плит перекрытия, которое было нарушено. Ящик построен исключительно из плит скальной породы и вытянут в направлении З–В. Размеры его: 3,5х0,5х0,63 м. Прослеживается до двух рядов каменной кладки.

В северной стене оставлен проход. Однако характерная для других курганов пристройка отсутствует. Она могла быть, но не сохранилась (разрушена грабителями).

Склеп заполнен мягкой лёссовой засыпью. В разных местах обнаружены отдельные кости погребенного. У западной стенки лежал кусочек железа, а к северу от камеры (на месте предполагаемой пристройки) – круглодонный сосуд плохого обжига, в изломе черного цвета.

Погребение на трассе строительства водопровода в с. Торт-Куль наводит на мысль, что в этой местности на правом берегу р. Туура-Суу существовал еще один аналогичный могильник. Количество курганов в нем остается неизвестным, так как они полностью уничтожены. По этой причине нельзя установить и конструкцию насыпи.

В одном из бортов водопроводной траншеи удалось обнаружить каменный ящик, подобный описанному. Он так же, как и остальные, выложен из плит скальной породы, поставленных на ребро. Восточная стенка ящика уничтожена строительными работами. Длина сохранившейся части 2,1 м, ширина – 0,4 м. В ящике головой на запад лежал скелет женщины на спине. У черепа найден кусочек железа. Пристройка и в этом погребении оказалась полностью разрушенной. Однако проход шириной 0,4 м в северной стене ящика позволяет говорить о ее существовании. В створе прохода на месте предполагаемой пристройки стояло два круглодонных керамических сосуда – кувшин и чаша.

Таким образом, в общей сложности вскрыто 15 курганов, о двух из которых (2, 3 – могильник Туура-Суу) ввиду их разрушенности трудно сказать что-либо определенное. Все курганы принадлежат трем могильникам: Туура-Суу–12, Ачик-Таш–2 и плохо сохранившийся могильник, одно из погребений которого зачищено на трассе строительства линии водопровода в Торт-Куль. По конструкции погребальных сооружений данные захоронения можно разделить на два типа: I – в каменных ящиках и II – в грунтовых ямах.

I тип. Монументальный ящик, как правило, вытянут в направлении З–В, иногда с небольшим отклонением влево. Камеры прямоугольной формы, часто незначительно сужаются к востоку. Они выложены крупными плитами и валунами (реже). Нижний ряд плит чаще всего поставлен на длинное ребро. В некоторых склепах прослеживается еще один-два ряда меньших по величине плит и валунов, которые были уложены с соблюдением перевязки швов.

К северу от основного сооружения имеется в плане близкая к квадрату или неправильной формы пристройка, соединенная с ящиком узким проходом, или лазом. Нами зафиксированы дополнительные камеры – пристройки в шести случаях. В двух остальных они не сохранились, однако целый ряд признаков говорит о том, что они были и здесь. Пристройки возведены из того же материала и аналогичным методом, что и ящики.

Сейчас трудно высказать окончательное суждение о назначении пристроек. В связи с этим хотелось бы отметить, что керамические сосуды были найдены только в двух курганах. И оба раза они стояли на месте пристройки.

В культуре ранних кочевников нам еще неизвестны подобные пристройки к каменным ящикам. Подобием их, на наш взгляд, являются ниши в северных стенках ямных погребений того времени, где устанавливались сосуды. Один из таких курганов был вскрыт в могильнике Четинди (курган № 8) в Таласской долине¹, а также в Центральном Тянь-Шане². В Казахстане могильные ямы с нишами в южной стенке раскопаны А. Г. Максимовой в могильниках Караша-I и Кызыл-Кайнар у северных предгорий Киргизского Ала-Тоо³. Могильные ямы с нишами известны в Фергане⁴. Надо отметить, что курганы с могильными ямами и нишами представляют собой небольшие могильные сооружения.

Можно предположить, что пристройки служили для хранения сосудов с ритуальной пищей и других вещей. В боковой камере кургана 8 могильника Туура-Суу зачищен детский скелет, так что можно говорить и о другом назначении этих дополнительных камер.

Склепы перекрыты большими каменными плитами. Описанные склепы были установлены в специально вырытых углублениях таким образом, что перекрытия находились где-то на уровне дневной поверхности или несколько ниже. Погребальные сооружения расположены под центром насыпи, а иногда чуть смещены.

II тип. Узкие грунтовые ямы вытянутой подпрямоугольной или овальной формы, ориентированы по линии 3–В. Некоторые с отклонением вправо. Ямы расположены точно по центру под насыпью и вырыты очень экономно.

Кости зачастую плохой сохранности. Однако положение многих скелетов и некоторых их частей с убедительностью свидетельствует об ориентации погребенных по линии 3–В, головой на запад. Скелеты лежат вытянуто на спине, голова повернута к северу или югу. Руки (или одна из них) иногда согнуты в локтях. Кисти в этом случае находятся на лобке или под тазом.

В кургане 8 (I тип) могильника Туура-Суу погребенный лежал в другой позе. Так, в ящике находился в скорченном положении скелет взрослого человека, а в пристройке – ребенка.

Конструкция насыпей неодинакова. Так, в могильнике Туура-Суу курганы каменно-земляные. Небольшой слой лёсса прослеживается здесь непосредственно над могильным сооружением. Курганы же могильника Ачик-Таш имеют лёссовую насыпь, покрытую панцирной кладкой из кусков скальной породы. В некоторых конструкциях прослеживаются кромлехи или основания крипиды из нескольких рядов валунов. Сами насыпи различной величины. Здесь как будто вырисовывается определенная закономерность. Погребения в ящиках вскрыты под более крупными курганами: высота их 1,2–2,08 м, диаметр – 19–27 м. Исключение по диаметру составляли 10 и 11 курганы (13–16 м), однако они были частично разрушены. В то же время высота насыпей в захоронениях над грунтовыми ямами достигает лишь 0,5–0,7 м при диаметре 8–13 м.

Идентичность погребального обряда могильников Туура-Суу, Ачик-Таш и погребения у ручья, расположение их в одной долине на небольшом пространстве позволяет относить их к близкородственным этносам и рассматривать полученные при

¹ Абетеков А.К., Баруздин Ю.Д. Сако-усуньские памятники... – С. 27, рис. 5.

² Кибиров К. Археологические работы в Центральном Тянь-Шане (1953–1955 гг.). – Тр. КАЭЭ, т. II. – М., 1959. – С. 85–86, рис. 8, 2, 5; стр. 88, рис. 10, 2 и др.

³ Максимова А.Г. Цепочка курганов из могильника Караша-1 // По следам древних культур Казахстана. – Алма-Ата, 1970. – С. 121–128, рис. 2; *Ее же*. Курганный могильник в урочище Кызыл-Кайнар // Поиски и раскопки в Казахстане. – Алма-Ата, 1971. – С. 123–133, рис. 2, табл. I, 9; II, 4, 9, 10.

⁴ Горбунова Н.Г. Культура Ферганы в эпоху раннего железа. – АСГЭ, 1962. – № 5. – С. 97.

раскопках материалы и наблюдения в едином комплексе. Ниже приводится таблица, вскрывающая соотношение типов погребальных сооружений.

Могильник	Всего курганов	Из них вскрыто	В том числе I тип	В том числе II тип
Тура-Суу	12	12 ¹		
Ачик-Таш	2	2	5	5
На трассе водопровода?	1	1	2	-
Всего	-	15	8	5
Итого, %	-	-	60,9	38,1

Установление хронологии изучаемых курганов сопряжено с большими трудностями. Это обусловлено тем, что раскопано сравнительно малое число памятников, количество вещественных находок ограничено и, самое главное, среди них мало сколько-нибудь точно датированных. Последнее вынуждает прибегнуть к сопоставительному методу.

Одну из особенностей данного комплекса составляют погребения в каменных ящиках. Такие захоронения широко распространены территориально и охватывают большой хронологический период. Во многих районах Евразии они бытовали в эпоху бронзы и раннего железа.

Погребения в каменных ящиках характерны для различных культур эпохи бронзы в Фергане, Ташкентском оазисе и, возможно, на Памиро-Алае. Здесь можно назвать такие могильники, как Дахлинский, Кайрак-Кумский, Вуадильский, Карамкульский и др.² Подобные погребальные сооружения известны в Киргизии. Они раскопаны в Кетмень-Тюбе (могильник Джазы-Кечу)³ и в Таласской долине⁴.

Сходные конструкции могильных сооружений наблюдаются на памятниках различных этапов бронзы (Замараевский и др.) Казахстана и Сибири. Число этих параллелей значительно, достаточно отметить могильник близ курорта Боровое⁵ и т. д. Нельзя не назвать в этой связи могильники Артау-II, Карасай, Аксу-I (бронза), Толгой, Корабие, Талды-II (раннее железо)⁶. М. К. Кадырбаев сравнивает позднеалакульские и замараевские курганы эпохи бронзы и погребения ранних кочевников. Исходя из аналогичного устройства каменных склепов и сходства инвентаря, он находит элементы преемственности в погребальном обряде и керамике сопоставляемых культур⁷. Кстати, здесь в качестве дефинитивных признаков выступают именно те особенности устройства могил, которые в целом сближают их с турасуйскими склепами.

Чрезвычайно важным для сравнения представляется могильник Каргалы-I (в 55 км к западу от г. Алма-Аты в одноименном ущелье). Насыпи каменные, сферические.

¹ Как указывалось выше, о конструкции могильных сооружений двух курганов (2 и 3) судить пока нет возможности.

² См.: Литвинский Б.А. Дахлинский могильник эпохи бронзы в Западной Фергане. – КСИИМК, вып. 80, 1960; Гамбург Б.З., Горбунова Н.Г. Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине. – КСИИМК, вып. 63, 1956; Они же. Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины. – СА, 1957. – № 3; Заднепровский Ю.А. Памятники андроновской культуры // В кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. – М.:Л, 1966. – С. 221-223.

³ Кожомбердиев И.К., Галочкина Н.Г. Работы в долине Кетмень-Тюбе. – АО 1968. – М., 1969. – С. 449; Кожомбердиев И.К., Галочкина Н.Г. Памятники эпохи бронзы в долине Кетмень-Тюбе // Успехи среднеазиатской археологии. – Вып. I. – Л., 1972. – С. 40.

⁴ Кожемяко П.Н. Погребения эпохи бронзы в Киргизии // Изв. АН Кирг. ССР, серия обществ. наук. – Т. II. – Вып. 3. – Фрунзе, 1960.

⁵ Орозбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы. – ИИАЭ АН Каз. ССР. – Т. 5, археология, 1958. – С. 216, 294.

⁶ Кадырбаев М.К. Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннежелезного века Казахстана // Новое в археологии Казахстана. – Алма-Ата, 1968. – С. 21-36.

⁷ Там же. – С. 32-33.

Скелеты в каменных склепах вытянуты головой на С–З. Датированы первоначально переходным периодом от эпохи бронзы к сакскому времени¹. А. Н. Бернштам уже тогда полагал, что карагалинская культура каменных ящиков может быть типичным переходом от культуры бронзы к сакской культуре².

В 1957 г. на перевале Алтын-Эмель (Чулакские горы) вскрыты погребения в камерах из камня³. Их образуют поставленные на ребро плиты, края которых выступают над дневной поверхностью на 20–25 см. Они достигали величины 0,8X1,6 м и были вытянуты по линии З–В с небольшим отклонением. Судя по фотографии⁴, могила была перекрыта каменной наброской и имела пристройку. Подобный ящик обнаружен нами к западу от первого кургана могильника Ачик-Таш. Погребальные сооружения, включающие каменную обкладку, известны в Кунгайском, Суфанском, Ак-Тамском и других могильниках Ферганы⁵.

К. А. Акишев считает данный тип погребений пережиточным явлением эпохи бронзы⁶. Вообще он полагает, что «могилы с каменными ящиками чаще встречаются в погребениях ранних саков (могильники Алтын-Эмель, Каргалы-I), где они бытуют, по-видимому, как пережиток андроновской культуры»⁷. По его мнению, склепы под курганной насыпью на дне грунтовой ямы встречаются в поздне-сакское и усуньское время⁸.

Каменные ящики могильников Туура-Суу и Ачик-Таш сооружались в овальной яме, иногда почти круглой. Такая форма могильных ям, выявленная в захоронениях савроматов и саков Приаралья, квалифицируется исследователями как переходный тип и датируется VIII–VII вв. до н. э. в первом случае и VII–IV вв. до н. э. (возможно, только VII в. до н. э.) – во втором⁹.

Мы имеем два типа могильных конструкций – каменный ящик и грунтовая яма, которые хронологически одновременны. Так, например, в одну и ту же цепочку курганов часто входят один и другой типы. Устройство насыпи ничем не отличается – каменная наброска и небольшая сферической формы лёссовая подушка под нею. Погребальный обряд единый. Все скелеты, когда их удавалось зачистить *in situ*, лежали на спине, вытянуто, головой на запад (бывают значительные отклонения). Узкие подпрямоугольные ямы с округлыми углами, в ряде случаев почти овальные (все это характерно и для открытых нами могил), отмечаются в ранне-сакском могильнике Уйгарак¹⁰.

Существование каменных склепов и грунтовых ям отмечено и другими исследователями. Так, в могильнике Быстрынском (Алтай) наряду с ящиками, перекрытыми плитами (курганы 2, 4, 10, 12), имели место могильные конструкции второго типа. Ориентация в основном западная. Погребенные вытянуты, на спине. Реже оба типа погребальных сооружений обнаружены под одной насыпью¹¹.

Особенности устройства насыпи, наблюдаемые в Туура-Суу и Ачик-Таше, трудно считать твердо датирующими признаками по той простой причине, что они в других

¹ Бернштам А.Н. Археологический очерк Северной Киргизии. – С. 24-25. Ср.: Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. – Алма-Ата, 1963. – С. 88-89, где они отнесены к VI-IV вв. до н.э.

² Бернштам А.Н. Археологический очерк... – С. 25.

³ Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней... – С. 88-89.

⁴ Там же, рис. 71, 72.

⁵ Горбунова Н.Г. Культура Ферганы... – С. 95-98.

⁶ Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней... – С. 89.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Смирнов К.Ф. Савроматы. – М., 1964. – С. 81-82; Вишневская О.А., Итина М.А. Ранние саки Приаралья // Сб. «Проблемы скифской археологии». – МИА, 177. – М., 1971. – С. 198.

¹⁰ Вишневская О.А., Итина М.А. Ранние саки Приаралья... – С. 198-199.

¹¹ Могилы датированы V-IV вв. до н.э. Завитухина М.П. Курганы села Быстрынского. – АСГЭ, вып. 8. – Л.:М, 1966. – С. 65, 72.

пунктах известны хронологически широко. Более достоверным показателем в этом отношении является ориентация покойников в обследованных курганах. Она совпадает с преобладающей направленностью савроматских и раннесакских погребений, которая сама по себе служит одним из оснований для установления генетического родства между культурами поры бронзы и саков¹. Такая («сакская») ориентация (за малым исключением западная) крайне редко прослеживается в областях распространения иного раннекочевнического этноса. Например, в Причерноморской Скифии она изредка выявляется в курганах VII–V вв. до н. э.²

Таким образом, хотя прямых аналогий-повторов описанным могильным конструкциям среди известных материалов встретить не удалось, приведенная краткая сводка с достаточной убедительностью показывает, что погребения в каменных ящиках бытовали от эпохи бронзы до усуньского времени и даже позднее³. Уже сейчас достаточно последовательной представляется линия эволюции этого типа сооружений от поры бронзы к сакам и т. д. Детали конструкции, внешний облик, приемы строительства сближают вскрытые могилы с захоронениями эпохи бронзы и раннесакского времени. Показательными в этом отношении являются склепы с пристройками VII–VI вв. до н. э. на перевале Алтын-Эмель. И правы А. Н. Бернштам и К. А. Акишев, которые считали курганы с каменными ящиками наиболее характерными для раннесакского времени. Однако анализ сопроводительного инвентаря раскопанных нами могильников не дает веских оснований для узкой датировки рассматриваемых комплексов.

Погребальный инвентарь обследованных курганов представлен изделиями из бронзы, железа, золота, стекла, кости, керамическими сосудами. Среди них встречены изделия, которые могут быть причислены к предметам искусства. Чрезвычайно выразительной и высокохудожественной представляется скульптурная фигурка джейрана с рожками, концы которых загнуты вверх (см. рис. 27, 28). Зафиксирован момент, когда животное припало на вытянутые передние ноги, готовясь к новому толчку задними.

Прямые аналогии этой скульптурке нам неизвестны. Очень близки ей по стилю и технике выполнения фигурки козчиков из так называемого «амударьинского клада» и из уникального кургана, раскопанного К. А. Акишевым у оз. Иссык (близ Алма-Аты)⁴. Поза турасуйского джейрана (стремительный бег) близка к деталям татуировки Пазырыкского кургана⁵. Однако эти сопоставления не дают возможности для узкой датировки. Было бы преждевременным считать, что в вопросе о хронологическом определении «амударьинского клада» и пазырыкских курганов существует достаточная ясность. О. М. Дальтон относит весь «клад» к V–III вв. до н. э.⁶ Нет определенности и в установлении времени Пазырыкских курганов. С. И. Руденко и М. П. Грязновым они датируются V–III вв. до н. э.⁷ Джейран с загнутыми вверх концами рогов воспроизведен

¹ Смирнов К.Ф. Савроматы... – С. 91; Вишневская О.А., Итина М.А. Ранние саки Приаралья... – С. 199–200.

² См.: Яценко И.В. Скифия VII–V вв. до нашей эры. – М., 1959. – С. 15.

³ Из более поздних параллелей можно привести погребения Чаткала, Таласской долины и др. См.: Кибиров А.К. Археологические памятники Чаткала. // Тр. КАЭЭ. – Т. II. – М., 1959. – С. 35–36, 43; Винник Д.Ф. Тюркские памятники Таласской долины // Сб. «Археологические памятники Таласской долины». – Фрунзе, 1963. – С. 82–83, рис. 3 и др.

⁴ Доклад К.А. Акишева на совещании по проблеме средневековых городов Средней Азии и Казахстана (24–29 ноября 1970 г., г. Фрунзе). Предварительная датировка К.А. Акишева иссыкских находок VI–V вв. до н.э. См. также: Акишев К.А. Раскопки Иссыкского кургана. – АО, 1970 г. – М., 1971. – С. 408.

⁵ Руденко С.И. Искусство Алтая и Передней Азии. – М., 1961. – С. 33, рис. 22; Его же. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.;Л, 1953. – С. 294, рис. 172.

⁶ Дьяконов М.М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадияна) (1950–1951), МИА, 37. – М.;Л, 1954–1955. – С. 254; Зеймаль Т.Н., Зеймаль Е.В. Еще раз о месте находки аму-дарьинского клада // Изв. АН Тадж. ССР, отд. обществ. наук, I (28). – Душанбе, 1962. – С. 40–45.

⁷ Подробности полемики и развернутую аргументацию см.: Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.;Л, 1960. – С. 162–172.

на золотой обивке ритона из Семибратских курганов¹. Аналогичные мотивы козликов с загнутыми вверх рогами приводятся и другими исследователями². Стилистически эти изображения отличны от турасуйских.

На наш взгляд, вышеупомянутые турасуйские сигмообразные бляшки (см. рис. 28) могут быть изделиями, воспроизводящими «скифский» лук. Подобного рода имитации известны в археологической литературе. Они найдены у пос. Благовещенского близ Оренбурга, в Приаралье и в Хакасии³. Близка к ним трактовка лука «скифского» типа на мидийских рельефах, художественных изделиях и каменных изваяниях Северного Причерноморья и ритонах Нисы, а также на парфянских монетах⁴. Если наши предположения верны, то, судя по имитации, саки Тянь-Шаня обладали луком, принципиально не отличающимся оригинальностью формы и конструкции. Напрашивается и другое сопоставление. Не могла ли квадратная гофрированная бляшка (см. рис. 28), найденная в том же комплексе, имитировать плетеный щит? Щиты квадратной формы, плетенные из прутьев, обтянутых кожей, обнаружены в первом Пазырыкском кургане (5 экз.)⁵. Территориально более близкой аналогией служит находка остатков подобного щита в могильнике Чильхона на Памире⁶.

В Тулхарском могильнике (Бишкентская долина) в кургане V в. А. М. Мандельштамом обнаружена диадема, составными частями которой являются «сигмообразные» золотые бляшки, напоминающие звенья головного убора, найденного в кургане 9 могильника Туура-Суу. Тулхарский могильник отличается от других погребальных комплексов тем, что датируется очень точно – последняя треть II в. до н. э. – начало I в. н. э. (±30 лет)⁷.

Однако, если это сопоставление может указать лишь на один из пунктов, откуда кочевники начали Движение в Индию, то едва ли оно может служить для определения узкой даты могильника Туура-Суу уже по той причине, что погребальные сооружения и обряды сопоставляемых комплексов разные. Если учесть, что тулхарские захоронения, как показал А. М. Мандельштам, не принадлежали автохтонному населению, то можно предположить, что аналогичные головные уборы существовали в северных районах Средней Азии (откуда могли переселиться кочевники в Бишкентскую долину) раньше II в. до н. э.

Не менее интересным оказывается сюжет: хищник (вероятно, волк) терзает свою добычу – какое-то копытное животное, – переданный техникой гравировки на костяной пластине (см. рис. 29). К сожалению, сцена сохранилась не полностью. Трактовка реалистична. Волк в качестве персонажа встречается в материалах скифо-сарматского круга (Алтай, Памир, Поволжье) уже с VII–VI вв. до н. э.⁸ Прямые и полные аналогии как будто отсутствуют. Здесь переданы главным образом изображения головы волков, позы «скребущегося» зверя или «на корточках».

¹ Граков Б.Н. Скифы. – М., 1971, табл. XXVI.

² Членова Н.А. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. – М., 1967, табл. 29, 41, 42; табл. 32, 25, 27.

³ Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. – МИА, 1952, 30. – С. 52, табл. IX; Дэвлет М.А. Бронзовые бляшки в форме сложного лука из Хакасии. – КСИИМК, 1966, вып. 107. – С. 70, рис. 21.

⁴ Herzfeld E. Iran in the Ancient East. London-New York, 1941, p. 203-205, fig. 313; Масон М.Е., Пугаченкова Г.А. Парфянские ритоны Нисы // Тр. ЮТАКЭ. – Т. IV. – С. 170; Литвинский Б.А. Сложносоставной лук в древней Средней Азии. – СА, 1966, 4, рис. 3.

⁵ Руденко С.И. Культура населения Центральной Азии... – С. 122-123, рис. 74, табл. XI, 1-4, СХХVII, 1-4, 4.

⁶ Бабаев А.Д. Могильник Чильхона – памятник сакской культуры в Западном Памире // Изв. АН Тадж. ССР, отд. обществ. наук, в. 3 (53), 1968. – С. 25, табл. 3-8.

⁷ Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию. – МИА, 136. – М.; Л., 1966. – С. 39-40, 127-128, 158, рис. 19, табл. LX, 1-3.

⁸ Грязнов М.П. Памятники майэмирского этапа на Алтае. – КСИИМК, вып. XVIII. – С. 12, рис. 5; Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, 26. – М.; Л., 1952. – С. 298, рис. 128-2; Шилов В.П. Калиновский курганный могильник. МИА, 60, 1959, рис. 38-13.

Этот мотив не является характерным для подобных находок Причерноморья, но, как указывалось, бытует в Южной Сибири, Поволжье и на Алтае¹. На территории Минусинской котловины отмечено более десятка предметов с изображениями волка. По мнению Н. Л. Членовой, они носят следы «алтайского стиля» (Алтай, Казахстан и Средняя Азия)². Судя по трактовке задних ног копытного животного на турасуйской пластине, его тело было «вывернуто». Такая своеобразная деталь повторяется в находках некоторых других памятников. Можно вспомнить сцену нападения барса на горного барана из украшения седельной покрывки (2-й Пазырыкский курган). Поза хищника с поджатым хвостом, откинутые задние ноги жертвы сходны с турасуйскими изображениями³.

На другой пластине из кости вырезан богатый орнамент, элементами которого служат спиральные волюты, спаренные и закрученные в одну сторону (рис. 29). Они следовали одна за другой. Для скифо-сибирского искусства гравировку по кости нельзя считать распространенной техникой⁴. Она сочетается с глубокой резьбой – чаще не на костяных пластинках, а на кабаньих клыках⁵.

Бусы представлены двумя типами – глазчатые, шаровидные, стеклянные (1 шт.) и бронзовые гнутые (рис. 30). Последние выполнены из небольших пластинок, согнутых в трубочку таким образом, что один край ее находит на другой. Их собрано значительное число – 20 целых и 27 сломанных. Аналогичные бронзовые бусы известны для памятников эпохи бронзы, например, могильника близ курорта Боровое (Федоровский этап) и др.⁶ Гнутые бусы из золота встречаются и позднее⁷.

В числе украшений имеются мелкие полусферические бляхи из золота (см. рис. 28). На каждой из них два отверстия. Подобные бронзовые нашивки (иногда больших размеров и менее выпуклые) часто находят в погребениях поры бронзы – могильник у курорта Боровое и др.⁸

К украшениям относится также диадема из 17 звеньев и поясная пряжка. Все это сделано из листового золота на бронзовой основе. Техника покрытия бронзы и серебра листовым золотом известна в Средней Азии и Казахстане эпохи бронзы и вплоть до первых веков н. э.⁹

Примечателен золотой перстень с ромбовидным щитком и вставкой, на которой сохранились неясные следы какого-то изображения. Не исключено, что он относится к кругу предметов, именуемых печатками (см. рис. 28, 31).

Остальные вещи менее выразительны. К ним относятся: часть железного кольца (см. рис. 30), обломок железа, куски листового золота (см. рис. 28), трубчатые кости и т.

¹ Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. МИА, 9, 1949, табл. XXI; Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая... – С. 279, рис. 143-а, б, табл. L; Смирнов К.Ф. Савроматы, рис. 27, 7; 28, 4, 29, 4а; 32, 13; 73, 4, 5; 78, 11; 80, 6.

² Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история... – С. 162-163.

³ Руденко С.И. Культура населения горного Алтая... – С. 275, рис. 159; его же. Искусство Алтая и Передней Азии... – С. 34, рис. 23.

⁴ Смирнов К.Ф. Савроматы... – С. 342, рис. 48, 2б.

⁵ Там же. – С. 342, рис. 10-13, 11в; 78, 6; 11, 12; Орозбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы... – С. 216-294, табл. IV, рис. 16; Кожемяко П.Н. Погребения эпохи бронзы в Киргизии... – С. 86-105, рис. 9, 3, рис. 13, 3, рис. 18, 3; Завитухина М.П. Курганы у села Быстрянского... – С. 68, рис. 7, 16.

⁶ Орозбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы... – С. 216-244, табл. IV, 10, 11; V, 25-27. Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Тр. ГИМ, вып. XVII. – С. 112, рис. 35, 5.

⁷ Грязнов М.П. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане // Сб. «Казахи». – Л., 1927. – С. 209, рис. 25, 7; Орозбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы... – С. 226, 229-233, 254, табл. IV, 1-7; V, 14-14а, 20, 32; Кожемяко П.Н. Погребения эпохи бронзы в Киргизии. – С. 85-95, рис. 5, 2; Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию. – С. 136 и др.

⁸ Черников С.С. Загадка золотого кургана. – М., 1965. – С. 24.

⁹ Сорокин С.С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы. – АСГЭ, вып. 8. – М.;Л., 1966. – С. 58, рис. 12.

п. Выделяется из этого перечня железный однолезвийный нож, который находит прямую аналогию с предметами из могильника Копай¹.

Видимо, особенностью проанализированного комплекса погребального инвентаря является небольшое число керамики. Однако почти полное отсутствие керамических материалов в могильнике Туура-Суу не должно вызывать недоумения. Они не обнаружены в раннесакском (рубеж VII–VI вв. до н. э.) кургане 5 Чиликтинского могильника². Их почти нет на Алтае и в могильниках Приаралья (Тагискен и Уйгарак – VII–VI вв. до н. э.). Посуда, как установили исследователи, «не является обязательным элементом погребального инвентаря»³. Редко находят ее и в могилах на юге Причерноморских степей⁴.

Три сосуда, найденные в раннекочевнических захоронениях долины р. Тон (рис. 32), относятся к трем типам – чаши, миски, горшки. Аналогичные формы распространены довольно широко территориально и хронологически. Суммарно они датируются «сако-усуньским временем».

Таким образом, весь круг рассмотренных аналогий делает возможным отнесение исследуемых могильников ко времени ранних кочевников. Не следует забывать при этом вышеуказанное сходство с курганами раннесакского времени, а также параллели в сопроводительном инвентаре, например, в бронзовых бусах и сферических нашивках архаического облика. Вместе с тем, совокупность данных свидетельствует в пользу широкой датировки могильников Туура-Суу и Ачик-Таш. Последние могут быть предварительно отнесены к VI–V вв. до н. э. Они были оставлены какой-то неизвестной этнографической группой сакских племен.

1

2

³ Вишневская О.А., Итина М.А. Ранние саки Приаралья... – С. 200.

⁴ Черников С.С. Загадка золотого кургана... – С. 142.

РАННЕКОЧЕВНИЧЕСКИЕ КУРГАНЫ В УРОЧИЩЕ ТЕКЕ-ТАШ

Могильник Теке-Таш расположен в 2 км к северо-востоку от старого райцентра Токтогул на левобережной надпойменной террасе р. Чичкан. Состоит из бессистемно разбросанных курганов. Первоначально число их было больше. Часть курганов сnivelирована распашкой восточной окраины могильника. Среди могильных насыпей просматриваются подпрямоугольные и кольцевые каменные выкладки. Количество их из-за разрушения и естественной осадки образующих выкладки камней не поддается точному учету. Выкладки напоминают наземные сооружения над погребениями эпохи бронзы в могильнике Джазы-Кечу, находящемся на левом берегу р. Нарын¹. В южной части могильника Теке-Таш три кургана древнетюркского времени². Подавляющее же большинство раскопанных курганов в хронологическом отношении представляет собой памятники рядового населения эпохи ранних кочевников. Подобные памятники в долине Кетмень-Тюбе уже подвергались раскопкам³.

Курган 1. Диаметр 12,5 м, высота 0,75 м. Насыпь каменно-земляная. На глубине 0,8 м под насыпью, севернее центра кургана расчищено погребение. Скелет человека в вытянутом положении, на спине, головой на северо-запад. Правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута в локте под прямым углом, кисть лежит в области живота. Пол мужской, 55–60 лет, черепная коробка мезокранная, тип европеоидный⁴. Справа от черепа найдены фрагменты круглодонного сосуда. Под центром насыпи оконтурилась могильная яма⁵, ориентированная длинной осью запад – восток. Длина ямы 1,95 м, ширина 1,25 м, глубина 1,1 м. При расчистке ямы ничего не найдено.

Курган 3. Диаметр 6,5 м, высота 0,64 м. Насыпь каменно-земляная. Под центром насыпи оконтурилась овальная яма, ориентированная длинной осью запад–восток. Размеры ее: 1,75×0,83×1,4 м. В яме на спине, в позе «всадника», головой на запад лежал погребенный. Возраст свыше 50–55 лет. Кости очень плохой сохранности⁶. У локтя левой руки, впритык к северной стенке, стояло два сосуда. Один из них разбит.

Курган 5. Диаметр 5,7 м, высота 0,56 м. Насыпь каменно-земляная. Под центром кургана яма с округленными углами, ориентированная длинными сторонами запад – восток. Размеры ее: 2×0,85×0,98 м. В насыпи на разных уровнях находились фрагменты костей скелета человека. На глубине 0,6 м от материка вверх дном лежала расписная чаша. Второй сосуд находился в нише северной стенки ямы на глубине 0,72 м от материка. Длина ниши 0,55 м, ширина 0,17 м, высота 0,2 м.

Курган 7. Диаметр 4,3 м, высота 0,65 м. Насыпь каменно-земляная. Под центром кургана оконтурилась плотная каменная забутовка овальной формы, которая почти точно передавала контур ямы. Большое количество камней попадалось и в насыпи ямы. Здесь же обнаружен керамический фрагмент. Овальная яма ориентирована длинной осью северо-запад – юго-восток. Размеры ямы: 1,65×0,5×1,5 м. На дне отдельные кости человеческого скелета со смещенной нижней частью. У изголовья слева стоял сосуд с ручкой. Рядом с ним фрагмент другого сосуда.

Курган 9. Диаметр 3,2 м, высота 0,4 м. Насыпь каменно-земляная. Под ней плотная каменная забутовка, заполнившая яму. При разборке ее встречались фрагменты керамики

¹ Кожемяко П.Н. Погребения эпохи бронзы в Киргизии. Изв. АН Киргиз. ССР, серия обществ. наук, т. II, вып. 3. – Фрунзе, 1960. – С. 103; Кожомбердиев И.К., Галочкина Н.Г. Работы в долине Кетмень-Тюбе. АО 1968 года. – М., 1969. – С. 449; Они же. Памятники эпохи бронзы в долине Кетмень-Тюбе. // Успехи среднеазиатской археологии, вып. 1. – Л., 1972. – С. 40.

² См.: Абетеков А.К., Кожомбердиев И., Мокрынин В.П. Памятники тюркского времени. В настоящем сборнике.

³ Кожомбердиев И.К. Раскопки Токтогульского отряда. АО 1971 года. – М., 1972. – С. 546–547.

⁴ Антропологические определения сделаны Т. П. Кияткиной, принимавшей непосредственное участие в раскопках могильника.

⁵ Ниже размеры могильных ям приводятся в указанном здесь порядке.

⁶ Это характерно для всех без исключения костных останков в могильнике.

и кости скелета. Яма овальная, ориентированная длинной осью северо-запад – юго-восток. Размеры ее: 2,1x0,8x0,52 м. На дне ямы в северо-западной части на боку лежал сосуд с петлеобразной ручкой.

Курган 10. Диаметр 3,7 м, высота 0,2 м. Насыпь каменно-земляная. Под ней обозначилась могильная яма, ориентированная длинной осью северо-запад – юго-восток. В северо-западной части ее засыпь из камней, в остальной – лёсс и щебенка. В засыпи встречен фрагмент круглодонного сосуда. Размеры ямы: 2,12x0,75x0,95 м. В северной стенке, на глубине 0,68 м от материка, ниша длиной 0,41 м и глубиной 0,22 м. На дне ямы остатки скелета человека – череп и фрагменты костей левой ноги. Возраст 16–18 лет.

Курган 11. Диаметр 3 м, высота 0,2 м. Насыпь покрыта камнями, значительная часть которых была убрана в древности. Прослеживаются остатки кольцевой каменной выкладки по основанию кургана. Под центром насыпи подпрямоугольная могильная яма, ориентированная длинными сторонами северо-запад – юго-восток. Размеры ее: 2x0,75x0,92 м. Засыпь щебенчатая. На дне ямы, у северной стенки, два сосуда.

Курган 14. Диаметр 5 м, высота 0,21 м. Насыпь сконструирована из двух концентрических кругов, выложенных из камней. Размеры внешнего круга совпадают с диаметром кургана, диаметр внутреннего, несколько нарушенного кольца, 2,5 м. Под внутренним кольцом обозначилась подпрямоугольная яма, ориентированная длинными сторонами северо-запад – юго-восток. Размеры: 1,82x0,73x0,98 м. На дне ямы в беспорядке кости скелета женщины 45–50 лет. У северо-западной стенки большой камень. На глубине 0,65 м от материка ниша длиной 0,72 м, глубиной 0,28 м. В нише два сосуда: круглодонная широкая миска и кувшинчик с ручкой.

Курган 15. Диаметр 5,2 м, высота 0,36 м. Насыпь каменная. В ней найден фрагмент сосуда. Под центром насыпи яма, ориентированная длинной осью восток – запад. Особенности грунта не позволили точно оконтурить границы ямы, поэтому северная и прилегающие к ней части восточной и западной стенок ямы в процессе раскопок были нарушены. Засыпь каменно-земляная. На глубине 1,12 м *in situ* зачищена верхняя часть скелета мужчины 25–30 лет, который лежал на спине, головой на запад. У изголовья слева раздавленная круглодонная миска.

Курган 18. Диаметр 5 м, высота 0,25 м. Насыпь каменно-земляная. Под ней оконтурилась овальная могильная яма, ориентированная длинными сторонами северо-запад – юго-восток. Размеры: 2,4x0,6x0,8 м. В лёссово-щебенчатой засыпи встречены крупные камни, фрагменты костей человека. В северной стенке ямы, в нише размером 0,5x0,23 м два сосуда.

Курган 24. Диаметр 6 м, высота 0,36 м. В конструкции насыпи прослеживаются два концентрических кольца. Внешнее кольцо соответствует диаметру кургана, внутреннее – имеет диаметр 3 м. Внутри последнего каменная наброска. Под ней оконтурилась могильная яма, ориентированная длинными сторонами северо-запад – юго-восток. Размеры: 2x1,2x1,1 м. Засыпь каменно-земляная. На дне ямы зачищены фрагменты костей верхней части скелета человека. Возраст 40–50 лет, тип европеоидный. Череп покоился на плоском камне. У левого предплечья два сосуда, в одном из них (широкой круглодонной миске) два ребра барана и железный нож.

Курган 25. Диаметр 4,5 м, высота 0,6 м. По основанию насыпи выложено каменное кольцо. В середине – каменная наброска, под ней оконтурилась могильная яма, ориентированная длинными сторонами северо-запад – юго-восток. В засыпи крупные камни. Размеры ямы: 2x1x1 м. На дне в вытянутом положении, на спине, головой на северо-запад лежал скелет погребенного. Под черепом находился плоский камень. У изголовья слева два сосуда.

Курган 27. Диаметр 5,5 м, высота 0,3 м. Насыпь каменно-земляная. Основание его оконтурено кольцом из более крупных камней. Внутри него было выложено второе кольцо. Обе выкладки носят следы разрушения. Под центром насыпи оконтурилась овальная яма, ориентированная длинными сторонами северо-запад – юго-восток. Размеры

ямы: 1,85x0,75x0,77 м. Засыпь щебенчатая. На дне ямы в юго-восточном конце ее круглодонный кубок с отбитой петлеобразной ручкой.

Курган 29. Диаметр 3,5 м, высота 0,2 м. Насыпь каменно-земляная. Под ее центром оконтурилась могильная яма. В лёссово-щебенчатой засыпи ямы встречаются крупные камни. Размеры ямы: 1,6x0,7x 0,88 м. На дне ее в вытянутом положении, на спине, головой на северо-запад лежал скелет человека. У левого предплечья два сосуда.

Курган 30. Диаметр 4,6 м, высота 0,3 м. Поверхность насыпи выложена камнями, по основанию ее каменное кольцо. Под насыпью могильной ямы не оказалось. Заложено раскоп 2,3x1,8 м. На глубине 0,98 м от материка, в северо-западном углу его, стояли в ряд три круглодонных сосуда.

Курган 32. Диаметр 3 м, высота 0,18 м. Каменно-земляная насыпь оконтурена по основанию кольцом из более крупных камней. С юго-восточной стороны выкладка разрушена. Под насыпью прямоугольная яма, ориентированная запад–восток с небольшим отклонением. Размеры ее: 1,72x0,8x1,05 м. В засыпи ямы много крупных камней. Среди них встречены фрагменты костей человека и боковина сосуда. У северной стенки стоял круглодонный бокал с отбитым венчиком.

Курган 36. Диаметр 5,2 м, высота 0,3 м. Насыпь каменно-земляная. По основанию прослеживается каменное кольцо. Могильная яма смещена к югу от центра кургана, ориентирована длинными сторонами северо-запад–юго-восток. В лёссово-щебенчатой засыпи встречаются камни. Размеры ямы: 2,1x1,95x0,83 м. На дне ее в вытянутом положении, на спине, головой на северо-запад лежал скелет погребенного. Возраст 30–35 лет. У левого предплечья стояло два сосуда. В широкой круглодонной миске позвонок и ребро барана.

Кроме вышеописанных курганов в могильнике было вскрыто еще восемь погребений того же типа, но в них не обнаружено ни костных остатков, ни инвентаря.

Захоронения, к сожалению, ограблены, что не позволяет воссоздать полную картину погребального обряда. Для исследуемого могильника по внешним признакам можно выделить два вида конструкции наземных погребальных сооружений: 1) насыпь из земли и беспорядочно набросанных камней; 2) насыпь с четко выделенными двумя концентрическими кругами, один из которых выложен у основания кургана, другой – ближе к центру. Системы взаимного расположения их в могильнике не наблюдается. Над могильной ямой под насыпью в отдельных случаях прослеживалась каменная наброска. Она зачастую повторяла очертания могилы.

Могильные ямы имеют форму овала или прямоугольника с округленными углами. Стенки вертикальные, в некоторых из них (в северной или в северо-восточной) ниша. Ямы с нишами встречались и под насыпью как первого, так и второго вида. Ориентировка могильных ям стабильна: восток–запад или юго-восток – северо-запад. Погребенные лежали на спине, в вытянутом положении, головой на запад (северо-запад). Иногда кисть руки покоилась в области живота или таза. В одном случае зафиксирована поза «всадника».

В кургане 1 погребение было совершено на дневной поверхности. Возможно, что это впускное погребение. Однако не исключено, что оно синхронно погребению в яме под тем же курганом. Об этом свидетельствует фрагмент круглодонного сосуда, найденного справа от погребения. Кроме того, захоронения под насыпью на дневной поверхности не так уже редки для времени ранних кочевников¹. Инвентарь скуден, представлен довольно однообразными керамическими сосудами: полусферическими чашами, широкими круглодонными мисками, кубками (табл. I). Выделяются сосуд, под венчиком которого имеются подковообразные налесты, и расписная чаша. Сосуды, как правило, располагались в западной (северо-западной) части ямы и ставились у левого плеча погребенного либо в специальной нише в том же положении по отношению к скелету. Иногда в мисках лежали

¹ Горбунова Н.Г. Кунгайский могильник, АСГЭ, вып. 3. – Л., 1961. – С. 183.

ребра и позвонки барана (козы?), в одном случае среди них был железный нож. Обычно в погребении встречалось два сосуда: миска с бокалом либо с бокалообразной чашей. Керамические сосуды находят аналогии среди значительного керамического материала периода ранних кочевников, который в настоящее время еще не имеет убедительной хронологической систематизации.

Костные остатки в могильнике незначительны. Они позволяют с уверенностью заключить, что в раскопанных курганах были погребены взрослые мужчины и женщины. Только в двух случаях, и то под сомнением, удалось определить расовую принадлежность по частично сохранившимся лицевым костям черепов. Они принадлежали европеоидам.

Не было обнаружено и материалов, в какой-то мере датирующих могильник Теке-Таш. Поэтому для определения его хронологии мы вынуждены прибегнуть к сопоставительному методу.

Исследуемый могильник по планировке, конструкции погребальных сооружений и камер, по обряду захоронения, инвентарю относится к хорошо известному в науке кругу памятников времени ранних кочевников. Он имеет много общих черт с могильниками Семиречья, Тянь-Шаня, Таласской долины, Ферганы и Алтая, которые датируются в общем VI в. до н. э. – V в. н. э. В пределах этого отрезка времени делаются попытки определения более дробных дат, однако в целом еще не существует достаточного аргументированного членения на хронологические этапы. Наиболее полно эта работа проделана для могильников Ферганы, где удалось провести не только сравнительно-типологический анализ керамики, но и сопоставить вещевые комплексы из могильников со стратиграфическими наблюдениями при раскопках городищ¹. Особенности устройства насыпи и западную ориентацию погребенных трудно считать узко датирующими признаками, потому что они известны в других регионах хронологически широко. Достаточно отметить, что западная ориентация превалирует как в савроматских и раннесакских погребениях, так и в погребениях кочевников первой половины I тыс. н. э.². А. Н. Бернштам полагал, что наличие концентрических колец из камней в конструкции курганов является достаточным основанием для датировки их сако-усуньским временем. В могильнике Аламышик IV он выделил курган с наличием концентрических каменных колец и сплошной забутовкой центра мелкими камнями и датировал его V–IV вв. до н. э.³. Попытку хронологической классификации каменных колец из могильников долины р. Или сделал Г. А. Кушаев. Он пришел к выводу, что кольца, которые четко различимы до вскрытия кургана, характерны для III в. до н. э. – I в. н. э.⁴.

Курганы с каменно-земляной насыпью, которые сосуществуют с курганами вышеуказанной конструкции, датируются более широко. Если в Фергане они характерны для V–IV вв., то в Семиречье и Таласской долине такие курганы бытуют вплоть до тюркского времени включительно⁵.

Таким образом, особенности конструкции насыпей курганов позволяют полагать, что они были сооружены во второй половине I тыс. до н. э.

Нижний хронологический предел для изучаемого могильника, как представляется, могут дать сопоставления с памятниками подобного рода из Ферганы, с которыми

¹ *Заднепровский Ю.А.* Археологические памятники южных районов Ошской области. – Фрунзе, 1960. – С. 5-6; *Латынин Б.А.* Вопросы хронологии земледельческих культур древней Ферганы. Исследования по археологии СССР. Сб. в честь проф. М.И. Артамонова. – Л., 1961. – С. 111-119; *Горбунова Н.Г.* Культура Ферганы в эпоху раннего железа. АСГЭ, № 5. – Л., 1962. – С. 103-106.

² *Смирнов К.Ф.* Савроматы. – М., 1964. – С. 91; *Вишневская О.А.* Ранние саки Приаралья. // Проблемы скифской археологии. – М., 1971. – С. 199-200; *Максимова А.Г.* Курганный могильник в урочище Кызыл-Кайнар... – С. 125-130; *Абетеков А.К., Баруздин Ю.Д.* Сако-усуньские памятники... – С. 28.

³ *Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки... – С. 25.

⁴ *Акишев К.А., Кушаев Г.А.* Древняя культура саков и усуней... – С. 238-244.

⁵ *Горбунова Н.Г.* Культура Ферганы в эпоху раннего железа... – С. 106; *Максимова А.Г.* Курганный могильник... – С. 131; *Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки... – С. 25; *Винник Д.Ф.* Тюркские памятники Таласской долины. // Археологические памятники Таласской долины. – Фрунзе, 1963. – С. 91.

материалы курганов из урочища Теке-Таш имеют идентичные черты. К таковым могут быть отнесены специфические элементы погребального обряда и сооружения могильных ям. Овальные грунтовые могилы и западная ориентация погребенных известны в могильниках Ак-Там, Валик, Нияз-Батыр. Погребенных во многих случаях, как и в курганах 14, 24, 25 могильника Теке-Таш, укладывали головой на каменную подушку. Часто глиняную посуду ставили в специально вырытую в стенке ямы нишу¹, что также зафиксировано в курганах 5, 10, 14, 18 исследуемого могильника. Следует оговориться, что и последний элемент не может быть определяющим для установления нижнего хронологического предела, так как подобные ниши известны в курганах Таласской долины и Центрального Тянь-Шаня более позднего времени². Однако в могильнике Теке-Таш найдена лепная чаша, расписанная под венчиком темно-красной краской по светлому ангобу. Мотив орнамента – два пояса заштрихованных треугольников. Этот тип керамики наиболее характерен для ферганских могильников, хотя изредка встречается в курганах Алая, Чуйской и Илийской долин³.

Таким образом, отдельные элементы погребального обряда и инвентаря могильника Теке-Таш и ферганских могильников имеют общие черты, позволяющие считать их если не синхронными, то близкими по времени. Наиболее вероятной датой существования ферганских могильников Тулейкен, Ак-Там, Суфан, Кунгай, Валик, Нияз-батыр принято считать V–IV вв. до н. э.⁴ В связи с тем, что в могильнике Теке-Таш встречены материалы и более позднего времени, последнюю цифру, как представляется, можно считать нижним хронологическим периодом для его датировки.

Сложнее установить верхний хронологический период, так как подобные памятники, что уже отмечалось, известны вплоть до V в. н. э. Возможно, здесь может быть определяющим тот факт, что могильники, в которых встречается круглодонная лепная неорнаментированная и расписная керамика того же типа, известны в Чуйской долине лишь для времени III в. до н. э. – I–II в. н. э.⁵ Курганные насыпи с видимыми кольцами хронологически простираются, как определил Г. А. Кушаев, лишь до I в. н. э. Совокупность приведенных данных позволяет установить лишь очень широкую датировку раннекочевнических курганов могильника Теке-Таш. Последние могут быть датированы IV в. до н. э. – I в. н. э.

Исследователи не раз сопоставляли ферганские могильники раннежелезного века с памятниками сако-усуньского времени Семиречья и Тянь-Шаня. Сравнение это позволяет говорить не о полном сходстве, а лишь об отдельных общих чертах. Как установила Н. Г. Горбунова, они проявляются в конструкциях наземных сооружений, в западной ориентации большинства погребенных, в некоторых деталях инвентаря. Тем не менее они считают, что наибольшее сходство изучаемые ею памятники имеют с культурой синхронного населения Алая⁶. На наш взгляд, последнее можно отнести и к могильнику Теке-Таш в долине Кетмень-Тюбе, который, как следует из сказанного выше, является связующим звеном между родственными культурами Семиречья и Тянь-Шаня, с одной стороны, и Ферганы – с другой. На территории Кетмень-Тюбе в рассматриваемый период происходил синкретизм кочевой культуры аборигенов и кочевников, пришедших с севера, с культурой скотоводческо-земледельческого населения, обитавшего в Фергане.

¹ Гамбург Б.З., Горбунова Н.Г. Ак-Тамский могильник, КСИИМК, вып. 69; 1957. – С. 78-91; Козенкова В.И. Археологические работы в Андижанской области в 1956 г. КСИИМК, вып. 76, 1959. – С. 56-63; Горбунова Н.Г. Культура Ферганы... – С. 94-98; Ее же. В древней Фергане. – Ташкент, 1972. – С. 4.

² Абетеков А.К., Баруздин Ю.Д. Сако-усуньские памятники Таласской долины... – С. 25-27, рис. 5; Максимова А.Г. Курганный могильник... – С. 127-128, табл. I–II.

³ Абетеков А.К. Расписная керамика в курганах ранних кочевников в долине. Чу. КСИА, 107. – М., 1966. – С. 122-126.

⁴ Горбунова Н.Г. Культура Ферганы... – С. 106. Ср.: Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». – М., 1972. – С. 28.

⁵ Абетеков А.К. Расписная керамика... – С. 122-126.

⁶ Горбунова Н.Г. Культура Ферганы... – С. 116-118.

Высказывалось мнение, что наличие ниш в могильных ямах позволяет выделить какую-то локальную группу усуньского племенного объединения, обитавшую в I–III вв. н. э. в Таласской долине¹.

Следует отметить, что обычай выдалбливания ниш в стенке могильной ямы не так уж локален, как представлялось. Он зафиксирован, как было сказано выше, не только в Таласской долине, но и в Центральном Тянь-Шане, в Фергане и Кетмень-Тюбе. Для других мест такая особенность конструкции могильной ямы пока неизвестна.

Примечательно, что в таласских могильниках Карша I и Кызыл-Кайнар, как и в Ак-Тамском и других могильниках Ферганы, ниши зафиксированы в южных стенах могильных ям². В могильнике Четинди, расположенном территориально ближе к Кетмень-Тюбе, в верховьях р. Талас, такие ниши, как в могильнике Теке-Таш, отмечены в северной стенке. Если учесть, что таласские памятники моложе ферганских и датируются I–III вв. н. э., то можно высказать некоторые предположения относительно этногенетических процессов в долинах Западного Тянь-Шаня.

Общие специфические черты в культуре Ферганы, Кетмень-Тюбе и Таласа могут быть объяснены несколькими причинами. Их можно отнести за счет культурных контактов, однако, учитывая значительный хронологический разрыв (Эйлатан, по времени синхронный с могильником Ак-Там, завершился в III в. до н. э.), следует искать иное обоснование.

Н. Г. Горбунова, исследуя могильники Ферганы V–IV вв. до н. э., высказала предположение, что кочевники – выходцы из Семиречья и Тянь-Шаня – занимали видное место в формировании культуры оседлых «актамцев»³. По-видимому, это были сакские племена, которые окончательно не порвали со скотоводством и сохранили свою мобильность. Возможно, что на рубеже новой эры они вновь возвращаются в горные долины Кетмень-Тюбе и Таласа и несут с собой некоторые элементы культуры древней Ферганы. Причины миграции могут быть разными. Не исключено, что этот процесс был вызван естественным для скотоводов освоением новых пастбищных территорий. Но может быть частичное переселение ферганцев было сопряжено с известными ожесточенными военными действиями из-за так называемых «небесных лошадей» или с натиском племен катакомбно-подбойной культуры с запада через ходжентские ворота, начавшимся в это же время или несколько позже.⁴ Такое переселение вероятно и потому, что население Ферганы было в дружественных и даже союзнических отношениях с государственным объединением Кангюй, которое на востоке граничило с Таласской долиной.⁵ Миграция ферганских скотоводов к северным предгорьям Тянь-Шаня, по крайней мере, в район верховий р. Талас, проходила и через Кетмень-Тюбе.

В связи с вышеизложенным представляется вероятным предположение, что в этногенетических процессах на территории Кетмень-Тюбе и Таласской долины в I тыс. до н. э. и в начале I тыс. н. э. участвовала наряду с иными этническими компонентами какая-то часть ферганцев. Поставленные вопросы далеки от окончательного решения и требуют дальнейших археологических и особенно палеоантропологических изысканий.

¹ Максимова А.Г. Цепочка курганов из могильника Карши... – С. 128; *Ее же* Курганный могильник... – С. 137.

² Горбунова Н.Г. Культура Ферганы... – С. 96-97, рис. 1; Максимова А.Г. Цепочка курганов... – С. 128.

³ Горбунова Н.Г. Культура Ферганы... – С. 114-119; *Ее же*. О локальных особенностях в культуре древней Ферганы. СА, 1970, № 1. – С. 83; *Ее же*. В древней Фергане... – С. 7-9.

⁴ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. – М.–Л., 1950. – С. 162-167. Сводку мнений о времени начального периода подбойно-катакомбной культуры в Фергане см.: Литвинский Б.А. Курганы и курумы Западной Ферганы. – М., 1972. – С. 130-132.

⁵ Бичурин Н.Я. Собрание сведений..., т. II. – С. 165; Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. – М., 1964.

ДРЕВНИЕ ВСАДНИКИ

О чем рассказал погибший курган

Привычно манипулируя рычагами мощной машины, бульдозерист без особого труда уничтожал то, что невозможно восстановить никогда – он сносил насыпи цепочки земляных курганов, когда возвышавшихся на восточной окраине села Барскаун в Прииссыккулье. Эти погибшие археологические памятники, как теперь можно заключить, были возведены далекими предками бульдозериста, по крайней мере, не позже V в. до н. э. Курганы были современниками отца истории Геродота, им шла уже вторая сотня лет, когда начал свои походы Александр Македонский, с высоты своих 1800 лет взирали они на пришедшие в движение орды «потрясателя вселенной» Чингизхана. Погибали государства, исчезали целые народы, а курганы стояли и ждали своего часа, когда с помощью специалистов-археологов им удастся поведать миру историю племен, их соорудивших.

К сожалению, рассказать ее не удалось. Но, все же, умирая, один из курганов приоткрыл тайну, доверенную ему 2500 лет тому назад. Не все равнодушно взирали на гибель древнего памятника. Учащиеся барскаунской средней школы во главе с диктором и завучем попытались спасти возможное. Школьники начали раскопки одного из курганов. Довести работы до конца ребята, конечно, не сумели (это могут только археологи), тем не менее, на их долю выпала редкая удача – открытие клада ремесленника сакского времени с набором, как готовых изделий, так и отходов производства.

У очевидцев находки создалось впечатление, что все предметы лежали в насыпи кургана компактно, как бы завернутые в узелок из ткани, отпечатки которой прослеживались на некоторых изделиях, на глубине 50–70 см. Костей человека и животных мечено не было. Сейчас трудно установить действительное количество изделий и отходов производства, погребенных в кургане, так как часть из них разошлась по рукам, а частью и, пожалуй, наиболее важной, – обрезками и обломками металла – юные следователи пренебрегли. Археологам школьники передали 2 хорошо сохранившихся фигурных бляшек и 16 единиц отходов производства.

Фигурные бляшки по форме и характеру изображения можно подразделить на три типа: зооморфные, геометрические и растительные.

Первые представлены тремя видами. Прежде всего, это личина «улыбающегося» тигроподобного хищника между двумя вертикальными гофрированными рамками (25 штук целых и фрагмент). Контуры губ, носа, глаз, ушей и косых треугольников на щеках даны выпуклой линией, высоко поднятые изогнутые брови контррельефны. На каждой рамке по шесть гофр, крайние из них имеют отверстия для крепления (рис.1).

Второй вид – личина «угрюмого» волкоподобного существа между двумя вертикальными рамками с шестью гофрами на каждой (19 штук). Линия рта отсутствует, нижний обрез проходит под крыльями широко раздвинутых ноздрей. Способ изображения черт личины и крепления идентичен описанному выше.

И, наконец, третий – личина кабана между двумя вертикальными рамками с восемью гофрами на каждой (2 штуки). По сторонам пятка две пары клыков. Все черты личины рельефны. Крепилась бляшка при помощи сквозных отверстий на крайних гофрах. На одной из бляшек в правом верхнем углу пробито два отверстия рядом.

Геометрические бляшки по форме и орнаментике более разнообразны. Здесь имеются прямоугольные со сложным рельефным орнаментом из вытянутых вертикальных волн и завитков, обрамленных по краям гофрами (6 штук, см. рис.3). Не исключено, что перед нами вариант изображения широко известного мотива «дерева жизни».

Интересны зиккуратообразные бляшки с тремя ступеньками (16 штук), имеющие у основания шесть гофр.

Девятью экземплярами представлены бляшки с тремя острыми зубцами и девятью гофрами по основанию (рис. 2).

Более редки бляшки с тремя овальными вершинами и девятью гофрами по основанию (7 штук, рис. 3) и пикообразные с опущенными жальцами и овальным черешком (8 штук, рис. 4). Ребра покрыты гофрами, между которыми рельефом оттиснут ромб с расходящимися волютами.

По форме аналогична последним бляха меньших размеров, орнамент которой представляет собой рельефный контурный треугольник, боковые стороны которого переходят в завитки, опирающиеся на овал.

Найдено также гофрированное кольцо с двумя отверстиями для крепления.

Десять четырехугольных бляшек, обрамленных гофрами, отличаются по орнаментации. Так, имеются экземпляры (5 штук) (рис. 5) с рельефной точкой в центре, с четырьмя расходящимися лучами (1 штука), раздваивающаяся рельефная прямая, идущая параллельно длинной стороне бляшки с точкой в центре (2 штуки). Две бляшки вообще лишены орнамента.

К группе с растительным сюжетом можно отнести два вида бляшек. Это, прежде всего трилистник с вертикальными центральными и расходящимися в стороны боковыми лепестками (16 штук).

Далее цветкообразная розетка с двенадцатью рельефными лепестками, расходящимися от круглой чашечки (1 штука).

Вместе с бляшками, как уже упоминалось, найдены обломки (5 ед.) и обрезки (11 ед.) металла. Не исключено, что среди них не только фрагменты бытовых предметов, но и части вышедших из строя орудий труда. Особый интерес представляют обрезки металла. Толщина их соответствует толщине художественных бляшек. Есть среди обрезков и заготовка для четырехугольной бляшки, которая, видимо, уже подвергалась штамповке, но потом опять была прокована. Имеется фрагмент пластины, из которой вырезана бляшка с тремя острыми зубцами, и часть пластины, послужившей для изготовления трилистника. Примечательно, что шесть из одиннадцати полученных нами обрезков сложены вдвое.

По условиям и составу находки можно заключить, что школьники обнаружили клад. Он был зарыт в насыпи кургана по всей вероятности в IV в. до н. э. Критерием для датировки явилось близкое сходство, доходящее до тождества, барскаунских бляшек с бляшками, усыпавшими одежды «золотого человека», найденного казахстанскими археологами в кургане «Иссык». По аналогии с «золотым человеком» можно определить, какие части одежды украшали те или иные формы бляшек. Пикообразные нашивались на кафтан и голенища сапог, прямоугольные служили своеобразными лампасами на штанах, ими же оконтуривались голенища сапог; бляшки с изображением животных обрамляли полы кафтана. Такие одежды не мог носить ни рядовой пеший общинник, ни даже более богатый конный воин. Владелец таких украшений принадлежал к высшим слоям кочевого общества. Есть предположение, что погребенный в кургане «Иссык» принадлежал к царскому роду и одновременно был носителем жреческих функций¹. Сам факт наличия богатых одеяний в совокупности с громадными курганами, которые сородичи насыпали только некоторым из умерших, свидетельствует о далеко зашедшем социальном расслоении саков Тянь-Шаня. Анализ характера изображений на бляшках уводит нас в мир Авесты и зороастризма, с которыми, как представляется, были знакомы и саки Прииссыккуля.

Подробный анализ барскаунского клада – дело будущего. Главная его особенность – не высокохудожественные бляшки и не их богатый ассортимент, хотя сами по себе они представляют интересный материал о связях саков. Ценность клада в обломках и обрезках металла, которые являются неоспоримым доказательством местного производства

¹ Кузьмина Е. Е. В стране Кавата и Афрасиаба. – М., 1977. – С. 91.

высокохудожественных изделий, поражающих своим совершенством и вошедших в науку под названием «скифо-сибирский звериный стиль».

Барскаунские находки конкретизируют круг вещей, которые можно считать не импортированными, а произведенными в степи. Таковы высокохудожественные бляшки, украшавшие одежды сакских владык. Возможно, дальнейшие изыскания позволят расширить этот перечень.

Амулеты или орудия?

При археологических работах и разведках на средневековых городищах Чуйской долины были обнаружены различные предметы, характерные для культуры ранних кочевников, а также датирующиеся гораздо более ранним временем. Таковы наконечники стрел «скифского типа», найденные на городище Красная Речка, втульчатый наконечник стрелы из слоя VIII–X вв. на торткуле к северо-востоку от с. Ново-Павловка, шпильки с навершиями в виде птиц и миниатюрная копия котла «скифского типа» из слоя VI–VIII вв. на городище Сокулук. Сюда необходимо добавить втульчатый двухлопастный наконечник стрелы из слоя XI в. на городище Бурана (находка В. Д. Горячевой) и миниатюрный черешковый наконечник стрелы с городища Караджигач.

Все упомянутые бронзовые изделия находились вне синхронного им комплекса, имеют многочисленные аналогии в памятниках ранних кочевников VI в. до н. э. – I в. н. э.

Естественно, что факты находок в средневековых слоях городищ предметов материальной культуры эпох, предшествующих средневековью, не могли не привлечь внимания исследователей. Объяснение этому явлению дал А. Н. Бернштам. Он полагал, что средневековые поселения могли быть возведены на территории, занятой древними могильниками, и в процессе производственной деятельности остатки древней культуры были перемещены.

Однако это справедливо далеко не всегда. Нет остатков древних могил на Сокулук, нет следов древних погребений и на Буране. Поэтому можно предположить и еще одну возможность появления предметов ранних кочевников в культурных слоях средневековых городищ. Вспомним, что в античной и средневековой Европе древние топоры, копья и стрелы считались предметами божественного происхождения. На землю они попали будто бы в результате грозных разрядов. Им приписывалась чудодейственная сила, их носили как талисманы. Аналогичные верования бытовали и у населения Средней Азии и Казахстана. Ибн-Сина в своем геолого-минералогическом трактате писал: «В стране тюрок во время гроз с молнией падают медные тела в виде наконечников стрел с выступом, загнутым вверх. Подобные им падают и в стране Гиляна и Дейлема. И когда они падают, то они зарываются в земле. Субстанция их является медной и сухой»¹.

Интересно, что для культуры первой половины I тыс. до н. э. как раз характерны бронзовые наконечники стрел с шипом и, быть может, в описании великого ученого Востока имелся в виду какой-то конкретный случай нахождения древностей. В «Минералогии» ал-Бируни также отмечено: «В прошлом в некоторых местах железо отсутствовало или встречалось редко, и там медь заменяла его. Об этом свидетельствуют те медные наконечники стрел, которые находятся в земле гузов и которые в виде амулетов вешают на шею, а также медные дротики и пики, что находят под землею в Табаристане. Маги верят, что они приносят счастье, и считают оба эти вида наконечников ниспосланными с неба посредством молний». Сопоставление текстов минералогических трактатов Ибн-Сины и ал-Бируни, написанных независимо друг от друга и совпадающих в некоторых весьма существенных деталях, позволяет предполагать использование авторами одного источника. Не исключено, судя по тексту ал-Бируни, упоминающего о вере магов, что таким источником могла быть известная ученому не дошедшая до нас

¹ См. *Беленицкий А.М.* Геолого-минералогический трактат Ибн-Сины. – Изв. ООИ АН Тадж. ССР, вып. 4. – Сталинабад, 1953. – С. 48.

книга «магов Согда» о камнях. Если это так, то письменная фиксация веры в магические свойства древних предметов вооружения населения Средней Азии относится к периоду до арабского нашествия.

Археологические данные позволяют еще более «удревнить» использование наконечников стрел, принадлежавших ушедшим поколениям, в качестве амулетов-оберегов. В могилах эпохи бронзы Южного Таджикистана найдены кремневые наконечники стрел, которые, судя по положению в гробнице, могли быть оберегами и свидетельствовать о высоком статусе умершего¹. Не исключено, что функции оберега выполняли и ранние типы бронзовых наконечников стрел, находимые в более поздних курганах.

Реминисценцию подобных представлений отметил В. В. Бартольд у киргизов Чуйской долины в конце XIX в. Фиксируя рассказы местных жителей о находках золотых монет у башни Бурана, он писал, что эти монеты не имеют у киргизов меновой ценности, «но служат чем-то вроде амулета и считаются лекарством против разных болезней, особенно горловых».

Таким образом, по крайней мере, с эпохи бронзы, предметы более ранних эпох использовались в быту, производстве и для сакральных целей. Поверья, связанные с находками предметов вооружения предшествовавших эпох у согдийцев, хорезмийцев и тюрок, зафиксированные в XI в. Ибн-Синой и ал-Бируни, имели глубокую традицию. Часть бронзовых наконечников стрел, находимых в земле гузов и тюрок, использовалась в качестве амулетов-оберегов. Видимо, и среди отмеченных выше находок бронзовых предметов материальной культуры времени ранних кочевников в средневековых слоях городищ Чуйской долины есть не переотложенные, как полагал А. Н. Бернштам, а вторично использованные уже в качестве амулетов, орудий или бытовых предметов.

Гробницы ранних кочевников

В сезон 1974 г. отряд археологов Киргизстана выбрал для раскопок небольшой могильник в местности Жел-Арык, на левой надпойменной террасе р. Чу по выходе ее из Боомского ущелья, на 108-м километре автомагистрали Фрунзе – Рыбачье.

Сам могильник представляет собой цепочку из 22 небольших каменных курганов, вытянутых по линии север-юг. Все они были полностью раскопаны. Три погребения совершены в каменных ящиках, а остальные – в грунтовых ямах. Каменные ящики в плане подквадратные или подпрямоугольные.

В ящике находилось и единственное бескурганное погребение № 22. Камера здесь полностью закрыта крупным плоским валуном, и внутреннее пространство ящика, таким образом, по форме приближается к кубу. Два каменных ящика были разграблены в древности. В одном из них найдены разрозненные кости двух, в другом – одного скелета человека. Небольшие размеры камеры позволяют предполагать, что покойников хоронили либо в сидячем, либо в скорченном положении.

Прямоугольный каменный ящик обнаружен в кургане 23. Погребенные лежали на спине, в вытянутом положении, головой на запад. Над всем сооружением воздвигнута круглая, в плане сферическая каменная насыпь.

Восемнадцать погребений совершены в ямах под каменной уплощенной или полусферической насыпью высотой 0,15–0,8 м и диаметром от 4 до 9,5 м. Яма обычно овальной формы, имела глубину от 0,55 до 1 м от дневной поверхности. Во всех случаях она поперек перекрывалась каменными плитами.

Захоронения, как правило, одиночные. Погребенные лежали на дне ямы, в вытянутом положении, на спине; четыре погребенных ориентированы головой на юг, один – на юго-запад, три – на запад и три – на восток.

¹ Мандельштам А.М. памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. – МИА, 145. – Л., 1968. – С. 128; Алекшин В. А. К изучению социальной культуры ранних кочевников Средней Азии. – Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. – Л., 1975. – С. 74-75.

Вещей в древних могилах оказалось немного. Почти в каждой из них был керамический сосуд, находящийся либо у правого предплечья погребенного, либо в изголовье. В одной могиле обнаружено бронзовое зеркало, в другой – мелкая круглая бусинка из сердолика. Не исключено, судя по находкам древесного тлена и мелких бронзовых заклепок, которые применялись для ремонта вещей из дерева, что в качестве инвентаря использовались деревянные предметы, ныне полностью истлевшие. Клади в погребения и пищу. Обычно это были небольшие куски – от крестцовой, реже реберной части туши мелкого рогатого скота, в некоторых случаях рядом с ними лежали железные ножи. Явные следы пищи отмечены в восьми погребениях.

В трех курганах погребений не было, хотя в одном из них и найден бронзовый нож. Это могли быть культовые сооружения или кенотафы – имитации надгробных сооружений, устраиваемые в тех случаях, когда сородич умирал где-то далеко и его тело не могло быть погребено на месте проживания племени.

Могильник Джел-Арык, оставленный рядовым населением и частично ограбленный, беден находками.

Среди находок – изделия из металла: бронзовый нож с кольцевым навершием, бронзовое зеркало, заклепки из бронзы и фрагменты железных ножей.

Плоское дисковидное зеркало из бронзы на длинной рукоятке с отверстием на конце из кургана 13 имеет широкий круг аналогий. На территории Киргизии подобные зеркала круглой формы с длинной плоской ручкой появились еще в эпоху бронзы и бытовали продолжительное время, широко распространившись в эпоху ранних кочевников.

Глиняных сосудов из могильника Джел-Арык немного – 10 штук. Все они лепные, лишь в одном случае обнаружен венчик желтолощеного сосуда, сделанного на гончарном круге. В основном это массивные шаровидные и усеченно-конусовидные кружки с вертикальной петлеобразной ручкой и шаровидные и грушевидные кувшины с широкой горловиной.

Наиболее ранними погребениями Джел-Арыка, видимо, являются погребения в подквадратных каменных ящиках. Подобные каменные цисты исследованы на Памире в могильнике Кызыл-Рабат и датированы ориентировочно X–VII вв. до н. э.

Датировка погребения в ямах определяется находкой бронзового ножа с кольцевым навершием и гончарных сосудов, появившихся на Тянь-Шане и смежных территориях во время ранних кочевников.

Время погребения в кургане 13 определяется находкой плоского бронзового зеркала с гладким диском и длинной боковой ручкой.

Однако в исследуемом могильнике явно не сложилась устойчивая ориентация погребенных. Подобная картина наблюдается в раннесакском могильнике Уйгарак¹, но не характерна для более поздних погребений ранних кочевников, где основной является западная ориентация².

Из 10 круглодонных сосудов могильника Джел-Арык три орнаментированы рядом вертикальных штрихов, прочерченных под венчиком до обжига. Подобный тип орнаментации на круглодонных сосудах нам неизвестен. То очень небольшое количество керамики времени ранних кочевников, которая украшена прочерченным до обжига орнаментом, составляет ничтожный процент по отношению ко всему керамическому материалу могильников, и на них обычно процарапаны треугольные фестоны. Орнаментация сосудов рядом вертикально прочерченных штрихов довольно обычна для эпохи поздней бронзы на обширных пространствах Южной Сибири и Казахстана, в том числе и в Киргизии. Возможно, что отмеченная нами орнаментация сосудов сакского времени еще сохраняла традиции более ранней эпохи.

¹ Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII–V вв. до н.э. (по материалам Уйгарака). – М., 1973. – С. 64.

² Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. – Алма-Ата, 1963. – С. 247.

Все эти архаичные элементы в сочетании с погребальными сооружениями и обрядом, типичным для ранних кочевников, позволяют предварительно отнести погребения могильника Джел-Арык к раннесакскому времени. Если учесть, что бронзовые ножи с кольцевым навершием не встречаются позже V в. до н. э., то изучаемый могильник можно датировать VII–V вв. до н. э. Этой датировке не противоречат и погребения в каменных ящиках, и могильные ямы, перекрытые каменными плитами, отмечены для раннесакского времени Тянь-Шаня и Памиро-Алая. Несколько необычно для ранних кочевников сакской эпохи сравнительно большое число железных ножей. Это противоречит положению, выдвинутому А. Н. Бернштамом, что в усуньских погребениях больше изделий из железа, чем в сакских. Однако следует заметить, что в раннесакских и савроматских комплексах VII–V вв. до н. э. от Приуралья до Тянь-Шаня изделия из железа не редкость, а в более позднее время составляют едва ли не самую многочисленную группу находок.

Таким образом, раскопанные курганы в основной своей массе сооружены для захоронений рядовых членов небольшой общины, может быть даже семьи раннесакского времени, на месте, где несколько ранее уже было совершено три погребения в каменных ящиках. Раскопки могильника Джел-Арык еще раз продемонстрировали широкое распространение на территории Киргизии сакских племен, освоивших основные пастбища равнин и плоскогорий.

ПОДВОДНЫЕ ПАМЯТНИКИ ИССЫК-КУЛЯ

О многочисленных и интересных находках древних предметов на дне озера Иссык-Куль, начиная со второй половины XIX в., писалось не раз. Уже в то время была даже несостоявшаяся попытка провести подводные археологические работы. Она была реализована лишь в советское время, когда археологами Института истории АН Киргизской ССР под руководством Д.Ф. Винника в конце 50-х – начале 60-х гг. обследовали ряд подводных развалин. Результаты первой попытки не только обнадеживали, но и призывали к более тщательным и целенаправленным, крупномасштабным поискам. Одной из задач Киргизской археологической экспедиции в сезон 1985 г. было исследование подводных археологических объектов. Для этого в состав отряда была привлечена группа опытных аквалангистов Московского института стали и сплавов, руководимая С.С. Прапором. Группа сумела обследовать пять вновь открытых подводных пунктов в районе сел Песчаное, Фрунзе, Дархан, Долинка, Тору-Айгыр.

В хронологическом отношении материалы, добытые на дне озера, отражают две эпохи: 1 – античность (середина и вторая половина 1-го тысячелетия до н. э.); 2 – средневековые (VIII–XV вв.). Среди археологических комплексов отмечены: 1 – только античные; 2 – античные и раннесредневековые; 3 – исключительно позднесредневековые.

Следы античного поселения расположены на дне и части южного берега Тюпского залива в 2,5–3 км к северу от с. Песчаное у мыса Камыш-ный. Археологам с середины 60-х годов было известно, что отступающие воды залива оставляют исторической науке ценные, иногда уникальные, свидетельства высокой художественной культуры далеких предков киргизского народа. Так, краеведы СШ № 31 г. Фрунзе нашли здесь полусферическое бронзовое навершие булавы. Всю поверхность ее занимает изображение свернувшейся в кольцо оскаленной пантеры, подмявшей двух сайгаков (видны только их горбоносые головы с характерными рожками). Этот уникум отлит искуснейшим мастером в VII–V вв. до н. э. Здесь же школьники нашли прекрасной сохранности бронзовый кинжал с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием (VI–V вв. до н. э.). Летом 1985 г. охотовед Г.И. Журавлев передал нам котел, найденный на глубине свыше 2 м примерно в 150 м к северу от берега. Котел на конусовидной подставке, с двумя горизонтально расположенными ручками. На тулове котла под венчиком – рельефная тамга (знак мастера). Отлит из светлой золотистой бронзы.

Специальное обследование этих местонахождений показало, что здесь во 2-й половине 1-го тыс. до н. э. было крупное поселение. Каковы признаки, по которым археологи сделали столь ответственное заключение? На суше это легко. Поселения имеют вид уплощенного холма, на котором опытный глаз тотчас же отыщет мелкие фрагменты глиняных сосудов. Здесь холма нет, а если он был, то его давно уже сгладили непрерывные удары волн в течение тысячелетий. Есть ровная отмель, тянущаяся на 1,5–2 км с запада на восток и на 200–250 м к северу от берега. Эта отмель, а также берег, освободившийся от воды, сплошь и рядом усыпаны фрагментами керамики. Под слоем ила удалось найти погребение. Скелет умершего минимум 2 тыс. лет тому назад лежал в вытянутом положении на спине головой на запад. Слева от него у изголовья стояло два круглодонных сосуда – кружка с ручкой и чаша. Точно также хоронили древние кочевники саки и усунь своих соплеменников под курганными насыпями, раскопанными археологами на суше.

Этот факт позволяет поставить вопрос: а не являются ли многочисленные фрагменты керамики следами размытого огромного могильного поля? Нет, не являются. Дело в том, что нам известны могильники саков и усуней столь громадных размеров, к тому же, под водой и на побережье залива, недавно освободившегося от воды, обнаружены предметы, которые ни разу не находили да и не могли найти в погребениях. Это прежде всего зернотерки – массивные каменные плиты ладьевидной формы, стертые

от длительного употребления. На ограниченном пространстве отмели археологи нашли их свыше десятка.

Из этого можно заключить то, что люди употребляли в пищу изделия из муки. Оставался открытым вопрос об источнике поступления зерна. Его могли культивировать на месте, либо покупать у земледельцев в иных регионах. Совсем другое дело молотильные камни. Они являются неопровержимым доказательством того, что колосья молотили, а, следовательно, и выращивали на месте. История экономических связей не знает случая торговли необмолоченными колосьями.

Особого внимания заслуживает тарная посуда больших объемов. До открытия поселения у с. Песчаное она не была известна, так как в раскопанных курганных погребениях тарные сосуды полностью отсутствуют. Они массивные с толщиной стенок до 2 см, бочонковидной формы со слегка расширенным или цилиндрическим туловом, венчик прямой, диаметром 25–62 см. В верхней части тулова имеют петлевидные вертикальные ручки или ручки-выступы. Последние представляют собой конусовидные налепы круглого или овального сечения. У одного из сосудов по кругу венчика было равномерно расположено не менее восьми таких ручек. Весь комплекс керамики поселения датируется сако-усуньским временем, т. е. 2-й половиной 1-го тыс. до н. э.

Итак, вновь обнаруженный памятник является крупным поселением сако-усуньского времени, что в корне меняет наше представление об истории и культуре племенных союзов древних скотоводов Киргизии. Саки и усунь занимались не только кочевым скотоводством, но и выращивали хлеба, а возможно – овощи и фрукты. И как здесь не вспомнить известное положение К. Маркса, отметившего в свое время, что у многих народов кочевая жизнь одной его части обязательно дополнялась оседлостью другой.

Античные и средневековые материалы найдены на побережье и под водой озера у сел Дархан, Фрунзе и Долинка. Они представлены главным образом фрагментами средневековой керамики.

Фрагменты горшков немногочисленные. У них округлый, плавно отогнутый венчик, переходящий в невысокую шейку, и широкие плечики. На двух сосудах с плечиками проходил горизонтально-линейный орнамент. У одного горшка плечики были украшены орнаментальным пояском из разомкнутых элементов зигзага (в виде прописной буквы «г»).

На поселении найдено большое количество фрагментов стенок от орнаментированных сосудов. Как правило, орнамент наносился на подсушенные изделия и лишь в единичных случаях он был процарапан по обнаженному черепку. Основные орнаментальные зоны – плечики и верхняя часть тулова. Наиболее распространенный прием орнаментации – прочерченный и врезной, который наносился одноострийным или многоострийным инструментом (3–9 зубцов). Чаще всего встречался горизонтально-линейный, волнистый, фестончатый, арочный орнамент, зигзаг. Эти виды орнамента наносились на сосуд как самостоятельный узор, так и в сочетании друг с другом, образуя различные композиции: горизонтально-линейный с волнистым, горизонтально-линейный с фестончатым и т. п. Помимо этого, стенка одного из сосудов была украшена пересекающимися горизонтальными и вертикальными прочерченными линиями, нанесенными многоострийным инструментом (6 зубцов).

Штампованный орнамент выполнен штампами-печатами, прямоугольными лопаточками различных размеров, гребенчатым штампом. Наиболее распространенные виды орнамента – розетка, ямочные и ромбические вдавления. Большой интерес представляет фрагмент стенки сосуда, на котором сохранилась часть орнамента в виде четырехлепестковой розетки, в каждом лепестке которой был изображен лежащий козел.

Судя по соотношению лепной и станковой керамики, использованию гончарного круга медленного вращения, некоторым видам орнамента Э (концентрические круги и др.), данный керамический комплекс можно предварительно датировать VIII–XII вв.

К средневековым материалам относятся мельничные жернова и их обломки. Жернова ручные, диаметром до 35–40 см. У с. Долинка найден обломок жернова, на рабочей поверхности которого были выбиты радиально-вихревые желобки. Диаметр его 1,6 см.

Античные материалы представлены здесь зернотерками и их фрагментами, а также изделиями из бронзы. В водах озера близ с. Дархан были найдены два кинжала и котелок со сливом, у с. Фрунзе – удила, у с. Долинка – небольшой котел, в котором лежали металлические отходы литья. Все вышеуказанные изделия были отлиты из бронзы в VII–III вв. до н. э.

К юго-западу от с. Тору-Айгыр у пансионата «Улан» на дне озера собрана позднесредневековая коллекция керамики.

Хумы представлены одним целым сосудом и фрагментами венчиков. Один из них имел массивный, почти квадратный в сечении венчик с широкой горизонтальной площадкой. У второго сосуда венчик прямоугольный в сечении, горизонтально отогнут наружу, по краю его проходит невысокий бортик. Третий хум с венчиком треугольного сечения, он также резко отогнут, край венчика заострен и оттянут вниз. Шейка сосуда выражена слабо и переходит в расширенные плечики, на которых прочерчена горизонтальная линия (орнамент сохранился частично). Все сосуды изготовлены на гончарном круге. Хумы оранжевого цвета, без ангоба и лощения.

Котлы довольно многочисленны. У них широкий, прямой венчик, незначительно выступающий наружу, и сферическое тулово. У двух сосудов в верхней части тулова проходят горизонтальными ручками треугольного и овального сечения. Иногда основания ручек украшались глубокими вмятинами пальцев. Найдена стенка котла с глухой налепной ручкой, край которой был оттянут вниз и украшен овальными углублениями. По всей видимости, этот сосуд был покрыт коричневым ангобом. Два других котла покрывал беловатый ангоб. Встреченные фрагменты котлов изготовлены как на гончарном станке, так и ручной лепкой. Многие изделия со следами сильной копоты.

Горшок слегка округлый, имеет незначительно выступающий наружу венчик, широкую шейку, переходящую в плавно расширяющиеся плечики, орнаментированные фестончатым орнаментом. Сосуд станковый, красноангобированный, снаружи задымлен. Обнаружена часть лепного миниатюрного горшочка с округлым прямым венчиков и сферическим туловом.

Кувшины представлены тремя целыми сосудами, один из них покрыт голубой лазурью. Найдены также стенки от кувшинов с вертикальными ручками прямоугольного сечения.

Памятник датируется XIII–XVI вв.

Из металлических изделий здесь найдено железное стремя XIV–XVI вв.

Таким образом, во всех вышеназванных местах под водой и на побережье был собран исключительно богатый материал трех хронологических периодов: античности, раннего и позднего средневековья. Очевидно, здесь были крупные населенные пункты. Есть все основания полагать, что история оседлоземледельческой экономики уже невозможна без учета подводных развалин городов.

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНИХ КОЧЕВНИКОВ ПРИИССЫККУЛЬЯ

На XXVII съезде КПСС и XVIII съезде КП Киргизии был поставлен вопрос об ускорении научно-исследовательских работ по формированию Иссыккульско-Чуйского территориально-производственного комплекса. Предполагаемые масштабные работы по реализации намеченных партией свершений ставят новые задачи перед Институтом истории АН республики, сущность которых в свете Закона СССР и Закона Киргизской ССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» сводится к максимально полному изучению всех видов археологических и исторических памятников, которые попадут в зоны строительства, затопления, мелиорации или будут находиться на трассах оросительных каналов. Предполагаемые этапные многолетние стационарные и разведывательные археологические изыскания вызывают необходимость подвести итоги уже проделанной работы и наметить перспективы будущих исследований всех видов археологических памятников Прииссыккулья. В данной статье мы проделаем это исключительно в отношении памятников древних кочевников 1 тыс. до н. э.

Иссык-Кульская котловина была подвергнута изучению в археологическом отношении раньше других регионов республики. Первое упоминание в литературе об археологических древностях Прииссыккулья (1842 г.) связано с находкой бронзового котла эпохи древних кочевников. В дореволюционное время раскопка археологических памятников не производилась, наука не пошла дальше фиксации курганов и описания случайных находок древнекочевнического времени. К сожалению, только небольшая часть внушительных коллекций этих древностей сохранилась в различных музеях страны¹. Однако уже тогда была отмечена топографическая специфика археологических памятников региона: сочетание наземных и подводных объектов.

Первые научные раскопки курганов древних кочевников в Средней Азии вообще были начаты в Прииссыккулье советскими археологами М. В. Воеводским и М. П. Грязновым в 1928–1929 гг.² Позже раскопки курганов этого периода вели А. Н. Бернштам, Д. Ф. Винник, В. П. Мокрынин³, были опубликованы уникальные случайные находки⁴, появились популярные издания, где затрагивались археологические памятники, относящиеся ко времени саков. В 80-х годах памятники древних кочевников изучали, работая в составе Иссык-Кульского историко-археологического отряда, авторы данной статьи.

К памятникам древних кочевников принадлежат курганные погребения, поселения, наскальные изображения, клады и другие случайные находки.

Курганные погребения отмечены повсюду, на побережье, в предгорной части котловины, на сыртах и под волнами озера. Они сильно варьируют и по своим размерам, и в количественном отношении, составляют различные могильники или располагаются одиночно.

В топографическом отношении крупные курганы диаметром свыше 20 м чаще всего составляют цепочки, вытянутые с севера на юг. Цепочки курганов, иногда

¹ Историю изучения и литературу вопроса см.: Плоских В.М., Галицкий В.Я. Открытие древностей Иссык-Куля. – / В кн.: Археологические памятники Прииссыккулья. – Фрунзе, 1975. – С. 6-18.

² Воеводский М.В., Грязнов М.П. У-суньские могильники на территории Киргизской ССР. К истории у-суней. – ВДИ, 1938, № 3.

³ Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алая. – МИА-26. – М.-Л., 1952. – С. 27-72; Винник Д.Ф. Археологическая карта Тонского района. – / В кн.: Археологические памятники Прииссыккулья. – Фрунзе, 1975. – С. 160-174; Мокрынин В.П., Гаврюшенко П.П. Курганы сакского времени долины р. Тон. – / В кн.: Археологические памятники Прииссыккулья. – Фрунзе, 1975. – С. 52-83.

⁴ Зима Б.М. Иссык-Кульские жертвенники. – Фрунзе, 1941; Винник Д.Ф., Лесниченко Н.С., Санаров А.В. Новый жертвенный комплекс Иссык-Куля. – АО, 1976. – М., 1977; Винник Д.Ф. Работы Иссык-Кульского археологического отряда в 1959 г. – Изв. АН Кирг. ССР, сер. общ. наук, т. III, вып. 3. – Фрунзе, 1961; Кызласов Л.Р. Сакская коллекция с Иссык-Куля. – / В кн.: Новое в археологии. – М., изд-во МГУ, 1972.

достигающих гигантских размеров (до 75–100 м в диаметре и 8–15 м в высоту), сконцентрированы в восточной части котловины. Небольшие курганы (диаметром до 10–12 м и высотой до 0,5 м) имеют двоякую топографию. Известны случаи, когда такие курганы также образуют меридиональные цепочки, но чаще всего расположены бессистемно. Насыпи четырех типов: земляные; земляные с каменным покрытием; каменно-земляные; каменные. Вокруг насыпей наблюдаются выкладки из камней (кромлехи) кольцевой, реже – подквадратной формы.

Подкурганные погребальные сооружения представлены тремя типами: грунтовая яма; деревянный сруб; каменный ящик.

Грунтовые ямы встречаются наиболее часто (Каракол, Чельпек, Джергес, Туура-Там II, Туура-Суу II, Туура-Суу IV). Обычно они расположены под центральной частью насыпи, подпрямоугольной или овальной формы, вытянутые с востока на запад с небольшими отклонениями. Редко под одной насыпью отмечено две (Туура-Там, к. № 21) или три (Каракол, к. № 1) грунтовые ямы, расположенные параллельно. Под крупными курганными насыпями в ряде случаев зафиксировано перекрытие могильных ям накатами из бревен в 1–3 слоя (Каракол, Чельпек, Джергес). Иногда в длинной стенке ямы выдалбливали ниши, в которые ставили керамические сосуды с ритуальной пищей (Туура-Суу IV). Погребальные сооружения этого типа наиболее характерны для времени древних кочевников. Они отмечены повсеместно на всей территории Киргизии и в Семиречье (рис. 1, I).

Деревянный сруб отмечен только в кургане № 5 могильника Соколовка, где погребальное сооружение имело сложную конструкцию. На дне ямы прямоугольный сруб из толстых плах в четыре венца, вытянутый с востока на запад. Внутри камера была обшита вертикально поставленными плахами. Потолок ее был двуслойным: нижний ряд из наката бревен, положенных поперек, верхний – из таких же бревен, положенных вдоль сруба. Яма со срубом на дне на уровне дневной поверхности была перекрыта двойным накатом из толстых стволов дерева (рис 1, II). А. Н. Бернштам отнес все сооружение к погребальным камерам «пазырыкско-коинулинского типа»¹. В настоящее время можно указать на более близкие хронологические и территориальные аналогии, свидетельствующие в пользу того, что соколовский сруб не был чем-то уникальным в археологии древних кочевников Семиречья. Подобный сруб зафиксирован в знаменитом кургане Иссык, расположенном южнее Алма-Аты².

Подкурганные погребальные сооружения древних кочевников в виде *каменных ящиков* раскопаны только на южном побережье Иссык-Куля (Туура-Суу, Ачик-Таш, Ак-Терек II, могильник на трассе водопровода в с. Торткуль)³. Погребальные камеры на дне овальных ям сооружали из крупных каменных плит, которые устанавливали на длинное ребро в два-три ряда в высоту с соблюдением перевязи стыков. Они имели прямоугольную форму и были вытянуты с востока на запад. К северной стене камеры пристраивалась подпрямоугольная камера меньших размеров. Оба помещения соединялись узким проходом – лазом и были перекрыты большими плоскими каменными плитами. Перекрытие находилось на уровне дневной поверхности или несколько ниже. Большие размеры всего сооружения (4,5х2 м и в высоту до 0,7 м) и крупные плиты, из которых были выполнены стены и перекрытия, придавали камерам монументальный вид (рис. 1, III).

Погребения в каменных ящиках известны в могильниках древних кочевников Казахстана и Южной Сибири. Описанную выше двухкамерную конструкцию ящиков до новых открытий можно считать специфической для Прииссыккуля.

¹ Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки... – С. 51-52, рис. 22.

² Акишев К.А. Курганы Иссык-Куля. Искусство саков Казахстана. – М., 1978. – С. 15, рис. 2, 3, 4.

³ Мокрынин В.П., Гаврюшенко П.П. Курганы сакского времени... – С. 55-67, рис. 12-14, 16-17, 19-26; Археологическая карта... – С. 169.

Погребальный обряд, несмотря на различие конструкций погребальных сооружений, во всех раскопанных курганах был одинаков. Покойного клали на дно ямы (сруба, каменного ящика) на спину, в вытянутом положении, головой на запад, иногда с отклонениями. В каменном ящике № 8 могильника Туура-Суу погребенные взрослый и ребенок лежали на боку в скорченном положении. Под курганом № 1 могильника Каракол погребенные имели меридиональную ориентировку. На теле покойного и рядом с ним погребальный инвентарь: остатки одежды, украшений, оружия, керамической посуды. Последние чаще всего располагались у изголовья, к северу от скелета. Только в крупных курганах, несмотря на их неоднократное ограбление, изредка попадаются высокохудожественные изделия из золота и резной кости.

Количественная сторона исследования древнекочевнических погребений представлена в таблице.

Могильник	Количество курганов		Типы погребений			Не определено
	всего	раскопано	I	II	III	
Каракол	6	2	2	-	-	-
Чельпек	100	10	10	-	-	-
Соколовка	17	3	1	1	-	1
Джергес	53	2	2	-	-	-
Туура-Суу	12	12	5	-	5	2
Ачик-Таш	2	2	-	-	2	-
На трассе водопровода в с. Торткуль		1				
Туура-Суу II	28	2	2	-	-	-
Туура-Суу IV	87	2	2	-	-	-
Туура-Там II	27	2	2	-	-	-
Туура-Там III	18	1	1	-	-	-
Кунчигиш I	68	1	1	-	-	-
Итого:	418	40	28	1	8	3

Таблица отражает крайнюю недостаточность раскопочных работ по изучению погребений древних кочевников Прииссыккуля. В двенадцати могильниках, которые составляют мизерную часть их общего количества, раскопано и опубликовано всего около 8% курганов, притом значительная часть публикаций раскопок не отвечает современным научным требованиям (нет планов могильников и раскопанных погребений, рисунков или фото погребального инвентаря, его описания, не проведен анализ материалов)¹.

Положение может резко измениться в лучшую сторону в ближайшие два-три года, если ввести в научный оборот всю массу уже раскопанных и еще не опубликованных курганов древних кочевников Прииссыккуля².

Поселение времени древних кочевников было открыто в середине 60-х годов юными краеведами средней школы № 31 г. Фрунзе, которыми руководил преподаватель истории М. К. Синусов. Обследовано Иссык-кульским историко-археологическим отрядом в августе 1985 г.³ Поселение расположено на южном побережье и дне Тюпского

¹ В таблицу не включены сведения о раскопках на могильниках Турра-Там I и Ак-Терек II из-за недостаточной информативности публикации.

² По имеющейся в литературе информации в 60-х – первой половине 70-х годов раскопки велись по меньшей мере на 22 могильниках сако-усуньского времени. Результаты работ не опубликованы. См.: Винник Д.Ф., Помаскина Г.А. К вопросу датировки наскальных изображений Прииссыккуля. – / Археологические памятники Прииссыккуля. – Фрунзе, 1975. – С. 100.

³ Начальник экспедиции В.М. Плоских, начальник отряда Б.А. Дуйшеев. Группой аквалангистов Московского института стали и сплавов, возглавляемой мастером спорта С.С. Прапором, руководил В.П. Мокрынин.

залива в районе мыса Камышаный в 2,5–3 км севернее с. Песчаное. Внешние признаки поселения в настоящее время полностью уничтожены чередующимися, циклами регрессии и трансгрессии озера. Побережье (бывшее дно озера) представляет собой илисто-песчаную равнину, покрытую низкорослой верблюжьей пустышкой красноватого цвета. С севера к ней примыкает широкая отмель, на которой со спадом воды образуются небольшие вязкие острова. Отмель шириной в 3–3,5 км тянется на 1–1,5 км к северу от современной кромки озера. Дно ее покрыто толстым слоем ила. Вся площадь отмели и часть современного побережья усеяны большим количеством фрагментов керамики. Весь комплекс керамики выполнен техникой ручной лепки. Он содержит богатый ассортимент типов кухонной, столовой и тарной посуды. Керамика в своей массе мелкофрагментарна, что не позволяет выявить все употреблявшиеся формы. С достаточной определенностью можно выделить лишь следующие.

Котлы по форме венчика представлены двумя типами: с прямым округлым венчиком и сферическим туловом; с отогнутым венчиком, скошенным внутрь, и шаровидным туловом. На плечиках у него прикреплены ручки-ушки полукруглой формы. Изделия оранжевого цвета, без ангоба.

Горшки с незначительно отогнутым венчиком, невысокой шейкой и выпуклым туловом. Один из сосудов плоскодонный, другой – с уплощенным дном и следом ручки (верхняя часть его обломана). Изделия оранжевого цвета, один из сосудов со следами нагара.

Кувшины: 1-й тип – венчик незначительно отогнут наружу, шейка плавно переходит в расширенные плечики; 2-й тип край венчика прямой, горловина высокая, тулово округлое.

Кубки: 1-й тип – высокие с прямой закраиной, стенки к середине сосуда постепенно сужаются, а к дну расширяются. Дно уплощенное, сосуд покрыт красной росписью; 2-й тип – низкие, диаметр тулова равен высоте сосуда. Один из сосудов с незначительно отогнутым наружу венчиком, выпуклым туловом и уплощенным дном. У другого – венчик срезан внутрь, округлое тулово и плоское дно.

Баночный сосуд с прямым краем, прямыми, незначительно расширенными к дну стенками. Дно плоское, на тулове – остатки петлевидной ручки. Сосуд снаружи красноангобирован.

Кружки: 1-й тип – с утонченным венчиком, скошенным наружу, и прямыми стенками; 2-й тип – с прямым, скошенным наружу венчиком и слегка выпуклым туловом, сужающимся к дну. Все найденные кружки с вертикальными петлевидными ручками, которые крепились к тулову или венчику сосуда.

Встречены фрагменты сосудов со сливом, расположенным на плечиках. Все сосуды широкогорлые (диаметр венчика 20–32 см). У них прямой или незначительно отогнутый венчик и расширенное тулово.

Чаши довольно многочисленны и представлены двумя типами: 1-й тип – с полусферическим туловом и уплощенным дном; 2-й тип – шаровидной формы. Все сосуды с прямым краем, иногда незначительно скошенным наружу. У одной чаши в верхней части прикреплена полуовальная ручка прямоугольного сечения. Они различных размеров.

Значительную часть изделий представляют большие толстостенные сосуды (толщина стенок 1,3 – 2 см). Сосуды бочонковидной формы со слегка расширенным или цилиндрическим туловом, прямым венчиком. Многие в верхней части тулова имеют петлевидные вертикальные ручки или массивные ручки-выступы круглого или овального сечения. Все изделия широкогорлые (диаметр венчика 25–62 см). По всей видимости, сосуды круглодонные, так как собрано значительное количество фрагментов толстостенных округлых днищ. Они грубой выделки, с большим количеством крупнозернистого песка в глиняной массе. Скорее, всего, это были тарные сосуды

больших объемов. В целом приведенные типы керамики датируются второй половиной I тыс. до н. э.

На дне отмели собрана коллекция каменных зернотерок – свыше 30 экземпляров, три цилиндрических молотильных катка, около десятка каменных шаров неизвестного назначения.

В настоящее время известно три предмета из бронзы, найденных на поселении¹.

Кинжал, рукоять с продольными ребрами, брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием. Клинок прямой, с продольным ребром, ромбовидный в сечении. Длина 26,5 см. Ширина рукоятки 2,2–2,7 см, клинка – 2,5 см, перекрестия – 7,5 см (рис. 1, 6). Датируется VI–III вв. до н. э.²

Навершие булавы полушаровидной формы, с отверстием посередине. На внешней стороне рельефная фигура свернувшегося тигра или пантеры с оскаленной пастью, подмявшего под себя двух сайгаков (видны только головы последних). Высота 4 см, диаметр 7 см (рис. 1, 10). Датируется VI–V вв. до н. э.³

Котел полусферический, с отогнутой закраиной, на коническом поддоне, с двумя горизонтальными петлевидными ручками. На тулове тамга (знак мастера?) в виде двух сомкнутых полуovalов. Высота 56,8 см, ширина устья 56 см (рис. 1, 55). Котлы такого типа датируются второй половиной I тыс. до н. э.⁴

Полученные материалы свидетельствуют, что под волнами Тюпского залива расположены остатки крупного по площади поселения, возникшего в VI–V вв. до н. э. и просуществовавшего вплоть до I в. н. э., то есть до времени максимальной трансгрессии озера Иссык-Куль.

Наскальные изображения (петроглифы) составляют едва ли не самую многочисленную и наименее изученную группу археологических памятников Прииссыккуля. Они выбиты на валунах и скалах, покрытых коркой черного «пустынного загара», и расположены в прибрежной и предгорной частях котловины, в ущельях, урочищах межгорных долин, на перевалах. Большая часть рисунков выполнена точечной техникой тремя стилистическими приемами: теневым, скелетным и контурным. Петроглифы времени древних кочевников выделяются по сходству с предметами скифо-сибирского звериного стиля, найденными в датированных курганах. На скалах изображали в основном горных козлов и архаров, реже – оленей, хищников, лошадей, верблюдов, людей. Встречаются сцены конной, пешей и загонной охоты. Отмечены рисунки солнца в виде козла, оленя, человека. Наскальные рисунки времени древних кочевников отличаются высокой техникой исполнения и реалистичностью изображения⁵.

Клады и случайные находки. На территории Киргизии найдено шесть крупных кладов, относящихся ко времени древних кочевников. Все они обнаружены в Прииссыккулье, выполнены из бронзы.

Тюпский клад. Состоит из набора бронзовых деталей узды, включающего удила, псалии, ворворки, пряжку, тройники. Последние украшены изображениями травоядных. Выделяются круглые бронзовые бляхи с отверстиями в центре. На них изображены барельефные фигуры бегущих по кругу антилоп и хищников. Клад найден в начале 80-х годов XIX в. в районе Тюпского залива⁶. Хранится в Государственном историческом музее (г. Москва) (рис. 1, 64–67).

¹ По словам охотоведа Г.И. Журавлева, здесь в разное время были найдены ныне утраченные бронзовые кинжал, наконечник копья, несколько наконечников стрел, серповидный предмет. Он же передал В.М. Плоских бронзовый котел.

² Памятники культуры и искусства Киргизии. Каталог выставки. – Л., 1983, № 42.

³ Там же, № 44.

⁴ Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки... – С. 43–47, рис. 21.

⁵ Винник Д.Ф. Памятники древних кочевников, рис. на с. 32; Винник Д.Ф., Помаскина Г.А. К вопросу о датировке... – С. 87–101.

⁶ Бернштам А.Н. Основные этапы культуры Семиречья и Тянь-Шаня. – СА XI, 1949. – С. 355, рис. 4.

Клад имеет большое научное значение как пока единственный в Киргизии комплекс раннесакского времени (VII–VI вв.).

Кырчинский клад. Состоит из двух котлов, двух светильников (курильниц), украшенных скульптурными фигурками животных, двух столов на четырех ножках. На одном из них по углам бортика были расположены четыре фигуры лежащих яков (зебу). Сохранилась лишь одна из них. Клад найден в 1937 г. на глубине 1,5–2 м при строительных работах в месте впадения р. Кок-Добе в р. Малая Аксу (местность Кырчин, в 4 км севернее с. Семеновского). В науке клад известен под названием «Иссык-Кульские жертвенники», отнесен к V–III вв. до н.э.¹, хранится в Государственном Эрмитаже (рис. 1, 16, 24, 40, 41).

Каменский клад. Состоит из 8 предметов: 4 двусоставных удил, наконечник копья, втульчатый долотовидный инструмент с ушком, диск зеркала, обломок кинжала с бабочковидным перекрестием (рис. 1, 14, 15, 23, 38, 39, 51, 52). Клад был найден в 1954 г. на дне озера Иссык-Куль южнее с. Каменка (ныне с. Джаркинбаево). По предположению Л. Р. Кызласова, клад находился в бронзовом котле, который подняли со дна озера в 1959 г. Датируется V в. до н.э.²

Барскоунский клад. Содержит около 120 штампованных бляшек, обрезков листового металла, обломков чаш и других изделий. Бляшки представлены изображениями тигра, волка, вепря, а также формами, изображающими различные мотивы геометрического и растительного характера (рис. 1, 42–49). Найден школьниками в 1968 г. на небольшой глубине в насыпи кургана, расположенного к востоку от с. Барскоун. Представляет собой типичный клад ремесленника, производившего нашивные украшения для одежды, характерные для саков Семиречья конца VI – начала III в. до н.э. Ближайшей аналогией им являются материалы кургана Иссык³. Клад хранится в фондах Института истории АН Киргизской ССР.

*Второй Каракольский клад*⁴ состоял из пяти кинжалов с вытянуто-листовидными клинками с ребром посередине. Рукоять двух типов: желобчатая сплошная, овальная в сечении, полая, с горизонтальными валиками. Во всех случаях рукояти венчали фигурки лошади и горного барана (две фигурки утрачены). Найден Д. Ф. Винником в 1976 г. близ с. Каракол (рис. 1, 1, 2, 3, 4, 5). Датируется началом I тыс до н.э. – VI в. до н.э.⁵ На наш взгляд, судя по форме клинка и развитым типам рукояти, кинжалы клада близки (непосредственно предшествуют?) аржанскому этапу раннесакского времени (VIII – VII вв.)⁶.

В кургане Аржан представлены кинжалы и с вытянуто-листовидным клинком, и с зооморфным навершием⁷.

Клад хранится в республиканском историческом музее.

Чильпекский клад представляет собой жертвенный комплекс. Состоял из массивного стола с приподнятыми бортиками, ножками которого служили женские скульптурные фигурки в позе кариатид, и трех обломков котла. На одном из них по венчику были расположены фигурки лежащих зебувидных животных. В состав клада входила и коленчатая ножка от котла, украшенная двумя концентрическими полуovalами.

¹ Зима Б.М. Иссык-Кульские жертвенники... – С. 11-19; Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки... – С. 41-43; Памятники культуры и искусства Киргизии. №№ 20-26.

² Кызласов Л.Р. Сакская коллекция с Иссык-Куля... – С. 102-105; Винник Д.Ф. Работы Иссык-Кульского археологического отряда в 1959 г., г. 92, рис. 4.

³ Мокрынин В.П. О чем рассказал погибший курган... – С. 30-33; Плоских В.М. Иссык-Куль: путешествие в историю... – С. 36-38.

⁴ Первый Каракольский клад был приобретен проф. Н.В. Соколовым в 1884 г. Он относится к эпохе поздней бронзы. См.: Кузьмина Е.Е. Клад эпохи бронзы из Каракола. – КСИА, 1968, 114.

⁵ Винник Д.Ф., Кузьмина Е.Е. Второй Каракольский клад Киргизии. – КСИА, № 167. – С. 51-52.

⁶ Грязнов М.П. Царский курган раннескифского времени. – Л., 1980. – С. 50-61.

⁷ Там же. – С. 22, рис. II, 1-4.

Найден в 1976 г. школьниками близ с. Чильпек¹. Клад, если принять во внимание, что поза женщин могла быть навеяна искусством Греко-Бактрии, можно датировать не ранее конца IV–III вв. до н. э. (рис. 1, 54, 55).

Клад хранится в республиканском музее. Коленчатая ножка от котла осталась в Пржевальском городском краеведческом музее, куда школьники первоначально доставили весь комплекс.

В последние годы на побережье и на дне озера Иссык-Куль найдено много бронзовых предметов вооружения и быта древних кочевников, еще не опубликованных. Часть из них хранится в Пржевальском и Чолпон-Атинском городских краеведческих музеях, другая собрана авторами этой статьи и передана в фонды Института истории АН Киргизской ССР.

Кинжал бронзовый, цельнолитой, отлит в двусоставной литейной форме, следы швов тщательно затерты. Сохранность хорошая. Бронза золотистая. Длина кинжала 27 см, лезвия – 16,6 см, рукояти – 9 см; лезвие разломано пополам, в сечении ромбическое ассиметричное; на ной стороне подчеркнуто ребро, идущее по всему клинку, на другой сглажено. Перекрестие бабочковидное, толщиной 0,7 см, сужающееся к концам, ширина гарды 5,5 см. Рукоять в сечении прямоугольная, размером сечения 1,5х0,6 см. Вдоль рукояти с обеих сторон идут два параллельных желобка, отлитых в форме. Навершие рукояти формы, переходной от брусковидной к антенновидной. Ширина 3,8 см, переход рукояти оформлен утолщенной прямоугольной рамкой. Найден севернее с. Джаркинбаево, у Каменского городища (рис. 2, 4). Хранится в фондах Института истории АН Киргизской ССР.

Рукоять кинжала бронзовая, массивная, цельнолитая в двустворчатой литейной матрице. Следы швов видны на боковых гранях, особенно с навершием. Сохранность хорошая, бронза золотистая. Длина фрагмента 11,5 см, рукояти – 11 см, фрагмента лезвия – 1,5 см. Лезвие шириной 2 см, в сечении прямоугольное с подчеркнутым продольным ребром, не откованное и не заточенное, что позволяет предполагать литейный брак или полуфабрикат. Конец облома лезвия погнут. Перекрестие бабочковидное, ширина гарды 5,6 см. Рукоять в сечении овальная, вдоль нее проходят с обеих сторон два параллельных широких желобка, отлитых в форме. Навершие брусковидное, в сечении почти квадратное, переход к рукояти оформлен утолщенной прямоугольной рамкой (рис. 2, 5).

Фрагмент кинжала бронзового цельнолитого, отлитого в двустворчатой матрице. Следы литейных швов тщательно затерты и видны только на нижней части гарды со стороны лезвия. Сохранность хорошая, бронза золотистая. Длина 16,5 см, обломка лезвия – 5 см, рукояти – 11 см. Лезвие в сечении ромбовидное, хорошо заточенное, сужающееся к острию. Перекрестие бабочковидное, толщиной 0,8 см, сужающееся к концам, частично обломано. Ширина гарды, реконструируемая по сохранившейся части, 6 см. Рукоять в сечении овальная, размер сечения 2Х0,6 см. Вдоль рукояти с обеих сторон идут два параллельных желобка, отлитых в форме. Навершие фигурное, шириной 4,5 см. Фигурное навершие представляет собой две стилизованные противолежащие головки горных козлов, изображенные в зеркальной симметрии. Глаза трактованы в виде кружков, рога загнуты и соединены, образуют два кольца (рис. 2, 6). Судя по смазанности деталей изображений и затекам бронзы на мордах козлов, можно полагать, что навершие отлито по оттистку в мягкой форме и дополнительно проработано².

Сосуд бронзовый, изготовленный в сложносоставной литейной форме, следы швов видны на уплощенном дне с незначительно выступающим поддоном, сделанным при отливке. Второй шов виден под носиком и идет вертикально к дну. Венчик с закраиной изнутри, носик трубчатый. На боковине сосуда отверстие с рваными краями, возможно,

¹ Винник Д.Ф., Лесниченко Н.С., Санаров А.В. Новый жертвенный комплекс Иссык-Куля... – С. 582-583; Плоских В.М. Иссык-Куль: путешествие в историю... – С. 38-39.

² Е.Е. Кузьмина устно высказала мнение, что навершие этого кинжала оформлено в виде орлиноголовых грифонов.

образовавшееся на месте выступавшей ручки. Сосуд представляет собой редкую имитацию керамической формы в бронзе.

Оба описанные фрагменты кинжалов и сосуд со сливом были подняты со дна озера Иссык-Куль в районе с. Дархан. Они аналогичны находкам в Прииссыккулье, Кетмень-Тюбе, Семиречье, Туве. Датируются в пределах VI III вв. до н. э.¹ Хранятся в фондах Института истории АН Киргизской ССР.

Удила со стремечковидным концом. Бронза красноватая, покрыта зеленой патиной. Стержни прямые, в сечении круглые, оба кольца круглы. Отлиты в сложносоставной форме, сохранность удовлетворительная. Стремечко с дополнительным отверстием, что составляет отличительную особенность удил Аржана и других алтайских курганов и позволяет включить Семиречье в этот ареал (рис. 2, 7).

Найдены на дне озера в 100–120 м от северного берега Тюпского залива, южнее колхоза им. Фрунзе. Датируется VIII–VI вв. до н. э.² Хранится в фондах Института истории АН Киргизской ССР.

Наконечник копья, бронзовый, литой. Перо листовидное, остро отточено, с резко выделенным продольным ребром, длина 16 см, ширина 4 см. Втулка конусовидная, круглая в сечении, с отверстием для крепления к древку, длина 9 см, ширина 4 см (рис. 2, 3). Подобные наконечники известны по находкам на Иссык-Куле и в Семиречье в комплексе с другими предметами. Датируются VIII вв. до н. э.³ Наконечник найден в окрестностях г. Пржевальска и передан в городской музей П. И. Ливотовым в 1960 г.

Топор-тесло, бронзовый, литой. Обуховая часть представляет собой широкое тупое тесло. У круглого проуха топор расширяется и затем, сужаясь, переходит в узкий массивный клин с полукруглым лезвием, слегка оттянутым вниз. Длина топора 11 см, ширина у проуха 5 см, диаметр проуха 2,5 см, высота лезвия 4 см. Найден в с. Ново-Константиновка Ак-Суйского района близ моста на р. Чон-Джергес в 1979 г. Хранится в Пржевальском краеведческом музее (рис. 2, 2).

Подобные топоры были широко распространены в Иране, на Кавказе, в Подунавье и в Эгейском мире в IV–II тыс. до н. э. В Средней Азии известны лишь две находки топоров-тесел. Оба происходят из горного Таджикистана⁴.

Топор клиновидный, бронзовый, литой. Обух округлый, проух овальный, заполненный металлом, лезвие полукруглое, оттянутое вниз. Длина 11 см, ширина лезвия 7,2 см, ширина у проуха 3 см, проух 4,7X1 см. Топор деформирован, овальный проух залит бронзой. Изделие является производственным браком, что надежно документирует его местную отливку (рис. 2, 1). Найден в окрестностях г. Пржевальска, хранится там же в краеведческом музее. Отдаленные аналогии этому топору в Средней Азии можно видеть в находках из Таджикистана. Основной ареал распространения топоров такого, типа – Иран, Месопотамия, Кавказ, Греция, где они существовали в конце III – начале II тыс. до н. э.⁵

Таким образом, в Средней Азии известно шесть экземпляров топоров архаичной формы. Все они были найдены в горных восточных районах и отсутствуют в культурно развитых оазисах. Этот факт, на наш взгляд, исключает прямые контакты горной Средней Азии со столь отдаленными регионами, как Месопотамия и Кавказ. Не исключено, что формы среднеазиатских топоров возникли самостоятельно, вне связи с западными цивилизациями. Тогда и хронология их может быть иной. Следует отметить, что иссык-

¹ Ср.: Памятники культуры и искусства Киргизии... – С. 28, 41, 58, 42; *Кызласов Л.Р.* Сакская коллекция..., рис. 2, I; *Акишев К.А.* Саки азиатские и скифы европейские /Общее и особенное в культуре/. – / В кн.: Археологические исследования в Казахстане. – Алма-Ата, 1973, табл. I; *Грач А.Д.* Древние кочевники в центре Азии. – М., 1980. – С. 108-109, рис. 30-31.

² См.: *Грязнов М.П.* Аржан... – С. 42, рис. 28; *Акишев К. А.* Саки азиатские..., табл., I.

³ *Акишев К.А., Кушаев Г.А.* Древняя культура саков и усуней долины р. Или. – Алма-Ата, 1963. – С. 52.

⁴ *Кузьмина Е.Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. – САИ, вып. В 4-9. – М., 1966. – С. 14-16, табл. 1, 7, 8.

⁵ *Кузьмина Е.Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. – С. 8-9, табл. 1, 1, 2.

кульские топор-тесло и клиновидный топор не имеют аналогий в металле поздней, бронзы и ранних кочевников¹.

Кружка со сливом на коническом поддоне. Литая. Носик слива и две боковые ручки, прикрепленные к тулову, выполнены в виде голов вепря с двумя парами клыков. Ручка петлеобразная, вертикальная, напоминает змею с неясным изображением в месте крепления ручки к тулову. Ширина сосуда (включая носик и ручку) 18 см, высота 12 см, ширина устья 10,5 см, ширина поддона 9,5 см (рис. 3). Найдена в 1980 г. на поле колхоза «Дружба» Джеты-Огузского района А. Ф. Балыбиным и передана в Пржевальский городской краеведческий музей.

Аналогий джеты-огузской кружке нет. Кабаны с двумя клыками известны по изображениям на бляшках из Барскоунского клада, что позволяет предварительно отнести это уникальное высокохудожественное произведение к IV–III вв. до н. э.

В Пржевальском городском краеведческом музее имеется коллекция из четырех бронзовых котлов различных размеров, найденных как в самом городе, так и в его окрестностях. Все они полусферические на коническом поддоне с двумя боковыми ручками. В одном из них, найденном в 1985 г. на дне озера Иссык-Куль в районе с. Долинка, сохранились остатки литейного производства в виде бронзовых конусов, заполнявших входные отверстия форм (рис. 4). Котел того же типа хранится в музее г. Чолпон-Ата. Все котлы относятся ко времени древних кочевников².

Таким образом, почти за 150 лет археологического изучения Прииссыккуля, проводившегося эпизодически и не всегда на должном методическом уровне, собран значительный и разнообразный материал, характеризующий эпоху древних кочевников. Лишь часть этих материалов введена в научный оборот и использована при написании обобщающих работ³. Еще не создано монографическое исследование, в котором были бы решены или поставлены актуальные вопросы археологии Киргизии I тыс. до н. э. До сих пор не разработаны типологические ряды и хронология эпохи. Нет определенности в обозначении временной границы древнейших памятников саков в связи с раскопками ключевого памятника начального этапа культуры саков – кургана Аржан. А вместе с тем неясны вопросы происхождения культуры саков и ее связей с предшествующим этапом – эпохой поздней бронзы. Еще хуже обстоит дело с заключительными этапами времени древних кочевников – выделением усуньских археологических комплексов. По сути дела памятники II в. до н. э. – I – III вв. н. э. нам неизвестны.

Определяющую роль в решении этногенетических процессов играет антропология. Только широкие антропологические исследования могут подтвердить или опровергнуть гипотезу о ранней монголизации Семиречья. Для этого требуется большая серия сакских черепов, точно датированных археологическими материалами. Такую серию о Прииссыккуле еще предстоит собрать.

Открытие поселения сакского времени на Иссык-Куле в корне меняет наши представления о хозяйственном типе, экономическом базисе, образе жизни и культуре саков региона. Необходимы детальное изучение открытого, поиски новых поселений, которые будут более доступны для археологических раскопок. Архитектура, площадь жилых помещений, их оформление дадут важные дополнительные материалы для хозяйственных, социологических и демографических исследований.

Появились новые материалы, позволяющие характеризовать металлопроизводство и металлообработку в I тыс. до н. э., выделить бесспорно местные ремесленные изделия.

До сих пор не решены вопросы, связанные с процессом освоения и характером эксплуатации древними кочевниками высокогорных пастбищ и горнорудных богатств

¹ Ср.: Литвинский Б.А. Древние кочевники «крыши мира». – М., 1972. – С. 120-126, рис. 43; Акишев К.А. Саки азиатские... – табл. 1.

² Спасская Е.Ю. Медные котлы ранних кочевников Казахстана и Киргизии. УЗКП, т. XI. – Алма-Ата, 1956, табл. 1, рис. 1, 10.

³ История Киргизской ССР, т. I. – Фрунзе, 1984. – С. 141-165.

Тянь-Шаня. Эти проблемы предполагается широко исследовать на примере бассейна р. Сары-Джаз с его богатыми летними пастбищами и залежами оловянной руды. Масштабы и место научных изысканий определяются тем обстоятельством, что в этом районе Прииссыккулья будут развернуты основные строительные работы, связанные с созданием Иссыккульско-Чуйского территориально-производственного комплекса.

Эти и другие проблемы будут положены в основу дальнейшего широкого изучения общества древних кочевников, знаменующего собой переходной период от первобытнообщинной к классовой общественно-экономической формации.

СИРИЙСКИЕ И АРМЯНСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Утрата сирийцами государственности в III в. привела к тому, что народы Сирии оказались разделенными на две части: одна входила в Восточно-Римскую империю, другая в состав Сасанидского Ирана. Территория Сирии не раз была ареной ожесточенных войн между двумя империями. Первые три четверти 1-го тысячелетия сирийцы вели активную международную торговлю и были связаны экономическими отношениями с отдаленными регионами, в том числе и со Средней Азией. Культурное влияние сирийцев на народы этих регионов было очень плодотворным. Через Иран в Согд проникает сирийский алфавит, который лег в основу согдийской, а затем и древнетюркской рунической письменности¹. Начиная с VII в. в Киргизию проникают общины сирийских христиан (несториан), памятники которых обнаружены в Чуйской долине (церковь на городище Ак-Бешим близ г. Токмак, погребения на Краснореченском городище в Иссык-Атинском районе)². Намогильные надписи сирийскими графемами были найдены близ г. Бишкек, на Краснореченском городище, близ Токмака, на Иссык-Куле³. В XII в. в Семиречье было столь сильное влияние христиан несторианского толка, что была учреждена митрополия Кашгара и Навеката⁴. К сожалению, эти события не были отражены сирийскими историками, в основном христианами – монофизитами по своим религиозным убеждениям и, следовательно, идейными противниками несториан. Сведения о народах Средней Азии, в том числе и Киргизии, оказались в поле зрения сирийских историков в связи с тем, что, начиная с V в. на границах Ирана и Византии появились кочевые племена, которые угрожали и провинциям Сирии.

Одним из первых исследователей сирийских источников в России был А. П. Дьяконов⁵. Первые переводы на русский язык отдельных сирийских авторов были осуществлены выдающимся советским ориенталистом Н.В. Пигулевской⁶. Она же широко использовала сведения сирийских источников при написании своих монографических исследований⁷.

Синологические исследования успешно продолжает ученик Н. В. Пигулевской Р. А. Гусейнов⁸.

В сирийских источниках немало сведений по истории народов, населявших Среднюю Азию, в том числе и Киргизию, в предтюркское время. Эти источники, касающиеся хионитов, кидаритов, эфталитов и поздних кушан, уже были предметом специального исследования. Они широко использованы при написании обобщающих

¹ Лившиц В.А. О происхождении древнетюркской рунической письменности // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. – Алма-Ата, 1980.

² Кызласов Л.Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг. // ТКАЭЭ. – Т. 2; История Киргизской ССР. – Т. 1. – Фрунзе, 1984. – С. 373; Горячева В.Д. Город Золотого верблюда (Краснореченское городище). – Фрунзе: Илим, 1988. – С. 62–75.

³ Подробнее см.: Джумагулов Ч. Язык сиро-тюркских (несторианских) памятников Киргизии. – Фрунзе, 1971.

⁴ Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в до монгольский период (По поводу Семиреченских надписей) // Соч. – Т. 2. – Ч. 2. – М., 1964. – С. 287, 294.

⁵ Дьяконов А.Л. Иоанн Ефесский и его церковно-исторические труды. – СПб., 1908; Он же. Кир Батнский. Сирийский церковный историк. – СПб., 1912.

⁶ Пигулевская К (В.) Сирийские источники по истории народов СССР. – М.-Л., 1941.

⁷ Пигулевская Н.В. Месопотамия на рубеже V и VI вв. (Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник). – Л., 1940; Она же. Византия и Иран на рубеже VI и VII вв. – М. – Л., 1946; Она же. Византия на путях в Индию. – М.-Л., 1951; Она же. Города Ирана в раннем средневековье. – М. –Л., 1956.

⁸ Гусейнов Р. (А.). Сирийские источники XII–XIII вв. об Азербайджане. – Баку, 1960.

работ по истории Средней Азии¹. Основное внимание мы сосредоточим на анализе трудов средневековых сирийских источников, переведенных на русский язык Н. В. Пигулевской и Р. А. Гусейновым.

Иоанн Ефесский (около 507–586 гг.). «История». Иоанн Ефесский родился в Сирии близ г. Амида. С четырехлетнего возраста воспитывался в монастыре. Со временем стал миссионером, инквизитором, епископом провинции Ассирии. Являясь одним из лидеров монофизитской церкви, занимал высокое положение при византийском дворе, был богат, вершил судьбы многих людей, но и сам не избег ее превратностей. Епископ Иоанн умер в темнице, потеряв все богатства и власть².

Литературное наследство Иоанна Ефесского обширно. Оно свидетельствует о начитанности автора в греческой и сирийской историографии, о прекрасной ориентации в событиях, современником которых он был. Наиболее известен труд Иоанна «История», которая дошла до нас лишь частично. Первые две компилятивные части «Истории», начинающейся со времен Юлия Цезаря, утрачены. Третья, сохранившаяся часть, охватывает период от 571 до 585 г. В «Истории» уделяется большое внимание сложным взаимоотношениям Византии и Ирана, при изложении которых Иоанн Ефесский продемонстрировал свою прогреческую ориентацию и клерикально-монофизитскую тенденциозность.

На русский язык «История» Иоанна Ефесского была переведена Н.В. Пигулевской. Перевод снабжен краткой биографией автора и историографическим обзором его трудов³.

Для истории Киргизии важны те фрагменты «Истории», в которых упомянуты западные тюрки, в частности, рассказ двадцать третий о посольстве византийского императора Юстина II к тюркскому кагану Истеми. По мнению Н. В. Пигулевской, Иоанн Ефесский мог лично слышать этот рассказ непосредственно от участников посольства к тюркам, что придает ему особый интерес, к тому же он несколько отличается от пространного повествования Менандра о том же посольстве⁴.

Если Менандр считает годом отбытия послов из Константинополя к тюркам конец «четвертого года» царствования Юстина II, то есть 568 год, то Иоанн Ефесский – «седьмой год» царствования того же императора, который выпадает на 571 год⁵. На наш взгляд, это расхождение в хронологии можно объяснить тем, что Иоанн Ефесский перепутал дату возвращения посольства с датой его отбытия. Автор отмечает, что сам слушал рассказы послов о тюрках при дворе императора, на что обратила внимание Н. В. Пигулевская. Это не могло произойти позже начала 571 г., так как именно в 571 г. Иоанн Ефесский был сослан и больше не возвращался в Константинополь⁶. В научной литературе дата отправления посольства Юстина II к тюркскому кагану Истеми, приведенная Менандром, не подвергается сомнению, она полностью соответствует действительности⁷. Однако Менандр не указал ни времени нахождения посольства в пути, ни дату прибытия в ставку кагана Истеми Ак-даг, ни дату возвращения в Константинополь. На наш взгляд, этот пробел восполняет Иоанн Ефесский, который отметил, что «посол (Земарх. – В.М.)... достиг их (тюрков. – В.М.) земель через целый год»⁸. Маршрут посольства – Константинополь, Трапезунд, кавказские ущелья, Северный

¹ Пигулевская Н. (В.) Среднеазиатские и прикаспийские области в V–VI вв. // Сирийские источники... – С. 29-79; Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. – М., 1972; История Киргизской ССР. – Т. 1. – Фрунзе, 1984.

² Подробные биографические сведения об Иоанне Ефесском / Дьяконов А.П. Иоанн Ефесский и его церковно-исторические труды. – СПб., 1908.

³ Пигулевская Н. (В.) Сирийские источники... – С. 15-28, 109-147.

⁴ Там же. – С. 77. (О труде Менандра см. с. 147-151 настоящего издания).

⁵ Юстин II стал императором в 565 г.

⁶ Пигулевская Н. (В.) Сирийские источники... – С. 19.

⁷ Пигулевская Н.В. Византия на путях в Индию. – М.-Л., 1951. – С. 202-207; Артамонов М.И. История хазар. – Л., 1962. – С. 135; Гумилев Л.И. Древние тюрки. – М., 1967 – С. 46.

⁸ История Иоанна Ефесского // Пигулевская Н. (В.) Сирийские источники... – С. 138.

Прикаспий, Хорезм, Таласская и Чуйская долины, ставка Ак-даг – вполне соответствует году пути посольского каравана¹. Следовательно, посольство Земарха, отправившись в путь в августе 568 г., прибыло в ставку Истеми не раньше августа 569 г. При его дворе греческие послы находились до 570 г., когда Истеми пошел в поход на Иран, значит, возвратились в Константинополь они не ранее начала 571 г., пробыв в пути два с лишним года. Такая реконструкция хронологии соответствует сообщению Иоанна Ефесского, что «ромейские послы возвратились через два года»².

Если Менандр отметил, что каганат тюрок делится на четыре части с верховной властью Дизабула (Истеми), то Иоанн Ефесский пишет, что посольство прибыло к одному из царей тюрок, у которых «есть дальше в глубине (страны) другие великие восемь царей»³. Тюркский каганат во времена Земарха действительно делился на четыре больших удела. Однако в 572 г. Тобо-хан разделил государство на восемь частей, чего не могли знать, а, следовательно, сообщить, ни сам Земарх, ни члены его дипломатической миссии⁴. Очевидно, есть основание полагать, что при написании рассказа двадцать третьего своей «Истории» о посольстве Юстина II к тюркам Иоанн Ефесский пользовался и более поздними источниками, чем отчет посольства Земарха.

Далее автор повествует о горьком плаче Истеми-кагана при известии о прибытии греческих послов в его владения и при личной встрече с ними. Сам Истеми так объяснил свои слезы: «От давних времен и поколений мы получили такое предание: когда вы увидите в этих областях послов из ромейских пределов, то поистине вы будете знать, что вся вселенная прошла и кончилась и что все царства погибли, а все люди в эти времена тотчас уничтожат друг друга. Ныне, когда я увидел вас, я вспомнил это и потому стал горевать и плакать»⁵.

Этот сюжет отсутствует у Менандра. Судя по тому, что Иоанн Ефесский предваряет рассказ словами «как сообщает этот посол», то есть Земарх, или «как сообщали другие» члены посольства, источником сюжета о горьком плаче Истеми-кагана были непосредственные очевидцы. Об этом же свидетельствует и форма передачи рассказа от первого лица множественного числа: «мы упали перед ним (каганом. – В.М.) ниц», «мы спрашиваем тебя, царь», «мы много говорили в его (кагана. – В.М.) присутствии» и др.⁶. Отрывок интересен и тем, что фиксирует древнетюркское представление о конце вселенной не как божий промысел, а как деяния людей, разрушающих царства и истребляющих друг друга.

Менандр упоминает о встрече византийской и иранской дипломатических миссий в ставке кагана близ Таласа, где иранский посол вел себя дерзко и спорил с каганом, но умолчал о предмете спора, который раскрывает сирийский источник. Персы, не желая допустить тюрко-византийского союза, направленного против Ирана, пытались дискредитировать Византию в глазах кагана утверждением, что «ромейский император – наш раб и как раб платит дань»⁷. Поводом для столь неверного утверждения персов послужили те дотации, которыми Константинополь частично оплачивал охрану иранскими войсками границы против северных кочевников, нашествия которых были пагубны как для греческих, так и для иранских провинций. Земарх парировал это обвинение тем, что поведал о многих успешных походах византийских полководцев на Иран, и о том, что персы до сих пор оказывают почести статуе императора Траяна,

¹ Новые сведения о маршруте Земарха / *Мокрынин В.П.* Византийский историк о согдийцах в Семиречье // Из истории дореволюционного Киргизстана. – Фрунзе, 1985. – С. 170-180.

² История Иоанна Ефесского. – С. 139.

³ История Иоанна Ефесского. – С. 138.

⁴ *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. – С. 58.

⁵ История Иоанна Ефесского. – С. 138.

⁶ Там же.

⁷ Там же. – С. 139.

воздвигнутой на их земле. Исторический аргумент, подкрепленный богатыми дарами, решил спор в пользу Земарха.

Определенный интерес вызывает и рассказ седьмой «Истории» Иоанна Ефесского, который позволяет лучше понять тюрко-иранские отношения после нападения Истемикагана на Иран в 570 г. По миру, заключенному в 571 г., соперники разделили эфталитское наследство. Мирные отношения продолжались и позже. Так как Истеми больше не угрожал Ирану с востока, персы перебросили свои войска в Месопотамию и нанесли Византии ряд поражений¹. В частности, в 573 г., был взят крупный торговый и хорошо укрепленный город Дара, о чем красочно поведал Иоанн Ефесский в рассказе пятом своей «Истории». В рассказе седьмом он же повествует о том, как шах Хосров Ануширван «приказал отобрать из пленных (города Дара. – В.М.) две тысячи дев, совершенных фигурой и красотой... украсить роскошными одеждами, удивительными подарками, золотом, серебром, драгоценными камнями, жемчугом и послать их в дар варварам, живущим за его землей, называемым тюрками, чтобы им угодить, их успокоить и подкупить их»². Далее монофизитский епископ Иоанн с одобрением и сочувствием описывает гибель всех пленниц в пограничной с тюрками реке (Амударье?), которые как истинные христианки предпочли смерть жизни среди варваров.

Рассказ седьмой убедительно свидетельствует в пользу того, что Хосров Ануширван дорожил миром 571 г. с каганом Истеми, стараясь поддерживать с ним дружеские отношения, стремясь «угодить», «успокоить» и "подкупить" тюрков. Факт очень важный, проливающий новый свет на туманные условия мира между Ираном и Тюркским каганатом.

В исторической литературе принято считать, что тюрко-иранский мир 571 г. был выгоден только Хосрову и был неудачен для Истеми, который якобы испугался войны с Ираном один на один и отступил от джурджанских укреплений³. Однако есть сведения, что военные действия тюрков были более успешными, а условия мира – гораздо почетнее. Византийский историк Феофилакс Симокатта (конец VI – начало VII в.), описывая поражение тюрков под Гератом в войне против Ирана в 588 г., попутно отметил большую победу тюрков в предыдущей войне: «гунны (тюрки. – В.М.) были обложены данью со стороны вавилонян (персов. – В.М.), тогда как прежде эти же гунны заставили мидян (персов. – В.М.) заплатить им под предлогом сохранения спокойствия сорок тысяч золотых. Когда, таким образом, правительство тюрков обогатилось золотом персов, все это племя предалось великой роскоши: они выковывали и чеканили себе золоченые ложа, столы, кубки, кресла и подставки, делали из золота конские украшения и полное вооружение себе и все то, что приходит на ум в опьянении богатством»⁴. Сведения Феофилакта о выплате тюркам дани Ираном подтверждает и византийский историк Феофан, правда, речь у него идет о четырехстах тысячах золотом⁵.

В источниках нет сведений о какой-либо войне между Тюркским каганатом и Ираном после мира 571 г. вплоть до разгрома тюрков под Гератом в 588 г. Известно также, что прежнюю эфталитскую дань в размере сорока тысяч золотых, о которых писал Феофилакт, требовал с Хосрова Ануширвана каган Истеми и, получив отказ, заключил союз с Византией и начал войну. Сообщение Феофилакта, дополненное рассказом Иоанна Ефесского, позволяет по-новому взглянуть на условия мирного договора 571 г., который имел более серьезные последствия для Ирана. Видимо, после захвата торговых городов в Джурджане тюрки продолжали развивать успех, что вынудило Хосрова Ануширвана

¹ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – С. 47. Л.Н. Гумилев полагает, что Истеми прекратил военные действия против Ирана еще в 569 г., что едва ли возможно, так как в этом году посольство Земарха только прибыло в Ак-даг для заключения антииранского договора.

² История Иоанна Ефесского. – С. 125.

³ Артамонов М.И. История хазар. – Л., 1962. – С. 137; Гумилев Л.И. Древние тюрки... – С. 47.

⁴ Феофилакт Симокатта. История. – М., 1957. – С. 77-78.

⁵ Анализ сообщения Феофана см.: Артамонов М.И. Очерки древнейшей истории хазар. – Л., 1936. – С. 39.

перед угрозой войны с Византией пойти на мир с Истеми, выполнив его требования об уплате дани. Она, судя по сообщению Феофилакта, выплачивалась вплоть до 588 г.

История Иоанна Ефесского, таким образом, значительно дополняет сведения византийских историков о сложных и противоречивых тюрко-ирано-византийских взаимоотношениях в середине VI в., то есть во время становления Тюркского каганата.

Михаил Сириец (1126–1199 гг.) «Хроника». Родился в семье монофизитского (яковитского) священника и еще в ранней юности стал монахом. На клерикальном поприще Михаил Сириец сделал блестящую карьеру. Начиная с 1166 г. и до своей смерти в 1199 г. возглавлял монофизитскую церковь Сирии, будучи ее патриархом.

Михаил Сириец являлся одним из образованнейших людей своего времени и благодаря своей высокой должности был хорошо осведомлен в сложной ближневосточной политике. Его перу принадлежат многие произведения, наибольшую ценность из которых представляет «Хроника». Сочинение построено по типу всеобщей истории, изложение которой начинается от сотворения мира и заканчивается событиями 1195 г. После смерти автора история была доведена до 1199 г. его братом, который написал и биографию Михаила Сирийца.

«Хроника» состоит из введения, 21 книги и приложений. Большое внимание уделено событиям, свидетелем и участником которых был сам автор. Именно эта часть сочинения (книги XV–XXI) представляет оригинальное произведение. Предшествующие им книги, основанные на трудах в основном сирийских историков, были откровенно компилятивными. В подборке сочинений для компиляции проявилась тенденциозность Михаила Сирийца, который, опираясь на труды яковитских историков, полностью пренебрег трудами несторианских авторов. Это не могло не сказаться на полноте сведений и на объективности «Хроники». В структурном плане труд Михаила Сирийца построен по образцу некоторых греческих сочинений, где параллельно освещались события светской и церковной истории.

«Хроника» пользовалась популярностью и уже в XIII в. была переведена на армянский, а затем и на арабский языки. Сирийский текст был обнаружен в конце XIX в. в яковитской церкви г. Эдесса (Эдесский список). Он был издан и переведен на французский язык ориенталистом Ж.-Б. Шабо, который восстановил некоторые утраченные части по армянскому переводу и другим источникам¹. На русский язык «Хроника» Михаила Сирийца переведена лишь частично. Перевод снабжен подробными биографической и историографической справками, а также авторскими примечаниями².

Известную ценность для истории Киргизии представляет книга XIV «Хроники», состоящая из пяти глав, целиком, посвященная тюркам. Написание этой книги Михаил Сириец объясняет интересом к тюркским народам, вызванным вторжением Сельджуков в страны Ближнего Востока, свидетелем которого был сам автор. С некоторыми тюркскими султанами и эмирами патриарх Михаил был в дружественных отношениях и состоял в переписке³.

В главе первой автор кратко излагает легендарную генеалогию тюрков, упоминает о посольстве византийского императора Юстина II к тюркскому кагану Истеми, повторяет традиционную для сирийской историографии версию о гибели последнего сасанидского шаха Йездигерда якобы от руки тюрка.

В главе второй схематически описаны земли, где были расселены тюркские племена, отмечен их гористый характер. Здесь же приведены сведения о посольстве византийского императора Тиверия II (578–582 гг.) к тюркскому кагану, после которого тюрки начали военные действия против Ирана.

¹ Chronique de Michel le Syrien, patriarche Jacobite d'Antioche (1166–1199). Edite pour la premiere fois et traduite en francais par. J. –B. Chabot. – Paris, 1924.

² Гусейнов Р. (А.). Сирийские источники. – С. 25-52.

³ Там же. – С. 17.

Внимания заслуживают не литературные, а оригинальные сведения, приведенные со слов иберов, о всеядности тюрок: «Все, что ползает по земле, животных и зверей, змей, пресмыкающихся и птиц, они бьют и едят. И тела (мертвых) животных едят... И даже умерших людей едят. И если среди них находится чужестранец, который не имеет покровителя от них, как на охоте, они пронзают его и едят»¹.

Если отбросить обвинение в каннибализме, которое, скорее всего, восходит к древнегреческой книжной традиции описания «варваров», вроде сообщения Геродота о ритуальном поедании древних старцев массагетами, то перед нами предстанет вполне реальная картина полуголодного существования скотоводов в условиях нестабильного экстенсивного кочевого хозяйства. Массовый падеж скота в результате джута, засухи, нашествий саранчи, эпизоотии, потеря его в результате неудачных войн приводили обычно к быстрой пауперизации кочевников. Источники особо отмечают тяжелое материальное положение рядовых скотоводов во все времена, начиная со скифов и кончая киргизами и казахами в XVII – начале XX в.².

Факты, приведенные в самых различных источниках, развенчивают мифы «о кумысных реках с мясными берегами» в кочевнической среде. В систему этих фактов вписывается и анализируемое сообщение Михаила Сирийца, отражающее вполне реальную имманентную ситуацию в древнетюркских кочевьях, которая была едва ли не постоянной для низших социальных слоев.

Заслуживает внимания и та часть сообщения Михаила Сирийца, где говорится о бесправном положении в кочевьях чужестранцев, «которые не имеют покровителя от них (тюрок. – В.М.)»³. Скорее всего, здесь идет речь о довольно распространенном между различными этническими группами и народами обычае гостеприимства, которым часто пользовалась наиболее мобильная социальная группа средневековья – купечество. Подробно гостеприимство описано Ибн Фадланом (X в.): «И не может ни один мусульманин проехать через их (тюрок. – В.М.) страну без того, чтобы не сделать кого-либо из них себе другом, у которого он останавливался. Он привозит для него из страны ислама одежды, а для жены его покрывало, немного перца, проса, изюма и орехов. Когда же он прибудет к своему другу, тот разобьет для него юрту и доставит ему овец, сколько может... Если тюрок приедет в Джурджанию, он спросит о своем госте и остановится у него»⁴. В среде тянь-шаньских тюрок обычай гостеприимства отмечен Махмудом Кашгарским: «Биста – имя, означавшее того, кто принимает гостем купца... Это в обычаях тухси, ягма, чигилей, я видел (как они поступают таким образом)»⁵.

Как видно из сообщения Михаила Сирийца, обычай гостеприимства оберегал чужеземцев в тюркской среде если и не от столь ужасной кончины, которую описал историк, то от многих серьезных неприятностей.

В этой же главе приведена подробная характеристика психологического склада, или, по словам Михаила Сирийца, «достоинства» ранних тюрок, выражавшегося в верности, немногословности, отсутствии «мудрости учения», редкости прелюбодеяний,

¹ Там же. – С. 48.

² *Таскин В.С.* Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). – Вып. 2. – М., 1973. – С. 28, 29, 70; Путешествие в восточные страны Платона Карпини и Рубрика. – М., 1957. – С. 95-96; *Небольсин П.* Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. – СПб., 1852. – С. 47; *Житецкий И.А.* Астраханские калмыки (наблюдения и заметки). – Астрахань, 1892. – С. 192, 195; *Толыбеков СЕ.* Общественно-экономический строй казахов в XVII–XIX веках. – Алма-Ата, 1959. – С. 54-56; *Усенбаев К.У.* Общественно-экономические отношения киргизов (вторая половина XIX – начало XX в.). – Фрунзе, 1980. – С. 63-64.

³ *Гусейнов Р. (А.).* Сирийские источники... – С. 48.

⁴ *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.: Статьи, переводы и комментарии. – Харьков, 1956. – С. 126-127.

⁵ Материалы по истории туркмен и Туркмении. – Т. 1: VII–XV вв. Арабские и персидские источники. – М.-Л., 1939. – С. 160. Примеч. I.

многоженстве, простоте быта. Особо отмечено искусство тюрок «подчинять зверей и животных»¹.

В главе третьей автор порицает пагубную практику персидских царей привлекать тюркские отряды в качестве наемников, так как последние, возвратись на родину, возбуждали своих соотечественников рассказами о богатствах ближневосточных городов, провоцировали кровавые нашествия кочевников, завершавшиеся завоеванием тюрками многих государств и областей. Здесь отмечена интересная деталь, что тюрки «воевали против крепостей тем способом, которому выучились у персов»².

Михаил Сириец был осведомлен о начале завоевательных походов древних тюрок, приведших к образованию Тюркского каганата, центром которого он считал Маргиану. По-видимому, под Маргианой автор подразумевал всю Среднюю Азию, в которую тюрки вторглись, по вольно примерным данным, приведенным в «Хронике», «за сто лет до вторжения арабов, то есть приблизительно за шестьсот лет до нашего (Михаила Сирийца. – В.М.) времени»³.

Повествуя о завоеваниях тюрок, автор «Хроники» пересказывает какую-то не известную по другим письменным источникам тюркскую легенду. «Сообщают о них (тюрок. – В.М.), – писал Михаил Сириец, – что когда они двигались и шли с востока на запад, они увидели род зверя, подобного собаке. Он шел впереди них. И они не знали, что это и откуда он происходит. Они не могли приблизиться к нему. Когда наступило время идти, он звал их на их языке, говоря: «Вставайте». И они вставали и шли за ним туда, куда он шел... А когда он останавливался, и они располагались, Пока не достигли областей, в которых воцарились. Так как этот проводник не показывался им вновь, они не вышли оттуда»⁴.

Когда через некоторое время тюрки решили искать новые земли для поселения, то «увидели того, который был проводником у первых (тюрок) и который был подобен собаке... он возвышал голос и говорил: «Трогай!», то есть: «Вставайте!», и они вставали и шли за ним, пока он не останавливался, и тогда они располагались»⁵.

Зверь, подобный собаке, – это, конечно же, волк – мифический первопредок многих тюркских народов. Генеалогические легенды древних тюрок, повествующие о том, что их предок был рожден волчицей в горной пещере (другая версия: предка тюрок родила женщина от волка), были хорошо известны среди народов Центральной Азии и Дальнего Востока⁶. Есть все основания полагать, что варианты этих легенд стали известны и в Средней Азии. В XI в. один из них был записан ал-Бируни⁷.

Древнетюркская легенда, записанная Михаилом Сирийцем, не является генеалогической, но тесно связана с ней ведущим персонажем – волком. Здесь мифический первопредок древних тюрок выступает в новой, ранее не известной роли, возложив на себя функции мессии.

Если исходить из анализа географической ситуации текста легенды, то конечным пунктом маршрута движения древних тюрок, ведомых волком, была Средняя Азия. Именно здесь тюрки разделились на три части и направились на юг «в сторону верхней

¹ Гусейнов Р. (А.). Сирийские источники... – С. 48.

² Там же. – С. 49.

³ Разгром тюрок эфталитов и завоевание Средней Азии произошли между 563 и 567 гг. См.: Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux. – St.-Petersbourg, 1903 (Сб. Трудов Орхонской экспедиции. VI). – Р. 226.

⁴ Гусейнов Р. (А.). Сирийские источники.... – С. 49.

⁵ Там же. – С. 50-51.

⁶ Бичурия Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений... – Т. 1. – С. 220-221; Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. – М., 1964. – С. 103-106.

⁷ Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия) / Перевод А.М. Беленицкого. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 27; Мокрынин В.П. Сведения о тюркских народах в минералогическом трактате ал-Бируни // Киргизия при Караханидах. – Фрунзе, 1983. – С. 207-208.

(северной. – В.М.) Индии», на север, очевидно, в Северное Причерноморье, где вышли к границам Византии «и назвались куманами, по имени этой земли», и на запад, «где достигли царства арабов»¹.

Таким образом, в тюркской легенде отражены две хронологически различные волны вторжения кочевников в оазисы Средней Азии. Первая связана с походами Истеми-кагана в середине VI в., а вторая, скорее всего, с огузскими завоеваниями в XI в. Однако в легенде, приведенной Михаилом Сирийцем, еще много неясного, а иногда и противоречивого. Она заслуживает отдельного, специального исследования.

В главе пятой книги XIV «Хроники» автор пытается теоретически обосновать причины сравнительно быстрой исламизации тюрок на Ближнем Востоке, отмечая при этом, что в других регионах они становились христианами и идолопоклонниками (очевидно, буддистами). Для истории ранних тюрок здесь важна характеристика их доисламской религиозной системы, которая определяется как единобожие: «...тюрки всегда провозглашали единого бога и даже во внутренней земле, где жили, они считали видимый небесный свод богом. И даже до сего дня, если спросят человека из тех, кто не сведущ, то он отвечает и говорит: «Qan thangri». А «qan» на их языке означает «небесная синь», а «thangri» – «бог». Они полагают, что небо есть единственный бог»².

В конце пятой главы XIV книги «Хроники» приведен еще один мифологический сюжет о состязаниях тюркской знати, претендующей на верховную власть.

Согласно законам подобного рода сказаний, наиболее ловким стал представитель «незначительного племени, и он воцарился»³.

В тексте «Хроники» Михаила Сирийца и вне книги XIV разбросаны некоторые важные сообщения относительно западных тюрок: отмечены границы их расселения в Средней Азии, повествуется о роли уструшанского князя Афшина в подавлении восстания Бабека. В целом, несмотря на компилятивный характер «Хроники», она является важным источником по истории западных тюрок.

В 387 г. Великая Армения была разделена между Византией и сасанидским Ираном. В начале V в. Месроп Маштоц (361–440 гг.) ввел армянский алфавит, что дало толчок развитию армянской письменности и литературы, в том числе и исторической. Многочисленные армянские историки обладают завидной объективностью даже при изложении событий, которые представляют Армению и ее народ в невыгодном свете, что делает их труды надежным историческим источником⁴.

Народы Средней Азии и Армении связывали сложные взаимоотношения с Византией и Ираном, а позже и с государством арабов, благодаря чему в армянских сочинениях встречаются сведения, относящиеся к истории Средней Азии и Киргизии. Есть сведения, что отдельные общины армян в средние века обосновались на территории Киргизии. Так, на христианском кладбище, которое было открыто во второй половине XIX в. восточнее Пишпека, в 1332 г. был похоронен армянский епископ Иоанн, а на Иссык-Куле в XIV в. был монастырь армянских братьев⁵. Правда, сведения об армянах на Тянь-Шане не нашли отражения в сочинениях армянских историков.

В России с некоторыми сочинениями армянских писателей средневековья, благодаря трудам К. П. Патканьяна (Патканова), Н. О. Эмина, Г. А. Халатьянца,

¹ Гусейнов Р. (А.). Сирийские источники... – С. 51.

² Гусейнов Р. (А.). Сирийские источники... – С. 51-52. Перевод слова «qan» у Михаила Сирийца неверный. (См.: Древнетюркский словарь. – Л., 1969. – С. 417). О культе Тенгри как верховного божества древних тюрок см.: Стеблева К.В. К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы // Тюркологический сборник, 1971. – М., 1972. – С. 213-214; Кляшторный С.Г. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник, 1977. – М., 1981. – С. 131-132.

³ Там же. – С. 52.

⁴ Патканьян К.П. Опыт истории династии Сасанидов по сведениям, сообщаемым армянскими писателями. – СПб., 1863. – С. IX.

⁵ Марр К (Я.). Надгробный камень из Семиречья с армяно-сирийской надписью 1323 г. // ЗВОРАО. – Т. 8. – СПб., 1894. – С. 347; Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане... – С. 294.

познакомились еще во второй половине XIX в. Позже некоторые сочинения армянских историков стали предметом изучения таких видных ученых, как Н. Я. Марр и И. А. Орбели. В советское время появились труды таких армяноведов, как С. Т. Еремян, М. Абемян, Ш. В. Снбатьян и др.¹

Армянские средневековые источники использовались при написании монографий и обобщающих трудов по истории Средней Азии, в том числе и Киргизии².

Особо следует отметить исследование Л. Х. Тер-Мкртчян, которая собрала, перевела и прокомментировала сведения армянских историков, относящиеся к народам Средней Азии, что значительно облегчило нашу работу. В настоящем издании мы обратим внимание только на те сведения, относящиеся к истории тюркских народов и Киргизии, которые Л. Х. Тер-Мкртчян прокомментировала чрезвычайно кратко или не анализировала вообще.

Себеос (VII в.). «История». Крупный клерикальный деятель Армении, епископ, участник Двинского собора (645 г.), единственный историк армян VII в. В двух первых частях своей книги излагает легендарный период истории армян и историю Армении I–V вв.³ В «современной» (по выражению Себеоса) части описаны византийско-иранские войны конца VI – середины VII в. В последних главах автор повествует о выходе на историческую арену арабских завоевателей. Изложение событий доводит до 661 г. Сведения, приведенные Себеосом, заслуживают особого внимания в связи с тем, что в молодости он был при дворе Сасанидов.

На русский язык «История» Себеоса была переведена дважды⁴. Для исследователей истории Тюркского каганата важны сведения, повествующие о начальных связях древних тюрков с Ираном.

В своей «Истории» Себеос отметил династийный брак между дочерью кагана тюрков Истеми и шахом Ирана Хосровом Ануширваном. «После смерти Хосрова, сына Кавата, – пишет историк, – воцарился его сын Ормизд над землей персов. Его мать, жена Хосрова, была дочерью Хакана, великого царя теталийцев (эфталитов. – В.М.), по имени Кайэн. Он со стороны отца был знатен, но более знатен и звероподобен со стороны матери»⁵.

Этот брак был заключен в результате посольства Ирана к тюркам в Семиречье или в Центральную Азию, скорее всего, в 554 г.⁶ Хосров Ануширван был хорошим политиком и прозорливо уловил момент подъема могущества нового гегемона в степи. Актуальнейшей внешнеполитической задачей Ирана в то время было уничтожение зависимости от эфталитов, которым персы еще со времен шаха Пероза выплачивали ежегодную обременительную дань в размере 40 тысяч золотых. В результате посольства 554 г. каган Истеми и шах Хосров Ануширван заключили антиэфталитский союз, скрепленный династическим браком с дочерью кагана, которая впоследствии родила наследного принца и будущего шаха Ормизда.

Не ясно только, почему армянский епископ Себеос рассматривает древний род Сасана, из которого вышли шахи Ирана, гораздо менее знатным, чем только вышедший

¹ Библиографию см.: Тер-Мкртчян Л.Х. Армянские источники о Средней Азии. V–VII вв. – М., 1979; Она же. Армянские источники о Средней Азии. VIII–XVIII вв. – М., 1985.

² История Киргизской ССР. – Т. 1. – Фрунзе, 1984. – С. 55.

³ В литературе существует мнение, что авторство Себеоса сомнительно, особенно в отношении первых двух частей. Сводку см.: Манандян Я.А. Начальная история Армении Мар-Абаса // Палестинский сборник. – 1956. – Вып. 2 (64-65).

⁴ История императора Иракла, сочинение епископа Себеоса, писателя VIII века / Пер. с арм., предисл. и примеч. К. Патканьяна. – СПб., 1862; История епископа Себеоса / Пер. с 4-го испр., арм. изд. Ст. Малхасянц. – Ереван, 1939.

⁵ Тер-Мкртчян Л.Х. Армянские источники... – С. 57. К. Патканьян переводит этот отрывок так: "Ормизд был происхождения знатного, но гораздо знатнее и зверонравнее он был с материнской стороны" (История императора Иракла.... – С. 38).

⁶ О дате посольства см.: Гумилев Л.Н. Древние тюрки... – С. 40.

на международную арену каганский род тюрков Ашина? Поставленный вопрос требует специального исследования. Одним из вариантов решения его может стать изучение связи между политическим положением восточных государств и практикой династических браков. Древняя и средневековая история не знала понятия равноправия и суверенитета государств: они появились лишь в новое время. М.В. Крюков установил четыре реальных статуса по отношению друг к другу государств Китая и Центральной Азии древности и средневековья: 1 – сюзеренитет; 2 – положение старшего родственника; 3 – положение младшего родственника; 4 – вассалитет¹. Второе и третье положения зачастую связаны с династическими браками: младшим становился тот государь, который брал в жены дочь своего партнера по договору. После завоевания Восточного Туркестана и Средней Азии тюркские каганы распространили эту модель, разумеется, с «кочевыми» поправками, на взаимоотношения с государями Гаочана, Согда и, возможно, как свидетельствуют данные Себеоса, на сасанидский Иран². Таким образом, Хосров Ануширван, женившись на тюрчанке Кайен, стал зятем Истеми, то есть одним из младших его родственников, что влекло за собой и более низкий государственно-правовой ранг Ирана по отношению к Тюркскому каганату. Такая реконструкция событий подтверждается и тем обстоятельством, что в 554 г., когда был заключен тюрко-иранский договор, скрепленный династическим браком, реальный статус договаривающихся сторон был разным: Тюркский каганат стал гегемоном в степи, а Иран был данником эфталитов. Заслуживает внимания, что тюркский каган Истеми назван Себеосом «великим царем эфталитов».

В «Истории» Себеоса приведена заслуживающая доверия версия, освещающая военные действия между тюрками и персами в 589 г. Себеос отмечал, что на стороне тюрков выступали зависимые от них эфталиты, проживавшие в Северном Афганистане, чего не упоминают более поздние арабские авторы: «В это время князем (главным начальником) восточных областей Персидской земли был некто Вахрам Михревандак (Бахрам Чубин. – В.М. который храбро разбил войско теталийцев (эфталитов. – В.М.), силой завоевал Пахл (Балх. – В.М.) и всю страну кушанов... Этот Вахрам в то время вел войну с великим царем маскутов (тюрк. – В. М), жившим в стране по ту сторону великой реки, разбил его многочисленное войско, самого царя убил в битве, захватил и похитил всю казну того царства»³.

Далее Себеос повествует об удачном походе персидского полководца армянского происхождения Смбата Багратуни на тюрков и эфталитов в 616-617 гг. В повествовании заслуживает внимания упоминание о защитном вооружении царя кушан, одетого в «крепкую балхскую плетеную кольчугу»⁴. Есть сведения, что Себеос был не только современником, но и очевидцем описанных событий.

¹ Крюков М.В. Китай и соседи: две традиционные модели взаимоотношений // Одиннадцатая научная конференция "Общество и государство в Китае": Тезисы и доклады. – Ч. 2. – М., 1980. – С. 3-13.

² Мокрынин В.П. Западнотюркский каганат и вассалы // Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР. – Алма-Ата, 1976. – С. 73-74; Он же. К вопросу о тюрко-согдийской интеграции VI-VIII вв. // Из истории дореволюционного Киргизстана. – Фрунзе, 1985. – С.152-164.

³ Тер-Мкртичан Л.Х. Армянские источники... – С. 58. Война 586 г., завершившаяся разгромом тюрков под Гератом, не раз была темой исследований: Гумилев Л.Н. Война 589 г. и Гератская битва // Изв. Отд-ния общ. Наук АН ТаджССР – 1960. № 2(23); Он же. Древние тюрки. – С. 126-132; Гафуров Б. Г. Таджики. – С. 221.

⁴ Тер-Мкртичан Л.Х. Армянские источники... – С. 60-61; Тревер К.В. Кушаны, хиониты и эфталиты... – С. 142-143.

ВИЗАНТИЙСКИЙ ИСТОРИК О СОГДИЙЦАХ В СЕМИРЕЧЬЕ

Анализ письменных источников позволил В. В. Бартольду сформулировать положение о согдийской колонизации Семиречья¹. Оно получило подтверждение и дальнейшее развитие в трудах советских археологов, историков и лингвистов². Наиболее информативным описанием поселений в долинах Таласа и Чу является сообщение Сюань Цзана, который посетил их около 630 г. В это время в Семиречье уже были многочисленные города с согдийским населением. Среди них выделялись Суяб (городища Ак-Бешим близ г. Токмака) и Талас (современный г. Джамбул). Сведения, приведенные путешественником, в совокупности с некоторыми археологическими материалами явились косвенными данными для предположения о начале проникновения согдийцев в этот регион еще в V–VI вв.

Убедительное доказательство этого предположения содержится в известном сочинении византийского историка Менандра Протектора, сведения которого ранее не связывались с согдийской диаспорой в Семиречье. Менандр, повествуя об ответном посольстве византийского императора Юстина II к кагану западных тюрков Истеми (568 г.), отметил, что послы во главе с Земархом на пути в ставку пересекли земли, населенные согдийцами³. Анализ источника дает скудную информацию об этих землях. Известно, что они располагались между Хорезмом и ставкой кагана в "Экдаге"⁴. Между этими крайними пунктами упомянут городок (или местность?) Талас. На земле согдийцев византийских послов и их багаж тюркские шаманы "очистили" огнем. Здесь же тюрки предложили Земарху купить у них железо.

Эти сведения не могут относиться к коренным землям согдийцев, расположенным в долинах рек Зеравшана и Кашкадарьи по следующим причинам:

1. Маршрут Земарха в ставку кагана и обратно проходил значительно севернее Согда⁵. Наиболее подробно он характеризуется Менандром при описании возвращения

¹ Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период (По поводу семиреченских надписей). – Соч., т. II, ч. 2. – М., 1964; *Его же*. Очерк истории Семиречья. – Соч., т. II, ч. 1. – М., 1963; *Его же*. О языках согдийском и тохарском. – Соч., т. II, ч. 1. – М., 1965.

² Бернштам А.Н. Согдийская колонизация Семиречья. – КСИИМК, вып. 6, 1940. – С. 34–42; *Его же*. Археологический очерк Северной Киргизии. – Фрунзе, 1941. – С. 55–86; Труды Семиреченской археологической экспедиции "Чуйская долина". – МИА, 114. М.; Л., 1950. – С. 5–83; Расопова В.И. Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины. – ТКАЭЭ, т. IV. – М., 1960. – С. 138–163; Кляшторный С.Г. Согдийцы в Семиречье. СЭ, 1959, № 1. – С. 7–11; *Его же*. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. – М., 1964. – С. 122–135; Горячева В.Д., Береналиев О. Раскопки Краснореченского городища. – АО 1978 года. – М., 1979. – С. 590–591; Лившиц В.А. Согдийцы в Семиречье: лингвистические и эпиграфические свидетельства. – В кн.: Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XV годовичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). Часть 1(2). – М., 1981. – С. 76–85; История Киргизской ССР, т. 1. С древнейших времен до середины XIX в. Фрунзе, 1984. – С. 229; Greenet F. Les pratiques funeraires dans l'Asie Centrale sedentaire. De la conquente greeque a l'Islamisation. – Paris, 1934, P. 178–186.

³ Менандр Византиец. Продолжение истории Агафиевой. – В кн.: Византийские историки. Перевод с греческого Спиридона Дестуниса, дополненный примечаниями Гавриила Дестуниса. – СПб., 1861. – С. 375–376 (Дальше см.: Менандр). Некоторые важные уточнения перевода сочинения Менандра с Дестунисом сделал К.И. Петров по кн.: Excerpta historica Inssu imp. Constantini Porphyrogeneti. Vol. I. Excerpta de legationibus. Pars I–II. – Berolini, 1903.

⁴ Местонахождение ставки Истеми-кагана впервые определил эд. Шаванн. Ак-таг ("Эгдаг" Менандра) – общее название значительной части восточного Тянь-Шаня к северу от Таримского бассейна. См.: Chavannes Ed. Documents sur les Tou-Riue (Tures) occidentaux. – St. – Pbg., 1903 (Сборник трудов Орхонской экспедиции, VI, p. 234–237).

⁵ Маршруты согдийца Маниаха и Земарха Киликийца на раз были предметом специального исследования. В силу резкого обострения отношений между тюрками и Ираном в 567 г., путь из каганата в Византию должен был проходить, минуя пределы Ирана. См.: Бартольд В.В. Сведения об Аральском море в низовьях Амударьи с древнейших времен до XVII в. – Соч., т. III, 1965. – С. 37–38; Пигулевская Н.В. Византия на путях в Индию. – М., Л., 1951. – С. 204 и сл.; *Ее же*. Сирийские источники по истории народов СССР. – М.; Л.,

Земарха в Византию. Посол вместе с войском тюрков проследовал от ставки кагана, которая располагалась севернее Кучи (Восточный Тянь-Шань), до Таласа. Здесь возможны лишь два варианта общего направления пути с востока на запад: через Джунгарию, Илийскую и Чуйскую долины или через Центральный Тянь-Шань, Прииссыккулье, Чуйскую долину. Западнее Таласа пути кагана и Земарха разошлись; каган с войском направился на юг к границам Ирана, а Земарх "вернулся" в Хорезм. Отсюда посольство византийцев направилось к низовьям Волги и через Северный Кавказ – в Константинополь.

Таким образом, источник прямо указывает, что на обратном пути Земарх не был в Согде. Нет никаких оснований для предположения, что посольство византийцев, спешившее со специальной и важной миссией в ставку кагана, позволило себе значительно отклониться от прямого пути и из Хорезма к Таласу пройти через Согд. Скорее всего, земли, населенные согдийцами, о которых писал Менандр, были расположены на этом прямом пути в Северном Притяньшанье. Через шестьдесят с лишним лет их посетил и описал Сюань-Цзан.

2. Менандр четко терминологически различает понятия *hora* – "страна: земля (государство)" и *topos* – "места, местности" проживания каких-либо людей, населения. Если по отношению к тюркам, персам и хорезмийцам употреблен термин *hora* (*hora ton Turkon*, *hora ton Person*, *hora ton holiaton* – "государство тюрков, персов, хорезмийцев"), то земли согдийцев названы лишь *topos* – "местности" (*en tois ton Sogdiation topois* – "прибыли в местности согдиатов")¹. Этим самым Менандр подчеркнул неодинаковое правовое положение "местностей согдийцев", которые посетил Земарх, и страны тюрков и даже хорезмийцев. Если допустить, что сведения источника относятся к самаркандскому Согду, то пришлось бы признать, что тюрки, изгнав эфталитов из Средней Азии, ликвидировали Согд как государственное объединение, в то же время оставив такое право Хорезму. Подобная трактовка противоречит данным других достоверных письменных источников².

Вполне допустимо, что наблюдательные византийские послы уяснили для себя правовой статус согдийских поселенцев в Семиречье. Они подчинялись тюркам и не могли считаться государственным объединением наравне с Хорезмом или Согдом.

Более поздние источники отметили политическую зависимость семиреченских согдийцев по отношению к тюркам вполне конкретна: "прямо на западе от Суй-е (Суяба. – В.М.) находится несколько десятков одиночных городов, и в каждом из них свой старейшина. Хотя они не зависят один от другого, но все подчиняются тюркам"³. На зависимость "татов" (в данном случае – семиреченских согдийцев) от тюргешей прямо указывают древнетюркские рунические памятники⁴.

3. Менандр обращает внимание, что в "местностях согдиатов" тюрки предложили византийцам купить у них железо. Этот эпизод тоже едва ли мог произойти в самаркандском Согде. Там была хорошо развита обработка, но не добыча железа⁵. Согдийцы сами покупали железо в Фергане и Уструшане, где оно производилось в большом количестве⁶. Руду, как правило, не перевозили на значительные расстояния,

1941. – С. 72-73; Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М., 1967. – С. 44-46; Гафуров Б.Г. Таджики, древнейшая, древняя и средневековая история. – М., 1972. – С. 220.

¹ *Excerpta historica...*, p. 102-105.

² Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, Т. II. – М., Л., 1950. – С. 271.

³ Зуев Ю.А. Китайские известия о Суябе. – Изв. АН Казахской ССР. Серия истории, археологии и этнографии, вып. 3(14), 1960. – С. 91.

⁴ Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники... – С. 122-123.

⁵ Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. – М., 1980. – С. 55.

⁶ Беленицкий А.М., Бантович К.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. – Л., 1973. – С. 76.

металл выплавляли в горняцких поселках¹. Эпизод с железом, описанный Менандром, является вполне естественным для Северного Притяньшая. Таласская долина, которую проезжали посла византийцев, была крупным поставщиком различных металлов, в основном, серебра. Шлаки от плавки руда вскрыты археологами практически во всех раскопах и стратиграфических разрезах как на больших, так и на малых поселениях². Среди них отмечены шлаки от плавки железных руд и отдельные крицы³. Расцвет горнорудных разработок в долине Таласа приходится на IX–XII вв. Однако начало добычи руд и выплавки металла здесь уходит в глубокую древность вплоть до эпохи бронзы⁴. Большое количество мест добычи и плавки железа известно и в других районах северного Тянь-Шаня, в частности, на склонах киргизского хребта и на Иссык-Куле⁵.

Не может вызывать сомнения и этническая принадлежность торговцев железом. Тюрки были не только скотоводами. Они зарекомендовали себя прекрасными горняками и плавильщиками железа еще в алтайский период своей истории⁶.

4. В кратком сообщении Менандра о землях, населенных согдийцами, есть два момента, сближающих его с более информативными сведениями Сюань-Цзана о согдийских поселениях в Чуйской и Таласской долинах: в обоих источниках упомянут Талас (Тараз) и отмечена большая роль тюрков в землях согдийцев. В самаркандском Согде такую роль тюрки не могли играть ни во времена путешествия Сюань Цзана (630 г.), ни тем более во время посольства Земарха (568 г.).

Таким образом, есть основания утверждать, что в сочинении Менандра впервые упомянуты согдийцы в Семиречье. Уже в 568 г. этот регион обрел тот специфический этнокультурный облик, который позволил византийскому историку назвать его "местностями согдийцев". Процесс освоения новых земель с возведением укрепленных поселений, замков, храмов, с распашкой и орошением сельскохозяйственных угодий, разведением садов – то есть весь комплекс признаков, по которым отличали земли согдийцев, не мог быть кратковременным, что косвенно свидетельствует о начале согдийской колонизации Семиречья еще задолго до его подчинения тюркам в 555 г.

В этой связи в ином свете предстает выдающаяся личность эпохи становления Тюркского каганата – согдиец Маниах. В специальной литературе утвердилось мнение, что он был то ли согдийским купцом, то ли правителем Согда и отстаивал его торговые интересы перед тюрками, Ираном и Византией. Ни в одном из фрагментов сочинения Менандра Маниах не назван купцом, несмотря на то, что вся его деятельность была направлена на развитие торговли, в источнике он назван *proeisteket*, то есть "предстоятелем", "начальником" согдийцев⁷. Однако не ясно, был ли он "начальником" только посольства согдийцев, какой-то их группы или всего Согда. Последнее, по-видимому, отпадает, так как Маниаха величали лишь "предстоятелем", в то время как владетеля Хорезма – *hegemon* – "гегемоном"⁸.

¹ Массон М.Е. К истории горного дела на территории Узбекистана. – Ташкент, 1953. – С. 25, 38; Литвинский В.А. Древнейшие страницы горного дела Таджикистана и других республик Средней Азии. – Сталинабад, 1954. – С. 165.

² Кожемяко П.Н. Оседлые поселения Таласской долины. – / В кн.: Археологические памятники Таласской долины. – Фрунзе, 1963. – С. 224.

³ Бернштам А.Н. Городище Садыр курган. – / В кн.: Археологические памятники Таласской долины. – Фрунзе, 1963. – С. 118.

⁴ Литвинский В.А. Древнейшие страницы... – С. 23; Бубнова М.А. Добыча серебро-свинцовых руд в Шельджи. – / В кн.: Археологические памятники Таласской долины. – Фрунзе, 1933. – С. 238-243.

⁵ Мокрынин В.П., Плоских В.М., Ратман В.Г. Древние разработки глазами ученых. – / В кн.: По следам памятников истории и культуры Киргизстана. – Фрунзе, 1982. – С. 93-96; На северных склонах Киргизского хребта от р. Талас до р. Ашпара казахстанский геолог Б.Д. Волков зафиксировал свыше 30 мест плавки металла и 4 пункта горных выработок, относящихся к средневековью.

⁶ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах..., т.1. – М.; Л., 1950. – С. 224-225; Мокрынин В.П., Плоских В.М., Ратман В.Г. Древние разработки глазами ученых... – С. 93.

⁷ Менандр... – С. 371; *Excerpta historica*... – p. 451.

⁸ Менандр... – С. 382; *Excerpta historica*... – p. 452.

Византийский историк отметил, что "Маниах был очень привержен Дизавулу (кагану Истеми. – В.М.) и близкий ему человек"¹. Отношения Маниаха и кагана очень напоминают не связи согдийских династов с каганом, за которых последние выдавали замуж даже своих дочерей, а отношения знатных выходцев из Согда, поселившихся среди тюрков, и восточнотюркских каганов, сравнительно подробно раскрытых в письменных источниках первой трети VII в. Известно, что Маннах возглавил два посольства кагана, был советником тюркского владыки и инициатором политической переориентации с Ирана на Византию, обладал каким-то тюркским "достоинством" (титлом?). Маниах пользовался полным доверием кагана, подобные отношения едва были бы возможны, живи Маннах в Согде, а каган – в ставке на Тянь-Шане.

После смерти Маниаха Истеми-каган пожаловал его сына-отрока ахиота – "достоинством" отца. Не исключено, что ему предоставлялись и функции Маниаха – он был назначен в посольство к императору Юстину II и был вторым лицом в этой дипломатической миссии².

Совершенно идентичное положение в восточнотюркском каганате занимали знатные согдийцы Шишухуси, Кан Су-ми, Ань Ту-хан и многие другие их соплеменники, выходцы из Чача, Самарканда, Бухары, на протяжении не одного поколения проживавшие при ставках каганов либо возглавлявшие согдийские поселения в степи. Они были доверенными советниками каганов, имели, согдийские и тюркские титулы, занимали ключевые посты в гражданской администрации. Дети и родственники этих согдийцев быстро продвигались по службе. Некоторые из знатных согдийцев – приближенных каганов – возглавляли довольно крупные (до 5 тыс. человек) колонии³.

О более тесной связи Маниаха не с метрополией, а с кочевой степью свидетельствует и его имя (возможно, титул). Обычно оно расшифровывалось как "сын Мани" и связывалось с манихейским культом⁴. Это не обязательно. Такое имя встречалось и у византийцев, в среде которых манихейство исключено⁵. Более важным является факт распространения имени "Маниах" в тюркской кочевой среде. Позднее оно зафиксировано русскими летописями как имя половецкого хана в форме "маниак" или "Боняк"⁶. Еще более примечательно то, что владетель области Барсхан, располагавшейся на юго-восточном побережье озера Иссык-Куль, имел титул "манак"⁷. Показательно, что имя (или титул) "Маниах" не известно ни в согдийской серии документов с горы Муг, ни в согдийском Дуньхуанском собрании⁸.

Вышеприведенные сведения не позволяют видеть в лице Маниаха ни владетеля Согда, ни простого согдийского купца. Очевидно, он был "начальником" переселенцев из Согда, обосновавшихся на территории, занятой западными тюрками и входившей во владения кагана Истеми. Такой территорией могло быть только Семиречье.

Если это предположение найдет подтверждение в последующих изысканиях, то изменится представление о роли согдийских колоний Семиречья в экономической жизни каганата. Очевидно, они не ограничивались только торговыми связями с окружающим

¹ Менандр... – С. 381.

² Менандр... – С. 381; Excerpta historica... – p. 105.

³ Lie Mau-t'ai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Turken (T'u-kue). W. Esbaden, 1958, S. 142-143, 194, 285; Pulleyblank E.G. A Sogdian colony in Inner Mongolia. – TP, vol.41, 1952, №4-5, p. 323-324; Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические надписи... – С. 114-122.

⁴ Пигулевская Н.В. Византия на путях в Индию... – С. 202.

⁵ Moravcsik G. Byzantinoturcica. Avellen der Ijeschichte der Turkvolker. B. II. – Budapest, 1942, s. 181.

⁶ Васильевский В.Г. Византия и печенеги, т.1. – СПб., 1908. – С. 98.

⁷ Гардизи. Зайн ал-ахбар. – Бартольд В.В. Соч., т. VIII. – М., 1973. – С. 51.

⁸ См.: Согдийские документы с горы Муг. Вып. II. Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В.А. Лившица. – М., 1962; Согдийские документы с горы Муг. Вып. III. Хозяйственные документы. чтение, перевод и комментарии М.Н. Боголюбова и О.И. Смирновой. – М., 1933; Чугуевский Л.И. Новые материалы к истории согдийской колонии в Дуньхуане. – В кн.: Страны и народы Востока. Вып. X. – М., 1971. – С. 147-166; Henning W.B. The date of the Sogdian ancient letters. – BSO(A)S, vol. XII, 1948, pt 3-4, p. 601-615.

кочевым миром и скромным посредничеством в караванной торговле. Маниах и его соплеменники в полной мере старались воспользоваться создавшейся благоприятной ситуацией, когда Семиречье стало центром западной части Тюркского каганата. Именно семиреченские согдийцы были инициаторами глобального расширения, международных торговых связей от Китая до Ирана и Византии, что, в конечном итоге, отвечало интересам всего согдийского мира.

Письменные источники донесли до наших дней имена и титулы еще нескольких правителей отдельных согдийских поселений в Семиречье.

Хамук. В отрывке из "Хазинат ал-улум" ("Сокровищница наук") Мухаммада Нишапури, включенном в "Историю Бухары" Наршахи, содержатся сведения об образовании согдийского поселения Хамукат в долине р. Талас, в последней четверти VI в. обострились социальные отношения в районе Бухары. Временно верх взяли рядовые тюркские поселенцы и согдийская беднота. Тогда "дихканы и богатые (купцы) ушли из этой области и направились в сторону Туркестана и Тараза, где они выстроили город и назвали его Хамукат, потому что великий дихкан во главе переселившихся назывался Хамук...»¹.

Хамук, как установлено, – не имя, а согдийский титул, носивший уже в VIII в. реликтовый характер². Великий дихкан Хамук был выходцем из бухарских городов Пайкенд или Кала-и Дабуси. После подавления движения бедноты в Бухаре часть согдийских переселенцев вернулись на родину. Едва ли среди реэмигрантов был Хамук, так как в Бухаре, по сообщению источника, возвысился, другой великий дихкан, имевший титул "бухар-худат"³.

События, связанные с основанием Хамуката, трудно поддаются датировке. По мнению, одних ученых, они относятся к концу 80-х годов VI в., однако нельзя исключить и 90-е года того же столетия⁴. Город Хамукат идентифицирован с развалинами Майтюбе, расположенными к югу от с. Серафимовна⁵ (в настоящее время – с. Аманбаево Кировского района Таласской области).

Чер, сын Вахзанака. Известно, что он был государем Неваката (Невакета) – согдийского поселения в восточной части Чуйской долины. В 710 г. он выдал замуж находящуюся под его опекой "женщину жену", о чем был составлен брачный контракт в Самарканде или Пенджикенте. Чер носил согдийский титул TWBW и согдийское имя, этимология которого – "смелый, сильный, победоносный", сын "обладателя хорошего рода (?)". Текст брачного контракта был найден среди согдийских документов на горе Муг. Он свидетельствует о тесных связях согдийских колоний Семиречья с Самаркандским Согдом⁶. Не исключено, что сам Чер или его предки были выходцами из Самарканда или Пенджикента. Впервые согдийское поселение Невакет упомянуто в 630 г. Оно находилось примерно в 18 км западнее города Суяб (современный Акбешим)⁷. По сведениям арабских авторов, Невакет располагался примерно в 18 км (3 фарсаха) восточнее Суяба⁸. В науке нет единого мнения о его идентификации с ныне существующими развалинами городов, одни исследователи помещают Невакет близ

¹ Мухаммад Наршахи. История Бухары. Пер. с перс. Н. Лыкошин. – Ташкент, 1397. – С. 12-13.

² Смирнова О.И. Тюркологические заметки. – СНВ, вып. XI. – М., 1971. – С. 64-65. По мнению В.В. Бартольда, этот же титул встречается и у тюрков (см.: Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. I. – М., 1963. – С. 239, прим. 5).

³ Мухаммад Наршахи. История Бухары... – С. 13.

⁴ Толстой С.П. Древний Хорезм. – М., 1948. – С. 243 и сл.; Гафуров В.Г. Таджики... – С. 224-226.

⁵ Бернштам А.Н. Археологический очерк... – С. 66-67.

⁶ Согдийские документы с горы Муг. – Вып. II. – С. 17-45.

⁷ Зуев Ю.А. Китайские известия о Суябе. – Изв. АН КазССР, Серия истории, археологии и этнографии, вып. 3(14), 1960. – С. 94.

⁸ Волин С.(Л.). Сведения арабских источников IX–XVI веков о долине реки Талас и смежных районах. – В кн.: Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. – Алма-Ата, 1960. – С. 74.

современного с. Орловка, другие, что более вероятно, считают, что Невакету соответствует Краснореченское городище¹.

Нек-сенгун и Огул-тархан. В большой надписи в честь Кюль-тегина содержится перечень посольств, прибывших в 732 г. в ставку тюркских каганов на р. Орхон (Монголия) для участия в похоронах Кюль-тегина. Среди послов упомянуты Нак-сенгун и Огул-тархан. Несмотря на их тюркские титулы, как установил С. Г. Кляштарный, первый из них был дихканом большого согдийского поселения, находившегося близ согдийского города Семекна (Биклиг), второй – "города бухарцев", под которым подразумевался г. Тараз². Согдийское поселение Семекна (Биклиг) располагалось севернее перевала Кастек в долине р. Или, средневековый Тараз, как уже было отмечено, – современный г. Джамбул.

Правители согдийских городов в Семиречье

Имя (титул) правителя	Город (поселение) в Семиречье	Идентификация	Время правления	Метрополия
Маниах	?	-	?-568	Согд
Сын Маниаха	-	-	568-?	-
Хамук	Хамукат	Городище Май-Тюбе (Талас)	80-90-е гг. VI в.	Пайкенд или Кала-и Дабуси
Чер, сын Вахзанака	Невакет	Городище Красная Речка (Чуйская долина)	?-710-?	Самарканд или Пенджикент
Нек-сенгун	селения близ Семекны	Илийская долина	?-732-?	Согд
Огул-тархан	Тараз	Г. Джамбул	?-732-?	Бухара

Таблица иллюстрирует наши далеко не полные, разрозненные, частью гипотетичные сведения об именах правителей семиреченских согдийских городов, времени и места их правления. Значительную трудность представляет идентификация городов, названия которых приведены в письменных источниках, с теми или иными городищами. Этот вопрос осложняется тем, что самоназвание некоторых согдийских селений в Чуйской долине не совпадали с перечнем названий здешних городов, приведенных в арабо-персидских дорожниках. Так, в согдийской надписи на венчике хума, найденного на городище у с. Покровка (восточнее г. Фрунзе), В.А. Лившиц прочел: "...дар общины Пакапа"³. Селение или город Пакап в других источниках обнаружить не удалось. Дальнейшие успехи в изучении согдийских поселений в Семиречье могут быть достигнуты только с расширением целенаправленных археологических работ по изучению нижних слоев городищ.

¹ Бернштам А.Н. Археологический очерк Северной Киргизии. – Фрунзе, 1941. – С.76-77; Байпаков К.М., Горячева В.Д. К вопросу о локализации Невакет. – / В сб.: Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции Культура и искусство Киргизии, вып.1. – Л., 1983. – С. 74-75; История Киргизской ССР, т.1. – Фрунзе, 1984. – С. 271.

² Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники... – С. 131-133.

³ Лившиц В.А. Согдийцы в Семиречье... – С. 81.

СВЕДЕНИЯ О ТЮРКСКИХ НАРОДАХ В МИНЕРАЛОГИЧЕСКОМ ТРАКТАТЕ АЛ-БИРУНИ

Книга Абу Райхана Мухаммеда ибн Ахмеда ал-Бируни «Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия)» была написана в конце жизни великого хорезмийца. В 1963 г., благодаря трудам А. М. Беленицкого и Г. Г. Леммлейна, вышел в свет полный перевод этого трактата на русский язык. Перевод снабжен исчерпывающими научными примечаниями и статьями¹. Большая ценность сочинения ал-Бируни заключается не только в том, что оно является едва ли не полной сводкой раннесредневековых минералогических познаний. В нем помещено большое количество исторических экскурсов и заметок самого различного характера и содержания, которые удачно вписываются в канву общего повествования, среди них встречаются упоминания о тюркских народах, сводке которых и посвящена настоящая статья.

Время жизни ал-Бируни совпало со временем нового подъема мощи тюркских народов. Под натиском тьяньшаньских тюрков пала среднеазиатская династия Саманидов, Хорасаном полновластно управлял выходец из тюрков эмир Махмуд, обосновавшийся в Газне. Все это не могло пройти мимо внимания ал-Бируни, который был не только великим мыслителем, но и политическим деятелем своего времени.

Источники, из которых ученый черпал свои сведения о тюркских народах и о земле тюрков, весьма разнообразны. Среди них выделяются: 1 – персо-арабоязычная литературная историко-географическая традиция; 2 – личная корреспонденция и расспросные данные; 3 – непосредственные контакты с отдельными представителями тюркских народов.

При написании «Минералогии» ал-Бируни, судя по его ссылкам на источники, использовал сорок три научных труда предшественников. Цитаты, как установил А. М. Беленицкий, свидетельствуют об использовании ученым сочинений Ибн Хордарбека, ал-Истархи, ал-Джайхани и, по всей вероятности, Ибн ал-Факиха и ал-Мукадасси². Можно лишь предполагать, что ал-Бируни был знаком с трудами ал-Масуди и ас-Саллами. Некоторые из этих сочинений до нашего времени не сохранились. К последним относятся трактаты ал-Джайхани и ас-Саллами. Кстати, по мнению И. Ю. Крачковского, уже сам факт цитирования трудов ал-Джайхани таким серьезным ученым, как ал-Бируни, ставил под сомнение очень нелестную оценку, которую в свое время Мукадасси дал сочинению ал-Джайхани³. Все названные историки и географы писали о тюркских народах. Отдельные фрагменты о тюрках были заимствованы ал-Бируни из естественнонаучных сочинений⁴. Некоторые фрагменты «Минералогии» позволяют полагать, что ученый использовал многие исторические хроники персов и другие неизвестные нам источники⁵.

Важными источниками для ал-Бируни о тюрках послужили корреспонденции, расспросы и личное общение с людьми, бывавшими у тюрков, либо с самими тюрками. Наиболее интересными, а иногда уникальными являются те экскурсии, которые он предваряет словами: «Рассказывал один человек, побывавший в этих областях...»⁶. Эти сведения дополняют часто уже известную картину многими важными деталями и тонкими наблюдениям.

Есть основания полагать, что ал-Бируни были известны события, связанные с самым началом возвышения тюрков-тугу в середине VI в. В разделе о яхонтах

¹ Абу - р - Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал - Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия) / Пер. А.М. Беленицкого, статьи и примечания А.М. Беленицкого и Г.Г. Леммлейна. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. (В дальнейшем – Ал-Бируни. Минералогия).

² Беленицкий А.М. Место минералогического трактата Бируни в истории восточной минералогии; Ал-Бируни. Минералогия... – С. 409.

³ Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература. – Изб. Соч., т.4. – М.-Л., 1957. – С. 223.

⁴ Ал-Бируни. Минералогия... – С. 63, 88, 184.

⁵ Болин.С. К истории древнего Хорезма. – ВДИ, 1941. – С. 192-195.

⁶ Ал-Бируни. Минералогия... – С. 184, 196 и др.

повествуется, о подарках шаху Ирана Хосрову I Ануширвану (531–579 гг.), которые прислали ему владыки крупнейших держав. Среди них упомянут и тюркский каган: «Хакан прислал сто панцирей позолоченных и посеребренных, наподобие позолоченных, и четыре тысячи манов тибетского мускуса»¹. Здесь, скорее всего, имеется в виду один из братьев, основавший первый каганат, Истеми. Дружеские и даже союзные отношения между Ануширваном и Истеми существовали в период с 554 г. по 568 г. Союз был скреплен династическим браком². Таким образом, дружественные дипломатические связи между каганом и шахом, упомянутые ал-Бируни, были в действительности.

В источниках отмечалось большое мастерство тюркских кузнецов и существование у них латной конницы³. Сведения, приведенные в «Минералогии» ал-Бируни, позволяют полагать, что ремесленники тюрков-кочевников к середине VI в. овладели сложной техникой позолоты и посеребрения. Из их рук выходили изделия высокой художественной ценности. Факт весьма примечательный. Думать, что эти панцири были приобретены тюрками в соседних странах, мало оснований, так как в состав дипломатических подарков обычно включались «местные произведения». Приведенные факты согласуются с данными византийского посла к Истеми, которому тюрки предлагали купить железо. В орде он видел много ценной утвари из металла высокой художественной работы⁴.

Поражает громадное количество мускуса высшего качества, которым располагал каганат. Благовоние это было настолько ценным, что приравнялось по своей стоимости к благородным металлам⁵. Даже если иметь в виду малый или канонический ман, который в средневековом Иране был равен 832 г⁶, то и тогда количество мускуса, которое Истеми отправил в подарок Ануширвану, составит астрономическую цифру – 3328 кг. Мускусная железа у взрослого самца кабарги весит 30–60 г. Если мы примем за исходную величину даже ее максимальный вес, то для получения названного количества мускуса нужно убить 55,5 тыс. животных. Тем не менее, цифра, приведенная ал-Бируни, заслуживает доверия. В «Минералогии» есть эпизод, в котором перечисляются сокровища казны Хосрова II Парвиза (590–626 гг.). Среди них названы «...сто коробов, в каждом из которых было по тысяче мускусных струй... Все это не противоречит вероятности и имеет свои основания», – заключает ал-Бируни⁷. Простой арифметический подсчет позволяет установить, что в сокровищнице шаха имелось около шести тысяч килограммов этого ценнейшего ароматического вещества.

Эти сведения дают возможность представить масштабы торговли мускусом во второй половине VI – начале VII вв.. Кроме того, наличие очень большого числа мускусных струй у владыки западных тюрков позволяет полагать, что не все они были добыты в результате охоты его самого и его личной дружины. К сожалению, источники умалчивают о налоговой политике первых тюркских каганатов⁸. Не исключено, что многие кочевые племена Южной Сибири, Алтая, Восточного Туркестана, Семиречья, где водились мускусные газели, войдя в состав каганата, платили определенную часть дани своему сюзерену мускусом.

¹ Там же. – С. 65-66.

² Себеос. История императора Иракла / Пер. с арм. К. Патканян. – СПб., 1862. – С. 38.

³ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I – М.-Л., 1950. – С. 228-229.

⁴ Менандр. Продолжение истории Агафиевой. Византийские историки, пер. С. Дестуниса. – СПб., 1861. – С. 376.

⁵ Мокрынин В.Н. Торговые связи Киргизстана VI–X в.: Арабо-персидские источники о тюркских народах. – Фрунзе, 1973. – С. 117.

⁶ Хинц В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. – М., 1970. – С. 27.

⁷ Ал-Бируни. Минералогия. – С. 66.

⁸ Для конца 20-х годов VII в. есть сообщение Моисея Каганкатваци о тяжести налогов, установленных тюрками в Закавказье. См.: История агван Моисея Каганкатваци, писателя X в. / Пер. с арм. К. Патканова. – СПб., 1861. – С. 131.

Ал-Бируни была известна попытка арабов продвинуться в Северное Притяньшанье, закончившаяся знаменитой битвой у города Тараз (современным г. Джамбул) в 751 г. здесь ученый приводит любопытную подробность: арабы в качестве добычи среди всего прочего получили яхонт, цена которого превышала двадцать тысяч динаров¹.

Не исключено, что ученый знал генеалогические предания тюрков или их варианты. В «Минералогии» он повествует: «...жители Тибета говорят, что их первый хакан был сыном солнца, который сошел с неба в кольчуге, а жители Кабула в дни невежества верили в то, что Барахмакин, первый из их тюркских царей, был сотворен в некоей тамошней пещере, называемой сейчас Бугра»². Как отметил А. М. Беленицкий, легенда о происхождении тибетского царя, повествуемая ал-Бируни, аналогичная легенде у Гардизи.

Чтобы подчеркнуть интересующий нас аспект сказания о происхождении тюркского правителя в Кабуле, кратко передадим неоднократно привлекавшиеся различными авторами легенды о генеалогии тюрков. Одна из них повествует, что тюрки были уничтожены воинами соседнего племени. Остался лишь единственный искалеченным, победителями мальчик, которого вскормила волчица, родившая впоследствии от него в одной из пещер десять сыновей, одним из них был Ашина, ставший основателем новой династии³.

Нетрудно заметить, что обе легенды сближает то обстоятельство, что тюркские цари как по одной версии, так и по другой рождаются в пещере. Ал-Бируни не упоминает о волчице в связи с происхождением Барахмакина (Барах-тегина); однако археологические данные позволяют утверждать, что в VI–VII вв. тематика волка начинает проникать в искусство земледельческих народов Средней Азии. Исследователи ее совершенно справедливо считают, что изображение морды волка или собаки «уводит в мир образов, связанных с северными степными районами Средней Азии»⁴. Показательно, что в хронике Михаила Сирийца упомянуто об одном из низших божеств тюрков – «звере, подобном собаке»⁵. В нем, на наш взгляд, нетрудно узнать мифическую прародительницу голубых тюрков. Других сведений у нас нет, однако и эти подтверждают возможность знакомства населения Средней и Передней Азии с древним тюркским генеалогическим преданием, успевшим получить к XI–XII вв. новую интерпретацию⁶. Возможно, ее и воспроизвел вариант, приведенный ал-Бируни в «Минералогии».

Значительное место в трактате ученого отведено поверьям о минералах, бытовавших у разных народов. Необходимо заметить, что сам ал-Бируни относился к ним более чем скептически. Вызывает интерес рассказ, помещенный в «Минералогии», о магическом камне «яда», при помощи которого тюрки якобы могли вызвать непогоду⁷. Камни эти, как повествует ал-Бируни, со слов ар-Рази, находятся в стране тюрков на перевале между карлуками и печенегами. «С помощью этих же камней они (карлуки и печенеги – В.М.), когда захотят, притягивают дождь таким образом: человек входит в воду и, держа камень с этого перевала во рту, машет руками, и дождь начинает идти»⁸. По

¹ Ал-Бируни. Минералогия. – С. 60-61.

² Там же. – С. 27.

³ Бичурин Н.Я. Собрание сведений, т.1, – С. 220-221.

⁴ Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. – Ташкент, 1960. – С.152.

⁵ Гусейнов Р. Сирийские источники XII–XIII вв. об Азербайджане. – Баку, 1960. – С. 96.

⁶ Даже древнетюркская легенда о прародительнице-волчице не была изначальной. По мнению Ю.А. Зуева, это всего лишь тюркская реализация более древнего усуньского генеалогического сказания: Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Алма-Ата, 1967. – С.12.

⁷ О происхождении термина «яда» См.: Малов С.Е. Шаманский камень. – СЭ, 1947, 1. – С. 152.

⁸ Ал-Бируни. Минералогия. – С.205.

другим сведениям, как он сообщает, «камень дождя» находят в пустыне за долиной карлуков. Камень этот черный со слабым красным оттенком¹.

Следующий эпизод показывает, с какой иронией относился ученый к несовместимым с наукой воззрениям на магические свойства камней.

«Один тюрок как-то принес и мне нечто подобное (яда – В.М.), полагая, что я этому обрадуюсь или приму его, не вступая в обсуждение, и вот сказал я ему: «Вызови им дождь не в положенное время или же, если это будет в сезон дождей, то в разные сроки, по моему желанию, и тогда я у тебя, его возьму и дам тебе то, на что ты надеешься, и даже прибавлю». И начал он делать то, что мне рассказывали, а именно – погружать камень в воду, брызгать ею в небо, сопровождая это бормотанием и криками, но не вызвал он этим дождя ни капли, если не считать тех капель, которые он разбрызгивал и которые падали (при этом) обратно на землю»². Далее ал-Бируни приводит сведения, свидетельствующие о глубоком проникновении этого сугубо кочевнического суеверия в среду земледельческих народов средней Азии: «Еще удивительнее то, что рассказ об этом (свойстве яда. – В. М.) весьма распространен и так запечатлелся в умах знати, не говоря уж о простонародье, что из-за него ссорятся, не удостоверяясь в истине, и вот поэтому-то один из присутствующих стал защищать его (тюрка) и объяснять происшедшее с камнем дело различием местностей и (уверять), что эти камни бывают превосходными (лишь) в земле тюрок...»³.

Наиболее ранние известия о камне «яда» относятся, по-видимому, к началу нашей эры. В восточных хрониках пишется, что в гуннском государстве Юебань (локализуется где-то в Семиречье) «есть такие волхвы, которые во время жужаньских набегов могли производить продолжительный дождь сильный буран и даже наводнения»⁴. В генеалогическом предании тюрок повествуется, что родившийся от волчицы Ичжини-нишыду «мог наводить ветры и дожди»⁵. Гардизи приписывал обладание дождевым камнем огузам, карлукам, тогузгузам⁶. Все эти племена обитали у границ Ферганы, Согды и Хорезма. Очевидно, выходцы из этих племен и явились распространителями описываемого поверья, можно утверждать, что уже в IX в. это суеверье прочно вошло в магический арсенал коренного населения Мавераннахра. Например, саманид Нух Асад расспрашивал о дождевом камне стариков Мавераннахра и тюрок, принявших ислам⁷.

Среда оседлого населения Средней и Передней Азии было распространено поверье тюрок в магическую силу нефрита. Ал-Бируни пишет: «... нефрит или один из видов его называется камнем победы, и по этой причине тюрки, стремясь достигнуть победы в единоборстве и схватке, украшают им свои мечи, седла и пояса. Затем их примеру последовали и другие народы и (с этой целью) стали выделывать из него перстни и рукоятки для ножей»⁸. Это сообщение заслуживает внимания. О том, что оседлые народы зачастую перенимали вооружение и военную тактику кочевников, писалось не раз. Однако влияние воина-степняка, имевшего большой ратный авторитет, на земледельца было значительно более глубоким, чем отмечалось. Оседлые народы, искавшие объяснение побед тюркского воина не только в его вооружении и тактике, но и в его психологическом превосходстве, зачастую, находя, наряду с другими, иррациональное объяснение: вера в

¹ Поверье о магическом камне, при помощи которого можно было вызывать или прекращать атмосферные осадки, до недавнего времени было распространено почти у всех тюркских народов. Об этом поверье у киргизов см.: *Баялиева Т.Д.* Доисламские верования и их пережитки у киргизов. – Фрунзе, 1972. – С. 54-56.

² *Ал-Бируни.* Минералогия. – С. 205.

³ Там же.

⁴ *Бичурин Н.Н.* Собрание сведений – Т.2. – С. 260.

⁵ Там же, т.1 – С. 221-222.

⁶ *Бартольд В.В.* Отчет... – С. 119.

⁷ Материалы по истории туркмен и Туркмении, т.1, VII – XV вв. Арабские и персидские источники / Под ред. Волина С.Л., Ромаскевича А.А., Якубовского А.Ю. – М.- Л., 1939. – С. 154.

⁸ *Ал-Бируни.* Минералогия. – С. 184.

силу «дождевого камня и камня победы». Этим, видимо, объясняется широкое распространение тюркских поверий в иной этнической среде.

Несмотря на малочисленность подобных примеров, их достаточно для утверждения, что уже в раннем средневековье земледельческое население Средней Азии усвоило отдельные народные представления кочевников. Это нельзя рассматривать иначе, как известное идеологическое влияние кочевников на земледельцев.

Однако у ал-Бируни отмечены и явления прямо противоположного порядка. В повествовании о хуту есть рассказ очевидца о реакции степняков на солнечное затмение. Когда «...солнце потемнело, тогда они (тюрки. – В.М.) слезли с лошадей и распростерлись в земном поклоне... и не поднимали они головы, пока не кончилась темнота; я спросил их об этом, и указали они на бога всевышнего, описав его так, как делаю язычники, – в образе птицы.

...Они утверждали, что эта птица чрезвычайно большая, живет за морем в необитаемых пустынях Сина и страны зинджей (побережье Мозамбикского пролива. – В.М.) и питается дикими слонами, ...она проглатывает их так, как петухи проглатывают зерна пшеницы, и имя ее на их языке – хуту. Этим словом они выражают почтение к ней, так же как они титулом хана выражают почтение к своим царям, а титулом хатун – к их женам. Хуту – рога этой птицы, когда они найдены; но их находят случайно (один раз за целые века и эпохи, подвергаясь опасностям при переезде через море, в (те страны), что за ним, поэтому-то хуту так ценится среди людей»¹.

В этом повествовании нетрудно узнать персонаж древнеиранской мифологии – птицу Симург (рук, анка). О ней писал в своей работе, почерпнув сведения где-то в Передней Азии, и Марко Поло: «...есть там (на о.Мадагаскар. – В.М.) птица гриф... Те, кто видал, рассказывают, что он совсем как орел, но только, говорят, чрезвычайно большой... гриф очень силен и очень велик, схватит слона и высоко-высоко унесет его вверх, на воздух, а потом бросит его, жрет и упивается... Если гриф расправит крылья, так в них тридцать шагов, а перья в крыльях двенадцать шагов, по длине и толщина их... зовут его на островах руком, а по-нашему не называют и грифа не знают»². Очень показательно, что сведения тюрков и Марко Поло о месте обитания удивительной птицы почти совпадают.

В средние века иранская мифология получила весьма широкое распространение. В советской историографии загадка птицы Симург была решена К. В. Тревер, которая доказала ее связь с авестийским Сэнмурвом и указала на распространение этого образа в искусстве Ирана и Закавказья³. О распространении этого персонажа среди славян на Руси и тесной связи Сэнмурва-Симаргла с русским языческим божеством Переплугом писал Б. А. Рыбаков⁴. Мы можем отметить возможность бытования поверья в это мифическое существо, возникшего в Иране еще во времена Авесты, среди тюрков. Распространителем его на восток могли быть согдийские колонисты и купцы.

Однако в тюркском варианте древнеиранской легенды есть еще несколько моментов, представляющих интерес для историка кочевников средневековья. Прежде всего, обращает на себя внимание представление тюрков о солнечном затмении. Солнце, по их мнению, заслонялось крыльями гигантской птицы хуту. Это, насколько нам известно, единственная фиксация подобного объяснения тюрками указанного космического явления.

Заметна здесь еще одна любопытная деталь. Народы севера были основными поставщиками хуту, под которыми следует понимать бивни ископаемых животных.

Основной поток хуту был из стран болгар и кыргызов. Они-то и распространяли, как полагаем А. П. Ковалевский, самые невероятные слухи среди торговцев о свирепости

¹ Ал-Бируни. Минералогия. – С. 196-197.

² Книга Марко Поло / Пер. И.П. Минаева. – М., 1955. – С. 202-203.

³ Тревер К.В. Собака-птица: Сэнмурв и Паскудж. / Из истории докапиталистических формаций. – М.-Л., 1933. – С. 323-325.

⁴ Рыбаков Б.А. Русалки и бог Симаргл-Переплут. – СА, 1967. №2. – С. 112-113.

животных, обладающих хуту, и о трудностях охоты на них с единственной целью отпугнуть пришельцев и самим добывать драгоценный товар. Эти басни прочно вошли в арабскую литературу¹.

В повествовании же ал-Бируни, если отбросить мистические рассказы, мы обнаруживаем свидетельство, что хуту не добывают в результате охоты, а находят, и это целиком соответствовало действительности.

Анализируя приведенное сообщение ал-Бируни о птице, от почтительного названия которой якобы и получил имя знаменитый предмет торговли, можно предположить новую этимологию слова хуту. В повествовании ал-Бируни мы усматриваем два момента, позволяющие толковать слово «хуту» как производное от тюркского «qut». В древнетюркском языке это слово имело следующие основные значения: 1 – душа, жизненная сила, дух; 2 – счастье, благо, благодать, благополучие; удача, успех; счастливый удел². В экскурсе ал-Бируни птица Хуту названа божественной. При этом подчеркивается, что «хуту» не личное имя этой птицы, и даже на обозначение породы, а как бы титул. Здесь вероятна связь с первым значением древнетюркского слова «qut» (дух). Однако в конце повествования ученый, со слов информатора, отмечает величайшую редкость находки костей птицы, и их большую ценность, что можно связать со второй смысловой нагрузкой слова «qut» (счастье, удача), высказывая эти предположения, мы ни в коей мере не претендуем на окончательное решение вопроса. Он нуждается в дальнейшей разработке.

В «Минералогии» ал-Бируни отмечены еще некоторые поверья тюрков относительно хуту. Ал-Бируни пишет, что вещество хуту является особо желанным и хранимым в среде восточных тюрков. «Они утверждают, объясняя причину своего пристрастия к нему, что он потеет при приближении к нему яда»³. Те же тюрки питают страсть и к большим кускам янтаря из Прибалтики. Они хранят его так же тщательно, как хуту. «Причиной их пристрастия к нему, как они говоря, является только то, что он отвращает вред дурного глаза»⁴.

Сведения, приведенные в «Минералогии» о поверьях тюркских народов в раннем средневековье, при скудости письменных источников именно по этому вопросу, переоценить трудно⁵.

В сочинении ал-Бируни есть отдельные сообщения о товарах, имеющих у тюрков, ценах на них и даже правилах оценки. Так, в Барсхане из особого сплава под названием харсини отливали котлы и другие сосуды. Работа барсханских мастеров была грубая, однако секрет сплава долго не был известен в странах халифата⁶. Насколько нам известно, это единственное сообщение о товарах ремесленного, производства в раннесредневековых городах Тянь-Шаня, получивших широкую известность. Из дерева халандж «в земле тюрков... выделывают столы, ведра, чашки и тому подобные предметы»⁷. Само дерево и тем более изделия из него очень ценились⁸.

Ал-Бируни имел сведения об угольных копях в Фергане. Он писал, что «черными камнями топят печи, а зола применяется для мытья одежды»⁹. Возможно, речь шла о месторождениях в районе Исфары – Шураба¹⁰.

Несмотря на то, что ученый хорошо знал, что нефрит добывают в Восточном

¹ Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. – Харьков. 1956. – С. 227.

² Древнетюркский словарь. – Л., 1960. – С.471.

³ ал-Бируни. Минералогия. – С. 195.

⁴ ал-Бируни. Минералогия. – С. 197

⁵ См. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М., 1967. – С. 76-86.

⁶ Ал-Бируни. Минералогия. – С. 244, 488.

⁷ Там же. – С. 163.

⁸ Мец А. Мусульманский ренессанс. – М., 1966. – С.350.

⁹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т.1. – М., 1963. – С. 217.

¹⁰ Ал-Бируни. Минералогия. – С. 184.

Туркестане и даже перечислял названия несущих его рек, он сообщает, что нефрит имеется и в долине реки Чу¹. На раннесредневековых городищах и в могильниках Чуйской долины собрана большая коллекция различного рода поделок из нефрита, заготовок для них и даже распиленная нефритовая, окатанная рекой галька². Можно допустить, что информаторы-купцы говорили о Чуйской долине не как о месторождении нефрита, а как о месте его обработки и торговли им. В средние века товары часто получали название не по месту их добычи, а по месту их спроса или по пункту, из которого их привозят. Например, ал-Бируни пишет о лале: «Наср относит его копи к Бадахшану... Но сам Бадахшан с ним никак не связан, а называется лал ба-дахшанским потому, что он (Бадахшан) является местом, через которое его привозят и в котором его гранят и полируют. Бадахшан для него – ворота, через которые он распространяется по другим странам»³. Географическое положение Чуйской долины позволяло ей быть подобными воротами для нефрита.

Ученый отмечает неожиданный для нас источник драгоценных металлов и камней для торговли. Он пишет: «В стране тюрок имеются люди, известные под именем «разрыватели могил» (наббаши), которые разыскивают в земле тюрок древние могилы и раскапывают их, но не находят в них ничего, кроме того, что остается непорченным землей, – золота, серебра и других металлов»⁴. Археологи Киргизии за десятилетия работы ни разу не обнаружили богатого погребения, в котором бы не побывали эти наббаши. Отдельные разрозненные находки из золота, иногда инкрустированные камнями всех оттенков красного цвета, и особенно очень богатое погребение в местности Шамши, обнаруженное случайно, свидетельствуют о том, что грабителям было чем поживиться. Древние изделия из драгоценных камней и металлов вновь вступали в оборот.

К товарам тюрок, по-видимому, следует отнести золото и серебро. Это единственные металлы, названия которых ал-Бируни приводит и по-тюркски, кроме того, он отмечает, что золото тогуз-огузов легковесное⁵. Одно из названий серебра – «гараб» – в «Минералогии» позволило С. Г. Агаджанову вместе с другими данными, идентифицировать рудник Гарбиан, о котором писал ал-Идриси, с известным районом добычи серебра в верховьях реки Талас⁶.

Сведения о ценах на товары тюрок скудны. Ал-Бируни говорит лишь о стоимости хуту на рынках Ирана. Однако сообщения его обстоятельны, информаторами его по этому вопросу были братья-ювелиры из Рея, которым ученый вполне доверял, в зависимости от цвета различались семь сортов хуту. Лучшие сорта при весе в сто дирхемов стоили сто динаров, «затем цена понижается до динара и он покупается без веса; самый большой кусок, который мы видели, весил сто пятьдесят дирхемов и стоил двести динаров»⁷.

На наш взгляд, это сообщение ал-Бируни позволяет предполагать, что правила оценки хуту были близки к таковым по оценке яхонтов. Ученый так описывает способ оценки яхонтов современными ему ювелирами: «При удвоении веса камня стоимость его увеличивается в четыре раза. (Камень) весом в полмискаля стоит четыреста динаров, в мискаль – тысячу динаров, в полтора мискаля – две тысячи динаров»⁸. Несмотря на разные весовые единицы при оценке хуту и яхонтов, математическая зависимость между ценой и весом хуту и яхонтов одинакова.

Г. Г. Леммлейн, который посвятил раздел в своем труде правилу оценки камнем по

¹ Бернштам А.Н. Археологический очерк Северной Киргизии. – Фрунзе, 1941. – С. 94.

² Абетеков А.Т. Археологические памятники кочевых племен в западной части Чуйской долины. – / В сб. Деревня и раннесредневековая культура Киргизстана. – Фрунзе, 1967. – С. 50. Большая коллекция изделий из нефрита хранится в СШ №10 г. Фрунзе.

³ Ал-Бируни. Минералогия. – С. 74, 346.

⁴ Там же. – С. 214, 396.

⁵ Там же. – С. 214, 119, 226.

⁶ Агаджанов С.Г. Очерк истории огузов и туркмен Средней Азии в IX–XIII вв. – Ашхабад, 1969. – С. 70.

⁷ Ал-Бируни. Минералогия. – С. 197.

⁸ Там же. – С. 48.

данным трактата ал-Бируни, в фразе хорезмийца: «При удвоении веса камня стоимость его увеличивается в четыре раза» – усматривает «почти точную формулировку известного квадратичного правила для определения стоимости драгоценных камней»¹. Возможно, подобное правило вступало в действие при оценке хуту.

Арабо-персидские географы постоянно указывали в своих сочинениях, что в IX–X вв. основными поставщиками хуту были киргизы, а хазланджа – кимаки и киргизы². Поступали эти товары и от болгар³.

Ал-Бируни был осведомлен о наличии хуту у киргизов, однако усомнился в этом. Более того, ученый отметил, что в дальневосточные земли хуту доставлялся из Ирана и Хорасана,⁴ а хазландж привозят только из страны болгар⁵. Можно предполагать, что в связи со смутным временем в Центральной Азии поток хуту и хазланджа из стран тюркоязычных народов на Запад во времена ал-Бируни сократился до минимума, если не прекратился вообще.

Этими сведениями исчерпываются данные «Минералогии» о торговых связях стран халифата с тюркскими народами.

Отдельные фрагменты из трактата ал-Бируни позволяют по-новому взглянуть на роль выходцев из тюрков, проживающих в государстве Саманидов. Их было много. Источники сообщают, что основным родом их занятий было военное дело, некоторые из тюрков стали крупными военачальниками и даже вершителями судеб династии⁶.

Однако не только мечом добывали признание бывшие кочевники. При дворе саманидов трудился ученый Ианал-дуалист. Полное имя и труды его не сохранились. А. М. Беленицкий полагает, что он мог быть выходцем из уйгурской манихейской среды, судя по одному из замечаний ал-Бируни, в круг его научных интересов входило, помимо прочего, описание стран дальнего Востока⁷. В окрестностях Пайкенда, близ Бухары, обитал некий туркмен⁸ Субай-Хирма. Он ежегодно прибывал к хорезм-шаху с дарами, «...среди которых была мумийа, изготовленная им из растений; он утверждал, что лекарства он составляет только из трав и что (изготовленная таким образом мумийа) обладает более высоким достоинством и быстрее действует»⁹. Туркменская мумийа ценилась Хорезм-шахом. Лишь в качестве особой милости ею пользовали придворных.¹⁰ Возможно, Субай Хирма снискал себе известность и как ученый-фармаколог, разрабатывая и внедряя тюркскую народную медицину, основанную на лечебных свойствах трав.

Почти всю свою жизнь ал-Бируни провел во дворцах хорезм-шахов, либо правителей Газны. Он был не только осведомлен о современной ему политике, но в

¹ Леммлейн Г.Г. Минералогические сведения, сообщаемые в трактате Бируни. Минералогия. – С. 398.

² Материалы по истории киргизов и Киргизии, вып. 1. – М., 1973. – С. 41; Мец А. Мусульманский ренессанс... – С. 304.

³ Ковалевский А.П. Путешествие... – С. 150, 154, 227.

⁴ Ал-Бируни. Минералогия. – С. 195.

⁵ Там же. – С. 196.

⁶ Мухаммед Наршахи. История Бухары / Пер. Лыкошина под ред. В.В. Бартольда. – Ташкент, 1897.

⁷ Ал-Бируни. Минералогия. – С. 38–39, 425.

⁸ Ал-Бируни приводит этимологию слова туркмен, на которой мы не будем останавливаться, так как этот вопрос на высоком научном уровне рассмотрен С.Г. Агаджановым. См.: Агаджанов С.Г. Очерки истории... – С. 80–83. Можно только добавить, что этноним «туркмен» зафиксирован уже в мугских документах. См.: Согдийские документы с горы Муг. Вып. 3. Хозяйственные документы / чтение, перевод и комментарии М.Н. Боголюбова и О.С. Смирновой. – М., 1963. – С. 47.

⁹ Ал-Бируни. Минералогия. – С. 193.

¹⁰ Ал-Бируни. Минералогия. – С. 193. Трудно определить время, к которому можно отнести этот эпизод. Он мог произойти в любой из двух периодов пребывания ал-Бируни в Хорезме: до 994–995 г. или в 1010–1017 гг. Во всяком случае, ученый вспоминает это в 1048 году (год завершения «Минералогии»), как очень далекое прошлое. Можно лишь предполагать, что описанные события произошли в первый период жизни ал-Бируни в Хорезме. Едва ли после 999 г., когда Караханиды взяли Бухару, возможно было свободное ежегодное общение их подданного с враждебным Караханидам хорезм-шахом.

известной мере был ее творцом. Однако политический статус возвысившейся на его глазах тюркской династии Караханидов почти не нашел отражения в «Минералогии». Лишь в одном месте он отметил, что «...дела их (Саманидов. – В.М.) государства пришли в расстройство из-за тюрка Бограхана¹, который овладел Бухарой в 992 г.²

В «Минералогии» ал-Бируни упоминает о посольстве тюркских ханов к эмиру Махмуду. От этих дипломатов ученый получил некоторые сведения о хуту и земле кыргызов³. Предполагают, что упомянутые ханы были членами династии Караханидов.

Фрагмент из сочинения ал-Бируни «История Хорезма», приведенный в труде Абу-л-Фазла Байхаки, свидетельствует, что ученый хорошо был осведомлен не только о внешней политике Караханидов, но и о внутреннем положении в их державе. По совету ал-Бируни Хорезм-шах выступил посредником между двумя враждующими представителями тюркской династии и примирил их⁴.

В трактате по минералогии ученый приводит ряд географических сведений о земле тюрков. Но в этом вопросе он главным образом следует литературной традиции, поэтому данные трактата в отличие от других его сочинений, где речь шла о землях тюрков, не представляют самостоятельного научного значения.⁵

Изучение наследия среднеазиатского энциклопедиста в плане реконструкции средневековой истории тюркских народов находится еще в состоянии сбора и первичной, интерпретации фактологического материала.

¹ Ал-Бируни. Минералогия. – С. 154.

² Бартольд В.В. Туркестан... – С. 320.

³ Ал-Бируни. Минералогия. – С. 195.

⁴ Абу-л-Фазл – нумизматики удалось Байхаки. История Масуда – 1030–1041 / Пер. А.К. Арендса. – М., 1969. – С. 814. По данным установить имена враждовавших ханов. (См.: Федоров М.Н. О политической истории Узгенда конца X–XI вв. – Изв.АН Киргиз.ССР.Т 973, №1. – С. 92).

⁵ Опыт анализа географических сведений ал-Бируни. См.: Агаджавов С.Г. Очерки истории... – С. 83-85.

БЕЛОВОДСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

На территории Северной Киргизии в средние века было много городов и поселений. Сейчас они представляют собой оплывшие холмы. А в VI–XII вв. здесь жизнь была ключом: трудились ремесленники и землепашцы, торговали купцы, смиренно служило самым различным божествам духовенство, совершенствовались в ратном деле воины, писали книги мудрецы. Кто же были все эти люди?

В науке утвердилось мнение, высказанное еще академиком В. В. Бартольдом и позже подкрепленное профессором А. Н. Бернштамом, что города Северной Киргизии были основаны выходцами из Согды в V–VI вв. Позже, в VIII–X вв., они росли за счет массового оседания кочевников-тюрков. Скудные письменные источники позволяют конкретизировать этнический и весьма разнообразный состав пришельцев.

Согдийцы (согдак). Предприимчивые купцы, прокладывая торговые пути из Средней Азии в Казахстан и Сибирь, основали ряд поселений в Чуйской и Илийской долинах еще в V в. Помимо меркантильных причин, вызывавших переселения, были и другие. Во второй половине VI в. произошло восстание бедноты в Бухаре. Все богатые люди покинули город и переселились в долину р. Талас, где и основали город Хамукат. (В начале VIII в. часть согдийцев под натиском арабских завоевателей бежала в Семиречье. Северная Киргизия стала второй родиной согдийцев, где продолжала развиваться их культура еще свыше 200 лет после того, как она была уничтожена завоевателями в Согде.

Сирийцы. На Иссык-Куле, в Чуйской и Таласской долинах в VIII–XIV вв. обитали христиане несторианского толка – выходцы из Сирии.

Иранцы. По сообщению средневековых хроник, в долине Таласа в X в. жило свыше 10 000 уроженцев города Исфагана.

Армяне. К юго-западу от г. Фрунзе еще в XIX в. была найдена эпитафия на могиле армянского епископа Иоанна, умершего в 1332 г. Академик Н. Я. Марр, исследовав надпись, пришел к выводу, что она указывает «на более или менее значительную колонию армянскую» в Чуйской долине.

Тохаристанцы. В городах Чуйской долины в конце VII–VIII вв. был распространен буддизм. Ученые убедительно доказали, что истоки его следует искать в Тохаристане – области, занимавшей территорию Северного Афганистана и Южного Узбекистана. Можно предположить наличие тохаристанского этнического пласта среди населения Чуйской долины.

Кроме этого, как свидетельствуют письменные источники, в VII–XIII вв. в городах Семиречья обитали бывшие тюркские кочевники: тюргеши, карлуки, джикили, сары (шары), берсганы и др.

Таким образом, средневековые хроники отмечают лишь пришлый компонент и совершенно не указывают на местную основу населения.

На северной окраине с. Беловодск Московского района расположено средневековое городище. Оно известно науке как Беловодская крепость. Центральные развалины городища до сих пор возвышаются над окружающей равниной более чем на 7 м. В 1978 г. здесь работал археологический отряд, руководимый автором настоящей статьи. Важнейшим открытием сезона можно считать начало раскопок городского кладбища (некрополя). Оно было расположено на небольшом останце среди сая к северу от цитадели. Результаты раскопок превзошли все ожидания. В раскопе было обнаружено 28 захоронений. По конструкции погребальных сооружений и специфике обряда они делятся на три типа: в грунтовых ямах, в подбоях и погребение с конем.

Обряд захоронения был явно языческим. Об этом свидетельствуют многочисленные вещи, найденные при вскрытии могил. Среди них поделки из керамики, серебра, бронзы, железа, стекла, пасты, различных самоцветов, жемчуга. Это были предметы быта, украшения, конской сбруи и др. Наиболее многочисленными из них являются украшения, которые представлены серьгами, перстнями и бусами.

В тринадцати погребениях найдено 24 серьги. В основном это простые размыкающиеся кольца из бронзовой или серебряной проволоки. Иногда на кольца нанизывались бусы из жемчуга, сердолика, стекла.

В четырех погребениях найдено семь перстней из бронзы и серебра. Нитки перстней имели ромбическую, прямоугольную формы или форму цветка.

В четырех погребениях были найдены бусы. Каждый комплект включал разнотипные бусы в количестве от 7 до 37. Всего найдена 71 бусина. Они изготовлены из сердолика, халцедона, горного хрусталя, гагата, стекла, «египетской» пасты, каури, коралла. Здесь же обнаружено нефритовое плоское кольцо.

К предметам туалета можно отнести и круглое зеркало со слегка загнутым бортиком с небольшой петелькой на обороте.

Изделия из железа представлены трехгранными и листовидными наконечниками стрел, ножом, пряжками, браслетом.

Керамика представлена семью сосудами: пять кувшинов и две кружки. Шесть сосудов лепных и лишь один сделан на гончарном круге.

В погребениях некрополя обнаружены две монеты разных типов: литая бронзовая с квадратным отверстием в центре (VII–IX вв.) и черный дирхем «гитрифи» с изображением царя и надписью «Махди» на лицевой стороне. Такие монеты выпускались в Бухаре в VIII–IX вв. и позже. Монета использовалась в качестве подвески.

Вся совокупность материалов позволяет заключить, что горожан Беловодской крепости, по всей видимости, хоронили здесь еще в IX–X вв.

Научное значение Беловодского некрополя заключается в том, что анализ его погребальных сооружений и обряда дает ответ на очень важный вопрос: какие племена составляли основу городского населения Северной Киргизии. Обратимся к материалам раскопок. Все три типа погребений, отмеченные выше, идентичны курганным погребениям кочевников. Некоторые из них, в частности погребения в подбоях и в грунтовых ямах, имеют длительную историю развития и предшествовали возникновению интенсивной оседлой жизни в регионе. Для определения формирования состава населения городища Беловодской крепости был проведен сопоставительный анализ погребений кочевников и некрополя.

Погребения в грунтовых ямах имеют очень древнюю традицию на территории Северной Киргизии. Они возникают в эпоху бронзы еще во II тыс. до н. э. и продолжают доминировать в сакское (VIII–II вв. до н. э.) и усуньское время (II в. до н. э. – V в. н. э.). Известны они и в период средневековья (VI–XII вв.). Следовательно, большинство кочевнических погребений в грунтовых ямах можно отнести к потомкам сакского населения, часть которого, как сообщают письменные источники, влилась в усуньский племенной союз.

Погребения в подбоях получили распространение примерно с рубежа нашей эры. Ранние погребения в подбоях изучены в Центральном Тянь-Шане и на Иссык-Куле. Наиболее поздние из них вскрыты в могильнике Таш-Башат в Таласской долине. Здесь в одном из курганов было обнаружено богатое погребение в подбое. Комплект серебряных накладок к наборному поясу дает основание датировать его XIII – началом XIV вв. Таким образом, погребения в подбоях на территории Северной Киргизии были распространены в I–XIV вв. В этнической принадлежности этих погребений нет определенного положения. В новейших исследованиях высказано мнение, что ранние погребения в подбоях можно связывать с племенами усуней или юэджей.

В этническом определении погребений с конем нет разногласий. Все они принадлежат алтайским (орхонским) тюркам.

Сопоставляя приведенные данные о трех типах погребений в курганах кочевников с материалами Беловодского некрополя, где представлены все вышеуказанные типы, можно сделать следующие выводы:

1. В IX–X вв. на городище обитали потомки ранних кочевников, а также алтайские тюрки.

2. Численно преобладали потомки усуней (или юэджей), оставившие подбойные погребения.

3. Став горожанами, прежние кочевники, судя по их погребальному обряду, не порвали окончательно со степными традициями и долго не меняли религию.

4. Анализ женских украшений свидетельствует о широких экономических связях. Так, сердолик, каури, перламутр и жемчуг доставлялись из Индии, кораллы – с побережья Средиземного моря, нефрит – из Восточного Туркестана.

5. Некоторые типы женских украшений (серебряные перстни с ромбическим щитком), появившиеся в IX–X вв., встречаются среди изделий киргизских ювелиров в XIX – начале XX вв.

Более конкретные данные будут получены в ходе дальнейших археологических работ.

**КАГАН БАРС-БЕГ
и государственность енисейских кыргызов
в VI–XIII вв.**

Утопия

В XII в. великий поэт Востока Низами Гянджеви в поэме «Искандер-наме» описал благословенную страну Кыргыз и ее богоспасаемую столицу, где якобы с большим почетом принимали Александра Македонского не как великого завоевателя, а как желанного гостя. Александр, который завоевал (а, следовательно, знал) полмира, был поражен порядками, царившими в стране Кыргыз. Пышные сады с роскошными плодами никто не охранял, тучные стада паслись без пастухов, лавки с красным товаром стояли без сторожей и запоров, но все добро было в целостности и сохранности и не было злодеев, которые посягнули бы на него. Царь и народ были в полном согласии, среди кыргызов не было бедных и обездоленных, униженных и угнетенных. Страна Кыргыз, по мнению средневекового мыслителя, была страной всеобщего благоденствия, счастья, братства и равенства¹.

Основой правового средневекового государства Кыргыз, считал Низами, была праведная жизнь, где не было чрезмерных желаний, чтился каждый человек, независимо от его положения, где напрочь отрицалась власть «золотого тельца».

«Серебра мы не ценим и золота тоже,
Здесь они не в ходу и песка не дороже». —
говорили кыргызские мудрецы.

С достоинством поведали старейшины о порядках, царивших в обществе кыргызов Енисея:

«Помогая друзьям всеблагову в угоду,
Мы свою не скорбя переносим невзгоду,
Если кто-то из нас в недостатке большом,
Или малом, и если мы знаем о том,
Всем поделимся с ним. Мы считаем законом,
Чтоб никто и ни в чем не знаком был с уроном.
Мы имуществом нашим друг другу равны,
Равномерно богатства всем нам вручены.
В этой жизни мы все одинаково значим,
И у нас не смеются над чьим-либо плачем.
Лжи не скажем вовек. Даже в сумраке дрёмы
Неправдивые сны нам, о царь, незнакомы».

Утопия? Без сомнения. Но в этой утопии проглядывают и реальные черты жизни кыргызов. Такое представление поэта, творившего в Закавказье (совр. Азербайджан), об очень далекой стране Кыргыз свидетельствует о высокой репутации и славе государства на Енисее далеко за его пределами.

Это было редчайшее явление в истории Южной Сибири — создание государственности не пришельцами с юга или запада, а коренным народом — средневековыми кыргызами.

Государство Кыргыз

Средневековое население Минусинской котловины в греческих источниках именовалось херкис, в арабских и персидских — хырхыз, хырхыр, в средневековых

¹ Низами. Пять поэм. — М., 1968. — С. 765, 769-775.

китайских – в основном сяцзясы, цзилицисы, в рунических древнетюркских и уйгурских, а также согдийских – кыргызы. Последний термин точно передавал самоназвание народа.

Кыргызы оставили яркий след в истории Южной Сибири и Центральной Азии, но сведения о них в письменных источниках скудны и отрывочны. Известно лишь, что в VI–XII вв. они занимались скотоводством и земледелием, удачно охотились на лосей, кабаргу и пушных зверей, используя гончих собак (тайганов) и лыжи. Значительного развития достигли ремесла, особенно выплавка железа и кузнечное дело. Торговали с Китаем, Восточным Туркестаном и Средней Азией. Покупали иноземные шелковые ткани, лемехи для плугов и роскошные сосуды. Выменивали меха у «лесных народов» на ремесленные изделия и хлеб. Продавали скот, пушнину, мускус, ископаемые бивни мамонта, ценные сорта капа (нароста на березах), чрезвычайно прочные и острые мечи.

Кыргызы жили большими патриархальными семьями. Многоженство было обычным явлением. За невесту выплачивали калым скотом, числом иногда до тысячи голов. Одежду богатых шили из привозных шелковых тканей, собольих и рысьих мехов, бедноты – из овчин. Знать можно было отличить по высоким белым войлочным колпакам с загнутыми вверх полями. Эта древняя особенность сохранилась на Тянь-Шане до сих пор в традиционных головных уборах мужчин (отсюда иносказательное самоназвание кыргызов в эпосе «Манас» – аккалпакту).

Кыргызы были язычниками, а верховными божествами они считали супружескую чету Тенгри и Умай. Наиболее ярко их язычество описал персидский историк Гардизи: «Кыргызы, подобно индусам, сжигают мертвых и говорят: «Огонь – самая чистая вещь: все, что попадает в огонь, очищается; так и мертвого огонь очищает от грязи и грехов». Некоторые из кыргызов поклоняются корове, другие – ветру, третьи – ежу, четвертые – сороке, пятые – соколу, шестые – красивым деревьям. Среди них есть люди, которые называются фагинунами (?); каждый год они приходят в определенный день, приводя музыкантов, и готовят все для веселого пира. Когда музыканты начинают играть, фагинун лишается сознания; после этого его спрашивают обо всем, что произойдет в том году: о нужде и изобилии, о дожде и засухе, о страхе и безопасности, о нашествии врагов. Все он предсказывает и большей частью бывает так, как он сказал»¹. Это первое подробное описание камлания кыргызских бакши – шаманов.

Раннефеодальное государство енисейских кыргызов представляло собой сложную этносоциальную общность, состоявшую из этноса-элиты (собственно кыргызы) и ряда подвластных им племен (кыштымов), занимавших разные места в обществе. Кыргызы делились на племена. В составе кыргызов известны явно привилегированное племя доблестного народа булсар и народ ач, который платил дань кыргызам. Самую низкую ступеньку занимали горно-таежные племена охотников и оленеводов. Положение племени дубо в системе кыргызского государства китайский источник характеризует следующим образом: «Хагясы (кыргызы – Ред.) ловят и употребляют в работу»². Таким образом, государство Кыргыз на Енисее представляло собой устойчивое этносоциальное объединение раннефеодального типа с соответствующими строю государственными институтами.

К концу VII в. сложилась административно-военная система государства, верховный правитель которого в зависимости от внешнеполитических успехов получал титул «эльтебер», «ажо» или «каган». Обращает на себя внимание, что наряду с общетюркской феодальной титулатурой («эльтебер», «каган») кыргызские верховные правители имели титул «ажо». По-видимому, это сугубо кыргызский титул, примерно равный общетюркскому титулу «инал». Титул «ажо» имел длительную историю. Он

¹ Бартольд В.В. Извлечения из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар» // Соч. – Т. VIII. – М., 1973. – С. 48.

² Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Т. 1. – М.; Л., 1950. – С. 354.

сохранялся тысячелетиями. Последним носил его адерский судья из кыргызов Ботья-ажо, подписавший договор с красноярскими казаками в 1701 г.¹

Структура государственного устройства была предельно проста:

Ажо

Беги

Шесть багов

Важнейшим символом государства Кыргыз было алое знамя. Сами кыргызы иногда именовали свое государство Государством Алого знамени. Этот символ государства Кыргыз на Енисее сохранили воины Манаса, которые ходили в бой под красным знаменем (Кызыл Туу) и зеленым штандартом (Кок Асаба). Красное знамя, отражая глубочайшие традиции, в наши дни является символом суверенной Кыргызской Республики².

Вся территория средневекового государства Кыргыз делилась на шесть округов (багов). В цитированном выше сообщении Гардизи названы шесть фетишей, которым якобы поклонялись кыргызы. На наш взгляд, они могли соответствовать названиям и символам шести багов. Таким образом, были баг коровы, ветренный баг, баг ежа и т. д. по Гардизи. В багах властвовали крупные феодалы – беги. Судя по тому, что ажо или каган тоже имел титул «бег», в феодальной иерархии кыргызов верховный правитель был лишь «первым среди равных». В IX в. собственно кыргызы могли выставить 30 тыс., а вместе с ополчением вассальных племен – 100 – 110 тыс. воинов. Отсюда можно получить весьма примерные демографические данные. Известно, что в средневековье один воин приходился на пять человек населения (женщин, детей, стариков). Следовательно, собственно кыргызов было около 150 тыс. человек, а все население государства Кыргыз не намного превышало полмиллиона человек.

В VI–VIII вв. история кыргызов характеризуется постоянной борьбой за независимость. В 554–555 гг. земли по Енисею тюркский владыка Мухан-каган использовал в качестве источника рабов и первоклассного вооружения, которое здешнее население, согласно летописи, делало из метеоритного железа. Как отмечает китайская хроника 583 г., кыргызы «со скрежетом зубным» ожидали своей возможности отомстить тюркам. Поэтому тюркские каганы рода Ашина разместили на Енисее сильные гарнизоны.

После падения Первого Тюркского каганата в 630 г. кыргызы обрели долгожданную свободу, но не надолго, потому что предки кыпчаков – племена сиров (сеяньто) – под водительством кагана Иенчу Бильге заняли почти все земли восточных тюрков. Границами Сирского каганата стали Алтай, Хинган, Гоби и Керулен. Иенчу Бильге-каган, завоевав земли енисейских кыргызов, держал там «для верховного надзора» своего наместника – эльтебера. После разгрома сиров уйгурами в июне 646 г. началось усиление государства енисейских кыргызов. В 648 г. их посольство впервые было принято императором Китая, который достиг тогда вершины могущества. Шибоцой-эльтебер, возглавлявший его, получил высокий военный чин. Формально государство Кыргыз, как и вся Центральная Азия, попало под протекторат Китая и кыргызские правители использовали покровительство империи для усиления своих позиций среди кочевников.

Эпоха Барс-бега

Государство Кыргыз достигло могущества в конце VII в., когда его возглавил ажо Барс-бег. Он стал во главе государства Кыргыз в эпоху коренных политических преобразований в Центральной Азии. Время императора династии Тан – героя и победителя тюрков – Тайцзуна кануло в Лету. Его наследники, недалекие, изнеженные и

¹ Кызласов Л.Р. О титуле государя хакасов «ажо» и времени исчезновения рунической письменности на Енисее // Северная Евразия от древности до средневековья. – СПб., 1992. – С. 218-219.

² Эсен уулу Кылыч. Красивое алое знамя // Кут Bilim. – 1993. – 14 апр.

ленивые, отошли от государственных дел, погрязли в династийных интригах. Кризис династии не замедлил сказаться на ее внешнеполитическом авторитете.

В это время заволновалась казалось бы навсегда раздавленная и униженная китайцами Великая степь. В 680 г. восстали тюрки. Сначала восстание имело успех, но потом храбрые и опытные китайские пограничные ветераны разбили толпы плохо вооруженных и неорганизованных тюрок. Один из членов тюркской династии Ашина, которая возглавляла Тюркский каганат до разгрома его Китаем в 630 г., с 17 сподвижниками в 681 г. оторвался от преследования и бежал в горы Иньшань, где продолжал борьбу. Храбреца звали Кутлуг.

Положение горстки беглецов было отчаянным. «... Мы жили там, питаясь оленями и питаясь зайцами, – образно отмечено в эпитафии Тоньюкука, – враги наши были кругом, как хищные птицы, мы были для них падалью». Но идея свободы уже овладела массами тюрок. К Кутлугу со всех сторон стекались недовольные: обнищавшие кочевники, столь же нищие тюркские аристократы и даже жители городов и селений, мечтавшие вернуться к вольной кочевой жизни.

Вскоре отряд Кутлуга состоял уже из 700 воинов (5 тысяч – по китайским хроникам). Многие приходили пешими. На одну треть отряд состоял из пехоты. Такое безлошадное войско было совершенно не пригодно для мобильной и маневренной войны в степях. Да и прокормить «оленьями и зайцами» можно 17, но не 700 и тем более не 5000 человек.

Кутлуг идет на следующий авантюрный поступок. Он, рискуя приобрести новых непримиримых врагов, неожиданно совершил лихой набег на кочевавших к северу от гор Иньшаня токуз-огузов и угнал много скота. Только после этого, отмечает китайская летопись, Кутлуг «стал сильным».

На сторону повстанцев перешел Тоньюкук, который сразу стал «мозгом и нервом» тюркского возрождения.

Тоньюкук принадлежал к аристократическому роду древних тюрок Ашидэ. Это был второй по знатности после каганского рода Ашина род, который играл важную политическую роль в каганате тюрок. Законными женами тюркских каганов Ашина считались жены из рода Ашидэ. Только сыновья кагана от женщин из рода Ашидэ становились наследниками престола.

Тоньюкук родился в период унижения тюрок после разгрома каганата китайцами. Получил образование в Китае, занимал привилегированное положение. Он глубоко изучил не только китайский язык и письменность, но, что очень важно, военную организацию империи Тан, ее достоинства и недостатки, ее сильные и слабые стороны. Особо Тоньюкук интересовался картами, на которых были обозначены трудные и легкие пути из Великой степи в Китай и обратно. Тоньюкук получил китайское имя Юаньчжень, вращался в среде китайской знати и производил впечатление вполне довольного и лояльного окитаенного тюрка. Таких, как Тоньюкук – Юаньчжень, было немало при китайском дворе.

Когда тюрки восстали, Тоньюкука в 681 г. отправили к Кутлугу в Иньшаньские горы, дабы уговорить его «искупить вину». Вырвавшись за пределы Китая, Тоньюкук немедленно перешел на сторону своих соплеменников и сразу был назначен Кутлугом «апатарканом», то есть главнокомандующим немногочисленных сил тюрок. Тоньюкук немедленно занялся их реорганизацией и обучением.

Кроме армии, Тоньюкук занялся и общетюркской политикой. По его инициативе Кутлуг был провозглашен каганом с тронным именем Ильтериш, младшие братья его получили высшие тюркские титулы – «шад» и «ябгу». Сам Тоньюкук стал еще и «бойла бага тарканом», то есть кем-то вроде государственного советника. Провозглашение Кутлуга каганом, как справедливо расценил Тоньюкук, имело не только большое моральное воздействие на патриотические чувства тюркских племен, но и еще большее практическое значение. Те тюркские племена, которые еще не примкнули к

антикитайскому движению, были поставлены перед очень непростой дилеммой: на чью сторону стать – сильного, но чужого, китайского императора или еще слабого, но родного, тюркского кагана? История свидетельствует, что общетюркская солидарность еще не исчезла. И тюрки поддержали Ильтериш-кагана Кутлуга.

В 682 г. сильные отряды тюрков во главе с Ильтеришем и Тоньюкуком вторглись в Китай. Они разгромили четыре округа и осадили ставку наместника в Шаньси. Против Ильтериш-кагана и Тоньюкука выступила регулярная армия. О возросшей силе тюрков говорит факт, что они решили дать открытый бой профессиональным войскам Китая. Решающее сражение произошло под Синьчжоу. Тюрки одержали полную победу. Китайцы отступили, оставив на поле боя 5000 убитых. Весь Северный Китай был разграблен.

Итак, железной волей и недюжинным государственным разумом тюркских вельмож, отчаянной храбростью и стойкостью рядовых тюркских воинов каганат тюрков в Великой степи был воссоздан. Историки называли его Вторым Тюркским каганатом. Воссоздание собственного каганата было громадным успехом тюрков. Ильтериш-каган наложил свою тяжелую руку на все кочевые племена к северу от Великой Китайской стены. Великая степь согнулась от этой тяжести, но готовилась к реваншу.

Несмотря на успехи, военно-политическое положение тюрков не было благоприятным. Они оказались в окружении врагов-кочевников, располагавших не менее храбрыми и вышколенными конниками, чем тюрки. Недовольных возглавил огузский Баз-каган, который тайно послал своих дипломатов в Китай и к киданям для координации выступления против Ильтериш-кагана с севера, юга и востока.

Но у Тоньюкука была хорошая разведка, и все тайное стало явным. Он предложил разбить врагов поодиночке. Тюркские отряды в 689 г. были брошены на север и наголову разбили группировку Баз-кагана в битве на реке Толе. Одновременно отряды во главе с братом кагана Мочжо напали на военный округ Цинпин и не позволили китайской армии подать помощь огузам. Сам Тоньюкук повел отряды тюрков на Тянь-Шань, где сразился с тюркешами.

В результате кампании 689 г. тюрки оставили Иньшань и центром каганата сделали Отюкенскую чернь (совр. Хангай) – места, богатые «травой и водой» и, главное, отделенные от Китая труднопроходимой для пехоты пустыней Гоби. Тюркские же конники преодолевали пустыню сравнительно легко.

В 691 г. Ильтериш-каган скончался в зените могущества и славы. Престол унаследовал его младший брат, которого китайцы называли Мочжо (Бег-чор). Он принял тронное имя Капаган-каган. Сыновья Ильтериш-кагана Могилянъ (впоследствии Бильге-каган) и Кюль-тегин участвовали во всех военных мероприятиях дяди-кагана и стали прославленными полководцами.

Капаган-каган решил восстановить границы Первого Тюркского каганата от Большого Хингана на востоке до Железных ворот (проход Бузгала южнее Самарканда) на западе. Эта программа включала в себя и обязательное подчинение кыргызов на Енисее. Над государством Кыргыз нависла грозная опасность.

Трагедия Барс-бега

В конце VII – начале VIII в. государство кыргызов, когда во главе его стал Барс-бег, заставило соседей серьезно считаться с собой.

Судьба этой неординарной личности в истории народа примечательна. Несмотря на то, что этноним «кыргыз» впервые был упомянут китайской хроникой под 201 г. до н. э., ни в одном иноязычном письменном источнике практически не упоминалось кыргызских имен до тех пор, пока тюркские народы сами не научились писать. Первое кыргызское имя, записанное в начале VIII в. кыргызами и родственными, но враждебными им тюрками, было именем кыргызского кагана Барс-бега.

В древнетюркских текстах освещаются одни и те же события конца VII – первой трети VIII вв., связанные с отчаянной борьбой тюрков за воссоздание своего государства,

разбитого и порабощенного китайцами еще в 630 г. За господство в Центральной Азии тюркам пришлось схватиться с кыргызами, и в надписи в честь Кюль-тегина впервые было упомянуто имя кыргызского кагана: «...был Барс-бег. Это мы дали ему титул кагана. И мы дали ему в жены мою младшую сестру-княжну. Но он изменил нам. И вот каган был убит, а его народ стал рабами и рабынями». Далее из текста надписи Кюль-тегина мы узнаем о месте гибели Барс-бега: «...мы разбили кыргызский народ, когда он спал. С их каганом мы сразились в черни (лесистая местность. – Ред.) Сунга... Кыргызского кагана мы убили, а его эль взяли»¹. Истинность сообщения источника не вызывает сомнения, потому что эти же сведения иными словами, несколько не меняющими суть дела, изложены в других древнетюркских текстах – надписях Бильге-кагана и Тоньюкука.

Словом, древнетюркская высшая аристократия, если судить по орхонским текстам, в лице кыргызского кагана создавала образ врага, злого и неблагодарного зятя, изменившего старшим родственникам. За это самого кагана Барс-бега убили, а его подданные – кыргызы – стали рабами. Так писали о Барс-беге его враги на трех высоких и издалека видных стелах, которые стояли в разных оживленных местах поблизости от каганских ставок. Многие кочевники читали эти официальные прокламации аристократии, верили им, оправдывали «мудрую» политику своих каганов, ругали чужих – «глупых и неблагодарных». Так создавалось средневековое степное общественное мнение.

Совсем другим представлен Барс-бег в тексте, написанном в его честь самими кыргызами: «(1) Десять лун носила меня моя мать. Она принесла меня моему элю (народу). Я утвердился на земле благодаря моей доблести. (2) Я храбро сражался с многочисленным врагом и покинул мой эль, оставив его в раскаянии. Увы! (3) Своим младшим и старшим братьям Вы снимали-сгружали верблюжьи выюки с дарами. (4) Тем, что было на земле, – моими деяниями и моей доблестью – Барс не пресытился! (5) Без отца Вы героем были! Когда псы преследовали дичь, Вы проносились мимо кочевий! Сгинь, дух смерти со своей младшей братией! О, Барс, не покидай нас! Увы! (6) Наше звание таково – мы умай-беги, мы храбрые воины нашего рода-племени! Увы! Шестерых мужей с собой ты не взял! Скакуна с собой ты не взял! Трех сосудов с собой ты не взял! О, моя драгоценность! О, мое сокровище! Не покидай нас!.. Мы прежде радовались. (7) О, дичь золотой черни Сунга, множься! Рождай свое потомство! Мой Барс покинул коней и быков, весь этот мир, он ушел! Узы! (9) Ради моей воинской доблести, ради могущества моих старших братьев и моих младших братьев мне воздвигли этот вечный памятник»².

Перед нами самый древний (VIII в.) зафиксированный орхоно-енисейскими письменами плач по умершему – кыргызский кошок. Характерно, что в 1, 2, 4 и 9-й строках речь ведется от первого лица, то есть самого умершего, в остальных – выражена скорбь ближайших родственников. Удивительна живучесть традиций: до недавнего времени, да и в наши дни, опытные кыргызские плакальщицы, особенно лично знакомые с умершим, вплетали в кошок известные родственникам фразы от первого лица, которые при жизни говорил (или якобы говорил) покойный.

Научное значение намогильных надписей для истории кыргызов трудно переоценить. Это скудные, но пока единственные известные науке сведения биографического характера о выдающейся личности, выходе из среды енисейских кыргызов, имя которого в конце VII – начале VIII вв. было хорошо известно в Центральной Азии, Китае, Тибете, в Семиречье и на Тянь-Шане. И если для врагов Барс-бег был «неблагодарным изменником», то для кыргызов – «доблестным героем», «драгоценностью», «сокровищем».

Что же он совершил, каково его место в средневековой истории кыргызов? Для ответа на эти непростые вопросы сопоставим уже известные нам сведения из орхонских и енисейских рунических текстов со сведениями из китайских династических хроник.

¹ Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. – М., 1951. – С. 38-41; Кляшторный С.Г. Стрелы Золотого озера. – Л., 1976. – С. 265-266.

² Кляшторный С.Г. Стрелы Золотого озера. – С. 261.

Как теперь известно, Барс-бег происходил из древней правящей кыргызской династии, рано остался без отца, имел четырех братьев, был страстным почитателем псовой охоты. Род Барс-бега, как считалось, находился под особым покровительством богини Умай-эне; его родственники носили редкий титул – Умай-бег. Не исключено, что кыргызский ажо (или его род), помимо светских, обладал и жреческими функциями по отношению к этой богине. В условиях сложной внешнеполитической обстановки он, скорее всего, обойдя старших братьев, выдвинулся на первое место в государстве кыргызов благодаря своим исключительным личным качествам.

Барс-бег стал во главе кыргызов, когда политическая ситуация в Центральной Азии резко изменилась. Против гнета империи Тан восстали орхонские тюрки, которые нанесли ряд поражений китайским войскам и их союзникам в степи. Они, возглавляемые членом старой династии Ашина – Кутлугом, образовали Второй Тюркский каганат. Кыргызы, как и другие степняки, не желали менять фиктивное китайское владычество на вполне реальное тюркское, поэтому совместно с токуз-огузами Баз-кагана, курыканами, отуз-татами, кытаями, татабами выступили союзниками империи Тан. В 689 г. тюрки разгромили коалицию Баз-кагана и стали полными хозяевами в степи. Кыргызы сохранили свои войска, потому что не участвовали в этом сражении. Барс-бег возглавил оставшиеся антитюркские силы на северных границах каганата. Вскоре после 689 г. он, поняв, что кыргызы достаточно сильны, совершил важный политический акт: принял титул кагана с тронным именем Ынанчу Алп Бильге. Верховный владетель кыргызов, таким образом, бросил решительный вызов Тюркскому каганату, открыто притязая на господство в Центральной Азии.

Каган тюрков Капаган (691–716 гг.) решил покончить с кыргызской опасностью. Но первый поход его войск на Енисей во главе с принцем (впоследствии каганом) Бильге закончился неудачно: они были остановлены на границах кыргызов. Согласно условиям мира, Капаган признал Барс-бега каганом и отдал ему в жены племянницу, сестру Бильге. Кыргызы, в свою очередь, видимо, обязались быть лояльными по отношению к Тюркскому каганату. Выгодный мир легализовал и упрочил положение кагана Барс-бега Ынанчу Алп Бильге, но не удовлетворил его далеких притязаний.

В начале VIII в. Барс-бег смело проводил активную антитюркскую внешнюю политику. В 707–709 гг. он направил два посольства в воевавший тогда с тюрками Китай. Дипломатическая инициатива Барс-бега по организации антитюркского союза распространилась и на Тюркешский каганат, куда направляется посольство во главе с Эзгене. Этот молодой кыргызский дипломат, посланный к кагану из рода кара-тюркешей (Кара-кагану), достиг очень многого. Тюркешы, несмотря на войну с арабами в Мавераннахре, пошли на союз с кыргызами против тюрков.

Выполнив свою миссию и заслужив тем самым какой-то тюркешский титул (чин), посол Эзгене умер на Тянь-Шане («внутри тюркешского государства») и был похоронен на родине (р. Туба). Там в честь него родственники возвели стелу с трехстрочным текстом, где скупой отразили его деяния:

«1) Я – Эзгене – внутренний чин Кара-хана.

Я был на двадцать шестом году своей жизни.

Я умер внутри тюркешского государства, я начальник...»¹.

К 709 г. кагану кыргызов удалось создать мощную антитюркскую коалицию, в которую кроме кыргызов вошли империя Тан и Тюркешский каганат. Один из крупнейших политических и военных деятелей Тюркского каганата Тоньюк так оценил политическую ситуацию, сложившуюся в Центральной Азии: «Каган народа табчач (китайцев – Ред.) был нашим врагом. Каган народа десяти стрел (тюркешей – Ред.) был

¹ Батманов И.А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. – Фрунзе, 1959. – С. 161.

нашим врагом. Но больше всего был нашим врагом кыргызский сильный каган»¹. Тюрки решили не выжидать, а разбить союзников поодиночке.

Из приведенного выше текста видно, что наибольшую опасность для степного гегемона представляли не далекие китайцы и тюргеши, а войска Барс-бега. С них он и начал. В 709 г. отряды тюрков форсировали верховье Енисея и разбили союзные Барс-бегу племена чиков и азов. Они заняли Туву, сделав ее плацдармом для наступления на кыргызов, но главную дорогу из Тувы по ущелью Енисея кыргызы перегородили высоким валом, следы которого сохранились по сей день. Зимой вал из бревен и снега укладывался и по льду Енисея. Весной, когда начинался ледоход, стена кыргызов уплывала в океан, но летом бурный Енисей был непроходим. С наступлением ледостава кыргызы вновь сооружали стену. Преодолеть это препятствие не могла никакая армия.

Барс-бег занял важные перевалы через Саяны и, как он полагал, в полной безопасности ждал помощи от своих союзников. Но ни тюргеши, связанные войной с арабами в Средней Азии, ни китайцы, несмотря на договор, не поддерживали кыргызов. Они ограничились защитой своих рубежей, бросив Барс-бега на произвол судьбы. Отчаявшийся каган, оставшись один на один с мощным Тюркским каганатом, сменил политическую ориентацию. Не позже осени 710 г. он направил посольство в Тибет, который в то время враждовал с империей Тан и государством тюргешей. Посольство возглавил выходец из сильного кыргызского племени булсар Эрен Улуг – опытный дипломат, который уже участвовал в четырех успешных посольствах кыргызов за рубеж, за что был особо отмечен Барс-бегом. Это была вынужденная дипломатическая акция. Поворот во внешней политике на 180° был вызван позицией союзников. Барс-бег должен был заботиться о своем государстве, в то время как его союзники заняли выжидательную позицию.

О миссии Эрен Улуга кыргызский каган, естественно, не уведомил Китай, но сведения о нем умышленно широко распространялись в кочевом мире, вероятно, не столько для устрашения бесстрашных тюрков, сколько для активизации военных действий Китая и тюргешей. Но было уже поздно. Эрен Улуг по неизвестной причине умер (или был убит?) на чужбине. Тибет не стал союзником Барс-бега. Китай и тюргеши так и не выступили в поход, зато тюркские полководцы решились на отчаянный шаг: преодолеть Саянский хребет зимой обходным путем, минуя дороги, охраняемые кыргызами. В этом походе участвовали будущий каган тюрков Бильге и его храбрый брат Кюль-тегин, но фактически возглавил его старый и опытный Тоньюкук. Он отыскал изменника из народа азов, который, как оказалось, на свою беду согласился провести войска тюрков в Минусинскую котловину, минуя кыргызские укрепления, тайными тропами в почти неприступных горах.

Тоньюкук так описал трудности похода: «Я приказал двинуться войску, я сказал: «Садись на коней!» Переправляясь через Ак-Тэрмель, я приказал остановиться (тыловым) лагерем. Приказав сесть на лошадей, я пробил дорогу сквозь снег, я взшел (с другими) вверх (горы), ведя лошадей в поводу, пешком, удерживаясь деревянными шестами. Передние люди протоптали снег, и мы перевалили через покрытую вершину. С большим трудом мы спустились, и в десять ночей мы прошли до склона (горы), обойдя (горный снежный) завал. Местный путеводитель, сбившись с пути, был заколот»²

Что ж, зимний переход через Саяны делает честь любому войску. Замысел тюрков удался, и их войска внезапно обрушились на кыргызов. Первое сражение произошло ночью: «На кыргызов мы напали во время их сна... проложили путь копьями», – отмечено в древнетюркском руническом памятнике. Основные силы кыргызов были разбиты. Уцелевших Барс-бег собрал в черни Сунга и пытался организовать отпор. Сеча была злой и упорной. Здесь показал свою доблесть Кюль-тегин: «Кюль-тегин сел на белого жеребца

¹ Малов С.Е. Указ. работа. – С. 66.

² Там же. – С. 67.

из Байырку, бросился в атаку, одного мужа он поразил стрелой, двух мужей заколол пикой, одного после другого. При этой атаке он погубил белого жеребца из Байырку, сломал ему бедро. Кыргызского кагана мы убили и эль его взяли».

Да, кыргызы потерпели полное поражение. Барс-бег пал в открытом бою. Тело его даже не удалось похоронить с подобающими почестями по старинному обряду. Это отмечено в эпитафии из Алтын-келя: «Скакуна ты с собой не взял! Трех сосудов с собой ты не взял!». Соплеменники воздвигли в честь кагана каменную плиту выше человеческого роста, где кыргызскими рунами выразили печаль по поводу его гибели. В последний раз кыргызский каган Барс-бег Ынанчу Алп Бильге был лишь вскользь упомянут в 716 г., когда на могильном сооружении в честь умершего тюркского Капаган-кагана (победителя Барс-бега) в самом начале вереницы камней, изображающих его павших врагов, был поставлен «балбал», символизирующий главного врага – кыргызского кагана.

Поражение кыргызов в битве при черни Сунга, видимо, имело для народа и его государства очень серьезные последствия, потому что более сорока лет после него кыргызы не участвовали в военных действиях. Несмотря на то, что во главе государства был поставлен владетель из кыргызов, оно фактически стало зависимым от Тюркского каганата вплоть до его падения в 745 г. Таким образом, первая попытка кыргызов в борьбе за господство в Центральной Азии закончилась поражением. В VIII в. они еще не имели достаточно сил для борьбы за гегемонию в Центральной Азии, хотя и ставили такую задачу. По уровню военной организации они отставали от государств Центральной Азии. Отсюда вытекали оборонительная стратегия и ставка на сильных союзников, которые не оправдали себя. Но в середине VIII в. политическая ситуация в Центральной Азии изменилась коренным образом: пал Второй Тюркский каганат.

В 731 г. умер воитель Кюль-тегин. Бильге-каган, горюя, ненадолго пережил брата-героя. В 734 г. он был отравлен. Дети-наследники не были равны по доблести своим отцам, но превзошли их в амбициях. Начались быстрые смены каганов. Подняла голову знать. Малолетнего Тенгри-кагана (740–741 гг.) убил его дядя Кутлуг и узурпировал престол.

В 742 г. восстали уйгуры, карлуки и басмылы. Они в сражении убили узурпатора и стали реальными хозяевами Великой степи. Агония Второго Тюркского каганата была недолгой: в 745 г. он прекратил свое существование.

Басмылы, карлуки и уйгуры вступили в схватку за обширное наследство. Победили уйгуры. Их вождь провозгласил себя каганом с тронным именем Элетмиш Бильге-каган (747–759 гг.). На землях Второго Тюркского каганата образовался Уйгурский каганат, центром которого стала Монголия.

Кыргызы не хотели добровольно подставлять шеи под ярмо победителей.

Подчинение уйгурам

В 751 г. кыргызы объединили свои силы с карлуками, которые к тому времени уже заняли Семиречье, а также с чиками и остатками тюркских племен для борьбы с уйгурским каганом Элетмишем Бильге.

Среди тюркских беков нашлись предатели, которые предупредили кагана. Тот действовал решительно и разбил союзников поодиночке. В 758 г. уйгуры завоевали страну кыргызов на Среднем Енисее. Последние в 795 г. восстали, но были разгромлены. В течение двадцати лет кыргызские ажо копили силы для реванша.

В начале IX в. сила и слава Уйгурского каганата были уже в прошлом. Его раздирали центробежные силы, что чутко уловили кыргызы: «Ажо сам объявил себя ханом, мать, урожденную Туциши (тюргешку. – Ред.), – вдовствующею ханшею, дочь Геллу-шеху (карлукского джабгу. – Ред.) – ханшею»¹. Это важное событие в истории

¹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Т. 1. – М.; Л., 1950. – С. 355.

кыргызов произошло в 820 г. Оно означало, что кыргызы, заручившиеся поддержкой карлуков, провозгласили себя независимыми от Уйгурского каганата и, как во времена Барс-бега, стали претендовать на гегемонию в Центральной Азии. За этими претензиями теперь стояли реальные возможности.

После поражения в 795 г. кыргызы сумели создать военно-административную систему, приспособленную для длительных войн. Ажо значительно расширил пределы государства за счет других южносибирских племен и обладал уже куда большими материальными и людскими ресурсами, чем в начале VIII в. Он стоял во главе администрации и военных сил и подчинял непосредственно себе три бэя и иерархию чиновников, которая разделялась на шесть разрядов. Регулярное войско состояло из латной кавалерии (гвардия), а во время войны набиралось ополчение «вассальных» народов. В IX в. кыргызы вместе с зависимыми племенами могли выставить сотысячную хорошо вооруженную армию¹.

Структура государства Кыргыз в IX–X вв. значительно усложнилась:

Каган	
Хэсин-бэй\ Ацзюйшэби-бэй	Министры
Ами-бэй	
Главнoначальствующие	Управители
Гвардия	Ополчение

Война за независимость

Уйгуры в ответ на вызов ажo направили на Енисей войско. Война затянулась на двадцать лет. Хoд военных действий был описан на каменном памятнике в честь уйгурского кагана, который был установлен в уйгурской столице Орду-Балыке на реке Орхон. Там бывали дипломаты и купцы из многих стран. Поэтому надпись была высечена тюркскими рунами, китайскими иероглифами и согдийскими письменами. Китайский текст гласит, что «чудодейственный» каган уйгуров наголову разгромил четырехсоттысячное (!?) войско кыргызов, убил их кагана, взял огромное количество трофеев («...коровы, лошади, хлеб и оружие были навалены горами») и ликвидировал кыргызскую государственность заодно с кыргызами («...государственные дела прекратились; на земле не стало живых людей»)². Китайскому тексту вторит согдийский. Согласно ему, уйгурский каган почему-то только двухсоттысячную армию кыргызов «...разогнал одной рукой во всех направлениях друг от друга и взял его (кыргызского кагана) государство». Эти тексты нельзя рассматривать как достоверный исторический источник. Они являлись политической прокламацией, рассчитанной на дезинформацию иностранцев для поднятия внешнеполитического престижа каганата уйгуров. На самом деле борьба была тяжелой и упорной. В сражениях кыргызы, видимо, одержали верх, что позволило ажo в обращении к кагану уйгуров надменно заявить: «Твоя судьба кончилась. Я скоро возьму золотую орду твою, поставлю перед нею моего коня, водружу мое знамя. Если можешь состязаться со мною, то немедленно приходи, если не можешь, то скорее уходи»³.

Это самое древнее известное историкам дипломатическое послание енисейских кыргызов. Оно выдержано в духе традиционной дипломатии кочевников: лаконично, но весомо, удобно для запоминания при передаче в устной форме, понятно и однозначно, не допускающее кривотолков. Это послание, по сути дела, является ультиматумом с

¹ Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов. – Новосибирск, 1980. – С. 139-140.

² Васильев В.П. Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Карабалгасуне // Сб. ТОЭ. – СПб., 1897. – Т. 3. – С. 25.

³ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... – Т. 1. – С. 355-356.

требованием безоговорочной капитуляции. Вот каким стало государство Кыргыз к середине IX в.! Вот как заговорил бывший вассал и данник со своим бывшим сюзереном – каганом уйгуров! Вот когда получила возможность стать реальностью идея кагана Барсбега о гегемонии в Центральной Азии.

Великодержавие

Военные неудачи обострили уособицу внутри Уйгурского каганата, а многоснежная зима 840 г. стала причиной массового падежа скота, голода и эпидемии. В это тяжелое время один из мятежных уйгурских вельмож призвал на помощь кыргызов. Ажо бросил под стены столицы уйгурского кагана Орду-Балыка сотысячную армию, которая на голову разгромила уйгурское войско, взяла, разграбила и сожгла ставку. Каган уйгуров пал в бою. Остатки его народа, спасаясь от истребления, бежали в Китай, Забайкалье и Восточный Туркестан, оставив в руках кыргызов земли, скот и накопленные сокровища.

В 843 г., преследуя уйгуров, кыргызы вторглись в Восточный Туркестан, где взяли города Аньси и Беш-балык. Их сильные отряды вели успешные действия в Восточной Монголии, в Джунгарии и Забайкалье. В 848 г. последний претендент на уйгурский престол, скрывавшийся у татабов, а затем у татар (шивэй), с женой, сыном и эскортом всего из девяти всадников уехал в степь и пропал без вести. Надежды уйгуров на реванш рухнули окончательно.

На развалинах Уйгурского каганата в середине IX в. возникла держава кыргызов. Границы ее вырисовываются вполне определенно: «Хягас (кыргыз. – Ред.) было сильное государство; по пространству равнялось тукусским владениям (имеются в виду пределы Второго Тюркского каганата. – Ред.). На восток простиралось до Гулигани (Прибайкалье), на юг – до Тибета (Восточный Туркестан. – Ред.), на юго-запад – до Гэлолу (Семиречье)»¹. Примерные северные границы намечены по археологическим памятникам: они достигали современных городов Томска и Красноярска. Время, когда кыргызы сумели подчинить себе просторы Центральной Азии (IX–X вв.), справедливо названо «кыргызским великодержавием». Согласно древней степной традиции, тот, кто владел Хангаем, считался номинальным владыкой всех остальных кочевых народов. Такие империи в свое время создавали гунны, жуань-жуани (авары?), тюрки, кыпчаки (сеяньто), уйгуры, а после кыргызов – монголы. За гегемонию в Центральной Азии кыргызам пришлось заплатить своей прежде высокой репутацией. Автор «Худуд ал-алам» дает им крайне отрицательную характеристику: «И это люди, которые нравом напоминают диких зверей; лица у них грубые, волос мало, (они) несправедливы и безжалостны, отличаются воинственностью и склонностью к распрям: со всеми народами, которые находятся вокруг них, они воюют и враждуют»².

Видимо, это не вполне заслуженная характеристика. Имперский двор династии Тан, например, настойчиво толкал кыргызского кагана на геноцид по отношению к поверженным уйгурам. В одном из писем к кагану кыргызов император рекомендовал: «Вы, хан, должны воспользоваться этим удобным случаем и скорее уничтожить варваров. До тех пор пока уйгуры не будут уничтожены, Вы, хан, не сможете наслаждаться едой и питьем, а на охоте получать удовольствие. Собираясь в поход, нельзя медлить... Опасаюсь, что остальных, которые покорятся, Вы, хан, не сможете полностью истребить», примете преступников, возьмете беглых чиновников, и это вызовет наше недовольство и породит пограничные инциденты. Это значит кормить ядовитую змею и самому порождать зло»³.

В другом письме – та же антиуйгурская позиция: «Вы должны... напасть на уйгуров и уничтожить, вырвать их с корнем»⁴, – писал император Уцзе кыргызскому кагану.

¹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... – Т. 1. – С. 354.

² Худуд ал-алам // МИКК. – Вып. 1. – М., 1973. – С. 41.

³ Супруненко Г.П. Документы об отношениях Китая с енисейскими кыргызами // АН Кирг. ССР. Серия обществ. наук. – Т. V. – Вып. 1. – Фрунзе, 1963. – С. 76.

⁴ Там же. – С. 72.

К чести кагана кыргызов, он отверг советы и рекомендации императора. Резни и массовых убийств побежденных не было. Более того, уйгуры, бежавшие на запад, сумели закрепиться в Восточном Туркестане и основать два княжества, которые в начале XIII в. подчинились Чингисхану.

«Кыргызское великодержавно» не было продолжительным. Уже в первой четверти X в. основная масса кыргызов неожиданно оставила степи и ушла к северу за Саянский хребет. Среди ученых эти непонятные действия кыргызов не находят однозначного толкования. Одни полагают, что возвращение кыргызов на родину не было результатом военного давления противника. В длительных кровопролитных войнах и так немногочисленные людские ресурсы кыргызского народа были истощены и рассеяны по обширным пространствам. Кроме того, степи Центральной Азии не стали нормальной «экологической нишей» кыргызов. Та часть народа, которая на Енисее занималась ремеслом и земледелием, не нашла себе применения на сухих плоскогорьях Центральной Азии, где не было крупных поселений и ирригационной сети.

Другие отмечают возвышение киданей и их походы в степь в 916 и 924 гг. и полагают, что они вытеснили кыргызов за Саяны. Как бы там не было, «кыргызское великодержавие» кончилось. В истории кыргызского народа этот период занимает особое место. «Это был звездный час кыргызской истории, время поразительных успехов кыргызского оружия в длительной войне с уйгурами, эпоха, когда кыргызы смогли покорить обширные просторы степной Азии. Благодаря этому периоду своей истории кыргызы оставили о себе память у современников, представителей различных народов средневековья, а их исторические деяния привлекают постоянное внимание позднейших историков», – так характеризует эпоху великодержавия кыргызов выдающийся кыргызовед Ю. С. Худяков¹.

Добавим, что эта эпоха имела оборотную сторону в истории тюркских народов. Конец эпохи «кыргызского великодержавия» стал концом эпохи господства тюркских народов в Евразии. Наступил «звездный час» народов монгольского корня (кидани, найманы, монголы), которые выдвинули из своей среды великих завоевателей Чингисхана, Батыя, Темура и долгое время господствовали на просторах Великой степи.

Борьба за свободу

Сведения о кыргазах XI–XII вв. немногочисленны. В это время усилились монгольские племена, которые отрезали кыргызским феодалам пути для набегов на юг. Лишенная возможности обогащаться за счет грабежа знать усилила эксплуатацию собственного народа. Это повлекло дальнейшее развитие феодальных отношений, междоусобные войны, децентрализацию военной и гражданской власти. В письменных источниках упомянуты то пять, то три отдельных владения кыргызов. Накануне монгольского завоевания кыргызы образовали два княжества: Кем-Кемджиут и Кыргыз.

Владетели обоих кыргызских княжеств имели титул инал.

В 1207 г. старший сын Чингисхана Джучи завоевал все «лесные» народы и подступил к границам кыргызов. Тогда к нему прибыли кыргызские князья Иди, Инал, Алдиер и Олебек-тегин. Они выразили покорность, одарив Джучи белыми кречетами, белыми лошадьми и белыми соболями. Зависимость кыргызов была номинальной и выражалась только в выплате дани. Монголам, занятым войной с чжурчженями и Китаем, было не до северных народов. Однако с усилением государства Чингисхана монгольские сборщики налогов стали терять чувство меры. В 1218 г. они потребовали от подвластных кыргызам туматов, обитавших в Баргуджин-Токуме, кроме положенных мехов и скота, туматских девушек, которые считались идеалом степной красоты, для ублажения монгольских феодалов. В напряженных экономических и политических отношениях подобные унижительные требования способны стать последней каплей. Оскорбленные туматы восстали. Монголы потребовали у кыргызов войско для подавления непокорных.

¹ Худяков Ю.С. Кыргызы на просторах Азии. – Бишкек, 1995. – С. 59.

Вместо этого кыргызы под предводительством Курлуна сами восстали против монголов. Их поддержали урасуты, теленгуты и другие кыштымы (зависимые племена) кыргызов. Восстание было жестоко подавлено войсками Чингисхана, которыми командовал Джучи.

После смерти Джучи в 1226 г. земли кыргызов вышли из его улуса и стали принадлежать улусу Тулуя. По-видимому, изменилась и политика подавления по отношению к кыргызам. Великий каган Угэдей (1229–1241 гг.) с целью политического урегулирования отношений с северными народами женился на кыргызке по имени Джачин. Она стала четвертой «главной» женой повелителя многих народов¹.

Гибель государства

Но борьба кыргызов за независимость еще не завершилась. Кыргызы были беспокойные подданные и среди них постоянно происходили брожения, недовольства и мятежи. Поэтому в 1270 г. император Хубилай назначил правителем кыргызов и их кыштымов опытного и не склонного к насилию администратора китайца Лю Хаоли. Резиденция его была в Минусинской котловине на левом берегу р. Элегест. Однако в 1273 г. кыргызы восстали и изгнали монгольского наместника.

Момент для восстания был выбран удачно. В это время разгорелась ожесточенная междоусобная борьба между Хубилаем и верховным владыкой Средней Азии Хайду, ставка которого была в Чуйской долине. Это помогло кыргызам восстановить свою независимую государственность, но не надолго. Зимой 1292 г. командующий тюркскими контингентами войск монголов кыпчак Тутуха получил приказ императора Хубилая покончить с кыргызским сепаратизмом. Ранней весной 1293 г. еще до ледохода на Енисее армия Тутухи прошла по льду реки, разгромила войска кыргызов и оккупировала всю Минусинскую котловину. Хан Хайду из Семиречья направил на выручку кыргызам войска во главе с полководцем Болочем, но Тутухе удалось их разбить и пленить самого полководца.

И началась расправа с непокорными. Прежде всего монголы обезглавили народ. Они вырезали всю кыргызскую аристократию и вождей. Урон был страшен по своим последствиям. Даже в XIX в. кыргызы, имея таких правителей, как Алимбек, Курманджан, Жаил, Борумбай, Ормон, Шабдан, Байтик, такие умы, как Молдо Кылыч, Арстанбек, Молдо Нияз, Тоголок Молдо и многие другие, продолжали считать, что у них нет собственной аристократии (ак-суек). Так памятен был монгольский «холокост» конца XIII в.

Обезглавленный народ начали изгонять из собственной страны и расселять по самым отдаленным уголкам империи монголов. Коренные земли кыргызов на Енисее заселились другими народами.

Урок истории

Год 1293 стал годом окончательной гибели кыргызской государственности на Енисее, которая возродилась только почти через 700 лет в иных исторических условиях и на иной территории. Это тот исторический факт, из которого мы, граждане суверенной Кыргызской Республики, должны извлечь урок: необходимо всеми силами оберегать нашу вновь обретенную, но еще хрупкую государственность. Наши предки сберегли для нас лучшие земли Средней Азии: голубой Иссык-Куль, сказочно прекрасные долины Чу и Таласа, богатую предгорную Фергану, суровые Ала-Тоо и Алай с их величественными вершинами, украшением которых всегда был божественный Хан-Тенгри. Наша задача: сохранить и укрепить нашу долгожданную (700 лет!) государственность. Если потеряем ее из-за мелкой выгоды, из-за гипертрофированных амбиций, из-за региональных, а не государственных интересов, сколько сотен (или тысяч?) лет будем ждать ее нового возрождения? Дождемся ли?

* * *

¹ Рашид ад-дин. Сборник летописей. – Т. 2. – М.:Л., 1960. – С. 8-9.

Ознакомившись с историей государства Кыргыз на Енисее, читатель справедливо заметит, что историкам практически ничего не известно о личностях, которые возглавляли это государство или были его элитой: выдающимися полководцами, учеными, поэтами, дипломатами и пр. В лучшем случае мы знаем некоторые имена (но и только), которые дошли до нас сквозь века на камнеписных эпитафиях. Правда, тот же заинтересованный читатель столь же справедливо заметит, что, по крайней мере, две личности государства Кыргыз заслуживают всенародной памяти: это первый каган кыргызов Барс-бег Ынанчу Алп Бильге и победитель уйгуров каган Цзуй-инсюн-чэнмин. (Так звучит его имя на китайском языке. Тюркское звучание имени этого героя, к сожалению, пока не известно). Деяния их были столь масштабны (один начал борьбу за гегемонию кыргызов в Центральной Азии, другой установил ее), что вполне заслуживают и эпической памяти.

А было ли эпическое творчество составной частью культуры енисейских кыргызов? В этом, опираясь на косвенную фактологию, в основном на анализ рунических текстов, не сомневается ни один из современных манасоведов. На наш взгляд, нам удалось отыскать факт, на который раньше не обращали внимания в этом плане и который является прямым доказательством развитой эпической культуры кыргызов на Енисее.

Эпос кыргызов на Енисее (К вопросу о начале формирования эпоса «Манас»)

Енисейские кыргызы, конечно же, создавали эпические произведения. Сохранились сведения, позволяющие выделить из кыргызских средневековых интеллектуалов сказителей эпоса, которые очень напоминают манасчи XIX–XX вв.

В истории кыргызского народа эпос «Манас» наряду с исламом и другими формами идеологии стал основным консолидирующим фактором, сплотившим разрозненные племена кыргызов и не кыргызов в силу, способную противостоять внутренним и внешним врагам, в силу, которой сейчас является кыргызская нация.

Столь уникальная роль эпоса «Манас» в исторической судьбе кыргызского народа (где и когда еще какой-либо эпос сыграл подобную роль?) сравнима с консолидирующей значимостью «Библии» для христианского и «Корана» – для мусульманского миров. Поэтому положение и авторитет профессиональных сказителей-манасчи в кыргызском обществе (без натяжек и кощунства) были идентичны положению и авторитету известнейших христианских, мусульманских, буддистских, иудаистских и других богословов у иных народов.

Этим и объясняется всегда повышенный интерес в кыргызском обществе к биографиям, происхождению и личностным качествам каждого выдающегося манасчи. А знаем мы о них, особенно о древних сказителях, до обидного немного.

Первым манасчи, согласно «преданьям старины глубокой», считается Жайсан-ырчы, который был современником самого Манаса. Эпический потенциал его был грандиозен. Он, по утверждению Сагымбая, как очевидец только обстановку и украшения юрты Манаса мог воспевать полдня. Память народа сохранила до наших дней и имя Токтогула-ырчы, который творил эпос примерно 500 лет тому назад.

На наш взгляд, между Жайсаном-ырчы и Токтогулом-ырчы (по времени ближе к первому) можно отметить безымянного кыргыза, жившего еще на Енисее, с которым случилось удивительное приключение. Оно дошло до нас в сочинении Мухаммеда Ауфи, написанном около 1228 г. в Индии.

Ауфи, любивший всякие занимательные и курьезные истории, поведал о любознательном кыргызе, который решил установить, куда впадает родная река Енисей. Согласно рассказу Ауфи, четыре реки в стране кыргызов сливаются в одну полноводную. Она несет свои воды во мраке среди гор. Любознательный древний «кыргызский географ» сел в утлое суденышко и поплыл по течению. Через некоторое время он попал в местность, где горы сомкнулись над узким ложем бешено несущейся реки, и в течение

трех дней и трех ночей плыл во мраке, не видя света ни солнца, ни луны, ни звезд небесных. Наконец он вырвался из непроглядной тьмы. Река вынесла его на широкую солнечную равнину, где он смог пристать к берегу.

Кыргыз вышел на пустынный берег и вдруг услышал громкий стук копыт. В чужом краю, в неведомых землях всегда нужно быть предельно осторожным. Поэтому он вскарабкался на высокое дерево и затаился среди ветвей. Сквозь листву он увидел, что к его дереву подъехали три всадника-исполина (Ауфи сравнивает их рост с длиной копья) на столь же чудовищно громадных конях. Вокруг всадников рыскали собаки, не уступающие по величине коровам. Гиганты сразу увидели осторожного путешественника, сняли его с дерева и, опасаясь, что «лилипута» растерзают собаки, посадили в седло впереди одного из них.

Несмотря на свой устрашающий вид, великаны оказались очень добрыми и великодушными. Они отвезли перепуганного кыргыза в свое жилище, накормили и напоили, дали отдохнуть, постоянно удивляясь его микроскопическим размерам. Создавалось впечатление, что нижнеенисейские «Гулливеры» никогда не видели столь маленьких людей. Любезно приняв кыргыза, гиганты указали ему дорогу домой¹.

В. В. Бартольд изложил этот рассказ Ауфи, оставив его без комментариев. Он считал, что Ауфи передал какую-то легенду, которая не должна быть предметом исследования историка. На нее должны были обратить внимание фольклористы, но нам не известны попытки анализа повествования Ауфи в этом плане ни современниками В. В. Бартольда, ни нашими современниками. Поэтому мы берем на себя смелость предложить свое истолкование повествования индийского средневекового историка.

* * *

Известно, что все манасчи, в том числе советского и постсоветского периодов, начало своего творчества связывают с чудесным сновидением или наитием. Во сне к избраннику якобы являлся сам Манас, Семетей или Сейтек со своими сподвижниками или без них. Великие герои благословляли его талантом и накладывали пожизненную обязанность воспевать их подвиги и деяния. Некоторые манасчи утверждали, что Манас являлся к ним не только во сне, но и наяву. Знаменитый в середине XIX в. манасчи Кельдибек рассказывал, что еще в юном возрасте ему приснились Манас и его соратники. Они потребовали, чтобы юноша воспевал деяния Манаса и совершил паломничество к «Гумбезу Манаса» в Таласской долине. Кельдибек выполнил все требования предков. По его словам, после жертвоприношения в Таласе ему опять приснились великие герои во главе с Манасом и сказали: «До сих пор мы показывались тебе только во сне. Теперь покажемся наяву. Приходи к горе Паладжан на солнечной стороне реки Чу, но только один». Так, Кельдибек, согласно его рассказу, якобы не только видел наяву, но и разговаривал с Манасом и его соратниками².

Мы, не касаясь психологических аспектов мистического избранничества на реальной почве, которые рассмотрены в трудах Л. Я. Штернберга, Н. И. Винникова и др.³, лишь отметим, что в рассказе Ауфи (XIII в.) и в рассказе Кельдибека (XIX в.) много общих деталей. В обоих повествованиях действие разворачивается вблизи рек (Енисей и Чу) и гор (отроги Саян и Ала-Тоо); и любознательный енисейский кыргыз, и манасчи Кельдибек общаются с чудесными героями без свидетелей; в обоих случаях подчеркнута светлая торжественная сторона подобной встречи: у безымянного кыргыза – по выходе Енисея из темных горных теснин на залитую светом солнечную долину, у Кельдибека – у горы на солнечной стороне реки Чу; и на берегу Енисея, и на берегу Чу герои предстают в

¹ Бартольд В.В. Киргизы: Исторический очерк // Соч. Т. 2, ч. 1. – М., 1963. – С. 495–496.

² Рахматуллин К.А. Творчество манасчи // «Манас» – героический эпос киргизского народа. – Фрунзе, 1968. – С. 94.

³ Штернберг Л.Я. Избранничество в религии // Этнография. – Т. 1. – М., 1927; Он же. Первобытная религия в свете этнографии. – Л., 1936; Винников Н.И. Об избранничестве в свете этнографии. – Л., 1934.

виде исполинов верхом на немыслимо огромных конях; и кыргызы на берегу Енисея, и манасчи Кельдибек во сне разделили с героями хлеб-соль.

Правда, в рассказе Ауфи есть деталь, о которой не упоминает Кельдибек: это свирепые собаки величиной с корову, сопровождавшие енисейских великанов. Сверхъестественные собаки наводят на мысль о чудесном происхождении собаки Манаса Кумайыка, которая сопровождала героя. Саяно-алтайские истоки мифа о Кумайыке в настоящее время не вызывают сомнения¹.

В повествовании Ауфи о путешествии вниз по Енисею и рассказах кыргызских манасчи о побудительных мотивах их творчества есть еще одно (наиважнейшее для историка) совпадение, которое не сразу определишь, – это вещий сон избранника. В повествовании индийского историка встреча кыргыза и трех исполинов происходит вроде бы наяву. Но это только «вроде бы». Внимательное прочтение текста Ауфи, где отмечено, что пустившийся в плавание вниз по Енисею человек «в продолжение трех суток не видел света звезд, месяца и солнца» (как тогда он определил количество суток?), позволяет усомниться в реальности подобного путешествия. На протяжении всего течения одной из величайших рек мира нигде нет и никогда не было мест, где бы над Енисеем смыкались скалы, да так, что не видно было света божьего. Скорее всего, все путешествие кыргыза было мнимым. Он совершил его, как нам представляется, не выходя из юрты и не вставая из теплой постели. Весь рассказ Ауфи можно толковать как вещий сон избранника, подобный вещим снам именитых манасчи, только завуалированный эпическими стандартами и клише.

Таким образом, мы вправе полагать, что в рассказе Ауфи о плаванье по Енисею содержится типичная для кыргызских манасчи версия о причине, побудительном толчке их творчества, которую они связывали с вещим сном, где якобы встречались с героями эпоса. «Путешественник» по Енисею, проспав трое суток, проснувшись, тоже рассказывает о встрече с тремя исполинами, да так активно, что к XIII в. его рассказ достиг далекой Индии, где и был записан. Кто же подразумевался под тремя великанами, сверхмогучими и в то же время великодушными по отношению к малым и слабым? Да и кто другой, кроме Манаса, Семетея и Сейтека, мог войти в эпический мир кыргызов?

Скорее всего, Ауфи и поведал нам об одном из первых манасчи, который творил еще на Енисее и который, к сожалению, остался безымянным.

Кстати, видный манасовед Акбаралы Сыдыков установил, что из 47 сказителей эпоса «Манас» остались неизвестными для нас имена семерых, в том числе двух, со слов которых велись первые записи эпизодов эпоса Ч. Ч. Валихановым и В. В. Радловым в середине прошлого века². К этим семи безымянным мы можем добавить еще одного, о котором поведал индийский историк XIII в.

Следовательно, в среде средневековых кыргызов до XIII в. сложился не только миф о трех могучих енисейских богатырях, но и был отработан ритуал посвящения в сказители этого мифа, связанный, как и у манасчи Ала-Тоо, с чудесным сном.

Нам удалось отыскать еще две легенды енисейских кыргызов, которые в той или иной форме получили отражение в эпосе «Манас». Прежде всего, это генеалогическая легенда о происхождении кыргызов. В эпосе «Манас» есть немало намеков на общетюркскую генеалогическую легенду, согласно которой праматерью всех народов тюркского корня была волчица. Однако енисейские кыргызы, являясь народом тюркской семьи, скептически относились к этой легенде. Они, как отметил видный американский востоковед Ричард Фрай, создали свою генеалогическую легенду, в корне отличавшуюся от общетюркской. Кыргызы были убеждены, что их народ, как и тюркский,

¹ Молдобаев И.Б. Эпос «Манас» как источник изучения духовной культуры киргизского народа. – Фрунзе, 1989. – С. 42.

² Сыдыков А. Героические мотивы в эпосе «Манас». – Фрунзе, 1982. – С. 3.

сверхъестественного происхождения, но берет свое начало не от волчицы, а от коровы, которая «сочеталась браком» с каким-то божеством в горной пещере¹.

Китайские летописцы, записавшие эту легенду, видимо, не уточнили, что сибирские народы с древности и по сей день называли и называют коровой самку любого дикого парнокопытного животного (лосиху, олениху, козу и т. п.).

Отголоски древней енисейской легенды дошли до наших дней в родоплеменных этнонимах современных кыргызов Ала-Тоо (багыш, сарыбагыш, карабагыш, бугу и пр.). До сих пор среди коренного населения Восточного Прииссыккуля бытует легенда о происхождении от священной матери-оленихи (бугу). Эту легенду опоэтизировал в своих произведениях Чынгыз Айтматов. На наш взгляд, отголоском генеалогической легенды является эпизод в эпосе «Манас», когда самка белого архара кормит своим молоком, заменяя родную мать, младенца Семетея².

В эпос «Манас» вошла еще одна легенда, которая родилась на енисейской почве, – это легенда о птице Алпкаракуш. Мифическая птица была столь велика, что манасчи сравнивал ее с горой. Исследователи эпоса «Манас» справедливо отождествляют Алпкаракуш с птицей Симург древнеиранской мифологии и находят ей аналогии также в мифах современных монголов, алтайцев, якутов, бурятов³.

К сожалению, при этом не учитывался древнетюркский пласт мифологических представлений, который, конечно, имеет древнетюркскую (согдийскую) основу, утилизированную в Южной Сибири для практических нужд. Самый ранний тюркский вариант предания о гигантской птице был записан еще Ал-Бируни (XI в.), который привел рассказ очевидца о реакции кочевых тюрок «востока» на солнечное затмение: «Когда и солнце потемнело, тогда они (тюрки. – Авт.) слезли с лошадей и распростерлись в земном поклоне... и не поднимали они головы, пока не кончилась темнота; я спросил их об этом, и указали они на бога всевышнего, описав его так, как делают язычники, – в образе птицы.

...Они утверждали, что эта птица чрезвычайно большая, живет за морем в необитаемых пустынях Сина (Китай. – Авт.) и стране зинджей (побережье Мозамбикского пролива. – Авт.) и питается дикими слонами, ...она проглатывает их так, как петухи проглатывают зерна пшеницы, и имя ее Хуту. Этим словом они выражают почтение к ней, также титулом хан выражают почтение своим царям, а титулом хатун – к их женам. Хуту – рога этой птицы, когда они найдены; но их находят случайно (один раз за целые века и эпохи), подвергаясь опасности при переезде через море в (те стороны), ...поэтому хуту так ценится среди людей»⁴.

Таким образом, в распоряжении наших самых первых манасчи, основателей эпоса, был уже древнетюркский вариант мифа о гигантской птице, хотя древнеиранская основа его не вызывает сомнения. Есть основания полагать, что миф о гигантской птице с рогами мог возникнуть среди кыргызов Енисея и затем распространиться среди других тюркских народов.

С кыргызами Енисея мифологическую рогатую птицу связывает, прежде всего, само ее название – Хуту. Арабские и персидские средневековые авторы не раз отмечали, что хуту – это ценный материал, из которого делают рукоятки для ножей, мечей и другие поделки для очень богатых людей. Поставщиками хуту на рынки мусульманского мира были только булгары Поволжья и кыргызы Енисея. Современные исследователи установили, что этим загадочным и очень ценным товаром были ископаемые бивни мамонта. Находили их в основном в зоне вечной мерзлоты, где не только стойкие бивни, но иногда и целые туши мамонтов сохранялись в прекрасном состоянии. Кыргызы как единственный цивилизованный народ Сибири, связанный с торговлей по Великому

¹ Фрай Р. Наследие Ирана. – М., 1972.

² Жирмундский В.М. Введение и изучение «Манаса». – Фрунзе, 1948. – С. 87.

³ Молдобаев И.Б. Указ. работа. – С. 28-30.

⁴ Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед Бируни. Собрания сведений для познания драгоценностей (Минералогия). – М., 1963. – С. 196-197.

Шелковому пути, с одной стороны, и меновой торговлей с таежными народами обширной северной стороны – с другой, были заинтересованы в сохранении монополии на торговлю столь ценным и ходовым товаром, как ископаемые бивни. Поэтому только кыргызы на Востоке были заинтересованы в распространении самых невероятных и фантастических слухов о чрезвычайной редкости («один раз за целые века и эпохи») находок хуту и невероятной опасности добычи таких рогов птицы («она проглатывает слонов, как петухи проглатывают зерна пшеницы»). Такими слухами они пытались отпугнуть пришельцев из Китая, Средней Азии и других стран от прямых контактов с таежными народами, которые поставляли кыргызам хуту, для сохранения монополии и высоких цен на рынке.

Кстати, болгары на Западе поступали точно так же, как кыргызы на Востоке. По словам болгар, как сообщали мусульманские источники, чтобы добыть хуту, нужно было убить невероятной кровожадного и свирепого единорога, который обитал в дебрях дремучего леса¹.

Кыргызскую гигантскую птицу Хуту с эпической птицей Алпкаракуш сближает еще один момент. Все манасчи отмечают, что появление Алпкаракуш обычно вызывает природные катаклизмы:

«Когда приземлилась Каракуш,
Земля затряслась, реки вышли из берегов.
Порядок нарушился на земле»².

Бируни со слов очевидца отметил аналогичную реакцию тюрок: солнечное затмение, нарушившее «порядок на земле», было вызвано якобы появлением птицы Хуту.

Подводя итоги экскурсу в эпическое творчество и мифологию кыргызов на Енисее, мы вправе констатировать, что эпос «Манас» начал формироваться еще на енисейской культурной почве. В настоящее время можно отметить, что енисейские кыргызы внесли в эпос «Манас»:

1. Основной сюжетный стержень – легенду о трех могучих и великодушных богатырях.
2. Миф о птице Алпкаракуш.
3. В какой-то мере в эпосе отразили кыргызскую генеалогическую легенду.
4. В стране кыргызов на Енисее был отработан ритуал начала карьеры сказителя эпоса, связанный с побудительным вещим сном избранника.

Приведенные сведения о начале формирования эпоса «Манас» на енисейской культурной почве предполагают и наличие прототипа великого эпического героя кыргызов среди политических и военных деятелей кыргызов на Енисее. Так кто же мог стать прообразом Манаса?

Барс-бег и Манас

Отыскивать мнимые или реальные параллели между эпосом и историей – дело рискованное, крайне редко достаточно научно обоснованное, следовательно, всегда весьма гипотетическое и даже, с точки зрения историка, авантюрное. Тем не менее, авторы этих строк, изучая скудные сведения древних тюрок и кыргызов о титанической борьбе Барс-бега, осознав значение этой личности в истории Центральной Азии и невольно попав под обаяние скупых, но глубоко проникновенных древних строк эпитафии скорбящих по нему кыргызов, мы решились, конечно, со всеми оговорками, предположить, что такая видная историческая личность, как Барс-бег, первый каган кыргызов, державший руку на пульсе политических проблем Центральной и Средней Азии, Тибета, Китая и Южной Сибири, может быть сохранен в эпической памяти своего народа. А коль так, то не являлся ли Барс-бег прототипом великого Манаса?

Но столь ответственный постулат мало прочувствовать на эмоциональном уровне. Его нужно доказать. А для этого необходимо:

¹ Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. – Харьков, 1956. – С. 227.

² Молдобаев И.Б. Указ. работа. – С. 29.

1. Установить, что в эпическом творчестве енисейских кыргызов, соотечественников Барс-бега, формировался столь сложный образ эпического героя, как Манас.

2. Опровергнуть устоявшееся в кыргызской историографии равенство Яглакархан – Манас, высказанное еще незабвенным А. Н. Бернштамом¹.

3. Найти общее в деятельности, жизни, судьбе Барс-бега и Манаса, что дало бы основание для их идентификации.

Две первые задачи давно решены положительно. В настоящее время только самые неисправимые скептики сомневаются, что эпос «Манас» имеет глубокие енисейские корни. На наш взгляд, толкование сведений Мухаммеда Ауфи, приведенное выше, переубедит объективных скептиков (конечно, не тех, кто ехидно заявляет, что 1000-летие эпоса «Манас» мы отпразднуем еще раз, но только через 600 лет).

Свое убеждение, основанное на собственном переводе и толковании древнекыргызской надписи из Суджи, что Яглакархан – это кыргызский каган, победитель уйгуров в 840 г., и что этот Яглакар и стал прототипом эпического Манаса, А. Н. Бернштам тиражировал в ряде работ². Оно было признано правильным, примелькалось и стало аксиомой для историков³, хотя вызвало серьезные возражения видных тюркологов. С.Е. Малов, например, обвинил А.Н. Бернштама в произвольном толковании древнекыргызского текста из Суджи⁴.

В настоящее время совершенно очевидно, что Яглакархан никак не мог быть прототипом кыргызского героя уже потому, что Яглакар – это династический род древних уйгуров. Все уйгурские каганы, враждовавшие с кыргызами, были из рода Яглакар⁵. В надписи речь идет о сыне кыргыза, который пришел на землю Яглакархана, т. е. на родовые земли уйгурского династического рода. Все эти факты делают невозможным тождество Яглакархан – Манас.

На наш взгляд, прототипом эпического Манаса мог быть кыргызский каган Барс-бег: как Манас, он был правителем всех кыргызов; как Манас, он начал борьбу с врагами, которые были многочисленнее и сильнее кыргызов; как Манас, Барс-бег совершил поход в Туву, где остановил войска тюрок, был признан ими как каган и взял в жены тюркскую принцессу. В сознании кыргызов того времени это деяние было достойно эпического «Великого похода». Как Манас, Барс-бег гибнет в бою с врагами.

Собственно говоря, на мысль об отождествлении исторической личности кыргызского кагана Барс-бега и эпического Манаса нас натолкнула эпитафия в честь Барс-бега, в которой просматриваются детали, вошедшие составной частью в эпос «Манас».

Кыргызский каган Барс-бег Ынанчу Алп Бильге пал в битве с тюрками в черни Сунга в 711 г. Смерть кагана зафиксирована как факт в древнетюркских текстах в честь Кюльтегина, Бильге-кагана, Тоньюкука и в эпитафии в честь самого Барс-бега. Это история. Но здесь же в кошке кыргызов по Барс-бегу начинается эпос.

Оказывается, если верить кыргызской эпитафии в честь павшего кагана, победители не смогли насладиться видом изрубленного и исколотого тела Барс-бега. Оно мистически исчезло. Тело кагана исчезло не только для врагов. Кыргызы, которые всегда относились (и относятся) очень серьезно к смерти и погребальному обряду, не смогли похоронить своего выдающегося вождя:

«Шестерых мужей с собой ты не взял!

¹ Бернштам А.Н. Историческое прошлое киргизского народа. – Фрунзе, 1942. – С. 11-13.

² Бернштам А.Н. Культура древнего Кыргызстана. – Фрунзе, 1942. – С. 19; *Он же*. Кыргыз элинин тарихындагы уч адам // Советтик Кыргызстан. – 1943. – № 4; *Он же*. Очерки по истории киргизского народа // Советская Киргизия. 1943. 4 июля.

³ Киселев С.В. Вестник древней истории. – 1947. – № 1 (19). – С. 83-90.

⁴ Малов С.Е. Изв. АН СССР. Отд. литературы и языка. – Т. VI. – Вып. 2. – М., 1947. – С. 15.

⁵ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Т. 1. – М.;Л., 1950. – С. 308.

Скакуна с собой ты не взял!

Трех сосудов с собой ты не взял!»

Эти слова эпитафии, как справедливо интерпретирует их переводчик С. Г. Кляшторный, свидетельствуют о том, что кыргызам не удалось похоронить героя согласно обряду, т. е. сжечь его тело вместе с боевым конем и личными вещами, а пепел похоронить в сложном каменном сооружении типа чаа-тас¹.

Подобные мистические исчезновения тел покойных – обычное явление в тексте эпоса «Манас». В эпилог эпоса (вариант Саякбая) включено широко распространенное среди кыргызов представление, что Семетей, Бакай, Каныкей, Куль-чоро и Айчурек не умерли, а ушли в далекую Индию и живут по сей день. В. М. Жирмундский, анализируя это предание, связывает его с «мессианистическими представлениями о возможности возвращения героя, с которым вернется утраченный в прошлом «золотой» век народного благосостояния». Наиболее близкий пример подобному «мессианству» В. М. Жирмундский видит в кельтском эпосе о короле Артуре². На наш взгляд, нет нужды искать столь отдаленные аналогии. Ключевым здесь является эпизод с эпической девой-богатыршей Сайкал, которая после смерти Манаса просто исчезает, ее, как и Барс-бега, не удалось похоронить по обряду:

«Тела Сайкал не найти,

Осталась ее орда – сама исчезла»³.

Вышеприведенные параллели между кыргызским руническим текстом с Енисея и эпосом «Манас» позволяют предполагать, что современники Барс-бега, вполне осознавая значимость его деяний для исторических судеб народа и разделяя его несбывшиеся стремления, решили обессмертить его имя, чтобы государственные замыслы Барс-бега не умерли вместе с ним, а работали на общекрыгызскую идею и остались жить в душе каждого кыргыза. А для достижения этой цели в то время был только один способ – облачение его дел и его личности в эпическую форму, что заметно уже в эпитафии в честь Барс-бега. Таким образом, смерть героя стала началом эпоса. Если наша гипотеза найдет подтверждение в дальнейших разработках ученых, то начало формирования эпоса «Манас» можно датировать первой половиной VIII в. Против нашей гипотезы может быть выдвинуто серьезное возражение: эпический Манас, в отличие от его предполагаемого прототипа – исторического Барс-бега, был похоронен в соответствии с мусульманской обрядностью и над его могилой возведен гумбез, причем не на Енисее, а на реке Талас.

Однако не все так просто. Манас, согласно эпосу, был похоронен по мусульманской обрядности и в гумбезе мусульманского типа. Этим гумбезом молва считает шатровую усыпальницу монгольской княжны, построенную близ слияния рек Талас и Кенкол в XIV в.

Погребенная, в честь которой был построен гумбез, как гласит монументальная надпись на портале, была юным существом, совсем девочкой, не успевшей выйти замуж. Имя ее – Канизек-хатун, отцом ее был эмир из потомков сына Чингисхана Чагатай по имени Абука. Согласно надписи на портале, девочка умерла в первый день рамазана 734 г. хиджры (мусульманского летосчисления), т. е. в коррекции на современный календарь – 6 мая 1334 г. Уже только по вышеуказанным фактам знаменитый гумбез не мог быть усыпальницей Манаса⁴.

Но убеждение кыргызов из Таласа в том, что гумбез был построен в честь великого героя, незыблемо. Им хорошо известен текст надписи на портале и они знают имя Канизек. Однако уважаемых стариков-кыргызов, которые отошли от суетных мирских дел и проводят часть своего времени у святыни – у «Гумбеза Манаса», факты, изложенные в

¹ О конструкции погребальных сооружений типа чаа-тас см.: Худяков Ю.С. Кыргызы на просторах Азии. – С. 91-93.

² Жирмундский В.М. Введение... – С. 100-101.

³ Кыдырбаева Р.З. Генезис эпоса «Манас». – Фрунзе, 1980. – С. 36.

⁴ Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Гумбез Манаса. – М., 1950; Помаскин Б.В. Гумбез Манаса. – Фрунзе, 1972.

тексте надписи на портале, не смущают. В них они видят только подтверждение версии, что именно здесь был похоронен реальный Манас. Их доводы сводятся к следующему:

1. Гумбез в честь Манаса строился под руководством и по замыслу его жены – мудрой Каныкей. А могла ли умная женщина на гумбезе такого мужа написать его истинное имя? Конечно, нет! Тогда враги смогли бы надругаться над прахом великого героя, осквернить святыню всех кыргызов. Для предупреждения возможного кощунства и святотатства и была придумана отвлекающая надпись на портале гумбеа, смысл которой сводился к следующему: здесь покоится прах не могучего батыра, а невинной девочки.

Но Каныкей была не только мудрой, но и дальновидной женщиной. Она знала, что время стирает память о героях, их делах и тем более о местах их вечного упокоения. Чтобы избежать забвения, в надписи на портале гумбеа был оставлен знак-символ, понятный только кыргызам, – имя строительницы гумбеа. Старики, со слов своих дедов, трактуют имя Канизек как Каныкей Корень слова ведь один! Канизек – так якобы ласкательно звали родные будущую жену Манаса, когда она была девочкой. Вот поэтому в надписи на портале и фигурирует не полное, а девичье имя жены Манаса. Полное имя тоже знали враги, потому на портале особо подчеркнуто то, что здесь похоронена незамужняя девочка Канизек.

Убедительно?! Вполне. Доводы хранителей спокойствия праха Манаса не лишены восточной логики.

На самом деле, эпизод эпоса о погребении Манаса по мусульманскому обряду является наиболее поздним. Да и смогли бы понять слушатели XVII–XX вв., если бы манасчи объявили, что великий защитник ислама, гроза «неверных» Манас был сожжен после смерти по языческому обряду, а не похоронен, как этого требует мусульманский обычай? Едва ли.

Историки легко могут установить, когда мог возникнуть эпизод эпоса о погребении Манаса согласно канонам ислама. Автор «Табаи ал-хайван» Марвази (начало XII в.), отмечая трансформацию культуры енисейских кыргызов, заселивших в период великодержавия северные районы Восточного Туркестана, Прииртышье и Алтай, писал: «Кыргызы обычно сжигали трупы умерших, считая, что огонь очищает (от всех грехов), однако это их старый обычай. После того, как они стали соседями мусульман, кыргызы перешли на захоронение умерших»¹.

С другой стороны, кыргызы, заняв Ала-Тоо к концу XV – началу XVI вв., подверглись мощному натиску мусульманской культуры и постепенно сами стали мусульманами.

Таким образом, эпизод похорон Манаса по обряду ингумации, как он звучит в передаче манасчи XIX–XX вв., возник недавно, где-то между XI–XVII вв., а отождествление гумбеа монгольской девочки Канизек с местом погребения Манаса – не раньше XVI–XVII вв.

На Енисее эпизод похорон Манаса, очевидно, не был включен в эпос. Повидимому, современники и ближайшие потомки Барс-бега не собирались окончательно расставаться с великим героем кыргызов. Согласно эпитафии в честь Барс-бега, тело его мистически исчезло. Можно предполагать, что ожидая мессианского возвращения Барс-бега (Манаса) к жизни, кыргызы Енисея уготовили ему по смерти, как и Каныкей, Семетею, Бакаю, Кульчоро, Айчурек, Сайкал, другую судьбу: жизнь после смерти.

Иначе становится непонятным, почему народ ждал мессианского возвращения к жизни второстепенных своих героев, а не главного, самого могучего, самого любимого.

Вполне понятно, что манасчи в Ала-Тоо, подвергшись влиянию мусульманских религиозных норм, постепенно исламизировали и образ самого Манаса, что привело к трансформации многих первоначальных эпизодов эпоса, в том числе и эпизода о погребении героя.

¹ История Киргизской ССР. – Т. 1. – Фрунзе, 1984. – С. 425.

Приведенные выше факты и соображения позволяют нам с большой осторожностью сделать следующие выводы:

1. Видный государственный деятель кыргызов на Енисее – каган Барс-бег Ынанчу Алп Бильге, как лицо историческое, мог стать прототипом эпического героя кыргызов Манаса.

2. Эпос кыргызов «Манас» начал формироваться еще в енисейский период истории народа после смерти Барс-бега (711 г.), т. е. в первой половине VIII в.

Дальнейшие исследования кыргызоведов в этом направлении, особенно после выявления новых источников, подтвердят или опровергнут эту гипотезу (столь привлекательную для авторов).

Древнетюркская государственность Ала-Тоо – историческое наследие кыргызского народа

Волею исторических судеб кыргызский народ стал преемником и наследником не только государственности кыргызов на Енисее, но и древнетюркской государственности, которая развивалась в Ала-Тоо. В середине VI в. территория современного Кыргызстана вошла в состав Тюркского каганата, в начале VII в. она стала административным центром нового государственного образования – Западнотюркского каганата. На его развалинах образовались государства тюркешей и карлуков (VIII–X вв.), столицей которых стал город Суяб (городище Акбешим близ современного г. Токмок). Финальным в развитии средневековой тюркской государственности в Ала-Тоо стал Караханидский каганат со столицей в городе Баласагун (другое название – Куз-Орду развалины которого под названием «Бурана» и сейчас удивляют своей монументальностью. Город Баласагун располагался на 3–5 км южнее города Суяб.

Таким образом, территория Кыргызстана на протяжении VI–XII вв. стала вторым центром (после Монголии) развития древнетюркской государственности и культуры. Здесь древнетюркская государственность и культура развивались более продолжительное время, чем в Центральной Азии, и достигли значительных результатов. Центр древнетюркской государственности в Ала-Тоо внес заметный вклад в общетюркскую цивилизацию. Каждый образованный человек тюркского корня от Байкала до Босфора и от Урала до Индии знает и помнит, что на сравнительно узкой полоске земли Чуйской долины располагались столицы четырех древнетюркских государств, что именно здесь были основаны первые тюркские города с тюркскими же названиями, что в этих городах были отлиты первые тюркские деньги, на аверсе которых было написано гордое «господин тюркеш-каган». Но самое главное, чего не следует забывать, в Чуйской долине в городе Баласагун родился ныне известный всему миру Юсуф, написавший первую поэму на тюркском языке, которая дала начало блестящей тюркской поэзии последующих времени (Навои, Бабур, Низами и многие другие). Эта первая тюркская поэма Юсуфа Баласагуни «Кутадгу билиг» («Благодатное знание») сейчас переведена на многие языки мира. А уроженец города Барсхан (Иссык-Куль) Махмуд стал одним из первых тюркских ученых. Его труд «Диван лугат ат-тюрк» («Словарь тюркских наречий») также известен всему миру.

Основы тюркской государственности Ала-Тоо были настолько сильны, что она транслировалась в другие регионы. Так, представители западнотюркской ветви династии Ашина – выходцы из Ала-Тоо – возглавили Хазарский каганат на Волге и Северном Кавказе¹.

20 апреля 977 г. в прекрасном городе Газне (Хорасан) был венчан на царство бывший раб-воин (гулям) – выходец из тюркского племени барсхан, которое кочевало на Иссык-Куле или в долине реки Талас. Имя этого эмира было Себук-тегин. Династия,

¹ Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. – СПб, 1994. – С. 64.

основанная Себук-тегином, правила Хорасаном и в XI в.¹ И, наконец, правитель Ферганского вилайета с городами Андижан, Ош и Узген поэт и воин Захириддин Бабур (1483–1530 гг.) в 1526 г. завоевал Северную Индию, включая город Дели, Бабур стал основателем нового государства, которое европейцы называли Империей Великих Моголов. Династия, основанная Бабуrom, надолго пережила своего создателя. Она была ликвидирована английской короной лишь в 1858 г.²

Во всех древнетюркских государствах власть опиралась на примерно одинаковые институты общественного устройства и социальные структуры, которые были хорошо приспособлены для военного быта. Тюркский племенной союз состоял из отдельных племен (бод), политически объединенных в имперскую государственную структуру (эль), где родоплеменная организация (бод) и военно-административная система (эль) взаимно дополняли друг друга, направляя прочную, но вечно стремящуюся к сепаратизму родоплеменную солидарность в русло общегосударственных интересов.

Все древнетюркские государства были монархиями. Каганами (монархами) могли быть только выходцы из самых элитных аристократических родов (огуш). У тюрков это был род Ашина, у уйгуров – Яглакар, у древних кыргызов – род, основанный еще в I в. до н. э. китайским полководцем Ли Лином.

Власть кагана в древнетюркских государствах не имела легитимных ограничений. Он осуществлял функции высшего руководства гражданского и военного управлений, верховного судьи и главного жреца. Однако каган не мог прочно сидеть на троне, если пренебрегал своими обязанностями по отношению к своевольной степной аристократии, которая опиралась на незыблемую родоплеменную солидарность. Каковы же были обязанности древнетюркского государя по отношению к своим подданным – бегам и народу? Они хорошо освещены в древнетюркских камнеписных памятниках и в первой тюркской поэме «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни.

Едва ли не высшей добродетелью кагана, согласно вышеуказанным памятникам, считались удачливые набеги и войны ради добычи.

В эпитафии, найденной в Таласской долине, тюркешский феодал Бег-чор превозносится за то, что он «...непрерывно ходил (походом) за границу и внутри государства»³.

В тексте в честь Тоньюкука эта государственная функция правителя выражена с подкупающей откровенностью и прямоотой: «Если бы у народа, имеющего кагана, [тот] оказался бездельником (т.е. не ходил в походы. – Авт.), что за горе бы у него (народа) было!»⁴.

Однако, как считали древнетюркские идеологи, военные трофеи хороши только тогда, когда каган не прячет их в свои закрома и не сидит на сундуках с сокровищами. Он обязан был щедрой рукой и по реальным заслугам распределять их среди войска и знати. Поэтому, как следует из древнетюркских текстов, каганы не раз публично подчеркивали свои заслуги перед народом: «я хорошо вскормил народ», «одел нагой народ», «накормил голодный народ». Бывали случаи, когда каганы по тем или иным причинам оставляли трофеи без справедливого раздела. В таких случаях подданные считали себя вправе не подчиняться власти «жадных» каганов. Чаще всего они откочевывали подальше от ставки кагана и считали себя независимыми. Иногда «жадных» каганов убивали. Китайская хроника сообщает о трагедии тюркешского кагана Сулука Чабыш-чора: «Вначале Сулук хорошо управлял людьми, был внимателен и бережлив. После каждого сражения добычу всю отдавал подчиненным, почему роды были довольны и служили ему всеми силами... В

¹ Мокрынин В.П., Плоских В.М. Иссык-Куль: затонувшие города. – Фрунзе, 1988. – С. 64-65.

² Бабур-наме / Пер. М. Салье. – Ташкент, 1982.

³ Батманов И.А. Таласские памятники древнетюркской письменности. – Фрунзе, 1971. – С. 13.

⁴ Подробнее об идеалах древнетюркской государственной власти см.: Бейшембиев Э.Д., Джунушалиев Д.Д., Мокрынин В.П., Плоских В.М. Введение в историю кыргызской государственности. – Бишкек, 1994. – С. 36-39.

последние годы он почувствовал скудость, почему награбленные добычи начал мало-помалу удерживать без раздела. Тогда и подчиненные начали отдаляться от него... Мохэ Да-ань и Думочжи неожиданно в ночи напали на Сулука и убили его»¹.

Весьма примечательно, что через несколько столетий после крушения Тюркского и Тюркешского каганатов Юсуф Баласагуни, отмечая важнейшие идеалы общественного устройства тюркского государства Караханидов в Ала-Тоо, писал практически то же, что древнетюркские тексты:

«Внемли, что сказал муж о рати своей:
«Добудешь победу, наград не жалеи!
Корми, награждай, не жалея отличий,
Иссякнут дары – снова мчись за добычей».

Согласно еще гуннской традиции (III в. до н. э.), государства древних тюрок делились на два крыла со строго фиксированными племенами в каждом из них. Одно крыло называлось правым (восточное), другое – левым (западное). Крылья возглавляли высшие должностные лица каганата, которые, как правило, были ближайшими родственниками кагана. Правое крыло (восточное) состояло из более сильных и знатных племен. Его, согласно тюркскому праву, возглавлял тот брат кагана, который являлся наследником престола. Он имел титул «шад». Левое (западное) крыло возглавлял тоже ближайший родственник кагана с титулом «джабгу (ябгу)». В древнетюркской иерархии шад был вторым, а джабгу – третьим титулом после титула каган. Западнотюркские верховные правители всегда добавляли к своему титулу каган еще и титул джабгу.

Подобное устройство зафиксировано и в Западнотюркском каганате (племена нушиби и дулу), в государстве тюркешей (желтые и черные роды);

Социальная система в древнетюркских государствах была двухступенчатой (аристократия и простой народ). Высшим сословием были беги, власть которых была наследственной и утверждалась традицией. Среди родов, согласно кочевой иерархии, были более и менее знатные; были совсем захудалые по своему происхождению – такие роды находились в зависимости от более знатных. Внутри рода правовое положение простых людей было примерно равным. Часто это равенство было мнимым, так как опиралось на имущественное положение семьи. Самое низкое положение в древнетюркском социуме занимали рабы. В целом рабство в тюркских семьях было домашним.

Характерно, что кыргызы, заняв Ала-Тоо в конце XV – начале XVI вв., целиком восприняли древнетюркскую государственную и социальную структуру, столь отличную от сложившейся у енисейских кыргызов.

Уже в XVI в. сложилась военно-административная система кыргызов Ала-Тоо, состоящая из двух крыльев (он и сол) и группы ичкилик с твердой фиксацией родоплеменных объединений в каждом из них. Общество кыргызов стало в основном двухступенчатым с четкой оппозицией: знать (бии, маналы, датхи) и народ. В кыргызской родоплеменной структуре прослеживались знатные и менее знатные роды, а также и совсем плебейские роды, основателями которых были бесправные рабы. Свободные мужчины в роде юридически имели примерно равные права, но слово богатого всегда было весомее. Кыргызы сохранили родовую солидарность, так характерную для древнетюркского общества².

Восприняв эти важные институты древнетюркской государственности, которые издавна обеспечивали порядок в социальной жизни кочевников, кыргызские родоплеменные объединения не могли (или не стремились) восстановить верховную власть кагана, хана, эмира, а следовательно, не смогли создать собственное государство.

¹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... – Т. 1. – С. 299.

² Абрамзон С.М. Кыргызы и их этногенетические и историко-культурные связи. – Фрунзе, 1990. – С. 38-41.

Во второй половине XIX в., когда земли кыргызов по мере продвижения русских войск на юг включались в различные административно-территориальные единицы, – Семиреченская, Сырдарьинская, Самаркандская и Ферганская области, вопрос о кыргызской национальной государственности вообще утратил практическое значение. Он, казалось бы, навсегда был отодвинут за горизонт возможного. Но история распорядилась иначе.

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ ПАМЯТНИКИ ДОЛИНЫ РЕКИ ТОН

Торт-кульский отряд кроме осуществления программных раскопочных работ занимался сбором опросных сведений и «случайных» археологических находок. Так было выявлено несколько каменных изваяний. Некоторые из них найдены на территории средневекового городища Хан-Дюбе, другие – подобраны вблизи него. Сосредоточены эти памятники сейчас в школах близлежащих сел (Туура-Суу, Торт-Куль, Боконбаевское и др.). Кроме того, вскрыты два погребения с конем.

Погребение 1 (рис. 34) обнаружено при земляных работах по подготовке основания плотины (на левом берегу р. Туура-Суу) в южной стенке траншеи на глубине 0,95 м от современной поверхности. Длина ямы 1,9 м, ширину установить не удалось. Кости человека почти полностью уничтожены бульдозером. Непотревоженными остались лишь фаланги стопы, пяточная и берцовая кости левой ноги. На небольшом уступе, в 10 см от ямы, с человеческим захоронением находился скелет коня, ориентированный грудью на запад. Ноги животного подогнуты, шея повернута назад так, что череп коня оказывается у правой лопатки. На спине прослеживаются остатки основы деревянного седла с высокой лукой арочного типа. Дерево сохранилось плохо. Под седлом заметны куски войлока, а у задних ног – оплывшее железное стремя с широкой плоской подножкой. Рядом с черепом лежали фрагменты железных удил. Следы их коррозии отмечаются на обеих челюстях коня. У задних ног найдена костяная застежка от пут (рис. 35).

Погребение 2 отмечено в 300 м северо-западнее описанного. Оно также разрушено при прокладке водопровода в с. Торт-Куль. В западной стенке водопроводной траншеи на глубине 0,3 м были расчищены *in situ* шейные позвонки и остатки черепа коня. Судя по положению костей, обряд этого захоронения аналогичен вышеупомянутому. Нами собраны многочисленные устные сообщения строителей и местных жителей о том, что во время сооружения отмеченного водопровода здесь неоднократно встречались погребения с конем и различный металлический и другой сопроводительный инвентарь, который, к сожалению, утрачен¹.

Западнее первого захоронения в выбросах из траншеи находилось большое количество разрозненных человеческих, конских и бараньих костей. Некоторые из них покрыты характерным зеленым налетом, оставленным, очевидно, бронзовыми изделиями.

Все эти факты могут свидетельствовать о том, что здесь располагался могильник. Внешние его признаки сейчас отсутствуют, так как сами курганы, видимо, были разрушены во время возникновения средневекового некрополя и при более поздних строительных работах. Характерно, что на этой же территории встречаются различные находки, описание некоторых из них дается ниже.

Это прежде всего две бронзовые литые пряжки с овальной рамкой, прямоугольным щитком и подвижным язычком. Крепление их к ремню осуществлено с помощью двух заклепок (рис. 36). Сюда же относится тройник из бронзы от сбруи коня. Центральная часть предмета сферическая, отростки плоские. Они крепились к ремню заклепками. Под сферической частью сохранился ременной узел.

Интерес представляет и бронзовая фигурная накладка с частью двойного ремня, ширина которого 2 см, толщина 4 мм. Последний прикреплен заклепкой, на конце которой имеется маленькая пластинка.

Среди украшений надо отметить разомкнутый бронзовый перстень, конца его находят друг на друга и скреплены. Щиток фигурный со сложным орнаментом. Найдены также бусы, бисер (стекло голубого и белого цвета), обломок железной пластинки с бронзовой заклепкой, плоская мраморная галька с отверстием в центре (см. рис. 36).

¹ Очевидцы упоминают, по меньшей мере, пять разрушенных погребений с конем.

Нам удалось осмотреть часть золотой массивной серьги с шестигранной подвеской из белого нефрита и круглой голубой стеклянной. По словам видевших эту серьгу целой, подвеска первоначально была больше. Она нанизывалась на стержень, который был загнут кольцом в нижней части.

Вышеописанные археологические предметы и прежде всего бронзовые пряжки с овальной рамкой и подвижным язычком находят аналогии в памятниках, принадлежащих кочевникам VI–XII вв. обширных степных пространств от Южной Сибири до Венгрии¹. Примерно для этого же времени известны они и в Чуйской долине². К сожалению, предложить более узкую датировку для всего комплекса вещей пока затруднительно.

Точнее датируется погребение с конем. Здесь, правда, едва ли можно полностью положиться на сопровождающий инвентарь (стремена, удила, остатки седла), так как он отчасти из-за плохой сохранности маловыразителен и имеет широкий хронологический диапазон – VI–XII вв. Наиболее же точное время захоронения, на наш взгляд, может дать погребальный обряд. Несмотря на то, что захоронение сохранилось лишь частично, обряд его вырисовывается довольно отчетливо. Погребение было совершено в прямоугольной яме, вытянутой с запада на восток. В северной ее части на спине, головой на восток, лежал человек. Конь же находился на уступе в южной части ямы (ориентация обратная). Подобный погребальный обряд был присущ алтайско-орхонским тюркам в VIII–IX вв. и отличался от более раннего (VI–VIII вв.), когда яма имела меридиональную ориентацию³.

Несмотря на довольно широко проводившиеся археологические исследования в Киргизии, захоронений с конем пока обнаружено сравнительно мало⁴. Рассматриваемые нами объекты – еще один пункт характерных древнетюркских погребений.

Каменные изваяния долины рек Тон и Туура-Суу уже привлекали внимание исследователей. Так, два аналогичных памятника обнаружено и опубликовано Я. А. Шером⁵. Нами найдено еще восемь.

1. Фигура объемная (рис. 37). Лицо монголоидное со стилизованными бровями, длинными манерно изогнутыми усами и небольшой бородкой. Голова выделена из монолита, шея и плечи обрисованы четко. Головной убор с мысиком над переносицей и с загнутыми вверх наушниками. Правая рука согнута и держит перед грудью за петлевидную ручку кубок, судя по конфигурации, металлический. Левая рука согнута под прямым углом, кисть ее покоится на эфесе сабли, имеющей прямое перекрестие. Сабля заткнута за пояс, украшенный квадратными и подпрямоугольными накладками с прорезью посередине. На поясе справа (на боку) висит «каптаргак» (бляха?), орнаментированный спиралями. Сзади изображены два продолговатых предмета. Они

¹ *Евтюхова Л.А. и Киселев С.В.* Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции 1935 г. // Тр. ГИМ, вып. XVI. – М., 1941, рис. 15, табл. III; *Вайнштейн С.И.* Археологические раскопки в Туве в 1953 г. Уч. зап. Тувинского НИИЯЛИ, вып. II. – Кызыл, 1954. – С. 148-151; *Грач А.Д.* Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве (полевой сезон 1957 г.) // Тр. ТКАЭЭ Ин-та этнографии АН СССР. – Т. 1. – М.:Л., 1960. – С. 32; *Кызласов Л.Р.* История Тувы в средние века, изд МГУ, 1969, рис. 36, 1, 3; рис. 39, 3, 15; рис. 40, 1, 2 и др.; *Арсланова Ф.Х.* Памятники Павлодарского Прииртышья (VII–XII вв.) // В кн.: Новое в археологии Казахстана. – Алма-Ата, 1968, табл. между стр. 100-101, рис. 180, 189.

² *Бернштам А.Н.* Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина». МИА, 14. – М.:Л., 1950, табл. XLIV, 1, 3, 5, 6.

³ Обоснование датировки и библиографию см.: *Гаврилова А.А.* Могильник Кундыргэ как исторический источник. – М.:Л., 1965. – С. 59-61, рис. 7 и др.; *Кызласов Л.Р.* История Тувы... – С. 18-23, 78-79.

⁴ Библиографию вопроса см. в трудах: *Шер Я.А.* Памятники алтайско-орхонских тюрков на Тянь-Шане, СА, 1963, 4. – С. 158-166; *Винник Д.Ф.* Тюркские памятники Таласской долины // Сб. «Археологические памятники Таласской долины». – Фрунзе, 1963. – С. 88-89, 92-93; *Абетеков А.К.* Археологические памятники кочевых племен в западной части Чуйской долины // В кн.: Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. – Фрунзе, 1967. – С. 44-48.

⁵ *Шер Я.А.* Каменные изваяния Семиречья. – М.:Л., 1966. – С. 122, табл. XXVIII, 139, 140.

заложены за пояс. Четко выделены отвороты кафтана. Техника исполнения точечная, детали достаточно рельефны.

Памятник хранится во дворе средней школы им. Боконбаева в с. Боконбаевском, а обнаружен на правом берегу р. Туура-Суу около старой мельницы (в 2 км севернее плотины).

2. Физический тип неясен (см. рис. 38). Голова выделена из монолита. Брови стилизованы. Над переносицей – мысик головного убора. Правая рука согнута в локте под острым углом, держит за ручку сосуд, форму которого уловить трудно из-за скола. Левая рука покоится на рукоятки холодного оружия. Одежда с ярко выраженными отворотами и манжетами, перетянута узким поясом. Сзади за поясом отмечены такие же продолговатые предметы, как и в предыдущем случае. По технике и манере исполнения, многим деталям данное изваяние близко к вышеописанному. Оно найдено на территории центральных развалин средневекового городища Хан-Дюбе и перенесено во двор школы с. Туура-Суу.

3. Лицо монголоидное (рис. 39). Так же, как и в предыдущих случаях, голова выделена из монолита. Неплохо проработаны шея и плечи. На лице изображены тонкие загнутые усы и борода. Слегка обозначены зрачки глаз. Эта деталь является особенностью данной фигуры. Изображаемый обычно в правой, здесь сосуд находится в левой руке – момент очень редкий. Скульптура подобрана в районе Тонского рыбзавода и хранится в средней школе с. Торт-Куль.

4. Черты лица и многие детали плохо различимы из-за эрозии поверхностного слоя (рис. 40). Шея и плечи обозначены хорошо. Талия перетянута поясом, с которого сзади свисают два подпрямоугольных предмета. Слева на боку длинный меч (сабля?). Памятник найден на левом берегу р. Туура-Суу в 200–250 м к северу от плотины Торткульского водоема.

5. Тип лица монголоидный. Брови стилизованы. Шея и плечи проработаны слабо. В правой руке, согнутой в локте под прямым углом, поднят (видимо, за ручку) кубок, аналогичный сосуду первого изваяния. Левая рука на поясе, который обозначен только впереди. Изваяние обнаружено на правом берегу р. Туура-Суу у старой мельницы.

6. Фигура изображена сидящей (рис. 41). Сохранился только пьедестал и ноги, согнутые «калачиком». Тщательно выполнены остроносые сапоги на мягкой подошве. Фрагмент подобран на левом берегу р. Туура-Суу и передан в школу с. Туура-Суу.

7. Голова отбита (рис. 42). В правой руке сосуд, очевидно, с вертикальной ручкой. Кисть левой руки, согнутой под прямым углом, лежит на животе. На плечи накинута верхняя длиннополая одежда без рукавов в виде мантии. У шеи обозначен овальный вырез нижнего платья. Торс обнаружен на правом берегу р. Туура-Суу у кладбища и хранится в школе с. Туура-Суу.

8. Сохранилась лишь голова изваяния с поврежденной верхней частью (рис. 43). Она принадлежала скульптуре, выполненной с большим мастерством. Среди известных памятников этого рода на Тянь-Шане ей трудно отыскать эталон. Физический тип неясен. Весьма тщательно исполнен головной убор типа малахая с высокой тульей. Над переносицей ясно виден острый мысик. Наушники стянуты на голове завязкой со свободно ниспадающими широкими концами. В ушах кольцевидные серьги. Зрачки глаз обозначены углублениями, все детали выполнены рельефно. Памятник находится в школе с. Тура-Суу¹. Найден на территории того же села.

Показательно то, что все изваяния долины р. Туура-Суу выполнены скульптурно. Четко выделены голова, шея, плечи. Детали, даже мелкие, даны рельефно. Особенностью скульптурных изображений следует считать характерные фигурные кубки (изв. 1 и 5), а также вставленные за пояс перекрещивающиеся продолговатые

¹ Пользуясь случаем, приносим искреннюю благодарность завучу школы с. Туура-Суу Д. Элебесову, который сохранил несколько каменных изваяний.

предметы (изв. 1 и 2). Аналогий им отыскать не удалось. Определенный интерес с точки зрения исторической этнографии представляют головные уборы типа малахая (изв. 1 и 8). Надо сказать, что среди 145 аналогичных памятников Семиречья, опубликованных Я.А. Шером, ни на одном нет подобного головного убора. В то же время они встречаются на изваяниях Алтая¹.

Представляется, что для описанных каменных изваяний можно предложить дату VI–VIII вв.²

Значительное же скопление памятников древнетюркского времени (в действительности их, несомненно, было больше) на сравнительно ограниченном пространстве позволяет заключить, что данный район был густо заселен тюрками в VI–IX вв.

¹ Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. МИА, 24. – М., 1952. – С. 104, рис. 57.

² Шер Я.А. Каменные изваяния... – С. 38-40.

ПАМЯТНИКИ ТЮРКСКОГО ВРЕМЕНИ

Памятники кочевников раннего средневековья в долине Кетмень-Тюбе немногочисленны. Несмотря на достаточно хорошую изученность региона в археологическом отношении, к рассматриваемому времени в настоящий момент можно отнести лишь два погребения, вскрытых в разных могильниках, и два каменных изваяния.

Могильник Джаныш-Булак. Курган 8 расположен обособленно в юго-западной стороне могильника. Намогильное сооружение представляет собой округлую каменную выкладку диаметром 6 м и высотой 0,5 м. В северной части она разомкнута. Внутри выкладки оконтурилась овальная в плане могильная яма, ориентированная по линии запад – восток. Размеры ее 1,2×2 м. На глубине 2,3 м у северной стенки ямы были зачищены разрозненные кости скелета мужчины 45–50 лет. По костям *in situ*, можно полагать, что погребенный лежал головой на восток. Правая нога его была серьезно повреждена еще при жизни¹. Вдоль южной стенки покоился скелет лошади в скорченном положении, головой на запад. Курган ограблен в древности.

В засыпи могильной ямы на глубине 0,8 м найдена прямоугольная бляшка из золотой фольги на бронзовой основе. Она орнаментирована четырьмя стилизованными веточками, расходящимися от центра к углам. В разных местах могильной ямы обнаружены: обломок железного ножа, фрагмент железного стремени с широкой подножкой, астрагал барана со стертыми краями, части костяных и медных пластинок неясного назначения.

Могильник Теке-Таш. Курган 13 расположен в южной части могильника. Насыпь каменно-земляная, округлая в плане, диаметром 3 м, высотой 0,2 м. По основанию выкладка из более крупных камней, частично нарушенная. Под насыпью прямоугольная могильная яма, ориентированная по линии восток-запад. Размеры ее 1,1×2,2 м. Засыпь лёссово-щебенчатая. На глубине 0,9 м покоился скелет коня на животе, грудью на запад, голова его повернута назад, ноги подогнуты. Между челюстями скелета очень плохой сохранности находились железные одноколычатые удила с S-образными псалиями; с северной стороны около середины спины – железное стремя с плоской подножкой и с прямоугольной прорезью на плоском щитке с тонкой шейкой. Между ребрами железная под прямоугольную пряжку с подвижным язычком, закрепленном на одной из коротких сторон.

Каменные изваяния. Найдены в урочищах северной части долины Кетмень-Тюбе². Одно изваяние обнаружено при пахоте в верховьях р. Торкен в местности Кишен-Сай. На удлиненном валуне серого гранита выбито лицо мужчины со сросшимися бровями и пышными, подкрученными вверх усами. Нижняя врезная линия передает овал окладистой бороды. Той же техникой подчеркнут головной убор. Черты лица даны в невысоком рельефе. Несмотря на примитивность художественного исполнения, лицо весьма выразительно. Это достигнуто редким приемом изображения личины подобного рода – на глазных яблоках углублением переданы зрачки. Изваяние хранится в средней школе с. Торкен (рис. 1).

На нем узкими бороздками выбито изображение мужчины. Брови представляют собой непрерывную волнообразную линию. Концы их слегка подняты к вискам. В правой руке, согнутой в локте, рюмкообразный сосуд. Кисть левой руки, также согнутой в локте, плохо различима. Под ней изображен кинжал (?) с перекрестием. Фигура облачена в кафтан с треугольными отворотами, рукава облегающие. Изваяние хранится в школе поселка Ак-Беит (рис. 1).

¹ См.: *Альтман З.Б.* Палеопатологические исследования костных материалов из древних могильников. В настоящем сборнике.

² *Мокрынин В.* Первые находки древнетюркских каменных изваяний в Кетмень-Тюбе. АО 1969 года. – М., 1970. – С. 209-300.

Описанные каменные изваяния, принадлежат к кругу хорошо изученных памятников подобного типа в Семиречье, Монголии, Туве и на Алтае. Они датируются VI–XI вв.¹

Относительно точная датировка рассматриваемых курганов значительно затруднена прежде всего из-за малочисленности выявленных погребений и небольшого количества сопровождающего их инвентаря. Кроме того, хронологическая периодизация курганов тюркского времени в Киргизии находится в стадии разработки.

Наиболее характерными для раннего средневековья являются погребения с конем, которые распространены довольно широко в Казахстане, Южной Сибири, Монголии. Известны они и на территории Киргизии.

Некоторые исследователи считают, что широтная ориентация погребений с конем, подобная зафиксированной нами, является свидетельством их раннего происхождения. Меридиональная же ориентация – признак более поздних захоронений. Другие придерживаются противоположного мнения. В литературе высказывалась точка зрения, будто обе ориентировки погребений с конем синхронны и являются показателем не хронологического, а этнического порядка². Мы считаем, что для датировки погребений с конем в Кетмень-Тюбе за основу следует брать вещественный материал.

Погребальный инвентарь из кургана 8 могильника Джаныш-Булак представлен в основном фрагментами. Показательным является наличие нижней части стремени. На Тянь-Шане раньше VI в. стремяна были неизвестны. Золотая бляшка не может быть хронологически определяющей, так как техника изготовления и орнаментация подобных ей изделий уходят корнями в глубокую древность.

Инвентарь из кургана 13 могильника Теке-Таш более выразителен. Однокольчатые удила с S-образными псалиями, стремя с плоской подножкой и прямоугольной прорезью на площадке с узкой шейкой находят широкие аналогии: в Туве части конской сбруи такой же конструкции датируются VII–IX вв.³, в могильнике Кудыргэ – VII–VIII вв.⁴

В Прииртышье подобного типа удила и стремяна бытовали в VII–IX вв.⁵ Стремяна с плоской подножкой и прямоугольной прорезью на площадке с узкой шейкой найдены в погребениях Чуйской долины VI–VIII вв.⁶ Указанная хронология подтверждается стратиграфическими наблюдениями на городище Ак-Бешим, где в слое VIII–IX вв. обнаружены удила с S-образным псалием⁷.

¹ Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. – М., 1966. – С. 39.

² Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М., 1965. – С. 65.

³ Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. – М., 1969. – С. 20, 98, 103.

⁴ Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ..., табл. XXXI. – С. 54, 58.

⁵ Арсланова Ф.Х. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII–XII вв.). // Новое в археологии Казахстана. – Алма-Ата, 1968, табл. между стр. 100 и 101, 64, 74.

⁶ Тр. САЭ «Чуйская долина», табл. 3.

⁷

О ЖЕНСКИХ КАМЕННЫХ ИЗВАЯНИЯХ ТЯНЬ-ШАНЯ И ИХ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Все известные каменные изваяния древнетюркского времени Южной Сибири и Монголии изображают мужчин. Особенностью подобных памятников в Семиречье является наличие женских скульптур. Последние были отмечены исследователями древностей еще во второй половине XIX – начале XX вв.¹ Принцип, по которому различались мужские и женские каменные изваяния, оставался, однако, неясным. В своей монографии Я. А. Шер выделил женские изваяния в особую группу². Критерием для дифференциации явилось наличие на отдельных экземплярах скульптур изображений некоторых признаков женского пола. Таких изваяний насчитывалось одиннадцать из ста сорока пяти изученных.

Есть основание полагать, что женских изваяний было больше. Дело в том, что пол сорока трех фигур, т. е. около 30% от общего числа, не был определен исследователем. Объединяющими чертами «бесполых» скульптур является отсутствие изображений растительности на лице и оружия. Осторожный подход Я. А. Шера к этому вопросу оправдан, так как отсутствие указанных признаков явно недостаточно для того, чтобы все «безусые» и «безбородые» изваяния были признаны женскими. Судя по скульптуре, лицо знаменитого Кюль-Тегина не имело никаких следов растительности. Очевидно, для выделения женских скульптур нужны поиски дополнительных критериев. На наш взгляд, одним из них может быть различие в покрое мужской и женской одежды.

В Северной Киргизии на территории восточной части Чуйской долины, Малого Кемина, района озера Сон-Куль и главным образом в Иссык-Кульской котловине были обнаружены каменные изваяния, которые, несмотря на различную степень сохранности и детализации, можно выделить в особую группу. Для них характерно изображение верхнего одеяния в виде мантии-накидки без рукавов. Группа насчитывает шесть изваяний. Из них голову двух венчает «трехрогий» убор. У остальных голова отбита или повреждена. Возможно, что к выделяемой группе следует отнести еще пять фигур с «трехрогими» головными уборами. Детали покроя одежды отсутствуют. Девять из отмеченных изваяний обнаружено и опубликовано Я. А. Шером, что избавляет нас от их описания. После изысканий этого автора были найдены еще две фигуры с вышеуказанными признаками.

1. Лицо монголоидное. Головной убор «трехрогий», нижняя часть его окантована, задняя – углом прикрывает шею и часть спины. За ушами из-под канта головного убора свисают широкие округлые снизу подвески. На шее рельефная полоска, обозначающая гривну, либо ворот нижнего платья. Ниже ее – гривна с подвеской (амулетом) в виде соединенных прямоугольника и ромба. Правая рука не прослеживается. Левая – согнута под прямым углом, манерно изогнутые пальцы, кисти прижаты к животу. Длиннопольный кафтан оторочен по полам и подолу, на груди широкие отвороты. В талии он стянут узким поясом. Правая пола кафтана наверху, рукав узкий. На левой поле украшение, представляющее собой ромб со свободно ниспадающими концами лент. Один из них с тремя зубцами. На плечи накинута мантия (плащ) без рукавов. Детали рельефны.

Найдена в 1967 г. в одном из ущелий Кунгей Ала-Тоо, севернее с. Долинка на Иссык-Куле. Хранится в средней школе № 10 г. Фрунзе.

2. Обнаружена в бассейне р. Туура-Суу на южном берегу озера Иссык-Куль³.

¹ См.: *Лукин Б.В.* Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. – Ташкент, 1958. – С. 192-195; *Шер Я.А.* Каменные изваяния..., табл. XVI, 67, 71; табл. XVII, 74; табл. XIX, 83; табл. XXI, 90; табл. XXII, 99, 103; табл. XXVIII. 139, 140.

² *Шер Я.А.* Каменные изваяния Семиречья. – М.:Л., 1966. – С.26, 118-124; табл. XXV, 122, 123; табл. XXVI, XVII, 34; табл. XXIX, 144, 145; *L. Jisl. Vyzkum Kiilteginova pamatniki v. Mongolske Lidove Republic. «Archeologicke rozhledy»*, 1960, XII, 1, f. 49-51.

³ Описание ее см. в разделе «Древнетюркские памятники долины р. Тон» настоящего издания

Аналогии верхним одежаниям в виде мантии-накидки мы находим прежде всего в регионах Согда и Тохаристана. Терракотовые женские статуэтки кушанского времени из Афрасиаба изображены в мантиях, накинутых на плечи. Таких фигурок подавляющее большинство¹. Следует отметить, что в одежаниях женщин Согда того времени нет однообразия. Встречаются костюмы иного покроя². Однако мантия без рукавов отсутствует на всех статуэтках, изображающих мужчин того же времени.

В мантии без рукавов одеты все женские персонажи росписей замка Балалык-тепе в Тохаристане. Сходство деталей их костюма с одежаниями изваяний выделяемой нами группы иногда превращается в тождество: полы накидок женских персонажей Балалык-тепе украшены свободно ниспадающими лентами³, подобными выбитым на скульптуре, найденной в Кунгей Ала-Тоо. Заметим, что мужские персонажи росписей, в отличие от женских, одеты в кафтаны с рукавами. Это различие настолько устойчиво, что становилось решающим при определении пола фигур, если были повреждены или уничтожены другие признаки⁴. Живопись Балалык-тепе датируется V – началом VI вв. Следует, отметить, что накидки женских персонажей, написанных на стенах этого замка, отличаются от таковых на каменных изваяниях наличием широкого треугольного отворота с правой стороны.

Резкое отличие женского платья-накидки от мужского с рукавами можно проследить и на серебряном блюде со «свадебной сценой». Мантия-накидка женщины также имеет правосторонний лацкан⁵.

В VI – начале VIII вв. богатые мантии-накидки с двусторонними отворотами надевали женщины Пянджикента. Они четко видны в сцене помещения № 8. Возможно, такая же мантия была накинута на плечи арфистки⁶. Женщины Пянджикента наряжались в платья разного покроя, но не было случая, чтобы в плаще-накидке был изображен мужчина.

Единственную аналогию интересующему нас покрою верхнего платья на каменных изваяниях территории восточнее Тянь-Шаня находим на известном кудыргинском валуне из Алтая со сценой коленопреклонения. Центральные фигуры сцены – женщина и ребенок – одеты в мантии-накидки. Голову женщины, как и на некоторых киргизских изваяниях, венчает «трехрогая тиара». Этот памятник датируется первой четвертью VII в.⁷

Итак, на территории Согда и Тохаристана в I–VIII вв. бытовала специфическая женская верхняя одежда в виде мантии-накидки без рукавов. Этим она резко отличалась от мужского одеяния с рукавами. На мужском верхнем платье, если оно и изображалось накинутым на плечи, обязательно обозначались рукава или их имитация⁸. В Киргизии и на Алтае изображение накидки без рукавов появляется на памятниках, начиная с VI в. Здесь оно сочетается с «трехрогим головным убором, который в средневековье носили, видимо, только женщины. Уместно вспомнить, что в тюменском музее хранится миниатюрный удлиненный камень, на котором, судя по очертаниям, изображена женщина в «трехрогой»

¹ Там же. – С. 24.

² Альбаум Л.И. Балалык-тепе. – Ташкент, 1960, рис. 97-102.

³ Сопоставление мужских персонажей монументальной живописи Балалык-тепе с каменными изваяниями Киргизии было сделано Л.И. Альбаумом (Альбаум Л.И. Балалык-тепе. – С. 190-196; его же. Об этнической принадлежности некоторых «балбалов». – КСИИМК, 80. – М.; Л., 1960). По мнению Я.А. Шера, оно неудачно (Шер Я.А. Каменные изваяния... – С. 68-69).

⁴ Альбаум Л.И. Балалык-тепе. – С. 209-215.

⁵ Альбаум Л.И. Балалык-тепе. – С. 177, рис. 131; Скульптура и живопись древнего Пянджикента. – М., 1959, табл. IX, X, XIX.

⁶ Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л., 1965. – С. 18-21, табл. VI.

⁷ Мешкерис В.А. Терракоты самаркандского музея. – Л., 1962. – С. 23, рис. 4, 5; табл. III-V.

⁸ Шер Я.А. Каменные изваяния... – С. 60, рис. 18.

короне¹. Такой же убор стал решающим при трактовке поклоняющейся фигуры как женской на кудыргинском валуне².

Таким образом, мы имеем некоторые основания считать каменные изваяния Северной Киргизии, на которых нет изображений признаков мужского пола и оружия, но одетых в мантию-накидку без рукавов или увенчанных «трехрогим» головным убором, женскими скульптурами. Наличие женских изваяний является еще одним доводом против гипотезы, что каменные скульптуры древнетюркского времени изображают врагов тюрок.

Едва ли есть возможность с убедительностью определить этническую принадлежность женских изваяний в мантиях-накидках. Но постановка этого вопроса кажется нам уже правомерной.

Большинство исследователей, изучавших каменные скульптуры древнетюркского времени (Семиречья, Южной Сибири и Монголии), справедливо считают их основную массу изображениями алтайско-орхонских тюрок. Однако в исторической науке предпринимались более или менее успешные и с разными целями попытки выделить из множества памятников этого рода изображения представителей других племен и народов. В специальной литературе применительно к каменным изваяниям фигурируют многие этнонимы, в частности, тюргеши, уйгуры, кыргыз-хягасы, люди, «входившие в эфталитское политическое объединение», и другие³.

Известно, что фасон и покрой одежды является важным этническим признаком. Было бы заманчиво на основании сравнения с фресками Балалык-тепе сделать вывод, что выделенные нами женские изваяния изображают представительниц, если не эфталитов, то племен, входивших в их державу. Для этого имеется, казалось бы, много данных. Источники отмечают некоторые детали костюма эфталитских женщин. В разделе об эфталитах Бейши повествует: «Братья имеют одну жену. Жена мужа, не имеющего братьев, т. е. одномужняя, носит шляпу с одним углом; многомужняя же умножает число углов по числу братьев; на одеяние нашивает такое же число кистей»⁴. Подобное сообщение с некоторыми сокращениями находим и в Суйшу.

Путешественник VII в., побывавший в областях, занятых эфталитами, отмечал, что эфталитские женщины носят головные уборы, увенчанные деревянными рогами. Последние будто бы символизируют их свекра и свекровь.

Таким образом, не касаясь вопроса семейно-брачных отношений в эфталитской среде, укажем лишь на наличие женских «рогатых» головных ubоров и кистей на одеяниях. Возможно, что кисти, нашитые на женские платья, о которых упоминают источники, были близки к лентам или кистям женских персонажей Балалык-тепе и Тянь-Шаня. На фресках Балалык-тепе головные уборы отсутствуют вообще. Едва ли отмеченные в источниках женские шапки походили на «трехрогие» уборы, выбитые на каменных изваяниях Тянь-Шаня, ибо первые могли иметь самое различное число «рогов».

Это и упомянутые различия в покроях мантий-накидок из Балалык-тепе и Киргизии вынуждают отказаться от заключения, что интересующая нас группа изваяний изображает эфталитских женщин. Не следует забывать и то, что прямые аналогии тянь-шаньским мантиям мы находим в Кушанской терракоте. Кушанские женские фигурки в мантиях и с трилистником в левой руке настолько схожи с каменными изваяниями из с. Талды-Су на Иссык-Куле, что, несмотря на разрыв по утвердившимся ныне датировкам и полтысячи лет, напрашивается мысль о прямой семантической связи между ними. Этот вопрос

¹ Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ... – С. 20.

²

³ Евтюхова Л.И. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. – МИА, 24. – М.;Л., 1952. – С. 117; Кызласов Л.Р. История Тувы... – С. 82; Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. – М., 1961. – С. 79; Альбаум Л.И. Балалык-тепе... – С. 196; Шер Я.А. Каменные изваяния... – С. 64; Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Т. II. – М.;Л., 1960. – С. 268; Там же. – С. 286.

⁴ Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и Припамирских областей. – Душанбе, 1957. – С. 110-111.

требует специального исследования. Тем не менее уместно предположить, что группа каменных изваяний в мантиях может изображать представительниц племен, входивших в эфталитское политическое объединение. В нем было много различных этнических групп. Кроме эфталитов, источники называют хионитов, кидаритов, «белых гуннов» и др.¹ Как установил Я. Харматта, одна из групп хионитов – кермихиониты – входили в западно-тюркское объединение нушиби и обитали на территории Чуйской долины². В это же время в Иссык-Кульской котловине и Чуйской долине кочевали огузы³. Допустимо предположить, что они вместе с кермихионитами входили в эфталитское политическое объединение в конце V – начале VI вв. Источники умалчивают о покрое одежд огузских женщин в это время. Но позже, в IX–XIII вв., когда огузы были вытеснены в казахские степи, их женщины одевали накидку без рукавов.

В этом плане весьма интересную деталь привел Константин Багрянородный, который отмечал длительную и упорную борьбу между огузами и печенегами. В итоге ее победили первые. Большая часть печенегов откочевала в Причерноморье, другая – осталась жить среди огузов. Оставшиеся были подвергнуты унижительной процедуре: их одежда была укорочена по колено, и рукава отрезаны до плеч. Этим актом огузы, видимо, желали нанести оскорбление повергнутым печенежским алпам, ибо теперь их кафтаны стали походять на верхнюю одежду огузских матрон. Заслуживает внимания факт, что кроме Семиречья, для которого женские каменные изваяния характерны, одна женская скульптура древнетюркского времени была найдена в Западном Казахстане, т. е. в месте нового расселения огузов⁴.

В порядке первого приближения к определению этнической принадлежности некоторых древнетюркских каменных изваяний можно высказать предположение, что женские изваяния, на которых выбиты одежды без рукавов в виде мантии-накидки, могли изображать представительниц племен, обитавших на территории Тянь-Шаня еще до образования каганата алтайско-орхонских тюрок и впоследствии вошедших в упомянутый каганат. Не исключено, что прототипами этих изваяний были женщины огузских племен. Вопросы, поставленные в статье, далеки от окончательного решения и требуют дополнительных исследований.

¹ См.: Тревер К.В. Кушаны, хиониты и эфталиты по армянским источникам IV-VII вв. – СА, XXI. – М., 1954; R. Chirshman. Les Chionites-Heptalites, Le Caire, 1948; Маршак Б.И. К вопросу о восточных противниках Ирана в V в. – СНВ, вып. X. – М., 1971, и др.

² Harmatta. Byzantinoturcika, – «Acta Anti'qua», X. Budapest, 1962, s. 141-142.

³ Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. – М.;Л., 1958. – С. 39.

⁴ Агаджанов С.Г. Огузские племена Средней Азии IX-XIII вв. (историко-этнографический очерк). – СНВ, вып. X. – М., 1971. – С. 189.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА В ЗАПАДНО-ТЮРКСКОМ КАГАНАТЕ

Вопрос дипломатических отношений в Западно-тюркском каганате не был темой специального исследования. Для освещения его привлекались упоминания о практике приема иноземных дипломатов западными тюрками в трудах Менандра, Динавери, паломников, побывавших в ставках каганов, и др. Скучные сведения этих источников трудно переоценить, так как только на их основе можно реконструировать круг вопросов, связанных с приемом многочисленных посольств в ставках каганов. Для уточнения некоторых частных вопросов привлекались источники, повествующие о гуннах и монголах¹.

Возникнув в середине VI в. и став крупной державой, Тюркский каганат был вовлечен в активные международные политические связи. Принимая послов Ирана, Византии и других государств, каганы придавали значение тому, чтобы авторитет державы, а также их личное достоинство поддерживались соответствующим дипломатическим церемониалом. Во всех своих деталях он был ориентирован на публичное выражение почета владыке, принимавшему посла, владыке, отправившему посла, самому послу. Ритуал приема состоял из следующих основных частей: встреча, аудиенция и угощение, обмен дипломатическими посланиями и подарками и, наконец, по выполнении посольством своих функций – отправка дипломатов.

Большое значение придавалось встрече посла. В дидактическом сочинении XI в. «Сиасет-наме», где подводился итог дипломатическим связям за длительный период, указывалось на недопустимость небрежения этим церемониалом. Послов необходимо было встретить на границе своих земель и проводить до государева двора. Если этого не соблюдали, то считалось, что государственные дела находились в плохом состоянии, чего нельзя было сказать о Западно-тюркском каганате VI в. Каган, узнав, что Бахрам Чубин ищет у него убежища, приказал своим тарханам выйти к нему навстречу. Византийское посольство Юстина II было встречено при вступлении в землю тюрков. Именно здесь греки и их имущество подверглись кочевническому обряду очистительно-превентивного колдовства. Он отправлялся специальными людьми, которые, якобы, «имели способность отгонять несчастья». Сначала под звон колокола, ударыв тимпан и выкрики заклинателей все вещи членов посольства обносили сильно горящей веткой. Процедура, по-видимому, длилась долго, ибо люди, совершавшие обряд, приходили в исступление. Потом через пламя проводили самого посла, после чего допускали к кагану. Менандр, оставивший нам это повествование, не писал о прохождении «очищения» огнем остальных членов посольства, но, судя по тому, что «очищались» даже кладь византийцев, их не миновала эта участь. Ни в одном известном источнике о древних тюрках мы больше не нашли упоминаний вышеописанного обряда. Однако, учитывая известную роль огня в религиозных воззрениях степных народов, и то, что подобный обычай широко практиковался в посольском церемониале монголами, обряд «очищения» в древнетюркской среде должен был не так уж редок.

По прибытии в ставку послы и члены посольства занимали помещения либо в самой ставке, либо неподалеку от нее. Именно здесь Зимарх Киликиец, посол Юстина II, устроил «великолепное», по мнению Феофана, угощение для тюрков. Только благодаря этому Зимарх, например, и посол Хосрова Парвиза могли ежедневно присутствовать на приемах кагана. Иранец был частым гостем и у ханши. Источники не освещают вопроса о

¹ Менандр. Продолжение истории Агафиевой. В кн.: Византийские историки, перев. С. Дестуниса. СПб., 1861; А. Э. Шмидт. Материалы по истории Средней Азии и Ирана. «Уч. зап. ИВ», т. XVI. М.- Л., 1958; Материалы по истории сюнну. Предисловие, перевод и примечания В. С. Таскина, М., 1968; С. А. Козин. Сокровенное сказание. М.- Л., 1941; Дж. Цель Пла-но Карпини. История монголов; Г. де Рубрик. Путешествие в восточные страны, перев. Н. П. Шастиной. М., 1957; Книга Марко Поло, перев. И. П. Минаева. М., 1955.

порядке содержания иноземных послов у тюрок Тянь-Шаня. Косвенные свидетельства позволяют полагать, что оно было за счет кагана. Тун Джабгу, принимая буддийских проповедников из Индии, назначил им ежегодное содержание «вдвое больше обычного»¹. Из этого следует, что количество средств, опускаемых на иноземцев, было вполне определенным. Буддийские монахи получали все необходимое и у восточного кагана². Некоторые письменные источники свидетельствуют о том, что тюркские посольства существовали за счет аккредитовавших их государств. Поэтому естественно предполагать, что расходы на содержание ответных посольств брали на себя владыки западных тюрок.

Разместившись при дворе правителя, послы готовились к аудиенции. Время ее назначения зависело от важности миссии и ранга того или иного посольства. Истэми, например, принял Зимарха «немедленно» по прибытии его. Тун Джабгу, встретив послов двух держав во время охоты, не возвратился для их приема. Он состоялся лишь через несколько дней.

К встрече иноземных послов великих держав готовились, тщательно. Подготовка велась как в приемном помещении, так и вне его. В целом она была направлена на демонстрацию богатства, величия и мощи западнотюркских владык. Следуя на прием, послы проходили мимо длинного ряда повозок, на которых были выставлены замечательные изделия из драгоценных металлов. Менандр, по рассказам видевших эту своеобразную сокровищницу, констатирует, что изделия были не хуже поделок византийской работы. Очевидно, оригинальная выставка степной роскоши достигла цели и имела весьма широкий резонанс. Сирийские источники, к примеру, повествуя о посольстве Зимарха, называют западных тюрок «богатым народом»³. Подобную демонстрацию богатств устраивали и восточные каганы. Встречая одно из важных посольств, каган Шаболио также «выставил дорогие вещи». Иногда около приемной юрты выстраивалась тюркская конница – олицетворение воинской доблести каганата. Тот же каган Шаболио рядом с сокровищами «выстроил войска». Красочное описание этого обычая оставил посол халифа Хишама к тюркешам Семиречья. Воины выстраивались перед каганом и послом, расположившимися на возвышении. Над стройными рядами всадников в лучах восходящего солнца трепетало десять знамен. Одно знамя по желанию кагана было развернуто над ним самим. Воинов во главе с предводителями, по мнению посла, было не меньше десяти тысяч. Особо отмечено прекрасное вооружение их, выправка и образцовый порядок⁴.

Однако следует оговориться, что такого дипломатического церемониала удостаивались, должно быть, далеко не все послы и не всякого государства. Здесь, на наш взгляд, источниками фиксируется пережиток эпохи военной демократии степных народов, когда в решении серьезных государственных вопросов, в частности вопросов внешней политики, принимали участие рядовые воины. Показательно, что сведения об участии тюркских войск в церемониале приема иноземных дипломатов касаются только посольств с весьма важными миссиями. В одном случае тюркам предлагалось стать вассалами, в другом – принять ислам. К тому же оба посла представляли великие державы.

Важной государственной и племенной религией было знамя. Древнейшие знамена степных народов представляли собой фигурные изделия из металла. Это так называемые «навершия», изображающие животных и реже – человека. Известно, что знамя-навершие тюрок имело вид волчьей головы. Но наряду с металлическими у тюрок были и матерчатые знамена. Подобные им запечатлены на «писаницах» Сибири и Тянь-Шаня. У

¹ E. Chavannes. Documents sur les Tou-kiue (Turks) occidentaux, - Сб.ТОЭ. вып. VI, СПб., 1903, p. 192.

² Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Tiirken (T'u-kiue), Wiesbaden, 1958, s. 36-37.

³ Пигулсвская. Сирийские источники по истории народов СССР. М.-Л., 1941. – С. 138; Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.-Л., 1950, т. 1. – С. 237.

⁴ Marquart. Skizze zur geschichtlichen Volkerkunde von Mittelasien und Sibirien. — «Festschrift für F. Hirth zu seinem 75. Geburtstag 16. April 1920». Berlin, 1920, s. 290–291.

кочевников существовал культ знамен, которые мыслились обиталищем духов-покровителей племен («сульдэ» у монголов)¹. Арабский дипломат насчитал десять знамен. Возможно, что тюркеш-каган, решая вопрос о принятии ислама, собрал представителей всех племен, входящих в «десятистрельную конфедерацию», которую он возглавлял. Делегаты, должно быть, прибыли со своими знаменами. Есть основания полагать, что матерчатые знамена древних тюрков были красного цвета².

Обычно прием посла происходил в юрте. Если же каган желал поразить гостей роскошью кочевой жизни, то последующие аудиенции проводились в различных помещениях. Стены их были увешаны дорогими шелками самых ярких расцветок. Помещения были столь велики, что купол, кроме остова, поддерживался деревянными колоннами, которые были обернуты листовым золотом. Изделия из золота, например, цветы, украшали стены юрт. Пол был устлан циновками и коврами. Есть сведения, что отдельные дипломатические рауты проходили вне юрты. Таким был уже упомянутый прием посла Хишама у тюркешей. У входа в юрту произнес традиционную фразу вассалитета каган Шаболиу. В орде сюнну в юрту не допускали тех послов, которые отказывались выполнять отдельные унизительные обряды кочевников. Можно предположить, что подобный обычай существовал и у тюрков.

Сам каган восседал на троне. Уже в известных рунических текстах есть данные, позволяющие предположить, что основатели тюркской державы Бумынь и Истэми имели столь важную державную регалию. Это подтверждается другими источниками. Троны западных каганов представляли собой немалую ценность не только в материальном, но и художественном отношении. Один из тронов Истэми-кагана был сделан в виде ложа, которое поддерживалось четырьмя золотыми павлинами. Незаурядными были и два других его трона, отмеченных византийским послом. Трон Савэ-кагана, одного из западнотюркских владык, потерпевшего поражение от Ирана, был отослан в качестве драгоценного трофея самому шаху. Однако были троны и гораздо скромнее. Чуло-хан, ставка которого находилась в Северном Притяньшанье, восседал лишь «на возвышенном месте».

Некоторые троны тюркских каганов могли иметь формы, выработавшиеся в кочевой среде. Таким мог быть трон на колесах. Однако обращает на себя внимание сообщение Менандра о троне Истэми, подножием которого служили четыре золотых павлина. Конструктивно он относится к образцам, возникшим в Северном Афганистане или Средней Азии, и восходит к кушанским царским тронам, форма которых послужила прообразом для изображения тронов в буддийском искусстве и, должно быть, вместе с ним проникла в Восточный Туркестан³. Зафиксированный в греческом источнике VI в. зооморфный трон тюрков Тянь-Шаня, свидетельствуя о заимствовании ими данной формы в Средней Азии или Восточном Туркестане, вызывает интерес и тем, что отмечает еще один пункт распространения изделий подобного рода.

Каган восседал на своем месте до появления послов с официальным визитом. Во время приема в юрте находились телохранители кагана и его приближенные. Трудно назвать количество тюркских вельмож, принимавших участие в аудиенции. Свиту Тун Джагбу, к примеру, составляли двести тарханов. Однако нельзя с полной уверенностью сказать, что она вся без исключения присутствовала при церемонии приема послов в юрте. На этом торжестве по строго установленной иерархии размещались ближайшие родственники кагана, племенная и служилая знать. Почетными считались места, наименее удаленные от трона. Левой стороне предпочиталась правая. Ее занимали братья и ближайшие родственники кагана.

¹ Д. Банзаров. Черная вера или шаманство у монголов. СПб., 1891, С. - 29.

² Р. А. Гуссейнов. Сельджукская военная организация. Палестинский сборник, вып. 17-18. Л., 1967, С. - 134.

³ Беленицкий А.М. Зооморфные троны в изобразительном искусстве Средней Азии. Изв. ООИ АН Тадж. ССР, вып. 1 (28), 1962. – С. 14-27.

Права на почетные места могла добиваться служилая знать иноземного происхождения. Особо высокое положение при каганах заняли, например, иранец Бахрам Чубин, а еще раньше – согдийцы Маннах и его сын.

Письменные источники, устанавливая факт наличия телохранителей при западнотюркских каганах, не дают представления об их количестве. Исходя из факта существования начальника стражи, можно думать, что их было немало.

Сведения, оставленные некоторыми восточными дипломатами, позволяют примерно восстановить порядок размещения лиц, присутствовавших на аудиенции. Каган восседал на троне у стены, противоположной входу, лицом на восток. За тронем во всеоружии стояли телохранители. У подножия трона с севера на юг расстилали длинный достархан, за которым справа и слева от трона, согласно кочевой иерархии, располагались приближенные кагана¹. Подготовка к приему в юрте и вне ее считалась законченной.

Посол входил в приемное помещение после специального приглашения. Он становился у входа и приветствовал кагана. В церемониал приветствия включались три элемента, выполнявшихся последовательно: поклон, приветствие, вручение дипломатических даров (если они были). Возможно, что поклон был с коленопреклонением. Сириец Иоанн Эфесский, который, по мнению Н. В. Пигулевской, лично мог встречаться с членами посольства к тюркам во Влахернском дворце, повествует, что «ромеи упали перед ним (каганом. – В. М.) ниц»². Кланялись послы и перед ответом на каждый вопрос степного государя. Во времена могущества каганата этот элемент приветствия был обязателен и соблюдался весьма строго. Отказ одного из послов поклониться Хйели (Сйели)-хану послужил причиной задержки его в орде. Бахрам Чубин и посол шаха Хосрова Парвиза приветствовали кагана «как приветствуют царей», то есть, видимо, как царей Ирана, личность которых обожествлялась. Бахрам к тому же возмущался развязностью некоторых придворных кагана и требовал установления «приличий» на манер иранских. Судя по реакции кагана, усилия Бахрама не были тщетными.

Дипломатические дары вручались в присутствии кагана специально предназначенным для этого лицам. Иногда он лично отбирал особо понравившиеся подношения. По ценности подарков судили о степени могущества того или иного владыки. Осматривая, например, богатые дары Юстина II, Истэми отметил, что они действительно «от великого государя». Можно сказать, что из Византии западнотюркские каганы получали высокохудожественные ремесленные изделия «из золота, серебра, жемчуга и великолепные одежды». Не столь уж редким дипломатическим подарком были рабыни. Персы» к примеру, взяв в 573 г. греческий город Дару, отобрали две тысячи совершенных красотою дев, раздели их в роскошные одежды и, увешав драгоценными украшениями, отправили в дар своему недавнему врагу – кагану Истэми. Зимарх вывез с Тянь-Шаня пленницу-киргизку, которой почтил его каган. Число подобных примеров можно увеличить. Посол Хосрова Парвиза вручил западно-тюркскому государю кроме подарков и грамоты еще какие-то «знаки благосклонности» шаха, смысл которых нам неясен³.

После вручения даров церемониал приветствия считался законченным, и послы приступали к выполнению своей основной миссии – вручению «государственных бумаг и посланий». Пока бумаги читались, послы продолжали стоять. Садились они по разрешению кагана на указанное им место. Почетные места были заняты не только свитой кагана, но и дипломатами. Иранские послы, например, разобиделись на прием у Истэми-

¹ Это свидетельство можно истолковать и так, что длинный достархан расстилали от подножия трона ко входу в юрту. Но в пользу нашего понимания свидетельствуют некоторые исторические и этнографические параллели, отмечающие кочевой трапезный этикет, когда за достарханом располагались слева и справа от владык

² Н. Пигулевская. Сирийские источники... – С. – 138.

³ J. Marquart. Skizze., s. 290.

кагана, который проходил на берегах реки Талас. Поводом для этого послужило предоставление византийцам мест, более близких к трону.

После отправления государственных дел по распоряжению кагана вносили угощение. Не исключено, что иногда официальная часть миссии послов проходила непосредственно за столом яств. Так, каган тюргешей выслушивал догмы ислама, о которых рассказывал ему арабский дипломат, не прерывая еды. Необходимо отметить, что трапеза являлась неотъемлемой частью церемониала приема иноземных послов у западных тюрок. Она отмечена всеми известными нам письменными источниками. Пир начинался немедленно после официального раута.

Менандр, описывая сервировку достархана Истэми, отмечает немалую ценность ее. Здесь были «золотые сосуды, кропильницы и бочки также, золотые». Из напитков подавалась рисовая водка. Когда вносили вино, начиналась музыка. Приближенные кагана, угощая друг друга, сами наполняли чаши и взаимно обменивались ими. Потом в изобилии подавали свежую отварную баранину и телятину. Десертом могли быть рисовые хлебцы, творожные лепешки, дикий и сотовый мед, фрукты. Гораздо скромнее был стол тюргешского кагана, где подавали лишь «много мяса и мало хлеба». После лира каган отпускал послов.

По выполнению иноземным посольством возложенной на него миссии давалась прощальная аудиенция. Подробности прохождения ее нам неизвестны. Ясно только, что посольство задерживалось или отпускалось по распоряжению кагана. На прощальной аудиенции могли присутствовать не все члены посольства. Так, на подобном приеме у Истэми на р. Талас Зимарх был лишь с двадцатью спутниками. Остальные уже направились в Хорезм. На прощальном рауте подносились подарки послам и их государям. В отдельных случаях дары были столь велики, что могли составить состояние. Шаболио, например, пожаловал лично одному из дипломатов табун в тысячу лошадей. Иногда иноземцев до границ сопровождали тюркские военные отряды.

Источники почти не дают сведений о дипломатических должностных лицах при дворе кагана западных тюрок. Упоминаются лишь переводчики, специальное лицо, принимающее подарки, начальник стражи, музыканты и лица, совершавшие обряд очищения при встрече послов. В полной мере к дипломатической службе принадлежали лишь два первых. Судя по тому, что Тун Джабгу лично давал распоряжения о начале пира, должности церемониймейстера у него не было. По мнению И. Харматты, до 568 г. у Истэми переводчиками служили персы, а после разрыва с Ираном – согдийцы¹. Есть сведения, что эти должности в VII в. могли занимать и аборигены. Так, при дворе тюргешей был переводчик с арабского языка. Вызывает интерес факт, что с дипломатической службой тесно связаны лица, обладавшие должностью (званием) «тамгачы». Они неизвестны в Восточном каганате, но четырежды упомянуты источниками в связи с Западным каганатом. В трех случаях «тамгачы» возглавляли посольства и в одном – занимались размещением дипломатов в ставке кагана. В. В. Бартольд установил, что упомянутая должность соответствует не только «хранителю печати», но и «исполнителю» всех правительственных дел, которые велись в письменном виде². Очевидно, на них же возлагались какие-то обязанности ведения внешнеполитических дел каганата.

Тюркам было известно международное право относительно неприкосновенности личности посла, и оно чтилось. Посол Ирана к Истэми, например, дерзко отвечавший кагану на вопросы, все же вернулся к своему государю. Как бы ни был разгневан Турксанф на греков за их мир с аварами, он, несмотря на угрозы смертью, отпустил

¹ J. Harmatta *Byzantinoturcica*, - «Acta Antiqua», t. X. Budapest, 1962, s. 146. 148-149; Менандр, стр. 380; Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. – М., 1964. – С. 26.

² Бартольд В.В.. Историческое значение древнетюркских надписей. Рукоп. Фонд ООИ АН Киргиз. ССР, инв. № 736. – С. 21; Бичурин Н.Я. Собрание сведений..., т. 1. – С. 286.

византийских послов. Правда, гонец жужан поплатился головой за доставку оскорбительного послания Бумыню.

В VI–VIII вв., а отчасти и позже, практика передачи дипломатических поручений у древних тюрков, опираясь на опыт минувших поколений, сохранила формы и методы, выработавшиеся задолго до обычной датировки появления письменности у них. Основным в этой практике было то, что дипломатические переговоры велись посредством устной передачи послами поручений владык. Обычай этот был столь живуч, что даже после введения письменности и приобретения богатой практики в сношениях с иноземными государями при помощи грамот, тюркские каганы и владетельные князья продолжали отсылать друг к другу, а иногда и в сопредельные государства послов с устными речами. Своеобразной «верительной грамотой» степного дипломата была стрела с печатью отправившего его господина. В отдельных источниках сообщается, что вместо предписания на бумаге у тюрков применялась стрела с золотым копьем и с печатью из воска. Десять стрел, которые роздал Хилиши-хан западнотюркским десяти родам, ставили их в независимое друг от друга положение в дипломатических отношениях с ним. Подобный знак отличия посла был известен среди кочевников уже в V в., т. е. задолго до возвышения рода Ашина.

Устная дипломатическая речь, особенно при исполнении тайных поручений, имела известные преимущества. Подобным методом под влиянием степных обычаев пользовались и не тюрки.

Некоторые фрагменты тюркских посольских посланий, дошедших до нас в передаче иноземных источников, позволяют сделать вывод, что послы передавали поручения своих владык не произвольно, придерживаясь лишь смыслового содержания, а излагали их дословно. Подтверждением этого может служить грамматическая форма сохранившихся фрагментов дипломатических речей кочевников. Они зачастую фиксировались от первого лица. Таким образом, источники донесли до нас формы личных обращений западно-тюркских владык¹.

Форма передачи дипломатических речей от первого лица никак не умаляла личности самих послов. Тюркские послы не были механическими передатчиками. К государям сопредельных стран направлялись знатные люди, близкие родственники кагана и даже владетельные, но зависимые от западных тюрков, государи. Таким послом был Аскель в 563 г., позже – Маниах. Иногда каганы снаряжали послами своих сыновей. Вероятнее всего, посол, передававший поручение своего кагана с соблюдением формы от первого лица, расценивался как его заместитель. Должно быть поэтому и оскорбления, нанесенные послу, расценивались как оскорбления его государю. Иначе бессмысленно было бы убийство в орде посла Анахуаня, который лишь передавал дерзкий ответ своего владыки.

Речи послов каганов в сопредельных государствах тщательно записывались, а затем использовались летописцами. Возникают вопросы, насколько точно посол передавал передоверенные ему речи и как точно заносились они в хроники иноземных держав?

Есть основания полагать, что, по крайней мере, некоторые письменные источники донесли до нас истинные речи степняков.

Рассмотрев три фрагмента (посланий кочевников, разделенных столетиями и пространствами, но восходящими к единой степной традиции: рассказ Геродота об ответе скифов Дарию на предложенную капитуляцию; послание кагана Истэми византийскому императору в 568 г. (по Менандру) и фрагмент речи Чингисхана к полководцу Субеетая из монгольского «Сокровенного сказания».

¹ Образцы дипломатических речей кочевников см.: G. Moravcsic. *Byzantinoturcica*, В. II. Berlin, 1958, s. 10-14; P. Poucha. *Zwei Parallelen zur Geheimen Geschichte der Mongolen*, - «Acta Orientali-d», TV, fasc. 11-3, Budapest, 1955, s. 165-170.

Геродот О событиях VI в. до н. э. «Если вы, персы не улетите как птицы в небеса или подобно лягушкам не ускачете в озеро, то не вернетесь назад и падете под ударами этих стрел» ¹	Менандр фрагм. 2 (VI в.) «Авары не птицы, чтоб, летая по воздуху, избегнуть им мечей тюркских; они не рыбы, чтобы нырнуть в воду и исчезнуть в глубине морской пучины; они блуждают по поверхности земли. Когда покончу войну с эфталитами, нападку на аваров, и они не избегнут моих сил» ² .	Сокровенное сказание 199 (XIII в.) «Если бы (враги.— В. М.) к небу поднялись, то разве ты, Субеетай, не настиг бы, обернувшись соколом, летая как на крыльях. Если б они, обернувшись тарбаганами, даже и в землю зарылись когтями своими, разве ты, Субеетай, не поймашь их, обернувшись пешнею, ударяя и нащупывая. Если б они и в море ушли, обернувшись рыбами, разве ты, Субеетай, не изловишь их, обернувшись сетью-неводом и ловя их» ³ .

Исследуя два фрагмента из вышеприведенных, а именно рассказ Геродота и § 199 «Сокровенного сказания», Павел Поуха пришел к выводу, что оба они восходят либо к общепринятой символике кочевых народов как в VI в. до н. э., так и в XIII в. н. э., либо к литературной обработке древнего легендарного материала⁴. Автор вставил между ними фрагмент 2-й Менандра⁵. В правомерности такой вставки, сокращающей хронологический разрыв между Геродотом и «Сокровенным сказанием», вряд ли можно сомневаться. Касаясь фрагмента 2-го Менандра. Маравчик и Харматта отмечали его степное происхождение⁶. Действительно, наличие извлечений из греческих источников ставило бы под сомнение достоверность передачи Менандром содержания речи Истэми. Известно, что византийские историки, описывая степные народы, на ходились под сильным влиянием исторических и этнографических традиций античной литературы и прежде всего Геродота. Однако наличие идентичного по содержанию, замыслу и стилистике напутствия Чингисхана Субеетею в монгольском «Сокровенном сказании» снимает это сомнение.

Таким образом, некоторые дипломатические речи тюркских каганов отличались глубокой традиционностью. К этому, по-видимому, помимо других причин, побуждала практика изустно передаваемого послания, которое могло запомниться дословно лишь при условии лаконизма, выразительности и традиционности формулировок. Это значительно облегчало понимание и точную передачу посланий.

Однако древний степной обычай обмена устными дипломатическими речами не был единственной формой политических связей западно-тюркских каганов в VI–VIII вв. Возвышение, а вместе с ним и активное включение тюркского государства в сферу мировой политики, вызвало необходимость перехода к более высокой ступени дипломатических посланий, которые могли бы стать документами.

Уже в 554 г. Истэми направляет шаху Ирана письмо, в котором в образных выражениях описывает одну из своих побед. В 568 г. он же с посольством Маниаха

¹ Геродот. История в девяти книгах, пер. Ф. Г. Мищенко, т. 1, кн. I–IV. – М., 1888. – С. 332. Приведена расшифровка загадочного ответа скифов приближенным Дария Гобрием.

² Менандр. – С. 328.

³ Козин С.А. Сокровенное сказание... – С. 153–154.

⁴ Р. Poucha. Zwei Parallelen..., s. 170.

⁵ Там же. – С. 169–170, прим. 12.

⁶ G. Moravcsic. Byzantinoturcica, B.II, s. 11; J. Harmatta. Byzantinoturcica, s. 145.

направил византийскому императору «скифское письмо». Истэми тоже получал от иноземных монархов письменные уведомления. Источники, отмечающие события VI–VIII вв., не раз фиксировали отправку грамот и получение письменных ответов.

Источники сохранили некоторые письма тюркских каганов к своим царственным соседям. Письмо Шаболио-кагана, написанное к одному из своих соседей и Кара-Чурин-тюрка к императору Маврикию в 598 г., позволяют говорить, что в это время в практике написания дипломатических посланий выработался определенный канцелярско-бюрократический трафарет. Такой бюрократический трафарет, особенно форма адресования, очень похож на дипломатические письма и послания, бытовавшие в Согде¹. Это позволяет предполагать влияние согдийской школы дипломатического письма на таковую в среде древних тюрков, что согласуется с источниками, где указываются согдийцы в качестве послов древних-тюрков, либо послов к древним тюркам. Такой вывод подтверждает положение Й. Харматты о том, что согдийцы были не только торговыми, но и дипломатическими агентами тюрков как на Востоке, так и на Западе. Кроме того, в конце 60-х годов VI в., когда назрел разрыв между сасанидским Ираном и каганатом, персидские переводчики на дипломатической службе кагана, по мнению Й. Харматты, были заменены согдийскими. Они, возможно, и привнесли согдийские бюрократические штампы в практику письменных дипломатических посланий древних тюрков.

Характер письменных посланий иноземных государей тюркским владыкам часто зависел от внешнеполитических успехов тюрков.

Вопрос о языке и системе письма тюркских грамот остается дискуссионным. Споры в основном ведутся по поводу сообщения Менандра о письме Истэми Юстину II, написанном «скифскими письменами». Одни исследователи полагают, что письмо было написано на согдийском, либо на согдо-манихейском языке. Другие склонны считать, что оно было изложено по-тюрки. Развернутую аргументацию этого положения находим у Моравчика. Исследуя сообщение Менандра, он указывал, что на «скифском» же языке говорили утигуры и кутригуры. Принадлежность их к тюркской языковой семье не вызывает, по мнению исследователя, сомнения, ибо родственные им оногуры, как сообщал Константин Багрянородный, есть тюркоязычные болгары². О применении тюркского языка в международных сношениях VI в. писал Л. Н. Гумилев. Исследуя письмо Кара Чурина к императору Маврикию, он остроумно расшифровал и реконструировал на тюркском одну фразу из него³. Однако его находка не получила признания лингвистов. С. Г. Кляшторный, касаясь этого вопроса, отметил, что письмо Истэми могло быть написано и по-тюрки, и по-согдийски⁴. Й. Харматта писал, что тюрки и византийцы объяснялись через персидских переводчиков.

Церемониал приема иностранных послов и практика передачи устных дипломатических речей, бытовавших в древнетюркской среде, несут следы глубокой старины и традиционности. В нем, за исключением музыкального сопровождения и, возможно, некоторых государственных регалий, не наблюдается копирования или заимствования из дипломатического церемониала крупных сопредельных государств. Некоторые элементы его к середине VI в. имели более чем тысячелетнюю давность. Они продолжали бытовать, и после падения тюркского каганата. Развитый церемониал приема иноземных послов свидетельствует в пользу того, что дипломатия в тюркской державе стала важным социальным институтом. Л. Н. Гумилев справедливо отметил, что тюрки, –

¹ Лившиц В.А. Юридические документы... – С. 77-179; Происхождение Древнетюркского рунического алфавита от согдийского доказано. Историю вопроса и литературу см.: С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники... – С. 44-50.

² Moravcsik G.. Byzantinoturcica, B. II, ss. 6, 16-17.

³ Гумилев Л. Н. Биография тюркского хана в «Истории» Феофилакта Симокотты и в действительности. ВВ, т. XXVI, 1965, С. – 73.

⁴ Кляшторный С. Г.. Древнетюркские рунические памятники... – С. 48.

потомки хуннов, ничего не знали о своих предках, так же, как монголы Чингисхана ничего не знали о тюрках. Между ними были периоды обскурации¹. Тем не менее, элементы традиционных посольских речей, как и фольклорных произведений (имеется в виду легенда об Огуз-кагане), в какой-то мере рассеивают туман периодов обскурации и свидетельствуют об известной преемственности в духовной культуре сменяющихся степных государственных объединений. Заимствование тюрками практики ведения письменных дипломатических посланий было вызвано расширением политических связей каганата и поставило их на уровень, достигнутый передовыми странами того времени.

¹ Гумилев Л. Н.. Древние тюрки. М., 1967. – С. 340.

К ВОПРОСУ О ТЮРКО-СОГДИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В VI – VIII вв.

Во второй половине VI в. Тюркский каганат утвердил свое политическое господство в Средней Азии и Восточном Туркестане. В состав каганата на правах вассалитета и данничества входили высококультурные земледельческие государственные объединения Гаочан, Согд, Фергана, Хорезм, а также большое количество пестрых в этническом отношении кочевых племен и народов. Естественным, что одной из важнейших административных задач каганов стала необходимость если не полного устранения, то ослабления центробежных и сепаратистских тенденций, сопутствовавших всем полиэтническим государствам. В борьбе с упомянутыми тенденциями в каганате выработался ряд социальных институтов, таких как лестничная система престолонаследия, утверждение наместников-тутуков, узурпация тюркской знатью верховной власти одних вассальных владений и право инвеституры по отношению к другим, попытка юридического уравнивания в правах кочевой и земледельческой знати, функционирование этих институтов было эффективно, но имело существенный недостаток, так как было действенно лишь во времена военно-политических успехов каганата. А они не могли быть вечными. Поэтому западнотюркские владыки стремились к внедрению в среду своих оседлоземледельческих подданных некоторых идеологических представлений, языка и обычаев кочевников¹.

Зависимых владетелей, обладавших экономической силой и политическим влиянием, каганы пытались привязать к своему стремлению при помощи династических браков. Хроники сообщают, что западнотюркские владыки в VI–VIII вв. отдавали своих дочерей в супруги владетелям Согда, Гаочана, Кашгара и Юйвень². Источники отмечают родство каганов и их вассалов лишь по женской линии. Сами каганы женились на представительницах "хатунских родов" Ашида и Басмыл, а также на принцессах суверенных держав³.

Родство с каганами по женской линии оборачивалось для оседлоземледельческой знати весьма нежелательной стороной. В этом отношении показательна история правителя Гаочана Боя. Отец его был женат на дочери кагана. Это способствовало проникновению некоторых тюркских обычаев в среду населения Турфанского оазиса, что выразилось в изменении отдельных черт внешнего облика мужчин – они стали носить тюркскую одежду, а волосы заплетать в косы. Широко применялись тюркские письмены и речь⁴. Вступив на престол по смерти отца, Боя хотел отменить кочевые обычаи. Но каган вынудил его сохранить *Status quo*, формальным основанием для этого было родство по женской линии⁵. Тогда Боя решился на политическую переориентацию в пользу империи Суй, что, видимо, было вызвано ослаблением власти малолетнего Тарман Чура-кагана и

¹ См.: *Бернштам А.Н.* Тюркские племена и народности в истории Соединенной Азии. – В кн.: Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, МИА, 26. – М.; Л., 1952; *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. – М., 1934; *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. – М., 1967; *Мокрынин В.П.* О культурном влиянии тюрков на Согд. – Изв. АН Киргизской ССР, 1970, №5; История Киргизской ССР, т.1. С древнейших времен до середины XIX в. – Фрунзе, 1984. – С. 234–235.

² *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. – М.; Л., 1950. – С. 281, 301, 311; *Кюннер Н.В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М., 1961. – С. 196.

³ *Chavannes Ed.* Documents sur les Tou-hiue (Tuescs) occidentaux. – СПб., 1903 (Сборник трудов Орхонской экспедиции, т. VI, pp. 53, 220; *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... – т. I. – С. 284; История агван Моисея Каганкатваци, писателя X века. Пер., с арм. К. Патканова. – СПб., 1861. – С. 134; *Зуев Ю.А.* Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков (Автореф. диссертации). – Алма-Ата, 1937. – С. 16.

⁴ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... – т. II. – С. 253, 278.

⁵ Там же, С. 254. Боя не был родным сыном дочери кагана, как пишет Л.Н. Гумилев (См.: *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки... – С. 154), она была лишь старшей женой его отца.

новой политикой императора Янди по отношению к Западу, император торжественно встретил посла Гаочана (608 г.), обласкал самого Боя, который прибыл ко двору годом позже, и выдал за него княжну из дома Суй. По возвращении на родину в 612 г. Боя, осмелев, издал следующее повеление: "Мы до сего времени, обитая в пустынных пределах, распускали волосы и носили левую полу наверху ... Я уже принял обычаи просвещенного народа, подданным моим так же надлежит расплести косы и уничтожить левую полу"¹. То есть, смена сюзерена влекла за собой и смену обычаев, привнесенных прежними владыками. В своем указе владетель отметил лишь важнейшие отличительные "этнографические" признаки древних тюрков, которые утвердились в Гаочане, а именно: полу на одежде и косы. Из хвалебного письма Янди к Боя (а первому явно пришлось по душе поступок зятя), следует, что, кроме двух упомянутых, были и другие "кочевые обыкновения", которые также были упразднены владетелем Гаочана². Следует отметить, что этот указ оказался фикцией, ибо в сложившейся политической ситуации того времени он не мог быть реализован. Янди был далеко, а тюркская конница у северных пределов Турфанского оазиса, поэтому, страшась последней, владетель "не смел переменить одеяния". Гаочанцы не сделали этого и по смерти Боя, ибо сын его опять "вступил в связь" с тюрками.

Обращает внимание, что незначительному на первый взгляд факту, а именно покрою одежды и прическе, правители трех смежных государств уделяли столь много внимания. Боя "долго упорствовал", каган "настаивал", император "одобрял" и, наконец, официально принятое и обнародованное решение уничтожить упомянутые тюркские обычаи, зафиксированные в правительственных указах Гаочана и династии Суй, сорвалось из-за угрозы карательного рейда конницы кочевников. Очевидно, что этому вопросу придавалось серьезное значение.

Источники не сообщают подробных сведений об аналогичных явлениях во взаимоотношениях тюрков и народов Средней Азии, но отдельные факты, с учетом гаочанских событий, позволяют предполагать наличие идентичного процесса и там. Владетель Самарканда был женат на дочери Тарду-Бёке-кагана. В "Суйшу" отмечено, что он заплетал косы, брачные и похоронные обряды были одинаковы с тюркскими, употреблялось тюркское письмо. А в "Таншу" вассальная зависимость Согда прямо связывалась с династическим браком: "владетель ... женился на дочери западного тукуеского хана, почему и поддался тукуесцам"³.

Не все столь категорические сведения хроник в полной мере соответствуют действительности. Согдийцы никогда не пользовались древнетюркским руническим письмом. Находка и тщательное исследование архива пенджикентского владетеля Деваштича, в котором содержались документы самого различного характера, показало, что в Согде употреблялась собственная система письма. Делопроизводство велось на

¹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... – т. II. – С. 254.

² Там же, С. 254, 280; А.Д. Грач интерпретировал это сообщение так, что якобы Боя намерен был "переделать" облик своего народа не на китайский, а на тюркский манер (Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. – М., 1961. – С. 78). Такое толкование расходится с источником.

³ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... – т. I. – С. 281, 311. Неравноправными нужно считать лишь династические тюрко-согдийские браки. Это ни в коей мере не распространяется на массовые узы подобного рода, что доказано исследованиями В.Л. Лившица (Согдийские документы с горы Муг, вып. II. – С. 17-45). Требуется тщательного исследования вопрос о характере взаимоотношений Ирана и каганата после брака шаха Хосрова Ануширвана с дочерью кагана Истеми по имени Каен. Дело в том, что сын от этого брака, Ормизд, армянским историком VII в. Себеосом считался "происхождения знатного (со стороны отца. – В.М.), но гораздо знатнее и зверонравнее он был с материнской стороны" Секаньян. История императора Иракла. Пер. с арм. К. Патканьян. – СПб., 1852. – С. 34). Род Ашина, таким образом, ставился выше древнего рода Сасана. Это нуждается в объяснении. Кроме того, факт требования у шаха дани в пользу кагана свидетельствует, что между обеими державами в то время не было паритета (См.: Moldere Th. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden. Leiden, 1879, S. 158).

согдийском языке¹. Мало того, кроме мелких согдийских надписей в Чуйской долине в монгольских степях, т.е. в сердце каганата, была найдена стела с тюркским текстом, выполненная согдийскими письменами². Однако в том же архиве Деваштича был документ, написанный рунами, и второй – арабской графикой. Современные исследования позволяют полагать, что не согдийцы использовали тюркское письмо, а наоборот, согдийские курсивные графемы были использованы в качестве прототипов для начертания большей части древнетюркских рунических знаков. На первых порах согдийские и тюркские графемы, видимо, живо напоминали друг друга, что и вызвало путаницу в дальневосточных хрониках.

Нужно помнить однако, что в канцелярии Деваштича были писцы, знакомые с разными системами письма. Заслуживает внимания и то, что в Фергане, главным образом на поселениях, было найдено свыше десятка мелких древнетюркских рунических надписей.

Следует весьма осторожно отнестись к утверждению хроник об идентичности тюркских и согдийских погребальных обрядов. Между ними мало общего³.

Таким образом, учитывая вышесказанное, сведения хроник о том, что будто вассалы кагана, вступившие с ним в брачное родство по женской линии, воспринимали тюркскую одежду и прическу, так же требуют критического подхода. Поскольку нам известны изображения древних тюрков (каменные изваяния), а также изображения согдийцев и гаочанцев (монохромные росписи), их можно сопоставить⁴. Обе группы памятников синхронны и датируются, главным образом, VII – VII вв., то есть временем Западнотюркского каганата.

В литературе не раз поднимался вопрос об одежде и внешнем облике древних тюрков⁵. Не касаясь отдельных аспектов вопроса, приведем резюме исследований. Древние тюрки одевались в длинные халаты с узкими облагающими рукавами. Вдоль края верхней полы начиналась широкая полоса ткани (или меха) иного цвета. Тюркеш-каган был одет в халат именно с этой деталью⁶. Характерной чертой таких халатов являются откидные треугольные лацканы. Бытовали халаты и без них, но с окантовкой. Важной частью костюма служил кожаный пояс с металлическими бляхами разных форм. И женщины, и мужчины носили серьги. Покрой одежды древних тюрков и отдельные детали их костюма, как показывает сопоставление их с уникальными одеждами из раскопок гуннского могильника Ноин-ула, носят следы глубокой степной традиции⁷.

Нет оснований утверждать, что все персонажи, изображенные на фресках Средней Азии и Восточного Туркестана, облачены в тюркские одеяния, однако в подавляющем большинстве костюмы их весьма схожи с тюркскими. На фресках изображены длинные халаты с узким облагающим рукавом, иногда с двусторонними треугольными отворотами.

¹ Согдийский сборник. – Л., 1934; Согдийские документы с горы Муг, вып. II. Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В.А. Лившица. – М., 1962; Согдийские документы с горы Муг, вып. III. Хозяйственные документы, чтение, перевод и комментарии М.Н. Боголюбова и О.И. Смирновой. – М., 1963.

² Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Согдийская надпись из Бугута. – СНВ, вып. X. – М., 1971.

³ Мокрынин В.П. О культурном влиянии... – С. 82-89.

⁴ Подобное сопоставление в иной связи делалось Л.И. Альбаумом. По мнению Я.А. Шера, оно неудачно. См.: Альбаум Л.И. Балалык-тепа. – Ташкент, 1960, с. 190-196; Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. – М., 1968. – С. 68-69.

⁵ Наиболее полную сводку см.: Зайништейн С.И. и Крюков М.В. Об облике древних тюрков. – Тюркологический сборник. – М., 1966. – С. 177-187. Авторы исправляют ошибку, вкравшуюся в перевод Н.Я. Бичурина, касательно запаха халатов у тюрков, вызвавшую ряд досадных историко-этнографических недоразумений. Здесь же обширная библиография вопроса.

⁶ Беленицкий А.М., Бентович И.Б. Из истории среднеазиатского шелководства. (К идентификации ткани "занданечи"). – СА, 1961, №2. – С. 71-72.

⁷ Руденко С.Н. Культура хуннов и ноинулинские курганы. – М.; Л., 1962. – С. 38-44.

Многие из этих одежд окантованы тканью иного цвета¹. Бесспорно тюркским элементом в одежде персонажей росписей является наборный пояс². Исследование коллекции серег VIII в. из Пенджикента привело к выводу, что наиболее полные аналогии им находятся в Семиречье и Фергане³.

Таким образом, иконографические и археологические данные позволяют констатировать, что в Согде и Восточном Туркестане в VII–VIII вв. наблюдается сходство в одежде с кочевыми тюрками Южной Сибири, Тувы, Монголии и Семиречья. В некоторых элементах ее заметно полное тождество. Такой покрой резко отличается от нарядов Китая и Ирана и не похож, судя по терракотовым фигуркам, на одежды Согда более раннего времени⁴.

Сообщение китайских хроник о наличии тюркской прически (косы) у мужчин Восточного Туркестана и Согда лишь отчасти подтверждается настенными росписями этих регионов. Показательно, что фигуры с косами, изображенные на фресках, имели не одну или две, как это было принято у тюрков Южной Сибири и Монголии, а от четырех до семи кос, что являлось отличительной особенностью и семиреченских кочевников. Многочисленные косы выделены при изображениях правителей на монетах Согда VII–VIII вв. и у персонажей стенных росписей на городище Афрасиаб. Мы считаем вполне обоснованным предположение Л.И. Альбаума, что косатые фигуры, изображенные на фресках Афрасиаба, есть тюрки и согдийцы, принявшие тюркские обычаи⁵. Мужских причесок тюркского типа до VI в. в Средней Азии не было⁶.

Небезынтересна еще одна деталь. На некоторых фресках Средней Азии и Восточного Туркестана, а также на тюрко-согдийских монетах изображены воины и правители, лица которых украшают тонкие ниспадающие усы и маленькие бородки, показанные под нижней губой в виде останца (эспаньолки). Такого же типа бородки отмечены на некоторых типах монет Согда VI–VIII вв.⁷ Антропологический тип согдийцев предполагает наличие у них густой растительности на лице. Это подтверждается письменными источниками и иконографическими данными, в "Суйшу" отмечено, что согдийцы имеют впалые глаза, возвышенный нос и густые бороды⁸. На нижнем более раннем слое живописи Пенджикента изображен мужчина с окладистой бородой⁹. Однако бородки-останцы и тонкие ниспадающие усики к VIII в. настолько вошли в быт Средней Азии и Восточного Туркестана, что начали изображаться не только на лицах светских особ, но были присущи персонажам, связанным с астральной мифологией, а также с манихейским и буддистским пантеоном¹⁰. Бородки такого типа указывали на антропологическую принадлежность их носителей к монголоидам. На многих древнетюркских изваяниях и на известных портретах монгольских ханов как иранской, так и китайской работы неизменно изображалась бородка-останец. У нас нет

¹ Живопись древнего Пенджикента. – М., 1954, табл. V, IX, X, XII; *Ольденбург С.Ф.* Русская туркестанская экспедиция 1909-1910 гг. – СПб., 1914. – С. 76, табл. I П.

² *Распопова В.И.* Поясной набор Согда в VII–VIII вв. – СА, 1965, 4.

³ *Распопова В.И.* Бронзовые серьги Пенджикента. – КСИА, вып. 120, 1969. – С. 56.

⁴ См. табл. в кн.: *Lauser Chinese clay figures*, 1, Chicago, 1914; *Смирнов Я.И.* Восточное серебро. – СПб., 1909; *Луконин В.Г.* Культура Сасанидского Ирана. – М., 1939; *Мешкерис В.А.* Терракоты Самаркандского музея. – Л., 1932.

⁵ *Смирнова О.И.* Каталог монет... – С. 135-136; *Альбаум Л.И.* Новые росписи Афрасиаба. – СНВ, вып. X. – С. 88.

⁶ *Альбаум Л.И.* Балалык-тепе; *Мешкерис В.А.* Терракоты Самаркандского музея.

⁷ Живопись древнего Пенджикента, табл. XX.XV–XXXIX; *Ольденбург С.Ф.* Русская Туркестанская экспедиция... – С. 9, 21, 76, табл. IX, X, рис. 21; *Смирнова О.И.* Каталог монет... – С. 135-136, рис. 47, 60; *Альбаум Л.И.* Новые росписи... – С. 86-87.

⁸ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... – т. П. – С. 281.

⁹ Живопись Древнего Пенджикента, табл. XIII.

¹⁰ *Grunvedel A.* Bericht über archaologische Arbeiten in Idikutschari und Umgebung im Winter 1902-1903. Munch, 1906, S. 58; *Беленицкий А.М.* Новые памятники искусства древнего Пенджикента. – В кн.: Живопись и скульптура древнего Пенджикента. – М., 1959. – С. 39.

достаточных оснований считать, что на фресках Пенджикента рисовали тюркскую, а не согдийскую, как утвердилось в науке, знать. Скорее всего, перед нами представители местного населения, среди которого вошла в моду тюркская бородка-клинышек и тонкие усики.

Подводя итоги, можно сказать, что археологические материалы подтверждают сведения письменных источников о наличии элементов тюркских "этнографических" признаков в среде коренного населения Средней Азии и Восточного Туркестана. Они же не позволяют понимать буквально текст хроник, будто тюркские одежды и прически носили поголовно все жители вассальных княжеств. Вероятно, это распространялось лишь на правящую и привилегированную верхушку зависимых народов.

Менять одежды иноземцев, покоренных при помощи оружия, на "моды" победителя не было изобретено тюрками. Впервые источники отмечают подобное явление, относящееся к V в. до н.э. Еще Конфуций заявлял, что если бы китайцы были поработаны северными кочевниками, то им бы пришлось отказаться от своих исконных обычаев и, в частности, одеться в платье варваров¹. Со II в. до н.э. этот метод берется на вооружение династии Хань, где при сношениях с кочевниками практиковалась теория "о мире и родстве". Существенным элементом ее была попытка принуждения степняков изменить прическу и платье². В начале нашей эры эта политика была применена в Южном Притяньшанье. Владетель Кучи, женившись на полуусуньской полукитайской принцессе, "переменил одеяние" и воспринял иные чуждые обычаи. В то время подобное явление было здесь, видимо, еще в новинку и поэтому вызвало насмешки остальных владетелей Западного края. "Осел не осел, лошадь не лошадь, разве назвать кучаского владетеля лошаком"³, – иронизировали они.

Для раннего средневековья есть ряд упоминаний о попытках изменить одежды вассалов. Согласно хронике "Таншу", восточно-тюркский Кижинь-хан, получив в жены принцессу из Китая, намеревался, наряду с введением чужеземных порядков, одеть свою орду в платье китайского покроя⁴. Известный Боя, женившись на китаянке, взял образцы покроя китайских костюмов, но, как уже отмечалось, они ему негодились⁵. Авторы одной из хроник считали единственной причиной подчинения владения Чжанюба (Чжангэба) индийскому государю то, что князек Чжангеба носит одежды, похожие на индийские⁶. Наршахи в "Истории Бухары" сообщал, что часть бухарцев, приняв ислам, одела арабские платья и "стали арабами"⁷. Огузы величали всех, кто одевался почигильски, то есть тюрков от Восточного Туркестана и до Джейхуна, чигилями. "И это ошибка", – писал Махмуд Кашгари⁸. Согдийские переселенцы в Чуйской долине "выглядели как тюрки"⁹. Хан Кучлук, как повествует "Тарих-и-Джехангушай", подавив восстание кашгарцев и хотанцев, вынудил все население переодеться в платье на манер победителей¹⁰.

Привлекают внимание упомянутые сведения из "Таншу", "Истории Бухары" и "Тарих-и-Джехангушай", которые не только фиксируют, но и позволяют, на наш взгляд,

¹ Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Перевод и примечания В.С. Таскина. – М., 1968. – С. 1.

² Кюнгер Н.З. Китайские известия... – С. 137, 201.

³ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... – т. II. – С. 204.

⁴ Lie Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Turken (T'u-kue). W. Esbaden, 1958, B. 1, S. 39B.

⁵ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... – т. II. – С. 855.

⁶ Там же. – С. 308.

⁷ Мухаммад Наршахи. История Бухары. Пер. с перс. Н. Лыкошина. – Ташкент, 1897. – С. 26.

⁸ Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I. Арабские и персидские источники. – М.; Л., 1939. – С. 311.

⁹ Волин С.Л. Сведения арабских источников IX–XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах. – Тр. КИАЭ АН КазССР, Т. 8. – Алма-Ата, 1960. – С. 84.

¹⁰ Тарих-и-Джехангушай. Пер. Н. Туманович. – Рукописный фонд ООН АН Киргизской ССР, №1706. – С. 5.

правильно понять смысл "переодевания" вассалов. И каган Кижинь, и бухарцы, принявшие ислам, и жители Восточного Туркестана, восставшие против каракитаев, уже были в вассальном подчинении. Однако тогда от них не требовалось менять покррой одежды. Кижинь желал осуществить этот акт "добровольно", но лишь тогда, когда окончательно потерял авторитет в степи и последним его прибежищем стала империя Тан¹. Часть бухарцев, после упорного сопротивления принявшая религию завоевателей – арабов и поэтому одевшаяся на арабский манер, по мнению Наршахи, "стала арабами"². Разбитых повстанцев Кашгара и Хотана Кучлук поставил перед диллемой: либо отказаться от ислама и принять одну из чужеземных религий, либо облачиться в одежды степного покроя. Жители Восточного Туркестана выбрали второе и "ввиду крайнего смятения .., переодевались в одежды хитайцев". Впоследствии это переоблачение было использовано Кучлуком для репрессий против ислама³.

Эти сведения выявляют еще один, кроме династического брака, повод к навязыванию вассалам "мод" сюзерена, а именно, общность религии. Очевидно, что этот процесс зачастую не был добровольным, так как еще больше ограничивал политический суверенитет государственных объединений Средней Азии и Восточного Туркестана.

Мы склонны считать, что изменения облика, выражавшееся в чисто внешних признаках, навязываемое каганами своим оседлым подданным, знаменовало не просто отражение вассальной зависимости. Вассалами они уже были. Это наступил второй, начавшийся на рубеже VI–VII вв. этап подчинения, который можно рассматривать как попытку тюркизации народов Средней Азии и Восточного Туркестана.

Для сохранения морально-политической целостности своих держав кочевым владыкам приходилось вести целенаправленную борьбу с разлагающим влиянием более высокой культуры оседлых народов, сводящим на-нет воинственность степных всадников. Долгое время, например, пропаганда мировых религий (буддизм, христианство, ислам) не имела успеха в кочевой среде. Об одном из тюркских каганов говорится, что он возжелал построить храм Будде, но его предупредили, что учение Будды делает людей кроткими и человеколюбивыми, а поэтому для сохранения воинственности тюрков эту религию принимать нельзя⁴. Ту же мотивировку мы встречаем в арабских источниках, повествующих об отказе тюркского кагана от ислама⁵. Таким образом, номады умели противопоставлять свою идеологию идеологии более культурных регионов. Цель противопоставления – сохранение прочности родовых связей и внутриплеменной солидарности, а следовательно и боевого потенциала тюркских племен, на которых и зиждилось могущество степняков.

Однако, как считалось в то время, военному духу кочевников угрожали не только миссионеры, но и материальные ценности оседлых стран и чаще всего дорогие ткани и одежды из них. Хуннским шаньюям советовали как к крайней мере прибегать к принуждению своих подданных в клочья рвать одежды из китайских шелков⁶. Знаменитый Атилла вел подчеркнуто скромный образ жизни. Он ел и пил лишь из деревянной посуды. Одежда, оружие, сбруя коня не имели украшений⁷. Одной из причин гибели первого каганата тюрков автор текста на памятнике Кюль-тегину считает "прелесть" народа табгач, у которого драгоценности "мягкие" (изнеживающие)⁸.

Вероятно, что логика событий толкала степных государей прибегать и к более решительным мерам, а именно, вынуждать своих оседлых подданных одевать более

¹ Lie Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten..., S. 308.

² Мухаммад Наршахи. История Бухары... – С. 26.

³ Тарих-и-Джехангушай... – С. 19.

⁴ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... – т.1. – С. 274.

⁵ J. Marquart. Skizze zur geschichtlichen Volkerkunde von Mittelasien und Sibirien. – Festschrift für Friedrich Hirt zu seinem 75. Geburtstag 18 April 1920. – Berlin, 1920, S. 290.

⁶ Материалы по истории сюнну... – С. 45.

⁷ Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. – СПб., 1890. – С. 5.

⁸ Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. – М.; Л., 1951. – С. 34-35.

скромные платья кочевников. Но главным образом, как представляется, этот метод мог быть средством "унификации" разноплеменных и разноязычных народов, входивших в состав кочевых держав (до появления практики введения общих религий) для искоренения сепаратистских тенденций в среде побежденных. Именно эти соображения можно считать решающими для объяснения настойчивости у западнотюркских феодалов при внедрении тюркских обычаев в покоренных ими земледельческих областях.

ИЗ ИСТОРИИ ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ КИРГИЗСТАНА И СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ В VII–XII вв. (К вопросу о ценах)

С давних времен Киргизия была местом пересечения важнейших артерий международной торговли, связывавших между собой Дальний Восток, Среднюю Азию, Иран и Рим, а впоследствии – Византию и Арабский халифат.

На южном побережье Иссык-Куля сходились две ветви важнейших торговых путей, пересекавших Киргизию в широтном направлении с востока на запад. Причем на территории Киргизии от этих международных караванных путей ответвлялись более мелкие торговые дороги местного значения.

Как свидетельствуют письменные источники восточных авторов, все эти пути становятся широко известными в среде купцов и путешественников с начала раннего средневековья. Позже торговые трассы Киргизии попадают в поле зрения персо-арабоязычных историков и географов: Хордадбеха, Макдиси, Кудамы, Гардизи и др.¹ Из их сочинений мы узнаем, что на территории Иссык-Кульской котловины было несколько торгово-ремесленных центров. Среди них выделялись Верхний Барсхан, Тон и Сик-Куль. Находки в котловине монет из Рима, Дальнего Востока, Согда, Ферганы свидетельствуют о широких торгово-экономических связях указанных центров.

Источники сохранили скудные сведения об иссык-кульских городах как экспортере. Известно, что в Халифате ценились рабы-воины из тюрок. Среди них названы самыми храбрыми и обитатели Тянь-Шаня: карлуки, ягма, чигили². Последние населяли южное побережье оз. Иссык-Куль. Автор анонима «Худуд ал-Алам» сообщает, что у тех же чигилей имеются ценные меха³. С уверенностью можно говорить о том, что население котловины торговало продуктами животноводства, такими как скот, кожи, шерсть. Есть все основания полагать, что тюркские племена этого региона добывали всемирно известное благовоние – мускус, который ценился на Западе⁴.

Единственное сведение о товарах ремесленного производства в городах Иссык-Куля приводит со слов Казвини великий среднеазиатский энциклопедист ал-Бируни. В Барсхане, по его словам, отливали из неизвестного на западе сплава котлы и другие сосуда.

Караваны с Востока и Запада доставляли на Иссык-Куль ценные ткани, готовые одежды, украшения, зеркала, нефрит и другие предметы роскоши.

Проблема транзитной и местной торговли в Киргизии рассматриваемого нами периода требует пристального внимания, однако в настоящее время изучена еще недостаточно. Одним из важных аспектов этой проблемы является вопрос о ценах на различные товары и продукты потребления, участвовавшие в торговом обороте на территории Киргизии и других стран, связанных с нею важнейшими торговыми артериями, о которых мы упоминали выше.

В непосредственной связи с этой темой стоит также вопрос о покупательной способности основных денежных единиц мусульманского Востока: дирхема и динара, обслуживавших торговлю на огромных пространствах, начиная от Киргизии и далее на Запад вплоть до границ Византии.

К сожалению, по исследуемому периоду у нас мало данных непосредственно для районов Киргизии, однако, привлекая в качестве аналогии материалы, полученные нами

¹ Подробнее см.: *Караев О.* Арабские и персидские источники IX–XIII веков о киргизах и Киргизии. – Фрунзе, 1968. – С. 62–80.

² Кабус-намэ. Пер. и примеч. Е.Э. Бертельса. – М., 1953. – С. 272–273.

³ *Hudud al-Alam. The Regions of the World*, transl. by V. Minorsky. London, 1937, p. 95; *Hudud al-Alam*. – С. 195–196, 283–287.

⁴ *Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия)*, перев. А.М. Беленицкого. – М., 1963. – С. 244.

по другим областям, связанным с Киргизией международными торговыми путями, мы попытаемся дать сводку сведений о ценах на различные товары, участвовавшие в торговом обороте на территории Киргизии в VII–XII вв.

К тому же мы не можем не отметить интересной закономерности, что цены на многие товары в различных областях Средней Азии и сопредельных стран были более или менее статичны и держались в одних и тех же пределах. Разумеется, это положение верно лишь для тех случаев, когда речь идет о нормальном функционировании торговых отношений, а именно тогда, когда в силу вступает объективный закон стоимости, регулирующий цены и поддерживающий их примерно на одном уровне при условии одинакового состояния производительных сил, окружающей среды и ряда других факторов¹.

В условиях же стихийных бедствий, экономических и политических кризисов, войн картина цен сильно искажалась и не соответствовала действительности. Резко возрастала стоимость продуктов питания, обесценивались земельные участки, предметы домашнего обихода и роскоши. Мы такие нетипичные случаи в качестве аналогии не используем.

В предыдущих статьях о ценах на товары в Средней Азии и сопредельных странах интересующего нас периода² был слабо освещен вопрос о стоимости одежды. Поэтому изложение нашего материала начнем именно с этого пункта.

Стоимость одежды

В VII в. в Куфе вышитое платье стоило 40 дирхемов³, в Йемене⁴ платье из ткани «муафирия» стоило 1 динар (или 15 дирхемов).

В VIII в. в Сирии рубаха халифа Омара II (717–720 гг.) стоила 1 динар⁵. В другом случае цена его рубахи указана в 10 дирхемов⁶. Комплект одежды стоил от 14 до 400 дирхемов⁷.

Полный комплект одежды «из египетских тканей» халифа Омара II оценивался в 12 дирхемов⁸. Это – явная ошибка, ибо в другом месте цена одной лишь рубахи Омара II определяется в 10 дирхемов или в 1 динар, т. е. 15 дирхемов.

Тут, видимо, надо понимать или «12 динаров» или уж «120 дирхемов». Тогда цена полного комплекта одежды халифа будет более или менее соответствовать действительной картине цен.

Комплект состоял из шапки, чалмы, рубахи, верхнего платья, туники, башмаков и плаща.

Стоимость плаща во времена халифа Омара II составляла 40 дирхемов⁹. Стоимость кожаной обуви 1–2 драхмы (или дирхема)¹⁰. Стоимость рубахи Омара II нам известна: 10–15 дирхемов. Итак, можно подсчитать, что шапка, чалма, верхнее платье и туника стоили в пределах 12 динаров (или 180 дирхемов) минус 57 дирхемов (стоимость плаща, рубахи и башмаков) или же 120 дирхемов минус 57 дирхемов. То есть это будет 123 или 63 дирхема.

¹ Федоров М.Н. О покупательной способности дирхема и динара в Средней Азии и сопредельных странах в IX–XII вв. – СА, № 2, 1972. – С. 79.

² Федоров М.Н. Указ соч., его же. К вопросу о покупательной способности дирхема и динара в Средней Азии и сопредельных странах (IX–XII вв.) // История материальной культуры Узбекистана, вып. 9. – Ташкент, 1972.

³ Хрестоматия по истории халифата. Составил и перевел Л.И. Надирадзе. – М., 1968. – С. 32.

⁴ Там же. – С. 99.

⁵ Бартольд В.В. Соч. – Т. VI. – М., 1966. – С. 530.

⁶ Там же. – С. 509.

⁷ Бартольд В.В. Соч. – Т. VI. – С. 509.

⁸ Там же. – С. 516.

⁹ Там же. – С. 527.

¹⁰ Смирнова О.И. Очерки из истории Согда. – М., 1970. – С. 197.

О. И. Смирнова¹, ссылаясь на согдийский документ архива пенджикентского князя Диваштича, казненного арабами в 722 г., говорит о стоимости «кольчуги (?) с рубахой (?) в 12 драхм». В другом месте – о стоимости кольчуги в 700 драхм. Итак, кольчуга без рубахи более чем в 58 раз дороже «кольчуги с рубахой». Неясное место в согдийском документе надо, на наш взгляд, понимать просто как «рубаха». Тогда цена рубахи в Согде около 722 г., т. е. 12 драхм (или дирхемов), будет вполне соответствовать цене рубахи в Сирии между 712 и 720 гг. Сравним: 10 или 15 дирхемов и 12 драхм (по своей покупательной способности согдийская драхма примерно соответствовала халифатскому дирхему).

Далее О.И. Смирнова пишет о «шлеме (?)» ценой в 2 драхмы². Видимо, надо понимать «кожаный шлем» или «башлык», тогда он будет примерно в одной цене с кожаной обувью: в архиве Диваштича приводится цена «кафшей» – 1 или 2 драхмы за пару.

Около 922 г. в Хорезме простой кафтан из дешевой, хлопчатобумажной материи стоил 10 дирхемов³. Как видим, цена простого кафтана в Хорезме в X в. примерно соответствовала цене рубахи в Сирии (10–15 дирхемов) и в Согде (12 драхм) в VIII в.

Причем эту цену (10–15 дирхемов) можно проверить и подтвердить другими данными. В IX–X вв. штука простого полотна длиной в 60 локтей стоила 60 дирхемов (т. е. локоть стоил 1 дирхем), а за шитье рубахи портной брал один дирхем и два данака (данак = 1/6 дирхема)⁴. На кафтан или рубаху требовалось до 8 локтей полотна – это 8 дирхемов. Прибавим сюда 1 и 1/3 дирхема. Итого – 9 и 1/3 дирхема. Цена кафтана и в одном случае рубахи, как мы помним, указывалась в 10 дирхемов. Это вполне соответствует данным о стоимости полотна и вознаграждении за шитье.

При халифе Муктадире (908–932 гг.) одежда для 8 человек стоила 20 динаров⁵. Следовательно, один комплект одежды стоил в среднем 2,5 динара или 37,5 дирхема (в Куфе в VII в. платье стоило 40 дирхемов).

В январе 1052 г. в Басре два полных комплекта платья для двух человек стоили 30 динаров или по 15 динаров за комплект⁶. Вспомним, что в VIII в. комплект одежды Омара II стоил 12 динаров или 120 дирхемов, что равно 8 динарам.

Примерно в это же время в Византии шелковое платье стоило 10 номисм⁷ или 10,75 динара.

Стоимость тканей

В VIII в. в Согде и Киргизии шелковая парча «диба» оценивалась в 100 драхм за большой и 60 драхм за малый кусок. Отрез на платье из простого шелка «хари́р» стоил 28,25 или 20 драхм⁸.

Выше мы уже говорили, что стоимость простого полотна в IX–X вв. составляла 1 дирхем за локоть. Завесы из Фаюма длиной 300 локтей (видимо, надо читать 30 локтей) стоили 30 динаров пара⁹.

В Кермане цена покрывала с вытканными гирляндами доходила до 30 динаров¹⁰. Отрез дабикской (египетской) ткани оценивался в 50 динаров¹¹. Шелковые пояса стоили от 1 до 10 динаров¹.

¹ Там же. – С. 197, 198.

² Там же. – С. 197.

³ Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. – Харьков, 1956. – С. 127.

⁴ Федоров М.Н. О покупательной способности... – С. 73, 77.

⁵ Бузург ибн Шахрияр. Чудеса Индии. – М., 1959. – С. 48-49.

⁶ Насир Хисроу. Избранное. – Душанбе, 1954. – С. 105.

⁷ Византийская книга Эпарха. – М., 1962. – С. 178.

⁸ Смирнова О.И. Очерки... – С. 197.

⁹ Мец А. Мусульманский ренессанс. – М., 1966. – С. 358.

¹⁰ Там же. – С. 360.

¹¹ Там же. – С. 309.

Вырабатывавшаяся в окрестностях Бухары знаменитая ведарийская хлопчатобумажная ткань стоила от 2 до 20 динаров за отрез², т.е., видимо, от 0,25 до 2,5 динара за локоть.

Штука рейской драгоценной ткани длиной в 48 м была продана за 10000 дирхемов, т. е. за 1 локоть брали примерно по 7 динаров³.

В 1047 г. в Египте тонкое полотно и полосатый шелк шли по 10 динаров за отрез⁴. Если мы примем длину отреза за 8 локтей, то цена 1 локтя составит 1,5 динара.

Меха и шкурки

В X в. в Средней Азии каракуль темно-красного оттенка продавался от 1/4 до 1/3 динара за шкурку. Черные шкурки стоили 2–3 динара. Не коричневые и не черные шли по 10 штук за дирхем⁵.

Примерно в это же время у хазар мех куницы стоил 2,5 дирхема⁶.

В начале XII в. стоимость 18 беличьих шкурок составляла на Руси 1 дирхем⁷.

Продукты питания

В VII в. в Византии булка хлеба стоила 1 фоллий. Фоллий – медная монета, достоинством 1/12 серебряного кератия⁸. Поскольку вес кератия около 2 г, то стоимость булки хлеба 2/12 или 1 г серебра.

Примерно в это же время в Египте за 1 динар должно было купить 105 кг пшеницы, 2,1 л оливкового масла; 2,1 л меда и 2,1 л уксуса⁹.

В X в. в Испиджабе (район Чимкента) 1 ман (т. е. 800 г) мяса продавали за 1 дирхем¹⁰. Однако в степных районах по Сыр-Дарье мясо продавали еще дешевле: по четыре мана за дирхем¹¹. Примерно в этих же пределах стоило мясо в Византии: 120–140 фунтов за номисму¹².

Номисма – 24 кератия. Значит, пять фунтов продавались за 1 кератий. Византийский фунт равен 327,5 г. Отсюда пять фунтов равно 1637 г или примерно 2 манам. Кератий весит около 2 г серебра, а дирхем – около 3 г. Тогда получается, что в переводе на дирхемы цена мяса в Византии – 3 мана за дирхем, т. е. в пределах между указанными выше ценами для Испиджаба 1 ман за дирхем и для Сыр-Дарьинской степи 4 мана за дирхем.

В XII в. на Руси «отличный круглый хлеб, которого хватит сильному мужчине», стоил 1/18 дирхема, или 1/6 г серебра.

Вспомним, что столько же в пересчете на вес серебра стоила булка хлеба в Византии в VII в. Разумеется, отсюда не следует, что качество и размер булок были одинаковы, но все же нельзя не согласиться, что цена на хлеб в обоих случаях находилась примерно в одних и тех же пределах.

Однако, как уже отмечалось, по мере удаления на Восток от Византии в областях Ирана и Средней Азии цены на хлеб несколько возрастали, что, возможно, было связано с природными условиями: засушливость климата и т.д. Например, в XI в. в Иране средняя

¹ Там же. – С. 360.

² Бартольд В.В. Соч. – Т. II. – Ч. I. – М., 1963. – С. 441.

³ Федоров М.Н. О покупательной способности... – С. 77.

⁴ Насир Хисроу. Избранное. – С. 51.

⁵ Материалы по истории туркмен и Туркмении. – Т. 1. – М.:Л., 1939. – С. 181.

⁶ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати. Публикация О.Г. Большакова и А.Л. Монгайта. – М., 1971.

⁷ Там же. – С. 35.

⁸ Византийская книга Эпарха... – С. 163.

⁹ Хрестоматия по истории арабского халифата. – С. 98-99.

¹⁰ Смирнова О.И. Очерки... – С. 146-147.

¹¹ Бартольд В.В. Соч. – Т. II. – Ч. I. – М., 1963. – С. 239.

¹² Византийская книга Эпарха... – С. 224.

⁹ Там же. – С. 116.

¹⁰ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати. – С. 35.

цена пшеницы составляла 7–8 манов за дирхем, т. е. около 5,6–6,4 кг за дирхем, весивший около 3 г серебра.

Стоимость домашних животных

В Византии тягловая лошадь стоила 12 номисм, корова 3 номисмы, стоимость овцы в X в. достигала 1 номисмы¹. Осел стоил 3 номисмы, а упряжка быков – 6 номисм².

В Средней Азии в X в. стоимость породистой верховой лошади составлял 700 дирхемов³ или около 47 динаров. В XI в. Нишапуре стоимость шестимесячного барашка составляла 1 динар. Надо отметить, что номисма была дороже динара, поскольку ее вес 4,58 г⁴, тогда как канонический вес динара 4,23 г⁵.

В 1051 г. в Аравии верблюд стоил 3 динара⁶.

Предметы вооружения

В литературе неоднократно приводилось сообщение Нар-шахи о ценах на оружие в начале VIII в. в окрестностях Бухары в лагере Кутейбы: копье 50 драхм, щит 50–60 драхм, кольчуга – 700 драхм⁷. Однако здесь случай явно нетипичный, цены очень завышены, поскольку войско Кутейбы находилось в весьма тяжелом положении и испытывало острую нехватку оружия.

В XII в. в Иране мечи без рукоятки, без полировки и украшений («одно только железо, как оно выходит из огня», но закаленное «крепким закалом», «так что если подвесить меч на нитку и ударить ногтем... то долго будет слышен звон») шли по четыре клинка за динар⁸. Это, разумеется, цена полуфабриката. Готовый отполированный меч с рукоятью и украшениями стоил гораздо дороже. К сожалению, у нас таких сведений о стоимости готового меча для рассматриваемого периода нет.

Продукция гончарного производства

В 721 г. в Ходженте большая глиняная корчага (хум) была продана за 2 дирхема⁹. Около 870 г. в Адене «зеленый кувшин» (видимо, имеется в виду кувшин, покрытый зеленой глазурью) стоил полдирхема.

Прожиточный минимум

В VIII в. в Багдаде на прокорм и одежду заключенного в тюрьме отпускалось 10 дирхемов в месяц¹⁰. Это – прожиточный минимум.

В IX–X вв. считалось, что для скромного существования супружеской четы нужна была сумма 300 дирхемов в год¹¹, т. е. 25 дирхемов или около 1,66 динара в месяц.

В XI в. прожиточный минимум семьи¹² составлял полтора динара в месяц.

Как видим, разница не так уж велика: в одном случае (IX–X вв.) – 1,66 динара, а в другом (XI в.) – 1,5 динара в месяц. А это в свою очередь говорит о том, что в нормальных условиях (т. е. при отсутствии стихийных бедствий, войн и т. п.) цены на протяжении IX–XI вв. не претерпевали значительных изменений и оставались примерно на одном уровне.

Оплата наемного труда

В VIII в. в арабском халифате воин из армии Омейядов получал 25 дирхемов в месяц¹. В то же самое время, т. е. около 739 г., в Киргизии согдийские наемники в войске

¹ Византийская книга Эпарха... – С. 256, 224.

² Византийские легенды... – С. 50; Хрестоматия по истории средних веков. – Ч. I. – М., 1961. – С. 354.

³ Материалы по истории туркмен и Туркмении. – С. 123.

⁴ Византийская книга Эпарха... – С. 116.

⁵ Хинц В. Мусульманские меры веса с переводом в метрическую систему. Пер. Ю.Э. Брегеля. – М., 1970. – С. 21.

⁶ Насир Хисроу. Избранное. – С. 95.

⁷ Абу Бакр Мухаммед ибн Жахфар Наршахий. Бухаро Тарихи. А. Расулевники таржима. – Ташкент, 1966. – С. 45.

⁸ Путешествие Абу Хаида ал-Гарнати. – С. 33, 58.

⁹ Смирнова О.И. Очерки... – С. 197.

¹⁰ Мец А. Мусульманский ренессанс. – С. 295.

¹¹ Там же. – С. 299.

¹² Большаков О.Г. Два вакфа Ибрахима Тамгачхана в Самарканде // Страны и народы Востока. – Вып. X. – М., 1971. – С. 177.

тюркешского князя Курсула получили в качестве платы за месяц один отрез шелковой ткани стоимостью в 25 драхм², т. е. примерно столько же, сколько наемник в омейядском войске.

Около 815 г. в городе Тиннис (Египет) ткачи получали «от торговца полотном» полдирхема в день, причем их жены приготавливали пряжу, а ткачи ткали³. Цена эта очень низкая для квалифицированного ремесленника, работавшего к тому же на собственном сырье. Примерно в то же самое время в Зерендже⁴ столько получал подмастерье медника. Поэтому остается предположить, что в данном случае «торговцы полотном» снабжали ткачей сырьем и, закабалив таким образом, принуждали их работать за невысокую плату.

В Византии обычной ставкой для квалифицированного ремесленника являлось 2 номисмы или (в пересчете на дирхемы) 32 дирхема в месяц⁵.

В Багдаде в IX в. лодочник, перевозивший на своей лодке по Тигру пассажиров и грузы, зарабатывал до 3 дирхемов в день⁶.

В X в. портной, сшив рубаху, получал 1 1/3 дирхема⁷. Если допустить, что в день он изготовлял 1 рубаху, то его среднемесячным заработком могло быть 40 дирхемов.

В то же время в Аравии за роскошно выполненный переплет для книги (видимо, из материала мастера) переплетчик получал до 2 динаров⁸.

В Византии каменотес получал за свою работу 1 кератий в день, т. е. 2/3 дирхема. В Киевской Руси строительный рабочий при постройке храма получал 1 ногату (2,38 г) серебра в день⁹, т. е. примерно 4/5 дирхема.

В XIII в. в Южном Иране квалифицированные садоводы, которые должны были посадить и вырастить для Рашид ад-Дина 5000 пальм, получали от него по 100 динаров «ак-чейи рукни» в год и по одному ману хлеба ежедневно. В данном случае речь идет о серебряных динарах. По подсчетам М.А. Сейфеддини, четыре серебряных динара равнялись одному золотому магрибанскому динару. Таким образом, садоводы Рашид ад-Дина получали в переводе на золото 25 динаров в год или 2 1/12 динара в месяц. Это почти в точности соответствует оплате труда квалифицированного ремесленника в Византии в X в., т. е. две номисмы в месяц.

Из приведенных выше материалов видно, что в обычных условиях цены на товары в изучаемый нами период были довольно стабильны и не претерпевали значительных изменений. Поэтому можно высказать предположение, что цена на одежду, ткани, хлеб и другие предметы потребления, выявленные нами для других областей мусульманского Востока, связанных с Киргизией торговыми путями, были близки к ценам на эти же категории товаров местного производства, обращавшихся на территории Киргизии в VII–XII вв. Импортные товары были значительно, если учесть затраты на транспортировку, дороже.

¹ Федоров М.Н. О покупательной способности... – С. 75.

² Смирнова О.И. Очерки... – С. 154.

³ Мец А. Мусульманский ренессанс. – С. 48.

⁴ Бартольд В.В. Соч. – Т. I. – М., 1963. – С. 274.

⁵ Федоров М.Н. О покупательной способности... – С. 74.

⁶ Мец А. Мусульманский ренессанс. – С. 326.

⁷ Там же. – С. 157.

⁸ Мец А. Мусульманский ренессанс. – С. 349.

⁹ Византийские легенды... – С. 185.

О ТОРГОВО-РЕМЕСЛЕННЫХ СВЯЗЯХ СРЕДНЕВЕКОВОГО ШЕЛЬДЖИ

С IX в. крупным поставщиком серебра становится район верховий р. Талас. В настоящее время в горных хребтах этого района обнаружено 78 пунктов со следами древних выработок и плавки (М. А. Бубнова). Металлические шлаки встречаются буквально во всех раскопках и стратиграфических разрезах на всех поселениях Таласской долины (П. Н. Кожемяко). По количеству добываемого металла область Шельджи в X в. соперничала с другой известной областью – Илакон (В. В. Бартольд). Шельджи имела широкие связи с сопредельными и отдаленными областями. Считается, что с IX в. наиболее тесными они были с областями Чач и Илак, выходцы из которых и вели добычу серебра (М. Е. Массон, М. Л. Бубнова). Для столь раннего времени этот вывод едва ли является правильным. В самом Илаке в это время наблюдается наибольший подъем горных выработок и городской жизни, что не подтверждает предположения о значительных переселениях (О. И. Исламов, Л. М. Рутковская, Ю. Ф. Буряков). Археологические материалы, добытые при раскопках поселений Таласской долины, в основной своей массе не имеют аналогий с таковыми из Чача и Илака (П. Н. Кожемяко, М. А. Бубнова). Средневековый Тараз, в сферу влияния которого входил Шельджи, в X в. имел тесные торговые связи с г. Исфаган в Иране. В Исфагане был квартал таразцев (Якут ал-Хамави). В самом Шельджи проживало десять тысяч исфаганцев (Макдиси). Предполагалось, хотя и ставилось под сомнение, количество, что это купцы (В. В. Бартольд). Город Шельджи был «маленький» (Макдиси) и лежал в стороне от торговой магистрали того времени, что делает этот вывод маловероятным.

Число «десять тысяч» рудокопов называлось при описании крупнейшего серебряного рудника средневековья в Пенджхире (Ибн Хаукал). Возможно, что это число было трафаретным для обозначения масштаба горных выработок и исфаганцы в Шельджи были главным образом не купцами, а рудокопами. В области Исфаган прежде велась добыча серебра, но в IX в. рудники иссякли и были заброшены (Ибн Русте). Более близкие к ней рудники в Бадгисе прекратили существование из-за нехватки дров (Истахри). В IX в. область Тараз была завоевана Исмаилом Саманидом. Одной из побудительных причин завоевания было желание овладеть районами, богатыми серебром (М. Е. Массон). В западные районы владений Саманидов входили иранские области. Возможно, что исфаганские рудокопы, потерявшие работу дома, были переселены в Шельджи именно в конце IX в., что совпадает с началом расцвета горных выработок в Таласской долине (М. А. Бубнова). Археологические исследования рудников в верховьях р. Талас показали, что выработки велись высококвалифицированными рудокопами. Были зачатки маркшейдерского дела (М. А. Бубнова). В XI–XII вв. в керамическом производстве Таласской долины произошла быстрая и резкая перемена, что связано с увеличением притока пришлого населения (М. А. Бубнова). В это же время в Илаке наблюдается сокращение городской жизни (Ю. Ф. Буряков). Возможно, что в это время Шельджи был наиболее тесно связан именно с этой областью.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ОРНАМЕНТИРОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КЕРАМИКИ (к культурным связям Киргизии в VI–X вв.)

Некоторые керамические изделия раннего средневековья богато украшены разнообразными мотивами орнамента, выполненного несколькими техническими приемами. Особенно характерны в этом отношении керамические столики (достарханы), которые встречаются в комплексе материалов раннесредневековых городищ Северного Притяньшанья, придавая их материальной культуре, наряду с некоторыми другими предметами, своеобразную локальность. Датируются достарханы VIII–X вв. В зависимости от формы подставки они конструктивно делятся на два типа: 1 – на трёх ножках, 2 – подставкой служит чаша, находящаяся в центре круга.

Рабочая поверхность столика гладкая, обратная же сторона обычно украшена богатым орнаментом, часто по всей площади круга. Если сам достархан – локальное явление, то мотивы его орнамента и технические приемы могут служить источником для установления (или подтверждения) культурных связей населения городов указанного района с сопредельными областями и странами.

Орнамент наносился по сырой глине. Композиционное распределение орнаментальных поясов в зависимости от их расположения относительно центра круга бывает четырех видов: 1 – радиальный, 2 – вихревой, 3 – концентрический (наиболее распространенный), 4 – бессистемный.

Известно шесть технических приемов нанесения орнамента: пальцем, палочкой, резцом, пунсоном, налепом, штампом.

При нанесении орнамента пальцем круг чаще всего разбивался на четыре сектора, которые заполнялись различного рода «елочками» и пальцевыми вмятинами, реже вихревыми завитками. Основание чаши с внешней стороны и край достархана обрамлялись такими же овальными ямками. Этот технический прием использовался для украшения подставок. На ножках изображалась «елочка», в кругу чаши – крест с овальными ямками, по одной в каждом секторе. В редких случаях в кругу чаши вмятины искусно имитируют след ноги ребёнка (известный буддийский мотив). Этим же техническим приемом подчеркивалась иногда рельефность резного или нанесенного палочкой изображения.

Такие палочки вряд ли были специального изготовления. На больших фрагментах достархан можно видеть, что один и тот же орнаментальный пояс выполнен разными палочками. Ширина их варьирует иногда очень значительно. Глубина царапин обычно небольшая. Этот прием использовали для нанесения различных орнаментальных мотивов, как по полю, так и по подставкам достархана.

Пунсонный орнамент наносился с помощью камышовой, реже – металлической трубочки, торцами которых делались вертикальные нажимы. Как правило, рельеф неглубокий. Иногда в центре кольца накалывали точку, часто смещенную к краю, т.е. делалась попытка воспроизвести циркульный орнамент, распространенный на костяных изделиях скотоводческих народов. Пунсонный орнамент образовывал правильные ряды, вихревые завитки, им же изображали розетки или бессистемно разбрасывали отдельные кольца по полю или чаше достархана.

Наиболее нарядный вид имели достарханы с резным орнаментом. Они отличались геометрической правильностью и четкостью линий, присущих изделиям ремесленного производства. Резьба производилась металлическими инструментами различной ширины. Концы их, как видно по отдельным следам на дне бороздок, затачивались. Резцы были разной ширины с прямоугольным и полукруглым сечением. Иногда в целях лучшего выполнения узора предварительно на образцы наносилась (циркулем) сетка. Резьба покрывала, как правило, поле достархана.

Особый прием ее, выемчатый, применялся для изображения центрального пятна орнамента, меандровых линий и имитации витой ножки столика. Излюбленный орнаментальный мотив, сделанный резьбой, – это различные растительные побеги и завитки с листьями и плодами. Такого типа орнамент известен в Мавераннахре и Восточном Туркестане.

Налеп производился глиной отличного от теста достархана замеса. Изломы налепов обычно без примесей дресвы и шамота, присущих тесту столиков, были изготовлены из хорошо отмученной глины. Этим техническим приемом чаще всего передавались «перлы» вокруг изображений животных, жгуты, обрамляющие края достархана и чаш, реже – животные и люди. Иногда налепом изображались глаза животных и центр цветочной розетки, хотя сами изображения были выполнены иными техническими приемами.

Штампованный орнамент – явление редкое и хронологически обычно более позднее – наносили специальной печатью, известной по находкам на древнем Таразе. Печать изготовлялась в виде гриба с плоской шляпкой, на которую наносился штамп круглой либо прямоугольной формы. Особо тонкие и рельефные оттиски выполнялись металлическим штампом. Обычно штампом наносились четырехлопастные розетки с вариантами «бараньих рогов», в единичном случае – погрудное изображение женщины. Штамповались оттиски «колёс» с четырьмя-шестью спицами, пяти-восьмилучевые звёзды. Гребенчатым штампом делались концентрические замкнутые или пунктирные окружности, бессистемные штрихи по полю достархана, они также придавали ножке витую форму.

Достарханы, орнамент которых нанесен только одним техническим приемом, не так уж часты. Обычно взаимно дополняют друг друга пальцевый и нанесенный палочкой орнаменты, а также резной и штампованный. В конечном итоге резьба, а впоследствии штамп вытесняют остальные технические приемы. Правда, отдельные пальцевые вмятины по бордюру столика встречаются и на лучших образцах штампованных достарханов. Резьба совершенно не встречается на достарханах, украшенных пальцем и палочкой. Мотивы же, которые наносились этими тремя приемами, часто одни и те же. Это дает возможность говорить о том, что резьба как технический прием нанесения орнамента выросла из двух предыдущих. Пунсон и налеп не имеют самостоятельного значения. И тот и другой приемы дополняют пальцевый, процарапанный или резной орнаменты, почти не встречаясь на штампованных образцах.

Рассмотренные приемы орнаментирования керамики, обнаруженной на территории Кыргызстана, были широко распространены в среднеазиатском производстве, что свидетельствует о постоянных культурных связях в раннем средневековье народов Кыргызстана с соседями.

РАННЕЕ ХРИСТИАНСТВО И ТЮРКСКИЙ МИР ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В связи с двухтысячелетием христианства в Центральной Азии (и в Кыргызстане, в частности) заметно оживился интерес к памятникам этой одной из величайших религий мира. Все чаще появляются публикации на эту тему, не только в теологической, но и в светской историографии. И Кыргызстану в этой литературе отводится все большее внимание. Это вызвано, на наш взгляд, двумя причинами: первая – снятие идеологических ограничений (запретов) с религиозной тематики после семидесятилетнего тоталитарного правления; вторая – очень слабая разработанность, но большая насыщенность разнохарактерных религиозных памятников на небольшой территории Кыргызстана.

Здесь, по трассе Великого Шелкового пути, исторически мирно сосуществовали и зороастризм, и буддизм, и христианство, и ислам, и традиционные верования тюркских народов (тенгризм, шаманизм и др.), иудаизм и другие конфессии. И история не знает примеров вооруженного столкновения здесь народов на религиозной почве.

Сирия, Малая Азия и Эллада – вот родина первой апостольской церкви. В III в. христианство было сильно в Персидском царстве, давшем приют христианам, гонимым в Римской империи.

Церковное и культурное единство греко-римского и восточного мира было впервые нарушено несторианской ересью (431 г.). Несториане, оказавшись гонимы, нашли приют в Персии и далее распространились в Среднюю Азию. Здесь они развили широкую миссионерскую деятельность и, то расцветая, то угасая, просуществовали до времен Тамерлана (XIV в.), толерантно сосуществуя с другими местными религиями: язычеством, буддизмом, исламом.

На территории Кыргызстана и у кыргызов Енисея христианство преимущественно имело форму несторианства. К настоящему времени на Тянь-Шане известно более 700 несторианских эпиграфических памятников и, по крайней мере, четыре христианских монастыря и церкви. Количество открываемых археологами памятников неизменно увеличивается. Нарастает и число исследовательских и информационных публикаций о них. Обобщающие сведения и конкретные дешифровки и переводы ранних христианских текстов с территории Кыргызстана мы находим в трудах В. В. Бартольда, С. Е. Малова, В. А. Лившица, С. Г. Кляшторного, Ч. Д. Джумагулова, в последних публикациях В. Д. Горячевой, С. Я. Перегудовой, Ю. С. Худякова, Г. Л. Семенова, В. Кляйна. Но чем больше публикаций появляется, тем больше всплывает новых нерешенных вопросов. Обнадёживает, однако, то, что открытие новых памятников и введение в научный оборот новых источников позволят со временем представить стройную картину истории раннего христианства в Кыргызстане.

* * *

...Шел 280 год хиджры (893 год от Рождества Христова). В Мавераннахре крепил свою власть создатель нового государства, эмир Исмаил Самани. Ему предстояла тяжелая борьба за Хорасан, но начать ее эмир не мог – на востоке, за Сыр-Дарьей, у границ вассального Исфиджаба (область по среднему течению Сыр-Дарьи), тюркские племена, объединенные под властью карлукского ябгу, были вечной угрозой. Вести войну на два фронта эмир Исмаил опасался. А ведь он уже пообещал жителям своей столицы – «благородной Бухары» – не допустить вторжения с востока и даже прекратил дорогостоящий ремонт «длинных стен» вокруг Бухарского оазиса. Его слова «я – стена Бухары» стали известны всем жителям страны.

И вот в 280 г. х. войско эмира из Исфиджаба стремительно двинулось в степь, к Орду – ставке ябгу карлуков. Полевая армия ябгу не выдержала внезапного нападения и была разгромлена, ябгу бежал на восток, а саманидское войско, не опасаясь за тылы, повернуло на юг, к самому богатому торговому центру страны Аргу (так тюрки именовали нынешнее Сими́речье), «золотому городу» Таразу.

Жители Тараза оказали столь стойкое сопротивление мусульманским воителям, что через много лет бухарский историк Нершахи отметил в своем рассказе, сколь тяжелой для эмира Исмаила была эта осада. В конце концов город капитулировал, а Исмаил в знак новой победы ислама над «неверными» приказал обратить главный храм города в соборную мечеть. Главным храмом города, где жили согдийцы и тюрки, была христианская церковь.

Это сообщение Нершахи, казалось бы, резко диссонирует с привычными представлениями о конфессиональном преобладании зороастризма, манихейства и буддизма, традиционных в городских центрах по Великому Шелковому пути¹. Был ли Тараз исключением? Но в расположенном далее к востоку городе Мерке (Мирки) главным храмом также была христианская церковь. И она была обращена в соборную мечеть, но уже в X в. И далее по северному торговому пути в Восточный Туркестан, в пределах владений карлукского ябгу, политическое преобладание во многих городских центрах принадлежало христианам. Мусульманские купцы из Ирана и Мавераннахра облагались там дополнительной податью. К востоку от Тараза и Мерке христианское кладбище VIII–IX вв. обнаружено археологами в Красной Речке (древний Невакет), а церковь раскопана на городище Ак-Бешим (древний Суяб). Последним городом на стыке торговых путей из Семиречья в Восточный Туркестан, где, по сообщению мусульманского автора, преобладали христиане, был Бай, к югу от перевала Музарт.

Следует еще раз оговорить, что преобладание христиан в карлукском Семиречье IX – начала X в. являлось не столько конфессиональным, сколько политическим фактором и было связано с внешнеполитическими приоритетами Карлукского государства. К этой теме мы еще вернемся, а пока попытаемся определить, когда же тенденции к восприятию христианства стали преобладающим фактором религиозной жизни карлуков.

Для этого следует обратиться к сирийским церковным источникам, отрывочным и не всегда ясным в том, что касалось столь отдаленных от центров христианского мира стран и народов. Ведь именно сирийская церковь осуществляла христианскую миссию в Иране и Центральной Азии, и здесь следует коснуться тех вероучительных догматов, которые в этой церкви исповедовались.

Начиная с V в. христианство уже не было единым учением и не имело единой организационной структуры. Сирийская церковь отделилась тогда от константинопольского патриархата, но и сама оказалась расколотой на восточную и западную. Восточная сирийская церковь склонилась к диофизитству, т.е. учению, разграничивающему две природы Христа и допускавшему возможность лишь внешнего их соединения. По имени одного из апостолов диофизитства константинопольского патриарха Нестория (умер в 431 г.) это направление было названо несторианством. И оно было осуждено как ересь на III Вселенском соборе в Эфесе (431 г.) Западная сирийская церковь избрала иную вероисповедную формулу – монофизитство, т.е. учение о единой божественной природе Христа. По имени одного из деятелей этой церкви – Якова Цанцала – сторонники монофизитского направления иногда именуются яковитами.

Окончательный разрыв обеих сирийских церквей с православием произошел в 451 г., когда на IV Вселенском соборе в Халкедоне был принят догмат о неслиянности и нераздельности божественной и человеческой природы Христа. Еще до этого события подвергшиеся гонениям в Византии сирийские несториане переместили свои религиозные центры в Иран, и в 484 г. персидские христиане приняли на своем соборе несторианское вероисповедание. Резиденцией несторианского патриарха стал Ктесифон. Несторианская церковь Ирана оказалась по ряду причин чрезвычайно активна в распространении своего учения на востоке. В Индии, Средней Азии, Восточном Туркестане и Китае появились несторианские миссионеры.

¹ Klyashtorny S.G. Manichaen monasteries in the land of Arghu // Studia Manichaica. – Berlin, 2000. – S.374-379.

Распространение христианства оказалось тесно связанным с возникновением торговых колоний и формированием полиэтнических и поликультурных городских центров на путях, связывавших две великие суперцивилизации – переднеазиатскую и дальневосточную. Центральная Азия оказалась в зоне воздействия всех великих мировых религий того времени, и христианство не могло не занять среди них своего места. В 549 г. христиане Средней Азии, входившей тогда в государство эфталитов, просили главу несторианской церкви патриарха Мар Аббу назначить им епископа. В 578 г. появились первые сообщения о несторианах в Западном Китае, а в 635 г. в столицу Танской империи Чанъянь, которую сирийцы и персы именовали Кумданом, прибыла христианская миссия. Позже, в 781 г., здесь в столице будет установлена стела с надписью на китайском языке. Автор текста Яездбузид кратко изложил историю несторианской церкви в Китае и упомянул имя ее основателя – «епископа Алобэня из страны Дацинь», т.е. из византийской Сирии. Это были годы расцвета миссионерской деятельности сирийской церкви, и они пришлись на время патриаршества Иешуяба II (628–643 гг.). Ему приписывается создание первых митрополий в Самарканде, Герате, Индии и Китае, а ведь митрополиям должно было предшествовать создание епископств.

Важнейшими памятниками христианской культуры в Центральной Азии для исследователей XX в. оказались многочисленные тексты, обнаруженные главным образом при археологических раскопках в Турфанском оазисе. Прежде всего следует отметить находки сирийских молитвенных текстов. Ведь литургия в несторианских храмах, независимо от языковой принадлежности прихожан, велась на сирийском языке. Но огромный фонд христианских памятников оказался переведенным на среднеперсидский, согдийский и тюркский языки. И это не удивительно, так как без активной переводческой деятельности была бы невозможна сама христианская миссия.

Согдийские и тюркские переводы делались как непосредственно с сирийского, так и со среднеперсидского языков. В результате наряду с оригинальными версиями несторианской богословской литературы закономерно появлялись ее согдийские и тюркские аналоги. Сохранились лишь фрагменты этих сочинений – согдийские переводы псалмов, новозаветных текстов (50 отрывков), неканонических произведений (согдийская версия «Речений Иисуса»), апокрифических текстов, апостолического канона, согдийская версия повествования о епископе Бар Шаббе и царице Шир и о христианизации Восточного Ирана, гимнов, «Речений св. Отцов», произведений греческих и сирийских теологов. Среди прочих фрагментов следует выделить исторический текст об основании христианской общины в Восточном Туркестане – один из руководителей несторианской церкви в Месопотамии посылает своего брата в отдаленную местность Аргин для освящения там часовни. Речь идет о Карашаре, древнее название которого Аркене (тохарское) или Аргина (хотано-сакское). Вероятно, найденный текст – отрывок из хроники согдийской христианской общины Карашара.

Фрагменты тюркских сочинений написаны уйгурским и сирийским письмом. Самый крупный фрагмент содержал тюркскую версию о поклонении волхвов младенцу Христу. Основой текста было апокрифическое Евангелие от Иакова. Повествование Иакова уже в центральноазиатской среде было дополнено еще одним эпизодом, известным только в тюркской версии: младенец Христос отламывает кусок каменных яслей и вручает его волхвам. Волхвы бросают слишком тяжелый камень в колодезь, и над колодезем поднимается сияние. Волхвы каются в содеянном, и «от того случая причиной почитания огня магами (т.е. волхвами) служит это обстоятельство». Другие фрагменты – отрывок из жития св. Георгия, отрывки из христианской гадательной книги, возможно, отрывки молитв.

Взлет несторианской миссии наступил в период понтификата патриарха Тимофея I (780–823 гг.). В своих «Письмах» Тимофей сообщает о принятии христианства «царем турок, оставившем свои старые заблуждения», и его поданными. Это сообщение относится не к уйгурам, как ошибочно считали некоторые ученые, а к карлукам

Семиречья. В списке несторианских митрополий, составленном Амром б. Матта около 1350 г., но суммировавшем данные, которые относятся ко всей истории христианской церкви, наряду с Мервом, Туркестаном, Самаркандом, Тангутом, Кашгаром, Невакетом упомянут этноним *Карлук*, остававшийся долго непонятным. Сообщение Амра б. Матты, перекликающееся со сведениями, писем Тимофея I, позволяет утверждать, по меньшей мере, о прямом покровительстве несторианству со стороны карлукских ябгу¹.

Об ином направлении несторианской миссии свидетельствует знаменитая Суджинская руническая надпись, обнаруженная в Северной Монголии. Она относится к эпохе «Кыргызского великодержавия», датируется временем разгрома Уйгурского Каганата енисейскими кыргызами (вскоре после 840 г.) и убедительно свидетельствует о христианстве у кыргызов². Наставник героя надписи, кыргызского вельможи Бойла Кутлугяргана, назван в надписях арамейским словом *mar* «господин, учитель». В тюркских языках Центральной Азии это слово получило специфическое значение «манихейский или христианский наставник в вере, клирик. Наличие слов *mar* в надписи привело Г. Рамстедта к выводу о манихействе кыргызов. К такому же заключению независимо от Г. Рамстедта пришел О. Менчен-Хелфен на основании анализа минусинских наскальных изображений, которые хорошо датируются древнекыргызской эпохой, но, несомненно, чужды комплексу кыргызской петроглифики.

На приенисейских скалах изображены люди с высокими носами и густыми бровями, в широких и длинных одеяниях и высоких митрообразных шапках. Убедительные параллели в манихейской и христианской живописи Восточного Туркестана позволили О. Менчен-Хелфену сделать вывод о сирийском или согдийском происхождении кыргызских «жрецов» и их манихейском вероисповедании. Последнее утверждение, однако, основано лишь на том, что манихейство в Центральной Азии было более широко распространено, чем христианство.

На приенисейских скалах изображены те священнослужители, которые в древнекыргызской эпиграфике носят название *mar*, а в уйгурских текстах из Синьцзяна нередко обозначаются тюркским словом *uzuntönlü* (долгополые). Существование у кыргызов нешаманской религиозной обрядности засвидетельствовано и Абу Дулафом, который сообщает о молитвенных домах кыргызов и наличии у них мерной речи во время молитвы. Религиозный синкретизм, наблюдаемый в манихействе и отчасти в центральноазиатском христианстве, делает затруднительным более точное отнесение языкового и иконографического материала к тому или другому культу.

Сибирский археолог Ю. С. Худяков также считает, что у южносибирских кыргызов Енисея и Минусинской котловины присутствовали как христианство в форме несторианства и манихейства, так и буддизм. Их каноническая символика широко представлена на кыргызской торовитке – рельефной обработке художественных изделий из металла³. Возможно, однако, привлечение новых фактов. К настоящему времени изданы сотни древнетюркских рунических памятников VI–IX вв., обнаруженных на территории средневекового Кыргызского государства. Некоторые из них имеют символ креста. По форме он несколько отличается от распространенного в Средней и Центральной Азии несторианского креста, но генетически близок ему. Особенно сходны с несторианскими крестами из Семиречья кресты Уюк-Тарлака и Элегеша. Общим для семиреченских и енисейских крестов является изображение их на «горке» (символ Голгофы).

¹ Кляшторный С.Г. Историко-культурное значение Суджинской надписи // Проблемы востоковедения. – 1959. – №5. – С. 168.

² Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. – М; Л., 1959. – С.85.

³ Худяков Ю.С. К вопросу о проникновении мировых религий в Южную Сибирь в эпоху средневековья // Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций. – СПб., 1999. – С. 156.

В этой связи получают объяснения отмеченные С. Е. Маловым¹ параллели в ономастике сиро-тюркских христианских надписей Семиречья и енисейской эпиграфики, а также не понятые О. Менчен-Хелфеном предметы в руках клириков на скалах, являющиеся древнехристианскими рипидами. Позади одного из клириков с рипидой изображен алтарь с потиром. Этот сюжет сравним с изображением потира на стене христианского храма VIII–X вв. в Ходжо (Восточный Туркестан). Подобные потиры на высокой ножке нередко в ранних списках Евангелия. Показателем крупных изменений в религиозной идеологии кыргызов является совершившаяся в IX в. частичная замена древнего обряда сожжения трупов обрядом их захоронения. Последний мог возникнуть только под влиянием христианства, так как манихеи не предавали тело покойника земле, а, облачив его в похоронный наряд, помещали в специальные постройки (supurghan). Вместе с тем вплоть до XI в. у кыргызов сохранился обряд сожжения трупов, а шаманские радения играли в культовых действиях едва ли не большую роль, чем христианская литургия².

Таким образом, к середине IX в. или несколько ранее среди кыргызской аристократии, а затем и среди более широких слоев получил известное распространение несторианский толк христианства, который, однако, не вытеснил местных шаманских культов. Христианство кыргызской аристократии было в достаточной мере поверхностным: его восприятию содействовали не столько идеологические сдвиги в древнекыргызском обществе, сколько особенности политической ситуации.

Тем не менее в конце VIII – начале X в. карлуки Семиречья и кыргызы Енисея, связанные союзными отношениями, в противостоянии мусульманскому Мавераннахру и манихейской Уйгурии, нашли конфессиональную опору в несторианском христианстве, не удержавшем позднее своих позиций.

Другим свидетельством довольно широкого распространения христианства на территории Тянь-Шаня являются эпитафии на кайраках и отдельные галечники с изображением креста. Их свод опубликован кыргызским ученым Ч. Джумагуловым и постоянно пополняется все новыми и новыми находками.

Однако во второй половине XX в. археологами были раскопаны и архитектурные памятники христианской обители – монастыри и церкви.

Самым замечательным таким сохранившимся архитектурным памятником христианства на Тянь-Шане является Таш-Рабатский монастырь (ранее считавшийся торговым караван-сараям). Построенный в X в. по традициям среднеазиатского зодчества, Таш-Рабат представлял собой стационарное жилище монастырского типа, функции которого со временем менялись и позже здание использовалось также как караван-сарай на одном из ответвлений Великого Шелкового пути. В 1901 г. местным краеведом Н. Пантусовым у Таш-Рабата был найден надгробный кайрак с сирийской надписью, что также подтверждает его несторианскую принадлежность³.

Другим наиболее ярким (и самым ранним) христианским памятником на территории Кыргызстана являются небольшая церковь и погребения VII– VIII вв., раскопанные археологом Л. Р. Кызласовым в 1953–1954 гг. на городище Ак-Бешим – средневековый г. Суяб. В архитектуре церкви наглядно отражен культурный синкретизм, выразившийся в сочетании сирийской крестово-купольной церкви со среднеазиатским открытым двором, имеющим айваны вдоль стен. Такая христианская церковная архитектура позже использовалась и заимствовалась мусульманскими культовыми учреждениями в период исламизации края.

¹ Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. – М.; Л., 1952. – С.14.

² Кляшторный С.Г. Историко-культурное значение Суджинской надписи. – С. 167.

³ См.: Перегудова С.Я. Таш-Рабат (По материалам архитектурно-археологического исследования). – Фрунзе, 1989. – С.53,57,65; Кызласов Л. Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг. // Труды Кыргызской археолого-этнографической экспедиции. – Т. II. – М., 1959. – С.231–233; Там же. – С. 233.

Почти через полвека на том же Суябе работы были продолжены археологами Санкт-Петербургского Эрмитажа и Академии наук Кыргызстана. Сенсацией сезона стали раскопки монументального здания с двумя внутренними дворами. Находки несторианских крестов (нефритовый нательный крест, керамические предметы с оттисками крестов, глиняная форма для изготовления крестов с сирийской надписью), настенные росписи, архитектура и планировка здания позволили определить объект как несторианскую церковь X – начала XI в. Лишним свидетельством явилось обнаружение на полу одного из помещений остатков рукописной книги (обложки с фрагментом бумаги), выполненной согдийским шрифтом¹. Находится на исследовании у крупнейшего российского согдолога проф. В. А. Лившица.

Раскопки были продолжены в 2000 г., они дополнили христианскую коллекцию новыми предметами быта и обихода.

Памятник Суяб безусловно заслуживает особого внимания, так как славится не только христианскими, но и буддийскими сооружениями предкараханидского периода и является одним из шедевров культовой архитектуры всего Центральноазиатского региона (к сожалению или к счастью, он в основном находится под землей).

Другие ранние памятники погребения христиан с нательными крестиками из бронзы и нефрита, датируемые VIII–IX вв., были обнаружены и исследованы археологом В.Д. Горячевой в захоронениях средневекового Невакета (городище Красная Речка).

Здесь еще в 1919 г. археологом М. Е. Массоном, а позже, в 1938 г., А. Н. Бернштамом, в наше время В. Д. Горячевой обнаружены в могильниках свидетельства несторианской их принадлежности – кайраки, с эпитафией и крестами, нательные кресты из бронзы, кости и нефрита. Письменные источники подтвердили важное значение Невакета как центра христианской культуры на Тянь-Шане. Здесь уже в XII в. была учреждена несторианская митрополия, а глава церкви именовал себя «митрополитом Кашгара и Невакета».

Известны христианские комплексы на Буранинском городище (средневековый Баласагун), на Иссык-Куле и в других местах Кыргызстана. Наиболее изучены христианские эпитафии из окрестности села Кара-Джигач (в зоне г. Бишкек) Чуйской долины. Здесь в XIII–XIV вв. находился город Тарсакент (букв. «Город христиан»: от персидского «тарса» – христианин и согдийского «кент» – город). Город широкой известности, где, по последним находкам нумизмата А. Камышева, был даже свой чекан монет с датой 1333 г. – эпоха Чагатайских ханов².

Первичные сведения о Тарсакенте исходят от авторитетного персидского историка Рашид ад-Дина (1247–1318 гг.) и вместе с кара-джигачскими эпитафиями несториан они убедительно прокомментированы современным немецким ученым В. Кляйном.

По его мнению, в Тарсакенте церковная организация следовала традиционным образцам, но была адаптирована к местным условиям. Во главе несторианской общины стоял не епископ, а архидиакон. Причину гибели города в XIV в. ученый видит не в нашествии монголов и не в исламском антагонизме, а в эпидемии чумы, распространившейся из Семиречья в Китай и Европу³.

На Иссык-Куле уже в наше время найдено только одно кладбище с несторианскими кайраками – эпитафиями на камне – на южном побережье озера, у с. Саруу. Отдельная эпитафия найдена к югу от озера Иссык-Куль в ущелье Жууку. Кыргызский палеолингвист Ч. Джумагулов прочитал и опубликовал их. По устной информации

¹ Семенов Г.Л., Зеймаль Т.Н., Ташбаева К.И., Ведутова Л.М. Раскопки в Суябе в 1998 г. // Государственный Эрмитаж. Отчетная археологическая сессия за 1998 год: Тезисы докладов. – СПб., 1999. – С.30–33.

² Вечерний Бишкек. – 2000. – 29 марта; См.: Klein W. Das Nestorianische Christentum an den Handelswegen durch Kirgizstan lizum 14 Jh. – Prepol. 2000. – S.132–136; Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. – Вып. II. – Фрунзе, 1982. – С.42–43; Горячева В.Д., Перегудова С.Я. Памятники христианства на территории Кыргызстана. – С.92.

краеведа Н. Д. Черкасова, возле Тору-Айгыра обнаружен (как случайная находка) несторианский крест. После смерти краеведа его богатая коллекция как-то «расползлась» по любителям, и следы находки потерялись. Известна галька с крестом, найденная в свое время у с. Покровское на южном побережье (позже также затерявшаяся).

Сарууйский несторианский памятник – эпитафия некоего Чангши-кана в честь жены, умершей в двадцатилетнем возрасте – в 1647 г. по счету лет от Александра Македонского (т.е. в 1336 г. н. э.) состоит из креста и слов религиозного смысла: «Ей память сделали, пусть не забудется (она) среди друзей».

Судя по выявленным памятникам, сирийское несторианское письмо употреблялось на Тянь-Шане с VIII–XIV вв., со времени принятия христианства тюрками кагана Арслан Иль Тюргук (766–840 гг.) и до гибели семиреченских несториан в середине XIV в.

Наиболее интригующими, по всей вероятности, являются разноречивые сведения об иссык-кульских христианских монастырях (двух или одном?).

В свое время, в период путешествия на Тянь-Шань в 1856–1857 гг., путешественник П.П. Семенов-Тянь-Шанский опубликовал сведения о так называемой Каталанской карте 1375 г., с изображением озера Иссык-Куль, на северно-восточном побережье которого обозначены город и монастырь несторианских христиан (В. В. Бартольд и Н. Мар называют его армянским монастырем). П. П. Семенов считает, что это несториане-христиане, бежавшие с Ближнего Востока (из Сирии) в глубь Азии, основали его в XII в. Ученый не нашел на побережье следов монастыря, но высказал предположение, что он вполне мог быть построен в Курментинской бухте¹. Надо сказать, что позже, в конце XIX в., именно на том же месте православные переселенцы построили свой монастырь, который в начале XX в. был разрушен, к настоящему времени сохранились лишь остатки монастырских хозяйственных строений.

Средневековый монастырь, по мнению В.В. Бартольда, вполне мог вместе с древним городом оказаться под водой на дне озера. В районе современного с. Курменты до сих пор встречаются предметы средневекового быта, в том числе поднятые и со дна озера. Но целенаправленные археологические работы под водой здесь не проводились.

Вообще Иссык-Куль – благодатная археологическая среда, во многом не тронутая. Время от времени то тут, то там волны выносят на берег то лампу с неизвестными письменами (конец XIX в.), то фрагменты керамики с письменными знаками.

Так, еще в прошлом веке на Иссык-Куле была найдена глиняная ваза, покрытая синей глазурью, с изображением 12 апостолов (как пишет В. В. Бартольд, «не тюркского типа»). И хотя Бартольд сомневается в их христианском происхождении, другие источники пишут об этом весьма уверенно².

Во время своего путешествия по Иссык-Кулю в 1893–1894 гг. В. В. Бартольд неоднократно слышал от тору-айгырских кыргызов поверье о некоем кладе, зарытом в горах, над которым по ночам горят свечи, пугающие людей и скот.

В своем отчете о путешествии Бартольд несколько уточняет сведения о Каталанской карте 1375 г. Город Иссык-Куль на ней отмечен на северном побережье. В городе – «монастырь армянских братьев, где, по слухам, хранятся мощи св. апостола и евангелиста Матфея». Они были принесены сюда из Сирии во втором или третьем веке. Этот город еще упоминается несколько раз в истории походов Тимура. Но все попытки найти город и конкретные следы христианства на Иссык-Куле ни П. П. Семенову-Тянь-Шанскому, ни В. В. Бартольду не удалось.

¹ Семенов-Тянь-Шанский П.П. Путешествие в Тянь-Шань. – М., 1946. – С.186–187; Ср.: Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1892–1894 гг. // Соч. – Т.IV. – М., 1966. – С.75–76; Горячева В.Д., Перегудова С.Я. Памятники христианства на территории Кыргызстана. – С. 91; Бартольд В.В. Соч. – Т.IV. – С.75; См.: Журнал Московской патриархии русской православной церкви. Специальный выпуск. – М., 1997. – С.51.

По нашему мнению, в поисках средневекового города и монастыря следует еще внимательно обследовать северо-западное побережье Иссык-Куля, конкретно – дно у современной турбазы «Улан», что находится близ с. Тору-Айгыр. Здесь на побережье обнаружено еще В. В. Бартольдом средневековое строение, которое он назвал кирпичным заводом. Позже, в конце 1950-х – 1960-х гг., его раскопал кыргызский археолог Д. В. Винник, который также (следуя за Бартольдом) посчитал его сначала «кирпичным заводом». На самом деле объект оказался средневековым баннным комплексом. А на дне озера – масса средневековой керамики и отдельных предметов, которые вылавливают отдыхающие и развозят по разным странам. Нам представляется, что именно здесь нужно в первую очередь развернуть археологические работы в поиске Иссык-Кульского монастыря христиан. И эта задача стоит в наших планах на ближайшие полевые сезоны. (Если, конечно, удастся определиться с финансированием). Но надежды на это есть. Мы хотим связать работы с попутными поисками легендарных кладов христиан или Чингисхана¹.

В связи с этим хотелось бы затронуть еще один вопрос: не совсем научный, требующий проверки, но перспективный. О легендарных кладах на Иссык-Куле – в центре Тянь-Шаня. Насколько они могут быть реальными, и не являются ли чистой авантюрой их поиски с участием ученых.

Рассказы о легендарных сокровищах на Иссык-Куле более полутысячелетия будоражили воображение местных жителей. Имеются сведения, что в конце XIX – начале XX в. усиленными поисками клада христиан, спрятанного от Чингисхана, занимался верховный манап кыргызского племени сарыбагыш Шабдан Джантаев, а в 30-х годах нашего столетия – уроженец Прииссыккуля, будущий генерал армии и герой второй мировой войны Н. Г. Лященко.

Легенда? Да! Но имеет под собой и основания. Настолько убедительные, что в 1952 г. очень уж серьезные организации, такие, как МВД СССР и Министерство госбезопасности Киргизской ССР, сами занялись поисками клада на Иссык-Куле, о котором сообщала и такая серьезная партийная газета, как «Правда», в статье «Возвращение к тайне»². Тогда занимались поисками в обстановке строжайшей секретности. Почему?

По сведениям чекистов, в 20-х годах из китайской эмиграции возвратился на Иссык-Куль бывший царский офицер некто Успенский. Он привез карту-план, переданную ему за границей умиравшим православным священником. На плане крестиком было отмечено недалеко от Тюпа, на северо-восточном побережье озера, место укрытия клада. В 1926 г. кладоискатели определили место и начали копать. Углубились до 8 метров. Обнаружили (как в легенде) плиту со знаками-письменами, разгребли завал. Нашли «один медный, другой – золотой молотки». Но тут с грохотом стали рушиться незакрепленные стены, и кладоискатели с трудом выбрались наружу. Золотой «молоток» тогда же был сдан в контору «Золотоснаб» г. Пржевальска, что было документально зафиксировано.

Больше «старателям» копать не разрешили, пока в 1952 г. этим не занялись сами представители Министерства госбезопасности. Обо всем этом поведал в официальные органы – тогдашнее правительство и ЦК Компартии Киргизии – участник тех событий генерал МВД Э. А. Алиев. Тот же, кто руководил охраной секретного объекта в 1952 г. на берегах Иссык-Куля, бывший подполковник КГБ, а ныне доктор исторических наук Дж. Малабаев и сейчас верит, что клад есть, только не в том месте его искали. Есть предположение, что сокровища несториан-беженцев были затоплены в Иссык-Куле у стен христианского монастыря и запрятаны в Курментинской пещере³.

¹ См.: Мокрынин В., Плоских В. Клады в Кыргызстане. Мифы и реальность. – Бишкек, 1992. – С. 146–154; Правда: Орган ЦК КПСС. – 1975. – 27 августа.

³ Мокрынин В., Плоских В. Клады в Кыргызстане. – С. 146-154.

Сейчас наряду с научными исследованиями археологов на берегах и под волнами Иссык-Куля ученые и энтузиасты проверяют следы кладов и легенды о них. Тем более, что последнее мероприятие может привлечь и спонсоров: по новому кыргызскому законодательству, лицу, вложившему средства в поиски и нашедшему клад, 50% законно отходит в личную собственность. В целях изыскания возможностей финансирования научных экспедиций ученые берут на вооружение и энтузиазм любителей экзотики и кладоискателей.

В заключение хочется сказать: Кыргызстан, Тянь-Шань, Иссык-Куль богаты памятниками истории, культуры, различных религий и конфессий. Они еще мало исследованы, здесь больше проблем и вопросов, чем решений и ответов. Но это – и свидетельство перспективности научных изысканий.

К вопросу об этногенезе кыргызского народа

Основные этапы этногенеза кыргызского народа

Исходя из принятого большинством кыргизоведов мнения о сложении кыргызской народности из двух основных компонентов – сибирско-центральноазиатского и лесного, среднеазиатского, авторы выделяют три основные эпохи в истории Нормирования кыргызское этнической общности:

1. древнюю (сакский, сако-усуньский и гунно-усуньский периоды на Тянь-Шане);
2. раннесредневековую (кыргызский, тюркский, тюркско-карлукский и калукско-караханидский периоды на Енисее и на Тянь-Шане);
3. Позднесредневековую (кимакско-кыргызский, моголо-кыргызский и кыргызский периоды на Алтае, в Прииртышье и на Тянь-Шане).

Формирование тюркского этноса на востоке Средней Азии охватывает время между III-XII вв. н. э. и подразделяется на три периода: а) появление центральноазиатских позднегуннских племен III-V вв; б) массовое переселение на Западный Тянь-Шань древнетюркских племен (VI-XIII вв.) и сложение древнетюркской государственности; в) массовое переселение на Западный Тянь-Шань с Алтая и из Западной Монголии карлукских племен (карлуки, чигили, ягма) и сложение тюркских раннефеодальных княжеств, консолидировавшихся в Караханидском государстве (конец XI-XII в.). Следствием карлукского переселения в Семиречье явились окончательная тюркизация населения востока Средней Азии, включая городские ираноязычные группы, и сложение единого литературного тюркского языка и литературы. Интенсивные процессы сложения тюркоязычной феодальной народности в Семиречье были прерваны монгольским завоеванием.

Возобновление этнических процессов, в результате которых сложилась кыргызская народность, относится к XIV – началу XVI в. Центром этногенеза кыргызокой народности на начальном этапе этого сложного периода (XIV – первая половина XV в.) ставится неверная часть Моголистана, включая Прииртышье, Северный и Горный Алтай. Здесь еще в X-XI вв. складывается этнополитическая группировка, включавшая местные кимакско-кипчакские и господствующие кыргызские племена, переместившиеся сюда из Енисея; после XII в. собственно кыргызские племена полностью ассимилируются в кипчакской среде, заимствовавшей, однако, этническое имя «кыргыз». Владение Кырыз на Алтае, наряду с владением Кем-Кемджиут на Енисее, существовало еще в эпоху начала монгольских завоеваний (Рашид-ад-Дин). Позднее утратившее свое политическое единство племена алтайских кыргызов вошли в состав государства Монголастан.

Завершающие этапы формирования кыргызского народа имели место на Тянь-Шане в XV-XVIII вв., где осуществлялся длительный процесс взаимодействия и взаимоотношений двух его основных компонентов – древних и средневековых племенных объединений Притяньшанья с собственно кыргызскими племенами, переместившимся сюда в XV в. из Прииртышья и Алтая. Следует выделить следующие моменты этого процесса:

а) переселение групп кыргызских племен в середине XV в. с Прииртышья и Горного Алтая на свою нынешнюю родину и окончательное закрепление на этой территории несмотря на неоднократные попытки государства яркендских моголов вновь подчинить их своей власти. В ту же эпоху и несколько позднее другие группы кыргызских племен в силу различных политических событий оказались в горах Куэнь-Луня и Каракорума, на Восточном Памире и в Фергане;

б) центром этнической консолидации кыргызов стала территория Тянь-Шаня. Именно здесь, как свидетельствует источник, кыргызы в конце XV в. создали протогосударственную этнополитическую структуру: дуальную организацию племен,

объединенных в два «крыла» – «ОНГ КАНАТ» («правое крыло») – «СОЛ КАНАТ» («левое крыло»). Создание этой дуальной организации, имевшей давнюю историческую традицию у тюркских племен Центральной Азии, означало появление такой структуры, которая оказалась способной выполнять известные политические функции, в том числе охрану вновь обретенной этнической территории и консолидацию включенных в ее состав племен и родов. Только после возникновения этой структуры завершился процесс этногенеза киргизов и началась этническая история киргизской народности на Тянь-Шане;

в) в процессе интеграции остатков древнетюркских и могольских племен в рамках этой дуальной этнополитической структуры постепенно созревало этническое самосознание последних, что нашло отражение в новых вариантах племенных и общекиргизских генеалогических преданий («Маджму аттаварих») и в двойне наименованиях ряда родоплеменных объединений (кыргыз–кыпчак, кыргыз–кытай и др.);

г) завершение исламизации пришлых киргизских племен произошло не позднее первой половины XVII в. под влиянием новой конфессионально-культурной среды Восточного Туркестана и Средней Азии, благодаря активной миссионерской деятельности суфийских шейхов. Ислам, распространение которого всячески поддерживала правящая верхушка для обоснования и укрепления своей власти над всеми племенами Притяньшанья, а также сыграл определенную роль в консолидации пришлых и местных племен в единую народность;

д) сложилось комплексное хозяйство нового типа, в котором наряду со скотоводством заметно возросло доля поливного земледелия. Сформировалось полuosедлое хозяйство со скотоводством альпийского типа (вертикальные перекочевки в горных районах Тянь-Шаня), практически прекратились крупные миграции киргизских племен, после чего можно говорить о завершении формирования социально-экономической структуры киргизского общества.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КЫРГЫЗСКОГО НАРОДА

Уважаемый читатель, попробуйте воссоздать свое генеалогическое древо и вы тут же убедитесь, какую непростую задачу поставили перед собой, поймете, насколько сложна, многослойна проблема происхождения любого народа. Сегодня, пожалуй, невозможно назвать народ, в родословной которого было бы все ясно, и ученые не ломали бы копья в спорах по поводу всевозможных гипотез. Отвечая на один из кардинальнейших вопросов всемирной истории, советский востоковед Л. Н. Гумилев образно заметил: «Нет, не было и не могло быть этноса, происходящего от одного предка. Все эти этносы имеют двух и более предков, как все люди имеют отца и мать».

Полно загадок и происхождение кыргызского народа. Казалось бы, так просто: в древние времена кыргызы жили на Енисее, а потом перебрались на Тянь-Шань, и все. Но эта простота кажущаяся, потому что народ – это не группа беззаботных туристов, путешествующих из города в город. Многовековые миграции народа всегда связаны с этническими изменениями в его среде. Как их проследить? Письменные источники скудны, но дело даже не в них: одна из основных трудностей в том, что одновременно (или почти одновременно) мы встречаем разные этносы со своеобразной жизнью и специфической культурой, разделенные тысячами километров, но, оказывается, имеющие общее название – «кыргыз». Это вводило в заблуждение многих ученых, до предела накаляло научные дуэли, и все же сегодня существует несколько гипотез о происхождении кыргызов.

В 1956 г. во Фрунзе состоялась всесоюзная научная конференция по этногенезу (происхождению) кыргызского народа, которая наметила общую тенденцию и пути дальнейшего изучения проблемы. И вот уже более трети века ученые работают в русле этой концепции (о ней ниже), уточняя и конкретизируя лишь отдельные детали.

Итак, что можно теперь сказать о происхождении кыргызского народа? Поинтересуемся прежде, как на этот вопрос отвечал сам кыргызский народ?

В народном эпосе «Манас» юный герой спрашивает отца о происхождении своего рода. Но аксакал в затруднении:

Сказав: «Откуда ты ведешь свой род?».

Сказав: «О своей родословной расскажи,

От кого пошел твой род?

Всех перечисли, (о них) расскажи», –

Мальчик (Манас) расспрашивал о родословной

своей,

Стоял и растерянно смотрел Джакып.

Расспрашивал мальчик о предках своих –

Стоял, помрачнев, Джакып и сказал:

«О дитя мое, род твой из тюрок-кыргызов,

Правил предок наш,

Потеснив род кытай,

Растеряли мы свой народ

Тогда, когда в разных местах

Каждый из нас в правителях ходил...

Прародина кыргызов в эпосе не указана, но место рождения Манаса – Алтай и многие события происходят на Алтае (Енисей не упоминается), откуда он с дружинниками возвращается на отнятые недругами у его предков земли, а именно – на Тянь-Шань. Так по эпосу. Однако память человеческая, как известно, существует по своим законам, и ее надо подкреплять документами.

Без сомнения, истоки родословной кыргызов уходят в глубь тысячелетий: этноним «кыргыз» – самый древний из самоназваний современных тюркских народов. Впервые его упомянули письменные источники в конце III в., а точнее – в 201 г. до н.э. Как

обозначение отдельного племени (или группы племен) он возник в Центральной Азии далеко от занимаемых ныне народом мест. Прошло немало веков, прежде чем кыргызы обрели родину в нынешних границах.

В настоящее время установлено, что этнонимы гэгунь, гянгунь, кигу, цигу, гегу, хэгусы, хягасы, встречающиеся в различных китайских летописях, есть разновременные фонетические варианты одного и того же этнонима – кыргыз. Являясь самоназванием народа, в несколько отличающихся, но созвучных фонетических вариантах, он встречается в древнетюркских («кыргыз» – VIII в.), греческих («херхис», «херхир» – VI в.), арабо-персидских («кергис», «хиргиз», «кыргыз», «хырхыр» и др. – IX–XIII вв.) источниках. Народная этимология термина «кыргыз» уводит нас к легенде о происхождении кыргызского народа от сорока («кырк») девушек («кыз»).

Научная трактовка, естественно, отличается от простонародной: числительное «кырк» – сорок плюс окончание множественного числа «-ыз», т. е. «сороковики», «народ сорока племен»; числительное «кырк» – сорок плюс «юз» («джуз») – сто, сотня, что означает «сорокасотенный народ»; прилагательное «кырг, кыр-гу» – красный (древнетюркское) плюс окончание множественного числа «-ыз», т. е. «рыжий» народ, племя.

Ни одна из предложенных расшифровок еще не получила единодушного признания специалистов. Дискуссия по этому поводу продолжается. Здесь необходимы дальнейшие научные поиски и не только историков, но и филологов, лингвистов, фольклористов и других специалистов.

В результате широкого обмена мнениями между крупнейшими специалистами разного профиля АН СССР, АН Киргизской ССР и научных учреждений других братских республик на упомянутой уже научной сессии было сделано заключение: «Киргизский народ и его культура сложились... в результате взаимодействия, по меньшей мере, двух этнических элементов: центральноазиатского и местного – среднеазиатского. Один из важнейших «узловых» моментов этногенеза киргизского народа, ближайший по времени, связан с событиями первой половины второго тысячелетия нашей эры. В эту эпоху на территорию Киргизии проникает с Востока значительное большинство предков современных киргизов, говоривших уже на сложившемся киргизском языке... Начиная с указанной даты, которая должна быть уточнена в дальнейшем, киргизы становятся численно преобладающей группой населения на территории Киргизии, чего ни в коем случае нельзя сказать по отношению к более ранним эпохам».

Судя по названию, кыргызы уже в конце III в. до н. э. были тюркоязычны и, наряду с другими племенами, составляли своеобразную протюркскую этническую и культурную питательную среду Центральной Азии и Южной Сибири. Первоначально они занимали территорию северо-западной Монголии, возможно, в районе озера Кыргыз-нор, а затем переселились на реку Енисей в Минусинскую котловину, где, как сообщают письменные китайские источники, перемешались с динлинами. Расовый облик кыргызов того времени неизвестен, динлины же являлись представителями древней европеоидной расы Центральной Азии. Однако ряд ученых полагает, что в среде динлинов, по крайней мере с I в. н. э., были и тюркоязычные племена.

Наглядное представление о сложности этнокультурных процессов в Минусинской котловине дают и археологические материалы. В так называемой таштыкской археологической культуре, особенно на ее заключительном этапе (III–V вв.), наряду с традиционными, отмечаются элементы центральноазиатского происхождения, связанные с переселением кыргызов. Кроме того, в формировании таштыкской культуры, помимо динлинов и кыргызов, как предполагается, участвовали переселенцы из Тувы, носители кокельской культуры, этническая принадлежность которых окончательно не выяснена. Большинство же исследователей относят их к гуннским племенам. Только в III–V вв. местные и привнесенные извне компоненты сплотились и составили основу культуры

енисейских кыргызов, а конгломерат пришлых и местных племен стал этнической основой формирования енисейских кыргызов.

Как уже отмечалось, этническая история раннесредневековых енисейских кыргызов в письменных источниках освещена крайне недостаточно. Но все же известно, что их государство представляло собой сложную общность, состоящую из этноса-элиты, которую представляли собственно кыргызы, а также ряда подвластных им горно-таежных племен (упоминается, в частности, племя дубо). Кроме общего этнонима, известны названия племен кыргызов – «доблестный народ булсаров», «народ ач» и кэштим. Отличительными чертами кыргызов того времени были рыжие волосы, голубые глаза и румяное лицо.

Судя по археологическим материалам, кыргызская культура VI–VII вв., развиваясь на основе традиционной таштыкской, сохраняла обособленность от культур остальных регионов древнетюркского мира. Но с начала VIII в. ощущается сильное влияние культуры алтае-телеских тюрок, что достаточно убедительно отразилось в особенностях погребального обряда и сопроводительного инвентаря, в письменных источниках, подтверждающих активные широчайшие связи кыргызов с тюрками, тюркешами, карлуками, чиками и другими древнетюркскими народами. Тюрко-кыргызские браки стали обычными в период подчинения кыргызов Второму Тюркскому каганату (с 711 г. и максимум до 730 г.). Начался процесс «тюркизации» традиционной кыргызской культуры, который усилился в последующее время.

Связи кыргызов достигли пика активности на огромной территории в эпоху «великодержавия» (IX–X вв.). Разгромив уйгур, кыргызы заняли Центральную Азию, а со временем их военные отряды устремились на север, восток и запад. Часть их расселилась на захваченных землях и ассимилировалась местным населением. Это привело к образованию ряда кыргызских субэтносов, что подтверждают археологические материалы.

Ученые насчитывают шесть локальных вариантов культуры кыргызов IX–X вв.: минусинский, тувинский, алтайский, восточно-казахстанский, красноярско-канский и прибайкальский. Всем им присущи как общие черты, так и отличия, возникшие в результате адаптации к культурным особенностям местного населения. Эти шесть вариантов продолжали существовать и после завершения экспансии кыргызов. Регионы, где расселялись новые этнические образования, явились основными местами распространения кыргызского влияния на соседние народы. Начиная с эпохи «великодержавия» и позже племена с этнонимом «кыргыз» появляются в составе многих тюркоязычных народов – от якутов Прибайкалья до башкир Приуралья,

В основных чертах древняя и средневековая история происхождения народов Семиречья и Тянь-Шаня изучена довольно полно. В I тыс. до н. э. она характеризовалась объединением в одно целое потомков населения эпохи поздней бронзы различных ираноязычных сакских племен, большая часть представителей которых по внешнему облику принадлежала к европеоидному, памиро-ферганскому типу. Только на отдельных черепках антропологи прослеживают следы монголоидности центральноазиатского происхождения, причем на женских чаще, чем на мужских. Это свидетельствует об исторически недавнем, механическом смешении двух расовых типов.

Со II в. до н. э. процессы консолидации и интеграции протекали в рамках Усуньского государства. Пока языковая принадлежность усуней не выяснена, хотя многие ученые считают их ираноязычными, но есть и сторонники тюркоязычности. Потомками усуней, которые внешне резко отличались от остального населения Средней Азии, считают рыжебородых и голубоглазых тюрок. В государстве усуней преобладают восточно-ираноязычные саки и юзджи (тохары), значительно увеличивается монголоидный компонент. Отдельные племена древних саков и усуней в какой-то мере послужили пластом, вошедшим позже (через ряд трансформационных процессов) в состав кыргызской народности.

В целом этнический процесс в Семиречье и Тянь-Шане в I тысячелетии н. э. развивался в направлении тюркизаций ираноязычного населения, которая связана с вторжением сюда гуннских и родственных им племен. Тюркизация усилилась со времени образования Тюркского каганата. В VI–VIII вв. на Тянь-Шане происходило постоянное общение трех социально и политически неравноправных этнических массивов: тюркских племен, недавнее прошлое которых было связано с Центральной Азией; дотюркского автохтонного скотоводческого населения – потомков сако-усуньских племен, частично тюркизированных гуннами, и согдийского (восточноиранского) населения, переселившегося в Семиречье из оазисов Средней Азии.

Этнические контакты и взаимовлияния в VI–VIII вв., хотя и имели общую направленность тюркизации автохтонного скотоводческого и в какой-то мере оседло-земледельческого (согдийского населения), протекали медленно. В большей степени она затронула знать, чем рядовое население. Так, в согдийской среде распространились тюркская феодальная титулатура, одежда, вооружение, обычай заплетать волосы в косы. Судя по коллекции документов с горы Муг, согдийские писцы усвоили тюркскую лексику.

Среди местного населения распространялись тюркские обычаи и поверья: в катакомбных погребениях обнаружены захоронения с конем, унифицированный «под тюрок» погребальный инвентарь. Но неизмеримо большим было обратное культурное влияние: тюрки в VI в. восприняли согдийское письмо и на основе его создали собственную (руническую) письменность. Письменные источники отмечали браки между тюркской и согдийской знатью. На первом этапе этнических процессов (VI–VIII вв.) еще не исчезли ни племенные, ни культурные, ни языковые, ни расовые различия. Но мы уже встречаем здесь названия ряда племен, которые позже оказались в генеалогической таблице родоплеменного состава кыргызов.

Переселение на Тянь-Шань и в Семиречье новой массы тюркоязычных скотоводов карлуков (746–766 гг.) не изменило основного направления, но значительно ускорило течение этнических процессов. Карлуки, а также входившие в их состав чигили и ягма частично изгнали огузские племена за пределы Семиречья, других потеснили, отняв у них лучшие пастбища. В результате к IX в. полностью исчезает культура автохтонного скотоводческого населения, хоронившего покойных в катакомбах и подвоях. Зато подобные погребения обнаружены в Краснореченском, Ак-Бешимском, Беловодской крепости, других городах и поселениях, где они соседствуют с традиционными погребальными сооружениями согдийского оседло-земледельческого населения. На городских кладбищах появляются типичные для тюрок погребения с конем. Это значит, что докарлукское население оседало в городах и поселениях, и они быстро разрослись. Оседлые поселения возникают даже в глубинных районах Тянь-Шаня, где их прежде не было (Джумгал, Чаткал). В IX–X вв. оседлыми становятся и представители племен из карлукского объединения: красноречивое свидетельство тому – названия городов Ягма, Джикиль и Карлук.

Поселившиеся в городах скотоводы попадали в совершенно незнакомую среду. Совместное проживание тюрок и согдийцев не могло не привести к интенсификации этнических процессов и культурного взаимовлияния. Оказавшись в зоне мощного воздействия согдийской цивилизации, тюрки-горожане стали исповедовать манихейство¹ и христианство, а некоторые из вновь обращенных со временем даже возглавили согдийско-тюркские религиозные общины и епархии. Приобщение к городской цивилизации быстро меняло этнический и культурный облик бывших скотоводов.

¹ Манихейство – религиозно-философское учение, возникшее в III в. н. э. в Иране и основанное на борьбе добра и зла, света и тьмы, требовало строжайшего аскетизма.

Таким образом, в IX–X вв. в Семиречье и на Тянь-Шане полностью завершился процесс тюркизации автохтонного скотоводческого населения, который перешел в новую фазу – тюркизацию земледельцев, закончившуюся через полтора-два столетия.

В эпоху Караханидов Семиречье и Тянь-Шань всецело оказываются под сильным влиянием более чем полуторатысячелетней культуры оазисов Средней Азии и Кашгара. Утвердилась новая религия – ислам, и регион стал частью огромного мусульманского мира. В середине XI в., как об этом свидетельствует Махмуд Кашгари, основными носителями оседлой культуры являлись тюрки. Ученый был свидетелем завершения процесса ассимиляции согдийцев в Северном Притяньшанье: «Жители Баласагуна говорят по-согдийски и по-тюркски. Так же жители Тараза и Белого города (Исфиджаб, близ современного Чимкента)». Среди согдийцев уже не было таких, которые говорили только по-согдийски. Они «выглядели как тюрки и приняли их обычай», – констатирует Махмуд Кашгари.

Параллельно с тюркизацией в X–XII вв. разрушались былое единство и солидарность тюркских племен. Едва ли можно считать случайным, что в сочинении Юсуфа Баласагуни характеризуются не те или иные племена, а различные социальные группы караханидского общества. Это отнюдь не означало полную детрибализацию общества и усвоение надплеменной государственной традиции. Племенное и родовое деление продолжало сохраняться, однако ни одно из тюркских племен в государстве не занимало привилегированного положения. Племена были рассредоточены, мелкие присоединялись к более крупным и теряли свое этническое лицо. Крупные объединения утрачивали племенную солидарность. Ничего, кроме этнонима, например, не связывало чигилей, кочевавших в Илийской долине и вокруг оз. Иссык-Куль, с жителями города Чигиль в Таласской долине, поселившимися там в столь отдаленные времена, что Махмуд Кашгари приписал постройку их города Александру Македонскому.

Таким образом, одна из тенденций этнического развития в XI–XII вв. заключалась в замене родоплеменных связей территориальными, что нашло свое политическое выражение в удельной системе.

Формирование единого тюркского литературного языка, который назывался «бограхановским» или «хаканийским» и отличался от речи туркмен, огузов, чигилей, ягма и кыргызов, в значительной степени сплотило тюркские племена. Все известные ему тюркские языки Махмуд Кашгари делит на две группы; чистые, несмешанные, правильные языки и смешанные, неправильные, порченные. Самый «чистый» язык был у семиреченских племен тухси и тянь-шаньских ягма, которые вели кочевой образ жизни, а «порченные» – у горожан и тех тюркских племен, которые постоянно общались с ними, так как в городах вместе с тюрками жили согдаки и кенджаки, аргу и хотанцы, тибетцы и тангуты.

В итоге этнических изменений на Тянь-Шане и в Семиречье в XI–XII вв. образовалась тюркоязычная этносоциальная общность с обозначившимися надплеменными признаками, одним из проявлений которых стало формирование литературного языка, единого для всей восточной части Средней Азии. Процесс развития этой общности и образования на ее основе народности прервало монгольское нашествие.

Итак, вплоть до начала XIII в. на территории современного Кыргызстана формировалась тюркоязычная этническая общность, генетически не имеющая ничего общего с кыргызами Южной Сибири, даже если учесть то обстоятельство, что в эпоху великодержавия (IX–X вв.) кыргызы заняли Восточный Тянь-Шань и подошли вплотную к границам Семиречья.

Здесь особое значение приобретает вопрос: долго ли кыргызы пробыли в Восточном Туркестане и в долине р. Или? Ответ на него связан с длительностью кыргызского великодержавия, которое, как отмечают большинство ученых, было сравнительно недолгим: уже в X в. основная масса кыргызов вернулась из Центральной Азии на Енисей. По всей видимости, в это же время они также ушли из Восточного

Туркестана и пределов Семиречья. По крайней мере, во второй половине X в. войска Караханидов, достигшие в своих восточных и северо-восточных походах Таримской впадины (г. Куча и р. Иртыш), не встречали кыргызов ни в качестве врагов, ни в качестве союзников.

Это загадка, от ответа на которую зависит общая историческая оценка дальнейших судеб кыргызского этноса как в Средней Азии, так и в Южной Сибири. Тем не менее, как и двести лет назад, никто не может осмелиться сделать вывод. Правда, уже в XVIII в. высказывалось предположение о тождестве предков тянь-шаньских кыргызов с кыргызами Енисея, и оно свыше ста лет вполне соответствовало уровню развития исторической науки, так как было простым, стало привычным. Однако и тогда возникла мысль, что енисейские и тянь-шаньские кыргызы не имели ничего общего (Ч. Валиханов). В конце XIX в. впервые состоялась острая дискуссия между В. В. Радловым, убежденным сторонником переселения енисейских кыргызов, и Н. А. Аристовым, обосновавшим автохтонность происхождения кыргызов Тянь-Шаня.

В. В. Бартольд, автор первой книги о кыргызах, считал, что переселение кыргызов на Тянь-Шань происходило не в эпоху «великодержавия», а гораздо позже. Археолог А. Н. Бернштам в ряде своих работ обосновал гипотезу о поэтапном, растянувшемся более чем на тысячелетие переселении енисейских кыргызов на Тянь-Шань. Однако эта гипотеза не получила признания в дискуссии и решениях специальной сессии, занимавшейся проблемой этногенеза кыргызского народа. Сложившуюся ситуацию наиболее точно охарактеризовал этнограф С. М. Абрамзон: «Если в настоящее время давно стала очевидной невозможность отождествления енисейских и тянь-шаньских кыргызов, то столь же очевидна необоснованность полного отрицания и некоторых этногенетических связей между ними».

Первый шаг вперед в затянувшейся дискуссии сделал К. И. Петров, выдвинув положение о промежуточной зоне между Енисеем и Тянь-Шанем, которая находилась в Обь-Иртышском междуречье. Там и смешивались кыргызские, кимакские и другие племена, а вновь образовавшийся этнический субстрат с этнонимом «кыргыз» переселился на Тянь-Шань в XIII–XV вв. С критикой идеи выступил О. Караев, который продолжал отстаивать точку зрения о переселении на Восточный Тянь-Шань енисейских кыргызов еще в IX–X вв. Мысль о возможности проникновения военных отрядов кыргызов в Чуйскую долину, не связывая это проникновение с массовым переселением, высказал ленинградский ученый Д. Г. Савинов.

Гипотезу о промежуточной зоне развил С. М. Абрамзон, полагавший, что на территорию современного Кыргызстана переселились не преимущественно енисейские кыргызы, а в основном тюркоязычные племена, обитавшие ранее в Восточном При Тянь-Шанье, отчасти в Прииртышье и на Алтае. Ряд новых предложений относительно происхождения кыргызов внесли авторы первого тома пятитомной «Истории Киргизской ССР», обосновав положение об изменении сущности термина «кыргыз», который в IX–X вв. и позже стал не столько этнонимом, сколько этнополитонимом: термином «кыргыз» обозначались не главным образом кыргызские по происхождению племена, но и другие, которые им подчинялись. Промежуточной зоной формирования кыргызского народа, по их мнению, стала область с названием Кыргыз, находившаяся на Алтае и в Прииртышье.

Как видно, проблема взаимоотношений енисейских и тянь-шаньских кыргызов еще не прояснилась окончательно. Поэтому и по сей день продолжается дискуссия между сторонниками гипотезы о прямом переселении енисейских кыргызов, как уже сложившейся народности, в IX в. на Тянь-Шань и сторонниками новой концепции с сложении кыргызской народности в результате слияния местных, древнетюркских и монгольских племен с пришлыми кыргызскими племенами, переместившимися на Тянь-Шань в середине XV в. с Алтая и из Прииртышья.

Представляем концепцию авторов главы об этногенезе кыргызского народа первого тома четвертого издания «Истории Киргизской ССР», которые придают важное значение

промежуточному, алтайскому этапу этногенеза кыргызского народа (X–XIV вв.), сыгравшему решающую роль в становлении центральноазиатского протоядра кыргызского этноса.

В настоящее время перспективной представляется идея о промежуточной между Енисеем и Тянь-Шанем территориальной зоне, где в IX–XI вв. расселялись енисейские кыргызы и, взаимодействуя с местными народами, в течение последующих веков обрели свое новое этническое лицо. Такой зоной могли быть Восточный Тянь-Шань, Джунгария или Алтай, включая и монгольский Алтай. На наш взгляд, ключ к решению проблемы могут дать кыргызские эпическое наследие и лингвистика: во всех вариантах эпоса «Манас» родиной героя назван Алтай; современный язык кыргызов входит в одну группу с языком алтайцев, но совсем не в ту, в которую включены языки древних енисейских кыргызов, хакасов и тувинцев.

Видные языковеды Б. М. Юнусалиев, И. А. Батманов, Б. У. Орузбаева убедительно доказали, что язык алтайцев предельно близок и является генетическим предшественником современного кыргызского языка. Новейшие исследования его истории Э. Р. Тенишевым показали, что переломным моментом в развитии был алтайский этап. В общей классификации тюркских языков язык кыргызов, алтайцев и казахов входит в одну группу, а язык енисейских кыргызов, хакасов и тувинцев – в другую. Это свидетельствует о том, что основное ядро переселившихся на Тянь-Шань в XV в. кыргызов и алтайцев долгое время проживало на одной (или соседних) территориях.

Падение Уйгурского каганата (840 г.) дало толчок образованию не только кыргызской державы, но и соперничавшего с ней каганата кимаков с центром на Иртыше, поэтому определяющими этнокультурными связями в IX–X вв. стали контакты кимакской (сросткинской) и кыргызской культур на Алтае, о чем свидетельствуют письменные и археологические источники. Анонимный арабский источник X в. «Худуд ал-алам», описывая располагавшиеся к западу от собственно кыргызов племена кыштымов, отмечает: «Косим (кыштым) – название другого народа, также из хырхызов, (они) поселяются на склонах гор, в шатрах, добывают меха, мускус, рог хуту и другое. Это один из хырхызских народов, их речь ближе к халлукской (карлукской), а по одежде они напоминают кимаков». Описаны и другие «разновидности хырхызов», вплоть до курыкан Прибайкалья, которые были тоже из кыргызов, но «не смешиваются с прочими хырхызами... их языка другие хырхызы не понимают».

Анализ источника позволяет сделать по крайней мере два важных вывода. Во-первых, термин «кыргыз» в X в. приобретает не только этническое, но и политическое значение. Кыргызами теперь называют и племена на р. Енисей, которые являлись кыргызскими по своему происхождению, и другие тюркоязычные племена, вошедшие в государство кыргызов. Этноним, как это было принято в Центральной Азии со времен гуннов, стал этнополитонимом. Во-вторых, этнокультурное влияние кыргызов на Горный Алтай и несколько западнее его наглядно подтверждают археологические материалы.

При распаде государства кимаков, как отмечено в «Худуд ал-алам», выделилась область Кыркырман, обычаи населения которой «немного похожи на кыргызов». Эту область исследователи локализуют в различных местах, наиболее обоснованным из которых является предположение казахского ученого Б. Е. Кумекова, связывающего ее с Тарбагатаем. В связи с этим обращает на себя внимание предание в источнике XVI в. «Маджму ат-таварих», согласно которому одна из областей кыргызов именовалась Кыркыры (Каркары). Примечательно, что поминки по одному из героев эпоса «Манас» – Кокетей-хану – кыргызы отмечали в местности Каркара.

Расселение группы енисейских кыргызов в Горном Алтае и Прииртышье подтверждают археологи. В Горном Алтае кыргызские погребения по обряду кремации отмечены в могильниках Узунтал, Карболиха (IX–X вв.), Чарыш, Яконур, Акташ (XI–XII вв.), в Прииртышье – Гилево, Камышинское, Зевакино, Мечеть (IX–X вв.). Одно погребение кыргыза IX–X вв. обнаружено в Илийской долине (Текели). О взаимовлиянии

с местными алтайскими племенами свидетельствуют расположение кыргызских и кимакских погребений на одном могильном поле и похожесть погребального инвентаря. Заметим, что кыргызских погребений на территории Алтая и Прииртышья по сравнению с могилами местных племен намного меньше, и это отражает реальное соотношение пришлого и местного населения, так как происходил процесс «кыпчакизации» их культуры. К XII в., по свидетельству Марвази, средневекового историка, он зашел настолько далеко, что кыргызы, обитавшие вне пределов своей родины на Енисее, отказались от обряда кремации и перешли на захоронение умерших. В XIII в. здесь было отдельное владение, которое историк Рашид ад-дин назвал Кыргыз. В XII в. группа кыргызов обитала и в Монгольском Алтае. Именно она оказала сопротивление каракитаям при их движении на р. Эмил.

Таким образом, в Горном Алтае и в примыкающем к нему Прииртышье (включая истоки реки) в течение IX–XII вв. сложилась тюркоязычная этническая общность из енисейских кыргызов и местных тюркоязычных племен, входивших в кимакско-кыпчакскую группировку. В культурном отношении они уже мало чем походили на коренных енисейских кыргызов, но сохраняли общее самоназвание «кыргыз». В этой этнической среде вполне могло существовать и двойное название «кыргыз-кыпчак», зафиксированное в эпосе «Манас».

Нашествие монголов привлекло на территорию Кыргызстана монгольские и подвластные им южносибирские тюркские по происхождению племена, которые частично вытесняют, частично ассимилируют местных тюрков. Оседло-земледельческое население вынужденно покидает разоренные города. О собственно кыргызах XIII–XIV вв. сведений крайне мало, только известно, что в 1260 г. в стране Кыргыз учредил свою ставку монгольский царевич Арик Бука, враждовавший со своим верховным ханом. Затем области Енисея и Алтая вошли в государство Хайду, административный центр которого находился в Чуйской долине. Конец XIII в. был очень тяжелым для кыргызов: монгольские феодалы неоднократно переселяют множество кыргызских семей с их родины в Маньчжурию, Монголию и Китай.

В истории монгольской династии Юань под 1295 г. отмечено, что часть кыргызов, занимавших Горный Алтай, тоже переместили в провинции Шаньдун. Земли Прииртышья и Алтая, которые прочно удерживал Хайду, позже стали северо-восточными пределами Моголистана. Проследить этническую историю моголистанских кыргызов чрезвычайно трудно, так как в XIV–XV вв. мусульманские авторы зачастую обозначали их общими терминами «чагатаи», «джете» или «моголы», а лучший знаток истории народов Моголистана, могол по происхождению Мухаммед Хайдар, прямо писал: «Кыргызы тоже из могольских племен». Однако он же отметил: они держались обособленно от остальных могольских племен, потому что еще не приняли ислам, «как прежде, оставались во власти неверия». Кыргызы жили в удаленных от культурных мусульманских центров высокогорных лесных районах страны, тогда как значительная часть моголов жила в городах Восточного Туркестана.

Во второй половине XV в. Моголистан пришел в упадок из-за постоянных усобиц и опустошительных набегов соседей. На землях Семиречья и Тянь-Шаня значительно сократилось население. Воспользовавшись этим, кыргызы стали постепенно занимать их, а к 1510 г., как писал Мухаммед Хайдар, «никто из моголов не мог оставаться в Моголистане из-за кыргызов».

Приблизительное время переселения кыргызов на Тянь-Шань может быть установлено только на основании сообщения китайского источника. «Си-юй чжи» («Описание Западных земель»), составление которого завершилось в 70-х годах XVIII в. «Поскольку народ из-за тесноты не мог разместиться – сообщают цинские чиновники, воспроизводя рассказы кыргызских старейшин, – подняли воинов на завоевание окраин. Они все простолюдины, не выдержали отпора и пришли в смятение от трудностей и опасностей и разбежались в разные стороны. Сейчас уже прошло более 330 лет с тех пор,

как они бежали от беспорядков и в горах (Тянь-Шаня) нашли приют». Как видно из текста цитированного источника, хронологические рамки этих событий, связанных с перемещением кыргызов из отдельных лесных районов Моголистана в Притяньшанье, относятся примерно к середине XV в.

По сведениям известного знатока кыргызской генеалогии, автора рукописи «Кыргыз тарыхы» («История кыргызов») Белека Солтоноева, примерно к середине XV в. относится также рождение легендарного родоначальника кыргызских племен «онг канат» – «правого крыла» Тагай-бия. Со ссылкой на недошедшее до нас сочинение «Джаваб-намэ» (1825–1830 гг.), Белек Солтоноев пишет, что Тагай-бий родился около 1160–1470 гг. в местности Сары-Бел, недалеко от города Ош.

Таким образом, зафиксированные в независимых друг от друга источниках «Си-юй чжи» и «Джаваб-намэ» генеалогические предания самих кыргызов однозначно указывают на вторую половину XV в. как важнейший этап в истории кыргызского народа, связанной с территорией Тянь-Шаня.

Сама по себе эта крупная политическая акция, предопределившая необходимость освоения и подчинения новых земель, расселения на этих землях и коллективной защиты вновь обретенной территории, с одной стороны, способствовала более яркому проявлению ощущения этнического единства, с другой – требовала создания действенной этнополитической ситуации среди кыргызских племен Тянь-Шаня во второй половине XV в. В «Си-юй чжи» сообщается: «Когда они (кыргызы) впервые проникли в горы (Тянь-Шаня), не позволяли соединенным отрядам распыляться, а в соответствии с обстановкой пользовались пастбищами в горных долинах, куда проникли первоначально. Специально выделили места кочевий и по местам кочевий и названиям гор именовали каждое племя».

Решающим моментом в процессе формирования кыргызского народа явилось возрождение унаследованной от древних тюрков дуальной этнополитической организации – «онг канат» («правое крыло») и «сол канат» («левое крыло»), с возникновением которой мы можем говорить о восхождении этнической истории собственно кыргызских родоплеменных объединений и местных древнетюркских и могольских племен к новой фазе – фазе сложения кыргызской народности.

О времени создания подобной дуальной системы у кыргызов сообщается в упомянутом китайском сочинении: «Постепенно население увеличилось; всем охоты не хватало и по этой причине среди них поднялась борьба за землю. От разладов никто пользы не добился. 220 лет тому назад они сообща вели мирные переговоры и разделили население на равные части. Выделили два подразделения, выбрали из богатых двух предводителей, каждому указали владения: земли, реки, горы. Разделились на две ветви – северную и южную. Южная называлась – отуз-огул, северная – кыргыз. Именование ветви является названием изначально главного племени. Каждая делилась внутри на ветви ».

Хронологические указания о создании такой дуальной системы у кыргызов, полученные маньчжурскими чиновниками Восточного Туркестана после опроса кыргызских старейшин и знатоков генеалогии, могут быть отнесены к началу XVI в. Они свидетельствуют о начале важнейшего этапа этнической и социально-политической истории кыргызских племенных объединений, организованных теперь не только по принципу кровнородственных связей, но и в рамках более жесткой структуры территориально-политической организации.

Другое предание о происхождении кыргызов и возникновении у них дуальной организации зафиксировано в анонимном сочинении под названием «Шаджа-Рат ал-атрак», представляющем собой переработку недошедшей до нас рукописи «Тарих-и арба-и улус», обычно приписываемой Улугбеку.

При изложении легендарной истории тюрко-монгольских племен автор «Шаджарат ал-атрак» рассказывает следующее предание. Через тысячу лет после смерти Огуз-хана, во время правления Ильхана ибн Тенгиз-хана, Шах Афридун-Тур ибн Фаридун с многочисленным войском отправился в Мавераннахр и Туркестан. Тогда Суюнч-хан,

который был восьмым правителем татар, воспользовавшись удачным моментом для отмищения потомкам Огуз-хана, соединился с Туром ибн Фаридуном и они вместе напали на Ильхана. В жестоком сражении моголы были разгромлены и полностью уничтожены. Живыми остались только сын Ильхана Кыян и его племянник Нокуз, а также две женщины, которые скрывались в горах Эркене-Кун. Позже от их потомства произошли монголы (Кыят и Дарлекиен). «По другим рассказам, – продолжает анонимный автор, – во время поражения из народа моголов сорок девушек бежали в одном направлении и тридцать юношей бежали в другом направлении. От потомков тех сорока девушек произошли кыргызы, а от потомков тридцати юношей отуз огулы произошли». Хотя легенда о поражении моголов во главе с Иль-ханом от войска Шаха Афридун-Тура и татарского правителя Суюнч-хана с разной степенью полноты приводится почти во всех трудах мусульманских авторов по всеобщей истории, но упомянутую легенду о происхождении кыргызов и деление их на две ветви – кыргыз и отуз-огул – мы находим только в «Шаджарат ал-атрак».

Очевидно, это связано с тем, что время написания «Шаджарат ал-атрак» хронологически совпадает с эпохой завершения формирования кыргызской народности на Тянь-Шане во второй половине XV – начале XVI в., в рамках дуальной этнополитической структуры «онг» – «правое крыло» и «сол» – «левое крыло».

Таким образом, если китайский источник фиксирует реальное деление родоплеменной структуры кыргызов на «кыргыз» («правое крыло») и «отуз-огул» («левое крыло»), то анонимный автор «Шаджарат ал-атрак» пытается объяснить, каким образом и когда произошло подобное деление. Очевидно, при этом была принята за основу народная этимология этнонима «кыргыз» – «сорок девушек», которая была весьма распространена среди как кыргызского народа, так и других, соседних народов Средней и Центральной Азии.

В «Маджму ат-таварих» Сайф ад-дина Ахсикенди возникновение «онг» – «правого крыла» и «сол» – «левого крыла» связывается с борьбой кыргызов Андижана против каракитаев в XII в., а само создание этой дуальной организации приписывается прибывшему из Багдада Иمامу Ибрахиму. «Имам пошел и овладел Минг-Джубой, сделал (эту область) мусульманской, отдал Минг-Джубу Лур-хану, а Андуган Лур-бузургу; правому крылу дал название онг, левому – сол. Создание у кыргызов правого и левого крыла было делом Имама Иорахима Султан Заранджиша. (Это) было в 521 (1127) г., когда Имам Ибрахим Султан Малик Заранджиш завоевал Касан».

Хронологические указания Сайф ад-дина Ахсикенди относительно времени возникновения этой организации в свете рассмотренных выше сведений более достоверного источника «Си-юй чжи» представляются весьма преувеличенными. Очевидно, автор «Маджму ат-таварих» специально приписывает это чрезвычайно важное в жизни кыргызского общества событие одному из генеалогических предков суфийских шейхов Касана Иمامу Ибрахиму Заранджишу с целью упрочения позиции суфийских шейхов Ферганы среди кыргызских племен.

К тому же, дуальная структура, столь характерная форма социально-политической и этнической организации кочевых народов Средней и Центральной Азии, ничего общего с исламской религией не имеет и возникла намного раньше, чем Арабский халифат.

Возникнув в глубокой древности из нужд военного построения, эта система вскоре превратилась в постоянный военно-административный принцип этнополитической организации формировавшихся народностей кочевников Центральной Азии. Впервые проявившись в законченной форме на первых же этапах образования империи гуннов в III–II вв. до н. э., дуальная этническая структура наиболее полное развитие получила в тюркских и уйгурских каганатах. Особенно ярко все элементы этой структуры проявились в Западно-Тюркском и Тюркешском каганатах, а легендарные сказания огузов приписывают создание дуальной системы прародителю западнотюркских племен Огуз-хану, разделившему громадный огузский эль на учуков и бузуков.

Так или иначе, дуальная этнополитическая организация (структура военно-административной организации) имела прочные корни в социально-политической и этнической истории тюркоязычных племен Центральной Азии и проявлялась в большинстве случаев вместе с созданием новой государственной общности, с появлением новой господствующей этнополитической группировки.

Почти одновременное появление в сочинениях среднеазиатских авторов XVI в. – «Шаджарат ал-ат-рак» к «Маджму ат-таварих» – легендарных преданий о возникновении у кыргызов реально существующей в это время дуальной организации (кыргыз и отуг-огул или «онг» и «сол») и следует рассматривать как попытку в доступной форме объяснить жителям западных областей Средней Азии происхождение сравнительно новой этнополитической общности – кыргызского народа, самостоятельное существование которого в северо-восточных районах Средней Азии в конце XV– начале XVI в. стало реальным фактом.

Разумеется, процесс разделения кыргызских родоплеменных объединений на два «крыла» начался в результате действия определенных экономических, политических, этнических, демографических и географических факторов. В плане этническом создание дуальной организации диктовалось необходимостью консолидации всего населения Кыргызстана под властью кыргызских племен. На существование определенного демографического фактора намекает сообщение китайского источника о том, что «постепенно население увеличилось, всем охоты не хватало, и по этой причине среди них поднялась борьба за землю». Несомненно, этот фактор создавал определенную напряженность внутри еще аморфного общества и также требовал создания соответствующей организации, способной своевременно уладить возникающие внутренние конфликты.

С другой стороны, политическая самостоятельность Кыргызстана, определившаяся после падения государства Моголистан в начале XVI в., способствовала дальнейшему развитию внутренних хозяйственно-экономических и этнических связей. Вместе с тем связи между северными и южными районами, разделенными мощными отрогами Тянь-Шаня, развивались гораздо медленнее, чем внутри этих двух областей. В то же время родоплеменные объединения, входившие в «правое крыло», в большей степени тяготели к городам Восточного Туркестана, тогда как племена «левого крыла» экономически были тесно связаны с оседлыми районами Ферганской долины.

На разделение кыргызских племен на «онг» – «правое крыло» и «сол» – «левое крыло» исходя из географического фактора указывают и сообщения Белека Солтоноева. Северные и южные кыргызы разделились на две ветви (во времена Тагай-бия). Границей между ними стали горы Ала-Тоо (Тянь-Шань). Тем племенам, которые проживали на правой стороне (северные склоны Ала-Тоо), дали название «онг», а племенам, проживавшим на левой стороне (южные склоны Ала-Тоо), дали название «сол», – утверждает автор «Истории киргизов» со ссылкой на исторические предания кыргызского народа.

Однако, как показывают сведения «Си-юй чжи», существование дуальной этнополитической организации отнюдь не мешало переходу представителей «правого крыла» к «левому крылу», и наоборот. «На этой линии в северных горах есть южные ветви, – фиксирует источник, – в южных горах есть северные ветви. Причина в том, что после того, как они с самого начала разделились на ветви, не прекращали грабить уйгурских купцов и (виновники) скрывались от расплаты, а управляющие (племенами) старейшины расследовали и брали (их) под арест. Своеволие к перемене места со временем стало привычкой и (откочевавшие роды) не возвращались на первоначальные места. Ныне живут смешанно...»

Таким образом, хотя эти два территориально-политических объединения первоначально соответствовали традиционному делению кыргызских племен на «правое»

и «левое» крыло, но уже в середине XVIII в. их родоплеменной состав был довольно пестрым и мало соответствовал генеалогическим канонам.

«Правое крыло» (или северная ветвь – кыргызы) занимало в основном территорию Северного Кыргызстана и включало в себя следующие родоплеменные объединения: саяк, сары, багыш, кытай, кушчу, саруу, монолдор, солто, ават, мундуз, басыз, черик. В «левое крыло» (или южная ветвь – отуз-огул) входили родоплеменные объединения, проживавшие в пределах Южного Кыргызстана. К их числу относились кыпчак, каратегин, багыш, адигине, берю, найман, жору, теелес.

Значительное изменение претерпел этнический состав кыргызов в процессе взаимодействия с местными племенами Тянь-Шаня. Несомненно, в связи с нашествием монголов и установлением их господства погибли многие достижения культуры и экономики древне-тюркских племен Притяньшанья – потомков того тюркоязычного населения, впитавшего в себя еще более древние традиции ираноязычных племен, расцвет исторической жизни которого приходился на Караханидскую эпоху. Значительная часть местного населения была уничтожена или угнана в рабство. Но все же уцелела определенная часть коренного тюркоязычного населения, сохранившая прежние хозяйственные навыки и быт. Упоминаются в источниках и тюркские скотоводческие племена, не покидавшие родных кочевий. Однако в монгольскую эпоху все они стали именоваться общим этнонимом «моголы».

К числу таких тюркоязычных племен, которые, приспособившись к новым политическим условиям, постепенно стали называть себя моголами, Рашид ад-дин относит уйгур, кыпчаков, туркмен, халаджей и карлуков, хотя в той же ситуации другие группы перечисленных этнических объединений сумели сохранить свои прежние самоназвания. Так, на Восточном Тянь-Шане в XV в. вновь появились племена чигиль-моголов, что свидетельствует о сохранении какой-то части одного из самых крупных союзов тюркских племен карлукской и караханидской эпохи. Имя одного влиятельного кыргызского вельможи Чигиль-бия, зафиксированное в сочинении «Тарих-и Кашгар» а связи с событиями в Восточном Туркестане в XVII в., свидетельствует об определенных генеалогических связях чигиль-моголов с кыргызскими племенами.

Некоторые древние племена в условиях господства монголов стали называться именами знатных людей из их среды, занявших видное место в могольской политической иерархии. Так, по сведениям Мухаммеда Хайдара, какие-то группы племени канглы стали называться «бекчик» по имени правителя Бекчика, жившего в первой половине XV в. Однако после распада государства Моголистан и перемещения на Тянь-Шань с Алтая и из Прииртышья кыргызских племен бекчики вновь возродились как канглы и вошли в состав кыргызского и казахского народов соответственно под названиями кангды и канглы.

Освободившись от политического господства моголов, древнее население Семиречья и Тянь-Шаня в сравнительно короткий исторический срок включилось в дуальную этнополитическую структуру, созданную кыргызами, восприняло общее этническое наименование и в свою очередь внесло в первоначальный родоплеменной состав «правого» и «левого» крыла немалые изменения. Вплоть до недавнего прошлого среди кыргызских племен и родов упоминались и те, что в своих наименованиях сохраняли этническую номенклатуру тюркского населения Притяньшанья домонгольского времени. К их числу следует отнести следующие племена и родовые подразделения кыргызов: бичине (печенег), жедигер (игдер), ават (ива), оргу (аргу), сокулук (сугдак-согдиец), тердеш (тардуш), бостон (ср. карлукский этноним «бистан»), мачак (ср. карлукское родовое название «мажак»), килет (ср. карлукский этноним «гилат»), жабагы (ябагу – карлук), кангды, азык (азы – ветвь тюргешей), кытай, черик (чарук) и др.

В дуальную этнополитическую структуру кыргызов влилась и значительная часть могольских племен. В период окончательного распада государства Моголистан те могольские племена, которые больше тяготели к оседло-земледельческой культуре

Восточного Туркестана и признавали власть чагатаидских ханов, еще долго сохраняли название могол и заняли господствующее положение в так называемом Могольском государстве в Восточном Туркестане. Другие могольские родоплеменные объединения, которые вели преимущественно скотоводческое хозяйство, испытывали антипатии к оседлому образу жизни, отчасти вошли в состав кочевых узбеков и казахов, а отчасти влились в этнополитическую структуру кыргызской народности. Сопоставление генеалогических преданий моголов и кыргызов, зафиксированных в «Маджму ат-таварих», показывает значительное сходство генеалогий Ак-Огула, легендарного предка кыргызских племен «правого крыла», с могольскими генеалогическими преданиями. Это свидетельствует о том, что первоначально могольские племена влились в основном в «правое крыло».

Именно эти глубокие генеалогические связи кыргызских и могольских племен в значительной мере способствовали ускорению интеграции могольских племен в рамках дуальной этнополитической организации кыргызского общества. Исследователи включают в число явно могольских и общие с могольскими компоненты в составе кыргызов: баарын, барак, дулат, кайдуулат, керейит, кушчу, монгол, монголдор, баргы, нойгут, меркит, булгачы, узунджете, туменджете и др.

Этническое смешение местных древнетюркских и могольских племен с кыргызами произошло в сравнительно короткий исторический срок, ибо в условиях подвижного полукочевого хозяйства быстро развивались экономические и культурные связи между отдельными районами Кыргызстана. Вскоре этноним «кыргыз» стал общим для всех племен Кыргызстана. Во второй половине XV – начале XVI в. сформировалась кыргызская народность со своей территорией, языком, известной экономической и культурной общностью, чему способствовал ряд факторов.

По заключению известного советского специалиста в области теории этноса академика Ю. В. Бромлея, «в объективной реальности этнос не существует вне социальных институтов, выступивших в роли его структурообразующей формы. Притом эту роль могут выполнять самые различные социальные общности: от семьи до государства». Наличие собственной структуры организованной власти в качестве необходимого и обязательного признака этнической общности как общественного явления рассматривает и большинство других исследователей этнографической науки.

В этой связи трудно переоценить роль рассмотренной выше дуальной этнополитической организации «онг канат» – «правое крыло» и «сол канат» – «левое крыло» кыргызских племен, которая, будучи специфической формой государственно-политической структуры кыргызского общества, служила ядром, вокруг которого происходила этническая консолидация. В процессе интеграции местных древнетюркских и могольских племен в рамках дуальной этнополитической структуры постепенно созревало этническое самосознание последних, что нашло отражение в новых вариантах племенных и общекыргызских генеалогических преданий («Маджму ат-таварих») и в двойных наименованиях ряда родоплеменных объединений (кыргыз-кыпчак, кыргыз-кытай, отуз-уул-кушчу и др.).

Определенную роль в консолидации пришлых и местных компонентов в единую народность сыграла религия ислам, распространение которой всячески поддерживалось правящей верхушкой кыргызского общества для обоснования и укрепления своей власти над всеми племенами Притяньшанья.

Как показывают достаточно подробные сведения агиографических сочинений, составленных в Восточном Туркестане и Фергане в XVI–XVIII вв., таких как «Зийа ал-кулуб», «Джалис ал-муштакин», «Рафик ат-талибин», «Тазкира-ий ходжаган», «Актаб-и Тоглук-Тимур-хан» и др., исламизация пришлых кыргызских племен завершилась не позднее первой половины XVII в, под влиянием новой конфессионально-культурной среды Восточного Туркестана и Средней Азии, благодаря активной миссионерской деятельности суфийских шейхов, подвизавшихся в этом регионе.

В историографии Кыргызстана до сих пор господствует мнение о том, что у подавляющего большинства кыргызского населения не было религиозной приверженности исламу и она насаждалась исключительно в интересах правящего класса. Безусловно, кыргызские феодалы использовали ислам, с одной стороны, для укрепления своей власти над всеми родоплеменными объединениями Кыргызстана, а с другой – для упрочения своего статуса среди других среднеазиатских и восточно-туркестанских государств. Но в то же время следует признать, что для самосохранения и дальнейшего развития как самостоятельный этнос в этнополитической структуре Среднеазиатско-восточнотуркестанского региона кыргызский народ должен был адаптироваться в культурной среде народов Средней Азии, Казахстана и Восточного Туркестана. А основой всех сторон духовной и материальной культуры народов этого региона являлась идеология ислама. К тому же местные древнетюркские и могольские племена Тянь-Шаня также давно исповедовали ислам.

Поэтому большие изменения, происшедшие в этот период, вызвали существенные сдвиги в идеологии пришлых кыргызских племен. Древний шаманизм, возникший еще в недрах родового строя, уже не мог в новых условиях удовлетворять нужды не только класса феодалов, но и всего кыргызского общества. Завершение исламизации кыргызских племен в XVI– начале XVII в. имело большое значение в тот период. Учение исламской религии, одним из основных принципов которого является вера в единого верховного Бога – Аллаха, способствовало преодолению политеизма и консолидации всех кыргызских племен, возрождению письменности на основе арабской графики и распространению грамотности среди населения, сближению Кыргызстана с другими мусульманскими странами, а также обогащало его культуру. Следовательно, распространение религии ислама в XVI – начале XVII в. носило прогрессивный характер. Однако идеология ислама постепенно, как и в других мусульманских странах, превращалась в идеологию феодального строя, укрепляла власть феодалов, способствуя усилению феодальной эксплуатации.

Именно при активном участии суфийских шейхов кыргызскими феодалами были составлены новые редакции шеджере – генеалогий кыргызских племен и общекыргызских генеалогических преданий, которые отражали сущность новой идеологии, порожденной образованием на Тянь-Шане дуальной этнополитической организации кыргызского общества и распространением среди кыргызских племен религии ислама.

Однако при всем разнообразии генеалогических обоснований мнимого родства всех племен и родоплеменных объединений Тянь-Шаня, включенных в дуальную этнополитическую структуру кыргызов в условиях отсутствия строго централизованного государственного управления, а также постоянных культурных и религиозных центров, главным консолидирующим кыргызов Тянь-Шаня фактором в области идеологии становится эпос «Манас». Неслучайно, что именно здесь, на Тянь-Шане, в XVI – первой половине XVIII в. происходило окончательное сложение этого выдающегося произведения эпической традиции кыргызского народа на наддиалектном общекыргызском языке, где нашли отражение и генеалогия, и обычное право – «торе», и история народа, не столько реальная, сколько воображаемая, какую хотели бы иметь сами кыргызы. Эпос «Манас» воплотит в себе прогрессивную для своего времени идею объединения племен перед лицом внешней опасности, а в образе Манаса кыргызские сказители создали фигуру того идеального вождя, который мог бы встать во главе всех кыргызов, сплотить их в силу, способную противостоять любому врагу. Это уникальное явление, когда наряду с религией и другими формами идеологии основным консолидирующим, фактором становится эпическое сказание, представляет собой главную особенность развития собственной культуры кыргызов на Тянь-Шане.

Как показывают свидетельства письменных источников, в процессе освоения территории Притяньшанья, у кыргызов сложилось комплексное хозяйство нового типа, в котором, наряду со скотоводством, заметную роль играло поливное земледелие.

Сформировалось полуседлое хозяйство со скотоводством альпийского типа (вертикальные перекочевки в горных районах Тянь-Шаня), что позволяет говорить о завершении формирования социально-экономической структуры кыргызского общества.

В результате воздействия всех этих факторов в политической, социально-экономической, религиозной, идеологической и культурной областях кыргызское общество уже к концу XVI в. настолько сплотилось, что последующие трагические события в жизни народа, вызванные постоянными притеснениями со стороны более могущественного Джунгарского ханства, не смогли остановить ход консолидационных этнических процессов, и кыргызы сумели отстоять свою независимость благодаря жизнеспособности этнополитической и социальной структуры.

В дальнейшем, в XVII в., в процессе длительных контактов с казахскими жузами некоторые казахские племена (катаган, алакчин и др.) также вошли в состав кыргызов. Последние значительные вкрапления иноэтнических элементов в кыргызский этнос относятся ко второй половине XVII – первой половине XVIII в., когда значительная часть кыргызских племен под натиском Джунгарского ханства временно откочевала в Ферганскую долину, на Каратегин, Бадахшан, Памир. Эти события привели к вхождению в состав кыргызской народности небольших групп узбеков, таджиков и калмыков Джунгарии.

В середине XVIII в. после разгрома Джунгарского ханства и возвращения северо-кыргызских родоплеменных объединений на свою исконную территорию практически прекратились крупные миграции кыргызских племен. К этому времени окончательно сформировалась этнополитическая организация кыргызской народности, ее этническое самосознание, определился устойчивый хозяйственно-культурный тип, сложилось фольклорное выражение историко-культурного единства кыргызских племен и утвердилась новая религиозная идеология.

Таким образом, наши знания о происхождении кыргызской народности на сегодняшнем этапе развития науки сводятся к следующему.

Истоки формирования кыргызского этноса уходят своими корнями более чем в двухтысячелетнюю древность и связаны с территорией Центральной Азии,

В первой половине I тысячелетия н. э. на Енисее (Минусинская котловина) в результате смешения местных (динлины) и пришлых (кыргызы) племен формируется новая этническая общность – енисейские кыргызы.

В эпоху «великодержавна» (IX–X вв.) енисейские кыргызы расселялись на территории, простиравшейся от Байкала до Иртыша с востока на запад, от Ангары до Восточного Туркестана с севера на юг. В результате смешения местного населения и кыргызов образовался ряд (по археологическим данным шесть) новых субэтносов. Значение термина «кыргыз» изменилось: он становится не только этнонимом, но и этнополитонимом, т. е. кыргызами стали называть себя и не кыргызские по происхождению племена, находившиеся в политической зависимости от енисейских кыргызов.

Один из таких кыргызских субэтносов в IX–X вв. образовался на Алтае и в Джунгарии. Здесь енисейские кыргызы в результате длительных взаимосвязей с численно преобладающими местными народами, входившими в кимако-кипчакское объединение, приобрели новое этническое лицо (включая язык), но сохранили этноним «кыргыз».

В XV в. алтайские кыргызы, входившие в государство Моголистан, заняли земли Тянь-Шаня и Притяньшанья. Они ассимилировали местные тюрко-могольские племена и стали основным ядром нового этнического образования – кыргызской народности на Тянь-Шане. Заключительным этапом формирования кыргызской народности явилось образование в начале XVI в. дуальной этнополитической организации правого и левого крыла с примкнувшей к ним группой ичкилик.

Такова современная научная трактовка сложившейся проблемы, но и она, скажем, еще далеко не окончательная. Много в ней белых пятен. Поэтому долгосрочная

программа исторических исследований предполагает комплекс работ по дальнейшей разработке проблемы происхождения кыргызского народа. Намечается провести экспедиции не только в Кыргызстане, но и на Алтае, Енисее, а также в Синьцзян-Уйгурском автономном округе Китайской Народной Республики (на территории Восточного Туркестана) и Монгольской Народной Республике с участием археологов, антропологов, этнографов, фольклористов и лингвистов. Предстоят работы по выявлению новых письменных источников, связанных с древней и средневековой историей кыргызов.

ПОСОЛЬСТВО ЗЕМАРХА
Исторические картинки из жизни Западнотюркского
каганата (568 год н. э.)

ШПИОН ИМПЕРАТОРА

В начале четвертого года царствования императора Юстина II (567 г.) в Византию прибыло посольство с далекого Востока, от правителя могущественного тюркского каганата. Состояло оно из согдийских купцов, а предводительствовал им знатный и богатый согдиец Маниах. Цель посольства заключалась в том, чтобы договориться о взаимовыгодной торговле и также о совместной борьбе против общего врага – персидского царя Хосрова, который этой торговле мешал.

Император Юстин отправил к повелителю степной империи ответное посольство во главе с Земархом. Вместе с ним возвращался и Маниах.

Посольство выступило из Константинополя в августе. Прямая дорога через Иран, Хорасан и Согд была наглухо перекрыта враждебными персидскими войсками. Поэтому путь послов был долог и труден. Он пролегал по землям множества племен, через седые ковыли Северного Причерноморья, низовья великой Волги, необъятные просторы Казахстана. Дорога отняла много сил и времени. Наконец, в начале лета следующего года посольский караван прибыл в Чуйскую долину. Заночевали в большом доме богатого согдийца, которого окружающие величали «дихкан». Дом больше походил на крепость: он был трехэтажным, со множеством узких комнат, полу жилых коридоров, толстые его стены выполнены из сырцового кирпича. После изнуряющей жары здесь было удивительно прохладно. И все же византиец, лежа на мягком ложе, всю ночь ворочался: донимали кошмары.

Рано поднявшись, он спустился по лесенке со второго этажа во двор. Утро было на диво хорошее. Воздух пропитан ароматами.

Земарх потянулся и широко зевнул. Это был крепкий высокий мужчина в расцвете сил. Несмотря на бессонную ночь, имел вид человека, которому все удастся в этом мире. А разве не так? Он занимал далеко не последнюю ступень в иерархии византийских придворных чинов, был стратигом (военачальником) восточных городов, принадлежал к высшему сословию государства – сенаторам, владел обширными поместьями на своей родине в Киликии, удачно женился, враз обретя жену-красавицу, богатое приданое и влиятельного тестя. Одно было плохо – жена оказалась ревнивой и обладала властным характером. Но ведь и Земарху не занимать силы воли, энергии и предприимчивости. При дворе он умел подать ценный, ко времени, совет, а когда нужно, то и спрятаться в тень. Будучи ответственным за содержание и безопасность послов Тюркского каганата в столице мира, он за короткий срок научился сносно говорить по-согдийски, чем удивил не только завистливых соотечественников, но и самого посла, седобородого и дородного согдийца Маниаха.

Нет, недаром Юстин II назначил его главой ответного посольства к могущественному владыке Сильзивулу. Далеко же занесла его судьба! Никогда еще нога ромея не ступала на столь отдаленные земли. Сам Александр Великий не добрался сюда.

Крепость-усадьба согдийца вольготно раскинулась на берегу маленькой речки с удивительно холодной водой. Всюду били хрустальные ключи. Двор и хозяйственные постройки стояли на искусственном возвышении; все это было окружено высокой стеной с узкими щелями – бойницами. По верху стену украшали фигурные зубцы парапета, откуда можно было отбивать атаки нападающих. В стоячей воде широкого рва с подъемным мостом отражались привратные башни. Во дворе росли старые тутовые деревья, дававшие густую тень. За стеной они сливались в густую рощу. Кроме них

византиец заметил столетние абрикосовые стволы с темной лопнувшей корой, на которых зрели крупные сочные плоды.

Сзади послышалось вежливое покашливание. Земарх обернулся. К нему шел сам хозяин. Он был седобород и, как все богачи, толст, осанист. На нем новый халат желтого шелка, затканного большими кругами с диковинными птицами в середине, на ногах – щегольские сапожки из зеленого сафьяна. У хозяина и сегодня продолжается торжество: отдает замуж младшую дочь. И гостя приглашают к столу, Земарх в знак согласия наклонил голову.

Император, отправляя посольство, повелел собирать всевозможные сведения о тех далеких странах: о быте, обычаях, нравах, чтобы знать, с кем имеешь дело. Особое внимание следовало обратить на вооружение и организацию войска, на государственную структуру. И еще – на религию, которую исповедуют варвары.

В свите посла для этого было три ученых-нотария.

Вопросами религии занимался отец Варсонофий, из монахов. Это был сухонький старичок с реденькой козлиной бородкой, проворный, как мышь. Маленькие глазки его с красными веками без ресниц шмыгали во все стороны, однако видели хорошо. Иногда в них загорался недобрый огонек непримиримого фанатика. Варсонофия отрядил сам константинопольский патриарх, из чего Земарх сделал вывод, что монах – патриаршее око при посольстве.

Сенатор поморщился. Ох, уж эти соглядатаи! Вся жизнь любого подданного империи, от жалкого поденщика и до сенатора, опутана сетью шпионажа и доносов. Шагу нельзя ступить, чтобы об этом тотчас не стало известно. Вот и второй нотариус, евнух Исидор Мела, наверняка шпион самого императора: ведь его включил в состав свиты префект претории, главный шпион империи, Земарх с неприязнью представил жирного писца с женоподобным одутловатым лицом. Говорят, знаменитая вавилонская царица Семирамида придумала делать нежных отроков евнухами. Ну, если этот и был когда-то нежным отроком, то это время давным-давно миновало.

Лоснящаяся кожа с дряблыми отвисшими щеками, тройной подбородок, вечно жирные губы. Чревоугодник. Земарх как-то проверил его записи. Оказалось, толстяк Исидор интересовался в основном гастрономической стороной жизни народов. Его писания наполнены отчетами о том, что пьют-едят гунны, эфталиты, иранцы, тюрки. По дошедшим слухам (а у Земарха в собственном посольстве тоже были свои шпионы), Исидор Мела лелеял заветную мечту написать поваренную книгу, где собраны были бы рецепты блюд всех народов мира, и тем самым прославиться в веках.

Слава богу, хоть третий писец – человек надежный. Молодой, почти юноша, но весьма прилежный, с удивительно четким и красивым почерком. Зовут его, кажется, Сальвием. Или нет, Амосом... Уж этот-то не может быть чьим-нибудь шпионом, поскольку посол взял его с собой по просьбе собственной жены. Какой-то ее дальний бедный родственник, мечтающий сделать карьеру. Его записи стратиг тоже читал. В отличие от стариков-нотариев, юный Амос живо интересовался брачными отношениями у варваров и тщательно заносил все сведения по этому вопросу. Посол усмехнулся. Пусть себе пишет. Зато все три писца дадут полную картину варварских нравов, а это, пожалуй, понравится императору. Армией же и государственным устройством займется он сам.

«...Не может стать женой тата!»

Свадебный обряд шел своим чередом. Земарх, оказавшись почетным гостем, с любопытством наблюдал за обычаями чужого народа. Ради этого они задержались здесь на целых три дня. Глава согдийцев этих мест Маннах по просьбе хозяина дома остался сам и уговорил византийца сделать то же.

Позавчера была помолвка. Новая родня – со стороны жениха и невесты обменивались подарками. Чего тут только не было! И красиво окрашенные одежды из местного шелка, и слоеные пирожки, и сдобные хлебцы; жесткие (но очень вкусные) лепешки, которые пекут на стенках очагов во дворе; оленина, целебное мясо архара,

фазаны, рис, пестрые яйца перепелок и многое другое. Все это тщательно записал Исидор Мела. Причем дарящие все время желали молодым богатства и плодородия во всем: в земных плодах, в скоте, в благополучном завершении начинаний, в многочисленном потомстве. Затем невесту повели в баню вместе с красавицами подружками. Там, по словам Маниаха, их будут угощать хлебом, пловом, медом и прохладительными напитками. Около бани (она находилась на хозяйственной стороне двора) толпились дружки жениха и музыканты. Амос тоже был там. Все веселились. Все – кроме жениха. Ему в это время брили голову.

Весь день продолжались свадебные развлечения: скачки, бои петухов, собак, борьба мускулистых силачей – пехлеванов. Выступали также местные мимы, танцоры и певцы.

На другой день вечером невесту переодели, заплели ей косы, лицо прикрыли белой кисеей.

С наступлением темноты появились многочисленные друзья жениха с факелами. Только его самого нигде не было видно. Земарху сказали, что жених прячется в толпе и даже накрылся халатом, чтобы уберечься от порчи, сглаза и зависти всяческих злых духов, которые живут в болоте среди тростников. Все опять веселились, музыканты играли на инструментах, отдаленно похожих на лиру или псалтерий. Подавали всевозможные мясные блюда, приправленные какими-то душистыми травами, среди них традиционное свадебное – похлебку из риса с мясом, заправленную кислым молоком (Исидор записал!). Жениха, наконец, обнаружили, переодели в новый костюм (подарок тестя) и осыпали просом – для безусловного обеспечения плодovitости.

И в заключение молодоженам вручили пиалу с медом диких пчел. Новобрачный, по обычаю, обмакнул туда палец и помазал губы себе и молодой жене. Пусть жизнь их и взаимное расположение будут всегда такими же сладкими!

– А когда родится сын, – шепнул Маниах, – отец этим медом намажет ему ладошки.

– Зачем же?

– Мы, посол, люди торговые. Верткие денежки должны сами липнуть к нашим рукам.

Византийцы дивились чужим обычаям. Юный Амос попевал везде, широко раскрыв глаза и рот. Не отставал от него и толстяк Исидор: он тщательно дегустировал все блюда и неизменно спрашивал, как они приготовлены. Только старец Варсонофий был недоволен. Он нашепывал Земарху.

– Все они язычники, как персы... Ад, ад им уготован.

– Но я видел несколько человек с крестиками на шее, – заметил тот.

Варсонофий взмахнул сухонькими ручками, словно отрешиваясь:

– Приверженцы ересиарха Нестория!.. Вон куда забрались от длани карающей! Эти христиане хуже язычников. Каких лжеучений здесь только нет! Поверишь ли, стратиг, – Варсонофий изогнулся всем телом, словно увидел сатану, – я встретил здесь даже манихеев!.. И живут открыто. А ведь еще при блаженной памяти Юстиниане все они были осуждены на очистительный огонь костра!.. Пади ниц перед каганом и предай всех их немедленной казни!

– Здесь чужая страна и другие законы, – миролюбиво ответил Земарх. – И цели у нас совсем другие.

– Но помни всегда, стратиг, об интересах святой церкви! И помни, что за все наши деяния мы ответим здесь, на земле, перед Матерью-Церковью, своей совестью и перед мирской властью, а на небе – перед судом божьим!

– Я всегда готов ответить за свои дела! – резко и надменно ответил Земарх (вельможная кровь взыграла). – Помни и ты, отец Варсонофий, смирение и борьба с гордыней – истинные добродетели слугителя Церкви. Кроме того, непослушание

начальствующим есть тягчайшее преступление против законов нашей империи. А теперь ступай и займись своими прямыми обязанностями.

Выслушав отповедь, Варсонофий злобно блеснул глазками, смиренно поклонился стратегу и засеменил прочь.

Наутро стали обряжать невесту для переезда в дом мужа (он уехал заранее). Земарх приказал членам посольства тоже собираться. Юный Амос, затаенно вздыхая, записал со слов Маниаха, что вечером, в сопровождении факельного шествия, невесту верхом на лошади отправят в дом мужа. Там ее трижды обведут вокруг очистительного костра и лишь затем она переступит порог своего нового жилища. Толстяк Исидор, побряхывая, записал, что и в доме жениха гости полакомятся на славу.

Внезапно в толпе раздались испуганные возгласы: «Тюрки! Тюрки!». Земарх увидел десятка три всадников, въезжающих в ворота. Первым ехал на чалой лошади с перевязанным хвостом настоящий богатырь в кольчуге, кожаных штанах и мягких сапогах с загнутыми носками. На голове –островерхий блестящий шлем с двумя крылышками по бокам, Земарх услышал, как один из согдийцев шепнул другому:

– Вот они, дэвы...

Между тем всадник придержал коня, окинул толпу надменным взглядом узких черных глаз и сказал по-согдийски:

– Я Тагма-тархан¹. Кто хозяин?

Дородный хозяин и Маниах подошли к стремяни и почтительно помогли Тагма-тархану спешиться. Слуги расстелили новые войлочные ковры и шелковые одеяла под тутовыми деревьями.

Всадники один за другим слезали с седел, снисходительно отдавали поводья скакунов подбегавшим хозяйским домочадцам. Потом уселись – ноги калачиком – и так же снисходительно стали принимать угощение, поглядывая на толпу из-под век. Подавали им в основном только мясо на больших глиняных блюдах, которыми славились согдийские ремесленники. В отдельных чашах-пиалах – крепкий мясной бульон.

Когда гости насытились, хозяин и посол Маниах стали задавать почтительные вопросы: здоров ли тархан, здорова ли его семья, благополучно ли плодится скот?

Тархан важно кивал головой и поглаживал черные, как смоль, усы, тонкими дугами свисавшие по обе стороны рта. Потом сказал:

– Я вижу здесь большой свадебный праздник. Но я не вижу невесты. Пусть она поднесет мне айрана. Обычай позволяет это молодой хозяйке.

Хозяин хлопнул в ладоши. Тотчас выступила вперед невеста и с поклоном подала тархану большую чашу с кислым молоком.

Тагма-тархан принял ее и сказал:

– Тюркские женщины никогда не прячут своего лица. Даже ваш обычай позволяет открывать лицо невесты перед знатным гостем. Или я недостаточно знатен для вас?

Старый шелкодел покорно склонил голову в знак согласия. Стоящая рядом женщина проворно подняла белую кисею, закрывавшую лицо невесты. Тархан взглянул. Черные брови его полезли на лоб, даже кончики усов как бы приподнялись. Он повернул изумленную физиономию к хозяину и сказал:

– Она не из племени татов. Она не твоя дочь!

– Она моя приемная дочь, – почтительно отвечал шелкодел. – Двадцать четыре луны тому назад я купил ее, совсем молоденькую и слабую, у храброго воина. А потом растил как родную дочь. Вон какая стала красавица!

Тархан задал девушке несколько вопросов по-тюркски. Но та молча опустила глаза, а потом и кисею.

Тогда он повернулся к хозяину и решительно сказал, как бы предвидя просьбы и мольбы:

¹ Тархан (тюрко-монг.) – феодальный титул.

– Она из племени воинов степей. Об этом говорят ее глаза. Она не может стать женой тата. Я заберу ее с собой. Таков закон.

Хозяин резко вскинул голову. С языка рвались дерзкие слова, что нет такого закона, что он знает многих тюрчанок, ставших добрыми женами согдийцев и матерями согдийских детей, но... развел руками и низко поклонился: мол, все в руках закона и тархана.

Успокоившись, Тагма-тархан сказал:

– Я вижу йялвача¹ Маниаха, Но я не вижу йялвача ромейского кайсара².

И тархан еще раз оглядел толпу. Земарх и его свита были в легких шелковых халатах, поднесенных гостеприимным хозяином (конечно, и хозяина пришлось богато одарить). Однако же тюрк сразу отличил наметанным глазом пришельцев от местных жителей – в этом можно было поклясться.

Встал посол Маннах и сделал представление по всей форме. Встал Земарх. Встал и тархан. Произошел изысканный обмен любезностями со всеми дипломатическими тонкостями, обильно сдобренный комплиментами в адрес обеих сторон.

Затем Тагма-тархан возвестил торжественно:

– Рожденный небом великий тюрк, Мудрейший и Блистательнейший Сын Неба, каган Народа Десяти Стрел, ждет посланника великого ромейского кагана в своем кочевье. Не будем же медлить!

Долгий путь к Алтын-Тагу

Они ехали по широкой долине, окаймленной с юга величественной стеной белоголовых гор. Как раз перед этим, словно по заказу, прошли обильные дожди, и растительность, несмотря на зной, имела цветущий вид. Правда, дикие травы – злаки уже отколосились и пожелтели. Но византийцам встречалось и много ухоженных полей с культурными злаками. На полях еще задолго до восхода солнца уже работали загорелые до черноты люди. Нотарий Исидор Мела записал:

«Все здешние земледельцы – из народа согдиатов. Простые зовутся «кедивары», знатные носят титул «дихкан». Земля здесь очень плодородна и производит все плоды земные, но требует орошения из рек и ручьев из-за малых дождей и жаркого солнца».

Там и сям виднелись глинобитные стены селений, отдельные замки-усадьбы. Попалось даже три-четыре городка с мощными глиняными цитаделями. Вокруг них ютились домики ремесленников, земледельцев и мелких торговцев.

Очень разговорчивым и занятым собеседником оказался этот знатный тюрк! Земарх сносно говорил по-согдийски, тюрк тоже неплохо владел этим языком, так что они отлично понимали друг друга.

– Нет под Солнцем и Луной народа, могущественней нас, – говорил тархан.

– Наш меч дотягивается до врагов во всех четырех странах света. Наша нога стоит на шее всех, населяющих эти пространства. Ковыряющие землю мотыгой таты платят нам дань. Поэтому есть пословица: «Нет тюрка без тата».

В другой раз тархан сказал:

– Известно, что земля имеет четыре угла. В одном углу живет народ, который ты назвал именем «серы» (китайцы), а мы называем «табгач». В другом – презренные персы, не держащие клятв. В третьем – владения вашего кагана. В четвертом – народы холодных стран. Мы же, тюрки, занимаем пуп земли.

Земарх вежливо улыбался и думал про себя: «Сколь хвастлив и самонадеян этот тюрк! Ведь все разумные люди знают, что земля – это диск, омываемый со всех сторон великой рекой Океан. И нет у нее никаких углов.

К тому же еще со времен Гомера известно, что центр земного диска находится в Элладе. Но разве объяснишь это столь невежественному номаду?»³.

¹ Иялвач (тюрко-монг.) – посол.

² Кайсар (тюрко-монг.) – правитель

³ Номад (греч.) – кочевник.

Они проезжали мимо согдийского кладбища. Там виднелось множество наземных склепов. Назывались они по-местному «дахма». Иногда на краю селений виднелись строения, похожие на храмы. Это и были храмы: зороастрийские, буддийские, несторианские или принадлежащие еще какой-нибудь религии, о которой не слышал сам отец Варсонофий и поэтому только плевался да осенял себя крестным знаменем. По-видимому, во владениях тюркского кагана царила полная веротерпимость.

Восточная часть долины была гораздо уже. Слева шумела бурная река с рыжей водой. Стали реже встречаться селения. Зато чаще попадались войлочные шатры-юрты, одинокие и группами. Византийский посол увидел табуны коней сказочной красоты, пасущихся на тучных пастбищах. Это были и в самом деле лучшие в мире скакуны. Здесь их называли солнечными или небесными. Тагма-тархан пояснил, что выпасы эти – заповедные, а кони отсюда идут к кагану для его дружины и высших чинов государства.

Всадники поднимались все выше и выше в горы. По ночам стало прохладнее. В кочевьях путников встречали сначала злобно рычавшие громадные собаки, а потом – гостеприимные хозяева, тотчас предлагавшие кислое молоко, напиток из кобыльего молока и мясо. Это уже были настоящие тюрки.

Византийцы никак не могли привыкнуть к тому, что мужчины-тюрки, словно женщины, носили косы. Их было разное количество, от четырех до семи, видимо, в зависимости от индивидуального вкуса владельца (а может, от чего другого). Но отдельные франты щеголяли набором из восьми-девяти косичек, подвивая их на концах.

Юный Амос завел дурную привычку кружить в опасной близости от того места, где располагалась на ночлег незадачливая новобрачная, отобранная Тагма-тарханом у гостеприимного согдийца.

Когда Земарх строго выговорил ему за это, Амос ответил:

– Светлейший патрикий... Это – не хозяйская дочь, которую решил увезти тархан. Это та самая девушка, которую я заметил в первый день приезда...

– Где заметил?

– В доме того дехкана. Она была среди служанок. Очень красивая и совсем не похожа на других согдианок...

– Что ты плетешь! – сказал Земарх сердито. – Эту девушку мы видели все три дня в убранстве невесты.

Амос отрицательно замотал головой и произнес:

– Когда приехал этот тюрк, в доме начался переполох... Невесту спрятали, а в ее одежды переодели вот! эту самую девушку. Я все видел сам. Случайно...

Стратиг задумался. Он верил и не верил юноше. Если все это правда, то подтверждается его догадка, что отношения между согдиатами-земледельцами и тюрками-кочевниками далеки от идеала. Покоренные и поработители. Изворотливость слабых и прямолинейная самоуверенность сильных. Что ж, сведения эти весьма важны. Не все так уж гладко в великом каганате! Еще раньше удивляло Земарха обилие кузнецов в открывшихся перед ним землях. И высоко в горах, и в знойных долинах – всюду его преследовал стук молотов о наковальню и запах каленого железа. Да, недостатка в мечях и стрелах у воинов кагана нет!

Теперь Земарх подозревал, что именно для создания у него такого впечатления и трудились кузнецы по приказу самого кагана на пути следования посольского каравана... Или действительно так богата металлом страна тюрков? Сомнения... думы... прозрения... опять сомнения... Горек хлеб дипломата!

А караван, миновав красивое и большое озеро, вступил в заоблачные высоты. По утрам не хотелось вылезать из-под теплых одеял. Воздух был леденисто-пронзителен. Было трудно дышать – в висках стучала кровь. На палатках – изморозь. Вода в кожаных ведрах покрывалась тонкой корочкой льда. Даже не верилось, что там, внизу, осталось жаркое лето.

Но всходило солнце, становилось теплее. И тогда из ущелий выползали клубы тумана, и караван продвигался, словно в фантастическом сне: исчезали и появлялись то головы верблюдов без торса, то конский круп с помахивающим хвостом... А потом все это опять пропадало за белой волнистой пеленой... Затем начался спуск опять к лету.

Далеко внизу открылась панорама прекрасной высокогорной долины. Густые травы, испещренные мириадами цветов, ласкали и радовали глаз. Воздух был несказанно прозрачен, чист и свеж. Земарх вдыхал полной грудью и думал, что такой воздух должен быть в христианском раю. По ту сторону долины громоздилась величавая гора, вершина ее искрилась снеговым шлемом, будто сам бог воинственных тюрок застыл в угрюмом раздумье. Казалось, отсюда до горы – рукой подать. Но Земарх уже знал, что в горах зрение обманчиво.

Спутники-тюрки показывали на эту гору пальцами и благоговейно твердили:

– Алтын-Таг! Алтын-Таг! – что на их языке означало: «Золотая гора».

Повсюду в долине виднелись пасущиеся табуны, на склонах – отары, похожие на россыпи белых камушков. А в самом центре, в волнах цветущего разнотравья, поднималось несколько огромных шатров – окружавшие их белые юрты казались совсем крошечными.

– Каган! Каган! – истоиво шептали проводники, и Земарх понял, что это и есть ставка самого могущественного повелителя кочевых народов.

Как заключались союзы...

На краю долины караван встретил сторожевой пикет. Среди воинов находилось несколько стариков-шаманов. Тагма-тархан пояснил, что эти люди имеют способность отгонять несчастья. И, согласно обычаю, всему посольству придется пройти через очистительный обряд.

«Эти безбожные язычники, – писал святой отец Варсонофий, – взяли все наши вещи, сложили их вместе, потом развели огонь сучьями дерева дивана, шептали на скифском языке нечестивые заклинания, и в то же время звонили в колокол и ударяли в тимпан над поклажею. Они внесли в круг ливановую ветвь, которая трещала от огня; между тем, приходя в глупое исступление и произнося угрозы, казалось, они изгоняли лукавых духов. Заблудшие! Они приписывают себе силу отгонять демонов и освобождать людей от зла. Господи! Дай мне терпение! Ведь эти несчастные даже не ведают того, что злых духов можно изгнать лишь святым крестом и благочестивой молитвой».

Шатры кагана вблизи оказались еще внушительнее.

Византийскому посольству отвели несколько шатров поменьше и десяток юрт для слуг.

На следующее утро явился богато одетый тюрк (на нем был халат желтого шелка, наборный пояс с золотыми бляхами – знак высокой должности – и красные сапоги). Человек этот звался «тамгачы», в его обязанности входило все, связанное с приемом и обслуживанием посольских миссий. Каган ждал

Перед шатром кагана стояла стража в длинных пластинчатых панцирях, в шлемах с бармицей и наушниками. В левой руке – небольшие круглые щиты. В правой – булава. На поясе – длинный лук и колчан со стрелами остриями вверх. На другом – меч и кинжал. Это были воины из личной дружины тюркского повелителя и назывались они бори (волки).

Тамгачы услужливо откинул дверную занавесь, и Земарх переступил порог. Войдя, он распростерся ниц (согласно византийскому этикету), затем поднялся и отвесил низкий поклон, приложив обе руки к сердцу (согласно тюркскому обычаю). Присутствующие с величайшим интересом наблюдали за действиями посла и одобрительно кивали.

Земарх, наконец, поднял голову. Прямо перед ним, у противоположной стены, лицом к двери и к солнечному восходу, сидел каган. Он сидел на золотом троне – маленькой одноместной повозке о двух колесах. Такую утащит и одна лошадь.

Повелитель тюрков был дородным крепким мужчиной лет шестидесяти. Смуглое лицо с черными бровями, седыми подковами тонких усов и длинной узкой бородой показалось бы приятным даже на взгляд византийца, если бы не жесткое выражение власти. От огненного взгляда черных пронзительных глаз холодок пробежал по спине бесстрашного стратига. Справа и слева от трона сидели на корточках придворные в парчовых халатах. Словно почетные столбики-балбалы около изваяния героя. Все они показали Земарху на одно лицо: смуглая кожа, висячие усы, длинные жгуты бород.

Справившись с минутным замешательством, посол начал давно приготовленную и десятки раз отрепетированную речь:

– Наш великий император, избрав меня вестником, шлет тебе, повелитель бесчисленных народов, привет и пожелание счастья, благоприятного и благосклонного, любви и дружелюбия в сердце к ромеям. Одерживай, доблестный, постоянно верх над своими врагами и собирай добычу со своих противников! Да удалится от нас всякая зависть, могущая расторгнуть узы дружбы! Мой император говорит: «Приязненны нам племена тюрков и все подвластные тюркам! И наше расположение к вам будет всегда неизменным!».

Неожиданно для всех каган вдруг заплакал. Он всхлипывал, тряс бородой. Из-под опущенных век по смуглой щеке скатились несколько слезинок и застряли в усах. Так же неожиданно каган улыбнулся, вытер глаза и усы шелковым платком. Он заговорил, чуть хриловато и тихо, но Земарху показалось, что рокочущее эхо заполнило огромный шатер.

– Видели бы наши предки, какой почет оказывают нам, кагану Истэми из рода Ашина, потому что милосердной волчицы, посланники могущественного государя! Мы рады принять у себя человека от великого кайсара страны Ром. Пусть дружба и расположение между нами не иссякнут! Пусть мечи наши сольются в один меч, направленный в грудь общего врага!

Длинные ряды придворных-балбалов колыхнулись и раздался единый одобрителный вздох:

– Джакшы!

Затем последовала длительная процедура вручения даров. Принимал их все тот же тамгачы.

Осмотрев многочисленные и богатые подарки, каган Истэми сказал:

– Велик ваш повелитель! Дары действительно от могущественного государя! Они достойны и его, и нашей особы.

– Джакшы! – хором подтвердили присутствующие.

В числе даров было множество кусков драгоценной парчи, великолепные одежды, высокохудожественные ремесленные изделия из золота, серебра, жемчуга и драгоценных камней.

После этого начался пир. Но предоставим слово Исидору Меле:

«Подавали еду в золотых сосудах: нежное баранье мясо, телятину и сладкое мясо молочных жеребят. Тюркские бараны очень крупные, и у них большие хвосты, волочащиеся по земле, мясо их считается лучшим в этих областях.

На следующий день каган дал пир в другом шатре. Все стены помещения были увешаны цветными шелковыми покрывалами. Истэми сидел на ложе, которое было целиком из золота, – записывал Исидор. – Здесь стояли и кумиры, различные видом. На середине этого помещения были золотые сосуды и кропильницы, и бочки тоже золотые... Опять пировали и говорили за попойкой, о чем было нужно».

А поговорить, конечно, нашлось о чем. В середине VI века под властью тюрков оказался Согд, где во множестве производились хорошие шелковые ткани. Поэтому и тюрки и согдийцы были крайне заинтересованы в прямых торговых связях с Византией. Но «шелковый» путь проходил через Иран. Царь Хосров Ануширван вовсе не был намерен лишаться значительных доходов, которые он получал от перепродажи шелка.

Два-три года тому назад Истэми отправил в Иран посольство во главе с Маниахом. Главным был все тот же «шелковый» вопрос. Но Хосров, закупив привезенные ткани, приказал их сжечь на глазах согдийцев. Этим он хотел показать, что он не хочет ни обижать их, ни употреблять привезенного шелка, торговля которым обогатит каганат.

Каган Истэми, будучи тестем Хосрова, не поверил своим ушам, когда посланные, вернувшись, рассказали ему об этом. Он отправил второе посольство. На этот раз в его составе были лишь знатные тюрки. Но и оно потерпело неудачу. Из всего состава посольства вернулось лишь три или четыре человека. Все прочие по распоряжению коварного зятя-шаха были отравлены.

Этого Истэми уже не мог стерпеть. Он начал готовиться к войне. Вот почему и было отправлено в Византию посольство Маниаха – в поисках союзника в войне и партнера по торговле.

Видимо, на двух пирах или «попойках», как записал Исидор Мела, не все важные "вопросы были решены. Поэтому на третий день Истэми опять дал в честь византийцев торжественный обед.

«В следующий день они пришли в другой шатер, где были столбы деревянные, покрытые золотом, также и ложе вызолоченное, поддерживаемое четырьмя золотыми павлинами. Перед шатром на большом пространстве в длину были расставлены телеги, на которых было множество серебра, блюд и корзин и много изображений четвероногих, сделанных из серебра, ничем не уступающие тем, которые делают у нас. В этом состоит роскошь тюркского князя».

Пир удался на славу. Приближенные кагана уже не казались Земарху на одно лицо. С помощью Маниаха я Тагма-тархана он теперь вполне разобрался в сложной иерархии придворных чинов. По правую руку Истэми сидел шад – второе лицо в государстве. За ним скрестил ноги калачиком джагбу – представитель правого крыла «Народа Десяти Стрел». Он повелевал союзом «Дулу», в который вошло пять племен. За ним сидели тегины (царевичи) – братья, сыновья и племянники кагана, принадлежавшие к царствующему дому Ашина. Дальше шли тарханы и тутуки – воинские начальники и наместники кагана в покоренных странах.

Слева от трона первым сидел джагбу левого крыла «Народа Десяти Стрел». Он возглавлял другой пяти-племенной союз, называвшийся «Нушиби». За ним разместились эльтеберы – вожди покоренных племен, влившиеся в каганат,

Все эти вельможные тюрки, кроме названных титулов, имели еще один чин – буюруков, то есть великих советников кагана...

Земарха, как почетного гостя, усадили сразу после джагбу правого крыла. Исидор Мела, в числе прочих византийцев, пировал среди беков – знатных людей, не имевших определенного придворного титула. И, конечно же, он не преминул записать:

«Кроме нежного мяса в изобилии были рисовые хлебцы, творожные лепешки, дикий сотовый мед и фрукты. Разносили также варварское вино, забирающее разум», (Исидор выпил девять пиал кумыса: так поступить соблазнили его новые знакомцы, ибо девять – священное число тюрков).

Охая и хватаясь за голову, Исидор Мела все же нашел изъясн в каганском угощении и записал: «Но мало было пшеничных хлебцов».

В эти дни, после всех пиров и переговоров, каган и его буюруки привяли важное решение: начать войну с персами. Земарх достиг цели: между империей и каганатом был заключен военный союз, направленный против Ирана,

Через несколько дней тюркская конница выступила в поход. Местом сбора всех войск была назначена Таласская долина. Когда прибыл туда каган, состоялось нечто вроде парада. Любо-дорого было смотреть на стройные ряды тяжелой латной кавалерии под знаменами с волчьей головой! Земарх пока еще только понаслышке был знаком с тактикой тюрков. Тяжелая конница атаковала сомкнутым строем с копьями наперевес. Ярость и упорство тюркских алпов (богатырей) во время таких атак были широко

известны. За отборными частями шли бесконечные шеренги легкой кавалерии. Обычно она набиралась из простого народа – «кара бодун». Доспехи для нее изготовили из кож и войлока. Легко вооруженные всадники осыпали противника дождем стрел, нападали с флангов, ложным бегством заманивали врага в засаду, преследовали разбитые части.

Когда Истэми проезжал на своем знаменитом гнедом скакуне по кличке Шалга (Шалый, Буян), войска разражались приветственными криками. Земарх смотрел, и грудь его распирало от гордости: какого могучего союзника он добыл своему императору!

Неожиданно для всех в Таласскую долину прибыло иранское посольство с богатыми дарами. Сгоряча каган отказался было принять послов и дары их. Но буюруки отговорили. Тогда был дан пир, на который пригласили послов как иранских, так и византийских. Но положение их оказалось разным. Византийцев усадили на самые почетные места. Истэми оказывал им всяческое внимание. На иранцев же он обрушил град упреков, припомнил все старые обиды. С негодованием говорил о коварстве своего зятя-шаха. Иранский посол отвечал весьма дерзко и с большим пылом опровергал упреки кагана, Произошла горячая перепалка.

Каган говорил, яростно сверкая глазами:

– Мне преклоняется вся земля, начиная от первыхлучен солнца и оканчивая пределами запада... Я породнился с недостойным! Вы имеете десять языков и на кончике каждого висит обман. Речи ваши лживы и путь ваш крив. Чуждо и несвойственно тюрку лгать. Ваш же царь получит в надлежащее время наказание за все свои не прямые дела.

Иранский посол бубнил в ответ:

– Шахиншах велик! Среди других государей он – как слон среди муравьев...

– Пусть же его утащит птица Хуту, пожирающая слонов! – гневно кричал каган. – И если она не сделает этого, я пошлю его воинам стрелы Бюрта!¹ Я отправлю их в нижний мир к Эркигу!²

– Окружающие все время одергивали иранца и советовали ему не перечить разъяренному владыке – ведь этак можно лишиться и головы!

А в конце пира каган преподнес приятный сюрприз.

– Мы видим, – сказал Истэми Земарху, – что ты муж доблестный, полный сил. А воину-мужу не подобает долго оставаться без женщины. Поэтому дарим тебе прекрасную пленницу по имени Лунная красавица из могущественного народа хырхыз. Эй, тамгачы! Отвести девушку в шатер посланника!

Когда Земарх вернулся в свое жилище, первым его встретил юный Амос со свитком и стилем-пером в руках. Амос был бледен, и губы его подрагивали, когда он произнес:

– Господин! Господин!.. Это та самая девушка...

– Какая «та самая», – сказал Земарх, но уже понял, что имел в виду нотариий.

– Та, что была невестой, которую отобрал Тагма-тархан у согдиата вместо его дочери...

Земарх шагнул в шатер. Прислонившись к столбу, пугливо замерла женская фигура. Стратиг окинул ее любопытным взглядом.

Одета она была в голубой кафтан с богатой вышивкой из желтых, словно золотых, ниток. Поверх кафтана – безрукавная накидка, отороченная мехом куницы. На голове – кунья же шапочка с тремя перьями филина.

Как она была хороша! Земарх с удовлетворением отметил это: значит, великий правитель – каган тюрков и тут отнесся к послу великой державы с должным почтением.

Какой-то дикой, – первобытной, на взгляд византийца, была ее красота. Широкие скулы покрывал природный румянец, что называется, во всю щеку. Смоляные дуги бровей, а под ними – пронзительный взгляд черных глаз: она только мельком подняла

¹ Бог скорой смерти у тюрков.

² Бог нижнего (подземного) царства.

ресницы и тотчас опустила их. Но и этого было достаточно. В нем сенатору почудилась затаенная непокорность, даже свирепость. Что-то очень похожее на взгляд Истэми.

Стройный стан ее обнимало платье из тончайшего согдийского шелка – дибаджа, стянутое пояском. В маленьких ушах – золотые серьги. На грудь спускалось ожерелье из серебряных иранских монет. На ногах – башмаки без каблуков с загнутыми носками, они расшиты стеклянным бисером и переливаются. Да, это настоящая амазонка, не то что надоевшие, всегда покорные рабыни, от которых отдает притираниями и ладаном, Земарх покосился на юного Амоса. Тот смотрел на тюркскую красавицу с таким восторгом, что даже уронил стиль-перо.

Посол недовольно засопел, и юный Амос, вздрогнув, схватился было за стиль, но Земарх сделал знак рукой и, помолчав, сказал:

– Кхм... Эту девушку не надо заносить в перечень подарков. Ведь правитель подарил ее лично мне.

Амос послушно склонил голову, а посол сердито думал: «Кто знает, не является ли этот юнец соглядатаем, приставленным ко мне собственной женой? Зная ее характер, я не удивлюсь...»

Вечером Земарх и прекрасная пленница остались в шатре одни. А в соседней юрте всю ночь без сна на холодном ложе ворочался юный Амос...

... И завершаются миссии

Иранские послы, разобиженные, уехали. Византийцы же задержались в долине примерно недели на две: каган ждал сбора всех своих сил. Войска все подходили и подходили. Пастухи гнали многочисленные отары овец, табуны коней – надо было обеспечить армию продовольствием.

Время летело незаметно. Пирьы сменялись охотой. Тюрки, как отметил Земарх, были первоклассными охотниками и предавались этому занятию со всем пылом и страстью первобытных душ. Тамгачы поведал византийцу, что несколько лет назад каган Истэми послал Хосрову I Ануширвану четыре тысячи манов бесценного благовония – мускуса (3328 кг). Для получения такого количества мускусных струй нужно было убить минимум 55 тысяч самцов кабарги.

В верховьях реки Талас существовал даже специальный олений заповедник для каганских охот. За убийство здесь оленя следовало беспощадное наказание, поэтому олени стада там сохранились.

Для византийцев наступило время отъезда. Договор вступил в силу. Бесконечная колонна тюркской конницы зазмеилась к иранской границе.

Вместе с византийцами каган Истэми отправлял и свое посольство. Возглавлял его Тагма-тархан. В качестве верительной грамоты сам каган вручил ему стрелу с золотым копьём и с личной печатью.

Девять раз по девять вьюков богатых и ценных подарков посылал Истэми правителю Византии. Среди них было много тюков раскрашенного в разные цвета среднеазиатского шелка.

Послал каган своему «брату» Юстину II также знаменитый «камень победы» – отшлифованный и ограненный кусочек нефрита, вставленный в золотой перстень. Тюрки приписывали нефриту необыкновенное свойство способствовать победе того, кто его носит. Истэми желал успехов императорскому оружию.

Перед самым отъездом к Земарху явился тамгачи и вкрадчиво заговорил:

– Кагана, по нашему обычаю, следует отдарить за девушку...

– Но у меня уже нет ничего достойного повелителя, – ответил Земарх. – Все, что было, я уже вручил вашим людям.

– Повелитель очень хвалил твоего жирного человека с женским лицом, – продолжал тамгачи так же вкрадчиво. – Это замечательный раб! Он лишен своего мужского естества, но не лишен разума и силы. У повелителя есть много красавиц-жен, и

полужен, и совсем не жен, и такой раб очень нужен им в услужение. Тюрки очень преданы великому кагану, но в его гареме служить не могут...

– Но Исидор Мела не раб, он свободный человек из нашего посольства, – возразил Земарх.

Глазки у тамгачы превратились в щелочки, лучики собрались на висках, а рот растянула недоверчивая хитрая улыбка:

– Ойе! Разве посол великого кайсара из страны Ром не волен в своих людях? Или твой повелитель "не облек тебя достаточным могуществом? Ты, наверное, шутишь. К тому же мы будем его очень хорошо кормить.

Земарх растерялся. Как объяснить этому болвану?... А тот, встопорщив редкие усы, наклонился к самому лицу посла и доверительно стал шептать:

– Наш повелитель – да живет он вечно! – бывает в гневе очень страшен...

И тамгачы, округлив глаза, лязгнул зубами:

– Очень, очень, страшен!.. От гнева его плавятся горы, а на долины выпадает каменный град. Ойе!

Земарх мог бы поклясться, что этот вымогатель старается вовсе не для каганского, а для своего собственного гарема. И, однако, без толстого нотариуса отныне ему, как видно, придется обойтись. В самом деле, не ставить же под удар успех своего посольства из-за этого шпиона-чревоугодника.

– Придется просить помощи у Варсонофия, – размышлял он. – Пусть уговорит Исидора пострадать за веру.

Земарх еще подумал, что неплохо было бы вместе с толстяком оставить здесь и юного Амоса. И вздохнул. Тогда уж лучше не являться домой. От царского шпиона он избавится. Но попробуй избавиться от шпиона собственной жены!

Этот случай-Земарх представил в официальном отчете так:

«Нотарий Исидор Мера остался в стране тюрков по собственному побуждению для проповеди истинной веры Христовой».

Вот и пришла к концу наша история. Мы не знаем, как сложилась дальнейшая судьба ее участников. Неведомо нам, как и где окончила свои дни прекрасная пленница. И, наверное, никогда не узнаем. Но одно можно сказать твердо: она была первой киргизкой, увидевшей голубые воды Босфора и берега далекой Европы...

Научное послесловие

Так византийские источники VI в. впервые поведали миру о существовании до этого неизвестного им народа «хырхыз» («кыргыз»), о дипломатических связях и войнах по трассе Великого шелкового пути, о нравах и обычаях согдийцев и тюрков.

Правда, киргизы известны в истории по источникам еще с III века до нашей эры, но этноним передавался в китайской транскрипции «гегунь» или «хягас», научная реконструкция которого в «кыргыз» некоторыми учеными оспаривается.

Сведения о дипломатической миссии византийского посла Земарха Киликийского в ставку западнотюркского кагана Истэми на Тянь-Шань в 568 г. и «хырхызке» почерпнуты из сочинения византийского историка VI в. Менандра Протектора «Продолжение истории Агафиевой». Упоминание о посольстве имеется и в «Хронике» сирийского автора VI в. Иоанна из Эфеса.

Быт тюрков и семиреченских согдийцев, переселившихся сюда в V–VI вв. из долины р. Зеравшан, характеризуется в китайских средневековых сочинениях «Суйшу», восстанавливается по археологическим материалам, полученным при раскопках тюркских курганов на Тянь-Шане и городищ в Чуйской долине, таких, как Краснореченское, Ак-Бешим.

ВО ВРЕМЕНА КАРАХАНИДОВ

Я к знаниям стремился с желаньем упорным
Низал слово к слову я слогом узорным.
Паслось слово тюрок оленем нагорным
А я приручил его, сделал покорным.

Юсуф Баласагуни

В горах Баласагуна

В этих горах случилось доселе неслыханное дело: юноша-бедняк, нищий сирота осмелился поднять кощунственный взор на младшую жену самого предводителя рода, властного бека-тархана Огул-барса.

Еще более неслыханным было то, что взгляд этот встретил у семнадцатилетней Бурул полное сочувствие.

Возмущенные святотатством сородичи хотели было поступить, как велит старый добрый обычай: закидать преступников камнями.

Но случилось третье неслыханное дело: пострадавший шестидесятилетний Огул-барс – запретил.

– Я сам придумаю им наказание, – сказал он,

Бек-тархан думал целую неделю. А потом взял и продал обоих заезжему купцу из далекого города Куз-Орду. Вернее, обменял на целый тюк товаров.

Боясь, чтобы почтенный хозяин не передумал, обрадованный купец, ставший владельцем двух молодых и красивых рабов, отбыл в тот же день, потирая руки.

Бек-тархан тоже потирал руки и довольно ухмылялся. Если бы он поступил по совету родичей, что бы он имел? Грудю камней над телами казненных. А сейчас его юрта наполнилась всяким добром: тут были и шелковые халаты, и хлопчатобумажная ткань «чек», и разные побрякушки для остальных жен.

Тархан был тем и знаменит, что всякое дело умел оборотить себе на пользу...

Эту историю рассказал Махмуду-страннику его проводник Тэмир, когда они преодолевали очередной перевал. Отсюда проводник должен был возвращаться назад. Однако он сказал:

– Джигита звали Сатук, он был моим лучшим другом. Возьми меня с собой, господин! Я найду в Куз-Орду того купца, заработаю денег и выкуплю друга-брата!

– Для этого придется очень много работать, – сказал Махмуд.

Проводник вытащил из-за пазухи маленький кожаный мешочек.

– Здесь деньги: больше всего медных, но есть и кумуш (серебро) и даже алтын (золото). Их собрали друзья, которые не забыли Сатука и его горестную судьбу!

Слуга Махмуда, расторопный Агуш, неизменный спутник во всех его скитаниях, ответил проводнику:

– Мой господин – участник всех благородных дел и он, конечно, возьмет тебя с собой. К тому же три человека всегда больше двух, им легче отбиться на случай нападения разбойников Озара и его людей. (Разбойник Озар был грозой здешних мест; о нем ходили страшные легенды).

Махмуд улыбался в бороду. Разумеется, присутствие сильного и, как видно, смелого юноши не помешает.

– Когда совершилось это печальное дело? – спросил он.

– За полгода до твоего приезда, ранней-ранней весной, когда только что открылись перевалы.

«За это время купец мог продать обоих несчастных самаркандским или гератским купцам. Но нельзя отнимать надежду у благородных помыслов».

– Хорошо, – сказал он. – Когда приедем в Куз-Орду, подумаем о твоём друге. Но надо спешить!

Да, он очень спешил. Целый месяц гостил он на высокогорном пастбище у рода чарык из племени кыргыз. Хитрый Огул-барс задерживал его не без пользы для себя: ведь «эмир Махмуд» (как называл его хитрый тархан) происходил из царствующего рода Хаканидов (более известных в науке под именем Караханидов). Через авторитет такого гостя хозяин увеличивал свой собственный авторитет.

Одного только не мог понять старый и мудрый Огул-барс: почему «эмир Махмуд» вместо того, чтобы повелевать народами и предводительствовать войсками, скитается (как он слышал) вот уже который год по землям тюрков и записывает всякие слова в толстую книгу тростниковым пером – каламом. Разве это достойно его высокого происхождения?

Правда, «эмир» благовоспитан и внимательно выслушивает суждения уважаемых людей. Однако с неменьшей готовностью он ловит своим царственным ухом и грубую речь «черного» народа, восхищается сказками, песнями женщин и порой в ответ на глупую шутку какого-нибудь пастуха смеется так заразительно, словно этот нищий пастух – значительный человек, владелец косяка чистокровных жеребцов в сотню голов.

Разумеется, ничего этого вслух мудрый Огул-барс не высказал.

«Эмир Махмуд» догадывался, какие мысли бродят в голове старого родоначальника, но тоже молчал. Как бы мог он объяснить этому невежественному толстяку, что вот уже двадцатый год он бродит по самым отдаленным кочевьям, чтобы записать слова, поговорки, песни и предания, которые бытуют среди народа, и тем самым увековечить живую тюркскую речь во всей ее первозданной чистоте?

Нет, Огул-барс не понял бы, как до него не понимали многие другие. Помыслы таких людей не простираются дальше хозяйственных нужд и дел, сулящих близкую выгоду.

Теперь труд его почти закончен. Нужно спуститься в долину, пока перевалы не засыпало снегом, и там, в Баласагуне (или Куз-Орду, как говорят кочевники), найти хорошего переписчика.

Караван-сарай

Была уже ночь, когда путники постучали в ворота торткуля – маленького укрепленного поселения, состоявшего из постоянного двора, загона для скота и двух десятков мазанок. В них жили так называемые биста – люди, которые предоставляли ночлег торговцам, помогали им продавать товары, кормили их, ухаживали за их скотом, за что получали одного барана из каждых двадцати, выменянных купцами на свои товары. Все они были когда-то кочевниками, а теперь обосновались здесь, сообщая владели постоялым двором и составляли нечто вроде артели на равных паях. Возглавляли их староста – кокчин аксакал и его помощник – чубан, крепкий малый с мозолистыми кулаками.

Усталые путники вошли в ашхану, приветствовали находившихся там и заняли скромное место в углу. Работник подал им нарезанное кусочками мясо, сваренное с приправами, одобренное уксусом.

Проводник Тэмир уже без опаски уселся за низенький столик рядом с «эмиром». Вначале, еще в пути, он все поражался тому, что такой большой человек ест вместе со своим слугой за одним достарханом. Высокородные беки так никогда не поступали. Тэмиру и в голову не приходило, что принцу из царствующего дома, Махмуду-тегину в его бесконечных скитаниях приходилось есть из одного казана даже с кара баш – рабами, пасшими овец на горных склонах. В той подвижнической жизни, которую вел ученый, чванству не находилось места. Да оно и не было врожденной чертой его характера. Он никогда, сколько себя помнит, не был склонен к погоне за властью или богатством. Громкие титулы и знатное происхождение не мешали ему в достижении главной цели жизни – создании монументального труда по наречиям тюркских народов.

В помещении было полутемно, плошки с бараньим жиром тускло чадили и потрескивали.

Несколько человек, судя по одежде – пастухи с гор, неторопливо заканчивали свой запоздалый ужин. В стороне от них сидел человек в рваном халате и время от времени что-то выкрикивал.

Прислушавшись, ходжа Махмуд понял, что незнакомец читает стихи. Читал он проникновенно, с чувством и даже закрывал глаза, как бы смакуя звучание строф на фарси. Потом прочел арабскую касыду.

Ходжа Махмуд отлично владел арабским и хорошо знал фарси. Декламация незнакомца доставила ему истинное удовольствие: в услышанных бейтах он узнал божественного Дакики и бессмертного Мутанабби.

Пастухи, не понимавшие иного языка, кроме «тюрки», опасливо косились на чужестранца при его завываниях и выкриках, а в паузах перешептывались, сблизив головы.

Ходжа Махмуд уже собрался было заговорить с незнакомцем, как тот вдруг прервал сам себя и окликнул вошедшего чубана:

– Эй, харчевник! Умеешь ли ты готовить блюдо «сик-бадж»?

– Не слышал о таком, – отвечал чубан.

– А то бы я заказал! Ну, а блюдо «хариса»?¹

– Тоже нет.

– А блюдо «байдат аль-букайла»?²

– Чего не знаю, того не знаю.

– Сколь широко простёрлось твое невежество, харчевник! Но хоть блюдо «курунбийя», надеюсь, ты знаешь?

– Не знаю! — сердито отвечал чубан.

– Горе тебе, о харчевник! Ничего я у тебя заказать не могу! А мой желудок не принимает здешней пищи.

Чубан пробормотал что-то невразумительное и вышел.

– Из-за невежества этого харчевника мне приходится сегодня поститься! – сказал незнакомец ему вслед. Тут подал голос ходжа Махмуд:

– Не согласится ли почтенный разделить наш скромный ужин?

– С охотой и удовольствием, только из уважения к вам! – поспешно согласился незнакомец.

Он тотчас пересел к их низенькому столику и принялся набивать рот с аппетитом давно голодного человека.

– Между прочим, вы сейчас едите блюдо «сикбадж» – сказал Махмуд.

Незнакомец поперхнулся.

– Разве? – сказал он, прокашлявшись. – Как я этого не заметил! Чираги так плохо светят!

– Кушания, названные вами, я тоже ел когда-то в Багдаде и Барсе. Много из того, что готовят в землях арабов, умеют готовить и наши тюрки, только под другими названиями. Например, курунбийя – просто капустная похлебка, так ее называют здешние люди.

– Ой-е! – вскричал незнакомец. – Вы были в Багдаде? А не посещали ли вы мечеть Ибн Ругбан?

– Да, я возносил в ней молитвы Аллаху. Однако чем же знаменита эта мечеть, если здесь нет секрета?

– Я жил около нее, – скромно ответил незнакомец – и каждую субботу покупал там баранью ...кх-кх... или козлиную... голову. Вы помните, близ стен мечети всегда толпятся продавцы требухи и кишок... кх...кх...

¹ Хариса (араб.) – блюдо из вареной пшеницы и размятых кусков мяса.

² Байдат аль-букайла (араб.) – мясные катышки с маслом и овощами

Тут незнакомец, чувствуя, что проговорился, смутился окончательно, ибо бараньи головы и требуха считались у горожан пищей нищих.

– Да, я все это помню, – отвечал ходжа Махмуд. – Я и сам не раз покупал такую голову, когда бывал в стесненных обстоятельствах. Однако почему именно по субботам?

– В пятницу¹ мясники забивают много скота, и в субботу головы дешевле, чем в иные дни, – пояснил незнакомец с просветлевшим лицом. – Приветствую тебя, о собрат по ордену Странствующих и Постигающих!

Оказался он простодушным и словоохотливым человеком: через полчаса путники уже знали всю его историю.

Звали его Билял сын Ахмада из Баласагуна. («Из людей аргу, судя поговору», – отметил про себя ходжа Махмуд).

– Отец мой очень почтенный человек, владелец ткацкой мастерской в слободе Урюкты. Нас у него два сына. Старшего брата он с детства приучал к ремеслу, а меня решил сделать сведущим в счете, вопросах торговли и путях торговых караванов. Отец рассуждал мудро: когда Аллах, да будет благословенно его имя, возьмет его к себе, мы, действуя совместно и дружно, многократно умножим имущество и достигнем благополучия, если каждый из нас возьмет на себя одну половину общей заботы. Старший брат станет закупать шерсть у кочевников и распоряжаться в мастерской, а я – ходить с караванами в поисках хороших покупателей и выгодно сбывать товар. И вот мой отец, следуя этой спасительной мысли, отправил меня с караваном в Самарканд в качестве ученика – шогирда. Мне было тогда семнадцать лет. В Самарканде, этом городе чудес, я долго постигал премудрость науки торговать, а также слушал красноречивые выступления местных поэтов на самаркандских базарах. Там было в то время очень много великих мужей, украшавших мировую мысль, рассыпавших жемчужины слов, яхонты сравнений и рубины эпитетов. Стихи писали и портные, и башмачники, и почтенные купцы, и продавцы лепешек «какурган». Кстати, вам не приходилось слышать имя... с арабского оно переводится как «Сладкопеец»?

– Нет, – отвечал ходжа Махмуд. – А кто этот человек?

– Это мой поэтический леgeb (псевдоним), – застенчиво опустил глаза Билял. – Я прочел бы вам мои скромные творения, но уже поздно, а их надлежит читать утром и натошак, поскольку по утрам голова свежа, а желудок пуст и не отвлекает жизненные соки на переваривание пищи, тем самым весь ум слушателя устремляется к постижению сокровенного...

Агуш и Тэмир-проводник давно уже отправились на покой, а Билял-Сладкопеец, вдохновленный участием, которое он встретил в этой придорожной харчевне, все «нанизывал горести пережитого на нить воспоминаний».

Коротко они сводились к следующему.

Увлечшись поэзией и путешествиями, Билял бросил учебу и отправился странствовать по свету, успокаивая свою совесть тем, что это, в сущности, частично совпадает с пожеланиями отца: ведь придется увидеть много караванных дорог и много чужеземных базаров.

И вот теперь, спустя десять лет, он возвращается в родной город под родительский кров. И, как водится у подобного рода путешественников, без единого фельса за душой. «Все мое достояние – это моя голова и то, что в ней», – так определил свое финансовое положение сам Билял.

Первая встреча с «Кутадгу билиг»

Утром путники плотно позавтракали. Билял-Сладкопеец, опять приглашенный Махмудом, не требовал изысканных арабских блюд с экзотическими названиями и уплетал за обе щеки простую, но жирную и сытную пищу кочевников. Настроение у него было таким же светлым, как это солнечное утро. Он был похож на весеннего воробья.

¹ Пятница – праздничный день у мусульман.

Поэт то и дело сыпал стихами из собраний-диванов Рудаки, Абдаллаха Унсури, Дакики и Манучехри. Чубан, помогавший седлать коней, недовольно косился: этот нищий, похожий на дервиша, говорит много непонятных слов. Билял хлопнул его по плечу:

– Не горюй, чубан-харчевник! Когда-нибудь и ты постигнешь тайну сладких арабских блюд. А сейчас я восхваляю в стихах щедрость моего благородного хозяина – не твою!

И он, поклонившись ходже Махмуду, подбоченился, поднял левую руку вверх, готовясь воспеть благодетеля наспех сочиненной касыдой. Но вдруг чубан, не забывший вчерашнюю обиду, громко сказал:

– Не понимаю я стихи на чужом языке. Зато я знаю другие:

«Побольше послушай, поменьше скажи, –

Мне мудрые так говорили мужи.

Негоднее всех из людей болтуны,

А лучшие – щедростью сердца сильны.

Ты беден пред богом, смиренью будь рад.

И помни: бедняк лишь грехами богат».

Билял-Сладкопевец застыл, открыв рот. Опомнившись, он сказал:

– Поистине, ты способен удивлять, о чубан! Но откуда ты знаешь стихи, да еще на тюрки? Я никогда не слышал ничего подобного!

— Мой сын ходил в город, – отвечал чубан, – и выучил там этот стих. Его сочинил какой-то баласагунец. И за это великий Табгач Богра-хан назначил его своим хаджибом.

– Что-то не приходилось мне встречать хаджибов, сочиняющих стихи, – усомнился Билял-Сладкопевец.

– Почему же? – мягко возразил Махмуд. – Знаменитый Унсури занимал высокую должность в Газне при дворах султанов Махмуда и Масуда, однако писал превосходные касыды.

– Да, но он писал на фарси, – живо отозвался Билял. – А тюркских стихов я никогда не слышал, за исключением тех грубых песен, которые сочиняет и поет народ.

– Вы не хотели их слышать, – тихо молвил Махмуд. – Стихи тюрков есть. Но столь звучных и живых месневи, так правильно вышитых по канве благородного аруза, которые прочел чубан, признаться, и я не слышал.

Выехали за ворота торткуля. У Биляла не было коня, и Махмуд, сжалившись, велел Агушу посадить его посади себя.

– Откуда нашим тюркам знать древний жанр месневи и размер аруз? – лез в спор Сладкопевец, удобно уютившись на ветхом чапане, брошенном на круп мерина.

– Я вижу, касыды Самарканда и Багдада напрочь заложили ваши уши, – Махмуд нахмурился, говорил медленно, веско. – Моя память и мои записи хранят множество тюркских стихов. Некоторые из них я полюбил за живые и трогательные подробности, далекие от выпренней и манерной аллегории арабов. На досуге я прочту вам, о Сладкопевец, стихи о битве наших предков с уйгурами или, например, о смерти прародителя тюрков Алп Эр Тонга, которого в Иране именуют Афрасиабом. При желании вы найдете в них погрешности, но они, равно как и достоинства, своими корнями уходят в глубь веков тюркской поэзии.

– Неужели, о мудрейший, вы хотите сказать, что поэзия тюрков не только существует, но еще и имеет корни в седой древности?

– Именно это. Как-то мне пришлось посетить земли кыргызов на великой реке Кем. В степи близ Алтын-Куля мне показали высокую каменную плиту, с трех сторон испещренную непонятными мне письменами. Среди кыргызов есть еще старики, которые их читают. Там были стихи. И какие стихи! В них оплакивали кыргызского кагана Барсбега, павшего в бою с врагами.

– И когда это было?

– Кыргызы говорят, что более 350 лет тому назад.

– О, Аллах, помоги и наставь меня! Так это не миновало еще и ста лет священной Хиджры?

Ты прав, о любитель исключительно чужезычной поэзии. И это еще не все. Такие письма я видел у рек Тез и Орхон. Там в стихах воспевали подвиги тюркского царевича Кюль-тегина и уйгурского кагана. А теперь держитесь крепче за пояс Агуша,— широко улыбнулся Махмуд, – Такие же письма я видел в стране Аргу.

– У нас? На земле Баласагуна! Где же это?

Билял задавал вопросы, но мысли его были далеко. Врожденная, впитанная с молоком матери любовь ко всему тюркскому, которую бедняга всегда прятал в самом дальнем уголке своей души, пораженной и уязвленной удивительной культурой арабов, вдруг под влиянием простых слов Махмуда переполнила его. На душе стало светло и грустно. Хотелось плакать. «Какой человек! Родной мой! А я сам-то? Что я за собака?.. Отца не слушал, мать забыл... В моем городе, может быть, даже мои соседи пишут такие стихи, которые знают даже чубаны в забытых Аллахом караван-сараях. А я в это время вместе с другими бездельниками самаркандских и багдадских базаров потешался, слушая скабрзные басни о беспросветной глупости тюрков и бессовестной хитрости их жен. А что я, тюрк, знаю о тюрках? Вот стремя в стремя со мной едет человек, который не меньше моего повидал разных стран, но остался тюрком, ученым тюрком».

– Да ты не слышишь меня, о знаток поваренных книг арабов?

– Слышу, слышу, – забеспокоился Билял, устыдившись своего невнимания. – Так где же на земле Баласагуна вы видели письма тюрков?

– Южнее города Тараза, на берегах благословенного Таласа, недалеко от урочища Мин-булак.

– Там тоже были стихи?

– Не знаю. Возможно, – ответил Махмуд. – В Мин-булаке не нашлось переводчика. Последним знатоком древних писем тюрков был отшельник Кулбак. Он постоянно скитался в горах Баласагуна и писал на камнях: «Раб божий Кулбак». Я видел эти надписи, но самого отшельника встретить не успел. Ангел смерти Азраил оказался проворнее меня.

– Упасти нас Всевышний от скорой встречи с ним. – Билял сложил ладони лодочкой и провел ими по бороде.

Путники умолкли, призадумались. Тропа, петляя, круто подалась к белоголовой вершине. Слева шумела река Кочкор. За ней чернел еловый лес.

– Слезайте с коней, дальше пойдем пешком, – скомандовал Агуш. – Скоро перевал Занби-Арт, а там Куз-Орду рядом.

Баласагун

Такое могут увидеть только те, кто не боится высокогорных перевалов. Отсюда видно все-все.

Обширная долина, окаймленная двумя цепями гор, была наполнена чистым и свежим утренним воздухом. Сквозь него виднелись ближние и дальние усадьбы, красноватые стены построек из жженого кирпича. Между зеленых крон тополей и карагачей красными пятнами выделялись купола мечетей.

Всюду на равнине по дорогам и тропам уже двигались в разных направлениях всадники и пешеходы. Виднелись крошечные арбы на пуговицах-колесах. По невакетской дороге начинали подниматься густые клубы просохшей под утренним солнцем пыли: то кочевники с гор гнали отары овец, косяки резвых скакунов, стада коров, вереницы верблюдов в город на продажу. В Баласагуне был знаменитый на всю долину базар.

Дорога, неуклонно сбегавшая вниз, привела наших путников к воротам, пробитым в толще облупившейся глинобитной стены. Это была внешняя оборонительная линия, которой окружили свои пашни и сады горожане, дабы пресечь разбойные поползновения земляков и братьев по крови – буйных воинственных кочевников.

Усатые стражники в остроконечных шлемах, кольчугах, с пиками и секирами в руках охраняли ворота. Толстый имга – сборщик подати – взимал с каждого прибывающего четыре фельса. За всех уплатил Агуш, игравший при своем господине роль казначея. Билял приложил руку к сердцу (в знак благодарности), а Тэмир-проводник, видевший все это впервые, спросил:

– Это и есть великий город Куз-Орду?

Билял-Сладкопеец, на правах здешнего уроженца, отвечал;

– Нет, это еще не город. Мы въехали только в его предместье.

Когда они миновали вторую линию стен, строения стали гуще, а полей и пастбищ – меньше. И народу здесь встречалось куда больше, Тэмир-проводник, вертя головой во все стороны, сказал:

– А вот это уже город.

– И это еще не город, – возразил Билял. – Наш путь все еще идет по предместью.

– Но если у него такие предместья, каков же сам город Куз-Орду?

Билял гордо тряхнул головой, крепко держась за спину Агуша:

– Он, конечно, меньше Багдада или Самарканда. Но все же это великий город, наш несравненный Баласагун! Прежний даруга (градоначальник) Якуб-бек насчитал когда-то в нем шесть тысяч домов и две тысячи лавок!

Ходжа Махмуд знал когда-то Якуб-бека (его поставил градоначальником дед ходжи Мухаммад Богра-хан) и подумал: «Как ухитрился бек определить такое количество домов, если сам умел считать только до трех?».

Чем ближе подъезжали к цели путешествия, тем суетливее становился Билял-Сладкопеец. Он весь извертелся, сидя на крупе позади слуги, так что Агуш был вынужден сказать:

– Не собираешься ли ты взлететь, подобно перепелке?

– Радость свидания с близкими сочетается в моей груди со страхом перед гневом строгого отца, – оправдывался с нервным смешком Билял.

Впереди, уже совсем рядом, выросли высокие городские стены и приземистые башни. Из-за них выглядывали, по выражению поэта-Сладкопееца, «божьи стрелы» многочисленных минаретов. Выше всех возносил свою главу, как бы повязанную голубоватой чалмой, минарет Главной мечети, прозванный за внушительные размеры и красоту «минаретом минаретов».

И вот потянулись сплошные кварталы построек. Из-за глинобитных дувалов высывали непокорные ветви урюковые деревья.

– Это уже наверняка сам город! – сказал Тэмир-проводник.

– Ты прав, – откликнулся Билял. – Это слобода Урюкты. Вон караван-сарай моего старого знакомого, дедушки Абу Бакра. Я советую вам остановиться именно в этом караван-сарае. Э! Не сам ли хозяин стоит у ворот? Слушайте, почтенные! Я сейчас сделаю вид, будто впервые в этом городе. Посмотрим, узнает ли меня дедушка Абу Бакр?

Но когда подъехали к самым воротам, Билял разочарованно воскликнул:

– Нет, это не дедушка Абу Бакр. У того была длинная, седая борода...

– Ты прав, о путник, – отозвался стоявший в воротах хозяин. – Я не дедушка Абу Бакр, я дядюшка Хасан, и борода у меня черная. Абу Бакр давно уже переселился в иной мир, а его наследники продали часть этого караван-сарая мне, а часть – одному купцу из здешних. Но моя половина караван-сарая всегда рада гостям, ибо великий поэт сказал:

«О жаждущий добрую славу иметь,
Гостей и скитальцев приветливо встречь!
Дары их тебе служат доброй отрадой,
И ты их ответной услугою радуй!
Дружи с ними честно, без мысли лукавой —
Прославишь себя ты далекою славой».

– Входи же! – И хозяин еще шире распахнул ворота.

Билял-Сладкопеец округлил глаза: ведь стихи были произнесены на чистом тюрки! Он уже было собрался приступить к долгой беседе, но тут же встрепенулся и соскочил с лошади:

– Нет, меня ждут вот уже одиннадцатый год, нетерпение мое велико! – И Билял-Сладкопеец, распрощавшись со своими спутниками, пошел дальше пешком.

Путники въехали на просторный двор. Первое, что бросалось в глаза, – это торчавшее посередине высокое сооружение, в котором Махмуд признал колодец. Проследив за его взглядом, караван-сарайщик Хасан словоохотливо объяснил:

– Из этого колодца пили воду многие поколения людей, верблюдов, коней и других творений Аллаха. Но теперь он высох, да в нем и нет нужды. Из речки в наш караван-сарай вода поступает по глиняным трубам: лей сколько надо!

– А скажи, хозяин, кому принадлежат стихи, оглашенные тобой?

Хозяин сделал благоговейное лицо:

– Их записал каламом мудрости на скрижалях памяти уроженец нашего города, ныне великий хасс-хаджиб мавлана Юсуф, да пребудет над ним милость Аллаха вечно и неизменно! В детстве мы с ним не раз играли в альчики. И если вы, о благородные путники, сможете прочесть хоть один стих из его величайшей поэмы «Благодатное знание», то я снижу плату за постой в моем караван-сараяе на одну треть! Таков мой обычай! Не знаете ни одного стиха? Жаль! Вам – убытки, мне – прибыль.

Тут в воротах появились новые гости, и хозяин побежал им навстречу.

– Удивительное дело! – заметил Агуш. – За стихи можно сберечь деньги! Впервые слышу об этом. Но ведь этак хозяину недолго и разориться!

Какой-то человек, слонявшийся рядом, тотчас отозвался:

– О нет, он не разорится! Почти все баласагунцы знают великое множество стихов нашего мавлана Юсуфа, но они ведь не нуждаются в караван-сараяе. А большинству приезжих эти стихи неведомы. Кроме того, этого караван-сарайщика уже облагодетельствовал сам великий хасс-хаджиб.

– Каким образом?

– А вот каким. Когда мавлана Юсуф узнал в Кашгаре о делах урюктинского караван-сарайщика, он сначала рассердился:

– Горе ему! Он принуждает людей ради корысти читать мою поэму! Потом задумался:

– Не является ли это разумным действием? Ведь чтобы научить детей добру и знаниям, учителю приходится обращаться к злу – розге... А невежественные жители гор и долин подобны неразумным детям...

Потом рассмеялся:

– Однако и удивительный же человек этот караван-сарайщик!

В конце концов великий хасс-хаджиб послал своему другу детства вьюк яркентских шелковых тканей, тысячу дирхемов серебром и еще 99 золотых динаров (сотого динара не отыскалось в казне хасс-хаджиба: такой уж он человек – все раздает нуждающимся).

И подарки свои сопроводил короткой запиской: «На покрытие убытков от поэзии».

В это время вернулся хозяин, подозрительно посмотрел на рассказчика и сказал:

– Саид-сплетник! Не наболтал ли ты гостям чего-нибудь непотребного?

– Я восхвалял твою щедрость, – ответил Сайд.

Хозяин, недоверчиво хмыкнув, сам отвел коней в стойла, показал комнатку для ночлега.

Агуш занялся хозяйственными делами, а Тэмир-проводник сразу принялся расспрашивать о купце. Но он не знал ни его имени, ни даже примет, и поэтому расспросы были бесплодны. Мало ли купцов в торговом Баласагуне?

– Как он выглядел, этот купец? – спрашивали люди.

– У него была борода, – отвечал Тэмир. – Нехороший человек. И борода нехорошая.

– Если бы ты сказал: «безбородый», мы бы скорее нашли. Молодой, старый?

– Ни молодой, ни старый. Злой человек.

– Толстый, тонкий?

– Ни толстый, ни тонкий. Очень плохой человек.

Люди чесали в бородах, прикидывали и так, и эдак.

– Кто из наших купцов ездил ранней весной в кыргызские кочевья? – размышляли они.

Не дождавшись конца этих размышлений, хаджа Махмуд отправился посмотреть город, который он не видел целых двадцать лет. Он шел предзакатными улицами и переулками и думал о многотрудной судьбе Баласагуна.

Когда-то в незапамятные времена пришли в эту благодатную долину огнепоклонники из Согда и заложили город. В течение веков приходили новые племена и обновляли население. Город разрастался, менял властителей. Здесь правили и тюркешские каганы, и карлукские ябгу. В те далекие времена город звался Суяб.

В конце прошлого века основатели великой династии «из дома Афрасиаба», потомки Бильга Кюль Кадыр-хана¹, завоевали город и сделали его своей столицей. Отсюда они управляли огромной среднеазиатской империей, включавшей Мавераннахр, Фергану, Семиречье и Кашгарию. Многочисленные отпрыски этой династии, ведя беспощадную войну друг с другом, разодрали империю на куски – уделы. Совсем недавно, всего четыре года назад², великий каганат окончательно распался на две части: Мавераннахр, что между великими реками Аму и Сыр, унаследовал Шамс аль Мульк Наср ибн Ибрахим, представитель западной ветви Хаканидов, а восточные земли остались в руках потомков Юсуфа Кадыр-хана и опять-таки фактически разделились на две половины: одной – кашгарской частью – правит Тамгач Богра-карахакан (он приходится двоюродным дядей Махмуду), а второй, со столицей в Баласагуне – Тогрул-карахакан (приходящийся Махмуду двоюродным дедом).

Шахристан

Улица вывела его в шахристан – центр города, на берег полноводного канала. От канала, как ветви от древесного ствола, расходились журчащие арыки и бежали вдоль глиняных дувалов. За каналами кудрявой стеной вставал прекрасный сад; густая шевелюра его уже была тронута багрянцем осени. Махмуд различил айвовые, урюковые, яблоневого и ореховые деревья. Сквозь их кроны виднелась кирпичная стена чьей-то усыпальницы – гумбеа.

По деревянному мостику он попал в сад (нигде не было видно стражи) и прочел на богато украшенном портале слова, искусно выполненные арабской вязью: «Милость Аллаха да пребудет...», а затем, после длинной эпитафии, имя усопшего. Дальше у самого минарета стояла еще одна усыпальница в форме восьмигранника. За ней – еще несколько... И на каждой – имя какого-нибудь отошедшего в иной мир правителя «из дома Афрасиаба». И титулы: «элик», «тегин», «арслан», «богра»...

Махмуд со стесненной душой смотрел на родовое кладбище владетелей Баласагуна. Ведь все здесь лежащие – его родственники, двоюродные и троюродные деды, братья, дядя... Эти воинственные, грешные люди, потомки кочевников, жаждавшие власти и почестей, сражались, интриговали и гибли в борьбе с внешними врагами и друг с другом. Вся их жизнь сопровождалась кровью и звоном мечей. В жизни им не было покоя. Покой они нашли только здесь, в центре своей шумной столицы, среди тихо стоящих безгрешных деревьев; осень-художник украшает их могилы падающими листьями, а вечерний луч солнца высвечивает паутину на глубокой резьбе усыпальниц...

Он вышел на дворцовую площадь, вымощенную булыжником. Прямо перед ним горделиво высились стены ханской резиденции. Широкие кованые ворота плотно закрыты. Двое часовых, опершись на копыя, степенно беседуют друг с другом. За стенами

¹ Т. е. Караханиды.

² В 1069–1070 гг.

дворца – тишина. Можно было подумать, что там, как в склепе, тоже нет живых, если бы не боковая калитка, через которую проскользнул человек с плетеной корзиной в руках: видимо, он возвращался с базара.

Рядом с дворцом – домом кагана – расположилась Главная мечеть – дом Аллаха. В ней, как простые смертные, молились вместе с другими верующими сами правители и члены царствующего дома. Здесь, в пятничной молитве, провозглашалась хутба в честь багдадского халифа, а иногда – и в честь правящего в Баласагуне карахакана.

И над мечетью, и над дворцовыми постройками возносил свою чалмоносную голову Большой минарет – самое высокое строение в Баласагуне.

Перейдя по мостику широкий арык, Махмуд спросил человека, вышедшего из мечети, о причине тишины в ханском дворце.

Прохожий, важный, в дорогом халате, с холеной крашенной хной бородой, ответил вопросом на вопрос:

– Ты, наверное, чужеземец?

– Я только сегодня прибыл в город, – подтвердил Махмуд.

– Так знай же: наш великий правитель Зайн ад-Дин Шараф ад-Дин Махмуд Тогрул-карахакан ибн Юсуф Кадыр-хан живет в своем дворце только зимой, когда роду человеческому досаждают бураны и морозы. Остальные же времена года он вместе со своим царственным сыном Омаром Тогрул-тегином ибн Тогрул-карахаканом кочует в пределах своей победоносной могущественной державы.

«По выговору – закоренелый аргу», – привычно отметил про себя ходжа Махмуд.

Они пошли рядом. Прохожий, бросив искоса взгляд на спутника, сказал:

– Судя по стоимости халата, вы – почтенный человек, а по количеству пыли на нем – приехали издалека.

– Пылью богата и эта долина, – уклончиво ответил Махмуд.

Прохожий одобрительно крикнул, огладил свою красную бороду и начал подход с другой стороны:

– Да не покажутся мои слова навязчивыми, но не купец ли вы, почтенный? Я сам купец и, возможно, мы сумели бы заключить взаимовыгодную сделку.

– Нет, я не купец, и у меня нет товаров для продажи, равно как нет и денег на закупку их.

Краснобородый опять бросил недоверчивый взгляд на незнакомца:

– Всякий в этом мире что-нибудь продает и что-нибудь покупает...

Тут какой-то нищий попросил у краснобородого милостыню.

– Аллах подаст, у него попроси, – ответил тот.

– Я уже просил, но он меня к тебе прислал, – дерзко сказал нищий.

– Если Аллах ничего тебе не дал, то я и подавно не дам. Ведь сказано: «Не соревнуйтесь с Аллахом в щедрости, ибо Аллах, преславно имя его, щедрее и славнее». И краснобородый прошел мимо. Махмуд на минуту задержался и бросил нищему фельс.

Когда они пошли дальше, краснобородый недовольно сказал:

– Напрасно ты, чужеземец, так неразумно растрачиваешь свое добро. Где же тут остаться деньгам на товары!

– Из-за одного фельса я не стану беднее.

– Сказано мудрыми: «Трата фельса откроет двери для расхода дангов, трата же дангов откроет двери для дирхемов, дирхемы – для динаров, десятки откроют двери для сотен, а сотни – для тысяч, пока все эти траты не погубят тебя и не унесут то, чего много, и то, чего мало». Прощай же, о неразумный растратчик собственного добра, мне – налево!

Махмуд только головой покачал: «Вот каковы некоторые из жителей Баласагуна!». Конечно же, он и думать не мог, что еще увидит этого купца, и даже очень скоро.

В бане

Когда Махмуд вернулся в караван-сарай, Агуш и Тэмир-проводник уже ждали его с нетерпением.

– Господин, за оградой этого караван-сарая находится замечательная баня.

Баня так баня. За ними увязался и Саид-сплетник.

Банщик, здоровенный детина с бычьей шеей и длинными стрелами усов, спускающихся с кончиков губ, приветливо встречал входящих:

– Гостей посылает Аллах, – говорил он каждому в ответ на приветствие. – Хотя я и не владелец этой благословенной бани, а только арендатор, и послезавтра истекает срок аренды, каждый найдет здесь все девять и еще семь удовольствий за ничтожную плату. Торопитесь, правоверные, освежить тела и души до вечерней молитвы!

«Этот человек из племени басмыл, – привычно отметил Махмуд.

В предбаннике-раздевалке толпилось множество народа. Каждый складывал свою одежду в отдельный ящик, получал из рук служителя набедренную повязку и устремлялся в дверь, откуда вырывались струи горячего воздуха.

Вошел какой-то человек в воинском наряде, но без оружия и зычным голосом закричал:

– Эй, банщик! Готова ли принять твоя баня льва битвы и барса сражения?

Рослый банщик загородил ему дорогу:

– Эй, Халил-воин, поворачивай обратно! Не будет тебе здесь ни воды, ни омовения!

– Неприветливые речи я слышу! – рыкнул воин, хватаясь за пояс, где не было сабли.

– Или мои деньги хуже, чем у других?

«Поговору этот воин явно из шельджийских карлуков», – опять отметил про себя Махмуд.

Люди, толпившиеся в раздевалке, все как один повернули головы: на многих лицах проступили улыбки. Назревал скандал, который скрашивал унылые будни баласагунцев.

– Я еще ни разу не видел твоих денег, а ты ведь уже третий раз приходишь в мою баню, – отвечал банщик, обращаясь к посетителям:

– Все знают, что этот Халил-воин, помывшись в бане, нарочно устраивает скандал, крича, что у него-де украли что-нибудь из одежды. А потом уходит, ничего не заплатив. И вот все банщики Баласагуна решили больше не пускать этого человека в свои владения: пусть моется у шайтана!

Послышались смешки и шуточные возгласы. Халил-воин поворачивал голову то в одну, то в другую сторону, хватаясь за пояс. Потом сказал банщику:

– Но у меня нужда в мытье! Я должен помыться!

– Ты опять поднимешь крик, что у тебя что-нибудь пропало!

– Сегодня не подниму, – сказал Халил-воин.

– Тогда поклянись в этом бородой своего отца!

Халил-воин, видя, что иного выхода нет, торопливо пробормотал требуемую клятву, под наблюдением служителя сложил в ящик одежду, получил взамен набедренную повязку и быстро проскользнул в заветную дверь.

– Этот Халил-воин всем надоел своим бесстыдством, – сказал банщик. – Давайте же подшутим над ним. Эй, парни, ну-ка спрячьте его одежду, а вы, правоверные, будьте свидетелями.

Слуги тотчас вынули одежду Халила и спрятали в другой ящик, а банщик прилепил к дверцам кусочек глины, прижав ее печатью.

В хорошо прогретом помещении Махмуд и его спутники, усевшись на скамеечки и опустив ноги в лохани с горячей водой, принялись обильно потеть, что, как известно, весьма полезно для здоровья. У оконца специальный служитель выбривал желающим голову, предварительно натерев ее специальной ароматной глиной для мытья, заменявшей мыло. Лохматый, как медведь, Халил-воин, расположившись в дальнем углу на скамейке, мазал все тело вонючей нурой – специальным составом из гашеной извести с мышьяком, чтобы легче сходил волос. Он, видимо, был большой франт.

Саид-сплетник, пододвинувшись поближе к Махмуду, таинственно зашептал:

– Расскажу я вам про этого Халила-воина случай, забавнее которого и выдумать нельзя!

И не дождавшись согласия, прикрыв губы ладошкой, зачастил:

– У этого глупого человека была в нашем городе любовница, а кто – умолчу. Когда он вернулся из похода, то написал ей записку: «Приходи, о черногривая кобылица! Попасемся вместе на лужайке любви!» – и послал с нею своего раба (тогда у него еще был раб).

Красавица прочитала записку, но, взглянув на посланника, обнаружила, что он красив и первый пушок юности, подобно ферганскому персику, залег на его щеках. И тогда она подумала: «Зачем мне бежать к тому дураку, воняющему конским потом и чесноком, когда рядом нарцисс из райского сада?». И она стала поводить глазами, играть ресницами и делать другие намеки, как это в обычае у женщин. Юноша не устоял перед совершенством чар, как не устояли ангелы Харут и Марут перед красотой Зухры.

Но не успели они испить сладкого щербета из кувшина любви, как услышали стук в дверь и грубый голос. Это Халилу-воину прискучило ждать ответа, и он сам отправился к той лавке, где подают такие напитки.

– Горе нам! – испугался юноша-раб. – Сейчас мой хозяин изрубит нас мечом!

Но женщина, слабая телом, но могучая духом, велела юноше спрятаться в чуланчик, а сама открыла дверь Халилу-воину и приветствовала его как ни в чем не бывало.

– О моя несравненная верблюдка! – заблеял Халил-воин. – Разве не получала ты записки с назначением свидания?

– Ничего не получала, – отвечала искусительница. – Но я прослышала, что ты вернулся и собралась отправиться к тебе.

И она вознамерилась было напоить его щербетом все из того же кувшина.

Вдруг опять застучали в дверь и раздался требовательный голос.

– Это муж! – сказала женщина.

– Горе мне! – воскликнул Халил-воин. – Он увидит свершение недозволенного и затеет со мной драку, и поднимется шум, и дойдет до правителя, и буду я лишен всех преимуществ и хаканских милостей! (А наш повелитель Тогрул-хан жестоко наказывает за прелюбодеяние).

– Ничего не бойся, – отвечала женщина. – Ты, открывая дверь, гневно кричи какие-нибудь проклятья и уходи своей дорогой.

Халил-воин отбросил крючок и стал громко ругаться:

– Прах на голову живущим здесь! Я этого так не оставлю! Я вознесу жалобу самому эмиру! – и с тем ушел.

Муж (а он был купцом) посмотрел ему вслед и спросил:

– Что это за воин, и почему он так гневается, о жена? Жена подбежала к мужу и воскликнула:

– Слава Аллаху, ты вернулся! Я вся прямо дрожу!..

– В чем дело? – допытывался муж.

– Я занималась домашними делами, ожидая тебя, – ответила жена. – Как вдруг вбежал какой-то юноша и стал в страхе умолять спасти его от гибели: за ним-де гонится злой насильник и хочет в ярости лишить жизни. Тут послышались громкие проклятия и топот у наших дверей. Юноша закрылся в чулане, а в дом ворвался этот самый воин. Он кричал и грозился, и требовал показать, куда я укрыла юношу. Я отвечала, что ничего не знаю. Воин, размахивая мечом, изрыгая угрозы, принялся обшаривать все углы и тут вовремя появился ты, да пребудет над нами милость Аллаха!

– Почему же дверь была на крючке? – спросил муж подозрительно.

– Воин ее закрыл, чтобы юноша не мог убежать.

– А где же этот юноша?

– Сидит в чулане.

Муж открыл дверь и крикнул:

– Выходи!

Юноша вышел, и муж сказал ему:

– Жена моя с риском для своей чести и жизни сделала с тобой богоугодное дело. Но на этом наши милости и кончаются. Уходи скорей из моего дома и знай: ты меня не видел, я тебя не видел!

Махмуд, выслушав историю, подумал: «Не зря этого человека зовут Саидом-сплетником. Что же касается рассказа, то я его слышал не менее пяти раз и в разных городах».

Агуш заливался смехом:

Сказано в Коране: «Воистину берегитесь жен своих!».

Тэмир-проводник, нахмурившись, заметил:

– Значит, правду мне говорили, что все женщины в городе – шлюхи.

На дальней скамейке Халил-воин уже давно с любопытством вытягивал шею, стараясь услышать, о чем так весело рассказывает Саид-сплетник, не утерпел и крикнул:

– Эй, свадебный Сайд! Что ты там болтаешь приезжим? Опять какую-нибудь брехню?

– Тебя хвалю, – отвечал Сайд, не моргнув глазом.

Вошли служители и принялись растирать, разминать моющихся – тех, кто мог оплатить подобные процедуры. Хозяин бани сам взялся обслуживать Махмуда – он сразу отличил его из всех прочих наметанным глазом. Под его ловкими руками усталое тело вновь набиралось сил и бодрости. Махмуд только покрхтывал.

– Почему Халил-воин окликал Сайда прозвищем свадебный? – спросил он у банщика.

– Э! – отвечал хозяин. – Оба они бездельники. Что касается Сайда, то это великий болтун и сплетник. Есть у него привычка посещать незваным все свадьбы, хотя бы это происходило в самой дальней слободе. И не только в слободе: он всюду набивается на угощение, будь то похороны, обрезание или продажа дома. Предостерегаю вас от него! В Баласагуне полно жуликов, и он – один из них, хотя и не самый зловредный.

Когда хозяин ушел, подоспевший Саид-сплетник доложил:

– Этот банщик – самый хитрый и жестокий из банщиков Баласагуна. Он держит в подземелье под баней рабов – истопников и никогда не выводит их на свет божий! Говорят, что они прикованы к стенам цепями!

Солнечный луч, пронизывавший помещение, внезапно померк. И сквозь говор и всплески воды проник серебряный голос азанчи, призывавшего к молитве.

Все сразу прекратили свои занятия и стали переглядываться:

– О Аллах! – воскликнул один. – Надо помолиться.

– Но дозволено ли это в бане? – сказал другой с сомнением.

– Как же быть?

– Есть ли Знающие и Помнящие среди нас? Что говорит по этому поводу Коран?

— Запрещено творить молитву в нечистых местах: в отхожих, на бойнях, в вертепах, где пьют вино...

– А следует ли считать баню нечистым местом?

– Но ведь баня – именно то место, где люди отмывают себя от грязи и делаются чистыми...

– Молитесь, дети мои, посоветовал какой-то дряхлый старик. – Ибо вода для омовения есть, осталось только прочесть молитву.

Многие попадали на колени, согнулись в поклоне и принялись было беззвучно шевелить губами, как вдруг один сказал:

– В какую сторону молиться? Я не знаю, где кыбла в этой бане.

Все в растерянности уставились друг на друга.

– И я не знаю...

– И я...

– Пойдите-ка! Бая выходит воротами на дом седельника Берды, а седельник Берды приехал в город с севера...

– Нет, седельник Берды приехал с юга...

– О правотерные! – вступил в разговор Махмуд, пряча улыбку в бороде. – Судите по солнцу: кыбла находится как раз в том углу, где сидит воин Халил...

Халил-воин с испугом оглянулся. Кто-то заметил:

– Но не можем же мы молиться на воина Халила!

– Эй, ты, неверный! Убирайся из угла! – закричало несколько голосов.

– Пойдите, о правотерные! – опять вмешался Махмуд. – Не спорьте зря – уже поздно! Пока вы разбирались между собой, время молитвы прошло.

Все тотчас стали занимать свои места, сокрушенно покачивая головами.

В раздевалке, помолодевшие и умиротворенные, наши путешественники получили свою одежду и вернули набедренные повязки.

– Эх, забывчивость, забывчивость! – сокрушенно качал головой свадебный Сайд. – Не иначе, как шайтан помог мне оставить кошелек дома. Друг, не заплатишь ли за меня сегодня, а я заплачу за тебя завтра? – обратился он к Агушу.

Вышел Халил-воин, с досиня выбритой головой, с гладким лощеным телом, полез в свой ящичек и закричал:

– Где моя одежда?

Банщик подмигнул присутствующим и ответил:

– Опять будешь говорить, будто у тебя кое-что пропало! А как же клятва? Все свидетели здесь!

– Но ведь ящик пуст!!!

– Клятва! Клятва! – напомнил банщик.

Халил-воин остолбенел; он только вращал глазами да молча открывал и закрывал рот. Свидетели подмигивали друг другу и ухмылялись.

– Повязку-то отдай, — напомнил банщик.

Остался Халил в чем мать родила. Долго он не мог вымолвить ни слова, наконец произнес:

– Послушай, о банщик из банщиков! Я ничего не могу сказать, но сам рассуди: неужто я пришел сюда в таком виде?

Тут все присутствующие покатались со смеху. А банщик мигнул служителям.

– Вот твоя одежда – целехонька! Наконец-то ты сказал умные слова! За них полагается награда: приходи в следующий раз, тебя здесь обслужат бесплатно!

Когда выходили из бани, уже пали сумерки. Махмуду показалось: какой-то человек выглянул из-за угла и скрылся. Шедший рядом Тамир-проводник издал громкий возглас, бросился в ту сторону и исчез.

– Велик Аллах! – сказал оторопевший Агуш. – Не увидел ли он пэри?

– Наверное, тот человек ему должен, – рассудил Сайд.

Путники завернули за угол: там никого не было.

– Воистину это удивительно! – сказал Агуш.

– Может быть, он обнаружил того самого купца?

— Не будем гадать, – сказал Махмуд. – Он знает дорогу в караван-сарай и вернется, когда сочтет нужным.

А про себя подумал: «Может быть, он нашел своего брата-друга?».

Свидание с «Кутадгу билиг»

В караван-сарае была и харчевня. За низкими столиками, скрестив ноги калачиком в ожидании ужина, сидели постояльцы, чинно макали куски лепешки в подсоленную или сдобренную уксусом воду – для возбуждения аппетита – и вели степенные беседы.

Трое прислужников, двое взрослых сыновей хозяина и сам караван-сарайщик Хасан, разносили дымящиеся блюда.

Махмуд и слуга тоже уселись за столик и стали ждать своей очереди. К ним, не дожидаясь приглашения, подошел и Сайд.

– Накормить тебя сегодня, а ты накормишь меня завтра? – насмешливо заметил Агуш.

– О праведник! – подхватил Сайд. – Твоя проницательность необычайна! Вспомни слова, сказанные мудрецом; «Если делать добро, то делать до конца».

И он с жадностью принялся за тутмач – лапшу с мясом. Когда все насытились и перешли к прохладительным напиткам, хозяин Хасан возгласил:

– По заведенному обычаю после пищи телесной желающие могут насладиться духовной пищей. О почтенные! Вы сейчас услышите жемчужины – бейты нашего земляка, великого хасс-хаджиба мавлана Юсуфа, да пребудет с ним милость Аллаха вечно и неизменно!

Поэму читал старенький, с редкой седой бородашкой бывший наставник из медресе (как объяснил сотрапезникам Саид-сплетник). Хозяин уселся рядом и стал помогать старцу: переворачивал вовремя страницы, и толстые губы его шевелились в такт со словами, которые произносил наставник.

Старичок читал исполненные сокровенной мудрости строки монотонным и скрипучим голосом. Время от времени голова его, увенчанная громадной чалмой, клонилась долу, язык начинал заплетаться, и он бормотал что-то непонятное... Тогда хозяин громко кашлял; почтенный мулла, встрепенувшись, говорил:

– Зажги-ка чираги (светильники), о Хасан ибн Ляйс! Что-то плохо видно...

Конечно, чтение было из рук вон плохо. Но слушатели – и купцы, и простые погонщики – благоговейно внимали слову, начертанному в книге. Каждый из них полагал, что написанное хоть и не Коран, и не откровение Аллаха, однако все-таки – чудо, доброе волшебство, а истины, читаемые косноязычным муллой, – товар, который не купишь завтра на базаре. К тому же сейчас его раздадут бесплатно.

Но самым примерным слушателем был сам хозяин Хасан. Он с гордостью поглядывал на аудиторию и время от времени повторял особенно понравившийся бейт:

– Слыхали? «С дурными не знайся и чужд им пребудь, твори лишь добро – будет ладным твой путь».

И еще один человек был весь – внимание. Пораженный ходжа Махмуд верил и не верил своим ушам: «Тюркская поэма! Почему же я ничего не слышал о ней прежде? Видимо, она создана недавно».

Когда старенький чтец совсем уж начал было засыпать, караван-сарайщик поднялся, шумно вздохнул и сказал:

– На сегодня хватит! И двигающему языком, и слушающему ушами – всем нужен отдых. А завтра вечером мы продолжим, с помощью Аллаха!

Один из слушателей, судя по одежде – араб, спросил:

– Почему же ваш земляк, этот великий поэт, покинул родной город и отправился в Кашгар? Не разумнее ли было преподнести книгу вашему правителю здесь, на месте, и тем избавить себя от тягот путешествия и дорожных расходов?

Ходжа Махмуд усмехнулся. Он-то догадывался, почему. Характер его двоюродного деда, истинного кочевника, был ему известен. Тогрул-карахакан был человеком старого закала. Жильем, достойным мужа, он признавал лишь юрту-шатер, спал на волчьих шкурах, постеленных прямо на земле, уплетал баранину, пропахшую дымком походного костра, и собственноручно клеймил конский молодец в своих табунах, когда приспевала пора. Жителей городов он рассматривал лишь как годный к обложению податями, изнеженный, жуликоватый и недостойный доверия народ. Он с неодобрением относился к тому факту, что многие тюрки, вчерашние кочевники, оседали в городах и селениях, начинали заниматься ремеслами, торговлей или становились хлебопашцами. Правда, в подавляющем большинстве своем это были бедняки, «кара бодун» – «черный народ». Многие из них пополняли собою в городах самую низшую прослойку населения и

назывались «айары» – всякий сброд без роду, без племени. Эти айары всегда были первыми во времена народных волнений. От них можно было всего ожидать, ибо неимущим терять нечего!

Не любил Тогрул-карахакан мудрствования начитанных грамотеев, а также опасался насмешек острых на язык горожан.

В те времена поэты могли существовать лишь на милости, которые им оказывали правители-меценаты, вельможи-покровители и прочие сильные мира сего. Иначе они умерли бы с голоду. Недаром поэт Сана'и с горечью писал: «Одному она (т. е. судьба) из Баласагуна доставляет пропитание в Герат. А другого ради куска хлеба гоняет до самого Баласагуна».

В Баласагуне, этом форпосте (наряду с Кашгаром) мусульманской культуры на Востоке, было множество мечетей, несколько медресе и ханака – общежитий для обучающихся. Важные муллы, надменные улемы, крикливые мударисы, а также их поджарые, вечно голодные студенты-шогирды сплошь и рядом попадались на улицах. При встречах они вежливо раскланивались, в цветистых выражениях призывали друг на друга милость Аллаха, иногда вступали в благочестивые беседы. Прохожие ремесленники и торговцы почтительно приветствовали их и шли по своим многотрудным делам, умиленно размышляя о святости служителей Бога. Однако бывало и по-другому, особенно если встречались люди из разных сект, например, ханифит с шафиитом. Тогда святые мужи, потрясая рукавами длинных одеяний, призывали Аллаха излить на голову противника не милость, а нечто совсем другое.

А вот поэтов в Баласагуне не водилось – некому было вскармливать их поэтический дар. Разумеется, ходжа Махмуд не стал объяснять всего этого любопытствующему арабу.

Зато выскочил вперед Саид-сплетник.

– Пойдите! – сказал он. – Сейчас я расскажу вам историю, из которой все станет ясно.

«Однажды пришел к повелителю нашему Тогрул-хакану поэт баласагунский Кучлук и прочел славословие в честь высокородного хакана. Тогрул-хакан выслушал и сказал своему дабиру (письмоводителю):

– За такие стихи этому человеку надо дать тысячу дирхемов.

Кучлук (а был он сыном бедного кочевника с реки Ашпары) подпрыгнул от радости и прочел два бейта о щедрости правителя.

– Нет, пять тысяч, – сказал хакан.

Кучлук чуть с ума не сошел и опять рассыпался в похвалах.

– Дадим ему пятнадцать тысяч, – сказал хакан.

Бедный кочевник-поэт, не зная, как выразить свою радость, с криком: «О щедрейший! О величайший!» – выскочил за дверь.

Дабир же сказал государю:

– Этот поэт нанес урон казне, о повелитель, больше, чем знаменитый разбойник Озар.

– Неужели ты собираешься ему платить? – спросил Тогрул-хакан.

– А разве есть путь к невыполнению твоего слова?

– О дурак, и сын дурака и внук дурака! – воскликнул хан. – Разве ты не знаешь правила меновой торговли: «За равное – равное?». Этот человек сказал нам приятные слова – и мы сказали ему приятные слова. Разве, утверждая, что я сильнее льва, и что от моего голоса рассыпаются горы в прах, а лик мой краше луны, он дал мне на руку что-либо осязаемое? Разве мы не знаем, что он лгал? Но он порадовал нас словами, и мы порадовали его словами. Таким образом, ложь – за ложь, товар – за товар. А если бы ты выдал ему за слова дирхемы, то это был бы явный убыток для нас, о чем я тебя и предупреждаю.

– Теперь вы понимаете, почему в Баласагуне так мало поэтов? – закончил свой рассказ Саид-сплетник. – Говорят, Табгач Богра-карахакан Кашгарский не таков. Вот по

какой причине наш великий и несравненный мавлана Юсуф покинул родной город и отправился в Кашгар, ко двору правителя, столь ценящего истинных поэтов!

«По-моему, точно такой рассказ я читал у бессмертного аль-Джахиза, – подумал Махмуд. – Только речь там шла о совсем другом правителе. – Однако мой двоюродный дед вполне мог поступить так же».

Присутствующие посмеялись рассказу Сайда и стали расходиться. На прощание араб спросил у Махмуда:

– Насколько я понял, титул «Богра-хан» с вашего языка переводится как «Великий верблюд-хан»?

– Двугорбый верблюд-производитель, – уточнил Махмуд.

– Велик Аллах! Нет предела чудесам этого мира! – воскликнул араб. – Если бы у себя на родине я назвал так самого последнего из наших эмиров, мне немедленно отрубили бы голову!

Наконец все разошлись, задержался лишь Махмуд. Он увидел, как хозяин завернул миску с горячей лапшой, лепешкой и луковицей в чистую тряпку и передал старику-чтецу со словами: «Отнеси этой несчастной!».

Потом объяснил Махмуду:

– Половина караван-сарая – там, где складские помещения, – принадлежит купцу Бадану. Он придерживает много товаров в ожидании, когда цены на них поднимутся. И там же, в комнатке с решетками держит рабыню-искусницу: она ткёт ему ковры – кылемы. А этот старичок когда-то был наставником в медресе, что у мечети Ибрагима ибн Насра. А потом годы согнули его спину и не стало у него мочи справляться с нерадивыми шогирдами. Теперь он служит сторожем на складах купца Бадана, а у него ведь три неженатых сына. За каждую невестку нужно уплатить калым. Вот я и даю ему возможность подработать.

– А почему купец Бадан держит свою рабыню-искусницу здесь, за решеткой, а не дома, как это в обычае у мусульман?

– Одна из причин та, что пленница очень строптива: говорят, купец не одну плетку измочалил, приучая ее к покорности. А вторая причина – в жене купца. Она захватила верховную власть в доме и не терпит соперницы. Купец же очень жаден и совсем плохо кормит свою рабыню. Из жалости каждый вечер я передаю ей еду со старичком-сторожем.

– Аллах вознаградит тебя за доброе сердце, – сказал Махмуд.

– Он уже вознаграждает меня. Я сыт и дети мои почитают отца. Как сказал мавлана Юсуф:

«Пока ты живой – все желанья с тобой,
Цела голова – сладишь с целью любой!»
И еще сказал светоч разума мавлана Юсуф:
«Еще бедняков встретишь ты меж людьми,
Одаривай их, напои, накорми.
Молитвой тебя они вознаградят,
А это – прекрасное дело, о брат!»
Махмуд сказал:

– О почтенный! Прекрасные стихи достигли самой глубины моего сердца и вызвали бессонницу. Не одолжишь ли на ночь эту замечательную книгу, дабы я мог насладиться божественной мыслью великого хасс-хаджиба в тишине и уединении? За хорошую плату, разумеется.

Хозяин осторожно вытер переплет рукавом и бережно подал книгу, словно драгоценность:

– Возьми, почтенный. А денег не надо: моя душа вознаграждена уже тем, что в твоём лице я встретил Понимающего и Чувствующего.

...Затих караван-сарай, затих многоязыкий город. Звездное покрывало ночи простерлось над Баласагуном, над ханским дворцом, над «минаретом минаретов», над усталыми слободками ремесленников.

А в своей комнатке Махмуд-странник при свете двух чирагов с волнением вчитывался в строки. Вот она, первая великая поэма на чистом тюрки, языке «хаканийя»? Ах, как он был прав, когда спорил с учеными сочинителями касыд в Багдаде и Нишапуре, в Мерве и Самарканде, в Кашгаре и Узгенде, доказывая, что язык тюрков не менее богат и выразителен, чем арабский и фарси, которыми они пользуются! Просто никто еще не взял на себя смелость попробовать писать на этом «языке невежественных кочевников», как презрительно называли тюркскую речь придворные поэты, многие из которых по своему происхождению были тюрками!

И вот такой человек нашелся. Хвала же тебе, Юсуф из Баласагуна! Будь славна и земля Баласагуна, родившая поэта.

Махмуд откинулся на подушки и закрыл глаза. Он испытывал глубокое удовлетворение – впервые за последние годы. Мавлана Юсуф, сам того не ведая, оказал ему, Махмуду, великую поддержку и укрепил дух. Теперь он знает наверняка: не зря было испытано столько лишений, исхожено столько дорог. Не зря он вложил столько труда в свою книгу. «Словарь тюркских наречий» теперь особенно нужен – нужен, как никогда!

Махмуд уже провидел внутренним зрением грядущие поколения тюркских поэтов, которые перестанут, наконец, стыдиться родного языка и откроют миру все его богатства, все его красоты! И в утверждении тюркской речи как равной в семье других литературных языков будет и его заслуга, недостойного и скромного ученика «великих» – Махмуда из Кашгара.

...Со стен шахристана глухо донеслась барабанная дробь, возвещавшая полночь, а человек, освещенный красноватыми язычками чирагов, все склонялся, чуть сгорбившись, над книгой и беззвучно повторял бейты, в которых воплотился опыт поколений, мудрость предков, сам дух Идущего Времени...

Сон

Махмуд заснул лишь под утро. И приснился ему сон...

...Когда стал великим хасс-хаджибом мавлана Юсуф, слава его распространилась далеко вокруг. Услышав об этом, с гор Баласагуна, из долин Таласа и Чу, с побережья Иссык-Куля потянулись к нему многочисленные родственники и друзья. Так всегда бывает, если человек достигнет чего-нибудь значительного в жизни. И вот пришли они толпой в жилище поэта.

– О, хасс-хаджиб, узнаешь ли ты меня? – кричал мужчина в бараньей шапке.

– Слава Аллаху, узнаю: ты мой двоюродный дядя. Эй, ылымга (секретарь)! Прикажи выдать почтенному дяде тысячу дирхемов!

– О, хасс-хаджиб, узнаешь ли ты меня? – закричала какая-то женщина.

– Узнаю: ты моя ача (двоюродная тетка). Эй, ылымга! Выдай пятьсот дирхемов!

– О, хасс-хаджиб, узнаешь ли ты нас? – раздалось сразу несколько голосов.

– Да, узнаю. Вы – мои инилери (младшие родственники по мужской линии). Эй, ылымга! Выдай им по сто дирхемов.

Тут еще подбежал человек:

– Великий хасс-хаджиб! Я – друг твоего детства. Мы вместе играли в альчики.

Хаджиб посмотрел в свой кошель, а там осталось всего два дирхема.

– Понимаю, – сказал он. – Мы – оба друзья детства, значит, расходы на двоих. Выдай нам, о ылымга, по дирхему на человека!

И тут раздался еще один голос:

– А меня ты узнаешь?

– Ты моя старшая жена Айша.

– Что же мы будем ужинать? – сказала Айша. – Пусть книга твоя – сокровище, но ее не положишь в казан.

Хасс-хаджиб протянул ей дирхем.

– Этот дирхем дала мне дружба. Пошли слугу на базар: пусть купит мяса.

– Плохие стали нынешние деньги и плохие цены, – отвечала Айша. – Моей бабке рассказывала ее бабка, что в их времена после большого базара нераспроданный скот забивали и продавали мясо по серебряному дирхему за ман. А теперь что я куплю на этот черный дирхем? За мясо старого козла надо платить целых шесть дирхемов и еще один данг.

– Не печалься, жена, – отвечал хасс-хаджиб. – Слава Аллаху, дети наши уже пристроены и заботы о них нет: сыновья служат в войске, а дочери замужем. А ты, о жена, сходи в гости к подруге. Я же пообедаю у великого хакана во дворце. Так и перебьемся до следующего жалованья...

А в это время родственники и друзья детства выходили из дворца, звеня монетами и почем зря ругая поэта за скупость. Мог бы де и больше отсчитать этих беленьких и кругленьких...

От этого звона Махмуд проснулся. Первое, что он увидел – своего слугу. Агуш сидел на цветной кошме, поджав под себя ноги, старательно раскладывал перед собой монеты, шевеля губами и морща лоб. Тут были и фельсы, и дирхемы «гитриффи», несколько серебряных дирхемов, отчеканенных по приказу хакана Ибрахима ибн Насра (нынче дирхем чеканят лишь из сплава меди и олова) и даже несколько золотых саманидских динаров. Видимо, слуга вытряхнул все содержимое своего драгоценного мешочка, о сохранности которого он всегда так беспокоился.

– Я вижу, ты, словно полководец, устроил смотр своим войскам спозаранку, – заметил Махмуд.

– Это не войска, – возразил Агуш, – Это карта. Ходжа Махмуд удивленно вскинул брови.

– Ты видишь перед собой карту всех тех земель, которые измерены копытами наших коней во время бесчисленных скитаний, – важно заявил Агуш.

В глазах Махмуда зажглись веселые огоньки, он присел на корточки.

– Пусть так, – сказал он. – А где же здесь горы, реки, города и селения?

– К чему мне горы и реки? От них только беспокойство путнику: то карабкаешься под небеса, то ищешь брод. Нет на моей карте и бесчисленного роя селений. Я составил ее, идя другим путем.

– Каким же? И что означают разбросанные в беспорядке монеты?

– Наоборот: здесь строгий порядок! Вот смотри: начали мы скитания за год до того, как Тогрул-бек Сельджук взял Багдад¹. Мы пошли в земли огузов, что кочуют по Сырдарье. Нас там угощали хорошо: огузы не любили сыновей Али-тегина Самаркандского², мы не любили их тоже, вот огузы и встретили нас с почетом. Я кладу здесь серебряный дирхем. Дальше мы попали в кочевья кыпчаков. Сначала гостили у Кылыч-бека – очень хорошо гостили! Я кладу здесь золотой динар. Потом кочевали вместе с Алтын-баем йемеком. Тут нам не повезло: напало зловредное племя кай и угнало стада Алтын-бая. Нам пришлось подтянуть животы: плохое было угощение! Поэтому я кладу здесь медный фельс.

Махмуд начал постигать картографический принцип своего слуги.

– Потом мы поехали в земли тюргешей. – Агуш положил цепочкой три дирхема и золотой динар. – Очень хорошо кушали: свежая баранина, мясо молочных жеребят... А какой кумыс подавали!

Агуш облизнулся и закатил глаза.

– От них мы повернули морды наших коней на восход солнца к чигилям. Все они – приверженцы Якуб-бека, и потому угощали нас не очень хорошо. Я кладу черный дирхем.

¹ В 1055 г.

² Один из представителей западной ветви Караханидов.

У карлуков с Черной речки гостили прекрасно, но мало. – И Агуш положил обрезаек золотого динара.

– Но я вижу несколько простых камешков, – вставил Махмуд. – Что они означают?

– Это перевалы в горах, где нам приходилось голодать или питаться жалкими запасами из курджунов.

– А что ты скажешь о нашей теперешней стоянке? Ведь пища здесь неплохая и хозяин Хасан – человек щедрый. Пожалуй, здесь следует положить золотой динар.

– Ничего не скажу! – отрезал Агуш. – И динара не положу. Ты же запретил мне говорить всем о твоём происхождении. Разве мы гости? Мы только постояльцы, и угощает нас здесь собственный кошелек. Вот и я его угощу!

Агуш сгреб все деньги в заветный мешочек и завел свою обычную песню:

– Э-эх! Разве дело для высокорожденного испещрять следами своего коня пустынные горы и безбрежные, как небо, степи? Ночевать у костра кочевника? Или кормиться в харчевнях, как последний айар?

– Но ты же знаешь, работа моей жизни того требует.

– Вай-улай! Разве нельзя было вызывать к себе во дворец людей всяческих племен и, сидя на шелковых подушках, повелеть старательным писцам, чтоб они записывали их речи?

– Сказанное во дворце отличается от того, что говорится у степного костра под звездами.

– Кокуй! – воскликнул с горечью Агуш. – А ведь любой правитель с радостью отдал бы нам во владение большой-большой икта с городами и селениями!

И Агуш ясно представил себе: в огромной зале с колоннами, на золотом троне сидит, поджав ноги, его господин – падишах Махмуд. Он, Агуш, сын Бекмека – у подножия трона, дородный, важный везир-югруш. А перед ними – бесчисленные гости, послы и просители с богатыми подношениями. Писцы скрипят каламами, записывая прибыль, и пот усердия струится по их щекам...

Агуш с сожалением вздохнул, а ходжа Махмуд вспомнил, с чего начались их скитания. Наверное, с того момента, когда он, царевич Махмуд, отправился на чужбину пополнять свое образование. На путешествие в поисках знаний ушло несколько лет. Он побывал за это время в Бухаре, Самарканде, Газне и Мерве, Нишапуре и Багдаде. В ученых спорах он свободно переходил с фарси на арабский, но когда начинал говорить на тюрки, замечал пренебрежение к себе и к своей речи. Было обидно. И появилась мысль исследовать все многообразие тюркских наречий, чтобы выделить главное, коренное и отбросить все наносное, равными путями проникшее в тюркскую речь. А чистую тюркскую речь уж давно не услышишь в городах. Согдаки и кенджеки давно испортили ее звучание, исказили смысл, дополнили своими словами. Чистая, как родниковая вода, тюркская речь осталась лишь в кочевьях. Вот из чего родились бесконечные скитания по землям и племенам.

Немало способствовали этому и кровавые события, происшедшие в Кашгаре в 449 г. хиджры¹, как раз в то время, когда он возвращался домой.

Великий хакан Сулейман ибн Юсуф – глава восточной ветви Караханидов – был слабым и набожным человеком. Такому не править огромной империей, а проповедовать с минбара в мечети. Он не мог укротить железной рукой своеволие удельных правителей – великий каганат распадался на глазах.

Тогда младший брат хакана Мухаммад Богра-хан (родной дед ходжи Махмуда) сверг Сулеймана, заключил его в крепость и занял престол. В скором времени он назначил себе наследника – своего старшего сына Хусайна Джагры-тегина, правившего до того в Барсхане (на южном берегу озера Иссык-Куль). Хусайн был отцом Махмуда.

¹ 1057–1058 гг.

Но такое решение вызвало ярость у новой жены хакана, молодой и прекрасной, но злой и жестокой нравом. У нее был маленький сын Ибрагим – вот кого она прочила в наследники!

И хатун, которую люди прозвали «Владычицей бедствий», пошла на преступление. Она составила заговор. На одном из пиров она отравила своего мужа – хакана, наследника престола и еще многих членов царствующего дома. И в то время, когда в торжественном зале еще слышались предсмертные хрипы умирающих, сообщники хатун убивали в комнатах, на галереях и в дворцовых коридорах и переходах слуг, телохранителей, чиновников и военачальников – всех, кто сохранял верность погибшему хакану. Сулеймана же задушили в тюрьме. Престол занял юный Ибрагим, как того хотела «Владычица бедствий».

И узнал Махмуд-тегин, что нет больше у него деда – могучего правителя, нет отца, нет даже отчего дома и сама жизнь его в опасности. Эти события навсегда вызвали у юного Махмуда отвращение к власти и борьбе за власть. Трудный, порой очень суровый, но зато чистый от крови к чужих слез путь ученого избрал он себе. Так и скитается он двадцатый год по стране, хотя давным-давно никакая опасность не угрожает ему, и он мог бы занять соответствующее своему происхождению место в иерархии династии. Но... Пусть занимают посты другие. Его же пост определен самой Вечностью.

Во чреве Баласагуна

Тэмир-проводник так и не явился. Поручив слуге разузнать о нем у банщика, ходжа Махмуд отправился на городской рынок приискать хорошего каллиграфа-писца.

Знаменитый на всю Чуйскую долину Баласагунский базар! Он занимал огромную площадь – в несколько танапов – и был окаймлен цепью постоянных дворов–муйзников и караван-ашкан: в них любой мог найти себе и ночлег, и пропитание. Кроме того, горячую и холодную пищу продавали прямо между базарных рядов крикливые разносчики своего товара: тут были и свежие лепешки, приготовленные в тандыре, и лепешки с маслом – какурган, и вареная требуха, и сладкие пирожки – бистандуд. Повсюду настигал прохожих запах жарящегося на открытых жаровнях мяса и печенки.

Желающему утолить жажду из вместительных кожаных бурдюков – чаначей предлагали кымыз, бекни (напиток из пшеницы), агарку (напиток из ячменя) и бозо (из проса).

Было здесь и особое место для крепких напитков. Из винного погреба, что у Невакетских ворот (его содержал хмурый, всегда трезвый старик-аргу), часто слышались веселые голоса: то беспечные гуляки-ринды, осушая чаши с белым ароматным вином райхани или с базилем – опьяняющим напитком (рецепт которого был завезен из арабских стран), распевали песни о тщетности всего земного, о жестокосердных красавицах со станом, подобным гатфарскому кипарису¹.

Добродетельные люди, проходя мимо этого «грешного места», плевались и бормотали заклинания.

А чего только не было на Баласагунском базаре! Вот кузнечные ряды. На арбах лежат выплавленные куски железа, олова, меди, привезенные с гор Таласа и Чаткала. Кузнецы и медники продают готовый товар: железные лемехи – букурсы, мотыги, вилы, кетмени, медные кувшины – кумганы, плотницкие топоры – теша, подковы, походные котелки. Тут же стоят барсханские² купцы с колоколами и колокольчиками, казанами и походными чашами, блюдами и мисками, отлитыми из металла харсини.

За кузнечными рядами оружейники расхваливали изогнутые сабли, прямые мечи, наконечники стрел и копий, боевые топоры, огромные секиры – балду, шлемы-мисюрки и шлемы-шишаки, железные щиты – тэмир калкан.

¹ Гатфар – один из кварталов средневекового Самарканда, славившегося своими кипарисами; образ-штамп в поэзии того времени.

² Барсхан – город на южном берегу Иссык-Куля (около совр. Берскоон), родина отца Махмуда Кашгарского Джагры-тегина Хусейна.

Дальше идут многочисленные гончарные ряды. Целые горы облицовочной терракоты, жженого кирпича, водопроводных труб из обожженной глины – кубуров. На солнце пеке громоздились пирамидами чаши, миски, горшки для варки пищи и огромные кувшины-хумы для хранения продуктов (в каждом из них может спрятаться человек), светильники – чираги всевозможных форм, изящные глазурованные флакончики для мазей и даже детские свистульки.

Согдийская глазурованная посуда еще в IX в. получила известность на всем мусульманском Востоке. Спустя век ремесленники Семиречья (среди которых было много осевших тюрок) упрочили славу предшественников. Посуда зачастую была украшена цветным орнаментом или изображениями живых существ (вопреки запрету ислама): лягушки, фазана, медведя, льва и даже человека. На многих выписаны богоугодные изречения.

Вот какой-то кочевник (судя по одежде – из племени канглы) остановился около гончаров и стал нерешительно рассматривать горшки. Хозяева тотчас наперебой принялись расхваливать свой товар, хватая покупателя то за рукав, то за полу длинного овчинного тулупа.

– Слушай, почтенный, какой чистый звук у моей посуды! – кричал один и щелкнул по выпуклому боку горшка. А какая надпись на нем: «Пусть будет он наполненным. Аминь. Аминь!». С таким пожеланием твой горшок станет для тебя вечным источником добра, и дела твои упрочатся!

– Не слушай его, о бек-джигит! – кричал сосед. – Мой горшок ничуть не хуже, зато надпись вчетверо длиннее за ту же цену! И какая надпись! Не его жалкое изречение, а стихи мудрейшего хасс-хаджиба Юсуфа. Вот послушай:

«Будь добрым и печься о суетном брось:

Кто добр, для того и богатство нашлось.

Во гневе разумным и сдержанным будь,

Терпение к завтрашней радости путь».

– У меня еще лучшие стихи мавланы Юсуфа! – кричал третий гончар. – Они, как светильники, озарят для тебя путь праведный:

«С поспешностью дел не свершай никогда:

За каждую спешкой приходит беда.

Терпя да запасись усердием впредь,

Сумеет и раб пояс бека надеть».

Бедный канглы, сраженный изречениями, только успевал поворачивать голову.

Бродя меж базарных рядов, ходжа Махмуд убедился, что словно моровое поветрие овладело жителями Баласагуна: у всех на устах были строки из поэмы знаменитого земляка. Не только гончары снабжали свои изделия спасительными изречениями из «Кутадгу билиг». Оружейники, выковывая саблю, делали на лезвии или рукояти надпись:

«Мне зла пожелавший погибнет от зла,

Хотящий попрасть меня – погран до тла».

Чеканщик на блюде выбивал:

«Пораньше вставай и пораньше ложись,

Встающему рано – все блага дались!»

Даже ювелиры ухитрялись своими тончайшими инструментами выводить на перстнях что-нибудь вроде:

«Входя, погляди, где обратная дверь, –

Где выхода нету, там много потерь».

Или:

«Речь людям дарует и власть, и почет,

А лишнее слово и шею свернет!»

И мало беды, что невежественные кочевники с гор не разумели грамоты: все равно товар с надписями шел на расхват – кочевники принимали афоризмы из поэмы за

могущественное заклинание. А хорошее, умело составленное заклинание всегда пригодится.

В поисках каллиграфа ходжа Махмуд обошел весь огромный базар. Он побывал и в той части, где земледельцы продавали урожай со своих наделов: просо, ячмень, пшеницу, овес, чечевицу, горох. Высились горы арбузов – букан, огромные корзины с луком, чесноком, всевозможной зеленью, орехами, яблоками; оставлялись лишь узенькие проходы для покупателей.

Прошел он и через скотный базар: здесь кочевники торговали овцами, быками, конями, мулами, верблюдами, а также продуктами скотоводства: выделанными кожами, овечьей, верблюжьей шерстью и даже шерстью яков, овчинными тулупами, войлоком, кожаными ремнями, уздечками, коврами собственной выделки. Здесь же у них можно было купить их охотничьи трофеи: шкуры барсов, тигров, джейранов, горных козлов, а также ловчих беркутов и соколов. Рядом собирали готовый остов юрты. Тюрки, даже став горожанами, летом ставили ее в своих маленьких двориках и до самых холодов жили под войлочным куполом.

Побывал он даже в рядах, где торговали приезжие купцы. Тут можно было увидеть узум – сушеный виноград из Ферганы, ткани из Самарканда и Бухары, шелк из Кашгара, хну из Ирана, купить ароматную косметическую мазь – галию в изящной стеклянной баночке (для жены или возлюбленной) и даже приобрести кашкул – миску из скорлупы кокосового ореха – такие носили у пояса дервиши и собирали туда подаяния. Кыргызы в белых колпак ах встряхивали связками соболиных мехов, продавали душистый мускус и рог таинственного зверя хуту.

А какая пестрая толпа на Баласагунском базаре! Тут можно встретить представителей всех племен, населяющих державу Караханидов.

Вот прошли группой – судя по окантовке на халатах – иссык-кульские чигили. А вот – карлуки из-под Тараза; они – правоверные мусульмане, а поэтому на их высокие шапки – калансувы: намотан кусок белой ткани – чалма. А вот тюркешы в длинных чекменях. У каждого за наборным поясом слева висит сабля, впереди – кинжал, справа – кошель с застежками, оселок, мешочек для кремня и огнива.

Ну а вот, без сомнения, горец – тухси. Ислам еще не захватил безраздельно высокогорные районы, и у тухсийца из-под калансувы по дедовскому обычаю свисают две черные косы, смазанные бараньим жиром.

Но больше всего аргу – народа, произошедшего от смешения, как говорится, семи племен, главным образом согдийцев, тюркешей и карлуков. Они – основные жители городов и селений Чуйской долины. Говорят они на смешанном тюркско-согдийском наречии, на «испорченном» языке, как считал Махмуд.

Все аргу трудолюбивы, энергичны. Они хорошие земледельцы и превосходные ремесленники. И, как истые горожане, очень любят азарт и сутолоку крикливого базара. Здесь они, как рыба в горном ручье.

Делятся горожане на три сословия: богатых – байлар, людей среднего достатка – орта и бедняков – чыйгайлар. Богатые – это купцы, хозяева мастерских, крупные землевладельцы. Средние – ремесленники и крестьяне. Бедняки – это те, кому не повезло в жизни; их трудом кормятся все, кто стоит наверху. Основная масса их трудится на полях в качестве батраков (бала), подмастерьями в мастерских. Таскают тяжести городские носильщики-хаммалы и, несмотря на тяжелый труд от зари до зари, еле сводят концы с концами...

Да, огромен и многолик городской базар!

Но нигде в этом людском скопище Махмуд не встретил того, кто ему требовался. Наконец, когда он уже потерял всякую надежду, близ мечети Ибрагима ибн Насра он увидел маленький ряд, где продавали медные и терракотовые чернильницы, тростниковые перья – каламы, бумагу из Самарканда и тушь из страны Чин-Мачин (Китая).

Он купил эти милые его сердцу товары. Однако на вопрос о переписчиках все торговцы наперебой ответили:

– Нельзя найти такого! Все переписчики в городе получили множество заказов и руки их освободятся не скоро!

Как выяснилось, все городские грамотеи трудились над перепиской поэмы Юсуфа Баласагунского.

Богатые купцы, состоятельные ремесленники, окрестные землевладельцы – все пожелали иметь список «Кутадгу билиг». Иметь собственный экземпляр поэмы – значило прослыть человеком просвещенным, поднимало престиж.

Махмуд шел с базара и размышлял о могуществе истинной поэзии. Исполненный благоговения, он пожелал запечатлеть в памяти дом, где провел почти всю жизнь мавлана Юсуф.

В тени густого карагача несколько мальчишек играли в альчики. Он выбрал одного побойчее и подозвал его:

– Хочешь заработать фельс? Покажи дом, где жил мавлана Юсуф.

– Великий хасс-хаджиб? – уточнил мальчишка и пропел: «И вышел из дома он в дальний поход, путям да стоянкам немалый был счет».

Махмуд улыбнулся и кивнул одобрительно головой.

– Да возрадуется твой отец! Но где же все-таки дом?

– Давайте фельс!

Получив фельс, мальчишка указал на строение, возле которого они стояли:

– Вот он. Только там теперь живет купец Бадан. Он не любит, когда к нему приходят незваные гости.

– Откуда ты знаешь?

– Я его сын.

«Где-то я уже слышал имя купца Бадана», – подумал Махмуд и вспомнил: складская половина караван-сарая, старенький чтец-сторож, искусная рабыня за решеткой...

Тем временем остальные мальчишки, завидев монетку в руке товарища, окружили незнакомца и хором начали кричать:

«Богатств не копи, о вещах не радей,

О мудрый, дарами возрадуй людей!».

Махмуд, улыбаясь и покачивая головой, вынул горсть медных фельсов и оделил мальчишек.

Однако те, заметив, что в кошельке прохожего еще что-то позвякивает, не отставали:

«Кто щедр и о ком с похвалой говорят?

О том, кто для ближних всем жертвовать рад!»

Ходжа Махмуд пошел прочь, но мальчишки бежали следом, крича:

«Кто жаден, тот – раб этой страсти своей,

Дари, ясноликий, свое, не жалея!».

Видя, что от маленьких нахалов так просто не избавиться, Махмуд остановился и внушительно произнес:

«Распустит отец с малых лет своих чад –

Ты их не вини – сам отец виноват!»

Мальчишки остановились.

«А дети, когда у них черствы сердца,

Не вспомнят по смерти ни мать, ни отца!

Бывают ли дети такие верны?

О нет, – они плохи, дела их – дурны».

Мальчишки глядели ему в рот.

«Рожденный нагим умирает нагим,

Зачем же тянуться к соблазнам мирским?» –

продолжал Махмуд, грозно нахмутив брови. Мальчишки начали пятиться. А он сделал шаг к ним и продолжал:

«Нежадных не манят чужие достатки,

И честные на ублажение не падки».

Мальчишки двинулись назад, оглядываясь на пришельца.

Когда же он прочел:

«И совестным, кротким быть надобно тоже,

Бесстыдных чуждайся, быть с ними негоже», —

Маленькие вымогатели кинулись прочь со всех ног.

Какой-то ремесленник, проходивший мимо, догадался, в чем дело, и сказал, извиняясь за детей:

— Прости их, спутник! Эти пострелята выучили несколько стихов великого хасс-хаджиба (да будет на нем милость Аллаха!) и теперь околачиваются у его бывшего дома, чтобы кланчить монетки у любознательных и легковверных пришельцев...

Купец Бадан

К обеду ходжа Махмуд вернулся в караван-сарай: законы приличия не позволяли постояльцам тратить свои деньги в чужих харчевнях.

Первым, кого встретил ходжа, был Тэмир-проводник, Лицо его светилось радостью.

— Мне кажется, у тебя хорошие вести, — сказал ходжа Махмуд.

Тэмир закивал головой, оглянулся по сторонам и стал нашептывать, примеряясь к шагам ходжи Махмуда:

— Господин! Я вчера нашел моего друга-брата Сатука.

— Почему ты говоришь с опаской?

— Потому что Сатук сбежал от хозяина-купца: он очень жесток со своими рабами. А купец тот владеет теперь половиной вот этого караван-сарая. Сатук прячется у банщика Удуна в подземелье, топит печь... Он нигде не может показаться: ведь купец сразу схватит его...

— Почему же он не уйдет в горы?

— В этом караван-сарая, на половине купца, находится его возлюбленная Бурул. Злой хозяин запер ее в помещении, а Сатук хочет ее освободить. Сегодня же мы узнали, что купец Бадан продал ее арабу, живущему здесь, араб скоро уезжает и собирается увезти девушку.

— Значит, искусница-рабыня, сидящая за решеткой у купца Бадана, и есть ваша прекрасная Бурул...

— Да, господин.

— Тогда я выкуплю ее. Предложу вдвое большую цену, чем дал араб.

— Не делай этого, господин! — возразил Тэмир. — Ты и так много потратился на меня.

— Какие пустяки! А деньги — прах, их не стоит жалеть, когда дело идет о спасении человеческой жизни или свободы. Сейчас же найду купца...

— В этом нет нужды! — поспешно сказал Тэмир.

Махмуд удивленно взглянул на своего бывшего проводника.

— Мы ее освободим другим путем, — объяснил Тэмир.

— Уж не хотите ли вы напасть на араба и захватить девушку? Этот путь ненадежен, путь этот — разбойничий.

— Прости, великий эмир! Я не могу сказать большее, но завтра ты все узнаешь.

— А почему именно завтра?

— Завтра истекает срок аренды у банщика Удуна, — загадочно отвечал Тэмир. — А послезавтра араб собирается увезти нашу Бурул.

Махмуд пристально посмотрел на проводника.

— А если ничего не выйдет, тогда мы обратимся к тебе за помощью, — добавил тот, глядя себе под ноги.

Махмуд пожал плечами:

– Как знаешь... А теперь пойдем обедать.

Они расположились на открытой галерее так, что перед их глазами был весь двор. Служители принесли им обед, Откуда-то появились Агуш и Саид-сплетник. Лицо Сайда расплывалось в самодовольной улыбке, он взвешивал на руке пухлый кошелек:

– Сегодня расплачиваться за угощение буду я, о почтенные! Знайте же, что Саид-рассказчик всегда отдает свои долги.

– Наш знакомец совершил выгодную сделку, – предположил Агуш, пододвигая к себе миску с мясом.

Сайд важно кивнул. Он не стал распространяться о том, что сделка эта на самом деле называлась удачной игрой в кости с простодушными селянами, приехавшими на Баласагунский базар, и по-хозяйски пододвинул себе другую миску.

Послышались громкие голоса. В ворота караван-сарая вошли араб, человек с крашеной бородой (в нем ходжа Махмуд тотчас признал того самого прохожего, который упрекнул его за поданный нищему фельс) и с ним несколько городских носильщиков-хаммалов.

Араб и краснобородый спорили, энергично жестикулируя.

– Если бы не прискорбная весть о войне между Мелик-шахом из дома Сельджука и Шамс-аль-Мульком Самаркандским¹, я бы ни за что не продал товары так дешево, за полцены! – говорил араб. – Но теперь я должен спешить. Ты крепко наживешься на этом деле, о купец Бадан!

Тэмир-проводник тронул за рукав Махмуда и прошептал, кивнув на краснобородого:

– Вот он, тот самый купец...

А краснобородый отвечал арабу:

– Другие дадут еще меньше. А я ведь сверх условленного добавляю впридачу еще и мастерицу-искусницу, как ты хотел.

Араб, вздыхая, отдал приказания носильщикам, и те стали перетаскивать его товары на другую половину караван-сарая, в склады купца. Краснобородый крикливо распоряжался, придиричливо осматривал и взвешивал тюки. Когда работа была закончена, он долго спорил с хаммалами, пытаясь сэкономить несколько лишних фельсов.

Потом сказал арабу:

– Рабыню я передам тебе завтра утром. Сегодня же пусть еще потрудится на меня. Я сам останусь на ночь и прослежу за ее работой.

При этих словах Тэмир-проводник вздрогнул, а Сайд заметил с усмешкой:

– Вот каков нрав этого сквалыги...

Краснобородый, словно услышав эти слова, оглянулся, увидел ходжу Махмуда и удивленно вскинул брови;

– Ойе! Это ты – человек, неразумно тратящий свое достояние? И Саид-прилипала здесь? Вот-вот: транжира и вымогатель – самая подходящая компания!

Свадебный Сайд был уязвлен до глубины души. Глаза его сделались колючими, и он ответил:

– Эй, купец Бадан, а ведь ты великий должник передо мною! И не подобает тебе поносить своего благодетеля.

– Аллах свидетель! Я у тебя не брал займы. Да и водились ли у тебя когда-нибудь деньги?

– Разве ты не помнишь тот дождливый вечер, когда ты пришел с караваном усталый и голодный, а есть было нечего, и я сварил тебе три яйца?

– Это я помню! – высокомерно отвечал купец. – Я помню всех, кто мне должен, и кому я должен. Три яйца? Вот тебе фельс, о торгующий гостеприимством. И мы в расчете.

– Не совсем, – сказал Сайд.

– Разве три яйца дороже, чем фельс?

¹ Война началась в 1074 г.

– Пусть так. Но ведь прошло уже два года. Из этих яиц вывелись бы петушок и две курочки; пусть даже два петушка и курочка. Курочка снесла бы за это время две сотни яиц. Из яиц вылупились бы – на худой конец – полторы сотни цыплят. Цыплята бы выросли. Каждый цыпленок стал бы взрослой курочкой или петушком. Эй, хозяин, сколько стоит вареная курица?

– Полтора дирхема.

– Видишь? Ты съел у меня сто пятьдесят вареных кур за один присест, и если считать по полтора дирхема за каждую, то это будет... это будет...

– Двести двадцать пять дирхемов, – подсказал Махмуд.

– Ты слышал? Вот сколько должен мне этот купец, о правоверные! Но я прощаю ему долг, у меня щедрая рука и доброе сердце!

Смеялись все: и караван-сарайщик, и обедающие, и особенно громко обиженные купцом при расчете хаммалы.

Купец не нашелся, что ответить, он только яростно вращал глазами, затем плюнул и пошел прочь, на свою половину.

Свадебный Сайд сказал презрительно вслед купцу:

– Этот скряга и лицемер хуже разбойника Озара, а сам делает вид, что у него большая дружба с Аллахом. Но разве я не знаю, что он каждое утро натирает свой лоб чесноком, дабы вызвать синяки на лбу – якобы от усердных поклонов в мечети!..

Тэмир-проводник казался сильно встревоженным. Он торопливо попрощался и покинул караван-сарай. А Сайд продолжал мстительно:

– Я теперь не вижу нужды скрывать и добавлю к моему рассказу в бане: этот Бадан – тот самый купец, чья жена была возлюбленной Халила-воина. Купец до сих пор не знает об этом – так ему и надо!

Ходжа Махмуд заметил:

– Итак, все герои получили имена. Безымянным остался только юноша-посыльный...

– Возможно, это был я, – ответил Сайд-сплетник. – А впрочем, Аллах знает лучше.

Тайна колодца

Настал вечер, и со всех минаретов зазвучали серебристые и как бы прозрачные голоса муэдзинов. Но томительнее всех был голос азанчи по имени Кюль-Оге, доносящийся с вершины «минарета минаретов». Несколько лет назад на состязании муэдзинов всей Чуйской долины он оказался лучшим. Недаром восхищенный народ прозвал его «флейтой Аллаха».

И Агуш, окончив молитву, с гордостью сообщил своему господину:

– Говорят, он тоже из племени ограков, как и я...

За ужином опять было чтение поэмы, а потом Махмуд провел наедине с книгой (если не считать храпящего слуги) несколько счастливых часов до полуночного барабана. В конце концов сон сморил его, хотя был тревожным: время от времени мешал какой-то скрипящий звук.

Перед рассветом Махмуд проснулся оттого, что явственно скрипнула дверь. Вошедший слуга, зябко поеживаясь, направился к своему ложу.

– О, творящий беспокойство, – проворчал Махмуд. – Ты всю ночь скрипишь дверью и рвешь нить моего сна.

– После жирной хозяйской пищи рука нужды много раз выводила меня за дверь, – отвечал Агуш. – Зато чудные дела видел я во дворе! Поистине, обитатели этого города обладают свойством повергать в недоумение и вызывать удивление!

– Что же ты видел?

– Заметило ли твое око колодец во дворе?

– Еще бы! Он стоит как раз посередине и огражден надстройкой величиной с минарет,

– Так вот, какие-то люди – не иначе, как служители караван-сарайщика – всю ночь таскали из хранилища купца Бадана тюки с товарами и топили в этом колодце! Но это еще не самое удивительное... – Слуга наклонился к уху хозяина и таинственно зашептал:

– А потом через двор пробежала девушка, подобная райской гурии, затмевающая красотой луну, схватилась за веревку и тоже опустилась в колодец!

– Побойся Аллаха! – возразил Махмуд. – Как же ты мог увидеть красоту девушки, если была темная безлунная ночь! Или они зажгли факелы?

– Нет, факелов не было, – отвечал несколько растерявшийся слуга. – Но вся фигура этой девушки источала блеск и сияние, словно падающая звезда, такая не может быть уродкой.

Махмуд только махнул рукой и закрыл глаза, собираясь продолжить сон. Но Агуш не угомонился.

– Но и это еще не все! После девушки все носильщики тюков, один за другим, скользнули по веревке вниз и тоже скрылись в колодце!

– Вчера ты слишком много съел, – заметил хозяин, – вот тебе и померещилось все это!

– Какую тайну откроет нам утро! – мечтательно продолжал Агуш, укладываясь. – А дело, увиденное мной, таково, что без тайны здесь не обойтись. И долго ли будут сидеть в колодце носильщики и та девушка? Глубок ли колодец? Я думаю, они завалили его до половины и теперь сидят на тюках. Для чего? Где концы этого удивительного происшествия?

Слуга оказался прав: утро началось не совсем обычно.

Едва лишь забрезжил рассвет, и с многочисленных минаретов потянулись нити-голоса муэдзинов, призывавшие на молитву, как тут же их заглушил пронзительный истошный вопль где-то рядом, за стеной. Махмуд вздрогнул и открыл глаза. Слуга уже сидел на постели, вытянув шею.

– Начинается! – сказал он и, снедаемый любопытством, выскочил за дверь.

А вопли за стеной сменились громкими стенаниями. К ним присоединился шум многих голосов. «Видно, случилось что-то нехорошее», – подумал Махмуд, нашел свои чувяки со стоптанными задниками и вышел на свежий воздух.

Уже совсем рассвело. Чуть ли не все население караван-сарая толпилось во дворе. У складских помещений метался купец Бадан с растрепанной бородой, без чалмы и громко причитал, всплескивая руками. Через настежь открытые двери было видно, что склады, еще вчера ломившиеся от товаров, пусты. Ни единого тюка! Ни даже оброненной тряпочки!

– О горе мне, о разорение! – стenal купец. – Где мои хорасанские шелка? Где кумисские¹ ткани? Где йеменские сандал и алоэ? Где позолоченные и посеребренные нишапурские сосуды? Все украл бессовестный вор!

Под стенкой всхлипывал дряхлый сторож-чтец, избитый под горячую руку купцом. Тут же стоял караван-сарайщик Хасан, мрачно слушал причитания пострадавшего. Из-за плеча Хасана выглядывали заспанные его сыновья.

Купец вдруг кинулся к Хасану и вцепился ему в бороду с криком:

– Вот кто возместит мне все мои убытки! Воистину, вор – это ты! О, мусульмане! Нет другого вора, кроме этого нечестивого караван-сарайщика, и ответ на нем!

Два хозяйских сына схватили обезумевшего купца за руки, пытаясь спасти отцовскую бороду. Сам караван-сарайщик, повернув расстроенное лицо к толпе, проговорил дрогнувшим голосом:

– Не повинен я в таком злодействе, о мусульмане! За всю свою жизнь я не украл и медного фельса. Это безбожное дело совершилось в моем караван-сараяе – признаю. Но

¹ Кумис — город в Иране, славившийся производством тканей.

как? Не знаю, не ведаю! Ведь все вы видите, что ворота всю ночь были на запоре, заперты они и сейчас! А через высокие стены воры не могли унести такое множество тюков!

В толпе слышались голоса в поддержку хозяина:

– Справедливо!

– Ворота действительно всю ночь были на запоре: я спал рядом в каморке и услышал бы, если бы их открывали!

– И чтобы вынести столько тюков, понадобился бы целый караван носильщиков, а такое без шума сделать нельзя!

Но были разговоры и против:

– Раз товары не вынесли, значит, они здесь, в пределах этих стен. Может быть, караван-сарайщик спрятал товары в каком-нибудь тайнике, одному ему известном!

Вскоре прискакали городские стражники во главе с самим начальником городской стражи – толстым, надменным беком, сидевшим на караковом жеребце. У его стремени встал палач с засученными рукавами.

Выслушав обе стороны, а также многочисленных свидетелей, бек постановил:

– Раз ворота всю ночь были на запоре, через них товары просочиться не могли. Это дело рук хозяина караван-сарая или совершено при его участии. Сознаться, куда ты дел товары почтенного купца?

– Не брал я его товары! – отвечал Хасан. – Может, это сделали твои сыновья?

– Сохрани Аллах и помилуй! Мои сыновья воспитаны в страхе перед грехом и в почтении к чужому имуществу.

– Или кто-нибудь из твоих родственников или слуг?

– Нет у меня здесь родственников, а слуги – вот они: это бедные, но честные люди.

– Мое добро пропало в его доме, – кричал купец. – Вина на нем!

– Горе тебе, о караван-сарайщик! – грозно сказал бек, нахмурив густые черные брови. – Эй! Возьмите этого человека и секите до тех пор, пока его лживый язык не вступит на дорожку признания!

Несчастливого Хасана схватили и тут же растянули на плотно утрамбованной земле. Один воин сел ему на плечи, двое – на ноги, а палач начал охаживать плетью. Бедняга стонал и охал. Сыновей, рванувшихся на помощь отцу, держали стражники.

Махмуд, издали наблюдавший над свершением правосудия, забрал бороду в горсть, что означало великие сомнения и колебания, терзавшие его душу.

Агуш осторожно дернул его за полу халата:

– О господин мой, что же мы будем делать?

– Значит, все, что ты видел ночью, правда! – тихо сказал Махмуд. – А я-то думал, что это твоя очередная выдумка.

– Почему терпит такие мучения этот несчастный? Не лучше ли признаться в содеянном?

– Однако, как я ошибся в этом караван-сарайщике! – бормотал Махмуд. – Я думал, он добродетельный человек! Хотя мне и не жаль ничуть скрягу-купца и поделом, что грабители унесли его товары, мне все же не хочется верить, что причиной этому – наш радушный хозяин. Может ли человек, любящий стихи, стать вором?

– Может, поведать беку-начальнику всю правду, и мучения Хасана прекратятся?

– Не делай этого. Если караван-сарайщик молчит под плетью, значит, так ему нужно. А потом, разве ты не знаешь, что ожидает уличенного в краже?

– Ему выжигают на лбу клеймо и отрубают правую руку, – сказал Агуш.

– А потом забирают все его имущество в казну, а самого, искалеченного, опозоренного и нищего, изгоняют из города.

– Велик Аллах! Что же заставило такого почтенного человека решиться на столь опасное дело?

Между тем в раскрытые настежь ворота караван-сарая набилось с улицы множество людей: весть об ограблении уже распространилась не только по слободе Урюкты, но и по всему Баласагуну. Люди – кто угрюмо, кто со злорадством – смотрели на расправу.

Когда насчитали двадцать ударов, бек подал знак, и палач опустил плеть, отдуваясь.

– Признавайся! – грозно требовал начальник. – Вспомни Аллаха и загробный мир! Вспомни Мункара и Накира!

– Не виноват я, не виноват! – кричал несчастный, – Во имя Аллаха, помилуйте невинного! Господин начальник, в Коране сказано: «И не убивайте чад своих». А все мы – чада нашего повелителя Тогрул-карахакана. О, правоверные! Смотрите, как попирают справедливость! Меч заблуждения опускается на шею неведающих! Горе нам, сыны мои!

– Может, и не виноват этот караван-сарайщик, – говорили в толпе.

– Виноват всегда тот, кто с краю, – поддакивали другие.

– Я его знаю вот уже десять базарных сезонов как честного человека.

– Это верно! Никогда караван-сарайщик Хасан не пятнал себя воровством и делами, подобными воровству!

– Однако товары-то у купца пропали, а ворота были заперты, – возражали скептики. – Где же искать вора?

Тем временем бек, раздраженный столь наглым запирательством, велел и сыновей караван-сарайщика растянуть на земле. Кожаные плети-камчи сразу вспороли кожу, спины юношей окрасились кровью.

Но они молчали, зато отец, увидев муки сыновей, принялся кричать так горестно и пронзительно, что у многих дрогнули сердца.

– Яй-йй! – говорили в толпе. – Если бы этот караван-сарайщик был действительно виновен, разве он не признался бы ради своих детей?

Тут же стояли отдельной группой банщик Удун и его сподручные. Переговаривались:

– И достается же бедному Хасану!

– Этот Шайтанбек беспощаден, я его знаю: он спустит с Хасана и его сыновей всю шкуру.

– Это верно! Не сдобровать тому, кто попадет в его руки. Спаси нас Аллах от его неистовства!

– Ничего! – сказал банщик Удун. – Вот откроются городские ворота, и мы спокойно уедем. Больше нам здесь делать нечего.

Один из сподручных, рослый красивый юноша, сказал:

– Братья, мы должны помочь этим людям.

– Как ты им поможешь? Лечь под плети вместо них?

– Караван-сарайщик Хасан сделал много добра, он кормил и не обижал мою Бурул, и я не могу смотреть на его страдания, – отвечал юноша.

– Эй, Сатук! – грозно сказал банщик. – Выбрось глупые мысли из головы! Не то... – и он взялся за нож. Лицо юноши вспыхнуло от гнева.

– Уходите! – сказал он. – Быстро уходите! Спасайтесь!

И не успели его приятели что-либо предпринять, как он стал решительно проталкиваться сквозь толпу, громко крича:

– Остановитесь! Остановитесь! Эти люди не виноваты!

Банщик, увидев, что юношу не достать, торопливо сказал своим:

– Уходим! Скорей, скорей! Пусть Шайтанбек сожрет этого дурака!

И они исчезли за воротами караван-сарая.

– Пропустите меня! Я скажу! – продолжал кричать юноша.

Все, сколько ни было людей, повернули в его сторону головы. Юноша протолкался сквозь толпу и стал перед беком.

– Эти люди действительно не виноваты. Караван-сарай ограбил я!

Словно ветерок пронесся над изумленной толпой.

– Кто ты, о человек, говорящий так смело? – спросил бек, глядя с высоты своего коня.

– Я Сатук из рода чарык племени кыргыз.

– Раз ты кыргыз, значит, кочевник, – сказал бек. – А я никогда не слышал, чтобы горцы-кочевники были участниками подобных дел. Как ты оказался в городе и почему занялся столь богопротивным ремеслом?

Тут вмешался купец Бадан:

– Великий бек! Это мой беглый раб! Я приобрел его за большую цену у кыргызского тархана Сауд-барса вместе с юной и прекрасной рабыней. Но в Баласагуне он сбежал от меня.

– Покажите мне рабыню! – сразу заинтересовался бек.

– Он украл и девушку, этот святотатец, прелюбодей и осквернитель брачных лож! И покарать его надо не иначе, как посадить на кол!

– Куда ты спрятал девушку? – строго спросил бек.

Сатук гордо ответил:

– Девушка уже далеко, и вам легче схватить шайтана за хвост, чем ее.

От такой дерзости все на минуту окаменели. А Сатук продолжал:

– Но остальные товары, украденные мной, я могу вернуть. Обвяжите меня верёвкой и спустите в этот колодец! А затем я предам себя в ваши руки.

В толпе раздалась «ахи» и «охи».

– Вот куда он запрятал товары!

– Кто бы мог догадаться!

– Колодцем-то никто не пользуется давным-давно...

Агуш дернул Махмуда за полу халата и торжествующе прошептал:

– А что я говорил! Но ведь и девушка должна быть в колодце, я видел собственными глазами...

Притащили длинную веревку и обвязали преступника. Сатук перелез через сруб. Двое стражников начали понемногу травить конец. Вытравили уже порядочную длину, когда веревка ослабла. Стали ждать В толпе переговаривались:

– Колодец-то неглубокий.

– Теперь, видно, он обвязывает тюки, и сейчас начнут поднимать.

Но все было тихо. Стражники стали окликать Сатука и заглядывать в колодец. Однако разглядеть там было ничего нельзя.

– Эй, торопите его! – сказал бек нетерпеливо.

– Он не отвечает!

– Тогда вытащите его обратно!

Стражники без всяких усилий вытянули пустую веревку.

У бека от гнева начала подергиваться щека. На глаза ему попался Халил-воин.

– Эй, спустись в колодец и посмотри, что там!

Халила-воина обвязали веревкой и он, с кинжалом в зубах, исчез в таинственной и черной пасти. Через минуту из глубины донесся его удивленный возглас:

– Здесь подземный ход!

Толпа онемела. Даже грозный бек раскрыл рот и выпучил глаза. Правда, он сумел опомниться первым.

– Спустите ему факел, и пусть он пройдет по этому ходу до конца! – приказал бек.

Стали ждать результатов. Из колодца – опять ни звука. Халил-воин со своим факелом, казалось, исчез навсегда. Толпа застыла в напряженном молчании. Агуш рядом с Махмудом даже постанывал от нетерпения.

Появился Халил-воин совсем с другой стороны, с громкими возгласами вошел в раскрытые настежь ворота караван-сарая и стал проталкиваться вперед.

– Солнцеподобный бек! – доложил воин. – Ход вывел меня в подземелье бани, где истопники жгут дрова для нагревания воды.

– А где же банщик Удун?
– Его нет, о правоверные!
– А служители банщика?
– Они все, как видно, убежали вместе с этим юношей-грабителем, о меч веры! Топки погашены и черна зола в очагах.

В толпе опять послышались изумленные возгласы:

– Вот кто были сообщники юноши-грабителя!

– А ведь банщик казался таким благочестивым человеком!..

Бек подумал мгновение, потом сказал:

– Ничего не поделаешь, о купец Бадан! Имущество твое скрылось вместе с этими ворами, и нет ему обратной дороги к тебе, пока мы не поймаем дерзких.

Он дал знак, чтобы развязали Хасана и его сыновей. По приказу бека по всем дорогам, ведущим через предместья Баласагуна к его воротам, помчались конные стражники для розыска беглецов.

И бек уехал.

– О горе, о разоренье! – кричал купец. Он поднял с земли горсть пыли, посыпал голову и пошел прочь, царапая ногтями щеки и оглашая двор стенаниями, пока они не заглохли за стенами караван-сарая.

Избитый, но зато освобожденный караван-сарайщик Хасан произнес ему вслед:

«Послушай, что мудрость сказала про скряг:

Мошенник, себя обокравший, – бедняк!

И что есть гнусней, чем корыстный расчет?

Скопил – но потратил, и все пропадет!

О скряга, впихнувший весь мир в тайники.

Готовь угощение – ждут едоки!».

Толпа шумно выражала одобрение – та часть, на которой были лохмотья:

– У этого скряги еще столько добра, что хватит на целое полчище воров и грабителей.

– Но каков джигит этот юноша! И сам ушел невредимым, и спас невинных от казни!

Другая часть толпы – та, что была в шелковых халатах – молча и угрюмо направилась к выходу вслед за купцом.

Когда почти все уже разошлись, прибежал запыхавшийся Сайд в съехавшей набок шапке и стал хватать за руки служителей, умоляя рассказать подробности. Потом сел в сторонке и заплакал.

Агуш осведомился о причине его слез.

– Разве ты поймешь! – всхлипывал Сайд. – Горе мое велико: не я первый увидел это небывалое происшествие! Я даже совсем не видел его! И что я расскажу людям? Нет, кончился Саид-рассказчик! Теперь люди будут ему говорить, а он – слушать! О горе, горе! – и Сайд опять залился слезами.

Агуш не успел как следует утешить своего знакомого, как увидел во дворе караван-сарая невесту откуда взявшегося Тэмира-проводника, взъерошенного, но радостно улыбающегося. Он махнул Агушу приветственно рукой и направился к галерее, где сидел Махмуд, собравшийся завтракать. Агуш тоже поспешил туда.

– Так вот каковы были замыслы! – сказал Махмуд, улыбаясь и хмурясь одновременно.

Тэмир поклонился и сел рядом.

– Из всех знатных беков, каких я встречал, ты один обладаешь сочувствием к обездоленным, о эмир! – сказал бывший проводник. – И потому я все тебе расскажу. Этот банщик – вовсе не банщик; это великий разбойник Озар. Когда мой друг-брат сбежал от купца, его приютил Озар. Три месяца Озар и его люди копали подземный ход в караван-сарай, чтобы украсть товары жестокосердного купца Бадана. И Сатук копал: он хотел выволить свою любимую. И вот дело свершилось, и я – участник его. Я ждал друга-брата с девушкой и двумя конями в доме седельника Берды, ведь седельник тоже кыргыз и

сочувствовал нашему горю. Теперь Сатук и Бурул далеко за старыми суябскими воротами. А там необозримое царство камышей в пойме реки Чу. Разве отыщешь две иголки в таком стоге?

– А погоня? – напомнил Махмуд.

– Да, погоня... И я очень боюсь, что их настигнут. Ведь разбойник Озар со своими людьми и всеми товарами уехали совсем в другую сторону – к Зенбийскому перевалу – и не окажут им помощи.

– Постойте, – вмешался Агуш. – Я сейчас вызову дождь, и стражники вернутся или заедут в какую-нибудь харчевню переждать непогоду. А твои друзья тем временем оторвутся от преследователей.

– Как же ты сделаешь это? – удивился Тэмир.

– При помощи яда-камня, которым снабдили меня дэвы со Священной горы в славном городе Ош. Это не простой камушек. Он так и называется «камень дождя». Как-то мы с господином проезжали Священную гору, а было это под пятницу ночью. Вдруг слышим – крики, ссоры. Оказалось – дэвы собрались на свой базар: и продают, и покупают. А товаром у них служили волшебные камни: одни вызывают дождь, другие – град, а третьи – засуху. Когда рассвело и дэвы разлетелись, я нашел вот этот камушек. Его потерял хромой дэв, мой старый знакомый: у него курджун дырявый со времен царя Сулеймана¹. Дэв – большой лодырь и все никак не соберется поставить на свой курджун заплатку.

Махмуд весело рассмеялся, слушая разглагольствования слуги.

Тэмир широко раскрыл глаза и рот, потом спросил:

– А вдруг этот камень вызовет засуху?

– Сейчас посмотрим! – отвечал Агуш. И он, с видом, который говорил: «То ли мы еще можем», – присел на корточки около хауза, омокнул темный камень в воду и стал брызгать вокруг и в небо, приговаривая:

– Брысты-турысты! Мобады-рубавы! Солнце – за гору, туча – в долину! Эй, дэвы! Исполняйте то, что положено!

В солнечной небесной лазури паслись лишь маленькие облачка-барашки, и ничто не предвещало дождя.

Тэмир-проводник следил за манипуляциями Агуша с недоверчивой улыбкой:

– Откуда взялся дождю?

Но Агуш указал на дальнюю гору, из-за которой чуть-чуть высунулся кончик темной тучи:

– Дэвы знают свое дело!

Ходжа Махмуд сказал Тэмиру:

– Агуш хитер. Он сначала увидел дождевую тучу, а потом стал вызывать дождь: теперь-то он наверняка пойдет.

И действительно, через полчаса туча-великан, тяжелая, пузатая, обложила полнеба и низвергла на долину потоки воды. Казалось, кипела земля, вдоль улиц неслись желтые ручьи, смывая осенние листья, щепки, верблюжий навоз и прочий мусор.

...А когда кончился дождь, Агуш, в одиночестве заканчивавший завтрак, увидел еще одного знакомого: Билял-поэт, промокший, бледный, похудевший, шагал по двору через лужи, с блуждающим вокруг растерянным взглядом.

– Эй, Сладкопевец! – окликнул его Агуш. Билял обрадовался чрезвычайно и устремился к Агушу на галерею, словно в землю обетованную. Он долго обнимал и хлопал Агуша по спине, так же долго отжимал свой драный халат и остатки чалмы, потом сказал, вздыхая:

– Не зови меня больше Сладкопевцем. Отныне моим легебом станет Муфлиси, что означает «Бедный» и что более соответствует моему теперешнему положению.

¹ Т. е. библейского Соломона, считавшегося повелителем дэвов.

Агуш заказал ему похлебку из мяса и чечевицы – по арабски «тафлила», но Билял-поэт набросился на нее, не спрашивая названия. Он ел долго и самозабвенно. Агуш терпеливо ждал. Потом спросил:

– Виделся ли ты с братом?

Билял-Муфлиси уныло покачал головой:

– Виделся, но лучше бы не видеться. Пока я ходил в Багдад набираться мудрости, дома произошли большие перемены. Отец и мать умерли, и все имущество досталось брату. Брат оклеветал меня перед отцом и уговорил завещать ему все добро.

– Но неужели родной брат ничего тебе не дал и оставил прозябать в нищете? Что скажут тени отца и матери?

– А что могут сказать тени? Отца он убедил еще тогда, когда он не был еще тенью. А матери у нас разные. Его мать была из Мерва. А ведь всем известно, что самые жадные из всех мусульман – хорасанцы, а мервцы – наихуднейшие из хорасанцев. К тому же, оказывается, брат ещё и женился на дочери мервского купца...

– Ой-бой, – сказал Агуш, – такой брак может быть только делом преисподней.

– И теперь он пускает деньги в рост и никогда не подает нищему самого истертого медного фельса. Соседи дали ему прозвище – Бадан-кудук, что означает не только «Колодец», но и «Прорва».

– Кокуй! – воскликнул Агуш. – Так твой брат – купец Бадан?

– Да, – ответил Билял. – Он теперь стал и купцом, и ростовщиком, разбогатев на торговле с кочевниками.

– Горе тебе, имеющему такого брата и такую невестку, – сочувственно сказал Агуш.

– Он выгнал меня из дому и велел больше не показываться на порог. А поводом стало то, что я, забывшись, назвал его «Кудук». Он этого слова теперь и слышать не может.

Агуш размышлял некоторое время, потом сказал:

– Слушай же, Билял-страдалец! Хорошо ли ты владеешь каламом?

Билял сверкнул было глазами – как прежде! – но тут же сник:

– Я думал, что хорошо, а невежественные люди считают, что плохо. На мои стихи нет покупателя.

– Мои слова не о твоих стихах, – досадливо перебил Агуш. – Я говорю о твоём почерке.

Билял гордо выпрямился:

– Я целых три месяца служил писарем – битигчи у владельца селения Таракташ эмира Юлдаша! Я владею семью видами почерка и читаю суры Корана семью видами чтения! Я владею арабским письмом, двумя видами уйгурского и даже могу воспроизвести письменные знаки людей «тарса»¹. Я...

Агуш поднял руку:

– Возрадуйся же! Ведомо ли тебе, что мой господин ищет хорошего и усердного каллиграфа для переписки его великого сочинения «Диван лугат ат-тюрк»? И положит за это хорошую плату?

– Нет силы и мощи, кроме как у Аллаха! – радостно лскричал Билял. – Я буду переписывать его величайшее и мудрейшее сочинение днем и ночью обеими руками!

Закончился переполох, отшумели страсти, и жизнь в караван-сараях потекла по привычному руслу.

Когда голос Кюль-Оге – «флейты Аллаха» с вершины «минарета минаретов» призвал к третьему намазу во второй половине дня, Махмуд уже диктовал Билялу-переписчику:

«Хотя я происхожу из тюрок, которые говорят на самом чистом языке..., которые по происхождению и роду своему занимают самое первое место... я пядь за пядью исходил все эли, селения, степи тюрок. Я полностью запечатлел в уме своем живую рифмованную

¹ Тарса – христиане-несториане, эмигранты из Сирии, обосновавшиеся в Чуйской долине еще в VIII в.

речь тюрок, туркмен, огузов, чигилей, ягма, кыргызов... И вот эту книгу после столь долгого изучения и поисков я написал самым изящным образом, самым ясным языком...».

И мы сие повествование – о благословенный читатель! – написали со слов наших великих предков: Юсуфа хасс-хаджиба ал-Барсхани (он же Баласагуни), Махмуда Кашгари, Усамы ибн Муккыза, ал-Джахиза и других мудрецов. Да не оставит их Аллах в мире ином, где все мы будем!

Грозная десница веков разрушила город Баласагун. Всепожирающий огонь времени испепелил и богатые кварталы, и лачуги бедняков, и даже дворец великих карахаканов. Величественные развалины города находятся сейчас к 14 километрах к югу от Токмака. Зримыми для потомства остались только «минарет минаретов», известный ныне как башня Бурана, да две книги, сделавшие имена их авторов бессмертными: первый в мире «Словарь тюркских наречий» Махмуда Кашгари и первая поэма, написанная на тюрки, – «Благодатное знание» Юсуфа Баласагуни...

Велик мир тюрок. Он простерся от светлого Байкала до лазурного Босфора. И ни один народ тюркского корня не должен забывать о благодатной Чуйской долине, прижавшейся к могучему Кыргызскому хребту: здесь в VIII в. были отлиты первые тюркские деньги, в IX в. – отстроены первые тюркские города, а в XI в. – написана первая тюркская поэма.

Следует оговориться: в последние годы благодаря кропотливому труду археологов явились миру остатки мавзолеев и домов, улиц и переулков древнего города, в течение многих веков скрытых под толщей земли. Раскопаны мавзолей караханидской знати, роскошная баня, пол и стены которой обогревались по специально проложенным каналам, найдена яма глубокого-глубокого колодца... И это – только начало. Предстоит еще большая и долгая работа. И, может быть, мы еще увидим караханидскую столицу, восставшую из праха, пройдемся по ее улицам и услышим еще не одну забавную или печальную историю о жителях Баласагуна, которых нет, но которые были...

БАРС-БЕГ, КАГАН КЫРГЫЗОВ

В ставке Барс-бега

Ставка ажо-кагана располагалась в удивительно красивой местности.

Просторная, чуть всхолмленная равнина там и сям прорезана речками и ручейками с хрустальной, ледяной даже в летнюю жару водой. Огромные нетронутые лужайки перемежались полями с ячменем и пшеницей, их окаймляли светлые и нарядные березовые рощи. На отрогах гор, подходивших к долине, густой шапкой поднимались хвойные леса.

Сама ставка находилась на берегу реки и была обнесена надолбами. Множество больших юрт концентрическими кругами располагались вокруг центра – шатра самого ажо. Над шатром на высоком шесте полоскалось Главное Знамя – огромное цвета крови полотнище, в котором обитал Дающий Победу – бог войны, покровитель кыргызского воинства.

Шел срединный летний месяц 710 года.

В этот ясный чудесный день в шатре правителя кыргызов Барс-бега заседал военно-государственный совет в полном составе. Здесь были два старших и два младших брата повелителя, носившие редкостные титулы «Умай-бег»: весь род Барс-бега находился под особым покровительством божественной супруги небесного владыки Тенгри, которую кыргызы звали Умай-эне.

Здесь были и три главных советника, три главнокомандующих. Первый, по имени Тексин-инал, возглавлял правое крыло кыргызского народа, второй, Куличор, – левое, и третий ичреги Эзгене был помощником правителя. Рядом с ичреги Эзгене сидел еще один личный советник кагана знаменитый дипломат Эрен Улуг из могущественного рода булсаров.

Здесь же находились шесть иналов (князей) – крупнейших феодалов, управляющих шестью областями – багами Страны кыргызов. Кроме них присутствовали знатные люди рангом пониже: десять управителей, пятнадцать делоправителей, а также главы сильнейших родов.

Помимо них в Ажо-шатре восседали на почетных местах два гостя. Один из них, в затейливой шапочке с кисточками и фарфоровыми колокольчиками, в дорогом шелковом халате с такими широкими рукавами, что в каждом из них можно было спрятать ягненка, представлял империю Тан. Его имя было Тао Гу.

Другой, в обычной одежде знатного кочевника, являлся доверенным лицом Сакал-кагана тюркешского. Звался он Баглилой и по слухам владел в стране Семи рек целым городом с округой.

На центральном месте, противоположном входу, сидел сам правитель, гордость кыргызского народа ажо Барс-бег Ынанчу Алп Бильге-каган. Это был семидесятитрехлетний, еще крепкий старик с румяным лицом и совершенно белыми бровями, усами и бородой.

Про Барс-бега давно уже ходили легенды. В молодости он прославился как лихой йигит, в воинском искусстве не знавший равных. Он возглавил страну как раз в тот момент, когда восточные – орхонские – тюрки разгромили объединившихся татар, курыкан, токуз-огузов и отуз-татар. Барс-бег не ввязывался в войну и сумел сохранить свою армию.

Барс-бег хорошо знал мощь тюркского каганата, его неисчерпаемые людские ресурсы. Учитывал он и разницу в готовности к войне. Бойцы Капаган-кагана, прирожденные степные грабители, от поколения к поколению учились военному делу в бесконечных походах. Их стойкость, выносливость, ярость в бою были общеизвестны. Уже Кутлуг-чор, основатель второго Восточнотюркского каганата, принявший тронное

имя Ильтериш-кагана (682-691 г.г.), нанес ряд поражений степным племенам и разгромил танские пограничные отряды. А его брат и наследник, ныне здравствующий Капаган-каган, шесть раз форсировал Хуанхэ и совершенно разграбил Северный Китай.

Что мог противопоставить такой грозной силе Барс-бег? Да, кыргызы тоже хорошие воины и вооружение у них замечательное. Но у них нет такого боевого опыта, нет постоянной привычки к войне. Тут сказались и многолетнее владычество тех же тюрков, и привычка к мирной жизни.

В богатой и плодородной Минусинской котловине, отличавшейся более мягким климатом, чем окружающие земли, кыргызы сеяли просо, ячмень и пшеницу. В приречных поймах и на степных просторах жировал скот: косяки лошадей, отары овец, стада коров и даже верблюдов – кыргызы были умелыми скотоводами.

Очень любили они охоту. Охотникам здесь было раздолье: лоси, косули, «чернохвостые» козы, похожие на кабаргу, тарпаны. Много водилось пушных зверей: лисиц, соболей, куниц, белок. Пушнину также выменивали на хлеб и ремесленные изделия у северных «лесных» народов или брали ее в виде дани.

Гордились кыргызы и своими умельцами ремесленниками. Особенно прославились их горнорудные мастера. Все окрестные государства, народы и племена высоко ценили знаменитые кыргызские мечи, ножи, кинжалы, панцири. Тюркские каганы, покорившие земли по Енисею в середине VI в., в первую очередь требовали от кыргызов «дань железом». Да, страна давала все необходимое для мирной жизни и торговли, вот почему жители ее не имели большого боевого опыта, да и тяги к войне. Но могли разве в таком случае они, втрое-четверо меньшие по численности, противостоять Хозяину Степи – Восточнотюркскому каганату?

Нет. Надо было искать союзников.

И Барс-бег их нашел. Он заключил договор с Танским императором, номинально признав себя его вассалом. Направил посольства к тюргешам в Семиречье во главе с ичреги Эзгене.

Мало того. Не надеясь на этих союзников, он втайне от них готовил посольство в Тибет.

Принц неистовый и нетерпеливый

Все эти активные внешние действия Барс-бега вызвали сильнейшее раздражение в ставке Капаган-кагана. Его племянник, знаменитый батыр Кюль-тегин, прозванный за свой характер Неистовым и Нетерпеливым, настоял на посольстве к Барс-бегу, которое возглавил он сам.

Тюрки прибыли в ставку. И теперь в Ажо-шатре ожидали появления самого Кюль-тегина. Барс-бег нарочно пригласил на прием китайского и тюргешского послов: пусть надменный принц увидит мощь нового антитюркского союза!

Снаружи слышались голоса, шаги, звон оружия. Вошел управитель гостей и объявил:

– Посланник от сына Неба, Сына Волчицы, Божественного Тюрка достойный воитель – Кюль-тегин из рода Ашина!

Полог откинулся, быстрыми шагами вошел высокий стройный воин с богатырскими плечами. Плоское молодое лицо его поражало безобразием – никаких признаков усов и бороды. Черные глаза имели желтоватый, как у рыси, оттенок, ими он обежал присутствующих, словно настоящий хищник – стадо овец. Громким резким голосом он огласил краткое приветствие.

Барс-бег сказал:

– Мы рады Высокому гостю! Пусть он займет почетное место, положенное ему по доблести, званию и праву рождения!

Кюль-тегина бережно провели мимо присутствующих и усадили неподалеку от трона, однако дальше, чем сидели танский и тюргешский союзные послы. Хмурое лицо тюрка стало совсем мрачным.

Подали угощение. Завязался обычный в таких случаях вежливый разговор. Барс-бег, следуя этикету, задавал вопросы:

– Здоров ли мой родственник, Божественный Тюрк, сын Волчицы?

– Здоров! – отвечал посол. – И того желает своим друзьям и данникам. Врагам же и завистникам – неминуемой смерти.

Несмотря на такой дерзкий выпад, Барс-бег продолжал:

– Все ли благополучно в державе тюрок? Плодятся ли скот? Увеличивается ли число подданных?

– Благополучно. Плодятся. Увеличивается, – отвечал Кюль-тегин. – И земля наша увеличивается. Она и будет увеличиваться, пока не обретет границы, в которых была держава наших великих Бумын-кагана и Истеми-кагана.

Подал голос тюркешский посол Баглила:

– Лучшее, что есть – это мир между соседями. Пусть каждый владеет своим и не зарится на чужое.

Кюль-тегин резко повернулся к нему:

Вы – тюргеши, от предков наших признавали власть потомков кагана Истеми из рода Ашина! Вы были всего лишь малым народом из народа Десяти Стрел и владели одной стрелой. Ваш правитель носил титул «эльтебер» и сидел далеко слева от трона Истеми вместе с другими эльтеберами. А теперь ваш Сакал прозывается «каганом», будто и он из рода Ашина! Будто от незаконного звания он станет сильнее! Нет! Есть только один настоящий каган в мире – это Повелитель Степей Божественный Тюрк Капаган-каган, мой дядя! Придет срок и вы содрогнетесь от копыт наших коней, падете как степная трава под ударами наших клинков!

– Это прямая угроза! – громко сказал возмущенный Баглила.

– Скоро от угроз мы перейдем к делу! – бросил Кюль-тегин. Мягко и проникновенно заговорил танский Тао Гу:

– Такие хорошие люди... Зачем же говорить резким языком, испытывать гнев...

Кюль-тегин повернулся к нему:

– Вот и ты раскрыл рот, табгач! Как ты смеешь без нашего позволения присутствовать здесь, в шатре нашего вассала! Разве мало вам того, что мы шесть раз переходили Желтую реку, чтобы наказать вашего кагана за лживость и лицемерие? Вы хотите, чтобы мы сделали это в седьмой раз? Но клянусь, тогда мы не ограничимся только севером, дойдем до самой вашей столицы и поставим свои юрты в садах вашего правителя!

Барс-бег, слушая, как оскорбляют послов, в глубине души был даже доволен. Пусть они разъярятся, пусть передадут эти оскорбления своим повелителям! Тогда вражда к заносчивым тюркам станет непримиримой, а враждебный им союз – крепче.

Однако Кюль-тегин переходит за пределы пристойности. И Барс-бег вмешался.

– Достославный! В моей юрте негоже одному гостю оскорблять другого. Такое запрещает обычай.

Кюль-тегин повернулся к нему и сказал с явной насмешкой, в то время как его глаза метали желтые молнии:

– О мудрый! О, белобородый! А зачем ты привечаешь таких гостей без соизволения на то Божественного Тюрка?

– Божественный Тюрк не вправе указывать мне в моих землях, – отвечал Барс-бег.

– Разве? А не кыргызы ли шесть поколений были данниками рода Ашина? Разве не ковали нам мечи? Не поставляли меха и рабов? Давно ли вы стали такими храбрыми?

– Давно, – отвечал Барс-бег. – С тех пор, как мы освободились от вашего владчества! Тому уже сорок зим.

– Мой дядя, великий каган, слишком милостив к вам, непокорным. Он снизошел до тебя и отдал тебе в жены мою сестру. А чем ты платишь за это? Неразумной

строптивостью? Ты, словно паук, сидишь и ткешь паутину. Но мы не мухи, и я говорю: берегись!

Тут сразу громко загомонили все присутствующие:

– Позор!

– Он оскорбил кагана!

Кюль-тегин, словно волк, поворачивался корпусом вправо-влево и кричал, очерившись:

– Вашему аж мой дядя пожаловал этот титул! Из милости! Но он может и забрать его обратно! Слугу награждают за усердие, а за строптивость наказывают плетью!

Этого уже невозможно было стерпеть. Неистовый и нетерпеливый принц попрай все степные обычаи и больше не мог рассчитывать на посольскую неприкосновенность. Отовсюду раздавались гневные возгласы:

– Смерть обидчику! Смерть негодяю!

Десятки рук потянулись к дерзкому. Но всех опередил пылкий Кули-чор. В два прыжка он очутился рядом и влепил оглушительную затрещину – прямо по плоской безбородой физиономии. Кюль-тегина дернули за ноги, повалили на пол. Но поднятый шум перекрыл грозный голос Барс-бега:

– Не смей!!!

Возбужденная толпа раздалась. Перед троном оказался поднятый Кюль-тегин: из носа его текла кровь, один глаз успел вздуться. Четверо делоправителей держали его за руки.

Барс-бег сказал:

– Нельзя его убивать. Вы знаете степной обычай. По этому обычаю мы и будем его судить. А пока свяжите его и отведите в Деревянную юрту.

Кюль-тегина поволокли к выходу. А снаружи доносился не меньший шум – там обезоруживали и вязали посольскую дружину...

Вновь собрался совет. Барс-бег сказал:

– Война с быстротой пожара приближается к нашим пределам. Она была предрешена Капаган-каганом уже тем, что он отправил к нам послом Неистового и Нетерпеливого. Всем известно, Кюль-тегин владеет оружием, но не владеет Разумом и Словом.

– Войны все равно было не избежать, – сказал Эрен Улуг. Два медведя не уживаются в одной берлоге.

– И поэтому поторопись с отъездом, – сказал каган. – Время не терпит. У нас могущественные враги. И нужны такие же союзники.

– Все готово, повелитель. Я думаю, через месяц мы тронемся в путь.

Что могут бакши

Уткул выполнил все, что обещал. Он задал спасителю пир, длившийся три раза по три дня. Он затаскал его по родственникам. Ярук получил кучу подарков. Из своих недостатков Уткул предлагал:

– Возьми половину овец! Коня! Верблюдицу с верблюжонком!

– Куда мне их девать? У тебя есть пастух, а мне придется пасти самому. К тому же у меня нет даже юрты.

– Возьми любую юрту! У меня их три.

– У тебя в каждой юрте по жене. Отдашь юрту мне, куда лишнюю жену денешь?

– Возьми жену! Смотри, азка какая молодая, красивая! Всегда кипит, как вода в казане. Бери, не пожалеешь!

И Ярук уступил:

– Ну, хорошо, давай сделаем так: пусть эта азка, и юрта, и скот побудут у тебя. А когда я решусь на такое, ты мне их уступишь.

– Вот это разговор! – сразу повеселел Уткул. – Но все-таки возьми брата азки! Тебе ведь нужен слуга: за конем присмотреть, оружие почистить. Не смотри, что он маленького роста и молод. Очень ловкий и выносливый паренек. Все делает быстро, не ленится.

– Хорошо, хорошо! – сдался Ярук. – Пусть будет маленький аз. По крайней мере он – мужчина, значит, сам о себе позаботится.

...Когда случился скандал с Кюль-тегином, каган приставил к сруб-тюрьме стражу во главе с воином Уткулом.

Часовые слышали, как всю ночь пленник метался по Деревянной юрте, словно тигр в клетке. А наутро, когда слуга принес еду, он накинулся на вошедшего и чуть не убил.

После этого есть ему не приносили, только на третий день просунули воду через оконце в ковше на длинной ручке. Невидимый пленник вцепился в ковш и втянул его внутрь: слышно было жадное бульканье.

На пятый день в оконце замаячило плоское безбородое лицо.

– Эй! – кричал Кюль-тегин. Стража приблизилась.

– Принесите чего-нибудь из пищи.

Поскольку слуги категорически отказались входить к бешеному пленнику, напросился Ярук, новый приятель начальника стражи.

– Будь осмотрительным! – напутствовал его Уткул. – Поставь еду на пол и сразу – за дверь.

Ярук усмехнулся:

Все будет в порядке. Забыл тебе сказать, что я – бакши¹. А бакши, как тебе известно, никто не может причинить вреда. Кроме того, я возьму с собой маленького аза, подаренного тобой. Азы – все сплошь бакши. Два бакши против одного йигита – сила.

Уткул от удивления взялся за подбородок: как это его бывший раб, низкорослый паренек-аз, может быть бакши?.. А он-то и не догадывался!..

С тех пор Ярук и маленький аз два раза в день исправно выполняли свои добровольные обязанности. Так продолжалось половину луны.

Тем временем по приказу кагана разослали гонцов во все кочевья. Представители родов должны были явиться в ставку на курултай для суда над Кюль-тегином. Кроме того, Мудрый Барс-бег решил таким образом оповестить весь народ о предстоящей тяжелой войне. Пусть люди узнают правду и пусть готовятся! Беспечность в таких делах губительна.

По приказу кагана строились деревянные дома – амбары, куда свозились припасы со всей страны. В предгорных селениях принялись за усиленную выплавку железа. В поселках кузнецов не умолкал стук молотов о наковальни: готовили много оружия.

Начали съезжаться родовые предводители. А Кюль-тегин все сидел в Деревянной юрте... Когда луна в третий раз пошла на ущерб, Ярук попросился у своего друга Уткула отлучиться на день-другой. А еду пленнику может носить и маленький аз. Уткул, конечно, отпустил.

И Ярук, оседлав свою лошадку, поехал в сторону гор. К полудню он достиг стоянки Человека с Двумя Головами. Как и прежде, женщины и дети с криками бросились было в заднюю юрту. Но, присмотревшись, остановились. С лаем бежавший навстречу волкодав неожиданно радостно взвизгнул, завилял хвостом. Лицо вышедшего навстречу хозяина, всегда такое хмурое, на этот раз озарилось улыбкой.

Ярук спешил, отдал поводья подбежавшим детям, низко склонился и прижался щекой к голове, висевшей на груди старика. Потом сказал:

– Отец, надо поговорить по серьезному делу.

– Пойдем в юрту. Сейчас подадут еду.

... Они беседовали в юрте очень долго. Когда Ярук уезжал, старый хозяин сказал ему:

¹ Бакши – шаман.

– Не беспокойся, сынок. Все сделаю, как надо. Кони из табунов жирного борова Тексина – будут. Я как раз знаю один косяк неподалеку...

Множество родоправителей съехалось в ставку. Вопросы нужно было решить очень важные. Но сначала гостеприимный хозяин-каган устроил для своих подданных богатый пир. Так велит обычай. За хорошим застольем люди начинают лучше понимать друг друга.

Уткулу очень хотелось принять участие в празднике хоть как-то, хоть с краешку... Ярук убеждал друга-приятеля:

– Иди с чистой совестью! Кюль-тегин сидит за крепким засовом. Дружина его тоже. Оставь мне несколько воинов и все будет в порядке..

Уткул ушел. Трем часовым Ярук принес хороший бурдюк с кумысом и много баранины. Часовые уселись под березой и стали угощаться. И когда пришли сумерки, все они громко храпели: в кумыс было подмешано сонное зелье.

...На рассвете августовской ночи Ярук вошел в Деревянную юрту. Кюль-тегин сверкнул на него белками глаз из темноты.

– Все готово. Доблестный! Стража спит, все остальные тоже.

– А моя дружина?

– Вашу дружину сейчас выпускает маленький аз. Кони за ручьем, в ста шагах отсюда.

Они тихо вышли. Ущербный серп луны догорал среди редких звезд. Под березой беспечно храпели стражники. Кюль-тегин нагнулся над ними... Послышался сдавленный вскрик, перешедший в хрипенье. Все стихло. Принц вернулся с мечом и кинжалом.

– Напрасно, Доблестный. Они не принесли бы вреда.

– Тремя врагами стало меньше, – отвечал принц. – Теперь быстро!.. За ручьем в березовой роще слышалось пофыркивание. Человек с Двумя Головами и четверо его подростков-сыновей охраняли оседланных коней – целых три десятка, на всю дружину. В тот же миг запыхавшейся толпой подоспели дружинники. Вел их маленький аз.

– В седло! – скомандовал Кюль-тегин. Маленький аз жалобно воззвал:

– Господин! Господин!

– Ну! – буркнул Кюль-тегин.

– Большой господин обещал освободить мою сестру.

– Глупый! – с досадой сказал принц. – Думай, что говоришь! Разве возможно это сделать сейчас? За нами скоро погонятся. Пройдет несколько лун - и мы вернемся. Тогда кыргызов не спасет даже Умай-эне.

– А как я узнаю об этом?

– Ты поедешь со мной. А потом вместе вернемся, чтобы отомстить. Не бойся, глупец, освободишь сестру! Бог войны – за нас!

Кюль-тегин обернулся к Яруку:

– Эх, жаль! В ожидании казни я спрятал драгоценный перстень, который достался мне, когда мы грабили страну табгачей. Перстень принадлежал, как говорят, самому табгачскому кагану. Очень сильный амулет. Но не возвращаться же назад.

– Я вернусь, – сказал Ярук. – Где он?

– Отдери половицу под окошком и вытащишь тряпицу, а в ней – амулет. Но ты не успеешь, лагерь скоро проснется.

– Успею. Обещаю привезти вам его.

Кавалькада всадников двинулась на юг, в сторону гор. Ярук повернул назад.

...Уже совсем рассвело. Уткул, проснувшись после хмельного пира, почувствовал угрызения совести: «Как там с пленником?». И поспешил к Деревянной юрте.

Сердце екнуло, когда под березой он заметил трех своих часовых в неестественных позах. Он подбежал ближе...

Зарезаны! И дверь в срубе открыта настежь. Он помчался туда, одним прыжком вскочил на крыльцо.

Внутри, в неясном свете возилась какая-то фигура. Ярук!.. Пленного нигде не было видно.

Уткул все сразу понял.

– Ах, негодяй, – закричал он. – Ты обманул меня! А я считал тебя за брата!

– Да, обманул, – отвечал Ярук, выпрямляясь. – И не только тебя. – Самого Барсбега! Теперь Кюль-тегина не догнать.

– Предатель! Проклятый! Что может быть гнуснее человека, предавшего свой народ!

– Мой народ? – закричал Ярук. – А что оно такое, мой народ? Жирный боров Тексин, уничтоживший всю мою семью? Или такие как ты, сытые, мордатые, на всю жизнь наказывающие отцов за ошибки их несмышленишей-сыновей?.. Не нужно мне такого народа! Мой народ там, где справедливость! А Кюль-тегина вам не догнать!

– Вор и сын вора! Какой позор, что именно ты вытащил меня из воды! Лучше бы мне утонуть! Твои руки грязные! Пусть тюрк ушел, но ты не уйдешь! Я убью тебя своими чистыми руками!

И Уткул прыгнул через скамью с мечом в руке. Ярук обнажил свой. Лязгнул металл, скрестились взгляды. Опытный воин встретил сильного врага. Недаром Ярук столько лет ковал оружие в горах – мечом кузнецы владели в совершенстве.

– Осторожнее! – говорил Ярук с усмешкой, легко отбивая яростные удары. – Мне так не хочется делать дырку в твоем животе, славный Уткул! Зачем оставлять вдовами сразу трех хороших женщин! Иди-ка ты лучше к ним и дай мне дорогу.

– Не уйдешь! – рычал Уткул.

Ловким ударом Ярук выбил у него меч. И тотчас начал оттеснять в угол – от двери, приставляя острие то к шее, то к животу противника.

– Дай мне уйти и ты останешься жив...

Уткул клокотал от ярости. Он пытался поймать меч врага голыми руками, но Ярук не давал. Тогда Уткул, уже ни с чем не считаясь, бросился прямо на меч. Но Ярук не воспользовался оружием; он применил китайский способ борьбы – сильно ударил противника в пах. Уткул свалился как подрубленный и стал корчиться на деревянном полу.

– Ничего, выживешь.

Ярук быстро взглянул в оконце с лопнувшим бычьим пузырем. К дому бежали люди. Он метнулся к двери и захлопнул ее. Сруб был окружен воинами ажо-кагана.

– Ну, вот и все... – пробормотал Ярук. – А перстень-амулет я так и не передам...

В дверь уже ломились. Под яростными ударами она пала и ворвавшиеся воины увидели скорчившегося на полу Уткула, а в двух шагах от него – человека с мечом под сердцем – обе его руки крепко держались за рукоятку...

Владыки степей

Неспокойно было в ставке Божественного Тюрка на Орхоне. После бегства Кюльтегина и его рассказов о том, что увидел, стало ясно: нужно немедленно действовать. Если, конечно, тюрки хотят сохранить свое лестное прозвище Хозяев Степи!

Самая близкая опасность не в тюргешах, которые ввязались в войну с арабами в Согде, и не в ослабленном Китае. На севере чересчур усилился Барс-бег – каган кыргызов. Эти трое заключили между собой военный союз против тюрков. Что делать? Как победить многочисленных врагов?

На военном совете опытный мудрый Тоньюкук, главный полководец и воспитатель кагана, почти развеял опасения своего господина. Он сказал: врагов необходимо бить порознь. И как можно быстрее. Не надо ждать, пока они объединятся и выступят все разом. Нужно действовать первыми.

Но кого же ударить в первую очередь?

Кто более всего опасен?

Тюргеши? Они пока не в состоянии наступать. У них полно дел с арабами.

Табгачи?¹ Но они далеко. После шести рейдов тюркской конницы Северный Китай обезлюдел и пока император двинет войска за Великую стену, пройдет много времени. К тому же его можно из врага превратить хотя бы во временного союзника. Как? Заключить династийный брак.

Итак, остается третий, самый опасный...

Пришла зима с ее снегопадами, буранами и морозами. На военном совете Тоньюкук сказал:

– Теперь самое время ударить по кыргызам.

Военный совет больше походил на праздничный пир – так уж заведено у истинных народов. Капаган-каган с гордостью оглядывал своих помощников, знаменитых славными делами.

Вот его племянник Кюль-тегин. Слава о его подвигах ширится во все стороны света. В битвах он всегда впереди, а убитых им лично врагов исчисляют десятками.

Вот мудрый Тоньюкук. Он служил еще старому Кутлугу, а теперь – его младшему брату Капаган-кагану. О, Тоньюкук, хитрый степной волк! И внешность у него самая воинственная: и облик, и взгляд, и даже усы – как две сабли, до поры до времени дремлющие по обеим сторонам рта. Это он, Тоньюкук, водил шесть раз войска за Хуанхэ. Он покорил саяно-алтайские племена чиков и азов. Даже Неистовый и Нетерпеливый Кюль-тегин смирят свой бурный нрав, когда Тоньюкук говорит: «Нельзя!»

А вот ловкий дипломат Чыкин Чур, вечный противник Тоньюкука и Кюль-тегина. Он – хороший противовес им обоим. Сам же каган пользуется советами с той и другой стороны, взвешивает и выбирает истину.

Вот и сейчас, когда старый Тоньюкук предложил ударить по кыргызам, Чыкин Чур сразу возразил:

– По льду Улук Кема² кыргызы соорудили сплошной завал из обледенелых бревен от одной скалы левого берега до другой скалы правого берега. Идти через зимние перевалы – и думать не следует. Что же советует Тоньюкук?

– Атаковать, – ответил старый полководец.

– Где?

– Через те перевалы, о которых и думать не следует...

И вот ясным зимним утром конное войско тяжеловооруженных алпов выступило на север. Вели его неистовый Кюль-тегин и многоопытный Тоньюкук.

Переход по зимней степи не представлял особых трудностей: дело привычное.

Но вот и Саяны. Как одолеть донникам эту громадную – до небес – заснеженную стену? Впервые многим показалось решение старого полководца неосуществимым. Но Тоньюкук спокойно обратился к принцу:

– Теперь слово за твоим слугой. Неистовый выдвинул вперед маленького аза.

– Показывай дорогу...

И маленький аз повел. Он старался вести страшных воинов подальше от поселений своего малочисленного народа.

Шли день. Другой. Третий, четвертый, пятый... Поднялись высоко в горы. Здесь ветры были особенно сильны, морозы – неимоверно злочие. Но маленький аз – «путеводитель» – уверенно шел вперед.

На шестой день разразилась пурга. Она длилась двое суток. Все это время кони и люди, укрывшись кто как мог, пережидали.

Утром восьмого дня встало солнце и горы засверкали нестерпимым блеском.

Снова двигались целый день. У многих оказались обморожены пальцы ног, рук, щеки и кончик носа. А выхода из дышащих холодом смерти гор все еще не было.

¹ Китайцы

² Енисею.

Утром девятого дня стало ясно, что «путеводитель» сбился окончательно. На его лице застыло выражение растерянности и отчаяния.

– Ты – предатель! – сказал старый полководец. – От тебя больше нет пользы. Эй, возьмите его!

Тотчас двое воинов схватили проводника и повели к обрыву. Он покорно шел между рослыми угрюмыми алпами. Лицо его теперь выглядело тупо-бесстрастным. Вот и конец жизни, конец мечте освободить сестру...

Тело маленького аза, пронзенное копьями, полетело в пропасть. Тотчас вслед за ним сорвалась снежная лавина, словно густой белый клубящийся дым, и навсегда похоронила его...

Кюль-тегин воззвал к своему наставнику:

– Отец! Придумай же что-нибудь! Неужели мы погибнем здесь, как погибают овцы во время степного бурана?

– Есть выход! – отвечал Тоньюкук. – Видишь эту гору, покрытую лесом? Там снега меньше. Нам ее придется одолеть.

Приготовили длинные шесты. Тоньюкук объяснил передовому отряду задачу:

– Вы должны протапывать снег. За вами пойдут ослабевшие и обмороженные. Тащите лошадей в поводу.

Кюль-тегин, как всегда, возглавил передовых. Самые сильные воины, упираясь шестами, начали прокладывать дорогу вверх. Воины часто сменялись. Двигались весь день, ночь и еще день практически без остановки. Утоптанная дорога-туннель в глубоком снегу теперь змеилась на самую макушку горы и оттуда спускалась к подошве. Там передовые отряды задержались, поджидая отставших.

И вот последний воин присоединился к армии. Взорам открылись необъятные просторы... В снежном одеянии раскинулась большая страна. В вечернем солнце сверкали ровные поля, между ними стояли молчаливые леса под снеговыми шапками. В морозном воздухе там вдалеке поднимались к небу прямые, как мечи, столбы дыма...

Страшная ночь

...Морозная звездная тихая ночь. Слышно потрескивание деревьев в ближайшей роще...

И в эту тишину ворвался многомерный, многоголосый визжащий скрип мерзлого снега под тысячами копыт. Эта черная лавина как бы пожирала под ужасный скрип белое заснеженное пространство, текла со скоростью весеннего половодья... Именно так воспринял увиденное Тексин-инал, когда, позевывая, вышел из юрты по нужде.

Он дрался отчаянно. От его палаша отправились в нижний мир к Эрклигу трое алпов. Еще трое, тяжелораненые, валялись на снегу. Но силы Тексина-ата уходили! Он обливался потом и кровью, дышал натужно, с хрипом, широко раскрыв рот. В этот хрипящий рот и вонзил копьё подскакавший молодой, полный сил Кюль-тегин...

Армия стремительно неслась вперед. И ужасный визг снега под копытами тысяч коней не намного опережал ее...

Прошла уже большая половина ночи, когда вырвавшиеся вперед отряды достигли Западного лагеря – в нем стояли Силы Помощи заставам. И опять все повторилось: яростный лай псов сменился жалобным воем, забегали фигурки... В этом «холостяцком» лагере стояло до трех тысяч воинов, поэтому Тонь-юкук оставил пятитысячный отряд. Главное же ядро войска неудержимо катилось вперед, вперед! Неистовый Кюль-тегин вел эти силы. Он горел одним желанием – добраться до самого Барс-бега.

Когда Большая Медведица повернула свой ковш к утру, они достигли надолбов, окружавших ставку.

Здесь их встретили совсем по-другому. Как видно, службу при кагане несли бдительные стражи. А может, кто-то все-таки прорвался и предупредил...

Гнусаво затрубил боевой рожок. С вала в черную лавину, обтекавшую надолбы, ударила туча стрел. И сразу десятки всадников и коней покатались по снегу. От

неожиданности на них валились следующие. Произошло замешательство. Алпы пытались с ходу взлететь на вал, но копыта скользили по обледенелым склонам, лошади вместе со всадниками съезжали вниз.

В одном месте гремел голос Кюль-тегина, в другом конце Тоньюкук отдавал короткие, ясные приказания.

– Ищите вход! Ворота! Эй, Кюль-тегин!

– Ох-хой! Ворота здесь!

* * *

Ставка была взята. Сотни трупов валялись между большими юртами. Кричали женщины, захлебывались в плаче дети. Не слышно было только собак.

Но Барс-бег ушел...

Тюркам эта победа досталась недешево. Семьсот воинов забрал Бюрт – бог скорой смерти. Много оказалось раненых. Все это еще более распалило ярость Кюль-тегина. Он рвался немедленно броситься в погоню.

Однако мудрый Тоньюкук остановил своего воспитанника: – Бюрты! Хватит пока! Барс-бега сейчас не догнать. Да в этом и нет нужды. Он все равно будет наш – завтра, послезавтра. Войску надо отдохнуть, до полудня. Перевязать раны, подкормить лошадей...

В полдень по приказу старого полководца несколько больших отрядов двинулось по разным направлениям – разорять кыргызские кочевья, уничтожать боеспособных, сеять панику.

Главные же силы устремились в погоню за кыргызским каганом.

Последний бой в Черни Сунга

Семидесятитрехлетний Барс-бег не слезал с коня уже вторые сутки. Оставшиеся с ним воины, израненные, угрюмые, ждали Слова: что делать дальше?

Небо наказало нас за беспечность, – говорил старый каган. – Но мы – воины. Нельзя падать духом. Кто же защитит народ, если не мы?

После этих слов молодым стало стыдно, они приободрились.

В этот тяжелейший час каган проявил недюжинную энергию. Горе как будто не коснулось его – он словно помолодел. А ведь два его брата погибли в Ставке, погиб один из трех взрослых сыновей и четыре внука-воина. И сам он был трижды ранен.

Барс-бег не стал создавать совет, теперь он распоряжался один, решительно и властно. И это придавало уверенность остальным: значит, он знает и надеется!

Каган приказал отправить спасенные семьи далеко на север к границам лесных народов. К управителям и родам, во все значительные кочевья немедленно поскакали вестники со Стрелой Войны. Приказ был один: всем силам собраться в черни Сунга.

Прошла уже вторая четверть после ночного разгрома. С вечера над ущельями, оврагами Сунга поднималась молодая луна. Она светила на кыргызский лагерь, на скалы, хвойные леса – «чернь», на замерзшую реку. Каждый день и каждую ночь сюда прибывали новые и новые дружины. Добирались небольшие группы всадников, а то и одиночки. Спешили, спешили, спешили... Разведка, высланная каганом, доносила: тюркские отряды нащупали беглецов и теперь со всех сторон стягиваются к черни Сунга.

Битва началась с решительной атаки отборного отряда Кюль-тегина. Принц был всем замечен на своем белом коне. За ним, вдохновленные примером, кинулись в битву алпы. Но в него же, слишком выделявшегося, летели стрелы тучей. Лучшие вражеские бойцы стремились выбить батыра из седла. Пока это никому не удавалось.

Тюрки старались откинуть кыргызов от скал и сбросить в реку. Кюль-тегин могучим клином врезался в дружину Куличора и стал теснить. Но кыргызский военачальник собрал все силы и отбросил врага.

Обозленный Кюль-тегин распекал своих алпов, обзывал их сусликами и черепахами; он с позором прогнал в тыл десяток воинов, отступивших первыми. Там они немедленно покончили с собой.

Перегруппировав клин, принц вновь повел его в атаку. Он кричал:

– Эй, Куличор! Пастух! Трус, бьющий безоружного! Немошная старуха, нацепившая меч! Где ты? Прячешься за спины? Выходи! Пусть все увидят, так ли ты храбр в поединке, как в шатре своего ажо! Выходи, усатая потаскуха!

Он подскакал к бревенчатому валу. Один из кыргызских воинов не выдержал, вскочил на вал. Кюль-тегин пронзил его стрелой!

Под градом стрел алпы растащили бревенчатый вал и в образовавшуюся брешь хлынула тяжелая конница. Отряд Куличора опять начали теснить. Кыргызов медленно, но неуклонно отжимали к реке. Горячий Куличор призывал теперь Умай-эне и, проклиная трусов, бросился с несколькими телохранителями наперерез всаднику на белом коне. Он ударил врага копьем, но Кюль-тегин ловко отбил копье своим круглым щитом и оно вонзилось в бедро благородного скакуна.

Конь взвизгнул от боли, поднялся на дыбы и тут же стал валиться набок. Уже падая, принц достал копьем врага: оно вошло Куличору ниже нагрудной пластинки в живот на целую ладонь... Уткула, бросившегося на помощь вождю, Кюль-тегин сразил вторым ударом своего страшного копья...

В этом месте оборона кыргызов была прорвана и тюркские алпы ударили в бок остальному войску ажо-кагана.

Барс-бег бился в рядах как простой воин. Да и где тут было разобрать простых и начальствующих! Все смешалось. Дикие вскрики, стоны раненых, яростное тяжелое дыхание, ржание коней, топот копыт, лязг металла... За этой ужасной музыкой нельзя было расслышать никаких команд. Битва стала неуправляемой, распалась на тысячи поединков.

Мужество и доблесть проявлялись в равной степени с обеих сторон. И те и другие призывали в помощь Тенгри и Умай-эне. Но у тюрков было два преимущества: численный перевес и непревзойденное воинское искусство. Эти преимущества решили дело. Тенгри и Умай, божественная чета, присудили победу сильнейшему.

...Три дня длилась битва в Черни Сунга. И вот настал четвертый день. Солнце встало над ущельями и оврагами, над остановившимися реками, над лесистыми склонами... на снежной кошме всюду лежали тысячи фигур в самых неестественных позах... С карканьем летали вороны и садились на дальние березы.

Кюль-тегин уже на другом жеребце объезжал место битвы. За ним почтительно следовала свита. Принц искал тело Барс-бега.

Тысяча алпов, знавших в лицо кыргызского кагана, осматривала каждого убитого.

Но Барс-бега не нашли. Об этом и доложили Кюль-тегину.

– Не взял же его Тенгри к себе в голубые высоты! Не стащил же Эрклиг под землю! Ищите! – кричал разгневанный принц.

Алпы опять искали. Опять докладывали. Неистовый кричал опять. Алпы разводили руками... Нет, Барс-бег не мог убежать. Не такой он человек. Видели его, белобородого старика, в самой гуще боя. Этому нашлись десятки свидетелей. Утверждали также, что ажо-каган сразил несколько знаменитых батыров и сам получил множество ран. А вот что с ним дальше произошло, никто не мог сказать с достоверностью. Напрасно искали его победители – чтобы восторжествовать. Напрасно искали побежденные – чтобы оплакать и совершить погребальный обряд. Барс-бег словно улетел. Навсегда.

Эпилог

Поражение кыргызов в битве при Черни Сунга трагически отозвалось на судьбах всего народа. Снова – на тридцать с лишним лет – по Енисею стали тюркские гарнизоны. Вновь собирали дань, принуждали горных мастеров добывать руду, плавить железо, ковать для них знаменитые мечи.

В 745 г. Восточнотюркский каганат окончательно пал. Однако на смену старым завоевателям приходили новые. И так продолжалось столетие. Лишь в середине VIII в. государство енисейских кыргызов набрало силу.

Личность Барс-бега слабо освещена в исторической литературе. И не мудрено, слишком мало сведений о нем. Но одно ясно: он был несомненно выдающейся личностью и сыграл важную роль в судьбе кыргызского народа, в его консолидации.

Он явился объединителем кыргызских племен. Он первый и последний из правителей ажо принял титул кагана – высший титул в Степи – и тем самым заявил о полной независимости кыргызов от Восточнотюркского каганата. Он сделал попытку поставить кыргызский племенной союз в один ряд, как равный, с величайшими державами Центральной Азии. В его время этому не суждено было сбыться. Кыргызский народ не накопил еще достаточно сил и враги его были слишком могущественными.

В этом трагедия Барс-бега.

ТАЛАССКАЯ БИТВА (Историческая повесть)

«Я собрал в этой книге истории, которые рассказывают люди и которые передаются из уст в уста во время собраний. Я думаю, большая их часть никогда прежде не была извлечена из памяти людской и увековечена на бумаге, не была занесена в книгу, подобную этой, и не была сохранена навечно в разных свитках рукописей. Подобные истории принято запоминать, чтобы потом, в случае надобности или когда они придутся кстати, их можно было пересказать...»

Я надеюсь, что мое собрание найдет своего читателя, и что я не зря трудился и уставал, записывая весь этот материал. Это будет так, даже если моему сочинению будет оказано предпочтение всего лишь по сравнению с чистым листом бумаги».

Абу Али аль-Мухасин ат-Танухи (X в.), следуя заветам которого, автор составил свою книгу исторических преданий и легенд.

Книга написана в соавторстве с великими мудрецами прошлого: Ала-Абу Рабахи, Али Сафи.

Да будет вечной их светлая память.

Тюргеши

Каган Сулук Чабыш-чор бежал с поля битвы. Бежал уже пятый день. Маленький отряд всадников редко останавливался на отдых. Лишь только кони, задыхаясь и храпя, начали спотыкаться от усталости, старый сотник сверстник и доверенный кагана, приподнялся на стременах и оглядывал окрестности, отыскивая подходящее место для короткого привала. Редкие селения обходили стороной. Сейчас любой кетхуда¹, позарившись на арабские динары, мог связать сонного владыку тюргешей и выдать победителю. Нет, подальше от глиняных стен и башен с их лживыми и коварными обитателями, спящими на мягких подушках. Ничего нет безопаснее для кочевника, чем ручей с травянистыми берегами, да кошма, сваленная женщинами из горных айлов.

Только раз удалось сварить мясо. Обычно воины и сам божественный тюргеш-каган довольствовались горсткой талкана², разведенного в воде. За пять дней пути каган не проронил и слова. Горькие думы о сегодняшнем дне чередовались с воспоминаниями о былом, давно ушедшем. Думы терзали воспаленный мозг старика, рвали на части изболевшее сердце. И только воспоминания приносили мимолетное облегчение, отвлекали от тяжелой нависшей глыбы страшного и неотвратимого: «Что же теперь будет?». Он – каган. Он должен держать ответ перед своим народом.

С чего и началась беда? Как так случилось, что он, единоличный повелитель всех народов и племен от Черного Иртыша и до Желтой Амударьи на двадцать втором году своего правления оказался в положении беглеца, уклонявшегося от случайной встречи с последним кетхудой своей державы? Почему стертые с лица земли его храброй конницей арабы вдруг оказались победителями:

О, позор! Об этом лучше не думать, что разграблены обозы, что потеряна казна?

Ведь пришлось бросить на поругание мусульманам даже свою любимую жену. О, Тенгри-ата! О, Умай-эне! Где взять силы, чтобы вынести все это?

С чего же началось несчастье народа тюргешей? А может быть и вправду Аллах сильнее, чем Тенгри-ата? Не сделал ли он ошибку, прогнав послов халифа Хишама, когда те предлагали ему принять ислам? Каган хорошо помнил этот день.

Его войска только-только вернулись в Суяб. И в селениях, и в кочевых – веселье, радость. Не было ни одного нищего обозного слуги, который бы не надел новый халат. Конные воины получили месячное жалованье: хочешь – кусок гладкого согдийского шелка, хочешь цену этого куска – 25 полновесных серебряных дирхемов. Праздник

¹ Кетхуда – староста селения.

² Талкан – поджаренная на жиру ячменная мука крупного помола.

возвращения с победой омрачали только вдовы и матери павших воинов. Рвут волосы, царапают щеки. Слезы и кровь размазывают по грязным лицам...

Кагану жалко бедных женщин. Он подошел к ним и тоже заплакал, надрезал кинжалом мочку уха, приказал выделить часть добычи и уплатить жалованье семьям погибших... Чего же еще? Так нет. Бросают шелк в грязь, топчут его ногами, требуют вернуть сыновей и мужей. Глупые бабы. Оттуда, куда ушли храбрые воины, рожденные ими, не возвращаются. Богу смерти Эрклигу тоже нужны всадники. Да, если бы так недостойно вели себя неписанные дочери кара-бодуна¹. Вон келин² Огуш-тархана, красавица Бакыт. Щеки изрезала, волосы распустила, большой, как бухарский арбуз, живот бесстыдно выставила и уставилась на него ненавидящими глазами. Так бы и съела! Кагану понятно, нелегко оставаться вдовой в ее годы. Сколько ей? Лет пятнадцать-шестнадцать, наверное. Если бы не беременность, можно было бы взять в свой гарем. Ну, да эта не пропадет. У Огуш-тархана подрастает второй сын, Турсун. Ему уже десять минуло.

За Бакыт Огуш-тархан дал большой калым³. Не пропадать же богатству. Поэтому красавицу по обычаю отдадут за Турсуна, когда немного подрастет. Правда, куда этому сопляку до его старшего брата, Огул-Барса. Каган помнил, как погиб муж красавицы Бакыт. О, это был настоящий алп-герой, несмотря на то, что вместо усов и бороды на лице его курчавился редкий черный пушок.

Тогда, он силами дихканов⁴ Ферганы, Шаша⁵ и Тара-бенда⁶ осаждал крепость Кемерджи, что под Бухарой. Дихкане утверждали, что Кемерджи защищают пятьдесят ослов и хвалились, что возьмут ничтожную крепость за пять дней. Эти пять дней обернулись в два месяца. Целых два месяца арабы, укрывшись за стенами, успешно отражали приступ за приступом.

Когда он, сделав успешный набег на Несеф, Кеш и Самарканд, вернулся под Кемерджи с богатой добычей и полоном, крепость стояла, как ни в чем не бывало. Только мосты через ров были сожжены, а в стенах кое-где зияли бреши.

Ох, и досталось тогда дихканам! Он обругал их самих ослами и приказал снять осаду. Молодой и самолюбивый царь Тарабенда из славного тюркского племени чаруков выступил вперед:

– Э, повелитель! Разрешить сказать!

– Говори!

– Мы не прилагали особых усилий для взятия этой кучи глины. Завтра утром мы покажем себя. А ты – смотри и не помогай нам.

– Не думаю, что вы добьетесь успеха.

– А вот отдай мне двух невольниц из арабов. Что сидят близ твоего шатра. Тогда я только с тарабендцами возьму крепость.

Каган хорошо помнил то ранее утро скорби. Царь Тарабенда, несмотря на разящие стрелы и камни, пробился к самой стене, верх которой был разрушен. Вдруг из-за обломков стены показался араб из племени бану-тамим и бросил в царя крюк. Крюк зацепился за кольчугу и тамимит с помощью женщин и детей втащил царя наверх и на глазах всего войска пронзил мечом. Тарабендцы, потеряв 6 или 7 человек, отхлынули от стен, оставив тело своего царя на поруганье.

Вот когда показал себя безбородый муж этой злойки Бакыт, несчастной келин Огуш-тархана. Он кошкой взобрался на стену, убил тамимита, взял его аркан с крюком и меч, взвалил на плечи тело царя Тарабенда и без единой царапины вернулся. Многие, да и

¹ Кара-бодун – букв. «черный народ», простолюдин.

² Келин – сноха.

³ Калым – выкуп за невесту.

⁴ Дихканы – в средние века земледельческая аристократия.

⁵ Шаш – область Ташкента.

⁶ Тарабэнд – область Отара (совр. Шаульдер).

сам герой, сочли это чудом. Только каган и опытные рубаки знали, что чуда не было. Было обычное везение безудержной молодости. И еще одно знали старики: такие долго не живут. Арабы запомнили юношу. Много раз лучшие наездники из них вызывали Огул-Барса на единоборство. Отец разрешал ему выезжать только тогда, когда противник был в богатых доспехах и на хорошем коне. Трех витязей сразил юноша. Старый Огуш-тархан радостно потирал руки: только за добытые доспехи можно было купить табун лучших ферганских кобылиц. А вот за жизнь самого Огул-Барса теперь никто из ветеранов не дал бы и потертого дирхема: разве воины ислама оставят без отмщения смерть своих лучших рыцарей?

Каждую победу юноши молодежь приветствовала торжествующими криками и звонкими ударами мечей о щиты, а старики переглядывались, да только головами качали.

Арабы перестали вызывать Огул-Барса на единоборство. И это было очень подозрительно. Ему бы побережся, а он каждое утро выезжал под стены с тугим луком и полным колчаном. Правда, это было пустым занятием. Стрелы его ранили еще двух защитников Кемерджи, а толку? Их же не ограбишь – они на стенах. Эх, молодость, молодость...

Судьба подстерегала Огул-Барса ранним утром у южных ворот Кемерджи. Там была еще маленькая калитка. Она оказалась приоткрытой, а через ров была перекинута доска. Эх, Огул-Барс, Огул-Барс! Он, верно, подумал, что это проход для лазутчиков, которые вышли ночью и еще не вернулись в крепость.

Какой случай проникнуть в город, запереться в башне и обеспечить штурм города через южные ворота! Он спешился, побежал по доске и...

Потом пленные арабы рассказывали, что это было делом хитрого Талиба ибн ал-Мухаджира ат-Тан вкупе с еще двумя негодьями из племен шайбан и наджи. Они перебросили подпиленную доску через ров и затаились за приоткрытой дверью калитки. Когда доска обломилась и Огул-Барс упал в ров, они выскочили из засады с натянутыми луками. Наджиец попал прямо в переносицу юноши, но на нем был тибетский шлем с забралом. Стрела высекла искру и отскочила. Шайбанит целил в глаз и не попал. А проклятый Галиб ударил под левую мышку. Там не было брони...

Да, а с чего это он вспомнил доблестного юношу. Да, с чего бы? Ах, да! Из-за этой разгневанной тигрицы Бакыт, келин Огуш-тархана. Не любят своего кагана женщины тюргешей, ой, не любят! Сколько славных воинов полегло в Согде, Тохаристане, Бухаре, Шугнаке, Кашгаре, сколько вдов осталось, сколько сирот...

А Бакыт почему вспомнил? Да, почему? А... как раз, когда он оплакивал павших воинов, и смотрел на злущую вдову, на явно запаленном коне подскакал почтарь халифа Хишана. Они добиваются встречи с каганом. Ну, что ж! Послы, так послы. Послушаем, что скажет халиф. А почтаря велел выпороть, чтоб впредь берег лошадей своего кагана...

Послов встретили, как положено, с почетом. Разместили неподалеку от суябской цитадели, где жил сам каган. Правда, по-соседству с посольским домом с одной стороны был монастырь буддийских братьев, а с другой – церковь сирийских тарса¹... Прислуга дома послов докладывала, что благочестивые мусульманские улемы с одинаковым отвращением затыкали уши и плевались как при звуке буддийского гонга, так и при звоне христианских колоколов. Просили переселить их в другое не столь шумное подворье. Он отказал. Мусульманские фанаты, которые гвоздями прибивали чалму к головам инаковерующим, должны понять, что есть другой, отличный от ислама мир, в котором хватает места для любой религии.

Каган приказал поставить багдадских дипломатов на довольствие и позвал Харриса ибн-Сурейджа. Его интересовала личность самого посла. Что он за человек? Имеет ли все при дворе халифа правоверных? Есть ли слабости? Не падок ли на золото, женщин, земли? Не пьет ли запрещенное Мухаммедом вино? И что немаловажно, узнать основную

¹ Тарса (тюрк.) – христиане.

цель визита послов. Многолетняя дипломатическая практика показала, что эти сведения неоценимы при решении многих государственных дел.

Сведения, которые принес Харрис, были самые неутешительные: посол – ортодоксальный мусульманин, аскет и давно перестал интересоваться женщинами из-за весьма преклонного возраста. Он в почете при дворе халифа, предан ему и слывет знатоком не только Корана, но и военного дела.

Каган уважал таких людей. Они всегда говорят прямо и с ними бесполезно кривить душой. Напрямую, так напрямую. А чего ему изворачиваться? Он изгнал воинство ислама из Мавераннахра¹. Только горстка их сидит в цитадели Самарканда, из которой они и нос высунуть боятся. Все налоги и деньгами, и зерном поступают ему, кагану тюргешей. А в арабском Хоросане и в его столице Мерве – голод, как после джута. Ни единого зернышка туда не попадает из Согды и Бухары. Говорят, что лепешка на мервском базаре стоит целый дирхем, да и то не сыщешь. Скоро будут продавать зерно поштучно.

Узнать обо всем этом для Харриса не составило большого труда. Он подарил секретарю посольства два динара и узнал, что халиф предлагает кагану мир и союз при одном условии: каган, все беги, все цари подвластных кагану народов и весь кара-бодун принимают ислам.

Вестник

На берегу широкой, но мелководной реки правильно раскинулась хан той – ставка верховного правителя карлуков. Стоял конец весны, и засуха еще не поразила степь: до самого горизонта простирался изумрудно-зеленый ковер, испещренный мириадами ярко-алых огоньков – то цвели маки. Скоро, скоро вся эта красота увянет, исчезнет и останется только унылая пыльная полупустыня. И тогда кочевники поднимутся высоко в горы, на благодатные летние пастбища. А пока сотни юрт тянулись вдоль берега. Подобно могучему кургану возвышался среди них роскошный шатер правителя – Эльтебера.

Весь этот кочевой город с наступлением дня наполнялся шумом людских голосов, тугим конским ржанием, жалобным блеянием ягнят, привязанных короткими поводками к длинным веревкам между двух кольев. По всем направлениям сновали пешие и конные. В ставке всегдалюдно и шумно. Поэтому никто не обратил внимания на одинокого всадника, пробиравшегося между войлочными шатрами. На нем была простая черная одежда степняка, шапка надвинута на глаза. Оружие.

Всадник добрался до шатра эльтебера, где его остановила стража. Гвардейцы в полном вооружении (блестящая броня, шлемы с крылышками, мечи, копья и булавы) представляли внушительное зрелище. Последнее время эльтеберы начали претендовать на происхождение от рода Ашина – древних и славнейших повелителей всех тюрков. И для своей гвардии возродили боевую форму времен кагана (первый джабгу) Истеми. Всадник усмехнулся: ходят слухи, что карлукский правитель уже не довольствуется титулом «эльтебер» и желает называться более высоким – «джабгу».

Пока всадник препирался с гвардейцами, из шатра вышел человек в нарядном зеленом халате. Стражники сразу вытянулись: ведь это самый главный церемониймейстер-распорядитель двора проверяет их службу! Вельможа равнодушным взглядом скользнул вокруг и повернулся, чтобы уйти. Всадник окликнул:

– Бирук Хаккулы!

Тот пристально взгляделся, внезапно расширил узкие глазки и от изумления прикрыл рот ладошкой.

– Вижу, ты узнал меня, – сказал всадник, – Доложи своему господину: я с важной вестью.

– Повелитель только что откушал и теперь выслушивает своих буюруков! – отвечал Хаккулы-распорядитель, приходя в себя. – Какая может быть весть у «черного» тюргеша к повелителю карлуков?

¹ *Мавераннахр* (араб.) – название территории между Амударьей и Сырдарьей.

– Хорошая. Он будет доволен.

Бирук-распорядитель недоверчиво пожевал губами, но все же скрылся в шатре.

Его долго не было. Наконец, обращаясь к гвардейцам, сказал:

– Пусть этот человек войдет.

Гость переступил порог шатра. Все присутствующие (а их было здесь много) выжидающе повернули головы в его сторону. Он оглядел блестящее собрание. Почти всех он знал в лицо.

Сам правитель сидел в дальнем конце зала на троне, сделанном в виде барана (подлокотники). (Когда-то этот трон принадлежал ныне побежденному согдийскому владельцу Кушана). По правую его руку, чуть ниже, расположился стройный джигит с хищным лицом – брат правителя, знаменитый воин Утембек. По левую руку – тоже молодой человек в согдийской дорогой одежде с золотым поясом – сын владельца Чача (область и город в Средней Азии, теперешний Ташкент). Слева и справа – ряды знатных людей в зеленых халатах – предводители трех племен, составлявших народ карлуков. Они же – буюруки, т.е. советники правителя.

Гость произнес традиционное цветистое приветствие. Эльтебер смотрел на него тяжелым взглядом, не предложив сесть, мрачно бросил:

– Говори.

– Великий Эльтебер! У меня весть, приятная для царственного слуха. Твои союзники – арабы выступили в поход! Через половину луны ты увидишь их коней под стенами Тараза.

Чуть слышный шепот пробежал по рядам присутствующих. Знаменитый воин Утембек радостно хлопнул себя по колену. Сын правителя Чача сказал возбужденно:

– Наконец-то! Пришло время отомстить табгачам за смерть моего отца!

Но правитель молчал. Лицо его было мрачно, он все тем же тяжелым взглядом смотрел на пришельца. Шепот и возгласы стихли: владыка гневается. Однако – по какой причине? Весть-то действительно приятная.

Догадался один лишь распорядитель Хаккулы. Он закричал на вестника:

– Как ты смеешь именовать повелителя эльтебером? Разве ты не знаешь, что он соизволил принять титул «джабгу»?

Вестник усмехнулся:

– Нет, не знаю. К тому же никто не может сам называться «джабгу», этот титул жалует лишь каган.

От такой дерзости все присутствующие слегка ахнули; лицо владыки побурело, он хрипло бросил:

– Если ты все сказал, можешь идти. Вестник проговорил, усмехаясь:

– За хорошую весть положи подарок...

Грузный джабгу неожиданно легко вскочил с трона:

– Дайте мне меч! Схватить дерзкого!

Вмиг руки вестника оказались скручены за спиной. Он кричал:

– Я – твой гость, а гость находится под защитой обычая! Я – добрый вестник, а вестников не убивают! Что ж! Убей меня и пусть разнесется из края в край по степи твой позор!

Ближайшие буюруки что-то тихо нашептывали владыке. Наконец тот пришел в себя, сел на трон, скрестив ноги, и дал знак стражникам: гостя отпустили.

Джабгу сказал:

– Слушай меня, «черный» тюргеш! Я не звал тебя! И весть твоя ничего не значит: через день – другой мои воины принесли бы ее на своих быстрых конях! Ты виноват передо мной. Степь полна разговоров о твоих грабительских действиях. Разве не ты со своей шайкой угнал косяк кобылиц у почтенного Баглилы?

Один из буюруков злобно осклабился и крикнул:

– Он! Он!

Джабгу продолжал:

– Ты грабишь караваны, проходящие по нашей земле и тем подрываешь торговлю, а заодно и наши доходы с нее! А теперь ты оскорбил меня в собственной юрте! Ты – дорожный грабитель, опозоривший свой когда-то славный род!

Гость выпрямился:

– Да! Я из славного рода кагана Чабыш-чора Сулука, некогда повелителя «черных» тюргешей, я – Байташ-тегин¹, а ныне бездомный нищий скиталец! Когда-то у меня были косяки быстроногих коней и отары овец. Где они! Их забрали твои люди, Эльтебер! И твои союзники – «желтые» тюргеша. А ведь я веду свое происхождение – пусть от младшей ветви – от Ашина, как и ты, эльтебер! Значит, мы – родственники. Разве справедливо твои люди поступили со мною?

– Меч – высший судья, – отвечал эльтебер. Ты не покорился мне и был разбит. Имуущество побежденных принадлежит победителям. Это справедливо. А теперь – убайрайся!

Байташ сузившимися, как у рыси глазами, обежал собрание. Он походил на барса, изготовившегося к прыжку. Однако голос его прозвучал спокойно:

– Я собрался жениться. Но мне нечем заплатить за невесту. Вот я и думал получить за радостную весть награду от тебя, эльтебер-джабгу! По-родственному.

Правитель откинулся на трон. Лицо его излучило торжество: вот он, гордый и заносчивый тюргешский принц Байташ, стоит перед ним в позе нищего просителя! И джабгу сказал:

– Я даю тебе награду – твою собственную жизнь! Эй, Хаккулы! Добавь к этому полмешка проса, полмешка пшеницы. И ферганского урюка четверть мешка. Навьючъ все это на ту хроую кобылу... Пусть забирает – мне не жалко... Я сказал!

* * *

«Черный» тюргеш Байташ выехал из лагеря; на луку его седла был намотан повод от прихрамывавшей навьюченной кобылы. Сопровождавшие гвардейцы остановились у крайних юрт и долго смотрели вслед.

Один сказал:

– Такой насмешки Байташ-тегин не простит никогда...

Второй возразил:

– А что он может сделать нашему джабгу? Он – как воробей против орла.

– Однако теперь я даже вдсятером не рискнул бы выехать в степь... Он хорошо запомнил нас, охранявших шатер повелителя и нашу одежду...

Второй сказал испуганно:

– А чем виноваты мы? Мы – люди маленькие. Что прикажут – то делаем. Пусть в своих делах они сами разбираются.

– Ступка и пестик рассердились друг на друга. Однако целы остались, а просо, что попало между ними, превратилось в талкан.

В согдийском селении

С древнейших времен жили-были в оазисах Средней Азии согдийцы-земледельцы, трудолюбивый народ. Да и как земледельцу не быть трудолюбивым? Он привязан к земле. Эту землю он каждую весну разминает между пальцами, унавоживает, поливает водой из арыков собственным потом, а иногда и слезой. А урожай ждет летом. Каждый на своем участке. Такова особенность тех, кто обрабатывает землю и кормит весь мир. Ибо земля не терпит наспех сделанного, временного, непостоянного.

Из года в год, из десятилетия в десятилетие, из века в век жили согдийцы по дедовским обычаям, растили сады, создавали города, сложную систему ирригации, строили храмы, дворцы своих владык и все прочее...

¹ Тегин – царевич.

Но вот пришли тюрки-кочевники... Кочевник не привык трудиться на земле. Он не привязан к жалкому клочку. Ему нужны просторы. Перегонять стада с места на место – для этого требуется ловкость, напористость, смелость, наконец, ибо земля не бесконечна и обязательно кому-нибудь принадлежит – земля, необходимая для пастбищ! Значит, ее надо отобрать – ведь стада есть хотят!

Поэтому всегда готов к битве. Арабам тюрки представлялись такими: «Они широколицые, с плоскими носами, с большими руками, в дурном расположении духа» (Абу Дулаф).

У кочевников за века выработалась особая психология: то, что можно добыть кровью, не добывай потом, мозолями! Ибо взятое силой – почетное, славно, приличествует настоящему мужчине. Добытое же мозолями и потом – удел трусливых душ, удел рабов.

История фиксирует: создатели высочайшей культуры еще за полторы тысячи лет до нашей эры – земледельцы.

Лучшие воины, степные рыцари, бесстрашные грабители, оценивающие свою (а тем более чужую) жизнь дешевле плевка – кочевники.

Во время разгула тюркского нашествия в Среднюю Азию местные земледельцы – согдиаты были настолько подавлены лихостью тюркских наездников, что оказались не в состоянии оказать им какое бы то ни было сопротивление. Хотя простой инстинкт самосохранения продиктовал сельским жителям особый вид построек – «кешк». Это нечто вроде примитивного глинобитного «замка» об одной башне (где жила семья) с высоким дувалом.

Но разве запоры, стены и крепкие двери могли спасти хозяина, если дух его ослаб?

... Степной рыцарь Байташ побился об заклад со своим приятелем Тутуком...

... Байташ подскакал на горячем коне к усадьбе согдийца Давана и крикнул:

– Эй, хозяин, выгляни!

– Не выглядывай! – испуганно прошептала жена. Дети притихли, глаза у них стали круглыми, как у совят.

– Э-э-эй! – слышался голос.

– Надо идти, – сказал Даван. – Ведь это тюрк!

– Спаси нас, Анахито и Ахура Мазда, – заплакала жена.

В двери кешка послышались сильные удары. Верный пес Бахрам лаял, захлебываясь от злобы. И снаружи тюрк – тоже начал злиться.

Даван отодвинул ставню – внизу бушевал всадник. Он бил тыльной стороной копья в двери:

– Почтенный!... – окликнул Даван.

Тюрк осадил коня, задрал голову... Хорошо бы сейчас его сверху... Наверняка... Но что толку?... За одного убитого примчится отомстить сотня тюрков...

– Эй, тат, вылезай!

«Тат» – презрительное прозвище, которое тюрки дали земледельцам-согдийцам. Тем, кто ковыряет землю, набивает мозоли и всегда стремится к миру. Презренные люди. Рабы.

– Выходи! – бесновался тюрк.

– Почтенный! – Даван унял дрожь ненависти и попытался говорить доброжелательно. – Если тебе или моему коню требуется еда...

– Выходи!! – завыл тюрк, настроение которого вконец испортилось. – Или я завтра возьму приступом твою башню, жену отдам воинам, детей – торговцам рабами, а тебя ... Выходи!

– Выхожу!...

Даван спустился вниз. Через дверь спросил:

– Если я отдамся тебе в руки, не тронешь семью?

– Не трону! – Всадник сразу успокоился. – Давай, давай, мне некогда.

Хозяин отпер дверь и вышел. Тотчас его захлестнула арканом петля. Жена и дети сверху видели, как главу их семьи разбойник погнал на холм, подбадривая плетью.

... Скоро хозяин вернулся. Он объяснил плачущему семейству:

– Тюрк потребовал с меня выкуп – один медный фельс...

– Фельс? – поразилась жена. – Но ведь за такую монету не купишь даже курицу!

– Более того! – продолжал хозяин. – Когда тюрк получил с меня фельс, он подумал, разрубил фельс пополам и вернул мне половину... сказал, что я не стою большего... Видно, просто резвились молодцы... Да поразит их Анхра.

* * *

Рассказанная выше история случилась неподалеку от города Атлаха в многолюдном согдийском селении. И это несмотря на бесконечные набеги соседей, извечные войны, которые перекачивались через многострадальную Таласскую долину... Жители отличались веселым нравом. Недаром их селение называлось Рамуш, т.е. «радость, веселье». Было у них также еще одно качество – изворотливость, помогавшая выжить в то трудное время.

Однако сейчас, в начале июня 751 года в селении Рамуш веселья мало: оно полно беженцев с Бухарского оазиса – до песен ли тут?

Несколько месяцев тому назад весь Бухарский оазис запылал в огне восстания. Народ поднялся против своих угнетателей – арабов и местных феодалов-дихкан. Во главе встал бедный араб-шиит Шарих ибн Шейх аль Махри. В течение тридцати семи дней 30000 повстанцев сражались с войском арабского полководца Зияда ибн Салиха и правителя города бухархудата Кутейбы. Повстанцы шли в бой со знаменами, на которых было начертано изречение их вождя: «Не для того мы проливали кровь в борьбе против Омейидов, чтобы стать рабами Аббасидов»¹.

Беженцы рассказывали страшные истории. Войско Зияда подошло к городу и стало лагерем у ворот Мох. Несколько штурмов не принесли арабам успеха. Они смогли ворваться в Бухару лишь после того, как в тыл восставшим ударило феодальное ополчение бухархудата Кутейбы. Но и после того сопротивление не было сломлено. Каждая улица и площадь превратились в поле битвы.

Тогда Зияд приказал поджечь город.

Первым загорелся базар Чуба-и-бакалак, где стояло множество деревянных бакалейных лавок. Затем огонь перекинулся на усадьбы богатых купцов – кашкушанов. Пылала вся улица Риндан и улица Каха, мечеть Бану Ханзаль, мастерские-дуканы ремесленников. Загорелся даже знаменитый дворец бухархудатов, построенный на «семи столбах» и повторяющий в плане созвездие Большой Медведицы. Никакие усилия не смогли его потушить, и он сгорел дотла вместе с богатствами бухархудата Кутейбы и его знаменитым тронем, сделанным в виде верблюда. Могила Сиявуша у ворот Гуриян была осквернена, а сами ворота тоже сгорели и рухнули.

Когда в пылающих кварталах стало невозможно дышать раскаленным воздухом, повстанцы отступили. Они вышли за пределы города, продолжая сражаться. Но тут в помощь арабам и своему правителю в тыл восставших ударило еще одно, только что подошедшее ополчение богатых дихкан-феодалов: в Бухаре их звали хамуками, т.е. «жемчужинами».

Окруженные со всех сторон, повстанцы подверглись нещадному избиению. По всем 12-ти бухарским каналам плыли трупы. Множество пало в битве, множество сгорело в самом городе. В том числе и вождь Шарих. Тысячи были взяты в плен и повешены или утоплены в канале Аухитраф.

¹ Аббасиды – династия арабских халифов, обосновывавшая свое право на престол происхождением от Аббаса, дяди Мухаммеда.

Омейиды – династия арабских халифов, происходившая из рода омейя мекканского племени курейш.

Лишь малой части удалось вырваться из окружения и рассеяться по соседним областям. Беглецы достигли даже Таласской долины, где жили переселенцы-бухарцы, ушедшие сюда еще в прошлом веке от арабских притеснителей.

Немало беженцев оказалось и в селении Рамуш. Жители приняли их с сочувствием – измученных, израненных, обремененных семьями. Ведь это были их земляки! Ибо предки теперешних рамушцев пришли когда-то из Бухарского оазиса, из селения того же имени; по легенде оно было построено Кей-Хосровом, сыном Сиявуша.

* * *

Была и другая забота у жителей селения. Несколько месяцев назад они вскладчину снарядили караван и отправили его в западные страны. Войны – войнами, а обрабатывать землю, растить детей и торговать – неизбывная обязанность человека.

Эта торговая операция обещала изрядную прибыль. Однако сроки возвращения караванчиков давно прошли, а они все не появлялись. И те, кто вложил средства, пребывали в тревоге. Если случилась беда, значит, будет нанесен ущерб не только их имуществу: у многих с караваном отправились близкие люди!

В числе переживающих был и мастер Пастун, известный в округе гончар. Его хумы – сосуды для зерна, миски, кувшины, чаши-пиалы и затейливые светильники-чираги пользовались неизменным спросом. Жил он вполне безбедно – ведь в работе отцу помогали трое взрослых сыновей.

Теперь Пастун ругал себя: зачем ввязался в дальнюю торговлю? Не иначе злой Анхра Майнью нашептал в ночи столь безумную мысль.

Одно только несколько утешало старика: с караваном ушел Барбад – знаменитый музыкант, вскруживший всем девушкам головы от Тараза до Атлаха. Этот Барбад с некоторых пор начал петь слишком нежные песни, из которых, как из опрокинутого кувшина, текла любовная тоска.

Ни для кого не составляло секрета, что причина этой тоски – младшая дочка мастера, пятнадцатилетняя Дугд-гонча.

Пять сыновей и пять дочерей было у Пастуна-бобо. Два старших сына погибли, остальные уже женаты. Замужем и четыре дочери, все хорошо пристроены, слава Ахура Мазде.

Осталась младшая, горе и радость старика. Как правило, самый младший ребенок – избалован. Ведь он последний плод запоздалой любви. Младшего всегда жалеют.

Дочь Пастуна была красива. Подрастая, она становилась все прекраснее и соседи прозвали ее мушкиназ – «нежная, как мускус». Это новое имя со временем настолько закрепилось за девушкой, что никто уже не вспоминал ее прежнее имя, даже родители.

И еще одно качество отличало младшую дочь Пастуна от прочих: она умела танцевать, как никто другой. Танцевать могли все женщины селения, как везде и повсюду, но это совсем не то! Когда в танце плыла «Нежная, как мускус», у юношей горели лица, а старики и старухи с умилением вытирали глаза: до чего же берет за душу! Не иначе этот дар ниспослала девчонке сама Анахита!

И вот нищий музыкант, пусть даже и хороший, вдруг предъявил некие права на такое сокровище! А ведь у самого – ни кола, ни двора, как говорится; и живет-то тем, что ходит по праздничным сборищам, свадьбам и поминкам и услаждает своей игрой слух людской! Разве получится из него самостоятельный хозяин?

А хуже всего, что и дочь к этому перекаати-полю казалась не совсем равнодушной...

И Пастун втайне думал: если что плохое случилось – Барбад не вернется. Старик и сам стеснялся этих грешных мыслей: разве Ахура Мазда одобрит такое?..

... В тот памятный вечер почтенные кетхуды – главы семейства, как обычно, собрались на площади селения, чтобы в десятый раз обсудить предполагаемые причины задержки каравана.

Но тут непредвиденное событие направило мысли собрания совсем в другую сторону... Ведь злой Анхра Майнью всегда готов нарушить порядок, установленный добрым Ахура Маздой...

Брачный договор

По вечерней пыльной улице между усадьбами простучали копыта, и перед стариками предстал тюркский воин на золотистом тулпаре. Он спешился, бросил поводья (конь стоял как вкопанный, лишь помахивал хвостом, отгоняя комаров) и вразвалку направился к собранию.

Присутствующие, вытянув шеи, наблюдали за тюрком словно замороженные. Еще бы! Кто не знал Байташ-тегина, грозы степей! Из всех степных алпов-богатырей он был самым бесстрашным и дерзким.

К тому же из очень знатного рода: еще каких-то двенадцать лет назад всем этим краем правил его двоюродный дядя каган Сулук Чабыш-чор из рода «черных» тюргешей. Сулук прославился как неистовый воитель против арабов. Много раз он бил этих пришельцев с запада, принесших с собой веру в Аллаха и его пророка; за это они прозвали его Абу Музахим – «Бодающийся».

Потом Сулука убил, подкравшись ночью, предводитель рода «желтых» тюргешей Баха-тархан. Но Баха-тархан недолго правил. Его разгромил и взял в плен арабский наместник Хорасина Наср ибн Сейяр. А потом убил и даже труп сжег, что считалось большим унижением, несчастьем.

Несколько лет назад возвысились новые кочевые племена – карлуки. С востока пришли еще одни захватчики – табгачи (китайцы).

И теперь все окрестные земли беспрестанно переходят из рук в руки. И каждый новый господин спешит поскорей собрать налоги в свою пользу.

Все эти войны и противоборствования сделали принца из бывшего правящего дома степным бродягой, предводителем грабительских шаек, не признававших ничьей власти. Опасный человек!

Почтенный Даван, присутствовавший здесь, сразу узнал своего давнего обидчика: это он оценил голову кетхуды в половину медного фельса.

Что же нужно этому разбойнику?

На этот раз вид у тюрка был совсем не воинственный. Лицо его было угрюмо (ну, это в обычае у тюрков). Многие даже подметили некое затаенное страдание в его резких чертах.

Он вежливо поклонился. (Удивительно!).

Собрание многоголово закивало в ответ. Освободили почетное место и гость сел. Глаза его обежали присутствующих (Даван поежился) и остановились на мастере Пастуне.

– Отец! – обратился к нему тюрк. – Я приехал по очень важному делу: отдай за меня дочь!

Собрание было ошарашено таким неожиданным предложением. Все молчали. Наконец, Пастун сказал:

– Но мои четыре дочери уже замужем...

– Есть еще пятая, – прервал тюрк. – И она прекрасна.

– Где ты видел мою дочь! – изумился гончар.

– Видел, – кратко отвечал Байташ-тегин. – На вашем празднике. Я был в другой одежде, – пояснил он.

Пастун выражал всем своим видом полную растерянность.

– Но она еще молода...

– Ничуть. Ей уже пятнадцать, я знаю. Так как же?

– Высокородный! – Пастун собрался с духом. – Но разве важные вопросы решаются сгоряча? Надо все обдумать.

– А что тут думать? Скажи «да» или скажи «нет». Если ты беспокоишься о выкупе, то назначь сам цену. Любое твоё желание я приму без возражений.

Такая покладистость грозного воителя несколько успокоила Пастуна. Остальные с величайшим напряжением, затаив дыхание, следили за разговором. На их глазах совершалось неслыханное: тюркский принц сватался к дочке гончара!

«Скажи «нет!» – лихорадочно думал старый гончар. – А назавтра он и дочь украдет, да еще и обратит мою судьбу в дым!».

К тому же в сознании пробивалась горделивая мысль: шутка ли – не кто-нибудь – принц!

– Так как же! – нетерпеливо повторил Байташ-тегин.

– Но ведь это... это не по обычаю, – вырвалось у Пастуна. Чужая, что тонет, он хватался за последнюю соломинку. – Явился под вечер, когда начинают брать власть силы тьмы и добрые люди... Без сватов, без выкупа. Да что у меня дочь, коза приبلудная, да? А брачный договор? А...

– У тебя пять сыновей, – перебил тюрк. – Одного убили табгачи, другого – арабы. Осталось три. Не думаешь ли ты, что и они могут погибнуть? Если же я породнюсь с тобой, то семья твоя приобретет надежного защитника.

«Это верно», – подумал Пастун, закашлялся и кашлял долго.

«Он умеет делать свои дела. С ним и впрямь не пропадешь».

– Хорошо, – наконец, сказал он (по собранию прошелестел еле слышный вздох). – Хорошо. Но я должен потребовать с тебя, если твоя милость позволит, – большой калым. Иначе это было бы унижением столь высокородного жениха.

– Говори!

Пастун приосанился:

– Ты должен дать мне четырех верблюдов (по числу сторон света). И чтобы на спине каждого был тюк с товарами, соответствующими этим сторонам...

– О-о-о! – прошелестело собрание.

Пастун горделиво посмотрел на соседей:

– Разве моя дочь не достойна этого? И разве такой выкуп не прибавит чести для могучего высокородного принца?

Гость поднялся и тихо свистнул. Конь звякнул удилами и подбежал к хозяину.

Байташ-тегин мрачно ответил:

– Будет тебе калым.

Сел на коня и уехал.

* * *

После отъезда Байташ-тегина на площади поднялась целая буря.

– Ты хочешь породниться с потомком Афросиаба, убийцы Сиявуша? – кричал Даван и кое-кто вторил ему.

– Чего ты озлобился? – ядовито парировал гончар. – Ведь он должен тебе всего полфельса.

Подавал голос деревенский маг – крец, дотоле молчавший. Маг, как ему и положено, был самым ярым ревнителем исконной веры согдиатов – маздеизма и потому всегда противился смешению с иноверцами. Закрыв глаза, начал он читать по памяти священный текст из «Авесты»:

– «... В качестве второй, лучшей из областей и стран я, Ахура Мазда создал Гаву, обитель согдийцев. Во вред ей Анхра Майнью Смертоносный произвел несущих гибель скифов... В качестве третьей лучшей из областей и стран я, Ахура Мазда, создал Маргиану, сильную, преданную Арта-Правде. Во вред ей Анхра Майнью смертоносный произвел народ мардов... Я создал Бактрию Прекрасную с разбросанными поселениями... Во вред им Анхра Майнью произвел народ дербиков...».

Жрец открыл глаза – синие-синие, как два горных озера в летний безоблачный день и окинул взглядом притихших односельчан. Голос его зазвучал трагически-торжественно:

– Братья! От истоков Бытия враждуют между собой два начала: Свет и Мрак, Добро и Зло, Правда и Кривда, Мир и Война, земледельцы и скотоводы. У наших предков

было много врагов, носивших разные имена: скифы, массагеты, марды, дорбики... У нас их тоже не меньше. Злая сила одолевает. Но помните: на нашей стороне благородный Сиявуш, на их – мрачный Афросиаб...И еще не забудьте мудрость веков: «Кто возделывает хлеб, тот возделывает правду...». Возблагодарим же великого Заратуштру из Раги, принесшего нам свет знания и помянем в наших молитвах его покровителя, лучшего из царей – Казы Виштаспу Бактрийского. Молитесь Ахура Мазде, люди!

– Ты прав и неправ, благородный маг. Да, скотоводы-тюрки вечно притесняли нас. Но теперь времена меняются. Меняются и дела вместе с ними. Разве не установил каган тюргешей (а теперь карлукский джабгу) справедливый налог? Разве меньше мы платим нашим единоверцам – царю Гуреку Самаркандскому и владельцу Шаша? И разве только скотоводы бывают нам враждебны? А табгачи, пришедшие с востока? Или те же арабы с их новой верой? Не враждовать, а объединяться надо нам с кочевниками. Вон сколько их уже осело и превратилось в горожан... Хотя бы в том же Атлахе, или Таразе. И браки между земледельцами и скотоводами сейчас – обычное дело: от таких браков произошел целый народ – аргу...

Большинство поддержало гончара:

– Торговать с кочевниками выгоднее, чем воевать.

Жрец скорбно смотрел на односельчан: где прежняя сплоченность? Где единомышленники? Даже здесь, в малом селении, нет больше согдийцев: есть сторонники арабов, китайцев, тюрков...

«Ахура Маздра, защити нас от нас самих!...».

В арабском лагере

Раннее летнее утро. Коршун вылетел из-за холма и величественно поплыл в восходящем потоке струй, зорко оглядывая землю.

Там, внизу, у горной речки, где всегда было пустынно, он увидел множество пестрых шатров, а между ними – снующие фигурки. Чуть доносилось конское ржание, скраденное расстоянием.

Коршун взмыл повыше и стал делать круги. Он знал: там, где люди, всегда есть, чем поживиться.

Огромный арабский лагерь возник в долине, словно по волшебству. Еще вчера здесь ничего не было. Еще вчера арабы находились в десяти фарсангах отсюда. А теперь – вот здесь...

Стремительность арабского войска – одна из причин их военных удач.

Кто же такие эти завоеватели до гор Тянь-Шаня и долин Искании? Удивительный феномен арабов вот уже несколько веков будоражит воображение историков.

В 612 г. скромный погонщик караванов житель города Мекки, сорокалетний Мухаммед начал проповедовать новую религию. В 622 г., спасаясь от гонений, переселился в город Ятриб. А еще через 10 лет, к году своей смерти в 632 г. он был уже настолько знаменит, что его последователи – мусульмане стали вести свое летоисчисление с момента его переселения (хиджры), а сам Ятриб переименовали в Медину (Медина эль Наби) – означает город пророка.

Ислам распространялся стремительно, как пожар. Обездоленные и богачи, скромники и честолюбцы, робкие труженики и воинственные фарисы – каждый находил в новой вере изюминку для себя.

Мухаммед-пророк объявил всех принявших ислам братьями. Это означало: взаимопомощь, конец всякой междоусобной вражды. Перед племенами бедуинов, скитавшихся в бесплодных пустынях раскаленного Аравийского полуострова, возникли новые горизонты. Вместо бесконечных усобиц, когда одно нищее племя грабит другое, такое же нищее, посланник Аллаха призвал всех арабов объединиться и пронести истинную веру по свету, в сказочные страны с райскими зелеными кущами, полноводными реками и всяческим изобилием жизненных благ. Имущество неверных по праву должно принадлежать им, покорным истинному Богу.

И произошло удивительное. Арабские племена, собранные в единый могучий кулак, обрушились на ничего не подозревавших соседей, словно карающая десница. Напор их был поистине сокрушительным. За несколько десятилетий они покорили Египет, Сирию, Палестину, страны Магриба, сасанидский Иран. Их войска стояли под стенами Константинополя. Копыта их лошадей омыли воды Гибралтарского пролива. Зеленое знамя пророка с романтическим полумесяцем развевалось на островах Средиземного моря и по ту сторону Пиренеев – в самом сердце Европы.

На глазах потрясенного человечества возникла мировая держава – Дамасский халифат...

Вслед за покоренным Ираном настала очередь Средней Азии. В 651 г. арабам без боя сдался Мерв. В 706 г. военачальник Кутейба захватил Балх.

Затем началось планомерное завоевание Мавераннахра – так арабы называли земли севернее Джейхуна (Аму-Дарья).

Здесь они встретили упорное сопротивление согдийцев. Царь Гурек (710–738 гг.) в течение всего царствования вел с ними борьбу с переменным успехом. Арабы захватили и разграбили Пайкенд. Владетель Пянджикента Диваштич был ими пленен и распят. В конце концов, города прекрасной Согдианы и Бухарского оазиса вынуждены были открыть перед ними ворота.

Но тут включились в борьбу кочевые тюркские племена. Тюркешский каган Сулук не раз наносил захватчикам поражения, за что они и прозвали его – Абу Музахим («Бодающийся»).

В 750 году внутри халифата произошли значительные события: смена династий, смена эпох. Аббасид Абу-л-Аб-бас устроил поголовное избиение царствующего рода Омейядов. Погибло множество. Спасся лишь принц Абдуррахман, бежавший в Испанию. Там он основал Кордовский эмират, ставший впоследствии халифатом – средоточием блестящей арабской средневековой культуры.

В Средней Азии от имени Аббасидов действовал их эмиссар, наместник Хорасана – перс Абу Муслим, в прошлом раб. Экспансия арабов продолжалась.

Но к тому времени на среднеазиатской арене появилась новая сила. Войска Поднебесной – так официально называлась средневековая китайская империя династии Тан – вступили на территорию Тянь-Шаня. В 748 г. они захватили столицу кочевников в Чуйской долине г. Суяб и разрушили его. В 749 г. они взяли в плен и казнили владетеля Чача¹. Сын казненного обратился за помощью к Абу Муслиму.

Тот не упустил случая и послал на восток армию под командованием Зияда ибн Салиха.

И вот теперь в июне-июле 751 г. войска двух мировых империй двигались к Таласской долине навстречу друг другу...

* * *

И лихая же десятка разведчиков была у Хакима-сарханга².

Обычно арабы сражались, построившись по племенам и родам; эти же все происходили из разных племен и давно утеряли связь с родичами.

В чем причина? Об этом, может быть, дадут кое-какое представление прозвища, которыми они наградили друг друга.

Вот, например, самый высокий и тощий в десятке – Лакам. В переводе с арабского означает «проталкивающий», т.е. тот, кто, держа один кусок во рту, проталкивает его вторым, не удосужившись разжевать первый.

Или: Массас – «Высасывающий». Он имел привычку выхватывать из общего котла трубчатую кость и высасывать из нее мозг прежде, чем спохватятся сотрапезники.

¹ Чач – по-китайски «Ветка тутовника» (нынешн. Ташкент).

² Сарханг – нечто вроде сержанта; десятник.

У третьего прозвище было тоже ничего себе: Мухалким. Он имел обыкновение разговаривать с набитым ртом, отчего крошки и брызги летели в физиономию собеседника.

Четвертый – «Мусаввич» – («Запивающий») – не утруждал себя разговорами во время еды: он хватал такие большие куски, что давился ими, и тогда на помощь приходила чашка с водой.

Следующего звали Латта («Облизывающий»). Этот вел себя и вовсе непристойно: запуская палец в кашу, облизывал его и вновь запускал в общий котел...

Был тут и Маддаб – «Тянувший»: по свидетельству аль-джахиза, это тот, кто, взяв в зубы жилу, тянет ее что есть силы рукою ото рта: жила рвется и забрызгивает вокруг сидящих.

Но хватит гастрономических прозвищ! Были еще в десятке сарханга два названных брата: аль-Бакка («Плакальщик») и Даххак («Смеющийся»). И последним назовем 18-летнего Хашима, сына самого Сарханга. Юноша славился справедливостью и честностью. Поэтому ему частенько поручали готовить и делить пищу. Когда припасов было мало, Хашим делал тюрю: крошенный в воду хлеб, сдобренный маслом. Может быть, и отсюда его имя: Хашим – «крошитель»?

О его удивительной судьбе мы упомянем чуть позже...

* * *

В этот вечер десятка сарханга решила устроить пир. Для этого нашлась веская причина: кувшин вина, захваченный в качестве трофея в одной брошенной усадьбе. И хотя Коран запрещает правоверным пьянство, разве нельзя сделать послабление для воинов, денно и ночно рискующих жизнью?

Приготовить угощение, как всегда, поручили юному Хашиму. Остальные разбрелись по лагерю, коротая время.

Юный Хашим решил побаловать друзей асыдой – густой кашей, приготовленной из муки, заваренной кипятком и сдобренной медом и маслом. Все составные части этого лакомства, а также дрова имелись под рукой. И он с вдохновением взялся за дело. Он всегда испытывал необыкновенное удовольствие, заботясь о других.

... Откуда-то вынырнул Латта. Подошел к котлу, воровато оглянулся по сторонам и запустил пятерню в казан.

Хашим, возмущенный увиденным, выскочил из палатки и закричал сердито:

– Что это такое? Почему ты запускаешь в еду все пять пальцев?

Латта оторопел (улика-то налицо!). Пробормотал растерянно:

– А сколько я еще могу запустить? Ведь я не шестипалый.

– Послушай, есть ли у тебя хоть один друг?

– Один у меня друг – еда...

Латта быстро сунул горсть в рот:

– Не бросать же обратно, – бормотал он с набитым ртом.

Хашим смотрел на него с горестным недоумением:

– И человеком-то тебя нельзя назвать...

Латта кое-как проглотил, давась, кашу и ответил виновато:

– Хорошо тебе говорить! Ты родился в семье сарханга и никогда не испытывал голода. Мой же отец был рабом и сколько я себя помню, я всегда голодал. Я всегда хотел есть. Я мечтал хоть раз наесться досыта! Аллах свидетель, только здесь, в войске, я почувствовал, что могу кое-как утолить голод... Но жадность к пище вошла в мою кровь... Прости меня, брат...

Хашим впервые услышал от Латты подробности его биографии.

– Я действительно никогда не испытывал особенного голода...

Он положил в деревянную миску целый черпак и подал Латте:

– Сегодня его много... На всех хватит.

– Нет, нет! – Латта отталкивал миску, но глаза его горели...

* * *

Наконец, собрались все. Пир удался на славу. Подобревшие сытые разведчики угостили даже несколько человек из других десятков.

После выпитого вина завязался разговор. Аль-Бакка спросил Даххака:

– Как ты думаешь, ушел ли довольным от нас святой месяц поста Рамазан?

– Еще бы ему не быть довольным!

– А как ты это докажешь?

– Потерпи год и ты убедишься: он опять к нам пожалует, этот святой пост Рамазан.

А если б он не был довольным, пришел ли бы он снова?

Все шумно одобрили ответ «Смеющегося».

– До следующего года еще дожить надо, – заметил Хаким-сарханг.

– Половина наверняка доживет, – беспечно сказал Даххак.

– Прах тебе в рот, предсказатель черноты! – закричали остальные.

Тут вступил в разговор обычно молчаливый Массас – «Вымывающий»:

– Когда мы жили с матерью в селении Мухаррам, то нас считали за удивительных предсказателей. Все, что мы ни предскажем, исполнялось.

– И хвастун же ты!

– Аллах свидетель! Вот, к примеру, о погоде: показывается туча. У нас спрашивают: будет дождь или нет? Мать говорит: «будет!». А я – «нет!» И обязательно сбывается – или то, что я предсказал, или то, что она...

В это время раздался голос муэдзина, призывающий на молитву. Все тотчас совершили омовение из кувшинов, расстелили молитвенные коврики... Только Даххак замешкался.

По окончании молитвы Хаким-сарханг сказал:

– Послушай, «Смеющийся». Был ли ты хоть раз первым в каком-нибудь деле?

– В одном деле я всегда первый, – ответил Даххак. – Из мечети я раньше всех выхожу. Особенно, когда в ней с минбара вещает наш имам аль-Харши. Правда, зато прихожу я в нее позже всех...

Ударили барабаны: «отходко сну». Хаким-сарханг сказал:

– Все по палаткам. Спать! Да удалит от нас Аллах все дурное!

Скоро арабский лагерь затих. Звездная ночь плыла над миром...

Видения Гао Сяньчжи

В 11-й год «Тяньбао» войска Поднебесной империи по приказу сына Неба, дракона – государя Сюань-Цзуна из династии Тан...

Короче говоря, танская армия, выступив из Суяба к Таразу, двигалась чрезвычайно медленно. Разноязыкие пехотные и кавалерийские части, в которых за время бездействия значительно ослабла дисциплина, громоздкие обозы: маркитанты-торговцы, множество обслуживавшего люда, быки, ослы, мулы, верблюды, повозки – все это оказалось неповоротливым скопищем на марше.

А зачем спешить? Главнокомандующий Гао Сяньчжи был уверен в своей силе. Сто тысяч бойцов – кто может противостоять им? Он даже мысли не допускал такой. Любой противник будет смыт и уничтожен доблестными войсками Поднебесной.

За паланкином главнокомандующего шел его личный обоз: десятки повозок везли роскошные спальные принадлежности, кухонную посуду, изысканный провиант – под присмотром поваров. Тут же следовали пленные согдийские танцовщицы и оркестр музыкантов из Кучи – главнокомандующий без музыки не мог прожить и дня.

Личная гвардия охраняла все эти богатства от жадных взоров собственных солдат.

В день проходили несколько ли¹.

В жару разбивали бивуаки и в степи тотчас возникал палаточный город. Дымились костры, дрожало в воздухе пахучее марево от трещавших жаровен и сковородок.

¹ Ли – 0,3 км.

Солдаты скучали. Одни чинили поизносившиеся одежды, наводили глянец на доспехи, чистили оружие. Другие играли в кости или слонялись просто так.

У многих душа тосковала по родным местам. Все здесь чужое, все надоело. Те, кто были родом из Чанъани, без конца вспоминали столичную жизнь, веселые кварталы Пинкан и Люэсань, где жили гетеры. Вспоминали веселые праздники, новогоднюю иллюминацию, знаменитое искусственное «огненное дерево» на главной площади: оно было украшено вышивками и драгоценными металлами. На его ветвях горело пятьдесят тысяч чаш-светильников. Тысяча красавиц с цветами-шпильками в черных кудрях присматривали за ним.

Все улицы были уставлены рядами восковых свечей, и ночь напролет люди веселились...

А здесь только звезды над головой да крики ночных птиц...

Тосковали по родине и провинциалы:

– У нашей семьи в Шандуне три цина земли... Зачем было идти в войска?..

За три года, проведенные в этих краях, никто не обогатился. Зато многие получили раны, другие и вовсе лишились жизни – «ушли к желтым истокам». Зачем?.. Кому это нужно?..

Лишь малая часть солдат – из тех, у кого на родине не осталось ни дома, ни земли, ни родни, а также наемные отряды северных кочевников не желали возвращения: война обещала добычу.

Главкомандующий Гао Сяньчжин был настроен точно так же, как и большинство его солдат. Чач, Суяб и вся страна ему давно прискучили.

... Роскошен громадный шатер главнокомандующего! Струящийся шелк с вытканными драконами составляет его стены. Высокие деревянные колонны подпирают потолок. Занавесы, украшенные золотом и перьями зимородка, разделяют шатер на две половины. В первой – приемная, где проводились военные советы. Во второй – личные покои. Он любил уединяться здесь от воинских забот, когда накатывала тоска...

По своей природе Гао Сяньчжи был склонен к меланхолии. Его ужасала быстротечность времени; яркие воспоминания обостряли ностальгию: он как бы жил в прошлом.

Еще совсем маленьким мальчиком отец, бежавший от гнева государя Силы, вывез его с родины. Маленький Гао, носивший тогда совсем другое имя, смутно помнил Кенчжу – столицу корейских правителей. Большой пышный город, разделенный прямыми переkreщивающимися улицами на кварталы. Он раскинулся в котловине, окруженной горами; по горам вились стены с башнями. Еще припоминалась освещенная гора Тхохамсан, а на ней – пещерный храм Соккульам с рельефными замечательными скульптурами...

Долго помнил он и «Башню для наблюдения звезд» недалеко от столицы, на которой побывали они с отцом поздно ночью. Мальчика всегда укладывали спать рано, поэтому впервые увиденный звездный мир, опрокинутый над головой, поразил его детскую душу.

С годами эти воспоминания все тускнели и тускнели... Их вытеснили иные видения...

Частенько лицо его темнело, становилось сумрачным, словно гора Хаоминшань поздней осенью, когда ветер гонит над ее вершиной черные мохнатые тучи... Тогда военачальники без крайней нужды старались не попадаться ему на глаза...

Однако никто и предположить не мог причину тоски...

Это случилось несколько лет назад. Сын корейского эмигранта благодаря своим способностям, уже в те годы достиг немалых чинов и находился среди придворных штата императора Сюань-Цзуна.

... Как-то на пиру в Западном дворце Императорского знамени, Гао Сяньчжи, веселый и довольный тем, что находится среди знаменитых сановников и принцев, увидел

входящего Сына Неба... Все почтительно встали... Император милостиво кивал головой и улыбался... Сановники вновь заняли свои места... Только Гао все стоял, словно одинокая пагода в поле: он очнулся, когда его дернули за рукав... И в продолжение всего пира бросал взгляды туда, где находился император...

Но не на повелителя он смотрел – на юную девушку рядом с ним.

С чем сравнить ее белоснежное лицо? А эти брови? А смеющийся алый рот?

Она была прекраснее Ли¹, обворожительнее Сяо².

Потом он узнал ее имя – «фаворитка Мэй» («Слива»). Так прозвал ее сам Мин Хуан³, за любовь к цветущим сливовым деревьям...

У императора было три первых жены, девять вторых, двадцать семь третьих и восемьдесят одна четвертая. Сорок тысяч наложниц обитало в трех дворцах Чаньани и в двух дворцах Восточной столицы – Лояне. И все они были забыты ради Мэй...

... А потом для фаворитки настали черные времена. Евнух Гао Ли-ши (любимец императора, крупный политический деятель того времени) раздобыл ослепительную звезду – Ян Гуй Фей, прозванную впоследствии Тай-Чжень («Великая святая»). Новая фаворитка вскоре полностью овладела сердцем императора. Ее родственники заняли высшие должности в государстве.

Танский новеллист Чен Кун передает: «Род Ян Гуй Фей славился и знатностью и богатством, одежда, экипажи, лошади ее родных...

В конце годов «Тяньбао» Го-Чжун, родной брат фаворитки, пролезший на должность главного советника, распоряжался государственными делами, как хотел...

Состарившийся император теперь единственный смысл и радость жизни находил лишь в обществе Тай Чжень, в ее улыбке, милых шутках и т.д.

По всей империи супружеские пары не мечтали больше о сыновьях – пусть лучше родится дочка, подобная Ян Гуй Фей!

«Великая святая» оказалась ревнивицей. Ее властному, напористому характеру ничего не смогла противопоставить мягкая, уступчивая Мэй. И она была сослана в Северный дворец Шангян. Там ей представилась возможность сколько угодно изливать тоску в стихах и поэмах, которые вскоре широко распространились.

Гао Сяньчжи обладал книгой, в которой все семь поэм «фаворитки Мэй» были запечатлены письмом Иду⁴, дабы никто не смог прочесть и узнать его тайну. Ведь Ян Гуй Фей жестоко преследовала тех, кто склонялся перед ее соперницей.

Полководец, уединяясь, перечитывал эти поэмы и печально размышлял: почему судьба так жестока? Разве у него мало женщин? Зачем же он мучается лишь одним образом, для него недоступным?

И тогда он призывал флейтисток, певиц и приказывал им исполнить мелодию «флейта инородца» или знаменитую песню «Одно ху⁵ жемчуга», слова которой сочинила Она – красавица Мэй...

Пехотинец Чжан Лао происходил из Путяна. Когда стали набирать солдат для войны на востоке по всем 634-м военным округам, забрали и его, молодого мастера по изготовлению бумаги.

А еще Чжан умел замечательно играть на флейте. Этому он научился у матери, преподававшей в одном из цзя-отаней⁶ Чандани.

Соседями их была семья Цзян. Глава ее Чжун-сун славился как искусный врач и неплохо зарабатывал. Поэтому у него была возможность холить и лелеять свою

¹ Ли – супруга Ханьского Императора У-ди, прославленная красавица древности.

² Сяо – имя, ставшее символом красивой девушки.

³ Мин Хуан – имя императора Сюань-Цзуна.

⁴ Письмо Иду – первая система корейской письменности.

⁵ Ху – мера объема, более 51 л.

⁶ Цзяотан – школа музыки и танцев.

единственную дочку. Она не знала черной работы, от которой грубеют руки, искажается фигура и слезятся глаза.

Она выросла настоящей красавицей, хоть и была еще очень молода.

Дочка Цзянов часто проводила время в своем сливовом саду – она безумно любила сливы в пору их цветения. И с некоторых пор ей стала очень нравиться флейта Чжана Лао.

Молодые люди украдкой познакомились – через забор. Чжан был на три года старше своей соседки; оба еще слишком юные, чтобы совершить что-либо предосудительное, они относились друг к другу с глубокой нежностью, скорее как брат и сестра.

Родители, узнав об этом, не стали наказывать детей: обе семьи занимали примерно одинаковое положение в обществе, поэтому для брака препятствий не нашлось.

Поговаривали о скорой свадьбе.

Но тут князь ада Яньюло (не иначе!) прислал в Путян евнуха Гао Ли-ши, любимца императора. Евнух искал красавиц для императорского гарема.

Дочь Цзянов только-только стала заказывать прическу (т.е. ей исполнилось пятнадцать лет). Когда Гао Лиши увидел ее, он понял, что нашел сокровище.

Состоялась сделка. Родители получили изрядное богатство, а их истинное, единственное богатство было увезено в Чанчань «служить у подушки» (т.е. стать наложницей) императора.

Горю Чжана Лао не было предела. Вид соседей доводил его до исступления. Он хотел наложить на себя руки. Соседи вскоре переехали: купили роскошный дом и стали жить на широкую ногу.

Время шло. Двадцать четыре сезона (по китайскому календарю год делится на 24 сезона) менялись другими 24-мя, а Чжан оставался холостяком, несмотря на все просьбы родителей.

До Путяна уже донеслись слухи о том, что дочка Цзяна стала любимицей Мин Хуана, что она проводит время на пирах вместе с ним и что Сын Неба в ней души не чает и зовет ее «фавориткой Мэй» («Сливой»). Он даже велел посадить целую сливовую рощу – в угоду своей возлюбленной.

Слышать все это Чжану было нестерпимо. Хотя он и понимал: для его любимой настала совсем не та жизнь, какую бы он мог ей предложить...

Наконец, когда три года назад военные чиновники – угуани производили набор солдат, он пошел служить, вопреки воле родителей...

...Пересекая как-то лагерь в роскошных носилках, главнокомандующий вдруг встрепенулся: его изощренный слух поразила доносившаяся откуда-то издалека чуть слышимая мелодия... Он узнал ее...

Тотчас было велено разыскать игравшего солдата. Привели немного испуганного Чжана Лао.

– Это ты играл? – сумрачно спросил полководец.

– Да, великий господин.

– А знаешь ли ты, что это такое?

– Да, великий господин. Это мелодия песни «Одно ху жемчуга».

– А знаешь, кто сочинил слова этой песни?

Солдат опустил глаза.

– Откуда мне знать, великий господин?

Однако весь вид его говорил: врет.

Полководец приказал Чжану явиться в его шатер назавтра.

А назавтра Чжан Лао был зачислен в личную охрану Гао Сяньчжи.

... Теперь частенько, когда подкатывала тоска, полководец вызывал своего телохранителя и приказывал поиграть... И всегда одну-единственную мелодию. А сам шепотом повторял слова...

...Как-то в порыве откровения он сказал:

– Знаешь ли ты, верный мой Чжан, что мелодию эту написали придворные музыканты на стихи... «фаворитки Мэй»?

Солдат опустил глаза:

– Знаю, великий господин.

Разговорившись, почти как равный с равным (что было необычным и для высокомерного аристократа Гао Сяньчжи и застенчивого простолюдина Чжана Лао... Два тоскующих воина нашли общий язык... Тут еще помогло согдийское сладкое вино и гаоляновая водка... Они рассказали друг другу почти все – о любви безответной. Гао Сяньчжи говорил:

– Теперь лепесток сливы в опале. Я не знаю, радоваться этому или огорчаться. Но плохо, когда Поднебесной управляет случайные люди, все эти дядя и братья Ян Гуй Фей...

Спохватившись, что сболтнул лишнее, полководец пристально посмотрел солдату в глаза. Тот ответил прямым и открытым взглядом:

– Я ваш верный слуга и телохранитель, великий господин. Разве я похож на доносчика?

Гао успокоился. Но отныне не спускал глаз со своего телохранителя и всегда держал его при себе.

Вскоре Чжан Лао получил большое повышение – стал командиром сотни из личной охраны полководца...

Признательность и верность его возросли. Но он не знал, что в его сотне есть два младших командира, которые следят за каждым его шагом: при первом же подозрительном поступке им велено убить своего начальника...

Праздник «Звезды дождя»

Середина лета – самое засушливое время года. Жара стоит удручающая. На небе – ни облачка. Даже засухоустойчивый тутовник в изнеможении опустил свои полувядавшие листья. «Пить! Пить!» – просит земля. «Пить! Пить!» – вторят деревья и травы.

Но что это за шум в селении Рамуш? Вон живописные группы юношей и девушек бегают вдоль арыка и обливают друг дружку водой. Громкий смех, веселое повизгивание ... Э!... Да ведь сегодня справляется праздник, самый веселый праздник иранского мира – в честь «Звезды дождя» Тиштрии (Сириуса)! Восход этой звезды на иранском небосводе означает начало долгожданного сезона дождей.

(Этот праздник – «Абпашон» – дожил с седой древности до наших дней в Таджикистане).

Молодежь веселится вовсю, но и солидные степенные люди по-своему дурачатся.

Деревенскому старосте Давану предложили соседи:

– Давай взвесим, у кого борода тяжелее! (А борода у Давана – самая длинная, зато не очень густая).

– А как? Не отделишь ведь ее от подбородка!

– Э! Пустяки.

Сейчас же принесли весы. Каждый вставал на колени, клал свою бороду на чашу, а веселый Бухлюль – весовщик восклицал:

– Пол-сира! Три четверти сира! О! Целый сир! – это относилось к бороде мастера Пастуна.

Даже вечно печальные беженцы сегодня развеселились. Большинство из них, лишившись имущества, нанялось в батраки к рамушцам. Лишь у некоторых еще сохранились бухарские серебряные монеты с изображением бухархудата Канна, современника халифа Абу Бекра Сыддыка...

Беженцы вспоминали достопримечательности родного города: ворота моабид, где похоронен Афросиаб – олицетворение враждебного кочевого мира; ворожа Гуриан, где покоится прах светлого Сиявуша... музыканты и певцы исполнили в честь Сиявуша песни

«Кин-и-Сиявуш» («Борода Сиявуша»). Чувствовалось: ох, как тоскуют по родине эти бедные люди!...

В самый разгар веселья по главной улице проследовал небольшой караван из четырех верблюдов. На спине каждого покачивались по два внушительных тюка.

Впереди ехал стройный всадник на золотистом коне.

Словно на крыльях ветерка, пронесся слух: «Байташ-тегин»! «Черный тюргеш»!..

Всадник подъехал к усадьбе мастера Пастуна, спешил, привязал повод от переднего верблюда к одинокой шелковице и уселся в холодке. Казалось, он собирался ждать долго.

Очень скоро из-за ближнего угла вывернулся старый гончар.

Одетый в праздничный легкий халат и белую, с вырезом на груди, рубаху, шествовал он торжественно, не спеша, как и подобает кетхуде.

Однако пот, струившийся по смуглому лицу, и прерывистое дыхание говорили о другом.

– Отец! – сказал Байташ. – Я доставил то, что ты требовал.

* * *

Свадьбу – по согдийскому обычаю – справляли всем селением. Угощения хватило на всех. Еще бы! Двое пастухов пригнали отару овец в сотню голов – тоже подарок жениха.

Половина из этой сотни пошла в праздничный плов, а другую половину гончар заботливо укрыл в своем загоне.

Вот уж когда селение Ромуш оправдало свое название. Веселились все. За исключением молодых парней – те выглядели задумчивыми.

Все понимали, какую огромную выгоду получает селение, породнившись с такой важной птицей. Теперь у них есть защитник! За ним надежней, чем за крепостной стеной.

Только парни думали иначе. По их мнению, никто не спрашивал, как никто не интересовался чувствами одного из главных действующих лиц торжества – невесты...

Не будем рассказывать о согдийской свадьбе, ибо пришлось бы повторяться. Ведь о подобном торжестве уже поведало в повести «Путешествие Земарха».

Немного удивляло одно: почему столь высокорожденный тюрк прибыл без слуг, без аксакалов, без дружинников?

Однако, хорошенько рассудив, удивляться перестали.

Во-первых, Байташ – изгой. Конечно, у него есть богатые и знатные родичи. Но ходят слухи, что он давно перессорился с ними. А теперь, к тому же, берет в жены простую девушку, чего родичи не одобряют. Это – во-вторых. И, в-третьих, всем известен капризный и взбалмошный нрав Байташ-тегина...

Что ж... То, что не дозволено простому смертному, высокорожденным сходит с рук...

Подарки-то у него – вон какие!...

* * *

На третий день, чуть свет, согласно обычаю, невесту вручили жениху. Он тотчас объявил о своем отъезде. И отказался от почетных провожатых. Проверил запасную тетиву для своего дальнобойного лука, бережно обернул ее тряпочкой и спрятал за голенище правого сапога.

За все дни свадьбы Дугдгонча не произнесла ни слова. И лицо ее, спрятанное под покрывалом, тоже ничего не говорило. А когда убрали покрывало перед женихом, всем почудилось: они видят не живую девушку, а ее окаменевший портрет, изваянный неким божественным мастером.

Глянув на дочку, заплакала мать. Ее быстро увели. Сестры проливали ритуальные слезы и ласково звали:

– Мушкиназ! Мушкиназ!

Никому она не ответила. Братьям – тоже. Когда же Байташ хотел посадить ее на своего золотистого коня, она решительно воспротивилась. Тогда привели маленькую смирную кобылку – подарок от сельчан.

Так она и уехала, никому не сказав прощального слова...

* * *

Десятка Хакима-сарханга выехала в дальнюю разведку поздно вечером. Ехали по ночной степи в полном молчании. Слышались только удары копыт да неумолчно пели сверчки в пожухлой траве.

Из-за гор вошла луна, озарила степную дорогу и дальние предгорья, чуть видневшиеся в лунной дымке.

Впереди взлетела какая-то птица и, мягко взмахивая крыльями, унеслась прочь со зловещим криком: «Искуни! Искуни-и!».

Вся десятка невольно остановилась, прислушиваясь, пока эти крики не затихли вдали.

– Сова! – сказал Лакам. – Дурная примета...

Сарханг Хаким проехал несколько шагов, поднял концом копыа что-то с земли... Это «что-то» оказалось человеческим черепом.

Все сгрудились вокруг.

– Так вот почему она кричала «Искуни!» («Напоите меня!»). Разве вы не знаете древнее поверье? Нечистая птица поселяется в черепе убитого и вызывает к путникам до тех пор, пока убитый не будет отомщен и душа не напьется крови убийцы.

– Но мы не знаем ни самого убитого, ни виновника его смерти.

– Помните, два года назад бесследно пропал Омар ибн Сахль?... И как раз в этих краях.

– У Омара ибн Сахля была пробита голова слева к затылку. Потом рана затянулась, но он часто жаловался на головную боль...

– Тут есть на черепе вмятина и как раз слева к затылку, – сказал Сарханг.

Все тотчас заключили, что череп принадлежал ибн Сахлю, хотя в тот бурный век мало ли черепов валялось в степи со всевозможными вмятинами!

– Значит, его убили тюрки, больше некому...

– Давайте убьем первого встречного тюрка и душа ибн Сахля успокоится...

Все так и порешили. Отряд двинулся дальше.

Проехав еще полфарсахга, сделали привал. Рассветало. Скоро запели птицы, нежные лучи брызнули над миром. Испарилась ночная роса с придорожных камней, однако воздух еще был упоителен своей утренней свежестью.

Тут разведчики заметили двух всадников, проезжавших поодаль.

– Смотри-ка! Один из них – тюрк.

– А второй – женщина в согдийской одежде...

– Аллах посылает нам этого тюрка во исполнение нашего решения, а женщину – в награду за верность клятве.

– Аллах Акбар! Вперед! – скомандовал сарханг.

Всадники вырвались из ложбинки и бросились к путникам.

Тюрк, увидев нападавших, что-то сказал женщине, вытянул плетью ее кобылу, а сам стал как вкопанный, видно, как он натягивает тетиву на свой дальнобойный лук.

«Вжик!» – просвистела парная стрела – сарханг едва увернулся.

«Вжик!» – просвистела вторая и ударила в Лаккама.

– Я ранен! – закричал Лакам, хватаясь за грудь.

«Вжик!» – просвистела третья и Латта с глухим стоном пополз с седла; его верный конь сразу остановился.

Но четвертая стрела не просвистела. Арабы видели, как тюрк снова натянул лук и... что-то с ним случилось. Он опустил свое смертоносное оружие и бросился наутек вслед за женщиной.

- У него лопнула тетива! – догадался сарханг. Это сразу воодушевило атакующих.
- Стой, бездельник!
- Не уйдешь, сын греха!

Тюрк улепетывал во все лопатки. Конь под ним – огненная молния, даже знаменитым аравийским скакунам не догнать такого. А вот под женщиной – типичный согдийский конек, хоть и хорош с виду, но годный только в хозяйстве. Женщина стала отставать.

Тюрк крутился около нее, словно хинн, хватался за уздцы. Даже пытался на ходу пересадить ее к себе в седло. Там у них происходило что-то непонятное – женщина, видно, из страха как будто сопротивлялась.

Между тем, арабы уже были совсем близко. Они яростно скалились и размахивали клинками. Их было семь против одного (Латто и Лакам отстали, юный Хашим остался с ними).

Тогда тюрк, отчаявшись, бросил упрямую женщину и поскакал вперед во всю прыть.

Арабы окружили неожиданную добычу. Мухалким, как самый нахальный, протянул руку, сорвал покрывало с женщины... и плотоядно зачмокал губами...

Остальные невольно издали восторженные восклицания.

Девушка (совсем юная) была необыкновенно хороша. Отпетым воякам давно не приходилось видеть такой красоты. Они молча глазели, сдерживали коней.

Наконец, аль-Бакка пробормотал:

- А ведь она в наряде невесты...
- Она стоит целого каравана, – сказал Массас.
- А тюрк-то, тюрк, посмотрите...

Тюрк, отъехавший на безопасное расстояние, крутился на своем золотистом жеребце. Даже отсюда было видно, как он исходил бессильной злобой.

– Кто ты, о женщина? – спросил сарханг.

Девушка отвечала по-согдийски. Все отлично поняли ее – за годы службы в Мавераннахре «десятка» основательно изучила этот язык.

– О, воины, – сказала красавица. – Взываю к вашей совести: Ведь вы мне – отцы и братья. Пощадите мою честь... У вас тоже есть дочери и сестры. Что вам во мне? А вот у того тюрка за голенищем правого сапога спрятан бадахшанский рубин необыкновенной величины. Потребуйте с него выкуп за меня и он с радостью согласится. Тогда вы купите целых два каравана...

Воины сразу поверили.

– Эй, Массак, – скомандовал сарханг. – Оставайся с этой райской гурией. И смотри у меня! Остальные – во славу Аллаха! – за мной.

Массак поглядел им вслед, повернулся к девушке:

– Ты лучше-ка спешься, красавица... А кобылку твою я спутаю, чтобы далеко не убежала...

– Они догонят тюрка, убьют его, заберут рубин, а тебе скажут, что ничего не нашли, – сказала красавица.

Массас нахмурил брови. Быстро связал передние ноги лошадке хитроумным узлом.

– Надо бы и тебя связать, красавица... Да ладно... Далеко не убежишь. Посиди-ка на камушке, а я помогу своим единоверцам.

И Массас, гикнув, поскакал вслед за остальными... Тюрк, увидев приближающихся врагов, снова пустился наутек. Напрасно арабы кричали ему и делали отчаянные жесты – тюрк не понимал.

– Стойте! – сказал сарханг.

Остановились. Тюрк – тоже. Все стали наперебой делать ему знаки, показывая на правое голенище.

– Отдай рубин! – кричали, надрываясь, арабы.

– Мы вернем девушку!

– Ууу! Бестолковый!

Наконец, тюрк понял. Даже отсюда было видно, как он радостно осклабился, полез за голенище и вынул серую тряпицу.

– Сейчас увидим рубин...

– Вот и пришло к нам богатство... Тюрк развернул тряпицу...

– Смотрите! – закричал Мухалким.

– Чего смотреть! – сказал сарханг. – Сейчас он этот рубин натянет на лук и нам несдобровать. Назад! Назад, говорю!

Теперь уж все увидели: тюрк вынул из тряпки тетиву и стал лихорадочно натягивать на лук.

Воины поворотили коней и пустились по той же дороге – только теперь вспять – со всей прытью, на которую были способны их скакуны.

«Вжик! Вжик!» – то и дело свистели стрелы.

«Спаси Аллах и помилуй!» – каждый ощущал беззащитными лопатками приближающуюся смерть.

Они промчались мимо ничего не понимающего Массаса, мимо спутанной лошадки, мельком отметили, что девушки не видно. Некогда! Тюрк настигал!

Массас, крича и оглядываясь, мчался за ними следом.

Они проскакали полфарсанга и остановились только у того места, где бродили три знакомые лошади, и виднелась фигура юного Хашима...

Тюрк, наконец, отстал.

* * *

Грустно закончилось это утро, начавшееся так хорошо. Раненный Лакам крихтел и посапывал, держась за перевязанную грудь.

А Латта... Юный Хашим вытирал слезы:

– Ему уже нельзя было помочь...

Друзья похоронили Латту. Молча и скорбно постояли у могилы. Ближайший его друг Латам произнес надгробное слово:

– Теперь ты будешь питаться в райских куцах. А то, что у нас имеется из еды, для тебя уже бесполезно. Покойся с миром.

После этого отправились восвояси. Маленький холмик в степи – вот все, что осталось от завоевателя Латы – человека, который всегда хотел есть...

Когда страж ускакал вслед за остальными, Дугдонча бросилась в неглубокий овраг и по его руслу побежала – сама не зная куда, лишь бы подальше от странных людей в полосатых платках и белых бурнусах. Она боялась их еще больше, чем своего жениха.

Долго бежала девушка по руслу высохшего ручья, следуя его поворотам, и с размаху попала в руки притаившихся людей. На них были странного покроя одежды, такое же странное, непривычное вооружение и шлемы в виде маленьких буддийских пагод...

И Дугдонча мгновенно вспомнила: так выглядели табгаки – солдаты Поднебесной империи. Один раз они проходили через их селение. Ну и пограбили, конечно.

Несчастья, свалившиеся на девушку за последние три дня, доконали ее. Она закричала, забилась в руках радостно ухмылявшихся врагов, и мрак покрыл ее сознание...

...Чжан Лао, возглавлявший гвардейский дозор, отдал приказ возвращаться. Они увидели все, что было нужно. К тому же такая редкостная добыча требовала немедленной заботы и ухода. Как бы не померла!

Девушку положили на импровизированные носилки и скрытно, высохшим руслом двинулись назад. Чжан Лао шел рядом, с жалостью глядя на прекрасное бледное лицо незнакомки. Своей беспомощностью, красотой и юностью она напоминала ему незабвенный Лепесток Сливы.

Нападение

За арабскими и китайскими войсками, действовавшими в Средней Азии, тащилось множество бродяг, людей без роду-племени. Они собирались в шайки, грабили по дорогам, убивали отставших. Нападали даже на обозы.

Несмотря на то, что бродяг-мародеров беспощадно уничтожали как арабы, так и китайцы, их не становилось меньше. Но не только безродные бродяги занимались разбоем. Некоторые тюркские «алпы», лихие сорвиголовы, на собственный страх и риск искали славу и добычу.

Случалось, они угоняли целые косяки воинских лошадей. Они словно дразнили судьбу, играя со смертью. И часто находили смерть там, где надеялись обогатиться.

* * *

Сегодня у «десятки» опять хороший вечер. Эти пройдохи названные братья Дахкак и аль-Бакка снова раздобыли где-то бурдючок со сладким бухарским вином: «Надо же помянуть усопшего Латту!».

Подвыпивший аль-Бакка до того расхвастался своими воинскими подвигами, что друзья не выдержали и подняли его на смех.

Тогда «плакальщик» обозвал всех глупцами и отправился спать, предварительно привязав своего Талька отдельно:

– Не хочу, чтобы мой чистокровный скакун стоял рядом с вашими клячами!...

... Глухая безлунная ночь. Трепещут звезды в необъятной бархатной глубине. Спит арабский лагерь. Даже всегда бдительные часовые от усталости потеряли бдительность: одни дремлют, опершись на копье, другие вышагивают, спотыкаясь...

... Несколько теней выскользнули из оврага и неслышно, по-змеиному, подползли вплотную к лагерной черте.

Слышен шепот:

– Элетмиш пойдет в ту сторону, я со своими - в эту... Часового возьму на себя.

На фоне звездного неба показался темный силуэт часового. Он брел неверными шагами – видно, совсем сморил сон...

Глухой удар от метко брошенного ножа. Часовой даже не вскрикнул, повалился на землю.

Тотчас над ним возникла фигура, склонилась: убийца осматривал убитого...

– Слышите, вон в той стороне фыркают кони... Значит – туда...

Темные фигуры засновали между белеющими палатками...

Спустя некоторое время возник шум, где-то раздался пронзительный крик, лязг оружия. Заржали кони, там и сям вспыхнули факелы. Какие-то всадники скакали между палатками, размахивали мечами.

Наконец, раздался звук трубы: «Тревога!»

Проснулся весь арабский лагерь. Замелькали всюду огни. Шум поднялся такой, словно джины собрались на ночной базар. Сам полководец Зияд ибн Салих выскочил из шатра, натягивая доспехи: слуги торопливо помогали ему. Загремели крики команд. Воины быстро собирались в отряды, чтобы дать отпор врагу.

... Шум еле разбудил «десятку» сарханга Хакима. После попойки воины никак не могли прийти в себя.

...Муссавиг бросился взнуздывать своего коня, но со сна и от страха никак не мог разобрать, где у коня морда, а где круп, и все напяливал узду на круп, заправлял ее под хвост и бормотал:

– Голова у тебя всегда большая и лоб широкий, но как могло у тебя на лбу за одну ночь столько волос вырасти, да еще таких длинных, ума не приложу...

Пробежавший мимо Даххак остановился в недоумении:

– Что ты делаешь, несчастный?

– Не видишь, что ли? – буркнул Муссавиг. – Взнуздываю.

– Первый раз вижу, чтобы взнуздывали задницу. А под морду ты что же, шлею пропустишь?

Муссавиг, наконец, сообразил, что к чему.

– Э!... Не иначе как иблис (дьявол) вмешался...

... Наконец, когда войско было готово к битве, выяснилось, что сражаться не с кем. Нашли только двух-трех убитых часовых. Пропало полсотни коней, в том числе и любимый конь главнокомандующего. И – никаких врагов.

Зияд ибн Салих произвел строгое дознание и велел дать каждому оставшемуся в живых часовому по двадцать пять плетей. А начальник ночного караула получил вдвое больше – соответственно своему рангу...

... Когда ложная тревога кончилась, Муссавиг подошел к Даххаку и заискивающе сказал:

– О, брат мой! Ты уж никому не рассказывай...

– Двадцать дирхемов, – перебил Даххак.

– Побойся Аллаха!

– А теперь двадцать пять дирхемов.

Муссавиг плюнул и полез в пояс, заменявший воинам кошелек...

В эту ночь украли коня и у аль-Бакка.

– Ну, не говорил ли я, что мир – это гнусное вместилище воров и прелюбодеев! – горестно восклицал он. – Мой Тальк – не простой конь. Он вынослив, как верблюд. Однажды, когда мы сражались против черных тюргешей Абу Музахима, я получил три раны, но держался до конца в строю. Кровь текла у меня из ран и капала на шерсть коня. Когда бой кончился, и мы вернулись в лагерь, только тогда я обнаружил в груди моего Талька две тюркские оперенные стрелы: они вошли глубоко, на полпальца. Рядом с ними зияла широкая колотая рана от удара копья; на боку – длинная глубокая борозда от удара меча какого-то пехотинца. Из всех этих ран текла кровь, а Тальк даже виду не подал! Он нес меня легко и свободно, будто ничего не произошло! Кровь наша смешалась...

А теперь бессовестный вор украл его, моего верного товарища!

Члены «десятки» принялись корить его:

– Ты сам виноват, надо было поставить коня вместе с нашими.

– И не напиваться, как житель оазиса.

– Мог бы два-три раза встать ночью и проверить...

– Да и конь твой виноват – глуп, как его хозяин... Мой никогда в чужие руки не дается...

– Помилуйте! – восклицал аль-Бакка. – Пусть я не досмотрел, а с коня какой спрос... Но неужто вор ни в чем не виноват?...

* * *

Через несколько дней в ставке джабгу карлуков опять появился Байташ-тегин.

Добившись приема, он сказал правителю:

– Славный Эльтебер! Я не забыл об имуществе, которым ты одарил меня: о хромой кобыле и двух торб с просом. Взамен я привез подарок: он ждет тебя у твоего царственного шатра.

Джабгу на этот раз не рассердился. Но лицо его приняло напряженное выражение. Он размышлял: «Пойти взглянуть? А вдруг «черный» тюргеш вздумал посмеяться надо мной? Пригнал какого-нибудь старого вонючего козла с двумя запаршивевшими овцами? Дорого же обойдется ему этот смех!».

Но когда джабгу вышел наружу, совсем другое выражение появилось на его круглой физиономии: радостно-удивленное.

Двенадцать чистокровных арабских коней нетерпеливо били копытами у коновязей. Особенно хорош был один жеребец – светлой масти, в яблоках.

Вокруг них уже суетились рабы – конюхи.

– Принимаю! – воскликнул джабгу. – Теперь я твой должник!

– Пустяки! – возразил «черный» тюргеш. – Я же знаю, ты всегда мечтал о таких скакунах... Вот я и купил их по сходной цене...

– Я уплачу тебе большие деньги!

– Э! Какие могут быть счета между родственниками...

Младший брат правителя, знаменитый воин Утембек, увидев светлого жеребца, потерял голову:

– Царственный брат мой! Отдай мне этого коня! Бери взамен что хочешь!

Джабгу великодушно подарил ему жеребца. А Бай-таш-тегина пригласил на пир в его честь...

Коварный тюргеш думал про себя: «Радуйтесь, глупцы. Этим подарком я вбил клин между вами и проклятыми арабами, отнявшими у меня невесту... Скоро вы запоете совсем по-другому...»

Возвращение купцов

Однажды в полдень селение Рамуш огласилось радостными криками.

Наконец-то вернулись долгожданные купцы-земляки с караваном.

Однако вскоре радостные крики перешли в горестные возгласы и женский плач. Трех из купцов, в том числе музыканта Барбада привезли ранеными. Пропала также треть верблюдов с товарами. Несчастье! Большие убытки!

Мастер Пастун горевал меньше всех. Он тоже потерял кое-что из прибыли. Однако подарки «черного» тюргеша с лихвой покрывали все убытки.

Старый согдиец пребывал в благодушии до тех пор, пока купцы не увидели его верблюдов.

Что тут поднялось!

– Это наши верблюды! – кричали купцы. – Откуда ты их взял?

А когда узнали о свадьбе и выкупе, все сразу разъяснилось.

– Твой зять – разбойник и грабитель! – кричали пострадавшие. – Наша беда – его рук дело! А ты – укрыватель награбленного!

Расстроенный мастер выволок недавно полученные тюки во двор и начал трясущимися руками срывать матерчатую упаковку.

– За что вы ругаете меня, люди? В чем моя вина? Берите верблюдов, товары ... Покрывайте свои убытки... Разве вас, а не меня ограбил этот разбойник – тегин? Он увез мою дочь, радость моих старых глаз... О, горе! О не счастье!... Где теперь искать ее, мою голубку, попавшую в руки степного волка?...

На радостях купцы рассказали все, как было, ничего не скрывая.

Вот их рассказ...

На ночь остановились на самом пороге песков Моюн-Кум среди невысоких холмов. В небольшое полувысохшее озерцо впадал жалкий ручеек. Зато рыбы там было! В камышах слуги зарубили двух громадных сазанов. Можно было и много больше. Да куда их? Протухнет, не дождавшись утра. Рыбу, завернув в листьях лопухов, испекли на угольях жаркого саксаула и начали трапезу. Тут из-за бугра появился какой-то всадник на мохнатой лошаденке, замер от неожиданности, затем гикнул, развернул лошаденку и исчез.

– Плохо дело, – сказал караван-баши. – Придется сторожить всю ночь. Видно, где-то поблизости аил кочевников.

Люди осмотрели оружие и улеглись не раздеваясь. Издалека еле доносился тревожный лай аильных собак...

– Плохо дело, – повторил караван-баши, – надо их попугать. Он медленно поднялся на холм, осмотрелся и, приставив пиалу к щеке, пронзительно заорал во все горло: «Я, кровожадный отуз-оглан из тюргешей! Окружные люди, не подходите близко. Убью-у-у! Если украдете верблюда или что-нибудь другое, берегитесь: я отыщу вас и расправлюсь, куда бы вы не спрятались!». (Следовало перечисление всех близлежащих и дальних пустынь и гор). «Я не табгач, не Кашгари, не сугди, не фаргани, не бухори, не тохаристани!». (Каждое из названий народа сопровождалось особо нелестным эпитетом). «Я, кровожадный отуз-оглан из тюргешей! Берегитесь: я слышу лучше, чем лисица, а

ночью вижу лучше, чем тигр! Берегитесь и не мешайте мне спать, такие-сякие!». (Дальше следовали отборные, необыкновенно длинные, забористые и замысловатые ругательства). Так он орал до зари... Молодым согдийцам обидно было, что старик-согдиец так ругал собственный народ, но что поделаешь? Вокруг пустыня – где тюрки, как рыба в воде.

Ночь ушла, и забрезжил рассвет. Мало кому удалось вздремнуть, но все сразу без проволочки поднялись и собрались в путь.

Солнце только взошло, и сразу началась жара. Маленький караван из двенадцати верблюдов, четырех всадников и четырех слуг на осликах продвигался по пустынной местности, заросшей корявым саксаулом. Только опытный и бывалый не потеряется в этом лесу пустыни.

Караванчики торопились. Скоро жара станет нестерпимой, а до ближайшего колодца еще добрых два фарсаха пути. Внезапно слуга, ехавший впереди, издал тревожный возглас. Все повернули головы и увидели всадника на золотистом жеребце, поднимавшегося на ближайший холм.

Караван остановился. Люди приготовили оружие. Встреча в пустыне чревата опасностью, ибо грабителями полны дороги. Сейчас за этим всадником появится другой, третий, десятый...

Но всадник оказался один. Он спустился с холма и направился прямо к путникам.

Старый караван-баши, хорошенько разглядев пришельца, уверенно определил:

– Тюрк... И не та вонючка, что помешала нам спать. Это – волк.

Всадник привстал на стременах и громко спросил:

– Кто хвалился, что он отуз-оглан? Выйди вперед!

– Среди нас нет таких.

– Я вижу, что нет. Вы все таты. Отуз-оглан я.

– Отойдите от верблюдов!

Такая неслыханная дерзость, исходившая от одного-единственного воина, возмутила караванчиков: они принялись ругать его последними словами.

Тюрк пустил свою лошадь вперед; люди не успели опомниться, как он уж был среди них, ударил ближайшего копьём и сбросил с коня. Все накинулись на грабителя, но он умчался как ветер.

Слуги подняли раненого. Пока перевязывали его рану и ругали незнакомца, тот опять появился совсем рядом и снова закричал:

– Отойдите от верблюдов!

Разъяренные караванчики бросились на него. Всадники растянулись цепочкой, соответственно резвости своих коней, слуги и вовсе отстали. Тюрк словно злой дух вертелся на своем коне, ударил еще одного всадника злополучным копьём и снова умчался.

Беда, неожиданно-негаданно свалившаяся на караванчиков, повергла их в уныние. С проклятиями и причитаниями, призывая светлого Ахура Мазду в помощь, они стали перевязывать рану второму своему товарищу.

И снова слышали грозный окрик:

– Отойдите от верблюдов!

Тюрк опять был здесь.

– Эх, не говорил ли я вам: надо всегда иметь при себе лук и стрелы, – сказал старый караван-баши. – Мы бы подстрелили его как перепелку.

– Мы же не лучники, – уныло сказал один из слуг.

Решили не преследовать больше тюрка и продолжать путь. А тот вертелся рядом и покрикивал время от времени:

– Эй! Отойдите от верблюдов!

На его окрики не обращали внимания, но следили за ним зорко.

И все же тюрк нашел момент, подскакал вплотную к голове каравана.

Один из всадников (это был Барбад) ударил его копьем, но попал в высокую кованую луку седла и копье сломалось.

Тюрк же бросил противника с коня, угодив копьем прямо в грудь.

Да, мастерски владел копьем этот грабитель и лошадь у него была дьявольской породы. Пока остальные подбежали, он снова ускакал, остановился на вершине холма и крикнул оттуда:

– Отойдите от верблюдов! Не то я уничтожу вас всех! Страх обуял несчастных путешественников.

– Это злой дух пустыни! – говорил один.

– Надо предложить ему половину, – сказал старый караван-баши. – Иначе он действительно убьет всех нас.

– Эй, – закричали караванщики. – Подъезжай и возьми половину!

Тюрк выслушал и приказал:

– Это много. Отделите четырех верблюдов и оставьте здесь. С остальными можете продолжать путь.

Бедные караванщики так и сделали. Восемь верблюдов, трое стонущих от ран мужчин, привязанных к седлам – чтобы не упали, старый караван-баши и четверо слуг тронулись в путь.

Они видели, как проклятый тюрк погнал оставшихся верблюдов в пустыню и вскоре скрылся за ближайшим холмом...

Далеко за пределами своих кочевий были известны имена тюркских батыров, лихих удалцов... Таких, как Утембек, Тутук, Элетмиш, Алп-Арслан, Байташ-тегин... Да мало ли!..

А мирным людям от них приходила одна только беда...

Навстречу друг другу

Танская армия все также медленно двигалась к городу Таразу.

Главкомандующий Гао Сяньчжи по-прежнему отчаянно скучал. Еще больше душила тоска по ночам. Было очень жарко и «куньлуньский» раб (т.е. чернокожий) равномерно обмахивал своего господина, держась за эбеновую ручку, драгоценным опахалом из хвостовых перьев королевского фазана.

Рядом с ложем – яшмовый столик. Хотанская яшма, по выражению поэтов, – это ставший кристаллами лунный свет...

На столике, распространяя восхитительный аромат, горит свеча с делениями: по этим делениям определялось время.

Гао Сяньчжи принял из рук слуги нефритовую чашу с самаркандским вином и весь отдался привычным видениям... Вспоминалась двухмиллионная столица империи Чаньань, императорские пиры, помпезные празднества, иллюминации и фейерверки... А то сгущались и таяли перед взором берега озера Тайи с плакучими ивами; изукрашенные лодки, полные придворных красавиц... Виделся дворец пышности и чистоты, ажурные беседки, затемненные вьющимися цветами...

Снились песни и танцы музыкантш из «Грушевого сада»... (школа искусств при императорском дворе). Ах, как они исполняли знаменитую «Из радуги сотканный шелк, из сверкающих перьев убор!». А изумительный балет «трели весенней иволги», написанный музыкантом Бо Мин-да из Кучи! Он смотрел его в присутствии императора, рядом с которым сидела Лепесток Сливы... Его тайная и единственная любовь... «Веер, выброшенный осенью»¹.

Вернуться! Вернуться бы в тот благословенный край!

Но нет! Нет дороги назад!... Первый министр Ли Линь-фу передает новые и новые повеления императора. Все они сводятся к одному: захватить и удержать страну Да-вань и близлежащие земли. Этого требуют интересы Поднебесной!...

¹ Поэтический образ покинутой женщины.

... Чжан Лао, зная о тоске начальника, решил преподнести ему сюрприз – пленную красавицу.

Но с начала этот добрый малый переговорил с ней. Умея изъясняться на местных диалектах, он объяснил пленнице, что у нее есть выбор: если она поет, танцует или играет на цитре, то может занять соответствующую должность при шатре господина. Если же ничего этого не может, то и тогда у нее остается выбор: или стать почетной наложницей самого господина, или же пойти к кому-нибудь из военачальников. Большой господин очень добр и не навязывает девушкам свою волю...

– Я умею танцевать! – закричала Дугдгонча.

– Это надо проверить, – сказал Чжан Лао.

Словно императорский чиновник в школе танцев Цзяотан, принимал гвардейский сотник экзамен у пленницы, Мушкиназ – «Нежная как мускус», увидев проблеск опасенья от бесчестия, старалась как никогда. И хотя не все у нее получалось так, как могло быть, очарованный Чжан Лао забыл на какой-то срок даже свою вечную любовь – Лепесток Сливы...

Эти экзамены продолжались и день, и два, и три, пока евнух Ван Чэнь не донес господину: «Сотник Чжан Лао наслаждается один небесными танцами...».

Гао Сяньчжи потребовал показать ему искусство новой танцовщицы. Она должна была с группой других согдийских девушек исполнить местные танцы на пиру у командующего.

... Оркестр из флейты, цитры и туркестанского барабана наигрывал «Танец Чача»... Перед оркестром – пять огромных искусственных лотосов.

Белые лепестки начали раскрываться... Из их сердцевины возникли юные согдиатки, прекраснее самих лотосов...

Оркестр убыстрял темп, музыка становилась нервной. Девушки в газовых вышитых халатах с серебряными поясами, в остроконечных шапочках с золотыми колокольчиками, в красных парчовых туфельках... Плавные движения их постепенно становились порывистыми, юные тела извивались с такой горячей страстью, что присутствовавшие военачальники почувствовали себя наполовину моложе... Вот полетели в сторону халатики. Теперь танцовщицы остались в одних полупрозрачных рубашках с узкими рукавами. Под конец девушки сделали глазки зрителям, приспустили с белых плеч рубашки и под исступленную музыку исчезли за пологом...

Военачальники шумно вздыхали. Они словно поднялись на гору Янтай – место любовных встреч по древней легенде...

... Несмотря на июльскую духоту ночи, Дугдгончу знобило. Евнух заботливо укрыл ее одеялом из гусяного пуха, под голову положил валик из фарфора, чтобы не испортить прическу...

До сих пор ей удавалось сохранить свою честь. Но что будет дальше?...

* * *

Во исполнение приказа джабгу карлуки приготовились к походу. Каждый воин прихватил с собой бурдюк из выдубленной сайгачьей кожи – для воды, лук с запасной тетивой и полный колчан стрел. В переметных сумках –сушеное мясо, катышки окаменевшего творога – курт и немного соли.

* * *

Арабы стремительно двигались к Таразу. Аль-Бекка вконец обнищал после потери коня: он даже не мог вносить свою долю в общий котел.

Тогда он решился на отчаянный поступок.

Однажды, когда сам Зияд ибн Салих проезжал мимо их палатки, он остановил его:

– Дозволь обратиться к тебе, о меч Ислама!

– Спрашивай! – Зияд придержал коня.

– Хочу обратиться к тебе не как простой воин к своему предводителю, а как человек к человеку.

– Спрашивай! – повторил Зияд, насторожившись.
– Твой отец – Адам. И мой отец – Адам. Твоя мать – Ева, и моя мать – Ева. Верно ли я говорю?
– Верно.
– Значит, мы с тобой – братья. Но у тебя столько добра, а у меня нет. Почему бы тебе не поделиться со мной по-братски?
– Только-то? С облегчением сказал главнокомандующий.
Он порывлся в пояс и подал на раскрытой ладони мелкую монетку – один данг, шестую часть дирхема.
– Вот тебе деньги.
– И это называется справедливая дележка? – воскликнул Аль-Бакка.
Толпа, собравшаяся вокруг, молча глазела.
– Тесс! Не кричи так громко, – прошептал Зияд. – Видишь, сколько братьев стоит? Не дай бог услышат, так тебе и этого не достанется.
И Зияд ибн Салих тронул коня.
... Весь день после этого друзья-приятели потешались над неудачником-просителем.

Однако к вечеру главнокомандующий прислал своему воину трофейную лошадь.

Битва

Наконец-то!... Армии двух мировых империй встретились на берегах реки Талас. Их разделяла неширокая быстротекущая вода. Даже сейчас, в середине лета, она была ледяной, ибо питалась ледниками с вершин Небесных гор – Тянь-Шаня.

Зияд ибн Салих построил свою армию в традиционном порядке – в четыре боевые линии.

Первая линия символически называлась «Утро псового лая». Она состояла из рассыпного строя всадников – самых отпетых головорезов, которым и жизнь, и смерть – наплевать. Конечно же, десятка сарханга Хакима была тут (теперь их осталось девять человек; но мы для краткости будем называть их по-прежнему).

Кони нетерпеливо пританцовывали, грызли удила – они ведь тоже чувствуют и понимают: настал тот самый час.

И этот час объединил всю десятку: теперь не было Лакала, Массаса, Мухалкима и прочих обжор. Только воины. Вооруженные арбалетами, опытные, беспощадные, бестрепетные, с крепко сжатыми губами и прищуренным взглядом – сама решительность и бесповоротность.

Юный Хашим, вознося значок на копье, сдерживая приплясывавшего коня и сам весь рвался туда, за реку: там бесконечной ровной линией сверкали щиты и броня, солнечные зайчики отскакивали от шлемов.

– Скоро, отец?

Хахим-сарханг не ответил. Зато Даххак оскалил белые зубы:

– Нашему «Крошителю» не терпится сделать из танов тюрю...

Вторая линия войск называлась «День помощи». Тут стояли хорасанские полки, они должны были вступить в битву, если первая линия не добьется успеха.

Третью линию составляли бойцы из Мазандерана и конные полки бедуинов. Отборные войска. Их задача – остановить прорвавшегося врага и дать время обойти его с флангов последней, четвертой линии, для окончательного удара. Третья линия называлась «Вечер потрясения»; четвертую неофициально прозвали «Аллах поможет».

Это был последний резерв. Составляли его три конных полка ветеранов и верблюжий полк на одnogорбых верблюдах из Южной Аравии, так называемых Махари. В скорости они не уступали лучшим скакунам.

Мы забыли упомянуть, что в первой линии стоял небольшой тюркский отряд. Это карлукский джабгу прислал арабам дружину алпов-богатырей во главе со своим братом – в помощь и для укрепления доверия.

«Десятка» оказалась неподалеку от них. Аль-Бакка только разок взглянул на коня одного тюрка и уже не смог глядеть ни на что другое. Глаза его загорелись красным пламенем, челюсть отвисла. Он глотнул слюну, дернул кадыком и громко позвал:

– Тальк! Тальк!

Конь под тюрком насторожил уши, повернул голову. Ноздри его затрепетали. И сам он весь затрепетал, стал нервно переступать копытами. Не понимая, в чем дело, тюрк ласково погладил коня по выгнутой шее, приговаривая:

– Хоп! Хоп!

– Тальк! Мой Тальк! – закричал Аль-Бакка. – Правоверные! Я нашел бесовестного вора! Ах ты, проклятый!

И Аль-Бакка, пылая справедливым гневом, стремительно продвинулся к тюрку и схватил Талька под уздцы; тот радостно заржал.

Тюрк, не долго думая, огрел араба плетью. Тогда весь десяток Хакима-сарханга кинулся на помощь. Тюрка пытались стащить с седла; он яростно отбивался и кричал своим:

– Кокуй! На помощь, степные барсы!

Началась свалка; мелькали плети, растопыренные пятерни и кулаки. В дальних рядах тюрков и арабов слышались тревожные возгласы:

– Что происходит?

– Или уже напали таны? Табгачи?

– Нет, это поймали шпионов...

И уже пронеслось зловещее слово «Измена!». Люди вытягивали шеи, приподнимались в седлах... На танский берег никто больше не смотрел.

Вполне возможно, начавшийся скандал закончился бы побоищем – на радость китайцам.

Но уже мчались к месту происшествия тюркский предводитель Утембек, а также арабские сотники, тысячники... И сам начальник линии «Утро псового лая» ибн Саб-бах спешил сюда...

Скоро самых ярых драчунов разняли, роптавшую толпу разогнали по рядам, а зачинщиков потащили на дознание к самому главнокомандующему Зияду ибн Салику.

С ними поскакал и Утембек.

Арабы успокоились. Тюркская же дружина волновалась. Воинственные кочевники сжимали оружие, злобно поглядывали на соседей.

Но вот показался их предводитель. Тюрки вздохнули с облегчением: рядом с Утембеком скакал – правда, уже на другом коне, – их товарищ Туранташ, на которого столь беспричинно напал этот араб...

Все снова стали в строй. И вскоре по рядам пронеслась весть: конь-то под Туранташем был краденый! Это все бы ничего, но араб опознал свою собственность, а за ограбление арабов-союзников джабгу снимет головы с виновных.

Более того: скоро стало известно, что этого коня Туранташу проиграл в кости сам Утембек...

Утембек в это время говорил пострадавшему:

– Клянусь Вечным Небом, проклятый «черный» тюргеш ответит за это подлое дело! Он угнал коней у арабов и нарочно подарил моему царственному брату, чтобы посеять между нами вражду! А меня – привести к позору и гибели!

– Да, такое не прощается... Он должен заплатить за бесчестье своей кровью...

* * *

На правом берегу Таласа выстроилась танская армия.

В центре стояли героические юноши из патристически-настроенных семейств в золотых доспехах и отборная пехота в доспехах из шкур диких буйволов, на которых нестерпимо блестели начищенные железные пластинки...

Слева и справа протянулись полки из горных и предгорных областей в чешуйчатых доспехах... Далее – полки из северных провинций в кольчугах, совсем недавно введенных в употребление... у пехотинцев были длинные все воины – в сапогах и штанах «варварского образца», т.е. перенятого у тюрок.

Пешие стрелки были вооружены длинными луками из тутового дерева; другие – маленькими арбалетами... Был отдельный полк маньчжурского племени шивэй, с изящными роговыми луками.

На флангах уступами расположилась конница. У всадников были огромные раскрашенные луки, усиленные накладками из рога и сухожилиями; их когда-то китайцы переняли у северных кочевников. Теперь же это дальнобойное оружие изготовлялось мастерами в хэбэе и Северном Шанси.

У каждого стрелка-пехотинца и конника висел колчан, сплетенный из белой лозы кудзу, покрытый черным или красным лаком.

В колчанах – полно длинных бамбуковых стрел. Бамбук для них доставлялся из чаш Цаянси и Хунани к югу от Длинной реки (Ян-цзы).

У арбалетчиков дротики были короткими и оперялись кожей.

Вся линия танских войск героически сверкала и сияла, и метала тысячи зайчиков под июльским солнцем, «так что озаряло небо и землю», как выразился китайский летописец.

В довершение этого великолепия над войсками колыхались пурпурные знамена-драконы...

* * *

Тем временем карлукский правитель стягивал дружины подвластных ему племен в глубоком тылу у китайцев.

Разведка, высланная по всем направлениям танским полководцем, ничего не доносила. На всякий случай предусмотрительный Гао Сяньчжи оставил для прикрытия тыла большой отряд пехоты и несколько кавалерийских частей. Вместе с лагерной охраной и обозными слугами это составляло значительные силы.

* * *

Весь день простояли арабы вдоль берега реки. Солнце жгло неимоверно. Даже этим детям южных пустынь становилось невмоготу. Пот стекал по смуглым лицам, зудились мокрые спины под нагретыми доспехами.

В полдень, по призыву муэдзинов войско сотворило намаз. Главный поставщик воды имам Иакуб аль-Хариси, обладавший трубным голосом напомнил воинам ислама о райском блаженстве, ожидавшем павших в предстоящем бою.

После полудня по рядам пронесли холодную воду. Изнемогавшие бойцы подкрепились. Но многие отдали свою порцию верному другу – коню.

Танским войскам было не легче, хотя солнце било им в спину, а не в лицо. Среди них находилось много северян, которым среднеазиатская июльская жара казалась просто невыносимой. Вид текущей холодной воды, которой нельзя освежиться, приводил их в неистовство.

В полдень было дано разрешение перекусить стоя. Солдаты заморили червячка тем, что нашлось в походных сумках.

Так простояли до вечера.

В сумерки оба полководца отвели свои армии на исходные рубежи, оставив усиленные боевые охранения.

Собственно, опасаться было нечего: ночной переход через реку и последующая атака практически невозможны. И ночные сражения таких масс войск невозможны тем более.

На второй день повторилось то же самое: войска простояли друг против друга, разделенные лентой реки.

Лишь ночь принесла кратковременный отдых.

На рассвете третьего дня войска опять заняли боевые позиции. Стояли до заката. И у той и у другой стороны возросла злоба на противника вместе с пренебрежением к нему... К ночи чуть подул ветерок и воины впервые по-настоящему отдохнули.

* * *

Карлукские вожди закончили сбор дружин. Огромная масса конных войск, словно вода, сдерживаемая временной плотиной, скопилась в глубоком тылу танской армии, готовая обрушиться на врага неудержимой лавиной.

Четвертый день прошел по точно такому же распорядку – к нему уже начали привыкать.

На танской стороне произошел небольшой инцидент: прибыла дружина кочевых воинов-тюрков. Как союзники. Возглавлял их Байташ-тегин из «черных» тюргешей.

В тот же день джабгу карлуков отдал своим воинам приказ...

А разведка между тем ничего не доносила главнокомандующему Гао Сяньчжи...

Битва (продолжение)

Гао Сяньчжи сидел в своем шатре, играл в ГО с военачальником Ли Сяном. Пятый день «противостояния». Все шло, как он и предполагал: арабы не осмелятся напасть. Отряд танских войск, осаждавших в Таразе арабского полководца Сайда ибн Хумейда, скоро возьмет этот город – самый крайний на востоке опорный пункт пришельцев с Запада.

Поэтому Гао был так спокоен.

И тут ему доложили:

– Замечены крупные скопления жунов (тюрков) в 60 ли (20 км) к востоку.

Гао отдал соответствующий приказ тыловому заслону и продолжал играть. Пятый день шел, в общем-то, как и предполагалось...

Через два часа в шатер вошли начальники охраны Чжан Лао, начальник разведки и с ними – воин, забрызганный кровью.

– Жуны напали на войско Ли Сяна! Их больше, чем воды в Хуанхэ!

Игравший в ГО начальник Ли Сян вскочил как ужаленный.

Гао Сяньчжи отодвинул игральную доску и встал.

Корпус Ли Сяна был тем самым заслоном в тылу армии – на всякий случай...

Главномандующий подробно расспросил израненного разведчика: много ли жунов? Какие у них знамена?

Разведчик отвечал: много! И знамена – самые разные: с конскими хвостами, с волчьей головой.

– А не было ли у них красного полотнища?

– Было! – чуть слышно прошептал разведчик; он совсем ослабел от ран.

Гао сказал тогда:

– Значит, на нас идет сам правитель жунов. Готовьтесь. Это – уже серьезно.

Он велел подать себе доспехи, покрытые золотым лаком (подарок императора): это были те самые доспехи, которые много лет назад прислали императору Тайцзуну из корейского государства Пэкче.

Взял он и поданный слугою меч, который мог резать яшму: его выковали мастера из Кунью, а кузнечные меха раздували девушка и девственный юноша – вследствие этого он считался неодолимым.

Эфес и ножны меча были сплошь усеяны драгоценными камнями, а рукоять покрывала акулья кожа.

Взял полководец также короткий нож; такое оружие изготовлялось для танского двора в Восточной Сычуани, близ горных ущелий...

Он сел на коня и в сопровождении свиты поднялся на возвышенное место.

Арабские войска стояли на том берегу в привычном спокойствии. В тылу пока еще ничего не было видно, однако Гао знал: в эту минуту его арьергард – заслон погибает под ударами тюркских стрел, копий и мечей.

И он решился на крайнее средство: отдал приказ снять часть войск с боевой линии и повернуть навстречу новому врагу.

Тяжелая латная конница с флангов двинулась в тыл.

Арабы как будто ничего не заметили, по-прежнему стояли неподвижно.

Гао Сяньчжи сам возглавил контрудар.

* * *

Армия кочевников шла всесокрушающей лавиной. Гао видел, как мгновенно были смяты передние ряды его войск, как побежали назад в панике пехотинцы из обоза... Страшные всадники догоняли их и поднимали на копья...

Он видел конские хвосты на поднятых древках. И оскаленные волчьи пасти. А в центре атакующего тюркского клина гордо реяло красное полотнище чигилей... Там – сам джабгу шел в атаку...

Страшную картину представляет собою атака конного войска!... Как будто исполинский беркут расправил два своих могучих крыла: он – правое и сол – левое.

И все-таки Гао Сяньчжи, предвидевший такой вариант, успел вовремя повернуть свои части навстречу степной силе. И случилось почти невозможное: эти части сумели остановить лавину. Бой шел жестокий, ужасный, но опытный глаз полководца видел!... Удар кочевников теряет силу инерции. Вот-вот – и они выдохнутся.

И тут с фронта ударили арабы.

... Зияд ибн Салих наблюдал с возвышения за переправой своих воинов. На его глазах многие падали в холодные воды Таласа, пронзенные стрелами. Кони с задранными копытами, спины, бурнусы, шлемы... Из-за них воды не было видно.

– Все они пойдут в рай, – вслух произнес Зияд ибн Салих, видимо, отвечая на собственные мысли.

* * *

Гао Сяньчжи, этот изнеженный аристократ, вечно пребывавший в ностальгии, сын корейского эмигранта, превратился в яростного воина. Когда ударили арабы, он собственноручно сразил начальника линии «Утро псового лая» ибн Саббаха, раскроив ему череп своим наговорным мечом. От его руки пал Туранташ, знаменитый степной богатырь, тот самый, в чьем коне аль-Бакка признал своего Талька...

Он сражался так, как будто хотел во что бы то ни стало пасть в бою... Он уже был дважды ранен, когда конвой во главе с Чжаном Лао оттеснил врагов. Чжан кричал, задыхаясь:

– Господин! Вверх! Вверх по течению!

Но Гао видел: пробиться к своим погибающим войскам и сложить голову вместе с ними уже невозможно. Арабы плотной стеной перекрыли проход.

И в этот миг неожиданно пришла помощь.

Клин всадников в тюркском боевом наряде вырвался откуда-то сбоку и ударил в арабскую стену. Тяжелая латная кавалерия шла через полк бедуинов как нож. В первом всаднике – предводителе Гао Сяньчжи узнал того, кто привел ему отряд жунов не далее как вчера. У него странное для цивилизованного слуха имя: Байташ Тегин... Но как он дерется! Вот повалился с коня всадник в белом бурнусе, вот второй... Удивительный воин!...

– Господин! Господин! Нужно торопиться! – кричал Чжан Лао.

... Они соединились с войсками. Тысячи солдат Поднебесной, загнанные в теснину, устремились вверх по течению реки.

Страшная давка стала причиной гибели многих. Люди с побелевшими вытаращенными глазами лезли друг на друга и давили, давили, давили – своих...

Личная охрана полководца в шлемах, похожих на крошечные одноэтажные пагоды, в куртках с нашитыми металлическими пластинками, вклинились в это обезумевшее скопище...

Засверкали широкие мечи: пришлось прорубать коридор среди живых людей... И конвой во главе с Чжаном Лао делал это с мрачными лицами. Пронзительные вопли, стоны разрывали душу. Сыпались страшные проклятья. Но конвой с бородами пота и слез на запыленных лицах продолжал кровавую жатву: гвардейцы работали как дровосеки. Только вместо деревьев валились свои, единокровные, умоляющие, плачущие...

А внутри этого железного клина плел, весь израненный Гао Сяньчжи с непокрытой головой – в бою он потерял шлем...

* * *

«Десятка» сарханга Хакима оказалась в самой гуще боя.

На этот раз удача сопутствовала им. Благополучно переправились через реку и, немного замешкавшись, вступили в сражение, когда таны уже дрогнули.

Они видели, как раззолоченный танский военачальник сразил их вождя ибн Саббаха... Потом таны побежали...

... Десятка ворвалась в лагерь врага. Сколько тут было покинутого имущества! Кругом носились воины: тюрки и правоверные – с разгоряченными лицами. У палаток и опрокинутых котлов стояли на коленях таны – слуги, безоружные, склонив в знак покорности головы... Тоже добыча...

У громадного шатра танского эмира завязалась жестокая сеча. Пыль, горячие испарения, собственный пот и азарт боя застлали сражающимся глаза. Но аль-Бакка заметил женщину, метавшуюся между опрокинутыми повозками. Потом она залезла между колес экипажа и затихла.

– Эй, Даххак, за мной!...

Они вытащили женщину... Шум битвы отодвинулся в сторону: остальные грабили роскошный шатер. Женщину всю трясло, как в лихорадке.

– Анахита! Анахита! – кричала она.

– Ты – Анахита, а я – аль-Бакка, – говорил аль-Бакка.

О глупец! – сказал Даххак. – Это ведь не ее имя. Так призывают они свою ложную богиню в помощь. Что за народ! Даже не знают, что кроме Аллаха, нет бога, тем более богинь...

– Эй, посмотри! – сказал аль-Бакка. – Мы, кажется, наши то, что недавно потеряли.

– Клянусь Иремом, это она! Та, что это находка! Сам Аллах вторично посылает нам эту прекрасную розу!

– Анахита! – кричала девушка; изловчившись, она укусила Даххака за руку.

– А роза-то с шипами, – сказал Даххак. – Брат мой! Я думаю, не будем больше мешать славным воинам ислама побеждать. Возьмем-ка эту девицу и повернем коней к нашему котлу. Где теперь найдешь на этом базаре наших братьев и сарханга Хакима?

– Я тоже так думаю, – живо откликнулся аль-Бакка.

После битвы

Чжан Лао, легкораненый, попал в плен. Виновным оказался метко брошенный аркан. И вот гвардейца волокут, словно тушу убитого зверя по кочкам, по колючим зарослям степной травы. Ударившись головой о камень, он потерял сознание. Хутлуз, пленивший китайского командира, променял его, полуживого, на торбу овса и горшок пшеницы какому-то арабу. Так Чжан Лао попал в руки полководца Зияда ибн Салиха.

* * *

Полное и сокрушительное поражение танской армии стало фактом. Остатки ее отступали вверх по руслу Таласа, преследуемые врагами, пока ночь не скрыла беглецов.

Карлукские алпы грабили брошенный лагерь. С ними была и часть арабов. Другая же часть уже поздней ночью прекратила преследование.

Наутро у победителей состоялся день заслуженного отдыха. Все войско находилось в праздничном настроении.

Совершили утренний намаз. Главный мулла имам Йакуб аль-Хариси произнес торжественную проповедь.

Затем повсюду задымились костры, забликали бараны, предназначенные для котлов. Вкусно запахло мясной похлебкой и пшеничной кашей.

«Десятка» сарханга Хакима собралась у своего котла. (Теперь уже не десятка, а семерка – Маддад – «Текущий» и Мухалким-нанал погибли).

С ними была и пленница побратимов. Она сидела в сторонке, сжавшись под своим легким покрывалом в комочек.

Вершили суд над преступницей. Массас сказал:

– Знаешь ли ты, дочь обмана, из-за тебя погиб брат наш Латта и мы его, бедного, закопали в землю? А второй наш брат Лакам несколько дней не мог есть в полную силу из-за раны в груди?

Муссавиг добавил:

– Убить надо эту дочь Иблиса.

– Правильное решение, о судьи! – поддержал Лакам.

Вмешался Даххак:

– Так нельзя. Она – женщина. А кто убьет женщину, недостоин называться мужчиной.

Аль-Бакка поддержал побратима:

– И не забывайте: это – наше имущество. Мы ее взяли в бою.

– Она – не просто пленница, она – причина беды, – возразил сарханг.

– Я против ее смерти! – крикнул юный Хашим. – Я самый молодой из вас. Я всегда молчу. Дайте же теперь высказать то, что источает сердце.

– Говори! – разрешили все.

Юный Хаким начал очень взволнованно:

– Эта девушка боролась за свою судьбу всеми доступными ей средствами. Она спасала свою жизнь и свободу. Она достойна уважения. Разве любой из нас поступил бы иначе? А мы... Мы сами виноваты, ибо сказано: «Жадность – причина гибели многих». Мы поверили ей – от жадности. Погнались за рубином – от жадности. И встретили смерть – от жадности... А самая главная причина – то, что мы оказались беззащитными перед одним-единственным тюрком... Потому что по беспечности, хвастовству и опять-таки от жадности оставили свои луки в лагере, побившись об заклад с десяткой сарханга Яхья ибн Ахмеда... Разве вы забыли? На сто серебряных дирхемов и мешок пшеницы мы поспорили, сто сумеем обойтись без луков и стрел в дальней разведке... И сто дирхемов мы не выирали, и Латту потеряли... Если бы о таком деле узнал Зияд ибн Салих, он казнил бы нас всех и сейчас некому бы было судить эту девушку...

Все молчали. В словах Хашима была правда, а его последнее утверждение повергло «десятку» в уныние. Наконец, сарханг произнес:

– Не станем судить. Будем считать эту девушку простой пленницей.

– Нашей пленницей! – живо подхватили два побратима.

Девушка молча ждала своей участи: она не понимала по-арабски.

Как только спор разрешился, побратимы тотчас отвели ее в сторону и усадили под тутовым деревом.

– Я, пожалуй, женюсь на ней, – сказал Даххак.

– А моя доля? – воскликнул Аль-Бакка.

– Я дам тебе двадцать серебряных дирхемов...

Массас сказал:

– Она стоит целого каравана. А полкаравана ты за всю жизнь не соберешь...

– Не можем же мы жениться на ней оба! – закричал Даххак.

– Я жениться не собираюсь. Ибо женитьба – это колодец глубокий. Да оставит надежду на спасение всяк упавший в него.

– Неужто нельзя оттуда выбраться? – заинтересовался Даххак.

– Можно бы, если бы не заваливали колодец каменными глыбами...

– Что еще за глыбы?

– Дети. А кроме того, вспомни, что сказал поэт: «Во истину жены – исчадия ада, Не надо нам ада, И жен нам не надо».

Дугдгонча, молча слушавшая спор, вдруг сказала по-согдийски:

– Я умею танцевать... Пожалейте мою юность...

– Э, девушка, ты опять лжешь...

Дугдгонча вскочила, выгнула стан, взметнула нежные руки, словно два крыла и пошла по кругу...

Ангелы, смотревшие с неба, наверное испытали дрожь в сердцах: это юное создание пыталось спастись от насилия таким наивным способом...

Побратимы залюбовались, захлопали в такт в ладоши:

– Верно сказала!

– Хорошо!

А девушка все танцевала и танцевала древние согдийские танцы... Лирический сменился весенним радостным, а тот – печальным «Танцем слез»...

Собралась целая толпа. Кто-то притащил свирель, бубен... Под музыку стало совсем хорошо!... Все вскрикивали поощрительно.

Даххак от чрезвычайного волнения разорвал на себе рубаху и крикнул побратиму:

– Рви же и ты свою!

– И не подумаю! – возразил Аль-Бакка. – Она у меня одна.

– Рви! Я завтра дам тебе другую.

– Тогда я завтра ее порву.

– Горе тебе, глупец! Какой же будет в этом смысл завтра?

– А какой будет смысл, если я разорву ее сегодня, а завтра ты свою рубашку отдать мне передумаешь?

Никто и не заметил, как сзади подошел имам Йакуб аль-Хариш, главный «наставник веры». Он стоял и смотрел до тех пор, пока Дугдгонча в изнеможении прислонилась к тутовнику.

Имам аль-Хариш вступил в круг и сказал:

– Пожалуй, я возьму эту девушку себе.

Аль-Бакка промолчал. Но Даххак живо ответил:

– Почтеннейший! Девушка принадлежит тому, кто добыл ее в сражении. А это сделали мы, свидетелей у нас множество.

– Не спорь! – строго ответил имам, – ты должен радоваться, о воин, что из всей добычи я выбрал то, что у вас в руках! Аллах прольет на вас неисчислимые милости!

– Аллах уже пролил на нас свои милости, а ты эти милости хочешь отобрать...

Аль-Харши начал раздражаться.

– С кем споришь ты, неразумный? Разве не знаешь, кто я?

– Будь ты даже сам халиф, и тогда не уступлю того, что принадлежит мне по праву! – отвечал Даххак.

Вспыльчивый аль-Хариш не смог дольше стерпеть.

– Зиндик! (еретик), – пронзительно закричал он. – Деревенщина! Я – сейид! Потомок Мухаммеда! И мне по закону принадлежит десятая часть всей добычи!

– А петуха не хочешь? – злобно отвечал Даххак.

Аль-Хариш поднял посох и ударил непокорного по хребту.

Даххак вцепился ему в бороду – холеную, пропитанную мускусом и розовой водой.

Они схватились не на шутку, награждая друг друга яростными тумаками.

– О Мухаммед! – причитал имам.

– О Адам! – вторил Даххак.

Драка была в самом разгаре, когда противники вдруг почувствовали, что их растаскивают в разные стороны.

Через мгновение руки у них были загнуты за спины, а в уши ударил грозный голос главнокомандующего:

– О, нечестивцы! Как осмелились вы осквернить непристойною дракою великий День Победы?

Тут Зияд ибн Салих узнал имама, глаза его радостно заблестали, он воскликнул с притворным смущением:

– Что я вижу? Святой имам! Или мои глаза лгут?

Имам с достоинством стряхнул с себя руки стражников, хотел что-то сказать. Передумал. И молча пустился крупными шагами прочь.

– Из-за чего произошла драка! – обратился командующий к Даххаку.

Тот изложил причину, взывая к свидетельству присутствующих.

Зияд втайне был очень доволен, что имам так опозорился.

– А где девушка? – спросил он.

Из-за спины вытолкнули Дугдганчу. Зияд долго смотрел на ее прекрасное лицо, видимо, пораженный. Он сказал Даххаку:

– Чтобы не было больше спора, назови цену этой девушки и я куплю ее.

– Мы с названным братом оцениваем ее в пятьсот полновесных золотых динаров, – отвечал Даххак.

Зияд пробежал глазами по толпе: аль-Бакка прятался за спиной.

– А где твой названный брат? А-а... Ну, выходи... Кому же из вас принадлежит решающее слово? Кто из вас старше?

Даххак поспешно ответил:

– Аль-Бакка пока что старше меня на год. Но через год мы с ним сравняемся, о меч Веры!

– Я вижу, вы оба – шутники...

Зияд хлопнул в ладоши. Тотчас личный казначей командующего вышел вперед и отсчитал в полу Даххака означенную сумму. Золотые динары тускло отсвечивали желтым, стоявшие рядом завистливо вздыхали.

Итак, инцидент был исчерпан – к полному удовольствию всех присутствующих, не считая аль-Хариси, который ушел, и Дунгдгончи, мнения которой никто не спрашивал. На прощание Зияд полюбопытствовал:

– Скажи, воин, почему ты во время драки восклицал: «О, Адам!».

Даххак объяснил:

– Каждый из нас призывал в помощь своего предка. То, что его предок сам пророк, пусть этот чванливый имам еще докажет! А в том, что я происхожу от более древнего предка, не усомнится никто!

После битвы (продолжение)

На поле боя нашли и тело Байташ-тегина. Он лежал, окруженный поверженными трупами врагов.

Арабы собрали только своих убитых. На второй день, в сумерках, несколько воинов-тюрков подняли тело знаменитого степного рыцаря и увезли с собой. Опальный принц Алп-Арслан Байташ-тегин не сгнил под палящим солнцем как падаль, его труп не растащили дикие звери.

Он был торжественно, по древнему обычаю, похоронен и оплакан друзьями и родственниками.

Благо человеку, даже мертвому, у которого есть родственники и друзья...

* * *

Бывшая десятка, а теперь «Семерка» сарханга Хаки-ма благодушествовала. Еще бы! Побратимы получили 500 динаров за пленницу: по сто динаров себе, остальные – братьям по котлу. Таков обычай.

Сарханг Хаким нежился у палатки, предвкушая ужин. Торопившийся мимо сарханг Яхья ибн Ахмед – тот самый, у которого они не выиграли сто жалких дирхемов заклада, – остановился и сказал с ядовитым самодовольством:

– Что ты сидишь? Сейчас у палатки святого имама каждому слабоумному дают по десять дирхемов.

– А ты свои уже получил? – осведомился Хаким, не двигаясь. Он ощущал в поясе приятную тяжесть от шестидесяти полновесных золотых динаров, полученных от побратимов как свою долю за Дунгдгончу и поэтому говорил так смело.

* * *

Пленный Чжан Лао в роскошной (хотя изрядно помятой) амуниции гвардейца привлек, естественно, внимание арабов. Его привели к самому главнокомандующему.

После короткого допроса Зияд ибн Салих сказал:

– Из-за тебя мы потеряли возможность захватить эмира ваших войск. За это я приговариваю тебя к смерти.

Чжан Лао сказал:

– Мне хочется пить. Дайте сначала воды, а потом казните.

Переводчик бойко перевел.

– Дайте ему воды, – распорядился Зияд ибн Салих.

Принесли полную чашу. Чжан Лао взял ее дрожащей рукой, но пить не стал.

– Что же ты не пьешь? – нетерпеливо спросил Зияд.

– Я боюсь, что меня казнят раньше, чем я успею напиться...

Перевели. Зияд снисходительно ответил:

– Клянусь Аллахом, тебя не казнят, пока ты не выпьешь эту воду.

В тот же миг Чжан Лао бросил чашу оземь.

– Казнить его! – крикнул Зияд.

– Ты обещал не делать этого, – кричал Чжан Лао. – Ты клялся своим богом!

– Пока не выпьешь воды! – отвечал Зияд.

– Но я не выпил ее!

– Да поразит тебя Аллах! – сказал Зияд ибн Салих. – Я помиловал тебя, сам того не ведая! Эй! Отведите его к остальным пленным.

* * *

На торжественный пир по случаю победы аль-Хаким вошел и сел рядом с Зиядом ибн Салихом. Тот недовольно покосился. Полководец и главный мулла недолюбливали друг друга.

Зияд был одет в шелковый трофейный халат; тюрбан на его голове венчало павлинье перо, закрепленное алмазной заколкой, тоже трофейной.

Халат же имама был ношенный – переносенный. От частой стирки черный цвет его стал каким-то серым.

Полководец обратился к гостю вежливо и почтительно:

– О, наставник веры! Разве мои воины не подарили тебе превосходную одежду, достойную твоего имени? Если нет, я сейчас же прикажу...

Имам насторожился. В словах Зияда он почувствовал подвох: оба они частенько вступали в ядовитую перепалку – под покровом вежливости.

– Подарили. Что из того?

– Почему же ты пришел на пир в этом одеянии? Имам насупился. Подумав, ответил:

– Я ношу такое одеяние, которое может служить мне верно, а не такое, которому я сам должен служить.

– Прекрасный ответ! – воскликнул Зияд. – Бережливость похвальна, а расточительство осуждено пророком, да благословит его Аллах и да приветствует! Но, говорят, эта чалма из тонкой и дорогой материи, которая украшает твою благородную голову, куплена тобою за большие деньги?

Чалма имама выглядела действительно великолепно.

– За пятьсот дирхемов, – подтвердил имам. – Ибо твои воины забыли подарить мне чалму.

– Пятьсот серебряных дирхемов, – притворно ахнул Зияд. – Не расточительство ли это? Тратить такие деньги на чалму?

Присутствовавшие военачальники тайно ухмылялись в бороды и усы: как-то вывернется теперь святой имам! Но святой имам не вчера родился.

– Ответь мне, о доблестный и победоносный предводитель войск, правда ли то, что я слышал?

– А что ты слышал?

– Будто бы ты купил красавицу-танцовщицу? Для своего гарема?

– Правда, – отвечал Зияд. – Она действительно прекрасна.

– И будто бы ты за нее отдал пятьсот полновесных золотых динаров?

– И это правда. Клянусь райскими садами, она достойна такой цены.

– Призываю всех в свидетели! Что же получается? Я купил потребное для головы – то есть благороднейшей части человеческого тела – и отдал пятьсот дирхемов. А ты, Зияд ибн Салих, заплатил за наложницу, то есть потребное для самого презренного из человеческих органов в сорок раз больше! Кто же из нас расточитель?

Зияд заморгал глазами, налился кровью и не нашелся, что ответить. Военачальники молчали, опустил глаза. Чтобы как-то разрядить неловкость, обжора-толстяк Сайд ибн Хунейд примирительным тоном прочел начало стиха из Корана:

– «Блаженны подавляющие свой гнев...»

А другой подхватил:

– «Господь наш, ниспошли...»

Тут Зияд несколько очнулся и, чтобы не оказаться вовсе смешным, закончил третьим стихом:

– «Ешьте и пейте: «Что с вами, что не едите вы?»»

Имам опустил пальцы в горку риса и с таким достоинством набил себе рот, будто это он победил китайцев-танов...

В это время в шатер вполз евнух с видом побитой собаки. Сердце екнуло в груди полководца: случилось какая-то беда.

– Говори!

– Пусть господин прикажет отрубить своему рабу голову...

– Говори!

– Не углядел... Прекрасная пленница...

– Скажешь ты или нет? – вышел из себя Зияд и отпустил слуге затрещину.

– Она вылила на себя кипяток...

– И обварилась? – закричал Зияд.

– Все тело в волдырях... Я уже положил целебные мази...

Зияд несколько успокоился.

– А лицо?

– И лицо испортила... Брызги на щеки попали...

– Как же это? Споткнулась она, что ли?

– Нет, господин. Умышленно.

– Умышленно? – Зияд не поверил ушам. – Что ты такое говоришь? Кто же будет ошпаривать себя кипятком умышленно?

– Я сам видел, – бубнил слуга. – Взяла и опрокинула медный кумган с кипятком... И даже не закричала... Только слезы текли... От боли, наверное...

– Конечно, от боли, дурень ты этакий? – ругался Зияд. – Кто же довел ее до такого состояния! Ох, у кого-то подпрыгивает голова на плечах!

Евнух только шмыгал носом, глядел преданными собачьими глазами...

* * *

Полководец произвел дознание. И выяснил нечто такое, от чего упал в долгую задумчивость.

– Небывалая женщина... – бормотал он. Воистину я еще не встречал такой; обезобразить себя, чтобы не достаться нелюбимому!... Клянусь своим светлым клинком, тут уж ничего не поделаешь, с такой девицей не справится и все войско правоверных... Впрочем, Аллах знает лучше.

И Зияд отправился к другой наложнице.

Эпилог

После столь великой победы Зияд ибн Салих погрузился в гражданские дела: надо было включить в общую жизнь халифата завоеванный край.

В первую очередь – установить и собрать налоги.

Установили. Собрали. В казну хлынули широким потоком натуральные продукты сельских жителей, ремесленные изделия горожан. И – деньги, деньги, деньги... Недаром среди арабов ходила поговорка: «Дирхем – это ось, вокруг которой вращается жернов мира».

... Депутация согдийских земледельцев – кедиверов настойчиво добивалась приема у самого главнокомандующего.

Старики-согдийцы в чисто выстиранных латанных халатах молча стояли у шатра в ожидании. В знак покорности на каждом был зуннар – особый унижительный пояс, который обязаны были носить все неверные, т.е. немусульмане.

Наконец, главнокомандующий вышел к ним.

– Ну, что там еще! – недовольно буркнул он в ответ на приветствие.

Вперед выступил мастер Пастун:

– О, эмир! В этом году у меня и моих односельчан уродилось зерна всего по десять харваров. А твои сборщики налогов хотят с каждого из нас взыскать как за сто харваров. Помоги!

– Послушай, глупый согдиец с бородой весом в десять манов, зачем говоришь пустое? Что же, мои сборщики десяти от ста отличить не могут?

– О, эмир! – воскликнул Пастун. – Борода моя весит один сир, а ты посчитал, что весу в ней десять манов. Если ты сам не можешь отличить одного сира от десяти манов, где уж твоим сборщикам отличить десять харваров от ста!

Зияд ибн Салих понимал и ценил юмор, но, подобно большинству людей, не любил сам попадать в смешное положение. Он расхохотался:

– О, мужественный длинноросец! Снимаю с тебя и твоих сельчан за этот год все налоги!

Старики горячо поблагодарили щедрого эмира, начали степенно кланяться, прощаясь. Зияд остановил их:

– Погодите. Я хочу сделать вам еще один подарок. Есть у меня пленная согдийская девушка, я выкупил ее у моих воинов за пятьсот динаров. Но она стоит вдесятеро, в сто раз больше. И не только потому, что она прекрасна как луна в месяц Рамазана. Сердце ее – самое гордое сердце в мире. Самое надежное, самое чистое. Говорю вам, почтенные, она – бесценный алмаз. И я отдаю ее с единственным условием: чтобы вы разыскали ее родителей и вернули им дочь. Может быть, Аллах зачтет мне это, когда придет день Последнего Смотра. Эй, Баргус! Приведи сюда девушку.

Через несколько мгновений, расторопный евнух ввел девушку под покрывалом.

И хотя лицо ее было скрыто, сердце мастера Пастуна дрогнуло. Он издал глухой крик и задохнулся, хватаясь за грудь. Девушка с пронзительным воплем: «Отец!» – бросилась к нему...

* * *

Барбад и Дунгдгонча наконец-то соединились в счастливом браке. На этот раз мастер Пастун не сказал ни слова против.

Свадебное торжество получилось хоть и не такое обильное яствами как прежде, зато радости и веселья было куда больше! Даже парни не хмурились: ведь они знали о давнишней взаимной любви брачующихся. И от души поздравляли Барбада.

Как прекрасна была новобрачная! И даже небольшие шрамы от ожогов не портили ее в глазах односельчан и жениха. Ибо все помнили: шрамы эти – свидетельства величия духа. А что есть более ценное в человеке?...

Неизвестно, играл ли жених на собственной свадьбе, и танцевала ли Дунгдгонча, «Нежная, как мускус». Да это и не так уж важно. Впереди у них была вся жизнь с ее трудами и заботами. Но, несмотря на заботы, если двое живут в ладу, для песен и танцев всегда время найдется!...

* * *

Зияду ибн Салиху донесли:

– Слышал ли ты, о эмир, что сегодня имам аль-Хариси обратил в мусульманство неверного? И повязал ему голову своей знаменитой чалмой?

– Того китайда? – спросил Зияд.

– Того...

– Просто эта чалма перебралась с головы одного неверного на голову другого. Вы думаете, этот тан душой и сердцем принял истинную веру?... Но пусть – аль-Хариси пребывает в надежде. Нам нет необходимости разочаровывать его. Это сделает его подопечный. Когда-нибудь... В конце-концов...

* * *

Нет, не Чжан Лао принял новую веру – в мусульманство перешел совсем другой китаец.

Судьба гвардейского сотника сложилась не так уж и скверно.

Правда, ему пришлось испытать все бедствия, обычно выпадающие на долю пленных.

Как уже говорилось, их набралось почти 20 000. Тех, кто владел искусством выделки бумаги, оставили в Самарканде, а шелкоткачей отправили в Ирак.

Вот когда пригодилась гвардейцу его старая профессия!

Он трудился несколько лет в самаркандских бумажных мастерских. И так как обнаружил замечательное умение и проявил трудолюбие, то сумел в 757 г. выкупиться на волю, еще через два года приобрел домик и женился.

В 762 г. все пленные мастера были отпущены на родину. С ними вместе, забрав семью, уехал и Чжан Лао.

Китай в то время пережил ужасную братоубийственную гражданскую войну. Два крупнейших военачальника – Ань Лушань и Ши Сы-Мин подняли восстание против императора Сюань-Цзуна. Войска желали обуздать засилье фаворитов. Сам император вынужден был отречься от престола. Погибла Ян Гуй Фэй – «Великая святая» и многие ее родственники. Убита была и «фаворитка Мэй» – «Лепесток Сливы». Ее тело нашли в чане со спиртом, закопанным в землю в сливовой роще на глубине всего лишь в три чи¹.

Неизвестно, как сложилась дальнейшая жизнь Чжана Лао, так же, как и судьба его командира Гао Сяньчжи.

Остается еще сказать о Зияде ибн Салихе. Будущее для него оказалось коротким. В 752 г. он поднял восстание против своего покровителя Абу Муслима и был убит. А в 755 г. Абу Муслим, наместник Хорасана и Средней Азии, был вызван во дворец халифа и коварно умерщвлен. Халиф аль-Мансур боялся возраставшего влияния бывшего раба.

И еще о судьбе одного человека хочется сказать несколько слов. Юный Хашим, сын Хакима. Единственно ему из всей арабской армии судьба уготовила великое, хотя и трагическое будущее. Через двадцать с небольшим лет вся Средняя Азия будет поднята на дыбы. Начнется небывалая по своим масштабам и социальной направленности война – война против арабских завоевателей и продавшихся им местных купцов и феодалов... Война за лучшую долю для бедняков. И возглавит ее вот этот самый паренек, родом из селенья Каза, что под Мервом.

¹ Чи – 32 см.

В историю он войдет под именем Муканны.

* * *

Таласская битва имела огромное значение в судьбах народов Средней Азии.

После этого сражения китайцы не ступали на территорию региона почти тысячу лет. Арабы тоже недолго удержались. И среднеазиатские народы и племена смогли самобытно развивать свою культуру в течение многих столетий, не испытывая насильственного давления других культур.

Приложения

РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКА САКСКОГО ВРЕМЕНИ ДЖЕЛЬ-АРЫК

(Отчет о полевых исследованиях в 1974 г.)

Археологическое изучение памятников ранних кочевников в Чуйской долине

Археологическое изучение памятников ранних кочевников Чуйской долины в дореволюционное время не пошло дальше регистрации отдельных курганов и могильников. Раскопки их не производились¹.

Начало планомерному археологическому изучению курганных погребений интересующего нас времени положили ленинградские ученые. В 1929 г. М. В. Воеводский и М. П. Грязнов раскопали вблизи от известной башни Бурана 4 из 7 курганов, составляющих цепочку, вытянутую по направлению С–Ю. В курганах обнаружено большое число керамических сосудов (17), ряд вещей из металла, в том числе и высокохудожественные изделия из золота. Исследователи датировали курганы III в. до н. э. – I в. н. э. и отнесли их к культуре усуней².

При работах по археологическому надзору на трассе ВЧК и в его окрестностях, которые осуществлялись в 1941 г.» А. Н. Бернштам и его сотрудники обнаружили погребения, разрушенные поселения и отдельные вещи сако-усуньского времени. К сакскому времени было отнесено погребение у с. Джиек, где в грунтовой яме рядом с костями человека был найден круглодонный сосуд с носиком и обломок бронзового копья³ или ножа⁴. К случайным находкам этого же времени относятся керамические круглодонные сосуды (7) каменный столик, бронзовые наконечники стрел (11), обломки ножей и кинжалов из того же материала (число последних неизвестно)⁵.

Едва ли можно считать успешной попытку А. Н. Бернштама отнести бронзовую пряжку с изображением геральдически поставленных львов и барсов (или пантер), увитых побегами виноградной лозы, которая была найдена в культурном слое, по-видимому, VI–VIII вв. на городище Сокулук, к культуре саков⁶. Иконографические особенности, стиль и композиция позволяют предполагать, что пряжка могла быть современной культурному слою, в котором она была обнаружена⁷.

К комплексам усуньского времени, зафиксированным на трассе БЧК, главным образом на участке к северу от селений Полтавка и Карабалты, А. Н. Бернштам относит 13 круглодонных сосудов, железные трехреберные черешковые наконечники стрел и предположительно, зернотерки, а также бронзовые шпильки с навершием в виде птиц и два вида бубенцов, найденных в нижних слоях городища Сокулук⁸.

Кроме того, на археологической карте, приложенной к труду А. Н. Бернштама, зафиксировано 17 памятников, которые, судя по топографии, относились ко времени ранних кочевников⁹.

¹ История археологического изучения Северной Киргизии см.: *Бернштам А. Я.* Археологический очерк Северной Киргизии. – Фрунзе, 1941. – С. 11-17.

² *Воеводский М. В., Грязнов М. П.* Усуньские могильники на территории Киргизской ССР. К истории усуней. ЦДР, 1938, 3/4, стр.

³ *Бернштам А. Н.* Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. – Фрунзе, 1943. – С. 10

⁴ Труды Семиреченской археологической экспедиции. "Чуйская долина". МИА, 14. – М.-Л., 1950. – С. 107.

⁵ Труды Семиреченской археологической экспедиции. "Чуйская долина" ... – С. 107-108, табл. XL, 6; XL.

⁶ Там же. – С. 108, табл. XXXIX, 2.

⁷ Это мнение в устной беседе было высказано *Б. И. Маршаком*.

⁸ "Чуйская долина", МИА, 14. – С. 108-110.

⁹ Там же, табл. XIII.

Заслуга А. Н. Бернштама в изучении археологических памятников ранних кочевников Чуйской долины исключительно велика уже потому, что он ввел в научный обиход большое количество новых материалов, впервые классифицировал и выделил комплексы сакского времени из общей массы памятников сако-усуньского времени, осмыслил добытые материалы в историко-археологическом плане.

А. К. Кибиров опубликовал случайные находки сакского времени, обнаруженные в 1955 г. между селениями Александровкой и Сретенкой. Здесь представлены бронзовые стрела, акинак и котел¹.

Чуйским археологическим отрядом, которым руководил А. К. Абетеков в 1961–64 гг., обнаружено и раскопано большое число погребений ранних кочевников. Из них опубликованы 33 кургана из 7 могильников и даны краткие сведения об археологических работах еще на двух могильниках. Автором обнаружено два типа погребений: ямные и подбойные. Большинство курганов было разграблено. Инвентарь беден. Он состоит из 15 целых и 3 фрагментов керамических сосудов, колчанного крючка из бронзы, 9 глазчатых бус, конусовидной ворворки, пары золотых серег, ручки от бронзового зеркала, 6 железных трехлопастных черешковых стрел, бронзовой шпильки, украшения из бронзовой проволоки, серебряной подвески художественной работы (учтены лишь опубликованные материалы)².

Малочисленные и невыразительные находки позволили А. К. Абетекову дать лишь весьма широкие хронологические рамки для памятников первого типа. Ямные погребения в могильниках Джыланач, Арчалы и Джарлу-Каинда II отнесены им к III в. до н. э. – I–II вв. н. э., в могильниках Джиламыш и Орто-Каирма – к III в. до н. э. – I в. н. э., могильники же Сокулук I и Сокулук II оставлены вообще без датировки. Памятники второго типа – Узун-Булак и Узун-Булак I – отнесены автором к I в. до н. э. – I в. н. э.³

Есть некоторые основания, отчасти приведенные и самим А. К. Абетековым, удревить датировку отдельных курганов первого типа.

Серьезным успехом этого исследователя следует считать раскопки части поселения времени ранних кочевников у с. Калининского⁴.

Все упомянутые памятники А. К. Абетеков связывает с усуньским союзом племен.

Ряд принципиально новых положений и этногенетических построений, заслуживающих пристального внимания об археологических памятниках ранних кочевников Семиречья, в том числе и Чуйской долины, высказал Ю. А. Заднепровский. Ямные погребения могильников этого региона он относит к кругу памятников, оставленных саками⁵.

В нескольких пунктах Чуйской долины были найдены отдельные предметы, которые следует отнести к интересующему нас времени. Двухлопастная бронзовая втульчатая стрела, обнаруженная В. Д. Горячевой в слое XI в. при раскопках усадьбы в сезон 1974 г. на городище Бурана⁶. Три сосуда, один из них расписной, бронзовый колчаный крючок найдены в могильнике у Чумышской плотины на правом берегу р. Чу.

¹ Кибиров А.К. Археологические работы в Центральном Тянь-Шане. Тр. КАЭЭ, т. II. – М., 1959. – С. 106, рис. 17.

² Абетеков А.К. Расписная керамика в курганах ранних кочевников в долине р. Чу. – КСИИА, вып. 107. – М., 1966/ – С. 122-126, рис. 49, 50; *Его же*. Археологические памятники кочевых племен в западной части Чуйской долины (по материалам раскопок 1961 г.). // Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. – Фрунзе, 1967. – С. 30-44, рис.2-3.

³ Абетеков А.К. Расписная керамика... – С. 126; *Его же*. Археологические памятники... – С. 41, 44.

⁴ А.К. Абетеков

⁵ Заднепровский Ю.А. Об этнической принадлежности памятников кочевников Семиречья усуньского периода (II в. до н. э. – V в. н. э.). – СНВ, вып.10. – М., 1971. – С. 27-36.; *Его же*. Опыт региональной классификации погребальных памятников кочевников Средней Азии древнего периода (II в. до н. э. – VI в. н. э.) // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана (досоветский период). – Фрунзе, 1975. – С. 166-167.

⁶ Отчет В.Д. Горячевой за археологический сезон 1974 г.

Миниатюрная черешковая стрела была поднята на территории городища Кара-джигач¹. Несколько круглодонных сосудов, среди которых был большой фрагмент с росписью красной краской, найдено при закладке глиняного карьера на северной окраине г. Фрунзе². Бронзовые архаического облика стремявидные удила, стрела и котел хранятся в музее СШ с. Петропавловка.

Таким образом, в настоящее время накоплен известный материал, позволяющий характеризовать отдельные стороны быта, домашнего ремесла, некоторые черты идеологических представлений рядовых членов общества ранних кочевников. Представлений об искусстве, культурных и экономических связях и т.д. этого времени мы не имеем, так как почти не исследовались погребения "царского" типа, курганные насыпи которых до сих пор пока еще возвышаются над полями Чуйской долины.

Помимо этого, как было отмечено выше, среди исследователей до сих пор нет единства в определении хронологии и этнической принадлежности, нет четкой дифференциации сакских и усуньских памятников. А это значит, что указанные материалы не могут быть использованы как исторический источник. По этой причине введение в научный оборот новых данных, добытых при археологических раскопках, продолжает оставаться задачей исследователей республики и в наши дни.

II. Могильник Джель-Арык³

Расположен на левой надпойменной террасе р. Чу по выходе ее из Боомского ущелья на 108 км автотрассы Фрунзе–Рыбачье. В топографическом отношении представляет собой цепочку из 22 небольших каменных курганов, вытянутых по линии С–Ю. Задернованность насыпей слабая, кое-где выступают ребра крупных каменных плит. Нумерация курганов произведена с севера на юг (рис.1). Могильник раскопан полностью.

Курган 1. Насыпь плоская, овальная. Высота 0,26 м, диаметр С–Ю 6,3 м, В –3 – 5,5 м. Могильная яма овальная, ориентирована С–Ю, размеры 2х0,7 х 0,75 м⁴. Заполнена камнями и лёссом. Вокруг ямы и в ней 4 большие каменные плиты. На дне потревоженные кости взрослого человека очень плохой сохранности. Анатомический порядок тазовых костей и большой кости левой ноги позволяет полагать, что погребенный был ориентирован головой на Ю. В южной части ямы лежал сосуд с ручкой. Рядом найдены фрагменты пластинчатого железного ножа с односторонней заточкой⁵.

Курган 2. Насыпь сферическая. Высота 0,5 м, диаметр 9,5 м. В центре воронка. Перекрытие из трех каменных плит нарушено. Могильная яма овальная, ориентирована С–Ю, размеры 1,87 х 0,7 х 0,9 м. Засыпь из лёсса и камней. В засыпи и на дне мелкие фрагменты костей скелета взрослого человека.

Курган 3. Насыпь сферическая, овальная. Высота 0,5 м, диаметр С–Ю 10,4 м, В–3 8,6 м. Перекрытие ямы из четырех плотно уложенных каменных плит. Яма овальная, ориентирована В–3, размеры 2 х 0,8 х 0,95 м. Засыпана мягким лёссом. На дне ямы в анатомическом порядке, в вытянутом положении, головой на 3 лежал скелет взрослого человека. У левого плеча две кости позвоночника барана и узкий прямой железный нож. Между локтевыми суставами правой рука и стенкой ямы стояла кружка с ручкой.

Курган 4. Расположен к В от кургана 3. Насыпь сферическая, овальная. Высота 0,4 м, диаметр С–Ю 6,5 м, В–3 8 м. В центре воронка. Под насыпью и в яме четыре каменных плиты. Яма овальная, ориентирована СВ–ЮЗ, размеры 2 х 0,7 х 0,6 м. Заполнена камнями и лёссом. В засыпи и на дне ямы в беспорядке кости скелета человека. Большие кости ног,

¹ Хранятся в музее СШ № 10 г. Фрунзе.

² Я видел эти материалы в 1967 г. у завуча по воспитательной работе СШ № 24 г. Фрунзе *И. Мамешева*.

³ В составе группы работали: *Ю. Олеференко, К. Ташбаева, К. Бердалиева, Е. Лошкарева* – лаборанты, *И. Эралиев, В. Скобцов, Т. Панчурина, А. Асанов, И. Эгибаев* – рабочие.

⁴ Здесь и дальше первая цифра обозначает длину, вторая – ширину и третья – глубину ямы.

⁵ Плохая сохранность железа и костных материалов характерна исключительно для всех курганов могильника.

лежащие *in situ*, позволяют предполагать положение погребенного головой на ЮЗ. В центре ямы найдены мелкие фрагменты железа.

Курган 5. Насыпь сферическая. Высота 0,6 м, диаметр 9,5 м. В центре воронка. Под насыпью и в яме четыре каменных плиты. Яма овальная, ориентирована В–З, размеры 1,94 x 0,8 x 0,9 м. Заполнена камнями и лёссом. В засыпи и на дне фрагменты костей взрослого человека.

Курган 6. Насыпь плоская. Высота 0,15 м, диаметр 4 м. Яма овальная, ориентирована С–Ю, размеры 1,4 x 0,4 x 0,65 м. Заполнена камнями и лёссом. В засыпи и на дне фрагменты костей скелета человека.

Курган 7. Насыпь плоская, овальная. Высота 0,2 м, диаметр С–Ю 6,7 м, В–З 7,5 м. Над ямой и частично в ней три каменные плиты. Яма овальная, ориентирована В–З, размеры 2,23 x 0,8 x 1 м. Заполнена камнями и лёссом. На дне фрагменты костей скелета человека. Впритык к северной стенке на крестце барана лежал узкий железный нож.

Курган 8. Насыпь сферическая. Высота 0,31 м, диаметр 6,5 м. Над ямой и близ нее на дневной поверхности четыре каменных плиты. Яма овальная, ориентирована С–Ю, смещена к 3 от центра кургана, размеры 2 x 0,7 x 0,9 м. Заполнена камнями и лёссом. На дне потревоженный скелет взрослого человека. В анатомическом порядке лежали кости черепа, правой руки, тазовые и кости ног. Погребенный, таким образом, лежал в вытянутом положении на спине, головой на Ю. У локтевого сустава правой руки стояла кружка с ручкой, у изголовья на слабом древесном тлене лежали ребра барана и фрагменты железного ножа.

Курган 9. Насыпь сферическая. Высота 0,35 м, диаметр 8 м. Над ямой, лишь частично перекрывая ее, четыре каменные плиты. Яма овальная, ориентирована В–З, размеры 2,5 x 1 x 1 м. Заполнена камнями и лёссом. В засыпи найден крестец барана и фрагменты костей скелета взрослого человека. На дне ямы нарушенный скелет человека. В анатомическом порядке находились лишь тазовые кости ног. По ним определяется поза погребенного: на спине в вытянутом положении, головой на З. В западной части могилы близ стенки стоял сосуд, орнаментированный под венчиком поясом вертикальных штрихов.

Курган 10. Плоская круговая выкладка, камни едва возвышаются над поверхностью. Диаметр 4,65 м. В насыпи над ямой и рядом с ней три каменных плиты. Яма овальная, ориентирована С–Ю, размеры 1,95 x 0,6 x 0,8 м. Заполнена камнями и лёссом, на северной стенке ее водяные натеки. На дне ямы лежал частично разрушенный скелет человека, были большие кости ног. По их положению можно полагать, что погребенного клали в вытянутом положении на спину, головой на Ю. В середине ямы лежала кружка с ручкой.

Курган 11. Насыпь сферическая. Высота 0,55 м, диаметр 9 м. В центре воронка. В яме и вокруг нее четыре каменных плиты. Яма овальная, ориентированная С–Ю, размеры 2,35 x 0,9 x 0,55 м. Заполнена камнями и лёссом. В засыпи и на дне ямы кости скелета взрослого человека. Фрагменты костей черепа находились в южной части ямы, а ног – в северной.

Курган 12. Внешне обозначен несколькими камнями. Под дерном зачищена круговая вымостка диаметром 4,75 м. Яма находилась под Ю–З ее частью и была перекрыта четырьмя каменными плитами. Перекрытие нарушено. Яма овальная, ориентирована С–Ю, размеры 1,8 x 0,6 x 0,8 м. Заполнена лёссом и камнями. В засыпи и на дне ямы фрагменты костей взрослого человека и керамического сосуда.

Курган 13. Насыпь сферическая. Диаметр С–Ю 9,70 м. В–З 7 м, высота 0,8 м. Под центром могильная яма, перекрытая четырьмя каменными плитами. Яма овальная, размерами 2,25 x 0,75 x 0,8 м, ориентирована В–З. Засыпь лёссом. На дне ямы в вытянутом положении, на спине, головой на З скелет взрослого человека, У левого плеча стоял круглодонный грушевидный сосуд, в области грудной клетки лежало бронзовое

дисковидное зеркало с боковой ручкой. У изголовья рядом с фрагментами железного ножа лежали крестцовые кости барана.

Вымостка 14. Округлой формы, диаметром 20 м. Вся площадь была плотно уложена речными валунами разных размеров и кусками рваного камня. С западной стороны оконтурена валунами более крупных размеров. Следов могильной ямы и находок не было.

Курган 15. Насыпь сферическая, круглая. Высота 0,6 м, диаметр 5,6 м. Под центром ее могильная яма, перекрытая четырьмя каменными плитами. Яма овальная, ориентирована В–З, размеры 2,2 x 0,8 x 0,35 м. Заполнена лёссом. На дне ямы в вытянутом положении, на спине, головой на В лежал скелет взрослого человека. У левого предплечья круглодонный сосуд, ориентированный поясом вертикальных насечек. С правой стороны крестец и позвонки барана, рядом – фрагменты железного ножа.

Курган 16. Насыпь уплотненная каменная выкладка овальной формы. Диаметр С–Ю 4,75, В–З 4 м, высотой 0,3 м. Под насыпью плотно пригнанные друг к другу плиты перекрытия могильной ямы. Яма овальная меридиональной ориентации, размеры 2,1 x 0,75 x 0,8 м. Засыпь из лёсса. На дне ямы на спине, в вытянутом положении, головой на Ю лежал скелет взрослого человека. Кости правой руки слегка потревожены. Не исключено, что это сделано грызунами, так как явных следов ограбления не прослеживалось. У правого предплечья стояла кружка с ручкой. Ближе к стенке найдены фрагменты железного ножа и крестцовые кости барана.

Вымостка 17. Округлой формы, плоская, диаметром 18 м. Вся площадь выложена крупными речными валунами и щебенкой. В центре круга просматриваются остатки четырехугольника из более крупных валунов. Под одним из них на дневной поверхности был найден бронзовый нож с кольцевым навершием. Южнее его венчик гончарного сосуда со следами канелюр и лощения. Следов могильной ямы не было.

Курган 18. Насыпь плоская, круглая. Диаметр 5 м, высота 0,2 м. Под центром ее пять плотно уложенных плит перекрытия могильной ямы. Яма овальная, ориентирована СВ–ЮЗ размером 2,2 x 0,67 x 0,73 м. Заполнение лессовое, на глубине 0,3 м в нем встретились вкрапления небольших частичек древесного угля. На дне ямы в вытянутом положении, на спине, головой на ЮЗ лежал скелет взрослого человека. У изголовья слева сосуд, справа – крестец барана и фрагменты железного ножа.

Курган 19. Насыпь плоская, сконструированная из двух концентрических кругов, сложенных из крупных камней, Диаметр внешнего кольца 8 м, внутреннего 4 м. Пространство между ними заполнено более мелкими камнями. Раскоп был заложен по всей площади внутреннего кольца. На глубине 0,6 м встречены части черепа человека и шесть маленьких бронзовых заклепок со следами древесного тлена. Ниже шел материковый слой.

Вымостка 20. Округлой формы, плоская, диаметром 6,5 м. Вся площадь выложена валунами и щебнем. В центре из крупных камней выложено подобие четырехугольного каменного ящика, вытянутого В–З. Особенно массивная его западная монолитная стена. Восточная стена выложена из менее крупного камня. Он сдвинут с первоначального места. Северная и южная стены выполнены из четырех камней каждая. Размеры ящика по внутреннему периметру 1,8 x 1 x 0,5 м. Следов могильной ямы не было. В С–З углу ящика на глубине 0,1 м найдены фрагменты круглодонного сосуда, тесто рыхлое, с большой примесью песка, обжиг неравномерный.

Курган 21. Насыпь плоская, круглая, диаметром 4,2 м. Под центром ее уложены три каменных плиты перекрытия могильной ямы. Яма овальная, ориентированная В–З, размеры 1,6 x 0,6 x 0,55 м. Засыпь лёссовая. На дне ямы в вытянутом положении, на спине, головой на В лежал скелет подростка. У правого плеча находился круглодонный сосуд, украшенный поясом вертикальных насечек.

Погребение 22. Внешние его признаки не выявлены. На поверхности были видны лишь верхушки нескольких задернованных валунов. Под слоем дерна был вскрыт

больших размеров плоский округлой формы валун диаметром 1,25 м. Он служил перекрытием монументального каменного ящика, сложенного из плит розового гранита, толщиной в 0,23–0,3 м. Ящик ориентирован сторонами по странам света. С точки зрения современного каменщика, у которого мы получили консультацию на месте работ, все сооружение выполнено квалифицированно, с тщательной подборкой каждой составной части кладки. По мнению А. К. Абетекова, при каменной кладке ящика применялся связующий раствор.

В основание восточной стены торцом уложено три массивных плиты. Швы между ними подогнаны очень плотно. Подгонка достигнута следующим приемом: средний монолит был опущен несколько глубже, чем северный и южный, а под основание северного подложено несколько мелких каменных осколков. Второй ярус также состоит из трех плит, но меньших размеров. Зазор, образовавшийся на стыке основания и второго яруса между средним и южным монолитом, заполнен хорошо подобранным камнем. Ширина стены 1,25 м, высота 0,96 м.

Основанием южной стены служат два монолита. Примыкающий к телу восточной стены поставлен на короткое ребро. При строительстве ящика он, видимо, раскололся на шесть частей. Второй монолит уложен на длинное ребро. Он примыкает к торцу западной стенки. Второй ярус стены сложен из трех плит меньших размеров. Ширина стены 1,3 м, высота 0,95 м.

В основание западной стены на длинное ребро была уложена массивная плита. Для того чтобы второй ярус камней был горизонтальным, под его южную часть подведено четыре осколка плит. Второй ярус сложен из двух монолитов. Пространство между ними и северной стеной заложено четырьмя хорошо подобранными камнями. Ширина стены 1,15 м, высота 0,9 м.

Северная стена, как и остальные, двухъярусная. В основание ее уложена квадратная плита, примыкающая к телу восточной стены. Пространство между ее торцом и западной стеной заложено тремя мелкими плитами. Три плиты, две из которых установлены на короткое ребро, составляют второй ярус северной стены. Ширина ее 0,85 м, высота 0,95 м.

Ящик доверху был заполнен лёссом с вкраплениями щебенки и небольших речных валунов. На разных уровнях попадались обломки костей скелета взрослого человека. Судя по тому, что в засыпи было обнаружено три ключицы и две нижние челюсти, погребение было парным. Находки отсутствуют.

Курган 23. Насыпь плоская, круглая в плане. Диаметр 4,6 м, высота 0,2 м. При снятии верхних камней обозначились большие каменные плиты, поставленные на ребро. Они образуют подпрямоугольный каменный ящик, вытянутый по линии В–3. Западная торцовая стена сложена из монолита, верхняя часть которого несколько возвышалась над насыпью. К ней примыкают северная и южная стены, сложенные из крупных плит. Восточная часть северной стены разрушена. Верхняя часть южной стены выступала над насыпью. Восточная торцовая стена разрушена. Сохранилось лишь основание ее из двух речных валунов. Длина ящика 1,85 м, наибольшая высота 0,57 м. Ящик был заполнен крупными камнями и землей. На дне его у западной стенки лежал разрушенный череп, а в восточной части – кости ног. Предметы материальной культуры отсутствуют.

Стены описанного ящика покоились на стенах другого, который по своей форме, технике исполнения и размерам сходен с ящиком из кургана 22. Он ориентирован сторонами по странам света с небольшим отклонением. Размеры его С–Ю 1,16 м, В–3 1,12 м, высота 0,85 м.

Здесь, как и в погребении 22, хорошо прослеживается конструктивный прием древних строителей, который они применяли для предотвращения завала. Торцовые концы стен на углах поочередно заходят друг за друга. Каждая стена, таким образом, одним своим концом опирается на соседнюю, а другим примыкает к телу смежной стены. Порядок сопряжения параллельных стен обратный.

Ящик был доверху заполнен лёссом и камнями разных размеров. В засыпи попадались фрагменты костей взрослого человека. Предметы материальной культуры отсутствуют.

На первой надпойменной террасе реки Чу находилось восемь курганообразных каменных насыпей. Две из них раскопаны. Ни могильной ямы, ни находок не обнаружено. Скорее всего, это были естественные образования.

III. Погребальные сооружения и погребальный обряд

Характеристика деталей и особенностей погребальных сооружений и погребального обряда имеет существенное значение при постановке вопроса о происхождении и этнической принадлежности населения, оставившего могильник, представляет интерес для реконструкции отдельных сторон его материальной и духовной культуры.

В могильнике Джел-Арык вскрыты погребения двух типов: в каменных ящиках и в могильных ямах:

Было вскрыто три погребения первого типа. По форме в плане каменные ящики можно разделить на два вида:

I – подквадратные и

II – подпрямоугольные.

1 вид представлен погребением 22 и первым ярусом кургана 23. Вырытая в грунте подквадратная в плане могильная яма ориентирована сторонами по странам света и представляет собой камеру, стенки которой облицованы в 2–5 ярусов. Нижние плиты являются более массивными. Они установлены как на длинное, так и на короткое ребро. Последующие ярусы были выложены из плит меньших размеров. Широкие зазоры между массивными плитами основания закладывались хорошо подобранными мелкими осколками камня. Облицовка достигала почти до уровня дневной поверхности. Перекрытие зафиксировано лишь в погребении 22. Камера была полностью закрыта крупным плоским валуном. Внутреннее пространство ящика, таким образом, по своим формам приближается к кубу.

В таких камерах производились парные и одиночные погребения. О положении погребенных трудно судить, так как скелеты их были разрушены при ограблении. Размеры камеры позволяют предполагать, что покойники хоронились либо сидя, либо в скорченном положении. Последнее наиболее вероятно¹.

Ко второму виду относится второй ярус кургана 23. Прямоугольный каменный ящик был расположен непосредственно на нижнем, подквадратном по форме. Он был сделан из длинных массивных плит и речных валунов, ориентирован В–З с небольшим отклонением. Погребенных клали на спину, в вытянутом положении, головой на З. Перекрытие ящика не зафиксировано. Над всем сооружением была воздвигнута круглая в плане сферическая каменная насыпь.

Погребения в каменных ящиках имеют широкий территориальный и хронологический диапазон.

Второй тип представлен восемнадцатью погребениями. Под каменной уплощенной или полусферической насыпью диаметром от 4 до 9,5 м была вырыта могильная яма. Она обычно овальной формы, имела глубину от 0,55 до 1,0 м от дневной поверхности. Длина ее колеблется в пределах 1, –2,2 м, а ширина – 0,6–1 м. Во всех случаях поперек яма перекрывалась каменными плитами. Они имеют крупные размеры (до 1,5х0,6 х 2,4 м). Подобные погребальные сооружения известны в Чуйской долине, Центральном Тянь-Шане, Таласе, в долине реки Или, на Памире².

¹ Сидячая поза погребенных встречается в курганах ранних кочевников Средней Азии, но редко (см.: Б.А. Литвинский. Древние кочевники «крыши мира». М., 1972, стр. 133).

² Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, 26. – М.-Л., 1952. – С. 25, 27, 31; Кибиров А.К. Археологические работы в Центральном Тянь-Шане. Тр. КАЭЭ, т. II. – М., 1959. – С. 103-105; Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. – Алма-Ата,

Все захоронения, как правило, одиночные. Погребенного в вытянутом положении на спине клали на самое дно ямы. Ориентация покойников в тех случаях, когда она могла быть учтена, разнообразна.

Головой на:	Количество	%
запад	3	16,65
восток	3	16,65
юг	4	22,2
юго-запад	1	5,55
не учтено	7	38,85
Всего:	18	99,9%

Данные таблицы с учетом, что четыре из семи погребений, в которых не удалось установить положение покойника по отношению к странам света, судя по направлению могильных ям, имели меридиональную ориентацию, а три – параллельную, позволяют сделать вывод, что оба вида ориентации погребенных в могильнике были представлены примерно в равных пропорциях.

Захоронения сопровождалось однообразным погребальным инвентарем. В подавляющем большинстве он состоял из единственного керамического сосуда, находящегося либо у правого предплечья, либо в изголовье покойного. В одном случае было обнаружено бронзовое зеркало, в другом – мелкая круглая бусинка из сердолика. Не исключено, судя по находкам древесного тлена и мелких бронзовых заклепок, которые применялись для ремонта различных предметов из дерева, что в качестве инвентаря были и таковые. В погребения клали пищу. Обычно это небольшие куски крестцовой, реже реберной части мелкого рогатого скота; в некоторых случаях рядом с ними лежали железные ножи. Явные следы пищи встречены в восьми погребениях.

Три сооружения едва ли возможно связывать непосредственно с погребениями.

К таким относятся курганы 14, 17, 20.

Курган 20 представляет собой выложенное из крупных камней на дневной поверхности подобие каменного ящика. Вокруг него сделана круговая вымостка. Аналогичные сооружения нам неизвестны.

Круговые вымостки, к каковым и относятся курганы 14, 17, известны среди памятников ранних кочевников довольно широко. Они отмечены в могильниках Тянь-Шаня, Семиречья, Памира, и др. Обычно такие вымостки без могильных ям связывают с культовыми сооружениями¹, или с кенотафами². В этом плане вызывает интерес находка бронзового ножа при раскопках вымостки 17. Ряд исследователей придерживается мнения, что бронзовые ножи в скифо-савромато-сакском мире имели культовое назначение, то есть, были жертвенными орудиями³. Это как будто свидетельствует в пользу того, что вымостка 17 могла быть местом культовых жертвоприношений. Однако последнее не исключает предположения о назначении таких вымоستок и как условных захоронений.

IV. Материальная культура

Погребальный материал могильника Джель-Арык беден. Это объясняется, прежде всего, причинами социального порядка и ограблением части погребений.

1963. – С. 159, рис. 9; *Абетеков А.К., Баруздин Ю.Д.* Сако-усуньские памятники Таласской долины. // Археологические памятники Таласской долины. – Фрунзе, 1963. – С. 19, рис. 1; *Литвинский Б.А.* Древние кочевники «крыши мира». – М., 1972. – С. 134-135.

¹ *Кызласов Л.Р.* Сакская коллекция с Иссык-Куля. // Новое в археологии. Изд. МГУ, 1972. – С. 106.

² *Литвинский Б.А.* Древние кочевники... – С. 133-134.

³ *Яценко И.В.* Скифия VII–V вв. до н. э. – М., 1959. – С. 48; *Смирнов К.Ф.* Савроматы... – С. 72-73; *Толстов С.П., Итина М.А.* Саки низовьев Сырдарьи (по материалам Тагискена). СА, 1966, № 2. – С. 163.

Изделия из металла. К ним относятся нож, зеркало, заклепки из бронзы и фрагменты железных ножей.

Бронзовый нож, найденный под вымосткой 17, имеет кольцевое навершие. Общая длина его 158 мм, максимальная ширина лезвия 15 мм, спинка и лезвие постепенно суживаются к концу. Это вторая находка подобного типа на территории Киргизии. Первая была сделана А. Н. Бернштамом в кургане № 44 могильника Аламышик близ г. Нарына в Центральном Тянь-Шане¹.

На территории Средней Азии и Казахстана ножи с кольцевым навершием – редкая находка. Они зафиксированы, кроме отмеченных выше, еще лишь в могильниках Памирская 1 (Памир)², Уйгарак (Приаралье)³.

Аналогии подобным ножам, как отметил А. Н. Бернштам, нужно искать на Енисее и Алтае. Генетически они связаны с подобными изделиями карасукского времени⁴.

Плоское дисковидное зеркало из бронзы на длинной рукоятке с отверстием на конце (диаметр диска 105 мм, длина рукоятки 54 мм) было найдено в кургане 13. Такой тип зеркал, хорошо известен в науке. Он широко распространен территориально и хронологически. Подобные зеркала известны в Иране, Северном Афганистане, Средней Азии, Поволжье, Северном Причерноморье⁵. На территории Киргизии зеркала круглой формы с длинной плоской ручкой появились еще в эпоху бронзы и найдены в Сокулукском кладе⁶ и в находках в с. Садовом⁷, в могильнике Кара-Швак на Алае⁸, в курганах Кочкорской долины⁹ и в Кетмень-Тюбе¹⁰. Прекрасной сохранности и полировки зеркало из могильника Джель-Арык является дополнением этой коллекции.

Рядом с остатками мясной пищи в курганах были найдены плоские пластинчатые железные ножи очень плохой сохранности. Железные ножи различных форм – довольно обычная находка в курганах ранних кочевников.

В одном случае был найден обломок сердоликовой бусинки невыразительной формы.

Керамический материал из могильника Джель-Арык представлен 10 лепными круглодонными сосудами. В одном случае был обнаружен венчик желто-лощеного сосуда, сделанного на гончарном круге. Целые образцы таких сосудов известны в Чуйской долине¹¹. Каталогное описание керамики и ее параметры представлены в таблице. (См. таблицу).

Описанные сосуды можно классифицировать по следующим типам:

1 Массивные шаровидные и усеченно-конусовидные кружки с вертикальной петлеобразной ручкой (пять экземпляров их курганов 1, 3, 8, 10, 16).

¹ Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, 26. – М.-Л., 1952. – С. 31, рис. 12, 1.

² Там же. – С. 306, рис. 132, 1.

³ Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. (По материалам Уйгарака). – М., 1973, табл. XXI, II.

⁴ Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки... – С. 33.

⁵ Смирнов К.Ф. Савроматы. – М., 1964. – С. 153-154; Литвинский Б.А. Хронология и классификация среднеазиатских зеркал. Материальная культура Таджикистана, вып. 2. – Душанбе, 1971. – С. 38-39; Сарияниди В.И. Бактрия в эпоху бронзы. СА, 1974, № 4. – С. 67-68.

⁶ Б. (М). Зима. Очаг андроновской культуры в Северной Киргизии. ТИЯЛИ Кирг. ФАН СССР, вып. II, 1948, стр. 126, рис. 10.

⁷ Ю.А. Заднепровский. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе, 1960, стр. 82-83, рис. 42,2.

⁸ А. Кибиров, П.Н. Кожмяко. Новые памятники эпохи бронзы. ТИИ АН Кирг. ССР, вып. II, 1956, стр. 39, рис. 2,5.

⁹ А. Кибиров. Археологические работы..., рис. 3,5-6.

¹⁰ И. Кожомбердиев. Саки Кетмень-Тюбе. / Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. – Фрунзе, 1975, стр. 170.

¹¹ Абетеков А.К. Археологические памятники... – С. 39, рис. 3, 5, 6.

2 Шаровидные и грушевидные кувшины с широкой горловиной (четыре экземпляра из курганов 13, 15, 18, 21). Стенки их менее массивны. Два из них орнаментированы поясом из вертикальных штрихов над горловиной.

К особым формам керамики, видимо, следует отнести сосуд из кургана 9.

Указанные типы входят в круг так называемой сако-усуньской керамики Семиречья и Тянь-Шаня.

№ курган а	№ сосуда	Описание	Высота, мм Сосу- да	гор- лов.	Диаметр тулова, высо- та макс.	Длина ручки мм
3		Грубая толстостенная кружка с яйцевидным туловом, плавно переходящего в невысокую вертикальную горловину. Венчик – округленное продолжение стенки. Вертикальная петлевидная ручка плоско-выпуклая в сечении, прикреплена нижним концом к середине тулова, верхним - к основанию горловины. Цвет черепка оранжевый.	139	13	136 60 93	42
8		Грубая кружка с шаровидным туловом, плавно переходящим в невысокую вертикальную горловину. Венчик - округлое продолжение стенки. Вертикальная петлеобразная ручка с неглубокой бороздкой по плоскости прикреплена в верхней части сосуда. Поверхность заглажена плохо. Черепок розового цвета.	154	32	141 62 87	39
9		Асимметричная кружка с низкой нижней частью, с округло-уплощенным основанием. Верхняя часть в виде сужающегося кверху усеченного конуса. Переход от одной части к другой без ребра. Вертикальная плоская петлеобразная ручка с едва заметной бороздкой по внешней плоскости прикреплена в верхней части сосуда. Сильно закопчено дно и стенка противоположная ручке. Черепок оранжевого цвета.	114	-	140 36 92-95	39
		Тулово шаровидное, переход к низенькой горловинке резкий. Венчик - продолжение стенки, слегка отогнут наружу. Под горловиной орнаментирован				

10	10	поясок коротких вертикальных штрихов до обжига. Ручка-налеп плоская, вертикальная, украшена по ребру насечкой. Черепок кремово-розовый _а в изломе серый с внутренней и кирпичного цвета с внешней стороны. Венчик у ручки и тулово имеют следы копоти. Грубая кружка с шаровидным туловом, плавно переходящим в вертикальную горловину. Венчик - закругленное продолжение стенки. Вертикальная петлеобразная ручка с едва заметным желобком по внешней плоскости	110	11	142	53	110	29
		прикреплена нижним концом к наиболее широкой части тулова и верхним - под горловиной. Дно и нижняя часть стенки закопчены. Черепок оранжевого цвета.	130	21	141	48	91	43
13	13	Тулово грушевидное асимметричное с округлым основанием. Переход к высокой горловине плавный. Венчик слегка отогнут наружу. Цвет черепка кремоватый. Сосуд с шаровидным туловом. Переход к высокой цилиндрической горловине плавный без ребра. Венчик является продолжением стенки, слегка уплощен. Под горловиной по тулову орнаментирован поясом широких вертикальных насечек. Окрашен в красный цвет. Черепок в изломе оранжевого цвета. Обжиг равномерный. Толстостенная кружка с округло-уплощенным дном. Нижняя часть низкая. Верхняя - в виде усеченного конуса, сужающегося кверху, где плавно переходит в низкую горловину. Венчик - уплощенное продолжение стенок. Вертикальная петлеобразная ручка с глубоким желобком на внешней плоскости. Нижним концом прикреплена к	158	43	136	55	84	-
			141	38	129	54	87	-
16	16							
18	21							

средней части сосуда, верхним - у основания горловины. На дне и стенках - следы копоти. Черепок оранжевого цвета.

Сосуды из этих курганов близки по своим формам сосудам из кургана 15. Один из них украшен поясом вертикальных насечек под венчиком. Параметры их могут быть приведены после реставрации.

IV. Хронология могильника Джель-Арык

Предварительная датировка исследуемого могильника может быть определена лишь путем сопоставительного анализа погребального инвентаря. В нем в качестве определяющего материала представлены изделия из бронзы, которые известны по хорошо датированным комплексам в Киргизии и на смежных территориях. Погребальные сооружения и обряд, а также керамика не могут выступать в качестве дифинитивных хронологических признаков, так как на современном уровне развития кочевникового хозяйства их датировка растянута, по меньшей мере, в пределах тысячелетия. По этой причине при установлении времени сооружения могильника им отведена вспомогательная роль. Следует оговориться, что при датировке захоронений 1-го типа, в которых полностью отсутствовал инвентарь, определяющими стали погребальные сооружения. Хронология их, разумеется, весьма условна.

Наиболее ранними погребениями Джель-Арыка являются погребения в подквадратных в плане каменных ящиках кургана 22 и нижнего яруса кургана 23.

Подобные каменные цисты были исследованы Б. А. Литвинским на Памире в могильнике Кызыл-Рабат. Каменные сооружения этого могильника, обнаруженные в курганах 6, 7 и 10, сходны с подквадратными ящиками Джель-Арыка по конструкции и в известной степени по размерам и форме. Конструктивно их объединяет установка каменных плит не только на длинное ребро, но и на торец. Размеры цисты из кургана 7 могильника Кызыл-Рабат 0,95х0,55 по дну и 1,2х1,0 по устью при высоте 0,9 - 0,95 м близки размерам каменных ящиков исследуемого нами могильника¹. Ни в памирских цистах, ни в чуйских подквадратных ящиках нельзя совершить захоронения взрослого человека в вытянутом положении. Оно могло быть выполнено либо в сидячем, либо, что более вероятно, в скорченном положении. Последнее характерно для сакских погребений Памира, однако редко встречается в синхронных на погребениях Семиречья и Тянь-Шаня². Скорченное труположение известно в Чуйской долине и для эпохи бронзы³.

Таким образом, предполагаем скорченное положение погребенного тоже мало что дает для определения времени сооружения каменных ящиков. В настоящее время, видимо, следует согласиться с датировкой, предложенной Б. А. Латвийским для могильника Кызыл-Рабат X–VIII (VII?) вв. до н. э.⁴ и принять ее ориентировочно для подквадратных в плане каменных ящиков 22 и 23 могильника Джель-Арык.

¹ Литвинский Б.А. Древние кочевники «крыши мира». – М., 1972. – С. 134.

² Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки... – С. 30, рис. 11; Мокрынин В.П., Гаврюшенко П.П. Курганы сакского времени долины реки Тон. // Археологические памятники Прииссыккуля. – Фрунзе, 1975. – С. 58-60, рис. 16.

³ Кожемяко П.Н. Погребения эпохи бронзы в Киргизии. // Изв. АН Кирг. ССР, серия общественных наук, т. II, вып. 3. – Фрунзе, 1960. – С. 103-105, рис. 16.

⁴ Литвинский Б.А. Древние кочевники... – С. 29.

Время сооружения подпрямоугольного каменного ящика кургана 23 определить нет возможности. Ясно только, что хронологически подквадратные каменные ящики предшествовали подпрямоугольным.

Погребения 2-го типа представляются несколько моложе. Время сооружения вымостки 17 определяется находкой бронзового ножа с кольцевым навершием, принадлежащего к группе архаичных ножей, известных еще в эпоху бронзы и продолжавших бытовать в раннесакское время. Вымостка не могла быть сооружена в эпоху бронзы. Этому противоречит находка под слоем камней четко профилированного венчика гончарного сосуда желтого лощения. Гончарные сосуды появляются на Тянь-Шане и смежных территориях во время ранних кочевников¹.

Нож с кольцевым навершием был найден в кургане 44 могильника Аламышик. Курган датирован А. Н. Бернштамом VI–V вв. до н. э.² В погребении 21 могильника Уйгарак обнаружен бронзовый нож, который по своей форме идентичен джелъарыкскому. Курган отнесен к VII–VI вв. до н. э.³ Приведенные территориально ближайшие аналогии позволяют полагать, что вымостка 17 могла быть сооружена в VII–V вв. до н. э.

Время погребения в кургане 13 определяется находкой плоского бронзового зеркала с гладким диском и длинной боковой ручкой. При разработке классификации и хронологии среднеазиатских зеркал Б. А. Литвинский отнес их к типу 1-му и датирован VII–I вв. до н. э.⁴ Такое же зеркало известно и в могильнике Кара-Швак, где датируется V–III вв. до н. э.⁵ А. К. Кибиров опубликовал два зеркала рассматриваемого типа, найденные в курганах Кочкорской долины и отнес их к более позднему усуньскому времени⁶. Б. А. Литвинский полагает, что кочкорские зеркала не могут быть позже V–III вв. до н. э.⁷ У скифов и савроматов зеркала с плоским диском и боковой ручкой бытуют в V–III вв. до н. э.⁸

Таким образом, погребение 13 могло быть совершено в пределах VII–III вв. до н. э.

Некоторые наблюдения позволяют предполагать, что погребения II-го типа могильника Джель-Арык тяготеют к наиболее раннему времени из приведенных хронологических диапазонов. Мы имеем в виду то обстоятельство, что в исследуемом могильнике явно еще не сложилась устойчивая ориентация погребенных. Подобная картина наблюдается в раннесакском могильнике Уйгарак⁹ и не характерна в более поздних погребениях ранних кочевников, где устойчиво господствует западная ориентация¹⁰.

Из 10 круглодонных сосудов могильника Джель-Арык три орнаментированы рядом вертикальных штрихов, прочерченных под венчиком до обжига. Подобный тип орнаментации нам неизвестен на круглодонных сосудах. То очень небольшое количество керамики времени ранних кочевников, которые украшены прочерченным до обжига орнаментом, составляют ничтожный процент по отношению ко всему керамическому материалу могильников (в Джель-Арыке их насчитывается около трети) и на них обычно процарапаны треугольные фестоны. Орнаментация сосудов рядом вертикально прочерченных штрихов довольно обычна для эпохи поздней бронзы на обширных пространствах Южной Сибири и Казахстана, в том числе и в Киргизии¹¹. Возможно, что

¹ Вишневская О.А. Культура сакских племен... – С. 77-80; Кожомбердиев И. Саки Кетмень-Тюбе... – С. 169.

² Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки... – С. 27-31, рис. 12,1

³ Вишневская О.А. Культура сакских племен... – С. 120, табл. VI.5.

⁴ Литвинский Б.А. Хронология и классификация... – С. 38-41.

⁵ Заднепровский Ю.А. Археологические памятники... – С. 82-83.

⁶ Кибиров А.К. Археологические памятники в Центральном Тянь-Шане... – С. 76-77, рис. 3, 5-6.

⁷ Литвинский Б.А. Хронология и классификация... – С. 39. Здесь при ссылке неверно дано название статьи А.К. Кибирова.

⁸ Смирнов К.Ф. Савроматы... – С. 153.

⁹ Вишневская О.А. Культура сакских племен... – С. 64.

¹⁰ Акишев К.А., Кушаев Г.А. Культура саков и усуней... – С. 247.

¹¹ Чуйская долина, МИА-14, табл. XXIX, 1.

отмеченная нами орнаментация сосудов сакского времени генетически восходит к эпохе бронзы.

Таким образом, совокупность элементов весьма архаичного облика, а именно: бронзового ножа с кольцевым навершием, плоское бронзовое зеркало с гладким диском и длинной боковой ручкой, а также вышеотмеченной орнаментации сосудов, которые все без исключения имеют свои истоки в позднем этапе эпохи бронзы, позволяют нам предварительно отнести погребения могильника Джель-Арык к раннесакскому времени. Если учесть, что бронзовые ножи с кольцевым навершием не встречаются позже V в. до н.э., то изучаемый нами могильник можно датировать VI–V вв. до н.э. Этой датировке не противоречат погребальные сооружения II-го типа, так как могильные ямы, перекрытые каменными плитами, отмечены и для раннесакского времени Тянь-Шаня и Памиро-Алая¹.

Серьезным возражением против ранней датировки могильника Джель-Арык может быть лишь наличие среди его инвентаря сравнительно большого числа железных ножей, что противоречит мнению, высказанному А. Н. Бернштамом, что в усуньских погребениях больше изделий из железа, чем в сакских. Следует заметить, что в раннесакских и савроматских комплексах VII–V вв. до н. э. от Приуралья и до Тянь-Шаня изделия из железа не редкость, а в более позднее время составляют едва ли не самую многочисленную группу находок².

Некоторые выводы

Скромные материалы могильника Джель-Арык, благодаря тому, что они представлены сравнительно хорошо датируемым материалом, и с учетом того, что могильник был раскопан полностью, позволяют сделать некоторые выводы историко-социологического порядка.

К. А. Акишев выдвинул положение, что на пустующие, по его мнению» земли Северной Киргизии и Южного Казахстана в VII–V вв. до н. э. переместились потомки андроновцев из Центрального Казахстана и принесли с собой почти сформировавшуюся культуру сакского типа, в том числе такие типы погребальных сооружений, как каменные ящики и устойчивую западную ориентировку погребенных³. Различного рода связи этих регионов, в том числе культурные и этнические, не вызывают сомнения. Однако каменные ящики подквадратной в плане формы существовали в Чуйской долине еще до предполагаемого переселения. К тому же устойчивая западная ориентировка в VII–V вв. до н. э., как уже было отмечено выше, складывалась уже на территории Северной Киргизии.

В науке утвердилось мнение, что топография могильников, вытянутых в цепочку С–Ю, являются погребениями общины, в которой еще господствуют родовые и патриархально-семейные отношения. Различия в размерах надгробных памятников и в ценности инвентаря справедливо считаются показателями имущественной дифференциации⁴. Если это так, то внутри небольшой общины времени саков, оставившей могильник Джель-Арык, резкой имущественной дифференциации, судя по размерам насыпей, довольно бедному и однообразному инвентарю, еще не произошло.

Мнение М. В. Воеводского и М. П. Грязнова, полагавших, что расположение могильников в цепочку, вытянутую по линии С–Ю, является показателем знатности погребенных и их этнической принадлежности к усуням⁵, не подтверждается. Вслед за Г.

¹ Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки... – С. 12.

² Смирнов К.Ф. Савроматы... – С. 297-306, рис. 5-13 и др.; Вишневская О.А. Культура сакских племен... – табл. 6,8,9,11,15,20,21; Мокрынин В.П., Гаврюшенко П.П. Курганы сакского времени... – С. 80-81, рис. 30; Мелюкова А.И. Находки из скифского могильника IV–III вв. до н. э. на левобережье Днестровского лимана. // Новое в археологии. Изд. МГУ, 1972. – С. 61.

³ Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней... – С. 13.

⁴ Воеводский М.В., Грязнов М.П. Усуньские могильники... – С. 178.

⁵ Там же. – С. 177-178.

А. Кушаевым¹, указанную ориентировку могильников мы не считаем ни социальным, ни этническим признаком.

В систему хозяйственных занятия населения, осваивавшего могильник Джель-Арык, входило разведение овец. Среди домашних производств можно выделить керамическое. Насельники восточной части Чуйской долины имели культурно-экономические связи с какими-то металлургическими центрами, где получали бронзу или изделия из нее, а также с оседлоземледельческими культурами, откуда могли поступать высококачественные для того времени сосуды, изготовленные на гончарном круге.

¹ Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней... – С. 234-235.

СОДЕРЖАНИЕ

Реконструктор древней истории Кыргызстана. Проф. В. Воропаева

Монографии

По следам прошлого

Предисловие

Гл. I. У истоков кочевничества

Гл. II. Сакские цепочки курганов

Гл. III. Памятники эпохи "великого переселения"

Гл. IV. Пираты древних погребений

Гл. V. Следы сыновей волчицы

Иссык-Куль: затонувшие города

Предисловие

1. Чигу

Истоки

Городище Сарыбулун

Хронология

История с географией

Кочевники и земледельцы

Сарыбулун – Чигу?

2. Верхний Барсхан

На Великом Шелковом пути

Города Прииссыккуля глазами средневековых авторов

Затонувшие города

Культура средневековых поселений

Реквием былой культуре

Приложение

На берегах Иссык-Куля

Предисловие

Открытие Великого Шелкового пути

Гипотеза 1985

Чжан Цянь в Чигу

Чигу – "Мекка" исследователей Прииссыккуля

Городище на дне залива

Невеста кунбага

Поиски на дне залива продолжаются

Когда жизнь была ключом?

История с географией

Волки и овцы? Отнюдь

Сарыбулун – Чигу

Торговая война

Как строили дворец в Чигу

Дикий обычай

Шестнадцать веков (Гимн Великому Шелковому пути)

Заключение

Клады Кыргызстана: мифы и реальность

Люди и клады (вместо введения)

I. *Сокровища минувших поколений*

Знаменитые клады Средней Азии

Древнейшие клады Кыргызстана

Только в Семиречье

Золото на городской свалке

Сокровища "чуйской царицы"

Реликвии Великого Шелкового пути

Дирхемы, дирхемы, дирхемы...

Загадка Усто Ахмада

Клад Жалаулы и грабители "могильного золота"

II. *Клады кыргызов*

Сокровище Енисея

Сокровище мудрости

Последний дар Джами

Клады алфавитов и писем

Одиссея Курментинского клада

Каменные изваяния – памятники древних тюрков

Письмо в археологическую комиссию

Каменные изваяния

Погребальный обряд и поминальные сооружения тюрков

Балбалы и теория "врагов"

Типы каменных изваяний

Дева-прародительница

Древнетюркская Умай?

Отголоски культа предков в киргизских верованиях прошлого

Литература (надо усилить: ВП!)

Научные статьи

Трофеи курганов древних кочевников

- Курганы сакского времени долины реки Тон
- Раннекочевнические курганы в урочище Теке-Таш
- Древние всадники
- Подводные памятники Иссык-Куля
- Итоги и перспективы изучения археологических памятников древних кочевников Прииссыккуля

Листая страницы старинных книг и раскапывая поселения

- Сирийские и армянские источники (по истории Кыргызстана)
- Византийский историк о согдийцах в Семиречье
- Сведения о тюркских народах в минералогическом трактате Ал-Бируни
- Беловодский некрополь

Барс-бег и кыргызское великодержавие

- Каган Барс-бег и государственность енисейских кыргызов в VI–XIII вв.
 - Утопия
 - Государство Кыргыз
 - Эпоха Барс-бега
 - Трагедия Барс-бега
 - Подчинение уйгурам
 - Война за независимость
 - Великодержавие
 - Борьба за свободу
 - Гибель государства
 - Урок истории
 - Эпос кыргызов на Енисее (к вопросу о начале формирования эпоса «Манас»)
 - Барс-бег и Манас
 - Древнетюркская государственность Ала-Тоо – историческое наследие кыргызского народа
- Древнетюркские памятники долины реки Тон
- Памятники тюркского времени
- О женских каменных изваяниях Тянь-Шаня и их этнической принадлежности
- Дипломатическая практика в Западно-Тюркском каганате
- К вопросу о тюрко-согдийской интеграции в VI – VIII вв.
- Из истории торговых отношений Кыргызстана и сопредельных регионов в VII – XII вв. (к вопросу о ценах)
- О торгово-ремесленных связях средневекового Шельджи
- Технические приемы орнаментирования средневековой керамики (К культурным связям Киргизии в VI – X вв.)
- Раннее христианство и Тюркский мир Центральной Азии

К вопросу об этногенезе кыргызского народа

- Основные этапы этногенеза кыргызского народа
- Происхождение кыргызского народа

Под псевдонимом Аман Газиев

Посольство Земарха

(Исторические картинки из жизни Западнотюркского каганата (568 год н. э.)

- Шпион императора
- «... Не может стать женой тата!»
- Долгий путь к Алтын-Тагу
- Как заключаются союзы...
- ... И завершаются миссии
- Научное послесловие

Во времена Караханидов

- В горах Баласагуна
- Караван-сарай

- Первая встреча с «Кутадгу билиг»
- Баласагун
- Шахристан
- В бане
- Свидание с «Кутадгу билиг»
- Сон
- Во времена Баласагуна
- Купец Бадан
- Тайна колодца

Барс-бег – каган кыргызов. Новелла.

- В ставке Барс-бега
- Принц неистовый и нетерпеливый
- Что могут бакши
- Владыка степи
- Страшная ночь
- Последний бой в Черни Сунга
- Эпилог

Таласская битва. Историческая повесть.

- Тюргеши
- Вестник
- В согдийском селении
- Брачный договор
- В арабском лагере
- Видения Гао Сяньчжи
- Праздник «Звезды дождя»
- Нападение
- Возвращение купцов
- Навстречу друг другу
- Битва
- Битва (продолжение)
- После битвы (продолжение)
- Эпилог

Приложения:

- Раскопки могильника сакского времени Джель-Арык (Отчет о полевых исследованиях в 1974 г.)

Научное послесловие

- Экспедиции продолжаются... *В. Плоских*

Примечания

По следам прошлого (научно-популярный очерк). – Рецензент М.Н. Федоров, кандидат исторических наук. Изд-во «Кыргызстан», 1986 г. – 126 с., илл.

Иссык-Куль: затонувшие города. В соавторстве с В. Плоских. Отв. ред. чл.-корр. АН Туркм. ССР, д-р историч. наук В.М. Масон. АН Кирг. ССР, Ин-т истории. – Ф. «Илим», 1989. – 192 с.: илл.

Рецензенты: д-р историч. наук К.А. Акишев, канд. историч. наук Е.Е. Кузьмина.

На берегах Иссык-Куля: Бишкек, МП «Табылга», 1992. – 112 с.: илл. В соавторстве с В. Плоских с использованием материалов Амана Газиева. Выполнена в рамках темы «Катастрофы Иссык-Куля и их влияние на социально-экономические процессы региона» по академической программе «Комплексные исследования природных, природно-техногенных катастроф и современных экологических процессов в горных районах» (руков. акад. И.Т. Айтматов).

Клады в Кыргызстане: мифы и реальность. В соавторстве с В. Плоских. Отв. Ред. докт. ист. наук К.А. Акишев. Изд. АН РК «Илим». – Бишкек, 1992 – 176 с.: илл.
Дано в извлечениях.

Каменные изваяния – памятники древних тюрков. – Киргизское республиканское общество охраны памятников истории и культуры. – Изд. «Кыргызстан». – Ф., 1979. – 17 с.

Научные статьи

Трофеи курганов древних кочевников

Курганы сакского времени долины реки Тон // В соавторстве с П.П. Гаврюшенко. Археологические памятники Прииссыккуля. Под ред. П.Н. Кожемяко и Д.Ф. Винника. Рец.: канд. ист. наук К.А. Акишев, И. Кожомбердиев. – Фрунзе: «Илим», 1975.

Раннекочевнические курганы в урочище Теке-Таш // Кетмень-Тюбе. Археология и история // Под ред. В.М. Плоских, Д.Ф. Винника). – Фрунзе: «Илим», 1977.

Древние всадники // По следам памятников истории и культуры Киргизстана. Под ред. докт. историч. наук, проф. В.М. Масона, докт. историч. наук В.М. Плоских). – Фрунзе: «Илим», 1982.

Подводные памятники Иссык-Куля // В соавторстве с В.М. Плоских. Памятники Киргизстана. Научно-популярный сборник. Киргизское республиканское общество охраны памятников истории и культуры. – №9. – Фрунзе, «Кыргызстан», 1987.

Итоги и перспективы изучения археологических памятников древних кочевников Прииссыккуля // В соавторстве с В.М. Плоских. Известия Академии наук Киргизской ССР. – №3. – Фрунзе: «Илим», 1986.

Листая страницы старинных книг и раскапывая поселения

Сирийские и армянские источники (по истории Кыргызстана) // Источниковедение Кыргызстана (с древности до конца XIX в.). Отв. ред. акад. В.М. Плоских. – Бишкек: «Илим», 2004.

Византийский историк о согдийцах в Семиречье // Из истории дореволюционного Кыргызстана. – Фрунзе: «Илим», 1965.

Сведения о тюркских народах в минералогическом трактате Ал-Бируни // В кн.: Киргизия при Караханидах. Под ред. докт. ист. наук *Е.А. Давидович*. Изд-во «Илим», Фрунзе, 1983.

«Беловодский некрополь» // Памятники Киргизстана. Научно-популярный сборник. Киргизское республиканское общество охраны памятников истории и культуры. – Вып. 6. – Фрунзе: «Кыргызстан», 1982.

Барс-бег и кыргызское великодержавие

Каган Барс-бег и государственность енисейских кыргызов в VI – XIII вв. // В соавторстве с *В.М. Плоских*. Ред. *Т.К. Койчуев, В.М. Плоских, Т.У. Усубалиев*. У истоков кыргызской национальной государственности. – Бишкек, «Илим», 1996.

Древнетюркские памятники долины реки Тон // В соавторстве с *П.П. Гаврюшенко*. Археологические памятники Прииссыккуля. Под ред. *П.Н. Кожемяко и Д.Ф. Винника*. Рец.: канд. ист. наук *К.А. Акишев, И. Кожомбердиев*. – Фрунзе: «Илим», 1975.

Памятники тюркского времени // В соавторстве с *А.К. Абетековым, И. Кожомбердиевым*. Кетмень-Тюбе. Археология и история. Под ред. *В.М. Плоских, Д.Ф. Винника*). – Фрунзе: «Илим», 1977.

О женских каменных изваяниях Тянь-Шаня и их этнической принадлежности // Археологические памятники Прииссыккуля. Под ред. *П.Н. Кожемяко и Д.Ф. Винника*. Рец.: канд. ист. наук *К.А. Акишев, И. Кожомбердиев*. – Фрунзе: «Илим», 1975.

Дипломатическая практика в Западно-Тюркском каганате // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана (досоветский период). Редкол. *Б.Д. Джамгерчинов и др.* Рец.: проф. *Б.М. Зима*, д-р ист. наук *М. Сушанло*. – Фрунзе: «Илим», 1975.

К вопросу о тюрко-согдийской интеграции в VI – VIII вв. // Из истории дореволюционного Киргизстана. – Фрунзе: «Илим», 1965.

Из истории торговых отношений Кыргызстана и сопредельных регионов в VII – XII вв. (к вопросу о ценах) // В соавторстве с *М.Ф. Федоровым*. Археологические памятники Прииссыккуля. Под ред. *П.Н. Кожемяко и Д.Ф. Винника*. Рец. канд. ист. наук *К.А. Акишев, И. Кожомбердиев*. – Фрунзе: «Илим», 1975.

О торгово-ремесленных связях средневекового Шельджи // Средневековые города Средней Азии и Казахстана. Тезисы к совещанию в г. Фрунзе 24–29 ноября 1970 г. – Л., 1970.

Технические приемы орнаментирования средневековой керамики (К культурным связям Киргизии в VI – X вв.) // Вопросы истории естествознания и техники в Киргизии. Материалы докладов, представленных на II Среднеазиатскую научную конференцию историков естествознания и техники. – Фрунзе: «Илим», 1969.

Раннее христианство и Тюркский мир Центральной Азии // В соавторстве с *С.Г. Кляшторным, В.М. Плоских*. Актуальные проблемы образования и духовной культуры Кыргызстана в евразийском пространстве. Труды Института мировой культуры. – Вып. II. – Бишкек-Лейпциг: «Илим», 2000.

К вопросу об этногенезе кыргызского народа

Основные этапы этногенеза кыргызского народа // В соавторстве с *С.Г. Кляшторным, А.М. Мокеевым*. Тюркология – 88. Тезисы докладов и сообщений V Всесоюзной Тюркологической конференции (7–8 декабря, 1988). – Фрунзе, 1988.

Происхождение кыргызского народа // В соавторстве с *В.М. Плоских*. Кыргызы и Кыргызстан: опыт нового исторического осмысления. Предс. редколл. *Т. Койчуев*. – Бишкек: «Илим», 1994.

Под псевдонимом Аман Газиев

Посольство Земарха. Исторические картинки из жизни Западнотюркского каганата (568 год н. э.) // В кн.: *Аман Газиев.* На берегах Яксарта. Историческая повесть, рассказы (Страницы исторической литературы). – Фрунзе, «Кыргызстан», 1990.

Во времена Караханидов // Альманах «Чабыт». – «Порыв». – Отв. ред. чл.-корр. АН Респ. Кырг. *А.А. Брудный.* – Изд-во «Илим», Бишкек, 1992.

Барс-бег, каган кыргызов. Новелла. // В кн. Барс-бег, каган кыргызов. Отв. ред. акад. *А.Ч. Какеев.* Бишкек, «Илим», 2003.

Таласская битва (Историческая повесть) // В кн.: *М. Хасан, О. Шаршеналиев, А. Газиев.* Таласская битва. Отв. ред. акад. В. Плоских. Рец. проф. *Д. Джунушалиев.* – Б., «Шам», 2005.

Приложения:

Раскопки могильника сакского времени Джель-Арык (Отчет о полевых исследованиях в 1974 г.). – Архив Института истории НАН Киргизской Республики.

Научное послесловие

Экспедиции продолжаются... *В. Плоских*
